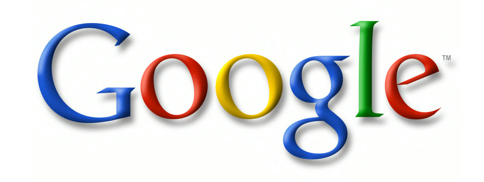

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XL

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XL

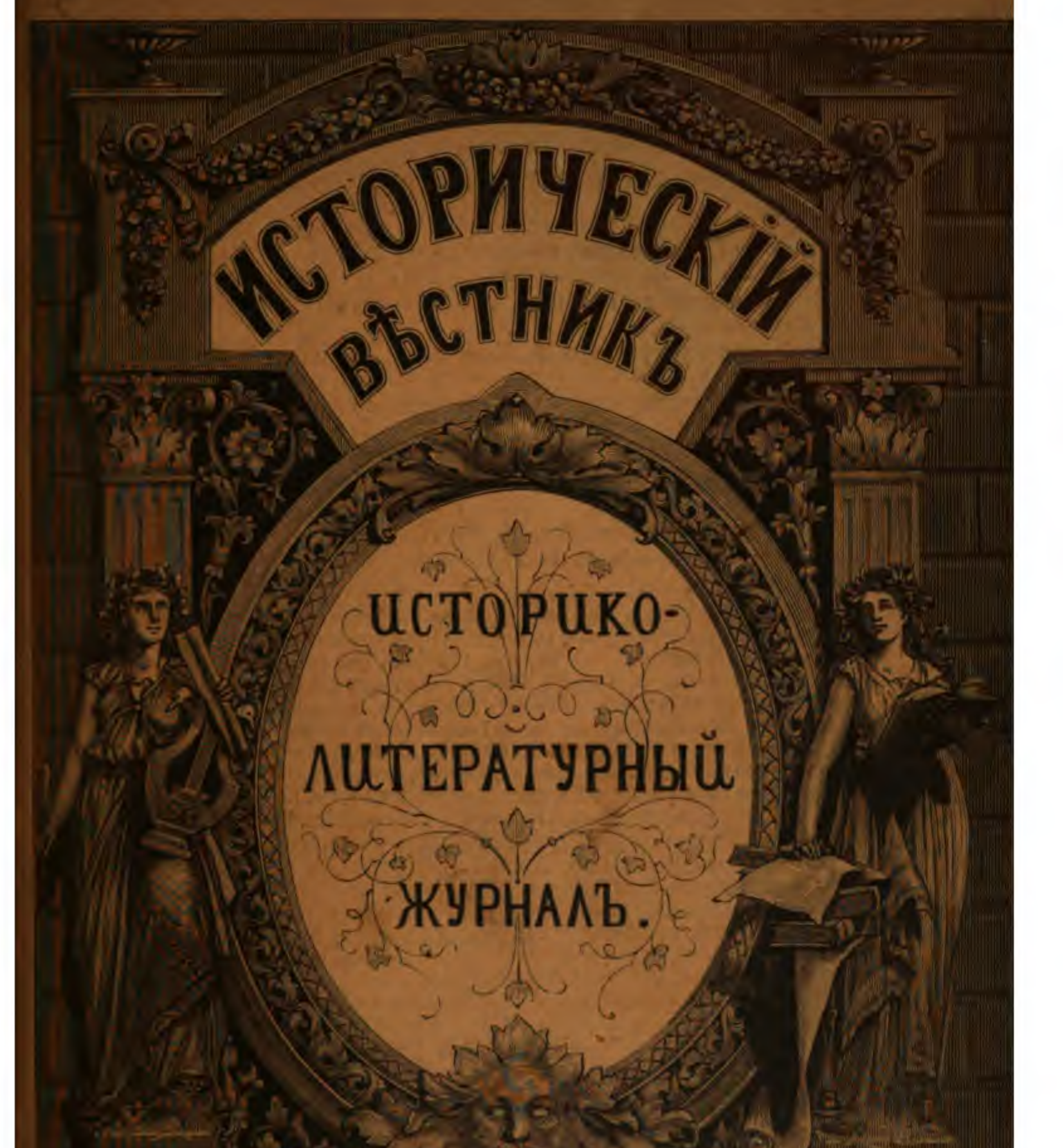
1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1890

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XL

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XL

1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1890

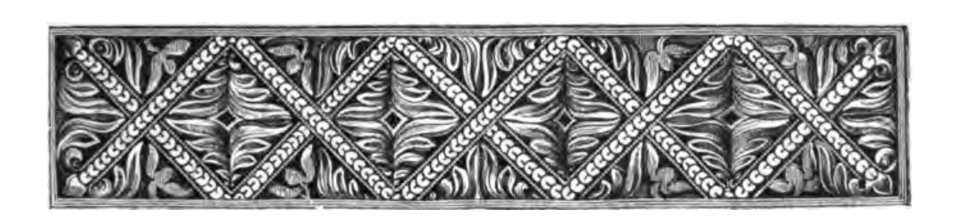
СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1890 г.

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ДАНИЛЕВСКІЙ.

Дозв. ценз. Спб., 21 марта 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ? [1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XII.

Слѣпцы вожатые.

Во ВСЕ время, пока продолжались переговоры русскихъ или вѣрнѣе—московскихъ пословъ съ польскими коммисарами о мирѣ, военныя дѣйствія не прекращались ни съ той, ни съ другой стороны; но только, если можно такъ выразиться, боевая линія, съ весны 1665 года, передвинулась гораздо южнѣе. Война шла почти исключительно, можно сказать, въ предѣлахъ правобережной Украины, къ западу и югу отъ Кіева.

Въ то время правобережная Украина совершенно отпала отъ Малороссіи и имѣла своихъ гетмановъ, польскихъ или турецкихъ ставленниковъ, какъ Юрій Хмельницкій, Тетеря, и другіе. Вся же лѣвобережная Украина и Запорожье находились подъ главенствомъ гетмана Брюховецкаго, посланцевъ котораго мы уже видѣли въ Москвѣ, весною 1664 года, на аудіенціи у Алексѣя Михайловича въ столовой избѣ, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли и Воина Ордина-Нащокина.

Весною 1665 года, Брюховецкій съ нѣсколькими украинскими полками и великорусскими ратными людьми перешелъ на правую сторону Днѣпра. Съ польской же стороны противъ него шелъ зна-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 497.

менитый польскій полководецъ Чарнецкій съ неменѣе знаменитымъ короннымъ хорунжимъ Яномъ Собѣскимъ, впослѣдствіи королемъ Рѣчи Посполитой, съ Махновскимъ, съ гетманомъ Тетерею и другими.

Чарнецкій двигался по направленію къ Суботову, нѣкогда бывшему владѣнію Богдана Хмельницкаго, гдѣ когда-то этотъ послѣдній держалъ у себя въ плѣну этого самаго Чарнецкаго, посла поляковъ при Желтыхъ-Водахъ.

Брюховецкій же въ это время стоялъ ниже Чигирина, у Бужина, гдѣ тогда находился и запорожскій кошевой Сѣрко съ своими казаками.

Весенній день близился къ вечеру, когда одинъ изъ передовыхъ отрядовъ польскаго войска, среди пересѣкающихся лѣсныхъ дорожекъ, тропъ и болотъ, какъ казалось его предводителю, сбился съ пути. Въ это время на одной изъ боковыхъ тропъ, изъ-за болота, показалось трое путниковъ. Это были бродячіе нищіе, слѣпцы, которыхъ тамъ называютъ «старцями» и которые, какъ великорусскіе «кàлики перехожіе», бродятъ по ярмаркамъ и распѣваютъ духовные стихи, думы, а иногда и сатирическія пѣсни, по желанію слушателей. Иногда они поютъ и подъ звуки лиры, кобзы или бандуры, почему и называются то лирниками, то кобзарями, то бандуристами.

Завидѣвъ слѣпцовъ, польскіе жолнѣры остановили ихъ. Двое изъ нихъ были слѣпые—одинъ старикъ, другой помоложе, а третій—мальчикъ, ихъ «поводатырь» или «мѣхоноша». У всѣхъ у нихъ было въ рукахъ по длинному посоху, а за плечами крестъ-на-крестъ висѣли сумы для подаяній.

— Вы здѣшніе, хлопы?—спросилъ ихъ усатый шляхтичъ со шрамомъ на щекѣ.

— Тотошни, панове,—отвѣчалъ старшій слѣпецъ.

— А дорогу до Суботова хорошо знаете?—спрашивалъ дальше шляхтичъ.

— Какъ же не знать, панове?—отвѣчалъ младшій:—вы сами, бувайте здорови, вѣдаете, что жебрака, какъ и волка, ноги кормятъ: какъ волкъ знаетъ въ лѣсу всѣ дорожки, такъ и слѣпцы-жебраки.

Нѣкоторые жолнѣры разсмѣялись.

— И точно волки,—а малецъ совсѣмъ волчонкомъ смотритъ.—Ты чей?

— Ничей,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

— Какъ ничей?—удивился шляхтичъ.

— Ничей, пане: моего батька татары зарѣзали, а мать въ полонъ увели.

— А это за то, что вы противъ пановъ все бунтуете.

— Мы не бунтуемъ, пане.

— Ладно!—Такъ показывайте намъ дорогу до Суботова.—А сегодня мы туда дойдемъ?

— Не скажу,—отвѣчалъ старшій.

— Какъ не скажешь, пся крэвъ!—вспылилъ шляхтичъ.

— Не скажемъ,—повторили оба слѣпца.

Шляхтичъ замахнулся-было палашомъ, чтобъ ударить того или другого за дерзкій отвѣтъ, какъ его почтительно остановилъ одинъ изъ городовыхъ казаковъ, родомъ украинецъ.

— Они, вашмость, не не хотятъ сказать, а не знаютъ,—сказалъ онъ:—это такая хлопская рѣчь: когда они чего не знаютъ, то говорятъ—«не скажу».

— Такъ-такъ, паньство,—подтвердилъ старшій слѣпецъ:—ужъ такая у насъ, у хлоповъ, рѣчь поганая.—А сдается мнѣ, панове, что сегодня вы не дойдете до Суботова—далеконько еще.

— Такъ маршъ впередъ!—скомандовалъ шляхтичъ.

Скучившіеся-было около слѣпцовъ жолнѣры разступились, и отрядъ двинулся. Гдѣ-то позади, какой-то хриплый голосъ затянулъ:

Wyszła dziewczyna, wyszła iedyna,
Jak różowy kwiat,—

и тотчасъ же оборвался. Слышны были шутки, перебранки, смѣхъ.

— А пусть жебраки запоютъ какую-нибудь думу—все будетъ веселѣй идти,—предложилъ городовой казакъ съ огромной серьгой въ ухѣ.

— И то правда! пусть затянутъ свою хлопскую думу,—согласились другіе.—Эй, вы, слѣпаки! затяните-ка думу, да хорошую!

— Какую жъ вамъ, панове?—отвѣчалъ старшій слѣпецъ, не оглядываясь, но ощупывая посохомъ путь.

— Какую знаете,—былъ отвѣтъ.

Слѣпцы тихонько посовѣтывались между собою, и младшій изъ нихъ, вынувъ изъ-подъ полы своей ободранной «свитины» бандуру, сталъ ее налаживать и тихо перебирать пальцами струны. Скоро онъ затянулъ одну изъ любимѣйшихъ для каждаго украинца думу—«Невольницкій плачъ»,—думу, содержаніе и мелодія которой хватали за душу каждаго, потому что въ то время чуть ли не изъ каждой украинской семьи кто-либо томился въ крымской или въ турецкой неволѣ. Скоро и второй голосъ присоединился къ первому, и оба голоса, равно какъ и мелодія думы, буквально рыдали.

Дума говорила о томъ, что не ясный соколъ плачетъ-выкрикиваетъ, а то сынъ къ отцу-матери изъ тяжкой неволи въ города христіанскіе поклонъ посылаетъ, яснаго сокола роднымъ братомъ называетъ: «соколъ ясный братъ мой родненькій!—ты высоко летаешь, ты далеко видишь,—отчего ты у моего отца и матери никогда въ гостяхъ не побываешь?—Полети ты, соколъ ясный, братъ мой родненькій, въ города христіанскіе, сядь—упади у моего отца

и матери передъ воротами, жалобно прокричи, про мою казацкую участь припомяни. Пусть отецъ и матушка мою участь казацкую узнають, свое добро-имущество съ рукъ сбываютъ, богатую казну собираютъ, головоньку мою казацкую изъ тяжкой неволи вызволяютъ! Потому что какъ станетъ Чорное море выгравать, такъ не будутъ знать ни отецъ, ни матушка, въ которой каторгѣ меня искать—въ пристани ли Козловской, или въ Цареградѣ на базарѣ. А тутъ разбойники, турки-янычары, станутъ на насъ, невольниковъ, набѣгать, за Красное море въ Арабскую землю продавать, будутъ за насъ сребро-злато, несчитая, и сукна дорогія поставами, не мѣряя, безъ счету брать»...

Воодушевленіе пѣвцовъ росло все больше и больше. Слушателямъ, особливо же изъ городовыхъ казаковъ, которые всѣ были чистѣйшіе украинцы, казалось, что это поютъ и плачутъ сами невольники, измученные, ослѣпленные мучителями-янычарами; что дѣйствительно они обращаются къ соколу, къ ясному солнцу, къ небесному своду. Всѣ толпились поближе къ пѣвцамъ и слушали-слушали, затаивъ дыханіе или же украдкой смахивая со щеки предательскую слезу. А они, поднимая свои слѣпые глаза къ небу, пѣли все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ воодушевленіемъ. Самая бандура, совсѣмъ не хитрый инструментъ, и та, казалось, рыдала— и у нея духъ захватывало отъ рыданій.

Потомъ бандура и голоса пѣвцовъ какъ-то обрывались, и этотъ перерывъ еще больше томилъ душу слушателя: казалось, онъ ждалъ, что̀ же будетъ дальше въ этомъ безбрежномъ морѣ печали.

А бандура опять тренькала, сначала тихо-тихо, и къ ней присоединялся сначала одинъ голосъ, потомъ другой,—и снова раздавался невольничій плачъ и проклятіе:

«Будь ты проклята, земля турецкая, вѣра бусурманская!—ты наполнена сребромъ-златомъ и дорогими напитками,—только бѣдному невольнику на свѣтѣ невольно: ни Рождества Христова, ни Свѣтлаго Воскресенья бѣдные невольники не знаютъ, все въ проклятой неволѣ, на турецкой каторгѣ, на Чорномъ морѣ изнываютъ, землю турецкую, вѣру бусурманскую, проклинаютъ: ты, земля турецкая, ты, вѣра бусурманская, ты, разлука христіанская: не одного ты разлучила за семь лѣтъ войною—мужа съ женою, брата съ сестрою, дѣтей маленькихъ съ отцомъ и матерью! Высвободи, Боже, бѣднаго невольника на святорусскій берегъ, на край веселый, межъ народъ крещоный!»

— Поганая пѣсня! самая хлопская!—послышалось среди жолнѣровъ.

— Спойте другую, а то мы уснэмъ.—Пойте веселую!

— Вотъ что, люди божьи,—спойте имъ про козака, что̀ штаны латаетъ, либо про Пазину!—со смѣхомъ отозвался городовой казакъ съ огромной серьгой въ ухѣ.

И вдругъ неожиданно старый слѣпецъ, повернувшись лицомъ къ жолнѣрамъ и взявъ бандуру у товарища, быстро забренчалъ и, семеня ногами, запѣлъ:

Хто попа й попадю,
А я Пазину люблю,
Люблю у день и въ ночи,
Ясне свитло гасючи.
На Пазини корали—
Сто золотыхъ давали.
А ни батько купивъ,
А ни мати дала:
Сама добра булà—
Съ козаками добулà:
Здобулà, здобулà—
Во хорòша була!

— Ай да дѣдъ!—виватъ! виватъ!—кричали жолнѣры.

А слѣпецъ, серьезно отплясавъ, снова повернулся и зашагалъ, ощупывая посохомъ дорогу.

— Еще веселой! еще, старче божій!—не унимались жолнѣры.

Старикъ опять повернулся къ нимъ лицомъ, повелъ слѣпыми очами, въ которыхъ видны были только бѣлки, взялъ у товарища бандуру и, перебирая по струнамъ пальцами, залихватски затренькалъ и сталъ выдѣлывать ногами невообразимые выкрутасы, приговаривая:

Баба рака купила.
Три полушки дала,
Тричи юшку варила—
Добра юшка була!

Снова взрывъ хохота и одобрительные возгласы.

— Да эти хлопы хоть куда!—превеселый народъ!—А еще говорятъ, что подъ польскою властью имъ не хорошо живется: еслибъ въ самомъ дѣлѣ было не хорошо, то не выдумывали бы такихъ пѣсень.

Между тѣмъ начинало темнѣть. Пора было и привалъ дѣлать.

— Эй, слѣпаки!—крикнулъ шляхтичъ со шрамомъ на щекѣ:—далеко еще до Суботова.

— Далеконько, пане,—былъ отвѣтъ.

— За-свѣтло не дойдемъ?

— Гдѣ дойти, пане!—не дойдемъ.

— Такъ дѣлать привалъ!—скомандовалъ шляхтичъ.

Приказъ начальника облетѣлъ весь отрядъ. Задніе ряды также остановились. Надвигались задніе отряды и располагались станомъ у опушки густого лѣса.

Скоро по всей равнинѣ запылали костры. Слышался смѣшанный гулъ голосовъ, ржанье лошадей, хлопанье бичей. У одного изъ крайнихъ къ лѣсу костровъ расположились и слѣпцы, снявъ съ себя сумки, и слышно было, какъ тихо тренькала бандура и

такъ же тихо, монотонно, раздавался голосъ младшаго слѣпца, который пѣлъ:

Летить орелъ проти сонця,
Згòрда позирае:
Хто не знае коханнячка,
Той счастя не знае.
Плыве козакъ черезъ море,
Въ мори потопае:
Хто не знае коханнячка—
Той журбы не знае.

Скоро весь польскій станъ, утомленный продолжительнымъ переходомъ, спалъ крѣпкимъ сномъ. Скоро и костры потухли.

XIII.

Вмѣсто карася—щука.

Ночь была тихая, теплая, но темная. Въ такія ночи особенно ярко горятъ звѣзды.

Тихо было и въ станѣ. Слышно было, какъ иногда фыркали лошади, позвякивая путами, но и тѣ, кажется, поснули. Не спалъ только соловей, задорно щелкавшій въ сосѣдней чащѣ, да иногда изъ этой чащи доносился глухой стонъ «пугача»—филина.

Какъ ни была темна ночь, но при слабомъ мерцаніи звѣздъ хорошій глазъ могъ различить на бѣломъ фонѣ разбитой у опушки лѣса палатки человѣческую тѣнь, которая медленно шевелилась, то нагибаясь къ землѣ, то поднимаясь. Всматриваясь пристальнѣе, можно было замѣтить, что отъ одного изъ потухшихъ костровъ, именно отъ того, около котораго расположились на ночлегъ слѣпые нищіе, тихо отдѣлились двѣ человѣческія фигуры и такъ же тихо поползли по направленію къ той палаткѣ, на бѣломъ фонѣ которой шевелилась человѣческая тѣнь.

Когда тѣ двѣ тѣни, которыя отдѣлились отъ костра, неслышно подползли ближе къ палаткѣ, то по движеніямъ той одинокой тѣни они могли различить, что эта одинокая тѣнь молится.

Двѣ тѣни все ближе и ближе подползаютъ къ палаткѣ.

Вдругъ эти тѣни моментально накрываютъ собою молящуюся тѣнь, наклонившуюся къ землѣ. Произошло какое-то движеніе, борьба; но ни звука.

Такъ же безвучно эти тѣни понесли чтò-то въ кусты и исчезли въ чащѣ лѣса. Около палатки одинокой тѣни уже не было.

Въ станѣ опять тихо—ни звука, ни движенія. Въ чащѣ, между двумя трелями соловья, глухо простоналъ филинъ. Ему отвѣтилъ, ближе къ стану, такой же стонъ ночной птицы.

Но не ночная птица стонала это. Крикъ филина раздался изъ горла одной изъ человѣческихъ тѣней, пробиравшихся въ глубину

лѣсной чащи и тащившихъ ту одинокую тѣнь, которая молилась у палатки.

— Не крутись, ляше,—не выпустимъ,—шопотомъ сказала одна тѣнь, и въ этомъ шопотѣ можно было узнать голосъ того слѣпого нищаго, который недавно пѣлъ у костра:

Хто не знае коханнячка—
Той счастя не знае.

— Не бойся, ляше,—мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ, говорилъ шопотомъ другой голосъ—голосъ другого слѣпца: а пуще всего не вздумай кричать—такъ и всажу межъ реберъ вотъ этотъ ножъ по самый черенокъ.

Тотъ, къ кому относились эти слова, силился что̀-то сказать, но не могъ:—у него во рту былъ «кляпъ».

— Ну, теперь его можно и на ноги поставить,—сказалъ старшій нищій, мнимый слѣпецъ:—ну, ляше, иди съ нами, а то тебя важко нести.

— Ну-ну, ляшеньку, вставай—держись—мы люди добрые.

Они опустили ношу на землю. Тотъ всталъ и набожно перекрестился.

— А! да ляхъ, кажись, понашему крестится,—замѣтилъ одинъ нищій:—а ну, ляше, перекрестись.

Плѣнникъ перекрестился.

— Вотъ чудо!—А побожись, перекрестись—поклянись, что не будешь кричать, и мы у тебя «кляпъ» вынемъ изо рта.—Ну!

Плѣнникъ повиновался и перекрестился три раза.

Стонъ филина послышался ближе. Ему отвѣчалъ одинъ изъ нищихъ такимъ же стономъ.

— Ну, вотъ теперь ты и безъ «кляпа», ляше.

Плѣнному освободили ротъ отъ затычки.

— Нў, теперь здравствуй, ляше, вашмосць!—Мамъ гóноръ,—шутливо заговорилъ старшій нищій:—сказывай, панъ, кто ты?

— Я не полякъ, я—русскій изъ московскаго государства,—отвѣчалъ плѣнный чистою московскою рѣчью.

Тѣ были ошеломлены этой неожиданностью.

— Какъ!—ты не ляхъ?—Оттака̀ ловись!

— Вотъ поймали щуку замѣсь карася!—Какъ же ты попалъ къ ляхамъ?

— Меня польскіе жолнѣры взяли въ полонъ, когда я изъ Мультянской земли, отъ волохъ, пробирался въ Черкасскую землю, въ Кіевъ-градъ, къ святымъ угодникамъ печерскимъ,—отвѣчалъ плѣнникъ.

— Те-те-те!—вотъ подсидѣли райскую птицу!

— Какъ же ты, человѣче, попалъ къ волохамъ?—спросилъ старшій нищій.

— По грѣхамъ моимъ... Такъ Богу угодно было,—уклончиво отвѣчалъ плѣнникъ.

— Э! да ты, человѣче, я вижу—не разговорчивъ: думаю, что съ нашимъ «батькомъ» ты скорѣй разговоришься.

Они продолжали двигаться лѣсною тропой. Начинало свѣтать, когда передъ ними открылась небольшая полянка среди чащи лѣса.

— Пугу!—пугу!—раздался вдругъ крикъ филина; но это выкрикнулъ не филинъ, а старшій нищій.

— Пугу!—пугу!—послышался отвѣтъ съ полянки.

— Козаки съ лугу!—сказали оба нищіе.

На этотъ возгласъ послышалось тихое, радостное ржаніе коней.

— Здоровы бывали, хлопцы!—съ добычею!—А какую птицу поймали?

Это говорилъ показавшійся на полянкѣ запорожецъ въ высокой смушковой шапкѣ съ краснымъ верхомъ, въ широкихъ синихъ штанахъ и съ пистолетами и кинжалами за поясомъ. Съ боку у него болталась длинная кривая сабля. Тутъ же оказался и мальчикъ «поводатырь» съ бандурою въ рукахъ и съ мѣшкомъ за плечами.

— И ты ужъ тутъ, вражій сынъ?—замѣтилъ ему старшій нищій.

— Тутъ, дядьку,—улыбнулся мальчикъ.

Это уже были не слѣпцы, жалкіе и согбенные, а молодцы съ блестящими глазами, хотя и въ нищенскомъ одѣяніи, ободранные и перепачканные.

Тотъ, кого они привели съ собой, оказался богато одѣтымъ молодымъ человѣкомъ, но не въ польскомъ, а въ нѣмецкомъ платьѣ.

Запорожцы—это оказались они—съ удивленіемъ глядѣли на своего плѣнника. Они повидимому не того искали.

— Такъ ты не ляхъ?—снова спросили его.

— Я ужъ вамъ сказалъ, что я изъ московскаго государства,—былъ отвѣтъ.

— А въ польскомъ войскѣ давно?

— Недѣли три будетъ.

— А кто ведетъ войско—не Янъ Собѣскій?

— Нѣтъ, самъ Чарнецкій, а съ нимъ и Собѣскій, и Махновскій съ гетманомъ Тетерею и татарами.

— Тетеря! собачій сынъ!—совсѣмъ обляшился!—съ сердцемъ произнесъ старшій запорожецъ-нищій:—попадется онъ намъ въ руки, лядскій попыхачъ!—А теперь они идутъ къ Суботову?

— Къ Суботову, а послѣ—сказывали—Чигиринъ добывать будутъ, а добывши Чигирина, хотятъ перепуститься за Днѣпръ.

— За Днѣпръ! какъ бы не такъ!—Мы имъ зальемъ за шкуру сала.

— А сколько у нихъ войска и всякой потребы?—спросилъ другой запорожецъ, что былъ при лошадяхъ.

— Силы не маленьки,—отвѣчалъ плѣнникъ:—а сколько числомъ—тово не вѣдаю.

Запорожцы стали собираться въ путь. Мнимые нищіе сняли съ себя лохмотья и надѣли казацкое одѣяніе, которое вмѣстѣ съ оружіемъ и «ратищами»—длинныя пики—спрятано было въ кустахъ. Тотчасъ же были и кони осѣдланы.

— Такъ скажи же теперь намъ, человѣче, какъ тебя зовутъ?—спросилъ старшій запорожецъ.—Надожъ тебя по имени величать.

— Зовутъ меня Воиномъ,—отвѣчалъ плѣнникъ.

— Воинъ!—вотъ чудное имя!—удивились запорожцы.

— Вотъ имячко дали эти москали! — чудной народъ! — Мы знаемъ въ святцахъ только одного Ивана Воина.—А по батюшкѣ какъ тебя звать?

— Мой батюшка Аѳанасій.

— А прозвище?

— Ординъ-Нащокинъ.

— Не слыхали такого.—Ну, да все равно:—батько кошевой, можетъ, и знаетъ.—Ну, теперь на-конь, братцы. Да только вотъ что, Остапе,—обратился старшій запорожецъ къ тому, который оставался при лошадяхъ:—мы, братъ, этого воина несли на рукахъ, а ты его повези теперь на конѣ, потому—у насъ четвертаго коня не припасено для него.

— Добре!—отвѣчалъ тотъ:—пускай хлопцы подумаютъ, что я везу бранку—красавицу ляшку.—Ну, братъ Воинъ, взбирайся на моего коня, да садись позади сѣдла и держись руками за мой «чересъ».

Воинъ сдѣлалъ, что ему велѣли. Передъ нимъ на сѣдлѣ помѣстился Остапъ.

— Что, ловко сидѣть?—не упадешь?—спросилъ онъ плѣнника.

— Не упаду.

Мальчикъ «поводатырь» снялъ свой измятый «бриль» и сталъ прощаться съ запорожцами.

— А, вражій сынъ!—улыбнулся старшій запорожецъ:—на же тебѣ злотаго.

И онъ подалъ мальчику монету. Получивъ награду, мальчуганъ словно лѣсной мышенокъ юркнулъ въ чащу и исчезъ.

Запорожцы двинулись въ путь.

XIV.

«Опять соловьи!..»

Къ вечеру этого же дня наши запорожцы вмѣстѣ съ плѣнникомъ прибыли къ войску гетмана, которое расположилось станомъ у Бужина. Въ таборѣ уже пылали костры—то украинскіе казаки, запорожцы и московскіе ратные люди варили себѣ вечернюю кашу.

Завидѣвъ приближающихся всадниковъ, запорожцы узнали въ нихъ своихъ товарищей, и уже издали махали имъ шапками.

— Э! да они везутъ кого-то: вѣрно, языка захватили.

— Вотъ такъ молодцы!—у бабы пазуху скрадутъ, какъ пить дадутъ—и не услышитъ.

Тѣ подъѣхали ближе и стали здороваться.

— Что, паны-братцы,—языка везете?—спрашивали ихъ.

— Языка-то языка,—да только языкъ ужъ очень мудреный,—былъ отвѣтъ.

— А что̀—не говоритъ собачій сынъ?—перцу ждетъ?

— Нѣтъ,—языкъ-то у него московскій, а не лядскій.

— Такъ не тотъ черевикъ баба надѣла?

— Нѣтъ, тотъ, да ужъ очень дорогой, кажется.

Всѣ окружили пріѣхавшихъ и съ удивленіемъ разсматривали плѣнника въ нѣмецкомъ платьѣ.

Вдругъ раздались голоса:

— Старшина ѣдетъ, братцы!—старшина!—Вонъ и панъ гетманъ и батько кошевой—сюда ѣдутъ.

Дѣйствительно, вдоль табора ѣхала группа всадниковъ, наближаясь къ тому мѣсту, гдѣ остановились наши запорожцы съ плѣнникомъ. Послѣдніе сошли съ коней въ ожиданіи гетмана и кошевого. Тѣ подъѣхали и замѣтили новоприбывшихъ.

— Съ чѣмъ, братцы, прибыли?—спросилъ Брюховецкій, остановивъ коня.

— Языка, ясневельможный пане гетмане, у Чарнецкаго скрали,—отвѣчалъ старшій запорожецъ.

— Спасибо, молодцы!—улыбнулся гетманъ.

— Да только, ваша ясновельможность,—человѣкъ онъ сумнительный,—пояснилъ запорожецъ:—говоритъ, что онъ изъ московскаго государства, а черезъ волоховъ простовалъ до Кіева.

Брюховецкій пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка. Благородная наружность плѣнника, красивыя черты лица, нѣжныя, незагрубѣлыя руки, кроткій, задумчивый взглядъ, въ которомъ сквозила затаенная грусть,—все это разомъ бросилось въ глаза гетману и возбудило его любопытство.

— Ты кто будешь и откуда?—ласково спросилъ онъ молодого человѣка.

— Ясновельможный гетманъ!—съ дрожью въ голосѣ отвѣчалъ казацкій плѣнникъ.—Я сынъ думнаго дворянина московскаго, Аѳанасія Лаврентьевича Ординъ-Нащокина.

Гетманъ выразилъ на своемъ лицѣ глубочайшее удивленіе.

— Ты сынъ Ордина-Нащокина, любимца его царскаго пресвѣтлаго величества!—воскликнулъ онъ.

— Истину говорю, ясновельможный гетманъ,—я сынъ его, Воинъ.

— Но какъ же ты находился въ польскомъ станѣ?

— Я возвращался изъ Рима и Венецеи черезъ Мультянскую землю.—Я не хотѣлъ возвращаться чрезъ Варшаву, опасаючись того, что случилось: въ Волощинѣ я узналъ, что войска твоей ясновельможности и его царскаго пресвѣтлаго величества привернули въ покорность московскому государю всѣ городы сей половины Малыя Россіи, бывшіе подъ коруною польскою, и я Подольскою землею направился сюда,—намѣреніе мое было достигнуть Кіева; но къ моему несчастію, я попалъ въ руки польскихъ жолнѣровъ и сталъ плѣнникомъ Чарнецкаго. Невѣдаю, ясновельможный гетманъ, какъ сіе совершилось, но Богу угодно было, чтобы нынѣшнею ночью меня выкрали изъ польскаго стана,—и я благодарю моего Создателя, что онъ привелъ видѣть мнѣ особу твоей ясновельможности.

Гетманъ внимательно слушалъ его, и задумался.

— А какою видимостью ты подкрѣпишь показаніе свое, что ты несумнительно сынъ Ордина-Нащокина?—спросилъ онъ.—Есть у тебя наказъ, память изъ Приказа?

— Нѣтъ, ясновельможный гетманъ...

Молодой человѣкъ остановился и не зналъ, что̀ сказать далѣе.

— Какъ же намъ вѣрить твоимъ рѣчамъ?—продолжалъ гетманъ:—тебя здѣсь никто не знаетъ.

— Ясновельможный гетманъ!—быстро заговорилъ вдругъ плѣнникъ.—Есть ли здѣсь у тебя въ войскѣ твои посланцы, которыхъ въ прошломъ, во 143 году, я видѣлъ въ Москвѣ, въ столовой избѣ, на отпускѣ у великаго государя,—то я узнаю ихъ.

— А кто были имянно мои посланцы?—спросилъ гетманъ.

— Гарасимъ да Павелъ, ясновельможный гетманъ,—отвѣчалъ допрашиваемый.

Брюховецкій переглянулся съ кошевымъ Сѣркомъ.

— Развѣ и ты былъ тогда въ столовой избѣ?—спросилъ онъ снова своего плѣнника.

— Да, ясновельможный гетманъ,—былъ: меня великій государь тоже жаловалъ къ рукѣ.

— Жаловалъ къ рукѣ!—тебя!—удивился гетманъ.

— Меня, ясновельможный гетманъ,—точно жаловалъ: великій

государь посылалъ меня на рубежъ къ отцу, въ Андрусово, съ его государевымъ указомъ, въ гонцахъ.

— Но какъ же ты очутился въ Римѣ?—спросилъ Брюховецкій.

Вопрошаемый замялся. Гетманъ настойчиво повторилъ вопросъ.

— Прости, ясновельможный гетманъ,—сказалъ молодой человѣкъ:—на твои о семъ вопросныя слова я не смѣю отвѣчать: на оныя я отвѣчу токмо великому государю и моему родителю, когда буду на Москвѣ.

Гетманъ не настаивалъ. Онъ думалъ, что тутъ кроется государственная тайна—дѣло его царскаго пресвѣтлаго величества.

Во время этого допроса вся казацкая старшина полукругомъ обступила гетмана. Онъ оглянулся и окинулъ всѣхъ быстрымъ взоромъ. Среди войсковой старшины онъ замѣтилъ и своихъ бывшихъ посланцевъ къ царю Алексѣю Михайловичу—Гарасима Яковенка, онъ же и «Гараська-бугай», Павла̀ Абраменко и Михайлу Брейка.

Онъ опять обратился къ своему плѣннику.

— Посмотри,—сказалъ онъ,—не опознаешь ли ты среди казацкой старшины кого-либо изъ тѣхъ моихъ посланцевъ, что̀ ты видалъ въ прошломъ году на Москвѣ, въ столовой государевой избѣ?

Тотъ сталъ пристально всматриваться во всѣхъ. Взоръ его остановился на Брейкѣ.

— Вотъ его милость былъ тогда въ столовой избѣ и жалованъ къ рукѣ,—сказалъ онъ, указывая на Брейка.

— Правда,—подтвердилъ тотъ.—Якъ у око влипивъ!

— Еще тогда его милость упалъ и великаго государя насмѣшилъ,—пояснилъ плѣнникъ.

— Овва̀! про себѣ можно було й помовчать,—пробурчалъ великанъ, застыдившись,—кинь объ чотырехъ ногахъ, и то спотыкается.

Въ заднихъ рядахъ послышался смѣхъ. Улыбнулись и Брюховецкій, и Сѣрко.

Скоро опознанъ былъ и другой великанъ—«Гараська-буга̀й». Опознанъ былъ и Павло̀ Абраменко.

Убѣдившись въ правдивости рѣчей своего плѣнника и считая вполнѣ достовѣрнымъ, что молодой человѣкъ—дѣйствительно сынъ знаменитаго царскаго любимца и слѣдовательно сама по себѣ особа важная,—гетманъ приказалъ Гарасиму Яковенку провести его въ гетманскій шатеръ, а самъ отправился дальше вдоль казацкаго стана, чтобы сдѣлать на ночь необходимыя распоряженія.

Думалъ ли молодой Ординъ-Нащокинъ, что изъ Рима и Венеціи онъ попадетъ въ казацкій станъ и притомъ такимъ необычайнымъ способомъ?

Ему вдругъ почему-то припомнилась послѣдняя ночь, проведенная имъ въ Москвѣ, и тотъ вечеръ, когда, какъ и теперь, такъ

громко заливался соловей. Впрочемъ, всякій разъ теперь, когда онъ слышалъ пѣніе соловья, этотъ роковой вечеръ вставалъ передъ нимъ со всѣми его мучительными подробностями—и томительной болью ныло его сердце. Тогда ему казалось, что дѣвушка не достаточно любила его; но теперь?.. А если она нашла другого суженаго? Ужели напрасно онъ выносилъ въ теченіе года и болѣе въ душѣ своей тоску, какъ преступникъ цѣпи?

И вчера ночью, когда онъ, въ польскомъ станѣ, лежалъ въ палаткѣ Яна Собѣскаго и не могъ спать,—и вчера такъ же пѣлъ соловей, напоминая ему мучительный, послѣдній вечеръ пребыванія его въ Москвѣ. Душа его жаждала молитвы—и онъ молился, повременамъ обращая молитвенный взоръ къ далекимъ звѣздамъ, мерцавшимъ на темномъ небѣ,—и вдругъ его схватили...

Не божественный ли это промыселъ, ведущій его къ спасенію, къ счастью?

Онъ такъ былъ поглощенъ своими мыслями и такъ взволнованъ, что почти не слыхалъ, что̀ говорилъ ему его спутникъ, какъ онъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ въ качествѣ гетманскаго посланца, какъ на прощанье царь жаловалъ ихъ къ рукѣ и какъ упалъ Брейко.

— Толькожъ и ночи у васъ на Москвѣ!—удивлялся запорожецъ:—хоть иголки собирай... А всежъ-таки и у васъ соловьи поютъ, хоть имъ, должно быть, и холодненько въ вашей сторонѣ...

«Опять соловьи!..»

XV.

Поруганіе надъ прахомъ Хмельницкаго.

Когда утромъ въ этотъ день проснулись въ польскомъ лагерѣ, то всѣхъ поразило исчезновеніе слѣпыхъ нищихъ съ повадыремъ и—что̀ уже совсѣмъ неразгаданно—исчезновеніе вмѣстѣ съ ними молодого московскаго дворянина.

Тутъ только поляки догадались, что подъ личиною слѣпцовъ скрывались казацкіе лазутчики, а почему вмѣстѣ съ ними исчезъ и московскій дворянинъ—это для нихъ такъ и осталось тайной. Предполагали, что между лазутчиками и молодымъ москалемъ существовалъ таинственный сговоръ; но гдѣ и когда онъ состоялся?—почему москаль узналъ, что то были лазутчики? Значитъ, и то неправда, что̀ онъ говорилъ о себѣ, о возвращеніи будто бы изъ Рима, изъ Венеціи. Несомнѣнно, что и онъ былъ подосланъ или казаками или москалями.

Въ виду всего этого Чарнецкій строго-настрого приказалъ усилить въ войскѣ предосторожности и разсылать во всѣ стороны раз-

вѣдчиковъ—нѣтъ ли поблизости проклятыхъ запорожцевъ или даже самого гетмана съ войскомъ.

Какъ бы то ни было, но поляки въ этотъ день достигли Субботова.

Весь этотъ день, вслѣдствіе ли тревогъ, всегда неизбѣжныхъ въ военное время, вслѣдствіе ли просто физическихъ причинъ, но Чарнецкому весь этотъ день было не по себѣ. Онъ часто задумывался, машинально водя рукою по своимъ длиннымъ сѣдымъ усамъ, отдавалъ приказанія и снова ихъ отмѣнялъ, а когда показалось Суботово и онъ увидѣлъ суботовскую церковь, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ похороненъ Богданъ Хмельницкій, странная улыбка прозмѣилась подъ его сѣдыми усами, а изрѣзанное морщинами лицо мгновенно покрылось краскою. Это была краска стыда и негодованія. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то въ этомъ Суботовѣ онъ, гордая отрасль древняго рода, всегда претендовавшаго на корону польскую, онъ, Стефанъ Чарнецкій, былъ плѣнникомъ у хлопа, у Хмельницкаго! Лицо Чарнецкаго побагровѣло. Рана на щекѣ, которую когда-то пробила насквозь хлопская стрѣла, во время штурма Монастырища, теперь налилась кровью.

— Я отомщу тебѣ, быдло!—бормоталъ онъ:—отомщу, хотя тебя и похоронили съ царскими почестями. Всѐ это твое дѣло: ты посѣялъ эти драконовы зубы—они теперь выросли въ людей, въ разбойниковъ... Но я выбью эти проклятые зубы!

Суботово было занято безъ сопротивленія, такъ какъ въ немъ не оставалось ни одного казацкаго отряда.

Прежде чѣмъ двинуться къ Чигирину, Чарнецкій, довѣдавшись, въ какомъ направленіи удалились вчерашніе мнимые слѣпцы, отрядилъ по этому направленію часть своего войска подъ начальствомъ Нѐзабитовскаго и Тетери, и приказалъ имъ искать Сѣркà съ запорожцами, а если Сѣрко соединился съ Брюховецкимъ, то не допускать до Чигирина ни того, ни другого; самъ же остался ночевать въ Суботовѣ.

Чарнецкій приказалъ разбить свой шатеръ на холмѣ, откуда виденъ былъ весь его лагерь и откуда онъ могъ созерцать Суботово, съ которымъ у него соединялись такія обидныя воспоминанія. Теперь онъ смотрѣлъ на это мѣстечко, бывшее когда-то гнѣздомъ унизившаго его врага, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія: онъ могъ превратить его въ развалины, въ мусоръ, и разметать этотъ мусоръ по полю. При закатѣ солнца онъ долго сидѣлъ у своего шатра, и передъ нимъ проносились воспоминанія его бурной, полной тревогъ жизни. Вся жизнь—на конѣ, въ полѣ, подъ свистомъ пуль и татарскихъ стрѣлъ. Постоянно кругомъ смерть, похороны, стоны. Но онъ свыкся съ этимъ—въ этомъ вся его жизнь. Но гдѣ же его личное счастье—не счастье и гордость побѣдъ, не слава полководца, а счастье раздѣленнаго чувства? Кажется, его и не было.

Нѣтъ, было-было! но такъ кратковременно... Этотъ высокій зàмокъ во мракѣ ночи, темный паркъ, мерцающія и отражающіяся въ тихой, сонной рѣкѣ звѣзды... Тутъ было это счастье—и такое мимолетное...

И вдругъ налетаетъ съ войскомъ этотъ бѣшеный вепрь, чтò теперь лежитъ подъ могильной плитой вонъ въ той церкви! Зàмокъ въ огнѣ, зàмокъ разрушенъ, дорожки парка потоптаны конскими копытами. А та, чей шопотъ еще наканунѣ сулилъ счастье,—лежитъ мертвая, какъ скошенная бѣлая лилія...

Мракъ все болѣе и болѣе надвигается на Суботово и на лагерь. Въ воздухѣ душно—быть грозѣ. Оттого ему и дышется такъ тяжело,—и въ душу тѣснятся одни мрачныя воспоминанія...

Ночь. Чарнецкій одинъ въ своемъ роскошномъ шатрѣ. Тускло горятъ свѣчи въ высокомъ канделябрѣ. Сонъ не хочетъ или не смѣетъ войти въ этотъ шатеръ, точно онъ боится часовыхъ, стоящихъ у входа въ ставку стараго полководца.

Чарнецкій встаетъ и тушитъ свѣчи. Онъ ложится на походную кровать и прислушивается, какъ гдѣ-то вдали глухо раскатывается громъ.

И опять передъ нимъ развертывается панорама пережитой жизни... Да, пережитой... Только передъ смертью встаютъ въ душѣ подобныя панорамы. И не удивительно—ему уже 66 лѣтъ!

Гроза все ближе и ближе. Въ порывахъ вѣтра слышится не то стонъ, не то плачъ...

Это она плачетъ—это зàмокъ горитъ—вѣтеръ бушуетъ въ деревьяхъ парка. А онъ не можетъ ее спасти—не можетъ пробиться съ горстью жолнѣровъ сквозь густые ряды казацкаго войска.

«Сидите, ляхи! молчите, ляхи!—всѣхъ вашихъ дуковъ, всѣхъ князей вашихъ загоню за Вислу!—а будутъ кричать за Вислою, я ихъ и тамъ найду!—не оставлю ни одного князя, ни шляхтишка на Украинѣ!..»

Это онъ, разъяренный вепрь, кричитъ—это Хмельницкій... Онъ врывается въ палатку!..

Чарнецкій вскакиваетъ—его душилъ кошмаръ—онъ слышалъ голосъ Хмельницкаго... Нѣтъ, это ударъ грома разразился надъ самою его палаткою.

И мертвый—онъ не даетъ ему покоя...

Гроза бушуетъ уже дальше—раскаты грома несутся туда, на востокъ...

«На востокъ и Польша понесетъ свои громы... Я понесу эти громы»,—опять забываясь, грезитъ Чарнецкій:—«а тамъ и на сѣверъ, въ Московію полетятъ польскіе орлы... Сидите, москали! молчите, москали!..»

Утромъ, окруженный своимъ штабомъ, Чарнецкій торжественно въѣзжаетъ въ Суботово. Онъ направляется прямо къ церкви, гдѣ въ то время только-что кончилась обѣдня.

Народъ началъ было выходить изъ церкви, но, увидавъ приближеніе богато-одѣтыхъ всадниковъ, остановился. Чарнецкій, сойдя съ коня, направился прямо въ церковь, а за нимъ и вся его свита. Старенькій священникъ, служившій обѣдню, еще не успѣлъ разоблачиться, а потому, увидавъ входящихъ пановъ, вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ крестомъ.

— Прочь, попъ!—крикнулъ на него Чарнецкій:—мы не схизматики.—Показывай, гдѣ могила Хмельницкаго.

Перепуганный батюшка пошелъ къ правому придѣлу.

— Здѣсь покоится тѣло раба божія Зиновія-Богдана, при жизни божіею милостію гетмана Украины,—робко выговорилъ онъ.

— Божіею милостію,—злобно улыбнулся гордый ляхъ:—много чести.

Онъ подошелъ къ гранитной плитѣ и ткнулъ ее ногою.

— Поднять плиту!—громко сказалъ онъ.

Священникъ еще больше растерялся и испуганными глазами уставился на страшнаго гостя.

Чарнецкій обернулся къ стоявшему въ недоумѣніи народу.

— Сейчасъ же принести ломы!—скомандовалъ онъ.

Бывшіе въ церкви нѣкоторые изъ жолнѣровъ бросились исполнять приказаніе своего вождя.

Ломы и топоры были скоро принесены. Плита была поднята. Въ темномъ каменномъ склепѣ виднѣлся массивный дубовый гробъ. Свѣтъ, падавшій сверху, освѣщалъ нижнюю его половину.

— Вынимайте гробъ!—продолжалъ Чарнецкій.

— Ясновельможный, сіятельный князь!—это святотатство!—съ ужасомъ проговорилъ священникъ; крестъ дрожалъ у него въ рукахъ.—Пощади его кости, сіятельный...

— Молчать, попъ!—крикнулъ на него обѣзумѣвшій старикъ.

Жольѣры бросились въ склепъ, и гробъ былъ вынутъ.

— Поднимите крышку!

Топорами отбили крышку—и въ очи Чарнецкому глянуло истлѣвшее лицо мертваго врага. Чарнецкій долго глядѣлъ въ это лицо. Оно уже въ гробу обросло сѣдою бородой. Черныя брови, казалось, сердито насупились, но изъ-подъ нихъ уже не глядѣли глаза, передъ которыми трепетала когда-то Рѣчь Посполитая. Только широкій бѣлый лобъ оставался еще грознымъ...

Чарнецкій все глядѣлъ на него...

«А! помнишь тотъ зàмокъ надъ рѣкою!—помнишь ту ночь!—помнишь ту бѣлую лилію съ распущенною косою,—лилію, которую убилъ одинъ ужасъ твоего приближенія!»—бушевало у него въ душѣ.

«Сидите, ляхи! молчите, ляхи!—а—не крикнешь ужъ больше!»

Онъ все смотрѣлъ на него. Ему вспомнилась эта бурная ночь, ударъ грома...

Всѣ стояли въ оцѣпенѣніи. У стараго священника по лицу текли слезы. Онъ отпѣвалъ его, онъ хоронилъ этого богатыря Украины...

Чарнецкій, наконецъ, отвернулся отъ мертвеца. Лицо его было блѣдно, только шрамъ на щекѣ отъ раны, полученной при штурмѣ Монастырища, оставался багровымъ.

— Вынести гробъ изъ церкви и выбросить падаль собакамъ!— сказалъ онъ — и вышелъ изъ церкви.

За нимъ жолнѣры несли гробъ, окруженный свитою Чарнецкаго, точно почетнымъ карауломъ.

На лицѣ Яна Собѣскаго вспыхнуло негодованіе; но онъ смолчалъ...

Едва Чарнецкій вышелъ на крыльцо церкви, какъ къ нему почтительно приблизился дежурный ротмистръ его штаба съ двумя пакетами въ рукѣ.

— Что̀ такое?—спросилъ Чарнецкій.

— Гонецъ съ Москвы, ваша ясновельможность!—отвѣчалъ ротмистръ, подавая пакеты:—листы отъ царя московскаго и отъ думнаго дворянина Аѳанасія Ордина-Нащокина.

Чарнецкій взялъ пакеты и вскрылъ прежде письмо отъ царя Алексѣя Михайловича.

Странная улыбка скользнула по его лицу, когда онъ пробѣжалъ царское посланіе, и обернулся къ Собѣскому.

— Это все насчетъ того вайделоты, что вчерашнею ночью пропалъ у насъ безъ вѣсти,—сказалъ онъ съ видимою досадою.

— Молодого Ордина-Нащокина?—спросилъ Собѣскій.

— Да, пане.—Царь шлетъ ему милостивое прощеніе.

— Прощеніе?—удивился Собѣскій:—въ чемъ?

— Объ этомъ не говорится въ письмѣ: — панъ можетъ самъ прочесть его.

И Чарнецкій подалъ царское посланіе будущему спасителю Вѣны и дома Габсбурговъ, а самъ вскрылъ посланіе Ордина-Нащокина.

— Та же пѣсня,—съ досадой произнесъ онъ:—а гдѣ мы найдемъ этого вайделоту, чтобъ объявить ему царскую милость и отцовское прощеніе?

— Я думаю,—отвѣчалъ Собѣскій:—его надо искать въ станѣ Брюховецкаго или у этой собаки—у Сѣрка.

— Такъ пусть панъ ротмистръ скажетъ царскому гонцу, чтобъ онъ искалъ бѣглеца у Брюховецкаго или у Сѣрка,—сказалъ Чарнецкій дежурному: — а панъ ротмистръ прикажетъ списать копіи съ этихъ листовъ и вручитъ ихъ гонцу съ пропускомъ моимъ, — закончилъ онъ, передавая ротмистру оба письма.

Между тѣмъ за церковью, на площади, слышенъ былъ гулъ голосовъ, заглушаемый женскими воплями и причитаніями.

То выбрасывали изъ гроба останки Хмельницкаго—«псамъ на поруганіе»...

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ВѢНСКИХЪ КОНФЕРЕНЦІЯХЪ 1855 ГОДА[1].

I.

ДО СИХЪ поръ въ нашей исторической литературѣ не появлялся еще подробный отчетъ о дѣятельности русскихъ дипломатовъ на Вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года, относительно обсужденія четырьмя европейскими державами, такъ называемыхъ «четырехъ пунктовъ», принятіе которыхъ Россіей, должно было предшествовать дальнѣйшимъ переговорамъ о прекращеніи Восточной войны и окончательному заключенію мира съ Западными державами. Правда, протоколы засѣданій Вѣнскихъ конференцій напечатаны уже давно (еще въ 1857 г.) въ извѣстномъ сборникѣ Мартенса; но протоколы эти представляютъ лишь перечень принятыхъ на конференціяхъ постановленій, и слишкомъ мало указываютъ, а еще чаще совершенно умалчиваютъ о томъ, — чрезъ какія фазы проходилъ каждый разбираемый вопросъ, прежде чѣмъ получалъ свою опредѣленную форму, въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ протоколѣ. Словомъ, протоколы представляютъ собою лишь лицевую сторону дѣла; внутренняя же его сторона остается невыясненною и выяснить ее, по отношенію къ Россіи, возможно только благодаря подлиннымъ донесеніямъ нашихъ дипломатовъ, присутствовавшихъ на Вѣнскихъ конференціяхъ. Донесенія эти впервые приводятся

---

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ особый отдѣлъ готовящагося къ печати моего сочиненія о Восточной войнѣ 1853—1856 г., составляемаго по Высочайшему повелѣнію. А. Петровъ.

здѣсь и разносторонне указываютъ на тѣ принципы, которыми руководствовались—нашъ главный представитель въ Вѣнѣ, князь А. М. Горчаковъ и его сотоварищъ Титовъ.

Еще въ 1854 году Австрія приняла на себя роль посредницы между Россіей и Западными державами, по составленію программы условій, на которыхъ Россія могла бы приступить къ переговорамъ о заключеніи мира.

Условія эти, состоявшія изъ четырехъ пунктовъ, были, въ общихъ чертахъ, сообщены кн. Горчакову и доведены имъ до свѣдѣнія петербургскаго кабинета, который, искренно желая примиренія, не нашелъ въ этихъ условіяхъ такихъ постановленій, которыя не могли бы быть приняты, въ общемъ ихъ значеніи, хотя слѣдовало обсудить ихъ форму, и выяснить подробности.

Предложенныя Австріею и, предварительно соглашенныя съ видами Франціи и Англіи, условія эти состояли въ слѣдующемъ:

1) Опредѣлить положеніе Дунайскихъ княжествъ и независимость отношеній ихъ къ Россіи.

2) Опредѣлить условія судоходства по Дунаю, главное устье котораго омывало земли принадлежавшія Россіи.

3) Пересмотръ трактата 1841 г., постановившаго закрытіе для военныхъ флотовъ европейскихъ государствъ прохода чрезъ Босфоръ и Дарданеллы.

4) Опредѣленіе отношеній Россіи къ христіанскимъ подданымъ Порты на востокѣ.

Въ предѣлахъ этихъ четырехъ пунктовъ, заключалась большая растяжимость. Если мы не могли противиться тому, чтобы извѣстное постановленіе было опредѣлено, то могли сказать многое относительно того, какъ, въ какой формѣ и сущности, выразится это опредѣленіе. Будетъ ли оно посягательствомъ на наши территоріальныя и политическія права; будетъ ли оно предложено намъ въ видѣ совѣта или ультиматума и примемъ ли мы его добровольно?

Надлежало выяснить дѣйствительныя намѣренія нашихъ враговъ и стоявшей между ними и нами Австріи, на нравственную помощь которой мы разсчитывали, вѣря словамъ императора Франца-Іосифа. Надлежало выяснить, желаютъ ли враги наши мира, который Россія могла бы принять безъ ущерба своему достоинству и безъ новыхъ жертвъ; или же враги наши желаютъ руководствоваться однимъ стремленіемъ—ослабить Россію и подорвать ея престижъ какъ великой державы въ Европѣ и Азіи?

Отъ выясненія этихъ задачъ, естественно, зависѣлъ и самый успѣхъ переговоровъ, которые должны были начаться на Вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года, между представителями Австріи графомъ Буолемъ, Франціи—де-Буркенеемъ, Англіи—Вестмореле-

номъ, и Россіи—княземъ Горчаковымъ и тайнымъ совѣтникомъ Титовымъ.

Во избѣжаніе рѣзкихъ разногласій на самыхъ конференціяхъ, представители европейскихъ державъ, еще за-долго до открытія засѣданій конференцій, старались, въ частныхъ совѣщаніяхъ между собою, условиться относительно общаго ихъ взгляда на сущность предлагаемыхъ Россіи условій; причемъ, русскіе уполномоченные не получали приглашеній участвовать на этихъ частныхъ совѣщаніяхъ, и только 27-го декабря (8-го января) 1854—55 года, князь Горчаковъ получилъ это приглашеніе, какъ бы для того, чтобы выслушать результатъ, къ которому пришли уже представители другихъ державъ.

«На этомъ засѣданіи, — доносилъ князь Горчаковъ [1]), — графъ Буоль просилъ дозволить ему выразить свое мнѣніе послѣднимъ, какъ потому, что онъ избранъ предсѣдателемъ, такъ и потому, что онъ не воюющая сторона; вслѣдствіе этого онъ предоставилъ слово Вестморелену какъ старѣйшему. Послѣдній замѣтилъ, что трудно что̀-нибудь сказать положительное, въ виду многочисленности подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ».

— «Что касается меня, вскричалъ Буркеней, то это-то и возбуждаетъ во мнѣ опасенія въ безполезности нашего сегодняшняго собранія».

Тѣмъ не менѣе, началось разсматриваніе каждаго изъ четырехъ пунктвъ. По 1 пункту, Вестмореленъ ничего не нашелъ сказать.

Буркеней заговорилъ объ измѣненіи положеній касательно княжествъ, но князь Горчаковъ заявилъ, что онъ считаетъ даже безполезнымъ говорить объ этомъ, такъ какъ это положеніе опредѣлено трактатами, и объ измѣненіи ихъ не можетъ быть и вопроса.

По 2 пункту, о свободѣ плаванія по Дунаю, Буркеней заявилъ, что ничего не имѣетъ противъ него сказать, кромѣ того, что территоріальный вопросъ долженъ подлежать болѣе подробному разсмотрѣнію на конференціи.

— «Это безполезно замѣтилъ князь Горчаковъ. Этотъ вопросъ къ намъ не относится (n'est pas de notre convenance) и уже исчерпанъ. Если вопросъ будетъ заключаться въ углубленіи русла рѣки и облегченія по ней плаванія, то императоръ Николай готовъ обсудить его въ свое время и въ своемъ мѣстѣ; но не можетъ быть вопроса объ отчужденіи территоріальномъ».

Графъ Буоль поспѣшилъ прекратить объ этомъ разговоры и былъ, видимо, смущенъ.

---

[1]) 27-го декабря (8-го января) 1854—55 года № 289. Донесеніе князя Горчакова, архивъ М. И. Дѣлъ. Такъ какъ на эти донесенія намъ часто придется ссылаться, то для краткости будемъ обозначать только число и нумеръ донесеній князя Горчакова, находящихся въ М. И. Д.

Тѣмъ не менѣе, 1 и 2 пункты прошли. По 3-му пункту, касательно пересмотра трактата 1841 года, Буркеней сказалъ, что толкованія, какія мы придаемъ этому трактату, до того отличаются отъ толкованія его тремя союзными державами, что нѣтъ никакой возможности прійти по немъ къ соглашенію.

Князь Горчаковъ спокойно потребовалъ доказательствъ. Буркеней сказалъ, что, не посягая на верховныя права русскаго императора, тѣмъ не менѣе, нельзя возводить въ принципъ, что всякое ограниченіе есть уже посягательство на эти права, тогда какъ это не болѣе какъ соглашеніе воюющихъ сторонъ, къ которому онѣ приходятъ въ интересахъ мира. По этому союзники рѣшились избѣгать всякихъ выраженій, которыя могли бы имѣть значеніе ненарушимости политическихъ принциповъ вообще и тѣмъ стѣснять свободу объясненій на конференіяхъ. Князь Горчаковъ, въ разсчетѣ на поддержку графа Буоля, замѣтилъ на это, что— можетъ быть, державы, не состоящія съ нами въ войнѣ, и иначе отнесутся къ этому предмету? Но графъ Буоль молчалъ, видимо находясь въ затудненіи высказаться съ одной стороны за союзниковъ, а съ другой противъ инструкцій своего императора. Онъ сказалъ по этому,—«что не видитъ ни какого посягательста на державныя права императора Николая, и что теперь идетъ только простой обмѣнъ мыслей; Россія же всегда будетъ имѣть случай отвергнуть на конференціяхъ то, что признаетъ для себя неудобнымъ».

4-й пунктъ не возбудилъ сперва никакихъ замѣчаній. Но Буркеней замѣтилъ потомъ, что султану не предоставляется иниціатива въ вопросѣ—въ какомъ видѣ онъ даруетъ христіанамъ извѣстныя права—въ видѣ ли трактата или сенеда? Князь Горчаковъ сказалъ что:—«дѣло не въ формѣ, а въ совѣсти. Что намѣренія императора Николая выражены ясно: обезпечить за христіанами, подданными Порты, извѣстныя права, и что для этого, онъ готовъ допустить коллективное ручательство и покровительства христіанскихъ державъ, надъ этими подданными Порты».

Вестмореленъ и графъ Буоль одобрили этотъ взглядъ. Но Буркеней старался ослабить значеніе нашихъ трактатовъ, вообще, и въ особенности, Кучукъ-Кайнарджисскаго трактата.

— «Не касайтесь,—сказалъ кн. Горчаковъ,—Кайнарджисскаго трактата: это лучшій плодъ нашей дипломатіи, это знаменіе (le titre) славы великой императрицы. Прикосновеніе къ нему, я повторяю, безполезно въ самомъ основаніи, такъ какъ постановленія его, во всемъ что касается Восточной церкви, будутъ обезпечены коллективной гарантіей. Это безполезный опытъ оскорбить (froisser) наше народное чувство, (susceptibilité), и что касается до всѣхъ васъ, господа, то я признаю за вами право желать вступить въ залу конференцій, съ высоко поднятымъ челомъ; я не предполагаю,

чтобы у васъ было намѣреніе, заставить меня войти въ нее только принизившись (en me baissant)».

Всѣ 4 пункты этимъ были исчерпаны.

Гр. Буоль резюмировалъ засѣданіе въ томъ смыслѣ, что Россія «во всемъ согласна, съ общими основаніями, принятыми представителями четырехъ державъ».

Вестмореленъ, который постоянно дѣлалъ замѣчанія, когда кн. Горчаковъ говорилъ, теперь былъ одинаковаго мнѣнія съ Буолемъ; а Буркеней сказалъ,—что происходившіе споры сдѣлали громадный шагъ къ соглашенію (entente); и въ виду важности вопроса, предложилъ подписать слѣдующее постановленіе засѣданія: «чтеніе мемуара, содержащаго мысли представителей трехъ державъ, предъявленныхъ министру Россіи, кн. Горчакову, выяснены и одобрены по всѣмъ пунктамъ».

Гр. Буоль первымъ высказался противъ такой редакціи, совершенно несогласной съ истиною. Кн. Горчаковъ только улыбнулся, и предложилъ слѣдующую редакцію:—«Вторичное чтеніе мемуара, а также записки съ замѣчаніями, представленными русскимъ посланникомъ, равно какъ обмѣнъ словесныхъ объясненій между четырьмя уполномоченными, установили, въ общемъ основаніи ихъ мыслей, настолько достаточное соглашеніе, что можно признать, за фактъ — устраненіе препятствій къ открытію мирныхъ конференцій».

Гр. Буоль сказалъ,—что таковъ именно результатъ взаимныхъ объясненій, приведшихъ къ соглашенію. При этомъ гр. Буоль замѣтилъ Буркенею, что имѣетъ инструкцію: не скрѣплять своею подписью того, что произойдетъ, какъ результатъ предварительныхъ переговоровъ. Буркеней былъ замѣтно смущенъ постановленіемъ такой резолюціи, предложенной кн. Горчаковымъ и поддержанной гр. Буолемъ. Поэтому, какъ утопающій хватающійся за соломенку, онъ замѣтилъ гр. Буолю, что находясь въ десяти шагахъ отъ своего императора, онъ (гр. Буоль) можетъ немедленно получать отъ него соотвѣтственныя приказанія, тогда какъ представители Франціи и Англіи должны испрашивать окончательныхъ указаній отъ своихъ дворовъ, и что по этому они не могутъ высказываться рѣшительно.

— «Это значитъ,—отвѣчалъ ему гр. Буоль,—что вы желаете принять вопросъ только къ свѣдѣнію (ad referendum); но вы только что сказали, что между нами всѣми существуетъ общее соглашеніе. Въ силу состоявшихся между договаривающимися дворами обязательствъ, мы, и только мы одни, здѣсь собранные, призваны установить общее соглашеніе, и по признаніи его нами, даже самые дворы наши не считаютъ себя вправѣ отвѣтить на наше рѣшеніе иначе, какъ приславъ своимъ довѣрителямъ полномочіе— вести переговоры о самомъ мирѣ. Я не имѣю никакой надобности

прибѣгать къ новымъ инструкціямъ моего императора, и прямо объявляю, что онъ смотритъ на открытіе конференцій, какъ на нѣчто обязательное и притомъ въ такой степени важное, что еслибы всѣ уполномоченные были снабжены уже формальными уполномочіями, то я счелъ бы себя вправѣ назначить завтра же первую конференцію, и предоставить вамъ, г. Буркеней, право, дѣйствовать такъ, какъ вамъ будетъ угодно».

Все это было сказано съ ясностію и твердо. Князь Горчаковъ воздержался отъ всякаго участія въ этомъ разговорѣ.

— «И такъ, я сдаюсь, сказалъ Буркеней.—Да позволитъ мнѣ русскій министръ выразить ему мои чувства, по поводу того достоинства, съ какимъ онъ поддерживалъ интересы своего монарха и держалъ себя во все время настоящихъ совѣщаній».

Князь Горчаковъ отвѣчалъ на это глубокимъ поклономъ, но не былъ увѣренъ, что Буркеней, съ цѣлью скрыть свою неудачу, не пошлетъ въ Парижъ телеграмму—tout est accepté, вмѣсто tout est refusé.

По окончаніи засѣданія, князь Горчаковъ отвелъ графа Буоля въ сторону и сказалъ ему:—«Сдержалъ ли я свое слово? Все что̀ произошло, есть дѣло рукъ вашего императора, и доказательство довѣрія, которое мы имѣемъ къ его личнымъ обѣщаніямъ».

Не разсчитывая ни на умѣренность Франціи, ни на желаніе Англіи дѣйствовать въ смыслѣ облегченія Россіи возможности заключить не унизительный для нея миръ, князь Горчаковъ, не вѣря также и графу Буолю, обратился въ тотъ же день къ императору Францу-Іосифу, въ личномъ расположеніи котораго къ Россіи онъ никогда не сомнѣвался, и старался выяснить истинныя его относительно насъ намѣренія.

«Вчера, писалъ князь Горчаковъ [1]) — я имѣлъ аудіенцію у императора Франца-Іосифа. Едва я показался на порогѣ, какъ его величество быстро пошелъ ко мнѣ навстрѣчу, и, крѣпко пожимая мнѣ руки, сказалъ, что онъ не въ состояніи достаточно выразить свою радость, по поводу согласія нашего приступить къ переговорамъ; радость которую онъ не испытывалъ уже давно, и никому не позволитъ смутить свои счастливыя надежды на будущее.

— «Это дѣло вашихъ рукъ, государь, — сказалъ князь Горчаковъ, — я здѣсь для того, чтобы воздать вамъ достойную хвалу (hommage). Только основываясь на вашихъ словахъ и данныхъ мнѣ увѣреніяхъ, я могъ опредѣлить четыре пункта, которые были мною предварительно вамъ представлены, и которые, смѣю надѣяться, будутъ приняты. Императоръ Николай не колеблясь оцѣнилъ данныя мнѣ вами обѣщанія, и изъявилъ согласіе, чтобы я дѣйствовалъ въ смыслѣ заключенія трактата, упираясь на вашу гарантію.

---

[1]) 28-го дек. (9-го янв.) 1854—55, № 291, М. И. Д.

— «Прошу васъ увѣдомить императора, что это довѣріе, за которое я ему душевно благодаренъ, будетъ оправдано вполнѣ, и что оно переноситъ меня къ той эпохѣ, воспоминаніе о которой мнѣ такъ дорого, и возвратиться къ которой составляетъ предметъ моихъ желаній. Я искренно желаю, чтобы общій миръ былъ возстановленъ. Во всякомъ случаѣ, никакое столкновеніе (un choc) между нами болѣе не возможно»,—сказалъ императоръ.

Князь Горчаковъ замѣтилъ, что Франція не замедлитъ заявить свои условія, чтобы побудить Австрію къ войнѣ противъ Россіи, къ чему Буркеней обнаруживаетъ явныя намѣренія передъ графомъ Буолемъ.

— «Это правда,—отвѣтилъ Францъ-Іосифъ,—графъ Буоль мнѣ также говорилъ объ этомъ.

— «Теперь, прибавилъ князь Горчаковъ,—трактатъ отъ 2-го декабря (1854 г.), болѣе не существуетъ [1]) и Австрія возвратила себѣ свободу дѣйствій. Сохраните, государь, себѣ свободу: это палладіумъ вашихъ интересовъ, вашего достоинства, и будущности вашей страны: это, да позволено мнѣ будетъ сказать, лучшій залогъ для установленія мира. Умоляю васъ, государь, теперь, когда съ Божіею помощью, мы выпутались изъ хаоса разныхъ дипломатическихъ тонкостей — не принимайте никакого новаго акта, который могъ бы снова связать васъ и позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ разсчитывать на вашу личную бдительность (vigilance).

— «Разсчитывайте на нее,—сказалъ императоръ.

— «То о чемъ я васъ прошу,—прибавилъ князь Горчаковъ,—столько же касается вашихъ интересовъ, сколько и спокойствія Европы. Я знаю, что ваши мысли, государь, отразились и въ словахъ графа Буоля, почему онъ на совѣщаніи и говорилъ со мною въ такомъ тонѣ».

Затѣмъ императоръ сказалъ, что въ вопросахъ религіознаго характера онъ добросовѣстно исполнитъ долгъ христіанина, но отдѣляетъ эти вопросы отъ политики.

Князь Горчаковъ замѣтилъ, что отсутствіе Пруссіи на предстоящихъ конференціяхъ, гдѣ предстоитъ обсужденіе такого важнаго трактата, какъ трактатъ 1841 года, имѣющій обще-европейское значеніе, не можетъ быть ничѣмъ оправдано.

Императоръ Францъ Іосифъ совершенно съ этимъ согласился, сказавъ, что по этому предмету будетъ начата переписка.

---

[1]) Ist erloschnen. Разговоръ велся на нѣмецкомъ языкѣ. По договору 2-го декабря н. с. 1854 г. между Австріею и Западными державами, Австрія, опасаясь объявленія ей Россіею войны, обѣщала противиться силою вторичному вступленію русскихъ войскъ въ княжества, за что, въ случаѣ возникновенія между нею и Россіей войны, обѣ Западные державы обѣщали помочь Австріи своими силами—по мѣрѣ потребности войны. Въ свою очередь Австрія обѣщала не входить съ Россіей ни въ какія отдѣльныя соглашенія.

— «Если бы ваше величество соблаговолили лично вмѣшаться въ это дѣло, тогда благопріятный исходъ его былъ бы внѣ всякаго сомнѣнія»,—сказалъ князь Горчаковъ.

Изъ этого разговора, продолжавшагося не болѣе ½ часа, князь Горчаковъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Личныя увѣренія императора Франца-Іосифа въ его расположеніи къ Россіи только и могутъ способствовать соглашенію по четыремъ пунктамъ.

2) Австрія не свяжетъ себя никакимъ новымъ актомъ, который могъ бы стѣснить ея свободу дѣйствій.

На другой день послѣ этого разговора, князь Горчаковъ имѣлъ частныя, предварительныя, совѣщанія съ представителями Франціи и Англіи на конференціяхъ, которыя не открывались за неполученіемъ изъ Парижа и Лондона ожидаемыхъ полномочій. Неудача, испытанная Буркенеемъ на совѣщаніи 27-го декабря, сдѣлала его болѣе умѣреннымъ, такъ что князь Горчаковъ находилъ его даже миролюбивымъ [1]).

При такихъ условіяхъ наступилъ 1855 годъ, который долженъ былъ рѣшить, на сколько вѣнскіе переговоры способны привести Европу къ замиренію. Главное вліяніе на ходъ этихъ переговоровъ, конечно, и прежде всего, должны были оказать успѣхи или неудачи воюющихъ сторонъ, на главномъ театрѣ войны, подъ Севастополемъ.

Положеніе же союзниковъ къ началу 1855 года въ Крыму было почти отчаянное.

2-го (14-го) января 1855 года, въ Вѣнѣ получено было извѣстіе изъ Константинополя [2])—«что союзники подъ Севастополемъ, до пояса ходятъ по водѣ и грязи. Скотъ сильно падаетъ; раціоны выдаются въ размѣрѣ ½, такъ какъ съ моря доставлять ихъ въ лагерь чрезвычайно трудно. Войска не довольны и ропщутъ. У англичанъ дѣла еще хуже, и они сильно возбуждены противъ лорда Раглана. Между турецкими и французскими солдатами каждый день происходятъ драки, съ нанесеніемъ ранъ, обоюдно, и даже оканчивающіяся смертью. Съ итальянцами французы также дерутся часто».

Затѣмъ другое, болѣе обстоятельное, извѣстіе только подтверждало печальное положеніе союзниковъ въ Крыму. 13-го (25-го) января князь Горчаковъ доносилъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Свѣдѣнія изъ Крыма, доставленныя въ Константинополь, очень печальны. Онѣ сообщены французскими офицерами, прибывшими вчера, полузамерзшими.

---

[1]) Князь Горчаковъ, 28-го декабря (9 января), 1854—1855, № 292, М. И. Д.

[2]) Князь Горчаковъ, 2-го (14-го) января, 1855 года, М. И. Д.

«Половина лошадей и муловъ пали. У англичанъ не болѣе 6,000 подъ ружьемъ. 10,000 въ госпиталяхъ въ Константинополѣ. Въ Крыму 4½—5½ тысячъ французскихъ больныхъ въ палаткахъ, и лежатъ на землѣ. Сѣна и соломы для подстилки не достаетъ. Умираютъ въ день 130—200 человѣкъ. Есть мука̀, но нѣтъ дровъ для варки пищи. Воду приносятъ издалека. Больные солдаты валяются въ грязи и покрыты червями (vermine). Много больныхъ; страданія этихъ несчастныхъ вызываютъ стенанія (font gemir), многіе застрѣливаются. Со времени послѣдней мятели, большая часть палатокъ сорвана съ мѣста и больные были убиты при этомъ. Употребляютъ всѣ силы и даютъ какую угодно цѣну, чтобы добыть соломы, сѣна и дровъ. Обвиняютъ турецкое интенданство въ небрежности, такъ какъ оно ничего не заготовило въ портахъ Чернаго моря. Омеръ-Паша не хочетъ идти въ Крымъ. Прежде чѣмъ прибудутъ въ Крымъ бараки и теплая одежда, которую заготовляютъ, ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ имѣть ни убѣжища отъ стужи, ни одежды,—это говорятъ путешественники и торговые люди, которые попадаютъ въ Крымъ, или вѣрнѣе, бѣгутъ изъ Крыма. Англичане ожесточены противъ лорда Раглана, который нигдѣ не показывается.

«Каннингъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы помѣшать утвержденію, выданной Саиду-Пашѣ турецкимъ правительствомъ, концесіи, и говорятъ, что никакія приказанія его правительства не заставятъ его измѣнить свои мысли, планы, и поведеніе его въ Турціи».

При такихъ условіяхъ, Буркеней, натурально, искалъ самаго тѣснаго сближеніе съ Австріею, возлагая на нее надежду поправить неудачный ходъ дѣлъ въ Крыму, безъ чего нельзя было и приступить къ конференціямъ, на которыхъ союзники предпочитали не договариваться съ нами, а требовать исполненія ихъ заявленій.

По этому князь Горчаковъ писалъ отъ 9-го (21-го) января 1855 года [1]).

«Англія и Франція стараются отдалить конференціи и даже устранить ихъ вовсе. Ихъ главная цѣль—выиграть время, въ надеждѣ, что чрезвычайныя усилія ихъ въ Крыму приведутъ къ рѣшенію главнаго вопроса.

«Бруккъ назначенъ министромъ финансовъ Австріи, вмѣсто Баха. Онъ крѣпко стоитъ за миръ и ставитъ условіемъ—sine qua non—уменьшеніе арміи. Не знаю, избавитъ ли и это австрійскую армію отъ катастрофы. Доходовъ на 1854 годъ, со всѣми займами, было 300, а расходовъ 400 милліоновъ флориновъ, т. е. 100 милліоновъ дефицита на одинъ 1854 годъ, не считая дефицитовъ предыдущихъ годовъ».

---

[1]) Князь Горчаковъ, 9-го (21-го) января, 1855 года, № 15, М. И. Д.

Не смотря на это, подстрекаемая Франціею, Австрія намѣревалась придать большій вѣсъ своему положенію и оказать вліяніе на ходъ войны. 3-го (15-го) января, какъ увѣдомлялъ князь Горчаковъ [1]:—«Вѣнскій кабинетъ отправилъ въ Франкфуртъ и во всѣ германскія государства требованіе мобилизовать всѣ союзныя войска федераціи, и наименовать ихъ начальниковъ. Это рѣшеніе было, въ тотъ же день, сообщенно и въ Берлинъ».

Князь Горчаковъ заявилъ, что такая мѣра не согласуется съ видами современной политики, и клонится въ пользу Западныхъ державъ; но графъ Буоль, сказалъ, что этой мѣрой имѣется въ виду только оградить (d'en menager) Австрію отъ всякихъ случайностей.

«Представители Германіи въ Вѣнѣ, писалъ въ томъ же донесеніи князь Горчаковъ, полагаютъ, что такое требованіе Австріи потерпитъ полную и немедленную неудачу, что и дѣйствительно послѣдовало».

Неизвѣстно какимъ бы тономъ заговорила Австрія, если бы ей удалось собрать весь германскій контингентъ, въ томъ числѣ и прусскую армію, съ правомъ располагать ими по своему усмотрѣнію? Но къ счастію для насъ соперничество между Пруссіею и Австріею, за главенство въ Германіи, много способствовало огражденію нашихъ интересовъ, образомъ дѣйствій Пруссіи, дѣйствовавшей такъ не изъ желанія оказать помощь Россіи, а изъ желанія противодѣйствовать Австріи, что для насъ было, тѣмъ не менѣе, выгодно.

«Достаточно было, — говоритъ Ротанъ [2]), чтобы на сеймахъ германскаго союза, делегатъ Австріи высказалъ какое-либо мнѣніе, чтобы делегатъ Пруссіи тотчасъ же началъ опровергать его».

Нашъ образъ дѣйствій относительно Пруссіи, начиная съ 1848 года, породилъ въ ней многихъ враговъ ко всему, что такъ или иначе могло относиться къ Россіи.

«Начиная съ 1848 года — говоритъ Ротанъ [3]), Пруссія вездѣ встрѣчала Россію на своей дорогѣ. Вмѣсто того, чтобы поддержать ее въ борьбѣ противъ Австріи, Николай принудилъ Германію идти въ Ольмюцъ. Онъ обращался съ нею какъ съ бѣднымъ родственникомъ, не заботясь о томъ, чтобы щадить ея самолюбіе. Часто русское правительство располагало Пруссіей, не стараясь даже разузнать (pressentir) ея намѣреній, въ увѣренности что король, вѣрный послѣдней волѣ своего отца, никогда не уклонится отъ союза съ Россіей».

До какой степени Пруссія считала себя оскорбленною предпочтеніемъ, оказаннымъ въ 1851 г., въ Ольмюцѣ императоромъ Ни-

---

[1]) Князь Горчаковъ, 9-го (21-го) января, 1855 года, № 16, М. И. Д.

[2]) Rothan. La Prusse et son roi, pendant la guerre de Crimée. Paris, 1888, p. 23.

[3]) Тоже p. 63, A—64.

колаемъ Австріи передъ Пруссіей, видно изъ слѣдующаго письма прусскаго посланника въ Турціи, Пурталеса.

«Наша исторія писалъ онъ, по моему мнѣнію, не представляетъ ничего подобнаго нашему пораженію въ Ольмюцѣ. Собрать палаты и армію подъ звукъ барабана, для того, чтобы на церемоніи торжества, получить пощечину!.. Быть вынужденными самимъ публиковать о нашемъ позорѣ, говорить о нашемъ безчестіи (ignominie) подъ звуки трубъ и шумъ литавровъ съ протоколами и документами въ рукахъ!..».

Этого униженія многіе въ Пруссіи не могли забыть и озлобленіе противъ Россіи умѣрялось только ненавистью къ Австріи.

Министръ иностранныхъ дѣлъ въ Пруссіи, Мантейфель, по словамъ Ротана: «столько же ненавидѣлъ Россію, сколько презиралъ Австрію».

Этотъ антогонизмъ между двумя главнѣйшими германскими державами былъ для насъ чрезвычайно выгоденъ. Противясь во всемъ Австріи, Пруссія болѣе всего опасалась, чтобы ея соперница не выиграла чего-нибудь отъ общаго европейскаго столкновенія.

«По этому, говоритъ Ротанъ [1]), король, прежде всего желалъ предупредить войну между Россіей и Австріей; онъ хотѣлъ, чтобы сѣверный союзъ, наполовину разорванный перомъ, не былъ окончательно разрѣзанъ шпагой».

— «Какъ же вы хотите, говорилъ Мантейфель, чтобы мысль о войнѣ не смущала и не устрашала насъ? Выгоды ея для насъ ничего не имѣютъ соблазнительнаго; мы или будемъ вынуждены держать гарнизоны въ Австріи, что было бы недостойно прусской арміи; или идти на Варшаву, и тогда мы стали бы, какъ говоритъ король, во главѣ революціонеровъ. Но что̀ намъ дѣлать въ Польшѣ? У насъ милліонъ поляковъ, чего съ насъ достаточно и возстановлять польское королевство, — значитъ принуждать себя отдать Польшѣ Данцигъ».

Еще съ большей энергіею выражался противъ войны Бисмаркъ, тогда еще только начинавшій свою дипломатическую карьеру, но уже пользовавшійся большимъ вліяніемъ на короля.

— «Зачѣмъ намъ, говорилъ онъ [2]), предпринимать войну, отъ которой Пруссіи нечего ожидать? Нужно, чтобы она осталась полной распорядительницей своей судьбы, и могла выбрать моментъ, когда ея интересы заставятъ ее вмѣшаться въ дѣло. Франція и Англія говорятъ о своемъ безкорыстіи. Но Англія, закрывая Черное море для русскихъ кораблей, обезпечиваетъ свою торговлю и владѣнія въ Индіи; а разрушая Севастополь, Франція обезпечиваетъ себя на Средиземномъ морѣ. Что̀ же могутъ дать, взамѣнъ

---

[1]) Тоже p. 66.

[2]) Тоже p. 90.

этихъ выгодъ, Пруссіи? Безъ сомнѣнія часть Польши, о которой она не хлопочетъ, (dont elle n'a cure). Эстляндія и Курляндія не улучшатъ нашего географическаго положенія—онѣ только, навсегда, разсорили бы насъ съ Россіей. А кто поручится, что послѣ мира, Франція и Россія, не сблизятся тѣсно и не прійдутъ на нашъ счетъ къ разнымъ соглашеніямъ?»

Подобныя мысли не могли не отразиться на королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, который въ разговорѣ съ Ротаномъ, состоявшимъ при французскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, сказалъ ему:

— «Нужно, чтобы Пруссія оставалась островомъ посреди наводненія. Что̀ можетъ заставить слушать ея голосъ, если всѣ втянутся въ войну? Я писалъ въ Петербургъ, можно сказать, своею кровью, умоляя императора Николая уступить разсудку» [1]).

Прусскій король намекалъ здѣсь на его просьбу къ императору Николаю согласиться, во избѣжаніе дальнѣйшей борьбы, на принятіе четырехъ пунктовъ Вѣнскихъ конференцій, которыя все еще не открывались. Полагая, что Западныя державы умышленно откладываютъ время ихъ открытія, до улучшенія ихъ дѣлъ въ Крыму, князь Горчаковъ передалъ графу Буолю свою редакцію четырехъ пунктовъ, обсуждавшихся въ частномъ засѣданіи 28 декабря 1854 г. Просматривая ихъ графъ Буоль спросилъ [2]): — можно ли представить эту редакцію Западнымъ державамъ, и согласенъ ли князь на вторичное засѣданіе, для обсужденія этихъ пунктовъ, такъ какъ представители Западныхъ державъ, послѣ перваго засѣданія 28 декабря 1854 г., не желали собраться для вторичной конференціи?

Князь Горчаковъ далъ утвердительный отвѣтъ. Такимъ образомъ, второе предварительное совѣщаніе назначено было на 7—19 января 1855 года.

До начала назначеннаго вторичнаго засѣданія, князь Горчаковъ обратился къ графу Буолю за разъясненіемъ своего сомнѣнія, относительно готовности Западныхъ державъ открыть скорѣе конференціи.

Графъ Буоль сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы въ Лондонѣ и Парижѣ [3]) имѣли намѣреніе оттягивать открытіе конференцій, которыя начнутся, вѣроятно, въ началѣ февраля, когда пріѣдетъ и турецкій уполномоченный. При этомъ графъ Буоль сказалъ:

— «Ни одна изъ двухъ сторонъ не упоминаетъ о перемиріи. Мы очень бы желали этого, но полагаю, что дѣлать предложеніе о томъ въ настоящее время безполезно. Отложимъ это до открытія первыхъ конференцій, которыя должны имѣть въ основаніи подписаніе предварительныхъ условій мира.

---

[1]) Rothan, p. 54.

[2]) Князь Горчаковъ, 21 janvier (2 fevrier), 1855, № 31, М. И. Д.

[3]) Князь Горчаковъ, 9—21 janvier, 1855, № 14, М. И. Д.

— «Что до меня касается, отвѣчалъ князь Горчаковъ, то я не понимаю перемирія иначе, какъ подъ условіемъ очищенія нашей территоріи. Въ противномъ случаѣ это значило бы жертвовать выгодами нашего положенія въ пользу нашихъ противниковъ. Но такъ какъ это вопросъ уже военнаго значенія, то я не полагаюсь на свое сужденіе и спрошу указаній изъ Петербурга.

— «Не находите ли вы страннымъ, прибавилъ князь Горчаковъ, что въ то время, когда мы трудимся въ пользу мира,—парижскій и лондонскій кабинеты, стараются увеличить число нашихъ противниковъ (намекъ на Піемонтъ)?

— «Мы тутъ не причемъ, въ дѣлѣ Піемонта, сказалъ Буоль. Пока миръ еще не обезпеченъ, нельзя упрекать Западныя державы въ томъ, что онѣ хотятъ гарантировать себя отъ всякихъ случайностей.

— «Допустимъ это. Пусть король Сардиніи торгуетъ кровью своего народа въ интересахъ, чуждыхъ его странѣ. Это вопросъ, который можетъ рѣшить его честь, его совѣсть и, можетъ быть, судъ его народа. Но чтò вы скажите относительно попытокъ, направленныхъ, съ тою же цѣлью, касательно Швейцаріи и Бельгіи?

— «Я ничего не знаю о подобныхъ попыткахъ; но если бы онѣ и были, то развѣ это не есть право воюющихъ сторонъ?

— «Вы забываете, сказалъ князь Горчаковъ, что обѣ эти страны нейтральны и что ихъ нейтралитетъ есть часть общественнаго права Европы. Я не думаю, чтобы только Англія и Франція стояли на стражѣ политическихъ правъ Европы, и если онѣ будутъ произвольно нарушать святость этихъ правъ, не далеко дойти и до нарушенія правъ территоріальныхъ и, мнѣ кажется, что Австрія, не менѣе кого-либо другого, заинтересована тѣмъ, чтобы не была нарушена карта Европы, вопреки постановленію вѣнскаго конгресса».

Продолжая разговоръ по поводу предстоящихъ конференцій, князь Горчаковъ, сказалъ Буолю, что вполнѣ основывается на слѣдующихъ словахъ императора Франца-Іосифа:—«какой бы оборотъ не приняли дѣла,—онъ считаетъ войну между Россіей и Австріей, невозможною».—Графъ Буоль одобрилъ, безъ всякихъ колебаній, этотъ взглядъ, но прибавилъ, что вопросъ о русскомъ преобладаніи на Черномъ морѣ, есть вопросъ политическій, и что ежели мы будемъ отвергать всѣ предложенія, которыя будутъ намъ сдѣланы по этому вопросу—то три державы заявятъ, что одна Россія противится общему замиренію. Князь Горчаковъ сказалъ, что вопросъ объ ограниченіи державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, не будетъ, конечно, даже возбужденъ; по другимъ же предметамъ, соглашеніе можетъ состояться и что Россіи будетъ легко, воспользовавшись извѣстнымъ положеніемъ дѣлъ, войти съ Западными державами въ такія соглашенія, которыя будутъ для

нея безразличны, но чрезвычайно важны въ интересахъ Австріи, которая пусть тогда не претендуетъ, если мы будемъ противъ нея, вмѣстѣ съ Западомъ [1]).

«Я знаю, писалъ кн. Горчаковъ графу Нессельроде, что гр. Буоль, по разнымъ обтоятельствамъ, долженъ быть очень внимательнымъ къ настоящему положенію дѣлъ, которое можетъ имѣть для Австріи пагубныя послѣдствія, если англофранцузскій флотъ будетъ имѣть въ Черномъ морѣ свободныя руки, и что сомнительныя политическія выгоды не будутъ тогда уравновѣшены торговыми барышами».

Высказавъ этотъ взглядъ гр. Буолю, кн. Горчаковъ замѣтилъ при этомъ, что не ожидаетъ ничего хорошаго отъ предстоящихъ конференцій, если не будетъ поддержанъ Австріею.

— «Но что же намъ мѣшаетъ, сказалъ гр. Буоль, войти въ предварительныя соглашенія, до открытія конференцій?

— «Я не говорю, что этого нельзя. Я хочу очень быть добрымъ для васъ сосѣдомъ, отвѣчалъ кн. Горчаковъ. Могу васъ увѣрить, что во время переговоровъ представится не одинъ случай, когда вы будете очень нуждаться въ моемъ сообщничествѣ. Покажите же мнѣ первый намѣреніе сблизиться со мною».

Гр. Буоль, какъ говорится, былъ въ положеніи,—между молотомъ и наковальней. Съ одной стороны онъ придавалъ важность обѣщанію, данному императоромъ Францомъ-Іосифомъ, не допускать посягательствъ на державныя права императора Николая на Черномъ морѣ, но, въ то же время, косвенно, въ угоду Западнымъ державамъ, старался инымъ путемъ достигнуть уменьшенія нашего превосходства на этомъ морѣ.

— «Я не понимаю, сказалъ онъ Горчакову, ни вашей цѣли, ни старанія, имѣть въ Черномъ морѣ такой громадный флотъ. По силѣ трактатовъ, Черное море есть закрытое озеро—это тюрьма для вашихъ кораблей и, въ то же время, постоянная угроза противъ Турціи и причина безпрерывнаго недовѣрія Европы. Такъ какъ вы не посягаете на существованіе Турціи, то какой интересъ заставляетъ васъ держать столь большія силы безъ употребленія? Русскій императоръ, конечно, въ правѣ имѣть столько кораблей, сколько находитъ нужнымъ имѣть ихъ въ каждомъ портѣ, и не мы, конечно, будемъ оспаривать у него это право. Но не было ли бы лучше, въ его собственныхъ интересахъ, перевести часть военныхъ судовъ изъ Севастополя въ Кронштадтъ, заручившись для этого правомъ прохода чрезъ Дарданеллы и, такимъ образомъ, успокоить Европу, которая не можетъ смотрѣть спокойно на чрезмѣрное возростаніе вашихъ силъ у Севастополя.

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, сдѣланъ намекъ на отношенія къ Австріи ея италіанскихъ провинцій.

— «Это вопросъ, отвѣчалъ князь Горчаковъ, который можетъ быть рѣшенъ только моимъ императоромъ, и зависитъ единственно отъ его воли.

— «Я такъ и понимаю это, сказалъ графъ Буоль. Если вы усвоите себѣ эту мысль, то вамъ будетъ принадлежать и иниціатива въ ея исполненіи. Мнѣ кажется, что это было бы для васъ выгоднѣе, чѣмъ держать въ заперти вашъ флотъ въ Черномъ морѣ. Я ломаю себѣ голову, и все не могу объяснить причины, заставляющей держать тамъ такую массу кораблей, если устранить только мысль о вашихъ завоевательныхъ намѣреніяхъ.

— «Я вамъ укажу на одну изъ такихъ причинъ, которая опредѣляется географическими условіями, сказалъ князь Горчаковъ. Вы читали въ брошюрѣ Фикельмонта, что Россія не имѣетъ на югѣ, и никогда не имѣла тамъ, много войскъ. Вамъ извѣстно, что Фикельмонтъ указываетъ, что наши естественныя стремленія находятся на сѣверѣ и на западѣ, а не на югѣ. По моему это сказано уже слишкомъ односторонне. Наши интересы по разнымъ причинамъ идутъ во многихъ направленіяхъ. Имѣя въ виду нравственное, финансовое и административное состояніе Турціи, мы, и при незначительности нашихъ сухопутныхъ силъ на югѣ, съумѣемъ извлечь пользу изъ нашего флота, если какая-нибудь иностранная держава пожелаетъ имѣть свою долю (son lot) въ Константинополѣ. Я не убѣжденъ въ томъ, что наши интересы требуютъ сохраненія ключей Константинополя въ нашихъ рукахъ; но я вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что мы не можемъ оставить эти ключи въ рукахъ какой бы то ни было европейской державы.

— «Я понимаю, замѣтилъ на это графъ Буоль, что тутъ не можетъ быть даже и вопроса, по отношенію къ Англіи и Франціи.

— «По отношенію ни къ какой сильной европейской державѣ, безъ исключенія, сказалъ князь Горчаковъ. Я не знаю чѣмъ сталъ бы въ подобномъ случаѣ Константинополь, такъ какъ не имѣю къ тому достаточныхъ данныхъ, для разумныхъ заключеній».

Затѣмъ князь Горчаковъ замѣтилъ, что неприглашеніе Пруссіи участвовать на конференціяхъ обнаруживаетъ намѣреніе унизить ее. Графъ Буоль отвѣтилъ на это, что Австрія ровно ничего не имѣетъ противъ присутствія прусскаго уполномоченнаго на совѣщаніяхъ, но не знаетъ, согласятся ли на это Западныя державы, отъ которыхъ и будетъ зависѣть рѣшеніе вопроса.

— «Однако, замѣтилъ князь Горчаковъ, вы должны быть заинтересованы въ поддержкѣ ея правъ. Разногласіе по Восточному вопросу имѣетъ характеръ временной, преходящій, тогда какъ ваши постоянные интересы заключаются въ Германіи.

— «Что касается до Германіи, сказалъ графъ Буоль, то уже давно я не ищу въ ней помощи» [1]).

---

[1]) Dort suche ich meinen schwerpunct nicht mehr.

Перейдя затѣмъ къ Турціи, уполномоченный которой, Арифъ-Эфенди, зналъ только по-турецки; князь Горчаковъ, замѣтилъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы въ турецкомъ уполномоченномъ человѣка, хотя и не расположеннаго къ Россіи, но который былъ бы въ состояніи понять хотя свои собственные интересы, а не англо-французскую куклу (poupée) и автомата лорда Редклифа (англійскаго посла въ Константинополѣ).

— «Вспомните мои слова, продолжалъ онъ, что главнымъ вашимъ противникомъ, въ подробной разработкѣ вопроса, будетъ не Россія, а Западныя державы, и что вы рады будете выставить впередъ турка, для защиты правъ Австріи».

Но на открывшемся, вслѣдъ за этимъ разговоромъ, засѣданіи 7-го (19-го) января, князь Горчаковъ замѣтилъ [1],—«стараніе графа Буоля показать свою искреннюю дружбу (intimité) съ Западными державами». Мѣстная печать, писалъ онъ,—«также заставляетъ насъ удвоить бдительность. Въ то время какъ происходятъ конференціи о мирѣ, является аномаліей призывъ всей Германіи къ оружію, что не можетъ не усилить интригъ Западныхъ державъ. Это показываетъ, что графъ Буоль надѣется принудить Россію къ миру посредствомъ развитія враждебныхъ намъ усилій, такъ какъ это вполнѣ согласно съ его системой и привычками, въ надеждѣ удивить насъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, который болѣе чѣмъ когда-либо надѣется на скорый миръ, даетъ увлечь себя по пути, отдаляющему его отъ желаемой цѣли, самъ того не замѣчая—обстоятельство которое намъ слѣдуетъ серьезно имѣть въ виду. Съ другой стороны, для меня съ каждымъ днемъ становится все болѣе очевиднымъ, что Западныя державы желаютъ только продолженія войны.

«Буркеней, который за неудачу (echec) на конференціи 28 декабря 1854 г. получилъ предостереженіе (remontrances) отъ своего правительства, не пренебрегаетъ ни какимъ средствомъ, чтобы подняться во мнѣніи своего двора. Западныя державы готовы воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы отсрочить или даже устранить всякіе переговоры о мирѣ; и такъ какъ переговоры начались на основаніи извѣстныхъ имъ четырехъ пунктовъ, то они стараются теперь доказать, что въ толкованіи значенія разсматриваемыхъ пунктовъ, есть недоразумѣніе.

«Въ разговорѣ моемъ съ графомъ Буолемъ, я, продолжаетъ князь Горчаковъ, сказалъ ему, что миръ, котораго видимо желаютъ императоры Австріи и Россіи, можетъ быть гарантированъ только при двухъ условіяхъ, которыя оба монарха должны тщательно охранять: 1) что всякій дальнѣйшій вопросъ объ открытіи конференцій долженъ считаться совершенно уже исчерпаннымъ, и по-

---

[1]) Кн. Горчаковъ, 21 janvier (2 février), 1855, № 31, М. И. Д.

тому къ нему болѣе не возвращаться и 2) что Австрія возвратитъ себѣ свободу дѣйствій и воздержится отъ какихъ-либо особыхъ письменныхъ обязательствъ, послѣ засѣданія 7 января.

«Графъ Буоль увѣрялъ меня, въ выраженіяхъ наиболѣе опредѣленныхъ, что вѣнскій кабинетъ не свяжетъ себя впредь никакимъ новымъ актомъ, до тѣхъ поръ пока будетъ надежда, достигнуть мира, при посредствѣ переговоровъ».

На совѣщаніи 7 января, графъ Буоль находилъ, что вопросъ уже исчерпанъ совершенно, и что нужно только ожидать открытія конференцій, которыя замедляются неприбытіемъ англійскаго уполномоченнаго, запоздавшаго вслѣдствіе перемѣнъ въ лондонскихъ правительственныхъ сферахъ.

Графъ Буоль обѣщалъ настаивать, чтобы на конференціи было, прежде всего, приступлено къ обсужденію 1 и 2 пунктовъ, съ которыми связаны интересы Австріи и Германіи, касательно дунайскихъ княжествъ и навигаціи по Дунаю. Князь Горчаковъ обѣщалъ сдѣлать по этимъ пунктамъ уступки, согласно желаніямъ Австріи, чтобы имѣть ее на нашей сторонѣ при обсужденіи двухъ остальныхъ пунктовъ.

Что касается до 3 пункта, относящагося до нашихъ правъ на Черномъ морѣ, то графъ Буоль, сказалъ, что ни одинъ изъ двухъ западныхъ дворовъ, никогда не изъявлялъ претензій—«чтобы Севастополь былъ срытъ, и число нашихъ судовъ было опредѣлено трактатомъ». «Онъ допускаетъ, писалъ князь Горчаковъ, возможнымъ,—что такія требованія могутъ быть вынуждены только силою оружія, но что требовать чего-либо подобнаго на мирныхъ конференціяхъ невозможно».

Князь Горчаковъ сказалъ, приэтомъ ему,—«касательно этого вопроса, я могу считать себя спокойнымъ,—такъ какъ изъ устъ вашего императора получилъ увѣреніе, что никогда его имя не послужитъ опорою въ дѣлѣ, которое было бы противно достоинству русскаго императора, и посягательствомъ на его верховныя права».

Вообще въ своихъ заключеніяхъ князь Горчаковъ не останавливался на какомъ-нибудь опредѣленномъ взглядѣ. Такъ напримѣръ, по случаю перемѣнъ въ англійскомъ министерствѣ, онъ говоритъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, что девизомъ новаго хода вѣнскихъ переговоровъ будетъ:—«выраженіе болѣе сильнаго импульса войны. Но возможно также, что событія, которыя произойдутъ въ Англіи, заставятъ Австрію призадуматься».

Что касается до вопроса о плаваніи по Дунаю (2 пунктъ), то Западныя державы требовали для этого учрежденія синдиката, изъ представителей договаривающихся державъ. Князь Горчаковъ, ссылаясь на вѣнскій конгрессъ, установившій правила для судоходства по рѣкамъ, предлагалъ учредить смѣшанную комиссію, въ которой были бы только представители державъ, территоріи кото-

рыхъ соприкасаются съ Дунаемъ, т. е. Австріи, Россіи и Турціи; такой постановкой вопроса онъ имѣлъ въ виду заручиться содѣйствіемъ Австріи и всей Германіи, которыя, считая Дунай нѣмецкою рѣкою, не должны были желать, чтобы за судоходствомъ по немъ наблюдали также Англія и Франція.

Съ каждымъ днемъ князь Горчаковъ мѣнялъ свои ожиданія и опасенія на счетъ Австріи. Онъ желалъ удовлетворить ее во всемъ по 1 и 2 пунктамъ, наиболѣе касавшимся интересовъ Австріи и Германіи, въ намѣреніи получить отъ нихъ поддержку по двумъ остальнымъ пунктамъ. Но получая желаемое и обѣщая за то свою помощь, Австрія, какъ и прежде, по полученіи желаемаго, забывала о данномъ обѣщаніи и предлагала новыя требованія, или присоединялась къ той сторонѣ, которую считала сильнѣе.

«Я все болѣе и болѣе не довѣряю Австріи, телеграфировалъ князь Горчаковъ, отъ 25 января (6 февраля) 1855 г.[1]). Судя по полученнымъ Буркенеемъ инструкціямъ, Франція не желаетъ ни мира, ни конференцій, если это возможно. День, въ который она категорически поставитъ Австріи вопросъ,—или разрывъ съ нею или готовность пособлять ей оружіемъ, будетъ кризисомъ, исходъ котораго предвидѣть невозможно».

Но не далѣе, какъ за два дня передъ тѣмъ, именно 23 января (4 февраля), князь Горчаковъ писалъ графу Нессельроде, что:— «императоръ Францъ-Іосифъ не перестаетъ говорить о мирѣ и надѣется на него; и что вѣнскій дворъ отмѣнилъ назначенную мобилизацію войскъ».

Теперь князь Горчаковъ больше всего опасался тѣснаго сближенія Австріи съ Франціей.

«Здѣсь, писалъ онъ отъ 17-го (29-го января[2]), считаютъ насъ расположенными къ миру, и готовыми къ войнѣ. Не имѣю доказательствъ, но опасаюсь послѣдствій чрезвычайной интимности Буркенея съ графомъ Буолемъ. Въ случаѣ надобности я окажу сопротивленіе ихъ образу дѣйствій и прямо обращусь къ императору».

Въ теченіе всего января мѣсяца проявлялись заигрыванія Буркенея съ графомъ Буолемъ, которому французскій посланникъ выражалъ полное довѣріе. Въ чемъ состояли частные разговоры между ними, никому не было извѣстно, хотя, вмѣсто желаемаго сближенія, обнаруживалось скорѣе ослабленіе отношеній Австріи къ Западу, не смотря на то, что графъ Буоль старался это скрывать[3]).

При свиданіяхъ князя Горчикова съ графомъ Буолемъ, послѣдній высказывалъ мысль, что во время переговоровъ было бы весьма важно установить перемиріе.

---

[1]) Князь Горчаковъ, 25 января (6 февраля), 1855 г., № 30, М. И. Д.
[2]) То же, 16-го (29-го janvier), 1855, М. И. Д.
[3]) Изъ депеши князя Горчакова 14-го (26-го) janvier, 1855, № 25, М. И. Д.

Не высказываясь отъ себя поэтому вопросу, князь Горчаковъ счелъ нужнымъ спросить графа Нессельроде, телеграммою отъ 12-го (24-го января)—«при какихъ условіяхъ мы можемъ согласиться на перемиріе?»—«Quitter la Crimée, pas d'autres possibilitées»,—отвѣчалъ канцлеръ.

Неудачная попытка Австріи собрать въ свое распоряженіе германскій контингентъ, заставила ее отмѣнить назначенную мобилизацію своей арміи, и зорко слѣдить за ходомъ осады Севастополя. Дѣла же союзниковъ, къ концу января, не измѣнились къ лучшему, почему Австрія и не дѣлала никакихъ ходовъ къ сближенію съ Франціей, не обязывалась никакимъ съ нею договоромъ, а намъ высказывала желаніе скораго замиренія.

27-го января (8-го февраля) князь Горчаковъ писалъ, что, по словамъ генерала Гессе, ни какой военной конвенціи между Австріей и Франціей не существуетъ; если же и былъ о томъ разговоръ, то ничего не подписано.

«Здѣсь, говорилъ въ томъ же донесеніи князь Горчаковъ, желаютъ мира, но боятся разрыва съ Франціей».

Это желаніе съ одной стороны, смѣшанное съ боязнью съ другой, ставило князя Горчакова въ положеніе невозможности сказать что̀-нибудь положительное, какъ относительно того, чего можно ожидать отъ Австріи, такъ и относительно результатовъ предстоявшихъ, но все еще не открывавшихся, конференцій.

Въ пространномъ секретномъ меморандумѣ отъ 25-го января (6-го февраля), князь Горчаковъ [1]) такъ описываетъ положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ, въ концѣ января 1855 года.

«Я не хотѣлъ бы быть алармистомъ; но дурные признаки проявляются въ такой степени, что я былъ бы виновенъ, если бы разсчитывалъ на чрезмѣрную безопасность и старался бы другимъ внушить такую увѣренность. Мы не прекратили еще сношеній, но не могли прійти и къ соглашенію съ нашими западными противниками.

«Ихъ усилія, до сихъ поръ, были направлены къ тому, чтобы мѣшать конференціямъ. Буркеней имѣетъ даже на это секретное приказаніе. Но если этого достигнутъ, то не трудно будетъ отгадать ихъ намѣренія и цѣли.

«Четыре, точно опредѣленные ими пункта, представляютъ такія предложенія, которыя равносильны разрыву.

«Что касается Австріи, то мнѣ кажется, что могу разсчитывать на толкованіе ею третьяго пункта, согласно съ обѣщаніями императора Франца-Іосифа. Они были даны мнѣ прямо его величествомъ, въ выраженіяхъ очень ясныхъ, чтобы онъ могъ отъ нихъ

[1]) Горчаковъ, 25-го janvier (9 fevrier), 1855, № 40. М. И. Д.

отказаться, не набрасывая тѣни на его личную честь, и я твердо убѣжденъ, что онъ этого не сдѣлаетъ.

«Съ своей стороны графъ Буоль добровольно повторилъ свои прежнія увѣренія, сказанныя письменно въ депешѣ его къ графу Эстергази; а такъ какъ Буоль всегда придаетъ важность тому, что написано, то я и не думаю, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ, касательно 3-го пункта.

«Къ тому же выгоды, которыя извлечетъ Австрія отъ принятія нами четырехъ пунктовъ, до такой степени отвѣчаютъ ея интересамъ, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что если бы онѣ однѣ опредѣляли основанія мира, то мы найдемъ въ вѣнскомъ дворѣ своего адвоката. Вотъ что говоритъ логика и здравый смыслъ. Но отъ нихъ ли только зависитъ дѣло? Не смѣю ни утверждать этого положительно, ни отвергать безусловно.

«Поступки вѣнскаго двора, со времени послѣднихъ нашихъ общихъ переговоровъ, болѣе чѣмъ странны.

«О военной конвенціи переговариваются уже давно. Она подписана слишкомъ поспѣшно. Сущность ея возвѣщаетъ войну во что̀ бы то ни стало (annoncent une guerre á outrance), и австрійскій уполномоченный спеціально посланъ въ Парижъ, чтобы узнать ее въ подробностяхъ.

«Германія призывается къ оружію. Въ случаѣ войны всего союза, приглашаютъ германскихъ владѣтелей составлять частные союзы и отказываютъ императору въ общемъ командованіи надъ этими контингентами.

«Я знаю, что графъ Буоль предлагалъ такую мѣру императору Францу-Іосифу, какъ средство удержаться въ равновѣсіи между обѣими сторонами, и что императоръ вдался въ эту ловушку; тѣмъ не менѣе, фактъ дѣйствительно существуетъ.

«Военные припасы и пушки продолжаютъ посылать въ Галицію.

«Наконецъ, императору французовъ и его представителямъ оказываются всевозможныя ласки и вниманіе.

«Не будемъ закрывать глазъ предъ такими явленіями, тѣмъ болѣе, что мы достигли крайняго предѣла нашихъ уступокъ, и желаніе заставить насъ сдѣлать хотя одинъ шагъ за этотъ предѣлъ, принудитъ насъ дать отвѣтъ съ оружіемъ въ рукахъ.

«Я прошу ваше сіятельство удвоить предосторожности, такъ какъ я утратилъ надежду достигнуть мира посредствомъ переговоровъ. Результаты много зависѣть будутъ отъ обстоятельствъ, которыя сложатся на Западѣ; но разсчитывать только на нихъ, значило бы ставить нашу судьбу въ завимость отъ случая.

«Австрія хочетъ мира, и не можетъ не желать его. Усилія, которыя дѣлаетъ графъ Буоль въ Парижѣ и Лондонѣ, съ тѣмъ, чтобы умѣрить ихъ претензіи—искренни и дѣйствительны. Къ тому же,

императоръ Францъ-Іосифъ понимаетъ, что вся сила его настоящаго положенія заключается, именно, въ неопредѣленности его намѣреній и что съ того момента, когда онъ принялъ бы дѣйствительное участіе въ войнѣ противъ насъ, вся сила австрійской политики перешла бы изъ Вѣны въ Парижъ.

«Но не смотря на всѣ эти важныя соображенія, если Людовикъ-Наполеонъ будетъ настаивать на требованіи отъ Австріи военнаго содѣйствія и поставитъ вопросъ прямо: да или нѣтъ?—то нужно быть человѣкомъ болѣе чѣмъ я довѣрчивымъ, чтобы утвердительно высказать увѣренность, что мы не будемъ имѣть австрійскую армію рядомъ съ нашими противниками.

«Наполеонъ держитъ въ настоящее время ключъ отъ Италіи; онъ опутываетъ (enlace) Австрію финансовыми операціями, которыя для нея представляются крайне необходимыми, и онъ старается внушить Австріи непримиримую злобу (l'implacable ressentiment) противъ Россіи, отъ которой Австрія можетъ быть ограждена только Франціей. Все, что я могу сказать здѣсь противъ этого, не въ состояніи разрушить такихъ опасеній, такъ какъ они вызываются тѣмъ, что совѣсть не чиста. Я могу придти къ заключенію, что въ настоящее время миръ будетъ зависѣть отъ борьбы, которая возникнетъ между личными желаніями императора Франца-Іосифа съ одной стороны, и внушительными требованіями Наполеона съ другой.

«Императоръ Францъ-Іосифъ упрямъ и настойчивъ (persevérant); но далъ ли онъ намъ доказательство того, что характеръ его находится внѣ вліянія внѣшнихъ страстей, или даже имѣемъ ли мы основанія вѣрить въ его искренность? Если нѣтъ, то счастливый для насъ оборотъ будетъ только простою случайностію. Я не осмѣлюсь поэтому опредѣлять выгодные для насъ шансы, основываясь на однихъ предположеніяхъ, а не на прочныхъ разсчетахъ, на коихъ зиждутся жизненные интересы Россіи.

«Къ тому же, если я полагаю возможнымъ допустить, что обѣщанія, данныя по вопросу о 3-мъ пунктѣ, не поведутъ къ существенному его измѣненію, то остаются еще другіе три пункта, которые могутъ быть предлогомъ къ разрыву. Я, конечно, не облегчу нашимъ противникамъ выполненіе ихъ задачи. Инструкціи, данныя мнѣ государемъ-императоромъ, дозволяютъ мнѣ вести переговоры, не гоняясь за мелочами (petitesse); я буду говорить ясно, точно, практически, и каковъ бы ни былъ результатъ конференцій, онѣ не останутся никому не извѣстными; я, напротивъ, потребую составить протоколъ, чтобы имѣть матеріальный, неопровержимый актъ, въ доказательство искренняго желанія нашего мира, что мы заявляемъ предъ всей Европой, которая пусть выводитъ изъ того свои заключенія.

«При всѣхъ обстоятельствахъ, я буду исходить изъ того прин-

ципа, что его величество императоръ, чтобы прекратить пролитіе крови, соглашается трактовать о мирѣ, но сохраняетъ при этомъ положеніе государя, сознающаго въ себѣ силу принять войну, каково бы ни было число его противниковъ».

Теряясь въ сомнѣніяхъ насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній Австріи, князь Горчаковъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вызвать графа Буоля на откровенность, и составить себѣ понятіе о томъ, какъ поступитъ Австрія, если требованія Западныхъ державъ на конференціяхъ перейдутъ за предѣлы четырехъ пунктовъ, или если онѣ будутъ примѣнять къ этимъ пунктамъ толкованія, не согласныя съ нашимъ взглядомъ на разбираемые вопросы?

Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, князь Горчаковъ вызвалъ графа Буоля на разъясненіе по этому вопросу, при чемъ доносилъ графу Нессельроде [1]):

«Графъ Буоль сказалъ, что ежели Западныя державы будутъ неблагоразумны на конференціяхъ, то Австрія оставитъ ихъ продолжать войну, сохраняя сама настоящее положеніе. Если же ей станутъ угрожать, то императоръ Францъ-Іосифъ не только не отступитъ ни на волосъ, но что тогда дѣйствія Западныхъ державъ вызовутъ важныя послѣдствія».

Послѣ такого категорическаго заявленія графа Буоля, князь Горчаковъ снова вооружился надеждою, и даже самыя военныя приготовленія Австріи началъ объяснять въ благопріятномъ для насъ смыслѣ.

«Его величество, — телеграфировалъ онъ 31 января (21 февраля) [2]),—лично высказалъ свое неудовольствіе Буркенею, по поводу оттягиванія конференцій. Западныя державы сознаютъ, что онѣ должны менажировать (беречь) Австрію: это единственная узда для нихъ. Вооруженія Австріи отвѣчаютъ требованіямъ времени: хотятъ произвести внушеніе удвоеніемъ своихъ силъ. Я надѣюсь, что эта манифестація будетъ достаточна для достиженія цѣли».

Но не смотря на желаніе Франца-Іосифа видѣть скорѣе открытіе конференцій въ его столицѣ, — Франція не присылала полномочій своему вѣнскому посланнику потому, что Наполеонъ имѣлъ въ виду, вмѣсто безцвѣтнаго Буркенея, послать для переговоровъ въ Вѣну Друэна-де-Люиса, отправившагося уже съ этою цѣлью изъ Парижа въ Лондонъ, для предварительныхъ соглашеній съ англійскими министрами и королевой. Къ тому же, наступилъ уже февраль мѣсяцъ, а положеніе союзниковъ подъ Севастополемъ не только не улучшилось, а съ каждымъ днемъ становилось тягостнѣе.

---

[1]) Тоже 30 janvier (11 fevrier), 1855, № 50.

[2]) Тоже № 51.

Вотъ какого рода свѣдѣнія получались въ это время въ Вѣнѣ о положеніи дѣлъ въ Крыму, о чемъ доносилъ князь Горчаковъ [1]).

«Въ письмѣ изъ Константинополя говорится, что подъ Севастополемъ союзники не имѣютъ даже соломы для подстилки и потому страдаютъ страшно. Большая часть воловъ и лошадей пала отъ холода и голода. Французы даютъ англичанамъ продовольствіе, потому что послѣдніе не имѣютъ болѣе никакихъ средствъ подвозить къ лагерю свои припасы.

«Въ ночь на 2-е февраля страшный пожаръ арсенала у Золотого рога въ Константинополѣ уничтожилъ значительную часть французскихъ продовольственныхъ припасовъ.

«Въ Севастополѣ каждый день во французской арміи является на перевязочный пунктъ 300—350 больныхъ, или съ отмороженными ногами».

При такомъ положеніи дѣлъ въ Крыму, Западныя державы откладывали срокъ открытія конференцій, а Австрія все болѣе и болѣе настаивала на мирѣ.

«Императоръ Францъ-Іосифъ, писалъ князь Горчаковъ къ графу Нессельроде 3 (15) февраля [2]), все болѣе и болѣе высказывается за миръ и его личный образъ дѣйствій, видимо, обнаруживается и на его министрѣ.

«Я имѣлъ въ послѣдніе дни нѣсколько разговоровъ съ графомъ Буолемъ. Если его дѣйствія будутъ согласны съ его словами, то мы будемъ удовлетворены.

«Наконецъ, приближается время, когда нельзя уже будетъ носить маски: какъ только мы соберемся за зеленымъ столомъ, — комедіи наступитъ конецъ, и начнется исторія.

«Я уже говорилъ вашему превосходительству, что вѣнскій кабинетъ не подписалъ еще никакого акта, который ставилъ бы его въ извѣстныя обязательства къ Западнымъ державамъ, со времени нашего собранія отъ 7-го января.

«Это для меня пунктъ важный, но въ которомъ я могъ убѣдиться только благодаря лично самому императору, возбуждая его бдительность (vigilance). До сихъ поръ онъ держалъ даваемыя мнѣ обѣщанія. Правда, есть соглашеніе по поводу нѣкоторыхъ предложеній Франціи, но они не получили положительной санкціи и не подписаны.

«Я далъ замѣтить графу Буолю, что надѣюсь не встрѣтить болѣе со стороны Австріи того направленія, которое приняла она на конференціи 28-го декабря, когда она стояла рядомъ съ враждебными намъ державами, когда ея голосъ былъ тождественнымъ съ ними даже до малѣйшихъ выраженій.

---

[1]) Тоже отъ 31 января (12 февраля), 3 (15) и 9 (21) февраля, 1855, М. И. Д.

[2]) Тоже 3 (15) février, 1855, № 56, М. И. Д.

«Я замѣтилъ ему, какую выгоду онъ могъ извлечь самъ изъ перваго оттѣнка (nuance), введеннаго имъ на конференціи 7-го января».

Князь Горчаковъ доказывалъ, что нельзя разсчитывать на мирный исходъ конференціи, если всѣ участвующіе въ ней представители державъ явятся на конференцію съ заранѣе заготовленными мнѣніями и даже выраженіями, направленными противъ Россіи, и что нужно, чтобы каждый высказывалъ свой личный, индивидуальный взглядъ, независимый отъ другихъ.

Графъ Буоль увѣрялъ князя Горчакова, что именно этотъ взглядъ онъ самъ хотѣлъ установить при засѣданіяхъ конференцій; что группировка представителей державъ можетъ быть только результатомъ высказанныхъ ими намѣреній, и что если князь Горчаковъ находится теперь одинъ противъ трехъ, то можетъ случиться, что Австрія будетъ одной противъ четырехъ.

Графъ Буоль говорилъ, что выигралось бы время, если бы кѣмъ-либо были начертаны предварительныя основанія къ заключенію мира. Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что всего удобнѣе исполнить это Австріи, какъ державѣ не воюющей и призванной быть посредницей между обѣими сторонами. Но графъ Буоль находилъ неудобнымъ игнорировать Францію, хотя и не упоминалъ вовсе объ Англіи. Затѣмъ графъ Буоль снова заговорилъ о перемиріи, упоминая, что Австрія можетъ сдѣлать первый шагъ, такъ какъ ни та, ни другая изъ воюющихъ сторонъ не рѣшатся первыми его сдѣлать.

Но возбуждая вопросъ о перемиріи, графъ Буоль находилъ необходимымъ выяснить и предварительныя основанія мира. Князь Горчаковъ возразилъ, что принятіе этихъ условій будетъ зависѣть отъ ихъ сущности и что, во всякомъ случаѣ, они будутъ передѣланы, смотря по надобности.

«Я сказалъ еще графу Буолю,—доносилъ князь Горчаковъ,—что онъ мнѣ очень облегчитъ дѣло мира, давая широкое значеніе религіозному вопросу; что вопросъ этотъ для Россіи имѣетъ главнѣйшее значеніе въ настоящей войнѣ, и что я не отступлюсь отъ него и какъ русскій и какъ христіанинъ [1]) и что всѣ христіанскія державы, именемъ чести и совѣсти, должны быть связаны желаніемъ содѣйствовать безъ всякихъ ухищреній улучшенію участи христіанъ и заявить о томъ предъ лицомъ всего свѣта [2]). Я сказалъ также, что лучшимъ и, можетъ быть, единственнымъ залогомъ продленія существованія владычества Порты въ Европѣ является дарованіе султаномъ его христіанскимъ подданнымъ удовлетворенія въ ихъ первыхъ потребностяхъ человѣческаго сердца» [3]).

Но какъ обсужденіе этого щекотливаго для Порты вопроса на

---

[1]) На этомъ мѣстѣ отмѣтка: fort bien, рукою графа Нессельроде.

[2]) Тоже: certe.

[3]) Тоже: fort bien.

конференціи было бы неудобно, въ присутствіи турецкаго посла, то князь Горчаковъ высказалъ мысль:—«что было бы полезно обсудить этотъ вопросъ въ частныхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовали бы представители однѣхъ христіанскихъ державъ». Графъ Буоль горячо отозвался на эту мысль и даже сказалъ, что было бы полезно предварительно соглашаться и по другимъ вопросамъ.

«Я нашелъ, — доносилъ князь Горчаковъ, — что графъ Буоль былъ въ большомъ затрудненіи при своихъ отвѣтахъ касательно коллективныхъ гарантій европейскихъ державъ въ вопросѣ о религіозныхъ преимуществахъ. Мысль о благочестіи (devotion) вѣнскаго кабинета была даже положительно отвергнута. Я считалъ минуту удобною, чтобы возвратиться къ этому предмету, и сказалъ графу Буолю, что все, что мы успѣли бы добыть отъ Порты, въ видѣ письменнаго документа, не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакой цѣны, если практически право покровительства не будетъ условлено между договаривающимися сторонами, и что въ этомъ отношеніи я останусь непоколебимымъ, и не стану гоняться ни за формой, ни за фразой; пусть назовутъ это право — гарантіей, наблюденіемъ, контролемъ, или иначе—для меня это безразлично; но чтобы самый принципъ былъ признанъ,—иначе, предъ лицомъ всего міра, мы разыграемъ постыдную комедію» [1]).

«Въ первый разъ,—замѣчаетъ князь Горчаковъ,—графъ Буоль не спорилъ противъ того, что между словомъ и дѣломъ у турецкаго правительства существуетъ большая разница, и что мы должны обставить дѣло серьезно и существенно. Не знаю, останется ли онъ на дѣлѣ вѣренъ своей мысли: она, видимо, состояла въ томъ, что Порта должна принять на себя обязательство, въ какой бы то нибыло формѣ».

Князь Горчаковъ замѣтилъ при этомъ, что было бы весьма важно сперва обсудить актъ, которымъ Порта приметъ на себя, въ извѣстной формѣ, обязательство, а не получить его уже въ окончательной формѣ и за подписью султана.

— «Лордъ Редклифъ,—сказалъ графъ Буоль,—на это очень способенъ».

«Поэтому, писалъ князь Горчаковъ — наше главное стараніе къ тому и клонилось, чтобы перенести въ Вѣну рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и чтобы Редклифъ не могъ наложить на насъ свою руку, а это и приводитъ его въ ярость. Если, въ свою очередь, онъ пришлетъ намъ, подписанный уже султаномъ, Tanzimat, то ему придется подписать другой, съ тѣми ограниченіями, которыя мы введемъ въ этотъ актъ».

«Я сообщаю эти подробности только для того, доносилъ князь Горчаковъ, чтобы показать, насколько дѣла наши улучшились. Но

[1]) Отмѣтка—fort bien.

я смотрю на это, вооруженный всѣмъ недовѣріемъ прошлаго, и съ убѣжденіемъ, что наша осторожность должна удвоиться по мѣрѣ того, какъ воля императора Франца-Іосифа заставляетъ его министра своротить съ пути, на которомъ онъ до сихъ поръ держится, въ силу привычекъ и инстинкта.

«Императоръ Францъ-Іосифъ прилагаетъ личныя старанія въ пользу мира. Все, что до меня доходитъ чрезъ его приближенныхъ, доказываетъ, что это его единственная мысль въ настоящее время, и что еще важнѣе, такъ это то, что онъ начинаетъ не довѣрять тѣмъ, которые представляютъ ему разныя къ тому препятствія.

«Если Западныя державы явятся на конференцію съ благоразумными мыслями—миръ будетъ установленъ. Въ противномъ случаѣ, онѣ могутъ дѣйствовать двояко: или, съ первыхъ же конференцій, онѣ обнаружатъ свои требованія и притязанія, подкрѣпляя ихъ рѣшительнымъ (peremptoire) тономъ; или же онѣ скроютъ враждебность своихъ тайныхъ намѣреній, прикрываясь умѣренностію, по внѣшности [1]).

«Буркеней первый не начнетъ противорѣчить; но возможно, что Джонъ Руссель будетъ держаться въ иномъ положеніи и, въ такомъ случаѣ, окажетъ намъ услугу, потому, что чѣмъ политика Запада будетъ требовательнѣе съ самаго начала, тѣмъ болѣе она охладитъ надежды и виды императора Франца-Іосифа и будетъ способствовать образованію бреши.

«Предполагая, что намъ удастся удержать императора Франца-Іосифа въ его настоящемъ положеніи, результатомъ конференцій долженъ быть—или миръ общій, если Западныя державы будутъ справедливы (equitable), или же, въ противномъ случаѣ, — война продлится безъ содѣйствія Австріи [2]).

«Затрудненія еще велики. Стараніямъ лицъ, приближенныхъ къ императору, можетъ представиться масса случайностей, которыхъ предвидѣть невозможно. Нужно принимать это во вниманіе и не падать духомъ, но и не увлекаться.

«Теперь я имѣю болѣе надежды. Въ концѣ концовъ, мы достигнемъ отъ Австріи нейтралитета, относительно ея наступательныхъ враждебныхъ дѣйствій. Мы уже достигли важнаго: теперь уже убѣдились въ нашей искренности, и императоръ Францъ-Іосифъ привыкъ видѣть во мнѣ дѣйствительнаго поклонника мира, но въ границахъ, которыя я начертилъ его величеству и которыхъ, какъ онъ убѣжденъ, я не перейду. Вотъ на чемъ я разсчитываю удержаться: законность, достоинство, откровенность; ни мелочности, ни крючкотворства (ni petitesses, ni chicanes) и въ критическую минуту—личное обращеніе къ императору, съ доказательствомъ въ

---

[1]) Отмѣтка: c'est plus que probable.
[2]) Отмѣтка: voilà ce que j'attend.

рукахъ, что наши противники имѣютъ дурныя намѣренія или, если то окажется въ разговорѣ съ его министромъ» [1]).

Въ искреннемъ желаніи императора Франца-Іосифа ускорить заключеніе мира, столь необходимаго для финансоваго положенія Австріи, сомнѣваться было невозможно. Военная напряженность Австріи требовала усиленныхъ расходовъ на поддержаніе ея политическаго престижа, тогда какъ не было никакихъ средствъ покрыть эти усиленные расходы.

Князь Горчаковъ въ донесеніи своемъ отъ 14-го (26-го) февраля [2]) слѣдующимъ образомъ очерчиваетъ финансовыя затрудненія Австріи.

«Не смотря на чрезвычайные источники доходовъ, къ которымъ прибѣгло въ послѣднее время австрійское правительство,— финансовыя затрудненія его все возростаютъ и достигли теперь такой степени, что всѣ усилія людей науки обращаются въ ничто.

«Брукка ожидаютъ съ душевной тревогой, какъ спасителя, въ минуту чрезвычайной гибели.

«Онъ колебался принять постъ [3]), но принялъ его, уступая неоднократнымъ и положительнымъ приказаніямъ императора. Никто не ожидаетъ видѣть въ немъ человѣка уступчиваго (facile). Полагаютъ, что онъ предложитъ суровыя условія и, прежде всего, потребуетъ сокращенія арміи. Нормальный расходъ на армію составляетъ всего 101 милліонъ флориновъ. Но на 1855 годъ онъ, по бюджету, достигъ уже 175 милліоновъ, предполагая, что армія останется только на настоящемъ положеніи, не предпринимая новыхъ вооруженій и не дѣлая ни какихъ спеціальныхъ приготовленій къ войнѣ. Въ сумму 175 милліоновъ не входятъ чрезвычайныя издержки по продовольствію войскъ, въ виду усилившейся на все дороговизны, на что потребуется еще много милліоновъ.

«Администрація можетъ разсчитывать только на средства банка, на суммы такъ называемаго національнаго займа и на взносъ денегъ французской компаніей.

«Большая часть этихъ источниковъ, которые возобновиться не могутъ, поглощены впередъ, не заботясь о будущемъ.

«Такъ, по условію національнаго займа, правительство обязалось покрыть прежде всего долгъ банку, и изъ собранныхъ 180 милліоновъ флориновъ дѣйствительно уплатило банку всего 45 милліоновъ; а 1-го января, снова заняло у банка 60 милліоновъ, увеличивъ такимъ образомъ свой долгъ банку еще на 15 милліоновъ флориновъ.

«Французская компанія прислала свои бумаги на вѣнскую биржу, продавая ихъ на золото; потомъ переводила золото въ Па-

---

[1]) Тоже: parfait.

[2]) Князь Горчаковъ, 14-го (26-го) февраля, 1855, № 65, М. И. Д.

[3]) Министра финансовъ.

рижъ, покупая австрійскія акціи, и этими акціями дѣлала свои ссуды вѣнскому правительству, поднявъ до чрезвычайныхъ размѣровъ лажъ на золото.

«Я знаю, что императоръ лично озабоченъ такимъ положеніемъ дѣлъ. Частые совѣты министровъ собираются во дворцѣ для обсужденія мѣръ къ поправленію обстоятельствъ. Ничего не придумано, кромѣ того, чтобы предоставить Брукку рѣшить этотъ вопросъ».

Но Бруккъ, на котораго возлагались всѣ надежды финансоваго врачеванія Австріи, не былъ, повидимому, увѣренъ въ своихъ силахъ поправить дѣло, почему долго колебался и отказывался принять предлагаемый ему постъ. Только повинуясь волѣ императора, онъ рѣшился вступить въ министерство, причемъ смотрѣлъ на себя—«какъ на доктора, призваннаго къ ложу умирающаго, боясь скомпрометировать свою репутацію.» По его мнѣнію—«если Австрія втянется въ войну—банкротство ея неизбѣжно» [1]).

«При такомъ положеніи дѣлъ, императоръ Францъ-Іосифъ и его кабинетъ, писалъ князь Горчаковъ [2]), спѣшатъ открытіемъ конференцій, въ надеждѣ, что онѣ приведутъ къ соглашенію съ нами, въ интересахъ человѣчества.

«Я не могу раздѣлять такихъ надеждъ ранѣе, чѣмъ за столомъ самой конференціи, когда разгадаю мысли Западныхъ державъ по языку ихъ представителей. Я сомнѣваюсь въ искренности французскаго правительства; но, можетъ быть, я ошибаюсь въ моихъ заключеніяхъ!»

Но въ это самое время Европа была поражена неожиданною вѣстью о кончинѣ императора Николая.

Какое вліяніе должна была оказать эта смерть и на исходъ продолжавшейся войны, и на готовившіеся къ открытію переговоры, съ цѣлью ея прекращенія?

Едва ли не болѣе всѣхъ былъ пораженъ кончиною русскаго императора Францъ-Іосифъ. Едва получивъ о томъ извѣстіе по телеграфу, онъ тотчасъ же послалъ къ князю Горчакову графа Грюна [3]), съ выраженіемъ глубокой скорби его, говоря—«что это потеря громадная (immense) не только для Россіи, но и для всей Европы».

Въ приказѣ по арміи [4]), велѣно было полку имени императора Николая называться такъ и впредь—«въ воспоминаніе дружбы, соединявшей обоихъ императоровъ и помощи (de l'assistance), оказанной имперіи въ критическое для нея время».

---

[1]) Князь Горчаковъ, 24-го февраля (8-го марта), 1855, № 82, М. И. Д.
[2]) Донесеніе отъ 17-го февраля (1-го марта), 1855, № 69.
[3]) Князь Горчаковъ, отъ 19-го февраля (3-го марта), 1855, М. И. Д.
[4]) Тоже 19-го февраля (3-го марта), 1855, № 72, М. И. Д.

Вообще императоръ Францъ-Іосифъ, по словамъ князя Горчакова, «обнаружилъ [1]) порывъ сердца и совѣсти и желаніе поправить дѣло (il voudrait reparer)».

Въ Пруссіи кончина императора Николая также произвела потрясающее впечатлѣніе на короля. Онъ отказался даже обсуждать теперь проектъ, заготовленнаго, еще въ январѣ 1855 года, соглашенія между Пруссіей и Франціей, на случай возникновенія войны между Россіей и Пруссіей, чего, впрочемъ, никто въ дѣйствительности и не допускалъ возможнымъ ни въ Берлинѣ, ни въ Петербургѣ.

Сущность этого договора, никогда впрочемъ, не выходившаго изъ области проектовъ, состояла въ томъ, что Пруссія обѣщаетъ свое активное содѣйствіе, если Россія не согласится принять программу четырехъ пунктовъ. Если же возникнетъ между Россіей и Пруссіей война, то Франція и Пруссія вступаютъ въ оборонительный и наступательный союзъ; но французскія войска не могутъ вступить на германскую территорію. Если же Пруссія не приметъ участія въ войнѣ противъ Россіи, то согласится съ Австріей относительно защиты ея пограничныхъ съ Польшею провинцій отъ нападенія русскихъ.

Когда послѣ кончины императора Николая составители этого проекта хотѣли поднести его на обсужденіе короля, то по приказанію его получили отвѣтъ—«что король находится въ глубокомъ траурѣ и ему необходимо оправиться отъ неожиданнаго удара, его поразившаго, прежде чѣмъ вести какіе-либо переговоры [2]).

Съ своей стороны Наполеонъ, получивъ депешу о смерти императора Николая отъ fluxion de poitrine, немедленно отправилъ депешу въ доктору Конно съ вопросомъ: «знаете ли вы такую болѣзнь?»

Вообще, впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ кончиною императора Николая, было очень сильное и повсемѣстное.

Князь Горчаковъ желалъ воспользоваться этимъ настроеніемъ для успѣха конференцій.

«Было бы очень желательно, писалъ онъ отъ 21-го февраля (3-го марта) [3]), открыть конференцію подъ впечатлѣніемъ чувствъ, нынѣ господствующихъ, не давая Франціи времени сплести новыя нити (d'ourdir de nouvelles trames). Слуги императора въ глубокой скорби своей почерпнутъ силы выполнить свои обязанности, къ которымъ призвалъ ихъ тотъ, который отдалъ Богу свою великую душу».

А. Петровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Князь Горчаковъ, 20-го февраля (4-го марта), 1855, № 73.

[2]) Rothan, p. 182.

[3]) Князь Горчаковъ, 21-го февраля (5-го марта), 1855, М. И.

ОТЖИВШИЕ ТИПЫ [1].

Очеркъ третій.

Катерина Ильинишна.

I.

УMAMAN былъ дядя Василій Ивановичъ, человѣкъ простой, необразованный и некрасивый.

Въ дѣтствѣ ему попалъ въ глазъ осколокъ стекла, глазъ вытекъ, и онъ окривѣлъ.

Такой несчастной случайности было достаточно, чтобъ испортить человѣку всю жизнь. Родители къ нему охладѣли; сестра, свѣтская дама, стыдилась признавать братомъ такого не авантажнаго юношу и болтался онъ, бѣдный, у нея въ домѣ на одномъ положеніи съ разными приживальщиками и приживалками, въ родѣ глухого, спившагося съ кругу, художника Лаврушки, спеціалиста по части разрисовыванія стѣнъ черезъ трафаретъ, и старушки Анны Гавриловны, замѣчательной тѣмъ, что она была очень набожна, проживала подолгу въ монастыряхъ, знала пропасть исторій про монаховъ и монахинь, и имѣла на щекѣ преогромный и преотвратительный наростъ, который мы называли пипкой.

Василій Ивановичъ обѣдалъ за однимъ столомъ съ своей важной сестрицей тогда только, когда никого не было изъ постороннихъ. Онъ не имѣлъ ни приличнаго платья, ни хорошихъ манеръ, а потому гостямъ его не показывали. Когда кого-нибудь ждали къ обѣду, бабушка приказывала своему дворецкому, длинноносому

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 287, 537.

Илюшкѣ, подать братцу кушать въ чайную, съ Лаврушкой и Анной Гавриловной.

Эту послѣднюю не безъ причины величали по имени и отчеству; она была дворянскаго происхожденія и обладала двумя крѣпостными душами, полуумной дѣвкой Сашкой и портнымъ Гришкой, подаренными ей какой-то благодѣтельницей.

Обѣ эти души были пущены ею на оброкъ и, такъ какъ другого дохода, кромѣ этого оброка, у Анны Гавриловны не было, а деньги ей были нужны, и на маслицо въ лампадку, и на свѣчи, и на молебны за спасеніе души ея грѣшной, (все остальное: одежда, пропитаніе и пристанище ей шло даромъ отъ благодѣтелей), можно себѣ представить съ какимъ остервененіемъ выматывала она назначенную плату, по тогдашнему времени весьма высокую, со своихъ рабовъ. Безпрестанно, бывало, слышишь въ дѣвичьей повѣствованіе о томъ, какъ въ части драли то Гришку, то Сашку, по требованію ихъ владѣлицы, смиренной богомолки Анны Гавриловны.

Что же касается до художника, всѣмъ было извѣстно, что онъ только на двадцать пятомъ году отъ роду откупился на волю у своего барина, раззорившагося помѣщика, а потому обижаться тѣмъ, что зовутъ его Лаврушкой, онъ ужъ никакъ не могъ.

Дяденька Василій Ивановичъ былъ очень добрый, тихій и скромный человѣкъ, изъ тѣхъ, что особенно умѣютъ привязывать къ себѣ дѣтей. Племянницы любили его и, когда вторая изъ нихъ, наша мать, вышла замужъ за человѣка съ вѣсомъ и положеніемъ въ обществѣ, она взяла дяденьку Василія Ивановича подъ свое покровительство.

Его опредѣлили въ канцелярію отца и дали ему помѣщеніе у насъ въ домѣ, въ горенкѣ, между кладовой и дѣвичьей.

Обѣдалъ онъ въ дѣтской, съ маленькими дѣтьми и съ мадамъ Тома, а въ свободное отъ службы время игралъ съ нами и вырѣзывалъ намъ, изъ картъ и бумаги, преинтересныя штучки, пѣтушковъ, домики, санки.

Когда онъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, пріобыкъ къ дѣлу, подъ руководствомъ приставленнаго къ нему опытнаго чиновника, ему дали самостоятельную должность съ хорошимъ жалованьемъ въ уѣздномъ городѣ Б—вѣ и мы видѣлись съ нимъ рѣдко, тогда только когда онъ пріѣзжалъ къ отцу по служебнымъ дѣламъ.

Ходилъ ужъ онъ тогда не въ сюртукѣ съ чужого плеча, какъ прежде, а въ своемъ собственномъ виц-мундирѣ, съ свѣтлыми пуговицами. И галстухи завелъ себѣ такіе, какъ у нашего отца, большіе, черные, шелковые, высоко подпиравшіе сине-выбритыя щеки, съ торчавшими выше ушей туго-накрахмаленными воротничками бѣлой манишки, коломъ стоявшей на груди.

Галстухи эти назывались волосяными, потому что въ нихъ вкладывался кусокъ твердой волосяной ткани, чтобы они не мялись.

Мы пришли въ неописанный восторгъ, когда увидѣли въ первый разъ дяденьку Василія Ивановича такимъ франтомъ и осматривали его со всѣхъ сторонъ, начиная отъ волосъ, гладко зачесанныхъ на виски, съ торчавшимъ спереди шикарнымъ хохломъ, совсѣмъ по модѣ, и кончая сапогами, сверкавшими какъ маленькія зеркала.

Такую особу нельзя ужъ было сажать за дѣтскій столъ съ мадамъ Тома, ему ставили приборъ съ большими, и во время обѣда отецъ милостиво съ нимъ разговаривалъ.

Отецъ называлъ его Василіемъ Ивановичемъ, a maman—дяденькой.

И мы тоже звали его дядей, хотя онъ доводился намъ скорѣе дѣдомъ. Онъ звалъ нашего отца, въ глаза и за глаза, превосходительствомъ, maman—племянницей, а насъ уменьшительными именами, но говорилъ намъ—вы.

Съ сестрой своей, бабушкой Варварой Ивановной, онъ былъ постоянно, какъ у насъ выражались, въ контрахъ.

Она относилась къ нему съ пренебреженіемъ, досадовала на участіе къ нему maman и часто говорила ей съ ироническОЙ усмѣшкой:—«Отплатитъ вамъ Василій Ивановичъ за ваши о немъ заботы, вотъ увидите».

А у него, при имени сестры, являлось особенное выраженіе на лицѣ: склонитъ голову на бокъ, кривой глазъ совсѣмъ прищуритъ, а здоровый вскинетъ кверху и, добродушно улыбаясь, протянетъ: «Сестрица у насъ дама тонкая, у-у-у, какая тонкая!»

Послѣ того, какъ онъ получилъ мѣсто въ Б—вѣ, maman часто говорила: «Какъ я рада, что удалось, наконецъ, пристроить дяденьку Василія Ивановича».

А отецъ, глубокомысленно замѣчалъ на это: «Василій Ивановичъ человѣкъ старательный и не безъ способностей. У него и почеркъ сталъ исправляться».

Ничего не цѣнилъ отецъ такъ высоко въ своихъ чиновникахъ, какъ красивый почеркъ. Писаря у него такъ писали, что любой изъ нихъ годился бы въ учителя калиграфіи.

II.

Дяденькой, такимъ образомъ, всѣ были довольны и самъ онъ былъ доволенъ, какъ вдругъ стали доходить про него изъ Б—ва недобрые слухи. Разсказывали, будто онъ влюбился въ какую-то шлюху и хочетъ на ней жениться.

Извѣстіе это очень растревожило maman, и Танюша была послана на развѣдки.

Отправилась она въ Б—въ будто на богомолье въ какой-то монастырь, находившійся въ той мѣстности, и должна была зайти

къ дядинькѣ Василію Ивановичу отъ себя, не подавая и виду, что господамъ ужъ все извѣстно.

Выполнила она миссію свою блистательно; прожила въ Б—вѣ дней десять, все разнюхала, развѣдала, и, вернувшись назадъ, объявила, что все, чтò болтаютъ про дяденьку Василія Ивановича, къ сожалѣнію, сущая правда. Полюбилась ему дочка пономарихи, и онъ объявилъ себя ея женихомъ.

Ужъ и обрученіе было.

Пономариха бѣдная-пребѣдная, живетъ въ крошечной лачужкѣ и тѣмъ только питается, чтò дочка стиркой заработаетъ, да чтò добрые люди, Христа-ради, подадутъ.

Какъ сталъ дяденька Василій Ивановичъ крахмальныя рубашки носить, понадобилась ему хорошая прачка. Ему указали на Катьку пономареву, онъ ей послалъ узелъ грязнаго бѣлья выстирать. Съ этого знакомство и началось.

Катька была красавица и, по выраженію Танюши, пройда.

Дяденьку нашего, съ его мягкостью, тихостью да простотой, она живо раскусила и такъ онѣ его, обѣ съ матерью, прибрали къ рукамъ, что сколько maman не хлопотала и не интриговала противъ этой свадьбы, она все-таки состоялась.

За нѣсколько дней до этого событія, Танюшу опять командировали въ Б—въ, и на этотъ разъ, не тайнымъ соглядатаемъ, а явнымъ уполномоченнымъ, съ письмомъ отъ генеральши къ дяденькѣ Василію Ивановичу, въ которомъ была приписка и отъ самаго генерала.

Но и это ни къ чему не повело. Слишкомъ ужъ большую силу забрала надъ нашимъ дяденькой черноглазая Катька.

— Околдовала она ихъ совсѣмъ, — разсказывала Танюша. — Станешь имъ про барыню говорить, плачутъ, слезьми обливаются. Она мнѣ, говоритъ, благодѣтельница, живота, говоритъ, для нея не пожалѣю, а только, чтобъ отъ Катеньки моей ненаглядной отказаться, этого не могу, говоритъ.

Пыталась Танюша и на самую эту Катьку и на мать ея воздѣйствовать; краснорѣчиво расписывала она какимъ напастямъ онѣ подвергаются, раздражая вліятельныхъ и богатыхъ родственниковъ. «Вѣдь нашъ генералъ въ Аршавѣ, при самомъ великомъ князѣ состояли. У нихъ и лента красная черезъ плечо, и звѣзда, и кресты, все это самимъ царемъ жалованное. Какъ въ прошломъ году непріятность промежъ ихъ съ губернаторомъ вышла и оба въ Петербургъ эстафеты съ жалобами другъ на дружку посылали, такъ губернатору-то вышло приказаніе у нашего генерала прощеніе просить, вотъ мы тамъ въ какой силѣ, а вы, при такомъ вашемъ ничтожествѣ, уважить намъ не желаете! Спокаетесь, говорю, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь нашему генералу ничего не стоитъ и мѣста Василія Ивановича лишить, и на всю жизнь не-

счастнымъ его сдѣлать. Куда вы тогда дѣнетесь? Чѣмъ будете жить? Вѣдь это теперь тебѣ хорошо стиркой, да шитьемъ заниматься, теперь такое твое званіе, что никто осудить тебя за это не можетъ, ну, а тогда, какъ столбовой дворянкой сдѣлаешься, питаться такою низостью тебѣ ужъ нельзя будетъ, говорю. А она мнѣ на это: — «почему же нельзя, — говоритъ, — руки-то у меня тѣ же останутся». Ну вотъ, и толкуй съ нею послѣ этого. Мать, та посмирнѣе будетъ, она страхъ передъ господами понимаетъ, а ужъ дочь! Такая отважная — страсть! Воли съ нея съизмальства никто не снималъ, вотъ и куражится. Ну, да онѣ, церковныя-то, всѣ такія отчаянныя. Что ей не говори, какіе резоны не представляй, а она все свое: «Я, говоритъ, не крѣпостная, меня, говоритъ, на конюшнѣ высѣчь нельзя». Ну, говорю, красавица, ты ужъ больно носъ-то не задирай; случалось видѣть, что и не такихъ попадеекъ какъ ты, а настоящихъ дворянъ, изъ тѣхъ, что побѣднѣе, да за которыхъ вступиться некому, преисправно пороли. Намекаю, значитъ, что и съ нею можно такъ поступить, а она и слушать не хочетъ. Вотъ онъ на какую наскочилъ, нашъ Василій Ивановичъ».

Оскорбленная до глубины души дерзостью такой дряни какъ Катька, maman никакъ не могла примириться съ мыслью, что ничѣмъ нельзя помѣшать этой свадьбѣ.

— Вѣдь ты ему начальникъ,—повторяла она мужу,—въ чемъ же твоя власть, если ты даже хорошенько пригрозить ему не можешь? Объяви, что ты выгонишь его со службы, если онъ женится, и что ему въ здѣшней губерніи нигдѣ нельзя будетъ пристроиться.

Но отецъ былъ большой педантъ, безъ формы, да безъ закона, ни на шагъ. Запрещать своимъ чиновникамъ дѣлать мезальянсы онъ считалъ себя не въ правѣ.

— Такъ ты даже и этого не можешь сдѣлать!—изумлялась maman, внѣ себя отъ досады и разочарованія.

Престижъ мужа сильно поколебался въ ея глазахъ отъ этого случая.

— Значитъ я должна буду Катьку-прачку тетенькой звать и ручки у нея цѣловать,—съ горечью жаловалась она, забывая, что и у дяденьки-то своего родного рукъ никогда не цѣловала, а только слегка прикасалась своими розовыми губками къ его головѣ, когда онъ подходилъ къ ея ручкѣ, часто замѣчая ему при этомъ съ гримаской: «Что это вы, дяденька, какой скверностью помадитесь!»

Отецъ не безъ смущенія возражалъ, что можно совсѣмъ не знакомиться съ женою дяденьки Василія Ивановича, и съ нимъ самимъ прекратить всякія сношенія.

— Сюда ему пріѣзжать не для чего. Если я прежде вызывалъ его по дѣламъ, то единственно для того, чтобъ доставить тебѣ удо-

вольствіе повидаться съ нимъ. Донесенія свои онъ и по почтѣ можетъ присылать.

— Устрой хоть это, если ничего другого ты не можешь сдѣлать,—замѣчала со вздохомъ maman.

И къ этому она прибавляла, что дяденька Василій Ивановичъ ей такъ опротивѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ связался съ этой гадостью, Катькой, что она и думать про него равнодушно не можетъ.

III.

Прошло мѣсяцевъ шесть. Наступила осень и отецъ, какъ всегда, собрался ѣхать по губерніи на ревизію.

По пути онъ долженъ былъ заѣхать и въ Б—въ.

— Пожалуйста, mon cher, обойдись съ Василіемъ Ивановичемъ какъ можно суровѣе, чтобы онъ понялъ, что мы никогда не простимъ ему его неблагодарности,—рекомендовала мужу maman.

Отецъ обѣщалъ поступить по ея желанію.

Вернулся онъ недѣли черезъ три и, какъ будто, чѣмъ-то смущенный. Онъ былъ необыкновенно со всѣми ласковъ и внимателенъ, разговорчивъ не въ мѣру, ни о чемъ не дастъ спросить, все самъ разспрашиваетъ: кто у насъ былъ, куда maman ѣздила, чѣмъ развлекалась? Такъ и закидываетъ ее вопросами.

Это всѣ замѣтили. Привелъ онъ обѣдать изъ канцеляріи своихъ помощниковъ, Алексѣя Николаевича и Алексѣя Карповича; а послѣ обѣда, не успѣли они откланяться и уйти, только было maman открыла ротъ, чтобъ спросить про дяденьку Василія Ивановича, онъ поднялся съ мѣста, и, расцѣловавъ у нея ручки, объявилъ, что ужасно усталъ и ушелъ отдыхать въ кабинетъ.

Вечеромъ опять явились Алексѣй Николаевичъ и Алексѣй Карповичъ и сѣли играть съ maman въ преферансъ.

Эти два старца каждый вечеръ играли въ карты съ супругой своего начальника. Это, какъ будто, входило въ кругъ ихъ обязанностей по службѣ.

А отецъ, между тѣмъ, выспавшись, принялся за работу и заперся въ кабинетѣ. Пришелъ онъ въ спальню жены такъ поздно, что она ужъ навѣрно спала.

Такъ maman и не узнала ничего въ тотъ день про дяденьку Василія Ивановича.

Но въ дѣвичьей и у мадамъ Тома ужъ все было извѣстно. Камердинеръ Петръ, сопровождавшій барина во время его путешествія, разсказалъ своей возлюбленной, Парашѣ, а эта, чтобъ угодить всесильной Танюшѣ, поспѣшила ей передать, что баринъ не только никакой особенной суровости не проявилъ относительно дяденьки Василія Ивановича, но еще оказалъ имъ великую милость—крестилъ у нихъ ребенка.

Ребенка? Откуда взялся ребенокъ? Вотъ чудеса-то!

Стали высчитывать по пальцамъ: свадьба была въ апрѣлѣ, теперь сентябрь.

— Недоносокъ вѣрно?—спросила, озабоченно сдвигая брови, Танюша.

— Какой тамъ недоносокъ! Дѣвочка, да такая крѣпенькая, горластая, Катериной назвали.

— Въ честь матери значитъ. Да какъ же это они нашего генерала-то обволокли? Вѣдь ему барыня наказывала построже съ ними обойтись, я сама слышала.

— А вотъ подите же, обошли, значитъ. Генералъ за крестикомъ въ Тамбовъ посылалъ, Петръ ѣздилъ. Приказали ему также матеріи на платье купить Катеринѣ Ильинишнѣ. Сто рублей дали. Петръ на всѣ и купилъ,—распространялась Параша.

— Да вѣдь ризки-то кума должна дарить, а не кумъ.

— Ну, гдѣ ужъ такой кумѣ!—возразила Параша и фыркнула въ кулакъ.

— Ктожъ у нихъ кумой-то былъ?—полюбопытствовала бѣлошвейка Лизавета.

— Ужъ и кума! Въ темненькомъ ситцевомъ платьишкѣ у купели стояла, маленькая такая, вся сморщенная, платочкомъ повязана.

— Подслѣповатая?

— Кажется подслѣповатая.

— Пономариха значитъ,—авторитетно заявила Танюша.

— Она самая. Нашъ баринъ ей золотой подарилъ. Не знала что̀ съ нимъ и дѣлать, вертитъ въ рукахъ. А дочка-то ей: «дайте, говоритъ, маменька, я для нашей Катюши спрячу». Ну, отдала, конечно.

Все это казалось такъ чудно̀ и неправдоподобно, что съ перваго разу никто и вѣрить не хотѣлъ. Подкараулили Петра въ коридорѣ, зазвали его въ дѣвичью, стали разспрашивать. Онъ подтвердилъ слово въ слово то, что̀ раньше сказалъ Парашѣ, и этимъ всякія сомнѣнія разсѣялъ.

Всѣ были такъ поражены, что не знали, что̀ и сказать и, послѣ продолжительнаго молчанія, Танюша изрекла, покачивая головой:

— Натворили дѣловъ, нечего сказать! И достанется же барину, какъ барыня узнаетъ, и и-ихъ, какъ достанется!

Можетъ и дѣйствительно досталось, но тѣмъ не менѣе дяденькина дочка оказалась крестницей генерала, этого передѣлать ужъ нельзя было и пришлось мириться съ свершившимся фактомъ.

Бабушка Варвара Ивановна, отъ которой скрыть этого происшествія нельзя было, отнеслась къ нему съ большимъ любопытствомъ, разспрашивала кто именно просилъ отца крестить новорожденную: дяденька Василій Ивановичъ или его жена, допыты-

валась какой матеріи ей купили на платье и, вообще, сколько именно истрачено было крестнымъ отцомъ на крестины и при каждой новой подробности она ухмылялась загадочной усмѣшкой, а глаза ея сверкали веселымъ блескомъ. Нашей maman она совѣтывала не принимать близко къ сердцу поступка мужа относительно семьи Василія Ивановича.

— Она, говорятъ, прекрасивая, эта мерзавка, а ты знаешь, всѣ мужчины на этотъ счетъ, ce sont des cochons [1]),—прибавила она по-французски.

Maman обидѣлась.

— Пожалуйста, маменька, не выражайтесь такъ про Дмитрія Николаевича. Если онъ крестилъ этого ребенка, то это потому, что онъ думалъ доставить мнѣ этимъ удовольствіе, вѣдь дяденька Василій Ивановичъ все-таки намъ близкій человѣкъ и еслибъ онъ не женился на этой дряни... Вотъ ей, я ужъ никогда не прощу, никогда!

IV.

Да, женѣ Василія Ивановича maman простить не могла, но къ ребенку этой женщины она восчувствовала нѣчто въ родѣ нѣжности.

На дяденьку она продолжала гнѣваться за неблагодарность, Катерину Ильинишну даже гнѣвомъ не удостоивала и вполнѣ игнорировала ее, (имени ея никто не смѣлъ произносить при ней вслухъ), а на ребенка ихъ ей, вдругъ, вздумалось предъявлять права.

И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе капризъ этотъ въ ней разгорался.

Когда дѣвочкѣ минуло три года, Танюша снова была командирована въ Б—въ съ тѣмъ, чтобъ посмотрѣть на маленькую Катю и все обстоятельно донести объ ней барынѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ей приказано было посовѣтывать какъ-нибудь «этой женщинѣ», (maman всегда такъ выражалась, говоря про жену Василія Ивановича), отдать дочку на воспитаніе генеральшѣ.

— Скажи ей, что я, можетъ быть, и соглашусь оказать имъ это благодѣяніе, если они хорошенько попросятъ меня объ этомъ,— говорила maman своей посланной на прощальной аудіенціи.

Но Танюшѣ не представилось случая даже и заикнуться объ этомъ.

— Такъ они оба утѣшаются своимъ дитятей, такъ радуются на него, что ни за чтò на свѣтѣ никому не отдадутъ,—разсказывала она по возвращеніи домой.

---

[1]) Свиньи.

Дѣвочка была, по ея словамъ, прехорошенькая и презабавная. Умна на диво и такая здоровенькая, Богъ съ нею!

— Воображаю какъ они ее глупо воспитываютъ!—съ презрительной усмѣшкой замѣчала maman.

— Да никакъ они ее, сударыня, не воспитываютъ, а ростетъ себѣ дитя вольно, какъ у простыхъ,—спѣшила согласиться Танюша.—Покормятъ, укачаютъ, спать положатъ, а какъ проснется, либо молочка съ бѣлымъ хлѣбцомъ, либо сладкая кашка ей готова. А тамъ гулять выведутъ, играетъ, рѣзвится съ ребятишками на дворѣ. Голуби тамъ расхаживаютъ, цыпляты, свинка похрюкиваетъ, теленочекъ мычитъ, все это ей въ радость, извѣстно какъ у простыхъ. Василій Ивановичъ какъ вернется со службы, такъ сейчасъ къ дочуркѣ и носится съ нею, съ рукъ не спускаетъ...

— Ну, ступай себѣ,—недовольнымъ тономъ прерывала повѣствованіе maman.

Въ дѣвичьей Танюша распространялась больше про дяденькину супругу. Всѣ у насъ въ домѣ интересовались этою личностью и ко всему, что до нея касалось, прислушивались съ большимъ вниманіемъ. Разсказы объ ней сводились къ тому, что дяденька Василій Ивановичъ живетъ съ женой прекрасно, такъ любовно и дружно, какъ дай Богъ всякому.

Домъ у нихъ полная чаша. Онъ для жены и для дочки ничего не жалѣетъ, а она во всемъ ему потрафляетъ, покоитъ его и всячески уважаетъ. И такая вальяжная стала, такъ выхолилась, отъ настоящей барыни не отличишь.

Всѣ къ ней съ почтеніемъ. При Танюшѣ исправничиха пріѣзжала съ визитомъ и на чашку чаю звала. «Видишь, Ефимовна, тоже вѣдь господа, сама-то, исправничиха, полицмейстеру племянницей доводится, а знакомствомъ со мною не брезгаетъ», сказала Катерина Ильинишна, проводивши свою гостью. А Танюша ей на это, политично такъ, чтобъ и господъ своихъ отстоять и ее не очень обидѣть: «Господа господамъ рознь, говоритъ; вонъ, и Александру Петровну Сухоручку надо бы за барыню почитать, дворянскаго она роду и дѣвкой Аришкой владѣетъ, а я ей намеднись, какъ письмо ей надо было сыну въ Астрахань послать, свою гривну ссудила, и дальше какъ въ дѣвичью, да въ чайную, ей у насъ ходу нѣтъ».

Намекъ этотъ Катерина Ильинишна поняла отлично и весь остальной вечеръ дулась на свою посѣтительницу, однако разсталась съ нею въ наилучшихъ чувствахъ и даже такія слова у нея вырвались на прощаніе, что всѣмъ бы хороша ея жизнь, да вотъ только Василій Ивановичъ часто по племянницѣ-генеральшѣ скучаетъ.

— А вы это барынѣ сказывали, Татьяна Ефимовна?—полюбопытствовала одна изъ слушательницъ.

На вопросъ этотъ Танюша нахмурилась и уклончиво отвѣчала, что сама знаетъ какъ и что̀ надо говорить съ господами.

V.

Прошло еще года два и вдругъ, получилось извѣстіе, что дяденька Василій Ивановичъ умеръ.

На этотъ разъ Танюшу послали въ Б—въ съ порученіемъ привезти его дочь.

Дѣло было зимой. Maman была такъ увѣрена, что теперь никакихъ препятствій къ исполненію ея желанія не предвидится, что она даже приказала Танюшѣ захватить съ собой кое-что изъ теплой одежды для Кати, старую шубку и розовый капоръ сестры Сони, и ея сапожки на мѣху. Дали также Танюшѣ въ крытую кибитку большую медвѣжью полость и велѣно ей было передать вдовѣ дяденьки Василія Ивановича, что ей выхлопочутъ пенсію изъ казны, а кромѣ того, каждый годъ генеральша ей будетъ выдавать отъ себя сто рублей на содержаніе, только бы она оставалась жить въ Б—вѣ и вела себя скромно и прилично.

Но хлопоты эти оказались напрасными, Танюша вернулась домой одна. Катерина Ильинишна наотрѣзъ объявила, что ни за что не разстанется съ дочерью.—«Съ голоду,—говоритъ,—буду помирать, за стирку опять примусь, а Катюшу имъ не отдамъ. И пенсіи ихъ мнѣ не надо, и на деньги ихъ плевать хочу».

Можно себѣ представить гнѣвъ maman!

Во всѣхъ углахъ дома отозвалось этимъ гнѣвомъ. Всѣ были насторожѣ, чтобъ чѣмъ-нибудь, Боже упаси, еще больше не разстроить барыню. Говорили тихо, озираясь по сторонамъ, точно въ домѣ покойникъ.

У maman былъ крупный разговоръ съ мужемъ. Она настаивала на томъ, чтобъ Катю взять силой, если мать ея такъ скверна, глупа и неблагодарна, что не хочетъ разстаться съ нею по доброй волѣ. И на всѣ доводы отца противъ такой мѣры, она повторяла съ слезами:—«Никогда не повѣрю я, чтобъ этого нельзя было сдѣлать, никогда!»

И всѣ были съ нею согласны, что сдѣлать это можно. Стоитъ только слово шепнуть губернатору или полиціймейстеру, или жандармскому Ивану Ивановичу. Но безъ согласія мужа maman на это не рѣшалась.

Она его побаивалась немножко, хотя и знала, что онъ влюбленъ въ нее до безумія.

Онъ былъ ее старше лѣтъ на двадцать и вышла она за него безъ любви, но была, по своему, счастлива и рисковать этимъ счастьимъ отнюдь не желала. Дорожила она и довѣріемъ мужа, и тѣмъ, что благодаря его состоянію и положенію въ обществѣ, она, послѣ губернаторши, первая дама въ городѣ и что домъ нашъ поставленъ совсѣмъ на благородную ногу.

Изъ Петербурга и Варшавы, гдѣ отецъ провелъ всю свою молодость, онъ вывезъ такія идеи о комфортѣ и приличіяхъ, о которыхъ здѣсь мало кто въ то время имѣлъ понятіе.

VI.

Это и на крѣпостныхъ нашихъ отзывалось. Ни одинъ изъ нихъ, кромѣ ребятишекъ, не состоявшихъ еще на господской службѣ, не ходилъ босикомъ и въ лохмотьяхъ, какъ у другихъ господъ, у нашей бабушки, напримѣръ.

Бабушка была богата, любила роскошь и всевозможныя наслажденія, тратилась на наряды, на пріемы, на такія затѣи какъ оранжереи, теплицы, а на людей ея тяжело было смотрѣть, до того они были замучены непосильной работой и страшными истязаніями за самый ничтожный проступокъ. Кормили ихъ отвратительно, помѣщались они въ полуразвалившихся, старыхъ деревянныхъ флигеляхъ, съ выбитыми стеклами, испорченными печами и въ такомъ множествѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, даже зимой, въ трескучій морозъ, уходили отъ смрада ночевать въ холодную баню или въ каретный сарай.

У насъ люди были и помѣщены хорошо, и всегда сыты, и работой ихъ не обременяли такъ, какъ другихъ; однимъ словомъ, по тогдашнему времени, имъ оставалось только Бога благодарить за свою судьбу, и они это сознавали.

Упоминаю объ этомъ, чтобъ не думали, что я описываю исключительную по самодурству, жестокости и неразвитости, дворянскую семью сороковыхъ годовъ.

Я взяла среднее между нравственными уродами, злоупотреблявшими своею властью изъ гнусной страсти къ произволу и тиранніи, и тѣми свѣтлыми личностями, постигшими уже тогда зло крѣпостного права и мечтавшими объ уничтоженіи этого зла.

Объ этихъ послѣднихъ, въ томъ городѣ на Волгѣ, гдѣ я родилась и выросла, во время моего дѣтства еще мало было слышно, что же касается до первыхъ, ихъ, къ сожалѣнію, было еще такъ много, что сравнительно съ ними, такіе господа, какими были наши родители, не могли не казаться добрыми, справедливыми и прекрасно воспитанными.

Само собою разумѣется, что они и сами считали себя таковыми, а потому негодованіе maman на Катерину Ильинишну было весьма понятно.

Всѣ ей въ этомъ сочувствовали и упорство отца, не желавшаго отнимать силой ребенка у матери на томъ основаніи, что ребенку этому будетъ лучше чѣмъ у нея, упорство это называли капризомъ и непонятнымъ педантизмомъ во взглядахъ на чужія права

и чувства; ссылки же его на законъ въ этомъ отношеніи казались просто смѣшными.

Бабушка, для которой вообще никакихъ законовъ не существовало и которая всю свою жизнь хвасталась, что всегда и во всемъ умѣетъ ставить на своемъ, бабушка совѣтывала просто выкрасть ребенка у Катерины Ильинишны, если она добровольно разстаться съ нимъ не желаетъ.

При этомъ она весьма резонно доказывала, что нѣтъ ничего легче, какъ заставить ее молчать, если она слишкомъ громко начнетъ жаловаться на насиліе.

— Пристращать хорошенько, такъ замолчитъ, не безпокойся. Не такихъ, какъ она, заставляли молчать,—говорила она съ усмѣшкой.—Хочешь, я тебѣ все это устрою?

Но maman отказывалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій Николаевичъ разсердится.

— Да я же тебѣ говорю, что все беру на себя, твой Дмитрій Николаевичъ ничего и не узнаетъ,—настаивала бабушка, у которой духъ захватывало отъ радости при одной мысли о томъ, что у нея заведутся съ дочерью генеральшей секреты отъ зятя.

Но maman ничего такъ не боялась, какъ быть въ чемъ бы то ни было солидарной съ матерью, а потому на всѣ ея предложенія отвѣчала:

— Оставьте, пожалуйста, маменька, я противъ воли Дмитрія Николаевича ни за что̀ не пойду.

Бабушка пожимала плечами, съ видомъ оскорбленнаго достоинства выпрямлялась, и произносила съ сдержаннымъ раздраженіемъ:

— Какъ хочешь, ma chere, ссорить съ мужемъ я тебя не желаю, но всегда скажу, что это чистый капризъ съ его стороны, ему ровно ничего не стоитъ заставить эту женщину отдать тебѣ ребенка, ровно ничего.

VII.

И вѣрные партнеры maman, Алексѣй Карповичъ и Алексѣй Николаевичъ, были того же мнѣнія и, хотя явно и не подстрекали ее противъ мужа, какъ бабушка, но ужъ по одному тому, какъ они переглядывались между собою, слушая сѣтованія maman, можно было понять, что будь только они на мѣстѣ ея супруга, ни тотъ, ни другой не задумался бы задать хорошую порку негодницѣ, смущавшей душевное спокойствіе хорошенькой генеральши.

Но его п—во прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ не желалъ и оставалось, значитъ, уповать только на Бога.

На этомъ особенно настаивалъ Алексѣй Николаевичъ.

Происходя изъ духовнаго званія, онъ одно время состоялъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря при знаменитомъ Магницкомъ, отлично

зналь все, что касалось церковныхъ уставовъ и священнаго писанія, видъ имѣлъ смиренный, взглядъ исподлобья, на языкъ былъ сдержанъ и выражался витіеватыми фразами, въ которыхъ всѣми подозрѣвался глубокій, затаенный смыслъ.

Алексѣй Карповичъ тотъ былъ много развязнѣе и менѣе добродѣтельнаго склада мыслей и характера. Онъ былъ моложе лѣтъ на десять своего товарища по службѣ, но волосы на головѣ и бакенбарды (бороды и усовъ ни тотъ ни другой не носилъ) у него были совсѣмъ бѣлые, а цвѣтъ лица здоровый, глаза блестящіе какъ у юноши и всегда лукаво смѣющіеся. Большой балагуръ, на всѣ руки ловкій и хитрый. Происхожденія Алексѣй Карповичъ былъ низкаго. Здѣшніе старожилы хорошо помнили его отца, изъ государственныхъ крестьянъ, когда онъ привозилъ сюда продавать на базаръ своихъ гусей.

Общаго между этими двумя сподвижниками отца было то, что оба они съумѣли сдѣлаться ему необходимыми и завоевать его полное довѣріе. Оба обладали прекраснымъ почеркомъ, являлись къ намъ въ вицмундирахъ, нюхали табакъ изъ тяжелыхъ, серебряныхъ табакерокъ, пожалованныхъ имъ въ знакъ отличія по службѣ, имѣли гладко выбритые подпородки и лысины во всю голову.

Про Алексѣя Николаевича отецъ говорилъ, что у него бойкое перо и что голова у него—ума палата, а про Алексѣя Карповича ничего не говорилъ, но положительно жить безъ него не могъ. За нимъ посылали даже тогда, когда maman рожала; въ акушерствѣ онъ ровно ничего не смыслилъ, но съ нимъ отецъ чувствовалъ себя спокойнѣе.

Оба, и Алексѣй Николаевичъ, и Алексѣй Карповичъ, были женаты, имѣли много дѣтей, собственные дома въ городѣ, прекрасно устроенныя усадьбы подъ городомъ и земли за Волгой. На службѣ оба наживались исправно и оставили дѣтямъ большое состояніе; но отецъ былъ убѣжденъ, что честнѣе и безкорыстнѣе людей, какъ его помощники, невозможно найти на всемъ земномъ шарѣ.

Съ ними обоими maman совѣтывалась насчетъ Катерины Ильинишны больше и серьезнѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ. Она знала, что эти двое никому ее не выдадутъ.

— Если мнѣ удастся взять дочь покойнаго дяденьки на воспитаніе,—говорила она, сдавая своими маленькими, пухленькими ручками карты,—я съѣзжу на поклоненіе мощамъ преподобнаго Митрофанія.

И заглянувъ въ игру, объявляла семь червей.

Алексѣй Николаевичъ почтительно наклонялъ голову и, послѣ небольшого раздумья, тоже объявлялъ свою игру. А затѣмъ, возвращаясь къ прерванной бесѣдѣ, спрашивалъ:

— Обѣщаніе изволили дать, ваше п—во?

— Да, обѣщаніе, — отвѣчала maman, мысленно расчитывая сколько ей можно будетъ взять взятокъ.

— Хорошее дѣло, ваше п—во,—замѣчалъ Алексѣй Николаевичъ, вскидывая на нее бѣглый взглядъ изъ-подъ нависшихъ, черныхъ бровей и снова опуская глаза на карты.

Алексѣй же Карповичъ, поднявъ свои золотые очки и глядя на maman въ упоръ своими смѣющимися сѣрыми глазами, замѣчалъ на это съ тонкой усмѣшкой:

— Изморомъ ее надо пронять, ваше п—во, изморомъ, хе, хе, хе! Потравить хорошенько, какъ зайчика, хе, хе, хе!

И помолчавъ немного, прибавлялъ, забирая взятки и постукивая при этомъ пальцами по столу:—«а молиться никогда не мѣшаетъ, ваше п—во, никогда».

На это maman отвѣчала только вздохомъ.

И Танюша была такого мнѣнія, что стòитъ Катерину Ильинишну поприжать, непремѣнно смирится.

— Ну что она одна, безъ покровителей-то станетъ дѣлать? Отъ грубой работы отстала, гдѣ ей одной и себя, и ребенка, прокормить! Какъ проѣстъ все, чтò послѣ мужа осталось, такъ и смирится.

Оставалось, значитъ, только ждать.

VIII.

Время отъ времени доходили объ ней изъ Б—ва слухи. Всего чаще черезъ того чиновника, что посланъ былъ на мѣсто покойнаго дяденьки.

Все сбывалось какъ по писанному. Распродавъ за безцѣнокъ имущество, Катерина Ильинишна переѣхала съ дочерью къ знакомой писарихѣ, у которой былъ свой домишко, и стала искать работы. Но никакой работы для нея не находилось. У окрестныхъ помѣщиковъ были свои крѣпостныя швеи и бѣлошвейки, а прочія сами себѣ чтò нужно дѣлали.

Къ тому же, какъ прознали про ея дерзость супротивъ генеральши, весь чиновничій міръ на нее ополчился.

Исправничиха, подъ тѣмъ предлогомъ что дядя ея, полиціймейстеръ, очень дорожитъ расположеніемъ нашего отца, прямо объявила, что на порогъ къ себѣ не пуститъ вдову покойнаго Василія Ивановича.

Другіе тѣмъ охотнѣе послѣдовали ея примѣру, что всѣ здѣсь помнили Катерину Ильинишну, когда она была еще не замужемъ и когда ее иначе, какъ пономарихинской Катькой, никто не звалъ.

Городничиха сдѣлала сцену своему мужу за то, что встрѣтившись съ Катериной Ильинишной на улицѣ, онъ ей поклонился и спросилъ, какъ она поживаетъ.

Катерина Ильинишна объ этомъ узнала и, подкарауливъ городничаго, когда онъ шелъ мимо ея оконъ, зазвала его къ себѣ и угостила чаемъ съ вареньемъ.

Когда городничихѣ объ этомъ донесли, она разсвирѣпѣла, выругала мужа колпакомъ, а Катерину Ильинишну развратницей и послала ей сказать, что она пожалуется на нее ея родственницѣ, генеральшѣ.

Катерина Ильинишна отвѣчала на это, что ей наплевать, и на зло своей недоброжелательницѣ опять сдѣлала какой-то авансъ ея мужу.

Тутъ ужъ поднялась такая катавасія, что писариха, убоявшись отвѣтственности за свою буйную жиличку, попросила ее съѣхать на другую квартиру.

Катерина Ильинишна наняла пустой флигелекъ при домѣ богатой помѣщицы. Сама помѣщица жила безвыѣздно въ своемъ имѣніи, но въ домѣ останавливался иногда ея сынъ, молодой человѣкъ, служившій по выборамъ. Онъ былъ знакомъ съ Катериной Ильинишной еще при жизни ея мужа и сталъ бывать у нея. По городу сейчасъ пошла молва и помѣщица приказала Катеринѣ Ильинишнѣ очистить флигель.

Между тѣмъ денежные рессурсы ея подошли къ концу; все что было выручено отъ продажи вещей, оставшихся послѣ мужа, было прожито и волей-неволей приходилось смириться.

Теперь Катерина Ильинишна съ радостью поступила бы и въ горничныя, и въ няньки, еслибъ кто-нибудь ее взялъ съ ребенкомъ. Но никто не хотѣлъ ее брать; всѣ боялись нажить себѣ непріятностей черезъ нее, отъ родственниковъ ея покойнаго мужа.

Положеніе ея со дня на день становилось безвыходнѣе. Разсказывали, что скоро ей ужъ нечѣмъ будетъ кормиться съ ребенкомъ, останется милостыню просить пода окнами, чтобъ не пропасть съ голоду и съ холоду.

Какая ужъ тамъ материнская любовь при такой бѣдности! Глупость одна и желаніе во что бы то ни стало идти наперекоръ богатой и великодушной родственницѣ изъ зависти и упрямства.

Такъ рѣшали одни. Другіе же, съ усмѣшкой намекали на то, чтъ съ ея молодостью и красотой легко найти покровителей. Тѣмъ болѣе, что до замужества она особеннымъ цѣломудріемъ не отличалась—хотя, опять-таки, никто ничего достовѣрнаго на этотъ счетъ сказать не могъ.

Но ужъ судьба ея была такая горькая, всему дурному, что про нее говорили, всякій считалъ своимъ долгомъ вѣрить, и задолго до ея паденія, когда она еще вполнѣ честно и съ большимъ мужествомъ боролась съ нуждой, всѣ уже считали ее погибшей и толкали ее на погибель.

А между тѣмъ, когда она пала наконецъ, всѣ пришли въ ужасъ и негодованіе, всѣ повторяли, что это позоръ для семьи ея покойнаго мужа.

Maman видѣть не могла равнодушно того чиновника особыхъ порученій, который, вернувшись изъ командировки въ Б—въ, хвастался своими амурами со вдовой дяденьки Василія Ивановича.

Когда онъ позволялъ себѣ раскланиваться передъ нею въ обществѣ, maman принимала это за оскорбленіе и повторяла внѣ себя отъ гнѣвн:—«какъ онъ смѣетъ со мною встрѣчаться! какъ онъ смѣетъ смотрѣть мнѣ въ глаза, послѣ той гадости, которую онъ сдѣлалъ!»

А онъ, когда ему это передавали, увѣрялъ, что не понимаетъ за что́ на него гнѣваются.

— Точно я одинъ,—замѣчалъ онъ, пожимая плечами.

Правда, онъ былъ не одинъ. Катерина Ильинишна загуляла на весь уѣздъ.

Къ довершенію скандала, кто-то надоумилъ ее требовать съ нашей бабушки ту часть наслѣдства, что причиталась будто бы дяденькѣ Василію Ивановичу послѣ смерти его родителей и которой, будто бы, сестра его противузаконно завладѣла.

Можно себѣ представить сколько шуму, толковъ и пересудовъ подняла у насъ въ домѣ эта претензія!

IX.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ о нашей бабушкѣ, Варварѣ Ивановнѣ.

Она жила барыней въ полномъ смыслѣ этого слова. Дворня ея была еще многочисленнѣе чѣмъ у насъ, но затѣй было столько, что каждому, начиная отъ девяностолѣтняго Потапыча и кончая пятилѣтней Хонькой, находилась работа на весь день и часто на цѣлую ночь.

Какъ сказано выше, весь этотъ людъ содержался невѣроятно скверно, испорченной провизіей и никуда не годными отбросами, но зато выдрессированъ онъ былъ на славу. Такихъ бѣлошвеекъ, кружевницъ, поваровъ, садовниковъ, столяровъ и токарей, какъ у бабушки, ни у кого въ городѣ не было. Отдать къ ней на выучку мальчишку или дѣвчонку считалось истиннымъ благополучіемъ. Не было такого олуха, котораго она не вышколила бы и не научила чему угодно.

Сама она во всемъ знала толкъ, обладала тонкимъ, артистическимъ вкусомъ и необыкновенною способностью эксплоатировать дарованія людей, предоставленныхъ въ ея распоряженіе.

Само собою разумѣется, что тутъ большую роль игралъ страхъ передъ ея непоколебимой строгостью, но, кромѣ умѣнья внушать этотъ страхъ, она обладала талантомъ угадывать съ перваго взгляда человѣка и почти всегда безошибочно опредѣлить на что именно онъ способенъ и какую пользу можно изъ него извлечь, если приняться за него какъ слѣдуетъ.

Хозяйство у нея было обширное и разнообразное, не только въ подгородномъ ея имѣніи, скромно называемомъ хуторкомъ, но также и въ городскомъ ея домѣ. Она была страстная любительница цвѣтовъ, птицъ, животныхъ, и все это разводилось у нея во множествѣ. За ея домомъ, кромѣ тѣнистыхъ палисадниковъ, окружавшихъ его съ трехъ сторонъ, (четвертой онъ выходилъ на площадь), тянулся на большое пространство садъ, обсаженный высокими тополями, съ длинными аллеями, оранжереями, теплицами и грунтовымъ сараемъ. Въ домѣ, оба этажа съ утра до вечера кишѣли народомъ, молчаливо и осторожно шмыгающимъ босыми ногами по длиннымъ корридорамъ, темнымъ проходамъ, по лѣстницамъ, подваламъ и чердакамъ, мимо кладовыхъ съ желѣзными дверями, запертыми огромными замками.

Поступь у бабушкиныхъ людей была удивительно легкая; исполняя приказаніе барыни, всѣ эти Фроськи, Машки, Лешки, Мишки, скользили мимо васъ быстро и незамѣтно какъ тѣни.

Празднымъ здѣсь никогда никого не было видно. Даже казачки не сидѣли въ прихожей безъ дѣла; они либо чулки вязали, либо снурки на рогулькахъ, а старики портняжничали или сѣти плели.

Всѣ эти люди были блѣдны и сѣры какъ привидѣнія, въ выцвѣвшихъ отрепьяхъ, съ изможженными лицами и постояннымъ выраженіемъ испуга и готовности бѣжать исполнять приказаніе, въ глазахъ.

Въ дѣвичьей еще можно было изрѣдка слышать сдержанный смѣхъ, шушуканье и даже, подчасъ, пѣснь вполголоса, но ужъ въ прихожей—никогда.

Бабушка съ мужчинами была особѐнно сурова и на моей памяти у нея зарѣзались двое людей, поваръ и садовникъ.

Раньше, когда она была моложе, людямъ жилось у нея еще хуже. Она придумывала имъ такія наказанія за малѣйшую вину, что волосы становились дыбомъ, слушая эти разсказы.

Швеи помѣщались у нея отдѣльно, въ такъ называемыхъ антресоляхъ, съ низкими комнатами, освѣщенными одностворчатыми окнами, выходившими въ палисадникъ.

Тутъ изготовлялись поразительной красоты вышивки по батисту, тюлю, кисеѣ, бархату и атласу, по узорамъ, нарисованнымъ самой бабушкой.

Я помню, что про эти работы говорили у насъ таинственно, понижая голосъ и что взглянуть на нихъ не всякому удавалось.

Работы эти, по ихъ окончаніи, укладывали въ ящики и куда-то отправляли. Въ Москву, вѣроятно, къ тѣмъ изъ бабушкиныхъ пріятельницъ, съ которыми она сохранила дружественныя отношенія.

За такія вышивки столичныя щеголихи, должно быть, не жалѣли денегъ, но сознаться въ томъ, что она торгуетъ работой своихъ крѣпостныхъ, бабушка ни за что̀ бы не согласилась. Она глухо намекала на подарки вліятельнымъ людямъ, на поднесенія высокимъ покровителямъ въ знакъ признательности за оказанныя нѣкогда услуги, но я не помню, чтобъ кто-нибудь вѣрилъ этимъ объясненіямъ.

Вообще, бабушка любила окружать себя таинственностью; въ ея домѣ были комнаты, въ которыя никто не проникалъ, кромѣ ея самой, да вѣрной наперстницы ея, Дариньки, маленькой, сухенькой старушки съ блѣднымъ лицомъ и смышлеными, черными глазами, очень живыми и проницательными.

Никому не было извѣстно навѣрное сколько дохода получала она съ своего имѣнія, какъ великъ ея капиталъ и гдѣ именно онъ у нея хранится.

Выдавая дочерей своихъ замужъ, она изловчалась такъ устроиваться, что зятья довольствовались тряпками да кое-какими золотыми вещицами, которыми въ видѣ приданаго награждали ихъ женъ, но каждому изъ нихъ бабушка ухитрялась дать понять, что со временемъ она дастъ имъ и денегъ, больше чѣмъ они вправѣ требовать, только бы они были къ ней почтительны, а каждой изъ дочерей она внушала, что именно она-то и есть ея любимица, то есть та, которая послѣ ея смерти получитъ вдвое больше прочихъ если будетъ терпѣливо ждать.

Съ незамужними своими дочерьми она обращалась какъ съ маленькими дѣвочками и такъ строго, что онѣ дрожали передъ нею почти также, какъ ея крѣпостные.

Впрочемъ, и тѣ, что были замужемъ, боялись ее и всячески старались скрывать свою ненависть къ ней подъ видомъ уваженія и вниманія.

Относились къ ней съ осторожностью и зятья, нашъ отецъ, и мужъ тетеньки Зинаиды Александровны. Ловкая, вкрадчивая, хитрая и жестокая, она могла при случаѣ каждому сдѣлать зло, тѣмъ болѣе, что на средства къ достиженію цѣли была весьма неразборчива.

Родомъ бабушка была не изъ здѣшнихъ. Отецъ ея состоялъ чѣмъ-то, лекаремъ кажется, при дворѣ великаго князя Павла Петровича, въ царствованіе Екатерины II.

Благодаря этому обстоятельству, бабушка получила воспитаніе въ только-что открытомъ тогда институтѣ при Смольномъ монастырѣ.

Воспитаніе это, по тогдашнему времени, могло считаться бле-

стящимъ. Она прекрасно говорила по-французски, восхитительно танцовала, играла на клавикордахъ по методѣ Фильда, пѣла романсы въ родѣ:

«Ah, vous dirai je, maman,
«Ce qui cause mon chagrin!
«Quand je vois Sylvandre
«Me regarder d'un oeil tendre,
«Mon coeur dit à tout moment
«Peut—on vivre sans amant!» и т. п.

Она умѣла и рисовать, и клеить, и дѣлать цвѣты.

Въ институтѣ ея природная наклонность ко всему красивому, блестящему и изящному, развилась до такой степени, что она только тогда и была счастлива, когда ей представлялся случай устроить праздникъ, съ живыми картинами, иллюминаціей, хорами, нѣчто въ родѣ того, что она видѣла въ Петербургѣ, при дворѣ императрицы и о чемъ мечтала всю свою жизнь, до глубокой старости.

Живая, находчивая, остроумная, она, должно быть, была восхитительно хороша собой въ молодости.

Я помню ее лѣтъ пятидесяти слишкомъ и тогда еще ее находили красивѣе и интереснѣе многихъ молодыхъ женщинъ, въ томъ числѣ и ея дочерей. Ни одной изъ нихъ не передала она ни живости своего ума и воображенія, ни вкуса, ни обаятельной граціи, ни ловкости своей, ни талантовъ. Далеко отстали онѣ также отъ нея и въ коварствѣ, безсердечіи и въ умѣніи преслѣдовать намѣченную цѣль. Ни одна не умѣла такъ импонировать людямъ и властвовать надъ толпой, какъ мать ихъ.

Когда бабушка хотѣла что-нибудь скрыть, никто не могъ добраться до истины. Такъ, напримѣръ, осталось навсегда въ тайнѣ какого рода дѣла были у нея съ Николаемъ Антоновичемъ, блѣднолицымъ чиновникомъ казенной палаты, неизвѣстно кѣмъ и когда ей отрекомендованнымъ. Она запиралась съ нимъ по цѣлымъ часамъ въ комнатѣ, служившей ей кабинетомъ, но о чемъ они толковали—никто не могъ бы сказать.

Знали только, что она питала къ нему большое довѣріе, выпрашивала ему разныя милости у начальства и платила ему за хлопоты по ея дѣламъ натурой, мукой, крупой, домашней птицей, масломъ.

Проявился онъ у нея въ домѣ очень скоро послѣ смерти дѣдушки.

Николай Антоновичъ ходилъ въ старомъ, потертомъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами и воротникомъ нѣкогда зеленаго цвѣта. Жилъ онъ гдѣ-то на горахъ. Когда бабушкѣ нужно было его видѣть, она посылала за нимъ дрожки гитарой, или сани, смотря по времени года, и, переговоривши съ нимъ, отсылала его къ Даринькѣ,

которая кормила его, въ чайной, кушаньями съ барскаго стола и поила чаемъ и водкой.

Онъ былъ молчаливъ, угрюмаго вида, и глазъ у него не было видно за волосами, спадывавшими ему на лобъ не ровными, всклокоченными прядями. Нижняя губа его и подбородокъ безобразно выставлялись впередъ. Держался онъ сутуловато, длинная шея вылѣзала изъ галстука, а руки, напоминали грабли. Передъ тѣмъ, какъ заговорить, онъ долго хрипѣлъ и откашливался, а голосъ у него былъ какъ изъ бочки, глухой и надтреснутый.

Смерть бабушкинаго мужа надѣлала въ свое время много шуму и подавала поводъ къ разнообразнымъ толкамъ, весьма загадочнаго свойства.

Никто не зналъ отъ чего именно дѣдушка умеръ; больнымъ его никто не видывалъ.

Прожилъ онъ съ женой десять лѣтъ, меньшой его дочери Мари, было около двухъ лѣтъ, а старшей, Зинаидѣ — девять, когда его не стало.

Однажды, подъ вечеръ, люди услышали шумъ въ кабинетѣ барина и разнесся слухъ по дому, что онъ за что-то гнѣвается на барыню. Это всѣхъ удивило, обыкновенно случалось наоборотъ. Впрочемъ, слышался и ея голосъ между взрывами брани и гнѣвныхъ восклицаній. Подслушать эту сцену рѣшилась одна только наша Танюша, тогда пятнадцатилѣтняя дѣвчонка, шустрая и любимица Дариньки. (Впослѣдствіи онѣ возненавидѣли другъ друга и оставались врагами до конца жизни). Вотъ какъ разсказывала Танюша про эту катастрофу, двадцать лѣтъ спустя: баринъ, будто бы, укорялъ барыню въ томъ, что она обманомъ заставила его подписать какую-то бумагу. Сначала онъ сердился и грозилъ ей, потомъ сталъ плакать какъ ребенокъ и умолять, а она все повторяла: «Ни за что! Ни за что!» Съ нимъ сдѣлался припадокъ, въ родѣ истерики, онъ говорилъ безъ умолку, быстро и не понятно, точно въ бреду, пересыпая свою рѣчь именами знакомыхъ господъ, съ которыми барыня была въ особенно пріятельскихъ отношеніяхъ. И Танюша видѣла какъ Даринька, тоже все время не отходившая отъ двери, блѣднѣла и крестилась, повторяя: «Ахъ, ты Боже мой! Мать Пресвятая Богородица! Откуда онъ это узналъ?» Наконецъ, барыня изъ другихъ дверей выбѣжала къ себѣ въ спальню и вернулась оттуда съ какимъ-то пузырькомъ въ рукахъ. Баринъ все стоналъ и корчился на полу. Барыня позвала Дариньку и когда эта послѣдняя вошла въ кабинетъ, она такъ плотно притворила за собой дверь, что въ ту щелку, въ которую онѣ обѣ съ Танюшей, смотрѣли, ничего не стало видно. Да и ночь наступила, Танюшу пришли ужинать звать. Даринька ужинать не пришла. Всю ночь раздавались по дому глухіе стоны, но такіе отдаленные и странные, что никто не могъ хорошенько разобрать, что это такое —

ребенокъ ли плачетъ, вѣтеръ ли шумитъ въ деревьяхъ, или собака воетъ.

Къ утру все стихло и люди, не смыкавшіе глазъ всю ночь отъ какого-то жуткаго предчувствія, заснули какъ убитые, «точно дурманомъ опоенные», по выраженію Танюши. Въ восьмомъ часу, барыня вышла изъ кабинета и кликнула Ѳедора, камердинера барина.

Когда онъ вошелъ, баринъ лежалъ на кровати весь черный. «За докторомъ! за докторомъ» кричала барыня, ломая въ отчаяньи руки. Докторъ пустилъ кровь, но кровь не шла, баринъ былъ ужъ давно мертвъ.

Смерть эта, по своей внезапности и неожиданности, всѣхъ изумила, но бабушка такъ убивалась по мужѣ и такъ обстоятельно всѣмъ разсказывала, какъ онъ, ея голубчикъ ненаглядный, разговаривалъ съ нею передъ смертью, былъ веселъ и спокоенъ, и какъ она испугалась когда, проснувшись утромъ, увидала его безъ чувствъ и почернѣвшимъ, что никому и въ голову не пришло возбуждать слѣдствія по этому дѣлу, производить вскрытіе тѣла и тому подобное. Да ужъ одно то, что она была въ дружбѣ съ губернаторомъ и съ прочими губернскими властями, а также и то, что всѣ знали ее за женщину ловкую, хитрую и мстительную, ужъ одного этого было достаточно, чтобъ всѣмъ заткнуть ротъ.

Бабушка зажила веселѣе прежняго. Въ поклонникахъ у нея недостатка не было, но свои амурные дѣла она вела такъ ловко и осторожно, что кромѣ Дариньки, никто въ домѣ не зналъ навѣрное, который именно изъ навѣщавшихъ ее кавалеровъ, былъ у нея въ фаворѣ. Умѣла она сходиться и расходиться съ своими любовниками безъ скандала. Если про нее и сплетничали въ городѣ, то сплетни эти, благодаря ея сдержанности и осторожности, были такого неопредѣленнаго свойства, что имъ можно было и вѣрить и нѣтъ.

Про дѣдушку всѣ забыли. Всѣ, кромѣ близкихъ къ нему людей разумѣется, дѣтей и прислуги.

Впрочемъ, изъ послѣднихъ, тѣ что могли подозрѣвать больше, чѣмъ слѣдовало, были спроважены барыней въ отдаленныя мѣстности. Она продала тогда нѣсколько семействъ за Москву, въ томъ числѣ родителей нашего буфетчика Павла, который былъ у нея тогда выѣзднымъ лакеемъ, такимъ ловкимъ и красивымъ, что съ нимъ бабушка разстаться не захотѣла.

Однако, лѣтъ десять спустя, онъ чуть было не угодилъ въ солдаты за какое-то дерзкое слово, вырвавшееся у него при барынѣ въ минуту ярости.

Спасла его отъ этой напасти наша maman. Она была тогда невѣста и пожелала взять Павла въ число людей, которые шли за нею въ приданое.

— Смотри, Наташенька, вѣдь онъ бѣшеный,—предостерегала ее бабушка.—Сталъ задумываться, пожалуй какъ Левка горло себѣ перерѣжетъ.—Отъ этихъ хохловъ все станется.

— Ничего, maman, я не боюсь,—возражала maman.—Намъ главное, чтобъ онъ съ людьми не дружилъ, у него будутъ ключи и отъ виннаго погреба и отъ кладовой въ подвалѣ.

— Да, въ этомъ отношеніи можно быть покойнымъ, такого человѣко-ненавистника, какъ этотъ Павелъ, на всемъ свѣтѣ не сыщешь.

— Тѣмъ лучше, маменька, намъ такого именно и нужно.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ быть въ солдатахъ, Павелъ попалъ къ намъ въ буфетчики.

Новые господа оказывали ему большое довѣріе и равнодушно относились къ его угрюмости. Вскорѣ его женили на дѣвушкѣ, выписанной нарочно для этого изъ Тверскаго имѣнія отца. Дѣвушка, звали ее Авдотьей, была красивая, бойкая и отличная прачка. Павелъ ее съ перваго взгляда возненавидѣлъ, но ихъ всетаки обвѣнчали и, когда потомъ разсказывали, что онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не говоритъ съ женой и только молча бьетъ ее, maman находила это очень забавнымъ и смѣялась.

Отъ Павла ничего нельзя было узнать про смерть дѣдушки, хотя, будучи сыномъ того самого Ѳедора, который первый увидѣлъ барина мертвымъ, ему, должно быть, не безъизвѣстны были нѣкоторыя подробности этой таинственной смерти.

Да и Даринька была не изъ болтливыхъ, а ужъ эта все знала. Говорили даже, что она помогала барынѣ душить барина, послѣ того, какъ онъ впалъ въ безпамятство отъ зелья, которымъ его напоила супруга. Но Даринька была предана своей госпожѣ какъ собака и ни за что̀ бы ее не выдала.

Она умерла раньше своей барыни и бабушка присутствовала при ея смерти—чтобъ не дать ей выболтать что̀-нибудь лишнее въ предсмертныхъ мукахъ, можетъ быть?

Дѣдушкѣ не было тридцати лѣтъ, когда онъ умеръ. Недоросль изъ дворянъ Екатеринославской губерніи, онъ женился восемнадцатилѣтнимъ юношей. Жена была года на три его старше и такъ загоняла его, что онъ сталъ робокъ какъ ребенокъ, дрожалъ при одномъ взглядѣ своей супруги и боялся даже ласкать своихъ дѣтей въ ея присутствіи.

У Танюши были трогательные разсказы про то, какъ дѣдушка прокрадывался ночью въ дѣтскую, чтобъ цѣловать своихъ спящихъ дѣвочекъ. Любимицей его была наша мать. Онъ часто плакалъ, припавъ головой къ ея ручкамъ и ножкамъ. Волосы у него были черные, густые и кудрявые, глаза каріе, очень добрые и всегда грустные. Никогда не могъ онъ выучиться чисто говорить по-русски и какъ откроетъ ротъ, такъ сейчасъ можно было догадаться что

онъ хохолъ. Люди его любили и жалѣли. Съ дяденькой Василіемъ Ивановичемъ онъ былъ въ дружбѣ; они вмѣстѣ клеили коробочки для бабушки и срисовывали черезъ стекло узоры, которые она составляла для своихъ швей.

Послѣ смерти дѣдушки, дяденькѣ Василію Ивановичу жилось еще хуже въ домѣ сестрицы, чѣмъ при немъ.

У насъ всѣ были убѣждены, что бабушка уморила дѣдушку. Кажется и maman въ этомъ не сомнѣвалась.

Я помню, какъ, разговаривая однажды съ сестрой своей, Зинаидой, у maman вырвалась такая фраза: «Послѣ того, что маменька сдѣлала съ папенькой, отъ нея всего можно ждать».

А отъ мадамъ Тома, когда рѣчь заходила про бабушку, мы часто слышали такого рода замѣчанія: «Si la police était faite ici pour tout le monde, il y a longtemps que la vielle dame devrait être en Sibérie» [1]).

X.

Вотъ съ какою личностью отважилась на борьбу беззащитная, опозоренная, всѣми покинутая, вдова дяденьки Василія Ивановича.

Были ли когда-нибудь у этого послѣдняго права на состояніе, оставшееся послѣ его родителей, и въ чемъ именно заключалось это состояніе, никто, кромѣ бабушки, не зналъ. А у нея были причины политично умалчивать на этотъ счетъ.

Самъ дяденька, при жизни, никогда ничего у нея не просилъ и всякую подачку принималъ съ благодарностью, какъ милость и благодѣяніе.

Старики, знавшіе бабушку съ братомъ, когда они еще жили при родителяхъ и не въ нашемъ городѣ, говорили, что у нихъ былъ свой домъ, что жили они открыто и слыли за богачей.

Какъ распорядилась этимъ богатствомъ бабушка, этого никто не могъ отъ нея добиться.

На всѣ вопросы, осторожно предлагаемые ей на этотъ счетъ нашимъ отцомъ, по просьбѣ maman, которую безпокоила тяжба, затѣянная Катериной Ильинишной, бабушка съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣчала, что родители все свое состояніе ей одной оставили, а брата поручили ея попеченіямъ.

— А есть у васъ на это документы, матушка?—позволялъ себѣ почтительно освѣдомляться нашъ отецъ.

Бабушка надменно выпрямлялась и съ видомъ оскорбленнаго достоинства отвѣчала, что между благородными людьми слѣдуетъ вѣрить другъ другу на слово, безъ всякаго документа.

---

[1]) «Еслибы полиція была здѣсь не такъ лицепріятна, давно бы старая барыня была сослана въ Сибирь!»

— Но передъ закономъ только тѣ сдѣлки дѣйствительны, которыя скрѣплены формальнымъ документомъ,—настаивалъ отецъ.

— Если у васъ такіе законы, что хамкѣ больше надо вѣрить, чѣмъ столбовой дворянкѣ, то поздравляю васъ, намъ такимъ образомъ и до французской революціи не далеко,—ехидно иронизировала бабушка.

И намекнувъ вскользь, что въ случаѣ надобности у нея и документы найдутся, она заговаривала о другомъ.

Maman же нашей, когда отца тутъ не было, она съ горечью замѣчала:

— Твой мужъ меня, кажется, за воровку считаетъ, ma chére. Скажи ему, пожалуйста, что я этимъ очень оскорблена и никогда ему этого не забуду.

Когда ей доложили, что повѣренный Катерины Ильинишны, выгнанный со службы за пьянство и взятки, подъячій, желаетъ съ нею видѣться, бабушка наградила двумя полновѣсными пощечинами камердинера Илюшку за то, что онъ позволяетъ себѣ безпокоить ее изъ-за какого-то проходимца.

— Гони вонъ эту сволочь! Чтобъ духу его здѣсь не было! Какъ ты смѣлъ думать, что я стану разговаривать съ посланцами всякой мерзавки.

Тогда подъячій настрочилъ преядовитую бумагу, которую подалъ по принадлежности.

Вся эта исторія была крайне неприятна нашимъ родителямъ. Отецъ рѣшилъ еще разъ серьезно перетолковать съ тещей и посовѣтывать ей, отложивъ гнѣвъ и раздраженіе въ сторону, осмотрительнѣе отнестись къ дѣлу, затѣянному противъ нея. Къ несчастью, во время бесѣды, онъ увлекся и назвалъ «эту женщину» по имени и по отчеству. Такого оскорбленія бабушка ужъ не могла вынести.

— Это для васъ она Катерина Ильинишна, а для меня всегда была, есть и будетъ—Катька мерзавка. И никогда я не повѣрю, чтобъ былъ такой законъ, по которому какой-нибудь дряни, бывшей прачкѣ, позволялось глумиться надъ женщиной, воспитанной въ институтѣ, подъ августѣйшимъ покровительствомъ самой императрицы Маріи Ѳеодоровны. А если ужъ на то пошло, что я ни отъ кого здѣсь не найду защиты, тогда я въ Москву поѣду, тамъ мнѣ мужъ Софьи Петровны окажетъ протекцію, черезъ него я до самого государя дойду.

Софья Петровна, институтская подруга бабушки, была замужемъ за сенаторомъ.

Проговоривъ эту тираду прерывающимся отъ гнѣва и волненія голосомъ, бабушка падала въ обморокъ.

Отецъ, въ смущеніи, бросался за помощью, но такъ какъ бабушка не забывала позвонить передъ тѣмъ, какъ лишиться чувствъ,

онъ сталкивался въ дверяхъ съ Даринькой, которая ужъ знала для чего ее зовутъ, и стремительно бѣжала съ гофманскими каплями, холодной водой въ стаканѣ и сахарницей на серебряномъ подносѣ.

XI.

Вотъ какими сценами началась знаменитая размолвка, длившаяся между отцомъ и бабушкой цѣлыхъ пять мѣсяцевъ.

Въ продолженіе всего этого времени она ни разу у насъ не была. Но maman изрѣдка навѣщала ее и брала насъ съ собой.

Бабушка встрѣчала дочь и внучатъ съ распростертыми объятіями, обливала насъ слезами, осыпала поцѣлуями и повторяла, что мы ея жизнь и радость. Она ставила насъ передъ собою и любовалась нами съ выраженіемъ восторженнаго умиленія въ глазахъ.

Намъ было и скучно, и неловко, и совѣстно. Не взирая на баловство и на нѣжность къ намъ бабушки, мы ее не любили и намъ всегда казалось, что она притворяется. И maman тоже тяготилась этими сценами, но тетеньки Полина и Мари относились къ нимъ равнодушно и, кромѣ любопытства, на хорошенькихъ ихъ личикахъ ничего нельзя было прочесть.

Когда maman поднималась съ мѣста, чтобъ ѣхать домой, бабушка порывистымъ движеніемъ притягивала насъ къ себѣ и восклицала: «Ахъ, оставьте мнѣ моихъ ангеловъ еще на минутку! Не отрывайте ихъ отъ моего сердца!»

И прижимала къ глазамъ надушенный батистовый платокъ, съ великолѣпнымъ вензелемъ.

Но иногда, среди вздоховъ, поцѣлуевъ и слезъ, она не выдерживала и у нея вырывались прозрачные намеки на жестокость и упрямство «иныхъ людей». Тогда, по знаку maman, тетеньки насъ уводили изъ комнаты.

Maman оставалась съ бабушкой вдвоемъ, а мы весело бѣжали любоваться канарейками, или въ угловую, гдѣ стоялъ китайскій бильярдъ, или въ длинную, свѣтлую залу, съ фортепьянами, цвѣтами и растеніями.

Тутъ мы бѣгали и играли съ тетками. Онѣ тогда еще были очень молоденькими дѣвушками и, за спиной у матери, рѣзвились и дурачились какъ дѣти.

Иногда разговоръ въ гостиной принималъ бурный оборотъ, раздавался звонъ колокольчика, потрясаемаго дрожащей отъ волненія рукой, и вѣрная Даринька проворно пробѣгала мимо насъ съ извѣстными снадобьями на подносѣ, а когда дверь за нею затворялась, тетеньки Полина и Мари попеременно прикладывали ухо къ замочной скважинѣ, прислушиваясь къ тому, что тамъ говорилось.

При этомъ лица ихъ оживлялись и онѣ перешептывались между собой, знаками приказывая намъ продолжать наши игры и не мѣшать имъ слушать.

Мы догадывались о чемъ онѣ шепчутся. Знали мы также изъза чего отецъ нашъ сердится на бабушку и на кого бабушка жалуется maman: всему этому была причиной вдова дяденьки Василія Ивановича.

А между тѣмъ, эта послѣдняя не унималась. Сколько не совѣтывали ей со всѣхъ сторонъ взять назадъ ея прошеніе, никого не хотѣла она слушать и дѣлу принуждены были дать надлежащій ходъ.

Когда у насъ объ этомъ узнали, maman испугалась, отецъ сказалъ, что этого надо было ожидать, а бабушка, нимало ни смущаясь, повторяла съ иронической усмѣшкой: «посмотримъ, посмотримъ, кто изъ насъ одолѣетъ—Катька или я».

Ее какъ будто даже забавляло это состязаніе. Давно не была она такъ любезна и оживлена, давно не разъѣзжала такъ много по городу въ своемъ громадномъ жолтомъ возкѣ съ сѣдымъ Степаномъ на козлахъ и длиннымъ, худымъ Илюшкой на запяткахъ, какъ въ эту достопамятную зиму.

Веселила она у себя городской beaumonde съ азартомъ, каждый день у нея собирались гости, а по утрамъ она бесѣдовала съ Николаемъ Антоновичемъ, которому она поручила вѣдаться съ повѣреннымъ «мерзавки».

Не взирая на свое брезгливое отношеніе къ начатому противъ нея дѣлу, бабушка весьма внимательно слѣдила за его ходомъ.

Чѣмъ бы она не была занята, но когда ей докладывали, что пришелъ Николай Антоновичъ, она все бросала и шла въ кабинетъ, гдѣ, стоя у притолки, онъ густымъ басомъ, съ угрюмымъ выраженіемъ на лицѣ, докладывалъ ей о томъ, какая новая бумага поступила съ противной стороны, какой закорючкой отвѣчалъ онъ на нее и такъ далѣе.

И часто прерывала бабушка рѣчь докладчика замѣчаніями въ родѣ: «вотъ и наглупилъ, дурья твоя голова! Зачѣмъ такъ сказалъ, а не эдакъ? А на это, кабы у тебя въ башкѣ-то умъ былъ, а не сѣнная труха, ты бы вотъ какъ отвѣтилъ».

Но, кромѣ какъ съ Николаемъ Антоновичемъ, о дѣлѣ этомъ бабушка ни съ кѣмъ не распространялась и когда у нея кто-нибудь освѣдомлялся о немъ, она притворялась удивленной, съ недоумѣніемъ спрашивала: «Какое дѣло?» и прибавляла съ равнодушной усмѣшкой: «Я право не знаю, у меня нанятъ повѣренный и я объ одномъ только прошу, чтобъ меня такими гадостями не безпокоили».

И рѣзко сворачивала разговоръ на другой предметъ.

Мало-по-малу и maman успокоилась. Алексѣй Карповичъ и Але-

ксѣй Николаевичъ увѣряли ее, что бабушкинъ процессъ съ Катериной Ильинишной раньше какъ черезъ десять, пятнадцать лѣтъ, кончиться не можетъ и что не стоитъ изъ-за него тревожиться.

— Раньше какъ черезъ десять лѣтъ эта канитель не кончится,— говорилъ Алексѣй Карповичъ.

— Ни за что не кончится, — подтверждалъ Алексѣй Николаевичъ.

— Неужели такъ долго? — радостно спросила maman.

— Да ужъ будьте покойны, ваше п—во.

— И до тѣхъ поръ маменькѣ ничего не могутъ сдѣлать? Никакихъ непріятностей?

— Рѣшительно никакихъ, ваше п — во. Кромѣ того, что съ обѣихъ сторонъ много бумаги изведутъ, ничего не произойдетъ важнаго.

— Николай Антоновичъ будетъ себѣ отписываться, а Варвара Ивановна подписываться,—острилъ Алексѣй Карповичъ.

Но бабушка даже и это безпокойство отъ себя отстранила, объявивъ наотрѣзъ, что ни одной бумаги подписывать не станетъ.

— Я папенькѣ передъ смертью обѣщаніе дала никогда ни подъ какой бумагой не подписываться,—говорила она.—И какъ хорошо, что я всю жизнь придерживалась этого правила, чтобъ отъ руки моей нигдѣ, ни на какой бумажонкѣ, не было и слѣдовъ! Отъ большихъ непріятностей меня это спасло,—наивно сознавалась она.

И при этомъ непремѣнно разсказывала печальную исторію одной неосторожной дамы изъ высшаго петербургскаго общества, которая все свое состояніе потеряла и умерла въ нищетѣ потому, что имѣла неосторожность подписать какую-то бумагу съ гербомъ.

— Нѣтъ ничего опаснѣе этого,—чувства свои въ письмахъ излагать, да бумаги подписывать, всѣ на этомъ попадаются, — прибавляла она убѣжденнымъ тономъ.

Когда maman убѣдилась, что конца этой непріятной исторіи въ скоромъ времени не предвидится, она стала хлопотать о примиреніи мужа съ бабушкой.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, живя въ одномъ городѣ, цѣлыхъ десять лѣтъ пребывать въ натянутыхъ отношеніяхъ съ такимъ близкимъ человѣкомъ, какъ мать. Это и для дѣтей дурной примѣръ, и для прислуги, не говоря ужъ о городскихъ сплетняхъ и пересудахъ.

— Увидишь, что всѣ забудутъ про это несчастное дѣло, когда мы будемъ съ маменькой попрежнему,—говорила она мужу.

Онъ сдался на эти убѣжденія и примиреніе состоялось.

Maman была права. Дѣло, затѣянное Катериной Ильинишной, потянулось своимъ порядкомъ, съ обычными по тому времени кляузами и крючками, но интересоваться имъ въ городѣ всѣ, мало-помалу, перестали.

Всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, кого оно непосредственно касалось, разумѣется, да еще одного человѣка, котораго веселило и забавляло до чрезвычайности все, что могло причинить досаду и огорченіе бабушкѣ.

XII.

Это былъ Левъ Дмитріевичъ, мужъ третьей дочери бабушки, Ольги Александровны.

Попалъ онъ въ наши края очень молодымъ человѣкомъ, прямо съ университетской скамейки и съ широкими, свѣтлыми мечтами о заведеніи хозяйства на новыхъ началахъ въ нашихъ степяхъ.

Съ умомъ пылкимъ и дѣятельнымъ, большой юмористъ и насмѣшникъ, съ идеями о честности недоступными большинству здѣшней интелигенціи, этотъ піонеръ прогресса, съ первыхъ же шаговъ на нашей черноземной почвѣ, нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ и пріобрѣлъ репутацію человѣка опаснаго и до высочайшей степени непріятнаго.

Но онъ былъ молодъ, обладалъ интересною наружностью, остроуменъ, прекрасно воспитанъ и начитанъ, а къ тому же такъ отличался отъ чиновниковъ и малограмотныхъ помѣщиковъ, изъ которыхъ состояло въ то время провинціальное общество, что не могъ не нравиться женщинамъ, тѣмъ болѣе, что самъ былъ до нихъ большой охотникъ. Циникъ при этомъ и смѣлъ до дерзости.

Тетенька Ольга Александровна была хорошенькая брюнетка съ голубыми глазами, очень наивная не взирая на свои двадцать лѣтъ, и мечтающая о женихѣ, какъ мечтаютъ узники о свободѣ.

Ее вывозили уже третью зиму и бабушка начинала раздражаться неуспѣхомъ Олиньки.

Двухъ старшихъ дочерей ей удалось очень скоро и прекрасно пристроить, а эта, не взирая на миловидность и на таланты, не шла съ рукъ да и только. А между тѣмъ ужъ и меньшія, Полина и Мари, подростали. Ихъ водили еще въ короткихъ платьяхъ и причесывали à l'enfant, но всѣмъ было извѣстно, что одной минуло восемнадцать, а другой до семнадцати не далеко.

Бабушка возненавидѣла бѣдную тетеньку Ольгу; каждую минуту придиралась къ ней, упрекала ее за то, что талья ея, будто бы, портится и носъ краснѣетъ, попрекала ее въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ, деньгами, потраченными втунѣ на ея туалеты, на вечера и балы, даваемые для нея.

Да и меньшія сестры на нее дулись. Онѣ знали, что ихъ до тѣхъ поръ будутъ заставлять учиться, укладывать спать въ девять часовъ и одѣвать въ ситцевыя платьица съ пелериночками и передничками, пока Ольга не выйдетъ замужъ и горько сѣтовали на нее за то, что она до сихъ поръ не съумѣла заинтересовать собою ни одного порядочнаго человѣка.

Наконецъ такой человѣкъ нашелся. Левъ Дмитріевичъ съ перваго взгляда влюбился въ Ольгу и, протанцовавъ съ нею на двухъ-трехъ балахъ мазурку, сдѣлалъ ей предложеніе.

Однако, какъ не хотѣлось бабушкѣ скорѣе выдать дочь, но этого жениха она съ негодованіемъ отвергла.

Юноша этотъ, (ему тогда было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ), явившійся сюда Богъ знаетъ откуда, безъ всякаго общественнаго положенія, съ своимъ безцеремоннымъ, громкимъ смѣхомъ, дикими взглядами на то, что принято называть карьерой и рѣшительностью въ сужденіяхъ и поступкахъ, былъ ей крайне антипатиченъ.

Тетеньку Ольгу за то, что она заплакала, узнавъ, что Льву Дмитріевичу отказали, бабушка оттаскала собственноручно за волосы и заперла на хлѣбъ и на воду въ темный чуланъ, чтобъ всю дурь у нея изъ головы выбить.

Дѣло это можно было бы считать поконченнымъ, еслибъ отвергнутый женихъ былъ похожъ на другихъ.

Но отдѣлаться отъ него оказалось не легко. Препятствія разожгли его любовь до бѣшенства: онъ бѣгалъ, какъ съумасшедшій по городу, и всѣмъ и каждому повторялъ, что задушитъ нашу бабушку, если она не выдастъ за него дочь.

Это находили презабавнымъ и самыя близкія пріятельницы бабушки зазывали его къ себѣ, чтобъ слушать какъ онъ ее честитъ и съ какою увѣренностью повторяетъ, что непремѣнно поставитъ на своемъ.

У насъ въ домѣ его полюбили. Отца онъ съумѣлъ заинтересовать своими смѣлыми хозяйственными планами, сторговалъ, черезъ его посредство, большой участокъ земли въ недалекомъ разстояніи отъ города и забавлялъ его юношескимъ жаромъ, съ которымъ онъ мечталъ привести въ исполненіе теоріи, вычитанныя въ книгахъ и слышанныя отъ профессоровъ съ каѳедры.

Что же касается до maman, Левъ Дмитричъ такъ ее смѣшилъ дерзкими насмѣшками надъ давно ужъ успѣвшимъ ей надоѣсть обществомъ и свирѣпыми выходками противъ бабушки, что она прощала ему и рѣзкость его, и выходки вырвавшагося на свободу школьника.

А онъ, между тѣмъ, неуклонно преслѣдовалъ свою цѣль и каждый разъ, кстати и некстати, возвращался къ своей мечтѣ поселиться въ деревнѣ не иначе, какъ предварительно женившись на любимой дѣвушкѣ. Всѣ, наконецъ, привыкли къ мысли, что рано или поздно оно такъ и будетъ.

Онъ говорилъ про тетеньку Ольгу Александровну какъ про свою невѣсту, называлъ ее уменьшительнымъ именемъ, утверждалъ, что и она тоже влюблена въ него и ни за кого не выйдетъ замужъ, кромѣ какъ за него. А на вопросъ откуда ему это извѣстно,

отвѣчалъ загадочнымъ смѣхомъ и грозилъ выкрасть ее, если ему не отдадутъ ее добровольно. У него ужъ все было, будто бы, готово для этого: свидѣтели и попъ подкуплены, гдѣ-то за городомъ, въ такомъ мѣстечкѣ, гдѣ никому и въ голову не придетъ ихъ искать.

Онъ и лошадей спеціально пріобрѣлъ для похищенія невѣсты, лихую тройку, которую никому не обогнать, и легонькій какъ перышко тарантасикъ,—увѣрялъ онъ полушутливо, полусерьезно.

Слушая его, всѣ смѣялись и самъ онъ хохоталъ отъ души, весело потирая себѣ руки, но когда это передавали бабушкѣ, она ужасно бѣсилась, иначе какъ разбойникомъ Льва Дмитріевича не называла, а надъ тетенькой Ольгой съ каждымъ днемъ усиливала надзоръ.

Дошло до того, что ей, бѣдной, не только не позволяли никуда выѣзжать, но даже запрещали ей подходить къ окнамъ, выходившимъ на площадь.

У воротъ бабушкинаго дома попеременно сторожили двое казачковъ, Ѳомка и Мотька, съ приказаніемъ, какъ только завидятъ издали ѣдущаго или идущаго пѣшкомъ Льва Дмитріевича, бѣжать докладывать о томъ барынѣ, которая тотчасъ же посылала за Ольгой и держала ее возлѣ себя до тѣхъ поръ, пока, по ея мнѣнію, опасность миновала.

Но не взирая на всѣ эти предосторожности, отвергнутый женихъ ухитрялся и записочки любовныя передавать своей возлюбленной, и даже свиданія съ нею имѣть.

Романъ тетеньки Ольги Александровны развлекалъ досужее городское общество цѣлыхъ полгода и, наконецъ, бабушкѣ надоѣло трепетать передъ озорствомъ Льва Дмитріевича и каждую минуту ждать скандала съ его стороны,—она сдалась.

Способствовало къ тому и то обстоятельство, что за купленную имъ землю онъ уплатилъ чистыми деньгами.

Репутація богатаго человѣка за нимъ упрочилась и всѣ спрашивали съ недоумѣніемъ чего еще Варварѣ Ивановнѣ нужно? Вѣдь не могла же она расчитывать на то, что ей удастся всѣхъ своихъ дочерей пристроить за генераловъ.

Къ тому же Левъ Дмитріевичъ такъ скомпрометировалъ тетеньку Ольгу Александровну своею любовью, что ее ужъ не легко было отдать замужъ за другого, да и опасно, онъ громко объявилъ, что до смерти исколотитъ каждаго, кто позволитъ себѣ ухаживать за нею.

Бабушка притворилась, что вѣритъ этимъ угрозамъ.

А можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ имъ вѣрила. Складъ ума у нея всегда былъ романтичный, а съ лѣтами ея манія подозрѣвать людей въ томъ, чего у нихъ не было на умѣ, еще усилилась. Подъ конецъ жизни мнительность ея дошла до того, что

она ни на секунду не разставалась съ огромной связкой ключей отъ безчисленныхъ ящиковъ и ящичковъ, хранившихся у нея въ шифоньеркахъ и комодахъ, съ секретными, замысловатыми замками.

Всѣхъ подозрѣвала она въ злыхъ умыслахъ противъ ея жизни и имущества, и постоянно измышляла средства оградить себя отъ воображаемыхъ враговъ.

Свадьба Льва Дмитріевича съ тетенькой Ольгой Александровной была самая безобразная. Онъ ни въ чемъ не пожелалъ подчиниться ни тещѣ, ни стариннымъ обычаямъ.

Насилу уломали его поклониться въ ноги посаженымъ, при благословеніи образами и хлѣбомъ-солью, долго не соглашался онъ надѣвать фрака и бѣлаго галстуха, чтобъ ѣхать къ вѣнцу, а утромъ торжественнаго дня, не взирая на запрещеніе видѣться съ невѣстой, пролѣзъ черезъ окно изъ палисадника въ комнату барышень, и къ ужасу дворовыхъ женщинъ и дѣвушекъ, окружавшихъ невѣсту, расцѣловалъ ее всласть, прежде чѣмъ выбѣжать вонъ.

Тетенька Ольга была въ папильоткахъ и въ одной ночной кофточкѣ и бѣлой юбкѣ. Всѣ нашли поступокъ жениха крайне неприличнымъ. Но чего же было ждать отъ человѣка, которой не хотѣлъ звать мать своей невѣсты — маменькой, не цѣловалъ у нея рукъ и объявлялъ во всеуслышаніе, что всегда такъ будетъ поступать.

Однако бабушка съ большимъ достоинствомъ переносила эти обиды. Она тогда только пожаловалась нашимъ родителямъ на своего будущаго зятя, когда узнала, что онъ не намѣренъ никому дѣлать визитовъ послѣ свадьбы.

— Объясните ему, что онъ этимъ всю нашу фамилію безчеститъ. Подумаютъ, что я не дала Ольгѣ визитнаго платья въ приданое или пожалѣла для нея лошадей и кареты.

Но Левъ Дмитріевичъ не пожелалъ слѣдовать ни чьимъ совѣтамъ и увѣщаніямъ. Онъ повторялъ, что не хочетъ имѣть ничего общаго съ скотами и кретинами; въ городъ будетъ ѣздить только за покупками, а въ деревнѣ, у него съ женой будетъ столько дѣла, что имъ не до гостей.

— Неужели же вы будете заставлять Ольгу дѣлать мужицкую работу?—спрашивала съ изумленіемъ maman.

— Непремѣнно,—рѣшительнымъ тономъ объявилъ онъ.— Я и самъ буду работать съ мужиками, а она пусть съ бабами работаетъ.

Ужъ это было слишкомъ и maman призадумалась. Между близкими, она сознавалась, что считаетъ Льва Дмитріевича немножко помѣшаннымъ и боится за сестру.

Послѣ вѣнчанія молодые уѣхали въ деревню.

— Я не понимаю, гдѣ они тамъ будутъ жить,—ужасалась бабушка, — вѣдь барскаго дома на этой землѣ нѣтъ. Говорятъ, онъ избенку какую-то поставилъ, въ двухъ верстахъ отъ деревни, въ

самомъ лѣсу. Ихъ тамъ зарѣзать могутъ. Все это добромъ не кончится, вотъ увидите. Не даромъ у меня предчувствіе, что человѣкъ этотъ, кромѣ горя, въ нашу семью ничего не внесетъ.

Предчувствіе это вскорѣ начало сбываться. Не прошло и шести недѣль, какъ Левъ Дмитріевичъ сталъ энергично требовать часть капитала, на которую жена его имѣла право наравнѣ съ сестрами и которымъ до сихъ поръ распоряжалась безконтрольно бабушка.

Поступить съ нимъ, какъ съ другими зятьями, она побоялась и отдала деньги сполна, но съ тѣхъ поръ между ею и мужемъ тетеньки Ольги Александровны вражда установилась уже совсѣмъ явная, иначе какъ злодѣемъ своимъ она его не звала, съ ужасомъ и отвращеніемъ крестилась при одномъ напоминаніи о немъ и, таинственно понижая голосъ, увѣряла, что онъ волтерьянецъ, безбожникъ и масонъ.

А онъ звалъ ее вѣдьмой, хохоталъ во все горло надъ ея хитростями и ужимками, разсказывалъ уморительные анекдоты про ея скупость, притворство и склонность къ мошенническимъ интригамъ.

Насъ всегда выгоняли вонъ, когда дяденька Левъ Дмитріевичъ заводилъ рѣчь про бабушку, но судя по тому съ какимъ радушіемъ его у насъ принимали, можно было догадаться, что выходками своими противъ нея онъ очень забавлялъ нашихъ родителей.

— Pardi, il dit ce que les autres pensent, [1])—говорила про него мадамъ Тома.

Бабушка всегда знала черезъ своихъ знакомыхъ кревретовъ, когда Левъ Дмитріевичъ бывалъ въ городѣ и тогда она принимала большія предосторожности, чтобъ не встрѣчаться съ нимъ. Подъѣзжая къ подъѣзду нашего дома, она не выходила иначе, какъ пославъ предварительно узнать не рискуетъ ли она встрѣтиться съ своимъ злодѣемъ. Но случалось иногда, что онъ являлся въ то время, когда она уже сидѣла въ нашей синей гостиной и тогда его задерживали въ залѣ и спроваживали въ кабинетъ, а бабушка угадывая въ чемъ дѣло по волненію maman и по тревожнымъ взглядамъ, которые она бросала на дверь, немедленно поднималась съ мѣста, съ горечью объявляла, что она у насъ въ домѣ лишняя и, холодно распростившись со всѣми нами, величественною поступью проходила черезъ залу въ прихожую и уѣзжала домой.

Во всѣхъ напастяхъ и неудачахъ, приключавшихся съ нею, бабушка всегда подозрѣвала участіе Льва Дмитріевича. Между прочимъ она была увѣрена также и въ томъ, что вдова дяденьки Василія Ивановича затѣяла свою кляузу противъ нея благодаря подстрекательству этого ненавистнаго ей человѣка.

---

[1]) — Еще бы! Онъ говоритъ вслухъ то, что другіе только думаютъ.

Когда Льву Дмитріевичу это передавали, онъ закатывался такимъ громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ, что мы изъ дѣтской его слышали.

XIII.

Очень можетъ быть, что бабушка была права въ своихъ предположеніяхъ. Имѣніе Льва Дмитріевича находилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Б—ва и, должно быть, онъ поддерживалъ сношенія съ Катериной Ильинишной, потому-что у него всегда былъ неистощимый запасъ разсказовъ про нее, которыми онъ любилъ поддразнивать maman.

Такимъ образомъ мы отъ него отъ перваго узнали про ея намѣреніе переѣхать жить въ нашъ городъ.

Всѣ приняли такое рѣшеніе за наглую браваду съ ея стороны и, когда она, дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, поселилась съ дочерью въ одномъ изъ глухихъ переулковъ нашего города, у самой заставы (тамъ, гдѣ жили публичныя женщины), событіе это надѣлало большой переполохъ въ нашемъ чинномъ и добродѣтельномъ домѣ.

Каждый вечеръ, послѣ того, какъ дѣти ложились спать, вся дѣвичья собиралась къ мадамъ Тома судить и рядить про поведеніе Катерины Ильинишны.

Вѣроятно ужъ съ тѣхъ поръ нѣкоторые изъ нашихъ дворовыхъ женщинъ, съ Танюшей во главѣ, стали водить съ нею дружбу и бѣгали къ ней въ свободныя минутки тайкомъ, потому что все, что у нея происходило, становилось тотчасъ же извѣстнымъ у насъ въ домѣ.

Разсказывали, что къ ней много господъ ѣздитъ, называли имена мужей самыхъ близкихъ пріятельницъ maman, фамилію почтеннаго барина, отца двухъ хорошенькихъ барышень, подругъ тетенекъ Полины и Мари, все это таинственнымъ шопотомъ, съ ужасомъ, негодованіемъ и страстнымъ, животрепещущимъ интересомъ.

Въ дѣвичьей только и рѣчи было что объ ней. При нашемъ появленіи говоръ смолкалъ, но надо было видѣть какимъ жгучимъ блескомъ сверкали глаза у всѣхъ этихъ Лизокъ, Парашекъ, Фросекъ, во время этого вынужденнаго молчанія и съ какимъ нетерпѣніемъ ждали онѣ возможности продолжать прерванную бесѣду!

Онѣ часто не выдерживали и, не дождавшись нашего ухода, принимались перешептываться между собою.

Мы не могли не догадываться о комъ идетъ рѣчь, не могли не знать, что Катерина Ильинишна дѣлаетъ что̀-то очень нехорошее съ своими посѣтителями, такое нехорошее, что̀ стыдно даже и думать про это.

Но не думать объ этомъ было трудно. Этой женщиной интересовались не въ одной дѣвичьей, про нее и въ гостиной, и въ

спальнѣ maman, и въ кабинетѣ отца, велись частые и оживленные дебаты.

Когда, бывало, въ разговорѣ maman съ гостями, голоса понижались, мы знали, что рѣчь зашла про «эту женщину», и уходили, не дожидаясь, чтобъ насъ выгнали вонъ.

Время отъ времени бабушка пріѣзжала въ своей высокой, старомодной каретѣ на круглыхъ рессорахъ, единственно для того, чтобъ сообщить какую-нибудь новую выходку «мерзавки».

Длинный Илюшка, въ гороховой ливреѣ со множествомъ воротниковъ, слѣзалъ съ запятокъ и развертывалъ обитыя старымъ ковромъ ступени подножки, по которымъ его барыня торопливо спускалась, нетерпѣливо повторяя:

«Скорѣе, Илюшка, скорѣе, что ты копаешься». Затѣмъ, поддерживаемая имъ почтительно подъ локоть, она поднималась по лѣстницѣ и, не дождавшись, чтобъ съ нея сняли салопъ и теплыя ботинки, прерывающимся отъ волненія голосомъ, говорила, выходившей къ ней на встрѣчу, maman:

— Eh bien, ma chére, vous avez entendu, cette femme [1])...

— Ne parlez par devant les enfans [2]), — прерывала ее maman, цѣлуя ея руку.

И оборачиваясь къ намъ, прибавляла:

— Dites bonjour à grandmaman et allez vous en [3]).

Мы повиновались, но часто, не дождавшись, чтобы дверь за нами затворилась, бабушка успѣвала сообщить, что мерзавку видѣли въ новомъ лисьемъ салопѣ, что она нарочно катается по площади, мимо оконъ бабушкинаго дома, въ саняхъ знакомаго помѣщика, pour afficher sa mauvaise conduite [4]), или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Любопытство наше было возбуждено до высочайшей степени, но приставать съ разспросами на этотъ счетъ мы не смѣли и должны были довольствоваться однѣми догадками.

И можно себѣ представить, какъ далеки были эти догадки отъ истины!

Братья думали, между прочимъ, что Катерина Ильинишна дѣлаетъ фальшивую монету съ своими гостями, и не взирая на нелѣпость такого предположенія, я помню, что мы долго развивали его между собой.

Никто не хотѣлъ удовлетворять нашего любопытства на этотъ счетъ. Даже мадамъ Тома, когда мы у нея спрашивали, что дѣлаетъ вдова дяденьки Василія Ивановича предосудительнаго, отвѣчала уклончиво:

---

[1]) Вы слышали, моя милая, эта женщина...
[2]) Не говорите при дѣтяхъ.
[3]) Поздоровайтесь съ бабушкой и уходите.
[4]) Чтобы выставлять на показъ свое дурное поведеніе.

— Qu'est ce qu'elle fait, qu'est ce qu'elle fait cette femme! Elle fait la vie quoi, pour enrager les gens qui la méprisent [1]),—говорила она, покачивая своей длинной головой и улыбаясь при этомъ лукавой усмѣшкой.

— Vous comprendrez tout cela quand vous deviendrez grands, mes enfans. C'est la vie, que voulez vous, c'est la vie [2]),—прибавляла она со вздохомъ.

Но глаза ея продолжали смѣяться.

Впрочемъ, Катеринѣ Ильинишнѣ она сочувствовала и не старалась этого скрывать.

Да и вся наша дворня ей сочувствовала. Въ этой полубарынѣ, досаждавшей настоящимъ господамъ наглостью и развратомъ, всѣ видѣли живой протестъ противъ жестокаго цѣломудрія барыни, нѣчто въ родѣ возмездія судьбы за неуклонное съ ея стороны преслѣдованіе любви всюду, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самыхъ чистыхъ и естественныхъ.

Безсиліе maman поступить съ Катериной Ильинишной такъ, какъ она поступала съ своими крѣпостными, приводило этихъ послѣднихъ въ восхищеніе.

— Небось, эту нельзя на конюшнѣ выдрать, да въ деревню сослать, нѣтъ, руки коротки, она вольная.

Замѣчанія въ родѣ этого, въ ту зиму, часто долетали до нашихъ ушей.

XIV.

И вдругъ, съ годъ времени спустя послѣ ея переѣзда въ нашъ городъ, стало извѣстно, что Катерина Ильинишна нашла себѣ сильнаго и дѣятельнаго покровителя между судейскими и что процессъ ея съ бабушкой принимаетъ благопріятный для нея оборотъ.

Покровитель этотъ изобрѣлъ, будто бы, такой фортель, передъ которымъ Николай Антоновичъ самымъ постыднымъ образомъ спасовалъ.

Бабушка, повидимому, не унывала. Дѣятельнѣе прежняго разъѣзжала она по городу, расточая свои любезности предсѣдателямъ, совѣтникамъ, секретарямъ, отъ которыхъ зависѣлъ исходъ дѣла. А по утрамъ она бесѣдовала съ своимъ повѣреннымъ, запершись въ кабинетѣ.

И должно быть бесѣды эти были очень бурныя. Николай Антоновичъ выходилъ оттуда съ всклокоченными волосами, опустивъ ниже обыкновеннаго голову, видимо смущенный и обезкураженный, обтирая бумажнымъ, клѣтчатымъ платкомъ свой влажный отъ пота лобъ.

---

[1]) Что она дѣлаетъ! Она бѣситъ тѣхъ, кто ее презираетъ, дѣло житейское!
[2]) Вы это поймете, когда выростите, дѣло житейское.

Никогда еще не посылалось изъ бабушкинаго дома въ Москву столько писемъ и посылокъ по почтѣ, какъ въ это достопамятное время.

Прискакавъ изъ деревни, Левъ Дмитріевичъ прямо бѣжалъ къ намъ и видъ у него былъ торжествующій.

Весело потирая руки и, по своему обыкновенію, хохоча во все горло, онъ кричалъ еще издали, поспѣшно шагая своими длинными ногами по залѣ:

— А вѣдь дѣло-то свое противъ Катерины Ильинишны старая вѣдьма проиграетъ!

Онъ зналъ это изъ самаго вѣрнаго источника. Нарочно заѣзжалъ въ палату и то, что̀ ему тамъ сообщали, приводило его въ восхищеніе.

Maman сердилась и сухо замѣчала, что всему есть мѣра и что онъ слишкомъ много себѣ позволяетъ. Мысль о торжествѣ «этой женщины» ей была невыносима, и, при встрѣчахъ съ Алексѣемъ Карповичемъ и Алексѣемъ Николаевичемъ, она съ горечью напоминала имъ ихъ увѣренія.

— Вы говорили, что раньше какъ черезъ десять лѣтъ дѣло не кончится и что до тѣхъ поръ маменькѣ никакихъ непріятностей не будетъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство, дѣло только назначено къ слушанію, его еще можно надолго затянуть,— возражали они.

Но въ тонѣ ихъ не было уже прежней увѣренности и прежде чѣмъ отвѣчать, они переглядывались между собою и перемигивались.

Полагаться на ихъ слова такъ, какъ прежде, ужъ нельзя было, тѣмъ болѣе, что отецъ хмурился и выражалъ опасеніе, чтобъ въ палатѣ съ бабушкой не сыграли скверную штуку.

Все больше и больше стали тамъ появляться, между чиновниками, выскочки въ родѣ дяденьки Льва Дмитріевича, крикуны и нахалы, съ которыми трудно было ладить. Все больше изъ Петербурга и университетскаго образованія.

— Съѣзди къ губернатору,—умоляла maman.

Отецъ долго на это не соглашался, но, наконецъ, уступилъ ея просьбамъ и вернулся домой ужъ совсѣмъ мрачный. Ничего утѣшительнаго губернаторъ ему не сказалъ. Отецъ послалъ за Алексѣемъ Карповичемъ, долго совѣщался съ нимъ, потомъ прошелъ къ maman и, послѣ разговора съ нею наединѣ, приказалъ заложить лошадь и поѣхалъ къ бабушкѣ.

Въ этотъ день мы обѣдали цѣлымъ часомъ позже обыкновеннаго.

Прошло нѣсколько дней.

Всѣ были въ напряженномъ состояніи, чего-то ждали, чего-то боялись.

Maman совѣтовалась съ Алексѣемъ Николаевичемъ насчетъ того, какому святому надо молиться въ подобныхъ случаяхъ. Она дала обѣщаніе отслужить молебенъ великомученницѣ Варварѣ, если эта непріятность благополучно кончится.

Онъ одобрялъ ее за это, но рекомендовалъ обратиться еще къ другому какому-то угоднику, болѣе вліятельному чѣмъ великомученица Варвара, въ казусахъ подобныхъ этому.

Бабушка пріѣзжала къ намъ по два раза въ день и ужъ не разговаривала въ прихожей, а проходила прямо въ спальню, гдѣ запиралась съ maman.

Звали Танюшу и долго ей что̀-то наказывали. Она выходила оттуда съ озабоченнымъ лицомъ и, не отвѣчая на наши разспросы, молча сбиралась въ путь. Бѣда если тутъ Микитка подвертывался ей подъ руку, такого задавала она ему тумака, что мальчишка долго потомъ ходилъ съ подбитымъ глазомъ или надранными въ кровь ушами.

Расправившись съ сыномъ, Танюша надѣвала свое праздничное, темное, шерстяное платье, большой платокъ на голову, подкалывала его толстой булавкой у подбородка и, озабоченно осмотрѣвъ подошвы своихъ стоптанныхъ башмаковъ, не разжимая губъ, отправлялась исполнять господское порученіе.

Возвращеніе ея ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Всѣ знали, куда она пошла. Переговоры съ Катериной Ильинишной всегда велись черезъ Танюшу.

Maman безпрестанно присылала спросить, не вернулась ли она? хотя не могла не знать, что Танюша не посмѣетъ не явиться къ ней тотчасъ по возвращеніи домой.

А по вечерамъ снова бесѣдовала она, и все о томъ же, съ Алексѣемъ Карповичемъ и Алексѣемъ Николаевичемъ.

Она такъ увлекалась этими бесѣдами, что забывала даже про карты.

XV.

Результатомъ всѣхъ этихъ хлопотъ, волненій и совѣщаній, была полная побѣда надъ Катериной Ильинишной.

Въ одно прекрасное утро стало извѣстно, что она на все согласна: и процессъ свой съ бабушкой прекратить, и дочь отдать къ намъ на воспитаніе, и жизнь свою перемѣнить.

За это ей дарили домъ на Арбузной улицѣ, въ три окна и съ мезониномъ. Въ мезонинѣ она могла сама жить съ матерью, (пономариха съ дочерью не разставалась), а низъ подъ жильцовъ пустить.

Комбинацію эту изобрѣла Танюша и всѣ были такого мнѣнія, что лучше этого ничего нельзя было придумать.

Говорили, что успѣху переговоровъ съ Катериной Ильинишной много содѣйствовалъ Алексѣй Карповичъ. Онъ уговорилъ, будто бы, его п—во лично перетолковать съ Катериной Ильинишной, усовѣстить ее и пробудить въ ней желаніе исправиться и загладить свою дерзость противъ maman.

Этому кто вѣрилъ, а кто и нѣтъ. Представить себѣ нашего отца, съ его сдержанностью и чванствомъ, бесѣдующимъ о чемъ бы то ни было съ такой женщиной какъ Катерина Ильинишна, было очень трудно.

Какъ бы тамъ ни было, но все устроилось по желанію maman, и она ликовала.

Всѣмъ разсказывала она, что дочь дяденьки Василія Ивановича, котораго она такъ любила, будетъ воспитываться съ ея дѣтьми и всѣ ее поздравляли.

Живо сложилась и легенда о томъ, будто дяденька написалъ ей передъ смертью письмо, въ которомъ умолялъ ее взять на свое попеченіе его дочку и отдалить ее отъ пагубнаго вліянія матери.

Все это былъ вздоръ, конечно; дяденька Василій Ивановичъ умеръ скоропостижно и до послѣдней минуты обожалъ свою жену.

XVI.

Уступая намъ свою дѣвочку, Катерина Ильинишна отказалась не только отъ всякихъ правъ на нее, но даже и отъ свиданій съ нею.

На этомъ maman особенно настаивала. Она ненавидѣла и презирала «эту женщину» до самой своей смерти и ничѣмъ ее нельзя было больше обрадовать, какъ сказать, что Катя никогда не вспоминаетъ про мать и весьма довольна перемѣной происшедшей въ ея судьбѣ.

Да иначе и не могло быть. Послѣ смерти отца, жизнь Кати въ родительскомъ домѣ была очень не красна, много видѣла она нужды и горя, часто голодала и должна была спасаться отъ холода, кутаясь въ отрепья. Въ борьбѣ съ нуждой, подъ градомъ клеветъ и нападокъ своихъ ближнихъ, Катерина Ильинишна не могла всегда сдерживать свое раздраженіе и дѣвочкѣ часто отъ нея доставалось.

У насъ же ее ласкали и баловали невпримѣръ прочимъ. Мы ей во всемъ должны были уступать какъ «сироткѣ»; на ея шалости смотрѣли какъ на послѣдствія дурного воспитанія и винили въ этомъ ея мать, а не ее.—О, еслибъ ее раньше мнѣ отдали, она не такая бы была!—часто повторяла maman.

Ея ненависть и презрѣніе къ «этой женщинѣ» не притуплялись отъ времени. Она даже никакихъ человѣческихъ чувствъ не хотѣла въ ней признавать. Года два послѣ того, какъ маленькая

Катя жила у насъ, дѣвочка, однажды, такъ провинилась, выказала такія скверныя наклонности, что ее нельзя было не наказать примѣрно. Но maman не захотѣла поднимать руку на чужого ребенка и рѣшила, что это должна сдѣлать родная мать.

Танюша отправилась за Катериной Ильинишной.

Мы тутъ увидѣли въ первый разъ вдову дяденьки Василія Ивановича, мелькомъ, въ то время когда она проходила мимо полурастворенной двери классной, въ комнату экономки, гдѣ должна была происходить экзекуція.

Не даромъ слыла она красавицей. Высокая, стройная, съ большими, огненными глазами и черными, рѣзко очерченными бровями. Опущенные книзу концы губъ придавали характерное выраженіе надменной горечи ея блѣдному, продолговатому лицу.

Расправившись съ дочерью, она тотчасъ же ушла домой. Maman видѣть ее не пожелала. Но у бабушки ее ужъ давно принимали, не въ гостиной, конечно, а въ дѣвичьей, чайной, въ комнаткѣ Дариньки и даже у барышень.

Бабушка ей даже благодѣтельствовала, снабжала ее провизіей, когда приходилъ обозъ изъ деревни и подарила ей дѣвчонку Ѳеньку за то, что она выучила ея дѣвокъ какому-то хитрому вязанью крючкомъ.

Устроилась Катерина Ильинишна, повидимому, довольно хорошо, зажила тихо и скромно въ своемъ новомъ домикѣ и всѣ перестали ею интересоваться. Даже и Левъ Дмитріевичъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ изъ деревни, не поминалъ ея имени. У насъ начинали уже забывать объ ея существованіи, какъ вдругъ, она совершенно неожиданно, проявилась въ нашемъ домѣ.

Случилось это послѣ смерти maman.

Уже въ день похоронъ мы замѣтили въ толпѣ молящихся у гроба, стройную, красивую фигуру Катерины Ильинишны. Въ черномъ суконномъ платьѣ и черной кружевной косынкѣ на головѣ, съ гладко зачесанными, глянцовитыми волосами, она была преинтересная.

Дамы, съѣхавшіяся провожать нашу maman до кладбища, съ любопытствомъ оглядывались на нее, перешептываясь между собой. Она стояла особнякомъ, гордо выпрямившись, съ опущенными глазами и медленно крестилась большимъ крестомъ, какъ крестится простонародье.

Когда нашъ отецъ, блѣдный, убитый горемъ, прошелъ мимо нее, она отвѣсила ему низкій поклонъ, на который онъ отвѣчалъ разсѣяннымъ кивкомъ, видимо не узнавая ее.

Потомъ, она все чаще и чаще стала попадаться намъ на глаза, то въ дѣвичьей, гдѣ она фамильярно бесѣдовала съ горничными и съ Танюшей, то въ комнатѣ экономки, то у гувернантки нашей, Лизаветы Ивановны.

Являлась она всегда на минутку, по какому-нибудь дѣлу, за узоромъ, съ заказанной работой, чтобъ показать какъ сварить варенье или приготовить соленье; приносила иногда сдобные крендельки или пирогъ своего издѣлья, которыми угощала старшихъ женщинъ въ дѣвичьей, и гувернантку. Этой послѣдней она стирала воротнички и кружева. Говорила она мало, такъ мало, что я не помню ни голоса ея, ни манеры выражаться. Остался у меня въ памяти только умный взглядъ ея черныхъ глазъ, да горькое выраженіе рта. Смѣющейся я никогда ее не видѣла. Къ намъ она относилась съ холодною вѣжливостью, видимо избѣгая всякаго сближенія, да и намъ тоже было при ней не по себѣ. Впрочемъ, она и къ дочери никакой нѣжности не проявляла, такъ что, видя ихъ вмѣстѣ, даже трудно было себѣ представить, чтобъ онѣ когда-нибудь любили другъ друга.

А между тѣмъ, Катя вся уродилась въ мать, такая же страстная и упрямая. Она и лицомъ была на нее похожа и обѣщала сдѣлаться современемъ красавицей.

Танюша продолжала принимать дѣятельное участіе въ судьбѣ Катерины Ильинишны съ дочерью и безуспѣшно пыталась водворить между ними болѣе теплыя отношенія.

Часто слышали мы, какъ она бранила Катю за непочтеніе и нелюбовь къ матери, на чтò та дерзко отвѣчала, что не та мать которая родила, а та, которая воспитала.

XVII.

Въ то время Катерина Ильинишна давно ужъ перестала меня интересовать. Таинственность, которой она была окружена при жизни maman, мало-по-малу совсѣмъ развѣялась. Никто ее не преслѣдовалъ, про нее не разсказывали никакихъ ужасовъ; я видѣла въ ней женщину не нашего общества и воспитанія, съ которой у меня ничего не могло быть общаго и съ которой я не знала бы о чемъ говорить, еслибъ какимъ-нибудь образомъ, въ этомъ представилась надобность.

Однимъ словомъ, я вполнѣ игнорировала ее; встрѣчаясь съ нею въ коридорѣ или въ дѣвичьей, и машинально отвѣчая на ея поклонъ, мнѣ и въ голову не приходило припоминать перипетіи, тѣсно связанныя съ нею и разсказанныя мною выше.

У меня тогда совсѣмъ другое было на умѣ. Я превращалась изъ ребенка въ дѣвушку и воображеніе мое начинало волноваться вопросами, надъ которыми всѣ дѣвушки, какъ бы цѣломудренны онѣ ни были, не могутъ не задумываться.

Искала я разрѣшенія мучившихъ меня сомнѣній не въ жизни, конечно, а въ книгахъ.

Но библіотека, предоставленная въ мое распоряженіе, была изъ самыхъ скудныхъ и давно знала я ее наизусть, начиная отъ «Musée des familles» за много лѣтъ и кончая христоматіями съ отрывками изъ Пушкина и Лермонтова, Victor Hugo и Lamartine.

Но у меня была пріятельница, кузина Линочка, дочь тетеньки Зинаиды Александровны, старше меня лѣтъ на пять, дѣвица опытная и воспитавшая себя на французскихъ романахъ, которыми она и меня потихоньку снабжала.

Такимъ образомъ я узнала о существованіи страшныхъ и очаровательныхъ прелестницъ, которыхъ теперь называютъ кокотками. Тогда онѣ были извѣстны подъ именемъ лоретокъ, гетеръ, падшихъ созданій и женщинъ, про которыхъ въ обществѣ не говорятъ.

Эти падшія созданія чрезвычайно меня интересовали, но сколько не напрягала я моего воображенія, чтобъ представить себѣ такую «падшую», мнѣ это никакъ не удавалось.

Однажды, въ интимной бесѣдѣ съ Линочкой, я ей въ этомъ созналась.

Она расхохоталась.

— Да ты каждый день видишь такую «падшую».

Я вытаращила глаза отъ изумленія.

— Лоретку?

— Ну да, лоретку. Или камелію, какъ ихъ теперь стали звать, ужъ не знаю почему.

Знаменитый романъ Дюма-сына тогда ужъ появился; его читали въ Москвѣ и Петербургѣ, но до нашихъ степей онъ дошелъ въ такомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, что Линочкѣ не удалось еще до него добраться.

— Но гдѣ же?—продолжала я допытываться.

— Да у васъ въ домѣ. Посмотри въ дѣвичьей, она, можетъ быть, и теперь тамъ сидитъ.

— Катерина Ильинишна?—вскричала я, внѣ себя отъ изумленія, такъ далека я была отъ этой мысли.

— Наконецъ-то догадалась! Да неужели же ты этого не знала? Это всѣмъ извѣстно. Правда, что послѣ того, какъ ей пригрозили высылкой изъ города...

— Да какъ же это? Какъ же?—растерянно прервала я ее.

— Очень просто. Прежде она вела себя ужъ совсѣмъ какъ падшая женщина, ну, а потомъ, когда она затѣяла процессъ противъ бабушки и чуть было не выиграла его, ей пригрозили высылкой изъ города и даже, кажется, высѣчь хотѣли, однимъ словомъ такъ застращали, что она на все согласилась, и Катю вамъ отдать, и процессъ прекратить, и вести себя приличнѣе.

— Ну, а теперь?—спросила я, захлебываясь отъ волненія и смущенія.

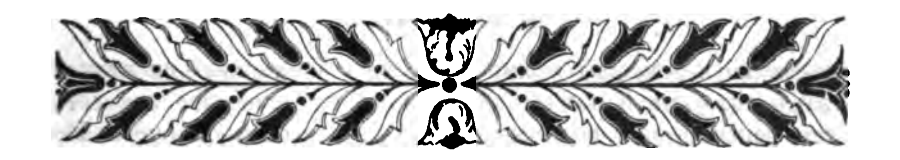
— Теперь... Да неужтожъ ты не догадываешься для чего она къ вамъ такъ часто приходитъ?

Произнося этотъ вопросъ Линочка пристально смотрѣла на меня. Мнѣ сдѣлалось, вдругъ, такъ жутко, что я не въ силахъ была произнести ни слова. Линочка хотѣла что̀-то сказать, открыла было ротъ для этого, но, вѣроятно, испугавшись душевнаго смятенія. отражавшагося на моемъ искаженномъ лицѣ, махнувъ рукой, процѣдила сквозь зубы:—Нѣтъ, лучше не спрашивай, я тебѣ не могу этого сказать.

Я не настаивала. Довольно было и того, что̀ я узнала. Долго не могла я оправиться отъ этого открытія, долго не могла владѣть собою при встрѣчахъ съ Катериной Ильинишной. Густая краска заливала мнѣ щеки, слезы подступали къ горлу и я проходила мимо, не поднимая на нее глазъ, въ страхѣ, чтобъ не угадали чувствъ, волновавшихъ мнѣ душу.

Н. Мердеръ (Северинъ).

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ[1].

V.

Непріязнь ко мнѣ театральной дирекціи и актеровъ за мои рецензіи.—Театральный цензоръ и «письма театральной мыши». — Знакомство съ Краевскимъ. — Семья Брянскихъ. — Александръ Васильевичъ Никитенко. — Либеральные цензора.—Вмѣшательство въ свѣтскую цензуру духовенства и Клейнмихеля.—Ребусъ «Иллюстраціи» и выходка актера Григорьева 2-го. — Мусинъ-Пушкинъ. — А. Ѳ. Воейковъ.—Пасквиль Булгарина и отвѣтъ Воейкова.

ВЪ СОРОКЪ ШЕСТОМЪ году я принужденъ былъ прекратить мою театрально-критическую дѣятельность и возобновилъ ее только черезъ шесть лѣтъ въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони. Въ апрѣлѣ 1846 года, вышла послѣдняя книжка «Репертуара» и Межевичъ отказался отъ редакторства этого журнала. Шелъ онъ плохо, стоилъ дорого, и издатель Песоцкій былъ даже отчасти доволенъ, что развязался съ журналомъ, приносившимъ убытокъ. Врядъ ли подписчики были чѣмъ-нибудь вознаграждены за недоданныя восемь книжекъ. Тогда на этотъ счетъ было просто—да и тогда ли только?.. Объявилъ, что по независящимъ обстоятельствамъ изданіе прекращается — и все тутъ. Кто пойдетъ разузнавать: почему, да отчего? Еще болѣе немыслимо было жаловаться — да и кому? Жаловался больше всѣхъ самъ Песоцкій на отказъ Межевича и на невозможность найти другого редактора. Я одно время думалъ взять на себя и изданіе и редакторство журнала. Отецъ мой съѣздилъ къ Дубельту, но привезъ неутѣшительное извѣстіе, что мнѣ никогда не разрѣшатъ изданіе театральнаго журнала, такъ какъ дирекція театровъ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 553.

чрезвычайно недовольна моими статьями о постановкѣ спектаклей, объ игрѣ актеровъ и вообще объ упадкѣ сценическаго искусства. Своими рецензіями я возстановилъ противъ себя всю труппу. Первый трагикъ, хотя и ставилъ мои пьесы въ свой бенефисъ, оскорбился моими замѣчаніями о ходульности его игры во многихъ драмахъ. Комическій актеръ, отлично копировавшій жидовъ и татаръ, почитавшій себя Гаррикомъ и открывшій у себя карточные вечера, на которыхъ исполнялъ роль банкомета, жаловался на замѣтку въ «Театральной Лѣтописи», что онъ «не чисто играетъ». Только-что выступившая на сцену драматическая актриса Вѣра Васильевна Самойлова обижалась, что я мало восхищаюсь ея дарованіемъ. Даже плохая танцорка Левкѣева, перешедшая на александринскую сцену и получившая въ первый же свой дебютъ огромный букетъ за совершенно бездарное исполненіе роли въ водевилѣ «Дѣвушка-гусаръ», плакалась на то, что цѣлую недѣлю послѣ того, отчетъ о каждомъ спектаклѣ оканчивался словами «госпожѣ Левкѣевой въ этотъ вечеръ букета не подносили». Цензорà, правда, принялись потомъ усердно вычеркивать эти строки, но жалобы «униженныхъ и оскорбленныхъ» все-таки не прекращались, хотя Дубельтъ, отечески покровительствовавшій экс-танцоркѣ, еще до прекращенія «Репертуара» просилъ «въ личное для себя одолженіе» не говорить ни слова объ этой особѣ. Я, конечно, долженъ былъ «сдѣлать это одолженіе». Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ театральной цензурѣ при III Отдѣленіи былъ у меня сильный врагъ (Дубельтъ относился, напротивъ, ко мнѣ очень благосклонно и вообще, какъ добрый человѣкъ, не желалъ никому вреда, хотя при своей неограниченной власти могъ бы совершенно безнаказанно дѣлать многихъ несчастными). Этотъ цензоръ озлобился на меня за то, что въ одной юмористической сценкѣ я вывелъ его, конечно, не касаясь его цензорскаго званія, а просто какъ лѣниваго чиновника, у котораго «лежитъ множество эфектныхъ и драматическихъ дѣлъ»; ихъ нельзя «представить» безъ его подписи, а онъ и не думаетъ читать ихъ, проводя цѣлые дни за картами и въ кутежахъ. На это, дѣйствительно, жаловались всѣ актеры, у которыхъ онъ задерживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ пьесы, взятыя ими въ бенефисъ. Но я осмѣлился повторить эти жалобы въ печати и нажилъ себѣ непримиримаго врага, хотя не говорилъ ни слова о другихъ еще болѣе неприглядныхъ свойствахъ цензора и о его вовсе ужъ не примѣрномъ образѣ жизни, который и свелъ его потомъ въ раннюю могилу.

Говоря о прекращеніи «Репертуара», Дубельтъ прибавилъ, что давно уже «совѣтовалъ» Межевичу отказаться отъ редакторства журнала, такъ какъ оно было «несовмѣстно» со званіемъ редактора офиціальной полицейской газеты. При этомъ указывалось и на «неприличіе» отдѣла юмористики, гдѣ осмѣивался не только

театръ, но и весь Петербургъ, всѣ классы общества, ихъ домашняя жизнь, развлеченія, увеселенія... Цензура,—говорилъ всевластный шефъ III Отдѣленія,—должна была вовсе запретить юмористическія «письма театральной мыши», гдѣ разсказывались разныя закулисныя сцены и сплетни и подъ прозрачными именами: m-lle Шери и Греньe выводились всѣмъ извѣстныя артистки Ширяева и Гринева. Авторъ даже позволилъ себѣ передать анекдотъ о томъ, какъ одна высокопоставленная особа, часто сталкивавшаяся за кулисами съ однимъ писателемъ, запретила ему доступъ на сцену, на который онъ, какъ драматическій авторъ, имѣлъ право. И писатель, чтобы не быть однажды застигнутымъ въ глубинѣ сцены особою, долженъ былъ спрыгнуть въ открытый люкъ, приготовленный для провала привидѣній. Все это было совершенно справедливо—и начальственное недовольство юмористикою «Репертуара» было одною изъ главныхъ причинъ, почему о продолженіи журнала подъ моею редакціею не могло быть и рѣчи. Надо было обратиться къ другимъ изданіямъ. Въ 1844 году Кони отказался отъ редактированія «Литературной Газеты», право на которую принадлежало Краевскому. Я сказалъ Песоцкому, чтобы онъ разузналъ, не согласится ли редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», занятый своимъ журналомъ, уступить свое право на газету. Песоцкій ухватился за эту мысль, но хотѣлъ самъ быть издателемъ. Для меня это было безразлично и я предоставилъ ему всѣ предварительныя хлопоты по этому дѣлу. А вести его Песоцкому надо было осторожно; еслибы Булгаринъ узналъ, что издатель изъ его партіи входитъ въ сношенія съ враждебнымъ лагеремъ, онъ началъ бы строчить доносъ и пустилъ бы въ ходъ всякія интриги, чтобы помѣшать возобновленію газеты. Юркій Песоцкій ужасно боялся, чтобы не провѣдали о его переговорахъ. За меня онъ былъ спокоенъ, потому что я не принадлежалъ къ породѣ болтуновъ, но онъ все-таки торопился заключить предварительное условіе съ Краевскимъ и подать прошеніе въ цензурный комитетъ отъ моего и своего имени, объ изданіи газеты съ 1847 года. Разрѣшеніе было получено очень скоро, но прежде я отправился съ Песоцкимъ — знакомиться съ Краевскимъ. Я встрѣчался съ нимъ и прежде. Одно лѣто, вскорѣ послѣ его женитьбы на Аннѣ Яковлевнѣ Брянской, дочери извѣстнаго актера, мы были сосѣдями по дачѣ на Петергофской дорогѣ. Отецъ мой былъ очень близокъ съ семьею Брянскихъ, а моя мать крестила нѣсколькихъ дѣтей у Анны Матвѣевны Брянской, очень хорошей женщины и актрисы, имѣвшей только одну слабость къ игрѣ въ бостонъ. За этой игрою она проводила цѣлые вечера и однажды, принужденная бросить ее въ моментъ кризиса, положившаго конецъ ея интересному положенію, все-таки доиграла робберъ, когда, по прошествіи нѣкотораго времени, положеніе это снова сдѣлалось нормальнымъ. Съ сыновьями и дочерьми Анны Матвѣевны

я игралъ еще ребенкомъ на большомъ дворѣ дома театральной дирекціи, выходившаго на Екатерининскій каналъ у Львинаго мостика; тамъ у моего отца и у Брянскихъ была казенная квартира. Мальчики относились ко мнѣ очень дружелюбно, но мнѣ сильно доставалось во время нашихъ дѣтскихъ игръ отъ младшей дѣвочки, Авдотьи Яковлевны, вышедшей потомъ за Панаева, а послѣ его смерти, за Головачева.

Первый визитъ Краевскому я сдѣлалъ вечеромъ 13-го августа 1846 года. Онъ жилъ на дачѣ, на Крестовскомъ островѣ. Пріемъ былъ чрезвычайно радушный. Краевскій относился всегда внимательно и любезно къ молодымъ авторамъ. Онъ былъ очень разговорчивъ и въ его живой, непринужденной бесѣдѣ никогда не проглядывалъ тонъ литературнаго генеральства, который такъ любятъ принимать на себя многіе редакторы. Онъ не доходилъ также никогда при посѣщеніи сотрудниковъ до фамильярности, или вѣрнѣе до халатности, и не принималъ ихъ, совершая утреннія омовенія и прерывая отрывистую бесѣду полосканіемъ рта, какъ это дѣлалъ зачастую Некрасовъ. Въ теченіе сорокатрехлѣтняго близкаго знакомства съ Краевскимъ я видалъ его въ халатѣ только нѣсколько разъ, позднимъ вечеромъ, когда онъ засиживался за корректурами «Голоса», или когда былъ боленъ. Вставая всегда въ 9 часовъ, какъ бы поздно ни кончилась ночная работа, и отправляясь послѣ ванны на утреннюю прогулку и на гимнастику, онъ съ самаго ранняго утра былъ постоянно въ безукоризненномъ туалетѣ и мѣнялъ его только на фракъ, для офиціальныхъ визитовъ и большихъ вечеровъ. Тонъ его бесѣды даже съ самыми непріятными людьми или съ такими, которыми онъ имѣлъ причины быть недовольнымъ, никогда не выказывалъ этого недовольства, не повышался до рѣзкаго діапазона, не принималъ оттѣнковъ раздражительности, нетерпимости къ чужимъ сужденіямъ, авторитетнаго самомнѣнія. Это былъ тонъ въ высшей степени приличный, вполнѣ джентльменскій, хотя нѣсколько сухой и дѣловой. Но въ бесѣдахъ съ близкими знакомыми дѣловитость смѣнялась полною непринужденностью, даже задушевностью; анекдоты, остроты, часто даже вовсе не цензурные, сыпались изъ памяти редактора, такъ много видавшаго на своемъ вѣку. Его можно было заслушаться, когда онъ начиналъ вспоминать о томъ, чтò ему пришлось пережить и испытать, съ какими лицами и явленіями приходилось сталкиваться и имѣть дѣла на литературномъ пути, далеко не усѣянномъ розами.

Въ первое же свиданіе съ Краевскимъ, бесѣда наша затянулась далеко за полночь. Правда, въ ней участвовало еще третье лицо, сидѣвшее уже у хозяина, когда мы пріѣхали съ Песоцкимъ (послѣдній куда-то вскорѣ же улетучился по дѣламъ). Это былъ—профессоръ Петербургскаго университета и цензоръ Александръ Васильевичъ Никитенко. Теперь, читая дневникъ его, я встрѣчаю въ

печати тѣ же мысли, какія онъ откровенно высказывалъ и въ первое наше знакомство, и впослѣдствіи. Это были, съ его стороны, все тѣ же жалобы на свое положеніе, на раздвоенность этого положенія, сознающаго ненормальность существующаго порядка вещей и обязанность служить этому порядку. Я, впрочемъ, и тогда не понималъ, да и теперь не понимаю необходимости такой службы. Другое дѣло, еслибы Никитенкѣ предстоялъ выборъ между голодною смертью и цензорскимъ званіемъ; по слабости человѣческой натуры онъ могъ бы предпочесть послѣднее первому. Это служило бы ему достаточнымъ извиненіемъ. Но онъ былъ уже профессоромъ университета, то-есть имѣлъ вѣрный и довольно сытный кусокъ хлѣба, обезпеченный не только подъ старость, но и въ ближайшемъ будущемъ порядочною пенсіею, для чего же ему было нужно еще другое мѣсто, несогласное съ его убѣжденіями? Положимъ, онъ думалъ сначала принести пользу на этомъ мѣстѣ, не зналъ, что отъ него потребуется отреченіе отъ завѣтныхъ принциповъ, отъ собственнаго достоинства. Но въ половинѣ сороковыхъ годовъ онъ могъ уже достаточно убѣдиться, по какому пути пошло наше просвѣщеніе. Онъ говорилъ и писалъ въ то время: «приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Европа становится для насъ какою-то обѣтованною землею. Но вѣдь нельзя же, чтобы идеи изъ нея не проникали къ намъ. Да и гдѣ необходимость этого насилія, не позволяющаго намъ дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ я хочу? Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и ограниченія—нигдѣ простора бѣдному русскому духу. Когда же и гдѣ этому конецъ? Хотѣть управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи безъ содѣйствія самого народа—значитъ, въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя непремѣнно должны находиться подъ вліяніемъ народа или общества: напримѣръ—часть судебная. И это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія чьихъ-либо правъ. Надо только, чтобы власть имѣла меньше эгоизма... Двѣнадцатый годъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ, не заронилъ въ насъ ни капли гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ, не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ, плодовъ мира и тишины. Страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство — вотъ что Россія пожала на этой кровавой нивѣ, на которой другіе народы обрѣли богатства правъ и самосознанія. Что же это такое? Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Или нашъ народъ въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлали власть и лица? Неужели онъ всѣмъ обязанъ тому, что только всегда повиновался?.. Ужасъ, ужасъ, ужасъ!»

Все это, конечно, очень хорошія слова, которыхъ самъ Никитенко никогда не пропустилъ бы ни въ какой книгѣ и за которыя, если бы они сдѣлались извѣстны въ то время, не остался бы навѣрное на своемъ мѣстѣ. Но какъ же согласить ихъ съ вычеркиваніемъ гораздо менѣе хлесткихъ словъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», на что Краевскій жаловался при мнѣ самому Никитенкѣ, и тотъ отговаривался тяжелою необходимостью и печальною обязанностью. Еще если бы онъ надѣялся на возможность измѣненія этого порядка вещей—хотя бы не въ очень близкомъ будущемъ,.. Но онъ самъ говорилъ совершенно основательно: «это мечта думать, что приближаясь къ источнику власти, можно открыть себѣ путь къ полезной дѣятельности: самая власть эта до того опутана сѣтями противоположныхъ вліяній, что рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Она можетъ гнѣваться, грозить, а дѣла все-таки пойдутъ своимъ порядкомъ. А порядокъ этотъ странный, удивительный, но прочно укоренившійся у насъ. Онъ состоитъ изъ злоупотребленій, безпорядковъ, всяческихъ нарушеній закона, наконецъ сплотившихся въ систему, которая достигла такой прочности и своего рода правильности, что можетъ держаться такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ держится порядокъ, законъ и правда. Говорите послѣ того о разсудкѣ, о справедливости дѣлъ человѣческихъ! Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему». И тотчасъ же вслѣдъ за этими словами, Никитенко разсказываетъ, какъ онъ получилъ бриллiантовый перстень въ 800 рублей за службу въ третьемъ мѣстѣ—въ Екатерининскомъ институтѣ, хотя принцъ Ольденбургскій не благоволилъ къ нему и не ходатайствовалъ за него. Было у него еще и четвертое мѣсто въ институтѣ корпуса путей сообщенія, гдѣ онъ читалъ «теорію дѣловой словесности», думая создать изъ этой дикой идеи новую общественную науку; да въ 1846 году онъ принялъ на себя еще редакцію «Современника», а все жаловался на безденежье. Но болѣе всего онъ жаловался на цензуру и на вмѣшательство въ нее постороннихъ вѣдомствъ. Такъ, по поводу доноса ректора петербургской духовной академіи, епископа Аѳанасія, на помѣщеніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статей о реформаціи «извлеченныхъ изъ сочиненія Ранке», Никитенко говоритъ, что объяснялся по этому поводу съ клевретомъ Аѳанасія, законоучителемъ въ университетѣ Райковскимъ, и тотъ могъ сказать только, что необходимо преслѣдовать реформацію, потому что многіе изъ нашего духовенства пропитаны духомъ протестантизма. Но какое дѣло до этого свѣтской цензурѣ? говоритъ Никитенко, сожалѣя что у него не потребовали офиціальнаго объясненія: «можно было бы проучить этого монаха Аѳанасія, который уже не впервые обнаруживаетъ поползновеніе мѣшаться не въ свои дѣла. Бѣда, если монахамъ дать волю: опять настанутъ времена Магницкаго. Нынѣ

и то уже слишкомъ много толкуютъ о православіи, бранятъ Петра, хотятъ воскресить блаженныя времена до-петровской Руси... Они изо всѣхъ силъ хлопочатъ о церкви, а о религіи и не думаютъ, ибо у нихъ нѣтъ ея въ сердцѣ. Они не любятъ искренно ни Бога, ни людей. Они любятъ только свою славу, свою школу. Быть первыми въ движеніи общества во что̀ бы то ни стало—вотъ ихъ лозунгъ, который прячется за народностью, за патріотизмомъ и т. д.».

Въ первое же мое знакомство съ Никитенко, онъ жаловался на двуличность Плетнева, настаивавшаго въ цензурномъ комитетѣ на усиленіи строгостей, а съ писателями либеральничавшаго донельзя, на Клейнмихеля, выхлопотавшаго высочайшее повелѣніе о непечатаніи безъ его разрѣшенія статей по вѣдомству путей сообщенія... «У насъ всякій отдѣльный начальникъ избѣгаетъ гласности и старается окружить непроницаемымъ мракомъ всѣ свои дѣйствія. Такъ, конечно, лучше: во мракѣ все позволительно». По поводу Клейнмихеля, Никитенко разсказывалъ исторію съ ребусомъ въ «Иллюстраціи» Кукольника. Ребусъ этотъ заключался въ фразѣ: «одно усердіе безъ денегъ и лачуги не выстроитъ». «Это былъ явный намекъ на извѣстныя слова, данныя въ девизъ Клейнмихелю за постройку Зимняго дворца,—говоритъ Никитенко,—и я не пропустилъ разгадки ребуса, но она все-таки появилась въ журналѣ—по ошибкѣ типографіи, какъ объяснялъ Кукольникъ. Ошибка эта не повлекла однако за собою никакихъ послѣдствій. Гораздо больше досталось за выходку противъ наградъ за эту постройку Григорьеву 2-му. Играя купца въ водевилѣ «Ложа перваго яруса» на бенефисъ Тальони, онъ позволялъ себѣ дѣлать вставки въ своей роли, по поводу разныхъ современныхъ случаевъ,—и публика принимала съ рукоплесканіями эти выходки. Онъ вышелъ на сцену съ голубой ленточкой въ петлицѣ.

— Что это, батюшка, и вы развѣ на службѣ гдѣ-нибудь состояли?—спрашивалъ его чиновникъ.

— Нѣтъ-съ, мусоръ изъ дворца вывозили!—отвѣчалъ купецъ.

Гедеоновъ далъ ему страшный нагоняй за эти слова и запретилъ съ тѣхъ поръ что̀-нибудь прибавлять къ своей роли.

Въ дневникѣ Никитенко, въ 1846 году, существуетъ большой пробѣлъ въ семь мѣсяцевъ слишкомъ, между мартомъ и октябремъ. Въ мартѣ цензоръ записываетъ, что новый попечитель учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ очень перемѣнился и рѣшился отстать отъ барскихъ дерзостей съ подчиненными. Перемѣну эту Никитенко приписываетъ своему вліянію: онъ разсказалъ его близкому другу разные факты изъ его дѣятельности, а тотъ передалъ ихъ Мусину-Пушкину, будто бы присмирѣвшему отъ этого. Авторъ дневника забываетъ, что два мѣсяца тому назадъ причину этой перемѣны онъ объясняетъ иначе, говоря: «что такое Мусинъ-Пушкинъ? не страдаетъ ли онъ по временамъ умопомѣшательствомъ?

Учителей онъ ругаетъ болванами, дураками, шутами... Онъ началъ было также обращаться и со студентами: ему погрозили, что сначала освищутъ его, а наконецъ и поколотятъ. Онъ притихъ». Эта версія гораздо правдоподобнѣе первой и автору незачѣмъ было прибавлять къ своему объясненію громкихъ либеральныхъ фразъ: «и этого человѣка выбрали попечителемъ университета въ столицѣ! Но опять-таки приходится сказать, что всякое общество управляется, какъ оно того заслуживаетъ». Но если даже только и двое, какъ говоритъ Никитенко, изъ оскорбленныхъ попечителемъ вышли въ отставку, это уже доказываетъ, что общество наше вовсе не заслуживаетъ, чтобы имъ правили Мусины-Пушкины. А если самъ авторъ дневника, не смотря на весь свой либерализмъ нашелъ возможность служить съ такимъ звѣремъ, какъ называлъ его—это ужъ его дѣло. Въ августѣ 1846 года, онъ разсказывалъ о такихъ продѣлкахъ попечителя, которые вовсе не свидѣтельствовали о томъ, чтобы «звѣрь» притихъ.

По уходѣ Никитенко, Краевскій еще долго говорилъ объ этомъ цензорѣ, называлъ его умнымъ, но разсчетливымъ малоросомъ, себѣ на умѣ, разсказывалъ исторію «Литературной Газеты» и о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ ее отъ Воейкова, этого въ свое время выдающагося журналиста, желчнаго, завистливаго, грязнаго въ частной и общественной жизни, но несомнѣнно умнаго и даровитаго. Сатира его «Домъ сумасшедшихъ» никогда не умретъ въ исторіи литературы и представляетъ цѣнную характеристику журнальныхъ типовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Самого Воейкова лучше всего обрисовалъ Гречъ въ своихъ «Запискахъ». Онъ не величаетъ его «сатирикомъ», какъ сдѣлалъ это Колбасинъ въ «Современникѣ» 1859 года, въ статьѣ «Литературные дѣятели прошлаго времени», но представляетъ мѣткую, хотя и злую оцѣнку этого дѣятеля, о которомъ никто и не вспомнилъ въ прошломъ году по случаю пятидесятилѣтія его смерти; не вспомнили объ немъ и въ 1879 году въ столѣтнюю годовщину его рожденія. А между тѣмъ, онъ положительно не заслуживаетъ забвенія, если не какъ педагогъ, бывшій инспекторомъ петербургскаго артилерійскаго училища и, еще раньше, профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, откуда его прогналъ попечитель князь Ливенъ, то какъ поэтъ, переводчикъ вольтеровской исторіи Людовика XIV и XV, Георгикъ Виргилія, Садовъ Делиля и, въ особенности, какъ журналистъ, издававшій съ 1811 года «Образцовыя сочиненія древнихъ и новыхъ писателей». Сборникъ этотъ выходилъ съ перерывами по 1826 годъ и составляетъ 25 томовъ. Съ 1815 по 1817 г. соиздателями его были А. Тургеневъ и Жуковскій, всегда покровительствовавшій Воейкову и выдавшій за него свою племянницу А. А. Протасову. Двѣнадцать частей этого сборника вышли и вторымъ изданіемъ. Въ 1826 году, Воейковъ издавалъ съ Гречемъ «Сынъ

Отечества», но могъ ужиться съ нимъ только до марта слѣдующаго года, когда сдѣлался редакторомъ «Русскаго Инвалида» и издавалъ его 18 лѣтъ сряду, прибавивъ къ нему «Новости русской литературы» (до конца 1826 года ихъ вышло 18 книжекъ), превратившіяся потомъ въ «Литературныя Прибавленія къ Инвалиду», выходившія по два раза въ недѣлю. Уваровъ не позволялъ выпускать ихъ по три раза, когда въ 1837 году Краевскій пріобрѣлъ это изданіе—и эта была одна изъ причинъ, почему новый редакторъ перемѣнилъ заголовокъ «Прибавленій» и далъ имъ названіе «Литературной Газеты» въ память изданія Дельвига, предпринятаго въ 1830 году, но прекратившагося со смертью поэта въ слѣдующемъ же году. Кромѣ того, отъ 1827 года по 1830 годъ, Воейковъ издавалъ «Славянина»—по 52 тетради въ годъ. О Воейковѣ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія въ запискахъ Вигеля, Дмитріева, Панаева, Жихарева, въ замѣткахъ Лонгинова, кн. Одоевскаго; въ «Библіографическихъ Запискахъ» напечатаны посланія къ нему Жуковскаго, письма его—и между прочимъ, къ княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Волконской; въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года помѣщенъ его довольно остроумный «Парнасскій Календарь»; въ моей «Иллюстраціи» 1861 года, покойный Вл. П. Бурнашевъ описалъ «Литературные вечера у Воейкова». Но весь этотъ матеріалъ не приведенъ въ порядокъ, и вообще у насъ нѣтъ еще полной и вѣрной оцѣнки этого стариннаго дѣятеля русской литературы, какъ нѣтъ впрочемъ характеристики и многихъ новѣйшихъ, болѣе крупныхъ лицъ. Въ моемъ сборникѣ непечатныхъ произведеній русской словесности сохранилось его стихотвореніе, написанное въ отвѣтъ на пасквиль Булгарина, съ которымъ Воейковъ былъ сначала закадычнымъ другомъ. Привожу обѣ эти пьесы, характеризующія журнальные нравы того времени. Изъ булгаринскаго пасквиля въ печати цитировалось нѣсколько стиховъ. Отвѣтъ Воейкова былъ неизвѣстенъ, но несомнѣнно принадлежитъ ему, тогда какъ Булгаринъ, вовсе не владѣвшій стихомъ, никакъ не могъ самъ написать пасквиля, даже въ сотрудничествѣ съ отцомъ и съ сыномъ Гречами, и кто помогъ Булгарину состряпать грубое, но не лишенное остроумія стихотвореніе—остается неизвѣстнымъ.

ПЛАЧЪ ВОЕЙКОВА.

Ахъ, зачѣмъ было,
Ахъ, на что было
Мнѣ стихи писать,
«Инвалидъ» кропать!

Человѣчество
И отечество
Гиблобъ всѣмъ на зло—
Былобъ мнѣ тепло.

Я жену продамъ,
Дѣтей такъ отдамъ,
Толькобъ я былъ сытъ
И не явно битъ.

Хоть напасть сносить—
Толькобъ всѣхъ мнѣ злить.
Клевета и месть—
Моя слава, честь.

Мнѣ презрѣніе—
Наслажденіе,
Всѣхъ несчастіе—
Сладострастіе.

Мнѣ хоть въ рожу плюй,
Мнѣ хоть въ рыло суй,
По щекамъ трезвонь—
Лишь карманъ не тронь.

Въ немъ чувствительность,
Раздражительность,
Онъ мой Богъ и царь,
Онъ души алтарь.

Мнѣ бы въ лѣсъ бѣжать,
Мнѣ бъ людей пугать,
Мнѣ острогъ пріютъ—
Не ужасенъ кнутъ.

Былъ бы счастливъ я:
Тамъ мои друзья
Знаменитые,
Кнутомъ битые.

Тамъ грабежъ, разбой,
Вопли, крики, вой -
Звуки милые,
Хоть унылые.

Воровствомъ живу,
Подлецомъ слыву,
Ахъ, въ лѣсу бъ я былъ
Всѣмъ любезенъ милъ.

Вотъ отвѣтъ Воейкова, написанный отъ лица Булгарина.

«Ахъ, зачѣмъ было
Ахъ, къ чему было
Мнѣ стихи кропать—
Въ нихъ друзей ругать.

Хоть Воейковъ шутъ,
Хоть Воейковъ плутъ,
Но и самъ-то я
Межъ людей свинья.

Онъ жену продастъ,
Дѣтей такъ отдастъ,
Онъ разбойникъ, воръ,
Онъ людямъ позоръ.

Но не такъ ли самъ
Я жену продамъ,
Не изъ бѣдности—
Для извѣстности,

Чтобъ имѣть друзей
Изъ писателей.
Ихъ легко ловить
И потомъ сводить.

Хоть не явно битъ—
Я тайкомъ избитъ
За предательство,
Надругательство.

Я кривлю душой,
Я измѣнникъ злой,
Изъ Литвы бѣглецъ,
Межъ людей подлецъ.

Уязвить словцомъ—
Сунуть въ грязь лицомъ...
Шарлатанство, лесть—
Моя жажда, честь.

Я жидомъ, лисой,
Подползу змѣей,
Гдѣ лишь можно взять,
Поднадуть, продать.

Мнѣ не кнутъ сулятъ,
А коломъ грозятъ
За язвительность,
Злую мстительность.

Какъ съ людьми мнѣ жить,
Какъ людей любить?
Вѣчно вижу въ нихъ
Лишь враговъ своихъ.

Какъ подумаю
Да раздумаю—
Такъ мнѣ негдѣ жить,
Безъ стыда ходить.

Лучше брошусь въ адъ—
Сатана мнѣ радъ.
Буду всѣхъ пугать
И въ «Пчелѣ» ругать.

Тамъ меня поймутъ,
Тамъ во мнѣ найдутъ-
Друга вѣрнаго
И примѣрнаго.

Тамъ мнѣ надо быть,
Тамъ чудесно жить.
Я бѣгу, скачу.
Какъ стрѣла лечу».

— Ты сильнѣй кричи,
И скорѣй скачи
Ты въ свой край родной
Отъ людей долой.

Міръ твой тамъ, подлецъ!
Тамъ за жизнь вѣнецъ
Отъ отечества,
Человѣчества.

VI.

Приготовленія къ редакторскому званію.—Отецъ и сыновья Неваховичи.—Начальникъ репертуарной части.—Михаилъ Неваховичъ и его «Ералашъ».—Карикатура въ Россіи.—Доморощенное остроуміе.—Петербургскіе шулера и доктора.—Забытый предшественникъ современныхъ бактеріологовъ.—М. Н. Лонгиновъ, какъ сотрудникъ «Ералаша».—Обидчивый трагикъ и нецензурная филантропія.—Шествіе въ храмъ славы.—Скабрезные рисунки.—Какъ составлялись подписи къ карикатурамъ «Ералаша».—Пародія на шекспировскія хроники, запрещенная цензурою.—Александръ Ивановичъ Герценъ въ Петербургѣ и въ Лондонѣ.—Историческая черта изъ жизни императора Александра II.

Съ осени 1846 года я началъ готовиться къ редактированію «Литературной газеты». Въ 25 лѣтъ я былъ признанъ правоспособнымъ, чтобы явиться представителемъ общественнаго мнѣнія и «смѣть свое сужденіе имѣть». Въ цензурномъ комитетѣ, при утвержденіи меня редакторомъ, замѣтили: не слишкомъ ли я молодъ для этого званія, такъ какъ всѣмъ остальнымъ условіямъ удовлетворяли мое русское происхожденіе, образованіе и шестилѣтніе литературные и сценическіе успѣхи. Очкинъ, передавшій мнѣ эти свѣдѣнія, прибавлялъ, что онъ прекратилъ всѣ сомнѣнія цитатою корнелевскихъ стиховъ: «il est jeune, c'est vrai, mais aux ames bien nés la valeur n'attend pas le nombre des années». Въ послѣдующее, болѣе либеральное время, для занятія редакторскаго званія не требовалось, какъ извѣстно никакихъ стѣснительныхъ условій: ни принадлежности къ образованному классу, ни даже русскаго подданства или знанія русскаго языка, и редакторами являлись прусскіе и австрійскіе жиды, а изъ русскихъ люди лишенные по суду гражданскихъ правъ—или лабазники, десятки лѣтъ подписывавшіеся подъ старѣйшимъ русскимъ журналомъ: «редакторъ Усъпенскій».

Вербуя сотрудниковъ для моей газеты, я обратился и къ моему хорошему знакомому по театру Михаилу Львовичу Неваховичу, карикатурный альбомъ котораго «Ералашъ» производилъ тогда фуроръ въ петербургской публикѣ. Старшій братъ его, Александръ Львовичъ, занялъ при театрѣ мѣсто моего отца и былъ начальникомъ репертуарной части. Это былъ добродушнѣйшій, гостепріимный, услужливый господинъ, но начальникъ положительно невозможный, путавшій все и всѣхъ въ своемъ управленіи. Если дѣла театра шли хорошо въ сороковыхъ годахъ, то потому что въ нихъ не мѣшался Александръ Львовичъ, предоставляя все режисерамъ. Оба брата были причастны къ литературѣ и работали для сцены, также какъ и ихъ отецъ, поселившійся въ Петербургѣ въ царствованіе Павла. Въ 1803 году вышла здѣсь книга богословскаго содержанія «Вопль дщери Іудейской» сочиненіе Лейбы

Неваховича. Въ слѣдующемъ году явился другой философскій трактатъ: «Человѣкъ въ природѣ, переписка двухъ просвѣщенныхъ друзей». Тутъ авторъ подписался уже Л. Невахович. Въ 1806 году онъ явился уже критикомъ, напечатавъ «Примѣчанія на рецензію касательно опыта россійской исторіи Елагина». Наконецъ въ 1810 году, богословъ, философъ и историкъ сдѣлался драматургомъ, поставивъ на сцену и напечатавъ пятиактную пьесу «Сульеты или спартанцы восьмнадцатаго столѣтія». Драма имѣла большой успѣхъ при Александрѣ I, хотя при Николаѣ уже не появлялась на сценѣ. Когда Неваховичъ успѣлъ превратиться изъ Лейбы въ Льва Николаевича—неизвѣстно, но вѣроятно въ теченіе этихъ шести лѣтъ, какъ онъ сдѣлался русскимъ литераторомъ. Черезъ 22 года онъ попробовалъ еще разъ явиться на сценѣ съ пятиактной трагедіей «Мечь правосудія», но эта новая пьеса не имѣла никакого успѣха, и прошла такъ незамѣтно, что даже А. И. Вольфъ не говоритъ объ ней ни слова въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» и только называетъ ее въ спискѣ новыхъ драмъ. Чѣмъ занимался здѣсь, кромѣ литературы, Л. Неваховичъ—я не знаю: сыновья его не любили говорить о своемъ родителѣ. Старшій изъ нихъ Александръ не имѣлъ даже признаковъ еврейскаго типа: полный, бѣлокурый, съ широкимъ круглымъ лицомъ, онъ походилъ скорѣе на разжирѣвшаго помѣщика и былъ большой гастрономъ; но братъ его Михаилъ сохранилъ всѣ характерныя черты семитической расы: курчавые волосы, носъ горбомъ, смуглый цвѣтъ лица, худощавость. Видя ихъ другъ подлѣ друга, никто бы не счелъ ихъ братьями. Александръ получилъ очень хорошее образованіе и даже согрѣшилъ двумя водевилями, переведенными съ французскаго, поставивъ на сцену въ 1829 году «Гусмана д'Альфараша» веселый фарсъ, имѣвшій значительный успѣхъ и, въ 1849 году, «Поэзія любви», также очень не дурную пьесу. Но главное занятіе его, даже и во время службы при театрѣ, состояло въ исполненіи всѣхъ порученій Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, у котораго А. Неваховичъ былъ фактотумомъ, когда еще графъ не былъ министромъ. Впослѣдствіи онъ исполнялъ тѣ же обязанности и при сынѣ его, Александрѣ Владиміровичѣ, и умеръ въ Берлинѣ, куда часто ѣздилъ по дѣламъ графа. Женатъ былъ Александръ Неваховичъ на хорошей пѣвицѣ Лебедевой. Начальникомъ репертуара онъ былъ не долго, такъ какъ при сибаритскихъ наклонностяхъ пренебрегалъ дѣлами и часто путалъ ихъ. Но онъ былъ готовъ сдѣлать для всякаго все, что̀ можетъ, и эта добродушная готовность ставила его нерѣдко въ неловкое положеніе: на всѣ просьбы онъ отвѣчалъ обыкновенно полнымъ согласіемъ и, конечно, былъ не въ состояніи исполнить свои обѣщанія. Его обычная фраза: «приходите завтра въ канцелярію», повторялась такъ часто, что ее заучили всѣ сторожа и капельди-

неры и съ удивленіемъ посматривали на неискусившагося просителя, который вздумалъ бы явиться въ канцелярію, гдѣ конечно никогда не находилъ Неваховича, а чиновники канцеляріи, разумѣется, не могли дать никакого отвѣта.

Гораздо талантливѣе и дѣятельнѣе былъ младшій братъ, Михаилъ, хотя и не такой благодушный и сообщительный. Это былъ настоящій родоначальникъ литературной карикатуры, о которомъ однако совершенно забыла наша литература, не удостоивъ серьезной оцѣнкой его въ высшей степени замѣчательное дарованіе. Газетные фельетоны сороковыхъ годовъ много говорили о работахъ М. Неваховича, потому что объ нихъ говорилъ весь городъ, но ни одной сколько-нибудь обстоятельной статьи объ этомъ не осталось въ печати. Гораздо больше говорили о другомъ, также талантливомъ, карикатуристѣ Николаѣ Александровичѣ Степановѣ, но это былъ уже преемникъ и послѣдователь Неваховича, хотя и лучше его владѣвшій карандашомъ, но менѣе остроумный и наблюдательный. М. Неваховичъ почти вовсе не умѣлъ рисовать, когда вздумалъ издавать свой «Ералашъ». До тѣхъ поръ онъ занимался тѣмъ, что набрасывалъ въ свой альбомъ, безъ малѣйшей художественной отдѣлки, карикатуры на своихъ знакомыхъ. Такихъ альбомовъ не мало ходило въ то время по рукамъ и между ними былъ особенно замѣчателенъ альбомъ одного изъ братьевъ Лонгиновыхъ—не начальника цензуры: тутъ встрѣчались и политическіе рисунки и совершенно порнографическія акварели. Въ альбомѣ Неваховича было также нѣсколько весьма удачныхъ рисунковъ. Съ талантомъ, присущимъ многимъ интелигентнымъ представителямъ еврейскаго племени, Михаилъ Львовичъ умѣлъ необыкновенно мѣтко схватывать сходство и типическія особенности лицъ, а придавая имъ нѣсколько шаржированное выраженіе, представляя ихъ въ карикатурѣ, вызывалъ невольную улыбку даже у тѣхъ, кого онъ срисовывалъ въ свой альбомъ. Но не учась вовсе рисовать, и имѣя смутныя понятія о законахъ перспективы и анатоміи человѣческаго тѣла, онъ дурно рисовалъ фигуры и вообще обстановку своихъ карикатуръ. Чтобы помочь этому недостатку, онъ взялъ въ сотрудники для своего изданія молодого художника И. Пальма и, набрасывая придуманную имъ карикатуру, типъ или сцену, рисовалъ только головы, а все остальное отдѣлывалъ и дополнялъ Пальмъ. Этотъ родъ сотрудничества на второй годъ изданія «Ералаша» сдѣлался излишнимъ, такъ какъ Неваховичъ, по своей даровитой натурѣ, скоро овладѣлъ искусствомъ рисовать бѣгло и правильно,—бойко рисовалъ онъ и прежде; поэтому послѣдніе листы и цѣлыя тетради карикатурнаго альбома набрасывались уже безъ помощи Пальма. Началъ выходить альбомъ въ 1846 году, тетрадями, по четыре въ годъ въ поллиста большого формата, in folio, исполнявшихся литографіей въ

изданіи Эрмитажной галереи и продавался въ книжномъ магазинѣ Ольхина по полтора рубля за тетрадь. Первые два года успѣхъ альбома былъ огромный, но сорокъ восьмой годъ съ его невозможною цензурою убилъ и это предпріятіе, какъ много другихъ литературныхъ и художественныхъ изданій, и, пробившись еще годъ съ разными «независящими обстоятельствами», «Ералашъ» погибъ окончательно въ 1849 году. Теперь онъ составляетъ библіографическую рѣдкость, но не смотря на развитіе у насъ въ послѣдующіе годы множества карикатурныхъ и такъ называемыхъ сатирическихъ изданій, немногія изъ нихъ могутъ сравниться съ «Ералашемъ» по остроумію карикатуръ и бойкому исполненію ихъ. Въ нихъ, по возможности, затронуты не безъ юмора, не рѣдко добродушнаго, но иногда и очень ѣдкаго, главныя стороны общественной жизни Петербурга въ 1846—1849 годахъ, всѣ его знаменитости, событія, увеселенія. На каждомъ листѣ, въ числѣ 6-ти—10-ти рисунковъ встрѣчалось множество портретовъ, часто даже вовсе не шаржированныхъ,—лицъ, знакомыхъ всей столицѣ. Карикатуристъ не щадилъ и себя: не рѣдко въ рисункахъ изображается его собственный портретъ, нисколько не польщенный. Онъ нарисовалъ себя на заглавномъ листѣ всѣхъ годовъ, въ первый годъ вмѣстѣ съ Пальмомъ, потомъ уже только одного себя. Его типическая физіономія, горбоносая, съ маленькой бородкой клиномъ, является чаще всего въ сопровожденіи его друзей—поэта Губера и М. Лонгинова, будущаго гонителя въ особенности юмористическихъ и сатирическихъ изданій. Рисовалъ онъ и своего брата, въ которомъ только одинъ носъ обличалъ ихъ родство и племенное происхожденіе. Въ одной карикатурѣ Михаилъ Неваховичъ нарисовалъ себя показывающимъ языкъ доктору, внизу подпись: Больной:—«Неправда ли, у меня прескверный языкъ?» Докторъ:—«На видъ ничего, а на дѣлѣ—можетъ быть». На другомъ рисункѣ типичная фигура говоритъ сильно жестикулируя: «Кто вамъ далъ право рисовать меня въ «Ералашѣ?»—«Я никогда и не думалъ!» — отвѣчаетъ издатель альбома. — «Что вы меня увѣряете! Тамъ подъ одной картинкой подписано: мошенникъ». Этотъ обижающійся господинъ является и въ другихъ рисункахъ уже въ видѣ управляющаго конторою. Директоръ спрашиваетъ его: откуда взялся у него домъ? — Въ аллегри выигралъ, отвѣчаетъ тотъ. Домъ этотъ, снятый съ натуры, изображенъ на листѣ, носящемъ общее названіе «Петербургскія тайны», а подъ нимъ подпись: тайна управляющаго конторою. Въ Большомъ театрѣ давали тогда часто маскарады съ томболою и лотереею—алегри, но очень частые выигрыши самыхъ цѣнныхъ вещей театральными чиновниками заставили въ скоромъ времени прекратить этотъ родъ увеселеній.

Безпощадно преслѣдовалъ Неваховичъ карточныя мошенничества, и въ «Ералашѣ» можно найти портреты извѣстныхъ шулеровъ того времени. Двое изъ нихъ изображены на рисункѣ, поваливишими на полъ обобраннаго до рубашки партнера, отдающаго имъ свой кошелекъ подлѣ стола, на которомъ лежатъ даже нераспечатанныя колоды картъ. Внизу подпись: «усовершенствованный преферансъ». Изображены и пожиманія ногъ подъ столомъ, въ преферансѣ «съ приглашеніемъ» и маленькій сынъ хозяина, шепчущій на ухо отцу: «папà, въ прикупкѣ тузъ трефъ!» Достается порядочно и докторамъ, портреты которыхъ въ изобиліи украшаютъ альбомъ. Тутъ изображены и тогдашнія знаменитости и, въ особенности, театральные доктора: Берсъ, Гейденрейхъ, Дворжакъ. Неваховичъ изображаетъ ихъ стрѣляющими на воздухъ изъ пушки — микстурами и рецептами въ гриппъ, распространяющійся подъ ихъ ногами въ формѣ гриба (довольно бѣдное остроуміе, основывающееся на созвучіи этихъ словъ) и свободно пропускающими въ петербургскую заставу, въ 1848 году, холеру, потому что она называетъ себя — холериною изъ Персіи (тогда на заставахъ существовали еще и шлахбаумы и дикіе опросы пріѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ нея): только вмѣсто солдатъ съ ружьями изображены доктора, отдающіе честь гостьѣ клистирными трубками. Подъ рисункомъ, описывающимъ увлеченіе минеральными водами—помѣщено четверостишіе:

«Послѣ курса — узко платье,
«Передъ курсомъ — широко,
«Воды — вамъ мое проклятье!
«Лучше буду пить клико».

внизу надпись—М. Л., то-есть Михаилъ Лонгиновъ, бывшій усерднымъ сотрудникомъ «Ералаша». Цѣлый листъ посвященъ холернымъ разговорамъ великосвѣтскихъ особъ, толкующихъ о томъ, кого изъ нихъ тошнило, кого рвало. Элегантная дама на прогулкѣ, обернувшись къ своему лакею, спрашиваетъ: «Иванъ, это у тебя бурчитъ?—Никакъ нѣтъ-съ! у васъ, сударыня,—отвѣчаетъ гайдукъ, снимая шляпу. На другомъ листѣ цѣлая группа фанатиковъ, вдыхающихъ въ себя камфарныя сигареты Распайля, какъ предохранительное средство отъ холеры.

Любопытно, какъ быстро забываются у насъ уроки прошедшаго: въ сороковыхъ годахъ и даже въ началѣ пятидесятыхъ было въ большой модѣ медицинское ученіе доктора-соціалиста Распайля о происхожденіи всѣхъ болѣзней отъ живыхъ микроскопическихъ организмовъ. Въ своей «Histoire de la maladie et de la santé» онъ положительно всѣ немощи человѣчества приписываетъ размноженію въ нашемъ тѣлѣ зловредныхъ, хотя и невидимыхъ, существъ, подтачивающихъ наше существованіе и медленно или быстро сводящихъ насъ въ могилу. У сына Распайля отрѣзали ногу, вслѣд-

ствіе развившагося на ней злокачественнаго нарыва. Отецъ началъ рыться въ нарывѣ и въ гніющей кости нашелъ какого-то звѣря, причинившаго болѣзнь. Въ чахоткѣ несомнѣнно присутствіе другого звѣря, постепенно съѣдающаго легкія. Даже въ простомъ насморкѣ докторъ видѣлъ инфузорію, точащую внутреннюю слизистую оболочку носовой полости, въ зубной боли — червяка, сверлящаго кость. Отъ всѣхъ этихъ болѣзней Распайль думалъ избавиться однимъ средствомъ — камфорою, уничтожающею всѣ мелкіе, живые организмы. Онъ совѣтовалъ употреблять камфору во всѣхъ видахъ и какъ наружное втираніе, въ формѣ камфарнаго спирта или масла, и внутрь, и вдыхать въ себя ея испаренія. Распайлевская противухолерная микстура изъ камфоры дѣйствительно останавливала самые сильные холерные припадки. Сигареты пользы не принесли и были только увлеченіемъ какъ и многое въ ученіи этого умнаго и энергичнаго врача. Но это не причина черезъ тридцать лѣтъ забыть заслуги и открытія его въ области медицинскихъ теорій. Почему же современные бактеріологи, охотясь за микроорганизмами во всѣхъ болѣзняхъ, отъискавъ даже «микробъ любви», не говорятъ ни слова о трудахъ на этомъ поприщѣ своего предшественника Распайля? Никто даже и не упоминаетъ его имени, излагая исторію бактеріологическихъ опытовъ. Неужели нельзя разсчитывать хоть на справедливость, если не на благодарность потомства?..

Особенно хорошъ въ «Ералашѣ» Невскій проспектъ со всѣми обычными его посѣтителями, съ портретами лицъ гуляющихъ для здоровья, для развлеченія, съ горя, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія. Съ этою послѣднею цѣлью прогуливается только одинъ бульдогъ. Изъ увеселеній столицы изображенъ первый день масляницы 1846 года съ проливнымъ дождемъ и второй— съ пятнадцатиградуснымъ морозомъ; майское гулянье, съ котораго городовой выноситъ замерзшаго человѣка. Изъ петербургскихъ увлеченій осмѣяна страсть къ пусканію мыльныхъ пузырей: ихъ пускаютъ даже клоунъ Віоль и лошадь высшей школы въ циркѣ Лежара. Изъ отжившихъ типовъ представленъ портретъ петербургскаго откупщика, любующагося какъ мужики тузятъ другъ друга, чтобы поскорѣе пробиться въ кабакъ. Подпись внизу изъ Измайлова: «однако надобножъ, чтобъ больше пилъ народъ». Меня Неваховичъ нарисовалъ спящимъ въ театрѣ «за деньги», вмѣстѣ съ начальникомъ репертуара, управляющимъ конторою Кирѣевымъ, княземъ Дондуковымъ, Потемкинымъ, Віельгорскимъ и другими присяжными посѣтителями театра, — въ то время, когда въ коридорахъ лакеи на шубахъ спятъ «даромъ». Изъ литераторовъ помѣщены портреты: Панаева, наблюдающаго, какъ книгопродавецъ Ратьковъ раздаетъ дичь въ видѣ приложенія къ «Современнику», Булгарина являющагося привидѣніемъ господину, начитавшемуся на ночь

«Всякой всячины», критика «Сѣверной Пчелы» Брандта, мизерной фигурки, обладавшей колосальнымъ самолюбіемъ, карикатуриста Степанова, Григоровича, роющагося въ навозѣ, читающаго «Антона-Горемыку» при заснувшихъ отъ скуки слушателяхъ и ухаживающаго за Акулиной, обливающей его помоями, поэта Губера, съ постною физіономіей бродившаго по маскарадамъ и съ подписью изъ его стиховъ: «Тяжело, не стало силы, ноетъ грудь моя, злое горе до могилы дотащу ли я?».—Изъ театральныхъ пьесъ помѣщены карикатуры на «Смерть Ляпунова», и «Вѣчнаго Жида», который наконецъ упалъ и можетъ отдохнуть на Александринской сценѣ. Изображена страшно исхудавшая голова Максимова на тонкой спичкѣ, съ подписью: «первый любовникъ Александринскаго театра постомъ отдохнулъ и поправился». Первый трагикъ, представленный также въ карикатурѣ, въ костюмѣ денди, такъ обижался, увидѣвъ свое изображеніе, что Неваховичъ долженъ былъ исключить его портретъ и замѣнить другимъ рисункомъ. Цензура въ первый годъ запретила одинъ листъ рисунковъ самаго невиннаго содержанія: изображенъ былъ спектакль въ пользу бѣдныхъ, на которомъ фешьонебельной публикѣ подносили фрукты и мороженое и извѣстный Эльканъ клалъ себѣ на колѣни цѣлую груду винограду и грушъ. На другомъ рисункѣ жирный швейцаръ отгонялъ кулаками нищихъ отъ подъѣзда съ афишею: «спектакль въ пользу бѣдныхъ». Ниже, съ подписью: «обѣдъ въ пользу бѣдныхъ» были нарисованы филантропы, объѣдающіеся и упивающіеся шампанскимъ, а по другую сторону—нищіе за непокрытымъ столомъ питающіеся объѣдками. Что было нецензурнаго въ этихъ рисункахъ—понять мудрено. Но «Ералашъ» былъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что листы его не были испачканы подписью: «печатать позволяется». Одна общая подпись была на оберткѣ альбома и не пестрила каждаго листа. Послѣдній, 24-й листъ альбома 1847 года оканчивался большою алегорическою картиною «Шествіе въ храмъ славы». Казенный полосатый шлагбаумъ поднималъ цензоръ Очкинъ. Подлѣ него стоялъ Гребенка, впереди всѣхъ шелъ Гречъ съ своей граматикой и съ «Черной женщиной» на плечахъ, за нимъ Кукольникъ, съ своей «Иллюстраціей». Муза очищала метлою дорогу передъ обнявшимися Жуковскимъ и Вяземскимъ. Внизу другая муза тащила съежившуюся фигуру Бенедиктова. Въ тарантасѣ, на запяткахъ котораго стоялъ медвѣдь, ѣхалъ Сологубъ, пуская мыльные пузыри, подлѣ бѣжалъ въ припрыжку Панаевъ, шелъ Одоевскій и скелеты несли Губера, разсматривающаго черепъ. Выше всѣхъ несся Гоголь, уснувшій на второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» и за нимъ Булгаринъ летѣлъ верхомъ на пчелѣ. Внизу, въ лѣвомъ углу, бѣжалъ Вл. Зотовъ и выглядывала голова Некрасова. Неваховичъ не сочувствовалъ «Отечественнымъ Запискамъ» и не помѣстилъ на пути въ храмъ славы ни одного изъ ихъ сотрудниковъ. Но изъ шестнад-

цати изображенныхъ имъ писателей 1847 года, не исключая и самаго карикатуриста, въ живыхъ остался только я одинъ.

Никакого скабрезнаго, порнографическаго элемента, которымъ только и живутъ современные карикатуристы, Неваховичъ не допускалъ въ «Ералашѣ». Всего подъ друмя-тремя рисунками у него нѣсколько рискованныя подписи: «Вѣдь мамашѣ должно быть очень скучно съ тобой, папа? говоритъ маленькій сынъ. — Изъ чего же ты это заключаешь? — спрашиваетъ отецъ. — Да съ нами она и разговариваетъ, и играетъ, а съ тобой все спитъ». На представленіи живыхъ картинъ въ посту, при видѣ группы грацій Кановы, мальчикъ говоритъ своему гувернеру:—вы хотѣли свести насъ въ театръ, Карлъ Иванычъ, а привели въ баню. На рисункѣ съ надписью: «Дѣтскій балъ», изображена танцующая въ сильно-интересномъ положеніи дама; внизу подпись: «Надо же доставить удовольствіе и своему ребенку». Но въ альбомѣ 1848 года цѣлый листъ 18-й, показался до того неприличнымъ, что Неваховичъ замѣнилъ его другимъ. На немъ изображены купальни и въ нихъ между типами лицъ купающихся, одни для того, чтобы потолстѣть, другіе для того, чтобы похудѣть, изображены: трагикъ Каратыгинъ, купающійся во время дождя подъ зонтикомъ и еще одинъ извѣстный всѣмъ лысый господинъ, съ такимъ широкимъ отдутловатымъ лицомъ и едва замѣтными глазами и носомъ, что про него говорятъ: «странное дѣло—вотъ ужъ четверть часа, какъ этотъ господинъ ныряетъ!» На другомъ рисункѣ гувернеру кричатъ, что его Коля тонетъ, но Карлъ Иванычъ занятый наблюденіями въ щелку, просверленную въ сосѣднюю женскую купальню, отвѣчаетъ: lassen sie! da ist ein prachtvolles Mädchens».

Перечисленіе лучшихъ рисунковъ «Ералаша» заняло бы слишкомъ много времени. Повторю, что это лучшій русскій карикатурный альбомъ, на составленіе котораго потрачено много остроумія и веселости. Конечно, у Неваховича было немало сотрудниковъ, но идея большей части рисунковъ принадлежитъ все-таки ему самому и только подписи къ нимъ составлялись иногда общими силами пріятелей художника, обыкновенно послѣ ужина, въ дружеской бесѣдѣ у гостепріимнаго хозяина, за столомъ, съ котораго снимались приборы, но не бутылки. Часто было даже трудно сказать, кому именно изъ собесѣдниковъ принадлежала та или другая удачная подпись подъ карикатурою. Но Неваховичу во всякомъ случаѣ принадлежитъ бо̀льшая часть этихъ légendes, какъ ихъ называютъ французы, между которыми Гаварни, Хамъ и Берталь, прославились не меньше чѣмъ рисунками—своими подписями къ нимъ. Въ моей «Иллюстраціи» Н. Д. Хвощинская помѣстила большую статью «Гаварни и его рисунки», въ которой представлена замѣчательная оцѣнка этого главы французскихъ карикатуристовъ, какъ художника и какъ литератора-юмориста. Такимъ же

точно главою русской школы этого рода произведеній былъ М. Неваховичъ. Онъ пробовалъ также свои силы и на сценѣ и, въ 1849 году, поставилъ оригинальный водевиль «Великанъ изъ Америки», не имѣвшій, впрочемъ, успѣха. Въ томъ же году, онъ написалъ остроумную пародію на историческія и драматическія фантазіи, поставляемыя Кукольникомъ и его послѣдователями: «Эдуардъ CXII, король Англіи»—историческая хроника въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ съ маршами, пожаромъ, сраженіями, разрушеніемъ хижины и великолѣпнымъ спектаклемъ. Къ этой хроникѣ онъ составилъ цѣлую серію карикатурныхъ сценъ и рисунковъ, которыми хотѣлъ занять цѣлый выпускъ «Ералаша» 1849 года. Въ пьесѣ было всего шесть страницъ по числу листовъ выпуска. Первая изъ нихъ была занята огромнымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ. Кромѣ короля и принца Валлійскаго, тутъ были герцоги Глочестерскій, Іоркскій, графы Эссексъ, Кентербури, Пенденмури, Диндерло, лорды Ромберлей, Финдерлей и Дундерлей, отшельникъ, даже Кромвель, офицеры: Гордонъ, и Шитъ, принцесса Кларанская, Агнеса—ея наперсница, часовые, гонцы, члены парламента, войско, музыканты, народъ. Дѣйствіе происходитъ въ Англіи, во времена междоусобій. Привожу первый актъ трагедіи, полный шекспировской простоты и краткости.

Театръ представляетъ лѣсъ. Вдали дворецъ. Слышенъ звукъ трубъ. Явленіе первое. На сценѣ двое часовыхъ. Глубокое молчаніе продолжается десять минутъ.

1-й часовой. Зачѣмъ Богъ создалъ часовыхъ?
2-й часовой. Чтобъ на часахъ они стояли.
1-й часовой. Когда же не было бы ихъ?..
2-й часовой. Тогда часовъ бы мы не знали.

Перемѣна декораціи. Тронный залъ съ портретомъ короля. Явленіе второе. Съ правой стороны входитъ принцесса, за нею наперсница.

Принцесса. О, милый мой отецъ,
Когда жъ бѣдамъ конецъ?

Наперсница. Принцесса! (Принцесса убѣгаетъ налѣво, наперсница за нею).

Перемѣна декораціи. Лагерь. Направо деревья. Воины спятъ. Явленіе третье. Герцогъ Глочестерскій и лордъ Диндерло.

Герцогъ. Какъ дни жестоко знойны!
Проснитесь, мои воины.

Лордъ. Какъ мирно спятъ
Всѣ наши воины,
И какъ они всѣ стройны,
Когда враговъ разятъ.

(Воины просыпаются и кричатъ: ура! потомъ уходятъ за герцогомъ).

Перемѣна декораціи. Явленіе четвертое. Галерея во дворцѣ. По ней ходитъ часовой. Принцесса выбѣгаетъ съ лѣвой стороны. За ней наперсница.

Принцесса. Ахъ, Боже мой!
Что станется со мной? (Убѣгаетъ направо).

Наперсница. Принцесса! (убѣгаетъ за нею. Занавѣсъ падаетъ).

Второе дѣйствіе начинается въ дворцовой залѣ. Принцесса вбѣгаетъ съ правой стороны, произноситъ стихи: «Вездѣ враги, враги! хоть на тотъ свѣтъ бѣги!» и убѣгаетъ налѣво. Наперсница слѣдуетъ на нею съ своимъ обычнымъ возгласомъ: «принцесса!» Является Эдуардъ стодвѣнадцатый съ своимъ дворомъ и говоритъ: «Враги тревожатъ насъ!»—«Ваше величество, да-съ!» подтверждаетъ герцогъ Эссексъ. Принцъ Валійскій настаиваетъ, что ихъ надо истребить. Народъ кричитъ: ура! и да здравствуетъ король! Въ слѣдующемъ явленіи принцесса опять прибѣгаетъ въ садъ и сокрушается о своей участи и затѣмъ, по заведенному порядку, бѣжитъ направо. Потомъ, въ залѣ дворца, герцогъ Глочестерскій признается лорду Диндерло, что любитъ принцессу. «Отечество я защищаю, но трепетъ сердца ощущаю!»—говоритъ онъ. Третье дѣйствіе—въ лагерѣ герцога Іоркскаго. Воины спятъ. Слышенъ ударъ грома. Герцогъ идетъ на короля, но прежде велитъ подать вина. «Чтобъ враговъ намъ побѣдить, за гибель ихъ мы будемъ пить!»—говоритъ онъ. Лорды Финдерлей и Дундерлей называютъ его освободителемъ Англіи и великимъ предводителемъ. Во второмъ явленіи, принцесса въ своей комнатѣ обращается къ наперсницѣ съ словами:—«долго ль намъ еще страдать, ночи темныя не спать?» потомъ все-таки убѣгаетъ. Въ третьемъ явленіи изъ пещеры въ лѣсу выходитъ старый отшельникъ и сокрушается объ Англіи, которая «потоки крови проливаетъ и вѣрность долгу забываетъ». Изъ-за кустовъ выбѣгаетъ графъ Пенденмури и убиваетъ отшельника. Изъ пещеры выходитъ Гордонъ и закалываетъ Пенденмури. Въ ту же минуту выбѣгаетъ Кентербури и убиваетъ Гордона. Раздается ударъ грома и Кентербури падаетъ пораженный молніею. Пещера загорается. Въ четвертомъ дѣйствіи принцъ Валлійскій сооообщаетъ принцессѣ:—«нашъ батюшка сейчасъ скончался!» «О, въ этомъ я не сомнѣвался!»—говоритъ въ сторону герцогъ Глочестерскій. Принцесса говоритъ, рыдая: «Его лишилась я, Агнеса!» — О, принцесса! — повторяетъ наперсница. Затѣмъ, въ дворцовомъ залѣ, принцъ Валлійскій, въ парадномъ платьѣ, говоритъ герцогу Глочестерскому: «не стало болѣе его! Отчизна, много ты страдала, теперь блаженства твоего ужъ новая заря настала!» Но герцогъ закалываетъ принца со словами: «умри, отцеубійца!» Въ окно вдругъ вскакиваетъ лордъ Ромберлей и убиваетъ герцога, со словами: умри, цареубійца! Въ слѣдующемъ явленіи принцесса отправляется въ свою спальню, говоря наперсницѣ: «во Францію ты удались и о душѣ моей молись!» Наперсница отвѣчаетъ:—«принцесса!» и убѣгаетъ—но этотъ разъ уже одна. Пятое дѣйствіе — входитъ графъ Эссексъ. Къ нему являются одинъ за другимъ нѣсколько гонцовъ съ извѣстіями о приближеніи герцога Іоркскаго съ войскомъ. «Графъ Диндерло пораненъ въ ногу, но живъ онъ—слава Богу!»—Я радъ, что онъ не будетъ пищею воро̀нъ!—отвѣчаетъ графъ.—«Непріятель подступаетъ, но гдѣ онъ—

никто не знаетъ,—сообщаетъ другой гонецъ.—«О демоны! что станется со мной! Трубите сборъ! готовьтесь въ бой!»—«Врагъ въ двухъ шагахъ ужъ на носу!» — «Я свой позоръ въ могилу унесу! Друзья, умрите вы, врага кляня, а мнѣ скорѣй—коня, коня!» Онъ убѣгаетъ. Послѣдняя картина представляетъ поле сраженія. Герцогъ Іоркскій и вся его армія лежатъ убитые. Графъ Эссексъ становится на колѣни и говоритъ: «отечество спаслося отъ врага! Не будетъ больше здѣсь его нога!» Войско кричитъ ура, трубы трубятъ, занавѣсь падаетъ.

Веселой шуткѣ этой, пародирующей, конечно въ преувеличенномъ шаржѣ, слабыя стороны шекспировскихъ трагедій, не пришлось однако явиться въ печати. Цензура запретила и пьесу и рисунки. Напрасны были и передѣлки названія въ «Герцога Глочестерскаго» и совершеннаго исключенія изъ трагедіи—короля, его наслѣдника, цареубійства: во Франціи, въ Германіи, въ Австріи вспыхнули революціи—и потому русская цензура сдѣлалась строгой до абсурда. Въ ней тоже произвели своего рода революцію—только въ реакціонномъ направленіи—Мусинъ-Пушкинъ, цензоры Елагинъ, Фрейганъ и другіе достойные ихъ сподвижники...

Михаилъ Неваховичъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ отъ аневризма или отъ порока сердца, какъ его другъ поэтъ Губеръ, скончавшійся еще раньше, 33-хъ лѣтъ, отъ той же болѣзни. Женатъ онъ былъ на недурной, хотя и не красивой танцоркѣ Смирновой. Дѣтей у него не было.

1846 годъ памятенъ мнѣ особенно потому, что въ этомъ году я познакомился у Краевскаго съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ. Впечатлѣніе, какое произвелъ на меня, какъ конечно и на всѣхъ близко знавшихъ его, этотъ богато-одаренный природою человѣкъ и писатель такъ сильно, что говорить объ немъ въ немногихъ словахъ нельзя, а говорить подробно—еще не настало время. Къ сожалѣнію, я видѣлъ его въ Петербургѣ только три раза и изъ нихъ только одна бесѣда продолжалось нѣсколько часовъ—остальныя были слишкомъ коротки. Онъ вскорѣ же уѣхалъ въ Москву, а въ слѣдующемъ году, по смерти отца, эмигрировалъ за границу. Переписки вести было невозможно и я свидѣлся съ Александромъ Ивановичемъ только черезъ десять лѣтъ, когда заграничная поѣздка не была уже для насъ запретнымъ плодомъ. Въ Лондонѣ или точнѣе — въ Путнеѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы Англіи, гдѣ жилъ тогда на дачѣ Александръ Ивановичъ, я провелъ нѣсколько дней, о которыхъ конечно никогда не забуду, какъ и о томъ времени, когда онъ былъ моимъ чичероне въ Лондонѣ, водилъ меня на митинги и въ клубы, гдѣ я знакомился съ тогдашними политическими дѣятелями. Не забыть мнѣ и послѣднихъ бесѣдъ нашихъ еще черезъ десять лѣтъ въ Женевѣ, на берегу ея синяго озера... Но обо всемъ этомъ говорить еще рано. Не могу

только, вспоминая объ этой выдающейся личности, не вспомнить въ то же время и другого свѣтлаго, высоко-кроткаго образа, относившагося гуманно даже въ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами своими или своего отечества. Разскажу одну черту изъ жизни покойнаго государя, касающуюся Герцена, хотя эта черта относится къ позднѣйшему времени. Въ печати она не появлялась и объ ней мало кто знаетъ.

Въ 1857 году, когда поѣздка за границу сдѣлалась доступною для всѣхъ, много лицъ изъ литературнаго міра воспользовалось уничтоженіемъ преградъ, разобщавшихъ насъ съ западной Европой. Ближайшаго и прямого сообщенія съ нею черезъ Берлинъ тогда еще не было: желѣзная дорога отъ Кенигсберга до нашей границы только строилась. Я поѣхалъ моремъ прямо въ Ротердамъ, потомъ изъ Голандіи черезъ Бельгію въ Лондонъ. Тамъ уже было много русскихъ, между которыми покойный Краевскій и нѣсколько доселѣ здравствующихъ писателей; всѣ они конечно желали видѣть своего собрата, «колоколъ» котораго такъ громко гремѣлъ въ Россіи. Герценъ принялъ всѣхъ радушно—кромѣ Некрасова, однако, котораго обвинялъ въ неблаговидныхъ поступкахъ, по отношенію къ женѣ Николая Платоновича Огарева. Вернувшись въ Петербургъ и готовясь къ редактированію въ 1858 году «Иллюстраціи», я продолжалъ, хотя уже не такъ часто, посѣщать театры, особенно въ дни первыхъ представленій. Знакомые кассиры оставляли мнѣ всегда одно и тоже кресло, подлѣ кресла «Сѣверной Пчелы», третье отъ средняго прохода въ 4-мъ ряду. Первое крайнее кресло этого ряда принадлежало III-му Отдѣленію и на немъ почти всегда сидѣлъ одинъ изъ его чиновниковъ Иванъ Андреевичъ Нордстремъ, человѣкъ чрезвычайно любезный и обходительный. Я познакомился съ нимъ и мы часто бесѣдовали весьма откровенно о предметахъ, неподлежащихъ публичному обсужденію. Либеральничало тогда и Третье Отдѣленіе. Кресло «Пчелы» обыкновенно пустовало и я садился подлѣ Ивана Андреевича, и когда являлся П. С. Усовъ, взявшій на себя черезъ три года потомъ редакторство «Пчелы», просилъ его пересѣсть на мое мѣсто. Однажды, въ сентябрѣ, сосѣдъ мой очень любезно предупредилъ меня, что «у нихъ» знаютъ о поѣздкѣ моей и другихъ писателей въ Лондонъ и о нашихъ посѣщеніяхъ Герцена. Я отвѣчалъ, что не считаю нужнымъ скрывать этого. Уѣзжая, я не давалъ подписки, встрѣтясь за границей съ знакомымъ мнѣ по Петербургу человѣкомъ, зажать ротъ и уши и бѣжать отъ него.

— Все это такъ, замѣтилъ добродушный Нордстремъ, но совѣтую вамъ однако принять мѣры на случай, когда будетъ сдѣланъ допросъ по этому предмету.

Какія же мѣры я могъ принять? Бумаги мои восемь лѣтъ назадъ были разсмотрены въ III Отдѣленіи, куда ихъ возили вмѣстѣ

со мною, по дѣлу Петрашевскаго. Съ тѣхъ поръ въ нихъ не прибавилось ничего особеннаго. Книги, по словамъ самого Леонтія Васильевича Дубельта, снимавшаго съ меня предварительный допросъ, могли служить только какъ обстоятельства, увеличивающія вину, circonstances aggravantes, если бы за мной нашли какую-нибудь вину. Но такъ какъ меня выпустили изъ крѣпости тотчасъ послѣ допроса въ тайной комиссіи, то я, не признанный виновнымъ въ 1849 году, не могъ считать себя преступникомъ въ 1857-мъ только потому, что видѣлся въ Лондонѣ съ петербургскимъ знакомымъ. Поэтому я былъ совершенно спокоенъ, хотя ждалъ съ любопытствомъ, какого рода «запросъ» будетъ предложенъ мнѣ хотя бы и либеральничавшимъ III-мъ Отдѣленіемъ. Но прошло недѣли двѣ безъ всякихъ послѣдствій. То мнѣ нельзя было быть въ театрѣ, то я не находилъ моего сосѣда въ его креслѣ. Наконецъ, въ половинѣ октября, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Шефъ жандармовъ получилъ отъ нашего посла въ Лондонѣ списокъ лицъ, посѣщавшихъ Герцена. Дѣлая докладъ государю, шефъ жандармовъ подалъ и этотъ списокъ съ объясненіемъ, что получилъ его отъ барона Брунова. Государь стоялъ у камина, горѣвшаго въ холодный октябрскій день.

— Не дѣло русскаго посла заниматься такими донесеніями!— сказалъ Александръ Николаевичъ и бросилъ въ каминъ списокъ, не развертывая его.

Нужно ли прибавлять еще что-нибудь къ этимъ словамъ, и этому поступку, достойнымъ того, чтобы навѣки остаться въ исторіи?..

В. Зотовъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ПЕЧАТАЕМЫЙ мною отрывокъ изъ моихъ воспоминаній относится ко времени моей молодости, моего пребыванія въ Харьковскомъ университетѣ съ 1838 по 1843 годъ, и тѣсно связанъ съ воспоминаніями о Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ, нашемъ незабвенномъ историкѣ—человѣкѣ высокой честности и правдивости.

Дѣло весьма щекотливое и отвѣтственное предъ совѣстью писать свои воспоминанія, воспоминанія человѣка ничѣмъ не выдающагося,—о личности, имя которой переходитъ въ потомство и составляетъ достояніе исторіи. Я говорю щекотливое потому, что, разсказывая о замѣчательномъ человѣкѣ, съ которымъ приходилось вести близкое знакомство, нельзя не сказать невольно чего-либо и о самомъ себѣ и, такимъ образомъ, уподобиться мухѣ, сидящей на рогахъ вола и горделиво возвѣщающей: «мы пахали». Будучи близкимъ свидѣтелемъ частной жизни такого именно человѣка и членовъ его кружка, не трудно погрѣшить противъ совѣсти, сообщивъ какой-нибудь случайный фактъ, какъ существенный признакъ характера и такимъ образомъ лжесвидѣтельствовать передъ потомствомъ. Рѣшаясь предать гласности мои воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ, я дѣлаю это не безъ внутренней борьбы и нѣкотораго насилія надъ своей природою, но моя совѣсть говоритъ мнѣ, что это мой долгъ, и я повинуюсь ей.

Литература пушкинской эпохи была богата сильными, можно сказать, геніальными талантами, однакоже, ни высокія поэтическія произведенія однихъ, ни ученыя заслуги другихъ, ни трагическая смерть Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, ни полная ли-

шеній и заслугъ жизнь Бѣлинскаго, ни душевно больная жизнь Гоголя, ни смерть Грановскаго, подъ благотворнымъ вліяніемъ котораго выросло цѣлое поколѣніе,—не вызвали такихъ громкихъ сочувственныхъ манифестацій со стороны русскаго общества, какъ смерть Достоевскаго, Некрасова, Тургенева, Кавелина, Костомарова, Салтыкова. Ясно, что общество, послѣ благотворныхъ реформъ прошедшаго царствованія, созрѣло, сдѣлало значительный шагъ впередъ на пути самодѣятельности и самосознанія. Оно признало въ творцахъ поэтическихъ и научныхъ произведеній представителей народнаго ума, мысли, чувства, народныхъ идеаловъ, ведущихъ націю къ самосознанію и прогрессу. Но рядомъ съ этимъ отраднымъ явленіемъ вошло въ обычай, ставшій уже хроническимъ недугомъ, спѣшить съ какой-то галопирующей торопливостью предавать печати всѣ слабости и житейскіе промахи умершихъ историческихъ дѣятелей. Не успѣютъ увянуть вѣнки, возложенные на гробъ усопшаго дѣятеля, какъ столбцы періодической печати наполняются уже разными мелочными фактами частной жизни покойнаго, или подмѣченными непосредственно самими авторами замѣтокъ, или нерѣдко почерпнутыя отъ свидѣтелей домашней жизни; та же рука, которая возлагала на могилу вѣнокъ, спѣшитъ собрать весь этотъ соръ и прикрыть имъ цвѣты этого вѣнка. Все это безспорно происходитъ отъ убѣжденія, что всякая черта изъ жизни замѣчательной личности должна быть передана потомству для полнаго и рельефнаго ея очертанія. Мысль ошибочная. Исторія и потомство не нуждаются въ мелочныхъ фактахъ, лежащихъ, такъ сказать, внѣ предѣловъ исторической области. Потомству дороги лишь черты, уясняющія значеніе того или другого лица въ исторіи.

Въ моихъ частыхъ, личныхъ бесѣдахъ съ Н. И. не разъ приходилось касаться вопроса, какой характеръ изложенія должна принять историческая наука въ будущемъ, въ виду постепенно накопляющихся историческихъ фактовъ. Сущность этихъ бесѣдъ да послужитъ прологомъ къ моимъ воспоминаніямъ о Костомаровѣ.

Покойный былъ человѣкъ ученый, обладалъ необыкновенно обширной памятью, особенно въ молодости,—поэтическимъ творчествомъ и фантазіей (на экзаменѣ на степень магистра Костомаровъ изумилъ профессора исторіи Лунина, перечисливъ съ указаніемъ годовъ всѣхъ вестготскихъ королей католиковъ и послѣдователей Арія); любилъ истину, искалъ ее, боялся согрѣшить противъ нея и потому впадалъ иногда въ ошибки при оцѣнкѣ личностей.

Во время нашихъ бесѣдъ на вышеприведенную тему, я утверждалъ, что задача историка состоитъ не въ томъ, чтобы произнести приговоръ надъ совѣстью отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей и цѣлаго народа, а въ томъ, чтобы высказать свои сужденія о событіяхъ во взаимной ихъ связи и слѣдствіяхъ. Историкъ не въ правѣ глумиться и осуждать ни народъ, ни его отдѣльныхъ

историческихъ дѣятелей. Они другими быть не могли. Исторія, какъ наука, должна имѣть твердую, положительную почву, которая выражается въ культурѣ народа. На этой лишь почвѣ могутъ рисоваться отдѣльныя личности въ качествѣ дипломатовъ, воиновъ, законодателей, ученыхъ, художниковъ.

— Оставьте, Н. Ив.,—говорилъ я ему,—ихъ личныя качества, ихъ добродѣтели и пороки, въ сторонѣ. «Не хай лежать мовчка въ сырой землѣ мертвы». Нравственную, психическую сторону человѣческой жизни предоставимъ поэзіи, какъ матеріалъ для повѣстей, драмъ, комедій. На страницы лѣтописей и мемуаровъ заносится все, что достигается слуха и очей лѣтописца; накопляется масса разнообразныхъ, нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу фактовъ. Историкъ всегда найдетъ пригодный для своихъ личныхъ воззрѣній матеріалъ и потому имѣетъ полную возможность рисовать портреты подъ ихъ угломъ, нерѣдко освѣщая лицо фальшивымъ колоритомъ. Петръ Великій, Екатерина II, Фридрихъ II, Наполеонъ I и III подъ перомъ разныхъ историковъ пробуждаютъ въ душѣ читателя то чувство благоговѣнія, то чувство ненависти и презрѣнія. Каждый историкъ съ своей точки зрѣнія правъ, но это уже не судъ, не приговоръ исторіи, а плодъ фантазіи.

Подобныя воззрѣнія лично задѣвали покойнаго. Извѣстно, что онъ любилъ анализировать душу историческаго дѣятеля; его честная натура оскорблялась насиліями, пороками, жестокостями; такъ въ Грозномъ онъ видѣлъ только тирана, забывая его значеніе въ исторіи. Извѣстна его полемика съ профессоромъ Бестужевымъ по поводу воззрѣнія послѣдняго на историческое значеніе дѣятельности Грознаго.

Покойный нашъ историкъ былъ человѣкъ задушевный, искренній, не вѣрующій ни въ свою, ни вообще въ человѣческую непогрѣшимость, глубоко уважающій мнѣнія другихъ и всегда готовый сознаться въ своихъ ошибкахъ. Къ нему вполнѣ могутъ быть примѣнимы слова поэта:

«Противно мнѣ самохваленіе,
«Неправда душу мнѣ скребетъ,
«Меня смущаетъ Провидѣніе,
«Когда на землю кары шлетъ».

Онъ прямо говорилъ: «всѣ восхищаются Щедринымъ, слѣдовательно онъ заслуживаетъ этого, но я его не понимаю». Костомаровъ, дѣйствительно, почти не читалъ этого автора. Когда ему указывали на высокое значеніе сатиръ Щедрина, онъ возражалъ: «Это не художественныя произведенія, которыя требуютъ цѣлые томы комментарій», и потомъ, постепенно разгорячаясь, кончалъ такъ: «ну, что̀ же дѣлать,—я не понимаю!»

Когда до Костомарова дошли слухи, что польская критика признаетъ его трудъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» произведе-

ніемъ тенденціознымъ и лишеннымъ эпическаго спокойствія, и скорѣе считаетъ его историческимъ памфлетомъ, нежели исторіей въ строгомъ смыслѣ этого слова,—покойный говорилъ: «пусть убѣдятъ въ моихъ ошибкахъ, пусть укажутъ ихъ, и я охотно сознаюсь въ нихъ и готовъ исправить невѣрное».

Дѣйствительно, Костомаровъ по своей высокочестной и искренней природѣ не былъ и не могъ быть тенденціознымъ, писалъ, какъ поэтъ, любившій заглядывать въ душу человѣка и народа и потому впадалъ въ преувеличенія при оцѣнкѣ личностей.

— Достанется вамъ, Н. И. на томъ свѣтѣ,—говорилъ я ему,—когда встрѣтитесь въ царствѣ мертвыхъ съ тѣнями Грознаго, Мазепы, Дмитрія Донскаго, особенно съ дѣятелями послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой и временъ Хмельницкаго, опоясанными саблями и по обыкновенію сильно подкутившими. Зададутъ они вамъ, какъ окружатъ всѣ и потребуютъ сатисфакціи!

Тотчасъ же въ воображеніи покойнаго рисовалась картина его фантазируемой встрѣчи въ царствѣ тѣней съ героями, имъ оскорбленными, униженными и ложно понятыми. Онъ начиналъ бѣгать по комнатѣ, подхвативъ подбородокъ рукою, и заливался своимъ добродушнымъ, задушевнымъ смѣхомъ, обыкновенно переходившимъ въ сильный кашель.

— Ну, а что, пане Коханку (такъ называлъ онъ меня), что скажутъ Грозный, Мазепа, что скажетъ и Радзивиллъ, пане Коханку, встрѣтившись со мной на томъ свѣтѣ?

На сколько умѣлъ, начиналъ я фантазировать на тему этой встрѣчи Костомарова съ тѣнями оскорбленныхъ имъ героевъ. Костомаровъ самъ воодушевлялся, широко набрасывалъ цѣлую сцену, гдѣ передъ слушателями проходили лица съ живыми рѣчами въ истинно-художественныхъ образахъ.

Часто Костомаровъ увлекался разговоромъ до того, что провожалъ собесѣдниковъ до передней, задерживалъ гостей уже одѣтыхъ и продолжалъ бесѣду.

— Когда зайдете ко мнѣ?—кончалъ, наконецъ, Николай Ивановичъ,—приходите; będziem łajac moskali i polaków (побранимъ москалей и поляковъ).

— Не забудьте и хохловъ вашихъ,—говорилъ я.

— И хохловъ поругаемъ,—соглашался Николай Ивановичъ, но тутъ же прибавлялъ,—если будетъ за что.

Перехожу къ моимъ воспоминаніямъ, не отступая уже отъ начертаннаго плана.

I.

Въ началѣ 1839 года, Кіевскій университетъ, въ который я только-что успѣлъ поступить, былъ на время закрытъ. Нѣсколько студентовъ старшаго курса были вовлечены эмигрантомъ Конарскимъ въ соціально-демократическое общество, имѣвшее цѣлью возбудить революціонное движеніе, которое привело бы eo ipso къ возстановленію Польши. Главный виновникъ заговора былъ разстрѣлянъ въ Вильнѣ; четверо другихъ важныхъ заговорщиковъ были приговорены въ Кіевѣ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но были помилованы и сосланы въ Сибирь. Студенты, участвовавшіе въ заговорѣ, сосланы на Кавказъ солдатами, а не причастные къ дѣлу — послѣдняго курса — были допущены къ экзамену; всѣмъ прочимъ было дозволено, или продолжать курсъ въ другихъ университетахъ, или съ чиномъ XIV-го класса поступать на службу, кто пожелаетъ. Многіе, болѣе ловкіе, обратились къ генералъ-губернатору Бибикову и получили денежное вспомоществованіе. Точно опредѣлить числа не могу, но знаю, что человѣкъ болѣе ста отправились въ университеты Казанскій, Московскій и Харьковскій, причемъ въ одинъ послѣдній около сорока человѣкъ. Эта юная колонія отъ запада на востокъ вскорѣ увеличилась молодежью изъ Вильны, гдѣ закрыли медицинскій факультетъ, продолжавшій еще нѣкоторое время существовать послѣ закрытія Виленскаго университета. Переношусь мыслью къ этому отдаленному времени и, кажется, что все это было такъ недавно, вчера; а между тѣмъ цѣлое полустолѣтіе раздѣляетъ меня и предметъ моихъ воспоминаній; большинство людей этого поколѣнія уже сошло въ могилу. Живо воскресаютъ образы моихъ былыхъ товарищей—безъ различія національности и религіи, въ ихъ-то средѣ и познакомился я впервые съ Костомаревымъ. Памятны мнѣ тѣ дружескія, теплыя отношенія, которыя завязались между нами, какъ и вообще между всѣми товарищами по университету. Онѣ сохранились у меня до старости и не измѣняли себѣ, когда приводилось встрѣчаться въ жизни другъ съ другомъ. Среди насъ не было мѣста ни польскому, ни малороссійскому, ни остзейскому, ни другимъ какимъ-либо сепаративнымъ, раздражающимъ страсти, вопросамъ; всѣмъ одинаково близко было чувство человѣколюбія, всѣми равно владѣло стремленіе жить и трудиться во имя идей добра, правды, всего высокаго и прекраснаго. Идеалы, лелѣянные этимъ поколѣніемъ, быть можетъ, слишкомъ опережали дѣйствительность; но ужъ таковъ прогрессивный законъ жизни, что идеалъ, какъ далеко впереди мерцающій свѣтильникъ, побуждаетъ идти впередъ и воплощать мысль въ фактъ и дѣло. Во главѣ сошедшаго со сцены поколѣнія стоялъ Царь-Освободитель; его великія реформы, отраженіе помысловъ

лучшихъ людей эпохи, воплотились въ жизнь, какъ воплощаются въ пластическіе образы идеалы великаго художника. Реформы, начертанныя Царемъ-Освободителемъ осуществлялись сверстниками Вѣнценосца. Къ числу ихъ принадлежалъ и Н. И. Костомаровъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Саратовскаго комитета по освобожденію крестьянъ, былъ близокъ съ Милютинымъ и Черкасскимъ и обмѣнивался съ ними мыслями о дѣлахъ и реформахъ въ царствѣ Польскомъ. И историческіе труды Костомарова, и его поэтическія произведенія проникнуты духомъ гуманныхъ идей эпохи. Онъ безспорно принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей этого времени. Опираясь на воспоминанія моей молодости, не могу не замѣтить, что, если двумъ національностямъ суждено по ходу историческихъ событій составлять одно политическое цѣлое, то ничто такъ не содѣйствуетъ упроченію духовнаго между ними единства, какъ совмѣстная жизнь и воспитаніе молодежи въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній подъ сѣнью науки и мысли.

Перехожу къ болѣе фактической сторонѣ моихъ воспоминаній.

Кружокъ изъ пяти человѣкъ, къ которому я примкнулъ, отправился изъ Кіева въ Харьковъ на паяхъ; ѣхали мы на долгихъ, въ длинной, помѣстительной телѣгѣ, прикрытой рогожной будкой для защиты отъ дождя и зноя. Не смотря на то, что поклажи почти вовсе не было никакой, наша тройка подвигалась медленно; было начало іюля, зной стоялъ невыносимый. Тоска при мысли о вѣчной быть можетъ разлукѣ съ родиной и родителями сжимала сердце. Однообразныя, лишенныя воды и лѣса, степи, рѣдкія деревни, грязные постоялые дворы безъ садика или хотя бы одного деревца,—все это только усиливало скуку. Все это были, впрочемъ, непріятности временныя, которыя должны были вскорѣ кончиться; намъ бы слѣдовало болѣе тревожиться будущимъ. Всѣ мы были люди съ ничтожными средствами въ карманѣ и съ весьма слабыми надеждами на субсидіи изъ дому; направлялись въ незнакомую страну, не имѣя ни связей, ни даже знакомыхъ. Было о чемъ задуматься, хотя, правду говоря, мы ни о чемъ не думали, ни чѣмъ не тревожились. Молодости свойственно вообще жить надеждами и смѣло идти впередъ, а мы, кромѣ того, что были молоды, еще принадлежали къ весьма мечтательной, увлекающейся національности, въ особенности въ то, богатое иллюзіями время. Уроженцы Литвы, мы унаслѣдовали преданія Виленскаго университета съ его кружками и съ авторитетными въ ихъ главѣ руководителями. Тамъ каждый вновь поступающій примыкалъ къ тому или другому кружку и находилъ въ сотоварищахъ нравственную поддержку и содѣйствіе въ пріисканіи средствъ къ существованію. Многіе, изъ самыхъ бѣдныхъ, на нашихъ глазахъ выходили такимъ путемъ въ люди и наши отцы указывали намъ на нихъ, какъ

на примѣръ, достойный подражанія. Университетъ былъ въ нашихъ глазахъ святынею; профессора—жрецами, облаченными въ пурпуровыя мантіи и совершающими таинства, а также и патронами молодежи. Мечталось, что только бы поступить въ университетъ—эту alma mater—кормилицу мать, и тамъ немедленно обрѣтещь всѣ земныя и небесныя блага. При такихъ иллюзіяхъ намъ какъ птицамъ небеснымъ призадумываться не приходилось.

Между прочимъ по дорогѣ случилось одно происшествіе, о которомъ считаю не лишнимъ упомянуть. Героемъ этого приключенія былъ одинъ изъ товарищей — Красовскій. Проѣхавъ Ромны, мы остановились на постояломъ дворѣ дать отдыхъ лошадямъ. Вслѣдъ за нами подкатила тройка; изъ тарантаса выскочилъ молодецъ — судя по наружности — сынъ купца или его приказчикъ, спѣшившій на роменскую ярмарку. Пока мы подкрѣплялись молокомъ, купчикъ приказалъ поставить самоваръ, досталъ изъ ларчика водку, закуски, и сталъ себѣ попивать да закусывать, дразня нашъ слабо-удовлетворенный аппетитъ. Во всѣхъ движеніяхъ этого молодца замѣчалась поспѣшность: онъ то и дѣло выбѣгалъ на крыльцо и понукалъ извозчика поскорѣе запрягать лошадей. Съ нами онъ не обмолвился за все время ни однимъ словомъ; но, собравшись въ путь, перекрестился, отвѣсилъ всѣмъ намъ поклонъ и потомъ уѣхалъ. Кто ѣздилъ на долгихъ, тотъ знаетъ, какъ скучно такое путешествіе. Покидаешь ночлегъ очень рано, въ полдень пріостанавливаешься гдѣ-нибудь, такъ какъ извозчикъ не поѣдетъ дальше, пока не спадетъ жара и не отдохнутъ хорошенько лошади, проходитъ нѣсколько часовъ въ томительномъ ожиданіи; тоже было и теперь. Мы разбрелись по двору, чтобы размять ноги, уставшіе отъ сидѣнья и лежанья. Пріѣхала какая-то дама-богомолка въ сопровожденіи приживалки и лакея, напилась чаю, разсказала хозяйкѣ двора о чудесахъ, снахъ и видѣніяхъ, которыхъ она сподобилась видѣть и отправилась далѣе; проходили не переставая богомольцы, направлявшіеся въ Кіевъ,—словомъ народу перебывало много. Нашъ возница собирался въ путь не спѣша, не смотря на наши понуканія, а особенно Красовскаго, на лицѣ котораго читалось нѣкоторое волненіе. Вдругъ мы видимъ — купецъ нашъ скачетъ во всю прыть обратно. Быстро, весь блѣдный, растерянный выскакиваетъ онъ изъ тарантаса...

— Господа, обращается онъ къ намъ,—не нашелъ ли кто моего бумажника; я обронилъ его... я пропалъ!

Красовскій, не говоря ни слова, вынимаетъ вдругъ изъ кармана туго-набитый бумажникъ и отдаетъ его купцу. Тотъ было бросился въ ноги, но его удержали; тогда, поблагодаривъ поклономъ, онъ сѣлъ въ бричку и укатилъ.

Между нами царило молчаніе. Мы посматривали другъ на друга въ какомъ-то раздумьи; хозяйка постоялаго двора — тоже свидѣ-

ельница происшедшей сцены—склонила голову на руку и также молча глядѣла то на насъ, то на Красовскаго. Что̀ думалъ въ эту минуту каждый изъ насъ, что̀ думала хозяйка, толстая и румяная баба, что̀ думалъ купецъ, мчась по дорогѣ, — вѣдали Богъ да совѣсть.

Послѣ семи или восьми дней путешествія, мы прибыли, наконецъ, въ Харьковъ при закатѣ солнца, остановились на постояломъ дворѣ, на окраинѣ города, и внесли каждый свою часть для уплаты извозчику. Онъ, держа на ладони врученные ему серебрянные рубли, молча покачивалъ нѣкоторое время головой и наконецъ проговорилъ: «Эхъ промахнулся я; прибавить не мѣшало бы».

Дѣло въ томъ, что извозчикъ дѣйствительно далъ промахъ, такъ какъ въ то время счетъ на ассигнаціи уже замѣнялся серебромъ; ассигнаціи стояли высоко въ западной полосѣ, но за Днѣпромъ стояли низко. Нашъ извозчикъ разсчитывалъ сдѣлать выгодную операцію, промѣнявъ наше серебро на бумажки, ошибся въ разсчетѣ и теперь просилъ прибавки. Мы и не прочь были бы ему прибавить—онъ стоилъ этого—да у самихъ ничего почти не было. Самъ Красовскій, минутный и фиктивный обладатель значительнаго капитала, судя по величинѣ и объему найденнаго имъ бумажника, задолжалъ товарищу, чтобы расплатиться съ извозчикомъ.

На постояломъ дворѣ нашлась свободная комната, гдѣ мы и пріютились на время, пока не рѣшится вопросъ о поступленіи нашемъ въ университетъ. Хлопотъ было не мало, и времени пришлось потратить достаточно. Наконецъ, послѣ подачи прошеній и представленія документовъ, мы были допущены къ держанію экзамена на слѣдующій курсъ. Профессора отнеслись къ намъ весьма снисходительно и гуманно. Собственно и экзамены были лишь одной формальностью и всѣхъ насъ безъ затрудненій перевели въ слѣдующій курсъ. Для насъ осталось неизвѣстнымъ, кто хлопоталъ въ нашихъ интересахъ; но было ясно, что всѣ профессора дѣйствовали по общему соглашенію; каждый, побесѣдовавъ о своемъ предметѣ, спрашивалъ, кто читалъ его у насъ и затѣмъ ставилъ переходный баллъ. Нѣкоторые профессора такъ прямо говорили: «зачѣмъ вамъ терять годъ по винѣ другихъ, поработайте только, потрудитесь; университетъ нуждается въ слушателяхъ, любящихъ науку». Эта снисходительность, это теплое отношеніе къ намъ — воодушевляли насъ; въ университетѣ мы увидѣли нашу alma mater и полюбили его. Судьба намъ благопріятствовала. Скоро нашлась и квартира, въ отдаленной, правда, части города, но удовлетворявшая двумъ, весьма важнымъ для насъ условіямъ: дешевая и, какъ потомъ оказалось, съ весьма обширнымъ кредитомъ. На воротахъ этого деревяннаго домика, на Гончаровкѣ, виднѣлась на жестяной, сильно потускнѣвшей, дощечкѣ надпись: «домъ обы-

вателя Вареника». Калитка вела на крыльцо и здѣсь насъ встрѣтила при наймѣ квартиры смуглая, сухопарая, не молодая уже, но очень подвижная женщина. Оказалось, что отдаются двѣ комнаты со столомъ, какъ сообщила намъ эта женщина, — сама хозяйка дома, которую, впослѣдствіи, мы не называли иначе, какъ madame Вареникъ. Начались переговоры о цѣнѣ; за двѣ комнаты съ отопленіемъ и столомъ съ насъ просили по пяти рублей серебромъ съ человѣка. Цѣна была сходная, о чемъ мы и обмѣнялись съ собою словами на польскомъ языкѣ. Madame посмотрѣла на насъ, потомъ вдругъ удалилась, оставивъ насъ на крыльцѣ; сюда къ намъ долетѣли ея слова: «Богъ знаетъ, якіе то люди, они не наши; пускать ли ихъ въ домъ?» — «Мало ли какіе люди бываютъ на свѣтѣ, отозвался другой, грубый и хриплый голосъ ея мужа, всѣ люди. Хороши будутъ—хорошо, а ни такъ,—съ Богомъ». Договоръ былъ заключенъ. Къ величайшему нашему удивленію и удовольствію, съ насъ не только не потребовали уплаты впередъ, но даже не спросили задатка и ни словомъ не упомянули о срокѣ взносовъ за столъ и квартиру. Къ вечеру мы уже перемѣстились на новое жилище. Сѣни раздѣляли домъ на двѣ половины; въ одной жили хозяева, другую заняли мы; но Вареникъ, между прочимъ, поставилъ условіе, что гостей своихъ онъ будетъ принимать въ нашихъ комнатахъ, какъ болѣе обширныхъ и парадныхъ. Мы согласились.

Вареникъ былъ плотный, не высокаго роста, мужчина съ длинными черными усами, носившій обыкновенно манчестеровый, чернаго цвѣта кафтанъ и такіе же широкіе шаровары, засученные отъ колѣнъ въ смазные сапоги. По ремеслу онъ былъ гончаръ и имѣлъ недалеко отъ города бакчу и огородъ. Строгій консерваторъ, онъ ни за что̀ не соглашался перемѣнить надпись на воротахъ дома; на замѣчанія и требованія начальства постоянно отвѣчалъ: «якій я государственный крестьянинъ, — я обыватель». Эта надпись оставалась та же и въ концѣ сороковыхъ годовъ. Меню наше было весьма однообразно: кулинарное искусство madame Вареникъ находилось въ примитивномъ состояніи; но пища всегда была свѣжа и обильна. Правда, тяжело было для желудка переваривать непомѣрно жирную пищу, скоро пріѣдавшуюся притомъ отъ однообразія; поэтому-то и жильцы мѣнялись часто. Какъ только заведутся деньги, — жилецъ искалъ болѣе утонченнаго стола; деньги проживались, кредита не было и жилецъ снова поселялся у Вареника. Среди насъ выработалось техническое выраженіе: поступить подъ опеку Варенику. Это значило, что человѣкъ прожился и у него нѣтъ ни денегъ, ни кредита. Поэтому и пансіонеры Вареника были по преимуществу одни и тѣ же лица, лишь замѣнявшіе одинъ другого на подобіе прилива и отлива. Вареникъ встрѣчалъ старыхъ знакомыхъ радушно и выражался съ чувствомъ нѣкотораго рода

гордости и самодовольства: «до мене панычи якъ мухи на медъ собираются; попробовали у другихъ да и назадъ».

Гости у Вареника бывали очень часто; иной разъ пиръ принималъ такой шумный характеръ, что приходилось уходить на ночь къ товарищу, заявляя: «сегодня балъ у Вареника; пусти переночевать!»

Такіе балы происходили часто и всегда какъ-то случайно и неожиданно. Все тихо, смирно, вдругъ раздаются пѣсни, m-me Вареникъ летитъ впереди, со штофомъ въ рукахъ, приплясывая и припѣвая:

«На курочкѣ перьячко рабое
«Любикося серденько обое
«Дыбъ, дыбъ на село
«Бо то дивка его, бо то любка его...»

За ней несутся бабы, дивчата, а за ними шествуетъ самъ Вареникъ съ пріятелями. Впрочемъ, на этихъ балахъ не много плясали, мало ѣли, за то много пили и пѣли; люди серьезные, сидя за столомъ, вели бесѣды, разсказывали анекдоты, расточая свой малороссійскій юморъ. Долго уклонялся я отъ этихъ пиршествъ, или уходя къ товарищу, или забиваясь въ уголъ послѣдней комнаты, но, проживъ подъ опекой Вареника почти два года, свыкся и началъ принимать въ нихъ дѣятельное участіе. Здѣсь-то изучилъ я много народныхъ пѣсенъ, здѣсь слушалъ съ живымъ любопытствомъ разсказы, полные малороссійскаго юмора; случалось и съ дивчатами полюбезничать и, кстати, убѣдиться въ идеальности и поэтичности натуры малороссійской дѣвушки, способной любить искренно и платонически.

Недалеко отъ дома обывателя Вареника, въ концѣ Конторской улицы, стоялъ во дворѣ одинъ домъ; въ немъ занимали довольно обширную квартиру молодые люди, приготовлявшіеся къ экзамену на степень магистровъ. Эта квартира была извѣстна всѣмъ—даже разносчикамъ и извозчикамъ подъ именемъ «магистерской». Много молодыхъ людей, кончившихъ университетъ, оставались въ Харьковѣ съ цѣлью продолжать занятія; одни давали уроки, другіе жили на собственныя средства. Такимъ образомъ образовались нѣсколько кружковъ изъ магистровъ. Самый обширный и выдающійся включалъ слѣдующихъ лицъ: Срезневскаго, Рославскаго, Метлинскаго, Костомарова и другихъ. Первые три уже были магистрами и занимали каѳедры въ университетѣ. Срезневскій былъ посланъ за границу, въ славянскія земли, для изученія славянскихъ нарѣчій; Рославскій занималъ каѳедру статистики, Метлинскій читалъ теорію поэзіи и прозы, Костомаровъ готовился къ экзамену, совершалъ путешествія въ Крымъ, Полтаву и посѣщалъ магистерскую квартиру. Здѣсь можно было встрѣтить бывшихъ студентовъ университета, состоящихъ уже на службѣ въ Харьковѣ въ разныхъ вѣдомствахъ,

а также и прямо студентовъ разныхъ курсовъ и факультетовъ. Благодаря близкому сосѣдству и при посредствѣ Исакова, готовившагося къ экзамену на магистра, и я посѣщалъ магистерскую квартиру. Въ этомъ-то кружкѣ я въ первый разъ встрѣтился съ Костомаровымъ, познакомился съ нимъ, бывалъ у него изрѣдка; но сблизился всего болѣе, когда Костомаровъ занялъ должность помощника инспектора студентовъ, а я поступилъ въ число казенно-коштныхъ студентовъ. Помощникъ инспектора дежурилъ въ зданіи казенно-коштныхъ студентовъ два дня въ недѣлю и потому мы видѣлись часто, бесѣдовали, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей бывали на квартирѣ у Николая Ивановича. Эти годы жизни Костомарова и сама его личность нераздѣльны въ моемъ воображеніи съ обстоятельствами и личностями, окружавшими его въ то время. Въ этой панорамѣ лицъ и обстоятельствъ рельефнѣе обрисуется и образъ Николая Ивановича. Начну съ Метлинскаго.

Метлинскій былъ человѣкъ добрый, высоко-честный, великій труженникъ, любилъ науку, но отнюдь не могъ назваться даровитымъ. Быть можетъ, причину того надо искать въ слабомъ его здоровьѣ и въ сильно разбитомъ организмѣ. Онъ самъ сознавался, что лѣтомъ комары и мухи мѣшаютъ ему заниматься наукою. Кромѣ усидчивой разработки своихъ лекцій, онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацію объ элементахъ цивилизаціи, весьма посредственный перифразъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Гизо, собиралъ еще народныя малороссійскія пѣсни и издалъ сборникъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы «Пѣсни и Думы», «Да ще, да що».

Въ скучныхъ и монотонныхъ лекціяхъ, читанныхъ къ тому же заунывнымъ, могильнымъ голосомъ, не было намека на теорію поэзіи и прозы, а просто излагались біографіи выдающихся научныхъ дѣятелей всѣхъ вѣковъ. Вѣроятно, изъ пристрастія къ соотечественникамъ онъ нашелъ нужнымъ читать и о Сковородѣ, будто бы самостоятельномъ малороссійскомъ философѣ. Въ роли профессора Метлинскій былъ безцвѣтенъ и служилъ мишенью всяческихъ остротъ и насмѣшекъ; его, въ особенности, не жаловалъ Райпольскій, личность весьма оригинальная, о которой уже говорилось кѣмъ-то въ печати. Райпольскій занималъ каѳедру по медицинскому факультету, выслужилъ пенсію, вышелъ въ отставку и состоялъ штатнымъ врачемъ при казенно-коштныхъ студентахъ; пользовалъ онъ своихъ паціентовъ весьма простыми средствами: конопляное молоко — при болѣзняхъ случавшихся въ молодости, хрѣнъ и квасъ, вотъ тѣ лекарства, которыя по его словамъ составляли такую же силу въ медицинѣ, какъ штыкъ на войнѣ. Отрицалъ пользу пьявокъ; «не хочу, говорилъ, чтобы эти поганыя пили человѣческую кровь». Самъ же, не смотря на старые годы, былъ здоровъ и бодръ, бѣгалъ по городу въ трескучіе морозы въ одномъ

вицъ-мундирѣ, въ цилиндрѣ, безъ калошъ и перчатокъ, но всегда съ палкой въ рукѣ. Иностранныхъ словъ и терминовъ не допускалъ ни въ разговорахъ, ни въ своихъ лекціяхъ; себя называлъ не кавалеромъ, а всадникомъ св. Анны. Разъ Метлинскій остановилъ на улицѣ бѣгущаго куда-то Райпольскаго.

— Куда спѣшите, Ив. Ник.?

— По больнымъ,— отвѣчалъ тотъ.

— Бѣдные они,—замѣтилъ Метлинскій,—всѣхъ-то ихъ отправите на тотъ свѣтъ.

— Счастливые они, а не бѣдные; не будутъ читать вашихъ думокъ и слушать ваши чтенія во всеобщемъ училищѣ, — возразилъ на бѣгу Райпольскій.

Райпольскій каждый день посѣщалъ казенно-коштныхъ студентовъ. Разъ кто-то изъ нихъ при немъ сообщилъ товарищу, что Метлинскій и Костомаровъ отправляются лѣтомъ въ Кіевъ для изученія народности.

— Неправда, — замѣтилъ Райпольскій, — Метлинскаго наняли монахи на лѣто лежать въ пещерахъ, а Костомаровъ напрасно съ нимъ связался; бросилъ бы лучше бѣгать-то по хуторамъ, да, вмѣсто того, чтобы слушать пѣсни дивчатъ, посидѣлъ бы за книгой, и вышелъ бы ученый человѣкъ; я его давно знаю: способный человѣкъ. Прощайте.

И Райпольскій побѣжалъ со свойственной ему быстротою движеній...

Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, профессоръ русской исторіи, одаренный отъ природы поэтическимъ дарованіемъ, любилъ свою, нѣкогда столь угнетаемую поляками, народность. Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ, гдѣ имѣлъ возможность проникнуться преданіями народа. Сначала семинарія, потомъ Кіевская академія завершили его образованіе, послѣ чего онъ сталъ учительствовать въ польскихъ домахъ, откуда почерпнулъ пониманіе духа націи и рядомъ съ этимъ усвоилъ себѣ лоскъ и аристократическія манеры польскихъ пановъ. Сдѣлавшись извѣстнымъ польскому магнату Потоцкому, назначенному тогда попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и университета, Артемовскій былъ имъ опредѣленъ лекторомъ польскаго языка и литературы при университетѣ. Человѣкъ онъ былъ весьма ловкій; какъ униженный польскій шляхтичъ, умѣлъ онъ угодить сильному, какъ бурсакъ умѣлъ и поработать и пролѣзть куда нужно и промолчать гдѣ нужно, лишь бы достигнуть своей цѣли. Ставъ на ноги, Артемовскій вдругъ явился съ осанкой и важностью настоящаго польскаго магната, чему благопріятствовали и его наружность, и фигура, и пріемы. Но въ присутствіи лицъ высокопоставленныхъ тотъ же Артемовскій мѣнялся совершенно. Такъ, однажды, на вопросъ попечителя графа Головкина, — «какъ поживаете Петръ Петровичъ?» — онъ съ низкимъ

поклономъ отвѣчалъ: «якъ горохъ при дорозѣ: кто иде, тотъ скубни», что было чистѣйшей фантазіей, ибо Артемовскаго никто никогда не скубалъ; недаромъ же онъ такъ скоро превратился изъ лектора въ профессора русской исторіи, былъ награжденъ и чинами и орденами и, кромѣ того, нажилъ весьма приличное состояніе. Какъ профессоръ, онъ не приносилъ никакой пользы своимъ слушателямъ, былъ фразеръ и риторъ въ полномъ смыслѣ слова; но какъ человѣкъ былъ добръ, готовъ помочь бѣдному, а особенно умѣвшему заслужить его благосклонность; случалось, что оказывалъ бѣдному студенту не только протекцію, но помогалъ и деньгами.

Несомнѣнно, что Артемовскій по своему дарованію болѣе всего подходилъ къ типу поэтовъ народныхъ. Его произведенія и содержаніемъ своимъ и языкомъ пробуждали въ обществѣ интересъ и любовь къ южнорусской народности. Написано имъ немного; но такія стихотворенія, какъ «Панъ Твардовскій» и нѣсколько басенъ, хотя и съ заимствованнымъ съ польскаго содержаніемъ, весьма замѣчательны, ибо и форма изложенія и самое содержаніе ихъ насквозь проникнуты народной мыслью, духомъ и образами; вся грамотная Малороссія знала ихъ наизусть, наравнѣ съ «Энеидой» Котляревскаго. Произведенія Артемовскаго рѣдко являлись въ печати; вѣроятно, поэтъ не желалъ высказывать публично ни своихъ чувствъ, ни симпатій, но онѣ списывались и заучивались всѣми. Относясь благосклонно къ студентамъ польской національности, онъ часто дѣлалъ имъ наставленія, давалъ благоразумные совѣты: «подчиняйте ваши чувства разуму и закону необходимости, горилъ онъ; и я люблю свою родину, но подчиняюсь судьбѣ, какъ волѣ Провидѣнія». Въ глубокой уже старости Артемовскій написалъ слѣдующіе стихи по адресу одного извѣстнаго лица, увлекавшагося прошедшимъ южнорусскаго народа и скорбѣвшаго объ участи казачества:

«Не слюнь, Панько, не журись, —
«Журьба не поможе,
«Сходи въ церковь, помолись —
«Полегчае може.
«Ткни попові коповика
«На содуху въ церкви.
«Не хай лежатъ мовчака
«Въ сырой земли мертвы.
«Да и самъ съ ними прохлипай
«Во кулакъ партесны,
«Ащо робить, что сталось такъ,
«Царство имъ небесно».

Въ этомъ стихотвореніи явно просвѣчиваетъ и сочувствіе къ невозвратному прошедшему, и глубокая вѣра, и религіозное чувство и полная преданность волѣ Провидѣнія.

Благодаря поэтическому творчеству и глубокому знанію своего народа, Артемовскій самъ создавалъ анекдоты изъ народнаго быта и мастерски ихъ разсказывалъ. Въ гостяхъ, или у себя дома на вечеринкахъ, онъ завладѣвалъ разговоромъ и, какъ народный бардъ, плѣнялъ общество картинами, въ которыхъ живо обрисовывался народный бытъ со всѣми его достоинствами и смѣшными сторонами, всегда сопутствуемый живою струею малороссійскаго юмора; передъ слушателями ярко воскресало прошедшее, неотразимо чаруя воображеніе.

Весьма многіе изъ профессоровъ того времени держали у себя пансіонеровъ изъ студентовъ, которымъ, въ силу принципа взаимнаго одолженія, оказывалось снисхожденіе на экзаменахъ. Отсюда эта снисходительность волей-неволей распространялась и на другихъ студентовъ, и вредно вліяла на ихъ занятія. Артемовскій тоже держалъ пансіонеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Н. И. Костомаровъ. Всѣ они обѣдали за общимъ столомъ и раздѣляли досугъ со словоохотливымъ профессоромъ. Костомаровъ пользовался особымъ расположеніемъ Артемовскаго, давалъ уроки его сыну и сталъ у него домашнимъ человѣкомъ; постоянный гость его вечеровъ, онъ имѣлъ случаи наслушаться поэтическихъ разсказовъ о жизни пановъ, хохловъ и хохлушекъ. Все это запечатлѣвалось въ умѣ и пылкомъ воображеніи молодого человѣка. Добрыя отношенія между Костомаровымъ и профессоромъ рушились вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ. Разъ Костомаровъ праздновалъ день своихъ имянинъ. На его квартиру собрались товарищи, между которыми былъ одинъ, переходившій въ Московскій университетъ и оставшійся въ городѣ долѣе только ради имянинъ Николая Ивановича. Напившись чаю, всѣ отправились въ театръ, а затѣмъ опять къ Костомарову—окончить праздникъ; студентъ, ѣхавшій въ Москву, почему-то отсталъ и, прійдя къ квартирѣ Костомарова, нашелъ и ворота, и калитку запертыми; на повторенные стуки никто не отозвался; тогда гость вздумалъ перелѣзть черезъ ворота. Шумъ и пѣсни во флигелѣ, стукъ въ ворота разбудили Артемовскаго. Въ халатѣ, цилиндрѣ и съ палкой въ рукѣ вышелъ онъ на крыльцо и видитъ, что на его воротахъ сидитъ человѣкъ.

— Кто вы?—грозно закричалъ Артемовскій,—зачѣмъ вы ночью черезъ ворота лѣзете въ мой домъ? Я пошлю за полиціей!

Сидящій на воротахъ растерялся и отвѣчалъ первое, что взбрело на умъ.

— Я, я ѣду въ Москву!

— Да развѣ дорога въ Москву чрезъ мои ворота?

Артемовскій сталъ звать дворника, а студентъ поскорѣе спрыгнулъ на улицу, бросивъ профессору не слишкомъ любезное слово и убѣжалъ.

Разгнѣванный профессоръ отправился тогда въ квартиру Костомарова, гдѣ пиръ шелъ въ полномъ разгарѣ.

— Какую оргію заводите вы въ моемъ домѣ, г. Костомаровъ!? Вы будете наказаны, я откажу вамъ отъ дома; а вамъ, господа, не угодно ли немедленно убираться отсюда.

Такими словами привѣтствовалъ Артемовскій веселую компанію.

Костомаровъ вспылилъ; онъ вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ Артемовскому и рѣзко сказалъ:

— Завтра вы вправѣ отказать мнѣ отъ квартиры, но сегодня—я здѣсь хозяинъ и вы сами убирайтесь прочь!

Артемовскій—человѣкъ осторожный—тотчасъ же понялъ свою безтактность вступать въ споръ съ молодежью, подогрѣтой виномъ; поэтому онъ смолчалъ и удалился.

Всѣ ждали на другой день бурной сцены: но не тутъ-то было. Артемовскій звукомъ не обмолвился о вчерашнемъ происшествіи; тѣмъ не менѣе отношенія перемѣнились. Профессоръ сталъ держать себя важно и велъ только серьезныя бесѣды. Николай Ивановичъ никогда не былъ дипломатомъ—ни въ старости, ни, тѣмъ менѣе, въ молодые годы; онъ не замѣтилъ перемѣны въ обращеніи и велъ себя попрежнему.—Разъ за обѣдомъ профессоръ заговорилъ въ подобающемъ авторитетномъ тонѣ о первомъ Самозванцѣ и отзывался о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Николай Ивановичъ сталъ возражать и доказывать, что если бы названный Димитрій процарствовалъ дольше и успѣлъ бы осуществить свои планы, то онъ былъ бы великій человѣкъ, великъ не менѣе Петра I-го. «Самозванецъ былъ прообразъ Петра»,—заключилъ Костомаровъ свою характеристику. Артемовскій не на шутку вышелъ изъ себя и сказалъ:

— Какъ вы позволяете себѣ, въ моемъ домѣ, въ моемъ присутствіи, говорить такія дерзкія, такія безумныя рѣчи? Осмѣливаетесь сравнивать бродягу, разстригу, съ великимъ нашимъ Вѣнценосцемъ, предъ которымъ благоговѣютъ Россія, Европа, и все человѣчество! Еще могутъ подумать, что я, профессоръ исторіи, внушилъ вамъ такія безумныя, возмутительныя мысли!

Послѣ этой сцены Костомаровъ оставилъ домъ Артемовскаго. Профессоръ явно не преслѣдовалъ Костомарова, но всегда стоялъ въ оппозиціи, когда возникалъ о немъ вопросъ и всегда отзывался о немъ такъ:

— У этого человѣка умъ не на мѣстѣ; ему не миновать или крѣпости, или ссылки.

Въ началѣ XIX вѣка умственное развитіе Европы во всѣхъ отрасляхъ знанія получило новое направленіе. Во главѣ философіи становятся мыслители Германіи: Кантъ, Фихте, Гегель и Шеллингъ. Они отвлекали мысль интеллигентнаго общества отъ печальной дѣйствительности политическихъ событій XVIII-го вѣка и отъ ма-

теріализма, господствовавшаго въ философскомъ направленіи этого вѣка. Умы устремились въ отвлеченную область знанія съ цѣлью разгадать законы жизни природы и человѣчества. По ихъ слѣдамъ шли передовые люди, жадно погрузившіеся въ эту отвлеченную область умозрѣній. Умственное движеніе на Западѣ не замедлило проявиться и у насъ. Профессора въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учрежденіяхъ, воспитанные на идеяхъ XVIII-го вѣка, сходили со сцены. По распоряженію министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, многіе молодые люди, съ успѣхомъ окончившіе курсъ наукъ въ отечественныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, были отправляемы въ Германскіе университеты для усовершенствованія въ наукахъ. Вскорѣ по нѣсколько каѳедръ въ каждомъ университетѣ было занято этими молодыми учеными, вполнѣ отвѣчавшими своему призванію. Среди молодежи университетской обнаружилось сильное умственное движеніе подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ Германіи. Въ Москвѣ возникъ кружокъ Станкевича, гдѣ рѣшались разные вопросы жизни. Въ Харьковскомъ университетѣ воспитывался родной братъ Станкевича, къ сожалѣнію, вышедшій со второго курса. Но и въ это короткое время вокругъ него группировался кружокъ, на которомъ отчасти отражалось вліяніе московскаго; былъ извѣстенъ кружокъ магистрантовъ; вокругъ Костомарова, въ свою очередь, сплотилось нѣсколько молодыхъ людей. Новое умственное движеніе не замедлило проникнуть въ литературу; все вмѣстѣ знаменовало пробужденіе общественной мысли отъ застоя и летаргическаго сна.

Каждая великая идея, созданная геніемъ, парализируется его бездарными послѣдователями. Исторія указываетъ на жалкихъ подражателей Руссо, Вольтера, Байрона; также и у Канта, Гегеля и другихъ мыслителей Германіи явился цѣлый сонмъ подражателей. Новыя, отвлеченныя философскія идеи требовали для своего выраженія и новыхъ терминовъ, новыхъ оборотовъ рѣчи; отсюда громадный наплывъ иностранныхъ словъ, затруднявшій пониманіе философскаго ученія, усвоеніе котораго и въ ясномъ изложеніи не легко воспринимается мозгами въ силу своей крайней отвлеченности. Такимъ образомъ, при наличности неполнаго пониманія трактуемаго предмета, сопутствуемаго притомъ темнотою изложенія, лекціи философіи превращались въ туманную болтовню. У насъ представителемъ таковой передачи философскихъ ученій былъ профессоръ философіи Н. М. Протопоповъ. Костомаровъ на экзаменѣ философіи умышленно разыгралъ роль и случай этотъ характеренъ и для самого Костомарова въ его молодые годы, и для профессора. Это заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ о Протопоповѣ.

Матвѣй Николаевичъ Протопоповъ по осанкѣ, фигурѣ и голосу, достоинъ былъ занять мѣсто протодьякона въ любомъ соборѣ; въ чер-

тахъ его лица и чела, въ устремленномъ вдаль взорѣ постоянно моргающихъ глазъ, въ поднятыхъ вверхъ и окаймляющихъ лысину волосахъ, ясно для всѣхъ сказывалось, что голова профессора изнемогаетъ отъ бремени толпящихся въ ней философскихъ мыслей, съ которыми ему трудно было сладить и подчинить ихъ своему уму. Этому философу приходилось постоянно бороться съ грудой накопленнаго матеріала, выбиваться изъ силъ, чтобы отыскать твердую почву, какъ выбивается изъ силъ утопающій, стремясь достигнуть берега. Войдетъ профессоръ, бывало, въ аудиторію, усядется за каѳедру, долго молчитъ, глядя куда-то вдаль, потомъ закроетъ глаза и начнетъ говорить. Читалъ онъ лекціи наизусть, безъ конспекта, говорилъ плавно и только изрѣдка оглашалъ аудиторію какимъ-то протяжнымъ завываніемъ. Слушаешь ли его самого, или читаешь его записки, — долго ничего не понимаешь и, наконецъ, послѣ напряженныхъ усилій, уразумѣешь въ чемъ дѣло. Мысль, вогнанная въ голову, какъ гвоздь въ стѣну, вылетала оттуда съ быстротою спугнутой птицы. Часто весьма даровитые студенты, но не обладавшіе обширною памятью, срѣзывались на экзаменахъ философіи. Студентъ Манько, отличавшійся мѣткимъ умомъ, наблюдательностью и способностью создавать анекдоты, характеризующіе личность, вѣрно фомулировалъ взглядъ слушателей на лекціи Протопопова. Однажды профессоръ богословія развивалъ передъ студентами ту мысль, что все непонятное и темное въ этой жизни, станетъ яснымъ и понятнымъ на томъ свѣтѣ.

— Тамъ все уяснится!—заключилъ онъ авторитетно.

— Все, кромѣ лекцій и записокъ профессора Протопопова,—громко замѣтилъ Манько.

Помню такой случай. Студентъ юристъ И. И. П., весьма умный, а главное имѣвшій превосходную память, отзубрилъ къ экзамену записки логики чуть не слово въ слово и отвѣчалъ очень хорошо. Профессоръ похвалилъ, хотѣлъ было уже ставить баллъ, но остановился и предложилъ вопросъ:

— Какъ вы понимаете вотъ эту мысль?—и тутъ же привелъ цѣлую фразу изъ своихъ записокъ.

— Я ничего не понимаю; я только вызубрилъ записки,—отвѣчалъ студентъ.

Протопоповъ разгнѣвался и поставилъ ему двойку. Въ томъ же родѣ былъ случай и съ Костомаровымъ, когда тотъ былъ еще студентомъ. Этотъ случай сталъ мнѣ извѣстенъ еще въ Харьковѣ; встрѣтившись съ Костомаровымъ уже въ Петербургѣ, я поинтересовался узнать, вѣренъ ли этотъ разсказъ про него. Н. И. подтвердилъ его подлинность. Дѣло происходило такъ. Постепенно между слушателями Протопопова стало поселяться сомнѣніе, что сознаетъ ли ясно самъ профессоръ то, что читаетъ въ аудиторіи; кто вполнѣ усвоилъ хотя бы самую отвлеченную мысль, тотъ всегда съумѣетъ

сдѣлать ее доступной и чужому пониманію. Костомаровъ взялся выяснить, дѣйствительно ли профессору вполнѣ понятно его дѣло, или же умъ его только безпредметно блуждаетъ въ туманныхъ сферахъ философическихъ абстракцій. Задуманное дѣло было весьма рискованно; можно было, пожалуй, навсегда разстаться съ университетомъ; но Костомаровъ былъ человѣкъ не фразъ, а дѣла, никогда не любилъ хвастаться и терпѣть не могъ хвастуновъ. Основательно подготовившись по запискамъ къ экзамену изъ психологіи, Костомаровъ вставилъ въ одинъ, самый туманный, вопросъ множество философскихъ фразъ и терминовъ своего собственнаго измышленія, связалъ ихъ въ безконечный періодъ и вызубрилъ все на славу, что составляло для него пустяки при его, какъ я уже выше замѣтилъ, необыкновенной памяти. На экзаменѣ, когда дошла до него очередь, онъ началъ отвѣчать сначала по запискамъ, потомъ ловко свернулъ на составленный имъ самимъ отвѣтъ и быстро понесъ галиматью. Деканъ факультета Кронебергъ слушалъ внимательно; но на лицѣ его, по словамъ Костомарова, было написано сомнѣніе, а губы складывались въ саркастическую улыбку. Протопоповъ же слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и только молча моргалъ, по обыкновенію, глазами. Когда Костомаровъ кончилъ, онъ замѣтилъ: «видно, что вы читали нѣмецкихъ философовъ въ подлинникѣ и изучали ихъ». И поставилъ Костомарову полный баллъ 5—отлично.

Эта выходка Костомарова на экзаменѣ, такъ сильно компрометировавшая профессора въ присутствіи декана факультета, профессора латинской литературы Кронеберга, обязываетъ меня сказать нѣсколько словъ и объ этой личности.

Кронебергъ принадлежалъ къ поколѣнію, выросшему на идеяхъ XVIII вѣка и сходившему уже со сцены. Это былъ умъ положительный, практическій, любившій, чтобы слово и дѣло шли рука объ руку—преобладающая черта въ характерѣ XVIII вѣка. Въ то время, какъ Шеллингъ называлъ людей одаренныхъ способностью къ интеллектуальнымъ созерцаніямъ—избранниками,—въ глазахъ Наполеона I эти избранники были пустыми идеологами, какъ презрительно онъ ихъ именовалъ. Къ категоріи людей, отрицавшихъ новое направленіе въ философіи, принадлежали многіе изъ современниковъ Кронеберга. Сенковскій осмѣивалъ воззрѣнія Окена въ области естествовѣдѣнія, заставилъ сатану заткнуть трещину въ потолкѣ ада умозрительной физикой Веланскаго и, разбирая философскіе труды профессоровъ, появившіеся въ печати, восклицалъ перифразированной имъ католической молитвою: «отъ тумана нѣмецкой философіи — спаси насъ, Господи!» (a nebulis germanicae philosophiae libera nos, Domine). Профессоръ Виленскаго университета Снядецкій удерживалъ молодежь отъ увлеченія нѣмецкой философіей; его ученикъ Мицкевичъ писалъ пріятелю: «читаю Фихте, который угрожаетъ потерею здраваго смысла».

Къ людямъ такихъ воззрѣній принадлежалъ и Кронебергъ, поэтому-то, слушая болтовню Костомарова, онъ саркастически улыбался. Для полной характеристики Кронеберга, кстати будетъ замѣтить, что люди XVIII вѣка, отличавшіеся положительнымъ складомъ ума, создавшіе культъ поклоненія разуму, въ то же время были склонны къ суевѣрію. Кронебергъ тоже не отсталъ отъ своихъ сверстниковъ. У него былъ задушевный другъ, архитекторъ Васильевъ. Друзья условились между собою, что первый умершій изъ нихъ долженъ явиться къ оставшемуся въ живыхъ и дать ему вѣсть о своемъ загробномъ существованіи; первымъ умеръ Васильевъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Кронебергъ вдругъ началъ задумываться. Разъ ночью велѣлъ подать себѣ экипажъ и уѣхалъ. Долго поджидала семья его возвращенія, наконецъ бросилась отыскивать; Кронеберга нашли въ обморокѣ на могилѣ его друга. Молва гласила, что ему стала являться и во снѣ и на яву тѣнь Васильева и звала его за собою. Кронебергъ исполнилъ требованіе и вскорѣ послѣ того умеръ.

Я уже не засталъ Кронеберга. Онъ почивалъ въ могилѣ, но эта могила была еще свѣжа и доброе воспоминаніе объ умершемъ профессорѣ было еще живо въ стѣнахъ университета. Послѣ него остался латинскій лексиконъ, который долго служилъ единственнымъ пособіемъ для изучающихъ этотъ языкъ. Кронебергъ былъ большимъ почитателемъ Шекспира, оставилъ о немъ весьма мѣткіе афоризмы и завѣщалъ свою любовь къ поэту сыну, который перевелъ на русскій языкъ нѣсколько шекспировскихъ трагедій.

Когда я сталъ посѣщать магистерскую квартиру, Костомаровъ уже въ ней не жилъ; онъ занималъ квартиру на Сумской улицѣ и очень рѣдко посѣщалъ старое пепелище и прежнихъ товарищей. Мнѣ не скоро пришлось познакомиться съ Николаемъ Ивановичемъ; но и объ немъ, и о Срезневскомъ, случалось слышать постоянно, какъ о будущихъ свѣтилахъ науки. Въ это время Костомаровъ часто разъѣзжалъ по окрестностямъ Харькова и Полтавы. Въ началѣ 1840 года,—мѣсяца не помню,—я засталъ въ магистерской квартирѣ человѣкъ восемь; въ числѣ ихъ были профессоръ Метлинскій и Костомаровъ. Картъ тогда не водилось, какъ не водилось и другихъ угощеній, кромѣ чаю и варенья; курили много, но папиросы не были еще въ употребленіи, ихъ замѣняли сигары Неслинда или Крафта, да трубки съ табакомъ Жукова. Бесѣды постоянно отличались оживленностью. По характеру и содержанію бесѣдъ, которыя ведутся въ кругу образованныхъ людей, можно составить понятіе о духѣ времени и о настроеніи общественной мысли. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ съ его духами и привидѣніями уже былъ сданъ въ архивъ. Отъ романтизма былъ прямой переходъ къ народности, которая заявляла свои права на исключительное господ-

ство въ поэзіи, прочихъ искусствахъ, въ образѣ жизни, даже въ философіи и наукѣ. Образовались двѣ школы, подъ общимъ названіемъ славянофиловъ. Одна сочувствовала всему славянству,—другая признавала народными только тѣ начала, которыя созрѣли въ московскій періодъ. Въ противоположность славянофильскимъ тенденціямъ, возникло ученіе западниковъ. Послѣ трудовъ Коллара, Шафарика, Войцеховскаго, Ходаковскаго и другихъ, явилась мысль о взаимномъ сближеніи славянскихъ народовъ и объ обмѣнѣ мыслей между ними. Для этой цѣли сталъ издаваться журналъ «Денница». Статьи печатались какъ на русскомъ, такъ и на польскомъ языкахъ; открывались во всѣхъ университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій; въ видахъ подготовки къ занятію современемъ такой именно каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ и посылался Срезневскій въ славянскія земли. Я живо помню тотъ интересъ, съ которымъ студенты всѣхъ факультетовъ и курсовъ спѣшили на вступительную лекцію Срезневскаго. Между прочимъ, онъ говорилъ о томъ сочувствіи, съ которымъ встрѣчали его славяне, какъ вѣстника взаимнаго сближенія; это сочувствіе, по его словамъ, росло тѣмъ больше, чѣмъ далѣе проникалъ онъ въ глубь славянскихъ земель и, наоборотъ, менѣе всего чувствовалось въ близкомъ сосѣдствѣ съ Россіею. Срезневскій былъ отличный лекторъ; онъ живо очертилъ судьбу славянъ въ прошедшемъ, жалкое ихъ состояніе въ настоящемъ и заключилъ стихами на чешскомъ языкѣ, которые сильно тронули слушателей. Я не помню дословно этихъ стиховъ, но смыслъ ихъ состоялъ въ томъ, что каждый, кому извѣстна судьба народовъ славянскаго племени, при видѣ этой бѣдной судьбы славянской земли и народа прольетъ слезы.

Такимъ образомъ, славянскій вопросъ, стремленіе къ изученію народности, сильно занимали умы. Объ этомъ толковалось въ интеллигентныхъ кружкахъ, но общественная мысль была занята по преимуществу вопросами философскаго содержанія. Всѣ разсуждали о Гегелѣ, Фихте, Шеллингѣ, но, въ сущности, мало кто понималъ ихъ труды. Отвлеченныя умозрѣнія, при неясномъ ихъ пониманіи, сливались въ какую-то туманную пелену и тяжело ложились на мозгъ.

Тѣ же неизбѣжныя темы служили предметомъ разговоровъ и на томъ вечерѣ въ магистерской квартирѣ, когда я впервые познакомился съ Костомаровымъ. Болѣе часу комната оглашалась терминами: абстрактъ, конкретъ, я не я, für sich an sich и т. д. пока, наконецъ, громче всѣхъ не раздалась фраза: «Это ни болѣе ни менѣе какъ бѣшеное фихтевское ячество, какъ справедливо выражается Протопоповъ». Не берусь объяснить почему, но только эта благодѣтельная фраза положила конецъ философскимъ преніямъ.

Костомаровъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ этихъ философскихъ преніяхъ. Онъ бесѣдовалъ съ ближайшимъ сосѣдомъ и

усерднѣе другихъ пускалъ клубы дыма изъ трубки. Бесѣда кружка перешла на тему о народной поэзіи, но тутъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ философовъ, готовившій диссертацію на магистра философіи, началъ было издалека, а именно: «идея есть первоначальная идея, но только осуществленная...»

Не знаю, скоро ли добрался бы философъ изъ этого прекраснаго далека до народности въ литературѣ, если бы не былъ, къ счастію, перебитъ обращеніемъ Метлинскаго ко мнѣ; а такъ какъ я все время молчалъ со стоическою твердостью, да, кромѣ того, не былъ знакомъ съ большинствомъ и выдѣлялся формою моего мундира кіевскаго студента, то всѣ и обратили вниманіе на вопросъ и на меня.

— Я слышалъ,—сказалъ Метлинскій,—что въ польской литературѣ появилась статья Грабовскаго «О значеніи малороссійскаго элемента въ польской поэзіи».

Я отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что у меня есть это сочиненіе, причемъ предложилъ профессору доставить его. Метлинскій поблагодарилъ; но замѣтилъ, что, не зная хорошо польскаго языка, онъ боится затрудненій въ чтеніи серьезной статьи.

— Совѣтую вамъ,—сказалъ онъ мнѣ,—перевести ее на русскій языкъ и напечатать въ журналѣ. Мы знакомы съ литературой западныхъ народовъ, но вовсе почти не знаемъ литературы нашихъ соплеменниковъ. Пора сблизиться, пора ближе узнать другъ друга.

Костомаровъ посмотрѣлъ на меня внимательно и затѣмъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Статьи Грабовскаго я не читалъ; любопытно было бы съ ней познакомиться; но я прочелъ всѣхъ польскихъ поэтовъ, причисленныхъ къ такъ называемой украинской школѣ. Выше всѣхъ ихъ стоитъ Залѣскій, хотя и въ немъ, не говоря о другихъ, признаюсь, странно видѣть, когда полякъ вмѣсто кунтуша надѣваетъ на себя казацкую свитку, начинаетъ воспѣвать ту самую казацкую удаль, которую самъ же самымъ вопіющимъ образомъ старался подавить всѣми силами.

При послѣднихъ словахъ Костомаровъ вскочилъ и началъ бѣгать по комнатѣ, потомъ остановился и продолжалъ:

— Малороссійская народность, также точно, какъ и польская, имѣетъ свои самостоятельныя черты народнаго быта; творческій умъ польскаго поэта можетъ опоэтизировать польскую народность, но ему не по силамъ проникнуться духомъ чуждой ему національности и отразить ее въ поэтическихъ образахъ. Герои поэтовъ украинской школы не то поляки, не то казаки. Обѣ народности могутъ уживаться вмѣстѣ, но никогда не сольются между собою.

Костомаровъ и всѣ присутствовавшіе очевидно ожидали моего возраженія, но я не скоро собрался съ отвѣтомъ, не изъ какихъ-либо политическихъ соображеній, а просто въ силу, усвоенной съ

дѣтства, привычки подчиняться авторитетамъ; я не рѣшался возражать; однако, замѣчая, что всѣ видимо ждутъ и желаютъ слышать мое мнѣніе, я застѣнчиво замѣтилъ, что качество, въ которомъ, безспорно, сильнѣе всего сказался духъ южнорусскаго народа, все-таки было бы ошибочно признавать за исключительный продуктъ только этого народа. Видную и важную роль играли въ казачествѣ и польскіе люди, а ихъ было не мало: южнорусскія степи постоянно наводнялись польскими выходцами, изъ которыхъ многіе отличались прямо казацкою удалью и становились даже атаманами; въ казачествѣ нельзя отрицать нѣкоторыя черты средневѣковаго рыцарства, которыя, конечно, могли проникнуть въ Запорожье только чрезъ поляковъ; поэтому-то мнѣ кажется, польскій поэтъ въ состояніи воспѣвать подвиги казаковъ—людей ему далеко не чуждыхъ.

— Можетъ быть, вы отчасти и правы,—замѣтилъ Костомаровъ,—но я не вижу, чтобы польскіе поэты глубоко изучили и воспріяли въ себя народный духъ. Чтобы быть народнымъ поэтомъ, надо основательно изучить не только прошедшую жизнь народа, но и его настоящее; нельзя изучать народъ, сидя въ кабинетѣ, надо идти въ народъ, изучать его рѣчь, его міровоззрѣніе, вѣрованія, пѣсни, пословицы, преданія, да при этомъ съумѣть отличить произведенія народныя отъ произведеній досужихъ фантазеровъ и книжныхъ рифмоплетовъ.

Тутъ Костомаровъ сталъ указывать на ошибки подобнаго рода, вкравшіяся въ сборники Цертелева, Максимовича и другихъ, сравнивалъ произведенія чисто народнаго творчества съ виршами, сложенными досужими рифмоплетами.

— Да и вы, правду сказать,—обратился онъ къ Метлинскому,—причастны къ этому грѣху, когда приписываете народу пѣсни, которыхъ онъ вѣдать не вѣдалъ, а потому никогда не пѣлъ и не поетъ.

— Каждый дѣлаетъ, что̀ можетъ, что по его силамъ,—отвѣчалъ смиренно Метлинскій.

— Пожалуй, современемъ,—продолжалъ Костомаровъ,—«Тройка» Глинки, которую поютъ уже по городамъ лакеи и горничныя, проникнетъ и въ деревни и какой-нибудь собиратель пѣсенъ внесетъ ее въ свой сборникъ, какъ народное произведеніе... Костомаровъ усѣлся и устало заключилъ:—эти гармоники, эти шарманки, убьютъ народную пѣсню; пропадутъ вечерницы, замолкнутъ наши старые кобзари... Надо противодѣйствовать этому всѣми силами...

Бесѣда, продолжавшаяся нѣсколько часовъ съ энергіей и увлеченіемъ, постепенно стихала. Всѣ почувствовали усталость и примолкли. Послышались тихіе аккорды гитары, которую держалъ среднихъ лѣтъ мужчина, судя по наружности, не русскій и не славянинъ. Это былъ приземистый, широкогрудый, хромой и смуг-

лый человѣкъ, обладавшій полнымъ, сильнымъ басомъ. Онъ запѣлъ «Ночной смотръ» Зейдлица, въ переводѣ Жуковскаго. Голосъ отчеканивалъ каждое слово, слова сливались въ наглядную картину и мнѣ казалось, что я вижу, какъ по зову барабана встаютъ усачи гренадеры и мчатся съ сѣвера и юга, вижу самого Наполеона. Въ моемъ воображеніи ярко вставали картины степей, снѣговъ, войскъ, и рельефно рисовался образъ Наполеона... Восторгъ охватилъ мое существо—я забылся. Пѣніе кончилось, я увидѣлъ себя посреди комнаты, тогда какъ вначалѣ сидѣлъ поодаль; всѣ взоры были устремлены на меня; я сконфузился и поспѣшилъ занять прежнее мѣсто. Костомаровъ подошелъ ко мнѣ и, положивъ мнѣ на плечо руку, спросилъ:

— Скажите, что васъ такъ сильно плѣнило: стихи ли, музыка, или личность Наполеона?

— Все вмѣстѣ; и первое, и второе, и третье,—отвѣчалъ я и прибавилъ:—развѣ возможно не увлекаться образомъ Наполеона?

— Да, какъ полководцемъ и личностью огромнаго ума, но не какъ человѣкомъ,—возразилъ Костомаровъ.—Въ особенности же вамъ, полякамъ, нечего благоговѣть передъ нимъ и, вообще, передъ французами. Что Наполеонъ сдѣлалъ для васъ? Ничего, ровно ничего! Увидите, что увлеченіе поляковъ Наполеонидами, французами, и вѣра въ нихъ, погубитъ ихъ окончательно. Подружитесь лучше съ нами. Теперь зарождается идея о взаимномъ сближеніи славянъ; вѣрьте, эта идея разовьется, созрѣетъ, и славяне составятъ федерацію и займутъ подобающее имъ мѣсто въ исторіи.

Первый разъ подобнаго рода рѣчи коснулись моего ума, проникли въ мое сердце. Раньше слушалось и вѣрилось, что французъ весною, вмѣстѣ съ прилетомъ птицъ, явится на выручку поляковъ... Я задумался надъ словами Костомарова...

Вечеръ кончился, мы разошлись.

Прошло послѣ этого вечера болѣе четверти столѣтія. Я вновь встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ и въ одинъ осенній вечеръ мы сидѣли вдвоемъ. Я предложилъ прочитать вмѣстѣ оду Мицкевича къ Наполеону III, написанную полатыни; самъ я отсталъ отъ латыни и нѣкоторые стихи были мнѣ не ясны. Ода была прочитана нѣсколько разъ съ точнымъ соблюденіемъ размѣра.

— Удивляться надо,—замѣтилъ Николай Ивановичъ,—какъ человѣкъ XIX вѣка могъ такъ прекрасно усвоить себѣ мертвый языкъ. Какъ будто читаешь Горація. Впрочемъ, неудивительно; Мицкевичъ былъ профессоромъ древнихъ литературъ въ Лозанскомъ университетѣ; поляки всегда ломали свою политическую и домашнюю жизнь на образецъ римской республики, не имѣя ни республиканской добродѣтели, ни римской доблести. Историкъ де-Ту восхищался лоскомъ и рѣчами на латинскомъ языкѣ и ловкостью пановъ, когда они явились въ Парижъ съ предложеніемъ престола

Генриху III. Польская литература на латинскомъ языкѣ составляетъ весьма выдающійся по талантамъ отдѣлъ, даже имѣя въ виду только одну поэзію и оставляя ораторовъ въ сторонѣ; довольно упомянуть Сарбевскаго.

— Все это правда, замѣтилъ я,—но не въ этомъ вопросъ; что вы скажете о содержаніи оды Мицкевича, о его вѣрѣ въ Наполеонидовъ [1])? Помните ли первую нашу встрѣчу въ Харьковѣ? Это было въ 1839 или 1840 году, а теперь 1868. Ваши слова, ваши предсказанія о фатальной судьбѣ поляковъ въ силу ихъ глубокой вѣры въ наполеонидовъ сбылись.—Ода Мицкевича напомнила мнѣ и этотъ вечеръ, и слова, сказанныя мнѣ.

— Не помню, ничего не помню,—отвѣчалъ Костомаровъ.

Тогда я разсказалъ ему все объ этомъ вечерѣ, что уже извѣстно читателю.

Костомаровъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Вы говорите, сказалъ онъ,—что идею о сближеніи поляковъ съ нами и славянами я первый заронилъ въ вашу душу?

— Да, достойный мой Н. Ив.,— отвѣтилъ я.

— Теперь я вспомнилъ,—сказалъ Костомаровъ, нѣсколько подумавъ,—знаете, кто такъ прекрасно пѣлъ въ тотъ вечеръ «Ночной смотръ»? Это былъ Делюсто, родомъ изъ Испаніи. Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и служилъ въ Харьковѣ. Да... Я вѣрю и теперь въ судьбу славянъ,—продолжалъ онъ,—но въ исторіи все дѣлается медленно и постепенно. Историческаго вопроса не выбросишь изъ жизни и не опередишь.

— Польской національности угрожаетъ гибель,—замѣтилъ я.

— Потерпите, смиритесь. Вспомните слова Мицкевича: Wielie cierpim! A le eź i wielkie nasze grzechy! Много страдаемъ, но и грѣхи наши велики. Москаль прижметъ поляка, вѣрнѣе пановъ польскихъ, — и подѣломъ, но не съѣстъ націю, а нѣмецъ такъ съѣстъ.

II.

Н. И. Костомаровъ поступилъ въ Харьковскій университетъ въ 1833 году, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, кончилъ курсъ въ 1836 г. со степенью дѣйствительнаго студента; чрезъ полгода выдержалъ въ томъ же университетѣ экзаменъ на степень кандидата, послужилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ Харьковѣ. Въ Московскомъ университетѣ онъ никогда не былъ, не смотря на свидѣтельство его собственныхъ словъ въ его автобіографіи («Русская Мысль» за 1885 годъ, кн. V). Правда,

---

[1]) Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ въ Парижѣ, и въ этой, наконецъ, одѣ создалъ настоящій культъ около имени Наполеона.

весною 1838 года, онъ былъ въ Москвѣ, причемъ прослушалъ нѣсколько лекцій въ Московскомъ университетѣ изъ любознательности, что въ то время дозволялось всякому, кто только заручался согласіемъ профессора, хотя бы при входѣ послѣдняго въ аудиторію. Съ 1837 по 1844 годъ, Костомаровъ постоянно жилъ въ Харьковѣ, за исключеніемъ кратковременныхъ поѣздокъ въ Москву, въ Воронежскую и Полтавскую губерніи и въ Крымъ. Двадцати семи лѣтъ отъ роду Костомаровъ оставилъ Харьковъ, жилъ въ г. Ровно, Волынской губерніи. Затѣмъ въ Кіевѣ по 1847 годъ, а съ 1848 по 1856 г. въ Саратовѣ. Такимъ образомъ, Костомаровъ съ дѣтства до 1848 года прожилъ исключительно подъ вліяніемъ южно-русской природы и среди южно-русскаго народа. По его собственнымъ словамъ, предки его во времена еще Грознаго оставили Московское государство и переселились за Днѣпръ, гдѣ прожили до временъ Хмельницкаго. Съ присоединеніемъ лѣваго берега Днѣпра къ Московскому царству, предки Костомарова переселились къ берегамъ Дона и современемъ сдѣлались землевладѣльцами въ Острожскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, отмежованномъ впослѣдствіи къ Воронежской губерніи. Этотъ уѣздъ былъ заселенъ преимущественно малороссами. Мать покойнаго историка родилась въ крестьянской семьѣ, получила кое-какое образованіе, но навсегда сохранила черты отличающія женщину изъ народа; говорила хотя и по-русски, но съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, была умная, заботливая мать, бережливая и, какъ это и подобаетъ малороссіянкѣ, сварливая хозяйка. Отецъ Ник. Ив., воспитанный на философахъ XVIII вѣка, хотя и любилъ сына, но близокъ ему не былъ. Родные по матери были тоже отъ него отдалены и мальчикъ жилъ одиноко своимъ внутреннимъ міромъ, населеннымъ образами юной фантазіи.

Когда вопросъ объ изученіи народностей сталъ занимать умы, Костомаровъ воспитывался, а потомъ и жилъ въ Харьковѣ, ставшемъ, въ качествѣ университетскаго города, центромъ умственнаго движенія южно-русской народности. Кіевъ въ то время не могъ съ нимъ конкурировать въ этомъ отношеніи; университетъ, недавно въ немъ открытый, былъ переполненъ и окруженъ поляками. Профессора тоже въ большинствѣ были поляки съ значительнымъ процентомъ нѣмцевъ и великороссовъ. Въ Харьковѣ же сложилась жизнь при совершенно противоположныхъ условіяхъ; студенты были по преимуществу уроженцы Малороссіи; на каѳедрахъ нерѣдко раздавалась рѣчь съ явственнымъ малорусскимъ акцентомъ; вездѣ кругомъ — малорусскій говоръ. Въ Харьковѣ жилъ въ то время Цертелевъ—давшій первый толчокъ къ собиранію южно-русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Тамъ же жилъ и Квитка и писалъ свои художественныя повѣсти въ народномъ духѣ. Костомаровъ былъ знакомъ съ нимъ и

вхожъ въ его домъ. Большой извѣстностью пользовались въ Харьковѣ народные разсказы Артемовскаго, но Костомаровъ, жившій у него нѣкоторое время, былъ знакомъ не только съ его напечатанными, но и рукописными стихотвореніями, и болѣе чѣмъ кто-либо имѣлъ возможность наслушаться его мастерскихъ разсказовъ изъ народной жизни. Дѣйствительно, Харьковъ того времени съ его университетомъ можно было сравнить съ островомъ среди южнорусскаго моря. И здѣсь-то изъ Костомарова выработался типъ человѣка, на которомъ замѣтно отразились характерныя черты края и идеи того времени. Человѣкъ весьма гуманный, идеальный, онъ любилъ южно-русскую народность, но никогда не мечталъ о какомъ бы то ни было сепаратизмѣ. Друзья и враги изъ-за различныхъ побужденій хотѣли видѣть въ немъ какого-то узкаго малороссійскаго патріота, но Костомаровъ имъ никогда не былъ. Какъ сынъ своего народа, онъ любилъ родной воздухъ, желалъ имъ дышать и хотѣлъ, чтобы каждому было предоставлено это право. Людей, готовыхъ убить духовную жизнь чуждой имъ народности, онъ уподоблялъ Ироду, который стремясь погубить Христа, велѣлъ перебить всѣхъ его сверстниковъ; невинныхъ жертвъ погибло много, а Христосъ остался живъ и невредимъ. Я былъ юношей, когда въ первый разъ повстрѣчалъ Костомарова; онъ былъ старше меня, выше по развитію и по знаніямъ. Мои сверстники, также какъ и я, помнятъ, что говорилъ, что исповѣдывалъ Костомаровъ; къ нему вполнѣ шло изреченіе: я человѣкъ, я русскій, я славянинъ и все человѣческое, русское и славянское близко моему сердцу; на великороссовъ онъ смотрѣлъ, какъ на разумную, могучую политическую силу въ грядущихъ судьбахъ славянства. Такъ понимали мы Костомарова, когда сходились съ нимъ во дни нашей молодости, такимъ же узналъ я его и потомъ, когда мы встрѣтились съ нимъ въ старости. Здѣсь кстати будетъ упомянуть о двухъ случаяхъ, когда Костомаровъ чистосердечно высказывалъ свои политическія убѣжденія и образъ мыслей, хотя по плану моихъ воспоминаній и слѣдовало бы говорить о нихъ въ слѣдующей главѣ. Разговоръ Костомарова съ Погодинымъ я передаю со словъ перваго, справляясь съ моей памятью и совѣстью; при разговорѣ же Ник. Ив. съ Мельниковымъ (Печерскимъ) я лично присутствовалъ. Могъ бы еще сослаться на свидѣтельства Кожанчикова и Никитскаго, но они оба уже въ могилѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего пресловутаго диспута съ Погодинымъ, Костомаровъ, въ бытность свою въ Москвѣ, отправился съ нимъ повидаться; Погодинъ жилъ за городомъ. Случилось, что жена его увидѣла Костомарова еще въ окно и тотчасъ же вышла къ нему на встрѣчу и стала упрашивать: «ради Бога, не говорите ничего о варягахъ; если мужъ самъ начнетъ, то старайтесь перемѣнить разговоръ». Передавая это, Костомаровъ добавилъ: «въ

Москвѣ разсказывали, что когда Погодинъ прочиталъ изслѣдованіе Иловайскаго о началѣ Руси, то бросилъ книгу и воскликнулъ: «дайте мнѣ, наконецъ, хоть умереть-то спокойно!» Просьбу Погодиной Ник. Ив. исполнилъ и на этотъ разъ о варягахъ не было рѣчи. Оба историка сильно интересовались судьбами славянъ, почему разговоръ незамѣтно перешелъ на излюбленную тему. И Погодинъ, и Костомаровъ, сходились въ своихъ мнѣніяхъ на томъ пунктѣ, что, судя по ходу всемірной исторіи, на очереди стоитъ вопросъ славянскій и что этотъ вопросъ никакими силами нельзя ни обойти, ни уничтожить, хотя, конечно, разными дипломатическими ухищреніями и возможно на время, и то не на долго, пріостановить его развитіе. Полное единомысліе обнаружилось между историками и тогда, когда перешли къ разсмотрѣнію умственнаго, нравственнаго и политическаго настроенія какъ южныхъ, такъ и западныхъ славянъ; не было спора и о томъ, что Россія составляетъ единственную политическую силу, которая можетъ спасти славянъ отъ нѣмцевъ, ставъ во главѣ славянской федераціи, но въ вопросѣ объ условіяхъ, на которыхъ можетъ состояться это единеніе славянскаго міра подъ гегемоніей Россіи, взгляды Костомарова и Погодина разошлись.

— Славянскій вопросъ давно созрѣлъ,—говорилъ Погодинъ,—онъ ждетъ только появленія того избранника судебъ, который разрѣшитъ его. Этого избранника исторія назоветъ великимъ человѣкомъ. Русскій царь и русскій народъ предназначены судьбою къ этой роли. Предъ началомъ Крымской войны я писалъ: надобно только русскому царю явиться въ Москву, отслужить всенародно молебенъ, кликнуть кличъ,—и этотъ кличъ раздасся по всей русской землѣ, найдетъ откликъ затѣмъ на Дунаѣ, а дальше по мѣрѣ успѣха, отразится на Эльбѣ и Вислѣ. Всѣ возстанутъ, какъ единый человѣкъ, какъ русскій богатырь Илья Муромецъ. И тогда—никакія дипломатическія коалиціи намъ не нужны и не страшны.

— Однакожъ, замѣтилъ Костомаровъ, ваши ожиданія и мечты не оправдались; намъ однимъ пришлось бороться съ сильной коалиціей. Славяне на Дунаѣ, Эльбѣ и Вислѣ, молчали. Послѣ Парижскаго мира славянскій вопросъ становится уже европейскимъ.

— Никогда!—вскричалъ энергично Погодинъ.—Послѣ Крымской войны, послѣ возстанія поляковъ въ 1863 году и новыхъ вѣяній на Дунаѣ, идущихъ изъ Вѣны,—я измѣнилъ мой прежній взглядъ на рѣшеніе славянскаго вопроса. Одинъ болгаринъ мнѣ говоритъ: «ладить съ русскими людьми можно и должно, но подъ условіемъ: не дѣлайте изъ нашей страны вашей губерніи».—Скажи мнѣ это полякъ—я бы не удивился: эта любезная нація способна не мыслить, а мечтать, почему русскій народъ и называетъ поляка безмозглымъ. А то болгаринъ! Послѣ этого нечего и думать о политической самостоятельности каждой единицы. Видно куда чирка но-

сомъ сидитъ. Полякъ посягаетъ на искони русскія земли, болгары, а за ними и другіе, подстрекаемые Австріей, подымаютъ головы; возымѣвъ намѣреніе образовать самостоятельныя государства, всѣ они, какъ собаки, спущенныя съ цѣпи, перегрызутся между собою и очутятся потомъ подъ властью Австріи. Но, нѣтъ! Скажу словами манифеста Николая Павловича: да не будетъ такъ! Отказываюсь отъ моихъ прежнихъ воззрѣній на славянскій вопросъ, перехожу изъ поповъ въ дьяконы и становлюсь на сторону Аксакова и Каткова. Вопросъ становится не народнымъ, не равноправнымъ, а государственнымъ. «Пусть моя государева воля будетъ такая же въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ»,—сказалъ Іоаннъ III; тоже долженъ сказать Русскій царь и его народъ всѣмъ славянамъ. Кто изъ славянъ станетъ подъ наше знамя, подъ знамя русскаго царя, подъ знамя православія, нашего закона, нашего языка,—тому мы будемъ рады и примемъ какъ брата; кто же не нашъ, того мы заставимъ быть нашимъ, или предоставимъ на съѣденіе нѣмцу, венгерцу и, даже, турку.

— Наша задача, отвѣчалъ Костомаровъ, примирить съ собою славянъ, дать всѣмъ имъ возможность жить и развиваться самостоятельно и спокойно подъ гегемоніей Россіи. Эта духовная самостоятельность, это разнообразіе въ умственной, нравственной, общественной и бытовой жизни, при могущественной центральной силѣ русскаго правительства, дастъ богатые плоды и въ умственной и въ политической жизни народовъ славянскаго племени. Тогда повторится въ исторіи эпоха Греціи во времена Перикла.

— Пробовали, батенька,—перебилъ Погодинъ,—пробовали съ поляками—ничего не вышло!

— Можетъ быть, потому и не вышло, замѣтилъ Костомаровъ, что мы все только пробовали, замѣняя одну систему другою. Права, дарованныя полякамъ Александромъ I, не удовлетворили ихъ, по свойственной имъ политической безтактности. Но въ возстаніи тридцатыхъ годовъ участвовали далеко не всѣ: многіе вовсе не сочувствовали этому движенію; поэтому строго накажи виновныхъ, но продолжай слѣдовать разъ задуманному плану. Полагаю, что, въ концѣ концовъ, поляки, эта самая бурливая нація, опомнились бы и убѣдились, что подъ русской властью имъ живется куда счастливѣе, чѣмъ во времена Рѣчи Посполитой.

— По вашему выходитъ, замѣтилъ иронически Погодинъ, что мы должны ухаживать за славянами, какъ нянька за дѣтьми, составить изъ всѣхъ славянскихъ племенъ равноправную федерацію, да, чего добраго, еще на республиканскихъ началахъ? Самая вѣрная дорога ко второму вавилонскому столпотворенію! Пожалуй, вы непрочь поставить самостоятельнымъ особнякомъ и хохловъ вашихъ, казаковъ, поляковъ и проч., которые за нашу кровь и спасибо не скажутъ; враговъ лишь наживемъ, да и все тутъ. Нѣтъ, Николай

Ивановичъ, вы жестоко ошибаетесь; вы такъ думаете потому, что любите вашихъ хохловъ, любите и поляковъ, хотя и браните ихъ, правда; но насъ, москалей, вы не жалуете. Отрицаете призваніе варяговъ—слѣдовательно отрицаете разумное монархическое начало русскаго государства и весь логическій ходъ русской исторіи. Если не знаемъ откуда идемъ, значитъ, не будемъ знать и куда идти. Потомъ вы развѣнчиваете Димитрія Донскаго и Сусанина,—а чего стоитъ вашъ пресловутый «Сынъ!»

— Вы, какъ историкъ, должны знать, отвѣчалъ на это Костомаровъ, что указывать на недостатки и ошибки историческихъ дѣятелей вовсе не значитъ не любить народъ, а значитъ только то, что я люблю истину, которая одна ведетъ народъ къ самосознанію и прогрессу. Я никогда не вѣрилъ въ возможность политической самостоятельности ни для Малороссіи, ни для Польши, и никогда о томъ не проповѣдывалъ и не проповѣдую; вѣрю же въ то, что каждая славянская народность, входя въ составъ русскаго государства, принесетъ съ собою новые нравственные и умственные элементы и дастъ славянскому міру силу и значеніе на служеніе человѣчеству. Что же касается до федераціи славянъ на республиканскихъ началахъ, то это съ вашей стороны иронія и намекъ на взгляды моей молодости. Трудно предсказать, какая форма правленія станетъ излюбленной формой въ далекомъ будущемъ, но несомнѣнно, что республика возможена лишь въ томъ случаѣ, если люди станутъ вообще разумными, добродѣтельными и нравственными, если не всѣ поголовно, то хотя въ преобладающемъ большинствѣ. Мы имѣемъ живой примѣръ на Франціи: сколько разъ становилась она республикой и всегда эта республика разлеталась какъ мечта, какъ мыльный пузырь. Кто мечтаетъ о федераціи славянъ на республиканскихъ началахъ, тотъ желаетъ славянамъ гибели, аналогичной той, которая постигла Польшу.— Вѣрю въ великое призваніе Россіи и въ счастье славянъ въ единеніи съ нею, но никогда не подымется рука моя нанести ударъ славянскому слову, славянской мысли и вѣрованіямъ; все это для меня святыня.

Костомаровъ и Погодинъ разстались холодно. Вслѣдъ затѣмъ Костомаровъ высказалъ свое Credo въ письмахъ къ Аксакову и Каткову. Первый разошелся съ Костомаровымъ окончательно, но политично. Катковъ же изъ письма Костомарова извлекъ всѣ мѣста, пригодныя для обвинительнаго акта, и напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» свой не лестный для Ник. Ив. и несправедливый приговоръ. Свою полемику съ этой газетой Костомаровъ прекратилъ. Этого требовала сила господствующаго мнѣнія; но Костомаровъ словами Каткова былъ сильно оскорбленъ. Мнѣніе его о себѣ считалъ несправедливымъ, тенденціознымъ и пристрастнымъ.

Бесѣда Костомарова съ Мельниковымъ, не менѣе вышеприведенной, обрисовываетъ образъ мыслей нашего историка. Разъ, будучи въ гостяхъ у Костомарова, Мельниковъ взялъ лежавшее на письменномъ столѣ Ник. Ив. сочиненіе Духинскаго и спросилъ:

— Какое ваше мнѣніе о теоріи папа Духинскаго?

— Панъ Духинскій,—отвѣчалъ Костомаровъ,—хотѣлъ уронить и уязвить русскаго человѣка, но не достигъ цѣли. Изъ его же словъ видно, что восточная вѣтвь славянъ искони селилась среди финскихъ племенъ. Благодаря своимъ колонизаторскимъ способностямъ, русскіе проникли на далекій сѣверъ и на крайній востокъ, но русскій человѣкъ всегда не только сохранялъ всѣ начала своей народности, но съумѣлъ подчинить себѣ чуждые элементы и разложить ихъ въ лабораторіи своего національнаго духа; такимъ путемъ возникло смѣшанное великорусское племя. Физіологія и исторія свидѣтельствуютъ, что смѣшанные народы являются самыми сильными и даровитыми. Великорусское племя доказало всю живучесть и мощь славянскаго духа. Оно выдержало на себѣ наплывъ чуждыхъ національностей, воспріяло ихъ и создало могучую политическую силу, подобно тому, какъ англо-саксонское племя, сложившееся изъ весьма разнообразныхъ элементовъ, проникло по ту сторону земного шара и на острова океана и создало не американскую только, не австралійскую, а англо-саксонскую національность, которая призвана выполнить великую миссію въ судьбахъ человѣчества. Если славянскому племени суждено въ будущемъ имѣть всемірное историческое значеніе, то эту роль въ силахъ исполнить только русскій человѣкъ. Всѣ же другіе народы славянскаго племени, проходившіе когда-либо по исторической аренѣ, доказали всю скудость своего политическаго ума и характера. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія чеховъ, сербовъ, поляковъ; самъ Хмельницкій, великій патріотъ, человѣкъ съ волей и характеромъ, былъ далеко не дипломатъ и не имѣлъ дальновидности политическаго ума. Среди всѣхъ народовъ славянскаго племени только русскій народъ выдается политическимъ умомъ, тактомъ, дальновидностью и стойкостью. Факты воочію свидѣтельствуютъ о политической и исторической силѣ русскаго народа; произведенія русскаго духа въ области наукъ, искусствъ и политической жизни, ясно свидѣтельствуютъ, что русскіе не туранское племя, а славянское, вѣтвь арійская, одаренная силою творческаго ума и политической жизни.

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу о жизни Костомарова въ Харьковѣ.

Костомаровъ всегда считался за человѣка со средствами; дѣйствительно, онъ долго жилъ, не занимая никакого мѣста и, вообще, не имѣя никакихъ постороннихъ платныхъ занятій. Жилъ онъ

всегда прилично; правда, онъ постоянно отличался бережливостью и разсчетливостью, а особенно подъ старость сталъ даже смѣшно скуповатъ, но не для себя. Въ немъ было много чисто барскихъ привычекъ, между прочимъ, не отказывать себѣ ни въ чемъ, чего захотѣлось, даже въ прихотяхъ; тѣмъ не менѣе онъ считалъ самъ себя за человѣка изъ народа. Когда близкіе къ нему люди напоминали ему объ исполненіи того или другого обычая, требуемаго правилами свѣта, или просили не сидѣть на сквозномъ вѣтру, не купаться въ холодные дни, не пить холодной воды послѣ горячей пищи, или что-нибудь другое въ этомъ же родѣ, Костомаровъ сердился и говорилъ: «я не баринъ, я не панъ; я мужикъ!» А между тѣмъ этотъ мужикъ требовалъ, чтобы на столъ подавалась только та птица и рыба, которая убивалась только на его кухнѣ, мать его потѣла, сбивая масло со сливокъ въ бутылкахъ, потому что другого онъ не переносилъ; платье себѣ онъ дѣлалъ только изъ англійскаго сукна, бѣлье мѣнялъ по два раза въ день, а о носовыхъ платкахъ и говорить нечего. Онъ скорбѣлъ при вѣстяхъ о голодающемъ мужикѣ, сознавался, что грѣшно тратить деньги на прихоти, когда другіе не имѣютъ хлѣба, но продолжалъ жить попрежнему. Костомаровъ не любилъ давать взаймы денегъ, но данные считалъ пропавшими; изъ этого же недовѣрія къ людямъ, не давалъ книгъ изъ своей библіотеки, которую считалъ дорогимъ своимъ сокровищемъ; онъ не тронулъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи имѣнія и сумму въ 20,000 пожертвовалъ на основаніе народной школы въ родномъ селѣ, считая, что деньги, полученныя за землю, принадлежатъ людямъ прикрѣпленнымъ къ землѣ.

Когда я сблизился съ Костомаровымъ въ Харьковѣ, онъ уже искалъ себѣ мѣста. Конечно, ближе всего было стараться найти мѣсто при университетѣ, но это было почти немыслимо. Артемовскій, деканъ факультета, а затѣмъ ректоръ, человѣкъ весьма вліятельный, относились, какъ уже было замѣчено, къ Костомарову не сочувственно, въ особенности послѣ того, какъ министерство осудило, одобренную факультетомъ, диссертацію Костомарова объ «Уніи», на сожженіе. Валицкій, профессоръ греческой литературы, признавалъ Костомарова за человѣка ненормальнаго; Протопоповъ, указывая, что Костомаровъ занимается собираніемъ народныхъ пѣсенъ и написалъ диссертацію о значеніи народныхъ пѣсенъ въ исторіи, считалъ это дѣло недостойнымъ науки. Прочіе профессора оставались безгласны; лишь одинъ Лунинъ, профессоръ исторіи, поддерживалъ Костомарова и предлагалъ отправить его за границу, но не встрѣтилъ сочувствія. Вѣроятно, не блестящее состояніе финансовъ склонило Костомарова принять должность субъ-инспектора студентовъ—должность чисто полицейскую и для Ник. Иван. вовсе неподходящую. Не могъ Костомаровъ заставлять студента ложиться въ 10 часовъ вечера, когда видѣлъ, что тотъ занимается дѣломъ,

не могъ доносить, кто опоздалъ изъ отпуска и т. д. Часто, занятый отвлеченными предметами, онъ позабывалъ о служебныхъ формальностяхъ своей должности и получалъ замѣчанія отъ начальства; и начальство, и сослуживцы, не жаловали Костомарова. Да и что за товарищи это были для него! Во-первыхъ, подполковникъ Шишкинъ, добродушный старикъ, выслужившійся изъ солдатскихъ дѣтей, любившій выпить; сопровождая насъ въ баню, онъ показывалъ намъ рубцы на своей спинѣ и хвасталъ, что эти замѣты положены на него по приказанію батюшки Суворова. Во-вторыхъ, маіоръ Лой, утверждавшій, что онъ знаетъ пятьдесятъ пять языковъ и такъ похожъ на Наполеона, что въ одномъ нѣмецкомъ городкѣ народъ привѣтствовалъ его возгласами: vive l'Empereur! — Затѣмъ былъ еще Смородскій,—семинаристъ, приказный, хитрый и лукавый человѣкъ, готовый каждому подставить ногу.

Костомаровъ продолжалъ заниматься наукою съ свойственнымъ ему увлеченіемъ; но не выработалъ еще въ то время для своихъ занятій строго опредѣленной системы. Такъ онъ любилъ тогда сближаться съ простымъ народомъ, посѣщалъ вечерницы, гдѣ иной разъ попадалъ въ комическое положеніе, писалъ поэтическія произведенія на малороссійскомъ языкѣ и задумывалъ историческую драму, уже по-русски, — «Богданъ Хмельницкій». Одна сцена была уже имъ написана; Богданъ является въ Крыму, среди мурзъ; съ торбаномъ въ рукѣ, онъ поетъ пѣсни, ведетъ разсказы, потѣшаетъ мурзъ, но въ то же время ловко внушаетъ имъ мысль о необходимости вмѣстѣ съ запорожцами напасть на Польшу. Драмѣ этой не суждено было увидѣть свѣтъ, — вмѣсто нея явилась монографія о Хмельницкомъ, безспорно одно изъ лучшихъ произведеній нашего историка. Въ то же время Костомаровъ готовился къ экзамену на магистра и писалъ диссертацію объ «Уніи». Выпадавшій среди этихъ разнообразныхъ занятій досугъ, Костомаровъ любилъ проводить въ кругу близкихъ людей, близкихъ по духу и понятіямъ. Было нѣсколько такихъ кружковъ; одинъ состоялъ изъ молодыхъ профессоровъ и лицъ, готовившихся къ экзамену на магистра; затѣмъ нѣкоторые, окончившіе уже курсъ, студенты группировали вокругъ себя молодежь... Изъ числа своекоштныхъ студентовъ мнѣ пришлось встрѣтиться уже на службѣ въ Воронежѣ съ де-Пуле. Имя это извѣстно въ педагогическомъ мірѣ и литературѣ. Тогда же, заговоривъ о Костомаровѣ, онъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, съ которымъ онъ, будучи студентомъ, имѣлъ много поучительныхъ и разумныхъ бесѣдъ. Бывшій студентъ Пашковъ сохранилъ такія теплыя отношенія къ Костомарову, что даже былъ его секундантомъ, когда Ник. Ив., вступясь за честь дѣвушки, вызвалъ на дуэль какого-то офицера.

Костомаровъ былъ человѣкъ вѣрующій, религіозный и строгій исполнитель православнаго устава. Однажды, имъ даже овладѣла

мысль поступить въ монастырь. Разъ, Костомаровъ, сопоставляя богослуженіе православной церкви съ католической, удивилъ присутствующихъ, прочитавъ наизусть обѣ обѣдни на славянскомъ и латинскомъ языкѣ, дѣлая объясненія, что говоритъ дьяконъ, что священникъ, что ксендзъ читаетъ громко, что про себя. Его сильно занимала церковная обрядность и онъ говорилъ, что если ужъ вѣрить, то вѣрить всему, чему учитъ церковь.

Вообще, Костомаровъ представляется мнѣ человѣкомъ съ весьма сложнымъ характеромъ. Въ одно и то же время, онъ являлся раціоналистомъ, скептикомъ и мистикомъ. Онъ разумно рѣшалъ вопросы исторической жизни народовъ и обыденной жизни отдѣльнаго человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ѣздилъ гадать на картахъ у прославленной гадалки. Надъ дверьми квартиры Костомарова долго висѣло изображеніе Георгія Побѣдоносца, какъ защитника отъ злыхъ духовъ.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ, особенно во второй половинѣ, мнѣ приходилось рѣже встрѣчаться съ Никол. Ив. Въ мое юное сердце запала любовь и на бѣду предметъ моего поклоненія жилъ внѣ города. Это обстоятельство увлекло меня совсѣмъ въ иную сферу интересовъ. Два раза, однако, я видѣлся съ Костомаровымъ, бесѣдовалъ съ нимъ, и оба раза онъ былъ озабоченъ и взволнованъ.

Выходила замужъ любимая студентами актриса Протасова за даровитаго актера Ленскаго. Чета вѣнчалась въ церкви недалеко отъ университета; студенты вздумали устроить своей любимицѣ сочувственную овацію. Къ часу вѣнчанія, въ парадной формѣ, они явились къ церкви и образовали длинную аллею на пути слѣдованія свадебнаго кортежа. Между тѣмъ и священникъ вышелъ на встрѣчу вѣнчавшимся и здѣсь, не знаю почему, между нимъ и студентами вышло какое-то пререканіе, принимавшее все болѣе острый характеръ. Священникъ послалъ въ университетъ къ дежурному просьбу явиться и прекратить безпорядки студентовъ. Дежурнымъ былъ Костомаровъ. Онъ отказался явиться на мѣсто происшествія подъ предлогомъ, что не имѣетъ права оставить свой постъ. Священникъ пожаловался высшему начальству; дѣло могло бы принять весьма непріятный оборотъ, еслибы была возможность указать виновниковъ безпорядка; но этого сдѣлать было нельзя: Костомаровъ своимъ отказомъ явиться лишилъ высшее начальство удовольствія наказать виновныхъ и своимъ поступкомъ обратилъ всю вину на себя; ему сдѣлали выговоръ и дѣло этимъ и кончилось.

— Лучше получить замѣчаніе,— сказалъ мнѣ Костомаровъ,— чѣмъ играть роль жандарма, уличать студентовъ, подвергать ихъ строгому наказанію. Дѣло серьёзное; оно могло не ограничиться только карцеромъ, а имѣть и болѣе печальные результаты.

За нѣсколько недѣль до моего окончательнаго отъѣзда изъ Харькова на мѣсто служенія, случилось другое происшествіе съ студентами же. На площади было устроено народное празднество по какому-то высокоторжественному случаю. Мѣсто торжества было оцѣплено веревкою и за эту черту допускалась лишь избранная публика, которая и размѣщалась на построенной съ этою цѣлью эстрадѣ. Нѣсколько студентовъ перешли черту; въ это время жандармы, по распоряженію полиціймейстера, стали тѣснить народъ лошадьми; студенты обнажили шпаги, ударили жандармскихъ лошадей и, кромѣ этого, сказали какую-то дерзость полиціймейстеру. Губернаторъ Данзасъ распорядился арестомъ этихъ студентовъ и препроводилъ ихъ въ участокъ; тотчасъ же послѣ того, какъ было дано знать объ этомъ инспектору студентовъ, арестованные были освобождены изъ участка и посажены въ карцеръ. Между тѣмъ, другіе студенты вломились въ амбицію, какъ осмѣлилась полиція арестовавъ студентовъ, отправлять ихъ не въ университетъ, а въ участокъ? Болѣе горячіе кликнули кличъ и всѣ студенты повалили въ университетъ. Студентъ Страховъ, извѣстный потомъ въ Петербургѣ, какъ преподаватель словесности, ораторствовалъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и раздавалъ листки имъ самимъ написанныхъ стиховъ; двѣ строфы еще сохранились въ моей памяти:

«О, братья! Кто права святыя
«Рукою наглою деретъ;
«Кто позабылъ, что насъ Россія
«Себѣ въ помощники зоветъ.
«Кто думалъ въ безумія припадкѣ—
«Родномъ для низкаго глупца,
«Что всѣ обиды и нападки
«Снесутъ студентскія сердца»...

Молодежь волновалась; студенты толпою вошли въ залъ совѣта и просили защиты. Проректоръ Куницынъ и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ здѣсь профессоровъ старались успокоить умы, обѣщая вступиться за студентовъ. Молодежь уже стала расходиться; но, на бѣду, въ это время мимо университета проѣхалъ на парѣ кто-то изъ полицейскихъ чиновъ, вѣроятно, посланный съ цѣлью провѣдать, что̀ дѣлается въ университетѣ; Харьковъ былъ въ то время далеко не обширенъ и полиція не могла не знать о движеніи студентовъ. На проѣзжавшаго полицейскаго обрушился весь гнѣвъ взволнованныхъ юношей; раздались свистки, посыпался градъ песку и комковъ грязи. Ни попечителя, ни его помощника въ то время въ городѣ не было; ихъ замѣщалъ ректоръ Артемовскій. Къ нему былъ посланъ отъ генералъ-губернатора, князя Долгорукаго, запросъ такого содержанія: «какого рода безпорядки произошли въ университетѣ, какія приняты мѣры для ихъ прекращенія?

Прошу меня немедленно обо всемъ увѣдомить, дабы и я съ своей стороны могъ принять надлежащія мѣры и донести высшему начальству». Ректоръ встревожился, да и было изъ-за чего. То было время, когда требовалось повсюду полное безмолвіе, когда не допускалось ни малѣйшаго протеста, не только на дѣлѣ, но и въ печатномъ и устномъ словѣ. Впрочемъ, Артемовскій былъ мастеръ улаживать дѣла: онъ немедленно самолично отправился къ генералъ-губернатору князю Долгорукому; результатомъ этого свиданія было согласіе князя прекратить дѣло, но подъ условіемъ, чтобы арестованные студенты извинились передъ полиційместеромъ въ стѣнахъ университета. Явился въ правленіе университета полиційместеръ и арестованные студенты, извинились; полиційместеръ послѣ этого первый протянулъ руку и тѣмъ дѣло кончилось.

Пока шли переговоры въ высшихъ слояхъ, студенты волновались; между ними шли совѣщанія, пренія, требованія у товарищей не просить извиненія у полиційместера. Среди этого шума и гама профессора стояли въ сторонѣ; дѣло, по преимуществу касалось инспекціи. Субъ-инспектора были подняты на ноги; каждый изъ нихъ долженъ былъ зорко слѣдить, что дѣлается въ его участкѣ; мало того,—долженъ былъ предупредить, пресѣчь, донести. Открывалось обширное поле для лицъ, одаренныхъ полицейскими способностями—ловцовъ наградъ и благодарностей; но для Костомарова все это была нравственная пытка. Когда я пришелъ къ нему прощаться, онъ сравнилъ свое положеніе съ мученіями въ аду или въ чистилищѣ. Мы разстались. Это было въ концѣ октября 1843 года; встрѣтились снова уже слишкомъ двадцать пять лѣтъ спустя, оба сильно помятые жизнью. Но у Костомарова зажили уже старыя раны, онъ былъ въ апогеѣ славы,—у меня же были слишкомъ свѣжи тяжелыя тамбовскія раны; но говорить о нихъ здѣсь не мѣсто; скажу только, что Костомаровъ, какъ и его кружекъ, отнеслись ко мнѣ съ сочувствіемъ, умно, честно и справедливо.

Этимъ я могъ бы окончить первый отрывокъ изъ моихъ воспоминаній; но кто на старости лѣтъ погружается въ воспоминанія прошедшаго, тотъ можетъ быть уподобленъ пловцу, все дальше и дальше влекомому въ открытое море; кажется не трудно при помощи прилива достичь береговъ, а между тѣмъ нижній слой отлива сильнѣе и не переставая относитъ отъ ближайшей цѣли, и необходимо усиліе, чтобы возвратиться къ берегу. Я нахожусь именно въ такихъ условіяхъ и поэтому невольно еще разъ обращаюсь ко времени университетской жизни. Какъ уже сказано, столкновеніе между студентами и полиціей кончилось примиреніемъ враждебныхъ сторонъ между тѣмъ со дня на день ожидали пріѣзда попечителя, графа Головкина. Не только университетское начальство, но и высокопоставленныя лица города, не желали, чтобы графъ узналъ о студенческой исторіи въ ея настоящемъ видѣ. Отправленіе студен-

товъ въ участокъ могло оскорбить графа, старика и сильнаго вельможу. Графъ любилъ студентовъ и всегда съ охотой покровительствовалъ имъ и защищалъ. Дежурный студентъ всегда могъ найти случай разсказать графу подробно обо всемъ случившемся и тутъ же отъ имени всѣхъ своихъ товарищей просить защиты.

Вотъ этого-то всѣ власти и опасались; оставалось предупредить возможность такого случая, обвинивъ во всемъ студентовъ, а чтобы наказаніе за безпорядки было для студентовъ наиболѣе чувствительно, то лишить ихъ чести дежурить у графа. Цѣль была достигнута. Ректоръ Артемовскій, вообще любившій всякую торжественность, воспользовался случаемъ собрать всѣхъ студентовъ еще и для того, чтобы показать, что дѣло ихъ у попечителя проиграно окончательно; онъ объявилъ, что графъ поведеніемъ студентовъ не доволенъ и отнынѣ не желаетъ, чтобы они являлись къ нему на дежурство. «Его сіятельство, заключилъ свою рѣчь ректоръ, этимъ ограничиваетъ наказаніе, но я, чтобы удовлетворить правосудіе, наказываю еще за вины всѣхъ моего сына». И онъ тутъ же отправилъ своего сына въ карцеръ. Студентъ Манько не преминулъ тотчасъ же сравнить Артемовскаго съ Авраамомъ и Брутомъ, приносящихъ въ жертву своихъ сыновей.

Въ жизни воспитывающейся молодежи, въ жизни, вообще, университетовъ, попечители играютъ важную роль, а потому я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о графѣ Головкинѣ.

Въ мою бытность въ университетѣ, это былъ уже преклонныхъ лѣтъ старецъ, почти слѣпой. Когда онъ катался по городу, то стоящій на запяткахъ лакей докладывалъ ему о поклонѣ встрѣченнаго студента; часто случалось, что графъ, спѣша отвѣтить на поклонъ студента, обнажалъ свою сѣдую голову уже тогда, когда студентъ былъ далеко. Однажды, одно высокопоставленное въ городѣ лицо дерзко оскорбило одного студента въ публичномъ мѣстѣ; оскорбленный прямо обратился съ жалобой къ попечителю. Графъ немедленно послалъ инспектора попросить объясненія; важный господинъ отъ всего отрекся, ссылаясь на недоразумѣніе, и просилъ лично свиданія съ студентомъ, принесшимъ жалобу. Свиданіе состоялось; неизвѣстно, въ чемъ заключалось объясненіе, но студентъ счелъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Конечно, въ свои послѣдніе годы жизни, графъ, отягченный лѣтами и недугами, не могъ уже принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ университета и округа, но когда лица, пользовавшіяся его довѣріемъ, указывали на нужды того или другого, то графъ всею силою своего авторитета настаивалъ на ихъ удовлетвореніи и никогда не встрѣчалъ отказа въ высшихъ сферахъ.—Мнѣ пришлось раза два дежурить у графа. Дежурнымъ предстояло докладывать графу о посѣтителяхъ, обѣдать за общимъ столомъ, слушать разговоры, иногда вступать въ личную бесѣду съ графомъ,

а за тѣмъ, получивъ билетъ въ театръ, или концертъ, отправляться домой.

Въ одинъ изъ дней моего дежурства мнѣ привелось быть свидѣтелемъ бесѣды графа съ профессомъ греческой литературы Валицкимъ. Графъ восхищался одами Пиндара и Горація и одну изъ нихъ, именно гораціеву — «vides ut alta stet, nive candidum saraete», — проговорилъ всю наизусть. Жена губернатора Данзаса, женщина умная, развитая, бойкая, побывавшая не разъ за границею, знакомая съ современными соціальными ученіями, критически при графѣ отнеслась къ тогдашнимъ порядкамъ въ Россіи. «J'aime la Russie avec toutes ses fautes, отвѣчалъ ей графъ, совѣтую и вамъ слѣдовать моему примѣру». Только при похоронахъ графа открылось, что онъ былъ протестантъ; тѣмъ не менѣе онъ дѣйствительно любилъ родину. Кто-то разъ постарался донести ему, что профессора — Степановъ народнаго права и Лунинъ всеобщей исторіи, проводятъ въ своихъ лекціяхъ вредныя, либеральныя идеи... Графъ неожиданно побывалъ на ихъ лекціяхъ и тотчасъ же рѣшилъ, что все дошедшее до него только вздоръ и сплетни; злые языки замолкли. Попечитель отвѣчалъ за университетъ и силою своего авторитета охранялъ его отъ всякаго рода соглядатаевъ.

Кончилъ университетъ я при Головкинѣ; затѣмъ, въ продолженіе моей двадцати-пятилѣтней службы въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, тамъ перебывало семь попечителей; галлерея портретовъ этихъ сановниковъ отъ Потоцкаго, Головкина до Воскресенскаго—весьма разнообразна. У меня есть данныя, которыя могли бы служить къ характеристикѣ каждаго изъ нихъ, но говорить о нихъ пока не умѣстно; поэтому перехожу прямо къ послѣдней минутѣ моей разлуки съ Харьковомъ и университетомъ.

Я былъ опредѣленъ учителемъ въ Старооскольское уѣздное училище. Сборы мои были не долгіе: я связалъ нѣсколько книгъ, да двѣ пары бѣлья и платья. Распрощавшись съ товарищами, я направился къ почтовой станціи; но выходя изъ университетскихъ стѣнъ, невольно остановился и оглянулся на покидаемое мною зданіе и городъ: стѣны университета показались мнѣ величественнѣе, красивѣе, чѣмъ прежде; быть можетъ, во мнѣ заговорило чувство благодарности къ университету за то, что подъ его кровлею я жилъ безъ нужды, жилъ разумно, весело, въ дружбѣ со всѣми... Отъ университетскихъ стѣнъ взглядъ мой неопредѣленно устремился въ даль и долго я простоялъ въ раздумьи, или, вѣрнѣе, среди неясныхъ мечтаній; прекрасный осенній вечеръ и небо, гдѣ уже мерцали первыя звѣзды, навѣвали туманныя грезы. Но тревожному сознанію вдругъ предстали картины моей бѣдности, безпомощности и одиночества во всемъ ихъ страшномъ значеніи; настоящее — печально, будущее — темно. Въ головѣ невольно мель-

кнула мысль о моемъ старомъ знакомомъ — Вареникѣ, подъ чьей опекой я прожилъ почти два года. Я отправился къ нему и былъ принятъ радушно; онъ поставилъ бутылку кизлярки и мы дружно роспили ее съ чаемъ.

Медленно двигалась почтовая тройка съ подвязаннымъ колокольчикомъ по Московской улицѣ; мы проѣзжали мимо булочной Костенса, изъ которой неожиданно вышелъ студентъ Артемановичъ. Онъ недавно поступилъ въ университетъ и мы были съ нимъ знакомы, хотя не очень близко; потомъ уже, на службѣ, мнѣ привелось ближе узнать эту умную, рыцарски честную и поэтичную личность. Артемановичъ остановилъ меня, присѣлъ на повозку, проводилъ нѣсколько десятковъ шаговъ, а при прощеніи вручилъ французскую булку и на память палку. Долго я берегъ эту палку; она напоминала мнѣ о молодости, объ университетскихъ товарищахъ, знакомыхъ, въ особенности, о тѣхъ изъ нихъ, чьи имена занесены на страницы моихъ воспоминаній.

Ф. Неслуховскій.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

I.

Григорій Петровичъ Данилевскій.

БОЛѢЕ СОРОКА лѣтъ неустанной и плодовитой литературной дѣятельности создали Григорію Петровичу Данилевскому прочное имя, пользующееся заслуженной и почетной извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. У насъ даровитый романистъ принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ и наиболѣе читаемымъ авторамъ, сочиненія котораго пользуются рѣдкимъ успѣхомъ: они выдержали уже шесть изданій и, безъ сомнѣнія, выдержатъ еще нѣсколько. Не меньшей извѣстностью имя талантливаго беллетриста пользуется и за границей: большая часть его сочиненій переведена на языки—французскій, нѣмецкій, польскій, чешскій, сербскій и венгерскій, и была встрѣчена при своемъ появленіи въ свѣтъ весьма сочувственными отзывами иностранной критики (особенно французской, нѣмецкой и польской). Несомнѣнно, что Г. П. Данилевскій—одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей русской литературы 60-хъ годовъ и по свойству своего оригинальнаго таланта занимаетъ среди нихъ одно изъ видныхъ мѣстъ; несомнѣнно, что на его произведеніяхъ, по вѣрному замѣчанію одного критика [1]), лежитъ «печать могучаго и великаго вѣка», золотаго вѣка въ русской художественной литературѣ, именно 50-хъ и 60-хъ годовъ, эпохи лучшихъ созданій Тур-

---

[1]) А. М. Скабичевскаго, см. «Новости», № 316, 1889 года.

генева, Л. Толстого, Достоевскаго, Островскаго, Гончарова, Писемскаго и другихъ; несомнѣнно, наконецъ, что чрезъ всѣ произведенія Г. П. Данилевскаго, по замѣчанію того же критика, проходятъ идеи вѣчной правды и добра, въ которыхъ видно могучее дыханіе того же великаго вѣка, когда людей занимало «зрѣлище титанической вѣковой борьбы свѣта и тьмы, высокихъ идеаловъ человѣчества съ мракомъ невѣжества и зла»; словомъ, несомнѣнно, что произведенія нашего писателя заслуживали и заслуживаютъ внимательнаго отношенія критики. Между тѣмъ г. Данилевскій далеко не избалованъ нашей критикой: она очень скупилась на отзывы о его сочиненіяхъ.

Такъ въ 60-хъ годахъ, во время появленія такихъ крупныхъ художественныхъ произведеній, какъ «Бѣглые въ Новороссіи», «Воля» и «Новыя мѣста», ни одинъ изъ тогдашнихъ либеральныхъ критиковъ-публицистовъ не обмолвился о Г. П. Данилевскомъ ни словомъ. Между тѣмъ эта интересная, очень талантливо и свѣжо написанная, художественная трилогія-эпопея изъ быта Новороссіи заслуживала подробнаго разбора. Правда, эта трилогія нашла въ одномъ критикѣ сочувственнаго и проницательнаго цѣнителя [1]), но, къ сожалѣнію, этотъ критикъ по недоразумѣнію не пользовался большой популярностью среди поклонниковъ «Современника» и «Русскаго Слова», и, кромѣ того, одна ласточка (конечно, съ точки зрѣнія публики) весны не дѣлаетъ. Только черезъ двадцать почти лѣтъ, въ 1886 году, въ «Русской Мысли», П. П. Сокальскій, извѣстный музыкантъ, авторъ изслѣдованія о русской народной пѣснѣ, написавшій вмѣстѣ съ тѣмъ много талантливыхъ статей по искусству вообще и въ частности литературно-критическихъ этюдовъ, напомнилъ въ обширной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Поэзія труда и борьбы», объ этихъ выдающихся произведеніяхъ маститаго писателя. Г. Сокальскій высказалъ много вѣрныхъ и тонкихъ замѣчаній, по достоинству, съ несомнѣннымъ эстетическимъ чутьемъ, оцѣнивъ замѣчательную эпопею о бѣглыхъ. Но опять-таки г. Данилевскій услышалъ справедливый отзывъ изъ устъ не присяжнаго критика: присяжные критики продолжали безмолвствовать.

Слѣдующій большой романъ г. Данилевскаго «Девятый валъ»— также былъ встрѣченъ присяжной критикой очень холодно, если не считать весьма немногихъ отзывовъ столичной и провинціальной печати; лучшимъ же отзывомъ о «Девятомъ валѣ» является отзывъ того же П. П. Сокальскаго.

Мало измѣнились отношенія присяжной критики къ Г. П. Данилевскому и тогда, когда онъ послѣ бытовыхъ романовъ обра-

---

[1]) Мы говоримъ о Н. И. Соловьевѣ, сотрудникѣ «Времени» и «Эпохи». См. его «Искусство и жизнь», 1869 года, ч. III, стр. 214—257.

тился съ большимъ успѣхомъ къ историческому роману и вскорѣ занялъ здѣсь тоже очень видное мѣсто, непосредственно за геніальнымъ творцомъ «Войны и мира». Въ большинствѣ случаевъ присяжная критика и объ историческихъ романахъ почтеннаго автора говорила какъ-то вскользь, въ видѣ небольшихъ рецензій, или даже совсѣмъ молчала. Отмѣчая такую рѣзкую разницу въ отношеніяхъ къ Г. П. Данилевскому критики и публики, нужно, къ сожалѣнію, признать, что подобный фактъ далеко не единственный: многіе талантливые представители литературы 60-хъ годовъ обойдены нашей присяжной критикой. Много ли написано о Мельниковѣ-Печерскомъ, Писемскомъ и другихъ выдающихся беллетристахъ? Были ли оцѣнены они при жизни по достоинству?

Такимъ образомъ, очевидно, что русская критика въ долгу предъ Г. П. Данилевскимъ; она ни разу не попыталась сдѣлать обстоятельной характеристики всѣхъ беллетристическихъ работъ выдающагося художника, вмѣстѣ съ характеристикой его таланта, пріемовъ письма, съ цѣлью опредѣленія какъ мѣста, занимаемаго авторомъ въ русской литературѣ, такъ и общественнаго значенія его произведеній. Эпизодически высказывалось нѣкоторыми критиками—назовемъ изъ русскихъ—Н. И. Соловьева, П. П. Сокальскаго, А. П. Милюкова, А. М. Скабичевскаго, В. В. Чуйко и отчасти В. П. Буренина, и изъ иностранцевъ—польскаго романиста Крашевскаго, Арсена Гуссэ, Ф. Лебенштейна, переводчика сочиненій г. Данилевскаго на нѣмецкій языкъ,—много вѣрнаго и дѣльнаго; общей же характеристики всей литературной дѣятельности почтеннаго романиста еще нѣтъ, и мы намѣреваемся сдѣлать опытъ такой характеристики, пользуясь выходомъ въ свѣтъ шестаго изданія его сочиненій. При этомъ мы будемъ указывать на раньше сдѣланные отзывы русской и иностранной критики.

II.

Начнемъ съ общей характеристики таланта Г. П. Данилевскаго. По вѣрному замѣчанію г. Сокальскаго [1]) онъ принадлежитъ къ писателямъ объективнымъ, художникамъ pur-sang, для которыхъ пластика фигуръ или бытовыя стороны дороже музыки внутренней жизни человѣка. Къ такимъ писателямъ г. Сокальскій относилъ, между прочимъ, и Гончарова (наиболѣе типичнаго въ этомъ отношеніи), отчасти Островскаго и Писемскаго. Тотъ же Сокальскій въ другой своей статьѣ [2]), приводя отзывъ о Г. П. Данилевскомъ Крашевскаго («Данилевскій—говорилъ польскій романистъ—для меня

[1]) См. «Одесскій Вѣстникъ», № 13, 1875 г., статья о «Девятомъ валѣ».
[2]) «Поэзія труда и борьбы», «Русская Мысль», 1886 г., №№ 11 и 12.

не имѣетъ артистической законченности и прелести Тургенева, но его талантъ иного рода и никакъ не меньшей силы), — замѣчаетъ, что свойства таланта нашего автора не заключаютъ въ себѣ кое-чего изъ того, что нужно было для привычныхъ эффектовъ въ нашей литературѣ. Талантъ Г. П. Данилевскаго идетъ не столько въ глубь, сколько въ ширь, и не останавливается надъ подробнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ и мыслей изображаемыхъ лицъ; всѣ они у него въ движеніи, въ дѣйствіи, и характеризуются не столько разсужденіями, сколько поступками. Иногда движенія этого у талантливаго романиста слишкомъ даже много, и авторъ вдается въ такія внѣшнія подробности, безъ которыхъ можно было бы и обойтись, разъ лицо поставлено ясно и вѣрно. Эти и нѣкоторыя другія стороны его таланта, составляющія какъ бы оборотную сторону его лучшихъ, сильныхъ сторонъ, способствовали тому мнѣнію, будто авторъ за большимъ внѣшнимъ движеніемъ скрываетъ свое міросозерцаніе и свои идеалы. Эпическая сторона какъ будто преобладала, а за нею уже мало выступалъ современный интеллектъ, его недуги и волнующіе общество вопросы. Такое мнѣніе, какъ мы увидимъ ниже, является совершеннымъ недоразумѣніемъ, ибо въ бытовыхъ романахъ Г. П. Данилевскаго выступаетъ и «современный интеллектъ», и художественно разработываются «волнующіе общество вопросы», и даются, наконецъ, авторомъ отвѣты на эти вопросы. Другое, конечно, дѣло — удовлетворяли ли эти отвѣты тогдашнихъ критиковъ.

Еще въ 60-хъ годахъ Н. И. Соловьевымъ было замѣчено, что если Г. П. Данилевскій, какъ художникъ и рисовальщикъ характеровъ, уступитъ нѣкоторымъ изъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ, то какъ разсказчикъ и пейзажистъ, онъ хорошъ безъ всякаго сравненія. Разсказъ автора обыкновенно бываетъ простъ и оживленъ, сплошь интересенъ и подчасъ полонъ тревоги, безъ всякой утрировки. Манера долго не останавливаться надъ пейзажами, а переплетать ихъ съ нитью разсказа придаетъ много прелести и оригинальности слегка торопливому и порывистому слогу. Эта торопливость многое оставляетъ недодѣланнымъ, но черезъ нее же роману сообщается много непосредственности, жизни и свѣжести, много драматическаго оживленія. То же самое подтверждаетъ и позднѣйшая критика [1]), говоря, что выдающеюся особенностью Г. П. Данилевскаго, столь рѣдко встрѣчающеюся между нашими беллетристами, является способность пріискать интересную канву и любопытную, иногда очень сложную, фабулу, которая, однако, служитъ автору для развитія основной, общественной идеи, всегда положенной въ его беллетристическомъ произведеніи. Почти первокласный описательный талантъ, по справедливому мнѣнію того же критика, нашъ

[1]) См. статью В. Чуйко, «Новости», 1882 г., № 13.

романисть умѣетъ очень ловко, мѣтко, характерно анализировать общественныя движенія. Въ изображеніи же типовъ у Г. П. Данилевскаго замѣтны не столько психическій анализъ, сколько отношенія личности къ обществу и, такимъ образомъ, характеры въ его произведеніяхъ живо рисуются въ воображеніи читателя и остаются въ памяти, какъ извѣстные критическіе моменты общественнаго движенія. Что же касается до русскаго пейзажа, то онъ въ полномъ смыслѣ имѣетъ въ Г. П. Данилевскомъ своего поэта, художественно воспѣвшаго своеобразныя красоты южной природы и Новороссіи. «Обширныя степи, — говоритъ г. Сокальскій [1]), — окаймляющія югъ и юговостокъ Россіи со стороны черноморскаго побережья, Дона и Волги, вдохновили автора на многія прелестныя и глубоко-прочувствованныя описанія, которыя частью перешли и въ русскія хрестоматіи». Кромѣ того, въ произведеніяхъ Г. П. Данилевскаго разсыпано не мало мастерскихъ описаній, какъ-то: Петербурга (напримѣръ, въ романѣ «Мировичъ»), Москвы (въ «Сожженной Москвѣ»), внутренней Россіи (напримѣръ въ «Девятомъ валѣ»), Средней Азіи и другихъ мѣстностей. Выдающійся описательный талантъ автора сказывается также и въ искусной рисовкѣ особенностей бытовой жизни: общій фонъ картины во всѣхъ произведеніяхъ Г. П. Данилевскаго обыкновенно бываетъ вырисованъ прекрасно. Ко всему сказанному намъ остается еще прибавить, что авторъ одаренъ большимъ художественнымъ чувствомъ мѣры (котораго, напримѣръ, было мало даже у Достоевскаго) и, благодаря этому весьма цѣнному во всякомъ писателѣ качеству, въ большинствѣ его романовъ дѣйствіе развивается быстро, безъ остановокъ и скачковъ, интересъ овладѣваетъ читателемъ съ первой главы романа, не покидая его до послѣдней, не большія главы не утомляютъ и всякая сцена подвигаетъ дѣйствіе къ развязкѣ. Наконецъ, Г. П. Данилевскій всегда облекаетъ свои произведенія въ изящную форму, тщательно отдѣлываетъ ихъ, и поэтому языкъ въ его созданіяхъ обыкновенно блещетъ образной красивостью и характерной мѣткостью. Всѣ эти цѣнныя и солидныя качества автора свидѣтельствуютъ о его духовномъ родствѣ съ знаменитой плеядой русскихъ художниковъ-беллетристовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, свято хранившихъ художественные завѣты геніальныхъ родоначальниковъ нашего реализма — Пушкина и Гоголя. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію бытовыхъ и историческихъ романовъ Г. П. Данилевскаго.

---

[1]) См. его статью въ «Рус. Мысли», 1886 года.

III.

Мы уже упоминали, что художественная трилогія-эпопея изъ быта Новороссіи, нашла въ г. Соловьевѣ проницательнаго и безпристрастнаго судью. Дѣйствительно, никто такъ мѣтко не оцѣнилъ общественнаго значенія этихъ произведеній Г. П. Данилевскаго. Соловьевъ говорилъ, что всѣ три романа имѣютъ между собой органическую связь и сквозь ихъ пеструю ткань проглядываетъ общій типъ, имя которому дѣловой человѣкъ.

Такимъ образомъ, въ романахъ автора выражался какъ бы отвѣтъ на многія тургеневскія произведенія. Тургеневъ рядомъ блестящихъ разсказовъ показалъ, что русскій образованный человѣкъ въ большей части случаевъ не знаетъ еще, что дѣлать и поэтому чувствуетъ себя какъ бы лишнимъ на свѣтѣ; Тургеневъ художественнымъ изображеніемъ своихъ лишнихъ людей ставилъ вопросы; Г. П. Данилевскій отвѣчалъ на нихъ и чуть ли не удачнѣе другихъ. Когда дѣло дошло до изображенія дѣлового человѣка, то напр., Гончаровъ показалъ намъ нѣмца, который много и ѣздитъ, и суетится, предпринимаетъ и дѣлаетъ, но что именно и какъ—неизвѣстно. Между тѣмъ, нашъ авторъ представилъ цѣлый рядъ картинъ, гдѣ до тонкости разобрана «физіологія и паталогія труда». До сихъ поръ, говорилъ Соловьевъ, русскій дѣловой человѣкъ былъ по преимуществу сѣверяниномъ; Данилевскій же указываетъ ему на югъ, на болѣе производительныя и болѣе благодатныя мѣста Россіи. Все это, однако, вставленное въ поэтическую рамку картинъ юга, отнюдь не имѣетъ тенденціознаго характера. Авторъ своей трилогіей образно высказалъ недовольному дѣйствительностью лишнему человѣку, что единственное средство спасенія для него—бѣжать вонъ изъ Петербурга, въ глушь непочатыхъ и невоздѣланныхъ земель Россіи. Всѣ главныя дѣйствующія лица его бытовыхъ романовъ оказываются поэтому людьми бѣглыми, людьми не примирившимися съ условными формами современной цивилизаціи и потому ищущими дѣла и отдыха посреди дѣвственной природы. Не за границу такимъ образомъ звалъ даровитый романистъ лишнихъ людей, а на почву цѣлинной земли юга, въ Новороссію и Поволжскій край—звалъ въ провинцію, гдѣ открывалось непочатое поле для самой пылкой и предпріимчивой дѣятельности. «Умъ провинціи, жизнь областей» получили теперь такое же значеніе какъ и жизнь столицъ. Не то было въ началѣ 60-хъ годовъ. Тогда «Что дѣлать?» было жгучимъ вопросомъ; романъ, появившійся подъ этимъ заглавіемъ и попавшій въ самый нервъ времени, имѣлъ по недоразумѣнію большой успѣхъ. Надъ этимъ же вопросомъ, мучавшимъ общество 60-хъ годовъ, остановился и Г. П. Данилевскій и первый правильно отвѣтилъ на него,

въ особенности въ романѣ «Новыя мѣста». Публицистическая же критика 60-хъ годовъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не поняла этого глубокаго общественнаго значенія первыхъ большихъ бытовыхъ романовъ автора: они казались ей слишкомъ спеціальными по мѣсту дѣйствія и выведеннымъ лицамъ, такъ что въ началѣ ихъ даже окрестили особымъ названіемъ или родомъ въ литературѣ— «художественною этнографіей». Причины такого печальнаго непониманія публицистической критикой, отличавшейся односторонностью и нетерпимостью и державшейся «кружковаго» направленія, бытовыхъ произведеній Г. П. Данилевскаго прекрасно объясняетъ г. Сокальскій въ статьѣ «Поэзія труда и борьбы». Критики 60-хъ годовъ привыкли, чтобы герои нашихъ романистовъ были людьми теоріи. Между тѣмъ, дѣйствующія лица бытовыхъ романовъ г. Данилевскаго являются главнымъ образомъ людьми дѣйствія. Они не грызутъ ни себя, ни другихъ, тонко поставленными психологическими вопросами и болѣзненно-капризными желаніями; они не одарены никакими сильными страстями и талантами, способными импонировать толпѣ и произвести эффектъ даже своими пороками. Это, большею частью, все люди средніе, здоровые, которые хотятъ жить, дѣйствовать и завоевывать свое законное мѣсто на жизненномъ пиру не рефлексіей, а упорнымъ трудомъ, не порывая связей съ своими убѣжденіями о добрѣ и злѣ, не теряя нравственнаго начала. Матеріальныя блага жизни имѣютъ для нихъ цѣнность, а «гамлетствованіе» никакой. Въ нихъ пробуждено чувство личности и есть охота постоять за себя на базарѣ житейской суеты. У однихъ изъ нихъ главная цѣль—свобода, у другихъ—нажива, у третьихъ—та гармонія жизни, соотвѣтстіе внутренней жизни съ внѣшними условіями, которой равно добивается и король, и послѣдній нищій. Такимъ образомъ, въ своихъ бытовыхъ произведеніяхъ Г. П. Данилевскій явился истиннымъ поэтомъ труда и борьбы, и г. Сокальскій своимъ заглавіемъ очень мѣтко опредѣлилъ сущность творчества автора и его отношеніе къ общественнымъ вопросамъ.

На заселеніе юга Россіи огромное вліяніе имѣли бѣглые. «Бѣглыми, говоритъ авторъ, здѣсь земля стала... Ростовъ, Маріуполь, Таганрогъ, всѣ эти города заселены потомками бѣглыхъ». Привольныя степи служили убѣжищемъ отъ крѣпостного права. Набѣгавшись вволю и наработавшись посреди степного простора, бѣглые нерѣдко опять возвращались подъ прежнее ярмо. И въ этомъ-то безпрерывномъ движеніи на югъ и обратно жаждущей воли народной толпы, движеніи, обставленномъ массою характерныхъ случайностей и мѣстныхъ картинъ природы, и заключается интрига романа «Бѣглые въ Новороссіи». Тутъ же рядомъ съ бѣглыми являются на сцену и піонеры-плантаторы этихъ русскихъ Массачузетовъ и Кентукки, «бѣлые эксплуататоры» этихъ «бѣлыхъ

негровъ», — тоже бѣглые, но высшаго полета, искавшіе быстрой наживы. Представителемъ этихъ послѣднихъ былъ отставной гвардейскій полковникъ Панчуковскій, взбалмошный аферистъ, сластолюбецъ, жуиръ и шикарь. Нѣмецъ Шульцвейнъ, колонистъ-милліонеръ, владѣющій чуть не полгерцогствомъ степной земли,—другой противоположный полюсъ дѣловыхъ людей. «Бѣлые негры»— это бѣглые Милороденко и Левенчукъ, сангвиникъ и флегматикъ, одинъ—тертый калачъ, бывшій лакей, гуляка, прожигающій жизнь въ смѣлыхъ похожденіяхъ; другой—натура сосредоточенная, трудолюбивая, склонная къ постоянной любви и семейному очагу. Не малую роль въ романѣ играетъ красавица Оксана, воспитанница отца Павладія и невѣста Левенчука, похищенная Панчуковскимъ. Главный интересъ интриги романа сосредоточивается на освобожденіи Оксаны Левенчукомъ при помощи Милороденки, поступившаго къ Панчуковскому лакеемъ и успѣвшаго втереться къ нему въ довѣренность. Бѣглые грабятъ его, убѣгаютъ въ степь, ихъ преслѣдуютъ до самыхъ гирлъ Дона, но тщетно: бѣглецы счастливо отдѣлываются отъ преслѣдованія. По вѣрному замѣчанію г. Сокальскаго, автору въ высшей степени удался типъ отца Павладія, истиннаго пастыря бѣглыхъ и степей,—одна изъ рѣдкихъ фигуръ въ нашей литературѣ. Въ лицѣ отца Павладія русскій сельскій священникъ получилъ самое симпатичное воплощеніе; позднѣе въ 70-хъ годахъ, Н. С. Лѣсковъ въ «Соборянахъ», въ лицѣ отца Туберозова, познакомилъ русскихъ читателей съ другимъ тоже превосходнымъ типомъ симпатичнаго пастыря, но уже городского. Г. П. Данилевскій такимъ образомъ, первый въ нашей литературѣ изобразилъ этотъ симпатичный типъ и показалъ его въ нѣсколькихъ варіаціяхъ: таковые же отецъ Смарагдъ въ «Волѣ» и отецъ Адріанъ въ «Девятомъ валѣ». Вообще «Бѣглые въ Новороссіи» въ художественномъ отношеніи — лучшая часть всей трилогіи-эпопеи бѣглыхъ рабочихъ.

Въ романѣ «Воля» мы видимъ первые робкіе шаги реформенной Россіи въ схваткѣ со старымъ строемъ. Мѣсто дѣйствія романа въ юго-восточномъ углу Россіи, у береговъ Волги. На фонѣ мастерскаго пейзажа Приволжья и сосѣднихъ деревень, нарисована большая картина нравовъ дореформеннаго общества, встрѣчающаго, по выраженію Сокальскаго, «первые лучи освободительной политики». Цѣлая галлерея дѣйствующихъ лицъ, весьма характерно и искусно очерченныхъ, мастерскія жанровыя картинки провинціальной жизни, художественныя описанія природы — все это дѣлаетъ романъ очень интереснымъ. Но, по справедливому замѣчанію Сокальскаго, полотно картины такъ велико, что въ массѣ подробностей и внѣшняго движенія утрачивается рельефъ, основная идея романа. Два главныхъ лица,—отставной генералъ Рубашкинъ, въ которомъ на склонѣ лѣтъ пробудилась потребность реальной жизни

въ деревнѣ, вдали отъ перьевъ и чернилъ, и бѣглый молодой крестьянинъ Илья Танцуръ, вернувшійся на родину для вольнаго труда на вольной землѣ, въ своемъ вольномъ мірѣ крестьянства,— по мнѣнію Сокальскаго недостаточно интересны. Первый — слабъ и нерѣшителенъ для того, чтобы выдержать борьбу со старымъ строемъ и найти гармонію жизни въ трудѣ надъ землею; послѣ ряда неудачъ Рубашкинъ бѣжитъ обратно изъ провинціи въ Петербургъ, въ департаментъ. Второй — даровитый, свободолюбивый крестьянинъ, падаетъ жертвою своего непониманія новаго закона «о волѣ», составивъ себѣ о ней нѣсколько идеальное представленіе. По цѣльности характера это безспорно выдающаяся фигура въ романѣ; но, по замѣчанію Сокальскаго, онъ скорѣе нуженъ для фабулы романа, а фабула нужна какъ цементъ, связывающій въ одно цѣлое данную эпоху, разрозненные эпизоды борьбы стараго строя съ новымъ. Такимъ образомъ, главнымъ героемъ остается мастерская картина непроходимаго взяточничества и печальныхъ провинціальныхъ порядковъ, порожденныхъ союзомъ мелкой бюрократіи съ мѣстными землевладѣльцами.

Если въ двухъ этихъ романахъ авторъ нарисовалъ двухъ представителей отрицательнаго типа «дѣловыхъ людей» (Панчуковскаго — всецѣло рыцаря наживы, и Рубашкина—человѣка стараго поколѣнія, непригоднаго для новой жизни), то въ «Новыхъ мѣстахъ» сдѣлана весьма даровитая попытка нарисовать нарождавшійся положительный типъ интелигентнаго земледѣльца, человѣка, старавшагося примирить интелигенцію съ физическимъ трудомъ, производительную дѣятельность съ служеніемъ обществу и народу. Мы говоримъ о героѣ романа—Чулковѣ. Въ этомъ же романѣ нарисована блестящая картина разлагающагося дворянства стараго склада, главнымъ образомъ въ лицѣ Музыкантова. Всѣ разнообразныя дѣйствующія лица романа группируются около двухъ главныхъ центровъ — Чулкова и Музыкантова, предводителя дворянства, и оттого романъ пріобрѣтаетъ искусную симметричность. Рядомъ съ идилліей въ степи, гдѣ поселяется и работаетъ Чулковъ, авторъ рисуетъ мелодраму, главную роль въ которой играетъ Музыкантовъ, этотъ промотавшійся жуиръ, бонвиванъ и глава поддѣлывателей фальшивыхъ ассигнацій. Въ этомъ сопоставленіи идилліи съ мелодрамой — общественная идея романа, встрѣча двухъ складовъ понятій и стремленій: стараго и новаго. Вся окружающая Музыкантова компанія, въ томъ числѣ и сынъ его Вава, и Еня Разноцвѣтовъ, вполнѣ раздѣляетъ его мысли о цѣли всей жизни— наживѣ легкимъ способомъ, не стѣсняясь средствами. Эта картина разложенія дворянства наполняетъ большую часть романа, развѣтвляясь на нѣсколько эпизодовъ: открытіе шайки поддѣлывателей фальшивой монеты, подкопъ подъ губернское казначейство, учиненный компаніей молодыхъ соврасовъ, и смертную казнь Ени

Разноцвѣтова, которой предшествуетъ мастерское драматическое описаніе послѣднихъ дней и минутъ осужденнаго.

Съ другой стороны, рядъ лицъ группируется около Чулкова, и во главѣ ихъ вѣрный другъ и помощникъ молодого колониста, отставной офицеръ и старый романтикъ, Ипполитъ Гуслевъ, примкнувшій къ новому человѣку труда и свободы. Это лицо вполнѣ удалось нашему автору и вообще всѣ характеры главныхъ лицъ задуманы положительно прекрасно, особенно характеръ Чулкова. «И если бы, по замѣчанію г. Соловьева, побольше психологическаго анализа, побольше заглядыванія въ душу каждаго героя, то лица эти еще болѣе бы высунулись и заслонили бы собою многое множество гораздо менѣе удачно-задуманныхъ въ нашей беллетристикѣ образовъ». Отрицательные типы (это, впрочемъ, почти общая судьба всѣхъ выдающихся русскихъ беллетристовъ-художниковъ) удались автору вообще лучше положительныхъ: въ изображеніи послѣднихъ виденъ болѣе публицистъ, чѣмъ художникъ. По замѣчанію Сокольскаго, и здѣсь видѣнъ талантъ отличнаго пейзажиста, разсказчика, бытописателя, широкоглядящаго публициста, но художникъ расточилъ свои дары на отдѣльные эпизоды, не освѣтивъ главнаго. Чулковъ нарисованъ точно безъ натурщика, силою одного воображенія: оттого онъ не ярокъ и имя его не сдѣлалось нарицательнымъ.

Послѣдній изъ современныхъ романовъ Г. П. Данилевскаго,— «Девятый валъ»—появившійся въ 1873 году, является вмѣстѣ съ тѣмъ и обширнѣйшимъ. Въ немъ также изображаются два противоположныхъ склада понятій и стремленій, два міра, старый и новый, въ тѣсномъ сплетеніи съ романомъ и семейной драмой. Въ романѣ, по вѣрному замѣчанію Сокальскаго, два теченія: одно ведетъ насъ за стѣны монастырской ограды, къ игуменьѣ женскаго монастыря Измарагдѣ, отъ котораго идутъ притягательныя нити къ семейству помѣщика Вечерѣева, особенно же къ его дочери Аглаѣ. Другое ведетъ насъ въ городъ, въ центръ борьбы земскихъ элементовъ въ провинціи, захваченной реформами и наплывомъ новыхъ предпріятій. Изъ числа искреннихъ сторонниковъ реформъ особенно хорошо очерченъ авторомъ молодой предсѣдатель земской управы Милунчиковъ; изъ отрицательныхъ типовъ, старательно вылавливающихъ въ мутной водѣ взбаламученнаго моря рыбу, весьма талантливо обрисованъ прожектеръ, циникъ и безграничный эгоистъ Клочковъ, за нимъ Талищевъ съ сыновьями и другіе мѣстные помѣщики (мѣсто дѣйствія—одна изъ южныхъ губерній, время—конецъ 60-хъ годовъ). Но по выдающейся художественной отдѣлкѣ ярче всѣхъ выступаетъ игуменья Измарагда, нарисованная замѣчательно сочной, увѣренно-твердой и мѣткой кистью. Мастерское описаніе внутренней жизни женскаго монастыря, полное интереса и новизны, составляетъ также одно изъ лучшихъ мѣстъ романа. Съ этимъ согласна и иностранная критика (вообще по справедливости оцѣнив-

шая талантъ Г. П. Данилевскаго), говоря, что «мать Измарагда представляетъ поистинѣ геніальное созданіе, нѣчто въ родѣ монастырской королевы» [1]).

Менѣе законченными образами представляются, по мнѣнію всѣхъ критиковъ «Девятаго вала», герой романа—Ветлугинъ и героиня—Аглая. Послѣдняя обрисована ярче перваго и оставляетъ въ читателѣ болѣе цѣльное впечатлѣніе. Это дѣвушка скрытная, сосредоточенная и страстная, отдавшаяся своему обѣту, своей вѣрѣ въ истину и спасеніе со всѣмъ пыломъ молодой фанатички, ищущей правды жизни. Автору дѣлали упреки за неожиданный конецъ романа: Аглая, выйдя изъ монастыря уже сговоренная за Ветлугина, внезапно ночью бросается въ прудъ, когда, казалось, все улыбалось будущимъ счастьемъ. Г. Сокальскій очень вѣрно замѣчаетъ, что при исключительной натурѣ Аглаи такая развязка правдоподобна, ибо молодость къ ханжеству не способна. Въ монастырѣ ее обманули; сгоряча она бросилась въ другую сторону и дала обѣтъ любви; но внутри ея переломъ былъ такъ великъ, что она сдѣлалась уже неспособной къ новой вѣрѣ въ счастье и любовь. Аглая такъ и осталась «Христовой невѣстой», вѣрной первому обѣту, и съ нимъ покинула земную жизнь.

Въ лицѣ Ветлугина даровитый романистъ сдѣлалъ эскизъ новаго, народившагося въ концѣ 60-хъ годовъ, типа. По остроумному замѣчанію г. Сокальскаго [2]), авторъ въ своемъ «Девятомъ валѣ» даетъ намъ въ pendant къ прежней «обломовщинѣ»—ветлуговщину, умѣнье трудиться и настойчиво стремиться къ своей цѣли, тщательно скрывать свои слабости и недостатки, такъ чтобы прослыть за добродѣтельнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за либеральнаго человѣка, умѣнье сохранить свой аппетитъ и апломбъ, прикидываясь однакоже «страдальцемъ» за прогрессъ, и въ концѣ концовъ—сдѣлаться помѣщикомъ и мужемъ хорошенькой, богатой жены. Неуспѣхъ же этого типа въ публикѣ объясняется съ одной стороны его несимпатичностью, а съ другой стороны недодѣланностью въ художественномъ отношеніи. Не смотря на все это, «Девятый валъ» и другіе бытовые романы Г. П. Данилевскаго принадлежатъ къ выдающимся художественнымъ произведеніямъ и еще долго съ интересомъ будутъ перечитываться.

IV.

Прослѣдивъ современнаго культурнаго человѣка въ его поворотѣ къ труду и практической дѣятельности, Г. П. Данилевскій въ періодъ времени между «Новыми мѣстами» и «Девятымъ валомъ»

[1]) См. вып. 751 «Universal Bibliothek», 1875 г. «Die Nonnenkloester in Russland» von Ph. Loebenstein.

[2]) См. «Одесскій Вѣстникъ», 1875 г., № 13.

написалъ свои прелестные, художественные разсказы изъ украинской жизни предковъ. Это былъ переходъ къ историческимъ романамъ, хотя первая попытка (и весьма удачная) въ историческомъ жанрѣ была сдѣлана авторомъ еще въ 1856 году, когда имъ были написаны два разсказа изъ временъ царя Алексѣя Михайловича— «Вечеръ въ теремѣ» и «Первый выпускъ сокола». Послѣ же 1873 года, талантливый романистъ окончательно прощается съ современной жизнью, и съ этого времени непрерывно слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ и повѣстей. Историческія произведенія Г. П. Данилевскаго проводятъ передъ нами въ художественной формѣ почти всю новую исторію новой, интелигентной Россіи. Авторъ большой знатокъ XVIII вѣка и главнымъ образомъ изъ него черпаетъ содержаніе для художественнаго воспроизведенія нашего прошлаго. Таковы его историческіе разсказы и повѣсти — «На Индію при Петрѣ I», «Потемкинъ на Дунаѣ», «Екатерина Великая на Днѣпрѣ», «Уманская рѣзня» (Послѣдніе запорожцы)—изъ эпохи Петра I-го и Екатерины II; таковы же его большіе романы—«Мировичъ», «Княжна Тараканова» и «Черный годъ» — изъ эпохи Елисаветы Петровны, Петра III и Екатерины II.—Началу XIX столѣтія посвященъ романъ «Сожженная Москва» и отрывки изъ романа «Восемьсотъ двадцать пятый годъ»—изъ эпохи Александра I. Такимъ образомъ, предъ воображеніемъ читателя возстаютъ совершенно живыми мѣтко очерченныя, самыя крупныя фигуры петербургскаго періода русской исторіи: Петръ I, Екатерина II, Петръ III, Павелъ, Александръ I, Биронъ, Минихъ, Потемкинъ, Орловъ, Разумовскій, Шуваловъ, Суворовъ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Наполеонъ I, Пушкинъ, Аракчеевъ и др. Всѣ они, захваченные событіями своей эпохи, обрисованные въ интимной обстановкѣ, среди мастерской по замыслу и техникѣ интриги, дѣлаютъ самые длинные романы увлекательнымъ и занимательнымъ чтеніемъ.

Разсказы изъ царствованія Алексѣя Михайловича относятся къ его женитьбѣ на Милославской, въ началѣ царствованія, и къ первымъ попыткамъ ознакомиться съ цивилизаціей Запада въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Во второмъ разсказѣ приводится интересная повѣсть о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень «Янъ побѣдилъ печенѣжина». Въ повѣсти «На Индію при Петрѣ I», по вѣрному замѣчанію А. П. Милюкова [1]), авторъ, воспользовавшись многочисленными достовѣрными матеріалами, съ одной стороны показалъ настоящій характеръ видовъ Петра I на Среднюю Азію и далекую Индію, а съ другой представилъ вѣрную картину неудачнаго и печальнаго по своимъ послѣдствіямъ хивинскаго похода князя Бековича. Все это связано романическою интри-

---

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1885 г., № 152.

гою, обставленною бытовыми особенностями той эпохи, чтò еще болѣе усиливаетъ занимательность разсказа. Многіе эпизоды повѣсти, какъ напримѣръ, переходъ русскаго отряда песчаными степями и коварное избіеніе его хивинцами послѣ заключенія трактата, по вѣрному замѣчанію г. Милюкова, отличаются художественною правдою и полнотою. Самые характеры Петра и Бековича обрисованы очень удачно. Другая, не менѣе интересная повѣсть Г. П. Данилевскаго — «Потемкинъ на Дунаѣ» — представляетъ рядъ картинъ изъ эпохи второй турецкой войны, своеобразную жизнь Потемкина въ Яссахъ и его смерть, знаменитый штурмъ Измаила и другіе эпизоды этой славной, хотя и безплодной кампаніи. Въ числѣ историческихъ лицъ, выведенныхъ въ разсказѣ, особенно живо, по замѣчанію А. П. Милюкова, очерчены самъ Потемкинъ и Суворовъ. Въ повѣсти «Екатерина Великая на Днѣпрѣ» очень живо, интересно разсказано знаменитое путешествіе императрицы въ 1787 году. Передъ читателемъ живо рисуются образы Іосифа II, Потемкина, Безбородко, стараго хохла видавшаго еще Петра I, и будущаго живописца Боровиковскаго. Наконецъ, повѣсть «Уманская рѣзня» (Послѣдніе запорожцы) рисуетъ страшную картину одного изъ кровавыхъ дѣлъ запорожцевъ, изъ исторіи вражды Малороссіи съ Польшею, за которымъ вскорѣ послѣдовало уничтоженіе Сѣчи и закрѣпощеніе Украйны.

Не смотря на всю талантливость только-что перечисленныхъ нами повѣстей и разсказовъ, разумѣется, не на нихъ зиждется слава Г. П. Данилевскаго, какъ историческаго романиста, по нашему мнѣнію, непосредственно стоящаго за геніальнымъ творцомъ «Войны и мира» [1]). Слава его зиждется на такихъ замѣчательныхъ романахъ какъ «Мировичъ», «Черный годъ», «Княжна Тараканова» и «Сожженная Москва». Въ этихъ романахъ вполнѣ сказались всѣ выдающіяся особенности нашего автора, дѣлающія его произведенія любимымъ чтеніемъ публики русской и иностранной, въ особенности нѣмецкой. Одною изъ главныхъ особенностей является въ высшей степени тщательное изученіе избраннаго для художественнаго изображенія вопроса. Стоитъ лишь пробѣжать, напримѣръ, авторскія примѣчанія къ роману «Мировичъ», чтобы понять, сколько было употреблено Г. П. Данилевскимъ подготовительнаго, усидчиваго труда на изученіе источниковъ для написанія этого замѣчательнаго произведенія. «Источниками для романа «Мировичъ»,—говоритъ нашъ авторъ [2]),—служили, кромѣ строго-историческихъ и оффиціальныхъ свѣдѣній, различные, изданные и неизданные, частные матеріалы: записки, дневники, воспоминанія и

---

[1]) См. по этому поводу согласный съ нами отзывъ въ «Illustrirte Zeitung» отъ 28 января, 1888 г., № 2326.

[2]) Т. I. Сочиненій, изд. 6-е, 1890 г., стр. 389 и слѣд.

письма нѣкоторыхъ изъ современниковъ той эпохи и ихъ ближайшихъ потомковъ. Къ числу послѣднихъ источниковъ относятся и преданія моей семьи... Въ главномъ, что составляетъ достояніе исторіи, я держался несомнѣнныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ массѣ печатнаго матеріала, изъ котораго у меня составилась по этому предмету цѣлая библіотека... Я пользовался также документами архива Шлиссельбургской крѣпости, бумагами Архангельскаго губернскаго правленія о брауншвейгскихъ ссыльныхъ, посѣтилъ Шлиссельбургъ, съ «каменнымъ мѣшкомъ», казематомъ Іоанна Антоновича въ Свѣтличной башнѣ, мызу Пеллу и родину Мировича». Всѣ вообще историческія произведенія Г. П. Данилевскаго создаются на основаніи самаго обстоятельнаго подготовительнаго изученія источниковъ. Это — очень рѣдкое и цѣнное качество, едва ли встрѣчающееся среди современныхъ русскихъ историческихъ романистовъ, пишущихъ по большей части по вдохновенію (мы не говоримъ, конечно, о графѣ Л. Н. Толстомъ). После сказаннаго, становится понятнымъ почему историческія произведенія нашего автора пріобрѣтаютъ особое значеніе: въ нихъ художественное творчество нераздѣльно сливается съ точнымъ изслѣдованіемъ, выдающійся талантъ беллетриста съ добросовѣстностью заправскаго историка. Кромѣ того, всѣ четыре большіе романы Г. П. Данилевскаго написаны въ видѣ историческихъ семейныхъ хроникъ, первоначальные образцы которыхъ далъ геній Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» и «Арапѣ Петра Великаго». Этимъ пріемомъ особенно даровито воспользовался, затѣмъ, графъ Л. Н. Толстой въ своей колоссальной эпопеѣ изъ Отечественной войны, преподавъ своимъ послѣдователямъ уроки реалистической рисовки историческихъ лицъ и событій сквозь призму бытовыхъ характеровъ и бытовой обстановки. Такой оригинальный складъ романовъ нашего автора также не мало увеличиваетъ ихъ занимательность. Лучшимъ изъ четырехъ большихъ романовъ Г. П. Данилевскаго является по общему мнѣнію, «Мировичъ», и это дѣйствительно вѣрно.

По справедливому отзыву критики[1]), авторъ необычайно живо возстановилъ фигуры Петра III, Екатерины II, Разумовскаго, Ломоносова, Панина, Миниха, Бестужева и многихъ другихъ сановниковъ того времени. Орловы вышли безподобны, кутежи ихъ у Дрезденши и Амбазарши полны самаго голландскаго реализма; описаніе этихъ кутежей, равно какъ и описаніе Петербурга того времени, являются мастерскими бытовыми картинами. Вполнѣ также удался автору и герой романа—Мировичъ. Это, по замѣчанію другого критика[2]), вполнѣ новый характеръ, отвѣчающій той странной безнравственной, наполненной противорѣчивыми броженіями и одѣ-

[1]) См. ст. Сокальскаго въ «Русской Мысли», 1880 г., № 11.

[2]) См. «Русскій Вѣстникъ» за 1879 г., № 9, ст. В. Г. Авсѣенко.

той въ какія-то маскарадныя краски эпохи, въ которую ему привелось дѣйствовать. Онъ человѣкъ вполнѣ безнравственный и безпринципный, но не сознательно, а потому что природа надѣлила его инстинктами и аппетитами, не получающими легальнаго удовлетворенія. Онъ человѣкъ вполнѣ ничтожный и, будучи въ сущности холоднымъ эгоистомъ съ самыми хищными инстинктами, Мировичъ постоянно воспламеняется гражданскими идеями, злобствуетъ на дурное правительство и ждетъ спасительнаго для отечества переворота. Онъ даже подогрѣваетъ въ себѣ чувство состраданья къ личному положенію Іоанна Антоновича, возмущаясь жестокостью его судьбы. Но рядомъ съ яркими фигурами тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, оба героя интриги, проведенной въ романѣ,—Мировичъ и любившая его дѣвушка, гордая, своенравная Поликсена,—нѣсколько блѣднѣютъ. Это происходитъ, вѣроятно, еще и потому, что интересъ романа сложный: въ немъ, по вѣрному замѣчанію Сокальскаго, съ большимъ техническимъ искусствомъ переплетены двѣ романическія интриги—Мировича и Поликсены, Петра III и Екатерины II. Вторая интрига отвлекаетъ вниманіе читателя отъ первой. Кромѣ того, авторъ помѣстилъ ихъ въ такую роскошную обстановку и окружилъ ихъ такою массою прекрасныхъ декорацій и бытовыхъ эпизодовъ, что интересъ собственно романа поглощенъ трагизмомъ событій, разнообразіемъ обстановки и нерѣдко прелестными описаніями природы. Поэтому-то главный интересъ романа и сосредоточивается на воспроизведеніи эпохи, а съ нею и колоссальныхъ фигуръ Екатерининскихъ временъ, переворота 1762 года и трагической жизни и смерти царственнаго узника, Іоанна Антоновича, который тоже удался автору (особенно замѣчательна сцена свиданія его съ Петромъ III), не смотря на чрезвычайно трудную задачу передать психологически правдиво совершенно исключительный характеръ человѣка, прожившаго отъ колыбели до могилы въ темницѣ. Мастерская громадная картина, нарисованная въ «Мировичѣ», вскорѣ обратила на себя вниманіе и критики иностранной: въ 1880 г. профессоръ Ходьзко читалъ о немъ лекціи въ Парижѣ, въ Collège de France, и въ этомъ же году романъ былъ переведенъ на языки нѣмецкій, французскій и чешскій.

Очень сочувственными отзывами критики русской и иностранной была встрѣчена талантливо и интересно разсказанная Г. П. Данилевскимъ печальная и трогательная исторія несчастной княжны Таракановой въ романѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Авторъ очень искусно первую часть обработалъ въ видѣ дневника нѣкоего лейтенанта Концова, который отличился при Чесьмѣ, былъ взятъ въ плѣнъ турками, долго томился въ плѣну, затѣмъ убѣжалъ, и французскій корабль доставилъ его въ Рагузу, гдѣ тогда жила княжна Тараканова, поддерживаемая княземъ Радзивиломъ. Концовъ случайно попадаетъ къ княжнѣ и, мало-по-малу, принимаетъ, хотя и

косвенное, участіе въ послѣдующей исторіи. Изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, изъ дѣтскихъ воспоминаній Концова, мы довольно близко знакомимся съ біографіей княжны: онъ и всѣ окружающіе считаютъ ее дочерью императрицы Елисаветы Петровны отъ тайнаго брака ея съ Разумовскимъ. Познакомившись съ Концовымъ въ Рагузѣ, княжна даетъ ему письмо къ Алексѣю Орлову, находившемуся тогда въ Болоньи, въ немилости. Орловъ пользуется случаемъ, совѣтуетъ княжнѣ пріѣхать въ Римъ, снабжаетъ ее деньгами; послѣ того, какъ Радзивиллъ ее покинулъ, сманиваетъ ее въ Болонью, притворяется влюбленнымъ, уговариваетъ ее выйти за него замужъ, затѣмъ ѣдетъ съ нею въ Ливорно, дѣлаетъ морской праздникъ, устраиваетъ фальшивое вѣнчаніе и здѣсь арестуетъ ее. На этомъ кончается дневникъ Концова. Одна часть эскадры съ княжной отправляется въ Петербургъ; другая съ Концовымъ гибнетъ въ океанѣ въ бурю. Остальная часть разсказа ведется отъ лица самого автора. Пріѣздъ въ Петербургъ, заключеніе княжны въ Алексѣевскій равелинъ, допросъ, ея болѣзнь, наконецъ, смерть—все это разсказано художественно и очень тепло. Хороша фигура княжны, но особенно удался автору Алексѣй Орловъ, этотъ, повидимому, распущенный гуляка, силачъ и весельчакъ, а на дѣлѣ хитрый интриганъ, для котораго не существовало никакихъ нравственныхъ принциповъ и который готовъ былъ на самое низкое дѣло для достиженія задуманной цѣли. Вообще въ этомъ романѣ, какъ въ двухъ послѣднихъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, Г. П. Данилевскій превосходно воспользовался имѣющимся историческимъ матеріаломъ.

Романы—«Сожженная Москва» и «Черный годъ»—служатъ лучшимъ доказательствомъ той мысли, что для талантливаго романиста нѣтъ старыхъ темъ. Не смотря на то, что Отечественная война послужила уже содержаніемъ для романа графа Л. Н. Толстого, а Пугачевскій бунтъ—для «Капитанской дочки» Пушкина и для «Пугачевцевъ» графа Саліаса, Г. П. Данилевскій съумѣлъ по своему изобразить эти двѣ интересныя и благодарныя для историческаго романиста эпохи, съумѣлъ подойти къ нимъ съ новыхъ сторонъ, вывести новыя типическія лица. Оба эти романа, также какъ и два предъидущія, понравились публикѣ и критикѣ. Написанные въ видѣ историческихъ семейныхъ хроникъ, искусно переплетенныхъ съ политическими событіями, они читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Въ томъ и другомъ романѣ автору равнымъ образомъ удались, по нашему мнѣнію, какъ семейная хроника, такъ и часть историческая. Въ «Сожженной Москвѣ» особенно замѣчателенъ типъ Авроры [1])—женщины-героя; во всей рус-

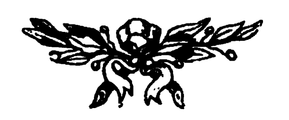
---

[1]) См. по этому поводу обстоятельную рецензію А. М. Скабичевскаго, «Новости», 1886 г., № 64.

ской литературѣ мы видимъ только одно изображеніе типа подобной женщины, именно въ неоконченномъ романѣ Пушкина «Рославлевъ», въ лицѣ Полины. Кромѣ этого совершенно новаго типа, авторъ рисуетъ и самого главнаго актера великой драмы—Наполеона, въ новыхъ, высшей степени реальныхъ чертахъ. Очень живо, тепло и задушевно написано нѣсколько сценъ, гдѣ выступаетъ простой народъ,—дворовые, крестьяне, солдатики. Такимъ образомъ, весь романъ, по словамъ одного критика [1]), «поражаетъ художественностью и исторической точностью образовъ, плодомъ глубокаго изученія эпохи и несомнѣнно большого оригинальнаго таланта, соединеннаго съ широкой обобщающей безпристрастной мыслью».

Этотъ отзывъ вполнѣ примѣнимъ и къ «Черному году». Здѣсь точно также вниманіе читателя привлекаетъ и повѣствованіе о судьбѣ семьи Дугановыхъ, и совершенно реально, безъ всякой идеализаціи, изображенная личность Пугачева, и правдиво, живо написанныя сцены «русскаго бунта безсмысленнаго и безпощаднаго», среди которыхъ, по мѣткому замѣчанію В. П. Буренина [2]), есть очень оригинальныя и глубокія по замыслу. Такова, напримѣръ, сцена расправы взбунтовавшихся крестьянъ съ своимъ помѣщикомъ-добрякомъ Лаптевымъ, повѣшеннымъ ими на воротахъ усадьбы. И такая сцена не единственная въ «Черномъ годѣ». Очень искусно Г. П. Данилевскій рисуетъ, по словамъ того же критика, Пугачева, первыя, еще неопредѣленныя и робкія попытки его страшнаго замысла и затѣмъ, то бѣшенный, то усталый разгулъ бунтаря, увлекаемаго непреоборимою силою кроваваго потока, захватившаго его. Также мастерски описана московская и отчасти петербургская жизнь тогдашней эпохи. Вообще «Черный годъ» мало чѣмъ уступаетъ «Мировичу» и такимъ образомъ, свидѣтельствуетъ о неувядающей свѣжести и полной силѣ таланта нашего автора, который, вѣроятно, къ общему удовольствію русской публики, подаритъ ее еще не однимъ выдающимся художественнымъ произведеніемъ.

С. Левинъ.

[1]) См. «Русское Богатство», 1886 г., № 4.

[2]) См. «Новое Время», 1889 г., № 4701, отъ 31-го марта.

ЖИВЫЯ СЛОВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО [1].

Недавно явившійся въ свѣтъ второй томъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго», изданный подъ редакціею неутомимаго академика А. Ѳ. Бычкова, подобно первому тому, полонъ живаго интереса и чрезвычайно важенъ для характеристики Великаго Преобразователя, какъ человѣка.

Собранныя въ этомъ томѣ письма относятся къ 1702—1703 гг. и представляютъ намъ Петра въ самый кипучій періодъ его дѣятельности—въ непрестанныхъ походахъ и разъѣздахъ, въ разгарѣ борьбы съ Швеціей, въ заботахъ о постройкѣ флота (въ Воронежѣ и на Ладогѣ) и объ укрѣпленіи мѣстностей, только-что отвоеванныхъ у шведовъ. Читая громадную массу писемъ и бумагъ, собственноручно написанныхъ или исправленныхъ Петромъ за это время, мы видимъ передъ собою человѣка, который не знаетъ ни сна, ни покоя, въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ намѣченной цѣли; видимъ человѣка, для котораго въ жизни существуетъ только одинъ главный, преобладающій надъ всѣми остальными, интересъ:—его государственная организаторская дѣятельность, которой онъ всецѣло посвящаетъ всѣ силы ума и генія, всю свою волю и неисчерпаемую энергію. Но изумительная геніальность Петра, на нашъ взглядъ, болѣе всего проявляется именно въ томъ, что онъ, среди всѣхъ своихъ трудовъ, заботъ, досадъ, неудачъ, побѣдъ, успѣховъ, хлопотъ и разсчетовъ—ни на минуту не перестаетъ быть **живымъ человѣкомъ**, не утрачиваетъ способности быть вѣр-

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ второй. (1702—1703). Спб. 1889.

нымъ и надежнымъ другомъ, добрымъ товарищемъ, остроумнымъ собесѣдникомъ и заботливымъ пріятелемъ. Онъ пишетъ и можетъ писать письма только по крайней нуждѣ, только «съ великимъ поспѣшеніемъ», только для того, чтобы «не замѣшкались» въ исполненіи его приказаній, чтобы все готовили «безъ всякаго мотчанья»— пишетъ, очевидно, разсчитывая каждое слово своего письма и каждую минуту своего драгоцѣннаго времени... И все же, въ немногихъ словахъ своихъ писемъ, писанныхъ съ поразительнымъ лаконизмомъ, успѣваетъ всегда вставить живое словечко, пріятное или радостное для того, кому писано письмо, и, въ большей части, обнаруживающее такія стороны духа въ Петрѣ, какія въ немъ трудно и предположить, не изучая этого великаго человѣка даже и въ самыхъ обыденныхъ, самыхъ ничтожныхъ мелочахъ его частной жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли себѣ представить, чтобы тотъ грозный Петръ, который постоянно являлся неумолимо-строгимъ ко всѣмъ своимъ сотрудникамъ и исполнителямъ его воли, который такъ непрерывно металъ громы на всѣхъ нерадивыхъ и неисправныхъ—въ то же время не только не отвергалъ веселья, но даже и другихъ къ нему поощрялъ?

Да, онъ и самъ любилъ повеселиться и даже охотно выслушивалъ разсказы о томъ, какъ его пріятели веселятся, его поминая и прославляя... Такъ, напримѣръ, извѣщая Ѳ. М. Апраксина о взятіи Ніеншанца, послѣ подробной и серьезной реляціи, Петръ прямо добавляетъ въ припискѣ:

«Я чаю, что сія вѣдомость вамъ пріятна будетъ; не извольте насъ забыть у Ивашки» [1]).

Точно также Петръ находитъ время извѣстить Меншикова шутливымъ письмомъ о заложеніи Ораніенбурга (нынѣ г. Раненбургъ) и даже подробно описать въ немъ, что̀ и какъ пили за обѣдомъ по случаю этого торжества.

«Меінъ герцъ!»—пишетъ Петръ,—«мы, по слову вашему, здѣсь, слава Богу, веселились довольно, не оставя ни единаго мѣста. Городъ, по благословенію Кіевскаго, именовали купно съ болверками и воротами, о чемъ послалъ я чертежъ при семъ письмѣ. А при благословеніи пили на 1 вино, на 2 секъ, на 3 ренское, на 4 пиво, на 5 медъ; у воротъ ренское, о чемъ доволѣе донесетъ доноситель сего письма. Все добро; только дай, дай, дай, Боже, видѣть васъ въ радости. Самъ знаешь.

«Послѣднія ворота Воронежскія совершили съ великою радостью, поминая грядущая».

---

[1]) Т. е. «не извольте насъ забыть, какъ будете пить», по поводу радостной вѣсти. «Ивашка» или Ивашка Хмельницкій, на языкѣ Петровыхъ писемъ, означаетъ вообще всякое пьянство и пированье.

Къ этому письму приложенъ рядъ собственноручныхъ подписей всѣхъ участниковъ пиршества, при чемъ многіе подписались тѣми прозвищами, которыя они носили въ «всешутѣйшемъ соборѣ». Сверхъ того, къ письму приложенъ сдѣланный рукою Петра чертежъ будущаго города, въ которомъ пять болверковъ (бастіоновъ) названы пятью чувствами (Зрѣніе, Осязаніе, Вкусъ и т. д.).

Да, среди непрестанныхъ и нескончаемыхъ трудовъ, Петръ даетъ мѣсто и веселью, и заботамъ о пріятныхъ мелочахъ жизни, видимо придавая имъ значеніе и отводя имъ опредѣленное мѣсто въ жизненномъ процессѣ. Такъ, между двумя письмами, изъ которыхъ въ одномъ онъ приказываетъ «рѣзать уши проклятымъ бѣглецамъ, сѣчь ихъ кнутомъ и ссылать въ Таганрогъ», а въ другомъ «требуетъ на спѣхъ лопатъ, кирокъ и мотыкъ, зѣло ему потребныхъ»,— Петръ проситъ Стрѣшнева отписать ему, «что̀ его любезнѣйшіе органы станутъ играть, и какіе танцы»; а немного спустя заботится о томъ, чтобы Стрѣшневъ выслалъ изъ с. Измайловскаго «зелья или коренья клубничнаго въ Азовъ», съ садовниками, которые бы могли тамъ клубнику «размножить»...

Духъ сильный, неоскудѣвающій ни въ замыслахъ, ни въ средствахъ къ ихъ выполненію, слышится въ каждой строкѣ этихъ коротенькихъ, энергическихъ, дѣловыхъ записочекъ Петра, у котораго все кипѣло, спорилось въ рукахъ, и который, неувлекаясь удачами, не хотѣлъ вѣрить въ неудачи, всегда предполагая въ основѣ ихъ или неумѣнье, или нерадѣнье.

«Колеса и станки (лафеты для пушекъ)»,—пишетъ Петръ Виніусу,—«точію тягостію желѣза [1]), кромѣ всякой крѣпости и ума, которые если бы сдѣланы были какъ надобно, то ни десятой бы доли не портились».

...«Я самъ многажды говорилъ Виніусу»—жалуется Петръ Ѳ. Ю. Ромодановскому, по поводу того же дѣла объ артиллерійскихъ заготовкахъ—«и онъ отвѣчалъ мнѣ Московскимъ тотчасомъ... Извольте его допросить, для чего такъ дѣлаетъ такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже!»

И въ припискѣ къ тому же письму добавляетъ:

«Изъ аптеки ни золотника лекарствъ не прислано; того для принуждены будемъ тѣхъ лечить, которые то презираютъ».

«Извольте не помедля»—пишетъ Петръ Стрѣшневу—«еще солдатъ тысячи три или больше прислать, понеже при сей школѣ много учениковъ умираетъ; того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны изъ гребня».

Особенно любопытенъ тотъ неистощимый юморъ, который не оставляетъ Петра ни въ радости, ни въ гнѣвѣ, и придаетъ яркую

---

[1]) Т. е. только тяжестью отличаются, а не другими достоинствами.

окраску его письмамъ. Такъ, по поводу взятія Нотебурга, Петръ пишетъ Стейльсу:

«Хотя и зѣло жестокъ былъ сей орѣхъ [1]), однако, слава Богу, разгрызли; но не безъ тягости, ибо многіе наши мѣдяные зубы отъ того испортились».

Сообщая Крюйсу о побѣдѣ русской гребной флотиліи надъ шведскими фрегатами въ устьяхъ Невы, Петръ добавляетъ, что «вице-адмиралъ (шведскій) разсудилъ далѣе уйтить; мню, что не захотѣлъ въ рукахъ нашихъ быть той ради причины, что у насъ ни единаго командира, ровнаго ему по чину не было, и того для, подъ нашею командою, яко капитана, быть не изволилъ».

«Азъ доношу вашему величеству»,—пишетъ Петръ къ Ромодановскому,—«что добрыхъ людей довольство имѣемъ; нынѣ же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно 2,000) приготовить къ будущему году»... [2])

Прося Меншикова «вложенное письмо послать до его милости воеводы», Петръ добавляетъ: «а храбрость его по бѣгу видна»; или же, въ письмѣ къ Шереметеву, замѣчаетъ съ досадою: «Назимова вѣсти писать на водѣ».

Съ замѣчательною гуманностью и чрезвычайною деликатностью относится Петръ къ своимъ друзьямъ, то нѣжно сочувствуя ихъ горестямъ, то утѣшая ихъ въ бѣдахъ, то говоря съ ними, по душѣ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Такъ относится онъ къ Ѳ. М. Апраксину въ письмѣ своемъ, по поводу его семейнаго горя:

«Пожалуй, государь Ѳедоръ Матвѣевичъ, не сокруши себя въ такой своей печали; уповай на Бога. Что же дѣлать? И здѣсь такія же печали живутъ, что жены мрутъ и стригутся»... И въ припискѣ къ тому же письму, проситъ Апраксина:

«На подписяхъ, пожалуй, пишите просто, безъ великаго» (т. е. безъ титулованья).

Въ другомъ письмѣ (изъ Новгорода, отъ 16-го марта 1703 года) къ Апраксину, Петръ чрезвычайно просто извиняется передъ всей «кампаніей» въ томъ, что̀ онъ надѣлалъ передъ своимъ отъѣздомъ.

«Mein Her Admiraliteic Her!»—пишетъ Петръ. «Я какъ поѣхалъ отъ васъ, не знаю; понеже былъ зѣло удоволенъ Бахусовымъ даромъ. Того для всѣхъ прошу, если кому какую нанесъ досаду, прощенія, а паче отъ тѣхъ, которые при прощаніи были; и да не помятуетъ всякъ сей случай»...

Еще человѣчнѣе, еще задушевнѣе, звучитъ письмо Петра къ тому же Апраксину, отъ 26-го сентября 1703 года. Отвѣчая Ѳедору Матвѣевичу на его слезную просьбу объ избавленіи брата отъ тяжелой и опасной службы, Петръ пишетъ ему:

---

[1]) Нотебургъ—«орѣхъ-городъ». Шведы наименовали, вѣроятно, эту крѣпость такъ потому, что новгородцы, владѣя ею, называли ее Орѣшекъ.

[2]) Для обращенія ихъ на работы въ крѣпостяхъ и т. д.

«Въ вашемъ письмѣ положена цидулка, въ которой пишете, что писалъ къ вамъ братъ вашъ, что онъ посланъ въ Ямы, съ двумя только драгунскими полками Новгородскими, а пѣхоты ни единаго полка нѣтъ; на которое отвѣтствую: хотя и родной братъ вамъ писалъ, однакоже, чаю, повѣрите и мнѣ. Истинно пишу, что прежде его приходу къ Ямамъ, оставлены два пѣхотные старые полка, кромѣ 1200 человѣкъ, которые въ Ямахъ въ гварнизонѣ; къ тому же прочія войска наши въ Лифляндахъ; и кажется, отъ однихъ только Ругодивцевъ конныхъ (которыхъ съ 700 нѣтъ) стоятъ мочно... Зѣло досадно, что пишутъ все ложь да бѣдство, чего не бывало.

«О чемъ я прошу, пожалуй, отпиши къ нему, чтобы онъ отвѣтствовалъ противъ сего письма, такъ ли все, или я солгалъ? Тогда увидишь истину. Никто не хочетъ прямо трудиться; только сколь зѣло жаль, что вамъ нанесли печаль, а ей (ей) напрасно. Дай, Боже видѣть васъ въ радости, чему не зѣло, чаю, замедлится. Piter».

Только великій монархъ и великій человѣкъ можетъ такъ искренно говорить съ своимъ подданнымъ, не опасаясь уронить своего достоинства.

П. П.

ВЕЛИКОДУШНОЕ ПОКОРЕНІЕ.

Подъ покровительствомъ Россіи и какъ провинція ея процвѣтаетъ и пользуется полнымъ благополучіемъ Финляндія—страна обиженная природой, но съ трудолюбивымъ и энергичнымъ населеніемъ, которое въ потѣ лица своего добываетъ честный кусокъ хлѣба и, благодаря своему упорному труду, умѣетъ извлекать изъ неплодородной почвы все необходимое для безбѣднаго существованія. Народъ этотъ помимо работоспособности обладаетъ и другими качествами: онъ очень честенъ, отличается въ своей массѣ трезвостью, поголовно грамотенъ, преданъ Верховному вождю, чтитъ власть закона и, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ полной мѣрѣ создаетъ и выработываетъ экономическую и культурную обстановку жизни. Торговля страны стоитъ на значительномъ уровнѣ развитія, самоуправленіе отличается стройностью и достаточной гражданской свободой; состояніе высшихъ учебныхъ заведеній выше средняго и Гельсингфорскій университетъ—не простое «высшее учебное заведеніе», а то любимое народное дѣтище, которое вліяетъ на всю окружающую жизнь, освѣщая ее свѣтомъ знанія и облагораживая вліяніемъ просвѣщенія.

Свѣдѣнія русскаго общества о Финляндіи не отличались до послѣдняго времени особенною ясностью и опредѣленностью. Правда, иногда въ печати проскальзывали указанія на прекрасные порядки финской жизни, на то, что недурно бы намъ кое-чему поучиться у жителей великаго княжества Финляндскаго, позаимствовать коечто изъ ихъ порядковъ, однако, въ общемъ, наши познанія о жизни народа за Сестрою рѣкою были довольно смутны. Но вотъ, въ наши дни, территорія между 60 и 71 градусами сѣверной широты и от-

ношенія этой территоріи ко всей русской имперіи стали любимою темою нашей журналистики и мы обогатились новымъ вопросомъ — финляндскимъ, поставленнымъ очень шумно и остро.

Дѣло все въ томъ, что нѣкоторые финляндскіе публицисты и ученые стали слишкомъ подчеркивать свою національную обособленность, свое историческое право на status in statu, основываясь на обѣщаніяхъ, данныхъ русскими государями, и совсѣмъ не дипломатически, не вò время (въ своихъ интересахъ не вò время) выдвинули ученіе о собственномъ «государствѣ», объ «актѣ соединенія съ Россіей», игнорируя результаты войны 1808—1809 годовъ.

Номенклатура государственности точно туманитъ ихъ мысль, эгоистическій патріотизмъ изгоняетъ изъ сердца ученіе о братствѣ, о томъ, что удѣлъ народовъ на землѣ не одно созданіе формъ жизни, но и устройство этой жизни на такихъ началахъ, при которыхъ бы легче дышалось, скорѣе бы можно было развиваться въ культурномъ отношеніи и достигать всѣхъ благихъ послѣдствій этого развитія.

Такая постановка вопроса, дѣлаемая въ нѣкоторыхъ органахъ финляндской печати въ связи съ нѣкоторыми инцидентами тамошней жизни, въ родѣ, напримѣръ, постановки памятника въ честь побѣды финновъ надъ русскими войсками, задѣла самолюбіе и патріотическое чувство нашей прессы. Отсюда родилась полемика, а съ нею вмѣстѣ возникъ и весь вопросъ о Финляндіи. Исходя изъ принципа государственной цѣлостности и единообразія управленія, одни русскіе публицисты стали доказывать, что автономія Финляндіи не соотвѣтствуетъ означеннымъ принципамъ и ея территоріальная окраска не сливается съ общимъ русскимъ фономъ, вслѣдствіе чего необходимо разрушить обособленность Финляндіи и ввести ее въ сферу общегосударственныхъ началъ управленія. Другіе публицисты заняли среднее положеніе и, указывая на потребность упорядоченія русско-финскихъ отношеній, на необходимость измѣненія или совершенной отмѣны нѣкоторыхъ дѣйствующихъ институтовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ или вовсе не касались болѣе общихъ вопросовъ, или говорили за сохраненіе въ неприкосновенности финляндскаго самоуправленія и привилегій, предоставленныхъ ей русскимъ правительствомъ со временъ Александра I. Наконецъ, третья группа нашей прессы заступилась за Финляндію, настаивая, что нельзя изъ-за единичныхъ фактовъ навлекать на мирный народъ гнѣвъ его сильнаго покровителя и указывая, что нельзя отнимать того, что было подарено почти сто лѣтъ тому назадъ, что идея человѣческаго счастья, въ какой-бы формѣ ни заключалось это счастье, если только оно не идетъ въ ущербъ благу другихъ людей, должна быть поставлена выше всего.

Газетная полемика по вопросу о Финляндіи надѣлала много шума. Какъ разъ въ это время опубликовано было высочайшее повелѣ-

ніе объ образованіи трехъ комиссій для разсмотрѣнія способовъ объединенія финляндскихъ почтъ, таможень и монеты съ русскими. Все это послужило къ тому, что въ русской литературѣ и публикѣ Финляндія и все финляндское послужили предметами неоднократнаго обсужденія и изученія. И историческая наука отозвалась на вопросъ дня, задавшись цѣлью выяснить, на какихъ основаніяхъ и при какихъ условіяхъ совершилось присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Изъ разсмотрѣнія финляндскаго вопроса въ такой его обстановкѣ полагали найти и рѣшеніе всей злобы дня. Если Финляндія покорена силою оружія, если нѣкоторыя ея привилегіи даны ей, какъ великодушная милость монарха, то она не имѣетъ права на помышленіе о самостоятельномъ бытѣ, должна ежеминутно думать о своей подчиненности и существовать на основахъ историческаго крѣпостного международнаго права. Привилегіи ея могутъ быть у нея отняты ежечасно и она не имѣетъ права ссылаться на какіе-то договоры и акты соглашенія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Главнымъ представителемъ такого рода направленія въ нашей научной литературѣ долженъ считаться г. Ординъ.

Ему принадлежитъ неотъемлемая заслуга — ознакомленія русскаго общества съ строемъ и историческимъ развитіемъ великаго княжества Финляндскаго. Онъ далъ нашей литературѣ переводъ «Конституціи Финляндіи» сенатора Михелина, снабдивъ свой переводъ примѣчаніями. Въ настоящее время онъ выступилъ съ обширнымъ трудомъ «Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ». Уже изъ примѣчаній къ первому сочиненію ясно обнаружилось нерасположеніе г. Ордина къ странѣ за Сестрою рѣкою. Тѣмъ же нерасположеніемъ, но еще болѣе рѣзко подчеркнутымъ, отличается его новый трудъ. Главная мысль, положенная въ основаніе послѣдняго, заключается въ томъ, что Финляндія не имѣетъ историческихъ данныхъ на самостоятельное существованіе. Сначала она была шведскою провинціею, а въ началѣ текущаго столѣтія завоевана силою русскаго оружія. Ея привилегіи и режимъ не есть результатъ какихъ-либо договоровъ и актовъ соглашенія, а продуктъ благодушія русскаго императора, козней и интригъ финляндскихъ патріотовъ, ловко и несовсѣмъ честно пользовавшихся бездѣйствіемъ русской власти и невѣжествомъ приближенныхъ къ Александру I лицъ. Никакого Боргосскаго «акта соединенія» не было, такъ какъ такого правительственнаго документа не существуетъ, а есть лишь манифестъ о Фридрихсгамскомъ мирѣ 1809 года, коимъ Финляндія прикована навсегда къ подножію русской власти, да еще нѣсколько воззваній и благодушныхъ рѣчей Александра I, въ которыхъ, не соотвѣтственно высокому пониманію государственныхъ интересовъ великой имперіи, обѣщано сохранить финляндскую конституцію и финляндскіе коренные законы.

Трудъ г. Ордина составленъ по преимуществу на основаніи русскихъ источниковъ и имѣетъ цѣлью послужить противовѣсомъ работамъ финскихъ и шведско-финскихъ писателей, Ю. Коскинена, Р. Кастрена, Л. Михелина, Даніэльсона, Эдв. Берга, построеннымъ главнымъ образомъ на финскихъ и шведскихъ источникахъ, а потому освѣщающимъ событія односторонне и пристрастно. Нельзя не поблагодарить автора за намѣреніе обработать вопросъ въ нашей исторіи малоосвѣщенный и нельзя не сознаться, что г. Ординъ справился съ обработкой фактическаго матеріала прекрасно. Имъ опубликована масса неизвѣстныхъ до сихъ поръ документовъ; одни прибавленія къ его труду могутъ доставить автору не послѣднее мѣсто среди историческихъ изслѣдователей. Пока финскіе историки не отвѣтятъ г. Ордину, на основаніи непреложныхъ документовъ, до тѣхъ поръ можно считать многіе выводы нашего изслѣдователя истинными. Академія Наукъ во вниманіе къ ученымъ достоинствамъ этого труда удостоила его преміи митрополита Макарія.

Такова одна сторона дѣла; но есть и другая — именно публицистическая. Г. Ординъ насквозь проникнутъ непріязненнымъ отношеніемъ къ финляндцамъ, и его книга—злая книга. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за ходомъ русско-финскихъ событій и отношеній, начиная съ періода древнѣйшаго и кончая Фридрихсгамскимъ миромъ. Вся Финляндія посажена имъ на скамью подсудимыхъ и съ тономъ прокурора громитъ онъ не только финляндскихъ дѣятелей, но и тѣхъ пособниковъ изъ русскихъ, въ числѣ которыхъ оказались Екатерина II, Александръ I, Сперанскій и... (о ужасъ!) самъ Аракчеевъ. Одни получаютъ отъ него выговоръ за легкомысліе и политиканство, другіе за недальновидность; Сперанскій за увлеченіе западничествомъ и за то, что не велъ протоколовъ во время Боргоскаго сейма, а Александру I прочитана даже нотація, что тотъ познакомился съ Евангеліемъ только на 30-тилѣтнемъ возростѣ!.. Одобренія заслужили только министръ иностранныхъ дѣлъ Румянцовъ, главнокомандующій Буксгевденъ за недовѣріе къ финляндскимъ дѣятелямъ, да тѣ изъ финскихъ патріотовъ, которые зарекомендовали себя въ качествѣ блюстителей идеи законности. Особенно досталось отъ автора иниціатору Боргоскаго сейма—финляндцу Спренгпортену; за каждымъ шагомъ послѣдняго г. Ординъ на протяженіи всего труда слѣдитъ по пятамъ. Онъ дѣлаетъ экскурсіи въ его интимную жизнь, вычисляетъ во что онъ обошелся русскому правительству, говоритъ не только о его дѣйствіяхъ, но о его мысляхъ и чувствахъ. Врядъ ли возможно отыскать въ архивахъ судебнаго вѣдомства такого протокола слѣдователя о личности подсудимаго, какъ то сдѣлалъ г. Ординъ въ отношеніи Спренгпортена!

Авторъ «Покоренія Финляндіи»—врагъ всякаго свободнаго порыва, всякой новой мысли. Традиція и буквенная законность, при-

ниженность со стороны однихъ, барскія милости со стороны другихъ — вотъ багажъ морали, который онъ рекомендуетъ для обихода современному человѣчеству.

Полемическія соображенія, тенденціозность, ставятъ его иногда въ весьма странное положеніе. Такъ, желая во что бы то ни стало затемнить обѣщаніе Александра I финляндцамъ о сохраненіи въ неприкосновенности ихъ конституціи, онъ пускается въ хитроумныя толкованія. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, что шла рѣчь не о сохраненіи конституціи, въ обычномъ пониманіи этого термина, а лишь объ учрежденіяхъ (?). Наивность автора здѣсь поразительна. Точно Александръ I, мечтавшій нѣкогда съ Лагарпомъ и Чарторыйскимъ о свободныхъ учрежденіяхъ, не зналъ что такое constitution, когда употреблялъ это слово въ рѣчахъ, обращенныхъ къ финскому народу! Вѣдь такую конституцію государю удалось создать въ 1818 г. подъ вліяніемъ своего друга Чарторыйскаго, и вѣдь мысль объ этомъ родилась не послѣ Вѣнскаго конгресса и не подъ давленіемъ же Аракчеева. Вотъ почему болѣе чѣмъ наивно утверждать, что constitution употреблялось государемъ не въ прямомъ смыслѣ, а въ какомъ-то иносказательномъ. Можно бы было указать и еще нѣкоторые пассажи въ такомъ же родѣ, но мы полагаемъ, что и приведеннаго достаточно, чтобы понять, что авторъ не можетъ похвалиться спокойствіемъ и объективностью. Онъ, впрочемъ, самъ какъ бы сознаетъ это, и въ предисловіи, говоря о могущихъ встрѣтиться недостаткахъ въ трудѣ, относитъ ихъ «къ нѣкоторымъ полемическимъ соображеніямъ». Да, эти соображенія въ значительной степени внесли въ сочиненіе г. Ордина тотъ специфическій запахъ, который неумѣстенъ въ трудахъ научнаго содержанія, изъ какихъ бы побужденій ни исходилъ сочинитель, и тѣмъ болѣе, когда цѣль — злая. Но довольно объ этомъ. Можно надѣяться, что злое не дастъ добраго плода и читатель «Покоренія Финляндіи» вынесетъ изъ чтенія не «полемическія соображенія» автора, а ознакомившись съ прекрасно разработанной страничкой изъ исторіи человѣчества, постарается ознакомиться съ жизнью того маленькаго народа, который съумѣлъ внушить расположеніе и великодушіе своему побѣдителю, съумѣлъ побороть всѣ неблагопріятныя условія исторіи и природы и создать такія формы, такую культуру существованія, которыя составляютъ удѣлъ далеко не многихъ народовъ.

Что такое было нѣкогда нынѣ называемое «великое княжество Финляндское» и какимъ образомъ оно вошло въ составъ Россійской имперіи?

Столкновенія русскихъ съ финляндцами начались очень давно, съ незапамятныхъ временъ. Русскіе мало-по-малу оттѣсняли финновъ и силою оружія прокладывали себѣ пути на сѣверъ. Съ XII

вѣка въ борьбѣ начинаютъ принимать участіе и шведы, въ качествѣ противниковъ Руси, и финны очутились между двухъ сильныхъ державъ, оказывавшихъ на нихъ вліяніе. Въ серединѣ XIII вѣка мы видимъ шведовъ довольно прочно утвердившимися въ Выборгѣ, гдѣ они кровью и мечомъ успѣшно насаждаютъ христіанство. Все это время Финляндія покорно и безмолвно слѣдуетъ за судьбами Швеціи въ качествѣ ея провинціи, причемъ титулъ герцога Финляндскаго возникъ довольно рано, хотя и не представлялъ собою никакихъ правъ.

Сынъ Густава Вазы, Іоаннъ, именовавшійся герцогомъ Финляндскимъ, поселился въ Або и началъ проводить мысль о самостоятельности своего герцогства, обнимавшаго собою Аландскіе острова и западную часть нынѣшей Нюландской и Абоской губерній, объявляя свои отношенія къ Швеціи только вассальными. Въ этихъ видахъ его поддерживали два приближенныхъ финляндца. Такимъ образомъ, мы видимъ, что идея финляндскаго сепаратизма отъ Швеціи возникаетъ довольно опредѣленно, что, конечно, не могло не отразиться на извѣстной національной окраскѣ Финляндіи. Послѣ смерти Густава Вазы, Эрикъ IV положилъ конецъ попыткамъ Іоанна, причемъ финское населеніе стояло на сторонѣ Эрика. Тѣмъ временемъ сѣверные соперники, т. е. шведы и русскіе, продолжаютъ свои раздоры съ перемѣннымъ счастіемъ. Такъ въ 1595 году русскіе получаютъ отъ шведовъ обратно восточную Финляндію и царь Ѳеодоръ довольно успѣшно руссифицируетъ край.

Древняя собственность Руси къ ней возвратилась, но не надолго: Столбовскимъ договоромъ Россія со стороны Финляндіи отодвинулась ко временамъ, такъ сказать, доисторическимъ и восточная Финляндія вновь подвергается вліянію шведской культуры. Заниматься изслѣдованіемъ, что̀ здѣсь сохранилось изъ русскаго, въ чемъ взяло перевѣсъ шведское — занятіе безполезное. Можно съ достаточной вѣроятностью сказать, что вплоть до появленія на берегахъ Невы царя-преобразователя врядъ ли былъ силенъ русскій элементъ въ нынѣшней Выборгской губерніи. Доказательство противнаго потребуютъ натяжекъ. Но вотъ грянулъ Полтавскій бой и могущество шведовъ сломлено: отнынѣ въ числѣ сѣверныхъ державъ Россіи предоставленъ рѣшающій голосъ. Король шведскій въ числѣ прочихъ областей уступилъ Петру часть Кореліи и Выборгской губерніи. Для точнаго опредѣленія пограничной черты на мѣстѣ, обѣ стороны обязались тотчасъ по ратификаціи договора назначить особыхъ комисаровъ. Вотъ эта-то пограничная черта, долженствующая отдѣлять слабѣющую и разлагающуюся Швецію отъ возникающей новой Россіи и послужила впослѣдствіи предметомъ постоянныхъ недоразумѣній. Ништадтскій договоръ, въ силу § 7, предоставилъ къ тому же право русскому правительству предупреждать и охранять Швецію отъ сторонняго вмѣшательства, т. е.

этимъ косвенно дана была возможность Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства.

Въ половинѣ XVIII столѣтія шведскія дѣла снова довольно остро выступаютъ наружу и мы видимъ опять потоки крови, орошающіе безплодную почву Финляндіи. Послѣдняя молила о мирѣ, но партія «шляпъ» стояла за войну За все отвѣчала Финляндія. Толпы мужиковъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, посылались для пополненія рядовъ, таявшихъ какъ весенній снѣгъ. Раззореніе страны не поддавалось описанію. На десятки миль кругомъ не оставалось вовсе рабочаго скота, подъ тяжести впрягали мужиковъ и казенныхъ служителей. Въ разгаръ войны петербургскій кабинетъ высказалъ довольно смѣлую мысль. Въ надеждѣ достигнуть скорѣйшаго мира, рѣшились обратиться непосредственно къ Финляндіи, съ обѣщаніемъ за примиреніе создать изъ княжества независимое отъ Швеціи государство подъ собственнымъ правленіемъ. Въ вознагражденіе за это отъ финляндцевъ требовалось не противодѣйствовать русскимъ войскамъ и не помогать шведскимъ, т. е. соблюденіе нейтралитета. Въ такомъ смыслѣ и былъ составленъ «Манифестъ княжеству Финляндскому», въ которомъ категорически предлагалось образовать независящее ни отъ кого государство «подъ собственнымъ, избраннымъ финляндцами правленіемъ, пользуясь всѣми къ тому относящимися правами, привилегіями и льготами, которыя для ихъ собственной пользы и твердаго основанія ихъ независимости будутъ ими признаны нужными и полезными». Этотъ манифестъ вызвалъ контръ-манифестъ короля шведскаго, въ которомъ высказывалась увѣренность, что финны помогутъ ему установить границы, которыя могли бы служить оплотомъ для Швеціи. Прямыхъ результатовъ русскій манифестъ не имѣлъ. Финны не отложились отъ шведовъ, но несомнѣнно то, что идея сознанія себя, какъ чего-то независимаго, какъ народа съ правомъ голоса, не могла не усилиться среди жителей княжества.

Война кончилась для шведовъ неудачно и русскіе овладѣли Финляндіей вплоть до Улеаборга. Правительство Елисаветы Петровны дѣлало все зависящее, чтобы пріобрѣсти доброе расположеніе населенія покоренной страны. Вступивъ въ управленіе Выборгской губерніей, утвержденной по новому мирному договору за Россіей, побѣдители стали частью вводить дѣйствіе русскихъ законовъ, но дѣлали и изъятіе, предоставивъ напримѣръ мѣстнымъ крестьянамъ личную свободу. Правительство имѣло полную возможность ввести въ покоренной области общее государственное право, но съ такой задачей оказалось не такъ легко справиться и мы видимъ въ русскихъ мѣропріятіяхъ вплоть до войны 1808—1809 гг. удивительную путаницу и неспособность быть на высотѣ управленія: рядомъ съ шведскими дѣйствующими законами устанавливаются новые, противорѣчащіе первымъ, но ихъ неотмѣняющіе.

Послѣ Абоскаго мира отношенія между Россіей и Швеціей не нарушались въ теченіе 45 лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи не умирала. Такъ, вскорѣ послѣ заключенія мира, составился заговоръ объ избраніи въ короли Финляндіи великаго князя Петра Өеодоровича, съ тѣмъ, чтобы новое королевство состояло подъ покровительствомъ Россіи, но заговоръ былъ разрушенъ и виновники казнены. Въ общемъ преданность финской массы шведскому правительству была внѣ сомнѣнія. Но рядомъ съ этимъ необходимо отмѣтить и то, что среди интелигенціи, и преимущественно дворянства, революціонныя стремленія усиливаются и призракъ политической свободной независимости все чаще приходитъ на умъ горячимъ головамъ, именно независимости, а ни какъ не отдѣленія отъ Швеціи съ тѣмъ, чтобы броситься въ объятія Россіи. Послѣдняя рисовалась въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и объятія ея понимались не иначе, какъ рабство и крѣпостное право. Въ числѣ лицъ, мечтавшихъ въ такомъ направленіи о независимости отечества, былъ на первомъ планѣ Георгъ Спренгпортенъ—дѣятель, прославленный финскими историками и низведенный г. Ординымъ чуть ли не на степень негодяя.

Фамилія Спренгпортеновъ содѣйствовала Густаву III свергнуть власть сейма и значительно сократить сферу дѣятельности послѣдняго. Въ этомъ дѣлѣ Густавъ считалъ себя послѣ Бога наиболѣе обязаннымъ старшему Спренгпортену. Младшій братъ, Георгъ, послѣ переворота получилъ въ командованіе бригаду въ Саволакской провинціи, гдѣ и пріобрѣлъ широкое вліяніе. Вотъ тутъ-то и наиболѣе ярко предстала предъ нимъ идея независимости Финляндіи отъ Швеціи и по преимуществу въ видѣ самостоятельной республики.

Георгъ Спренгпортенъ — былъ, что называется «бурная душа». Жажда жизни захлебывала его, вносила въ его дѣятельность непримиримыя противорѣчія. Въ маленькой Финляндіи, въ ея скромной жизни, было мало простора широкимъ размахамъ его страстей, полету горячаго воображенія.

«L'amour fut mon passe-temps; mon métier fut la guerre,
«La patrie mon idôle et la gloire ma chimére».

Такъ характеризовалъ себя самъ Георгъ Спренгпортенъ въ своихъ мемуарахъ.

Увлекающійся, страстный, онъ не зналъ удержа въ своихъ желаніяхъ. Женщины играли главную роль въ его жизни и онъ поклонялся имъ, искалъ ихъ, какъ пылкій Донъ-Жуанъ. Для наслажденія жизнью у него однако не хватало средствъ, и вотъ онъ, не брезгая попрашайничествомъ и даже униженіемъ, направляетъ всевозможныя усилія, чтобы пріобрѣсти ихъ. Но рядомъ съ такого рода чертами характера, мы видимъ въ его лицѣ очень недюжиннаго политическаго дѣятеля со смѣлой революціонной доктриной.

Свобода родины—вотъ та цѣль, къ которой онъ идетъ съ удивительнымъ упорствомъ и настойчивостью. Не смотря на свои частыя нравственныя паденія, не смотря на всѣ благопріятныя и неблагопріятныя жизненныя обстоятельства, онъ, однако, неустанно трудится для осуществленія завѣтнаго политическаго плана. Правда, въ независимости Финляндіи онъ видѣлъ не только народное благо, благо своего отечества, но и достиженіе извѣстныхъ честолюбивыхъ замысловъ: онъ надѣялся на пиршествѣ свободы отечества найти и себѣ не послѣднее мѣсто. Какъ всякій политическій дѣятель революціонной идеи, онъ не останавливался на средствахъ—ему была важна цѣль и только цѣль. Остальное все были детали, временныя сдѣлки, маленькія уступки. И вотъ послѣ охлажденія къ нему Густава мы видимъ Спренгпортена при дворѣ Екатерины II старательно и съ успѣхомъ интригующаго въ пользу отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи. Екатерина не любила Густава, вышучивала его въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и смотрѣла на него презрительно: предлоговъ для войны не приходилось долго придумывать, тѣмъ болѣе, что § 7 Ништадтскаго мира давалъ Россіи возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, а граница между государствами была далеко не точно опредѣлена. Русское правительство протягиваетъ руку олигархической оппозиціи режиму Густава и раздуваетъ недовольство финновъ. Во время новой войны, въ 1788 г. въ деревнѣ Ликкола генералъ и командиры финскихъ войскъ отправляютъ Екатеринѣ меморіалъ или ноту, въ которой заявляютъ, что участвуютъ въ русско-шведской войнѣ противъ своей воли. Посланному съ нотой поручено было вести переговоры насчетъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи. Около же этого времени образуется конфедерація въ Аньялѣ изъ офицеровъ финской арміи тоже съ цѣлями сепаратизма. Ликкольскій посолъ, Эгергорнъ, былъ встрѣченъ въ Петербургѣ привѣтливо и Спренгспортенъ въ его лицѣ имѣлъ передъ государыней фактическое доказательство, что идея отдѣленія Финляндіи не есть химера, не продуктъ его личной фантазіи. Екатерина увлеклась горячими представленіями Спренгпортена и отправила его въ Финляндію «для содѣйствія въ предполагаемомъ намѣреніи», т. е. намѣреніи отдѣлить Финляндію отъ Швеціи.

Идеи Спренгпортена были смѣлы и оригинальны, не носили на себѣ печати тривіальности, до которой Екатерина не была охотницею, а къ тому же онѣ не шли въ разрѣзъ съ интересами Россіи. «Deux têtes chaudes s'entendent: dans un quart d'heure nous avons beaucoup fait», сказала она про результаты своего разговора съ Спренгпортеномъ. «Надѣяться могутъ вспоможенія во всемъ согласно съ пользою нашей имперіи»—отвѣтила государыня Егергорну. Смыслъ этихъ словъ для непредвзятаго читателя не подверженъ сомнѣнію. Коментаріи здѣсь самые простые: финляндцы могутъ надѣяться на

помощь Россіи въ дѣлѣ отложенія отъ Швеціи съ созваніемъ учредительнаго сейма и съ объявленіемъ своей независимости на вѣчныя времена, такъ какъ такого рода политическое событіе не противорѣчитъ русскимъ интересамъ. Въ такомъ духѣ вели переговоры аньяльскіе конфедераты, въ такомъ духѣ бесѣдовалъ съ заговорщиками уполномоченный отъ русскаго правительства при Стокгольмскомъ дворѣ, въ такомъ смыслѣ горячо и увлекательно убѣждалъ Екатерину Спренгпортенъ.

Снабженный деньгами для подкупа финновъ, съ инструкціями для веденія политической интриги, явился русскій генералъ Спренгпортенъ къ аньяльскимъ заговорщикамъ. Но успѣхи его переговоровъ были не блестящи: онъ видѣлъ кругомъ недовѣріе, боязнь и сомнѣніе въ безкорыстіи Россіи. Весь проникнутый одной идеей, конечной цѣлью своихъ политическихъ стремленій, русскій парламентеръ не задавался мыслью, что путь имъ избранный можетъ и не дать желанныхъ результатовъ. Союзъ съ Россіей могъ ему рисоваться, какъ переходная ступень къ иному политическому бытію, а соотечественники видѣли здѣсь призракъ гражданской смерти. Какъ ни худо было считаться подъ властью шведовъ, все же ими предоставлены были здѣсь широкія права личной свободы и самоуправленія, а что принесетъ съ собою новый союзникъ—было неизвѣстно. Мягко онъ стелетъ, а не придется ли жестко спать? такія мысли приходили въ голову не одного финскаго патріота. И вотъ конфедераты настаиваютъ, чтобы императрица удостовѣрила непреложными обѣщаніями, что не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не будетъ принуждать ихъ принимать отъ нея законы, вмѣсто ожидаемыхъ пособій. Пока дѣло тянулось, отношенія между переговаривающимися охладѣвали. Екатерина стала смотрѣть на финляндскій вопросъ скептически, видя безуспѣшность дѣйствій Спренгпортена; послѣдній выбивался изъ силъ, не будучи въ состояніи подвинуть дѣла; конфедераты тоже по немногу теряли симпатіи къ идеѣ русскаго союза, а финское населеніе настроивалось консервативнѣе проповѣдями пасторовъ и вліяніемъ шведскаго правительства.

Хотя Екатерина нѣсколько ослабила свое довѣріе къ Спренгпортену, тѣмъ не менѣе на него сыпались награды, денежныя и почетныя. 1 марта 1795 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики съ содержаніемъ около 10,000 рублей. И Павелъ Петровичъ не подвергъ его полной немилости, хотя и убавилъ денежную щедрость своей казны. Русское правительство берегло и ухаживало за нимъ, какъ за человѣкомъ идеи вредной для Швеціи и полезной при извѣстныхъ обстоятельствахъ нашему отечеству.

При новомъ государѣ Спренгпортену выпало на долю играть въ финскихъ дѣлахъ выдающуюся роль и вліяніе его на ходъ сѣверныхъ событій 1808—1809 гг. было рѣшительное. По всту-

пленіи на престолъ императора Александра, не смотря на его близкое свойство съ Густавомъ-Адольфомъ, взаимныя отношенія временно примирившихся враговъ быстро испортились. Эпизоды мелочные, личныя симпатіи и антипатіи, послужили поводомъ къ тому, что вновь сосѣдніе народы были обречены правительствами на братоубійственную войну, которая достигла съ обѣихъ сторонъ крайней интенсивности. Нервы были напряжены до нельзя, инстинкты разыгрались вполнѣ, и истекающій кровью соперникъ Россіи отступалъ на западный берегъ Ботническаго залива, медленно и грозно, возбуждая населеніе противъ побѣдоноснаго врага. Финляндія, обреченная волею судебъ быть постояннымъ театромъ кровавыхъ событій, изнемогала. Народъ ожесточился и гнѣвъ его палъ, какъ и всегда бываетъ въ исторіи, противъ пришельцевъ. Населеніе возстало, какъ единый человѣкъ, на защиту своихъ заливаемыхъ кровью нивъ и началась партизанская война со всѣми ея ужасами и звѣрствами. Угрюмый и замкнутый финнъ далъ полную волю самымъ ужаснѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Успѣхи шведовъ на сѣверѣ придали энергіи народнымъ вожакамъ и скоро пламя возстанія охватило всю территорію Финляндіи. Къ потушенію волненій принимались мѣры крайней строгости, но казни не успокоивали потока народной страсти.

Благодаря изумительной храбрости и выносливости русскихъ войскъ, благодаря энергіи и военнымъ доблестямъ нѣкоторыхъ полководцевъ, походъ 1808 г. кончился тѣмъ, что шведы, а съ ними остатки финскихъ войскъ, ушли за Улеаборгъ и на Кеми былъ назначенъ пограничный пунктъ. Уѣзжая въ Петербургъ графъ Каменскій при прощаніи съ войсками сказалъ: «Мы завоевали Финляндію — сохраните ее».

Александръ I не желалъ ограничиться этими результатами войны и непремѣнно хотѣлъ перенести ее въ самое сердце врага— въ Швецію, съ тѣмъ, чтобы въ Стокгольмѣ предписать побѣжденному законы, но мысль его не осуществилась и 5 сентября 1809 г. состоялся Фридрихсгамскій мирный договоръ, по которому Россія пріобрѣла Финляндію, чѣмъ и кончилась вѣковая русско-шведская распря.

Военныя событія 1808—1809 годовъ достаточно выяснены и изъ старыхъ сочиненій, хотя бы Михайловскаго - Данилевскаго; главные ея моменты можно найти въ любомъ учебникѣ русской исторіи и не въ нихъ дѣло. Интересна внутренняя, такъ сказать, сторона финляндскаго вопроса, впервые выясненная г. Ординымъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Спренгпортенъ явился въ роли главнаго совѣтника по финляндскимъ дѣламъ и при Александрѣ. Мысль о созваніи законодательнаго сейма въ Або получила въ его глазахъ при молодомъ государѣ еще большую вѣроятность. Въ этомъ

созваніи онъ видѣлъ краеугольный камень будущей финляндской независимости. Онъ пытался всѣми силами увѣрить Александра Павловича, въ началѣ войны 1808 г., что финны бросятся въ объятія русскаго правительства и навсегда признаютъ его покровительство, если только къ нимъ обратятся съ полнымъ довѣріемъ и чистосердечнымъ признаніемъ за ними правъ на самостоятельное политическое существованіе. Результаты войны тогда не были еще гадательны, а потому увѣренія Спренгпортена имѣли въ глазахъ государя большое значеніе. Идея финляндской конституціи, осуществленіе которой нарисовано было финляндскимъ патріотомъ яркими и симпатичными красками, вызывала со стороны Александра I сочувствіе. Слишкомъ много въ ней было такого, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ, гуляя по Англійской набережной съ Лагарпомъ, или по алеямъ Царскаго Села съ Чарторыйскимъ. Но у Спренгпортена явились соревнователи, которые подходили къ щекотливому вопросу съ иной стороны. Такъ маіоръ шведской службы Кликъ дѣлалъ по настоящему предмету такое представленіе. «Конечно, не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія бы ни было соглашенія, писалъ онъ. Побѣдивъ страну силой, ей предоставятъ потомъ какъ милость тѣ преимущества, которыя найдутъ выгоднымъ для себя дать ей. Всякое соглашеніе, каково бы оно ни было, предполагаетъ нѣкоторое равенство соглашающихся и можетъ породить опасныя разномыслія и недоразумѣнія. Побѣдитель, напротивъ, жалуетъ милостями и ихъ за таковыя принимаютъ жалуемые, не имѣя права ни о чемъ договориться».

При существенномъ различіи во взглядѣ на вещи, мы видимъ однако и въ Спренгпортенѣ и въ Кликѣ одно основное соглашеніе: Финляндія не должна быть раздавлена. Только одинъ говорилъ объ этомъ въ болѣе благородной окраскѣ и шелъ въ своихъ пожеланіяхъ къ радикальному разрѣшенію, а другой подходилъ значительно робче и строилъ счастье отечества на милости побѣдителя.

Во время войны Спренгпортенъ былъ прикомандированъ къ дѣйствующей арміи, какъ знатокъ Финляндіи, но роль его была не выяснена. Отсюда многія недоразумѣнія. Человѣкъ неуживчивый и властолюбивый, онъ не ладилъ съ Буксгевденомъ, что вносило въ разрѣшеніе вопроса массу совсѣмъ ненужныхъ мелочей, ссоръ и интригъ. Послѣдствіями всѣхъ этихъ интригъ было то, что и Буксгевденъ и Спренгпортенъ въ концѣ концовъ попали въ немилость и остались не у дѣлъ.

Прибывъ къ войску, Спренгпортенъ выпустилъ, съ согласія государя, прокламацію къ финляндскому народу, въ которой послѣднему обѣщалось сохранить ненарушимо законы, нравы и обычаи Финляндіи за покорность и преданность Россіи. Обѣщалось также созваніе сейма въ Або для рѣшенія дѣлъ, «кои потребуютъ доброе

сосѣдственное согласіе». Такимъ образомъ Спренгпортенъ былъ близокъ къ осуществленію своей излюбленной мечты—обратить провинціальный финляндскій сеймикъ въ законодательный и учредительный; на дальнѣйшее онъ закрывалъ глаза. Онъ вѣрилъ въ великодушіе побѣдителя, вѣрилъ въ свои таланты и въ торжество своей идеи. Но и шведы не дремали. Они издавали контръ-прокламаціи, играли на чувствительныхъ струнахъ Финляндіи, предостерегая ее отъ Россіи и рекомендуя ей недовѣріе: рекрутчина, налоги, ссылки—вотъ чѣмъ стращали шведы населеніе. И страна дѣйствительно сторонилась завоевателя, не вѣрила во всѣ сулимыя блага. Непріязнь выражалась мѣстами въ видѣ возстаній и насилій, мѣстами—въ видѣ молчаливаго протеста, игнорированіемъ требованій и предложеній русскаго правительства. Дѣло съ присягой покореннаго населенія новому государю, какъ ни распинался передъ той и другой стороной Спренгпортенъ, тоже не подвигалось. Послѣ ряда неудачъ въ Финляндіи, послѣ цѣлаго ряда препирательствъ съ Буксгевденомъ, авторъ будущаго Абоскаго сейма очутился вновь въ Петербургѣ.

Наконецъ, событія стали распутываться. Въ мартѣ 1809 года жители Финляндіи медленно и неохотно стали принимать присягу. Во всѣхъ обращеніяхъ къ нимъ побѣдитель ясно и категорично объявлялъ, что оставляетъ законы и порядки страны неприкосновенными на будущія времена, сыпалъ милостями на побѣжденныхъ, стремясь заслужить довѣріе и благорасположеніе покореннаго народа. Но этого Спренгпортену было недостаточно. Онъ настаивалъ передъ государемъ, Сперанскимъ и другими вліятельными лицами, на созваніи сейма: въ немъ, и только въ немъ, онъ видѣлъ эру новой жизни родного народа и фактическое дарованіе ему такой конституціи, которою страна въ сущности не пользовалась при шведскомъ правительствѣ. Дѣло въ томъ, что до 1808 года Финляндія, какъ шведская провинція, посылала своихъ депутатовъ въ Стокгольмъ на риксдагъ, въ самой же странѣ собирались областные сеймики для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ и потребностей. Теперь Спренгпортенъ стремился создать самостоятельный сеймъ съ верховною властью.

По этому предмету имъ былъ представленъ цѣлый рядъ докладныхъ записокъ государю, но дѣло тормозилось и на дорогѣ встрѣчались всевозможныя затрудненія.

Но если дѣло о сеймѣ затянулось, зато въ Петербургѣ явно признали необходимость пригласить мѣстныхъ людей для выслушанія нуждъ страны. Созывъ депутатовъ въ сѣверную столицу имѣлъ справочное значеніе. Но и тутъ общественное мнѣніе страны слагалось не въ пользу Россіи: «Если мы послѣдуемъ вызову къ намъ обращенному, писалъ одинъ изъ современныхъ финляндскихъ патріотовъ, то мы отворимъ двери интригѣ и преда-

димъ себя самихъ и силу нашихъ отцовъ въ руки правительства, которое, конечно, съумѣетъ воспользоваться этимъ въ ущербъ нашей свободѣ». Не смотря на недовѣріе, многіе изъ интелигенціи стали однако понимать, что путь, прокладываемый Спренгпортеномъ, есть единый полезный и вѣрный путь—къ завоеванію хоть какой-нибудь свободы. Послѣ долгихъ колебаній, депутаты, или правильнѣе, свѣдующіе люди, собрались въ Петербургѣ въ намѣреніи, какъ только обстоятельства позволятъ, настаивать на созваніи сейма. Занятія депутатовъ въ Петербургѣ не имѣли особаго значенія. Имъ предложено было разъяснить такую массу предметовъ, что на это потребовалось бы очень значительное время.

Необходимо отмѣтить, что Александръ Павловичъ, при всей трудности своего положенія въ щекотливомъ вопросѣ, держалъ себя вполнѣ рыцаремъ въ лучшемъ смыслѣ слова и ни одной минуты не помышлялъ отказаться отъ высказанныхъ въ манифестѣ и прокламаціяхъ обѣщаній.

Мѣропріятія правительства выразились къ тому времени въ слѣдующемъ. Подъ руководствомъ Спренгпортена выработывается положеніе о временномъ положеніи Финляндіи и о генералъ-губернаторѣ. Инициаторъ положенія назначается на мѣсто перваго генералъ-губернатора, въ каковомъ званіи онъ, однако, остается очень короткое время. Спренгпортенъ не съумѣлъ оказаться на высотѣ своего положенія: онъ былъ человѣкомъ идеи, пропаганды, но не обладалъ никакими административными способностями и тактомъ государственнаго дѣятеля. Наконецъ, государь изъявляетъ согласіе на созваніе сейма въ Борго и обѣщаетъ свое присутствіе на сеймѣ. Передъ собраніемъ, финскому народу дано новое подтвержденіе прежняго обѣщанія, выраженнаго уже въ предъидущемъ манифестѣ и въ прокламаціяхъ къ народу.

За подписью государя былъ теперь отпечатанъ манифестъ слѣдующаго содержанія: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственоручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили». Нечего пускаться въ толкованія этого документа: основное положеніе его то, что Финляндіи предоставлена конституція, которой она и прежде пользовалась, а также дано обѣщаніе ее не нарушать.

Въ такомъ же духѣ говорилъ Александръ Павловичъ и на сеймѣ; за это же чины Финляндіи въ своихъ привѣтственныхъ и отвѣтныхъ рѣчахъ прославляли его. «J'ai désiré vous voir pour vous

donner une nouvelle preuve de Mes intentions pour le bien de votre patrie.—J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales; votre réunion ici vous garantie Ma promesse», сказалъ государь собравшимся чинамъ сейма. На самомъ Боргосскомъ собраніи не велось никакихъ записей и протоковъ рѣчей и занятій, не было составляемо какого-либо новаго акта или грамоты соглашенія. Нравственныя узы связывали государя съ собравшимися, ясно было, что послѣдній, приведенный выше, манифестъ а также его рѣчь, достаточно исчерпали принципы политическаго бытія великаго княжества Финляндскаго и на долю чиновъ предоставлена была разработка болѣе второстепенныхъ вопросовъ. Такихъ вопросовъ было поставлено четыре: о военномъ устройствѣ, о взиманіи податей, о монетной системѣ и назначеніи чиновъ въ Правительственный Сенатъ. Всѣ эти пункты были разработаны въ направленіи благопріятномъ для Финляндіи, гарантируя ей независимое существованіе. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ послѣдовало уже въ Петербургѣ безъ участія сейма. При закрытіи сейма, государь сказалъ весьма теплую рѣчь, которая, по нашему мнѣнію, лучше и крѣпче всякихъ зареестрованныхъ актовъ исчерпывала сущность будущей политической жизни страны. Г. Ординъ позволяетъ себѣ называть эту рѣчь несоотвѣтствующею высокому пониманію государственныхъ интересовъ великой имперіи. Узкій и практическій патріотизмъ не позволяетъ ему оцѣнить по достоинству рѣчь, которая въ сущности должна быть записана въ исторіи крупными буквами. Вообще его отношенія къ тогдашнему русскому правительству и его вождю болѣе чѣмъ странны. Въ его изображеніи и Александръ Павловичъ, и его сотрудники нарисованы какими-то очень недалекими простачками, которые даютъ себя на каждомъ шагу обманывать и проводить финляндскимъ дѣятелямъ, какими-то невѣждами, непонимающими что̀ говорятъ, что̀ подписываютъ. Патріотизмъ автора въ данномъ случаѣ завелъ его черезчуръ далеко. «Занятія ваши съ этой минутой прекращаются»,—сказалъ Александръ Павловичъ при закрытіи сейма.—«Но расходясь, вамъ предстоитъ исполнить существенныя обязанности. Несите въ глубину вашихъ провинцій, запечатлѣвайте въ умахъ вашихъ соотечественниковъ то же довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ трудахъ. Внушите имъ то же убѣжденіе, ту же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности. Этотъ храбрый и лойяльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей. Занимая отнынѣ мѣсто въ средѣ народовъ, подъ властью своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы

когда миръ ихъ возстановить. А я, я соберу лучшіе плоды моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ успѣяніемъ воздающимъ справедливость моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ судьбу».

Высоко-гуманныя слова императора осуществились: путь жизни, указанный имъ Финляндіи, привелъ ее къ тому благосостоянію и культурному развитію, которымъ могутъ позавидовать иные народы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, финны не должны забывать, что они обязаны своимъ благосостояніемъ великодушію русскихъ государей и что только тѣсная связь съ могущественной Россіей можетъ обезпечить имъ политическую будущность.

Б. Глинскій.

РЕМБРАНДТЪ.

ЗНАЧЕНІЕ Рембрандта—одного изъ самыхъ оригинальныхъ и самобытныхъ художниковъ въ мірѣ, одной изъ первыхъ величинъ въ исторіи живописи — оцѣнено по достоинству въ сравнительно недавнее время. Только въ половинѣ 60-хъ годовъ память Рембрандта была окончательно очищена отъ клеветы, которая окружала его имя какъ художника и человѣка въ теченіе болѣе 150 лѣтъ. Современники знаменитаго мастера изображали его чудакомъ съ плебейскими привычками, но, по крайней мѣрѣ, не разсказывали про него ничего позорящаго честь. Черезъ полвѣка послѣ смерти его впервые скандальная хроника завладѣла его именемъ и съ половины XVIII столѣтія Рембрандта изображали отъявленнымъ плутомъ, занимавшимся живописью и офортомъ единственно изъ корысти. Его выставляли злостнымъ банкротомъ, ловко надувавшимъ торговцевъ гравюрами. Разсказывали, что въ одной и той же доскѣ онъ дѣлалъ разныя незначительныя измѣненія и разные оттиски одной и той же гравюры выдавалъ за совершенно различныя гравированныя работы. Увѣряютъ, будто онъ убѣдилъ свою жену объявить его умершимъ и устроить посмертную распродажу своихъ работъ, чтобы сбыть оттиски гравюръ и картины по возвышеннымъ цѣнамъ.

Но уже въ первые годы нашего вѣка стали высказываться сомнѣнія въ достовѣрности подобнаго сорта показаній скандальной хроники, занялись собираніемъ біографическаго матеріала о Рембрандтѣ, появились новыя изслѣдованія, и безчисленное множество всякихъ нелѣпыхъ басенъ, которыя разсказывались про него, оказались вздорными выдумками. Наконецъ, въ 60-хъ годахъ вы-

Рис. 1. Рембрандтъ и его жена.
(Дрезденъ).

шла въ свѣтъ полная и достовѣрная біографія, написанная Фосмаромъ. Съ тѣхъ поръ явился цѣлый рядъ біографій знаменитаго художника, которыя дали возможность ознакомить и большую часть публики съ его жизнеописаніемъ. Въ ряду этихъ жизнеописаній наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ научно-составленной біографіи вполнѣ популярно изложенное нѣмецкое сочиненіе Кнакфуса. Тутъ дѣятельность Рембрандта разсмотрѣна въ хронологической послѣдовательности его произведеній, причемъ разсказано содержаніе и показано значеніе каждаго изъ этихъ произведеній. Текстъ дополняется множествомъ иллюстрацій съ картинъ и гравюръ великаго художника. Эти иллюстраціи особенно интересны потому, что онѣ вполнѣ характеризуютъ Рембрандта, какъ живописца и гравера. Недавно изданъ очень хорошо исполненный русскій переводъ сочиненія Кнакфуса подъ заглавіемъ: «Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній», заключающій въ себѣ 155 снимковъ съ картинъ, гравюръ и рисунковъ голландскаго живописца, и это изданіе, впервые въ популярномъ изложеніи знакомящее русскую публику съ величайшимъ явленіемъ въ исторіи искусства, достойно тѣмъ большаго вниманія, что имя Рембрандта служитъ наилучшимъ украшеніемъ нашего Эрмитажа, который богатъ шедеврами его. Пользуясь нѣсколькими иллюстраціями названнаго изданія, мы съ помощью ихъ и свѣдѣній о Рембрандтѣ, приведенныхъ въ извѣстность въ послѣднее время въ иностранной печати, попробуемъ въ сжатомъ видѣ очертить его дѣятельность.

Рембрандтъ Гарменецъ (сынъ Германна) ванъ-Рейнъ, былъ сынъ мельника Гармена Герритсцона. Онъ родился 19-го іюля 1607 года въ Лейденѣ, за десять лѣтъ до кончины Шекспира. Прозвище ванъ-Рейнъ фамилія его получила отъ того, что мельница отца Рембрандта находилась на одномъ изъ рукавовъ Рейна. Родители знаменитаго голландскаго художника жили въ достаткѣ. Рембрандтъ наслѣдовалъ отъ нихъ по тому времени хорошую сумму. Его отдали въ латинскую школу, но рисованіе увлекало его болѣе, чѣмъ изученіе вокабулъ, и отецъ отдалъ его въ ученье къ живописцу, одному изъ родственниковъ, а потомъ, когда сынъ оказалъ большіе успѣхи въ живописи, его отвезли въ Амстердамъ къ Питеру Ластману, въ то время считавшемуся знаменитостью. По окончаніи ученья у Ластмана, Рембрандтъ лишь нѣсколько лѣтъ работалъ въ Лейденѣ, а въ 1630 году отправился въ Амстердамъ, гдѣ онъ и оставался до самой смерти въ теченіе 39 лѣтъ. Самой ранней изъ сохранившихся его картинъ считается картина, написанная въ 1627 году, когда ему было 20 лѣтъ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлалъ свой первый офортъ и до самой кончины усердно занимался гравированіемъ. Всѣхъ картинъ Рембрандта насчитывается до 320, а офортовъ—377, за исключеніемъ различныхъ от-

Рис. 2. Лекція анатоміи.
Картина 1632 года (въ Королевскомъ музеѣ, въ Гаагѣ).

тисковъ. Все это исполнено имъ собственноручно безъ всякой помощи учениковъ или сотрудниковъ.

Въ 1634 году онъ женился на Саскіи Уиленбургъ. Біографы его изъ прошлаго столѣтія увѣряли, что жена Рембрандта происходила изъ низшаго слоя, а въ дѣйствительности она была дочерью Ромберта Уиленбурга, сперва бургомистра въ Линварденѣ, а потомъ совѣтника при Фрисландскомъ дворѣ. Саскія принесла мужу 40,000 флориновъ въ приданое. Быть можетъ благодаря этому браку Рембрандтъ попалъ въ общину баптистовъ. Во всякомъ случаѣ преданіе о томъ, что онъ былъ менонитомъ, считается вѣроятнымъ.

Многочисленные портреты Саскіи, рисованные, писанные и гравированные Рембрантдомъ, доказываютъ, что она плѣнила его не однимъ приданымъ и своимъ происхожденіемъ. Въ годъ своего брака до свадьбы Рембрандтъ написалъ свой портретъ, находящійся теперь въ Кассельской галлереѣ, и тутъ онъ смотритъ печальнымъ и безнадежно разочарованнымъ. За то совсѣмъ другимъ Рембрандтъ представленъ на своемъ портретѣ въ Дрезденской галлереѣ (1640 г.). Веселье и радость видны на лицѣ художника, поднявшаго бокалъ съ шампанскимъ за здоровье своей жены, которая сидитъ у него на колѣняхъ и видимо чувствуетъ себя счастливой. (Рис. 1).

Этотъ 8-ми-лѣтній бракъ былъ для Рембрандта порой особенно напряженной дѣятельности, счастливыхъ удачъ, быстро возроставшей славы и семейнаго счастья. Сыновья именитыхъ людей добивались чести учиться у него. Живописецъ находился въ тѣсной дружбѣ съ видными дѣятелями, особенно съ бургомистромъ Сиксомъ, который устроилъ для него въ своемъ помѣстьѣ мастерскую, чтобъ чаще видѣться съ любимымъ пріятелемъ. Рембрандтъ отплатилъ ему за эту дружбу, увѣковѣчивъ его въ превосходнѣйшемъ офортномъ портретѣ.

Вообще искусство Рембрандта увѣковѣчило многихъ его современниковъ, знаменитыхъ и не знаменитыхъ людей всякаго возроста и всякихъ профессій и положеній въ жизни.

Въ домѣ, который купилъ себѣ Рембрандтъ, нерѣдко очень веселились. Въ то время живописецъ былъ богатымъ человѣкомъ. Кромѣ доходовъ съ своего капитала, онъ очень много заработывалъ своими картинами и офортами. Его заваливали заказами и при всемъ его неутомимомъ трудолюбіи заказчики должны были ждать зачастую цѣлые годы. Онъ любилъ устроивать маскированныя празднества, самъ маскировался и одѣвалъ жену и пріятелей въ различные костюмы, которые онъ находилъ въ Амстердамѣ. А въ данномъ случаѣ ни одинъ городъ въ свѣтѣ не могъ тогда сравниться съ Амстердамомъ. Тамъ были постоянными гостями турки, армяне, греки, евреи, въ своихъ разнообразныхъ бѣдныхъ и бас-

Рис. 3. Представители союза суконныхъ производителей (de staalmeesters).
Картина 1661 г. (въ Амстердамскомъ музеѣ).

нословно богатыхъ костюмахъ всевозможныхъ красокъ. Изъ Индіи и Америки привозились туда различныя рѣдкости по части одеждъ, оружія и посуды, и многія изъ этихъ рѣдкостей украшали кабинетъ Рембрандта. Съ неменьшимъ усердіемъ онъ собиралъ и предметы искусства; онъ имѣлъ до ста картинъ, въ томъ числѣ были

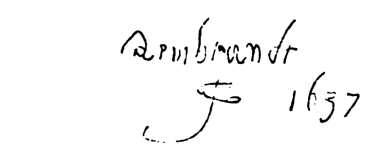

Рис. 4. Три этюда головъ.
Гравюра 1637 г.

Рафаэлевскія, Джорджоне, Пальма, Веккіо; драгоцѣнная коллекція гравюръ, въ лучшихъ листахъ, собраніе слѣпковъ съ антиковъ, поглотили не мало денегъ этого «корыстолюбца».

Въ 1642 году умерла Саскія. Она завѣщала свое состояніе въ 40,750 флориновъ сыну (родился въ 1641 году и впослѣдствіи былъ живописцемъ), а мужу предоставила пользоваться всѣмъ до

вторичнаго брака. Но черезъ десять лѣтъ, не смотря на свое значительное состояніе, Рембрандтъ впалъ въ долги. Какъ случилось это, остается невыясненнымъ. По всей вѣроятности, тогдашній всеобщій застой въ дѣлахъ, вызванный продолжительными религіозными войнами, разорилъ и знаменитаго живописца. Въ 1648 г. былъ заключенъ Вестфальскій миръ. Рембрандтъ въ честь его написалъ аллегорическую картину, единственную картину изъ новѣйшей или, точнѣе, не библейской исторіи, въ ряду его произведеній. Голландію тогда постигъ кризисъ. Государственная казна

Рис. 5. Гравированный портретъ Рембрандта (въ беретѣ съ перомъ).

изсякла, торговля была въ полномъ застоѣ, въ Амстердамѣ до 3,000 домовъ пустовали, трава росла на улицахъ. Кому пришла бы охота въ такое время покупать картины? Съ другой стороны, и вкусы уже значительно измѣнились. Водворились французскіе обычаи и моды, цѣнилась наиболѣе миніатюрная зализанная манера въ живописи и это было въ то время, когда Рембрандтъ проявлялъ въ своихъ работахъ все болѣе смѣлости и широты. Межъ тѣмъ ему уже поздно было ради денегъ жертвовать своими художническими убѣжденіями. Такъ бѣда стряслась и надъ нимъ.

Въ ноябрѣ 1657 года, часть его имущества была продана съ аукціона. Въ концѣ слѣдующаго года пошла съ молотка и оставшаяся часть имущества. Рембрандтъ долженъ былъ видѣть, какъ

его цѣнныя, съ такимъ трудомъ собранныя, коллекціи разсѣялись по сторонамъ за смѣшную цѣну въ 4,964 гульдена. Въ февралѣ 1658 г. былъ проданъ и домъ его за 11,218 гульденовъ. Кредиторы поступили съ Рембрандтомъ съ варварской жестокостью. Онъ долженъ былъ немедлено очистить квартиру.

Но самообладаніе геніальнаго человѣка оставалось несокрушимымъ. Въ этотъ критическій годъ онъ произвелъ нѣсколько шедевровъ: «Притча о виноградникѣ» (въ Франкфуртѣ), «Іаковъ благословляетъ сыновей Іосифа» и «Копьеносецъ» (въ Касселѣ). Двѣ послѣднія картины были оцѣнены въ инвентарѣ «Musée Napoleon» въ 60,000 и въ 25,000 франковъ — сумма, которой, по крайней мѣрѣ, дважды можно было погасить долги Рембрандта. Мало-по-малу живописецъ неутомимымъ трудолюбіемъ поправилъ свои дѣла, вступилъ въ новый бракъ съ Екатериной ванъ-Викъ и 8-го октября 1669 года скончался почти забытый своими современниками.

Долгое время потомъ Рембрандта считали богато одареннымъ живописцемъ, но стоявшимъ на ложной дорогѣ. Даже историки искусства, отдавая справедливость его таланту къ живописи, объявляли какою-то странностью все то, что у него опиралось на національныя особенности. Имъ казалось ироніей то, что Рембрандтъ для своихъ библейскихъ картинъ бралъ типы изъ дѣйствительной жизни. Историки усматривали небрежность въ томъ, что онъ туземный или восточный костюмъ предпочиталъ античному. Только позднѣе подобные упреки потеряли всякое значеніе. Рембрандта стали цѣнить за индивидуальность, ярко выраженную въ его произведеніяхъ, и поняли, что онъ въ Голландіи былъ тѣмъ, чѣмъ былъ Рафаэль въ Италіи.

Для голландскаго искусства особенно характерны картины Рембрандта, изображающія стрѣлковъ и регентовъ. Гильдіи стрѣлковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи возникли милиціи гражданъ Голландіи, въ тѣ времена пользовались особенной популярностью. Въ случаѣ необходимости они являлись главной защитой отечества и Рембрандту въ дѣтствѣ приходилось не разъ слышать разсказы о томъ, какъ храбро граждане Лейдена защищали свой городъ въ 1573—1574 году.

Немудрено, что голландцы любили украшать свои дома картинами изъ быта стрѣлковъ и портретами ихъ предводителей. Примѣру гильдій стрѣлковъ слѣдовали и другія гильдіи, особенно гильдія хирурговъ. Въ военное время хирурги считались самыми необходимыми людьми. Въ различныхъ городахъ, въ Амстердамѣ, Лейденѣ и Дельфтѣ, были устроены анатомическія камеры. Во главѣ ихъ стоялъ профессоръ, при которомъ находилось нѣсколько врачей-учениковъ. 24-хъ-лѣтній Рембрандтъ написалъ въ 1632 году для амстердамской гильдіи хирурговъ, по заказу доктора Тульпа, свою знаменитую «Анатомію». (Рис. 2). На этой картинѣ изо-

Рис. 6. Портретъ Рембрандта,
написанный около 1635 года (Лондонъ, Національная галлерея).

бражено, какъ знаменитый профессоръ Тульпъ демонстрируетъ мускулы руки на трупѣ злодѣя, прославившагося своей физической силой. Тутъ видимъ 8 характерныхъ головъ. Не даромъ «Анатомію» сравниваютъ съ «Аѳинской школой» Рафаэля. Рембрандтъ даетъ портреты хирурговъ, но беретъ ихъ въ тотъ моментъ, когда доктора съ напряженнымъ вниманіемъ одушевлены общимъ

Рис. 7. Рембрандтъ съ женою.
Гравюра 1637 г.

для нихъ интересомъ. Это—прославленіе науки искусствомъ и въ то же время школа науки. На каждомъ лицѣ можно прочесть, въ какомъ смыслѣ оно одушевлено въ данную минуту. Одинъ вслушивается въ слова Тульпа, другой пристально смотритъ на мускулы, вскрытые пинцетомъ, третій обдумываетъ видѣнное и слышанное, четвертый критически сравниваетъ только-что услышанное съ тѣмъ, что онъ читалъ въ книгахъ и т. д., и, наконецъ, самъ Тульпъ стоитъ спокойно; то, что онъ сказалъ, очевидно, уже давно

сдѣлалось его неотъемлемой собственностью. Любопытно, что въ картинѣ нѣтъ никакихъ другихъ тоновъ, кромѣ чернаго, коричневаго и бѣлаго. Трупъ, написанный съ поразительнымъ реализмомъ, нималѣйше не нарушаетъ впечатлѣнія. Бюрже, изслѣдователь музеевъ Голландіи, говоритъ объ этой картинѣ: «странно, что даже не думаешь объ этомъ трупѣ, который, однако, находится передъ

Рис. 8. Яковъ Катсъ, ученый законовѣдъ, поэтъ и государственный человѣкъ (впослѣдствіи голландскій пенсіонарій и хранитель печати).
Гравюра 1635 г.

нами, даже какъ бы не видишь его. Въ этомъ заключается изумительный пріемъ этой композиціи, которая въ присутствіи смерти побуждаетъ думать только о жизни».

Не менѣе поразительное дѣйствіе производитъ третья картина той же категоріи, изображающая представителей гильдіи суконщиковъ за работой. Почтенные граждане сидятъ за зеленымъ столомъ. И здѣсь простыя группы портретовъ доведены мастерствомъ художника до степени исторической картины. (Рис. 3).

Но Рембрандтъ своеобразенъ и въ портретахъ отдѣльныхъ лицъ. Въ каждомъ портретѣ Рембрандтъ показываетъ какую-нибудь новую сторону своего мастерства и ни въ одной не видно того, что называется манерой. Художникъ показываетъ намъ человѣка со всѣмъ, что онъ переживаетъ, не только его характеръ, но и душевное настроеніе. Эта новая черта внесена именно Рембрандтомъ въ портретную живопись. Въ данномъ случаѣ любопытны самые этюды его (рис. 4), отличающіеся экспрессіей. Онъ не разъ писалъ себя самого и всегда въ различныхъ настроеніяхъ души, отъ веселаго до меланхоличнаго, даже почти отчаяннаго состоянія. (Рис. 5, 6 и 7). Столь же субъективенъ онъ и въ портретахъ другихъ. Какъ на одинъ изъ характернѣйшихъ портретовъ, укажемъ на «Якова Катса». (Рис. 8). Кто не знаетъ его головъ стариковъ, съ выраженьемъ горя и страданія, борьбы съ нуждой и внутреннихъ терзаній. Другія головы говорятъ намъ, напротивъ, о спокойствіи и мирѣ души, о добротѣ и участливости.

Даже самая техника Рембрандта, внѣшній способъ выраженія внутренняго содержанія, носитъ на себѣ печать его сосредоточенной въ самой себѣ субъективности, и въ то же время глубоко національна. Техника масляныхъ красокъ изобрѣтена впервые въ Нидерландахъ. Рисунокъ можетъ передать красивыя формы, изобразить яснѣе драматичность сюжета, но глубина впечатлѣнія достигается только красками. И Рембрандтъ прежде всего колористъ. Весьма вѣроятно, что для своихъ картинъ онъ предварительно дѣлалъ этюды въ краскахъ, но можетъ считаться вѣроятнымъ и то, что онъ никогда не дѣлалъ набросковъ въ рисункахъ. Абрисъ фигуры, группы его не занималъ. Но за то гармоничное впечатлѣніе отъ красокъ было для него на первомъ планѣ. Говорятъ даже, что онъ не умѣлъ рисовать и потому писалъ иные портреты безъ рукъ. Но послѣднее обстоятельство находитъ свое объясненіе въ томъ, что ему заказывали портреты съ руками и безъ нихъ. Портреты безъ рукъ стоили дешевле. Въ Рембрандтѣ во всемъ виденъ реалистъ, только въ одномъ онъ идеалистъ-поэтъ, это въ колоритѣ или въ распространеніи свѣта и тѣней.

Въ живописи Рембрандта различаютъ три періода. Въ первомъ періодѣ (до 1636 г.) рисунокъ у него тщательный и точный. Рембрандтъ заботится тутъ главнымъ образомъ о жизненной правдѣ. По изслѣдованію одного изъ главныхъ біографовъ голландскаго мастера, Эдуарда Колова («Rembrandts Leben und Werke»), «осторожная трантовка, нѣжное исполненіе, тонкіе полутоны, тщательная моделировка» — таковы характерные признаки картинъ этого періода. Все въ нихъ мягко и гладко. Серебристые тоны встрѣчаются въ изобиліи. Во второмъ періодѣ дѣятельности Рембрандта (1636 — 1656 гг.) эта гладкость и законченность уступаетъ мѣсто болѣе широкому письму. Его картины получаютъ все болѣе золотистый

Рис. 9. Іаковъ благословляетъ Ефрема и Манассію.
Картина 1656 г. (въ Кассельской галлереѣ).

тонъ. Третій періодъ (1656—1669 гг.) отличается легкостью и виртуозностью манеры, иногда граничащей съ грубостью и рѣзкостью, но за то дѣлающей изображеніе ярче и сильнѣе. Немудрено, что тѣ, кто привыкъ къ зализанной отдѣлкѣ, впослѣдствіи пытались увѣрить, что Рембрандтъ писалъ свои картины не кистью, а пальцами. Вблизи подобная картина его представляется какимъ-то хаосомъ красочныхъ кляксовъ, а на извѣстномъ разстояніи эти кляксы придаютъ изображенію драматическую силу, тоны гармонично сливаются между собой. Разсказываютъ, что самъ Рембрандтъ предостерегалъ зрителей близко смотрѣть на свои картины. «Мои картины можно осматривать, а не обнюхивать»,—говорилъ онъ. А тѣмъ, кто требовалъ отъ него болѣе тщательной отдѣлки, онъ говорилъ:—«всякая картина должна считаться готовой, если живописецъ выразилъ въ ней то, что онъ хотѣлъ сказать».

Рембрандтъ великій мастеръ не только какъ портретистъ. Его картины религіознаго содержанія обличаютъ въ немъ первокласснаго художника. Въ этихъ картинахъ онъ является точнымъ иллюстраторомъ Библіи. Онъ знаетъ ее досканально и не забываетъ ни малѣйшей самой незначительной черты. Само собою разумѣется, онъ воспроизводитъ библейскіе разсказы такъ, какъ они представляются его уму. Протестантъ временъ Рембрандта зналъ Библію наизусть и, весьма естественно, желалъ видѣть передъ собой сюжеты ея въ картинахъ. Патріархи, апостолы являлись для него знакомыми фигурами, какъ его предки. Свою жизнь онъ старался устроить сообразно съ ихъ жизнью. Неудивительно, что онъ переносилъ ихъ дѣянія на собственную родную почву. Все старинное искусство поступало также и Рембрандтъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ примѣру средневѣковаго искусства. Его Марія—счастливая, красивая голландская крестьянка. Его Іосифъ—настоящій голландскій плотникъ, его милосердый Самарянинъ стоитъ передъ настоящей голландской гостиницей. Но при этомъ Рембрандтъ на многихъ картинахъ стремится къ достиженію археологической точности. Самые сцены, правда, происходятъ подъ облачнымъ нидерландскимъ небомъ, ибо Рембрандтъ не зналъ голубого неба Востока, но пальмы и другія растенія Палестины онъ пробуетъ передавать съ точностью. Онъ одѣваетъ своихъ патріарховъ турками или евреями и раввинами Амстердама, и тутъ онъ съ своей точки зрѣнія вполнѣ правъ. Это была наиболѣе правдоподобная одежда, въ которую онъ могъ облекать ихъ. Рафаэль писалъ для князей церкви и не мудрено, что онъ апостоламъ и святымъ придавалъ княжескую осанку. Республиканецъ Рембрандтъ видѣлъ въ нихъ, что также естественно и даже правильнѣе исторически, горожанъ, крестьянъ и ремесленниковъ, только возвышенныхъ идеями, которые ихъ одушевляли. Въ изображеніяхъ Христа онъ послѣдовательно передаетъ эпизоды изъ земной Его жизни, начиная отъ

Рождества до Вознесенія на небо, иллюстрируетъ притчи, и всякое событіе изображаетъ съ жизненнымъ драматизномъ.

Протестантскій характеръ его религіозныхъ картинъ едва ли не самая яркая черта національизма Рембрандта. Голландцы всѣмъ жертвовали для защиты своего исповѣданія. «Лучше подчиниться туркамъ, чѣмъ папѣ», писали лейденцы на своихъ жилищахъ въ то время, когда голодъ свирѣпствовалъ между ними въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. И протестанты, возставая противъ угнетателей,

Рис. 10. Ландшафтъ передъ грозою.
(Альбертина).

на защиту своей вѣры, охотно сравнивали себя съ героями Ветхаго Завѣта. Такъ всегда поступали пуритане Шотландіи. Тоже дѣлали и кальвинисты нижняго Рейна. Въ Оранцахъ, изъ которыхъ одинъ за другимъ погибали героями одни отъ рукъ злодѣевъ, другіе на полѣ битвы, въ борьбѣ за отечество и вѣру, голландцы видѣли свой родъ Маккавеевъ. Рембрандтъ раздѣлялъ съ своими соотечественниками эту любовь къ Ветхому и Новому Завѣту. Начиная съ исторіи созданія четы прародителей человѣчества до трогательной исторіи Товіи, которой онъ посвятилъ цѣлый рядъ картинъ и офортовъ, онъ изображаетъ простые, то трогательные, то драма-

тическіе этюды изъ іудейской исторіи. Жертвоприношеніе Авраама, милосердый Самарянинъ, Іаковъ благословляетъ Ефрема и Манассію (рис. 9), Моисей со скрижалями,—вотъ сюжеты его лучшихъ библейскихъ картинъ. Героическій образъ Самсона нерѣдко плѣнялъ фантазію Рембрандта. Онъ прослѣживаетъ всю его жизнь съ того момента, какъ ангелъ возвѣщаетъ родителямъ о рожденіи его. Мы видимъ Самсона на свадебномъ пиру (въ Дрезденѣ), его ослѣп-

Рис. 11. Пирожница.

Гравюра 1635 г.

леніе (въ Вѣнѣ и Дрезденѣ), издѣвательство надъ нимъ тестя его. Сусанна и исторія Маккавеевъ также служили ему матеріаломъ для картинъ. За то область миѳологіи не привлекала Рембрандта. Картины его «Плутонъ соблазняющій Прозерпину», «Ганимедъ похищенный орломъ» кажутся скорѣе пародіей на миѳологическіе сюжеты, чѣмъ серьезнымъ ихъ воспроизведеніемъ.

Въ области пейзажа заслуги Рембрандта немаловажны. Онъ писалъ голландскіе мотивы и только однажды воспользовался итальян-

скимъ мотивомъ (картина эта находится въ Кассельской галлереѣ). Но онъ никогда не покидалъ своей родины и довольствовался точнымъ объективнымъ изображеніемъ того, что было близко его народу. Все, что занимаетъ человѣка, спокойствіе и миръ, глубокая печаль и горе, дикія страсти, все это онъ видитъ въ природѣ. Онъ же проторилъ дорогу пейзажу съ настроеніемъ (рис. 10), такъ что ему справедливо отводится въ голландской школѣ первое мѣсто и въ этомъ отношеніи. Въ числѣ его офортовъ есть такіе листы, относительно которыхъ нельзя рѣшить, бытовыя ли это или пейзажныя картины. Жизнь и занятія простого народа всегда интересовали его. Онъ показываетъ намъ и ту пеструю толпу чужеземныхъ гостей, которая наполняла Амстердамъ его времени. Турки и другіе азіаты, негритянка, жители еврейскаго квартала, какой-нибудь шарлатанъ, пирожница (рис. 11), нищіе — всѣ должны были ему позировать.

Въ своихъ произведеніяхъ Рембрандтъ не подчиняется ровнымъ и всенивелирующимъ законамъ красоты. Это не его область. Его лозунгъ—«борьба», а единственный законъ красоты, котораго онъ держится—неотступно-историческая правда. Борьба между свѣтомъ и тѣнью,—не пустой кунштюкъ, придуманный Рембрандтомъ въ угоду любителя, это своего рода лозунгъ того бурнаго времени, когда лилась кровь и все самое дорогое человѣку приносилось въ жертву для того, чтобъ яснѣе и свѣтлѣе стало въ сердцахъ.

Ѳ. Б.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г. Переводъ со 2-го англійскаго изданія М. В. Лучицкой, подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Москва. 1889.

НАША ИСТОРИЧЕСКАЯ литература, которая вообще не можетъ похвастаться большимъ богатствомъ, отличается особенной бѣдностью въ области новѣйшей исторіи. Есть, правда, на русскомъ языкѣ десятокъ-другой трудовъ, посвященныхъ разработкѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ вопросовъ въ этой области, но сочиненій болѣе общаго характера, охватывающихъ болѣе значительные промежутки времени и не ограничивающихся исторіей отдѣльныхъ странъ, крайне мало, включая сюда и произведенія, переведенныя съ иностранныхъ языковъ. Въ виду этого пріобрѣтаетъ особенную цѣну появившійся недавно русскій переводъ сочиненія англійскаго историка Файфа, заглавіе котораго мы выписали выше.

«Цѣль предлагаемаго труда,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—показать, какимъ образомъ европейскія государства усвоили тѣ формы и характеръ, которыми они отличаются въ настоящее время». Авторъ принимаетъ за исходную точку своего труда 1792 годъ, годъ начала революціонной войны, какъ пунктъ, которымъ замкнулся предшествовавшій періодъ и начался новый внесеніемъ въ жизнь новыхъ идей, приведшихъ въ концѣ концовъ къ образованію государственнаго единства въ Италіи и Германіи; начавъ съ этого пункта, онъ въ первомъ томѣ излагаетъ исторію революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ и заканчиваетъ описаніемъ низложенія Наполеона въ 1814 году. Разсказъ ведется Файфомъ живо и интересно и обиліе фактовъ не утомляетъ читателя, такъ какъ они всюду поставлены въ тѣсную логическую связь другъ съ другомъ. Описывая событія революціонныхъ и затѣмъ наполеоновскихъ войнъ, авторъ постоянно указываетъ на то вліяніе,

какое они имѣли на другія государства, способствуя распространенію сперва духа свободы, а затѣмъ стремленія къ національной независимости и единству. Но наиболѣе новаго въ сравненіи съ другими историками, писавшими объ этой эпохѣ, даетъ Файфъ въ области тогдашней политики, и особенно политики англійской. Здѣсь онъ имѣлъ возможность пользоваться источникомъ, остававшимся до сихъ поръ неизвѣстнымъ, именно неизданными актами англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ за время съ 1792 по 1814 годъ. Благодаря пользованію этими актами, Файфъ представилъ въ своемъ трудѣ политику Англіи, а отчасти и другихъ державъ, въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Такъ, ему удалось, на основаніи депешъ англійскихъ министровъ и посланниковъ, доказать подложность договора 1813 года, по которому будто бы вся Италія отдавалась въ распоряженіе Австріи, и въ то же время онъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ что секретный договоръ 1815 года, по которому Австрія получила право не допускать перемѣнъ въ абсолютномъ образѣ правленія въ Неаполѣ, былъ сообщенъ британскому министерству и получилъ его одобреніе. Точно также въ трудѣ англійскаго ученаго можно найти много любопытныхъ подробностей о политикѣ Питта и Кэстльри, о дѣйствіяхъ Нельсона и Уеллингтона, подробностей частью новыхъ, частью уже извѣстныхъ, но получающихъ у него лучшее освѣщеніе. Но зато, подробно останавливаясь на всѣхъ перипетіяхъ военныхъ дѣйствій и на всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ описываемаго времени, обстоятельно рисуя роль каждой державы въ европейскомъ концертѣ и ея вліяніе путемъ дипломатіи и войнъ на другія государства, авторъ сравнительно мало обращаетъ вниманія на внутреннюю жизнь отдѣльныхъ странъ и народовъ. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ этой внутренней жизни, особенно Франціи и Германіи, замѣчанія его мѣтки и вѣрны, но порою недостаточно полны; еще чаще это послѣднее повторяется относительно другихъ странъ. Такъ, Файфъ очень мало, можно сказать, почти ничего не говоритъ о Робеспьерѣ за то время, когда онъ, во главѣ своей партіи, правилъ Франціей, и не даетъ никакой оцѣнки этой личности, имѣющей во всякомъ случаѣ глубокій интересъ и значеніе. Говоря далѣе о французскихъ конституціяхъ 1795 и 1799 гг., Файфъ оцѣниваетъ ихъ очень коротко и поспѣшно. Еще менѣе можно найти у нашего автора свѣдѣній изъ внутренней исторіи другихъ странъ: о внутреннихъ отношеніяхъ въ Россіи и Англіи до 1814 г. онъ не сообщаетъ своимъ читателямъ почти ничего. Можно еще указать наконецъ, что и въ изложеніи военныхъ дѣйствій у него не вездѣ существуетъ равномѣрность: такъ, кампанія 1812 года изложена сравнительно съ другими слишкомъ кратко, но для русскаго читателя это не составитъ, конечно, большого неудобства. Впрочемъ, и самое преобладаніе въ книгѣ изложенія войнъ и дипломатическихъ сношеній государствъ надъ изученіемъ ихъ внутреннихъ отношеній и развитія политическихъ идей не такъ еще замѣтно въ первомъ томѣ, благодаря свойствамъ самого періода, описываемаго здѣсь авторомъ. Гораздо рѣзче оно кидается въ глаза во второмъ томѣ, обнимающемъ собою время съ 1814 по 1848 годъ. Возникновеніе и развитіе тѣхъ великихъ вопросовъ, попытки и приготовленія къ разрѣшенію которыхъ составляютъ содержаніе почти всего этого періода въ большинствѣ европейскихъ странъ, именно вопросовъ національныхъ и соціальныхъ, недостаточно полно прослѣжено авторомъ. Болѣе подробно сдѣлано это Файфомъ по отношенію къ Гер-

манія, Италіи и Греціи. Онъ излагаетъ тѣ обстоятельства, которыя помогали Пруссіи, иногда противъ воли ея государственныхъ дѣятелей, стать во главѣ національнаго движенія въ Германіи, равно какъ излагаетъ національное движеніе въ Италіи и Греціи и вызванныя имъ возстанія, но при этомъ мало вноситъ въ свое изложеніе новаго. Національныя же стремленія среди венгровъ и славянъ, подчиненныхъ Австріи, изложены у Файфа крайне бѣгло и неполно. Еще менѣе усилій положено авторомъ на выясненіе соціальнаго вопроса, составляющаго однако одну изъ важнѣйшихъ причинъ всѣхъ политическихъ волненій въ государствахъ Западной Европы въ теченіе всего описываемаго имъ и послѣдующаго періода. Авторъ упоминаетъ и соціализмѣ, какъ о дѣйствующей уже силѣ, но не дѣлаетъ попытки прослѣдить его возникновеніе и развитіе, и разобрать его въ качествѣ научной теоріи, или въ качествѣ политическаго ученія, ограничиваясь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, ничего не могущими дать незнакомому съ положеніемъ вопроса читателю. Точно также не даетъ Файфъ и очерка положенія рабочихъ классовъ за это время. Внѣшняя исторія, политика и дипломатія, попрежнему остаются центромъ тяжести его изложенія, хотя въ это время политика правительствъ въ большинствѣ случаевъ играла лишь роль тормаза, сдерживающаго народныя движенія. Въ этой области онъ даетъ нѣсколько интересныхъ положеній. Любопытенъ взглядъ Файфа на священный союзъ, какъ на актъ, не имѣвшій никакого реальнаго значенія, взглядъ, впрочемъ, уже не новый. Можно отмѣтить еще попытку его доказать тождество идей, которыми руководились Кэстльри и Каннингъ въ своей иностранной политикѣ, попытку, однако, не совсѣмъ удавшуюся и приведшую его самого къ нѣкоторымъ противорѣчіямъ. Укажемъ еще на характеристику императора Александра I, сдѣланную англійскимъ ученымъ: «Какъ ни молодъ былъ Александръ I—говоритъ онъ, описывая его смерть—для человѣка, процарствовавшаго 24 года, но изъ всѣхъ людей онъ былъ наиболѣе утомленнымъ жизнью. Могущество, счастье, радостное возбужденіе достались ему въ удѣлъ въ бо́льшей степени, чѣмъ кому-либо изъ его современниковъ, исключая одного Наполеона. Но они не оставили ему ничего, кромѣ утѣшенія въ религіозномъ смиреніи и увѣренности, что другая высшая сила приведетъ въ исполненіе то, въ чемъ онъ самъ потерпѣлъ неудачу. Даже въ моментъ крупнѣйшихъ своихъ дѣяній и среди величайшихъ событій, ему самому недоставало всегда одного—величія. Онъ выказалъ себя съ наилучшей стороны въ томъ, въ чемъ возбудилъ противъ себя наибольше порицаній въ своихъ надеждахъ; и затѣмъ онъ самъ бросилъ эти надежды и отрекся отъ нихъ. Энергія, дальновидность, единство цѣлей,—качества, дающія человѣку силу руководить событіями, только случайно проявлялись въ немъ, и то иногда только повидимому. Вслѣдствіе того, что ему недоставало этихъ качествъ, обширный и блестящій горизонтъ, разстилавшійся передъ нимъ въ молодые годы, былъ сначала омраченъ, а затѣмъ и совершенно исчезъ, пока наконецъ императоръ только своею набожностью и великодушіемъ сталъ отличаться отъ политиковъ реакціи, орудіемъ которыхъ онъ сдѣлался».

Въ общемъ, такимъ образомъ, книга Файфа представляетъ интересно и живо составленный обзоръ внѣшнихъ событій новѣйшей исторіи Европы и лишь по временамъ авторъ даетъ болѣе, но полной исторіи развитія идей и въ соотвѣтствіи съ этимъ развитія государственныхъ и общественныхъ формъ въ ней нѣтъ. Что касается перевода, то его можно назвать вообще

хорошимъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ неловкихъ оборотовъ, которыхъ, впрочемъ, и трудно было избѣжать совсѣмъ при переводѣ такого большого труда. Къ книгѣ приложены двѣ карты Европы—въ 1792 и 1811 гг.

В. М.

Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. Спб. 1889.

При изученіи исторіи Московскаго государства, нельзя не обратить вниманія на ту неопредѣленность, или лучше сказать, противорѣчіе, которое мы встрѣчаемъ во взглядахъ нашихъ историковъ на положеніе городовъ этого государства. Касаясь вопроса только мимоходомъ, каждый изъ нихъ обращалъ вниманіе только на одну какую-нибудь сторону вопроса, совершенно игнорируя другія, вслѣдствіе чего выводы ихъ отличаются крайней односторонностью и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже противорѣчатъ другъ другу. Такъ, Соловьевъ, говоритъ, что въ XVI — XVII вв. городъ «продолжалъ быть огороженнымъ селомъ, городскіе жители продолжали заниматься земледѣліемъ точно такъ же, какъ сельчане и деревенщики», Костомаровъ отождествляетъ городъ съ посадомъ, бывшимъ въ то время торговымъ и промышленнымъ пунктомъ, а по мнѣнію Хлѣбникова города были ни что иное, какъ военные аванпосты, съ военнымъ населеніемъ, особенно въ южныхъ окраинахъ государства и только за исключеніемъ очень богатыхъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ, «были мѣстомъ обоюднаго обмѣна простѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства». Такая односторонность взглядовъ объясняется также отчасти недостаточностью и неполнотой матеріала, который главнымъ образомъ заключался въ неизданныхъ до сихъ поръ писцовыхъ книгахъ. Незнакомство съ этимъ важнымъ источникомъ было, такимъ образомъ, главной причиной того пробѣла, который мы находимъ при описаніи положенія городовъ Московскаго государства и восполненію котораго посвящено настоящее сочиненіе г. Чечулина. Главною цѣлью этого сочиненія, по словамъ автора, является «воспроизведеніе со всею возможною подробностью тѣхъ условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель, тѣхъ фактическихъ отношеній, какія тогда существовали въ городѣ» (стр. 9).

Типъ города, какъ культурнаго центра и фактора общественной жизни, успѣлъ принять вполнѣ опредѣленныя формы къ концу XVI в. и началу XVII в., когда смута оказала значительное вліяніе на ихъ внутреннее состояніе. Это обстоятельство дало возможность автору ограничиться однимъ XVI вѣкомъ. Въ это время, въ Московскомъ государствѣ, какъ это видно изъ списка, сдѣланнаго авторомъ (стр. 15—21), было около 220 городовъ. Города эти, не смотря на нѣкоторыя общія черты съ деревнями, все-таки очень разнились отъ послѣднихъ, какъ по своимъ соціально-экономическимъ условіямъ, такъ и въ юридическомъ отношеніи; это видно, напримѣръ, изъ того, что «если города иногда и ставились частными лицами и считались ихъ вотчинами, то во всякомъ случаѣ не извѣстно ни одного примѣра, чтобы городомъ могъ кто-нибудь располагать, какъ объектомъ полной частной собственности; случаи продажи городовъ имѣли мѣсто только при переходѣ города къ болѣе сильному князю» (стр. 312); тогда какъ такого рода продажи деревень случались сплошь и рядомъ. Во всѣхъ городахъ Московскаго

государства мы встрѣчаемъ тяглыхъ посадскихъ (черныхъ) людей, называвшихся также иногда, по мнѣнію г. Чечулина, «людьми торговыми» (стр. 313), положеніе которыхъ юридически нисколько не отличалось отъ положенія тяглыхъ людей — сельчанъ. Единственная разница заключалась въ занятіяхъ: городскіе тяглые люди въ большинствѣ случаевъ были людьми торговыми и ремесленниками, что не мѣшало, впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ заниматься земледѣліемъ, а деревенскіе были по преимуществу земледѣльцы. Посадскіе черные люди, жившіе обыкновенно на посадѣ, составляли общину и вмѣстѣ владѣли посадской землей, что налагало на каждаго изъ членовъ общины нѣкоторыя обязанности и повинности, отъ которыхъ освобождались только служилые люди въ окраинныхъ городахъ, гдѣ присутствіе ихъ было необходимо для государства, въ сѣверныхъ же городахъ государство совершенно не вмѣшивалось въ раскладку общинныхъ повинностей на лицъ, жившихъ на общинной землѣ. Повинности эти были двухъ родовъ — тягло, представлявшее собой совокупность всѣхъ повинностей, которыя несла община, и оброкъ, представлявшій собой взносы и повинности каждаго отдѣльнаго плательщика, не вступившаго въ общину. Что касается до внутренняго устройства общины, то опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній по этому вопросу автору добыть не удалось.

Кромѣ черныхъ людей, въ каждомъ городѣ XVI в. были люди ратные, набиравшіеся изъ чернаго мѣстнаго населенія, а также изъ приходцевъ (стр. 326). Дѣлились они на приборы, подчинявшіеся головамъ, и сотни, во главѣ которыхъ стояли сотники, пятидесятники и десятники. Ратные люди, особенно казаки, имѣли собственные участки земли, занимались хлѣбопашествомъ, а нерѣдко также промыслами и торговлей (стр. 294). Во всѣхъ, конечно, городахъ были представители бѣлаго духовенства, а изрѣдка также и чернаго, которые въ большинствѣ случаевъ выбирались чернымъ населеніемъ и принимали, повидимому, участіе въ тяглѣ и торговлѣ, но отъ прикрѣпленія наравнѣ съ крестьянами охранялись Судебникомъ, а въ Уложеніи постановлено священниковъ и дьяконовъ, оказавшихся бѣглыми холопами, отсылать къ патріарху. Въ каждомъ также городѣ были представители служилаго сословія—дворяне и дѣти боярскіе, которые «должны были пріобрѣсти въ самомъ городѣ, или на посадѣ, особенно, если посадъ былъ также укрѣпленъ, осадные дворы» (стр. 332), «должны были содержать особыхъ людей своихъ, дворниковъ — главною задачею которыхъ было участіе въ защитѣ города» (стр. 333), а также несли станичную и сторожевую службу (стр. 213). Эта обязанность дворниковъ, а также то, что служилые люди должны были содержать ихъ, кажется намъ не вполнѣ выясненной г. Чечулинымъ, хотя болѣе точное рѣшеніе этого вопроса было бы желательно тѣмъ болѣе, что г. Чечулинъ чуть ли не первый попытался дать ему точное, научное рѣшеніе (стр. 274 и слѣд.). Торговлей и ремеслами дѣти боярскіе не занимались, что было скорѣе не въ обычаѣ, чѣмъ запрещалось закономъ. Производилась же торговля мѣстными жителями въ лавкахъ, причемъ платили довольно высокій оброкъ, а пріѣзжими торговцами—въ гостинныхъ дворахъ, которые были въ каждомъ городѣ. Что касается до ремеслъ, то, по изслѣдованію автора, ихъ было до 210 разныхъ названій, среди которыхъ было больше всего ремесленниковъ, занимавшихся приготовленіемъ продуктовъ питанія, одежды и другихъ предметовъ домашняго обихода.

Администрація города въ то время не была еще правильно организована. Во главѣ городовъ стоятъ, то намѣстники, то воеводы, то дьяки, въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются губные старосты, таможенные губы, тіунская судебня и др., хотя точно опредѣлить и выяснить ихъ отношенія къ городу авторъ не могъ, какъ это, между прочимъ, говоритъ самъ: «собирая подробныя свѣдѣнія изъ писцовыхъ книгъ, мы узнаемъ только, какія именно власти были въ томъ или другомъ городѣ, но не можетъ сдѣлать никакихъ новыхъ, окончательныхъ выводовъ о тогдашнемъ управленіи городами» (стр. 343).

Вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ выводы, которые получилъ авторъ въ своемъ безспорно важномъ, но въ высшей степени трудномъ изслѣдованіи. Изслѣдованіе это важно для насъ не столько по тѣмъ выводамъ, которыхъ въ немъ не особенно много, сколько по массѣ матеріала, разработаннаго авторомъ съ большимъ вниманіемъ и занимающаго вслѣдствіе этого большую часть книги. Тяжелая, кропотливая работа надъ сырымъ матеріаломъ была, быть можетъ, главной причиной той недостаточности выводовъ, которая замѣчается въ трудѣ г. Чечулина, а также причиной того, что нѣкоторые весьма важные вопросы, какъ напримѣръ вопросъ о внутреннемъ управленіи городовъ (стр. 343), остались раскрытыми. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отнестись къ автору съ благодарностью за то, что онъ не остановился передъ трудностью разрѣшенія этого вопроса и, если не рѣшилъ его вполнѣ, то по крайней мѣрѣ рѣшеніе его подвинулъ далеко впередъ.

W.

An essay on the importance of the study of the slavonic languages, by W. R. Morfill. London. 1890.

«Историческому Вѣстнику» не разъ приходилось въ отдѣлѣ «Заграничныхъ историческихъ новостей» говорить о работахъ В. Р. Морфиля по изслѣдованію Россіи и славянскаго міра. Послѣ смерти Ральстона и обращенія Макензи Валласа въ политическаго дѣятеля, водворяющаго англійское вліяніе въ восточной Индіи, Морфиль теперь едва ли не единственный англійскій писатель, серьезно относящійся къ изученію нашего отечества и не питающій противъ него никакихъ національныхъ предубѣжденій, заставляющихъ англо-саксонскую расу ставить свои государственные интересы выше общечеловѣческихъ интересовъ. Съ нынѣшняго года Морфиль избранъ въ Оксфордскомъ университетѣ лекторомъ русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, а изданная имъ брошюра «Опытъ о важности изученія славянскихъ языковъ» представляетъ вступительную лекцію, читанную имъ въ университетѣ, 25-го января нынѣшняго года. Прежде всего Морфиль ставитъ себѣ два вопроса: какія попытки были до настоящаго времени сдѣланы въ Англіи для изученія славянскихъ нарѣчій и какую пользу можетъ принести англичанамъ изученіе этихъ языковъ и ихъ литературы? Большая часть брошюры и лекціи посвящена рѣшенію перваго вопроса, любопытнаго въ историческомъ отношеніи. Сношенія Англіи съ Россіей начались какъ извѣстно съ 1553 года, когда три англійскихъ корабля отправились къ берегамъ Россіи, для открытія сѣверо-восточнаго прохода, подъ командою Виллоугби и Чанселлора. Буря разлучила корабли и Виллоугби найденъ былъ впослѣдствіи замерзшимъ со всѣмъ своимъ экипажемъ у береговъ русской Лапландіи, но Чанселлору удалось добраться до Архангельска, откуда онъ прибылъ въ Мо-

скву, гдѣ былъ заключенъ торговый трактатъ съ Иваномъ IV, отправившимъ вслѣдъ затѣмъ особое посольство въ Англію. Англійскій посолъ въ Москву, Джеромъ Горсей, оставилъ описаніе царствованія Ивана IV. Авторъ находитъ, что оно было благотворно для Россіи потому, что въ томъ же 1553 году въ Москвѣ началось книгопечатаніе, но оно вскорѣ же и прекратилось и первый нашъ печатникъ Иванъ Ѳедоровъ долженъ былъ бѣжать въ Литву. Да и самъ Горсей, приславшій въ Лондонъ острожскую библію, подаренную ему царемъ изъ своей библіотеки, представляетъ далеко не лестный портретъ этого царственнаго психопата. Въ Британскомъ музеѣ, гдѣ хранится эта библія, есть также нѣсколько писемъ Ивана IV, писанныхъ, конечно, рукою дьяка, но съ подписью царя. Борисъ Годуновъ послалъ въ Англію нѣсколько русскихъ людей съ цѣлью образованія, но всѣ они не вернулись въ Россію, а одинъ изъ нихъ, сдѣлавшійся англиканскимъ священникомъ, пострадалъ отъ пуританъ. Въ Бодлейянскомъ музеѣ хранится записная книжка Ричарда Джемса, бывшаго капелланомъ при посольствѣ въ Москву: въ ней записаны русскія слова съ объясненіемъ ихъ значенія и нѣсколько русскихъ балладъ или былинъ; между ними одна—плачъ Ксеніи Годуновой. Сохранилось также письмо Ричарда Ускомба о гибели 25 англичанъ при пожарѣ Москвы 5 августа 1571 года. Царь Алексѣй Михайловичъ не признавалъ Кромвеля и посылалъ деньги Карлу II во время его изгнанія. Пріѣздъ Петра I въ Англію послужилъ поводомъ къ изданію въ 1698 году первой русской грамматики, напечатанной въ Оксфордѣ на латинскомъ языкѣ. Многіе шотландскіе дворяне, вступавшіе въ службу къ Петру, хорошо знали русскій языкъ, какъ Гордонъ, Брюсъ, Гамильтонъ, Кармихаельсъ. Самуилъ Коллинсъ написалъ книгу о царствованіи Алексѣя Михайловича, Пальмеръ о реформѣ Никона. Въ половинѣ XVIII вѣка въ королевской колегіи учились русскіе студенты Михаилъ Быковъ и Прохоръ Суворовъ. Авторъ разсказываетъ затѣмъ исторію сношеній Англіи съ Польшею, съ чехами, заимствовавшими многое изъ ученія Виклефа. Первый сборникъ русскихъ, польскихъ, сербскихъ и чешскихъ легендъ изданъ Джономъ Боурингомъ, но онъ перевелъ ихъ съ нѣмецкаго. Въ 1852 году явился переводъ чешскихъ поэмъ, сдѣланный Вратиславомъ, англиканскимъ пасторомъ, но Морфиль не признаетъ подлинности «Краледворской рукописи» и обвиняетъ Ганку въ подлогѣ. Ральстонъ издалъ также нѣсколько переводовъ славянскихъ легендъ. Изъ польскихъ писателей на англійскомъ языкѣ есть только нѣсколько переводовъ изъ Мицкевича. Съ югославянскими нарѣчіями познакомилъ англичанъ Артуръ Эвансъ.

Переходя къ важности славянскихъ языковъ для изученія сравнительной филологіи, основанной Домбровскимъ и Боппомъ, авторъ говоритъ объ увлеченіяхъ славяномановъ, видящихъ вездѣ слѣды славянскихъ нарѣчій, но отдаетъ полную справедливость серьезнымъ научнымъ трудамъ въ этой области знанія — Востокова, Срезневскаго, Шафарика, чеха Гебауера, поляка Малецкаго, автора превосходной историко-сравнительной грамматики, краковскаго профессора Малиновскаго, серба Даничича, словенца Шумана, лужичанина Пфуля. Исчезнувшій языкъ полабскихъ славянъ былъ возстановленъ Шлейдеромъ, авторомъ хорошей грамматики древне-славянскаго, церковнаго языка. Наконецъ, славянская филологія можетъ вполнѣ гордиться такимъ дѣятелемъ какъ Миклошичъ. Славянскія формы языка составляютъ переходъ отъ діалекта ирана къ германскому, также какъ греческій языкъ представляетъ переходъ отъ санскритскаго къ латинскому. Колыбель арійскаго

языка въ Европѣ—Литва, хотя Морфилъ считаетъ ею Бѣлоруссію и Волынь и прибавляетъ: «хотя нѣмецкій элементъ вытѣснилъ славянскій во многихъ мѣстностяхъ Германіи, но только славянскій языкъ даетъ намъ ключъ къ объясненію такихъ названій, какъ Ростокъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Потсдамъ, Грацъ, Цербстъ». Литература славянскихъ языковъ богата произведеніями народнаго творчества и авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ ихъ отъ былинъ эпохи Владиміра до послѣднихъ лѣтописцевъ, «Домостроя», «Стоглава», Курбскаго и Котошихина. Сказавъ нѣсколько словъ о позднѣйшей русской литературѣ, авторъ также бѣгло обозрѣваетъ польскую, чешскую и сербо-хорватскую, говоритъ о народныхъ пѣсняхъ, болѣе всего о русскихъ, и даже приводитъ одну изъ нихъ, хотя и не народную, вмѣстѣ съ болгарскою балладою. Затѣмъ онъ говоритъ о славянскихъ филологическихъ изданіяхъ, о раздѣленіи славянскихъ нарѣчій на юго-восточные и западные, приводитъ въ оригиналѣ и переводѣ англійскими стихами черезчуръ уже мрачную строфу Мицкевича, сожалѣющаго о томъ, что славянинъ знаетъ только одинъ героизмъ—неволи. Брошюра заканчивается соображеніями о значеніи славянскихъ языковъ для практическихъ, военныхъ и политическихъ цѣлей. Славянъ всего до ста милліоновъ и изъ нихъ болѣе 60-ти милліоновъ говорятъ порусски, а всѣхъ жителей въ Россіи Морфилъ считаетъ 106 милліоновъ и это число показано имъ въ статьѣ его о нашемъ отечествѣ (Russia), помѣщенной въ «Британской Энциклопедіи». «Русскимъ предназначено раздѣлить съ нами большую часть Азіи, — говоритъ англійскій писатель. Ближайшая дорога въ Индію лежитъ изъ Тифлиса черезъ Самаркандъ. Мы не можемъ игнорировать этотъ сильный и быстро распространяющійся народъ и должны знать его языкъ. Со многими восточными языками, какъ напримѣръ, съ грузинскимъ, мы не можемъ познакомиться иначе, какъ черезъ посредство русскихъ книгъ. Сочиненія русскихъ знатоковъ Востока имѣютъ большое значеніе. Незнаніе Россіи заставляетъ насъ дѣлать большіе промахи. Восточный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ знакомства съ славянскимъ духомъ». Еслибы подобныя лекціи были распространены въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и другихъ столицахъ, гдѣ существуютъ уже каѳедры славянскихъ языковъ, Россія перестала бы казаться Европѣ какою-то terra incognita и ея стремленія, ея историческая задача, сдѣлались бы понятны европейскимъ государственнымъ людямъ и перестали бы возбуждать ложныя опасенія и неосновательную непріязнь. **В. З.**

Польскія реформы XVIII вѣка. Н. Карѣева. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. V. Спб. 1890.

Профессоръ Н. И. Карѣевъ принадлежитъ къ числу самыхъ энергичныхъ и неутомимыхъ работниковъ на поприщѣ русской исторической науки. Не проходитъ года, чтобъ онъ не подарилъ читающей публикѣ какого-нибудь труда. Занятія его идутъ по двумъ направленіямъ: во-первыхъ, онъ изслѣдуетъ вопросы чисто историческіе, и во-вторыхъ, — по философіи исторіи. Работы г. Карѣева послѣдней категоріи имѣютъ существенное значеніе, такъ какъ въ нихъ собрано и подвергнуто критической оцѣнкѣ все, что философская мысль выставила наиболѣе существеннаго по вопросамъ прогресса, по преимуществу. Когда почтенный ученый закончитъ свой циклъ сочиненій «Основные вопросы философіи исторіи», мы надѣемся ознакомить читателей

«Историческаго Вѣстника» съ основными положеніями автора и съ данными, выработанными наукою по вопросу о прогрессѣ и роли личности въ исторіи. Во второмъ кругѣ своихъ занятій г. Карѣевъ сосредоточился на разработкѣ исторіи Франціи и Польши. По исторіи Франціи имъ издано два сочиненія: «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка» и «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.». Исторіи Польши имъ посвящено значительно болѣе трудовъ, при чемъ главный центръ тяжести его занятій лежитъ въ наиболѣе спорной и невыясненной эпохѣ — паденіи «Рѣчи Посполитой». Г. Карѣевъ выяснилъ вполнѣ безпристрастно и съ замѣчательной добросовѣстностью постановку вопроса о «Паденіи Польши» въ исторической наукѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1889 г. кн. XI) уже сказано было, что трудъ «Паденіе Польши»—представляетъ собою, чрезвычайно удобный для желающихъ оріентироваться въ вопросѣ, сводъ всего замѣчательнаго, что появлялось по данному предмету не только въ польской и русской, но и въ западно-европейской литературѣ, сопровождаемый общими выводами самого автора по паденію Польши». Послѣднее обстоятельство даетъ этому сочиненію не только характеръ критико-библіографической работы, но отводитъ ему въ наукѣ мѣсто оригинальнаго самостоятельнаго изслѣдованія съ широкими обобщеніями, съ цѣлымъ рядомъ поставленныхъ вопросовъ и тезисовъ. Въ числѣ сторонъ, которыя г. Карѣевъ счелъ своимъ долгомъ подчеркнуть, въ исторіи «Рѣчи Посполитой», какъ подлежащія ближайшему изслѣдованію исторической науки, были—отдѣльныя стороны политическаго и соціальнаго быта, а также—исторія общественнаго движенія въ Польшѣ съ перваго зарожденія мысли о реформахъ до окончательной неудачи, ихъ постигшей. Какъ бы отвѣчая первой необходимости, онъ вслѣдъ за «Паденіемъ Польши» выпустилъ въ свѣтъ «Историческій очеркъ польскаго сейма», а въ настоящее время даритъ насъ новой работой «Польскія реформы XVIII вѣка». О первомъ трудѣ уже сказано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1889 г. кн. XI) въ связи съ отзывомъ о «Паденіи Польши».

Послѣдній упомянутый очеркъ долженъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе предшествовавшей работы и относится къ вопросу о пересмотрѣ внутренней исторіи Польши въ періодъ ея паденія. Не смотря на свою органическую связь съ «Историческимъ очеркомъ сейма», сочиненіе «Польскія реформы XVIII вѣка» представляетъ интересъ большой величины само по себѣ и рисуетъ читателямъ чрезвычайно интересныя страницы общественной и государственной жизни Рѣчи Посполитой наканунѣ ея паденія. Вопросъ о значеніи предпринятыхъ въ то время реформъ въ Польшѣ неоднократно обсуждался въ исторической наукѣ и, конечно, по преимуществу польскими учеными. Въ то время, какъ одни изслѣдователи полагали, что предпринятыя во второй половинѣ прошлаго вѣка реформы поставили Польшу на путь исцѣленія отъ вѣковыхъ недуговъ, другіе говорили, что всѣ новатарства мало повліяли на старый, сложившійся вѣками режимъ и привычки и были безсильны спасти польское государство отъ разложенія и естественной политической смерти. Рядомъ съ этимъ историческая наука ставила вопросъ, могла ли Польша двигаться впередъ своими собственными средствами или должна была возрождаться къ новой жизни подъ опекой другой державы. Въ рѣшеніи и этого вопроса выставлено два отвѣта—оптимистическій и пессимистическій, т. е. отвѣтъ, допускающій возможность Польшѣ обновиться

самой изъ себя, безъ сторонняго вмѣшательства, и отрицаніе этой возможности, указаніе на то, что здравая внутренняя политика требовала подчиненія видамъ русскаго правительства. Двойственность рѣшенія произошла отъ того, что вся эпоха реформенной эволюціи не подвергалась критическому пересмотру. Въ видахъ этого и задался цѣлью проф. Карѣевъ «установить строго-историческій взглядъ на эпоху посредствомъ критическаго разбора отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ сторонъ вопроса», при чемъ эти стороны разсмотрѣны изъ сопоставленія и сравненія Польши съ другими государствами за тотъ же періодъ. Такой критическій методъ позволяетъ автору отвѣтить и на вопросъ о томъ, насколько въ польскихъ преобразованіяхъ проявлялись культурныя идеи прошлаго столѣтія, заключавшіяся преимущественно въ двухъ явленіяхъ—просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи. Для этого г. Карѣевъ остановился на слѣдующихъ главнѣйшихъ пунктахъ вопроса: онъ разсмотрѣлъ внѣшнія и внутреннія условія реформъ въ Рѣчи Посполитой, сдѣлалъ обзоръ польскихъ политическихъ партій и ихъ программъ, а также политической польской литературы того времени и, въ заключеніи, указалъ, какія изъ намѣченныхъ жизнью реформъ получили свое законодательное осуществленіе.

Первый толчекъ къ преобразовательной дѣятельности польскаго государства дало сознаніе грозившей ей извнѣ гибели. Какъ и всегда бываетъ въ исторіи, мысль о настоятельной необходимости реформъ и отрицаніе существующаго строя изошли изъ передовой части интеллигентнаго общества. И потребности самой страны и примѣръ сосѣднихъ государствъ, Пруссіи и Россіи, гдѣ царствовали въ то время идеи просвѣщеннаго деспотизма, подсказали на первыхъ порахъ слѣдующія реформы: усиленіе королевской власти, умноженіе арміи, увеличеніе государственныхъ доходовъ. Всѣ эти стороны государственной жизни находились въ дореформенной Польшѣ въ крайнемъ упадкѣ. Послѣ упорнаго сопротивленія со стороны шляхты новаторствамъ, мы видимъ, наконецъ, что конституція 3-го мая 1791 года усиливаетъ правительство и Польша почти наканунѣ своей политической смерти догоняетъ Европу въ смыслѣ укрѣпленія монархизма, доведенія до значительной цифры количества войска и развитія фискальной системы. Но обративъ вниманіе на усиленіе правительства, первые реформаторы оставили въ сторонѣ вопросъ о соціальномъ строѣ отечества, а онъ нуждался въ радикальной реформѣ. Горожане и крестьяне въ Польшѣ находились въ самомъ жалкомъ положеніи и понятіе о «народѣ» заключалось въ единой всевластной и всемогущей шляхтѣ. Между государствомъ и народомъ не было никакихъ точекъ соприкосновенія и послѣдній былъ даже враждебно расположенъ къ самому существованію польскаго государства. Вниманіе на народъ было обращено лишь въ эпоху четырехлѣтняго сейма, но и тутъ прогрессисты не рѣшаются совсѣмъ порвать съ стариною и рекомендуютъ лишь организацію низшей палаты сейма изъ мѣщанскихъ «репрезантантовъ» и предоставленіе крестьянамъ только личной свободы, оставивъ ихъ въ политической и экономической зависимости отъ шляхты. Въ силу этого польское правительство, поставленное лицомъ къ лицу съ внѣшнимъ врагомъ, почти не имѣло опоры въ народномъ патріотизмѣ и энтузіазмѣ, необходимыхъ для отстаиванья отечественной независимости. Заря польскихъ реформъ, которыя могли бы поставить Рѣчь Посполитую на путь возрожденія, только-что занималась, но внѣшнія обстоятельства уже сложились такъ, что реформы

не получили своего осуществленія тѣмъ болѣе, что сама шляхта призывала иностранную помощь противъ вводимаго новаго порядка вещей и насталъ послѣдній часъ нѣкогда грозной и могущественной Польши.

Разсматривая польскія реформы, какъ частный случай преобразовательныхъ движеній второй половины XVIII вѣка, проф. Карѣевъ отмѣчаетъ, что сопротивлетіе шляхты реформамъ относится къ категоріи тѣхъ европейскихъ явленій, гдѣ имѣла мѣсто борьба привиллегированныхъ классовъ или противъ просвѣщеннаго абсолютизма, или противъ нововведеній народной революціи: какъ тамъ, такъ и здѣсь, замѣчается неспособность поступиться своими преимуществами и прерогативами во имя государственнаго интереса и общаго блага.

Отмѣчая ошибку въ мнѣніи историковъ, утверждающихъ, что въ Польшѣ никогда и никакимъ путемъ не установилось бы ничего прочнаго, г. Карѣевъ утверждаетъ, что ошибаются и тѣ, которые вѣрятъ, что могли бы упрочиться или «постоянный совѣтъ» или конституція 3-го мая и тѣмъ самымъ спасти Польшу, не помѣшай этому въ самую критическую минуту внѣшнія обстоятельства. «Ошибка является въ обоихъ случаяхъ вслѣдствіе того, говоритъ почтенный изслѣдователь, что мысль о спасеніи Рѣчи Посполитой, какъ о цѣли реформъ, доминируетъ во всѣхъ разсужденіхъ объ этихъ преобразованіяхъ: либо забывается, что новые порядки никогда сразу не создаются, быстро не упрочиваются, и польскимъ реформамъ ставится въ вину, что онѣ не сдѣлали какого-то чуда, либо, наоборотъ, именно вѣрятъ въ чудо, въ какое-то внезапное перерожденіе націи, не взирая на то, какъ упорно держатся старые порядки и идеи и какъ долго они отстаиваютъ свое существованіе». Б. Г—скій.

Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею профессора Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпускъ II. Спб. 1890.

Второй выпускъ (161—320 стр.) русскаго перевода книги Pechel-Kirchhoff'a—«Völkerkunde» — посвященъ развитію техники, гражданственности и религіи. Особенно подробно разсматриваются возникновеніе религіозныхъ представленій и образованіе и распространеніе существующихъ въ настоящее время теологическихъ системъ.

Оригиналенъ взглядъ автора на «область основателей религій». Признавъ недоказанною связь между большею степенью опасности для жизни въ данномъ мѣстѣ жительства или же обыденною пищею и мѣстнымъ религіознымъ творчествомъ, авторъ видитъ «долю истины» въ наблюденіяхъ одного древняго арабскаго географа, по которому основатели высшихъ и понынѣ еще существующихъ религій—Зороастръ, Моисей, Будда, Христосъ и Магометъ, — пріурочены къ субтропическому поясу; лишь младшій изъ пророковъ родился между тропиками, но и его мѣсторожденіе отстоитъ отъ тропика лишь на какія-нибудь 19 нѣмецкихъ миль. Что зона основателей религій далеко отъ умѣренныхъ поясовъ,—это, по автору, могло бы быть объяснено тѣмъ, что лишь тамъ, гдѣ уже установленъ болѣе зрѣлый умственный уровень, народонаселеніе воспріимчивѣе къ тому, чтобы придать человѣческому существованію высшее достоинство, приписавъ ему идеальныя цѣли, тогда какъ, съ другой стороны, именно въ субтропическихъ климатахъ раз-

вился наиболѣе древній общественный строй. Но даже послѣ того, какъ культура въ своемъ развитіи рѣшительно отдалилась отъ тропиковъ, субтропическая Азія все еще оставалась плодородной производительницей религій. Не въ утонченномъ до крайности европейскомъ государствѣ римлянъ, а въ Палестинѣ появилось христіанство, не въ Византіи, а въ Аравіи, шесть столѣтій спустя, выступилъ исламъ. Въ умѣренной зонѣ человѣку испоконъ вѣковъ приходилось бороться за свое существованіе и болѣе работать, чѣмъ молиться; такимъ образомъ бремя ежедневныхъ заботъ постоянно отвлекало его отъ серьезнаго самоуглубленія. Въ теплыхъ странахъ, гдѣ природа столь облегчаетъ человѣку добываніе всего необходимаго для существованія и гдѣ жаркіе часы дня безъ того препятствуютъ тѣлесному напряженію, представляются, напротивъ того, несравненно чаще случаи для того, чтобы углубиться въ самого себя. При этомъ и мѣсто жительства не совсѣмъ безразлично для направленія, избираемаго религіозною мыслію. Три монотеистическія ученія: еврейство, христіанство и исламъ, возникли въ средѣ семитическихъ народовъ, однако же стремленіе къ монотеизму не было исключительно расовымъ свойствомъ ихъ, такъ какъ другіе семиты, напримѣръ, финикіане, халдейцы и ассирійцы, направились другими путями, и даже евреи постоянно возвращались къ многобожію, въ особенности же въ Египтѣ они совершенно погрязли въ поклоненіи идоламъ. Если монотеизмъ непрестанно обновлялся, то ближайшія естественныя условія оказывали ему при этомъ существенную помощь. Пустыня напечатлѣла на арабахъ ихъ замѣчательный, всемірно-историческій характеръ. Фантазія, которая руководитъ человѣчествомъ, наполняется въ безконечныхъ равнинахъ совершенно иными образами, чѣмъ въ лѣсахъ. Они немногочислены, но грандіозны; при этомъ человѣкъ, основываясь на сознаніи своей собственной силы, создаетъ себѣ еще болѣе смѣлую личность, на которую онъ можетъ опереться при странствованіяхъ своихъ, — Бога личнаго. Наконецъ, въ жизни кочевниковъ зазачастую случается, что пастухъ блуждаетъ цѣлыя недѣли одинъ, мучимый голодомъ и жаждою. При такихъ условіяхъ даже самый здоровый человѣкъ подвергается обманамъ чувствъ. Въ такомъ положеніи покинутый всѣми путникъ весьма часто слышитъ, что его зовутъ и что съ нимъ разговариваютъ голоса; поэтому для такихъ голосовъ существуетъ на арабскомъ языкѣ спеціальное слово Hâtif. Въ Африкѣ опять-таки слово Ragl, произведенное отъ Radschol—человѣкъ, обозначаетъ тѣ человѣкоподобныя видѣнія, которыя представляются обманутому взору.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что о характерѣ сочиненія Пешеля и о достоинствахъ русскаго изданія мы говорили уже ранѣе, по поводу перваго выпуска (см. «Ист. Вѣст.», 1890, кн. 3). С.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать шестая. Москва. 1890.

Тридцать шестой томъ «Архива князя Воронцова» заключаетъ въ себѣ письма князя Цицiанова къ Михаилу Семеновичу Воронцову, переписку послѣдняго съ Д. В. Арсеньевымъ и С. Н. Маринымъ, письма къ нему же А. П. Ермолова и нѣсколько бумагъ различнаго содержанія. Большинство этихъ писемъ, и притомъ наиболѣе интересныхъ по своему содержанію, относится къ Кавказу; по времени, которому они принадлежатъ, могутъ быть раздѣлены на три части: письма за время службы М. С. Воронцова на Кав-

кавѣ подъ начальствомъ князя Циціанова (письма этого послѣдняго и переписка съ Арсеньевымъ и Маринымъ), затѣмъ письма Ермолова за то время, когда онъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, къ князю Воронцову и наконецъ письма Ермолова же къ Воронцову, въ свою очередь бывшему уже намѣстникомъ Кавказа. Кромѣ того сюда вошло нѣсколько писемъ М. С. Воронцова изъ Германіи за 1805 годъ и письма къ нему А. П. Ермолова за время 1812—15 гг., когда оба они находились въ русской арміи, предназначенной дѣйствовать противъ Наполеона сперва въ Германіи, а затѣмъ во Франціи. Эти послѣднія заключаютъ въ себѣ очень мало интереснаго, такъ какъ въ большей части изъ нихъ идетъ рѣчь о частныхъ дѣлахъ Ермолова и Воронцова, и встрѣчается много непонятныхъ для читателя намековъ, особенно ту часть писемъ, гдѣ Ермоловъ говоритъ о какихъ-то двухъ красавицахъ, за которыми ухаживалъ онъ и Воронцовъ въ Краковѣ и которыхъ онъ называетъ «Злодѣйкою» и «Черными глазами», можно бы сильно сократить безъ всякаго ущерба для изданія.

Изъ писемъ, относящихся къ Кавказу, наиболѣе любопытны письма Ермолова за то время, когда онъ командовалъ кавказскими войсками. Въ перепискѣ съ М. С. Воронцовымъ, однимъ изъ ближайшихъ его друзей, Ермоловъ высказалъ вполнѣ откровенно какъ свои планы и предположенія, такъ и вообще свой взглядъ на ту обстановку, среди которой пришлось ему дѣйствовать, и тѣ нарòды, съ которыми онъ долженъ былъ имѣть дѣло. Вскорѣ по пріѣздѣ на Кавказъ Ермоловъ пишетъ: «наши собственные чиновники, отдохнувъ отъ страха, который вселяла въ нихъ строгость славнаго князя Циціанова, пустились въ грабительство... Половину оставшихся (военныхъ) надобно удалить, ибо самое снисхожденіе терпѣть ихъ не въ состояніи. Необходимы мѣры весьма строгія». «Если Персія дастъ намъ свободы на сколько-нибудь времени, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, я тотчасъ объявлю войну внутреннимъ неустройствамъ и домашнимъ непріятелямъ, и какъ невозможно истребить совсѣмъ безпорядки, съ помощію счастія моего, много уменьшу ихъ». Не болѣе свѣтлый взглядъ высказываетъ Ермоловъ и на кавказскія племена. О грузинахъ онъ замѣчаетъ: «этотъ народъ не созданъ для кроткаго правленія Александра: для него надобенъ скиптръ желѣзный. Прочіе здѣсь народы гораздо лучше. Они знаютъ свое невѣжество, не въ претензіи быть людьми. Ихъ такъ разумѣешь и по мѣрѣ того терпѣливо ожидаешь ихъ образованія». Цѣлью своей внутренней дѣятельности на Кавказѣ Ермоловъ поставилъ установленіе прочнаго порядка, который не могъ бы быть отмѣненъ исключительно волею его преемниковъ, и объ этомъ есть небезъинтересныя подробности въ его письмахъ; извѣстно однако, что ему не удалось осуществить свое намѣреніе вполнѣ. Историкъ кавказскихъ войнъ также можетъ найти въ этихъ письмахъ нѣсколько любопытныхъ частностей военныхъ дѣйствій. Затѣмъ послѣ длиннаго перерыва въ письмахъ Ермолова съ 1825 по 1833 годъ, они начинаются снова уже въ то время, когда Воронцовъ былъ назначенъ на Кавказъ, но эта часть писемъ уже далеко не имѣетъ такого значенія и развѣ нѣсколько дорисовываетъ личность самого А. П. Ермолова.

Среди различныхъ мелкихъ писемъ и нѣсколькихъ бумагъ, помѣщенныхъ въ концѣ тома, особенно интересны замѣтки И. В. Сабанѣева относительно улучшенія положенія солдатъ и устройства арміи. До нѣкоторой степени любопытенъ и курьезный, какъ по своему языку, такъ и по мыслямъ, проектъ

княгини Авдотьи Голицыной объ устройствѣ въ Москвѣ памятника въ память отраженія нашествія Наполеона и измѣненіи для этой же цѣли государственнаго герба Россіи. **В. М.**

П. Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. Москва. 1889.

Странное впечатлѣніе производитъ книжка, названіе которой выписано выше. Авторъ ея, желая изложить исторію участія Сибири въ Екатерининской комиссіи 1767 года и будучи поставленъ въ очень трудное положеніе, вслѣдствіе неимѣнія для этого почти никакого матеріала (мы говоримъ о печатномъ, которымъ только и пользуется г. Головачевъ, такъ какъ неизданнаго матеріала для разработки упомянутой темы очень много въ архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла, доступъ въ который далеко не труденъ для всякаго), наполняетъ свою книжку всевозможными выписками изъ разныхъ сочиненій по исторіи Сибири, безспорно весьма любопытными, но не имѣющими никакого или почти никакого отношенія къ интересующей его темѣ. Въ результатѣ получается, что ³/₄ содержанія книги составляютъ цитаты изъ разныхъ авторовъ, писавшихъ о Сибири и только ¹/₄ является пересказомъ печатнаго матеріала объ участіи Сибири въ комиссіи 1767 г.

Книжка начинается главой, посвященной характеристикѣ «общаго положенія дѣлъ въ Сибири» въ XVIII столѣтіи и состоящей изъ выписокъ изъ двухъ книгъ: г. Ядринцева («Сибирь, какъ колонія») и г. Андріевича («Историческій очеркъ Сибири»). Автору здѣсь принадлежатъ только нѣсколько заключительныхъ строкъ, въ которыхъ говорится о важности для Сибири созванія Екатериной II законодательной комиссіи. Во второй главѣ сообщаются свѣдѣнія о числѣ сибирскихъ депутатовъ и о производствѣ выборовъ въ Мангазеѣ и въ Енисейскѣ (въ первомъ городѣ на основаніи статьи г. Липинскаго, во второмъ — на основаніи статьи Шашкова). Но такъ какъ этихъ свѣдѣній крайне недостаточно для содержанія главы, то авторъ пользуется случаемъ «познакомить читателя» съ «экономическимъ положеніемъ сибирскихъ городовъ того времени», т. е. съ выписками изъ сочиненій: г. Словцова («Историческое обозрѣніе Сибири»), г. Андріевича и г. Потанина («Матеріалы для исторіи Сибири»), забывая, что эти сочиненія могутъ быть также «знакомы» и читателю. Третья и четвертая главы посвящены изложенію заявленій и мнѣній сибирскихъ депутатовъ во время составленія проекта новаго уложенія, а также нѣкоторыхъ отрывковъ изъ купеческихъ наказовъ, проникшихъ въ печать, причемъ также уснащены выписками изъ разныхъ авторовъ, писавшихъ о Сибири, среди которыхъ главную роль играютъ г.г. Андріевичъ и Ядринцевъ. Пятая глава посвящена изложенію содержанія крестьянскихъ наказовъ по стольку, по скольку они извѣстны благодаря статьѣ г. Семевскаго «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II» («Русская Старина» 1879 г., №№ 1—6). Но такъ какъ свѣдѣній о нихъ имѣется сравнительно не много, то г. Головачевъ «знакомитъ» своего читателя съ положеніемъ сибирскихъ крестьянъ вообще на основаніи главнымъ образомъ сочиненій г.г. Андріевича и Потанина. Наконецъ, послѣдняя (6-я) глава посвящена характеристикѣ умственнаго и нравственнаго уровня сибирскаго населенія XVIII столѣтія, что даже и внѣшней связи не имѣетъ съ участіемъ Сибири въ Екатерининской комиссіи. Источникомъ этой главы опять-

таки служатъ сочиненія и статьи, имѣющія отношенія къ исторіи Сибири. Въ видѣ приложенія къ книгѣ помѣщенъ списокъ сибирскихъ депутатовъ въ коммиссіи 1767 г.

Изъ всего сказаннаго видно, что никакого серьезнаго значенія «трудъ» г. Головачева имѣть не можетъ. **В. Л—нъ.**

Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Книга 2. Москва. 1890.

Вторая книга новаго философскаго журнала такъ же, какъ и первая, имѣетъ отмѣченный уже нами (см. рецензію въ № 1 «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ) характеръ сборника статей по философіи и психологіи, не объединенныхъ строго-опредѣленнымъ направленіемъ: одни и тѣ же вопросы науки трактуются здѣсь съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Большинство статей разсматриваемой книги посвящено чисто теоретическимъ вопросамъ; таковы: Н. А. Иванцова—«Отношеніе между философіей и наукой»; Л. М. Лопатина—«Положеніе этической задачи въ современной философіи»; Н. А. Звѣрева—«Къ вопросу о свободѣ воли»; Н. Я. Грота — «Что такое метафизика»; Н. И. Шишкина — «Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи».

Кромѣ указанныхъ, находимъ двѣ статьи историко-философскаго содержанія: Э. Л. Радлова — «Отношеніе Вольтера къ Руссо» — и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго—«Очерки изъ исторіи мысли».—Особенно интересна первая: г. Радловъ воспользовался, для характеристики отношеній двухъ корифеевъ вѣка просвѣщенія, замѣчаніями Вольтера, сдѣланными послѣднимъ на поляхъ тѣхъ изъ сочиненій Руссо, которыя имъ были прочитаны. Эти замѣчанія не содержатъ въ себѣ ничего такого, что придавало бы имъ самостоятельную цѣнность, но какъ образцы Вольтеровской критики и какъ матеріалъ, хотя очень скудный, для характеристики отношеній Вольтера къ Руссо, они не лишены интереса. Сверхъ того, различіе воззрѣній и характеровъ обоихъ знаменитыхъ писателей отлично видно изъ сопоставленія замѣчаній съ самимъ текстомъ: мы видимъ рѣзкое различіе въ умственномъ складѣ фернейскаго отшельника и женевскаго гражданина. Патетическія тирады Руссо вызываютъ со стороны Вольтера остроумныя, часто язвительныя замѣчанія, иногда однимъ словомъ разрушающія оригинальныя построенія «охотника до парадоксовъ». Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Руссо пишетъ: «Первобытные люди, не имѣвшіе сильныхъ страстей, озабоченные болѣе тѣмъ, чтобы предохранить себя отъ зла, которому могли подвергнуться, чѣмъ тѣмъ, чтобы нанести вредъ ближнему,—первобытные люди не могли вести жестокихъ войнъ».—«Сумасшедшій,—замѣчаетъ Вольтеръ,—развѣ ты не знаешь, что жители сѣверной Америки совершенно извели другъ друга войной!» Или—Руссо:—«Одна страсть, любовь, особенно сильна въ человѣкѣ; она, конечно, нуждается въ законахъ, которые бы сдерживали ее; однако, съ одной стороны преступленія, которыя ежедневно совершаются ради любви, показываютъ, насколько законы безсильны; съ другой, слѣдуетъ еще разсмотрѣть, не самые ли законы виною преступленій? Въ любви слѣдуетъ различать физическую и нравственную стороны. Легко видѣть, что нравственная сторона любви—дѣланное чувство, созданное женщинами, стороною, которая должна бы подчиняться («почему»?—спрашиваетъ Вольтеръ). Огра-

ничивая любовь одной физической стороною, люди менѣе сильно и менѣе часто испытывали бы на себѣ силу своего темперамента и вслѣдствіе этого было бы менѣе ссоръ изъ-за любви. Воображеніе, которое такъ развращаетъ любовь цивилизованнаго, безмолвствуетъ у дикаря, который дожидается позыва природы». Вольтеръ: «Что ты объ этомъ можешь знать? развѣ ты видѣлъ, какъ дикари любятъ?» Особенно рѣзко различіе между Вольтеромъ и Руссо выразилось во взглядѣ на неравенство въ имущественномъ отношеніи. «Первый, кто огородилъ кусокъ земли, сказавъ: это принадлежитъ мнѣ, и кто нашелъ людей, достаточно простоватыхъ, чтобы повѣрить ему, былъ истинный основатель гражданственности. Отъ сколькихъ преступленій, убійствъ, войнъ оберегъ бы родъ людской тотъ, кто крикнулъ бы своимъ ближнимъ: «Берегитесь, не слушайте этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля не принадлежитъ никому». На эти слова Руссо богатый и скупой Вольтеръ замѣчаетъ: «Какъ! Этотъ несправедливый человѣкъ, этотъ воръ, былъ бы благодѣтелемъ рода человѣческаго! Вотъ философія оборванца, который желалъ бы, чтобы богатые были ограблены бѣдными». Нѣкоторые изъ парадоксовъ Руссо вызывали лаконическія замѣтки со стороны Вольтера, въ родѣ: Ridicule galimatias. С.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпуски I—V. Спб. 1889.

До послѣдняго времени свѣдѣнія о крестьянахъ въ Сибири ограничивались данными X ревизіи, нынѣ значительно устарѣвшими, и донесеніями волостныхъ правленій относительно всевозможныхъ явленій экономической жизни народа. Признавая эти данныя недостаточными, министерство Государственныхъ Имуществъ, въ виду предстоящаго окончательнаго поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ Западной Сибири, командировало туда нѣсколькихъ молодыхъ людей съ высшимъ университетскимъ образованіемъ съ цѣлью собиранія свѣдѣній о численности населенія, земельномъ довольствіи, податномъ обложеніи, источникахъ благосостоянія и проч., подобно тому, какъ это было сдѣлано относительно Кавказа. Командировка состоялась лѣтомъ 1886 г. и въ настоящее время мы имѣемъ уже нѣсколько выпусковъ прекрасно обработаннаго матеріала экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Первые два выпуска и четвертый обнимаютъ собою волости Тюменскаго округа Тобольской губерніи и составлены четырьмя изслѣдователями, третій и пятый относятся къ волостямъ Ишимскаго округа и обработаны однимъ изслѣдователемъ. Не смотря на то, что министерство преподало командированнымъ чинамъ общую программу изслѣдованія мѣстностей, представленные отчеты по работамъ отличаются, какъ методомъ изслѣдованія, такъ и разнообразіемъ матеріала. Наиболѣе цѣнными данными и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи блещутъ третій и пятый выпуски «матеріаловъ», составленные изслѣдователемъ г. Кауфманомъ. Маленькій Тюменскій округъ, которому посвящены 1, 2, 4 выпуски представлялъ для четырехъ изслѣдователей значительно болѣе легкости. Здѣсь можно было собирать статистическія свѣдѣнія по всему объему преподанной программы во всѣхъ безъ исключенія селеніяхъ, такъ что командированные чины не были затруднены

въ изысканіи способовъ дѣйствій. Масса цифроваго матеріала давалась, такъ сказать, прямо въ руки. Не смотря на это выгодное положеніе, мы видимъ работы гг. Патканова, Пчелина, Соколова и Горемыкина далеко уступающими изслѣдованію г. Кауфмана по Ишимскому округу. Еще работа г. Патканова можетъ хоть нѣсколько идти въ сравненіе съ трудомъ г. Кауфмана, остальныя же остаются далеко позади. Г. Пaткановъ далъ описаніе пяти волостей и не только со стороны экономическаго быта крестьянъ, но и съ точки зрѣнія этнографическихъ, бытовыхъ особенностей края. У него представлена скорѣе общая картина жизни, въ главныхъ ея моментахъ, хотя съ упоминаніемъ подъ часъ очень мелкихъ данныхъ, даже не идущихъ къ дѣлу: на его работѣ врядъ ли можно твердо опереться министерству при такой сложной задачѣ, какъ поземельное устройство, здѣсь скорѣе можно найти свѣдѣнія для цѣлей управленія, просвѣщенія и культуры Тюменскаго округа.

Работа г. Кауфмана еще, повидимому, не вполнѣ закончена: первая часть имѣетъ своимъ содержаніемъ «источники благосостоянія населенія», вторая—а) «очеркъ общиннаго строя» и б). «крестьянскіе платежи и соотношеніе ихъ съ цѣнностью надѣловъ». Собравъ статистическія свѣдѣнія по 34 волостямъ обширнаго Ишимскаго округа въ теченіе 1887 г., изслѣдователь весною и лѣтомъ слѣдующаго года сдѣлалъ вторичный объѣздъ округа, посвятивъ свой объѣздъ главнымъ образомъ обзору въ натурѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій и изслѣдованію округа въ почвенномъ отношеніи, повѣркѣ собранныхъ при предшествовавшихъ работахъ свѣдѣній и дополненію ихъ данными объ особенностяхъ хозяйственнаго быта крестьянъ разныхъ мѣстностей, о степени ихъ благосостоянія и сравнительномъ достоинствѣ состоящихъ въ ихъ пользованіи угодій и другими данными, необходимыми какъ для всесторонняго уясненія хозяйственныхъ нуждъ населенія, такъ и для правильнаго установленія нормъ количества удобной земли, необходимаго для обезпеченія потребностей населенія. Такимъ образомъ работа г. Кауфмана, при всемъ совершенствѣ его статистическихъ пріемовъ, носитъ, однако, на себѣ скорѣе характеръ обслѣдованія, а не строгаго статистическаго свода. Это отнюдь не есть недостатокъ труда, но придаетъ ему жизнь и облегчаетъ задачу министерства, въ упорядоченіи и окончательномъ устройствѣ земледѣльческаго быта населенія. Подробно останавливается г. Кауфманъ на обслѣдованіи крестьянскаго земледѣлія, даетъ прекрасное описаніе хлѣбопашества и почвенныхъ условій, обработки пашни, учета земледѣльческихъ работъ и стоимости производства хлѣбовъ, указываетъ рынки сбыта и цѣны на хлѣбъ и исчисляетъ степень выгодности хлѣбопашества въ разныхъ частяхъ Ишимскаго округа. Слѣдующія главы посвящены изслѣдованію мѣстнаго скотоводства, довольствію лѣсными матеріалами, рыболовными угодьями и рыболовству, личному труду. Съ особенною любовью и вниманіемъ останавливается г. Кауфманъ на вопросѣ о передѣлахъ. Этотъ вопросъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся общиннаго пользованія землею, какъ извѣстно, одинъ изъ коренныхъ и притомъ самыхъ трудныхъ и мало-изслѣдованныхъ. Г. Кауфманъ справился съ своей задачей чрезвычайно удачно и показалъ большое пониманіе и знаніе общиннаго землевладѣнія и строя. Также добросовѣстно обработаны у него податное обложеніе, аренда и сдача земель, и указано соотношеніе арендной цѣнности крестьянскихъ земель съ размѣрами платежей. Второй томъ изслѣдованія Ишимскаго округа снабженъ богатыми при-

ложеніями: здѣсь не только статистическія таблицы данныхъ о количествѣ пахатныхъ земель по межевымъ даннымъ и по крестьянскимъ надѣламъ, но и образцы напр. «земляныхъ книгъ», «Копія съ акта собранія волостныхъ довѣренныхъ».

Трудъ г. Кауфмана вполнѣ соотвѣтствуетъ возложенной на него министерствомъ задачѣ, констатируя не только факты дѣйствительности, но и указывая пути, по которымъ необходимо слѣдовать въ дѣлѣ устройства экономическаго быта крестьянъ Западной Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ его изслѣдованіе, помимо практическаго значенія, можетъ служить и прекраснымъ образцомъ вполнѣ научной работы. Б. Г.

Ф. Ленорманъ. Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. — Переводъ И. Каманина. — Индійцы. — Тома II-го выпускъ III-й. Кіевъ. 1889.

Индійцы, арабы, мидяне и персы. Исторія происхожденія и цивилизаціи древняго Востока. Ф. Ленорманъ. Переводъ И. Каманина. Изданіе книжнаго магазина М. И. Карповичъ. Кіевъ. 1890.

Мы намѣренно выписали рядомъ заглавія этихъ двухъ книгъ—между ними замѣчается необычайно тѣсная связь: вторая книга есть ничто иное, какъ первая, только съ новой обложкой. Это становится очевиднымъ, стоитъ только развернуть одну изъ книгъ на любой страницѣ, взять на ней любую строчку и затѣмъ отыскать въ другой книгѣ ту же страницу и строку—окажется, что тутъ и тамъ повторяется буквально одно и то же, даже опечатки тѣ же. Такой метаморфозой обложки объясняется и цѣлый рядъ противорѣчій между заглавіемъ второй книги и ея содержаніемъ: вмѣсто исторіи индійцевъ, арабовъ, мидянъ и персовъ, мы находимъ въ ней исторію только однихъ индійцевъ; къ исторіи индійцевъ, арабовъ, мидянъ и персовъ прилагаются планы египетскихъ Ѳивъ, Вавилона, Ура халдейскаго и т. п., но ничего касающагося Индіи. Такія приложенія были понятны въ первой книгѣ, такъ какъ она заканчивала исторію всего Востока, но при теперешнемъ превращеніи они являются совершенно безсмысленными. Но эта безцеремонная спекуляція становится еще возмутительнѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что учебникъ Ленормана давно уже утратилъ свое значеніе. Переводъ его на русскій языкъ былъ сдѣланъ съ изданія 1869 г., и, прежде чѣмъ г. Каманинъ кончилъ свой трудъ, самъ Ленорманъ успѣлъ уже отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ мнѣній, въ томъ числѣ отъ цѣлой системы ассирійской исторіи. Неудивительно, что переводъ «Учебника» не расходился, какъ книга со взглядами завѣдомо устарѣлыми и ложными, и вотъ теперь его хотятъ понемногу сбыть съ рукъ, перемѣнивъ прежнее заглавіе. Однако виновникъ этой метаморфозы почему-то предположилъ, что, перемѣнивъ обложку, онъ увеличилъ достоинства труда Ленормана и потому возвысилъ цѣну его ровно вдвое — вмѣсто 1 р. 50 коп., онъ продается теперь за 3 руб. До сихъ поръ успѣли передѣлать только третій выпускъ второго тома и мы надѣемся, что наша замѣтка прекратитъ дальнѣйшее превращеніе «Руководства къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ» въ «Исторію происхожденія и цивилизаціи древняго Востока» С. А—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Леруа-Болье и религіозный вопросъ въ Россіи.—Мнѣніе о томъ же швейцарскаго публициста.—Характеристика Тургенева въ его семейныхъ отношеніяхъ по отзыву французскаго историка русской литературы.— Сборникъ славянскихъ сказокъ въ англійской оцѣнкѣ.—Поѣздка по восточному Кавказу.—Откуда происходитъ названіе болгаръ.— Прусскій офицеръ въ должности клеветника Россіи и защитника болгаръ.— Послѣдній томъ мемуаровъ герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго.

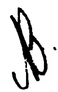
ИМЯ ЛЕРУА-БОЛЬЕ извѣстно не только во французской но и въ русской литературѣ. Его труды по изученію нашей исторіи и современнаго быта заслуживаютъ вниманія по своей добросовѣстности и желанію быть безпристрастнымъ, но исполненіе и у него, какъ у весьма многихъ писателей, далеко не всегда отвѣчаетъ желанію. Леруа-Болье—французъ и католикъ и особенности характера его націи прежде всего высказываются въ его произведеніяхъ—конечно и помимо его воли. Уже нѣсколько лѣтъ выходящее серьезное сочиненіе его: «Имперія царей и русскіе» (L'empire des tsars et les russes) отличается многими достоинствами и, между прочимъ, тщательнымъ излѣдованіемъ нашей общины и крестьянскаго быта, но вышедшій недавно третій томъ, посвященный нашимъ вѣрованіямъ и обрядамъ и носящій заголовокъ «религія» (La religion) далеко не удовлетворителенъ. Авторъ начинаетъ съ того, что въ предисловіи извиняется въ томъ, что трактуетъ въ девятнадцатомъ столѣтіи о такомъ архаическомъ предметѣ, какъ религія, и потомъ прямо объявляетъ, что у большей части воспитанныхъ русскихъ—нѣтъ никакой религіи и она играетъ совершенно незначительную роль въ ихъ жизни. Онъ находитъ даже, что духовная жизнь всѣхъ классовъ общества и самихъ служителей церкви значительно ослабѣла въ послѣднее время и приписываетъ это тому, что у насъ религіознымъ вопросомъ руководятъ государственные взгляды. Лекарствомъ отъ этого Болье считаетъ — папскую власть, представляющую достаточный оплотъ противъ вторженія свѣтскихъ интересовъ въ область церкви. Нужно ли доказывать всю неосновательность подобнаго мнѣнія? Гдѣ же, какъ не въ католиче-

нихъ державахъ папская власть, мѣшаясь въ распоряженія правителей, принесла столько зла и вреда народамъ! Имъ надо было, напротивъ, вмѣстѣ съ ихъ правителями отбиваться въ теченіе многихъ вѣковъ отъ захвата римскою церковью прирожденныхъ правъ человѣка—свободы совѣсти и мысли. Русское духовенство, всегда подчиненное правительству, никогда не злоупотребляло своею властью, какъ папизмъ, вторгавшійся не только въ семейную, но и въ умственную жизнь католиковъ. И развѣ Римъ охранилъ свою паству въ Западной Европѣ отъ смутъ и революцій? Неужели Леруа-Болье, говоря объ упадкѣ религіознаго чувства въ русскихъ, находитъ, что оно сильнѣе у французовъ, принадлежащихъ къ римской церкви? Послѣ общихъ выводовъ, ложныхъ въ своихъ основаніяхъ, было бы излишне перечислять другіе, не менѣе произвольные выводы автора. Къ нашему бѣлому духовенству онъ также относится съ предубѣжденіемъ и нѣсколько лучше отзывается только о монашествѣ, забывая, что переходъ въ него для всякаго вдоваго священника очень легокъ. Монастырскую жизнь авторъ не описываетъ, но отдаетъ справедливость стройности и картинности нашего богослуженія, превосходному церковному пѣнію, не сопровождаемому никакими инструментами. Для исполненія духовныхъ гимновъ достаточно человѣческихъ голосовъ, не нуждающихся въ помощи такихъ машинъ, какъ органы. Авторъ недоволенъ также тѣмъ, что при вѣротерпимости русскаго народа не разрѣшается пропаганда представителямъ другихъ исповѣданій. Въ книгѣ все-таки много любопытнаго.

— Религіознаго вопроса въ Россіи касается и швейцарскій писатель Огюстъ Глардонъ, о серьезномъ этюдѣ котораго «Русскіе крестьяне», помѣщенномъ въ «Bibliothèque universelle» мы говорили въ прошломъ году. Въ томъ же журналѣ онъ изслѣдуетъ «религіозное положеніе Россіи» (La position religieuse en Russie), къ сожалѣнію, не по первоначальнымъ источникамъ, а по сочиненіямъ иностранцевъ и эмигрантовъ. Религіозныя вѣрованія интересуютъ автора, какъ проявленіе великой общественной силы, способной въ данную минуту поднять и преобразовать весь народъ. Вотъ почему вопросъ о сектантахъ и раскольникахъ такъ важенъ въ глазахъ писателей западной Европы, гдѣ демократическія движенія замѣнили давно уже всякія другія тенденціи. Тамъ, языческіе боги побѣждены, но не уничтожены, съ неба они перешли въ адъ и простой народъ считаетъ ихъ демонами, не перестаетъ бояться ихъ и готовъ умилостивить ихъ всѣми средствами. У русскихъ осталась также вѣра въ духовъ земли, воды, лѣса, въ домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, хотя авторъ совершенно искренно увѣряетъ, что невскіе и днѣпровскіе рыбаки приносятъ жертвы водянымъ божествамъ. Въ колдунахъ можно видѣть потомковъ древнихъ жрецовъ злыхъ боговъ и мало развитой народъ заискиваетъ также у нихъ благоволенія темныхъ силъ, какъ благословенія служителей истинной религіи. Авторъ приводитъ нѣсколько суевѣрныхъ легендъ, относящихся къ пророку Иліи, святымъ Николаю, Георгію и другимъ, и распространенныхъ не въ одной Россіи. Вѣра въ чорта также сильно укоренилась въ простомъ народѣ всѣхъ странъ, но одарила этого духа тьмы особыми свойствами и качествами. Авторъ не признаетъ особенно набожнымъ русскаго человѣка, но говоритъ, что религіозное чувство въ немъ только дремлетъ, но можетъ пробудиться съ такою силою, что удивитъ міръ и явится въ немъ важнымъ факторомъ. Разсказавъ исторію раскола, возникшаго отъ исправленія Никономъ церковныхъ книгъ, авторъ

приводить примѣры упорства, съ какимъ раскольники отстаивали свои убѣжденія. Въ самое послѣднее время три ихъ епископа: Кононъ, Аркадій и Геннадій, четверть столѣтія (отъ 1856 по 1881 годъ) прожили въ заключеньи потому, что не хотѣли отказаться отъ своего званія. Теперь раскольники изъ ультра-консерваторовъ превращаются въ раціоналистовъ. Статья оканчивается исторіею возникновенія и распространенія штунды, но авторъ напрасно сравниваетъ это ученіе съ движеніемъ начала XVI столѣтія, предшествовавшимъ реформаціи. Въ наше время такія сравненія—дѣло очень рискованное.

— Характеристика Тургенева, подвергшагося въ нашей литературѣ такой разнообразной оцѣнкѣ, нашла мѣсто и въ иностранной журналистикѣ. Авторъ исторіи русской литературы Ш. Курьеръ напечаталъ этюдъ «Тургеневъ и его семейство» (Tourguénief et sa famille). Статья составлена главнѣйше по воспоминаніямъ г-жи Житовой, помѣщеннымъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1884 года. Послѣ нѣсколькихъ словъ о жалкомъ положеніи общества, основаннаго на крѣпостномъ правѣ, авторъ останавливается на характерѣ матери писателя, уже вполнѣ опредѣлившемся въ нашей печати. Деспотическая, безсердечная помѣщица, она перенесла крѣпостныя привычки и въ свои отношенія къ дѣтямъ и не могла быть хорошею матерью, какъ не была и хорошею женщиною. У насъ привыкли относиться снисходительно къ патріархальнымъ нравамъ нашихъ отцовъ, но хотя древній патріархатъ былъ основанъ на рабствѣ и понятенъ въ первобытныя времена грубости и варварства, извинять его въ интелигентныхъ классахъ можно только обществу выросшему въ извращенныхъ понятіяхъ, а не западно-европейскому, давно уже знакомому съ правами человѣка. Французскій авторъ мѣстами даже удивляется желанію русской писательницы обѣлить Варвару Петровну Тургеневу и эта снисходительность къ ея, ничѣмъ не оправдываемымъ поступкамъ, даетъ невыгодное понятіе о неустойчивости нашихъ нравственныхъ убѣжденій и производитъ тяжелое впечатлѣніе въ статьѣ французскаго писателя, ограничивающейся только семейными отношеніями матери къ своимъ сыновьямъ и помѣщицы къ своимъ крѣпостнымъ.

— А. Вратиславъ издалъ «Шестьдесятъ народныхъ сказокъ исключительно изъ славянскихъ источниковъ. Переводъ съ краткими вступленіями и примѣчаніями» (Sixty folk tales from exclusive ly slavonic sources. Translated with brief introductions and notes by A. H. Wratislaw). Съ народной славянской, преимущественно русской, поэзіей англичанъ познакомилъ недавно умершій Ральстонъ. Послѣ него вышла только въ 1874 году небольшая книжка Нааке, составленная по образцамъ, находящимся въ Британскомъ музеѣ «Славянскія волшебныя сказки» (Slavonic fairy tales). Вотъ что говоритъ о сборникѣ Вратислава въ журналѣ «Academy» В. Р. Морфилъ, о замѣчательной брошюрѣ котораго мы даемъ отчетъ въ этой же книжкѣ «Историческаго Вѣстника»: «Ни одинъ европейскій народъ не имѣетъ такой обширной народной поэзіи какъ славяне. Книга Вратислава начинается чешскими сказками, но онѣ гораздо меньше интересны, чѣмъ русскія. Чешскія заимствованы изъ сборника Карла Эрбена, добросовѣстно отнесшагося къ своему дѣлу и Божены Нѣмцовой, уже значительно измѣнявшей первоначальный текстъ народнаго творчества. Нааке и профессоръ А. Ходзько (послѣдній въ своихъ «Contes des paysans et des pâtres slaves») ближе держались Эрбена и потому ихъ переводъ имѣетъ больше

значенія, чѣмъ передѣлки Нѣмцовой». Вратиславъ сравниваетъ одну изъ моравскихъ сказокъ съ нѣмецкою, взятою изъ сборника Гримма и находитъ, что нѣмцы сильно позаимствовались у славянъ, не смотря на то, что считаютъ свою культуру значительно выше. Объ этихъ заимствованіяхъ говоритъ и Ходзько, хотя источникъ происхожденія легендъ у обоихъ племенъ одинъ и тотъ же—арійскій. Онъ видѣнъ даже въ преданіяхъ мадьяръ, не принадлежащихъ къ арійской расѣ, но омадьярившихъ покоренныя ими славянскія племена до того, что лучшій поэтъ ихъ изъ Петровича превратился въ Пётёфи. Напрасно также Вратиславъ называетъ «венгерскими словенами» племя словаковъ. До какой степени славянскія племена подверглись мадьяризаціи яснѣе всего опредѣлилъ варшавскій профессоръ К. Гротъ въ своей книгѣ «Моравія и мадьяры», вышедшей въ Петербургѣ въ 1881 году. Вратиславъ приводитъ и лужицкія сказки по сборнику Веккенштедта. «Вендскія саги, сказки и суевѣрные обряды» (Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche, 1880). Приведена даже одна сказка кашубовъ, этого маленькаго рыбачьяго племени, живущаго по берегу Балтики близь Данцига. Сказка эта взята изъ сборника доктора Сенова, единственнаго представителя этого племени передъ литературнымъ міромъ. Приведено не мало и польскихъ сказокъ изъ богатаго сборника Оскара Кольберга. Хорошіе образцы взяты и изъ бѣлорусскихъ преданій, для малороссійскихъ послужилъ источникомъ сборникъ Рудченко «Народныя южнорусскія сказки». Во введеніи къ болгарскимъ сказкамъ Вратиславъ принимаетъ мнѣніе Миклошича о древнемъ ѳракійскомъ нарѣчіи, которымъ говорили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи. Если это нарѣчіе и существовало, то не оставило слѣдовъ въ языкѣ болгаръ. Нельзя также согласиться съ Вратиславомъ, что этотъ древне-ѳракійскій или дакскій языкъ въ соединеніи съ латинскимъ образовалъ нынѣшній румынскій языкъ. Слѣды исчезнувшаго ѳракійскаго языка можно скорѣе искать въ албанскомъ, и ужъ никакъ не въ сербскомъ, гдѣ ихъ также видитъ Вратиславъ. Странно также его утвержденіе, что малороссійское нарѣчіе ближе къ чешскому, чѣмъ къ бѣлорусскому. Основываясь на Шафарикѣ, онъ признаетъ три нарѣчія или діалекта: сербскій, хорватскій и словенскій, но первые два совершенно идентичны, а словенскій рѣзко отличается отъ нихъ. Шафарикъ былъ превосходный этнологъ, но плохой филологъ. Онъ соединялъ въ одну группу сербскій и болгарскій языкъ, и послѣ этого слависта изученіе славянскихъ племенъ ушло далеко впередъ. Взгляды Домбровскаго и даже Іоганна Шмидта въ его «Исторіи индогерманскаго вокализма» теперь уже устарѣли. Особенно важное значеніе получилъ словенскій языкъ, хотя имъ говоритъ сравнительно небольшое племя. Но капитальный трудъ ученика Миклошича—Шумана: «Slovenska slovnica» опредѣлилъ первенствующее значеніе этого языка въ семьѣ славянскихъ нарѣчій. Сборникъ Вратислава, знакомящій Европу съ народнымъ творчествомъ великаго славянскаго племени, вполнѣ заслуживаетъ вниманіе западной интеллигенціи.

— Аберкромби, лѣтомъ 1888 года, совершилъ поѣздку по восточному Кавказу и издалъ теперь ея описаніе вмѣстѣ съ разсужденіемъ о языкахъ страны. (A trip through the eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country). Путешествіе его продолжалось мѣсяцъ. Изъ Нухи онъ переѣхалъ черезъ горы въ Ахты, потомъ въ Гунибъ, послѣднюю резиденцію Шамиля, и вернулся не по Даріельскому ущелью, а черезъ

Чеченскій округъ. Онъ восхищается, конечно, Казбекомъ, находя виды его величественными и ужасными. Поѣздка происходила, конечно, верхомъ, потому что другихъ средствъ сообщеній нѣтъ въ горахъ Дагестана. Онъ первый изъ англійскихъ путешественниковъ описалъ дербентскій валъ, длиною въ 25 миль, защищенный многочисленными укрѣпленіями. Постройка его начата еще въ VI столѣтіи при Хозроѣ I. Авторъ описываетъ также подробно кустарныя работы туземцевъ въ деревнѣ Кубаши, близь Дербента, славящейся выдѣлкою металлическихъ вещей. Въ общемъ замѣтки его довольно поверхностны и сухи, но главное вниманіе его обращено на мѣстныя преданія и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ много любопытныхъ филологическихъ выводовъ.

— Филологъ Гоувортъ изслѣдуетъ въ журналѣ «Academy» происхожденіе и этнологическое значеніе имени болгаръ (The etymology and ethnic meaning of the name «bulgarian»). Хотя племя это было извѣстно своими вторженіями въ римскую имперію за столѣтіе до того времени, когда писалъ Прокопій, историкъ этотъ ни разу не упоминаетъ имени болгаръ. Говоря о различныхъ племенахъ, кочующихъ и осѣдлыхъ, на берегахъ Понта Эвксинскаго, описывая подробно поколѣнія гунновъ, ни Прокопій, ни продолжатели его исторіи, Агаѳій и Менандръ, ни разу не называютъ болгаръ. Между тѣмъ, Іоаннъ Антіохійскій, Евнодій, Кассіодоръ, Марцеллинъ, Іортендесъ говорятъ о болгарахъ и описаніе этого племени совершенно сходится съ описаніемъ гунновъ у Прокопія. Оба эти названія были, вѣроятно, общимъ собирательнымъ именемъ для всѣхъ гуннскихъ племенъ. Именемъ этимъ болгаре не называли сами себя, а его давали имъ чужеземцы—славяне и готы. Этимологически имя это происходитъ прямо отъ Волги, а не наоборотъ, какъ думаютъ иные. Въ исторіи нѣтъ примѣровъ, чтобы какое-нибудь племя давало свое имя рѣкѣ и еще такой большой какъ Волга. Но съ другой стороны ни турецкія, ни угрскія племена не знаютъ нынѣшняго названія этой рѣки. Чуваши называютъ ее «Идель», калмыки—«Ишиль», черемисы—«Юль», мордва—«Ра». Несторъ называетъ ее уже Волгой, также какъ первый упоминающій объ ней западный писатель Плано Карпини, монахъ ордена миноритовъ. Рубриквисъ въ 1246 году говоритъ, что татары называютъ эту рѣку Этиль, а славяне «Волга». Чанселлоръ, бывшій въ Россіи при Иванѣ Грозномъ, даетъ ей то же названіе, хотя и упоминаетъ объ имени «Ра». Волгою назвали ее славяне и, появившись на Дунаѣ вслѣдъ за болгарами, сдѣлали извѣстнымъ это имя. Константинъ Порфирородный говоритъ прямо, что названіе болгаръ замѣнило имя гуннигуровъ. Стало быть ясно, что терминъ «болгаре» значитъ просто—«волгари», народъ пришедшій съ Волги.

— Современная Болгарія продолжаетъ привлекать всеобщее вниманіе, то своими непостижимыми заговорами, въ которыхъ участвуютъ такіе преданнѣйшіе опоры Кобурга и усерднѣйшіе палочники, какъ маіоръ Паница, то наглыми требованіями признанія своего самозваннаго правительства, когда отъ нея потребовали уплаты суммъ должныхъ ею Россіи. Книгъ о Болгаріи также выходитъ не мало. Появились воспоминанія прусскаго офицера отъ 1876 по 1887 годъ, подъ названіемъ «Одиннадцать лѣтъ на Балканахъ» (Elf Jahre Balkan. Erinnerungen eines preussischen Offiziers aus den Jahren 1876 bis 1887). Этотъ офицеръ былъ въ службѣ Сербіи и принималъ участіе во всѣхъ послѣднихъ событіяхъ на Балканскомъ

полуостровѣ. Извѣстно, что прусскихъ офицеровъ можно найти на службѣ всѣхъ государствъ во всемъ свѣтѣ, не исключая Дагомея, гдѣ они недавно седанской арміей побили французовъ, о чемъ не преминули сообщить своему фатерланду въ офиціозныхъ газетахъ. Нѣтъ этихъ офицеровъ только на службѣ Россіи, гдѣ ихъ, конечно, цѣлые полки, но служатъ они своему отечеству, покамѣстъ, въ качествѣ развѣдчиковъ, вносителей германской культуры въ русскія окраины и начальниковъ безчисленной же арміи нѣмецкихъ рабочихъ на всевозможныхъ заводахъ и мануфактурахъ. Авторъ книги о Балканахъ вступилъ въ сербскую армію въ 1875 году, чтобы сражаться противъ турокъ—цѣль, кажется, самая благовидная, но прусскій офицеръ съ первыхъ же страницъ своего сочиненія начинаетъ доказывать совершенную негодность арміи, въ которую онъ вступилъ. Мудрено ли, что онъ еще хуже отзывается о русскихъ добровольцахъ, явившихся къ ней на помощь и поголовно обзываетъ всѣхъ «негодными ни тѣломъ, ни духомъ» (unbrauchbar an Körper und Geist), даже трусами, сбиравшимися только тамъ, гдѣ можно было поживиться, но прятавшимися отъ ядеръ и «требовавшими потомъ отъ насъ лавровъ». Прусскій офицеръ говоритъ, что зналъ всѣхъ въ штабѣ Черняева, гдѣ не было и трехъ порядочныхъ (anständige) людей, да и изъ тѣхъ двое были никуда не пригодны. Далѣе авторъ обвиняетъ этихъ «русскихъ братьевъ» въ пьянствѣ, распущенности и говоритъ, что сербы ненавидѣли ихъ больше, чѣмъ турокъ. Прусскій офицеръ сожалѣетъ, что ненависть эта скоро исчезла и не продлилась до настоящаго времени... Какъ въ этомъ сожалѣніи виденъ настоящій ставленникъ Бисмарка, которому такъ съ руки всякій раздоръ между славянами! Но авторъ книги позволяетъ себѣ даже называть русскія фамиліи, и разсказываетъ, вѣроятно въ разсчетѣ на наше добродушіе или на то, что никто изъ русскихъ не прочтетъ его книгу, такіе анекдоты (какъ напримѣръ о князѣ Хилковѣ), за которые его въ другой странѣ притянули бы къ отвѣту. Недостаточно сказать: «я не знаю, справедливо ли это» и потомъ привести сплетню хоть бы о 20,000 паръ саноговъ присланныхъ изъ Россіи и удержанныхъ генераломъ Дандевилемъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за обнародованіе въ печати такихъ извѣстій. А подобныхъ разсказовъ не мало въ книгѣ прусскаго офицера. Что за личность этотъ офицеръ, видно изъ того, что тотчасъ послѣ окончанія сербской войны съ турками, онъ перешелъ въ турецкую армію и началъ драться—противъ русскихъ, какъ говоритъ это открыто, но значитъ и противъ сербовъ, за которыхъ только-что сражался. Правда, онъ оправдываетъ свое военное ренегатство тѣмъ, что поступилъ собственно въ египетскую армію, гдѣ сочинилъ для себя небывалую должность военнаго докладчика (Kriegsberichterstatter). По окончаніи же русско-турецкой войны, онъ вступилъ въ милицію восточной Румеліи и здѣсь уже начинаетъ разсказывать всю политическую исторію Болгаріи до призванія въ нее Кобурга. Можно представить себѣ, въ какомъ духѣ этотъ перевертень разсказываетъ эту исторію. Она начинается прямо съ «русскихъ интригъ» и съ изображенія, какъ русскіе офицеры въ болгарской арміи грубо обращались съ солдатами и съ мѣстными офицерами, возбуждая вездѣ негодованіе въ народѣ. Затѣмъ послѣ соединенія Румеліи и Болгаріи идетъ повѣствованіе о низменной агитаціи (niederträchtige) противъ «благороднаго» князя Александра. Изгнаніе его названо «единственнымъ постыднымъ пятномъ въ исторіи молодой Болгаріи». Доведенные до отчаянія, болгары нашли въ себѣ силу къ сопротивленію и

съ тѣхъ поръ ни о какой попыткѣ примиренія съ Россіей не могло быть и рѣчи. Авторъ увѣряетъ даже, что цѣлому свѣту сдѣлались извѣстны имена Набокова и Каульбарса «съ печатью пренебреженія» (mit dem Merkmale der Verächtlichkeit) и что война съ Россіей неизбѣжна. Мудрено ли, что смуты и политическое неустройство не прекращаются въ Болгаріи, если ея беззаконное правительство прославляютъ своими сочиненіями прусскіе офицеры, собирающіе въ своихъ книгахъ всевозможныя клеветы противъ «дружественной» націи и поддерживающіе, конечно и другими путями, наглость самозваннаго правителя съ его стамбуловцами. Съ книгой безъименнаго автора слѣдуетъ познакомиться и русскимъ людямъ, чтобы знать, какъ относятся къ намъ наши сосѣди, съ такою радостью становящіеся на сторону всякаго врага Россіи.

— Вышелъ третій томъ мемуаровъ Эрнста II, герцога саксенъ-кобургъ-готскаго, подъ названіемъ «Изъ моей жизни и изъ моего времени» (Aus meinem Leben und aus meiner Zeit. Von Ernst II, Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha). Противъ всеобщаго ожиданія этимъ томомъ заканчиваются мемуары царственнаго автора. Въ нихъ разсказаны событія отъ 1860 по 1866 годъ, затѣмъ слѣдуетъ краткая заключительная глава о времени отъ 1867 по 1871 годъ. Причиною, заставившею вовсе умолчать о періодѣ до 1889 года герцогъ выставляетъ то обстоятельство, что время это не принадлежитъ еще исторіи въ той мѣрѣ какъ эпоха, предшествовавшая основанію и развитію новой имперіи. Авторъ начинаетъ съ описанія, какъ онъ, въ 1861 году, не дожидаясь окончанія устройства общегерманской арміи, включилъ свои войска въ прусскую армію. Онъ увѣренъ, что патріотическій историкъ воздастъ должную справедливость этому поступку. Герцогъ приписываетъ также большое значеніе основанному имъ въ это время обществу стрѣлковъ, соединившему въ одно цѣлое искусныхъ охотниковъ и любителей стрѣльбы. Дѣйствительно, эти общества гимнастовъ, стрѣлковъ, даже туристовъ и пѣвцовъ, имѣли большое вліяніе на развитіе воинственнаго духа въ нѣмцахъ и на соединеніе всѣхъ ихъ впослѣдствіи подъ одно знамя общаго отечества. Въ концѣ этого же 1861 года герцогъ, лишившійся отца и матери въ дѣтствѣ, сокрушается о своемъ одиночествѣ по случаю потери своего единственнаго брата, принца Альберта, мужа королевы Викторіи. Штокмаръ утѣшалъ герцога тѣмъ, что «братъ его достигъ въ болѣе короткое время, чѣмъ это бываетъ обыкновенно, всего великаго, что ему обезпечиваетъ мѣсто въ исторіи». Хотя, собственно говоря, принцъ Альбертъ и не создалъ ничего особенно великаго, но сильнымъ міра простительно видѣть въ своихъ родныхъ идеалы человѣчества. Что же касается до возвышеннаго слога, какимъ выражается герцогъ въ своихъ мемуарахъ, это также принадлежитъ къ особенности его положенія и привычкѣ выслушивать отъ придворныхъ такія же тяжеловѣсно-напыщенныя фразы. Въ 1862 году герцогъ совершилъ путешествіе въ Африку съ цѣлью узнать тамъ о пропавшемъ докторѣ Фогелѣ. Экспедиція изъ 22 лицъ, подъ руководствомъ африканскаго изслѣдователя Теодора Гейглина и въ числѣ которой были жена герцога и другія дамы, принцы Лейнингенскій, Гогенлоэ-Лангенбургскій, писатель Герштекеръ, натуралистъ Времъ, выѣхала въ концѣ февраля изъ Кобурга, а въ концѣ мая отправилась уже обратно въ Тріестъ. Трехмѣсячнаго изслѣдованія Африки оказалось достаточно. Изъ Египта компанія высокопоставленныхъ особъ направилась въ Массову,

оттуда въ абиссинскую мѣстность Керенъ и вернулась къ Красному морю, поохотившись за слонами, причемъ дамы, хотя и не участвовали въ охотѣ, переносили, по словамъ герцога, «множество тягостей, а герцогиня Александрина выказала большое терпѣніе и непритязательность». Доведя до свѣдѣнія потомства объ этомъ увеселительномъ путешествіи въ Африку, герцогъ считаетъ нужнымъ разсказать далѣе о возникшемъ недоразумѣніи между нимъ и королемъ Вильгельмомъ I по поводу председательства герцога на собраніи стрѣлковаго общества во Франкфуртѣ на Майнѣ. Извѣстный Шульце-Деличъ сказалъ что-то въ одномъ изъ засѣданій этого общества о различіи между королевскимъ и народнымъ войскомъ, и прусскій король написалъ герцогу письмо, «которое не должно однако толковать въ дурную сторону» и въ которомъ Вильгельмъ спрашиваетъ, правду ли говорятъ газеты, что герцогъ Саксенъ-Кобургскій поощряетъ парламентскую оппозицію въ Пруссіи? Король, говорилось далѣе въ письмѣ—обязанъ сообщить своей арміи, дѣйствительно ли нѣмецкій владѣтельный князь и въ то же время шефъ прусскаго полка намѣренъ уничтожить (ruiniren) эту армію противъ воли ея короля, выказывая стремленія превратить королевскую армію въ парламентскую? Герцогъ отвѣчалъ, что его прошедшее должно было бы избавить его отъ подобныхъ подозрѣній и изъявилъ сожалѣніе, что король повѣрилъ такой злонамѣренной клеветѣ, которую герцогъ опровергалъ и путемъ печати. Въ 1863 году герцогъ, по кончинѣ датскаго короля Фридриха VII, сильно хлопоталъ о томъ, чтобы на датскій престолъ взошелъ герцогъ Аугустенбургскій, и заботился гораздо болѣе объ интересахъ Австріи, нежели Пруссіи. Въ 1865 году герцогъ оплакиваетъ еще одну потерю, своего дяди, бельгійскаго короля Леопольда I, удивляется его мужеству при перенесеніи имъ мучительныхъ страданій предсмертной болѣзни и называетъ его «мудрецомъ на тронѣ, противникомъ всякихъ крайнихъ мѣръ и мнѣній, олицетвореніемъ аристотелевской умѣренности во всѣхъ вещахъ». Въ своемъ стремленіи сохранить за Бельгіей роль независимаго, хотя и нейтральнаго государства между Франціей и Пруссіей, Леопольдъ» пренебрегалъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ и нисколько не увлекался либеральными стремленіями въ ущербъ здравому сужденію. Многіе, считавшіе его особенно либеральнымъ государемъ, разочаровались бы въ своихъ сужденіяхъ, если бы знали его ближе». Если эти слова и справедливы, то едва ли согласуются съ аристотелевскою умѣренностью, приписываемою Леопольду I. Въ томъ же году, отнявъ у Даніи герцогства, Пруссія начала править Шлезвигомъ, а Австрія Голстиніей, но уже въ январѣ 1866 года Бисмаркъ объявилъ, что австрійское управленіе нарушаетъ консервативные интересы. Герцогъ напрасно старался примирить эти интересы съ австрійскими и ввиду неизбѣжной войны между Габсбургами и Гогенцолернами сталъ на сторону Пруссіи. За это на него поднялись всѣ газеты Саксоніи и южной Германіи, ультрамонтанскія и демократическія. Война 1866 года въ мемуарахъ описана подробно, но все тѣмъ же тяжелымъ, напыщеннымъ языкомъ. Герцогъ сдѣлалъ всю кампанію этого года, также какъ и 1870-го. Еще въ началѣ октября 1870 года писалъ онъ о необходимости учрежденія германской имперіи и побуждалъ всѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ правителей твердо держаться этой мысли и ея осуществленія въ династіи гогенцолерновъ. За это придворный и офиціальный историкъ Зибель назвалъ его ревностнымъ патріотомъ, и даже французъ Шербюлье свидѣтельствуетъ, что

«у герцога было всегда нѣмецкое сердце». Пруссія дѣйствительно многимъ ему обязана, но это не мѣшаетъ мемуарамъ его быть все-таки мало интересными. Отъ нихъ ждали гораздо больше и, во всякомъ случаѣ, авторъ ихъ могъ бы сообщить болѣе цѣнные историческіе факты помимо тѣхъ, которые онъ внесъ въ свои записки. Но онъ очевидно не могъ по своему положенію сказать всего, что хотѣлъ бы, и потому мемуары его, любопытные для нѣмцевъ, имѣютъ очень мало значенія для всемірной исторіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Забайкальскіе разбойники.

ВЪ СТАРЫЕ годы на Байкалѣ существовали пираты. Въ своихъ легкихъ лодкахъ налетали и грабили они купеческія неуклюжія баржи съ товарами. Одного изъ извѣстнѣйшихъ въ свое время байкальскихъ пиратовъ, Сохатаго, еще помнятъ въ Забайкальѣ. Онъ славился своей необыкновенной силой. Изъ подвиговъ его особенно выдается разгромъ и ограбленіе имъ Чертовкинской ярмарки, бывающей ежегодно и до сихъ поръ лѣтомъ на одномъ изъ острововъ устья Селенги. Во главѣ 12-ти товарищей внезапно бросился Сохатый на балаганы съ товарами, захватилъ, что ему понравилось, и скрылся никѣмъ не преслѣдуемый. Такой ужасъ навело на всѣхъ, бывшихъ на ярмаркѣ русскихъ и бурятъ, — а ихъ бываетъ тамъ до 300 человѣкъ,—неожиданное и смѣлое появленіе страшнаго разбойника.

Другой разбойникъ, Горкинъ, разбойничалъ по московскому тракту, былъ пойманъ, сосланъ на Кару на каторгу, и по отбытіи срока каторги поселился на берегу Байкала въ одной деревнѣ на тракту, обзавелся хозяйствомъ и занялся извозомъ. Здѣсь въ немъ принялъ большое участіе бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири графъ Муравьевъ-Амурскій. Онъ помогъ устроиться Горкину, лично видался и ласково обращался съ нимъ. Разсказываютъ люди видѣвшіе Горкина, что онъ понималъ и глубоко чувствовалъ расположеніе къ себѣ Муравьева. И, можетъ быть, благодаря такому человѣческому отношенію истинно благороднаго графа, Горкинъ не возвратился къ прежней профессіи, не сдѣлался снова грозою московскаго тракта, а занялся честнымъ трудомъ и кончилъ жизнь честнымъ человѣкомъ.

Въ г. Троицкосавскѣ и въ Кяхтѣ ходитъ много разсказовъ про разбойника Капустина, подвизавшагося въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Крестьянинъ, уроженецъ одной изъ чикой-

скихъ деревень по рѣкѣ Чикои, правому притоку рѣки Селенги, Капустинъ началъ свою карьеру весьма легально: въ качествѣ солдата троицкосавскаго баталіона, и былъ смиреннѣйшей и послушнѣйшей гарнизонной крысой, пока не потерялъ терпѣнія. А это случилось по слѣдующему поводу. Однажды, лѣтомъ, солдатъ, по обыкновенію, распустили изъ города на вольныя работы по деревнямъ, съ обязательствомъ, чтобы каждый солдатъ заработалъ для баталіона извѣстную сумму денегъ. Отпустили съ другими и Капустина. Онъ все время проработалъ у одного еврея, Копа. Сталъ Капустинъ разсчитываться, а Копъ привязался къ какимъ-то пустякамъ и, видя, что солдатъ смирный, не заплатилъ ему ни одной копейки за работу. Напрасно Капустинъ умилостивлялъ Копа:

— Ты чтожъ дѣлаешь!—говорилъ онъ еврею—ты развѣ не знаешь, что мнѣ будетъ, если я не принесу въ батальонъ денегъ?

Но еврей такъ и не далъ ничего солдату. Разстроенный и возмущенный явился Капустинъ въ Троицкосавскъ и подробно разсказалъ начальству о несправедливости Копа. Ему не повѣрили и онъ былъ жестоко, безпощадно выдранъ, по приказанію начальства, за пропой будто бы заработанныхъ лѣтомъ денегъ. Послѣ наказанія Капустинъ бѣжалъ, убилъ Копа и сдѣлался разбойникомъ. Троицкосавскіе мѣщане и окрестные крестьяне вспоминаютъ о Капустинѣ съ любовью: бѣдныхъ и крестьянъ онъ не обижалъ и не разорялъ, а поживлялся больше на счетъ купцовъ. Отличался онъ, по разсказамъ троицкосавскихъ жителей, отчаянной смѣлостью. Нерѣдко переодѣтый днемъ, онъ появлялся въ городѣ Троицкосавскѣ на базарѣ. Разбойничалъ онъ большею частію въ одиночку. Такъ разсказываютъ объ ограбленіи Капустинымъ кяхтинскаго купца Соколова. Послѣдній поѣхалъ одинъ въ сидѣйкѣ куда-то за городъ и для безопасности отъ Капустина взялъ съ собою заряженный револьверъ. Подъ вечеръ неожиданно выросъ передъ нимъ Капустинъ, пѣшій и безъ всякаго оружія.

— Эй, ты, деньги у тебя есть, давай-ка!—обратился разбойникъ къ купцу.

Соколовъ безпрекословно дрожащими руками вынулъ бумажникъ съ деньгами и подалъ его Капустину. Принимая деньги, разбойникъ увидалъ и револьверъ, висящій на шнуркѣ черезъ шею у Соколова, и удивился:

— Ахъ, ты, дуракъ, дуракъ!—наставительно замѣтилъ Капустинъ купцу,—ты это зачѣмъ же съ собой возишь? Отдай лучше его мнѣ! Мнѣ вѣдь онъ нужнѣе, чѣмъ тебѣ!

Купецъ снялъ съ себя револьверъ и подалъ его Капустину, какъ бы вполнѣ согласившись съ разбойникомъ, что дѣйствительно безъ надобности повезъ съ собою револьверъ. Затѣмъ Капустинъ простился съ нимъ, и Соколовъ благополучно доѣхалъ до дому.

Не одинъ разъ попадался Капустинъ, но всегда умѣлъ вырываться изъ троицкосавской тюрьмы и убѣгалъ. Разъ, за Капустинымъ, убѣжавшимъ изъ городской троицкосавской тюрьмы, правду сказать, и теперь больше похожей на курятникъ, чѣмъ на тюрьму, была послана погоня и уже настигала его въ Усть-Кяхтѣ, гдѣ въ то время былъ сахарный заводъ, а у управляющаго заводомъ была извѣстная и въ городѣ, и въ округѣ, тысячная лошадь. Извѣстна была эта лошадь и Капустину. Пока погоня искала Капустина по селенію, онъ бросился на заводъ, пробрался на конюшню, укралъ дорогого бѣгуна и ускакалъ на немъ отъ погони. Лошадь нашли мертвою въ 100 верстахъ отъ Усть-Кяхты.

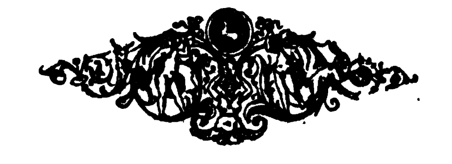
Въ семи верстахъ отъ Усть-Кяхты, возлѣ самой дороги (купеческаго тракта) на правомъ берегу Селенги есть пещера съ узкимъ, незамѣтнымъ входомъ, но просторная и высокая внутри. Пещера эта до сихъ поръ носитъ имя Капустина, и была одной изъ наиболѣе любимыхъ его резиденцій. Одинъ разъ Капустинъ заявился въ Троицкосавскъ къ еврею Салмоновичу. Хозяина не было дома и къ разбойнику вышелъ его братъ, не знавшій въ лицо Капустина. Но Капустинъ сказалъ ему, что дождется хозяина.

— И зачѣмъ же вамъ братъ?—присталъ къ нему еврей.—И что же вы молчите! если вы съ золотомъ, то у насъ и безъ брата найдутся деньги, даже ½ пуда принять можемъ!

Такъ разсказываютъ въ Троицкосавскѣ эту исторію. Необходимо объяснить, что евреи, живущіе на китайской границѣ, занимаются главнымъ образомъ скупомъ хищническаго золота, добываемаго по системѣ р. Чикоя, и перепродажей его китайцамъ въ Маймачинѣ.

Капустинъ все-таки остался дожидаться хозяина, а когда тотъ пришелъ, разбойникъ попросилъ его размѣнять сторублевку. Салмановичъ, разглядѣвши и узнавши Капустина, задрожалъ весь и едва былъ въ силахъ исполнить его просьбу. Размѣнявши деньги, Капустинъ скрылся также внезапно, какъ и явился. Однако, упорныя преслѣдованія заставили Капустина покинуть Забайкалье. Онъ ушелъ за море (Байкалъ) въ Иркутскую губернію, гдѣ и былъ скоро поойманъ. Но здѣсь его никто въ лицо не зналъ и Капустинъ выдалъ себя за бродягу. А уже было получено разрѣшеніе забайкальскими властями судить его военно-полевымъ судомъ, и Капустинъ зналъ про это. Какъ бродягу, непомнящаго родства, его осудили обыкновеннымъ судомъ и отправили въ каторгу на Кару. Но когда партія, съ которой былъ отправленъ Капустинъ, прибыла въ г. Верхнеудинскъ, тамъ въ острогѣ узналъ его одинъ арестантъ изъ мѣстныхъ евреевъ и объявилъ объ этомъ смотрителю острога. Капустина сначала посадили въ отдѣльную камеру, потомъ когда было установлено, что онъ и есть знаменитый разбойникъ, его разстрѣляли въ томъ же острогѣ въ Верхнеудинскѣ, на тюремномъ дворѣ. А еврея доносчика арестанты судили своимъ судомъ и задушили въ камерѣ ночью.

Сообщено В. Птицынымъ.

СМѢСЬ.

Историческое Общество. 21-го февраля состоялось второе засѣданіе недавно открытаго при Петербургскомъ университетѣ Историческаго Общества. Предсѣдательствовалъ Н. И. Карѣевъ. Рѣшено издавать журналъ подъ названіемъ: «Журналъ Историческаго Общества при петербургскомъ университетѣ». Н. И. Карѣевъ заявилъ при этомъ, что статьи въ журналѣ, по недостаточности средствъ Общества, будутъ помѣщаться безплатно. Затѣмъ были произведены выборы новыхъ членовъ Общества и приступлено къ обсужденію тезисовъ предыдущаго реферата Н. И. Карѣева: «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ и теоріи исторической науки». Познакомивъ слушателей съ краткимъ содержаніемъ своего реферата и указавъ на важность такихъ вопросовъ, какъ теорія исторической науки и значеніе отдѣльной личности въ исторіи, до сихъ поръ еще не выясненныхъ, Н. И. Карѣевъ предложилъ желающимъ сдѣлать возраженія по представленнымъ имъ тезисамъ. Опонентовъ нашлось только двое. Главнымъ поводомъ къ преніямъ послужилъ тезисъ — «Мысль о научной теоріи историческаго процесса упрочилась въ литературѣ благодаря Конту, но его соціальная динамика есть въ сущности не теорія историческаго процесса, а философія исторіи. Впервые разграничили оба понятія основатели Völkerpsychologie, Лацарусъ и Штейнталь». Е. А. Бѣловъ возразилъ на этотъ тезисъ, что помимо Конта мысль о научной теоріи историческаго процесса встрѣчается у многихъ писателей и притомъ гораздо раньше. У Аристотеля, напримѣръ, въ его сочиненіяхъ о формахъ правленія въ Аѳинахъ, эта теорія выражена довольно ясно и полно. То же самое почти было сказано и другимъ опонентомъ, доказывавшимъ, что мысль о теоріи историческаго процесса встрѣчается не только у позитивныхъ философовъ, какъ Контъ, но и у представителей идеалистической философіи. Такъ, Гегель не разъ разработывалъ этотъ вопросъ. Кромѣ того, та же мысль встрѣчается въ сочиненіяхъ Монтескье, Вика и др. писателей XVI и XVII столѣтій. Затѣмъ послѣднимъ же опонентомъ было сдѣлано возраженіе противъ мнѣнія референта, что всѣ явленія міра могутъ быть изучаемы конкретно (исторически) и абстрактно (теоретически). Опонентъ настаивалъ, что рѣшеніе историческихъ вопросовъ далеко не принадлежитъ однимъ историкамъ. Но на это возраженіе г. Карѣевъ

отвѣтилъ, что въ одномъ изъ своихъ тезисовъ онъ прямо говоритъ, что историкъ не можетъ быть равнодушенъ къ рѣшенію теоретическихъ вопросовъ исторіи политиками, юристами и экономистами, по необходимости смотрящими на исторію съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія, но синтезъ ихъ возрѣній болѣе удобно могутъ дѣлать историки, изучающіе жизнь общества во всѣхъ ея проявленіяхъ. На основную мысль референта, доказывающаго, что составленіе научной теоріи историческаго процесса преимущественно должно производиться по историческимъ даннымъ современной эпохи, какъ представляющей громадный матеріалъ, Е. А. Бѣловъ возразилъ, что подобное составленіе теоріи неудобно и будетъ неполно, такъ какъ многіе весьма важные факты современной исторіи всегда скрываются, недоступны разработкѣ и дѣлаются свободными для изслѣдованія по прошествіи чуть ли не столѣтій. Пренія по поводу приведенныхъ тезисовъ сильно затянулись, причемъ приняли чисто умозрительный характеръ. Обсужденіе имѣло видъ товарищеской бесѣды, результатомъ чего и появилось черезчуръ растянутое обсужденіе одного тезиса, не давшее положительнаго заключенія.

Антропологическое Общество. Послѣднее засѣданіе русскаго антропологическаго Общества отличалось разнообразными докладами. Первое сообщеніе сдѣлалъ д-ръ Гильченко о результатахъ своихъ антропологическихъ наблюденій надъ осетинами—однимъ изъ интереснѣйшихъ народовъ Кавказа. Осетины, асы, ясы—народъ, часто упоминаемый въ исторіи; побѣда Святослава надъ ясами блещетъ на первой страницѣ русской исторіи. Аланы—предки осетинъ, пришедшихъ на предгорія Кавказа около X в., по всей вѣроятности съ сѣвера, какъ то показываютъ лексическія и археологическія данныя, указывающія на соотношеніе осетинъ съ народами финно-угорской семьи. Народъ несомнѣнно иранскаго происхожденія, осетины прежде имѣли гораздо болѣе широкое распространеніе, почти до самаго Дона, откуда были вытѣснены народами тюрко-татарскими. По антропологическому типу осетины принадлежатъ къ народамъ смѣшаннаго происхожденія—метисаціи иранскаго типа съ тюрко-татарскими. Второй докладъ д-ра Бѣлякова касался спеціальнаго вопроса о патологическомъ деформированіи черепа, который, какъ было и демонстрировано, представляетъ колосальное утолщеніе въ передней части. Оживленные дебаты вызвало сообщеніе археолога Н. Е. Бранденбурга о крашеныхъ костяхъ, находимыхъ во многихъ курганахъ, преимущественно южной Россіи, особенно на Днѣпрѣ и въ бассейнѣ Азовскаго моря. Окрашенныя въ красный цвѣтъ кости человѣческаго остова вызывали много догадокъ даже со стороны такихъ первостепенныхъ ученыхъ, какъ Катрфажъ. По нимъ даже думали опредѣлять эпохи и національность тѣхъ или другихъ кургановъ. Одна теорія объясняетъ красный цвѣтъ костей посмертною окраскою костяка, особаго рода татуированіемъ костей послѣ отдѣленія ихъ отъ тѣла, другая—случайною окраскою отъ крашенныхъ сводовъ склепа, третья—видитъ въ ней случайное явленіе, происходящее отъ окраски волосъ или платья въ красный цвѣтъ, тогда какъ четвертая—слѣдъ красной мастики, которою покрывались тѣла покойныхъ. Проф. Иностранцевъ предложилъ чисто геологическое объясненіе этому спорному явленію, указавъ на то, что водная окись желѣза—субстратъ, чрезвычайно подвижный и находящійся въ почвѣ случайно или какъ продуктъ разложенія желѣзныхъ вещей могилы, можетъ легко произвести естественную окраску долго лежавшихъ костей, покрывая и пропитывая отчасти эти послѣднія. Объясненіе уважаемаго предсѣдателя было принято большинствомъ присутствовавшихъ, какъ болѣе раціональное.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи археологическаго Общества, по отдѣленію русской и славянской археологіи, С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе «о городѣ Москвѣ въ первыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ». По мнѣнію докладчика, извѣстія 1147 и 1156 годовъ о Москвѣ не на столько надежны и опредѣленны, чтобы на ихъ основаніи говорить о существованіи Москвы-

города въ срединѣ XII вѣка, и первыя достовѣрныя данныя о Москвѣ, какъ о городѣ, дошли только отъ семидесятыхъ годовъ XII вѣка. При этомъ смыслъ лѣтописныхъ извѣстій свидѣтельствуетъ, что въ первое время Москва имѣла значеніе лишь какъ передовой военный пунктъ на южной окраинѣ Суздальскаго княжества; торговое же значеніе Москвы не констатируется лѣтописями по отношенію къ XIII—XIV в. Въ томъ же засѣданіи Э. А. Вольтеръ сообщилъ «результаты раскопокъ, произведенныхъ въ 1888 и 1889 гг. въ уѣздахъ Трокскомъ и Лидскомъ Виленской губерніи», причемъ демонстрировалъ найденные предметы. Въ сообщеніи г. Вольтера по вопросамъ литовской археологіи весьма важнымъ является представленный имъ обзоръ цѣнныхъ археологическихъ матеріаловъ, скопившихся въ рукахъ мѣстныхъ колекціонеровъ, бережно относящихся къ предметамъ древности, а также обзоръ работъ въ томъ же направленіи, исполненныхъ мѣстными статистическими комитетами въ губерніяхъ Минской, Витебской, Гродненской и Ковенской.

Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе о древне-русскомъ сказаніи, по всей вѣроятности XV вѣка, встрѣчающемся въ различныхъ сборникахъ, подъ заглавіемъ: «О людяхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ». Древнѣйшіе списки этого сказанія были найдены въ новгородскихъ рукописяхъ конца XV или начала XVI вѣка, и болѣе полный изъ нихъ былъ открытъ проф. А. С. Павловымъ въ одномъ соловецкомъ сборникѣ, находящемся нынѣ въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. Сказаніе это сообщаетъ о разныхъ дивныхъ народахъ, живущихъ за Югорскою землею, по р. Оби, какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ ея теченіи. Всѣ эти народы обозначаются, какъ различные виды Самояди, хотя несомнѣнно, что народы, указываемые «вверху Оби рѣки великія», были не самоѣды, а народы тюрко-монгольскаго корня. Нѣкоторыя особенности и черты нравовъ описываемыхъ народовъ, какъ напр., ѣзда на оленяхъ и собакахъ, питаніе оленьимъ мясомъ, ношеніе одежды изъ оленьихъ и соболиныхъ шкуръ, «нѣмой» торгъ соболями и песцами, даже «людоѣдство» самоѣдовъ, несомнѣнно соотвѣтствовали дѣйствительности, но за то другія подробности имѣютъ характеръ баснословный. Таковы, напр., извѣстія о «линной» самояди, объ умираніи на зиму и оживаніи весною, о самояди — со ртомъ на темени или безъ головы и съ лицомъ на груди, о хожденіи подъ землею и т. д. Однако, какъ показалъ референтъ, и въ этихъ баснословныхъ извѣстіяхъ нельзя видѣть намѣреннаго вымысла, стремленія похвастать диковинками или устрашить конкурентовъ по торговлѣ, а слѣдуетъ смотрѣть на нихъ просто какъ на наивную передачу слышанныхъ (отъ югры) и не всегда вѣрно понятыхъ разсказовъ и слуховъ объ отдаленныхъ, и «незнаемыхъ» народахъ. Основываясь на старинныхъ картахъ конца XVI и XVII вѣковъ, также на нѣкоторыхъ историко-этнографическихъ данныхъ и извѣстіяхъ путешественниковъ, референтъ сдѣлалъ попытку какъ оправдать встрѣчающіяся въ сказаніи названія (народъ Молгонзѣи, земля Баидъ), такъ и объяснить нѣкоторыя особенности быта описываемыхъ народовъ, а равно указать положеніе ихъ областей. Въ предисловіи къ своему анализу референтъ сдѣлалъ краткій очеркъ сказаній о баснословныхъ или «дивьихъ» людяхъ, начиная съ извѣстій древнихъ греческихъ писателей и кончая новѣйшими, указалъ на распространеніе такихъ сказаній во многихъ произведеніяхъ западной средневѣковой литературы и русской допетровскаго времени. Всѣ эти извѣстія имѣютъ, однако, очень мало общаго съ данными новгородскаго сказанія, которое, очевидно, было вполнѣ оригинальнымъ, основаннымъ на свѣдѣніяхъ и слухахъ, собранныхъ новгородскими торговцами, по всей вѣроятности при посредствѣ югры. Эта оригинальность, совмѣстно съ древностью сказанія и съ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ первыя свѣдѣнія о сибирскихъ народахъ, придаетъ ему большой интересъ и дѣлаетъ его достойнымъ обстоятельнаго и серьезнаго анализа. Референтъ и сдѣлалъ попытку такого анализа, причемъ, основываясь на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ примѣ-

рахъ, представилъ также рядъ соображеній о томъ, какимъ путемъ вѣрныя въ основѣ данныя могли, вслѣдствіе ихъ неправильнаго пониманія или преувеличенія, повести къ возникновенію странныхъ представленій и извращенныхъ толкованій.

Въ томъ же засѣданіи графъ Ѳ. А. Уваровъ сообщилъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ кургановъ близь дер. Шульгиной, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., на берегу рѣки Оки. Богатство этихъ кургановъ вещами давно обратило на себя вниманіе крестьянъ, которые уже лѣтъ 20 собираютъ мѣдные и желѣзные предметы, вымываемые изъ кургановъ Окой весною, а также и раскапываютъ курганы нарочно изъ-за этихъ вещей, сбываемыхъ ими мѣстному кузнецу. Не смотря на такое продолжительное расхищеніе, графу Ѳ. А. Уварову удалось, путемъ систематическихъ раскопокъ, собрать обширную коллекцію интересныхъ бытовыхъ предметовъ. Раскопки показали, что способъ погребенія въ курганахъ былъ двоякій: чаще—простое погребеніе, рѣже—соединенное съ сожженіемъ трупа. Около костяковъ были найдены остатки досокъ или бересты. Костяки оказались, впрочемъ, истлѣвшими или въ весьма ветхомъ состояніи, такъ что не удалось извлечь ни одного цѣльнаго черепа. Мѣстами однако сохранились остатки волосъ, бо̀льшею частью темно-русыхъ, и фрагменты платья изъ толстой шерстяной ткани, отчасти съ вышитыми на нихъ узорами и прикрѣпленными украшеніями и пряжками. Изъ вещей при костякахъ было найдено много бронзовыхъ украшеній: шейныхъ обручей, бляхъ, подвѣсокъ, пряжекъ, браслетовъ, височныхъ колецъ, перстней, бубенчиковъ, нанизанныхъ на шнуры трубочекъ и т. д. Рядомъ съ ними попадались простыя бронзовыя и каменныя бусы, желѣзные ножи, наконечники копій, удила, а также глиняные горшки весьма грубой работы. По формѣ и работѣ большинство вещей представляетъ сходство съ находимыми въ мордовскихъ и мерянскихъ курганахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ курганы выказываютъ нѣкоторые признаки гораздо большей древности. При костякахъ не было найдено ни одной монеты, между тѣмъ какъ въ мерянскихъ курганахъ находили нерѣдко арабскія серебряныя диргемы VIII—X вѣковъ. Этотъ фактъ, равно какъ и отсутствіе разнообразныхъ бусъ, встрѣчаемыхъ въ курганахъ позднѣйшей эпохи и доставлявшихся несомнѣнно съ Востока, указываютъ на періодъ предшествовавшій развитію арабской торговли съ волжскими болгарами. На бо̀льшую древность указываютъ также формы нѣкоторыхъ желѣзныхъ оружій, весьма грубая глиняная посуда, присутствіе особаго рода пряжекъ, фибулъ въ формѣ буквы Т и весьма крупныхъ размѣровъ, подобныя которымъ не встрѣчаются въ курганахъ средней Россіи и которыя, наоборотъ, извѣстны изъ нѣкоторыхъ древнихъ могильниковъ южной Германіи и Австріи, находка одной миніатюрной маски, напоминающей подобныя же находимыя въ Минусинскомъ краѣ, отсутствіе скорлупчатыхъ норманскихъ фибулъ, встрѣчаемыхъ въ мерянскихъ курганахъ, все это говоритъ въ пользу насыпанія кургановъ не позже начала VIII-го и, вѣроятно, даже не позже VII-го вѣка.

Крестъ Дмитрія Донского. Въ повѣствованіяхъ о томъ моментѣ нашей исторіи, когда постепенно окрѣпшая Русь почувствовала себя достаточно сильною, чтобъ свергнуть долго томившее ее татарское иго и, подъ предводительствомъ князя Дмитрія Іоанновича, прозваннаго впослѣдствіи Донскимъ, выступила противъ полчищъ Мамая, разсказывается въ лѣтописяхъ сцена благословенія князя игуменомъ Сергіемъ, впослѣдствіи признаннымъ православною церковью святымъ. «И благослови крестомъ и окропи священною водою великаго князя и тѣхъ своихъ дву иноковъ Пересвѣта и Ослабя и всѣхъ тѣхъ князей и бояръ и воеводъ», — говорится въ одномъ изъ историческихъ повѣствованій о событіи, пятисотлѣтній юбилей котораго девять лѣтъ тому назадъ былъ отпразднованъ на Руси. Крестъ этотъ хранится теперь въ музеѣ при Кіевской духовной академіи, куда онъ переданъ преосвя-

щеннымъ Іеронимомъ. Крестъ этотъ восьмиконечный, сдѣланъ изъ кедроваго или сосноваго дерева, потомъ закрашеннаго желтоватою масляною краскою, вышина креста $7^1/_2$ вершка, ширина $^3/_4$ вершка, и толщина $^3/_8$ вершка. По дереву крестъ обложенъ серебряной позолоченной пластинкой. Сверху этой пластинки наложенъ другой, семиконечный крестъ чеканной работы съ выпуклымъ на немъ изображеніемъ распятаго Іисуса Христа, а внизу подъ оконечностью креста, на округлой серебряной пластинкѣ помѣщены очертанія Адамовой головы. По сторонамъ креста — на конечностяхъ главнаго поперечника — наложено по образу также выпуклой чеканки съ изображеніемъ на правой сторонѣ Богоматери и Маріи Магдалины, а на лѣвой сторонѣ Іоанна Богослова и сотника Лонгина. На верхней части креста прикрѣплена на первоначальную оболочку серебряная бляшка въ видѣ неправильнаго медальона, съ выпукло-вычеканеннымъ изображеніемъ двухъ ангеловъ, обращенныхъ лицами къ Распятому и держащихъ опущенный книзу взятый за середину убрусъ или пелену. Нижняя часть креста, служащая рукояткою, также покрыта серебряною, позолоченною, тонкою оболочкою, но уже съ украшеніемъ изъ продольныхъ полосъ, составленныхъ изъ вертикальныхъ линій, точекъ и звѣздообразныхъ кружочковъ. Полосы, составляющія оболочку, въ этомъ мѣстѣ расположены не симетрично и правая полоса на половину завернута на боковую его сторону. На этой части креста начертана надпись: «Симъ крестомъ благословилъ преподобный игуменъ Сергій князя Дмитрія на погана князя Мамая и река: симъ побѣждай врага. Въ лѣто 1380 августа 27 дня». Вся серебряная оболочка грубой работы и прибита гвоздиками, также грубо сдѣланными. Зато серебряный крестъ, помѣщенный на этой оболочкѣ, даетъ понятіе о значительномъ успѣхѣ въ чеканномъ дѣлѣ.

Въ такомъ видѣ представляется историческій крестъ въ настоящее время. Конечно, не такимъ былъ онъ въ тотъ моментъ, когда преп. Сергій благословлялъ имъ великаго князя Дмитрія Іоанновича: изъ приведеннаго выше описанія видно, что въ то время крестъ былъ простой деревянный и стало быть его серебряная оболочка и все, что на этой оболочкѣ находится, принадлежитъ уже позднѣйшему времени, когда какой-либо благочестивый ревнитель рѣшилъ украсить крестъ и обозначить его историческое значеніе. Кромѣ того, судя по работѣ, необходимо предположить, что крестъ реставрировался собственно два раза: въ первый разъ на деревянный крестъ была наложена серебряная оболочка, а во второй были придѣланы всѣ остальныя украшенія.

Преподобный Сергій, собственное жилище котораго было слишкомъ тѣсно для того, чтобы вмѣщать посторонних посѣтителей, принялъ великаго князя въ трапезномъ помѣщеніи. Въ этомъ-то помѣщеніи и находился крестъ, употреблявшійся при молитвословіяхъ, простой, деревянный, только покрашенный желтой краской: золото и серебро не допускалось въ мѣсто иноческаго подвижничества св. Сергія даже для св. сосудовъ. Послѣ того какъ князь откушалъ хлѣба въ трапезѣ, какъ разсказывается въ никоновской лѣтосипи, св. Сергій благословилъ его крестомъ и окропилъ св. водою, затѣмъ св. Сергій еще разъ тѣмъ же крестомъ благословилъ князя на прощаніе. Послѣ благословенія крестъ былъ положенъ на свое обычное мѣсто въ трапезѣ. Въ этой же трапезѣ и въ такомъ же простомъ видѣ крестъ этотъ хранился и до кончины преподобнаго въ 1391 году, и позже, пока, въ силу измѣнившихся обычаевъ, не начали пользоваться въ обители болѣе драгоцѣнными матеріалами и украшать различнымъ образомъ св. предметы. Вотъ тогда-то одинъ изъ членовъ обители, слышавшій разсказы о св. Сергіѣ и о посѣщеніи его великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ и понимавшій настоящее значеніе креста, знаменовавшаго побѣду надъ Мамаемъ, сдѣлалъ для него серебряную оболочку, а на ней приведенную выше надпись. Въ качествѣ современника событія онъ не могъ бы сдѣлать ошибку въ обозна-

ченія числа (вмѣсто 18-го—27-го августа), а для человѣка позднѣйшаго времени такая ошибка вполнѣ извинительна. Судя по встрѣчающемуся въ надписи слову «река», можно думать, что авторъ надписи не мѣстный уроженецъ, а южный славянинъ или грекъ, для котораго было не удивительно и проставить годъ событія по счету отъ Рождества Христова. Спустя еще нѣкоторое время послѣ первой половины XV вѣка къ кресту были придѣланы и другія украшенія, въ то время уже, когда безъ этихъ украшеній, безъ «воображенія страстей Господнихъ» кресты уже не употреблялись при богослуженіи. При дальнѣйшемъ теченіи времени, отъ частаго употребленія крестъ обтерся, оболочка на немъ изломалась, затерлась и надпись на крестѣ (теперь только послѣ большихъ усилій разобранная); вмѣстѣ съ тѣмъ могли умереть и тѣ иноки, которые знали о значеніи креста, и благодаря этому онъ оказался въ числѣ другихъ ветхихъ церковныхъ предметовъ. Такіе предметы, по практиковавшемуся тогда обычаю, сдавались въ какое-либо особое хранилище или употреблялись для другихъ предметовъ, для чего сдавались мастеру серебряныхъ дѣлъ, который зачастую распоряжался ими по своему усмотрѣнію. Такимъ-то образомъ и описываемый крестъ могъ переходить изъ рукъ въ руки. Событія 1812 года, вызывавшія перевозку разныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ, и сопровождавшія эту перевозку потери ихъ могли отразиться и на судьбѣ историческаго креста. Теперь этотъ крестъ хранится въ музеѣ Кіевской духовной академіи. На недавно происходившемъ съѣздѣ археологовъ въ Москвѣ этотъ крестъ служилъ предметомъ самыхъ оживленныхъ преній.

Лубочныя картины. 13-го февраля, А. М. Колмакова сдѣлала въ комитетѣ грамотности сообщеніе о лубочныхъ картинахъ. Среди крестьянъ и мѣщанъ картины имѣютъ широкое распространеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ являются единственными проводниками извѣстій среди темной массы. Въ послѣднюю турецкую войну картины военныхъ дѣйствій покупались въ большомъ количествѣ; то же было и во время коронаціи, 900-лѣтія крещенія Руси, послѣ 17-го октября 1888 года. Кромѣ того, при помощи картинъ, крестьяне знакомятся съ фактами отечественной исторіи, съ произведеніями нашихъ лучшихъ беллетристовъ, съ библейской исторіей. Книгопрадавцемъ Сытинымъ изданы иллюстраціи къ сочиненіямъ Гоголя, Лермонтова, Л. Толстого и др. писателей. Подъ иллюстраціями приведенъ текстъ. Много картинъ производится и юмористическаго, сатирическаго и бытового характера. Изъ числа послѣднихъ выдѣляются поучительныя картины, напр. картина — пьянство и его послѣдствія. Большинство лубочныхъ картинъ издается въ Москвѣ, затѣмъ въ Одессѣ, Варшавѣ и при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Въ послѣднее время въ изданіи картинъ начинаетъ принимать участіе и интелигенція. Такъ, складомъ «Посредникъ» издано нѣсколько нравоучительныхъ лубочныхъ картинъ, издано также нѣсколько картинъ московскимъ комитетомъ грамотности, картографическимъ заведеніемъ Ильина. Производство картинъ съ каждымъ годомъ улучшается и иныя изъ нихъ можно рекомендовать народнымъ школамъ. Нельзя отрицать, чтобы заграничныя изданія не вліяли на русскія, но вліяніе ихъ ничтожно. По сравненію съ французскими и нѣмецкими, русскія картины однообразны, сообщаютъ меньше свѣдѣній. Лучшія изданія принадлежатъ Москвѣ. Въ заключеніе А. М. Колмакова познакомила присутствовавшихъ съ обширною коллекціею лубочныхъ картинъ.

† 9-го февраля въ Петербургѣ **Исаакъ Осиповичъ Синани,** бывшій газзанъ караимскій, авторъ книги «Исторія возникновенія и развитія караимизма». На похоронахъ была произнесена рѣчь, въ которой выражена заслуга покойнаго, какъ перваго литературнаго дѣятеля караима на русскомъ языкѣ и указано на значеніе его труда. Покойному было 57 лѣтъ. Онъ воспитывался въ караимскомъ общественномъ училищѣ въ Одессѣ, гдѣ родился. По окончаніи курса учился въ Одесской гимназіи, но курса не кончилъ, такъ

какъ не имѣлъ на то средствъ. 18-ти лѣтъ поступилъ учителемъ въ Бахчисарайское караимское училище, впослѣдствіи переѣхалъ въ Симферополь учителемъ и служилъ 25 лѣтъ. Послѣдніе пять лѣтъ, оставшись безъ прихода, благодаря разладу между прихожанами своего прихода, посвятилъ себя литературному труду. Издавъ первую свою книгу, онъ самъ развозилъ ее и подносилъ единовѣрцамъ своимъ въ разныхъ городахъ Россіи. Пріѣхавъ съ этою цѣлью въ Петербургъ въ іюнѣ прошлаго года, онъ написалъ и окончилъ здѣсь вторую часть своего труда, подъ тѣмъ же названіемъ. Только-что успѣлъ онъ дождаться выпуска изъ печати своего труда—заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и черезъ два дня скончался. Послѣдняя его книга въ три раза объемистѣе первой части и содержитъ болѣе интересный матеріалъ. Въ ней описывается въ хронологическомъ и біографическомъ порядкѣ исторія дѣятельности 81 караимскихъ писателей, со времени возникновенія караимизма до нашего времени. Авторъ приводитъ выписки изъ сочиненія каждаго автора и опредѣляетъ содержаніе, значеніе и вліяніе каждаго сочиненія и въ концѣ дѣлаетъ критическую оцѣнку. Умершій оставилъ 5 человѣкъ дѣтей и жену безъ всякихъ средствъ къ жизни.

† Въ Москвѣ, одинъ изъ извѣстныхъ профессоровъ Московской духовной академіи **Василій Никифоровичъ Потаповъ.** Покойный, сынъ профессора Московской же духовной академіи, получилъ образованіе въ московской семинаріи и академіи, курсъ которой окончилъ въ 1858 г. Потаповъ былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по каѳедрѣ логики и исторіи философіи и затѣмъ почти до послѣднихъ дней своей жизни продолжалъ чтеніе лекцій въ академіи. Какъ профессоръ, Потаповъ отличался блестящимъ лекторскимъ талантомъ и умѣньемъ читать свой предметъ безъ обыкновенно присущаго профессорамъ духовныхъ академій схоластическаго метода преподаванія. Помимо чтенія лекцій, Потаповъ занимался много редактированіемъ переводной части спеціальнаго академическаго журнала «Творенія св. отцовъ» и учеными сочиненіями. Первою его большею работою была магистерская диссертація: «О книгѣ пророка Даніила» и потомъ слѣдовалъ рядъ статей по исторіи, философіи и логикѣ. Изъ послѣднихъ въ свое время обратили вниманіе статьи: «О взаимодѣйствіи вещей» и «Достаточно ли для философіи метода естественныхъ наукъ». Скончался Потаповъ на 59-мъ году.

† Въ Тифлисѣ предсѣдатель мѣстной сословно-поземельной комиссіи **Дмитрій Захарьевичъ Бакрадзе,** составившій себѣ извѣстность въ археологической наукѣ трудами по изслѣдованію памятниковъ кавказской старины и много содѣйствовавшій сохраненію этихъ памятниковъ. Бакрадзе, по происхожденію грузинъ, воспитывался въ Московской духовной академіи и особенно интересовался предметомъ церковной археологіи и исторіею. Окончивъ академическій курсъ, Бакрадзе поселился въ Тифлисѣ и занялся изслѣдованіями кавказской старины. На коронной службѣ онъ послѣдовательно занималъ различныя положенія, состоя секретаремъ судебной палаты, членомъ археографической комиссіи. Бакрадзе между прочимъ замѣчательно удачно розыскалъ документы на владѣніе землею землевладѣльцевъ Батумской и Карской областей. Эти документы хранились турецкимъ правительствомъ въ Константинополѣ и дипломатическіе переговоры относительно ихъ возвращенія не приводили ни къ чему. Бакрадзе ѣздилъ въ Константинополь и послѣ недолгихъ переговоровъ получилъ эти документы. Какъ изслѣдователь кавказской исторіи, Бакрадзе извѣстенъ своею исторіею Грузіи и трудомъ: «Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства». Имъ организовано кавказское археологическое Общество и церковно-археологическій музей въ Тифлисѣ, и при его участіи устроился V археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ. Съ 1879 г. Бакрадзе состоялъ членомъ кореспондентомъ Академіи Наукъ, въ «Трудахъ» которой помѣстилъ цѣлый рядъ археологическихъ монографій.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Вечерняя и утренняя молитвы сектантовъ «голубцовъ».

Секта «голубцовъ» за послѣднее время получила сильное распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Поволжья, такъ что можно встрѣтить цѣлыя селенія сектантовъ.

Названіе «голубцы», «голубчики» чисто мѣстное (Саратовская губ.), въ общемъ же секта представляетъ собой одно изъ развѣтленій хлыстовщины. Голубцы отрицаютъ церковное богослуженіе, таинства, иконы, духовенство, праздники, бракъ, на своихъ собраніяхъ поютъ нелѣпые гимны, въ родѣ приводимыхъ ниже, которые сопровождаются радѣніями и крайней разнузданностью нравовъ. Постовъ сектанты также не соблюдаютъ, но за то не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, мяса, чаю, луку, картофеля и пр., о послѣднемъ даже у нихъ сложилась легенда, что если картофель положить на нѣсколько дней въ печь въ горшкѣ, то тамъ, вмѣсто картофеля, явятся щенки и что вообще картофель такъ плодовитъ, какъ собаки, а поэтому и нечистъ. Любопытно, что это же нерѣдко приходится слышать и отъ православныхъ крестьянъ, живущихъ по сосѣдству съ голубцами. Всѣ свои вѣрованія голубцы держатъ въ глубокой тайнѣ и рѣдко признаются въ своей принадлежности къ сектѣ, бываютъ у исповѣди, принимаютъ священниковъ, но за то нерѣдко и позволяютъ себѣ кощунства.

Печально, что секта эта получаетъ широкое распространеніе, чему помогаетъ тѣсная связь между сектантами; теперь цѣлыя поколѣнія ростутъ въ нелѣпомъ, дикомъ ученіи секты, такъ что нерѣдко можно видѣть дѣтей 8—10 лѣтъ, которыхъ никакими убѣжденіями нельзя заставить съѣсть кусокъ мяса или картофель... Православная церковная школа—вотъ кто долженъ бороться съ этимъ еще наростающимъ поколѣніемъ сектантовъ, такъ какъ убѣжденія плохо дѣйствуютъ на взрослыхъ; попытайтесь разувѣрить сектанта въ его заблужденіяхъ, онъ прежде всего съ неудовольствіемъ будетъ слушать это, показывая видъ, что это къ нему нисколько не относится, такъ какъ онъ истинный сынъ православной церкви.

Предлагаемъ здѣсь вечернюю и утреннюю молитвы голубцовъ, записанныя со словъ одного сектанта Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

(Утренняя). «Шла матушка Марія изъ города Іерусалима, шла—пріустала, легла—пріуснула. И приснился ей сонъ страшный, престрашный: на горѣ Сіонской ростутъ три древа: одно—Петра̀, другое—Кедра̀, третье—св. Кипариса. На святомъ Кипарисѣ жиды Христа распинали, ручки, ножки прибивали, терновъ вѣнецъ надѣвали, Его тѣлеса смотрѣли: Его тѣлеса, что дубовая кора, изъ него руда, что кована рѣка».

(Вечерняя). «Ложилась раба спать, крестомъ заграждалась, звѣздой освѣщалась, небой покрывалась, ангелы въ окошкахъ, Христосъ въ дверяхъ, Спасъ на рукахъ, Матушка Пресвятая Богородица вкругъ двора».

Замѣчательно, что и православные, живущіе рядомъ съ сектантами, употребляютъ эти безсмысленныя молитвы. Г. Г.

II.

Къ статьѣ «Воспоминанія о Н. Н. Муравьевѣ».

Въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ интересныхъ воспоминаніяхъ К. А. Бороздина о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, мнѣ встрѣтилась ошибка, или описка, которую считаю необходимымъ исправить. Г. Бороздинъ говоритъ, что съ донесеніемъ къ императору Николаю I о сраженіи при Альмѣ былъ посланъ княземъ Меншиковымъ графъ Гейденъ. Это не вѣрно. Съ донесеніемъ былъ посланъ не графъ Гейденъ, находившійся въ то время на Кавказѣ, а состоявшій при Меншиковѣ поручикъ графъ Грейгъ.

В. А. Васильевъ.

Послѣ этого вскорѣ окончились съ австрійскимъ дворомъ и переговоры о бракѣ. Императоръ Максимиліанъ офиціально обѣщалъ руку своей сестры Іоанны герцогу Франческо, отложивъ, впрочемъ, свадьбу до окончанія траура по отцѣ, т. е. по истеченіи года со дня смерти послѣдняго.

Пока совершались всѣ эти событія, любовь Франческо къ красивой венеціанкѣ значительно усилилась. Тайныя свиданія молодого герцога съ Біанкой въ домѣ маркизы Мондрагоне, послѣдовавшія за первой встрѣчей, повели къ тому, что влюбленный до безумія Франческо, увлекся окончательно, забылъ весь міръ и не могъ существовать безъ предмета своей страсти, проводя дни и ночи у ногъ соблазнительной и хитрой венеціанки.

Получивъ власть, молодой герцогъ тотъ же часъ принялся хлопотать, чтобы были востановлены права Біанки въ Венеціи. Чрезъ своего резидента и папскаго нунція онъ началъ переговоры съ венеціанскимъ правительствомъ о дарованіи Біанкѣ полной амнистіи. Но всѣ старанія и хлопоты флорентійскаго герцога были напрасны. Ходатайство Біанки о возвращеніи ей секвестрованныхъ шести тысячъ дукатовъ, доставшихся ей послѣ смерти матери, было не только не уважено, но правительство еще подтвердило приговоръ, произнесенный надъ нею ранѣе объ изгнаніи ея изъ предѣловъ отечества. Хлопоты герцога Франческо вмѣсто того, чтобы облегчить суровый приговоръ надъ эмигранткой, еще болѣе усилили озлобленіе противъ нея всей знати, такъ что флорентійскій резидентъ былъ вынужденъ просить герцога прекратить переговоры, или, по крайней мѣрѣ, отложить ихъ до болѣе благопріятнаго времени. «Обида,—писалъ онъ,—нанесенная Бонавентури отцу Біанки, еще слишкомъ памятна и глубоко оскорбляетъ всю знать. Бартоломео (отецъ Біанки) пользуется всеобщимъ уваженіемъ и находится въ родствѣ съ знатью; патріархъ Аквилеи его своякъ. А вы знаете какимъ почетомъ пользуется послѣдній. По этому едва ли возможно надѣяться выиграть дѣло Бонавентури, а тѣмъ болѣе его жены Біанки. Имѣя счастье представлять вашу особу здѣсь, я нахожу предосудительнымъ хлопотать о дѣлѣ, которое не можетъ имѣть достойнаго конца. Я слишкомъ далекъ отъ мысли, чтобы тяготиться вашимъ порученіемъ, но считаю моимъ долгомъ заявить, что ходатайство по этому дѣлу, ненавистному всѣмъ, можетъ скомпрометировать не одного меня (это было бы еще ничего), но и вашу свѣтлость. А потому я лишенъ возможности исполнить, возлагаемое на меня вашей свѣтлостью, порученіе».

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, Франческо долженъ былъ прекратить хлопоты о дѣлѣ Біанки въ Венеціи; онъ утѣшилъ себя тѣмъ, что красавица, живя во Флоренціи подъ его покровительствомъ, не нуждается въ прощеніи своихъ суровыхъ соотечественниковъ и можетъ пренебрегать ими. Хитрая авантюристка вполнѣ достигла

своей цѣли; влюбленный герцогъ окружилъ ее роскошью, его подаркамъ не было конца. Виллы, дворцы, наряды, драгоцѣнные камни, экипажи, были къ услугамъ Біанки. Герцогъ проводилъ съ своей любовницей большую часть дня и все это дѣлалось съ согласія мужа, даже при его содѣйствіи. Франческо не могъ переносить самой кратковременной разлуки съ Біанкой и мало того, что проводилъ у нея цѣлые дни, но посѣщалъ ее и среди ночи.

Герцогъ Козимо, узнавъ о ночныхъ визитахъ сына, писалъ ему, что такое поведеніе и не прилично, и опасно для владѣтельнаго князя.

«Не пристало вамъ, — писалъ старый герцогъ, — да и опасно разъѣзжать по ночамъ одному по городу, а тѣмъ болѣе если эти поѣздки вошли въ вашу привычку и стали постоянными. Я не желаю мѣшаться въ ваши дѣла, но тутъ затронутъ слишкомъ важный вопросъ. Зная вашъ тактъ и сдержанность, я надѣюсь, что вы съумѣете избѣгнуть всего того, что̀ можетъ повредить вамъ».

Получивъ это назидательное посланіе отъ родителя, Франческо отказался отъ своихъ ночныхъ поѣздокъ и, вообще, окружилъ свою привязанность бо̀льшею таинственностью, считая не лишнимъ подобную предосторожность по крайней мѣрѣ до празднованія свадебной церемоніи. Эрцгерцогиня Іоанна австрійская, обвѣнчавшись съ герцогомъ Франческо въ лицѣ его представителя въ Тренто, прибыла изъ этого города въ Мантова, 23-го ноября 1565 года, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Проживъ въ Мантова нѣсколько дней, она прибыла въ Болонью. Въ ея свитѣ были: Паоло Джіордано Орсини, ея своякъ, кардиналъ Баромео, папскій легатъ, кардиналъ Тренто, архіепископъ Сіены, епископъ Ореццо и донъ Бернардето Медичи, встрѣтившій ее въ Болоньѣ. На границѣ Тосканы ее ожидали: кардиналъ Джіованни де-Медичи, кардиналъ Николини, архіепископъ Пизы, два епископа и отрядъ конныхъ гвардейцевъ въ полтораста человѣкъ. Въ Фиренцуолѣ къ свитѣ герцогини присоединились: герцогъ Семинаріо, дворяне Піомбино и Маркъ-Антоніо во главѣ своего отряда. Шумно привѣтствованная войсками, она прибыла въ Кафаджіолло, гдѣ Алемано Сальвеатти представилъ ей цвѣтъ флорентійской знати. Торжественный поѣздъ изъ Кафаджіолло прибылъ въ Прато, отсюда въ виллу Поджіо. На полъ-дорогѣ молодая была встрѣчена ея супругомъ, герцогомъ Франческо, окруженнымъ многочисленнымъ отрядомъ и придворными. Рядомъ съ герцогомъ Франческо ѣхали его сестра Изабелла Орсини, донъ Луиджи, дядя по матери, и синьора Піомбини съ роскошной и многочисленной свитой придворныхъ, пажей и тѣлохранителей.

Здѣсь на дорогѣ впервые встрѣтились молодые супруги.

Всякій, кто имѣлъ случай видѣть портретъ эрцгерцогини Іоанны въ галлереѣ Питти, знаетъ, что она обладала весьма непривлека-

тельной наружностью. Къ тому же, по свидѣтельству современниковъ, была надменна, холодна, сдержанна и тяжелаго характера. По этому можно судить, какое впечатлѣніе произвела молодая на душу Франческо, опьяненнаго необыкновенной красотой Біанки и ея увлекательною рѣчью. Глядя на молодую герцогиню, трудно было рѣшить: радовала ли ее эта торжественная встрѣча или огорчала? Она только заботилась объ одномъ — съ достоинствомъ поддержать свое высокое положеніе.

Въ то же время произошла встрѣча и другихъ супруговъ: Изабеллы и Паоло Джіорданнó. Мужъ и жена, не смотря на долгую разлуку, встрѣтились совершенно равнодушно, какъ посторонніе люди. Въ первую минуту Изабелла была нѣсколько смущена холодностью мужа, ей показалось, что до него дошли слухи о ея невѣрности. Но вскорѣ она успокоилась, видя безпечность и совершенное равнодушіе мужа. И дѣйствительно, Паоло Джіордано не подозрѣвалъ измѣны жены, мысли его были далеко въ Римѣ, у ногъ Викторіи Аккорамбони-Перетти.

Блестящій кортежъ отправился въ герцогскую виллу Поджіо, въ десяти верстахъ отъ Флоренціи. Тамъ было приготовлено помѣщеніе для отдыха молодой герцогини до назначеннаго дня торжественнаго въѣзда въ столицу.

На другой день въ Поджіо пріѣхали старый герцогъ Козимо, кардиналы и многія знатныя лица.

Въ эти дни шумныхъ празднествъ въ присутствіи стараго герцога и всего его семейства, Франческо плохо скрывалъ одолѣвавшую его скуку. Ничто не развлекало его, кромѣ частыхъ поѣздокъ во Флоренцію. Невѣстки Іоанна и Изабелла не сошлись характерами. Первая пріѣхала въ Италію съ предвзятымъ пренебреженіемъ ко всему итальянскому и ея надменность оттолкнула отъ нея всѣхъ. Но вотъ насталъ и день торжественнаго въѣзда во Флоренцію. Одинъ изъ хроникеровъ того времени пишетъ слѣдующее по поводу этого торжества: «Это было 6-го декабря 1565 года, всю недѣлю передъ тѣмъ шелъ проливной дождь, въ день же торжественнаго въѣзда во Флоренцію молодой герцогини, Богу угодно было прояснить небо: вѣтеръ стихъ и погода сдѣлалась прекрасною. У воротъ Флоренціи молодую встрѣтилъ герцогъ Козимо съ сыномъ, который былъ въ кардинальскомъ облаченіи, папскій нунцій, посланники иностранныхъ дворовъ, толпа придворныхъ и многочисленная свита».

Вся эта процессія встрѣтила герцогиню близь воротъ и сопровождала ее по городу въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ ѣхала сама молодая, за ней слѣдовалъ отрядъ трубачей, потомъ ѣхали верхами двадцать пажей, одѣтыхъ въ голубые бархатные костюмы, за ними, въ томъ же порядкѣ, также верхами слѣдовали четырнадцать пажей герцога въ шитыхъ бархатныхъ костюмахъ,

затѣмъ князья, герцоги, кардиналы и отрядъ всадниковъ, дворяне и ихъ слуги въ роскошнѣйшихъ нарядахъ, вышитыхъ золотомъ, далѣе тянулись попарно шестьдесятъ рыцарей ордена св. Стефана и Порто-Гало, Санъ-Джіокомо и Мальты, множество дворянъ одного и другого дворовъ также со свитой и ста шестидесятью пажами въ желтой одеждѣ; за ними вели трехъ лошадей подъ богатыми попонами съ вышивкой, далѣе слѣдовали двѣнадцать нѣмецкихъ бароновъ, назначенныхъ императоромъ въ почетную свиту сестры, флорентійскіе принцы и, наконецъ, сама августѣйшая молодая.

Въ городѣ ее встрѣтилъ генералъ Авреліо Фрегозе съ отрядомъ конно-гвардейцевъ въ четыре тысячи человѣкъ. Хоръ музыкантовъ исполнилъ тушъ и торжественный маршъ; со стѣнъ крѣпости раздавались залпы артиллеріи. Хроникеръ, о которомъ мы упоминали выше, говоритъ, что пальба изъ орудій, музыка и привѣтственные крики толпы: «да здравствуетъ Австрія!» потрясали воздухъ.

Лишь только августѣйшая молодая въѣхала подъ арку, какъ ея свекоръ, герцогъ Козимо, поспѣшилъ подать ей руку и помочь слѣзть съ лошади; затѣмъ онъ подвелъ ее къ епископу, державшему крестъ. Молодая герцогиня приложилась къ распятію, а другіе двое епископовъ возложили на ея голову корону, усыпанную драгоцѣнными камнями. Сѣвъ снова на лошадь, коронованная герцогиня продолжала путь подъ балдахиномъ изъ серебряной парчи съ золотыми кистями, который несли юноши изъ самыхъ знатныхъ фамилій столицы Тосканы, смѣняя другъ друга для того, чтобы каждому воспользоваться этой высокой честью. Молодые люди были одѣты въ курточки изъ пурпуроваго атласа, вышитаго золотомъ, и въ красныхъ бархатныхъ брюкахъ, также вышитыхъ золотомъ, въ беретахъ изъ алаго бархата, съ бѣлыми перьями, приншиленными драгоцѣнными камнями. Поверхъ курточекъ были наброшены плащи тоже изъ алаго бархата, при шпагахъ съ золотыми эфесами въ ножнахъ изъ краснаго бархата. Также подъ балдахиномъ рядомъ съ супругой ѣхалъ молодой герцогъ Франческо, потомъ герцогъ Козимо, кардиналъ Медичи, герцогъ Браччіано, герцогъ баварскій, родственникъ молодой, посланники, прелаты, фрейлины, судьи, герцогскіе лейбъ-медики, сенатъ сорока восьми, флорентійская знать и войско.

Отъ воротъ Прато процессія двинулась по дорогѣ Борго-Оньисанти, до моста Корная, оттуда по Лугарно до св. Троицы, Санта Марія Маджіоре и, наконецъ, прибыла въ соборъ. Здѣсь молодая опять была встрѣчена архіепископомъ и духовенствомъ; помолившись, она въ сопровожденіи духовенства поѣхала чрезъ Санта Марія ди Кампо къ дверямъ палаццо Веккіо, гдѣ и была встрѣчена ожидавшимъ ее мужемъ. Герцогъ Франческо повелъ супругу въ большой залъ, здѣсь ее встрѣтила герцогиня Изабелла съ пятьюдесятью дамами знатнѣйшихъ фамилій столицы, которыя ее привѣтствовали и проводили въ назначенные для нея покои.

Главныя улицы Флоренціи были эмблематически разукрашены. При входѣ въ улицу Боргоньи Санти стояли статуи: слѣва Тосканы, справа Австріи. Первая, улыбаясь простирала руки, открывала свои объятія, какъ бы принимая отъ Австріи принцессу, давно желанную госпожу и повелительницу, въ надеждѣ на полный миръ, тихое счастье и славу этихъ двухъ государствъ.

Спустя десять дней, въ палаццо Веккіо было назначено большое торжество, на которое было приглашено до четырехсотъ дамъ знатныхъ фамилій Флоренціи. Праздникъ раздѣлялся на три отдѣленія: спектакль, обѣдъ и балъ. Устройствомъ сцены занялся Вазери и исполнилъ принятую имъ на себя задачу артистически. Венера, Амуръ, Психея, пѣли хвалебные гимны подъ музыку маэстровъ капеллы Александра Стриджіо и Франческо Кортеччіа, въ честь виновницы торжества. Но сама молодая герцогиня—увы! не была счастлива; Франческо жалъ ей руку, но она чувствовала, что въ его сердцѣ нѣтъ къ ней любви и привязанности.

XIV.

Піетро Бонавентури.

НА ДРУГОЙ день послѣ свадьбы, герцогъ Франческо поспѣшилъ въ знакомый ему домъ Санто Спирито, гдѣ жила его обожаемая Біанка. Обыкновенно очень разговорчивая и веселая, на этотъ разъ красавица-венеціанка была грустна и задумчива.

— Что̀ съ тобой, моя чудная Біанка?—вскричалъ герцогъ, обнимая ее,—чѣмъ ты огорчена?

— О, мой синьоръ,—отвѣчала она сквозь слезы,—вы причина моего горя.

— Я?! Неужели при всемъ моемъ желаніи угодить и осчастливить тебя, я имѣлъ несчастье причинить тебѣ горе?

— Ахъ, Франческо, не васъ я виню, а мою несчастную судьбу.

— Въ чемъ же дѣло?

— Увы! я вижу, что пришелъ конецъ нашей любви.

— Дорогая Біанка, что ты говоришь? Неужели ты еще сомнѣваешься въ томъ, что я буду любить тебя пока живъ?

Красавица уныло посмотрѣла на него глазами полными слезъ, которыя герцогъ силился осушить своими горячими поцѣлуями.

— Почему ты мнѣ не вѣришь, скажи?—шепталъ онъ.

— Неужели вы устоите противъ красоты вашей юной супруги? Конечно, нѣтъ. Она цвѣтущая, молодая, дѣвственно-стыдливая, дочь императора, ради нея вы должны забыть увядшую красоту бѣдной венеціанки.

— О Біанка! моя несравненная Біанка, ты одна для меня составляешь все, твоя красота не можетъ имѣть сравненія ни съ кѣмъ.

Никто въ цѣломъ мірѣ не въ состояніи исторгнуть твоего божественнаго образа изъ моего сердца!..

— Но ваша царственная супруга, быть можетъ, обладаетъ чарами...

— Не говори мнѣ объ ней, Біанка! Представь себѣ напыщенную нѣмецкую дуру, холодную, какъ ледъ, размѣренную будто циркулемъ геометрическую фигуру, которая точно на веревочкахъ выполняетъ всѣ правила этикета; набожна до суевѣрія, горда до подлости и требуетъ самаго точнаго исполненія религіозныхъ церемоній и суевѣрныхъ обрядовъ, даже на брачномъ ложѣ! Могу ли я любить подобную женщину? Смѣю ли я сравнивать ее съ моей умной, милой, веселой и живой Біанкой. Нѣтъ, моя дорогая, подобное сравненіе было бы преступленіемъ!

— Милый Франческо! ты долженъ простить меня, мнѣ страшно тебя потерять, я такъ тебя полюбила,—пѣла очаровательная сирена, обнимая герцога, точно желая удержать его и не отдавать другой.

— О другъ мой,—говорилъ страстно влюбленный,—ты никогда не была мнѣ такъ дорога, какъ сегодня. Я убѣдился, что не могу существовать безъ твоей любви.

— Могу ли я тебѣ вѣрить?—шептала Біанка, нѣжно улыбаясь.

— Если ты не вѣришь моимъ словамъ, то вѣрь моему сердцу. Дай мнѣ руку, посмотри, какъ оно бьется.

— Значитъ нѣмка не истощила еще твоего пыла? — шептала Біанка, лаская герцога.

— Нѣтъ, моя богиня, для тебя въ моей груди цѣлое пламя...

. . . .

— Милый, — говорила красавица, — я не могу быть покойной, не смотря на всѣ твои увѣренія; вѣдь я женщина, а слѣдовательно робка, боязлива. При томъ же когда намъ выпадаетъ такое блаженство, то естественно приходится бояться потерять его. Чѣмъ больше сокровищъ, богатства, тѣмъ ужаснѣе сознаніе, что можно быть ограбленною. Не смотря на всѣ усилія надъ собой, я постоянно трепещу. Мнѣ не обходимо утѣшеніе и вѣра, и ты только одинъ мнѣ можешь дать и то и другое.

— Ну, скажи, чтò ты желаешь? Тебѣ стоитъ только произнести слово, и все будетъ исполнено. Вѣдь ты знаешь, что у меня нѣтъ желаній, кромѣ твоихъ.

— Мнѣ хочется одно...

— Чтò же именно?

— Познакомиться съ твоей сестрой, герцогиней Браччіано.

— Съ Изабеллой.

— Да, я къ ней чувствую большую симпатію. Я видѣла ее только издали, но знаю, что она добра, снисходительна и имѣетъ такой же веселый характеръ, какъ и я. Какъ бы мнѣ хотѣлось

пріобрѣсти ея расположеніе. Ты, кажется, говорилъ съ ней обо мнѣ?

— Я даже откровенно разсказалъ ей о нашей любви. Мнѣ кажется, я могу съ увѣренностью сказать, что она хотя и незнакома съ тобой, но также питаетъ къ тебѣ симпатію. Впрочемъ, это и понятно. Сестра такъ любитъ меня и все, чтò дорого мнѣ, дорого и ей. Чтò же касается до вашихъ характеровъ, то право въ нихъ дѣйствительно есть большое сходство. Я думаю, мнѣ удастся исполнить твое желаніе, теперь кстати для этого самый удобный моментъ.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Моя прелестная супруга своей надменностью и холодностью до такой степени оттолкнула Изабеллу, скажу болѣе, оскорбила ее, что сестра съ удовольствіемъ подружится съ тобой.

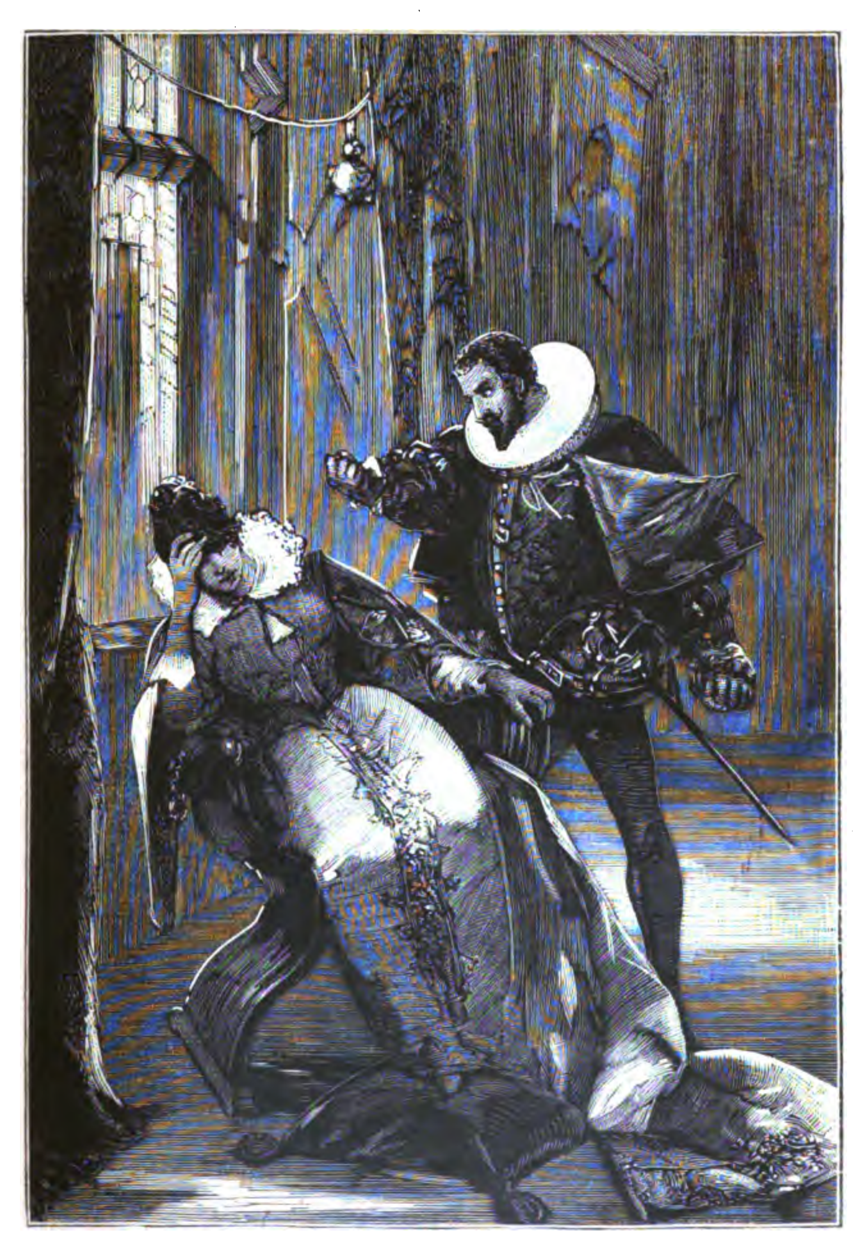
— Ахъ, какъ бы я была счастлива!

— Положись на меня, я это дѣло устрою,—сказалъ герцогъ.— Пока прощай, я долженъ на нѣкоторое время оставить мое счастье.

Нѣжно обнявъ свою красавицу, Франческо вышелъ.

Хитрой интриганкѣ, не пренебрегавшей никакими средствами, дабы упрочить за собой привязанность флорентійскаго герцога, страстно хотѣлось расположить въ свою пользу его родныхъ и прежде всѣхъ герцогиню Изабеллу. Въ родныхъ Франческо умная венеціанка хотѣла имѣть поддержку въ борьбѣ, которая неизбѣжно должна была возникнуть между ею, женой ея любовника и мнѣніемъ свѣта. Франческо зналъ доброту и обходительность сестры Изабеллы, за которой также водились маленькіе любовные грѣшки. Она, дѣйствительно, симпатизировала Біанкѣ и, не смотря на ея положеніе, вовсе не была щепительна, не относилась строго къ поступкамъ, нарушавшимъ седьмую заповѣдь. Наконецъ, отвращеніе, внушенное ей молодой герцогиней, должно было также отчасти способствовать ея сближенію съ Біанкой. Въ виду такихъ соображеній герцогъ Франческо, прогуливаясь одинъ на одинъ въ паркѣ съ Изабеллой, передалъ ей желаніе Біанки съ ней познакомиться.

— Она хочетъ тебѣ выразить то чувство очарованія, которое ты ей внушаешь,—говорилъ герцогъ сестрѣ,—тебѣ, конечно, извѣстно, что Біанка очень знатнаго рода и только превратности судьбы довели ее до настоящаго положенія; между тѣмъ она прекрасно воспитана и хорошо знаетъ приличія высшаго общества. Пожалуйста не думай сестра, что я ослѣпленъ страстью къ Біанкѣ,—продолжалъ герцогъ,—увѣряю тебя, эта особа замѣчательно умна, находчива, игрива, разговоръ ея такъ увлекателенъ, что ты себѣ не можешь представить. Знаешь, я такъ къ ней привыкъ, что не могу безъ нея обходиться. Я скорѣе готовъ разстаться съ жизнью, чѣмъ не видать Біанки.

Бонавентури грозитъ задушить свою жену.

дозв. ценз. спб., 21 марта 1890 г.

Изабелла улыбнулась.

— Вѣрь, мнѣ сестра, это моя послѣдняя и истинная любовь!

— Если ты желаешь, я охотно готова познакомиться съ Біанкой.

— Благодарю, дорогая Изабелла, ты меня крайне обрадовала!— вскричалъ герцогъ, пожимая руку сестры.

Съ наступленіемъ ночи Франческо привелъ Біанку, тщательно закутанную въ плащь, въ комнаты Изабеллы. Красота венеціанки, ея умъ, тактъ и сообщительность, очаровали герцогиню Браччіано. Между любовницей герцога Франческо и его женой былъ громадный контрастъ. Насколько одна производила непріятное впечатлѣніе своимъ характеромъ и надменностью, настолько другая располагала въ свою пользу.

Хитрая Біанка, съ особеннымъ тактомъ, не переступая границъ уваженія къ герцогинѣ Браччіано, съумѣла такъ тонко польстить ей, восхваляя ея красоту и любезность, что Изабелла въ тотъ же вечеръ открыла ей свое сердце и сдѣлалась ея другомъ.

Затѣмъ визиты Біанки стали все чаще и чаще. Изабелла всегда принимала ее съ особеннымъ удовольствіемъ и въ свою очередь ее посѣщала; а потомъ начала принимать участіе и въ ея развлеченіяхъ. Насколько Изабеллѣ было пріятно проводить время съ Біанкой, настолько ей было ненавистно общество ея мужа Бонавентури, котораго Изабелла всячески старалась избѣгать. Честной герцогинѣ было противно видѣть, какъ этотъ проходимецъ пользовался своими правами законнаго супруга, поощряя связь жены съ герцогомъ Франческо. Въ душѣ Изабеллы сложилось понятіе о Бонавентури, какъ о самомъ безнравственномъ негодяѣ. Ко всему этому наглецъ еще осмѣлился дѣлать сладкіе глазки красавицѣ-герцогинѣ съ увѣренностью на успѣхъ.

Изабелла откровенно сказала Біанкѣ, что не въ состояніи переносить ея мужа и послѣдняя употребляла всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы Бонавентури не встрѣчался съ Изабеллой; дружба съ сестрой Франческо была верхомъ торжества для хитрой венеціанки. Зная какъ непрочна и скоропроходяща власть красоты, она употребляла всѣ усилія сохранить любовь Франческо. И надо отдать ей справедливость—вполнѣ въ этомъ успѣвала. Любовь герцога къ ней нетолько не уменьшалась, но даже увеличивалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Ея умъ, красота, грація, даже маленькіе женскіе капризы, сдѣлались единственною радостью, цѣлью жизни властелина Тосканы. Общество Біанки стало для него необходимымъ. Она одна могла успокоить его послѣ занятій государственными дѣлами, обыкновенно очень скучными, а иногда и непріятными, умѣрить ненависть, внушаемую ему противной женой. Герцогъ каждую ночь проводилъ у Біанки, не рискуя встрѣтить мужа, который помѣщался въ отдѣльныхъ комнатахъ и всегда имѣлъ обыкновеніе удаляться при появленіи герцога.

Вскорѣ эти ночные визиты Франческо въ домъ Біанки сдѣлались излишними, она съ мужемъ переѣхала во дворецъ. Бонавентури получилъ мѣсто главнаго хранителя придворнаго гардероба, а потомъ и занялъ помѣщеніе во дворцѣ.

Герцогиня Джіованна, благодаря сплетнямъ фрейлинъ, знавшая о связи мужа, должна была безпрестанно встрѣчаться съ его любовницей.

Объясниться съ мужемъ она сочла за лишнее и рѣшила написать свекру. Въ сильныхъ выраженіяхъ она жаловалась старому герцогу, что ее, дочь австрійскаго императора, кровно оскорбляетъ мужъ, предпочитая другой. На это письмо герцогъ Козимо отвѣчалъ невѣсткѣ слѣдующее:

«Не надо вѣрить всему, что̀ доходитъ до вашего высочества, такъ какъ при дворѣ нѣтъ недостатка въ людяхъ, занимающихся сплетнями. Я знаю, что герцогъ любитъ васъ также какъ и вы его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обоюдныя уступки необходимы; слѣдуетъ дать волю молодости, а также терпѣливо сносить то, что̀ неизбѣжно исправитъ время. Иначе между вами можетъ возникнуть разладъ и ненависть. Не думаю, чтобы супругъ вашъ въ чемъ-либо отказывалъ вамъ и заставлялъ васъ терпѣть лишенія; онъ постоянно при васъ и нѣтъ сомнѣнія исполняетъ всѣ ваши желанія, какъ относительно васъ, такъ равно и относительно вашего семейства. Если вы сравните прежнюю жизнь вашихъ сестеръ съ теперешней, то, вѣроятно, утѣшитесь насчетъ вашей собственной судьбы. Поэтому не давайте воли вашей капризной фантазіи, будьте осторожны и любезны съ принцемъ, вашимъ супругомъ; старайтесь быть веселой. Возьмите на себя домашнія заботы, а мужу предоставьте бразды правленія и, повѣрьте, вы будете счастливы. Я же съ своей стороны всегда постараюсь быть вашимъ полезнымъ другомъ».

Вотъ какъ утѣшилъ свекоръ Джіованну австрійскую.

Между тѣмъ дѣла шли своимъ чередомъ. Біанка, перебравшись во дворецъ, забрала въ руки своего августѣйшаго любовника окончательно. Онъ исполнялъ всѣ ея желанія какъ бы фантастичны и причудливы они ни были. Придворные наперерывъ старались ей угодить. Атмосфера обожанія, которой она была окружена, вскружила ей голову. Она уже не хотѣла довольствоваться настоящимъ и начала строить смѣлые планы насчетъ будущаго. Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ минуту любовнаго упоенія, она подвела Франческо къ образу Мадонны и велѣла поклясться, что онъ женится на ней, когда они оба будутъ свободны отъ брачныхъ узъ.

По мѣрѣ того, какъ усиливалось вліяніе Біанки на герцога, росли дерзость и чванство ея мужа Бонавентури. Онъ уже сталъ считать себя первымъ сановникомъ государства и нерѣдко грубо и даже дерзко обращался съ самыми знатными флорентійцами.

Лишнее говорить, что фразы этого выскочки вызывали общее негодованіе гражданъ, въ особенности тѣхъ, которые были недовольны честолюбивыми поступками Медичи, убившаго республику. Ненавидя герцога Козимо и его сына, они естественно не могли терпѣть господства какого-то авантюриста, темнаго происхожденія.

Но Бонавентури не терялъ присутствія духа; онъ старался вознаградить себя за тотъ позоръ, которымъ клеймила его супруга. Послѣ интриги съ Вителли онъ добивался связи съ женщиной, принадлежащей къ одному изъ первыхъ флорентійскихъ семействъ. Въ лицѣ Кассандры Риччи, вдовы Бонжіани, онъ нашелъ такую особу; но о ней ходили по городу разные слухи, такъ напримѣръ: говорили, что двое юношей, осмѣлившіеся хвастать въ обществѣ, что оба поочередно пользовались благосклонностью Кассандры, чрезъ два дня послѣ того были найдены заколотыми кинжалами. Другой молодой человѣкъ, добивавшійся любви Кассандры, былъ убитъ ея родителями и посаженъ у дороги съ залепленой смолой раной; онъ долго оставался въ такомъ положеніи, потому что прохожіе думали, что онъ спитъ. Не смотря на всѣ эти страшные слухи, Бонавентури сталъ очень настойчиво ухаживать за опасной красавицей и вскорѣ добился ея взаимности. Съ свойственной ему наглостью онъ открыто хвасталъ своими интимными отношеніями съ Кассандрой и дѣлалъ это гласнымъ до скандала. Родные Риччи, наконецъ, были вынуждены просить герцога унять позорившаго ихъ фамилію наглаго хвастуна.

Франческо потребовалъ къ себѣ мужа своей фаворитки и дружески совѣтовалъ ему порвать связь съ Кассандрой, или, наконецъ, быть осторожнѣе, не распространять на счетъ ея оскорбительныхъ слуховъ; въ противномъ случаѣ, предупреждалъ герцогъ, Риччи могутъ ему отмстить, чему онъ, герцогъ, не можетъ помѣшать.

— Они васъ зарѣжутъ, и я, конечно, не въ силахъ буду васъ воскресить,—добавилъ герцогъ.

Бонавентури имѣлъ дерзость увѣрить герцога, что онъ находится въ самыхъ далекихъ отношеніяхъ съ Кассандрой, и что Риччи распускаютъ о немъ дурные слухи и жалуются на него изъ зависти.

Франческо, отпуская его, сказалъ:

— Это дѣло меня не касается. Поступайте, какъ знаете; но помните, если съ вами случится несчастье, вы одни въ немъ будете виноваты.

Послѣ этого внушенія, сдѣланнаго герцогомъ Бонавентури, онъ не только не унялся, но сталъ еще хуже. Раздосадованный жалобой на него герцогу Франческо, онъ старался всевозможными средствами оскорблять родныхъ Кассандры. Болѣе другихъ былъ раздраженъ Робертъ Риччи, племянникъ Кассандры; вмѣсто того, чтобы опять идти

къ герцогу, Робертъ обратился съ просьбой къ герцогинѣ Изабеллѣ. Выслушавъ благосклонно жалобу, Изабелла дала обѣщаніе переговорить съ братомъ. И дѣйствительно, герцогинѣ удалось убѣдить Франческо, что жалобы Риччи вполнѣ основательны, и что необходимо положить конецъ скандальному поведенію Бонавентури. Герцогъ согласился съ мнѣніемъ сестры и рѣшилъ отправить Бонавентури во Францію. О своемъ рѣшеніи онъ конечно сообщилъ Біанкѣ. И странное дѣло, она вмѣсто того, чтобы радоваться и способствовать удаленію мужа изъ Флоренціи, напротивъ, огорчилась. Говорили будто бы въ Біанкѣ вновь пробудилась прежняя любовь къ Бонавентури, а потому она не хотѣла разстаться съ нимъ; но съ этимъ ни въ какомъ случаѣ согласиться нельзя, и зная лукавство Біанки, можно подумать нѣчто совсѣмъ другое. Въ высшей степени честолюбивая, Біанка упорно шла къ своей цѣли. Заручившись клятвеннымъ обѣщаніемъ герцога жениться на ней, когда они оба овдовѣютъ, лукавая интриганка весьма основательно разочла, что, оставаясь во Флоренціи, Бонавентури конечно не прерветъ связи съ Кассандрой и не измѣнитъ своего поведенія и, что выведенные изъ терпѣнія Риччи отмстятъ ему. Смерть супруга вполнѣ благопріятствовала ея планамъ. Вотъ почему она и возстала противъ удаленія мужа. Она умоляла герцога не посылать Бонавентури во Францію и обѣщала уговорить его перемѣнить образъ жизни.

На слѣдующее утро, когда Бонавентури собирался уйти изъ дома, Біанка удержала его, объявивъ, что ей надо переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ.

— Чтò вы желаете сказать мнѣ? — спросилъ онъ ее тономъ презрѣнья.

— Милый мой,—начала съ притворной нѣжностью Біанка,— я хочу говорить съ вами о томъ, что постоянно тревожитъ меня—о безопасности вашей жизни, о вашемъ здоровьи.

— Я никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь,— отвѣчалъ съ язвительной усмѣшкой мужъ.

— Но вы понимаете, другъ мой, что я говорю объ опасностяхъ, которымъ вы себя такъ беззаботно подвергаете.

— Какія это опасности?

— Вы любите одну важную флорентійскую красавицу. Я, конечно, на это не жалуюсь, потому что давно уже лишилась вашего чувства.

— О, что до этого касается, вы, кажется, вполнѣ себя вознаградили и утѣшились.

— Но поймите меня, ради вашей любви, вы подвергаетесь опасности, рискуете жизнью,—продолжала Біанка, какъ бы не замѣчая его ироніи.—Кассандра вдова, если у нея нѣтъ мужа, который со шпагою въ рукахъ могъ бы востановить честь своей жены, то она имѣетъ семью; всѣ Риччи васъ ненавидятъ и жаждутъ мести...

— Я не боюсь Риччи. Пусть попробуютъ напасть на меня! Я смѣюсь надъ ними.

— Берегитесь, Бонавентури. Не заходите далеко въ вашихъ оскорбленіяхъ. Будьте осторожны. Они могутъ напасть на васъ въ то время, когда вы менѣе всего ожидаете. Ради Бога, будьте осторожны, откажитесь отъ этой любви, иначе, вѣрьте мнѣ, она поведетъ васъ къ гибели.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я люблю Кассандру больше жизни и никто, слышите ли, никто не разлучитъ меня съ ней.

— А еслибы герцогъ захотѣлъ...

— Герцогъ, да что же онъ можетъ сдѣлать со мной?

— Онъ можетъ удалить васъ изъ Флоренціи, отослать во Францію. Послѣднее онъ было и рѣшилъ и, конечно, давно бы исполнилъ, еслибы я не приняла въ васъ участія и не убѣдила герцога моими просьбами измѣнить его рѣшеніе.

— О я отлично знаю, что его высочество вамъ ни въ чемъ не отказываетъ,—сказалъ съ злой усмѣшкой Бонавентури.

— Напрасно вы смѣетесь, вы сами же толкнули меня на этотъ путь.

— Вы съ такой охотой пошли по этой дорогѣ, что мнѣ не было надобности васъ толкать.

— Впрочемъ, вы кажется не пренебрегаете выгодами этого положенія?

— Пусть герцогъ попробуетъ послать меня во Францію, я возьму васъ съ собой. Вы моя законная жена и должны всюду слѣдовать за мной, какъ за вашимъ мужемъ. Посмотримъ, достанетъ ли у него духа позволить, чтобы вырвали изъ-подъ его носа лакомый кусочекъ. Мнѣ грозить! Какимъ же дурачкомъ онъ меня считаетъ, полагая, что я мирно удалюсь, предоставивъ ему полную свободу владѣть моей женой, въ силу его державной власти. Бѣдняжка! очевидно онъ немножко ошибается въ разсчетѣ.

— Пойми же ты, несчастный, что герцогъ хочетъ спасти тебя отъ опасности, на которую ты такъ безумно наталкиваешься!—вскричала Біанка.

— Его высочество черезчуръ заботиться обо мнѣ. Пусть оставитъ при себѣ всѣ предосторожности и попеченія, мнѣ онѣ не нужны. Лучше бы ему взять въ соображеніе, что я, въ одинъ прекрасный день, могу одуматься и попросить у него отчета относительно его слишкомъ частыхъ посѣщеній моей жены.

— Вы немного опоздали, синьоръ Бонавентури.

— Молчи, негодная тварь!—яростно закричалъ Пьетро,—ни ты, ни твой герцогъ, ни всѣ Риччи, не въ состояніи разлучить меня съ Кассандрой, которую я люблю и всегда буду любить тебѣ на зло, развратница!

Біанка не рѣшилась возражать на это страшное оскорбленіе;

она видѣла, что мужъ взбѣшенъ и боялась промолвить слово. При малѣйшемъ ея противорѣчіи негодяй былъ способенъ броситься на нее съ кулаками и избить ее; она себя сдерживала, тихо рыдая.

— И если ты скажешь еще хотя единое слово противъ,—кричалъ разъяренный Бонавентури,—то я разорву твое горло и наконецъ избавлюсь отъ золотыхъ роговъ, которыми ты украсила мой лобъ!

Сказавъ это, онъ вышелъ.

Герцогъ Франческо былъ нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены. Располагая тайными входами въ апартаменты Біанки, онъ, осторожно отворивъ дверь и услыхавъ шумный разговоръ, остановился за портьерой.

Едва вышелъ Бонавентури, какъ онъ поднялъ портьеру и подбѣжалъ къ Біанкѣ. Хитрая куртизанка прекрасно знала, кто могъ въ эту минуту войти къ ней, но притворилась.

Закрывъ лицо руками, она горько плакала, будто ничего не замѣчая.

— Моя прелестная Біанка,—говорилъ Франческо, обнимая ее,—что съ тобой, ради неба успокойся, не плачь, мое сокровище. Мое сердце надрывается при видѣ твоихъ слезъ; что̀ тебя огорчаетъ?—продолжалъ герцогъ, нѣжно цѣлуя красавицу.

— Ахъ, мой дорогой, добрый другъ, еслибы вы знали... Я сейчасъ говорила съ моимъ мужемъ, старалась обратить его на путь истинный и тѣмъ спасти отъ страшной мести Риччи и исполнить ваши желанія, но какъ онъ отвѣчалъ на мои заботы о немъ. Онъ осыпалъ меня оскорбленіями и еще имѣлъ дерзость примѣшать и ваше имя ко всѣмъ гусностямъ.

— Не плачь, моя милая, не тревожь себя, ты сдѣлала все, чтобы спасти его. Теперь уже онъ самъ будетъ виноватъ, если съ нимъ случится что̀-нибудь дурное.

Пророческія слова герцога Франческо вскорѣ оправдались.

Взбѣшенный Бонавентури, выйдя изъ дома, прямо направился въ домъ Кассандры. Пройдя по мосту черезъ Арно, онъ увидѣлъ Роберта Риччи, стоящаго около колоны площади св. Троицы, разговаривавшаго съ двумя флорентійскими вельможами. Увидя своего злѣйшаго врага, Бонавентури вынулъ изъ кармана пистолетъ, взвелъ курокъ, подошелъ быстрыми шагами къ Роберту и, приставивъ дуло къ его груди, вскричалъ:

— Пока я не буду стрѣлять въ твое сердце, негодяй. Но знай, я все-таки пойду, куда хочу, хотя бы твои глаза лопнули отъ злобы. А если ты впередъ осмѣлишься сказать хотя единое слово герцогу, то клянусь, ты погибнешь!

Риччи былъ безоруженъ, а потому и принужденъ былъ снести обиду. Но лишь только Бонавентури удалился, онъ тотчасъ же вмѣстѣ съ бывшими свидѣтелями отправился къ герцогу Франческо

и разсказалъ ему обо всемъ случившемся. Въ ушахъ Франческо еще звучала угроза Бонавентури перервать горло Біанки и избавиться отъ золотыхъ роговъ, онъ потому и рѣшилъ, что долѣе ждать уже нечего и надо дѣйствовать безотлагательно, покончивъ съ наглымъ безумцемъ.

Герцогъ увелъ Риччи въ садъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ глазъ на глазъ въ уединенной алеѣ. Прощаясь съ нимъ, онъ сказалъ:

— Поступайте, какъ найдете болѣе удобнымъ. Я отстраняю себя отъ этого дѣла и болѣе не хочу слышать о немъ.

Въ тотъ же вечеръ герцогъ уѣхалъ изъ Флоренціи въ свою виллу Піомбино.

Риччи давно уже задумалъ убить Бонавентури, но боялся послѣдствій, теперь же, побесѣдовавъ съ герцогомъ, онъ окончательно рѣшилъ покончить съ обидчикомъ въ эту же ночь. Зная, что Бонавентури ходитъ къ Кассандрѣ вооруженный и въ сопровожденіи двухъ слугъ также вооруженныхъ, Риччи нанялъ самыхъ отчаянныхъ двѣнадцать головорѣзовъ. Бонавентури имѣлъ обыкновеніе каждую ночь на зарѣ возвращаться отъ Кассандры, при этомъ всегда проходилъ мостъ чрезъ Арно. Разставивъ бандитовъ въ разныхъ мѣстахъ, Риччи, кромѣ того, распорядился, чтобы мальчикъ караулилъ выходъ Бонавентури и при его появленіи съ площади св. Троицы далъ сигналъ свисткомъ. Все устроилось по желанію заговорщика, какъ нельзя лучше. За часъ до разсвѣта, вырвавшись изъ пламенныхъ объятій красавицы Кассандры, которая въ эту роковую ночь почему-то была особенно щедра на ласки, Бонавентури вышелъ на улицу и зашагалъ вдоль берега рѣки Арно; его сопровождали по обыкновенію двое вооруженныхъ слугъ. Лишь только онъ вступилъ на мостъ раздался условный свистъ. Бонавентури, догадываясь въ чемъ дѣло, вынулъ изъ кармара пистолетъ, взвелъ курокъ и обнажилъ шпагу. Слугамъ онъ также приказалъ взяться за оружіе; такимъ образомъ всѣ трое осторожно подвигались по мосту впередъ. Какъ разъ на срединѣ моста на нихъ бросились пять бандитовъ. Завязалась отчаянная борьба: одинъ изъ слугъ былъ убитъ, другой убѣжалъ; Бонавентури остался одинъ противъ пятерыхъ нападавшихъ на него враговъ. Онъ храбро защищался и уже достигъ конца моста, какъ вдругъ выскочили остальные, скрывавшіеся бандиты и окружили его со всѣхъ сторонъ. Увидѣвъ себя окруженнымъ, Пьетро сбросилъ плащъ, рѣшившись дорого продать свою жизнь; между тѣмъ подбѣжавшій Робертъ Риччи поощрялъ бандитовъ.

— Бей его мерзавца!—кричалъ онъ,—коли безпощадно измѣнника.

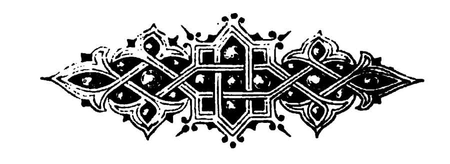
Бонавентури, узнавъ голосъ врага, направилъ на него пистолетъ и выстрѣлилъ; но пуля не попала въ Риччи, а угодила въ одного изъ бандитовъ.

Не смотря на самую искусную и отчаянную защиту, численность враговъ была черезчуръ велика, битва не могла долго продолжаться. Истощенный потерей крови, струившейся изъ ранъ, Бонавентури уже сталъ отступать, но вдругъ увидавъ, что Риччи собственноручно хочетъ убить его, раненый, нашелъ въ себѣ еще столько силы, что бросился на врага, разрубилъ ему каску и слегка ранилъ въ голову. Въ это самое время одинъ изъ бандитовъ раскроилъ черепъ Бонавентури. Падая и видя бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ враговъ, имѣвшихъ желаніе добить его, несчастный проговорилъ:

— Ради Бога довольно. Я и такъ уже умираю.

Но не смотря на эту мольбу умирающаго, бандиты нанесли ему еще нѣсколько ранъ и, бросивъ обезображенный трупъ на дорогѣ, ушли.

Въ ту же самую ночь, когда Бонавентури умиралъ на пыльной дорогѣ, въ спальню его любовницы, красавицы Кассандры, ворвались нѣсколько замаскированныхъ бандитовъ и зарѣзали спавшую молодую женщину.

XV.

Любовныя похожденія герцога Козимо Медичи.

Утромъ Біанку увѣдомили о печальномъ происшествіи съ ея мужемъ. Горю неутѣшной вдовы повидимому не было границъ. Она обратилась къ герцогу съ просьбой строго наказать убійцъ. Все это венеціанка могла продѣлать лишь черезъ два дня, когда герцогъ возвратился во Флоренцію. Герцогъ, само собою разумѣется, обѣщалъ своей фавориткѣ примѣрно наказать убійцъ ея мужа. Но такъ какъ слѣдствіе по убійству Бонавептури началось спустя два дня послѣ совершенія преступленія, то оно и не привело ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, по той причинѣ, что убійцы въ эти два дня успѣли скрыться во Францію. Въ городѣ ходилъ упорно слухъ, и не безъ основанія, что герцогъ Франческо не только зналъ объ убійствѣ Бонавентури, но даже способствовалъ ему.

Смерть Бонавентури еще болѣе усилила любовь Франческо къ Біанкѣ; герцогъ вполнѣ поддался вліянію этой ловкой женщины. Во Флоренціи она пользовалась неограниченной властью. Нельзя было добиться никакой милости герцога безъ посредства его любовницы. Біанка, какъ мы уже сказали, обладала замѣчательной способностью вносить всюду веселье и разсѣявать тоску. Этимъ она была особенно дорога герцогу, склонному къ меланхоліи, несчастному въ семьѣ, связанному съ женщиной неразвитой и крайне рѣзкой, постоянно его упрекавшей. Франческо и прежде не любилъ жены, а теперь просто возненавидѣлъ ее и убѣгалъ, отдыхая душой только въ обществѣ Біанки.

Всѣ придворные, конечно, старались угодить герцогу и Біанка была предметомъ всеобщаго поклоненія, чествованія и ухаживанія.

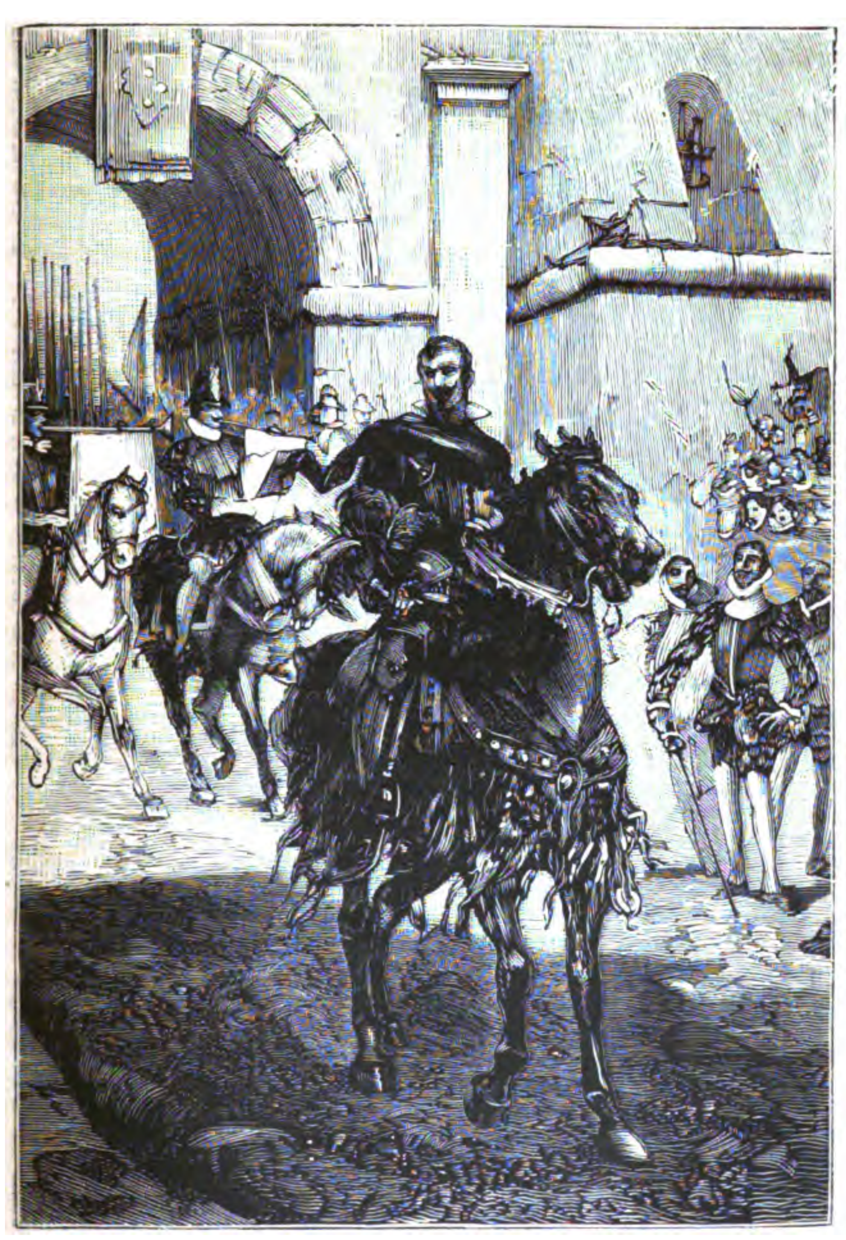
Въ честь венеціанской красавицы устроивались самыя роскошныя празднества, обѣды, балы и пр., а о законной женѣ герцога Франческо не было и помина.

Все это глубоко огорчало Джіованну, и она снова обратилась съ мольбой къ свекру. Но и на этотъ разъ получила въ утѣшеніе тѣ же ничего незначащія фразы, которыя старый герцогъ Козимо писалъ ей въ первомъ письмѣ.

Правда, Козимо сначала пробовалъ совѣтовать сыну стараться хотя нѣсколько скрывать свою незаконную связь съ Біанкой, вообще дѣйствовать не такъ открыто; потомъ долженъ былъ прекратить эти совѣты потому, что сынъ въ свою очередь могъ указать отцу и на его поведеніе, далеко не безгрѣшное по части любовныхъ интригъ. Герцогъ Козимо въ своей уединенной виллѣ открыто жилъ съ красавицей Элеонорой Альбицци, молодой дѣвицей знатной фамиліи, отецъ которой безчестно продалъ ее герцогу. Несмотря на свои уже преклонные лѣта, Козимо воспылалъ къ Элеонорѣ юношеской страстью. Чувство старика приняло такіе размѣры, что стало внушать опасеніе герцогу Франческо, какъ бы его отецъ не сочетался бракомъ съ Элеонорой Альбицци. Опасность молодого герцога вскорѣ оправдалась. Кармердинеръ герцога Козимо, Альмени, по секрету сооббщилъ Франческо, что его отецъ, влюбленный до безумія, дѣйствительно имѣетъ намѣреніе жениться на Элеонорѣ.

Сынъ попытался было объяснить отцу все неприличіе его намѣренія, но безуспѣшно. Герцогъ Козимо пришелъ въ такую ярость, что если бы Франческо не убѣжалъ изъ комнаты, то его навѣрное постигла бы судьба несчастнаго Гарціа. Желая сорвать хоть на комъ-нибудь свой гнѣвъ, разсвирѣпѣвшій деспотъ догадался, что сыну сообщилъ всѣ эти тайны камердинеръ Альмени. Всегда страшный въ гнѣвѣ, старикъ выхватилъ шпагу и побѣжалъ розыскивать камердинера. Найдя его въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, Козимо безъ всякихъ разспросовъ, не давъ вымолвить ни слова несчастному, вонзилъ въ его сердце шпагу по самую рукоять. Альмени упалъ къ ногамъ убійцы и тутъ же скончался. Вся эта страшная драма происходила во Флоренціи, куда временно пріѣзжалъ герцогъ Козимо. Въ этотъ же день онъ уѣхалъ обратно на свою виллу.

Вскорѣ Элеонора родила сына Джіованни. Рожденіе ребенка, казалось бы, должно было скрѣпить еще болѣе связь Козимо съ Элеонорой и побудить его привести въ исполненіе задуманный имъ планъ, жениться на дѣвицѣ Альбицци. Но странное дѣло, именно это обстоятельство и было причиной охлажденія стараго герцога

Торжественный въѣздъ Козимо де-Медичи во Флоренцію.

Дозв. ценз. Спб., 21 марта 1890 г.

къ его любовницѣ, а вскорѣ и окончательнаго прекращенія любовной связи съ Элеонорой.

Старый развратникъ отыскалъ сговорчиваго вельможу, нѣкоего синьора Пончіатини, который, заполучивъ приличное приданое, согласился жениться на любовницѣ герцога. Всего оригинальнѣе то, что герцогъ Козимо въ своемъ дарственномъ актѣ открыто говорилъ, что онъ награждаетъ безмѣрно любимую имъ Элеонору и прижитаго съ ней сына и желаетъ какъ имъ, такъ и высокоуважаемому жениху, синьору Карлу Пончіатини, всѣхъ земныхъ благъ.

На смѣну Элеоноры явилась другая красавица, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, дочь Гарціа изъ Толедо, брата покойной жены герцога Козимо, Элеоноры. Оставшись послѣ матери сиротой, юная красавица была поручена семейству Медичи, въ особенности ее любила покойная герцогиня Элеонора, имя которой она носила и даже, какъ говорятъ, была и лицомъ похожа на тетку. Казалось бы молодая дѣвушка должна была быть вдвойнѣ священною для стараго герцога, во-первыхъ потому, что приходилась ему родной племянницей, а во-вторыхъ была поручена ея покойнымъ отцомъ попеченію тетки, герцогини Элеоноры. Но черствое сердце флорентійскаго деспота сыноубійцы и убійцы было глухо ко всему священному. Онъ достигъ своихъ гнусныхъ цѣлей, соблазнилъ племянницу и сдѣлалъ ее матерью. Чтобы исправить въ глазахъ общества это вопіющее преступленіе, онъ впалъ въ другое, выдавъ свою любовницу замужъ за своего юнаго сына Піетро. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ обезчещенной имъ племянницы, герцогъ Козимо обратилъ свое благосклонное вниманіе на новую жертву. Онъ воспылалъ страстью къ молоденькой и очень красивой Камиллѣ Мартелли, которую также, какъ Элеонору Альбицци, предоставилъ ему нѣжный родитель дѣвушки. Камилла Мартелли съумѣла настолько привязать къ себѣ старика, что онъ воспылалъ къ ней страстною любовью, значительно сильнѣйшей, чѣмъ ко всѣмъ предшествовавшимъ его любовницамъ. Герцогъ, не шутя, задумалъ жениться на Камиллѣ.

Между тѣмъ, самое преобладающее чувство въ герцогѣ Козимо не прошло,—честолюбіе въ немъ и въ старости было такъ же сильно, какъ и въ молодые годы. Пламенною мечтою Козимо было возвыситься надъ всѣми италіанскими князьями, получивъ отъ папы высокій титулъ. Папа Пій V, которому герцогъ съумѣлъ услужить выдачею знаменитаго Корнесекки, обѣщалъ ему дать титулъ великаго Князя Церкви [1]).

---

[1]) Имя славнаго Корнесекки значится въ спискѣ жертвъ папскаго деспотизма и холоднаго изувѣрства такъ называемой «святой» инквизиціи. Этотъ знаменитый мученикъ родился во Флоренціи и принадлежалъ къ самому знат-

Папская булла, въ силу которой герцогъ Флоренціи и Сіены долженъ былъ получить изъ ряда вонъ выходящій почетный титулъ, позволяла герцогу Козимо возложить на свою голову корону, украшенную красной мантіей. Пій V припомнилъ заслугу флорентійскаго герцога и 5 декабря 1569 года, когда была одержана побѣда католиковъ надъ гугенотами во Франціи, донъ Микеле Бонелли, племянникъ папы, явился въ столицу Тосканы и торжественно вручилъ герцогу Козимо папскую буллу. Все это совершилось подъ громъ музыки и залпы артиллеріи. Козимо Медичи, на-

---

ному семейству, дружески расположенному и всегда вѣрному Медичи. Прослуживъ нѣкоторое время въ папскомъ правительствѣ, въ Римѣ, ученый и честный Корнесекки разочаровался во многихъ догматахъ католицизма и святости инквизиціи и сталъ переписываться съ нѣкоторыми лицами, которыхъ папскіе клевреты и инквизиція назвали общимъ именемъ еретиковъ. Оставивъ Римъ, Корнесекки уѣхалъ во Францію, гдѣ получилъ еще болѣе пищи своему скептицизму, находясь въ сношеніяхъ съ самыми выдающимися гугенотами. Въ Римѣ, конечно, знали о поведеніи во Франціи бывшаго папскаго чиновника. И когда Корнесекки возвратился изъ Парижа во Флоренцію, папа Пій V сталъ требовать отъ герцога Козимо выдачи еретика. Трудно было допустить мысль, чтобы флорентійскій герцогъ, кругомъ обязанный Корнесекки, выдалъ его римскому правительству. Однако на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Герцогъ Козимо нуждался въ поддержкѣ папы Пія V и выдалъ ему Корнесекки, хорошо зная, что эта выдача еретика въ Римъ равносильна смертному приговору. Велѣвъ заковать въ желѣзо по рукамъ и по ногамъ своего благодѣтеля и друга, флорентійскій честолюбецъ отправилъ его къ папѣ при письмѣ, въ которомъ, заявляя свою полную покорность волѣ его святѣйшества, говорилъ, что онъ, герцогъ Козимо де-Медичи, ради торжества католической церкви готовъ выдать нетолько друга, но подобно Аврааму, по требованію святѣйшаго отца, свяжетъ своего родного сына и представитъ въ распоряженіе Намѣстника Христа.

Корнесекки былъ привезенъ въ Римъ 26 августа 1567 года. Судъ надъ нимъ былъ очень короткій; послѣ страшной пытки, которая ровно ничего не открыла, палачи инквизиціи приговорили его къ смертной казни посредствомъ сожженія живымъ на кострѣ. Послѣ приговора его тотчасъ же облекли въ «самбенито» съ изображеніемъ чертей и пламени. Его святѣйшество папа Пій V изволилъ повелѣть пріостановить исполненіе приговора и послалъ къ осужденному благочестиваго капуцина, съ цѣлью обратить заблудшагося на путь истинный. Умный и честный Корнесекки не поддался софистикѣ посланнаго къ нему, хотя и благочестиваго, но все-таки иппокрита. Онъ вступилъ съ нимъ въ диспутъ, старался доказать нелѣпость многихъ католическихъ догматовъ и подобно безсмертному Савонаролѣ порицалъ поведеніе нѣкоторыхъ благочестивыхъ князей церкви, имѣя въ виду въ свою очередь обратить на путь истинный посланнаго къ нему служителя алтаря. Но капуцинъ былъ абсолютно благочестивый католикъ, убѣжденія еретика на него не подѣйствовали, и онъ донесъ святой инквизиціи, что осужденный неисправимъ. Вслѣдствіе чего Корнесекки ad majorem dei gloriam былъ обезглавленъ и трупъ его публично сожженъ на площади. Палачамъ инквизиціи нетолько не удалось извратить понятія великаго мученика, они даже его не устрашили. Корнесекки шелъ на казнь будто на какой-то пиръ въ чистомъ бѣльѣ, новыхъ перчаткахъ и съ улыбкою презрѣнья на губахъ. Онъ хотѣлъ надѣть свою парадную одежду, но инквизиторы ему не позволили снять дурацкаго колпака и знаменитый «самбенито» съ чертями и пламенемъ.

гражденный царской короной, отнынѣ долженъ былъ величаться уже не свѣтлостью, а величествомъ, о чемъ и было сообщено всѣмъ флорентійскимъ гражданамъ.

9 февраля 1570 года, герцогъ Козимо, съ большой свитой вельможъ и рыцарей, выѣхалъ въ Римъ. Папа встрѣтилъ его, какъ короля, съ великимъ почетомъ. Племянникъ его святѣйшества, Маркъ Антоній Колонна, во главѣ римской знати, сенаторы и кардиналы, привѣтствовали новое величество при въѣздѣ его въ городъ. У воротъ донъ Пополо Козимо былъ встрѣченъ большимъ отрядомъ ковалеріи, судьями, кардиналами и т. д. Вдоль улицы были выстроены проживавшіе въ Римѣ флорентійцы и сіенцы въ самыхъ парадныхъ одеждахъ, швейцарская и папская гвардія. На торжествѣ этомъ, по словамъ хроникеровъ, было до пяти тысячъ лошадей. Болѣе пышнаго торжества не было въ Римѣ со времени папы Льва. Его святѣйшество принялъ почетнаго гостя, окруженный кардиналами, при всей консисторіи, и усадилъ его рядомъ съ собой съ правой стороны, честь, которой удостоивались только короли и императоры.

Чрезъ нѣсколько дней была торжественно отпразднована церемонія коронованія. Герцогъ Козимо Медичи въ длинной одеждѣ изъ золотой парчи, въ пурпуровой мантіи, обшитой горностаемъ и въ герцогскомъ беретѣ, предсталъ передъ папой въ большой залѣ консисторіи. Его святѣйшество и вся процессія двинулись къ капеллѣ Юліи. Герцогъ Козимо послѣдовалъ за папой, держа въ рукахъ его длинный шлейфъ. Была отслужена обѣдня, послѣ которой герцогъ принялъ присягу въ вѣрности и послушаніи папѣ и его святѣйшество возложилъ на голову его корону.

Послѣ коронаціи, Князь Церкви удостоился частной аудіенціи папы и такъ какъ въ ту эпоху грозный отоманскій флотъ наводилъ великій страхъ на всѣхъ католиковъ, то Козимо предложилъ устроить лигу всѣхъ христіанскихъ князей противъ турокъ. Именно въ то самое время, когда Козимо Медичи короновался въ Римѣ, венеціанцы прислали пословъ просить папу о помощи противъ турокъ, захватившихъ у нихъ островъ Кипръ. Медичи, воспользовавшись этимъ случаемъ, доказывалъ папѣ необходимость христіанской лиги противъ невѣрныхъ, которые имѣютъ дерзостные намѣренія завоевать всю Италію. Герцогъ указывалъ на картѣ планъ сраженій христіанъ-союзниковъ. Папа, убѣжденный необходимостью принять безотлогательныя мѣры противъ турокъ, въ тотъ же день отправилъ важныя письма по поводу этого къ испанскому королю и въ венеціанскую республику.

Переговоривъ о политикѣ, Козимо просилъ папу позволить ему сказать слово и о своихъ личныхъ дѣлахъ. Получивъ разрѣшеніе, герцогъ откровенно признался его святѣйшеству въ своей страсти къ Камиллѣ Мартелли. Папа, разумѣется, строго осуждалъ грѣхов-

ное сожительство Козимо съ дѣвицей Камиллой и совѣтывалъ поскорѣе прикрыть грѣхъ бракомъ, такъ какъ беззаконное сожительство для Князя Церкви неприлично.

Этотъ маневръ былъ ничто иное, какъ хитрость со стороны Козимо, онъ и безъ согласія папы въ душѣ давно рѣшилъ жениться на Камиллѣ, и медлилъ лишь потому, что боялся возбудить противъ себя мнѣніе общества, въ особенности своего семейства, которое конечно воспротивилось бы его женитьбѣ на особѣ не принадлежащей къ владѣтельному дому. Получивъ же вынужденное имъ самимъ приказаніе папы, онъ долженъ былъ подчиниться необходимости.

Возвратившись во Флоренцію, онъ тотчасъ приказалъ позвать въ палаццо Питти священника и обвѣнчался съ Камиллою Мартелли, признавъ и ребенка прижитаго съ нею за свою дочь, родившуюся незадолго передъ тѣмъ и получившую имя Виргиніи.

Этотъ фактъ поразилъ всѣхъ флорентійцевъ, въ особенности герцога Франческо. Но послѣдній, конечно, не сталъ выражать своихъ истинныхъ чувствъ грозному родителю, напротивъ, почтительный сынъ порадовался семейному благополучію. Только въ письмѣ своемъ къ кардиналу-брату Франческо, между прочимъ, говоритъ: «Это происшествіе такъ сильно меня поразило, что я до сихъ поръ не могу придти въ себя. Но теперь уже нельзя помочь горю. Мы узнали о случившемся, когда было уже поздно выражать свое неудовольствіе».

Между тѣмъ, о бракѣ Козимо самъ папа сообщилъ кардиналу Медичи, совѣтуя ему отнестись безъ горечи къ факту, способствовавшему душевному спокойствію отца.

Императоръ Максимиліанъ счелъ унизительнымъ для своего рода, что простая вассалка пользуется болѣе почетнымъ титуломъ, чѣмъ его сестра Іоанна. По этому поводу австрійскій императоръ писалъ къ сестрѣ слѣдующее: «Не могу не удивляться, какъ пришла герцогу мысль сочетаться бракомъ, который вызываетъ общія насмѣшки и презрѣніе. Всѣ находятъ, что почтенный герцогъ не въ своемъ умѣ. Прошу вашу свѣтлость не допускать эту женщину стоять рядомъ съ вами. Всѣ будутъ недовольны, если вы не съумѣете себя держать передъ нею соотвѣтственно вашего высокаго положенія».

Недовольная герцогиня Іоанна, съ свойственной ей безтактностью, не замедлила вручить письмо брата своему свекру. Герцогъ Козимо страшно взволновался и прислалъ невѣсткѣ съ дачи, гдѣ онъ жилъ съ своей молодой женой, отвѣтъ, преисполненный горечи.

«.... Его величество,—писалъ Козимо,—говоритъ, что я не въ своемъ умѣ. Я желаю поставить ему на видъ, что при случаѣ съумѣю показать помѣшанъ я или нѣтъ. Женился я для успокоенія своей совѣсти и никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ,

развѣ только одному Богу. Бракомъ моимъ я никому не причинилъ вреда. Меня также могли считать помѣшаннымъ, когда я передалъ мою власть, а вмѣстѣ съ нею и восемьсотъ-тысячный доходъ, моему сыну Франческо. Все это я сдѣлалъ добровольно и нисколько не раскаяваюсь. Обращаясь снова къ вопросу о моей женитьбѣ, опять повторяю, въ ней отвѣтственъ я только передъ Богомъ и не передъ кѣмъ болѣе. Я не первый и, по всей вѣроятности, не послѣднiй изъ князей, взявшихъ жену простую подданную; она дворянка, а главное—моя жена, и этого вполнѣ достаточно. Я не ищу ссоръ, но и не избѣгаю ихъ, когда судьба мнѣ ихъ посылаетъ въ моемъ собственномъ домѣ. За всѣ послѣдствiя я отвѣчаю, полагаясь на Бога и на свои собственныя силы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Козимо писалъ сыну: «Я хочу, чтобы меня оставили въ покоѣ какъ домашнiе, такъ и стороннiе. Ни тѣмъ, ни другимъ я не дѣлалъ зла и съ вами не буду имѣть непрiятностей, если вы будете справедливы. Вотъ все, что̀ я требую».

Этимъ и закончилось дѣло скандальнаго брака герцога Козимо Медичи; онъ окончательно поселился въ своей загородной виллѣ и не прiѣзжалъ во Флоренцiю.

XVI.

Осадокъ кубка.

МЕЖДУ Біанкой и Изабеллой Орсини завязалась самая тѣсная дружба. Франческо былъ правъ, говоря, что сходство ихъ характеровъ и вкусовъ послужитъ къ ихъ сближенію. Къ тому же, какъ мы уже знаемъ, хитрая любовница герцога старалась заручиться поддержкой въ его семействѣ. Ей удалось пріобрѣсти расположеніе отца герцога; кардиналъ былъ далеко, въ Римѣ, Піетро еще совершенный ребенокъ, слѣдовательно главный вліятельный членъ семьи была Изабелла, на нее и обратила вниманіе Біанка. Она постоянно искала случая услужить герцогинѣ, искала ея общества и очень тонко льстила. Общество умной и постоянно веселой венеціанки доставляло большое удовольствіе Изабеллѣ, и къ лести она, какъ женщина, разумѣется, не была глуха.

Онѣ были постоянно вмѣстѣ на всѣхъ пиршествахъ, балахъ, пикникахъ и у себя дома.

Изабелла, какъ мы знаемъ, не любила Троило Орсини, но должна была по необходимости сносить его присутствіе, не имѣя возможности отъ него отдѣлаться. Она любила пажа Торелло и была имъ любима со всей страстью юношескаго пыла. Къ сожалѣнію, герцогиня не могла свободно наслаждаться своимъ счастьемъ. Троило слѣдилъ за ней со всей подозрительностію суроваго и ревниваго мужа. Тысячу разъ она проклинала день, когда сама добровольно связала себя этимъ ненавистнымъ игомъ.

Изабелла, само собой разумѣется, передала о своемъ невыносимомъ положеніи Біанкѣ. Услужливая пріятельница помогала влюбленной четѣ, придумывала разныя хитрыя увертки, чтобы провести

Троило Орсини точь въ точь, какъ обманываютъ подозрительныхъ и не любимыхъ мужей. Зайдя одинъ разъ въ апартаменты Изабеллы, Біанка застала у нея Троило Орсини. Искаженныя злобой лица обоихъ ясно говорили, что между ними только-что произошла одна изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, когда божественный нектаръ любви превращается въ противный уксусъ.

Веселой Біанкѣ безъ труда удалось своей игривой болтовней разсѣять тучи, собравшіяся на лицахъ обоихъ поссорившихся. Троило сталъ улыбаться, мало-по-малу перестала гнѣваться и герцогиня. Тогда Біанка предложила прогулку въ Поджіо ИмпеSріале. Тотчасъ же былъ заложенъ и поданъ къ крыльцу экипажъ, въ который сѣли герцогиня Изабелла и Біанка.

Послѣдняя любезно предложила Троило и пажу Торелло слѣдовать за ними верхами. Въ то же время Біанка послала записку герцогу Франческо, увѣдомляя его о ихъ прогулкѣ и приглашая также и его присоединиться къ нимъ.

Быстро помчался экипажъ, конвоируемый двумя всадниками, и вскорѣ очутился въ Поджіо Импеpіале. День стоялъ теплый, ясный; богатая осенняя природа Тосканы представляла волшебный видъ. Общество отправилось въ паркъ, пока прислуга приготовляла въ павильонѣ все, что̀ было необходимо для веселаго пира. Дамы безпечно болтали между собой о разныхъ разностяхъ, вполнѣ довольныя прогулкой. Но кавалеры-соперники сдержанно молчали, время отъ времени гнѣвно посматривая другъ на друга.

— Ахъ, синьоръ Троило,—вдругъ сказала Біанка, взявъ Орсини подъ руку,—что у васъ за похоронный видъ, мнѣ это не нравится; со мной надо быть веселымъ... побѣжимъ!

Говоря это, она начала рѣзвиться, увлекая своего кавалера все далѣе и далѣе отъ другой парочки, т. е. отъ Изабеллы и Торелло, оставшихся наединѣ. Эта игра въ лабиринтахъ парка не шутя тѣшила Біанку, между тѣмъ ея кавалеръ, видя, что его съ цѣлью отвлекли отъ наблюдательнаго пункта злился, а Біанка отъ души хохотала, продолжая потѣшаться надъ отставнымъ любовникомъ своей подруги. Наконецъ, Троило, замѣтивъ, что они очутились на совершенно противоположной сторонѣ парка, пренебрегая всѣ приличія, вырвался изъ рукъ своей мучительницы и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать назадъ. При поворотѣ изъ аллеи—о! ужасъ!—онъ увидѣлъ Изабеллу въ объятіяхъ своего соперника, Торелло, именно въ тотъ самый моментъ, когда страстный юноша цѣловалъ прелестную Изабеллу. Внѣ себя отъ ярости, Троило выхватилъ шпагу и подбѣжалъ къ Торелло. Послѣдній сдѣлалъ тоже самое и враги ринулись другъ на друга. Но въ тотъ самый моментъ, когда ихъ шпаги скрестились, раздался звонкій голосъ Біанки:

— Его свѣтлость, герцогъ Франческо!—закричала венеціанка.

Соперники должны были вложить свои шпаги въ ножны и разойтись, обмѣниваясь свирѣпыми взглядами.

Герцогъ Франческо дѣйствительно показался въ концѣ аллеи; онъ шелъ съ двумя кавалерами, весело разговаривая и посмѣиваясь. Избавившись отъ тягостныхъ государственныхъ хлопотъ, отъ сценъ капризной, надменной жены, Франческо совершенно перерождался въ обществѣ своей обожаемой Біанки; онъ былъ веселъ и счастливъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ его кавалеровъ былъ его братъ, Пьетро, безбородый юноша, хотя и женатый на любовницѣ отца, и, не смотря на свои юные года, развращенный окончательно, и великій охотникъ до веселыхъ оргій; другой былъ пріятель герцога, Луиджи Казй ди Костильоне, холостякъ, кутила, веселый собесѣдникъ всѣхъ ночныхъ оргій и безпорядочныхъ развлеченій.

Изабелла, какъ хозяйка дома, очень любезно поздоровалась съ прибывшими гостями и особенно была мила съ кавалеромъ донъ Луиджи Казй.

— Я вò-время ихъ накрылъ,—сказалъ, смѣясь, молодой герцогъ,—представьте, они куда-то удалялись отъ Питти. Очевидно хотѣли предпринять какое-то странствованіе. Словомъ сказать, я ихъ спасъ отъ нечистой силы и привелъ въ рай, въ общество двухъ ангеловъ.

— На небѣ, а быть можетъ, и на грѣшной землѣ, за это доброе дѣло вамъ воздастся,—отвѣчала съ комичной торжественностью Біанка.

— Но безъ Элеоноры наша компанія не полна,—вскричала Изабелла.—Садитесь поскорѣе на лошадь, Пьетро, и скачите за вашей женой. Безъ всякихъ отговорокъ, мы ихъ не принимаемъ. Мы хотимъ видѣть здѣсь Элеонору; безъ нея не сядемъ за ужинъ.

— Нечего дѣлать. Чтò хочетъ женщина, то хочетъ небо,—со вздохомъ отвѣчалъ донъ Пьетро, собираясь въ путь.

Потомъ, обращаясь къ Казй, онъ сказалъ:

— Луиджи, поѣдемъ вмѣстѣ за женой.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ!—вмѣшалась Изабелла,—вы должны ѣхать одинъ. Знаю я, если пустить васъ вдвоемъ, вы навѣрное не вернетесь. А мы непремѣнно хотимъ провести вечеръ въ вашемъ обществѣ.

Пьетро долженъ былъ покориться.

Между тѣмъ, какъ герцогъ Франческо бесѣдовалъ съ Троило, а Казй любезничалъ съ остроумной Біанкой и герцогиней Изабеллой, слуги начали накрывать на столъ въ одномъ изъ залъ второго этажа и приготовлять къ ужину.

Вскорѣ пріѣхали и юные супруги. Элеонора была прелестна; она соединяла въ себѣ красоту, привѣтливость и обояніе молодости. Вся компанія сѣла за столъ. Ужинъ прошелъ не особенно

весело. Біанка употребляла большія усилія, чтобы завлекать всѣхъ, ея острыя шутки такъ и разсыпались на всѣ стороны, но оживляли онѣ только одного герцога Франческо, который любуясь на красавицу-венеціанку точно хотѣлъ сказать: «и это сокровище принадлежитъ мнѣ!»

Пьетро время отъ времени перешоптывался съ своимъ другомъ Казй и отпускалъ пошлыя шуточки, смыслъ которыхъ былъ черезчуръ прозраченъ. Остальные гости не принимали участія въ этомъ весельи. Элеонора и Казй были задумчивы и разсѣяны и хотя выказывали другъ другу холодное равнодушіе, но опытный взглядъ Біанки и наблюдательность Изабеллы открыли подъ этой ледяной оболочкой живую горячую струю.

Для обѣихъ женщинъ было ясно, что Луиджи Казй и Элеонора любятъ другъ друга. Троило и Торелло также не могли быть веселыми. Оба пылали ненавистью и готовы были разорвать другъ друга на части.

Изабелла съ ужасомъ думала, какъ трагически могла окончиться ссора двухъ противниковъ и потому облако грусти не сходило съ ея красиваго лица. Такимъ образомъ, бесѣда велась только между тремя лицами: герцогомъ Франческо, его братомъ донъ Пьетро и Біанкой.

— Франческо, — сказалъ совершенно не впопадъ донъ Пьетро,—чѣмъ занята моя свѣтлѣйшая своячѣница, герцогиня Іоанна?

Этотъ безтактный вопросъ юнаго братца, какъ видно, не понравился герцогу Франческо, и онъ сухо отвѣчалъ:

— А я почемъ знаю.

— Это легко угадать,—не унимался Пьетро,—она въ своей молельнѣ бормочетъ «Отче нашъ» или «Ave Maria».

— А быть можетъ пишетъ австрійскому императору жалобы на насъ всѣхъ,—сказала Біанка.

Разговоры не клеились, тяжелое настроеніе общества еще болѣе увеличилось подъ конецъ ужина, когда подпившій донъ Пьетро сталъ уже черезчуръ грубо врать всякій вздоръ.

Наконецъ, общество стало собираться въ обратный путь. Дамы сѣли въ экипажи, мужчины отправились верхами. Троило проводилъ Изабеллу до самаго дома, желая поговорить съ ней наединѣ. У крыльца герцогиня попыталась было пожелать ему покойной ночи, думая, что онъ уйдетъ, но не тутъ-то было. Троило точно не разслышалъ словъ Изабеллы и все-таки вошелъ къ ней въ комнаты. Заперевъ двери, онъ грозно ее спросилъ:

— Долго ли я буду переносить ваше позорное поведеніе?

— Троило, намъ давно пора кончить, я предвидѣла эти объясненія,—сказала Изабелла.

— Но развѣ я не правъ, не видалъ собственными глазами...

— Чтò же вамъ до этого за дѣло? Какое право вы имѣете говорить мнѣ все это, дѣлать упреки, развѣ вы мнѣ мужъ?

— Къ счастью, нѣтъ.

— Прекрасно, чтò же вы отъ меня хотите?

— Вы забываете, что мы связаны съ вами неразрывными узами. Я вашъ, а вы моя. Насъ соединило не таинство, а грѣхъ, но что изъ этого, если этотъ грѣхъ соединяетъ насъ на вѣки.

— Да развѣ вы вѣрите въ вѣчность, Троило?

— Я вѣрю только въ то, что вы мнѣ принадлежите, что я не могу съ вами разстаться и не потерплю, чтобы вы осчастливили вашей любовью другого, потому что я васъ люблю.

— Вы меня любите? Подите вы! Когда-то вы меня дѣйствительно любили и я васъ любила, но это было давно. Еслибы этого не было, Боже, какъ бы я была счастлива, меня не тяготила бы эта адская цѣпь.

— О я знаю, вы бы хотѣли безъ стѣсненія предаться разврату.

— Мнѣ слѣдовало бы оставаться вѣрной отсутствовавшему мужу, который ничего не подозрѣвалъ. Честь моя была бы не запятнана, я могла бы смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза. И, конечно, все это было бы такъ, еслибы я не имѣла несчастья встрѣтить васъ.

— Такъ вотъ до чего мы уже дошли,— произнесъ вздыхая Троило.

— Да,—отвѣчала Изабелла,—кажется вы бы должны были знать, что рано или поздно преступная любовь становится бременемъ. Вы были опытнѣе меня и лучше знали жизнь. Вы развратили меня, вы толкнули меня на позорный путь, а теперь жалуетесь на то, что сами же устроили. Вы должны брать меня такою, какая я есть, или оставить меня окончательно въ покоѣ и мы растанемся навсегда. Послѣднее, разумѣется, самое лучшее.

— Хорошо вамъ такъ говорить, вы меня не любите болѣе, а я васъ все еще люблю.

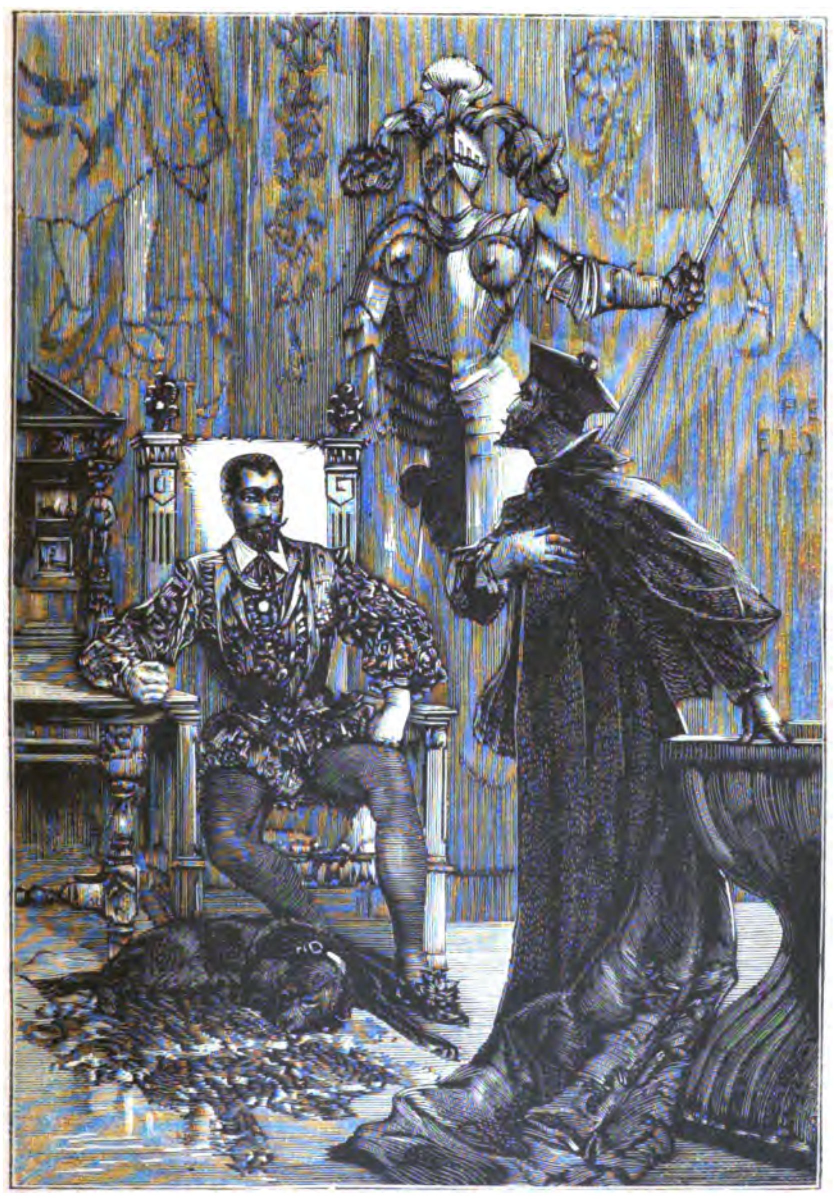
— Еще разъ прошу васъ, Троило, не говорите мнѣ о вашихъ чувствахъ. Васъ не любовь влечетъ ко мнѣ, ея уже давно нѣтъ.

— Вы говорите не любовь, такъ чтò же по вашему?

— Тщеславіе, зависть, злоба, гордость, привычка, и мало ли еще что, словомъ сказать все, кромѣ любви. Эта женщина, говорите вы, принадлежала мнѣ, она моя и никто, кромѣ меня, не долженъ ею владѣть. На ней клеймо моей власти и пусть она, какъ рабыня, носитъ его до конца жизни. Пусть знаетъ свѣтъ, что женщина изъ дома Медичи, жена герцога Браччіано, есть собственность Троило Орсини. Вотъ вѣ чемъ заключается ваша любовь.

— Пусть будетъ такъ. Вы моя—и нѣтъ власти земной или небесной, которая бы могла васъ отнять у меня.

— А если я сама безъ всякой власти захочу освободиться отъ васъ?

Кардиналъ Фердинандъ де-Медичи объявляетъ своему брату о важномъ постѣ, занимаемомъ имъ въ Римѣ.

Дозв. ценз. спб., 21 марта 1890 г.

— Я васъ убью.

— А если я буду искать защиты у моего мужа, да у мужа, которому имѣла несчастье ради васъ измѣнить. Если я ему признаюсь во всемъ?

— Тогда онъ убьетъ васъ.

За этими словами послѣдовало мрачное молчаніе.

Изабелла подняла голову, по ея лицу катились слезы.

— Такъ что же вы отъ меня хотите?—спросила она.

— Я хочу, чтобы вы удалили пажа Торелло.

— Это невозможно,—твердо отвѣчала Изабелла.

— Почему же невозможно?

— А потому, что онъ мнѣ дорогъ, я его люблю и не намѣрена приносить въ жертву вашимъ глупымъ претензіямъ.

— Берегись, Изабелла! не доводи меня до крайности.

— Что же вы можете сдѣлать—убить меня и только? Ну, убивайте.

— Нѣтъ я тебя не убью. Я убью его.

— Онъ съумѣетъ защитить себя, у него также есть шпага.

Такимъ образомъ, почти прошла вся ночь: въ угрозахъ, оскорбленіяхъ и упрекахъ.

Оба собесѣдника вкушали горькій осадокъ, скопившійся на днѣ чаши преступной любви.

Наконецъ Троилло ушелъ, обѣщая страшное мщеніе. Изабелла легла спать, но сонъ, сомкнувшій ея усталыя вѣки, былъ лишь продолженіемъ ужасной сцены.

Донна Элеонора также вернулась къ себѣ во дворецъ. Донъ Пьетро, ея мужъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ Казй, проводилъ ее до дому и, пожелавъ покойной ночи, продолжалъ съ товарищемъ прогулку.

Они остановились передъ однимъ красивымъ домикомъ, граничившимъ съ старымъ дворцомъ (Palazzo Vechio) на Віа Ларго.

Музыка, веселые разговоры, звукъ стакановъ и громкій смѣхъ, выходившіе изъ домика, показывали, что въ немъ происходитъ ночная оргія.

Это былъ домъ извѣстной куртизанки, прелестной Бенчины. Вся знатная молодежь того времени любила собираться у этой красавицы полусвѣта. Бенчина, по свидѣтельству современниковъ, была хотя и низкаго происхожденія, но отличалась изысканностью манеръ, граціей и изяществомъ, которымъ могла позавидовать любая аристократка. Съ раннихъ лѣтъ отдавшись позорному ремеслу, Бенчина съумѣла сохранить красоту и свѣжесть. Стройная, какъ нимфа, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, роскошно и съ большимъ вкусомъ одѣтая, она держала себя, какъ королева. Однимъ золотомъ трудно было купить ея поцѣлуи.

Бенчина была странное созданіе. У нея были капризы, симпатіи и антипатіи и самыя необузданныя фантазіи. Среди аристо-

кратической молодежи считалось великою честью быть допущенными къ ней въ домъ, а еще болѣе того имѣть счастье сорвать поцѣлуй съ розовыхъ губъ красавицы-куртизанки.

Донъ Пьетро, благодаря своей молодости, красотѣ и княжескому титулу, оказался среди избранныхъ и имѣлъ доступъ въ домъ Бенчины во всякое время дня и ночи.

Подъѣхавъ къ дому, пріятели слѣзли съ лошадей и, послѣ условнаго стука въ дверь, тотчасъ же вошли въ домъ.

При появленіи въ залѣ высокаго гостя, музыка смолкла, разговоры прекратились и все общество поднялось съ мѣстъ.

— Здравствуйте, милая Бенчина,—привѣтствовалъ принцъ хозяйку,—садитесь господа, пожалуйста не церемонтесь,—обратился онъ къ молодымъ людямъ, стоявшимъ въ почтительныхъ позахъ.—Проведемте эту ночь весело,—продолжалъ принцъ, усаживаясь около Бенчины,—дайте мнѣ халдейскаго вина и карты, а вы играйте на лютняхъ.

Но тщетно принцъ хотѣлъ оживить общество, его появленіе навѣяло на всѣхъ холодъ.

Мало-по-малу молодежь, бывшая въ залѣ, стала исчезать и, наконецъ, въ комнатѣ остались только Пьетро, его пріятель Казй, Бенчина и одна ея знакомая молоденькая очень красивая дѣвушка. Пьетро уже успѣлъ осушить не одну чашу халдейскаго вина, языкъ его сталъ путаться и вѣки слипались. Онъ говорилъ и двигался съ великимъ трудомъ, наконецъ, положивъ руки на столъ, опустилъ на нихъ голову и мигомъ заснулъ.

Тогда Казй поднялся съ мѣста и, пожимая руку Бенчины, сказалъ:

— Поручаю его до утра вашимъ попеченіямъ.

Затѣмъ онъ вышелъ, сѣлъ на подведенную ему лошадь и ускакалъ. Вскорѣ конскій топотъ смолкъ въ отдаленіи и ночная тишина уже не нарушалась ничѣмъ.

Доѣхавъ до перекрестка, Казй осадилъ лошадь. Изъ-за темнаго угла дома вышелъ человѣкъ, какъ видно ждавшій всадника. Это былъ слуга Казй. Онъ взялъ лошадь подъ уздцы, пока слѣзалъ его господинъ, и увелъ ее, не произнеся ни слова.

Казй осторожно пошелъ вдоль улицы, стараясь не шумѣть, завернулъ за уголъ и остановился подлѣ дворца. Здѣсь онъ, подойдя къ маленькой двери, тихо стукнулъ.

Изъ-за двери женскій голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Магъ,—отвѣчалъ Казй.

Дверь отворилась. Служанка проводила кавалера по лѣстницѣ, чрезъ корридоръ, затѣмъ они поднялись по другой лѣстницѣ на верхъ, служанка открыла небольшую дверь и ушла. Казй съ сердечнымъ трепетомъ переступилъ порогъ. Здѣсь его ожидала молодая и прелестная Элеонора Толедская, жена Пьетро де-Медичи.

XVII.

Кардиналъ.

НА СЛѢДУЮЩЕЕ утро послѣ сцены, описанной въ предыдущей главѣ, герцогиня Изабелла получила неожиданную вѣсть о пріѣздѣ во Флоренцію ея брата кардинала Фердинанда. Пріѣхавъ изъ Рима ночью и не предупредивъ никого, онъ желалъ въ то же утро повидаться съ сестрой. Явившись въ ея апартаменты, онъ попросилъ о себѣ доложить. Изабелла поспѣшно одѣлась, вышла къ брату и увела его въ свою комнату.

Фердинандъ уже не былъ тѣмъ ребенкомъ, какимъ онъ ѣхалъ въ Римъ, чтобы получить кардинальскую шапку отъ святѣйшаго отца-папы, послѣ трагической смерти своего брата Джіованни. Долгое пребываніе въ римскомъ обществѣ, вліяніе коллегъ—быстро развили тлѣвшія въ его душѣ искры гордости и честолюбія. Онъ сталъ сознавать, что отецъ его одинъ изъ самыхъ могущественныхъ князей Италіи и что въ семействѣ Медичи было трое папъ.

Получая отъ отца большія средства, молодой кардиналъ съумѣлъ затмить своею роскошью всѣхъ остальныхъ кардиналовъ. Кромѣ того, онъ покровительствовалъ артистамъ и литераторамъ. Все это способствовало его успѣху при римскомъ дворѣ, гдѣ онъ занималъ видное мѣсто.

Изъ многихъ эпизодовъ его жизни видно, какъ сильно было его вліяніе, какъ всѣ его уважали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялись.

Во время царствованія грознаго Сикста V только одинъ кардиналъ Медичи умѣлъ съ нимъ ладить, а иногда и проводилъ его. Случилось происшествіе, стяжавшее великую славу молодому кар-

диналу и сдѣлавшее его имя популярнымъ. Строгій до безсердечія, папа Сикстъ V приговорилъ къ смерти молодого князя изъ дома Фарнезе за то, что князь выронилъ изъ кармана пистолетъ во время папской аудіенціи. Кардиналъ Медичи принялъ участіе въ осужденномъ князѣ. Зная характеръ Сикста, онъ не надѣялся на пощаду и придумалъ замѣчательную хитрость. Онъ въ день казни утромъ перевелъ впередъ всѣ часы Ватикана и явился ходатайствовать передъ папой за осужденнаго князя. Въ это время стали бить часы. Сикстъ V, зная, что казнь должна уже была совершиться, лукаво улыбаясь, подписалъ бумагу о помилованіи преступника и князь Фарнезе былъ спасенъ. Впослѣдствіи папа, узнавъ какую хитрую штуку продѣлалъ съ нимъ кардиналъ Медичи, страшно разгнѣвался и отдалъ приказъ его арестовать. Но молодой кардиналъ уже принялъ мѣры. Онъ вооружилъ всѣхъ своихъ людей, занялъ Ватиканскій кварталъ и даже папскій дворецъ. Затѣмъ явился на ауденцію къ папѣ, оставивъ, какъ бы случайно, растегнутую красную мантію, изъ-подъ которой виднѣлся панцырь.

— Что это за одежду вы носите, кардиналъ? — спросилъ его папа.

— Это одежда кардинала,—отвѣчалъ Фердинандъ, дотрогиваясь до пурпуровой мантіи,—а это,—указывая на кольчугу,—одежда италіанскаго князя.

— Берегитесь, кардиналъ, чтобы мы не сорвали съ вашей головы красную шапку!—вскричалъ папа.

— Ваше святѣйшество можетъ снять съ меня красную шапку, а я тогда надѣну желѣзную.

Сказавъ это, Фердинандъ удалился и тогда же во главѣ большого отряда вооруженныхъ людей проѣхалъ по всему Риму.

Семейство Медичи тратило массу денегъ для того, чтобы поддержать достоинство кардинала Фердинанда, питавшаго надежду впослѣдствіи быть избраннымъ на папскій престолъ. Деньгами онъ пріобрѣталъ все: хвалу въ литературѣ, приверженцевъ и любовь народа. При помощи денегъ Фердинандъ располагалъ массою удальцовъ и бандитовъ, содѣйствіе которыхъ въ то время во многихъ дѣлахъ было далеко не безполезно.

Часто кардиналу не хватало денегъ на всѣ его громадныя траты. Хотя Франческо продолжалъ высылать ему сумму, назначенную отцомъ, но она была не достаточна. Нерѣдко онъ получалъ отъ брата сверхъ положенной цифры. Но за послѣднее время просьбы Фердинанда о высылкѣ денегъ стали слишкомъ часты, такъ что герцогъ Франческо вынужденъ былъ оставлять ихъ неудовлетворенными. Въ такихъ случаяхъ кардиналъ самъ являлся во Флоренцію изъ Рима и лично просилъ брата дать ему денегъ. И въ настоящій моментъ та же причина побудила его пріѣхать во Флоренцію.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Антаровъ, И. В. Евреи и жиды. Изъ моихъ воспоминаній. Очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ѳ. К. Русскій лѣсъ. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

„Артистъ“. Театральный, музыкальный и художественный журналъ. Кн. 6-я. М. 1890 г. Ц. отдѣльн. № 2 р.

Биллевичъ, К. В. Сестра. Разсказъ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Блюмбергъ, П. М., д-ръ. Къ вопросу о возможности радикальнаго искорененія холеры въ теоріи и о способахъ выполненія этой задачи на практикѣ. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Бобринскій, Александръ, гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. 2 части. Спб. 1890 г. Ц. за 2 ч. 8 р.

Богдановъ, С. М. Производство свекловичныхъ сѣмянъ въ Россіи въ 1887 г. Кіевъ. 1889 г. Ц. 50 к.

Богишичъ, В. В. О техническихъ терминахъ въ законодательствѣ. Чтеніе. 1890 г. Ц. 50 к.

Боровиковскій, А. Алфавитный указатель объясненій къ уставу гражданскаго судопроизводства (Общій для I и II изданій). Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Боттонъ. Электрическіе звонки, ихъ устройство, установка и обращеніе съ ними. Практ. руководство для любителей. Съ 114 рисунк. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Дж. Американская республика. Ч. II. М. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Бреддонъ, М. Роковая тайна. Романъ.— Шутники. Разсказъ. Дм. Минаева. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ академической выставки 1890 г. Фототипическое изданіе. Вып. I-й. Спб. Ц. 1 р. 50 к., на бристольской бумагѣ 2 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 22 и 23-й. Спб. 1890 г. Ц. кажд. вып. 35 к.

Вендрихъ-фонъ, А. Дешевыя желѣзныя дороги въ Швеціи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Веневитиновъ, М. Росписныя кирпичныя избы. Съ табл. рисунковъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 30 к.

Витевскій, В. Н., И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. 2-й. Казань. 1890 г. Ц. 2 р.

Влахче, Д. И. Юридическіе вопросы, разъясненные гражд. кассац. департ. Прав. Сената. Кишиневъ. 1889 г. Ц. 50 к.

Вольскій, А. Мертвая хватка. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 60 к.

Гвоздевъ, И. М. Судебно-медицинскія данныя въ рукахъ юристовъ. Рѣчь. Казань. 1889 г. Ц. 20 к.

Гезеръ, Г. Основы исторіи медицины. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. А. Дохмана. Казань. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Гейнце, Н. Э. По трупамъ. Современный уголовный романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гешенъ, Г. Теорія вексельныхъ курсовъ. М. 1890 г. Ц. 80 к.

Городцевъ, П. Свящ. бесѣды на святое Евангеліе отъ Луки. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды (внѣбогослужебныя) на святое Евангеліе отъ Луки. Вып. 2-й. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

— Бесѣды (внѣбогослужебныя) о страданіяхъ Іисуса Христа. Спб. 1890 г. Ц. 10 к.

Гошкевичъ, В. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Гусевъ, А. Необходимость внѣшняго богопочитанія. Противъ гр. Л. Н. Толстого. Казань. 1890 г. Ц. 30 к.

Гусевъ, А. Н. Нотаріальный сборникъ законовъ, правилъ и формъ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 4 р.

Двадцатипятилѣтіе юридическаго общества, состоящаго при Импер. Московскомъ университетѣ. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Денисьевскій, М. Гальванопластика. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Дохманъ, А. Лихорадка, какъ выраженіе цѣлительной силы природы. Казань. 1890 г. Ц. 40 коп.

— Инфлуэнца. Казань. 1890 г. Ц. 40 к.

Дубровинъ, Н. Ѳ. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Біографическій очеркъ. Съ портретами, автографами, фототипіями и картою. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Евгеній, іеромонахъ. Объясненіе литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Изданіе 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 15 к.

Ефронъ, А. Торжествующая Франція. Наброски съ Парижской всемірной выставки. 1889 г. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Жаколіо, Л. Въ трущобахъ Индіи. Романъ въ 5-ти частяхъ. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Подъ редакц. Ю. И. Орлова. Т. V. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Зайцевъ, А. Курсъ органической химіи. Вып. I-й. Казань. 1890 г. Ц. 2 р.

Золотая пыль. Оригинальный романъ изъ столичной жизни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Золя, Э. Человѣкъ-звѣрь (La Bête-Humaine). Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Иконниковъ, В. С. Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени Московскаго государства. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Инструкція для преподаванія гимнастики въ мужскихъ учебн. завед. вѣдом. м—ва Нар. Просв. Казань. 1889 г. Ц. 15 к.

Инструкція прокурора казанской судебной палаты чинамъ полиціи округа. Казань. 1889 г. Ц. 30 к.

*) **Историческая** портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXIV. Спб. 1890 г. Ц. 2 руб.

Калькингъ, К. И. Ученіе о раціональной ковкѣ лошадей. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Казань. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кандинскій. В. Х. О псевдогаллюцинаціяхъ. Критико-клиническій этюдъ. Спб. 1890. Ц. 2. р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. Т. I. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карръ, С. Въ чаду любви. Пестрые разсказы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. Сущность историческаго процеса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890 г. Ц. 4 руб.

Катковъ, М. Н. Наша учебная реформа, съ приложеніями и съ предисловіемъ и примѣчаніями Льва Поливанова. М. 1890 г. Ц. 80 к.

Colson, К. Практическое наставленіе для снимания копій съ чертежей и рисунковъ свѣтовымъ способомъ. М. 1889 г. Ц. 60 к.

Коростовцевъ, И. Я. Несчастіе отъ семейнаго счастія и другіе разсказы. Содержаніе заимствовано у англійскихъ авторовъ. Спб. 1890 г. Ц. 80 к., въ перепл. 1 р.

Котельва, А. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Кремянскій, Я. С. проф. Карманные обеззараживающіе приборы для дыханія и куренія табаку. Съ рисунк. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Кролль, Дж. Развитіе звѣздъ и его отношеніе къ геологическому времени. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Кулешевъ, П. проф. Отвѣтъ г. Чирвинскому. Въ защиту моей книги: „Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ". М. 1890 г. Ц. 10 к.

Кюллеръ, А. Д-ръ. Современные психопаты (Les frontières de la folie). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лазаренко, Н. Н. О связи смертности отъ чахотки легкихъ въ С.-Петербургѣ съ густотою и скученностью населенія и метеорологическими явленіями. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ. Ц. 50 к.

— Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, какъ дѣятель Крыма. Симферополь. 1890 г. Ц. 40 к.

Либаковъ, И. М. Стихотворенія. 1885—90 г. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Липинъ, А. Н. Внутреннія водяныя сообщенія. Вып. I. Составл. по програмѣ, утвержден. г. министр. пут. сообщ. для экзамена на званіе техника путей сообщенія. Спб. 1889 г. Ц. съ атласомъ 2 р.

Лишинъ, И. А. Опытъ введенія подвижныхъ кухонь въ войскахъ. Изданіе 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Ломницкій, С. Ю. Забытое сословіе. Замѣтки о положеніи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Лукіанъ. Сочиненія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Выпускъ 2-й. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Львовъ, Д. П., кн. Принципы этики. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Лѣсковъ, Н. С. Собраніе сочиненій въ десяти томахъ. Т. IX. Спб. 1890 г. Ц. по подпискѣ на 10 т. 20 р.

Макавѣевъ, А. Курсъ геометрическаго черченія. Вып. I. Съ атласомъ. Спб. 1890 г. Ц. 90 к.

Мантегацца, П. Искусство быть счастливымъ. Издав. 2-е. Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Маркеловъ, А. И. Глухариный токъ, тяга и чучельная охота. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 10 коп.

Минхъ, А. Н. Народные обычаи, обряды, суевѣрія и предразсудки крестьянъ Саратовской губ. Собраны въ 1861—1888 гг. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Мышъ, М. И. Городовое положеніе со всѣми относящимися къ нему узаконеніями. Издан. 9-е, исправл. и дополненное. Спб. 1890 г. Ц. 4 р. 10 к.

Нагуевскій, Д. И. Энеида Виргилія (Virgilii Aeneis). Ч. 2-я. Кн. IV—VI. Изд. 2-е, значит. исправл. и дополн. Казань. 1890 г. Ц. 80 к.

— Тоже. Ч. 3-я. Кн. VII—IX. Казань. 1890 г. Ц. 1 р.

Назарьева, К. В. Чортово гнѣздо. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Нарбековъ, В. Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія. Казань. 1889 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Naunyn. D-r. Краткій путеводитель при пункціяхъ плевральныхъ и перитонеальныхъ выпотовъ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по центральной Азіи. Отдѣлъ ботаническій. Т. I. Вып. 1-й. Обработалъ К. Максимовичъ. Спб. 1889 г. Ц. 6 р.

Тоже. Т. II. Вып. 1-й. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.

Нерваль-де, Ж. Король шутовъ. Перев. съ франц. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Неустроевъ, А. А. Музыка и чувство. Матеріалы для психологическаго основанія эстетики музыки. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Орловскій, К. Ѳ. Молодежь. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 4 р.

Оствальдъ, В. Энергія и ея превращенія. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 г. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Подъ редакц. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

*) **Пешель, Оскаръ.** Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею проф. Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія, дополн. Кирхгофомъ. Вып. III. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. II. (1702—1703). Спб. 1889 г. Ц. 4 р.

Позитивистъ, Г. Слонимскій и соціологія. Казань. 1889 г. Ц. 35 к.

Полевой, П. Н. Братья-соперники. Историческій романъ изъ временъ правленія царевны Софьи. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Полетаевъ, Н. Труды митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви. Казань. 1890 г. Ц. 3 р.

Полибій. Всеобщая исторія въ 40 книгахъ. Перев. съ греческаго Ѳ. Г. Мищенко, съ предислов., примѣч., указателемъ и картами. Т. I. М. 1890 г. Ц. 6 р.

Поповичъ-Липовацъ, И. Ю. Черногорцы и черногорскія женщины. Изд. 3-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Поповъ, Н. А. Игра въ лошадки. Краткій очеркъ рысистаго и скакового спорта въ Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Посольство къ зюнгарскому Хунъ-Тайчжи-Цэванъ-Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 гг. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Веселовскаго. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

Постникова, Л. Галлерея дѣтскихъ портретовъ (Сборникъ типовъ). М. 1890 г. Ц. 2 р.

Рейнгардтъ, Н. В. Необыкновенная личность. Казань. 1889 г. Ц. 25 к.

Розановъ, В. Мѣсто христіанства въ исторіи. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Ротертъ, В. А. О движеніи у высшихъ растеній. Вступительная лекція. Казань. 1890 г. Ц. 20 к.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Сочиненія. Девять томовъ. Спб. 1890 г. Ц. за 9 т. 20 р.

— Пошехонская старина. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 70-й. Спб. 1890 г. Ц. 3 руб.

„Семейная библіотека“. № 3. Ѳ. М. Толстой. Болѣзни воли. Романъ. Ч. II. Спб. 1890 г. Ц. отд. т. 25 к.

Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сивовъ, К. И. Таблицы высчитанныхъ суммъ на количества отъ 5 ф. до 100 п. по цѣнамъ отъ 1 к. до 1 р. 75 к. съ 1/2 коп. за пудъ. Казань. 1889 г. Ц. 1 р.

Симанскій, В. К. Куда ѣхать на дачу? Петербургскія дачныя мѣстности въ от-

ношенія ихъ здоровости. Вып. I. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Simons, А. Раскрашиваніе фотографическихъ карточекъ. М. 1889 г. Ц. 50 к.

Старчевскій, А. В. Наши сосѣди. Справочная книжка. Пограничный переводчикъ. Т. III. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Сташевскій, А. Д. Крѣпостная (сухопутная) и осадная артилерія. Карманная справочная книжка. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стратилатовъ, Н., свящ. Собраніе церковныхъ поученій для простого народа. Изданіе 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Сырку, П. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сыромятниковъ, С. Н. Сага объ Эйрикѣ Красномъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Татищевъ, С. С.** Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

— Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи. Годъ первый 1889-й. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Теляковскій, А. А. Справочная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружного суда. Ч. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Томилина, Е. Атаманъ Алексѣй Безродный. Быль-романъ.—Въ Омутѣ искусства. Повѣсть Н. Ярлыкова (Н. Э. Гейнца).—Завидная партія. Повѣсть Г. Мало. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Т. III. Вып. 4-й. М. 1890 г. Ц. 35 к.

Уйда. Двѣ сказки. Въ перев. В. М. Гаршина. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Уманецъ, С. И. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонбренъ-де, А. Лордъ-каторжникъ. Романъ.—Журданъ-головорѣзъ. Историческій романъ Эр. Додэ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Харузинъ, Н. Русскіе лопари (Изд. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антроп. и Этнограф. Т. LXVI. Тр. Этногр. от. Т. X.). М. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Х—въ, И. А. Раціональная гимнастика или гармонія силъ человѣка. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Холодковскій, Н. А. Краткій курсъ энтомологіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на насѣкомыхъ, имѣющихъ значеніе въ лѣсномъ хозяйствѣ. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хохлатка. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1888 г. Ц. 30 к.

Цируль, К. Ю. Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ, съ прилож. статьи о подготовкѣ учителей и учительницъ къ преподаванію ручного труда. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Чайковскій, И. П. Схемы находящихся въ народномъ обращеніи фондовъ, ипотечныхъ бумагъ и акцій. За время 1875—1889 г. Спб. 1889 г. Ц. 4 р. 50 к.

Чичинадзе, Д. В. Сборникъ законовъ о расколѣ, разъясненныхъ рѣшеніями Прав. Сената. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ч—въ, П. Алупка (лечебная мѣстность близь Ялты). Краткій практическій указатель для пріѣзжающихъ. Одесса. 1889 г. Ц. 30 к.

Шацкій, Ев. Ученіе о растительныхъ алкалоидахъ, глюкозидахъ и птомаинахъ. Ч. I. Растительные алкалоиды. Казань. 1890 г. Ц. 1 руб.

Шершеневичъ, Г. Ф. Ученіе о несостоятельности. Изслѣдованіе. Казань. 1890 г. Ц. 3 р.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ. Издан. 4-е. исправл. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Въ 3-хъ частяхъ. Ч. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эртель, М. И. и А. Лихтгеймъ. Хроническія заболѣванія сердечной мышцы и ихъ леченіе. М. 1889 г. Ц. 30 к.

Ясинскій. I. Стихотворенія. Изданіе 3-е, значит. исправл. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ, П. Ѳ. Соловки. Кронштадтъ. 1889 г. Ц. 3 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

БОЛГАРІЯ
ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

П. А. МАТВѢЕВА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТЕКСТА ТЫРНОВСКОЙ КОНСТИТУЦІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

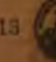
Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

МАЙ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1890 г.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ ЛѢСКОВЪ

Дозв. ценз. спб., 25 апрѣля 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ? [1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XVI.

Она узнала его.

ВЪ ОДИНЪ изъ іюльскихъ вечеровъ, когда уже начинало темнѣть, отъ Москвы по Дѣвичьему полю ѣхалъ одинокій всадникъ по направленію къ монастырю.

Судя по богато-убранному коню и по одеждѣ, всадникъ принадлежалъ къ богатому или знатному роду. Низкое, плоское, съ вызолоченными луками сѣдло, обшитое зеленымъ сафьяномъ съ золотыми узорами, лежало плотно на богатомъ малиноваго бархата чапракѣ съ серебряною оторочкою, изъ-подъ которой виднѣлся голубого цвѣта «покровецъ» или попона, расшитая шелками и съ вензелевымъ изображеніемъ на заднихъ, удлиненныхъ концахъ съ серебряными кистями. Вензель состоялъ изъ трехъ серебряныхъ буквъ: В. О. Н. Уздечка на лошади такъ же отличалась красотой и богатствомъ: «ухваты» и «оковы» на мордѣ коня были серебряные съ такими же цѣпочками. Ожерелье на шеѣ лошади унизано было серебряными же бляхами, узенькими поверхъ шеи и широкими снизу. Повыше копытъ коня висѣли маленькіе колокольчики, у самыхъ щетокъ, и при движеніи издавали гармоническій звонъ, который издавна москвичи называли «малиновымъ звономъ». Сверхъ всего

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 5.

этого, сзади у сѣдла придѣланы были маленькія серебряныя литавры, которыя при ударѣ объ нихъ бичомъ звенѣли, заставляя лошадь бодриться, красиво изгибать шею и вообще играть.

На молодомъ всадникѣ былъ также богатый нарядъ: и ферязь, и охабень, и ожерелья—все блестѣло или золотомъ, или жемчугами.

По небу ходили сплошныя тучи, но когда онѣ раздвигались и изъ-за нихъ выплывалъ на минуту полный мѣсяцъ, то въ молодомъ всадникѣ легко можно было узнать нашего бродягу—Воина Ордина-Нащокина.

Онъ опять на Москвѣ. Но сколько горя, сколько душевныхъ мукъ, дало ему это возвращеніе на родину. Онъ узналъ здѣсь, что та, отъ которой онъ въ ослѣпленіи безумной страсти бѣжалъ, куда глаза глядятъ, бѣжалъ на край свѣта, та, мыслью о которой онъ только и дышалъ эти полтора года, милый образъ которой не отходилъ отъ него ни днемъ, ни ночью, о которой онъ думалъ, что она промѣняла его на другого, не захотѣвъ для него пожертвовать глупою дѣвичьею славою,—онъ узналъ здѣсь и сердцемъ понялъ, что она не вынесла разлуки съ нимъ и навѣки похоронила свою дивную красу, свое дѣвство, прикрывъ свое прелестное личико и свою роскошную дѣвичью косу—черничьею ризой! Сердце его обливалось кровью, когда онъ думалъ объ этомъ.

Объ этомъ онъ думалъ и теперь. Онъ ѣхалъ туда, гдѣ она похоронила себя заживо.

«Все кончено», ныло у него на сердцѣ. И онъ съ тоской прислушивался, хотя вовсе не хотѣлъ этого, какъ гдѣ-то недалеко чей-то хриплый голосъ, вѣроятно голосъ пьянаго шатуна, напѣвалъ знакомую ему, любимую пѣсню кабацкихъ гулякъ. Хриплый голосъ пѣлъ:

«Какъ рябина, какъ рябина кудрявая!
«Какъ тебѣ, рябинушка, не стошнится,
«Во сыромъ бору стоючи,
«На болотину смотрючи!»

Ему досадно было, что его чистыя думы о ней, и томъ невозвратномъ прошломъ, когда она давала ему свои горячія, хотя стыдливыя ласки,—что эти святыя думы грязнятся этою пьяною пѣснью. А пьяная пѣсня все терзала ему слухъ и душу...

«Молодица ты, молодушка!
«Молодица ты пригожая!
«Какъ тебѣ не стошнится,
«За худымъ мужемъ живучи,
«На хорошаго смотрючи,
«На пригожаго глядючи».

Онъ готовъ былъ свернуть съ дороги и отодрать этого шатуна своимъ бичомъ изъ гибкой татарской жимолости, но его удержи-

вала мысль о той чистой и невинной, о которой онъ думалъ и по которой томилась его пораненная душа... Вѣдь при ней бы онъ этого не сдѣлалъ—стыдно бы, не хорошо было...

А тотъ все тянулъ:

«Наварю я пива пьянаго,
«Накурю вина зеленаго,
«Напою я мужа дòпьяна,
«Положу его середь двора,
«Оболоку его соломою
«Да зажгу его лучиною...»

— Ишь нализался!—слышится чей-то другой голосъ:—да еще подъ праздникъ.

— Съ радости, милый человѣкъ: кто празднику радъ—съ вечера пьянъ,—отвѣчалъ пѣвецъ, и снова гнусилъ:

«Выду я тоды на улицу,
«Закричу я громкимъ голосомъ:
«— Осудари вы, люди добрые,
«Вы сусѣди приближенны!
«А ночесь громъ-отъ былъ,
«А ночесь молонья сверкала,
«Моего мужа убило,
«Моего мужа опалило».

— Это тебя-то, видно, пьяницу, жена подожжетъ лучиною,—опять послышался нравоучительный голосъ.

— Нѣтъ, шалишь! я самъ ее за косы! я самъ ей пропою!

И онъ допѣлъ окончаніе пѣсни:

«А ты, шельма-страдница!
«А не громъ убилъ, а не молонья сожгла,
«А ты сама мужа извела» [1]).

Пѣніе смолкло. А вотъ и монастырскія стѣны, ворота. Молодой Ординъ-Нащокинъ сошелъ съ коня, погладилъ его лоснящуюся шею, потрепалъ за гриву и, привязавъ чумбуромъ къ кольцу, вбитому въ стѣну, сунулъ монету въ руку старика-привратника.

— Пригляди за конемъ, дѣдушка,—сказалъ онъ:—я пойду ко всенощной.

— Добро, добро, батюшка-боляринъ, попригляжу,—отвѣчалъ старикъ.

Воинъ вошелъ въ ограду. Ему казалось, что онъ входитъ въ обширный могильный склепъ, въ которомъ похоронено все, чтò только онъ имѣлъ дорогого въ жизни. Церковь между тѣмъ горѣла огнями, которые лились на дворъ сквозь узкія окна съ желѣзными рѣшетками.

---

[1]) Пѣсня эта выписана покойнымъ историкомъ, С. М. Соловьевымъ, изъ столбцовъ приказнаго стола, № 3313. См. «Исторію Россіи», XIV, 359.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и какимъ-то страхомъ Воинъ вступилъ въ церковь.

Навстрѣчу ему неслось изъ царскихъ вратъ:—«Слава святѣй, и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣльной Троицѣ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!»

— Аминь!—какъ бы дрогнулъ весь клиръ тихими ангельскими голосами, и среди всего клира ему, казалось, отчетливо послышался милый, нѣжный, давно знакомый голосъ.

— «Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу,—опять неслось изъ алтаря вмѣстѣ съ дымомъ кадильнымъ:—пріидите поклонимся и припадемъ Ему!»

Онъ, дѣйствительно, припалъ горячею головой къ холодному полу, а слезы такъ и лились на этотъ полъ, такъ и лились... А голоса клира звенѣли подъ сводами храма, высоко, точно то пѣли невидимые ангелы:

— «Благослови, душе моя, Господа!»

— «Благословенъ еси, Господи!»—отвѣчалъ припѣвомъ другой клиръ.

Воинъ не поднималъ головы отъ пола: ему казалось, что онъ весь изойдетъ горькими и въ то же время сладостными слезами, всю душу выльетъ, а съ нею и свое горе...

А дивная мелодія все болѣе и болѣе наполняла своды храма, все неудержимѣе и неудержимѣе охватывала умиленіемъ растопившуюся въ слезахъ душу...

— «На горахъ станутъ вòды...»

«О, Боже великій!—для тебя все возможно,—ты установилъ вòды на горахъ—ты растопилъ мое окаменѣлое сердце»,—шепталъ несчастный, все еще не поднимая съ полу мокраго отъ слезъ лица...

За псалмомъ «на горахъ станутъ вòды» прошла великая ектенія, потомъ первая каѳизма, антифонъ, и «Господи воззвахъ», и стихиры,—а онъ все молился и плакалъ.

Да, теперь онъ явственно различаетъ ея голосъ... Изъ всего клира выдѣляется этотъ чистый голосокъ, когда клиръ запѣлъ вечернюю пѣснь: «Свѣте тихій!..»

Снова возглашеніе:—«Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся...»

Ему казалось, что все это онъ слышитъ первый разъ въ жизни: такъ все казалось ему святымъ, божественнымъ, не отъ міра сего!

Но мало-по-малу онъ нѣсколько успокоился, слезы незамѣтно унялись сами собою, и онъ всталъ съ колѣнъ, чтобы искать глазами ту, голосъ которой, какъ ему казалось, онъ узналъ. Онъ глядѣлъ на клиросъ, который весь былъ занятъ то черными клобуками монахинь, то такими же черными покрывалами молодыхъ черничекъ и послушницъ. Но всѣ ихъ лица были обращены къ алтарю, и только иныя въ полъ-оборота глядѣли на мѣстныя иконы.

Гдѣ же она?—Ему до этого казалось, что въ тысячѣ незнакомыхъ фигуръ, не видя лицъ, онъ отличитъ ея головку, ея плечи, гибкій станъ, изгибъ бѣлой шейки; но теперь все это было закрыто длинными черными фатами—головы, шеи, плечи.—Но она тамъ—онъ это чувствовалъ и слышалъ ея милый голосъ.

А служба между тѣмъ шла. Изъ алтаря уже неслось горячее моленіе: — «Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ морѣ далече!..»

«Онъ услышитъ, онъ помилуетъ»,—беззвучно шептали его губы.

И въ этихъ моленіяхъ, стояніяхъ, каѳизмахъ, поклонахъ, протечетъ вся ея жизнь!—Гдѣ же радости, гдѣ счастье? — И сегодня такъ, и завтра, и послѣзавтра; а тамъ — старость, усталость духа и тѣла,—все то же, то же, то же!

А тамъ, глядишь, и послѣднее возглашеніе, послѣднія слезы: «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею...»

Гдѣ же бури?—И ихъ здѣсь нѣтъ... «Тихое пристанище...» Да, тихое, могильное.

Но вотъ на клиросѣ произошло какое-то движеніе. Нѣсколько темныхъ фигуръ отдѣляются и, проходя мимо мѣстныхъ иконъ, дѣлаютъ земные поклоны. Черезъ нѣсколько времени онѣ возвращаются одна за другою: въ рукахъ у нихъ—у одной кружка для сбора приношеній, у другой блюдо, у третьей опять кружка, а тамъ снова блюдо...

Чтò это!—У него чуть ноги не подкосились, въ глазахъ потемнѣло, потомъ опять просвѣтлѣло — свѣтлѣе, кажется, стало въ храмѣ—чтò-то лучезарное блеснуло ему въ глаза...

Это она!—это ея лучезарное личико, полуприкрытое полями клобука—ея нѣжный овалъ—ея мраморное чело, оттѣненное клобукомъ... Совсѣмъ, совсѣмъ дитя въ такомъ безнадежномъ одѣяніи — въ саванѣ, въ черномъ саванѣ ребенокъ!

Онъ узналъ ее. Но она не поднимаетъ глазъ отъ блюда—длинныя рѣсницы опущены.

Онѣ идутъ посреди толпы, одна за другой, и кланяются. Впереди идетъ старуха, за ней другая. Послѣднею идетъ—она! Слышно: то алтынъ съ глухимъ стукомъ упадетъ въ кружку, то копейка или полушка брязнетъ на металическое блюдо. И на ея блюдо бросаютъ алтыны, полушки. Но она все не поднимаетъ глазъ — все личико ея словно мраморное, ни одинъ мускулъ на немъ не дрогнетъ.

Но кàкъ она измѣнилась, поблекла!—словно полузавядшій бѣлый ландышъ съ опущенною головкой.

Неужели не подниметъ глазъ?—Онѣ все ближе и ближе... Вотъ прошла первая кружка, за нею блюдо, опять кружка... Ея блюдо поровнялось съ нимъ... Она не глядитъ!

Въ какомъ-то безумномъ отчаяньи онъ съ силою бросаетъ крупную золотую монету на ея блюдо. Она дрогнула — подняла удивленные глаза—глаза ихъ встрѣтились на мгновенье... Она замерла на мѣстѣ...

Блюдо со звономъ повалилось на полъ—и она упала на полъ, какъ подкошенный колосъ.

XVII.

Только бы видѣть его!

Послѣ душевнаго потрясенія, бывшаго причиною обморока за всенощной, инокиня Надежда, перенесенная изъ церкви въ свою келью, придя понемногу въ себя, почувствовала глубокую, все ея существо охватившую радость. Она помнила только, что онъ не умеръ, что она не была причиною его смерти—не убила его, какъ казалось ей прежде. Онъ живетъ, онъ будетъ жить. Она будетъ думать о немъ, будетъ знать, что онъ есть на свѣтѣ, видитъ и землю, и небо, и солнце, а она будетъ молиться о немъ — чегожъ ей больше!

Она встала съ своего скромнаго ложа и стала молиться. Она теперь въ первый разъ почувствовала сладость молитвы. Теперь ей есть о чемъ молиться—и какою молитвою!—высшими степенями молитвы!

Матушка игуменья, часто бесѣдовавшая съ нею о молитвѣ, сказывала, что молитва не одна живетъ, а есть три степени молитвы: первая степень—это «прошеніе»—просить Бога о чемъ-либо, о комъ-либо, о себѣ, о прощеніи грѣховъ, о душевномъ покоѣ и т. д.; вторая степень, высшая—это «благодареніе»—благодарить Бога за то, что онъ далъ намъ жизнь и хлѣбъ насущный, и душевный покой, что онъ печется о нашемъ здоровьѣ, что онъ все даетъ намъ по нашему «прошенію»; это молитва человѣческая; но есть еще высшая степень молитвы—молитва ангельская: это—«славословіе»: славословятъ Бога ангелы на небесахъ да святые угодники. Этой же благодати удостоены иноки и инокини, потому что они восприяли ангельскій чинъ и носятъ ангельскій образъ. Монашествующіе, удостоившіеся высшей благодати — ангельскаго чина — должны только славословить Бога, а просить и благодарить могутъ только за другихъ. О чемъ имъ просить за себя?—Они все имѣютъ, даже больше—они сопричислены къ ангельскому чину!

Теперь только юная инокиня Надежда поняла всю глубину поученій матушки-игуменьи. Ей хотѣлось не только благодарить—но не за себя, а за него, что онъ живъ, что онъ можетъ жить; но ей теперь хотѣлось славословить!

И она, радостная, сіяющая, распростерлась передъ кіотой, откуда глядѣлъ на нее кроткій ликъ Спасителя,—и славословила,

славословила! Ей казалось, что она дѣйствительно стала ангеломъ—она трепетала отъ счастья, поднималась съ полу, поднимала къ небу свои нѣжныя руки, точно крылья ангела, и, казалось, неслась въ пространствѣ, неслась все выше и выше, такая легкая, воздушная... Она чувствовала за собою вѣяніе своихъ крыльевъ, чувствовала, какъ она разсѣкала воздухъ своимъ легкимъ тѣломъ—и славословила: «Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея!».

Это была какая-то дѣтская радость, чистая, невинная. Расплетенная коса опутала прядями всю ея бѣлую сорочку; ея босыя ножки не чувствовали прикосновенія къ холодному полу; сорочка спустилась съ плечъ...

Но вдругъ она опомнилась.—Она—босая, въ одной ночной сорочкѣ, съ распущенными и растрепавшимися волосами—она славословитъ Бога! Ей стало и стыдно, и страшно. Матушка-игуменья говорила ей, что на молитву надо приступать съ благоговѣніемъ и непремѣнно въ ангельскомъ одѣяніи, чинно... А она вскочила съ постели чуть не нагая и какъ неистовая поднимала руки, радовалась, трепетала отъ счастья, летѣла по небу!

Смущенная, она робко отошла отъ кіоты, одѣлась снова вся, какъ бы къ выходу въ церковь, причесала и заплела косу, надѣла клобукъ, и стала молиться смиренно, тихо, чинно.

Но и теперь внутри ея клокотала радость, и она, сама того не сознавая, славословила Бога такъ же страстно, какъ и за нѣсколько минутъ передъ этимъ, когда она была въ одной рубашонкѣ и босая.

Наплакавшись потомъ счастливыми слезами, она уснула какъ ребенокъ, не успѣвъ даже вытереть мокрые глаза и щоки.

И какія грёзы окутали ее спящую!—Такого высокаго блаженства, такого счастья, отъ котораго духъ захватывалъ,—она никогда не испытывала въ жизни... Чтò-то сладостное до истомы, до изнеможенія...

Когда она потомъ утромъ проснулась и вспомнила томительно-сладостныя ощущенія ночной грёзы, когда ее, уже бодрствующую, охватила эта истома, смутное сознаніе чего-то невыразимо блаженнаго, совершившагося съ нею, помимо ея воли, въ сонномъ мечтаніи, «въ тонцѣ снѣ»,—она вся вдругъ зардѣлась отъ стыда и счастья—больше отъ счастья—вся затрепетала... и расплакалась—расплакалась какъ ребенокъ, у котораго отняли чтò-то очень дорогое...

Она долго не могла встать съ постели; ей не хотѣлось покинуть сейчасъ это теплое ложе, гдѣ ночью, въ сонномъ мечтаніи, она ощутила чтò-то такое, чего съ нею еще никогда не бывало въ жизни... И это ощущеніе, это блаженство онъ ей далъ,—онъ, и видимый и невидимый, и осязаемый и неосязаемый...

Когда, затѣмъ, она встала, тщательно, тщательнѣе чѣмъ когда-либо, причесалась, заплела косу, одѣлась въ свое ангельское одѣяніе и стала молиться,—она молиться уже не могла, не умѣла—не умѣла и не могла ни славословить, ни благодарить, ни даже просить. Она повторяла какія-то слова, потерявшія для нея силу и смыслъ, и, распростершись на полу передъ кіотою, думала только о немъ: онъ здѣсь, въ Москвѣ, онъ такъ близко отъ нея.

Она приподнялась на колѣни и стала смотрѣть на ликъ Спасителя—такой кроткій, милостивый. Она хотѣла думать только о Спасителѣ; но его божественный ликъ мало-по-малу затуманивался въ какой-то дымкѣ и исчезалъ, а вмѣсто него вставала ночная грёза, сладостное видѣніе...

Въ этомъ положеніи застала ее мать-игуменья. Худая, маленькая, вся сморщенная старушка, но съ живыми, сѣрыми большими глазами, она, казалось, видѣла все насквозь. Она пришла навѣстить свою любимую духовную дщерь, носившую прежде знатное, но суетное имя княжны Прозоровской. Вчерашній обморокъ и испугалъ и огорчилъ мать-игуменью. Она знала, какъ усердна была къ своимъ обязанностямъ юная инокиня Надежда, какъ горячо она всегда молилась въ храмѣ, какая она была постница,—и старушка думала, что юная черничка, не привыкшая къ суровому монастырскому уставу, изнѣженная въ родительскомъ домѣ,—что она испостилась и изнемогла.

— Молись, молись, дщерь моя,—сказала она, входя въ келію юной отшельницы и видя, что она встаетъ съ колѣнъ,—доканчивай молитву.

— Я кончила, матушка,—сказала дѣвушка, подходя къ рукѣ игуменьи.

— Ну что, дитя мое, оправилась послѣ вчерашняго-то?—спросила старушка.

— Оправилась, матушка.

— Ну, и благодареніе Создателю.—Душно вчера въ церкви-то было, ты же усердно—я видѣла—молилась; ну—и сомлѣла.—Это онъ тебѣ зачтетъ, Отецъ небесный.—Что наша жизнь?—тлѣнъ и прахъ: тамъ наше житіе, о немъ надо думать—о вѣчномъ житіи.

Теперь почему-то юная черничка смотрѣла на старушку съ какимъ-то сожалѣніемъ.—Неужели вся ея жизнь протекла въ этомъ?—неужели она...

И дѣвушка почувствовала въ душѣ своей холодъ—холодъ отъ этихъ стѣнъ, отъ окна съ желѣзною рѣшеткой, отъ всего этого чернаго, мрачнаго.

Когда игуменья ушла, дѣвушкѣ стало какъ будто бы легче. Но это не надолго.

Что̀-то холодное и безнадежное стало шевелиться у нея въ душѣ и рости, рости!.. Вчерашнее блаженное состояніе прошло. Тогда

отуманило ее счастье сознанія, что онъ живъ, что она его видѣла. Но теперь она начала сознавать, что потеряла его навсегда—потеряла радость и счастье всей своей жизни. Для чего теперь ей жизнь?—Чтобы ожидать той, другой жизни? Но для нея теперь не было другой жизни, кромѣ этой, кромѣ той, отъ которой она, въ ослѣпленіи горя, сама бѣжала. Но тогда она готова была убѣжать въ могилу, не только за эти мрачныя стѣны. А теперь — вдругъ все прошло! все, все—и не для нея!

Гдѣ искать помощи?—Въ молитвѣ?—Но послѣ вчерашняго молитвеннаго порыва она не могла больше молиться. Какою «степенью» молитвы могла она теперь молиться?—«Славословіемъ?»—Но вчерашнее уже не повторится — оно прошло. Ей вчерашняго мало—ея душа требуетъ бóльшаго.—«Благодареніемъ».—Но за чтò же ей благодарить?—За то, что она сама оборвала нитку своей жизни? Благодарить! — нѣтъ, и эта степень молитвы отнята у нея — но кѣмъ?—Она сама ее утратила.—Остается «прошеніе». Но о чемъ просить, когда ничего ужъ воротить невозможно.

Гдѣ же помощь!—къ кому обратиться?

Она опять подошла къ кіотѣ и стала смотрѣть на ликъ Спасителя. Съ какою тоской она смотрѣла на этотъ кроткій, всепрощающій ликъ.

«Онъ всѣхъ прощалъ»,—шевельнулось у нея въ душѣ:—«простилъ разбойника, простилъ ту бѣдную жену, которую хотѣли побить каменьями, а онъ простилъ ее за то, что она много любила...»

И она любитъ!

Дѣвушка съ ужасомъ поняла, что теперь монастырь сталъ для нея ненавистенъ. И такъ быстро совершился этотъ переворотъ въ ея душѣ! Она ненавидитъ его, какъ тюрьму, лишившую ее свѣта, счастья. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше она будетъ грѣшить этимъ чувствомъ. Все равно душа ея погибнетъ—въ монастырѣ ли, или внѣ монастыря.

Но тамъ, внѣ монастыря—онъ, который пришелъ вчера съ того свѣта, а ночью приходилъ къ ней въ видѣніи «въ тонцѣ снѣ».—Тамъ онъ и наяву придетъ, какъ тогда приходилъ къ ней въ садъ, когда пѣлъ соловей и распускалась береза.

Дѣвушка подошла къ окну своей кельи, которое выходило на Дѣвичье поле. Передъ нею вставалъ Кремль, золотыя маковки церквей, а тамъ, невидимо, на Арбатѣ—ихъ домъ, ея дѣвичій теремъ, садъ... Сирень теперь давно отцвѣла, и соловей, и кукушка, давно перестали пѣть...

Она отошла отъ окна и, припавъ лицомъ къ подушкѣ, горько плакала.

Но вдругъ она увидѣла себя въ церкви — онъ глянулъ ей въ глаза... Какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ за то время, какъ она его не видѣла!—Не радостно и ему жилось...

Она услышала шорохъ за дверью. Вздыхая и крестясь, въ келью вошла ея бывшая мамушка. Чтò-то родное, далекое, навѣки потерянное напомнилъ ей этотъ приходъ старушки—и домъ отца, и ея свѣтлый теремокъ, и тѣнистый садъ со скамейкою, на которой онъ когда-то съ нею сиживалъ.

Старушка съ благоговѣніемъ цѣловала руки своей боярышни.

— Чтò, мамушка, у насъ дома?—чтò батюшка?—спросила юная затворница.

Старушка еще глубже вздохнула.

— Чтò, ягодка!—чему у насъ быть хорошему?—тотъ же монастырь,—сказала она.

— А батюшка?

— Все тоже—кручинится: осиротѣлъ онъ—какъ перстъ одинъ безъ тебя.

— А матушка и братцы не пріѣзжали?

— Нѣту, родная; да они словно чужіе для него.

Дѣвушка хотѣла чтò-то спросить, но не рѣшалась. Ей все же хотѣлось заговорить о томъ, чтò ее терзало. Она заговорила стороной.

— А я, мамушка, вечòръ у всенощной сомлѣла,—сказала она.

— Господь съ тобой!—встревожилась старушка—Съ чево это, ягодка?

— Должно быть отъ жару и ладаннагó духа... Я такъ съ блюдомъ и грохнулась... И какъ бы ты думала?—знаешь, кого я увидала въ церкви?

— Ково, золотая моя?

— Воина Аѳанасьича... Я, можетъ, съ тово и сомлѣла: сказывали допрежъ того, что онъ пропалъ безъ вѣсти—либо померъ, либо убитъ—такъ и поминали его... Каковожъ мнѣ было увидать ево, мертвеца-то, да прямо предъ моими очушками!—Я не спомнилась, какъ меня и изъ церкви-ту вынесли.

Мамушка въ знакъ сожалѣнія качала головой и охала; но для нея не было новостью, что молодой Ординъ-Нащокинъ отыскался. Ее тревожила мысль, какъ ея боярышня-черничка приметъ это извѣстіе.

Теперь она поняла, почему боярышня ея «сомлѣла» вчера... Теперь быть бѣдѣ!—Какъ-то она, голубушка, перенесетъ это?—Затѣмъ старушка и явилась въ монастырь.

— Не слѣдъ было ему приходить сюда!—сказала она строго.

— Для чевожъ, мамушка, не придти и сюда? Никому не заказано молиться.

— Не заказано-ту не заказано, — качала укоризненно головой старушка:—да только смущать-ту чистую душеньку грѣхъ — охъ, грѣхъ какой!

— Да это, мамушка, я испужалась только сразу, а вдругоредь не испужаюсь.

— А думать станешь—мысли пойдутъ мірскія...

— Чтожъ, мамка,—о мірскомъ-ту и молиться.

— О-охо-хо!—качала головой мамка:—смущать-ту грѣхъ.

Юная черничка въ душѣ не соглашалась съ этимъ. Какъ! отказаться даже отъ того, чтобы его видѣть иногда, когда можно!— Одно, что осталось у нея—это видѣть его, какъ видѣть иногда вотъ ее, мамку, отца—и вдругъ отказаться даже отъ этого!

Но она не знала, что теперь, правда, достаточно только видѣть его иногда; но скоро этого будетъ не достаточно. Она не знала, какое зерно заброшено было вчера въ ея душу, чтò выростетъ изъ этого зерна...

«Нѣтъ, нѣтъ!—только бы видѣть его!—только бы знать, что онъ...»

Съ большой тревогой старушка возвращалась изъ монастыря въ городъ.

XVIII.

Она больше не черница.

Не въ меньшемъ волненіи, какъ и юная черничка, возвратился отъ всенощной Воинъ Ординъ-Нащокинъ. Только волненіе его было иного рода. Послѣ мгновенной радости и потрясенія, какія испыталъ онъ въ моментъ встрѣчи съ бывшей невѣстой, когда она узнала его и отъ радости или отъ неожиданности упала въ обморокъ, имъ овладѣло глубокое отчаянье. Этотъ обморокъ доказалъ ему, какъ много она любила его, а быть можетъ—и теперь любитъ. Чтòжъ ему изъ этого? Сознаніе, что она любитъ его, еще болѣе увеличивало въ глазахъ его цѣну понесенной имъ утраты. Страданія, причиняемыя этимъ сознаніемъ, усугублялись еще мыслью, что его тогдашняя безумная вспышка столкнула его въ бездну отчаянія. Чтò тогда стоило выждать мѣсяцъ, другой—наконецъ цѣлый годъ при спокойной увѣренности, что ожидаемыя имъ минуты полнаго блаженства только отсрочены?—А чтò онъ сдѣлалъ? Въ ослѣпленіи минутной страсти онъ самъ разбилъ свое счастье. Онъ тогда бросилъ ей въ глаза незаслуженный ею укоръ: «жди другого суженаго!»

И она нашла его подъ саваномъ черницы...

Чтòжъ ему оставалось теперь дѣлать? Тогда впереди у него было чтò-то—много было впереди!—Видѣть чужія земли, всѣ чудеса заморщины, сбросить съ себя родительскую опеку, забыть на время постылую Москву: цѣлый океанъ неизвѣданнаго былъ у него тогда впереди! И онъ извѣдалъ все это, и кончилъ тѣмъ, что плакалъ въ гондолѣ, въ Венеціи, когда вспоминалъ объ этой

самой Москвѣ, о брошенной въ ней невѣстѣ, и пѣлъ «не бѣлы-то снѣжки», глотая слезы раскаянія.

И вотъ теперь... Нѣтъ, такъ оставаться нельзя!—Теперь для него Москва—пытка: отъ нея та̀къ близокъ Новодѣвичій монастырь!

Теперь надо стараться забыть ее, похороненную въ стѣнахъ монастыря. А какъ забыть?—гдѣ?

Онъ теперь зналъ гдѣ: тамъ, гдѣ люди умираютъ подъ громъ пушекъ, подъ крики побѣды, подъ свистомъ пуль и стрѣлъ. Онъ пойдетъ туда—къ запорожцамъ, къ Брюховецкому, къ Косагову, что воюютъ теперь съ поляками, его лютыми врагами, отравившими ему жизнь своею польскою наукою, отнявшими у него счастье, любовь къ родинѣ.

А сложитъ онъ тамъ голову—тѣмъ лучше! Слишкомъ ужъ тяжело стало носить ее на плечахъ. Да и кому она нужна?—Отцу?—У него на плечахъ государскія заботы.—Ей?—Все равно ей не обнимать ужъ, не цѣловать эту буйную головушку, какъ когда-то она цѣловала ее.

На другой же день онъ сказалъ о своемъ рѣшеніи отцу. Старика удивило это внезапное рѣшеніе: всего дней пять какъ воротился изъ долговременной отлучки, послѣ скитанія по чужимъ землямъ,—и вдругъ опять покидать Москву!

— Хочу заслужить вины мои предъ государемъ!—одно твердилъ онъ на всѣ доводы отца:—либо лягу костьми въ полѣ ратномъ, либо со славою возвращусь, дабы тебѣ не краснѣть за блуднаго сына.

Рѣшеніе это въ то же время и радовало старика... «На путь истинный возвращается малый», думалъ онъ, и доложилъ объ этомъ государю.

И Алексѣя Михайловича обрадовало это рѣшеніе молодого человѣка. Онъ полюбилъ его какъ сына, особенно послѣ его чистосердечнаго раскаянія въ своемъ опрометчивомъ проступкѣ. Отца же, старика Аѳанасія, онъ давно любилъ и высоко цѣнилъ его государственный умъ.

Онъ велѣлъ Воину явиться къ нему—попросту, не во время смотра и купанья запоздавшихъ стольниковъ, а въ его о̀бразную и въ то же время рабочую горницу, по нынѣшнему—въ свой кабинетъ, смежный съ молельною государыни.

Царь принялъ Воина милостиво, хвалилъ за доброе рѣшеніе.

— Хощу вины свои заслужить предъ тобою, пресвѣтлый государь!—повторялъ и здѣсь то же самое Воинъ, что̀ говорилъ и отцу:—либо положу свою голову въ ратномъ полѣ...

— Зачѣмъ же?—ласково перебилъ его государь, любуясь мужественной его осанкой.

— Батя! ты знаешь — мы отъ рода римскаго кесаря Августа...

Это стрѣлой влетѣла въ отцовскую рабочую горницу царевна Софья, думая, что отецъ у себя одинъ—и остолбенѣла, вся вспыхнувъ: серебристый голосокъ ея оборвался на «Августѣ».

Она стояла съ тетрадкою въ рукахъ, какъ зайчикъ, застигнутый врасплохъ.

Воинъ низко поклонился ей.

— Что?—что?—съ любовною улыбкой глядѣлъ на нее Алексѣй Михайловичъ:—отъ рода кесаря Августа, говоришь?

— Да, батюшка государь,—нѣсколько оправившись отъ смущенія, проговорила она, и взглянула на Воина.

Замѣтивъ, что статный молодой человѣкъ любуется ею, она стала смѣлѣй.

— Откудожъ ты это узнала, всезнайка?—спросилъ отецъ, продолжая любоваться дѣвочкой.

— А вотъ въ этой книгѣ написано,—прозвенѣла она, и подошла къ отцу:—вотъ—читай: «выписано изъ житія преподобнаго Нила, Столбенскаго чудотворца»...

— Ну, читай ты,—у тебя глазки лучше моихъ: а тутъ такъ блѣдно написано,—сказалъ Алексѣй Михайловичъ, гладя головку дочери.

— Вотъ!—И Софья прочла:—«Пріиде во обитель преподобнаго Нила»... Ахъ!—остановила она себя:—не съ того листа начала... Это о нѣкоей дѣвицѣ, а не о кесарѣ Августѣ...

Алексѣй Михайловичъ разсмѣялся, и повернулъ дѣвочку лицомъ къ себѣ.

— Ты что-й-то путаешь, торопыга.

Софья вспыхнула: она не хотѣла показаться смѣшной передъ молодымъ человѣкомъ, который ей нравился, когда она была еще совсѣмъ «чюпишная», а теперь уже ей почти четырнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ, не путаю!—она перевернула листъ.—Вотъ: «Грань десятая, глава вторая. Въ лѣто проименитаго и самодержавнаго царя и великаго князя Владимера, просвѣтившаго всю россійскую землю святымъ крещеніемъ, въ храбрости великаго князя Святослава, внука самодержавнаго Игоря и достохвальныя въ премудрости блаженныя великія княгини Ольги вравнука Рюрекова»...

— Рюрикова, поправилъ ее отецъ.

— Нѣтъ, Рюрекова!—настаивала упрямая дѣвочка: тутъ такъ написано!—смотри.

— Ну, добро,—согласился отецъ,—Читай дальше.

— ... «первовладычествующаго въ Великомъ Новѣградѣ и во всей русской землѣ, не худа рода бяху и незнаема, но опаче проименитаго и славнаго римскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною, единоначальствующаго на земли, во время перваго пришествія на землю Господа Бога Спаса Нашего Іисуса Христа, иже нашего ради спасенія изволи родитися отъ без... отъ безневѣстныя»...

Дѣвочка остановилась и вопросительно посмотрѣла на отца.

— Что это такое «безневѣстныя?»—спросила она.

— Это такъ Богородицу величаютъ,—отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ.

— Для чево жъ «безъ невѣсты»? недоумѣвала Софья:—на чтò ей невѣста?

— Ну, инъ читай дальше!—перебилъ ее отецъ.

— «Отъ безневѣстныя—покорно продолжала юная царевна—и пресвятыя и присnодѣвы Маріи».

— Воистину такъ: при римскомъ кесарѣ воплотися Сынъ Божій—при Августѣ,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.—А вотъ Воинъ и самъ былъ въ Римѣ,—указалъ онъ на молодого человѣка.

Юная царевна такъ, кажется, и облила его съ головы до ногъ свѣтомъ своихъ ясныхъ глазъ.

Воинъ скромно улыбнулся:—«точно—сподобился—былъ въ Римѣ и лобызалъ каменныя ступени лѣстницы дома Пилатова, по ней же сводили на пропятіе Спасителя», пояснилъ онъ.

— А развѣ она въ Римѣ?—удивился Алексѣй Михайловичъ.

— Въ Римѣ, государь,—отвѣчалъ Воинъ:—ее перенесли изъ Ерусалима крестоносные рыцари.

— Эка святыня какая, Господи?—покачалъ головою царь.—Ну, чтòжъ кесарь Августъ?—обратился онъ къ царевнѣ.

Та въ это время такъ и пронизывала своими лучистыми глазами молодого Нащокина: «Шутка ли! въ Римѣ былъ—вонъ этими губами цѣловалъ лѣстницу Пилатову, слѣды Христовыхъ ножекъ», казалось, говорили ея глаза.

Слова отца заставили ее опомниться.—Она нагнулась къ книгѣ.

— «Сей кесарь—начала она снова читать—Августъ раздѣли вселенную братіи своей и сродникомъ, ему же быша присный братъ, именемъ Прусъ, и сему Прусу тогда поручено бысть властодержательство въ березѣхъ Вислѣ рѣкѣ градъ Мовберокъ (?) и Турокъ-Хванйца (?) и преславный Гданскъ, и иные многіе городы по рѣку глаголемую Нѣманъ, впадшую иже зовется и понынѣ Прусская земля; сего же Пруса сѣмени отъяша вышереченный Рюрекъ и и братія его; егда еще живяху за моремъ, и тогда варяги именовахуся и изъ-заморья имаху дань на чюди, то-есть на нѣмцехъ и

на словянехъ, то-есть на новгородцехъ, и на кривичехъ, то-есть на торопчанехъ» [1]).

Кончивъ чтеніе, Софья Алексѣевна съ торжествующимъ видомъ посмотрѣла на отца и на молодого Ордина-Нащокина.

— Такъ вотъ откудова мы родомъ,—улыбаясь, сказалъ Алексѣй Михайловичъ:—а я думалъ, что мы простаго роду; а оно вонъ куда махнуло—въ родню съ кесаремъ Августомъ!—не махонька у насъ родѣнька!—А гдѣ ты взяла эту книгу?—спросилъ онъ.

— Симеонъ Ситіановичъ Полоцкой принесъ мнѣ,—отвѣчала царевна.

— Балуетъ онъ тебя, я вижу.

— А потому балуетъ, что я хорошо учу всѣ уроки.

— Добро, добро!—ты у меня умница.—Иди же къ матери.

Алексѣй Михайловичъ погладилъ дочь по головкѣ, и царевна, поцѣловавъ у отца руку, вышла изъ горницы, съ улыбкой кивнувъ головой Воину.

Скоро государь отпустилъ и этого послѣдняго, пожаловавъ къ рукѣ и пожелавъ ему счастья на ратномъ полѣ.

Три дня Воинъ лихорадочно готовился къ отъѣзду: выбиралъ лошадей, накупалъ новаго оружія, заказывалъ дорожное и боевое платье.

А на душѣ у него было очень тяжело. Хотѣлъ онъ было еще разъ съѣздить въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной, но рѣшимости не хватило: «увижу ее—и все прахомъ пойдетъ»...

На четвертый день утромъ, когда отецъ засѣдалъ въ царской думѣ, Воину доложили, что его желаетъ видѣть монашка изъ Новодѣвичьяго. Сердце у него дрогнуло при этомъ словѣ. Но онъ велѣлъ впустить:—«за сборомъ, должно быть, на монастырь».

Но сердце у него такъ и колотилось. Онъ всталъ...

Въ дверяхъ стояла она въ своемъ монашескомъ одѣяніи—блѣдная, блѣдная...

Онъ протянулъ къ ней руки. Она бросилась къ нему, да такъ и повисла у него на шеѣ.

— Милый мой!—суженый мой!—шептала она и плакала.

Онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Милая!—Наташечка!—да какъ же ты?

— Я совсѣмъ къ тебѣ, совсѣмъ!—и до гробовой доски!—Я твоя—бери меня какъ знаешь—въ жоны, въ полюбовницы—все равно я пропала, погубила мою душеньку... Я только твоя, твоя!

— А монастырь?

---

[1]) Изъ старинной рукописи, принадлежащей автору, а прежде принадлежавшей «лейбъ-гвардій Преображенскаго полку бонбордирской ротe отъ мушкатеръ каптенармусу Михайле Голенищеву-Кутузову».

отъ 26-го февраля, 1855 года [1]), въ которомъ было сказано, что—«императоръ Александръ II,—вступивъ на престолъ своихъ предковъ, нашелъ Россію въ борьбѣ, подобной которой исторія не представляетъ примѣра, при началѣ новаго царствованія.

«Что главною заботою императора будутъ двѣ цѣли: 1) употребить всѣ врученныя ему Богомъ силы—къ защитѣ неприкосновенности владѣній (l'intergrité) и чести Россіи и 2) заключить миръ, на основаніяхъ четырехъ пунктовъ, установленныхъ покойнымъ императоромъ».

Въ частныхъ разговорахъ съ Буркенеемъ, князь Горчаковъ видѣлъ его миролюбивое настроеніе, равно какъ и въ представителѣ Англіи, лордѣ Вестмореленѣ. Прибывшій 20-го февраля (4-го марта), для замѣны послѣдняго на конференціяхъ лордъ Руссель, по словамъ императора Франца-Іосифа, также былъ склоненъ къ миру [2]).

Но изъ этихъ частныхъ переговоровъ князь Горчаковъ затруднялся еще вывести дѣйствительное заключеніе о степени миролюбиваго настроенія представителей Западныхъ державъ, равно какъ и самого графа Буоля. Настоящія ихъ намѣренія и взгляды могли проявиться только на самыхъ конференціяхъ, когда слово переходило уже въ дѣло. Одно въ чемъ не сомнѣвался князь Горчаковъ,—это въ личномъ настроеніи императора Франца-Іосифа.

«Его величество,—доносилъ онъ еще 19-го февраля (4-го марта),—въ день кончины императора Николая [3]) сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ усвоить себѣ мысли о томъ, что лишился испытаннаго (éprouvé) во всѣхъ обстоятельствахъ друга, и въ особенности, что ударъ этотъ произошелъ въ тотъ моментъ, когда его величество имѣлъ надежду доказать на дѣлѣ, насколько сердце его сохранило вѣрности къ августѣйшему усопшему; онъ надѣется, что императоръ Александръ приметъ, какъ наслѣдство, дружбу его величества, который, съ своей стороны, сохранитъ ее на вѣки, какъ память о его благодарности; что для него всего больнѣе и прискорбнѣе то, что онъ лишился возможности убѣдить (de convaincre) императора Николая въ томъ, что если бы обстоятельства вынуждали его слѣдовать направленію, несогласному съ указаніями его сердца,—то онъ почелъ бы себѣ за счастіе идти по прежнему пути. Императоръ Францъ-Іосифъ убѣжденъ, что императоръ Александръ будетъ способствовать миру съ такимъ же возвышеннымъ взглядомъ, какъ его предшественникъ».

Однимъ изъ первыхъ актовъ новаго царствованія императора Александра II, было данное имъ князю Горчакову и Титову полномочіе на участіе въ предстоящихъ конференціяхъ.

---

[1]) М. И. Д.

[2]) Князь Горчаковъ, отъ 23-го февраля (7-го марта), 1855, № 78. М. И. Д.

[3]) Князь Горчаковъ, 19-го февраля (4-го марта), 1855, № 71, М. И. Д.

«Имѣя въ виду возстановленіе мира,—сказано въ этомъ актѣ,—мы признали за благо принять участіе въ совѣщаніяхъ полномочныхъ, кои назначены будутъ державами, которыя пожелаютъ совокупно съ нами посвятить старанія свои достиженію таковой благой цѣли».

3-го (15-го марта) состоялась въ Вѣнѣ первая конференція, подъ предсѣдательствомъ министра Австріи графа Буоля-Шауэнштейна, съ другимъ австрійскимъ уполномоченнымъ, барономъ Прокешъ-Остеномъ. Со стороны Франціи явился баронъ Буркеней, Великобританіи—лордъ Джонъ Руссель и графъ Вестмореленъ; отъ Россіи князь Горчаковъ и Титовъ, и отъ Турціи Аарифъ-эффенди.

Графъ Буоль открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой изложилъ трудности предстоящаго дѣла, въ виду неизбѣжно предстоящихъ споровъ по разнымъ вопросамъ, вслѣдствіе различія мнѣній, интересовъ и жертвъ, уже принесенныхъ войнѣ.

«Но,—продолжалъ онъ,—уполномоченные его величества императора Австріи имѣютъ повелѣніе объявить, что ими сдѣлано будетъ все для установленія мира. Императоръ вошелъ въ откровенныя соглашенія съ своими союзниками касательно основаній, которыя однѣ только могутъ гарантировать отъ возвращенія къ такимъ осложненіямъ, которыя пріобрѣтутъ международное значеніе и могутъ затрогивать интересы народовъ.

«Съ своей стороны, его величество рѣшился неуклонно идти по пути имъ избранному, и ничто, даже обстоятельства наибольшей важности, не воспрепятствуютъ ему уклониться отъ обязательствъ, принятыхъ имъ по этому предмету передъ своими союзниками.

«Основанія, служащія базою для переговоровъ, предварительно сообщенныя русскому уполномоченному, слѣдующія:

«1) Вмѣсто исключительнаго протектората Россіи надъ княжествами Молдавіей и Валахіей—всѣ права признанныя султаномъ за этими княжествами, равно какъ и за Сербіей, будутъ находиться отнынѣ подъ общей гарантіей договаривающихся сторонъ.

«2) Свобода плаванія по Дунаю будетъ обезпечена дѣйствительными средствами и подъ наблюденіемъ постояннаго синдиката.

«3) Трактатъ отъ 13-го іюля 1841 г. будетъ пересмотрѣнъ съ двойною цѣлью: обезпеченія существованія Оттоманской имперіи и европейскаго равновѣсія, и съ цѣлью положить конецъ преобладанію (prépondérance) Россіи на Черномъ морѣ.

«4) Россія отказывается отъ официальнаго покровительства надъ христіанскими подданными султана, православнаго исповѣданія; но европейскія державы употребятъ свои общія усилія къ тому, чтобы получить отъ Оттоманскаго правительства иниціативу—къ сохраненію религіозныхъ правъ христіанскихъ обществъ, подданныхъ Порты, безъ различія религій».

Затѣмъ графъ Буоль просилъ уполномоченныхъ дать взаимныя обѣщанія—«хранить, лично для себя, въ секретѣ все, о чемъ будетъ говориться между ними на конференціяхъ». Рѣчь свою графъ Буоль закончилъ слѣдующими словами: «Да просвѣтитъ насъ Богъ, и да поможетъ намъ установить единство Европы, столь необходимое для прогресса цивилизаціи, и да будетъ оно прочнѣе, чѣмъ когда-либо. отъ настоящихъ совѣщаній».

Буркеней вполнѣ сочувственно отнесся къ рѣчи графа Буоля, служа ему, какъ бы вѣрнымъ отголоскомъ, и сказалъ при этомъ, что миръ можетъ быть установленъ только въ предѣлахъ упомянутыхъ четырехъ пунктовъ, которые отнынѣ должны считаться внѣ споровъ; что конференція должна установить ихъ обязательную силу; и что какъ представитель одной изъ воюющихъ сторонъ, онъ только предоставляетъ себѣ право установить такія условія гарантіи каждаго изъ четырехъ пунктовъ, которыя окажутся необходимыми въ интересахъ всей Европы.

Руссель и Вестмореленъ, съ своей стороны, почти дословно сказали то же самое.

Рѣчь графа Буоля и одобреніе, высказанное ей представителями другихъ державъ, ясно показали князю Горчакову, что всѣ они были, еще до открытія конференцій, въ коллективномъ соглашеніи между собою; что по этому самая конференція обѣщаетъ быть только игрушкою.

«Мы,—отвѣтилъ онъ на рѣчь графа Буоля,—всѣ собравшіеся здѣсь, принадлежимъ къ людямъ серьезнымъ, которые сошлись для серьезнаго труда, въ интересахъ дѣла, самаго труднаго въ настоящемъ. У насъ, такимъ образомъ, есть одинъ общій интересъ; надѣюсь, что есть у насъ и цѣль общая—прійти къ общему замиренію, которое не можетъ быть прочнымъ, иначе какъ основываясь на началахъ, почетныхъ для обѣихъ сторонъ.

«Но если бы, откуда бы то ни произошло, предложатъ Россіи условія, несогласныя съ ея честью,—Россія не согласится на нихъ никогда, какъ бы ни были важны для нея, вытекающія изъ того, послѣдствія».

Затѣмъ князь Горчаковъ прибавилъ, что онъ не противится тому, чтобы, къ разсматриваемымъ четыремъ пунктамъ, союзники могли прибавить новыя требованія, если шансы войны дадутъ имъ къ тому возможность; но что и нашъ дворъ, въ такомъ случаѣ,— «не сочтетъ себя обязаннымъ ограничиваться этими пунктами, не видоизмѣняя ихъ».

Различные эпизоды и подробности, имѣвшіе мѣсто на первой конференціи, лучше всего видны изъ слѣдующихъ донесеній князя Горчакова, по телеграфу, отъ 5-го (17-го) марта № 99:

«Я просилъ занести въ протоколъ мой протестъ противъ отсутствія Пруссіи. Впрочемъ, не произошло ничего замѣчательнаго и до сихъ поръ не замѣтно проявленія враждебности».

Наканунѣ онъ телеграфировалъ отъ 4-го (16-го) марта № 98:
«Конференція имѣла результатъ скорѣе удовлетворительный. Не постанавливая никакого текста о четырехъ пунктахъ, мы очень подвинули дѣло, выйдя изъ общихъ фразъ къ болѣе опредѣленному толкованію. Переговоры серьезны. Сопротивленіе идетъ со стороны Буркенея. Руссель скорѣе нейтраленъ и даже поддается соглашенію (conciliant). Прокешъ (второй уполномоченный Австріи) не дуренъ».

На засѣданіи первой конференціи [1]), Буркеней предложилъ излагать протоколы въ два столбца, съ тѣмъ, чтобы на одномъ подписывались всѣ, кромѣ русскихъ уполномоченныхъ, а послѣдніе подписывались бы подъ другимъ столбцемъ. Тутъ цѣль состояла въ томъ, чтобы придать Россіи изолированное положеніе на конференціяхъ. Выходило такъ, что члены конференціи, какъ бы опредѣляли постановленія, обязательныя для русскихъ уполномоченныхъ, которые своею подписью только удостовѣряли точность постановленій. Князь Горчаковъ понялъ это и заявилъ,—что такъ какъ Австрія сторона посредствующая, то она не можетъ быть на сторонѣ нашихъ враговъ, и потому должна подписывать протоколы особо, въ третьемъ столбцѣ.

Графъ Буоль былъ поставленъ въ большое затрудненіе, но послѣ долгихъ разсужденій, призналъ за лучшее, въ качествѣ президента собранія, подписывать особо оба столбца протоколовъ, на что князь Горчаковъ и согласился.

Говоря о приглашеніи Пруссіи на конференціи, князь Горчаковъ просилъ занести въ протоколъ слѣдующія его слова:

«Пользуюсь первымъ случаемъ, чтобы выразить глубокое сожалѣніе моего двора, по поводу того, что уполномоченный Пруссіи не раздѣляетъ нашихъ трудовъ. По нашему убѣжденію, права Пруссіи не опровержимы, и какъ державы первостепенной, и какъ участницы въ подписаніи трактатовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію».

Графъ Буоль, съ своей стороны, изъявилъ подобное же сожалѣніе и утверждалъ, что это произошло не по винѣ Австріи.

Буркеней и лордъ Руссель заявили, что съ своей стороны, они не ограничились однѣми желаніями, но даже употребляли общія усилія для привлеченія Пруссіи къ участію въ конференціяхъ, но что, къ сожалѣнію, усилія эти остались безъ успѣха.

Князь Горчаковъ сказалъ на это—«что ежели Пруссіи открыли только одну половину двери для входа, то не слѣдуетъ удивляться, что она, прежде чѣмъ переступить порогъ, остановилась на мысли—будетъ ли это вступленіе согласно съ ея достоинствомъ и политическими убѣжденіями (convictions). Съ нашей точки зрѣнія, Пруссіи слѣдовало сдѣлать простое предложеніе, занять мѣсто на-

[1]) Князь Горчаковъ, 6-го (18) марта, 1855 г., № 103. М. И. Д.

равнѣ со всѣми нами, т. е. употребить законныя усилія къ достиженію почетнаго мира, на основаніи извѣстныхъ четырехъ пунктовъ, въ томъ смыслѣ, который имъ былъ приданъ при обсужденіи ихъ въ собраніи нашемъ 7-го января».

Графъ Буоль спросилъ тогда,—считаетъ ли князь Горчаковъ, вслѣдствіе сдѣланнаго имъ заявленія, что все до сихъ поръ сдѣланное не имѣетъ силы, такъ какъ на совѣщаніяхъ не было представителя Пруссіи?

Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что хотя на основаніи полномочій своихъ, онъ надѣялся видѣть на конференціяхъ представителя Пруссіи, отсутствіе котораго могло бы послужить причиною и для насъ не принять участія въ конференціяхъ,—«но чтобы прійти, если возможно, къ скорѣйшему результату, согласному съ желаніями и нуждами всего человѣчества—мы не намѣрены воспользоваться нашимъ правомъ, и придаемъ всю силу состоявшимся уже соглашеніямъ. Тѣмъ не менѣе, отсутствіе представителя первоклассной державы, мы признаемъ опаснымъ для равновѣсія Европы, такъ какъ это устанавливаетъ принципъ, что и въ другихъ случаяхъ можно также будетъ обойтись безъ представителей нѣкоторыхъ первоклассныхъ державъ, при рѣшеніи вопросовъ касающихся европейскаго порядка вещей».

Убѣдясь изъ предварительныхъ совѣщаній, 28-го декабря 1854 и 7-го января 1855 года, въ неудобствѣ закрытыхъ засѣданій, князь Горчаковъ [1]) на конференціи 5-го (17-го) марта предложилъ, не ограничиваться простымъ постановленіемъ результатовъ конференцій, но обозначать самый ходъ переговоровъ, во всѣхъ ихъ подробностяхъ, для того, чтобы слова каждаго изъ членовъ конференціи сохранились навсегда. Титовъ прибавилъ при этомъ: «Это для того, чтобы всѣ знали, на кого должна пасть отвѣтственность, въ случаѣ разрыва». Это предложеніе было принято безъ споровъ. Вторая конференція была назначена на 5-е (17-е) марта. Въ этотъ самый день, князь Горчаковъ испросилъ аудіенцію у императора Франца-Іосифа, который сказалъ ему при этомъ: «Я сдержу свое обѣщаніе: до исхода мирныхъ негоціацій, Австрія не подпишетъ никакого акта съ другими державами». Затѣмъ императоръ сказалъ, что раздѣляетъ взглядъ князя Горчакова относительно того, что—«переговаривающіеся не должны дѣйствовать коллективно, но каждый долженъ высказывать лишь свое личное мнѣніе и убѣжденіе».—«Тогда мы будемъ имѣть свѣтъ и правду,—прибавилъ императоръ,—что и составляетъ моё горячее желаніе (Wir werden endlich Licht und Wahrheit haben; dass ist mein heissester Wunsch»).

Въ то же время, въ частномъ разговорѣ съ графомъ Буолемъ, князь Горчаковъ снова сказалъ ему, что—«не приметъ выработанной

---

[1]) Князь Горчаковъ, 5-го (17-го) марта, 1855, № 102. М. И. Д.

имъ (Буолемъ) редакціи текста и что, вообще, не считаетъ себя связаннымъ относительно его редакціи, и предоставляетъ себѣ право, не говорить теперь относительно того, что онъ скажетъ по этому предмету на будущихъ конференціяхъ».

Буркеней, присутствовавшій при этомъ частномъ разговорѣ, замѣтилъ, что конференціи могутъ и не состояться, такъ какъ нѣтъ согласія относительно исходнаго ихъ пункта.—«Не знаю,—замѣтилъ князь Горчаковъ,—можетъ быть m-r Буркеней намѣренъ перенести свою дипломатическую дѣятельность въ Испанію [1]), гдѣ дразнятъ краснымъ сукномъ быка, чтобы заставить его сильнѣе ударить рогами».

Вообще, князь Горчаковъ все болѣе и болѣе убѣждался, что графъ Буоль былъ уже прежде въ соглашеніи съ представителями другихъ державъ. Затѣмъ онъ дѣлаетъ вообще слѣдующую характеристику представителей на конференціяхъ:

«Графъ Буоль, проникнутый желаніемъ императора Франца-Іосифа достигнуть мира, скораго и почетнаго, съ другой же стороны, поставленный въ чрезвычайное затрудненіе личнымъ желаніемъ не отдѣляться отъ Западныхъ державъ, принялъ ложное положеніе, изъ котораго ему не легко будетъ выйти. Баронъ Прокешъ (Prokesch) служитъ шкворнемъ австрійской политики (qui est la cheville ouvrière); онъ показалъ себя на первой конференціи практическимъ, сговорчивымъ, не мелочнымъ дипломатомъ и человѣкомъ съ хорошимъ вкусомъ. Графъ Буоль его прямой начальникъ; но Прокешъ хорошо понимаетъ, что императоръ Францъ-Іосифъ, отъ котораго зависитъ его судьба, желаетъ мира, и недоброжелательно отнесется къ тѣмъ, которые будутъ ставить препятствія къ осуществленію его желаній».

«Вчера онъ зашелъ ко мнѣ,—пишетъ князь Горчаковъ,—и мы проговорили цѣлыхъ два часа, что̀, какъ я думаю, не будетъ безполезно для дѣла.

«Лордъ Джонъ Руссель говоритъ мало. Все, что̀ онъ говоритъ, отличается умѣренностью. Быть можетъ онъ бережетъ свои слова для 3-го пункта.

«Лордъ Вестмореленъ во всемъ одобряетъ своего коллегу.

«Аарифъ-эффенди, представляя изъ себя простого переводчика (interprête) для Англіи, есть полнѣйшее ничтожество. (Вмѣсто него ожидается Аали-паша).

«Лордъ Редклифъ, англійскій посолъ въ Константинополѣ, не пользуется въ Вѣнѣ сочувствіемъ и всѣ желаютъ устранить его прямое вліяніе на ходъ конференцій».

На второй конференціи 5-го (17-го) марта, при обсужденіи вопроса о придунайскихъ княжествахъ, зашла рѣчь о томъ, примѣ-

[1]) Буркеней дѣйствительно намѣревался отправиться въ Испанію.

нять ли къ нимъ слово protectorat или protection, оспоривая, относительно ихъ, исключительное для Россіи право покровительства надъ ними.

Князь Горчаковъ предлагалъ оставить все, касающееся княжествъ, in status quo, настаивая на томъ, чтобы всякія нововведенія, уменьшеніе ихъ территоріи и т. п., не лишили ихъ тѣхъ выгодъ, которыя обезпечены за ними трактатами. То же самое было сказано и относительно Сербіи.

Третья конференція, 7-го (19-го) марта, также прошла въ обсужденіи постановленій и споровъ, относительно княжествъ. «Наши уполномоченные,—по словамъ Титова,—рѣшились слѣдовать примѣру Австріи—не входить въ излишнія подробности».

«Члены конференціи,—писалъ Титовъ 6-го (18-го) марта,—настаивая на томъ, чтобы крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были возобновлены (rebatu), подъ видомъ интересовъ Румыніи, имѣли въ виду главную цѣль—устроить между Прутомъ и Дунаемъ укрѣпленный бульваръ противъ Россіи, подъ предлогомъ охраненія общеевропейскихъ интересовъ».

Въ интимномъ разговорѣ съ княземъ Горчаковымъ баронъ Прокешъ между прочимъ сказалъ:

«Утомленные затрудненіями въ Крыму, союзники всегда будутъ видѣть въ Севастополѣ и въ вашемъ черноморскомъ флотѣ постоянную угрозу и опасеніе относительно Босфора.

«Но такъ какъ они сбились съ толку (fourvoyés) въ этой войнѣ, то имъ нужно облегчить выходъ изъ ихъ унизительнаго положенія.

«По этому, съ укрѣпленіемъ лѣваго берега Дуная, общественное мнѣніе будетъ успокоено, потому что всѣ станутъ громко говорить, какъ о новомъ открытіи, что въ этомъ именно и состоитъ секретъ предупрежденія возможности вторженія русскихъ въ Турцію съ сухого пути».

Предложеніе это оспоривалось нашими представителями, какъ несогласное съ трактатами.

На этомъ и закончилось обсужденіе 1-го пункта.

Представитель Турціи Аарифъ-эффенди, по словамъ Титова, представлялъ собою полнѣйшее ничтожество (evidente nulleté) [1]); взамѣнъ его ожидалось, какъ уже сказано, прибытіе Аали-паши, который, какъ полагалъ Титовъ, «явится, безъ сомнѣнія, съ планами, внушенными ему лордомъ Редклифомъ, или недовольными, собравшимися въ Константинополѣ послѣ потрясеній 1848 года».

Уполномоченные Англіи и Франціи какъ бы составляли на конференціяхъ эхо одинъ другого: что скажетъ одинъ, то подхватитъ другой. Но на прочность такого трогательнаго согласія нужно было смотрѣть съ значительной долей недовѣрія, такъ какъ инте-

---

[1]) Титовъ, отъ 6-го (18-го) марта. М. И. Д.

ресы обѣихъ державъ, были существенно различны. Вся тяжесть борьбы подъ Севастополемъ лежала на французскихъ войскахъ; содѣйствіе англичанъ было почти фиктивное. Англичане хорошо понимали это, но сознаться въ томъ не хотѣли.

Отсюда затаенная зависть ихъ ко всему, что указывало на преобладающее вліяніе Франціи на ходъ событій. Не лишены были англичане и опасеній, что Наполеонъ, какъ былъ о томъ положительный слухъ, намѣревается лично поѣхать въ Крымъ, снять осаду Севастополя и утвердиться въ Константинополѣ, что не согласовалось съ интересами Англіи, и чему она воспротивиться не могла, при ничтожности своихъ боевыхъ силъ.

Какъ бы то ни было, въ прочность англо-французскаго союза не вѣрили многіе, въ томъ числѣ и прибывшій въ это время въ Вѣну, патріархъ австрійской политики, графъ Меттернихъ, съ которымъ Титовъ имѣлъ 10-го (22-го) марта разговоръ, длившійся полтора часа.

«Во всю мою жизнь,—писалъ Титовъ графу Нессельроде [1],—я не запомню такого утомительнаго теть-а-теть; но и никогда не выносилъ изъ него болѣе глубокаго впечатлѣнія». Когда зашла рѣчь о сердечномъ согласіи Франціи и Англіи (de la cordiale entente), Меттернихъ сказалъ:

— «Я дорого бы далъ, чтобы быть дурнымъ пророкомъ; но я боюсь, что это согласіе не переживетъ Людовика-Наполеона, потому что обѣ націи одинаково больны, и чтобы жить, онѣ обѣ, долго еще будутъ нуждаться другъ въ другѣ, не смотря на взаимное желаніе сдѣлать одинъ другому каверзу (les niches), что они и сдѣлаютъ, въ виду противоположности своихъ интересовъ и многочисленности точекъ соперничества.

«Въ 1844 и 1845 году лордъ Стратфордъ говорилъ мнѣ, съ тою наивностью, на которую только способенъ англійскій эгоизмъ:

— «Какъ жаль, что Франція и Англія находятъ столько затрудненій къ соглашенію; составивъ между собою коалицію, онѣ управляли бы міромъ».

— «Чтобы управляли, я въ томъ не увѣренъ, но что онѣ волновали бы его—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія»,—прибавилъ Меттернихъ.

Титовъ, поэтому, не вѣрилъ въ искренность англо-французскаго союза, но допускалъ, что обѣ эти державы такъ должны дѣйствовать для того, чтобы существовать (d'agir pour vivre). Если Англія, напримѣръ, опасается дессанта французскихъ войскъ на берега Великобританіи, то вмѣсто разрыва съ Франціей, она будетъ льстить ей и дѣлать уступки для того, чтобы не довести дѣло до войны, и выждать удобнаго случая, когда она, въ свою очередь, можетъ

---

[1]) Титовъ, отъ 10-го (22-го) марта, 1855. М. И. Д.

угрожать чѣмъ-нибудь Франціи. Тогда Франція, съ своей стороны, начнетъ поступать такимъ же образомъ, и т. д.

— «Я вѣрю въ свое предвидѣніе,—сказалъ Меттернихъ,—потому что оно часто оправдывалось въ теченіе моей долгой общественной дѣятельности. Я могу поэтому предсказать, что настоящая война— это могила сердечнаго согласія».

9-го (21-го) марта, открылась четвертая конференція, обсуждавшая 2-й пунктъ программы, по вопросу о судоходствѣ по Дунаю.

Князь Горчаковъ сказалъ, что въ этомъ дѣлѣ нужно отличать двѣ стороны: политическую и торговую. Что касается до первой изъ нихъ, то ея значеніе должно остаться во всей силѣ въ согласіи съ существующими трактатами. Физическія же неудобства, представляемыя для свободнаго плаванія по Дунаю въ его устьяхъ, омывающихъ русскую территорію, мы, въ теченіе 25 лѣтъ, старались устранить.

На это Прокешъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ, наши усилія не увѣнчались успѣхомъ, тогда какъ удобное и безпрепятственное плаваніе торговыхъ судовъ по Дунаю представляетъ вопросъ, вызывающій необходимость прісканія средствъ къ его удовлетворительному рѣшенію.

Поэтому, въ своемъ проектѣ, онъ предложилъ для рѣшенія этого вопроса, учредить синдикатъ изъ представителей европейскихъ государствъ.

Князь Горчаковъ возразилъ на это, что употребленіе слова синдикатъ, онъ считаетъ неудобнымъ и неяснымъ. Если это будетъ учрежденіе, въ которомъ представители державъ будутъ только заявлять о своихъ интересахъ, то онъ ничего противъ этого не имѣетъ; если же синдикатъ и его постановленія должны имѣть для насъ обязательную силу, то онъ этому противится.

Слово синдикатъ предположено было замѣнить другимъ: исполнительной комиссіи (commission exécutive). Уполномоченные Англіи и Франціи тотчасъ же заявили о готовности имѣть въ этой комиссіи своихъ членовъ, такъ какъ навигація по Дунаю есть вопросъ европейскій, и съ нимъ связаны ихъ торговые интересы.

Но графъ Буоль и Прокешъ заявили на это, что, въ силу существующаго права, вопросъ о навигаціи по Дунаю касается только прибрежныхъ по немъ государствъ, т. е. Австріи и Турціи. Князь Горчаковъ, одобряя взглядъ графа Буоля относительно значенія въ этомъ дѣлѣ прибрежныхъ государствъ, сказалъ, что это право, въ равной мѣрѣ, распространяется и на Россію, территорія которой омывается устьемъ Дуная.

Другое предложеніе Прокеша состояло въ томъ, что для огражденія торговыхъ интересовъ въ устьяхъ Дуная, каждая изъ договаривающихся державъ получаетъ право содержать здѣсь по

два военныя судна. Представители Англіи и Франціи горячо поддерживали это предложеніе, рисовавшее имъ возможность имѣть свои военныя суда въ Черномъ морѣ во время мира.

Русскіе уполномоченные требовали не останавливаться на этомъ вопросѣ до пересмотра трактата 1841 года, не дозволяющаго европейскимъ военнымъ судамъ проходить въ Черное море чрезъ Дарданеллы.

На третье предложеніе въ проектѣ Прокеша, что дельта Дуная должна быть объявлена нейтральной, насколько то окажется необходимымъ для дѣйствій постоянной исполнительной комиссіи, князь Горчаковъ замѣтилъ, что по отношенію къ Россіи, нейтрализація устьевъ Дуная была бы равносильна косвенному отчужденію нашей территоріи.

До сихъ поръ, однако, переговоры велись успѣшно. Мы дѣлали всевозможныя уступки въ пользу Австріи по 2-му пункту, такъ же какъ и по первому, чтобы удовлетворить ея германскимъ интересамъ и ожидать за то ея поддержки по 3-му и 4-му пунктамъ.

«Торопимся на сколько возможно, — доносилъ князь Горчаковъ [1].—По внѣшности замѣтно желаніе прійти къ соглашенію. Я сблизился съ Русселемъ. До сихъ поръ онъ вовсе не требователенъ. Вчера на прогулкѣ онъ заговорилъ объ ограниченіи числа нашихъ кораблей. Я сказалъ, что не стану даже объ этомъ разговаривать, и что если желаютъ мира, то должны придумать иныя средства».

Замѣчательно, что въ то самое время какъ князь Горчаковъ писалъ о замѣтномъ желаніи союзниковъ прійти къ соглашенію, Титовъ увѣдомилъ графа Нессельроде, отъ 10-го (22-го) марта [2], что тайныя собранія (conciliabules), возобновленныя графомъ Буолемъ, вмѣстѣ съ представителями Франціи, Англіи и Турціи, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что по вопросу о свободномъ плаваніи по Дунаю, всѣ они дѣйствуютъ съ общаго согласія,—«выступая противъ насъ въ сомкнутой фалангѣ».

Послѣ этихъ словъ, нельзя не удивляться слѣдующему донесенію Титова, отъ того же 10-го (22-го) марта:—«Весьма важно, что въ спорѣ между собою, наши противники являются лучшими нашими адвокатами».

Вопросъ о плаваніи по Дунаю былъ предметомъ обсужденія и на 5-й конференціи, 11-го (23-го) марта.

Князь Горчаковъ предложилъ на этой конференціи слово синдикатъ замѣнить названіемъ Европейская комиссія. Предложеніе это было принято съ тѣмъ, что европейская комиссія выработаетъ подробныя правила для содержанія теченія Дуная между

[1] Князь Горчаковъ, 9-го (21-го) марта, 1855. М. И. Д.

[2] Титовъ, 10-го (22-го) марта, 1855, № 31. М. И. Д.

Галацомъ и моремъ въ исправномъ состояніи. Сверхъ того, правила эти должны служить руководствомъ для вновь учреждаемой еще особой прибрежной исполнительной комиссіи (Commission riveraine executive), состоящей изъ делегатовъ Австріи, Россіи и Турціи.

На сдѣланное на конференціи заявленіе, что для обезпеченія плаванія въ устьяхъ Дуная, Россія должна уничтожить имѣющіеся тамъ свои карантины, Титовъ сказалъ что—«благодаря этимъ карантинамъ, чума 1829 года не распространилась по Европѣ».

«Въ общемъ, пишетъ онъ, отъ 12-го (24-го) марта, № 4,—поле битвы не осталось за нашими противниками. Турецкій посланникъ, не смѣя прервать своего молчанія, не могъ однако не отдать справедливости нашимъ доводамъ».

На этомъ и закончилось обсужденіе 2-го пункта.

Наступалъ наиболѣе рѣшительный моментъ для переговоровъ—это по вопросу о 3-мъ пунктѣ, касавшемуся ограниченія нашего черноморскаго флота. Предвидя, что на этомъ вопросѣ стороны не прійдутъ къ соглашенію, и желая позолотить для насъ пилюли, графъ Буоль, разсчитывая на свое дипломатическое искусство, просилъ князя Горчакова зайти къ нему для частныхъ обсужденій этого вопроса, до начала 6 конференціи, 14-го (26-го) марта, на которой 3-й пунктъ долженъ былъ разбираться. При этомъ конфиденціальномъ разговорѣ, графъ Буоль, сказалъ князю Горчакову [1]), что—«уполномоченные Англіи и Франціи получили инструкціи, найти средство противъ возможности агрессивныхъ дѣйствій нашего черноморскаго флота; но ни одна изъ державъ не имѣла въ виду предъявлять Россіи, по этому предмету, свои требованія, способныя посягнуть на наши державныя права, и что—не будетъ даже и вопроса о какомъ-либо, принципіальномъ, ограниченіи нашего флота; что всѣ признаютъ за императоромъ Россіи право имѣть въ любомъ изъ своихъ портовъ такое число кораблей, какое ему нужно; но что Западныя державы (къ которымъ Австрія, относительно этого предмета, присоединяется только отчасти, такъ какъ по ея мнѣнію, опасенія о нашихъ завоевательныхъ цѣляхъ очень преувеличаны),—видятъ въ существованіи нашего многочисленнаго флота постоянную гибель (peril) для Порты; а для нихъ самихъ и для всей Европы перспективу жертвъ, которыя отъ того послѣдуютъ; и потому было бы всего проще, если бы императоръ Александръ, по своей собственной иниціативѣ и по собственной своей волѣ, предложилъ Европѣ средство, которое избавило бы ее отъ необходимости прибѣгать для ея успокоенія къ изысканію другихъ какихъ-либо мѣръ». Затѣмъ графъ Буоль сказалъ, что подобное рѣшеніе наиболѣе согласовалось бы съ желаніями императора Франца-Іосифа,

[1]) Князь Горчаковъ, 12-го (24-го) марта, 1855, № 120. М. И. Д.

и привело бы къ общему миру и, по его словамъ, болѣе соотвѣтствовало бы интерасамъ Россіи, чѣмъ всѣ другія комбинаціи.— «Австрія, прибавилъ онъ, ни коимъ образомъ не обязана слѣдовать въ этомъ случаѣ за намѣреніями другихъ державъ».

Онъ допускалъ, что мы можемъ избрать другія какія-либо средства, чтобы способствовать преобладанію нашихъ силъ на Черномъ морѣ, но что отъ этого могутъ произойти осложненія, которыя отразятся и на общемъ положеніи дѣлъ и на нашихъ собственныхъ интересахъ.

— «Если же, сказалъ Буоль, императоръ Александръ возьметъ на себя инціативу дать ручательства, способныя успокоить Порту и ея союзниковъ, тогда и трактатъ 1841 года не подвергнется никакому пересмотру; проливы останутся закрытыми; Россія будетъ, на самомъ дѣлѣ, господствовать на Черномъ морѣ, потому что нѣсколько судовъ (bricks) при устьѣ Сулина, не могутъ ей служить къ тому препятствіемъ; тогда какъ иначе, Россія и Австрія испытаютъ важныя неудобства отъ предоставленія англичанамъ и французамъ права имѣть свои укрѣпленныя морскія станціи на турецкихъ и другихъ территоріяхъ».

— «Я вамъ повторяю, прибавилъ онъ еще, что вы имѣете полное право опредѣлить границы этому вопросу; но потрудитесь взвѣсить обстоятельства, которыя при этомъ могутъ отразиться на нашихъ общихъ интересахъ».

Изъ этого разговора князь Горчаковъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:—«войну между Россіей и Австріей нужно считать невозможной—это вопросъ рѣшенный. Но Австрія лишена возможности вступить въ какія-либо соглашенія съ Россіей, помимо своихъ союзниковъ».

«Я не могъ,—писалъ онъ,—удержаться, чтобы не сказать по этому поводу графу Буолю, что онъ самъ надѣлъ себѣ петлю на шею, на что онъ отвѣчалъ:

— «Франція и Англія, не имѣя возможности разсчитывать на матеріальную поддержку Австріи, не въ состояніи будутъ продолжать съ вами войну, съ разсчетомъ на успѣхъ; можетъ быть онѣ очистятъ Крымъ и прекратятъ враждебныя дѣйствія; но онѣ останутся противъ васъ на военномъ положеніи, и будутъ имѣть предлогъ занять Константинополь, откуда трудно ихъ будетъ выжить, особенно послѣ общаго мира, и чѣмъ болѣе мы будемъ терпѣть ихъ присутствіе тамъ, тѣмъ болѣе онѣ будутъ обживаться въ Константинополѣ; при настоящихъ же обстоятельствахъ вы не имѣете никакихъ средствъ заставить ихъ оттуда выйти».

Князь Горчаковъ сказалъ на это:

— «Малѣйшаго намека кого-либо изъ членовъ конференціи на судьбу нашего черноморскаго флота будетъ достаточно для того, чтобы возбудить съ нашей стороны рѣшительный отказъ принять

подобный вопросъ даже въ соображеніе». «Впрочемъ, прибавилъ князь Горчаковъ,—если на слѣдующей конференціи представители всѣхъ державъ, единогласно, предоставятъ императору Александру иниціативу къ пріисканію средства, могущаго успокоить Европу относительно нашего преобладанія на Черномъ морѣ, тогда только, я и мой товарищъ, примемъ такое желаніе Европы къ свѣдѣнію (ad referendum)».

Лучше всего князь Горчаковъ совѣтовалъ условиться по этому вопросу прямо съ Турціей и только съ нею одною.

Наступилъ день открытія 6-й конференціи, 14-го (26-го) марта. Въ этотъ самый день, еще до начала конференціи, князь Горчаковъ слѣдующимъ образомъ излагалъ свои оптимистическія надежды графу Нессельроде [1]):

«Здѣсь (въ Вѣнѣ) господствуютъ одни политическіе интересы. Будемъ и мы соображаться только съ нашими интересами, и да позволено мнѣ будетъ припомнить, что если эгоизмъ считается порокомъ и осуждается религіей и нравственностію, — то въ дѣлахъ государственнаго значенія онъ обращается въ добродѣтель, потому что это значитъ, ставить на первый планъ интересы своей страны. Я могу теперь сказать, что шансы войны между Австріей и Россіей, болѣе чѣмъ когда-либо невѣроятны. Графъ Буоль зашелъ далѣе и сказалъ мнѣ прямо—что такая война просто невозможна. Но что тѣмъ не менѣе, если конференціи не приведутъ къ общему миру, то Австрія по прежнему останется подъ ружьемъ, и что эта тяжесть оружія ее раздавитъ (l'ecraserait); въ финансовомъ отношеніи она погибнетъ невозвратно, и теперь зависитъ еще отъ насъ избѣжать этого результата безъ нарушенія обязательствъ, принятыхъ нами по 3 пункту».

Говоря о томъ, что англійское правительство не скрываетъ даже того, что въ настоящей войнѣ Франція имѣетъ первенствующее значеніе, а Англія принижена, князь Горчаковъ высказываетъ мысль, которую раздѣлялъ и графъ Буоль, что въ случаѣ необходимости очистить Крымъ, Наполеонъ — чтобы удовлетворить тщеславію французовъ, займетъ на долгое время Константинополь, подобно тому, какъ занялъ Анкону, и что иначе онъ рискуетъ своею личною судьбою.

«При такомъ положеніи вопроса,—говоритъ князь Горчаковъ,— Англія будетъ плохимъ союзникомъ Франціи, и я — не колеблясь, предложу: скрестивъ на груди руки, ожидать, когда исчерпаніемъ всего, относящагося до первыхъ двухъ пунктовъ — мы можемъ поставить Австрію, внѣ числа нашихъ противниковъ».

Князь Горчаковъ, заканчиваетъ свое посланіе оптимистическими словами:—«Россія выйдетъ изъ настоящей борьбы болѣе сильною чѣмъ когда-либо, и въ дѣйствительности, и въ общемъ мнѣніи».

---

[1]) Князь Горчаковъ, 14-го (26-го) мая, 1855, № 122. М. И. Д.

Жаль, что эти слова не оправдались!..

Едва на конференціи приступили къ обсужденію 3-го пункта, какъ представители Франціи и Англіи [1]) объявили, что имѣютъ инструкціи, не приступать къ 4-му пункту, если 3-й не будетъ установленъ окончательно; что по этому, отъ насъ зависитъ принятіемъ этого пункта, т. е. ограниченіемъ нашихъ правъ на Черномъ морѣ, направить дѣло прямо къ перемирію и затѣмъ довести его до мира. Тогда князь Горчаковъ сказалъ:

— «Господа, предисловіе къ вашей книгѣ составлено отлично; хочу вѣрить, что и содержаніе главъ будетъ ему соотвѣтствовать. Но когда дѣло идетъ о вопросахъ затрогивающихъ чувства и достоинства націи — то самая форма пріобрѣтаетъ иное, чѣмъ обыкновенно, значеніе, и каждое слово должно быть тщательно взвѣшено».

Опасаясь ставить открыто вопросъ объ ограниченіи нашего флота, графъ Буоль и другіе предложили, чтобы иниціатива рѣшенія вопроса по 3-му пункту исходила отъ императора Александра. Въ особенности это согласовалось съ желаніемъ Австріи, которая знала, что Россія не согласится допустить присутствіе англо-французскаго флота въ Черномъ морѣ, или права имѣть для него укрѣпленные пункты на берегахъ турецкой территоріи, что могло бы представлять для самой Австріи грозныя опасности въ будущемъ. Если же вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ по иниціативѣ Западныхъ державъ, и Россія должна будетъ принять ихъ рѣшеніе, то и Австріи не останется ничего болѣе, какъ подписать невыгодный для нея трактатъ.

Князь Горчаковъ заявилъ,—что приметъ къ свѣдѣнію вопросъ по 3-му пункту (ad referendum) и что долженъ испросить на него особыя указанія изъ Петербурга. Поступая такимъ образомъ, онъ полагалъ, что пока прибудетъ отвѣтъ изъ Петербурга, конференція займется обсужденіемъ 4-го пункта, касающагося христіанскаго населенія Порты.

Такъ какъ мы придавали этому вопросу особенное значеніе, то князь Горчаковъ надѣялся достигнуть соглашенія по этому пункту тѣмъ скорѣе, чѣмъ большее значеніе придавали наши противники 3-му пункту, потому что, желая установить его согласно своему взгляду, они не станутъ много спорить по пункту 4-му. Затѣмъ прибудетъ курьеръ изъ Петербурга, и по 3-му пункту можно будетъ спорить съ бóльшею самостоятельностію, такъ какъ всѣ остальные три пункта будутъ уже соглашены.

«Лордъ Руссель, — пишетъ князь Горчаковъ, — чрезвычайно озабоченъ необходимостью постановленія скорѣйшаго мира и именно сказалъ мнѣ:—«что возобновленіе войны, съ новымъ ожесточеніемъ,

[1]) Князь Горчаковъ, 16-го (28-го) марта, 1855, № 125. М. И. Д.

произведетъ во всей Европѣ такія превращенія, послѣдствія которыхъ даже опредѣлить невозможно, и не скрываетъ, что для самой Англіи это можетъ имѣть гибельные результаты».

Для ускоренія дѣла, предварительныя пренія по 3-му пункту начались до прибытія отвѣта изъ Петербурга и не предвѣщали для насъ ничего хорошаго. Графъ Буоль, начиная пренія по 3-му пункту, сказалъ,—что неограниченное преобладаніе нашего флота на Черномъ морѣ, во всякомъ случаѣ, безпокоитъ Европу и заставляетъ опасаться за цѣлость Турецкой имперіи; что, по этому было бы всего лучше, если бы Россія и Турція сами опредѣлили такое взаимное отношеніе своихъ морскихъ силъ, чтобы Европа могла остаться спокойною въ своихъ опасеніяхъ.

Буркеней и лордъ Руссель, раздѣляя мнѣніе графа Буоля, высказались въ томъ смыслѣ, что Европа должна имѣть прочное ручательство, гарантію, въ томъ, что преобладаніе русскихъ силъ на Черномъ морѣ фактически не будетъ угрожающимъ.

Какъ средство достигнуть этой гарантіи, Буркеней предложилъ образовать изъ Молдавіи и Валахіи особое независимое владѣніе съ 4.000,000 населенія, управляемое монархическимъ режимомъ, имѣя во главѣ лицо, принадлежащее къ одному изъ царствующихъ европейскихъ домовъ. Такое владѣніе было бы въ состояніи противиться силою завоевательнымъ стремленіямъ Россіи, если бы оно проявилось на Черномъ морѣ или на Дунаѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, державы должны гарантировать настоящее положеніе Сербіи, согласно дарованныхъ ей, и впредь даруемыхъ, султаномъ правъ.

Предложеніе это не встрѣтило поддержки ни со стороны графа Буоля, ни лорда Русселя, который—«былъ сконфуженъ, завидуя, что его упредили въ этомъ вопросѣ» [1]).

«Судя по холодной сдержанности графа Буоля [2]),—писалъ Титовъ,—можно было полагать, что Австрія не особенно довольна предложеніями Буркенея».

Титовъ сказалъ, что—«Россія не имѣетъ никакого прямого интереса противиться плану Франціи. Но еще не выяснилось—взвѣсили ли Англія и Франція всѣ послѣдствія настоящаго вопроса. Первое, что сюда относится—это будущность Сербіи. Весьма возможно, что видя новое положеніе, созданное для Молдаво-Валахіи, Сербія не станетъ довольствоваться своимъ настоящимъ положеніемъ. Меньшее, что сербы могутъ потребовать—это удаленіе турецкаго гарнизона изъ Бѣлграда и затѣмъ многое другое. Будетъ возбужденъ вопросъ о присоединеніи провинцій заселенныхъ сербами, и слабый Карагеоргіевичъ долженъ будетъ поддерживать эти стрем-

---

[1]) Титовъ, 15-го (28-го) марта, 1855, № 5. М. И. Д.

[2]) Тамъ же, М. И. Д.

ленія, опасаясь иначе пасть. Движеніе, возбужденное такимъ образомъ въ Сербіи, отразится въ Греціи и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ; и Австрія также ощутитъ на себѣ послѣдствія такого движенія».

Прокешъ въ частномъ разговорѣ съ Титовымъ сказалъ ему, что предложеніе Буркенея останется въ его портфелѣ, потому что еще на предварительныхъ совѣщаніяхъ, передъ открытіемъ конференцій, было условлено, что оба княжества останутся, относительно Порты—на основаніи прежнихъ постановленій, т. е. каждое княжество должно управляться отдѣльно.

«Вообще, говоритъ въ другомъ донесеніи своемъ Титовъ [1])— нужно отдать справедливость главѣ австрійскаго кабинета. Графъ Буоль употребилъ все стараніе, чтобы выполнить сказанное имъ князю Горчакову 12-го (24-го) марта, относительно ограниченія нашего значенія на Черномъ морѣ, и предоставить императору Александру иниціативу въ рѣшеніи этого вопроса».

Князь Горчаковъ, съ своей стороны, сказалъ, что принимаетъ все сказанное на конференціи ad referendum, и для отвѣта долженъ ожидать инструкцій изъ Петербурга.

Послѣ же засѣданія 6-й конференціи, какъ писалъ Титовъ въ съ своемъ донесеніи отъ 16-го (28-го) марта № 6,—«князь Горчаковъ, въ частномъ разговорѣ съ графомъ Буолемъ, сказалъ ему, что задачею 3-го пункта, относительно военныхъ силъ на Черномъ морѣ, является намѣреніе союзниковъ ввести Турцію въ систему европейскаго равновѣсія». Графъ Буоль отвергалъ сліяніе обоихъ этихъ вопросовъ, и сказалъ, что по его мнѣнію, осуществленіе одного изъ нихъ запутываетъ другой. Излагая дальнѣйшія подробности преній на 6-й конференціи, Титовъ говоритъ, что Буркеней ставилъ дѣло прямѣе, требуя прямо гарантій Европы въ неприкасновенности Турціи, но старался не произносить слова гарантія. Руссель, вмѣсто того, чтобы поддержать Буркенея, замѣтилъ съ ироніей, что это уже достигается трактатомъ 1841 года.

Въ вопросѣ о проливахъ, Буркеней предложилъ, хотя и съ замѣшательствомъ, нейтрализацію Чернаго моря. Князь Горчаковъ отвѣчалъ на это шутя, что онъ отказывается допустить,—«чтобы кто-нибудь могъ подумать, что все Черное море можетъ быть покрыто русскимъ военнымъ флагомъ, или, что наша роль ограничится на немъ однимъ полицейскимъ надзоромъ».

Наши уполномоченные доказывали, что относительно Чернаго моря можетъ быть принята только одна изъ двухъ системъ: du mare clausum, согласно добровольно (spontanée) принятому нами и Турціей опредѣленію размѣра своихъ черноморскихъ силъ; и le mare apertum,—съ предоставленіемъ Турціи права укрѣпляться

[1]) Титовъ, отъ 16-го (28-го) марта, № 6, М. И. Д.

на Черномъ морѣ и увеличивая тамъ свои силы, не касаясь вопроса о развитіи нашихъ силъ на этомъ морѣ.

Австрія скорѣе желала примѣненія первой системы, потому что, по смыслу послѣдней, Турція могла предоставить французамъ и англичанамъ право имѣть укрѣпленные пункты на своихъ берегахъ Чернаго моря, что могло грозить австрійской торговлѣ.

Лордъ Руссель также былъ расположенъ дать предпочтеніе системѣ du mare clausum, допускавшей извѣстную, опредѣленную силу нашего и турецкаго флота на Черномъ морѣ, почему и предложилъ опредѣлить эти силы въ размѣрѣ in status quo, т. е. въ нынѣшнемъ ихъ составѣ. Но такъ какъ весь нашъ черноморскій флотъ былъ затопленъ въ Севастопольской гавани, то на лицо не было никакого флота. Руссель расчитывалъ, что ему удастся поймать насъ въ эту ловушку, но ошибся въ разсчетѣ. Съ нашей стороны было заявлено, что, по случаю войны, невозможно привести въ извѣстность настоящія морскія силы на Черномъ морѣ, какъ для насъ, такъ и для Турціи, и что по этому, всего проще, обѣимъ этимъ державамъ слѣдуетъ вступить въ добровольное соглашеніе, и обоюдно опредѣлить будущій размѣръ своихъ силъ. Но Аарифъ-эффенди, этотъ жалкій дипломатъ, не понявъ своей выгоды дѣйствовать самостоятельно, заявилъ, что онъ не можетъ вступать съ Россіей ни въ какія соглашенія или переговоры, безъ участія въ нихъ Западныхъ державъ, вмѣсто того чтобы именно настаивать на этомъ правѣ, хотя бы и съ ихъ согласія.

Въ ожиданіи прибытія инструкцій изъ Петербурга, съ рѣшеніемъ по 3-му пункту, на слѣдующихъ конференціяхъ, 17-го (29-го) марта, 21-го марта (2-го апрѣля) и 28-го марта (9-го апрѣля), не обсуждалось ничего существеннаго; ограничивались выраженіемъ желанія получить скорѣе отвѣтъ изъ Петербурга, безъ чего не будетъ приступлено къ обсужденію 3-го пункта. Только лордъ Руссель сказалъ [1],—«что Порта прежде рѣшенія 3-го пункта могла бы вступить съ Россіей въ обсужденіе вопроса по 4-му пункту, и что она напрасно надѣется, что въ случаѣ непринятія 3-го пункта, 4-й пунктъ, безъ участія Россіи, будетъ рѣшенъ въ лучшемъ для нея (Порты) смыслѣ».

Испрашивая отвѣта изъ Петербурга, князь Горчаковъ, въ то же время, препроводилъ къ графу Нессельроде свой меморандумъ по этому вопросу [2].

Въ этомъ меморандумѣ своемъ онъ доказывалъ, что такъ называемое преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ есть послѣдствіе порядка, опредѣленнаго ея трактатами съ Портой, а не выражаетъ морского превосходства Россіи. Оно происходитъ отъ положенія

[1] Титовъ, отъ 21-го марта (2-го апрѣля).
[2] Князь Горчаковъ, отъ 15-го марта (6-го апрѣля), 1855. М. И. Д.

Порты вообще, а не отъ слабости ея морскихъ силъ, исключительно. Положеніе Порты создалось, независимо отъ Россіи, обстоятельствами, подобными возстанію Греціи, битвою при Наваринѣ и стремленіями Египта къ независимости. Слабость морскихъ силъ Порты, такимъ образомъ, не есть дѣло Россіи, которая никогда не ограничивала ея морскихъ силъ трактатами, предоставляя ей въ этомъ полную свободу своихъ мѣропріятій.

Владѣя такимъ проливомъ какъ Босфоръ, и крѣпостями въ родѣ Варны, Сезеполя, Бургаса, Требизонда—Порта имѣла полную возможность развить свои силы на Черномъ морѣ.

Если же ничего не предпринимала она въ видахъ обороны со стороны Чернаго моря, то это можно объяснить только тѣмъ, что опасалась нападенія совсѣмъ съ другой стороны, причемъ разсчитывала только на защиту со стороны Россіи.

Такъ было въ 1833 году—русскій флотъ неожиданно появился въ Босфорѣ, въ помощь султану, и по его просьбѣ.

Сверхъ того, русскій флотъ можетъ поднять на Черномъ морѣ всего отъ 10—12 тысячъ человѣкъ. Сила эта значительна только въ качествѣ союзника, но ничтожна въ качествѣ врага Турціи. Къ тому же, въ 1853 году, русскія суда употребили до 15 дней для посадки не болѣе 15 тысячъ человѣкъ, предназначенныхъ къ перевозкѣ изъ Севастополя въ Редутъ-Кале. При всѣхъ своихъ усиліяхъ, русскій флотъ не можетъ поднять болѣе 20,000 человѣкъ, употребивъ на посадку не менѣе трехъ недѣль.

«Съ этой ли стороны,—говорится въ меморандумѣ, — грозитъ опасность для Порты? Оправдываетъ ли это опасеніе на счетъ преобладанія морскихъ силъ Россіи? Вызываетъ ли это мѣры, исключительно направленныя противъ морского преобладанія Россіи?

«Слѣдуя по избранному пути, не рискуютъ ли, не достигнуть предположенной цѣли и принести въ жертву призрачной опасности,— условія равновѣсія, столь необходимаго для безопасности Востока, и общаго спокойствія Европы?»

Переходя къ дальнѣйшимъ выводамъ, въ случаѣ ограниченія русскаго флота на Черномъ морѣ, князь Горчаковъ доказывалъ, что подобное ограниченіе можетъ быть только вредно для самой Турціи и по отношенію къ европейскому равновѣсію.

«Истинная опасность для Порты, — говоритъ онъ, — являлась не съ сѣвера, а съ другихъ сторонъ. Мы знаемъ даже одного адмирала турецкаго, присоединившаго свой флотъ къ врагамъ султана. Кто можетъ поручиться, что ничто подобное не можетъ повториться? Къ тому же англійскій и французскій флоты, взятые даже отдѣльно каждый, конечно будутъ не менѣе опасны и сильны чѣмъ русскій.

«Если морскія учрежденія этихъ державъ болѣе отдалены отъ владѣній Порты, то это только можетъ ослабить европейскій надзоръ за ихъ образомъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, флоты эти,

отдѣльно или коллективно, могутъ прибыть на помощь Турціи одновременно съ русскимъ флотомъ, если бы Россія угрожала Портѣ нападеніемъ съ моря; или же флоты эти могутъ явиться въ Турціи въ качествѣ ея враговъ. Угрозы подобнаго рода, сдѣланныя со стороны Лавалета и англичанъ, неожиданно появлявшихся подъ самыми стѣнами Константинополя, ясно доказываютъ, что ослабленіе русскихъ силъ на Черномъ морѣ можетъ быть крайне пагубно для Турціи и грозитъ равновѣсію Европы, въ случаѣ покушеній подобнаго рода».

Графъ Нессельроде одобрилъ этотъ меморандумъ, и князь Горчаковъ высказался согласно въ немъ изложенному, когда вновь былъ возбужденъ объ этомъ вопросъ на конференціяхъ.

На 10-й конференціи 5-го (17-го) апрѣля впервые приняли участіе вновь прибывшіе уполномоченные Франціи—Друэнъ-де-Люисъ и Турціи—Аали-паша, принявшіе на себя главное представительство своихъ дворовъ.

Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, что скажетъ на этой конференціи князь Горчаковъ, такъ какъ было извѣстно, что ожидаемый имъ изъ Петербурга отвѣтъ относительно предложеній Россіи, по вопросу объ ограниченіи ея вліянія на Черномъ морѣ, уже полученъ.

Но князь Горчаковъ заявилъ только, что Россія не находитъ удобнымъ принять на себя инициативу въ вопросѣ, направленномъ противъ ея могущества, и что онъ можетъ только одобрить высказанную лордомъ Русселемъ, на конференціи 14-го (26) марта, мысль, что лучшимъ средствомъ достигнуть мира—является условіе, чтобы миръ этотъ былъ согласованъ съ достоинствомъ Россіи и въ должной мѣрѣ служилъ бы Европѣ обезпеченіемъ отъ повторенія въ будущемъ настоящихъ компликацій.

Друэнъ-де-Люисъ выразилъ по поводу этого заявленія сожалѣніе, что собравшіеся на конференцію напрасно прождали 18 дней отвѣта, въ сущности ничего не говорящаго.

Онъ доказывалъ, что никто не намѣренъ посягать на державныя права русскаго государя, и что запрещеніе увеличивать, безъ всякаго ограниченія, наши силы на Черномъ морѣ, не представляетъ подобнаго посягательства.

Князь Горчаковъ отвѣтилъ на это, что Россія не приметъ на себя никакого подобнаго ограниченія въ развитіи своихъ силъ, если оно будетъ выражено въ формѣ трактата или иного письменнаго обязательства.

Лордъ Руссель замѣтилъ, что его очень удивляетъ отказъ Россіи принять на себя инициативу въ рѣшеніи вопроса, не только не затрогивающаго ея національнаго достоинства, но который именно и было предоставлено рѣшить ей самой, чтобы достоинство ея не было затронуто.—«Исторія представляетъ, — сказалъ онъ, — много

примѣровъ, что великіе и славные монархи соглашались на нѣкоторыя ограниченія своихъ правъ, имѣя въ виду положить конецъ пролитію крови, или въ видахъ предупрежденія возможности ея пролитія. Франція при Людовикѣ XIV, Великобританія и Соединенные Штаты Америки представляютъ примѣры подобныхъ добровольно принятыхъ ограниченій».

Князь Горчаковъ возразилъ на это, что первоклассная держава никогда не принимаетъ подобныхъ ограниченій, иначе какъ послѣ сильнаго пораженія, а Россія еще не находится въ такомъ состояніи.

Тогда Друэнъ-де-Люисъ сказалъ, что было бы всего лучше, вовсе не касаться вопроса о томъ, что собственно составляетъ національное достоинство или честь страны?—«Съ того времени,— замѣтилъ онъ,—какъ какое-нибудь рѣшеніе принято, по взаимному согласію,—тѣмъ самымъ устраняется и самый вопросъ о посягательствѣ на чью-либо честь или державныя права».

Прибытіе Друэнъ-де-Люиса на Вѣнскія конференціи съ своими проектами по вопросу о нашемъ Черноморскомъ флотѣ должно было придать этому вопросу особенно жгучій характеръ.

Въ самомъ Люисѣ произошла, за послѣдніе два мѣсяца, рѣзкая перемѣна во взглядѣ на Восточный вопросъ. Еще 8-го (20-го) января 1855 г. онъ писалъ изъ Парижа въ Вѣну, къ Буркенею:

«Когда одерживаютъ побѣду надъ своимъ противникомъ, то остерегаются нанести униженіе его достоинству, если не рѣшаются въ то же время окончательно лишить его возможности враждовать. Поэтому было бы лучше придать настоящей борьбѣ значеніе простого военнаго спора между императоромъ Николаемъ и нами, и какъ только онъ признаетъ превосходство нашихъ боевыхъ средствъ — не требовать отъ него больше никакихъ условій. Дѣйствуя такимъ образомъ, наше безкорыстіе, по крайней мѣрѣ, не пропадетъ даромъ. Въ будущихъ, возможныхъ политическихъ осложненіяхъ въ Европѣ, между нами и Россіей не будетъ существовать никакой систематической вражды; и если когда-либо политика Россіи можетъ быть связана съ нашею политикою—то своимъ настоящимъ поведеніемъ мы увеличимъ шансы такого сближенія. Я буду совѣтовать императору Наполеону остановиться на самыхъ легкихъ условіяхъ мира, и протянуть императору Николаю руку, какъ только наша военная честь будетъ удовлетворена».

Взглядъ этотъ Друэнъ-де-Люиса, о наименьшихъ отъ насъ требованіяхъ, совпадалъ съ наибольшими неудачами союзниковъ въ Крыму, въ теченіе зимы 1855 г. Приходилось напускнымъ великодушіемъ прикрывать свои дѣйствительныя неудачи, и заботиться только о сохраненіи своей военной чести. Когда же критическій моментъ миновалъ, Друэнъ-де-Люисъ, еще въ мартѣ 1855 года, составилъ подробный проектъ ограниченія нашихъ силъ на Черномъ морѣ. Проектъ этотъ, одобренный Наполеономъ, Друэнъ-де-Люисъ

повезъ въ Лондонъ, гдѣ и заручился, въ главныхъ чертахъ, согласіемъ на него королевы Викторіи и одобреніемъ ея министровъ. Съ этимъ проектомъ теперь Друэнъ-де-Люисъ и явился на Вѣнскія конференціи.

Сущность этого проекта состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы Черное море было объявлено нейтральнымъ, т. е. свободнымъ для плаванія по немъ судовъ всѣхъ націй, и предназначалось, исключительно, для торговыхъ цѣлей, почему на немъ не должно быть никакихъ укрѣпленій и военныхъ судовъ. Поэтому: 1) ни Россія, ни Турція не должны имѣть на Черномъ и Азовскомъ моряхъ военныхъ судовъ. 2) Порты обѣихъ этихъ державъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ будутъ предназначены, единственно, для коммерческихъ цѣлей. 3) Ни одна изъ двухъ пограничныхъ державъ не можетъ собирать близъ своихъ границъ войскъ, могущихъ угрожать безопасности другой державы. 4) Союзныя государства—Франція, Англія и Австрія будутъ имѣть право ввести свои морскія силы въ проливы, ведущіе въ Черное море, если поставленные трактаты будутъ нарушены Россіей или Турціей.

Понятно, что такой проектъ былъ особенно охотно принятъ въ Лондонѣ, такъ какъ онъ отдавалъ всю черноморскую торговлю, на вѣчныя времена, въ руки Англіи. Но такъ какъ проектъ этотъ былъ выгоденъ, преимущественно, для Англіи и затѣмъ для Франціи, какъ коммерческой державы, но не выгоденъ для Австріи, которой приходилось теперь соперничать съ Западомъ по торговлѣ на Черномъ морѣ, то Друэнъ-де-Люисъ заготовилъ и другой проектъ, опредѣлявшій простое ограниченіе нашихъ силъ на Черномъ морѣ.

Съ этимъ предложеніемъ Друэнъ-де-Люисъ и выступилъ на 11-й конференціи 7-го (19-го) апрѣля. Онъ доказывалъ, что для европейскаго равновѣсія необходимо лишить Россію преобладающаго вліянія на Черномъ морѣ, и для того нужно тамъ ограничить ея боевыя силы. Такъ какъ въ настоящее время союзники фактически владѣютъ Чернымъ моремъ, и будутъ владѣть имъ пока не прекратится война, то для прекращенія ея Россіи остается только принять тѣ требованія, которыя ей будутъ заявлены союзниками по вопросу о Черномъ морѣ. Этимъ Россія отдастъ только должное значеніе существующимъ обстоятельствамъ. Съ своей стороны союзники установятъ, что принятіе Россіей требуемыхъ отъ нея условій вполнѣ согласуется съ ея достоинствомъ.

Лордъ Руссель доказывалъ также необходимость ограниченія русскихъ силъ на Черномъ морѣ, безъ чего Европа, установившая цѣлость Турецкой имперіи, будетъ находиться въ постоянномъ опасеніи на счетъ безопасности этой цѣлости. Что же касается до неприкосновенности военнаго достоинства Россіи — «то арміи атакующія и обороняющія Севастополь, сказалъ Руссель, въ равной мѣрѣ покрыли себя боевой славой, и въ равной мѣрѣ могутъ гордиться своими подвигами».

Относительно графа Буоля можно сказать, что онъ хотѣлъ угодить всѣмъ, и потому не угодилъ никому. Онъ сказалъ, что, вообще, вопросъ объ обязательномъ, принудительномъ ограниченіи силъ какой бы то ни было державы, есть посягательство на ея державныя права. Но Черное море, есть внутреннее море между Россіей и Турціей; поэтому, если не допускать завоевательныхъ цѣлей ни съ той ни съ другой стороны, то ограниченіе можетъ быть принято добровольно, чтобы доказать, что не имѣется въ виду никакихъ наступательныхъ цѣлей.

Князь Горчаковъ спросилъ тогда прямо графа Буоля: «Въ случаѣ если Россія не согласится добровольно ограничить свои силы,— будетъ ли Австрія требовать отъ нея, принудительно, такого ограниченія?»

Графъ Буоль не рѣшился дать на это прямого отвѣта, а сказалъ, что теперь вопросъ обсуждается только въ принципѣ; что же до того, какъ придется дѣйствовать Австріи въ случаѣ отказа Россіи, то это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія императора Франца-Іосифа.

«На 11-й конференціи, доносилъ Титовъ [1]), англо-французы оказали себя столько же агрессивными, какъ и малодушные, чтобы не сказать предательскіе, министры Австріи».

Еще до открытія этой конференціи, по рукамъ ходила записка, составленная Друэнъ-де-Люисомъ, съ предложеніемъ:

«Чтобы уполномоченные Россіи и Порты приняли наличное число своихъ судовъ въ Черномъ морѣ за норму, для взаимнаго руководства. Обоюдное согласіе на это будетъ заявлено конференціи и на ней подписано договаривающимися, при чемъ получитъ силу и будетъ имѣть значеніе трактата».

Такое предложеніе было безсмыслицей, потому что наличныхъ судовъ нашихъ на Черномъ морѣ не было, такъ какъ весь нашъ флотъ былъ затопленъ нами подъ Севастополемъ. Поэтому на конференціи не былъ даже и поднятъ вопросъ объ этомъ предметѣ. Не смотря на то, графъ Буоль внесъ предложеніе Друэна-де-Люиса въ протоколъ [2]).

Съ 11-й конференціи уже можно было сказать, что переговоры не приведутъ къ замиренію. Князь Горчаковъ обратился къ графу Буолю послѣ засѣданія, и имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Онъ указывалъ на то, что императоръ Францъ-Іосифъ ясно объявилъ ему, лично, что не согласится ни на какое ограниченіе державныхъ правъ Россіи.[3])

— «Позвольте мнѣ,—сказалъ графъ Буоль,—считать себя един-

---

[1]) Титовъ, отъ 8-го (20-го) апрѣля, 1855.

[2]) Титовъ, 10-го (22-го) апрѣля, 1855 № 15. М. И. Д.

[3]) Князь Горчаковъ, отъ 7-го (19-го) апрѣля, 1855, № 158. М. И. Д.

ственнымъ органомъ моего императора, и согласоваться только съ внушеніями, прямо и непосредственно дѣлаемыми мнѣ лично его величествомъ».

— «Прежде всего,—отвѣтилъ князь Горчаковъ,—вы не станете опровергать того, что императоръ Францъ-Іосифъ есть глава въ направленіи политики Австріи, и что ежели представитель иностранной державы имѣлъ счастіе получить, изъ его собственныхъ устъ, извѣстныя увѣренія, то въ подтвержденіи ихъ онъ не имѣетъ надобности обращаться къ его министру. Все, что предоставляется въ подобныхъ случаяхъ министру—это справиться у своего государя—правильно ли поняты или пересказаны его слова. Въ разговорѣ, которымъ удостоивалъ меня императоръ Австрійскій, я не ограничивался, вовсе, какими-нибудь неопредѣленными, лишь общее значеніе имѣющими, предметами. Напротивъ, я прямо и ясно говорилъ императору, что державныя права моего государя будутъ затронуты, если отъ насъ будутъ требовать, или обязательства, не возобновлять Севастополя, если онъ падетъ, или ограниченія нашихъ силъ, или уступки части нашей территоріи,—и императоръ Францъ-Іосифъ отвѣчалъ мнѣ,—что никогда онъ не поддержитъ своимъ именемъ подобнаго рода требованій. Но мнѣ нѣтъ даже надобности ссылаться на императора. Вы сами, во многихъ случаяхъ, дѣлали мнѣ подобныя же заявленія и даже болѣе, вы утверждали это письменно, въ одной изъ депешъ къ графу Эстергази».

Графъ Буоль не зналъ, что отвѣтить и только пробормоталъ:— «Австрія останется всегда вѣрна своимъ обязательствамъ.» Затѣмъ онъ прибавилъ:—«Согласитесь, что вы не справедливы: вы горячо слѣдуете политикѣ интересовъ, а требуете, чтобъ другіе руководствовались одними только чувствами».

— «Это упрекъ,—отвѣчалъ князь Горчаковъ,—который я всего менѣе ожидалъ услышать отъ васъ по адресу Россіи. Вы забыли вашу собственную исторію. Я не хочу касаться 1849 года, какъ вопроса слишкомъ еще свѣжаго; не хочу также обращаться и къ событіямъ болѣе отдаленнымъ. Ограничусь тѣмъ, что произошло за время, съ котораго я началъ заниматься общественными дѣлами. Въ 1820 году, когда революція, проявившаяся въ Піемонтѣ, слившись съ возстаніемъ, начавшимся въ Неаполѣ, грозила вашему положенію въ Италіи—корпусъ русскихъ войскъ, по приказанію императора Александра I, былъ посланъ вамъ на помощь... причемъ тутъ русскіе интересы? Послѣ того, когда нашими усиліями мы помѣшали возникновенію войны между вами и Пруссіей—это тоже, во имя нашихъ, исключительно, интересовъ? Я могъ бы умножить подобные примѣры до безконечности, еслибы перешелъ къ эпохамъ болѣе отдаленнымъ; но мнѣ кажется, что и сказаннаго уже достаточно, и мнѣ остается только ожидать, что вы, въ свою очередь, укажете мнѣ на нѣчто подобное съ вашей стороны».

Но графъ Буоль молчалъ.

«Я приведу дѣло къ такому положенію, писалъ князь Горчаковъ, что или императоръ Францъ-Іосифъ долженъ будетъ самъ обличать себя, или отрицать своего министра».

Оба дипломата, однако, разстались, по наружности, друзьями, и графъ Буоль обѣщалъ «употребить всѣ свои усилія, чтобы ограничить притязанія Западныхъ державъ».

Но не смотря на это обѣщаніе, на слѣдующей же конференціи графъ Буоль держалъ себя такъ, что князь Горчаковъ долженъ былъ обратить вниманіе императора Франца-Іосифа на ту «измѣну (perfidie), съ которою графъ Буоль, вопреки взглядамъ выраженнымъ его величествомъ, искажаетъ (dénature) характеръ конференцій».

Вообще, во всемъ, что касалось Австріи, князь Горчаковъ не могъ остановиться ни на какомъ опредѣленномъ взглядѣ.

«Положеніе становится все болѣе и болѣе важнымъ,—писалъ онъ 2-го (14-го) апрѣля [1].—Говорятъ, что подписана уже военная конвенція. Нужно, чтобы Австрія потребовала относительно нашего флота status quo ante bellum, придавъ этому значеніе ultimatum'a и casus belli».

А 12-го (24-го) апрѣля онъ уже доносилъ, что сомнѣвается, чтобы военная конвенція была Австріей подписана, и что предположеніе о сосредоточеніи австрійской арміи отмѣнено, такъ какъ Брукъ не могъ дать требуемыхъ для того 16 милл. флориновъ.

За четыре же дня передъ тѣмъ, онъ писалъ графу Нессельроде: «Я все еще сомнѣваюсь [2]), чтобы между нами и Австріей началась война, но я смѣялся бы надъ своими обязанностями, если бы сталъ утверждать, съ полною увѣренностію, противное. Слѣдуя за ходомъ этихъ утомительныхъ (penibles) переговоровъ, ваше превосходительство могли убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, для которыхъ, ни торжественное обѣщаніе, ни существенные интересы государства, не могутъ служить гарантіей. Если изъ всего этого выйдетъ война—наша совѣсть останется чистою, и руки не запачканными кровью, которая прольется».

«Богу угодно было, чтобы я,—продолжаетъ князь Горчаковъ,—въ теченіе 10 мѣсяцевъ сдерживалъ колесницу, которую страсти влекли въ пропасть. Мнѣ кажется, что я сдѣлалъ все человѣчески возможное».

А. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Князь Горчаковъ, отъ 2-го (14-го) апрѣля, 1855, № 155.

[2]) Тоже, отъ 8-го (20-го) апрѣля, № 162.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ[1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

VII.

Исторія русской журналистики.—Указатели журнальныхъ статей.—Еженедѣльная газета въ 1847—1848 годахъ.—Неблагопріятныя условія, мѣшавшія успѣху «Литературной Газеты».—Ошибки редакціи.—Преобладаніе въ газетѣ научныхъ статей и библіографіи.—Читатели и сотрудники.—Мих. Илар. Михайловъ.—Двадцатипятилѣтняя годовщина его смерти.—Н. Д. Хвощинская и ея мнѣнія о поэзіи и искусствѣ.—«Московскій Городской Листокъ».—Стихи императрицы Елисаветы Петровны.—Журнальная полемика.—Побасенка Ив. Андр. Крылова.—Продѣлки Булгарина.—Европейскія волненія 1848 года, отозвавшіяся въ Россіи.—Запрещеніе говорить о революціи.—Дурные слухи.—Цензурный переполохъ и невозможныя распоряженія.—Негласный комитетъ.—Цензоръ Елагинъ и прекращеніе «Литературной Газеты».—Холера и ея жертвы между писателями: Менцовъ, Аксель, Сорокинъ, Ефимовичъ.—Истомина и ея супругъ.—Смерть Песоцкаго и трехъ сотрудниковъ «Литературной Газеты».—Непростительный промахъ редакціи.—Излеріада и пародія на нее.—Ѳед. Алекс. Кони, какъ сатирическій поэтъ.

ИСТОРІЯ журналистики имѣетъ чрезвычайно важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Безъ нея немыслима полная и всесторонняя исторія литературы и невозможно рѣшеніе вопроса, какую роль играетъ журналистика въ общественной жизни; она важна кромѣ того для характеристики времени, то есть—явленій и лицъ этой жизни, современной науки и литературы. Безъ нея невозможна исторія критики—и даже исторія вообще». Этими словами начинаетъ С. Весинъ свои «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ», книгу серьезную, объемистую,

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL, стр. 93.

но какъ многія серьезныя книги оставленную безъ вниманія нашею критикою, а теперь и совершенно забытую, хотя не прошло еще и десяти лѣтъ со времени ея появленія. Такое равнодушіе нашей журналистики къ своей собственной исторіи не можетъ быть объяснено одними недостатками книги г. Весина. Въ ней дѣйствительно много пропусковъ, много неяснаго, недосказаннаго, но все-таки это единственная у насъ сколько-нибудь систематичная и обстоятельная исторія любопытной журнальной эпохи, которую мы знаемъ даже меньше, чѣмъ журналистику Екатерининскаго времени. Для оцѣнки журнальной дѣятельности XVIII столѣтія у насъ имѣется почтенный трудъ г. Неустроева, изслѣдованія Тихонравова, Буслаева, Пекарскаго и др., тщательная разработка періодическихъ изданій Новикова и его послѣдователей въ трудахъ Аѳанасьева; Ефремова, Лонгинова и др. Г. Весинъ разсказалъ журнальную исторію послѣднихъ годовъ царствованія Александра I и первыхъ—Николая I, но дальше, начиная съ сороковыхъ годовъ, у насъ уже нѣтъ никакихъ историческихъ очерковъ нашей журналистики, хотя матеріаловъ для нея не мало въ разныхъ мемуарахъ, указателяхъ періодическихъ изданій, критическихъ обзорахъ главнѣйшихъ журналовъ и отчетовъ за отдѣльные года. Но все это отрывочно, не полно, не систематично, разбросано въ сотняхъ книгъ— а между тѣмъ г. Весинъ совершенно основательно замѣчаетъ, что ни исторія литературы, ни даже исторія общественной жизни, въ данное время не мыслима безъ исторіи журналистики. Составленію ея могли бы содѣйствовать редакторы отдѣльныхъ журналовъ, издавая хотя бы одни толковые указатели (catalogue raisonné) за извѣстный промежутокъ времени. Къ сожалѣнію, и такихъ каталоговъ имѣется у насъ за послѣднее время только одинъ—для «Русской Старины», а редакторъ «Русскаго Архива» долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія издать указатель за 25-тилѣтнее существованіе своего журнала, такъ какъ между его читателями не набралось и сотни лицъ, пожелавшихъ узнать, что̀ печаталось въ теченіе четверти вѣка въ нашемъ старѣйшемъ историческомъ органѣ. Но если у насъ имѣются хотя и не полные указатели ежемѣсячныхъ журналовъ, какъ «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія» и др., то указателей для изданій еженедѣльныхъ не существуетъ вовсе, не говоря уже о газетахъ. Только одинъ «Голосъ» печаталъ въ концѣ каждаго года систематическій перечень своихъ главнѣйшихъ статей и издалъ такой же указатель по истеченіи 15-ти лѣтъ своего существованія, отдѣльною книгою. Но если ежедневный органъ важенъ болѣе для политической и гражданской исторіи, органы ежемѣсячные и еженедѣльные важны для исторіи литературы и, передавъ содержаніе перваго театральнаго журнала сороковыхъ годовъ—«Театральной Лѣтописи», погибшей на восьмомъ нумерѣ, я считаю не лишнимъ разсказать

вкратцѣ—исторію двухлѣтняго существованія «Литературной Газеты», тѣмъ болѣе, что годы, когда она выходила въ свѣтъ, принадлежали къ любопытной эпохѣ нашего общественнаго движенія—назадъ.

Первый нумеръ «Литературной Газеты» вышелъ въ четвергъ, 2-го января 1847 года, безъ имени редактора и издателя, за то съ подписью двухъ цензоровъ: А. Очкина и А. Крылова. Вѣроятно для публики было гораздо важнѣе и интереснѣе знать, кто цензируетъ газету, а кто ее составляетъ, и кто ручается за ея акуратное появленіе—кому было дѣло до этого? Имя новаго редактора было конечно мало извѣстно въ журнальномъ мірѣ и выставлять его не было особенной надобности, но имя издателя все-таки могло служить нѣкоторою гарантіею для публики, что принятыя имъ на себя обязательства будутъ выполнены. Это было тѣмъ необходимѣе, что въ 1846 году «Литературная Газета» вышла только въ количествѣ семи нумеровъ, за смертію ея редактора—Н. А. Полевого. Конечно, смерть освобождала редактора отъ всѣхъ его отношеній къ читателямъ, но они все-таки не получили сорока пяти нумеровъ газеты—и это обстоятельство не могло не имѣть вліянія на подписку 1847 года. Началась она вообще подъ весьма неблагопріятными условіями: форматъ газеты въ три столбца неуклюжій, бумага сѣрая, типографія Жернакова—плохая, въ самомъ распредѣленіи отдѣловъ допущена большая несообразность: литературная газета начиналась съ рубрики наукъ и еще съ такого предмета, который очень мало интересовалъ нашу публику—съ открытія Медлеромъ центральнаго солнца. М. Неваховичъ имѣлъ полное основаніе нарисовать въ своей карикатурѣ господина, бросающаго нумеръ съ изображеніемъ этого солнца и говорящаго: «надо по крайней мѣрѣ употребить на свое образованіе 160,000 рублей серебромъ, чтобы вполнѣ оцѣнить «Литературную Газету». И за удовольствіе читать подобныя статьи съ публики взималось тринадцать рублей серебромъ, то есть тремя рублями дешевле ежедневныхъ и ежемѣсячныхъ изданій. Правда, при такой цѣнѣ изданіе окупалось семьювосемью стами подписчиковъ, но ихъ не было, при появленіи газеты, и пятисотъ и тотъ же карикатуристъ, въ первомъ листѣ своего альбома, приложеннаго къ газетѣ, представилъ Песоцкаго, поздравляющаго «своихъ подписчиковъ» съ новымъ годомъ, но на рисункѣ подписчикъ былъ всего одинъ. Какъ ни изворотливъ былъ Песоцкій, но, при недостаткѣ средствъ, не могъ дѣлать никакихъ затратъ на изданіе, въ чаяніи будущихъ благъ и не выставилъ своего имени подъ газетою какъ издатель потому, что въ предъидущемъ году не додалъ подписчикамъ пяти книжекъ «Репертуара» и послѣднюю, седьмую книгу разослалъ только въ началѣ 1847 г., что засвидѣтельствовалъ и Неваховичъ на другомъ рисункѣ, гдѣ былъ изображенъ Песоцкій, ѣдущимъ въ саняхъ съ огромною кни

гою подъ мышкою; внизу была подпись: «іюльская книжка «Репертуара» ожидала для появленія въ свѣтъ только перваго зимняго пути».

Такимъ образомъ на успѣхъ газеты, хотя у нея не было другихъ еженедѣльныхъ конкурентовъ, расчитывать было нельзя, особенно при возростающемъ успѣхѣ «Отечественныхъ Записокъ», при изданіяхъ, хотя съ противоположнымъ направленіемъ, какъ «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для Чтенія», но имѣвшихъ свой значительный кругъ читателей. Надобно было сдѣлать «Литературную Газету» органомъ читателей, не получавшихъ высшаго и спеціальнаго образованія, а ихъ угощали съ первыхъ же нумеровъ астрономическими и химическими формулами. Не мудрено, что число подписчиковъ не увеличивалось, но не смотря на это редакторъ продолжалъ работать усердно и, при невозможности имѣть сотрудниковъ съ громкими именами, составлялъ почти одинъ нумера газеты, обращая преимущественно вниманіе на критическій отдѣлъ и знакомя читателей съ новостями иностранной литературы. Въ первый же годъ газета отдала отчетъ обо всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ книгахъ, появившихся въ то время (570 рецензій), кромѣ четырехъ большихъ статей въ отдѣлѣ критики, о стихотвореніяхъ Плещеева, Вердеревскаго, переводѣ «Донъ-Жуана» Любича-Романовича и въ особенности о книгѣ Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Въ трехъ нумерахъ газеты подробно разобраны всѣ двадцать пять статей, составляющихъ эту странную книгу, и критикъ даже теперь ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ, прежде Бѣлинскаго и Павлова, указалъ на слабыя, нелогичныя стороны этихъ статей, на упадокъ таланта великаго писателя, ясно выразившійся въ этой книгѣ. «Общій голосъ—говорилось въ заключеніе разбора—произнесъ свой приговоръ надъ этою книгою—и конечно не въ пользу Гоголя. Къ литературѣ и къ имени автора она ничего не прибавляетъ. На каждой страницѣ видно, какъ выражается самъ авторъ, что выдержки эти писаны въ «принужденномъ» состояніи. Туманность, безотчетность и парадоксальность мыслей въ ней изумительны». Критика оканчивается цитированіемъ самого Гоголя, говорящаго о безцѣльности и безполезности подобныхъ выдержекъ. «Пріятель нашъ имѣетъ обыкновеніе, отрывши какія ни попало строки извѣстнаго писателя, тотчасъ же тиснуть ихъ въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестію его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ: «надѣемся, что читатель и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоцѣнныхъ строкъ; въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства». Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ, но потомство плюнетъ на эти драгоцѣнныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что уже извѣстно». Перечитывая теперь эту цитату,

гдѣ вѣрная мысль облечена въ неуклюжія выраженія (къ чему тутъ напримѣръ «бездушное повтореніе?»), удивляешься, какъ даровитый авторъ не примѣнилъ ее къ выдержкамъ изъ своей собственной переписки съ друзьями.

За невозможностью пріобрѣтать оригинальныя произведенія, вниманіе редактора было обращено въ особенности на иностранную литературу. Ни одно изъ тогдашнихъ замѣчательныхъ произведеній западной Европы не оставлено безъ оцѣнки. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ большихъ статьяхъ разсмотрѣно направленіе европейской литературы, состояніе англійской поэзіи, состояніе журналистики Германіи и произведенія ея семнадцати поэтовъ, характеристики французскихъ романистовъ: Бальзака, Сулье и др., этюды Шекспира въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ, Теннисона, Бульвера, Байрона, Петрарки, братьевъ Шлегелей, Ржевускаго, послѣднія разъисканія о Гомерѣ и его поэмахъ, о Сафо и пр. Въ отдѣлѣ словесности помѣщены переводы изъ Виктора Гюго, «Цикута» Эмиля Ожье, «Діогенъ» Феликса Піа, «Записки Донъ-Жуана» Мальфиля, повѣсти Нодье, Гозлана, Жюль-Жанена. Отдѣлъ наукъ, болѣе всего стоившій труда редактору—популяризовать отвлеченныя знанія—менѣе всего интересовалъ публику, хотя газета говорила обо всѣхъ научныхъ вопросахъ того времени: объ открытіи Медлера, о новѣйшей теоріи воздуха, изобрѣтеніи гремучей ваты, о развитіи метаморфозъ при помощи химическихъ уравненій, объ археологическихъ раскопкахъ въ Ниневіи, объ открытіи сѣрнаго эѳира и хлороформа. На все это не обращалось вниманія и, судя по письмамъ, получаемымъ въ редакціи, въ отдѣлѣ наукъ, читались только біографіи ученыхъ и историческихъ лицъ: Парацельса, Гумфри Деви, Берліоза, Шеля; Каталины де Эраузо, Ришелье и пр.

Особенно была богата газета стихотвореніями и съ первыхъ же нумеровъ познакомила публику съ поэтомъ, дарованіе котораго было такъ блестяще, а судьба такъ печальна. Въ началѣ марта въ редакцію явился студентъ Петербургскаго университета, въ мундирѣ съ синимъ воротникомъ и золотыми петлицами, и принесъ нѣсколько стихотвореній, которые были напечатаны въ 11-мъ № газеты. До конца года молодой поэтъ помѣстилъ до 80-ти пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ изъ Гейне, Шенье, Мосха, изъ антологіи. Кромѣ того, была напечатана его повѣсть «Дуняша» и этюдъ изъ исторіи древней литературы: «Сафо и Лезбосскія гетеры». Это былъ Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ, сынъ чиновника горнаго вѣдомства, начальника одного изъ казенныхъ заводовъ на Уралѣ, и киргизской княжны. Восьмнадцати лѣтъ пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ, но увлекся страстью къ литературѣ и вскорѣ же пересталъ посѣщать лекціи. Съ перваго появленія въ кругу литературной петербургской молодежи Михаилъ Иларіоновичъ пріобрѣлъ ея любовь и всеобщую

симпатію. Добродушный, восторженный, увлекающійся, онъ всегда былъ готовъ жертвовать собою для другихъ, для тѣхъ идей, которыя онъ считалъ справедливыми и гуманными. Онъ имѣлъ большой успѣхъ и у женщинъ, не смотря на свою наружность, напоминавшую его киргизское происхожденіе. Сильный брюнетъ, онъ отличался мертвенною блѣдностью лица, пробивавшеюся сквозь смуглую кожу, и рѣдко встрѣчающимся физическимъ недостаткомъ: атрофіею мускуловъ вѣкъ, не позволявшею ему поднимать глаза вверхъ. Его вѣчно опущенныя рѣсницы, какъ у слѣпыхъ, производили странное впечатлѣніе, усиливавшееся отъ непріятнаго, глухого тембра его голоса, но всѣ эти недостатки забывались въ его увлекательной, симпатичной бесѣдѣ. Въ «Литературной Газетѣ» Михайловъ работалъ до ея прекращенія въ 1849 году и тогда же переселился въ Нижній Новгородъ на службу, а помѣщать свои стихи и повѣсти началъ въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ», гдѣ явилась первая, возбудившая впечатлѣніе, повѣсть его «Адамъ Адамовичъ». Но служебная карьера поэта продолжалась всего три года; долѣе онъ не могъ ужиться съ ея формалистикой и дисциплиной и въ началѣ 1852 года вернулся въ Петербургъ, гдѣ поселился окончательно, пристроившись въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, явились: лучшій романъ его «Перелетныя птицы», въ четырехъ частяхъ, пять повѣстей и еще трехтомный романъ «Марья Ивановна», кромѣ многихъ переводныхъ стихотвореній. Вообще, какъ переводчикъ иностранныхъ поэтовъ, онъ завоевалъ себѣ первое мѣсто и въ этомъ родѣ произведеній съ нимъ можетъ стать наравнѣ развѣ только одинъ Мей, по звучному стиху и вѣрной до мелочей передачѣ всѣхъ особенностей подлинника, духомъ котораго вполнѣ проникались оба поэта. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» Михайловъ сотрудничалъ до 1855 года, потомъ перешелъ въ «Современникъ», гдѣ помѣщалъ, впрочемъ, и прежде стихи и разсказы,—и продолжалъ работать въ этомъ журналѣ до катастрофы, прекратившей литературное поприще поэта въ 1861 году. Здѣсь онъ помѣстилъ свою лучшую повѣсть «Кружевница», четыре прочувствованныхъ разсказа, цѣлый рядъ серьезныхъ статей по исторіи литературы и общественнымъ вопросамъ о женщинахъ вообще, о женщинахъ въ университетѣ, объ эмансипаціи женщинъ по Стюарту Миллю, о Джорджѣ Эліотѣ, о юморѣ и поэзіи въ Англіи, объ американскихъ поэтахъ и романистахъ. Но всего болѣе переводилъ онъ изъ Гейне, Ленау и англійскихъ поэтовъ Теннисона, Лонгфеллоу, Бернса, Гуда.

Кромѣ того, работая быстро и неутомимо, онъ печатался и въ другихъ журналахъ.

Въ 1865 году, 3-го августа, Михайловъ умеръ въ Восточной Сибири, на Каднинскомъ пріискѣ. Послѣдними замѣчательными

работами его были статьи по исторіи литературы въ «Энциклопедическомъ словарѣ», составленномъ русскими учеными и литераторами, гдѣ онъ завѣдывалъ редакціей словесныхъ наукъ. Имя его, какъ члена редакціи, появлялось во всѣхъ трехъ книгахъ словаря, вышедшихъ въ этомъ году и исчезло только съ четвертаго тома, гдѣ его замѣнилъ по этому отдѣлу В. Зотовъ.

Во второмъ полугодіи «Литературной Газеты» явилось новое поэтическое дарованіе—Надежда Дмитріевна Хвощинская. Въ біографическомъ очеркѣ этой первой русской романистки, помѣщенномъ въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1889 годъ, я говорилъ уже о томъ, какъ познакомился съ этой высокоталантливой писательницей и познакомилъ съ нею нашу публику. Не возвращаясь поэтому къ сужденію, высказанному о ея стихахъ, прибавлю только, что уже въ самомъ началѣ установившейся между нами переписки я убѣдился, что изъ моей кореспондентки выйдетъ замѣчательная писательница и тогда же началъ убѣждать ее набросать какой-нибудь прозаическій разсказъ или очеркъ. Сначала она упорно отказывалась, потомъ собиралась и писала очень долго, и повѣсть, назначавшаяся въ «Литературную Газету», явилась по случаю прекращенія ея въ 1849 году—только въ слѣдующемъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но въ теченіе всего 1848 и даже 1849 года будущая образцовая романистка отстаивала свои стихи, поэзію вообще, и ни за что̀ не хотѣла приняться за прозу. Вотъ что писала она мнѣ въ мартѣ 1848 года:

«Если надоѣла поэзія, то скоро надоѣстъ и романъ, потому что никакая выдумка не будетъ живѣе и занимательнѣе самой жизни; люди, дѣла ихъ, приключенія, проходятъ такъ скоро, не въ одномъ политическомъ, даже въ нашемъ провинціальномъ мірѣ, что не успѣешь схватить одной черты, какъ является другая. Кто возьмется описывать—утомится, кто станетъ читать—найдетъ, что все или слабо, или невѣрно. Я могу только пѣть, потому что нѣтъ чувства, которое не пробуждало бы чувства въ моей душѣ; но приглядываться, разбирать и описывать, не знаю, могу ли, буду ли въ состояніи. Я пробовала писать прозу, но не пишу больше; тутъ есть еще убѣжденіе, что я пишу ее дурно и даже не смѣю за нее взяться, какъ за тотъ новый и вмѣстѣ старый родъ богословской поэзіи, который предлагаютъ намъ, кажется, не въ шутку, чтобы какъ-нибудь разнообразить наше однообразіе. Это богословіе въ риѳмахъ напоминаетъ мнѣ то, что я читала о портретахъ дорогихъ только для насъ особъ; ихъ надо хранить далеко и показывать не всякому, иначе они теряютъ свою прелесть и даже свою святость... Почемъ знать, можетъ быть, неожиданности, которыя насъ окружали, бросятъ намъ неожиданно совершенно новый родъ поэзіи, или такъ

обновять прежніе, что тѣ, кто ее оставили, примутся за нее снова, а тѣ кто продолжали писать, не будутъ казаться отсталыми отъ вѣка. Этимъ я нѣсколько утѣшаю себя, потому что, согласитесь, непріятно дѣлать ничего». Въ слѣдующемъ письмѣ она развила еще подробнѣе свои мысли. Она писала: «Поэзія, это древняя святыня, недавній двигатель—теперь предметъ гонимый, и какъ ни тверда вѣра въ него ваша и моя, а громко сознаться въ ней неловко. «Масса, холодная толпа» считаетъ поэзію за ничто (замѣчу, что послѣднее выраженіе, повторяемое многими, можетъ быть очень чистосердечно, всегда казалось мнѣ страннымъ: мы признаемъ чувство во всякомъ человѣкѣ отдѣльно, а въ людяхъ взятыхъ вмѣстѣ не хотимъ его видѣть!) Не смѣю взять на себя—презирать массу, по убѣжденію, что масса, толпа, какъ общее, цѣлое—и должна заключать въ себѣ идею. Неужели истину хранятъ одни исключенія? Я составляю одно изъ этихъ исключеній, вѣрю въ божество, которому служу, хотя замѣчаю за нимъ, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ мольбамъ тѣхъ, кто къ нему обращается. Въ голосахъ многихъ не можетъ не быть какой-нибудь истины. Божество не даетъ толпѣ, чего она проситъ и она называетъ его—ничѣмъ; она не права: божество все-таки божество. Но чего же она проситъ? Я сужу по себѣ: конечно не разочарованія, я ему нисколько не вѣрю; гдѣ разочарованному искать какого-нибудь комфорта! а эти разочарованные въ жизни только и думаютъ какъ бы украшать эту жизнь,—и часто насчетъ другого. Просятъ они конечно не пѣсень къ черноокимъ и голубоокимъ, потому что это часто смѣшно, а въ печати всегда не естественно и не истинно; и конечно не воззваній къ крылатымъ геніямъ, которые прилетаютъ и вдохновляютъ—сознаюсь вамъ по совѣсти, что я сомнѣваюсь въ ихъ существованіи. Судя по себѣ и ставъ въ ряды этой напрасно презираемой массы, я соглашаюсь съ нею вполнѣ. Я читаю все, что является у насъ новаго, и изъ этого новаго нашла по сердцу только нѣсколько стихотвореній Некрасова. Вотъ отголосокъ настоящей жизни, часто печальный, но за то какой вѣрный!... Мнѣ никогда не сказать такого живого слова и отъ этого сознанія происходитъ часто мой атеизмъ. Между тѣмъ, я все-таки пою, потому что поется, не надѣясь никогда на отзывъ камней пустыни. Всего менѣе отзовутся они на поэзію природы. Природа стала у насъ какою-то фермою съ хорошимъ доходомъ и эта мысль приводитъ меня въ истинное отчаяніе, ничто такъ не близко мнѣ, какъ вѣрованія героевъ Куперовыхъ романовъ. Вы можете видѣть однако, что я не полагаю счастья въ одномъ мечтаніи и не отвергаю благъ міра сего, доказательствомъ тому послѣдніе присланные вамъ стихи, гдѣ я желаю человѣку, котораго ставлю выше всѣхъ живущихъ, довольства и славы при жизни. Это наводитъ меня еще на одну досадную мысль: меня поражаетъ окружающая насъ и

кажется нынѣ вездѣ царствующая, убійственная холодность къ искусству, а искусству принадлежитъ мое обожаніе—прежде поэзіи слова. Недавно, читая въ «Современникѣ» біографію Торвальдсена, я съ горечью подумала, что у насъ до такого почета не достигнетъ никакой геній, ему не достанетъ главнаго двигателя—общаго восторга, восторга народнаго, который способенъ разбудить и заставить трудиться. Вамъ не слыхать такихъ словъ, образчиковъ холодности, какіе я слышу. Часто я боюсь говорить, чтобы не показаться смѣшной...»

Я привелъ эту выписку, какъ характеристику мнѣній и взглядовъ двадцатидвухлѣтней даровитой дѣвушки, никогда не покидавшей своего провинціальнаго захолустья, развившей себя чтеніемъ и мышленіемъ. Съ первыхъ писемъ своихъ она высказалась какъ художница, жаркая поклонница Брюлова. Рисовала она очень не дурно, прежде чѣмъ начала писать стихи и потомъ романы. Живопись она всегда любила гораздо больше литературы и въ письмахъ ея высказывается столько важныхъ и любопытныхъ мыслей обо всѣхъ изящныхъ искусствахъ, столько мѣткихъ, философскихъ выводовъ о людяхъ и событіяхъ, что изданіе выбранныхъ мѣстъ изъ ея писемъ становится необходимымъ для полной характеристики этой талантливой писательницы, имя которой не забудется въ исторіи русской литературы. Надѣюсь, что я успѣю по крайней мѣрѣ приготовить къ выпуску въ свѣтъ выдержки изъ тридцатилѣтней переписки Надежды Дмитріевны со мною.

О «Литературной Газетѣ» 1847 года мнѣ остается сказать немногое. Холодно встрѣченная публикою, она не удостоилась вниманія и отъ своихъ собратовъ по журналистикѣ. И въ то время существовалъ у насъ обычай не дѣлать отзывовъ о своихъ конкурентахъ. Только немногія періодическія изданія не держались этого правила и «Литературная Газета» давала подробный отчетъ обо всѣхъ журнальныхъ явленіяхъ въ фельетонахъ почти каждаго нумера. Она говорила и о спеціальныхъ или малоизвѣстныхъ изданіяхъ, какъ «Вѣдомости с.-петербургской полиціи», «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» Ѳ. Перцова или «Московскій Городской Листокъ»—единственная ежедневная газета въ Москвѣ, гдѣ въ то время и «Московскія Вѣдомости» выходили только три раза въ недѣлю. «Полицейскія Вѣдомости» были въ то время энциклопедическою газетою; въ нихъ помѣщались, кромѣ свѣдѣній, относящихся къ Петербургу, статьи самаго разнообразнаго содержанія: «Народные обычаи и повѣрья Малороссіи», «Придворные обряды царей московскихъ», о пьянствѣ въ медикополицейскомъ отношеніи, о хлѣбной торговлѣ, о гимнастикѣ и ея вліяніи, о перелетѣ птицъ, о микроскопѣ, о Густавѣ Адольфѣ, о судоходствѣ по Днѣпру. Журналъ Перцова, какъ первый опытъ распространенія у насъ экономическихъ, хозяйственныхъ и практическихъ научныхъ свѣ-

дѣній, имѣлъ въ первый годъ большой успѣхъ, болѣе всего по своей дешевизнѣ: три съ полтиной за двѣнадцать, хотя и тощихъ книжекъ въ годъ—цѣна небывалая въ русской журналистикѣ. «Московскій Городской Листокъ» щеголялъ обиліемъ интересныхъ статей и свѣдѣній; въ немъ помѣщались разсказы Вельтмана, Загоскина, Шевырева, стихи К. Павловой, Ѳ. Миллера, такія статьи, какъ «Москва въ ея русскихъ пословицахъ», историческій обзоръ московской журналистики, очеркъ значенія Фонвизина, частная жизнь Карамзина, біографія Новикова, масляница въ Москвѣ, обзоръ важнѣйшихъ сочиненій и изданій по русской исторіи, статья С. М. Соловьева, разсказъ Герцена «Тройка Мироши» и его же очеркъ «Станція Едрово». «Листокъ» сообщилъ первыя свѣдѣнія о русскомъ музеѣ Карабанова, этомъ рѣдкомъ собраніи древнихъ вещей, рукописей, медалей, портретовъ, перешедшемъ по смерти собирателя въ 1851 году въ Публичную Библіотеку, въ петербургскій Эрмитажъ, въ московскую Оружейную Палату. Кто теперь знаетъ о «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», убитомъ вмѣстѣ съ другими изданіями безпощадной цензурой 1848 года? а между тѣмъ въ немъ было столько замѣчательныхъ статей... Такъ «Листокъ» приводилъ любопытное стихотвореніе императрицы Елисаветы Петровны, написанное ею, когда она была еще цесаревною. Нѣкоторые историки литературы упоминаютъ о двухъ пѣсняхъ, сочиненныхъ ею въ это время и изъ которыхъ одна «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» была народною, но ея стиховъ «на разлуку съ другомъ» нѣтъ ни въ курсахъ литературы, ни въ біографическихъ словаряхъ, ни въ «Русскомъ Архивѣ», ни въ «Русской Старинѣ». Привожу ихъ съ сохраненіемъ августѣйшей орѳографіи.

«Всякой разсуждаетъ, какъ въ свете бъ жить,
«А недоумѣваетъ какъ з рокомъ бы быть:
«Что така тоска и жизнь не мила
«Когда другъ не зриться, луче бъ жизнь лишиться,
«Вся то красота.

«Я не въ своей мочи огнь утушить,
«Серцемъ я болею, да чѣмъ пособить?
«Что всегда разлучно и безъ тебя скучно.
«Легчебъ тя не знати, нежель такъ страдати
«Всегда по тебѣ.

«О несчастье злое, долголь мя мучишь?
«О чемъ я страдаю, то не даешь зрить.
«Или я одна тебѣ отданна?
«Что меня мучитъ, темъ ея веселити
«И жизнь лишити.

«Куда красныя дни тогда бывали,
«Когда мои очи тя не видали.
«Ахъ не были вскуке и ни въ какой мукѣ,
«Какъ цветъ процветали».

Безъ полемики, конечно, не обходилось дѣло и въ «Литературной Газетѣ». Перебранка періодическихъ изданій между собою составляетъ неотъемлемую принадлежность нашей журналистики и едва ли не самую существенную часть ея исторіи. Полемику двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ г. Весинъ вѣрно обрисовалъ въ своихъ «Очеркахъ русской журналистики». Сороковые года въ этомъ отношеніи не уступали своимъ предшественникамъ. Дѣло начиналось обыкновенно съ учтивостей, даже съ похвалъ конкуренту и оканчивалось переругиваніемъ не на животъ, а на смерть. Отчего же происходила эта перемѣна въ отношеніяхъ періодическихъ изданій между собою и ихъ ожесточеніе? По здравой логикѣ они должны бы, казалось, быть снисходительны другъ къ другу, скрывать ошибки товарища, потому что и онъ въ свою очередь могъ скрыть наши. Но дѣло всегда и вездѣ происходило иначе. На этотъ случай Иванъ Андреевичъ Крыловъ разсказывалъ слѣдующую побасенку: «Въ старые годы, въ нѣкоторомъ царствѣ не въ нашемъ государствѣ, какой-то мудрый правитель для наказанія преступниковъ придумалъ слѣдующее постановленіе: провинились положимъ двое, одинъ въ воровствѣ, другой пожалуй въ чемъ-нибудь и похуже. Но черезъ палача ихъ не наказывали, а выводили обоихъ передъ народъ и давали имъ въ руки пукъ розогъ или веревку какую, да и приказывали наказывать другъ друга. Казалось бы лучше этого и не надобно: своя рука владыка. Извѣстное дѣло: можно ли ударить товарища, когда онъ въ свою очередь можетъ огрѣть меня? Дѣло обыкновенно тѣмъ и начиналось, что господа эти гладили только другъ друга розгами: одинъ чуть-чуть дотрогивался и другой тоже. Случилось какъ-то одному ненарокомъ задѣть другого побольше; рука сорвалась что ли или подтолкнулъ ее лукавый, неизвѣстно. Другой подумалъ: «эге, пріятель, да ты ужъ никакъ взаправду дерешься. На же и тебѣ!»—да и царапнулъ его почувствительнѣе. Тотъ разумѣется въ долгу не остался, да въ свою очередь отпустилъ другу съ придачею... и еще... и еще. И пошло, и пошло! И стали товарищи лупить другъ друга и въ хвостъ и въ голову, такъ что секуція кончилась тѣмъ, что друзей надо было разливать водою». Между нашими журналистами происходила подобная же исторія, да и у насъ ли только и между одними ли журналистами?.. Припомнимъ перебранки ученыхъ во всѣ вѣка, мольеровскихъ Трисотина и Вадіуса, богословскіе споры среднихъ вѣковъ и реформаціи и множество словесныхъ и печатныхъ диспутовъ. Всѣ они начинались очень учтиво «вы, если я не ошибаюсь, сообщили о томъ-то не совсѣмъ вѣрно».—Съ вашего позво-

ленія, осмѣлюсь замѣтить, что вы, какъ мнѣ кажется, сдѣлали вотъ такую-то ошибку.—Pardon!—Mille excuses!—а дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что собраты называли другъ друга мошенниками пера и разбойниками печати. Между журналистами всегда были люди, готовые «для остраго словца не пощадить ни матерь, ни отца». Были между ними люди и очень добрые въ душѣ, но которые отъ привычки перебраниваться не могли никакъ утерпѣть, чтобы даже закадычному пріятелю не ввернуть непріятнаго словца. Въ самыя тяжелыя эпохи цензурнаго гнета писателямъ всегда разрѣшалось костить другъ друга, сколько душѣ угодно. Какъ тутъ удержаться, когда свобода печати сводится на свободу ругаться? Въ лавкѣ ли, въ газетѣ ли, русскій человѣкъ не любитъ, чтобы «препятствовали его ндраву, коли ежели онъ хозяинъ». И добро бы еще спорили и ругались за дѣло важное, за литературное или общественное мнѣніе. Чаще всего сцѣпятся, какъ говорится, ни за̀ что, ни про что. Скажи одинъ, что любитъ луну больше солнца, что такой-то человѣкъ ему нравится.—Какъ это можно! кричитъ тотчасъ же обидчивый «хозяинъ» своей газеты,—надо быть идіотомъ, чтобы предпочитать луну солнцу, а что такой-то ему нравится—немудрено: оба они одного поля ягода—и такъ далѣе до безконечности.

Булгаринъ сначала хвалилъ «Литературную Газету» и ея редактора, расчитывая, конечно, что они примкнутъ къ его партіи, но когда расчетъ оказался ошибочнымъ, въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» начались вылазки противъ меня сначала только смѣшныя. Такъ по поводу того, что я назвалъ одну волтижерку изъ цирка Лежара плохою наѣздницею, явилась горячая защита этой наѣздницы. Затѣмъ я былъ названъ плохимъ поэтомъ. Наконецъ, Булгаринъ сталъ утверждать, будто я говорилъ въ своей газетѣ, что женщина—не человѣкъ. Конечно, ничего подобнаго не было и сочинитель «Всякой всячины» прибѣгаетъ и тутъ къ своему обычному полемическому пріему—нецеремонной выдумкѣ. До какой степени простиралась наглость этого привилегированнаго клеветника въ подобныхъ случаяхъ можно судить потому, что «Финскій Вѣстникъ» только-что уличилъ его въ продѣлкѣ, которую озаглавилъ: «Небывалое въ литературѣ дѣло со времени изобрѣтенія письменности». Дѣло въ томъ, что Булгаринъ приписалъ только-что возникшему журналу, съ указаніемъ даже на страницу, такія фразы о Полевомъ и Гоголѣ, какихъ никогда не было въ этомъ журналѣ ни на одной страницѣ. «Мы готовы снизойти къ ошибкѣ, къ промаху,—говорила редакція «Финскаго Вѣстника»,—но выдумывать такія фразы и публично указывать на томъ, отдѣлъ и страницы журнала, въ которомъ онѣ будто помѣщены—это превышаетъ всякую смѣлость». Редакція напрасно только называла продѣлку Булгарина небывалымъ дѣломъ,—для него это было дѣло не только

бывалое, но и привычное. Но когда ему замѣчали его собственные промахи, онъ ни за что не хотѣлъ сознаваться въ нихъ и оправданія его, въ такихъ случаяхъ, доходили до геркулесовыхъ столбовъ комизма. Такъ я замѣтилъ въ печати, что говоря о будущемъ составѣ итальянской оперы въ Петербургѣ, онъ напрасно назвалъ Фрецолини контральтомъ. Что же отвѣтилъ на это обиженный полякъ? Черезъ два дня послѣ своего промаха, онъ печатаетъ: «Въ сообщенномъ нами извѣстіи переписчикъ написалъ ошибочно: контральтъ г-жа Фрецолини, вмѣсто контрактъ г-жи Фрецолини». Надо было много рѣшимости, чтобы поправляться такимъ образомъ. Булгаринъ былъ, вѣроятно, увѣренъ, что никто не станетъ справляться съ его словами, когда онъ цитируетъ самого себя. Но вотъ каковы были его фразы, въ которыхъ слѣдовало исправить ошибку переписчика: «знаменитая Фрецолини, первый контрактъ въ Италіи, которую наша дирекція успѣла перебить у Парижа» и «съ новымъ контрактомъ оперы примутъ свой настоящій характеръ». Но если бы редакторъ «Сѣверной Пчелы» ограничивался подобными выходками, это было бы смѣшно и глупо. Совершенно другое чувство возбуждали его постоянныя старанія выказаться православнымъ и вѣрноподаннымъ патріотомъ. Въ тѣхъ же нумерахъ своей газеты, гдѣ онъ распространялся о контрактѣ пѣвицы, возставалъ онъ противъ тѣхъ, кто пишетъ: «этотъ храмъ», утверждая, что благоговѣніе требуетъ непремѣнно говорить: «сей храмъ» и осуждалъ Кукольника за то, что онъ назвалъ свою пьесу «Рука Всевышняго отечество спасла», тогда какъ величіе предмета требовало тутъ выраженія: «Десница Вышняго». Это литературное ханжество и подхалимство дѣлалось возмутительно, особенно когда зачастую соединялось и съ сожалѣніями о томъ, что его журнальные противники и въ Бога не вѣрятъ и властей не уважаютъ. Вотъ почему литературная характеристика Булгарина внушаетъ такое отвращеніе и этотъ кондотьеръ журналистики вполнѣ заслуживаетъ всѣ рѣзкіе эпитеты, начиная съ «патріотическаго предателя», какимъ заклеймилъ его Пушкинъ, до грязнаго клеветника и доносчика, какимъ онъ остался и до нашего времени. Можно порадоваться тому, что это единственный типъ въ нашей литературѣ и что ни до него ни послѣ него она не производила подобныхъ субъектовъ.

Сорокъ восьмой годъ начался въ Европѣ, какъ и у насъ, довольно спокойно. Ничто не обѣщало наступленія эпохи революціи, начавшейся въ февралѣ. Реформа Пія IX конечно удивляла дипломатовъ, но не угрожала никакими крайними послѣдствіями. Учрежденіе муниципальнаго управленія и совѣта министровъ въ Римѣ не предвѣщали установленія римской республики. Воспользовавшись открытіемъ заговора противъ папы, Австрія захватила Феррару въ іюлѣ, но въ декабрѣ принуждена была оставить ее

потому, тѣмъ болѣе, что и тосканскій герцогъ декретировалъ свободу печати и сформировалъ національную гвардію, да и самъ австрійскій императоръ, открывая венгерскій сеймъ, принужденъ былъ въ первый разъ произнести на немъ рѣчь на мадьярскомъ языкѣ. Открытіе сейма и въ Пруссіи обѣщало полное развитіе либеральныхъ учрежденій, такъ же какъ публичныя засѣданія законодательнаго корпуса во Франкуртѣ на Майнѣ. Въ Баваріи, правда, старый король не совсѣмъ прилично велъ себя, награждая испанскую кокотку Лолу Монтесъ титуломъ графини Лансфельдъ, но это было дѣло семейное, такъ же какъ въ Парижѣ убійство герцогомъ Праленомъ своей жены и скандальный процесъ проворовавшихся министровъ Теста и Кюбьера. Реформистскіе обѣды устраивались въ разныхъ городахъ Франціи и въ день Рождества въ Руанѣ собралось на такой обѣдъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Но правительство запрещало ихъ въ Парижѣ и, довольное тѣмъ, что Ламорисьеръ захватилъ наконецъ Абдель-Кадера, надѣялось, что блескъ военныхъ побѣдъ заставитъ французовъ отказаться отъ требованій реформъ въ администраціи. Надежды эти рушились, однако, вмѣстѣ съ монархіей въ февралѣ 1848 года. У насъ провозглашеніе республики въ Парижѣ произвело ошеломляющее дѣйствіе, выразившееся, конечно, прежде всего, въ самыхъ странныхъ мѣрахъ. Газеты наши, имѣвшія право говорить о политикѣ, нѣсколько дней не сообщали ничего о происшествіяхъ въ Парижѣ. Въ Петербургѣ объ нихъ узнали однако раньше полученія нѣмецкихъ газетъ. Мнѣ сообщилъ объ этомъ въ театрѣ М. Неваховичъ, имѣвшій возможность раньше узнать эту новость отъ своего брата, фактотума В. Ѳ. Адлерберга. Когда уже пришли изъ-за границы и печатныя свѣдѣнія, я вздумалъ, также въ театрѣ, обратиться съ вопросомъ объ нихъ къ моему близкому сосѣду по кресламъ полиціймейстеру Трубачееву, очень любезному и обязательному господину, всегда чрезвычайно внимательно относившемуся къ журналистамъ и театраламъ. Подойдя къ нему въ антрактѣ, я сказалъ ему совершенно спокойно, никакъ не воображая, что слова мои произведутъ сильное впечатлѣніе:

— А каковы французы-то! что они натворили!

Трубачеевъ замѣтно измѣнился въ лицѣ и отвѣчалъ почти шопотомъ:

— Прошу васъ не говорить объ этомъ ни слова ни мнѣ, ни кому-либо изъ вашихъ знакомыхъ, въ которыхъ вы не увѣрены, а тѣмъ болѣе — лицамъ постороннимъ. Полиція имѣетъ приказаніе сообщать въ Третье Отдѣленіе о тѣхъ, кто будетъ разговаривать о революціи. Велѣно даже брать тѣхъ, кто будетъ разсказывать подробности. Мнѣ, какъ вашему хорошему знакомому, непріятно было бы отнести и васъ къ числу лицъ, распространяющихъ дурные слухи.

Я, какъ говорится, опѣшилъ отъ такого неожиданнаго реприманда. Болѣе всего меня поразило названіе «дурными слухами» того, что̀ было историческою правдою. Никогда система замалчиванія фактовъ, всегда практикававшаяся у насъ и въ управленіи, и въ печати, не казалась такой странной, какъ въ подобномъ случаѣ. Вся Европа тогда волновалась; въ Италіи, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, появлялись признаки народнаго возстанія, во Франціи уничтожалась монархія, а у насъ это были—дурные слухи. Намъ запрещалось даже спрашивать о томъ, что̀ дѣлается въ Европѣ, какъ запрещаютъ дѣтямъ неумѣстные вопросы, говоря: ты еще молодъ, тебѣ рано знать это; молчи и будь паинька. И мы были паинькой—поневолѣ, особенно въ печати, на которую налегла съ тѣхъ поръ всею своею тяжестью совершенно сбившаяся съ толку цензура. Предписанія, одно другого страннѣе, посыпались изъ комитета. Уваровъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы не пропускать переводовъ французскихъ романовъ и повѣстей иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя. Цензурный комитетъ нашелъ, и совершенно основательно, что это предписаніе прямо нарушаетъ законъ. Къ чему же тогда и комитетъ, если печатаніе произведеній будетъ зависѣть отъ единоличной воли попечителя? Рѣшили не исполнять предписаніе министра, хотя Мусинъ-Пушкинъ, по свидѣтельству Никитенки, доказывалъ, что надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи, чтобы никто не читалъ ихъ. «Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ ...., — говоритъ самъ цензоръ, — у него обыкновенно ни на что̀ нѣтъ причинъ: онъ шумитъ, кричитъ, размахиваетъ руками и въ своихъ мысляхъ скачетъ черезъ всѣ логическія препятствія, пока наконецъ не стукнется лбомъ о какую-нибудь до того отчаяннную нелѣпость, что уже самъ остановится». Но для чего же было и Уварову сочинять такое предписаніе, какого невозможно было исполнить? Затѣмъ, слѣдовало распоряженіе уже цензурнаго комитета: чтобы всѣ статьи въ періодическихъ изданіяхъ были подписаны полною фамиліею ихъ авторовъ—и вотъ 11-й и 12-й №№ «Литературной Газеты», отъ 18-го и 25-го марта вышли испещренные множествомъ фамилій. Даже мелкія извѣстія въ смѣси являлись непремѣнно за чьею-нибудь скрѣпою, точно офиціальный документъ, и я долженъ былъ выставлять свое имя подъ извѣстіемъ объ освѣщеніи электричествомъ, подъ мыслями о женщинахъ и анекдотами. Это дикое распоряженіе существовало однако всего двѣ недѣли и цензора сами увидали, что оно ни къ чему не ведетъ, смѣшно и не практично.

Въ апрѣлѣ учрежденъ былъ негласный верховный трибуналъ для надзора за печатью и самими цензорами. Пока литературу обвиняли въ потрясеніи всякихъ основъ доносчики-добровольцы въ родѣ Булгарина, Бориса Федорова, Калашникова, правительство и ограничивалось преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ, но европей-

скія смуты дали поводъ выступить на сцену лицамъ офиціальнымъ, привилегированнымъ, хотя дѣйствовавшимъ тоже изъ личныхъ видовъ, но подъ предлогомъ радѣнія объ общемъ благѣ. Уваровъ, въ 1847 году, былъ причиною увольненія графа С. Г. Строгонова отъ должности попечителя Московскаго университета, которую онъ занималъ съ 1835 года. Въ 1848 году Строгоновъ написалъ государю записку о томъ, что въ русской литературѣ и особенно въ журналистикѣ господствуютъ разрушительныя, зловредныя идеи — благодаря слабости министра просвѣщенія и цензуры. Въ то же время баронъ М. А. Корфъ, всю жизнь свою домогавшійся сдѣлаться министромъ и расчитывавшій смѣнить Уварова, представилъ подобное же донесеніе. Вслѣдствіе такого единодушія высокостоящихъ лицъ, дѣйствовавшихъ «все подъ личиною усердія къ царю», учрежденъ былъ тайный комитетъ, существованіе котораго тотчасъ же сдѣлалось извѣстно въ столицѣ, хотя объ немъ и не сообщалось въ законодательномъ порядкѣ. Не остались тайною и имена грознаго комитета. Предсѣдательствовалъ въ немъ морской министръ, плохо знавшій море и еще плоше знавшій и свою землю, и свой народъ, какъ доказалъ это черезъ пять лѣтъ «герой проигранныхъ сраженій». Членами комитета были, конечно, прежде всего: составители докладныхъ записокъ, Корфъ и Строгоновъ, братъ попечителя, затѣмъ Бутурлинъ, юристъ Дегай—«чтобъ дѣлу дать законный видъ и толкъ», наконецъ Дубельтъ—неизбѣжный членъ всякаго учрежденія, имѣющаго производить сыски и розыски. Комитетъ прямо обвинялъ, кого находилъ нужнымъ, въ распространеніи преступныхъ идей, не требуя объясненій отъ обвиняемыхъ, не дѣлая запросовъ министру просвѣщенія, не приглашая его на свои засѣданія, не сносясь съ нимъ, налагая карательныя мѣры, на основаніи своихъ докладовъ. Бутурлинъ предложилъ закрыть университеты и когда въ «Современникѣ» появилась статья въ защиту университетовъ, комитетъ обратился къ Уварову съ запросомъ: на какомъ основаніи позволилъ онъ печатать такую статью. Министръ нашелъ въ себѣ столько мужества, чтобы отвѣчать, что статья даже написана по его распоряженію и помѣщена въ распространенномъ органѣ для того, чтобы успокоить умы профессоровъ, студентовъ и ихъ семействъ, встревоженныхъ слухами о закрытіи университетовъ. Нельзя было взыскивать съ министра за то, что онъ старался успокоить взволнованные умы. Цензоръ Куторга былъ посаженъ на десять дней на гауптвахту и потерялъ мѣсто за пропускъ какихъ-то нѣмецкихъ стиховъ, которые, по мнѣнію комитета «содержатъ въ себѣ мистическія изображенія и не благовидные намеки, несогласные съ нашею народностью». Что это за странное обвиненіе нѣмцевъ, то-есть протестантовъ въ мистицизмѣ и требованіе, чтобы они писали стихи въ духѣ нашей народности. И не смотря на это, отъ Куторги не потребовали никакого объя-

сненія, съ министромъ не вошли въ сношеніе, а спросили его только, считаетъ ли онъ возможнымъ терпѣть на службѣ цензора, въ послужной списокъ котораго внесена такая вина. Между тѣмъ самъ государь отозвался, что считаетъ проступокъ его неважнымъ. Еще возмутительнѣе была исторія съ Далемъ. Онъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» разсказъ «Цыганка-воровка», въ которомъ передалъ случай одной кражи и напрасныхъ стараній полиціи найти виновницу. Казалось бы, что могло быть законопреступнаго въ такомъ содержаніи? И однако комитетъ нашелъ нужнымъ доложить государю, что Даль въ своемъ разсказѣ внушаетъ публикѣ недовѣріе къ бдительности начальства. Это было повтореніе мыслей генералъ-губернатора Игнатьева, которыя я уже приводилъ. Но такъ какъ это сдѣлано авторомъ разсказа вѣроятно безъ злого умысла, и сочиненіе вообще не представляетъ ничего вреднаго, то комитетъ полагалъ сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: «сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что и онъ служитъ». Комитетъ и этимъ не удовольствовался, а послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ запросъ: «разсказъ писалъ тотъ ли Даль, который служитъ въ министерствѣ?» Перовскій предложилъ тогда писателю—бросить или службу, или литературу. Даль долженъ былъ перестать писать, такъ какъ средства къ жизни давала ему служба, а не литература. Вообще на литературу смотрѣли всѣ, начиная съ самыхъ высшихъ лицъ, какъ на неизбѣжное зло и самые благосклонные изъ нихъ, какъ Я. И. Ростовцевъ, отзывались объ ней такъ: «охъ, ужъ эта мнѣ литература—съ ней только одни хлопоты! хоть бы ее и вовсе не было!» Эти слова я слышалъ самъ лично отъ автора трагедіи «Персей», когда онъ, позднѣе, отстаивалъ меня по дѣлу Петрашевскаго. Краевскій, еще въ началѣ 1848 года, передавалъ мнѣ сужденіе великаго князя Михаила Павловича о журналистикѣ. У кадетъ Горнаго корпуса, учениковъ низшихъ классовъ найдены были тетрадки съ выписками изъ «Отечественныхъ Записокъ». Это было конечно страшное преступленіе, усложнявшееся тѣмъ, что редакторъ журнала былъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Павловскомъ корпусѣ. Краевскій былъ, разумѣется, тотчасъ же лишенъ этого званія, но кромѣ того, великій князь, какъ начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, призвалъ къ себѣ редактора и, сдѣлавъ ему самый строгій выговоръ за направленіе журнала, объявилъ категорически, что питаетъ глубокое.... нерасположеніе ко всѣмъ журналамъ и журналистамъ. Что касается до Николая Павловича, то еще за годъ передъ тѣмъ, онъ хотѣлъ даже Булгарину запретить издавать «Сѣверную Пчелу» за помѣщенныя въ ней стихи графини Ростопчиной «Насильственный бракъ», причемъ рѣзко отозвался о глупости стараго пройдохи, обойденнаго графиней, разыгрывавшей роль представительницы московской опозиціи.

При такихъ прискорбныхъ и многочисленныхъ фактахъ, что же значили злоключенія какой-нибудь «Литературной Газеты» въ борьбѣ съ цензорами, положеніе которыхъ было ничуть не лучше и пожалуй еще затруднительнѣе положенія писателей. Не стану приводить выписокъ изъ статей, запрещенныхъ цензурою, — все это слишкомъ мелко въ сравненіи съ такими крупными явленіями, какъ приведенныя выше, или какъ преслѣдованіе славянофиловъ, захватъ на границѣ экономиста Ѳедора Васильевича Чижова, отправленіе на гауптвахту Ивана Аксакова, заключеніе въ крѣпость Юрія Самарина, аресты Костомарова, Шевченки, Кулиша, истребленіе въ Москвѣ томовъ «Чтеній общества исторіи и древностей россійскихъ», съ переводомъ записокъ Флетчера, ссылка Бодянскаго, секретаря общества, и объявленіе предсѣдателю общества генералъ-адъютанту графу Строгонову строжайшаго выговора за разрѣшеніе печатать эти записки. Въ этомъ случаѣ Уваровъ отплатилъ-таки Строгонову своимъ докладомъ за его записку о слабости цензуры, подавшую поводъ къ учрежденію негласнаго комитета. Любопытно, что докладъ свой по этому случаю Уваровъ основалъ на донесеніи Шевырева о томъ, какъ неблаговидно позволять печатаніе Флетчера. Хороши были лица надзиравшія въ то время за литературою, но хороши и иные литераторы, по счастію не составлявшіе большинства.

Хуже всего въ этомъ положеніи было то, что изъ цензурныхъ помарокъ никакъ нельзя было узнать, какихъ же указаній слѣдовало держаться. Сегодня запрещалось одно, завтра другое, а вчерашнее разрѣшалось. Государь, признавая патріотизмъ Самарина, обличавшаго сепаратизмъ остзейскихъ нѣмцевъ, говорилъ, однако, что не слѣдовало пускать въ народъ опасную идею, будто русскіе цари съ Петра Великаго дѣйствовали только подъ вліяніемъ и по внушенію нѣмцевъ. Третье Отдѣленіе, отпуская Чижова, благодарило за истинно-русскія чувства человѣка, сказавшаго, что Петръ I былъ величайшимъ и опаснѣйшимъ революціонеромъ. И оно же благодарило Краевскаго за статью, помѣщенную въ «Отечественныхъ Запискахъ» противъ славянофиловъ, а цензурный комитетъ въ то же время запрещалъ точно такую же статью въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго, и въ университетскомъ совѣтѣ, по свидѣтельству Никитенки, «читали предписаніе министра, составленное по высочайшей волѣ, и гдѣ объясняется, какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. «Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ». Что̀ было бы, еслибъ мы также думали въ 1853-мъ и въ 1877-мъ годахъ?

Изъ двухъ цензоровъ «Литературной Газеты», Крыловъ становился положительно невозможнымъ: онъ то пропускалъ такія фразы, которыя послѣ того приходилось смягчать—страха ради іудейска, то зачеркивалъ совершенно невинныя вещи. Приходилось вести съ нимъ упорную борьбу чуть не за каждый нумеръ. Надоѣло ли это ему и самъ онъ ушелъ изъ газеты, или цензурный комитетъ нашелъ, что онъ не достаточно строгъ, только съ апрѣля вмѣсто него мнѣ дали Фрейганга. Это значило промѣнять кукушку на ястреба. Еще черезъ мѣсяцъ ушелъ и Очкинъ, съ которымъ, какъ съ человѣкомъ умнымъ, можно было и объясняться, и торговаться относительно передѣлки или смягченія статей, тогда какъ Фрейгангъ, упрямый и подозрительный гернгутеръ, однажды запретивъ статью, не склонялся ни на какія поправки въ ней. Очкина замѣнилъ Елагинъ. Это былъ уже совершенно невмѣняемый господинъ. Необразованный, незнающій ни одного иностраннаго языка, придирчивый, мстительный, мелочной, онъ сдѣлалъ невозможнымъ продолженіе существованія газеты. Песоцкій отказался отъ изданія ея еще въ маѣ и съ іюня я принужденъ былъ взять на себя хозяйственную часть газеты. Съ самыхъ же первыхъ нумеровъ Фрейгангъ едва могъ убѣдить Елагина пропустить біографію Аспазіи—хотя и въ неузнаваемомъ видѣ, и названіе Вольнаго острова подъ Петербургомъ, въ оригинальномъ разсказѣ. Этотъ образцовый цензоръ не пропускалъ въ повѣстяхъ—дуэлей, на томъ основаніи, что дуэли запрещены у насъ закономъ. Любовныя сцены онъ разрѣшалъ только, когда онѣ оканчивались законнымъ бракомъ. Самоубійства не допускались ни подъ какимъ видомъ, какъ преступленія, осуждаемыя церковью и караемыя уголовнымъ кодексомъ. Со статьями, цензируемыми имъ, онъ обращался самымъ нецеремоннымъ образомъ, не только зачеркивая, что ему не приходилось по вкусу, но вставляя отъ себя благочестивыя и вѣрноподданическія размышленія, передѣлывая даже содержаніе повѣстей, измѣняя печальное окончаніе ихъ въ совершенно благополучное. Злодѣи и преступники могли являться въ разсказѣ, но подъ непремѣннымъ условіемъ—раскаяться и исправиться въ концѣ его, или получить по закону должное возмездіе... Какую же газету возможно было издавать съ такимъ цензоромъ? По неволѣ пришлось наполнять ее переводами мемуаровъ Шатобріана, да романами Маріетта. Въ надеждѣ на болѣе счастливыя времена, я попробовалъ продолжать изданіе въ 1849 году, но цензурный гнетъ не измѣнился, а напротивъ усилился съ возникновеніемъ дѣла Петрашевскаго. Замѣшанный въ это дѣло, я долженъ былъ прекратить на время свою литературную дѣятельность, и газета, остановившись на десятомъ нумерѣ, покончила свое существованіе въ исторіи русской журналистики. Я не могъ никому передать этотъ органъ, основанный въ 1830 году Дельвигомъ, другомъ и товарищемъ Пушкина,

процвѣтавшій года два подъ редакціей Краевскаго. Въ два года моего редактированія я старался придать газетѣ своеобразный видъ, отличавшій ее отъ другихъ подобныхъ изданій, и въ первый же годъ сдѣлалъ ее органомъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній, открывъ въ то же время ея страницы молодымъ, начинающимъ дарованіямъ, въ особенности поэтическимъ. О М. И. Михайловѣ и Н. Д. Хвощинской я уже говорилъ, но въ «Литературной Газетѣ» помѣщалось много стихотвореній и второстепенныхъ поэтовъ, между которыми были и весьма замѣчательные. Такъ въ ней печатались послѣднія произведенія даровитаго писателя Ѳедора Николаевича Менцова, умершаго 6-го февраля 1848 года на тридцатомъ году. Онъ началъ печатать свои стихотворенія въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1837 года, хотя былъ собственно ученымъ, а не поэтомъ. Кандидатъ философіи, онъ, кромѣ европейскихъ языковъ, обладалъ знаніемъ языковъ восточныхъ и былъ въ то же время педагогомъ. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» онъ помѣстилъ много ученыхъ статей и рецензій: о Лейбницѣ, объ Индіи, Китаѣ, о персидскомъ царѣ Іездерживдѣ. Онъ былъ также дѣятельнымъ сотрудникомъ въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара, писалъ въ «Сынѣ Отечества», въ «Чтеніи для солдатъ». Въ «Литературной Газетѣ», кромѣ стиховъ «Осень», «Нѣтъ жизни», «Пѣснь Луизы Орлеанской» и др., проникнутыхъ грустнымъ колоритомъ, и гдѣ мысль преобладала надъ формою, онъ напечаталъ прозаическій разсказъ «Красотка». Въ 1848 году умерло нѣсколько писателей въ молодыхъ годахъ: П. И. Сорокинъ, Аксель, Ефимовичъ. Первый хорошо владѣлъ стихомъ и издалъ отдѣльно цѣлый томъ стихотвореній, переведенныхъ изъ Виктора Гюго. Аксель—былъ псевдонимомъ Линдфорса, офицера одного изъ гвардейскихъ полковъ. Онъ задумалъ облагородить александринскій водевиль и очистить его отъ грубыхъ и двусмысленныхъ пошлостей, какими наполнялъ пьесы этого рода Петръ Григорьевъ, а впослѣдствіи Павелъ Федоровъ. Пьесы Акселя возбуждали смѣхъ комическими характерами и положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а не топорными каламбурами и площадными фарсами въ родѣ «Героевъ преферанса» и «Польки въ Петербургѣ». Слѣдуя примѣру Ленскаго и П. А. Каратыгина, Аксель поставилъ нѣсколько забавныхъ и не глупыхъ водевилей, долгое время несходившихъ со сцены, какъ «Дядюшка-болтушка», «Приключеніе въ Полюстровѣ», «День домашняго квартета», «Новый Русланъ». Но особенно нельзя было не пожалѣть о ранней кончинѣ Кондратія Дмитріевича Ефимовича, офицера второй артилерійской бригады. Онъ хорошо зналъ сцену и, близко знакомый съ нашими актерами, изучилъ всѣ особенности ихъ дарованія и писалъ для нихъ эфектныя драмы, имѣвшія большой успѣхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ драмахъ этихъ Ефимовичъ не выказалъ особенно блестящаго таланта, но

при погонѣ за эфектами и преувеличеніи неестественныхъ страстей обнаруживалъ все-таки знаніе человѣческаго сердца. Всѣ драмы его напечатаны въ «Репертуарѣ» безъ подписи автора: для офицера того времени занятіе литературою считалось неприличнымъ. Въ 1844 году была поставлена его первая пятиактная драма «Эспаньолетто». На афишахъ стояла фамилія Ралянча. Не смотря на не естественность характеровъ и положеній, драма имѣла успѣхъ. Въ 1846 году играны остальныя его драмы «Дугласъ Черный», не имѣвшій успѣха, «Отставной театральный музыкантъ и княгиня» и «Владиміръ Заревскій», возбуждавшія восторгъ и на долго оставшіяся въ репертуарѣ. «Дугласъ» имѣетъ больше литературное значеніе, хотя и не вѣренъ англійской исторіи, что доказалъ автору критикъ «Сѣверной Пчелы». Сознаваясь въ томъ, Ефимовичъ, въ напечатанномъ предисловіи къ своей драмѣ, въ свою очередь доказывалъ, что въ художественномъ произведеніи прежде всего необходимо, чтобы лица вѣрны были себѣ, а не исторіи, и доказывалъ это примѣромъ Вальтеръ-Скотта. «Музыкантъ и княгиня» и «Заревскій» взяты изъ русской жизни, и въ первой изъ этихъ пьесъ много истиннаго чувства въ изображеніи отношеній отца къ дочери, поставленныхъ на различныхъ ступеняхъ общественнаго положенія, а въ характерѣ грубаго, но благороднаго моряка Заревскаго много неподдѣльнаго увлеченія.

Всѣ эти три лица умерли отъ холеры, лѣтомъ 1848-го года, вторично посѣтившей Петербургъ, послѣ перваго появленія ея въ 1830 году и унесшей не мало жертвъ всѣхъ возростовъ и званій. Умерла отъ холеры и бывшая первая танцовщица нашего балета (ихъ тогда еще не называли балеринами) А. С. Истомина, когда-то воспѣтая Пушкинымъ. Жизнь этой женщины замѣчательна не столько по отношенію къ міру искусства, какъ къ міру высокопоставленныхъ лицъ, покровительство которыхъ доставило ей возможность провести всю жизнь въ довольствѣ и роскоши. Какъ танцорка она славилась техникой, отчетливостью исполненія хореграфическихъ трудностей, граціозностью движеній, но въ ней не было ни пластичности позъ, ни одушевленія или увлеченія, необходимаго для исполненія драматическихъ ролей. Что касается до ея частной жизни, то она была далеко не образцомъ скромности. Зола, создавая въ своемъ романѣ «Нана» ультра-реалистическую сцену, когда его героиня, снимая съ себя излишніе покровы, сводитъ съ ума стараго аристократа, не сказалъ ничего новаго въ этомъ отношеніи: наша танцорка исполняла передъ извѣстнымъ вельможею свои сценическія па, только не въ театральномъ костюмѣ. Выйдя въ отставку съ значительнымъ капиталомъ, скопленнымъ на служеніи не одной Терпсихорѣ, Истомина, уже не въ молодыхъ лѣтахъ, тотчасъ же нашла себѣ мужа въ своемъ же артистическомъ кругу. Это былъ второстепенный актеръ Александринскаго театра Екунинъ, не от-

личавшійся дарованіемъ, но прекрасно исполнявшій только одну роль Скалозуба, къ которой какъ нельзя болѣе подходила его рослая, видная фигура. Екунинъ, жившій по неволѣ очень скромно на свое маленькое жалованье, надѣялся въ бракѣ со старой танцоркой найти по крайней мѣрѣ средства пожить широко и весело. Но онъ ошибся въ расчетѣ, жена держала его, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ и не давала ему возможности развернуться, какъ подобаетъ широкой русской натурѣ. Только съ ея смертью, послѣдовавшей быстро и не ожиданно, сдѣлавшись единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ капиталовъ своей благовѣрной, могъ онъ вполнѣ удовлетворить своей наклонности къ кутежамъ. Но и тутъ эта широкая натура, погубившая уже столько русскихъ людей, стоящихъ неизмѣримо выше Екунина, наказала жестоко и этого зауряднаго актера за нарушеніе законовъ умѣренности и воздержанія. Понадѣявшись на свое замѣчательно крѣпкое здоровье, онъ вскорѣ же послѣ смерти жены, справляя по ней одну изъ тризнъ, въ разгоряченномъ состояніи отъ излишковъ возліяній, пробылъ долго на холодномъ сильномъ вѣтрѣ, схватилъ простуду, а затѣмъ и горячку, которая свела его въ гробъ еще быстрѣе чѣмъ холера. Такъ и не удалось ему попользоваться ни веселою жизнью, ни средствами къ ней, бывшими у него въ рукахъ.

Умеръ въ то же время и Песоцкій, также не доживъ до сорока лѣтъ, но его свела въ могилу не холера, а болѣзнь въ ногахъ, давно развивавшаяся и заставившая его почти годъ не вставать съ постели. Онъ былъ предпріимчивый, дѣятельный издатель, но которому не удавались какъ-то всѣ его предпріятія, хотя въ другихъ рукахъ они и приносили выгоду. Такъ основанные имъ «Репертуаръ», «Экономъ» и «Военная Галерея», если и не процвѣтали у другихъ издателей, то все-таки существовали долго спустя послѣ смерти ихъ основателя. Не безукоризненный въ отношеніяхъ къ литераторамъ, онъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ своимъ собратамъ книгопродавцамъ не прибѣгалъ къ продѣлкамъ недопускаемымъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу и не банкротился, какъ Базуновъ, Ольхинъ, и другіе издатели, подрывавшіе кредитъ своихъ товарищей.

Изъ молодыхъ сотрудниковъ «Литературной Газеты» умерли вслѣдъ за ея прекращеніемъ: Кресинъ, Нѣмчиновъ и Лукьяновъ. Талантъ ихъ могъ развиться, если бы они не такъ скоро кончили свое жизненное и литературное поприще. Кресинъ былъ еврей бойкій, расторопный, писавшій обо всемъ, еврей съ гоноромъ какихъ не встрѣчаешь между нынѣшными жидами. Онъ тотчасъ же разошелся со мною и пересталъ вовсе писать въ газетѣ, хотя зарабатывалъ въ ней больше другихъ,—послѣ того, какъ я однажды высказалъ—и не въ печати—свое мнѣніе объ эксплуататорскихъ свойствахъ евреевъ. Двое другихъ были изъ купеческаго званія:

Нѣмчиновъ по чайной торговлѣ, Лукьяновъ былъ механикомъ и работалъ аэростатическія лампы. Были у меня сотрудниками и профессора, и учителя, и чиновники, и военные. Одинъ изъ чиновниковъ, Михаилъ Ивановичъ Поповъ, также уже умершій въ важномъ чинѣ и званіи, писалъ не дурные стихи подъ буквою М. и псевдонимомъ Миронскаго. Братъ его, Александръ, учитель русской словесности въ Смольномъ институтѣ и другихъ заведеніяхъ, писалъ разсказы. Путейскій офицеръ Вл. И. Цимерманъ началъ у меня свою литературную карьеру. Одинъ изъ петрашевцевъ, С. Ѳ. Дуровъ, писалъ не только замѣчательные стихи, но и прозаическіе очерки. Обо всѣхъ ихъ пріятно вспомнить и черезъ сорокъ лѣтъ слишкомъ; объ одномъ только не сохранилъ я доброй памяти, хотя онъ писалъ много въ 1848 году. Передавъ ему въ этомъ году фельетонъ, который я велъ самъ въ 1847 году, я конечно предоставилъ вполнѣ на его волю выборъ предметовъ для этихъ фельетоновъ—а онъ сталъ расхваливать разныя увеселительныя заведенія и даже, по образцу Булгарина, разные предметы торговли. Мнѣ конечно слѣдовало бы тотчасъ же прекратить подобную литературу, но я не считалъ себя вправѣ безъ явныхъ доказательствъ оскорбить своего сотрудника подозрѣніемъ, что подобные отзывы могли казаться не безкорыстными. Въ холерное время Излеръ своими вечерами и праздниками на минеральныхъ водахъ приносилъ пользу тѣмъ, что развлекалъ петербургскую публику и заставлялъ ее забывать о страшной гостьѣ. Онъ дѣлалъ также много добра, жертвуя частью сборовъ въ общество посѣщенія бѣдныхъ, въ разные пріюты, въ человѣколюбивое общество. Поэтому, въ концѣ лѣтняго сезона, всѣ участвовавшіе въ его концертахъ и вечерахъ и получавшіе отъ него достаточное вознагражденіе: пѣвцы, музыканты и хоры, дали ему благодарственный бенефисъ, на которомъ хоръ московскихъ цыганъ пропѣлъ въ честь Излера куплеты, сочиненные Платономъ Смирновскимъ. Эти куплеты, съ подробнымъ описаніемъ всего праздника, фельетонистъ предподнесъ читателямъ «Литературной Газеты» и редакторъ ея былъ такъ слабъ, что позволилъ напечатать это вовсе не литературное произведеніе, въ чемъ онъ кается и теперь, какъ въ проступкѣ неизвинительномъ. Mea culpa, mea maxima culpa. Приведу въ укоръ себѣ первую строфу этихъ куплетовъ, пѣтыхъ на голосъ извѣстнаго французскаго романса: «T'en souviens tu? disait un capitaine».

«Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный,
«Несчастныхъ другъ и другъ честныхъ людей.
«Хвала тебѣ! ты въ памяти народной
«Останешься на память нашихъ дней.
«Въ тѣ дни, какъ всѣ отъ страха трепетали
«И грозный бичъ тревожилъ всѣхъ умы,
«Въ твоихъ садахъ превесело гуляли.
«Ты вспомнишь ли?—но не забудемъ мы!»

Далѣе воспѣвались разныя качества и подвиги петербургскаго увеселителя. Одинъ изъ этихъ подвиговъ дѣйствительно заслуживалъ вниманія. Въ холеру особенно плохо приходилось уличнымъ музыкантамъ, шарманщикамъ, акробатамъ: ихъ почти никуда не пускали на дворы и не слушали ихъ музыки и пѣнія. Излеръ собиралъ этихъ бѣдняковъ на свои вечера, на минеральныхъ водахъ, заставлялъ ихъ пѣть, играть и выдавалъ имъ часть сбора. Это конечно хорошая черта, но и ее не слѣдовало воспѣвать въ такомъ восторженномъ тонѣ. Немудрено, что куплеты г. Смирновскаго возбудили неудовольствіе въ истинныхъ литераторахъ и я вскорѣ услышалъ, что Ѳ. А. Кони написалъ пародію на эти куплеты. Я просилъ его прислать мнѣ эти стихи—что онъ тотчасъ же исполнилъ—и хотѣлъ ихъ напечатать, чтобы хоть сколько-нибудь загладить мою вину и доказать безпристрастіе «Литературной Газеты», но всѣ старанія мои помѣстить въ ней насмѣшку надъ черезчуръ восторженнымъ куплетистомъ были напрасны и я только теперь могу привести остроумную пьесу даровитаго писателя, лирическія произведенія котораго слѣдовало бы собрать такъ же, какъ его критическія статьи о театрѣ и искусствѣ и издать ихъ, какъ Вольфъ издалъ его пьесы. Пародія Ѳ. А. Кони называется «Диѳирамбъ искреннему другу мелочному лавочнику». Эпиграфъ взятъ изъ Карамзина: «Пусть Виргилій прославляетъ Августовъ, я хочу хвалить Фрола Силна, простого поселянина».

«Хвала тебѣ, торговецъ благородный,
«Съ душою нѣжной, мягкою какъ шолкъ,
«Хвала тебѣ! въ тѣ дни, когда голодный,
«По лавочкамъ таскался я какъ волкъ,
«Въ тѣ дни когда вдругъ захворалъ картофель
«И страхъ объялъ кухарокъ всѣхъ умы,—
«Ты разгадалъ мой истощенный профиль...
«Ты помнишь ли? но не забудемъ мы!

«Пожертвовавъ для ближняго карманомъ
«И теплою любовію дыша,
«Не захотѣлъ прослыть ты Тамерланомъ
«И бралъ на грошь лишь гривну барыша.
«За то къ тебѣ сбѣжалися всѣ бабы
«И съѣли вмигъ всѣ огурцовъ холмы,
«Хотя тогда желудки были слабы....
«Ты помнишь ли?.. но не забудемъ мы!

«Душа твоя цѣлительнымъ бальзамомъ
«На горничныхъ обильно потекла.
«Ты какъ артистъ припасъ въ угоду дамамъ
«И голубковъ изъ дутаго стекла,
«И баночку помады бергамотной,
«И яблоковъ съ брусникой для зимы,—
«Цекорію давалъ въ кредитъ охотно...
«Ты помнишь ли? но не забудемъ мы.

«Ты помнишь ли, когда я для афиши
»Писалъ тебѣ про всякіе харчи
«И превознесъ талантъ твой выше крыши,
«А безкорыстье—выше каланчи...
«Ты мнѣ принесъ, о добрый, двѣ селедки,
«Ватрушки фунтъ и разные кормы
«И удружилъ три гривны на подметки...
«Ты помнишь ли? но не забудемъ мы?»

Эти стихи конечно не болѣе какъ шутка, но Θедоръ Алексѣевичъ Кони не рѣдко поднимался въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ до высокой ювеналовской сатиры. Таковъ, между прочимъ, его блестящій ямбъ, начинающійся стихами: «Не жди, чтобы цвѣла страна, гдѣ плохо слушаютъ разсудка, и гдѣ зависитъ все отъ сна и отъ сваренія желудка». Къ сожалѣнію, онъ и теперь еще не можетъ явиться въ печати. Θ. Кони еще въ тридцатыхъ годахъ переводилъ Беранже и прислалъ мнѣ для альбома переводъ пѣсни Le roi d'Yvetot, помѣченный 1830 годомъ. Это безпорно лучшій переводъ пѣсни про знаменитаго короля couronné par Jeanneton dun simple bonnet de coton, и Θ. А. передалъ ее хотя и не совсѣмъ точно, но гораздо ближе къ духу подлинника, чѣмъ В. Курочкинъ и Мей. А между тѣмъ, переводъ Кони совершенно неизвѣстенъ какъ и весьма многіе изъ его стихотвореній, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ «Гондольера» распѣваетъ вся Россія. Привожу этотъ переводъ, сдѣланный шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

ПѢСНЯ

О царькѣ въ городкѣ,
Молодцѣ и отцѣ,
О его чудесахъ,
О пирахъ и трудахъ,
Объ указахъ съ умомъ
И о прочемъ иномъ.

Былъ городокъ и въ немъ царекъ
Въ исторіи безвѣстный,
Вставалъ съ зарей, хоть поздно легъ,
А спалъ всегда чудесно,
Хоть не на лаврахъ—въ колпакѣ,
Подъ фризякомъ, на сундукѣ.
То-то любо, то-то мило,
То-то славный былъ царекъ!

И не царемъ, а молодцомъ
Его красотки звали,
И по дѣломъ его «отцомъ»
Всѣ слуги почитали.
И сколько тамъ сиротъ и вдовъ
Спѣшило подъ его покровъ!
То-то любо, то-то лихо,
То-то дѣльный былъ царекъ.

Безъ хрусталя онъ у стола,
Лишь было бъ чѣмъ напиться —
И самъ потомъ сѣдлалъ осла
По царству прокатиться.
При немъ гвардейскій часовой
Былъ—пудель грозный и дворной.
То-то любо, то-то мило,
То-то мудрый былъ царекъ.

Давалъ законъ ко благу онъ,
Чтобъ горе не нависло,
А не указъ со всѣхъ сторонъ
Все числа, да безъ смысла.
И взятокъ у него не бралъ
Ни копіистъ, ни генералъ...
То-то любо, то-то мило,
То-то правый былъ царекъ.

Онъ велъ одну войну—сгонялъ
Съ плѣши и мухъ, и мошекъ,
Бутылкамъ—спуску не давалъ,
А вѣшивалъ лишь кошекъ.
И умеръ онъ, когда въ лѣтахъ
Былъ еле-еле на ногахъ.
То-то любо, то-то лихо,
То-то добрый былъ царекъ.

И много лѣтъ царька портретъ
Въ народѣ сохранялся,
И вывѣской любви предметъ
Подъ елкой красовался.
И кто ни взглянетъ, ни зайдетъ—
Царька невольно помянетъ:
То-то горько, то-то жалко!
То-то славный былъ царекъ!

Кони писалъ и эпиграмы. Вотъ одна изъ нихъ на Воронцова, пріѣхавшаго съ Кавказа послѣ своей неудачной попытки захватить Шамиля въ Дарго:

«Могучъ, величественъ и грозенъ
«Въ клубъ англійскій графъ Воронцовъ вступилъ.
«Хоть онъ Шамиля не сразилъ,
«За то теперь сраженъ имъ Позенъ».

Но лучшимъ сатирическимъ произведеніемъ Кони надо считать его «Біографію благороднаго человѣка». Въ печати она появилась гораздо позднѣе въ искаженномъ видѣ съ большими пропусками. Но я получилъ ее въ автографѣ Ѳедора Алексѣевича, съ искренной надеждой конечно увидѣть ее въ моей газетѣ. Возстановляю ее въ томъ видѣ, какъ она была написана талантливымъ авторомъ.

Родился я—какъ подобаетъ.
Родитель мой былъ столбовой.
Гдѣ онъ служилъ—Господь то знаетъ,
Но человѣкъ былъ съ головой.
Хотя не дрался онъ съ французомъ,
Носилъ медаль, не зналъ аптекъ,
Былъ дюжъ, здоровъ съ огромнымъ пузомъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Весь домъ его былъ въ строгомъ чинѣ.
Холопей праздную семью
Держалъ всегда онъ въ дисциплинѣ,
Какъ свору гончую свою.
Онъ велъ дѣла благополучно,
Виновныхъ на конюшнѣ сѣкъ,
Псарей училъ собственноручно,
Какъ благородный человѣкъ.

Имѣя дѣла очень много
То на охотѣ, то въ гостяхъ,
Меня онъ сдалъ на волю Бога.
Я взросъ у ключницъ на рукахъ.
Я поѣдалъ варенье славно,
Ходилъ смотрѣть рысистый бѣгъ
И въ бабки дулся преисправно,
Какъ благородный человѣкъ.

Я съ гордостью открою внукамъ,
Что полный курсъ мой былъ—букварь,
Что обучалъ меня наукамъ
Нашъ деревенскій пономарь.
Я росъ свободно, праздно, вольно,
Межъ дворни, гончихъ и телегъ,
Да плеткой слугъ стегалъ пребольно,
Какъ благородный человѣкъ.

Чтобы избаваться отъ жалобъ,
Отецъ рѣшилъ меня женить,
Да разсудилъ, что не мѣшалобъ
Сперва маленько послужить.
Мои бумаги были чисты.
Тогда былъ не ученый вѣкъ—
И поступилъ я въ копіисты,
Какъ благородный человѣкъ.

Не зналъ я что такое страсти,
За честью гнаться не хотѣлъ,
Я покорялся всякой власти.
Предъ богачомъ—благоговѣлъ.
Не простиралъ далеко виды,
Сбиралъ щепы какъ дровосѣкъ—
Сносилъ безропотно обиды—
Какъ благородный человѣкъ.

Я врагъ былъ всякихъ либераловъ,
Во мнѣ духъ барства не потухъ.
Всегда терпѣть не могъ журналовъ —
Въ нихъ эдакій какой-то духъ.
Я денегъ не сорилъ на вздоры,
Не заводилъ библіотекъ
И не вступалъ ни съ кѣмъ я въ споры,
Какъ благородный человѣкъ.

Я проводилъ досугъ иначе,
Бродягамъ гроша не давалъ,
И въ зимній вечеръ и на дачѣ,
Исправно спалъ иль козырялъ.
Меня не трогалъ неимущій:
Не призрѣвать же всѣхъ калекъ!
Пусть самъ достанетъ хлѣбъ насущный—
Какъ благородный человѣкъ.

Жену мою... какъ вамъ сказать бы?...
Мнѣ мой начальникъ предложилъ.
Онъ зналъ ее еще до свадьбы
И награждалъ—по мѣрѣ силъ.
За ней сулилъ онъ тридцать тысячъ...
За эти деньги въ нашъ-то вѣкъ —
Себя позволитъ всякій высѣчь,
Какъ благородный человѣкъ!

Жена любила всѣ обряды
Великолѣпныхъ свѣтскихъ дамъ,
Днемъ покупала все наряды,
Скиталась ночью по баламъ.
Сперва ее плѣнила полька,
Потомъ подъѣхалъ знатный грекъ...
Что жъ было дѣлать?.. Плюнулъ только,
Какъ благородный человѣкъ.

Я былъ въ дѣлахъ отмѣнно тонокъ,
Спины и шеи не жалѣлъ,
Предъ сильнымъ—просто пàдалъ дòногъ,
Зналъ фамильярности предѣлъ
И хоть безъ мудраго ученья,
А переплылъ я много рѣкъ
И нажилъ славныхъ три имѣнья,
Какъ благородный человѣкъ.

Я въ свѣтѣ съ важностью прямою
Всегда держать себя умѣлъ
И подчиненный предо мною
Ни сѣсть, ни пикнуть бы не смѣлъ.
А если бъ вышелъ онъ изъ правилъ—
Да я бы судъ надъ нимъ изрекъ:
Безъ хлѣба на всю жизнь оставилъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Дѣтей къ начальству на поклоны
Всегда съ собою я возилъ,
Что значатъ важныя персоны
Я съ малолѣтства имъ внушилъ.
За то карьеру имъ составилъ,
Теперь пойдутъ и безъ опекъ.
Я долгъ родительскій исправилъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Весь вѣкъ я терся по пріемнымъ
У командировъ и вельможъ,
Терпѣлъ ихъ шутки съ видомъ скромнымъ
На все готовъ былъ и пригожъ.
За честь считалъ вкушать ихъ братенъ,
Въ мой домъ ихъ звалъ хоть на ночлегъ.
За то ихъ милостью украшенъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Хоть ждалъ ремесленникъ уплаты
Съ меня лѣтъ десять иногда,
Но мѣтилъ я въ аристократы
И твердо зналъ, что нѣтъ стыда
Должать за мебель, за линейки.
Зато платилъ я весь свой вѣкъ
Долги по картамъ до копейки,
Какъ благородный человѣкъ.

И внесъ на имя неизвѣстныхъ
Давно въ ломбардъ я капиталъ,
Достигъ до степеней извѣстныхъ—
И все что можно нахваталъ.
Воздвигъ этажей въ шесть домишко,
И формуляръ мой чистъ какъ снѣгъ,
А жилъ-то я на свой умишко,
Какъ благородный человѣкъ.

Скончался я, оплаканъ сыномъ,
За мной тянулся рядъ каретъ.
Свезли меня подъ балдахиномъ
И на поминкахъ былъ обѣдъ.
На дняхъ въ газетахъ вышелъ нумеръ,
Что-молъ такой-то, имя рекъ,
Почтенно жилъ и честно умеръ—
Какъ благородный человѣкъ!

Я остановился на сатирическихъ произведеніяхъ Ѳ. А. Кони, потому что покойный Гербель въ своемъ сборникѣ «Русскіе поэты»

обратилъ вниманіе только на его лирическія пьесы и привелъ, какъ образцы его поэтическаго таланта, два романса. Между тѣмъ, этотъ высоко-образованный человѣкъ, студентъ философскаго факультета Московскаго университета, получившій потомъ званіе лекаря, замѣчательный педагогъ и учитель исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, наставникъ-наблюдатель въ Дворянскомъ полку, даровитый журналистъ, который велъ положительно талантливо свой «Пантеонъ», наполняя его интересными статьями своими и другихъ сотрудниковъ, этотъ симпатичный писатель, съ которымъ я болѣе тридцати лѣтъ находился въ самыхъ пріязненныхъ, близкихъ отношеніяхъ—былъ по преимуществу юмористъ и сатирикъ, что доказываютъ, кромѣ стихотвореній, тридцать четыре его пьесы, написанныхъ имъ съ конца тридцатыхъ годовъ для русской сцены. Всѣ эти пьесы, оригинальныя и передѣлки, имѣли большой успѣхъ въ свое время именно по своему юмору, остроумію и легкой сатирѣ, свидѣтельствующихъ о талантѣ и наблюдательности. И между тѣмъ онъ вовсе не оцѣненъ у насъ по достоинству; даже пьесы его не подвергались серьезному разбору, не говоря уже о его трудахъ по всеобщей исторіи и исторіи русскаго театра. Его портрета и біографіи нѣтъ въ мюнстеровской галереѣ писателей, Межовъ упоминаетъ только о двухъ его театральныхъ статьяхъ, въ словарѣ Геннади онъ пропущенъ, Березинъ отвелъ ему пять сухихъ и пустыхъ строкъ, Старчевскій нѣсколько общихъ мѣстъ, даже смерть его въ 1879 году не вызвала сколько-нибудь обстоятельной оцѣнки много потрудившагося, несомнѣнно даровитаго писателя. Объ умершихъ писателяхъ наши періодическія изданія говорятъ еще меньше чѣмъ о живыхъ. Одна надежда, что серьезная критическая біографія Ѳ. А. Кони появится въ словарѣ Венгерова, когда, лѣтъ черезъ двадцать, словарь этотъ дойдетъ до буквы К.

Вл. Зотовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕВОЛЬНИЦА КРЫМЪ-ГИРЕЯ.

I.

Въ КОНЦѢ 1888 года, я случайно познакомился въ Одессѣ съ ветераномъ войнъ 1821—1828, 1854, и 1877 гг. отставнымъ полковникомъ X—ри. Грекъ по происхожденію и великій патріотъ — онъ въ продолженіе полустолѣтія лелѣялъ одну только мечту: увидѣть крестъ на св. Софіи въ Царь-градѣ. X—ри было уже 85 лѣтъ, когда я впервые встрѣтилъ его. Это былъ [1]) человѣкъ добрѣйшей души, раздававшій весь свой пенсіонъ бѣднякамъ. Не смотря на то, что все тѣло его было покрыто ранами, полученными въ разныхъ сраженіяхъ, не смотря на постоянныя страданія отъ нихъ, онъ былъ бодръ и сохранилъ свѣжую память. Разсказы его о походахъ и войнахъ за независимость Греціи въ 1821 году, съ Дибичемъ за Балканами, въ 1828—1829 г., о службѣ въ Балаклавскомъ греческомъ легіонѣ въ Крыму и о послѣдней войнѣ, были въ высшей степени интересны. Посѣщая часто X—ри, я интересовался не только его разсказами изъ военной жизни, но разспрашивалъ и о заселеніи Одессы, такъ какъ онъ, по словамъ его, прибылъ сюда въ 1813 году, когда въ Одессѣ только-что прекратилась чума и былъ снятъ карантинъ.

— Мнѣ было десять лѣтъ, когда я впервые ступилъ на одесскую почву,—говорилъ X—ри,—но я помню хорошо зарождавшійся городишко, помню нынѣшній бульваръ, представлявшій тогда груды мусора, помню, что на мѣстѣ теперешняго Палерояля обучались

[1]) Умеръ въ январѣ 1890 г.

войска, помню краснощекаго, кудряваго дюка де-Ришелье; помню, какъ онъ цѣлый день метался то въ гавань, то на постройки, то въ канцелярію.

— А Пушкина вы помните?—спросилъ я.

— Нѣтъ, меня въ то время не было въ Одессѣ, я былъ въ Аѳинахъ, но стихи его читалъ; стихи хороши, но неправдивы.

— Да вѣдь стихи фантазія поэта; это вѣдь не исторія.

— Да, но все же странно читать, что въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» онъ назвалъ невольницу Гирея княжною Маріей Потоцкой, тогда какъ это была настоящая гречанка Динора Хіонисъ, первая красавица не только въ Салоникахъ, но и во всемъ Царьградѣ.

— Откуда же вы это знаете?

— Какъ откуда! Динора, названная ханомъ Диларою, была даже мнѣ сродни. Она была падчерицей брата моего родного дѣда. На досугѣ я набросалъ на бумагѣ вкратцѣ эту исторію; только я писалъ по-гречески и для себя, не какъ писатель. Хотите, я подарю вамъ эту рукопись?

— Сдѣлайте одолженіе. Въ Одессѣ есть много грековъ, которые сдѣлаютъ мнѣ переводъ вашихъ замѣтокъ.

Старикъ вынулъ изъ ящика нѣсколько исписанныхъ листовъ и подалъ ихъ мнѣ, прибавивъ:

— Умру—по крайней мѣрѣ память обо мнѣ останется.

По полученіи мною отъ переводчика рукописи, я нашелъ въ ней много достойнаго, по моему мнѣнію, печати. Нужно было только побывать на мѣстѣ въ Бахчисараѣ и собрать нѣкоторыя данныя о послѣднихъ ханахъ Крыма.

Мнѣ удалось сдѣлать это въ прошломъ году; я осмотрѣлъ Бахчисарай и всѣ его достопримѣчательности, собралъ и пополнилъ имѣвшійся у меня матеріалъ историческими данными, и составилъ изъ него настоящую статейку.

II.

Это было въ 1764 году. Братъ родного дяди X—ри, Діомидъ, женился въ Салоникахъ на красивой гречанкѣ, вдовѣ Хіонисъ. Первый мужъ ея, Хіонисъ, былъ откупщикомъ скота въ Крыму, въ Кафскомъ каймаканствѣ. Послѣ смерти мужа, Марія Хіонисъ прибыла къ роднымъ въ Салоники, гдѣ и поселилась. У нея была дочь лѣтъ четырнадцати. Хотя по лѣтамъ у насъ въ Россіи подобный возростъ считается дѣтскимъ, но въ Греціи и Турціи въ эти годы женщины иногда достигаютъ полной зрѣлости. Динора, дочь Маріи Хіонисъ, была въ полномъ смыслѣ красавица, знала русскій и татарскій языки, прекрасно пѣла, играла на арфѣ и вышивала золотомъ. Высокаго роста, превосходно сложенная, съ черными,

длинными волосами, маленькимъ ротикомъ и полными губками, съ страстными выразительными глазами—она обращала на себя вниманіе самыхъ скромныхъ мужчинъ.

Не мудрено, что отчимъ ея засматривался на нее; не мудрено, что мать ея, чуть не молившаяся на дочь, вдругъ страшно возненавидѣла ее. Могла бы въ концѣ-концовъ случиться потрясающая семейная драма, но, къ счастью, родной дядя Диноры, жившій къ Кафѣ, узнавъ о печальномъ положеніи племянницы, вызвалъ ее къ себѣ въ Крымъ.

Въ гавани грузилось судно для отправки въ Запорожье маслинъ, изюму, оливы, вина и другихъ предметовъ потребленія. Товаръ сопровождали купецъ Еремей Пиросяниковъ, изъ крѣпости св. Дмитрія, съ полтавскимъ купцомъ Михаиломъ Кованько. Судно должно было идти въ Азовское море, но съ остановкою въ Кафѣ. Вотъ этимъ случаемъ и воспользовалась мать Диноры, чтобы отправить дочь свою на родину. Въ нѣсколько дней Динору снарядили въ дорогу. Мать ни за что не позволила отчиму сопровождать ее. Купцы Пиросяниковъ и Кованько были люди солидные, степенные и пожилые, и потому не представлялось ни какой опасности отправить съ ними дѣвочку. Безъ сожалѣнія, но и безъ радости, она простилась съ матерью и отчимомъ и пустилась въ дальній путь.

До Чернаго моря, т. е. до выхода изъ проливовъ—погода стояла благопріятная, но какъ только судно вошло въ Черное море—поднялась страшная буря. Судно потеряло мачты и паруса и, не слушая руля, гонимое восточнымъ вѣтромъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, прибыло въ Очаковъ.

Пиросяниковъ и Кованько находились въ весьма затруднительномъ положеніи: выйти въ море въ бурную погоду, съ полуразбитымъ судномъ—было немыслимо, на исправленіе аваріи требовалось не менѣе мѣсяца, а между тѣмъ товары на суднѣ могли испортиться. Кромѣ того, являлся вопросъ, какимъ путемъ переслать въ Кафу дѣвочку Динору. Рано утромъ прибылъ на судно очаковскій паша Сеидъ-Магметъ. Пиросяниковъ и Кованько, предъявивъ пашѣ свои документы, начали просить его о пропускѣ товаровъ ихъ въ Запорожье. Паша не только не далъ согласія, но заявилъ, что конфискуетъ всѣ товары—если судно въ теченіе семи дней не отправится въ Козловскую таможню (нынѣ Евпаторію). Зайдя въ каюту и увидя Динору,—паша былъ пораженъ ея красотою. На вопросъ, кто эта дѣвушка,—Кованько объяснилъ пашѣ всѣ подробности, причемъ высказалъ тѣ затрудненія, которыя представляются, при настоящемъ положеніи дѣла, относительно исполненія просьбы матери Диноры.

Паша тотчасъ же смекнулъ, что можетъ получить не мало золота и почестей, если доставитъ Динору крымскому хану Крымъ-Гирею.

— Я отправляю свою ханымъ къ брату ея, таманскому каймакану Хаджѣ-Казы-Агѣ,—сказалъ паша, обращаясь къ Кованько,— если хочешь, то дѣвочку доставятъ въ Кефу (Кафу) благополучно. Завтра идетъ туда большое судно.

Переговоривъ между собою, Пиросяниковъ и Кованько изъявили согласіе. Динора не протестовала; ей хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до мѣста. Между тѣмъ, Пиросяниковъ и Кованько послали нарочнаго въ Запорожье съ жалобой на очаковскаго пашу за непропускъ товаровъ. Черезъ нѣсколько дней отъ кошевого атамана была получена на имя очаковскаго паши бумага, въ которой ходатайствовалось о пропускѣ товаровъ купцовъ Пиросяникова и Кованько. На это ходатайство паша далъ слѣдующій отвѣтъ: [1])

«Искренному, почтенному и пріятному сосѣду, пріятелю нашему Запорожскому Кошевому, (котораго конецъ да будетъ благъ). Пріятельское объявленіе ваше, посланное съ нарочнымъ человѣкомъ о пропускѣ товаровъ купцовъ изъ Запорожья, мы получили и увѣдомляемъ васъ, что мы въ семъ дѣлѣ сами ничего сдѣлать не можемъ, а все зависитъ отъ храбраго и милостиваго хана нашего, высокостепеннаго Гирея, что такъ какъ въ Очаковѣ таможни не существуетъ, то товары должны показаны быть или въ Козловѣ, или въ Кефѣ—гдѣ имѣются таможни». Подписано: «Сеидъ-Магметъ, оберъ-комендантъ или хранитель города Очакова».

Получивъ этотъ отвѣтъ, кошевой сейчасъ же отправилъ жалобы кіевскому генералъ-губернатору, генералъ-аншефу Глѣбову, и русскому резиденту въ Царь-градѣ, Александру Михайловичу Обрескову, и крымскому хану.

Письмо къ хану написано такимъ крючковатымъ почеркомъ, что съ трудомъ можно понять содержаніе его. Подписано оно слѣдующимъ образомъ: «Вашей свѣтлости, въ сосѣдствѣ дружелюбнѣйшаго пріятеля нашего, доброжелательный сосѣдъ атаманъ кошевой Григорій Федоровъ». Отвѣтъ хана на пергаментѣ занимаетъ три листа въ переводѣ. Въ отвѣтѣ изложены правила относительно прибытія судовъ «съ Чернаго, Бѣлаго и иныхъ морей» къ крымскимъ портамъ.

«Въ виду того,—пишетъ ханъ,—что суда выгружаются помимо таможенныхъ пунктовъ—ханская казна отъ этого много теряетъ. На этотъ разъ сдѣлано снисхожденіе, чтобы досмотрщикъ Козловской таможни взялъ установленную пошлину съ прибывшаго къ Очакову судна и выпустилъ товары». Подлинникъ на пергаментѣ подписанъ: [2]) — «Ханъ Крымъ-Гирей, сынъ хана Давлетъ-Гирея». Кромѣ того, приложена печать съ словами:—«Ханъ Крымъ-Гирей, сынъ Давлетъ-Гирея—хана».

---

[1]) Подлинный на пергаментѣ съ засвидѣтельствованной копіей хранится у меня. И. Ѳ.

[2]) Подлинный пергаментъ съ переводомъ хранится у меня. И. Ѳ.

III.

Очаковскій паша Сеидъ-Магметъ немедленно отправился самъ въ Бахчисарай съ Динорой, взявъ съ собою для услугъ послѣдней старую свою служанку. Ханъ Гирей страшно тосковалъ въ этомъ году: шайтанъ едва не слопалъ луны (затменіе), недавно умерла его любимая жена. Все ему наскучило, все надоѣло. По прибытіи въ Бахчисарай, Сеидъ-Магметъ поспѣшилъ представить хану Динору, которая совершенно не знала, гдѣ она и куда попала. Крымъ-Гирей, взглянувъ на Динору, какъ опытный знатокъ женской красоты — понялъ, что предъ нимъ стоитъ «драгоцѣнная жемчужина».

Мрачное лицо его просіяло, и онъ, обратясь съ улыбкой къ очаковскому пашѣ, спросилъ, гдѣ онъ досталъ такую райскую гурію.

Сеидъ-Магметъ объяснилъ, что она уроженка Кафы, дочь умершаго Хіониса, бывшаго откупщика скота и теперь ѣдетъ къ дядѣ въ Кафу.

— И заѣхала къ намъ погостить? Спасибо. Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Динора,—отвѣчала смутившись послѣдняя.

— Дилара—повторилъ ханъ, или не разслышавъ хорошо имени Динора, или же нашедъ, что Дилара благозвучнѣе Диноры. Еще разъ бросивъ пытливый взглядъ на Динору, ханъ сказалъ:—«отдохни, тебя доставятъ въ Кефу когда пожелаешь». При этомъ онъ ударилъ въ ладони и знакомъ приказалъ Сеидъ-Магмету выйти въ другую комнату. На зовъ хана явился главный евнухъ.

— Поди, пригласи сюда маленькую Джанетъ [1]),—сказалъ ханъ евнуху.

Евнухъ вышелъ. Ханъ, обратясь къ Динорѣ, спросилъ, знаетъ ли она, гдѣ находится.

— У великаго каймакана, — тихо проговорила Динора.

Ханъ улыбнулся.

— У великаго и могущественнаго повелителя Крыма, у хана и царя Крымъ-Гирея,—сказалъ онъ, поглаживая бороду.

Динора поблѣднѣла.

— Не бойся дѣвочка, я страшенъ для враговъ, а не для такихъ какъ ты. Будь у меня здѣсь какъ дома, ты мнѣ понравилась, и если въ свою очередь окажешь мнѣ хоть немного своего вниманія, я сдѣлаю тебя самой счастливой женщиной.

Вошла молоденькая Джанетъ, вся въ ожерельяхъ. Ей было не болѣе десяти лѣтъ отъ роду.

— Вотъ устрой ее въ цвѣтной комнатѣ, — сказалъ ханъ, указывая на Динору,—ухаживай за ней какъ бы за мною, и прикажи,

---

[1]) Джанетъ была впослѣдствіи женою послѣдняго хана Шагинъ-Гирея.

чтобы всѣ ея желанія исполнялись безпрекословно.—Сказавъ это, онъ круто повернулся и ушелъ.

Цвѣтная комната называлась такъ потому, что вся была изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Верхняя часть оконъ застеклена была разноцвѣтными стеклами. Рядомъ съ этой комнатой помѣщалась ванная, а рядомъ съ ванной—диванная и затѣмъ комната хана, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ пріема разныхъ лицъ въ кабинетѣ. Цвѣтная комната предназначалась для первоначальнаго осмотра красивыхъ невольницъ, такъ какъ ханъ имѣлъ возможность изъ диванной комнаты осматривать купающихся въ ванной, а изъ ванной въ цвѣтной. Зная обычаи двора и ханскую прихоть, Динору прежде всего попросили выкупаться въ ваннѣ, и затѣмъ уже принесли ей роскошный обѣдъ. Конечно, во время ея купанья ханъ наблюдалъ изъ диванной, и, увидѣвъ во всемъ обояніи замѣчательную красавицу, воспылалъ къ ней сильнѣйшей страстью.

Три дня ханъ не посѣщалъ Диноры. Онъ только восторгался, подсматривая за нею или изъ диванной, когда она купалась, или изъ ванной въ спальню ея. Всѣмъ извѣстно, что не только восточные деспоты не стѣсняются съ невольницами, но даже и всякій мусульманинъ, купившій или взявшій въ плѣнъ женщину, считаетъ ее своею вещью, своей принадлежностью. На этотъ разъ ханъ Крымъ-Гирей просто-на-просто влюбился въ Динору. Чувственныя побужденія его замерли подъ давленіемъ другого, болѣе высокаго, болѣе человѣческаго чувства.

Хотя Пушкинъ въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» и говоритъ, что «воля хана — его единственный законъ» и далѣе, что «его душа любви не проситъ», но на этотъ разъ поэтъ ошибся. Душа и сердце хана запросили любви. Ему захотѣлось пережить эту высокую поэзію. Всѣ помыслы его сосредоточивались на Динорѣ. Каплю, только одну каплю любви чистой и искренной, не въ силу того, что онъ ханъ, не изъ боязни — нѣтъ, а по влеченію, — вотъ чего желалъ Крымъ-Гирей.

Динора въ свою очередь мучилась въ невѣдѣніи, когда ее отправятъ къ дядѣ. На всѣ ея вопросы, окружающіе двусмысленно улыбались, отвѣчая: «Когда повелитель укажетъ».

Динора очень тосковала. И Кафа, и Салоники, расположены у береговъ моря. Дѣвочка привыкла къ необозримому, величественному водному пространству, къ его ласкающему шуму, переливамъ, вѣчному движенію. Здѣсь же, изъ оконъ дворца, видѣнъ только садъ, и узкіе, угрюмые дворики съ фонтанами. Все давитъ своей мрачностью и тишиной. Самый городъ и дворецъ лежатъ въ глубокой и узкой долинѣ, окаймленной высокими и крутыми горами желтоватаго цвѣта. Ночью, при освѣщеніи луны, при однообразномъ журчаніи фонтановъ, мрачные кипарисы, похожіе на мертвецовъ, закутанныхъ въ саваны, наводятъ на впечатлительную душу

невыносимую тоску. Динора въ три дня осмотрѣла весь садъ, всѣ фонтаны и всѣ устроенныя тамъ затѣи хана. Въ особенности часто просиживала она возлѣ глубокаго резервуара, питавшаго всѣ ханскіе фонтаны. По вечерамъ, когда ей не спалось, она отворяла окно въ садъ и не отходила отъ него иногда до свѣта, иногда же она горячо молилась предъ небольшимъ образомъ, который ей позволили держать у себя возлѣ кровати, съ зажженной лампадой.

На четвертый день, когда Динора вечеромъ сидѣла возлѣ окна, въ комнату ея вошелъ ханъ. Не слышно ступая по мягкому ковру, онъ подошелъ къ ней и положилъ ей руку на голову. Динора вздрогнула и вскочила съ своего мѣста.

— Не пугайся, дѣвочка, неужели я такой страшный?—сказалъ онъ нѣжно.

— Когда меня отправятъ въ Кафу?

— А тебѣ здѣсь худо,—спросилъ ханъ?

— Дома лучше,—отвѣчала она.

— Чтò же тебя ждетъ у дяди? Я собралъ о немъ свѣдѣнія. Онъ человѣкъ не богатый, у него куча дѣтей, притомъ онъ больной. Оставайся здѣсь, я для тебя ничего не пожалѣю...

— Отпустите меня, чтò я буду здѣсь дѣлать,—взмолилась Динора.

— Полюби меня хотя немного, я осыплю тебя золотомъ и драгоцѣнностями, ты будешь царицей души моей и царицей Крыма, я положу къ ногамъ твоимъ всѣ сокровища міра. Какъ солнце озаряетъ и оживляетъ міръ, такъ и ты оживишь меня. Я люблю тебя страстно. Пожалѣй меня, ты видишь, какъ за эти нѣсколько дней, я измѣнился...

Динора стояла блѣдная, трепещущая, не зная, чтò сказать. Она когда-то слыхала о ханскомъ гаремѣ, о томъ что ханы берутъ себѣ въ невольницы кого захотятъ, и что этой чести добиваются многія. Но, вспомнивъ, что она христіанка, взглянувъ на страшное, изборожденное страстями лицо хана, она невольно отшатнулась отъ него съ крикомъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я христіанка!»

— Ты и будешь христіанкой, никто тебѣ не станетъ въ этомъ мѣшать. О! милая, будь моею,—говорилъ ханъ и при этомъ обнялъ Динору и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Возьмите мое тѣло, убейте меня, но я души своей не оскверню,—вскричала она, и безъ чувствъ опустилась на коверъ.

Ханъ позвалъ прислужницъ и, въ отчаяніи, ушелъ. Прислужницы подняли Динору, уложили ее въ постель и привели въ чувство.

Отпустивъ служанокъ, Динора, вся потрясенная, присѣла къ растворенному окну. Прохладный воздухъ, напитанный запахомъ розъ и жасминовъ, врывался въ комнату, озаренную слабымъ свѣтомъ лампады. Блестящіе мраморы и причудливая мозаика едва виднѣлись въ тускломъ свѣтѣ. А тамъ за окномъ стройные кипа-

рисы и величественныя чинары, осѣненные блѣдными лучами луны, какъ бы притаились, слушая унылое журчаніе фонтановъ. Взволнованная ханскими словами, Динора не могла даже дать себѣ отчета въ томъ, что она чувствовала. То ей представлялось величіе повелительницы, то вдругъ въ ней пробуждалось религіозное чувство; то, наконецъ, передъ ея глазами появлялось страшное, искаженное лицо хана, вызывавшее въ ней отвращеніе и какой-то невольный ужасъ.

Многое передумала и перечувствовала Динора, сидя въ своей комнатѣ. Она сознавала, что у нея нѣтъ никакихъ средствъ и силъ для борьбы съ ханомъ.

Умереть—вотъ единственный исходъ. Кстати, ханъ распорядился, чтобы въ ея комнату ни ступала ни одна мужская нога, чтобы въ саду она могла гулять безъ чадры, и чтобы всѣ, завидя ее, уходили и ни подъ какимъ видомъ не встрѣчались бы съ ней. Да, умереть самое лучшее. Броситься въ бассейнъ и конецъ. Но вдругъ, взглянувъ на образъ, она вспомнила, что самоубійство страшное преступленіе, что душа самоубійцы будетъ блуждать всю вѣчность, не находя себѣ, тамъ, въ томъ мірѣ, никакого пріюта, и что по уставу христіанской церкви она лишается погребенія. Нѣтъ, это невозможно... Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать?!. Бѣжать! Но куда убѣжишь отъ хана и его стражи.

Долго еще сидѣла у окна, измученная своими горькими думами, Динора; наконецъ, сонъ началъ одолѣвать ее—и она, помолившись Богу, крѣпко заснула.

Въ часъ или два ночи, Динора инстинктивно открыла глаза и въ слабомъ отблескѣ свѣта отъ мерцающей лампады ей показалась вдали какая-то тѣнь. Первое впечатлѣніе ея было, что разстроенное воображеніе рисуетъ ей еще неизгладившійся образъ хана. Притаивъ дыханіе, она вперила взоръ свой на стоявшій вдали предметъ. Каковъ же былъ ужасъ ея, когда она увидѣла медленно подвигавшагося къ ней хана. Страшенъ былъ онъ ей днемъ, а теперь, ночью, безъ чалмы, съ бритой головой, съ конвульсивно подергивающимися губами,—онъ казался ей свирѣпымъ, голоднымъ волкомъ, бросающимся на добычу. Дрожа какъ въ лихорадкѣ,—ханъ неровною поступью подошелъ къ алькову. Динора вскочила. Блѣдная, испуганная, она вся трепетала.

— Прости меня, царица души моей, прости меня, радость моего сердца, я не въ силахъ былъ превозмочь себя, я у ногъ твоихъ; вотъ кинжалъ, убей меня, убей мнѣ будетъ легче.

Динора молчала.

— Возьми все, что пожелаешь, возьми всѣ мои богатства, возьми мою душу, проси чего хочешь и нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы я не могъ дать тебѣ.

— Лучше убей меня, повелитель, этимъ кинжаломъ и я буду счастлива.

— Не хочешь быть моею, не хочешь полюбить меня?!.

— Я въ твоей власти—тѣло твое, а душа принадлежитъ Господу моему.

— Мнѣ не нужно твоей души, мнѣ нужна твоя ласка, ну хоть притворись, что любишь меня, поцѣлуй меня,—и ханъ прильнулъ пылающими устами къ плечу Диноры.

Динора слабо вскрикнула и опустилась, какъ подкошенная трава.

Черезъ полчаса ханъ возвращался въ свои комнаты медленной походкой. На мертвенно-желтомъ лицѣ его нельзя было прочесть ни радости, ни отчаянія. Точно призракъ злого духа исчезъ онъ въ полумракѣ.

IV.

Что сильнѣе: ненависть, ревность, или любовь? Съ ненавистью всегда можно совладать, какъ бы глубоко ни ненавидѣлъ человѣкъ человѣка; но, при извѣстныхъ условіяхъ, примиреніе возможно. Ревность хотя и затемняетъ разсудокъ, хотя доводитъ иногда человѣка до изступленія, все же иногда, и даже очень часто, ревнивца можно успокоить и образумить. Но чѣмъ успокоите вы влюбленнаго старика, влюбленнаго дикаря, для котораго нѣтъ на землѣ закона, для котораго личная его воля—единственный законъ? О возростѣ Крымъ-Гирея нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но изъ историческихъ данныхъ видно, что въ 1734 онъ былъ уже ханомъ, слѣдовательно, въ описываемый періодъ времени ему было, во всякомъ случаѣ, не менѣе пятидесяти лѣтъ. Въ такую пору жизни необузданная страсть низводитъ человѣка до степени дикаго звѣря. И дѣйствительно, Крымъ-Гирей превратился въ звѣря, рвавшаго и метавшаго все, что попадалось ему на глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ казнилъ двухъ придворныхъ слугъ, убилъ одного евнуха и отрубилъ ухо первому своему капуджи-баши. Наконецъ, собравъ своихъ лучшихъ наѣздниковъ онъ помчался черезъ Тамань къ берегамъ Кавказа, чтобы въ крови заглушить бушевавшія въ немъ страсти.

А Динора? Она была окружена клевретами Гирея, старавшимися представить ей хана высшимъ существомъ, героемъ, полубогомъ. Ей постоянно разсказывали о его геройской удали, храбрости, богатствѣ и величіи. Вызванъ былъ изъ Кафы и больной ея дядя, который со слезами умолялъ Динору полюбить Гирея. Отуманенная словами окружающихъ, бѣдная дѣвочка не находила себѣ нигдѣ покоя. Куда бы она ни взглянула, о чемъ бы не заговорила, вездѣ на первомъ планѣ выдвигался ханъ. Разъ, гуляя

по заламъ дворца, она увидѣла въ одной изъ нихъ на карнизахъ татарскую надпись: «Да наслаждается ежеминутно ханъ при милости Божіей удовольствіями, да продлитъ Господь Богъ дни его и счастье, Крымъ-Гирей ханъ, сынъ высокостепеннаго Давлетъ-Гирея, источникъ мира и безопасности, правитель мудрый, краса крымскаго престола, повелитель великаго царства. Смотри: этотъ дворецъ, созданный высокимъ умомъ хана, оправдывающій хвалебную пѣснь. Это зданіе его радушіемъ подобно солнечному сіянію освѣтило Бахчисарай. Это обитель гурій, это нитка морского жемчуга».

Черезъ двѣ недѣли, ханъ возвратился изъ похода. Съ возвышенной терасы дворца гаремныя затворницы, укрытыя чадрами, любовались гарцованіемъ лихихъ наѣздниковъ, проѣзжавшихъ мимо ханскаго дворца. Динора также была здѣсь, съ маленькой Джанетъ. На красивой статной лошади, убранной золотомъ и драгоцѣнными камнями—ханъ показался ей богатыремъ. Ни красота, ни умъ, ничто такъ не подкупаетъ женщинъ, какъ храбрость или доброта.

Существуетъ преданіе, что у Крымъ-Гирея, какъ это пишетъ и Пушкинъ, въ числѣ другихъ женъ, была черкешенка Зарема. Не смотря на свою молодость и красоту, она любила Гирея и до появленія Диноры вполнѣ властвовала и надъ ханомъ, и надъ всѣмъ его дворомъ. Хитрая и ревнивая, Зарема употребляла всѣ старанія, чтобы какъ-нибудь поговорить наединѣ съ Динорой. Она видѣла, что съ прибытіемъ послѣдней утратила всякое вліяніе, и что Гирей забылъ о ея существованіи.

Гирей по возвращеніи своемъ изъ похода былъ встрѣченъ Динорою ласково и привѣтливо. На радости, онъ созвалъ весь гаремъ, приказалъ позвать танцовщицъ и музыкантовъ-цыганъ, которые играли на ближайшемъ балконѣ. Танцы не прекращались до глубокой ночи; въ заключеніе, ханомъ роздано было множество подарковъ; Динорѣ же онъ поднесъ великолѣпное ожерелье изъ крупныхъ изумрудовъ и брильянтовъ. Зарема, конечно, находилась въ числѣ присутствующихъ. Она плясала передъ ханомъ и старалась очаровать его, но онъ ни на минуту не отходилъ отъ Диноры, самъ угощалъ ее лакомствами и не спускалъ съ нея глазъ. Зарема пылала злобою.

Въ головѣ ея возникла мысль умертвить Динору во что бы ни стало.

На другой день, вечеромъ, когда ханъ, послѣ сытнаго обѣда, заснулъ въ своей спальнѣ, Динора гуляла въ саду. Солнце скрылось уже за вершиною окрестныхъ обрывовъ; муэзины гнусливо выкрикивали съ сорока воздушныхъ минаретовъ извѣстное изреченіе: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его», город-

ской шумъ началъ стихать. Динора сѣла на мраморную стѣнку главнаго бассейна съ водою и глубоко задумалась.

Въ это время, крадучись какъ кошка завидѣвшая мышь, не слышно подошла Зарема. Динора вздрогнула, какъ бы инстинктивно почуявъ врага. Зарема, сохраняя присутствіе духа, мило улыбнулась и усѣлась рядомъ съ Динорой. Не успѣла послѣдняя опомниться, сообразить, какъ должна себя держать съ первой женою хана, съ своимъ непримиримымъ врагомъ, какъ Зарема, играя дорогими четками, будто нечаянно уронила ихъ. Четки упали къ ногамъ Диноры и разсыпались. Динора наклонилась, чтобы поднять ихъ. Въ это мгновеніе Зарема изо всей силы толкнула ее назадъ, такъ что Динора опрокинулась въ глубокій бассейнъ, наполненный водою.

Послышался глухой крикъ, всплескъ воды, и затѣмъ все затихло. Отъ бассейна, по темной и узкой аллеѣ, быстро проскользнула какая-то тѣнь...

Черезъ полчаса, ханъ, гуляя въ саду, случайно подошелъ къ бассейну. Возлѣ мраморнаго края бассейна лежала шитая золотомъ женская туфля. Ханъ съ удивленіемъ поднялъ ее и заглянулъ въ бассейнъ. На поверхности воды плавалъ бѣлый платокъ. Ханъ бросился въ комнату Диноры, комната оказалась пустою. Тогда ханъ поднялъ на ноги всю дворцовую прислугу; принесли огни, багры и съ глубины бассейна вытащили мертвую Динору.

Крымъ-Гирей упалъ безъ чувствъ на землю.

Долго лежалъ онъ въ глубокомъ обморокѣ, но наконецъ пришелъ въ себя. Горю его не было предѣловъ. Этотъ бездушный человѣкъ, истребитель десятковъ тысячъ народа, рыдалъ какъ ребенокъ надъ трупомъ Диноры.

Она была погребена внѣ ограды ханскаго кладбища. Еще и по нынѣ можно видѣть полуразрушенный памятникъ, представляющій изъ себя восьмиугольную тюрбину, съ надписью: «Да будетъ милость Господа Бога надъ Динорою. 1178 г.» (1764 г.); на другой сторонѣ надпись «Молитву за упокой души Диноры бикечь» (боярыни, госпожи).

Послѣ похоронъ Диноры, или Дилары, какъ называлъ ее ханъ, маленькая Джанетъ принесла ему нѣсколько крупныхъ бирюзовыхъ камней съ дирочками, найденныхъ ею возлѣ бассейна. По тщательномъ осмотрѣ одежды покойной Диноры, одно зернышко было найдено въ сборахъ ея платья. Ханъ вспомнилъ, что камни эти составляютъ часть четокъ, подаренныхъ имъ Заремѣ.

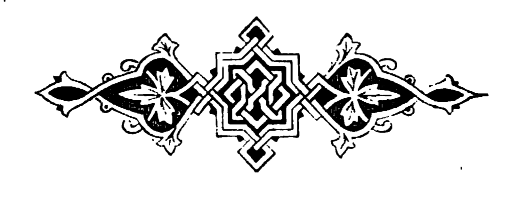
Тотчасъ же посланъ былъ главный евнухъ къ Заремѣ съ приказаніемъ отобрать и принести хану ея четки для сличенія. Виновная объяснила, что она давно потеряла четки. Сдѣланъ былъ тщательный обыскъ и у Заремы нашли разорванныя четки. Участь ея была рѣшена.

Въ ночь на слѣдующій день, Зарема умерла. Ей дали выпить чашку отравленнаго кофе и черезъ часъ ея не стало. Тѣло ея похоронено было тайкомъ и въ отдаленномъ мѣстѣ, такъ, чтобы ханъ не зналъ даже ея могилы.

Въ теченіе всего времени, пока воздвигался памятникъ надъ могилою Диноры, ханъ безотлучно находился при работахъ. Сидя подъ тѣнью чинаръ, онъ по цѣлымъ часамъ оставался недвижимъ. Осунувшійся, пожелтѣвшій, какъ пергаментъ, съ всклокоченной бородой, съ притупленнымъ, блуждающимъ взглядомъ, онъ напоминалъ заживо погребеннаго. Казалось, онъ давно умеръ, но смерть случайно, или по ошибкѣ, прошла мимо, не замѣчая его. Когда памятникъ былъ оконченъ, ханъ, помолившись возлѣ него, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и на другой день его нашли въ постелѣ мертвымъ.

Магометане признаютъ естественно умершими только тѣхъ лицъ, которые умираютъ хотя послѣ непродолжительной болѣзни. Всякую скоропостижную смерть, отъ разрыва сердца, отъ апоплексическаго удара и т. п. они считаютъ или порчей, или отравой. Въ хроникѣ записано, что ханъ Крымъ-Гирей умеръ отъ яда.

Ив. Өедоровъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ.

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому и Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

I.

Мои предки.—Смерть отца.—Хозяйство матушки.—Мякининъ.—Предложеніе Мякинина помѣстить насъ въ корпусъ.—Нашъ отъѣздъ изъ Мижирича.—Въ Княжномъ селѣ.—Представленіе Маврѣ Петровнѣ.—Безчеловѣчныя распоряженія старухи.—Отъѣздъ Мякининой въ Тихвинскій монастырь.—Недѣля говѣнія и встрѣча съ Горемыкинымъ.—Въ селѣ Бѣломъ.—Пребываніе у княгини Голицыной.—Набожность Голицыной.—Моя экскурсія на челнокѣ.—Мина Ивановичъ.

РОДОНАЧАЛЬНИКОМЪ нашимъ считается нѣкій Миронъ Рубанъ. Какого онъ былъ происхожденія и какой націи—не извѣстно. Достовѣрно только то, что ему, какъ и другимъ предпріимчивымъ его современникамъ, удалось, еще задолго до воцаренія Петра Великаго, обратить въ свою собственность довольно большое количество свободной земли. Право на владѣніе этою землею было утверждено за нимъ правительствомъ и ему была выдана грамота. Еще и до сихъ поръ существуетъ преданіе, что помѣстія въ Малороссіи пріобрѣтались безъ особаго труда: задумавшій сдѣлать таковое пріобрѣтеніе ставилъ на извѣстномъ пунктѣ никому не принадлежавшей земли четырехъ всадниковъ и приказывалъ имъ скакать въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока выдержатъ ихъ кони. На этихъ пунктахъ всадники втыкали копья, а кривая, соединявшая эти копья, составляла границу новаго помѣстья.

Имѣніе Мирона было расположено по рѣкамъ Пселу и Рулѣ въ бывшей Слободско-Украинской, нынѣ Харьковской губерніи, въ Лебединскомъ уѣздѣ, и составляло площадь до пятидесяти верстъ въ окружности. Въ центрѣ своего имѣнія Миронъ основалъ хуторъ, названный имъ Мироновскимъ, который существуетъ и по сей день.

Съ теченіемъ времени имѣніе Мирона начало дробиться между его потомками. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича многіе изъ нихъ поступили въ казацкіе полки, другіе, послѣ царствованія Петра Великаго, при общемъ стремленіи дворянъ къ государственной службѣ, начали мало-по-малу переселяться въ обѣ столицы.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ таковыхъ переселеній была продажа въ чужія руки родовыхъ украинскихъ помѣстій и какъ бы добровольное отчужденіе отъ своей настоящей родины.

Одинъ изъ болѣе дальнихъ потомковъ Мирона, нашъ прадѣдъ Кириллъ, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, проживалъ въ Москвѣ, гдѣ и женился на богатой уроженкѣ Полтавской губерніи, Тимченкѣ, при условіи присоединить ея фамилію къ собственной. Къ этому затрудненій не встрѣтилось, и съ тѣхъ поръ мы, прямые его потомки, носимъ двойную фамилію—Тимченко-Рубанъ. Родные же братья Кирилла остались при прежней фамиліи. Довольно извѣстный писатель Екатерининскаго времени Рубанъ, былъ роднымъ племянникомъ Кирилла.

Располагая хорошими денежными средствами, прадѣдъ Кириллъ воспиталъ и пристроилъ на службу въ Петербургѣ и Москвѣ пятерыхъ своихъ сыновей и не только сохранилъ, но даже расширилъ свое украинское помѣстье. Его имѣніе заключало около пяти тысячъ десятинъ. Изъ нихъ на долю нашего дѣда Матвѣя досталась тысяча десятинъ, а, по раздѣлу между пятью его сыновьями, нашему отцу Роману досталось лишь двѣсти.

Кромѣ пахатной земли и при ней 30 душъ крестьянъ, жившихъ въ хуторѣ Мироновскомъ, отцу досталась еще и дѣдовская усадьба въ большой казацкой слободѣ Мижиричѣ, въ которой мои родители имѣли постоянное жительство.

Дѣдовскій домъ въ Мижиричѣ былъ деревянный. Обширный дворъ былъ застроенъ прочными хозяйственными службами. Къ дому примыкалъ хорошій фруктовый садъ, въ которомъ помѣщалась небольшая пасѣка. Въ верстѣ отъ дома, черезъ обширнѣйшій лугъ, протекалъ Пселъ, за которымъ росъ принадлежавшій разнымъ владѣльцамъ, а въ томъ числѣ и нашему отцу, дубовый лѣсъ. На берегу Псела, на небольшомъ пригоркѣ, стоялъ винокуренный заводъ самаго патріархальнаго устройства.

Мой отецъ, хромой съ молодости, служилъ первоначально въ гражданской службѣ, занимая должность секретаря въ уѣздномъ Недригайловскомъ судѣ. Когда же, по случаю нашествія на Россію французовъ въ 1812 году, формировались ополченія, онъ, по ста-

ранію его младшаго брата Василія, состоявшаго при Барклаѣ-де-Толли, былъ зачисленъ въ петербургское ополченіе, а потомъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ поручикомъ.

Этотъ новый гвардеецъ, не видя ни разу въ продолженіе всей жизни Петербурга, скончался въ 1819 году, оставивъ на попеченіе нашей матушки громаднѣйшее семейство, въ которомъ я, родившійся въ 1814 году, былъ послѣднимъ.

Хотя въ день смерти отца мнѣ и не было еще полныхъ пяти лѣтъ, я отлично помню, какъ онъ, одѣтый въ мундиръ Преображенскаго полка, лежалъ въ гробу въ нашей гостиной, помню и всю похоронную процесію.

Также ясно я помню дѣда Егора Кирилловича, бригадира, состоявшаго на службѣ кабинетъ-курьеромъ еще императрицы Екатерины II-й; помню его нарядъ, помню, какъ ухаживалъ онъ за своею пасѣкой и съ какимъ видимымъ наслажденіемъ курилъ свою трубку изъ длиннѣйшаго чубука.

Положеніе матушки при ея ограниченныхъ средствахъ и семействѣ въ одиннадцать дѣтей было крайне не отрадное. Но не многимъ смертнымъ, при подобныхъ условіяхъ, удается достигнуть той обстановки въ своемъ домашнемъ обиходѣ, какую сумѣла устроить матушка. Свои, какъ говорится, были сыты и одѣты, чужіе приходили въ удивленіе, не понимая, какимъ это чудомъ можетъ она такъ оборачиваться, что даже почти ежедневныя посѣщенія добрыхъ знакомыхъ не стѣсняютъ ее.

Между посѣтителями нашего дома почти ежедневно можно было видѣть офицеровъ квартировавшаго тогда въ Мижиричѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка. На упреки родныхъ за открытую жизнь, моя матушка обыкновенно отвѣчала:—«Покуда милосердный Богъ даетъ мнѣ средства, грѣшно и стыдно чуждаться добрыхъ людей, такъ полюбившихъ мой домъ. Кто знаетъ, гдѣ еще доведется быть моимъ сироткамъ? Быть можетъ, моя хлѣбъ-соль не забудется».

Упреки родныхъ хотя и имѣли свое основаніе, но тѣмъ не менѣе всѣ они хорошо знали, что наша матушка слыла за лучшую хозяйку во всемъ Лебединскомъ уѣздѣ. И дѣйствительно—мастерски вела она свои дѣла! При умѣніи расположить къ себѣ всѣхъ и каждаго, ей какъ-то особенно все удавалось. Живущіе въ окрестныхъ хуторахъ казаки особенно цѣнили расположеніе матушки: у нея одной находили они и совѣтъ, и помощь, а потому и съ своей стороны старались услужить ей. Понадобятся, бывало, косари—сколько угодно! Нужно послать въ Крымъ за солью — вся забота заключалась только въ томъ, чтобы имѣть воловъ, да чумацкіе возы, и соль сама уже является во дворъ. Нужно приготовить подъ посѣвъ землю или убрать хлѣбъ съ полей—и объ этомъ не нужно было безпокоиться. И все это за ласковое слово, за спасибо, за радушное во вкусѣ этихъ людей угощеніе, при чемъ сама

матушка садилась съ ними и вела хозяйственные разговоры, какъ равная съ равными.

Изъ офицеровъ Сѣверскаго полка особенно близокъ къ намъ былъ поручикъ Яковъ Гавриловичъ Мякининъ. Дружба, завязавшаяся между нимъ и моимъ старшимъ братомъ Александромъ, оставившимъ послѣ смерти отца военную службу, была самая тѣсная. Матушка, поощряя эту дружбу молодыхъ людей, выстроила даже особый флигелекъ въ саду для друзей. Съ этихъ поръ Мякининъ сдѣлался какъ бы членомъ нашей семьи. Мякининъ былъ изъ весьма небогатыхъ дворянъ Новгородской губерніи. Отца своего онъ лишился еще въ дѣтствѣ. Мать его, Мавра Петровна, особа пожилыхъ лѣтъ, сама управляла своимъ маленькимъ имѣніемъ, проживая въ Княжномъ селѣ Боровичскаго уѣзда.

Въ 1821 году, по смерти одного изъ холостыхъ дядей, Мякинину досталось по завѣщанію довольно хорошее имѣніе покойнаго. Уступая просьбамъ своей матери, онъ рѣшился проститься съ полкомъ, разстаться и съ нашимъ домомъ, гдѣ такъ тепло жилось ему. Между тѣмъ, задавшись цѣлью отблагодарить чѣмъ-нибудь матушку за ея постоянное къ нему расположеніе, онъ предложилъ ей опредѣлить въ какой-нибудь кадетскій корпусъ двухъ младшихъ сыновей: Степана, имѣвшаго 12 лѣтъ отъ роду, и меня, едва достигшаго семилѣтняго возроста.

Сообразивъ, что отъ подобныхъ предложеній даже грѣшно отказываться, матушка приняла предложеніе Мякинина съ благодарностью. Ее не пугала разлука съ нами. Братъ Александръ также въ свое время былъ отвезенъ на воспитаніе въ 1-й кадетскій корпусъ, а пришлось же ей съ нимъ свидѣться. Съ другой стороны она вполнѣ могла положиться на Мякинина.

Начались приготовленія къ дорогѣ. Обоихъ насъ обшили, куплена была бричка на ресорахъ, сформирована новая упряжь и выѣзжена выращенная дома тройка вполнѣ надежныхъ лошадей. Нечего уже и говорить о цѣлыхъ коробахъ разной провизіи, заготовленной для насъ, и о тѣхъ наставленіяхъ, которыя давали намъ, указывая на послѣдовательность ихъ уничтоженія: это ужъ было дѣломъ личной предусмотрительности нашей дорогой матушки.

Передъ отъѣздомъ, желая испросить благословеніе Божіе на дорогихъ сердцу путниковъ, матушка повезла насъ сперва въ Ахтырку, а потомъ въ Каплуновку, гдѣ, по отслуженіи напутственныхъ молебствій передъ святыми иконами явленной Божьей Матери, на насъ были возложены благословенные образки съ изображеніемъ святой Заступницы и Покровительницы дѣтей. По возвращеніи въ Мижиричъ, не долго уже намъ пришлось пользоваться нѣжными ласками родительницы. Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ въ день рожденія Богоматери, 8-го сентября.

Выѣхавъ изъ дому въ одномъ экипажѣ съ матушкой, мы, какъ мнѣ помнится, поднялись верстахъ въ двухъ отъ Мижирича на довольно высокую гору, гдѣ было расположено обширное кладбище. Тутъ матушка повела насъ къ могилѣ покойнаго отца, гдѣ все было приготовлено къ отслуженію панихиды: у аналоя стоялъ священникъ, горѣли свѣчи, поставленныя передъ святымъ Евангеліемъ, дымилось кадило въ рукахъ діакона. Священникъ оказался моимъ старымъ знакомымъ: я прожилъ у него нѣкоторое время, отданный матушкой для обученія. Но видно наука и способъ преподаванія священнослужителя мнѣ не особенно понравились, такъ какъ, не проживъ у него и трехъ недѣль, я убѣжалъ.

По отслуженіи панихиды, мы направились къ близь ростущему лѣску. Здѣсь, у опушки, былъ накрытъ столъ и мы усѣлись за своими приборами. Обѣдъ продолжался не долго. Немного времени взялъ и напутственный молебенъ. Подали дорожную бричку. Матушка благословила насъ и повалилась безъ чувствъ на землю. Насъ живо усадили, и тройка помчалась во весь духъ. Бѣдная мать! Она какъ бы предчувствовала, что это ея разставаніе съ дѣтьми послѣднее, на вѣки: она скончалась въ 1831 году отъ холеры, когда я былъ еще въ корпусѣ, а братъ Степанъ сражался въ царствѣ Польскомъ съ возставшими поляками.

По пути мы заѣзжали погостить къ какимъ-то помѣщикамъ Курской и Орловской губерній, и только черезъ мѣсяцъ, если не болѣе, добрались до давно желаннаго Княжнаго села, ночью, въ страшную вьюгу. Почти цѣлый часъ стучались мы въ ворота, но никто не выходилъ; зубы отъ холода били тревогу, руки коченѣли. На-силу-на-силу вышелъ откуда-то дряхлый старичишко, да и тотъ далеко не сразу отворилъ ворота. Убѣдясь въ пріѣздѣ молодого барина, старичишко впустилъ насъ во дворъ и разбудилъ ключницу такихъ же преклонныхъ лѣтъ. Послѣдняя провела насъ въ гостиную, гдѣ мы и расположились на ночлегъ. На нашу просьбу о самоварѣ и ужинѣ ключница наотрѣзъ объявила, что не имѣетъ права ничѣмъ распоряжаться безъ барыни, а будить старуху—сохрани Богъ!

На другой день Мякининъ отправился къ своей матери одинъ, да и то только по ея зову. Свиданіе это, судя по доходившимъ до насъ непривѣтливымъ звукамъ голоса Мавры Петровны, отзывалось чѣмъ-то недобрымъ. Возвратясь къ намъ въ слезахъ, Мякининъ объявилъ, что его мать желаетъ насъ видѣть. Мы уже были одѣты и робко направились въ уборную Мавры Петровны.

— Вотъ этихъ-то хохлятъ привезъ ты?—сказала она, обратившись къ сыну.—Нечего сказать, удружилъ! удружилъ, голубчикъ!..

Затѣмъ, призвавъ къ себѣ ключницу, старуха отдала приказаніе очистить уголъ въ комнатѣ смежной съ кухнею, полной таракановъ и другихъ насѣкомыхъ.

Сколько не умолялъ Мякининъ свою мать отмѣнить это безчеловѣчное приказаніе, представляя ей, какъ роскошно онъ самъ былъ помѣщенъ въ нашемъ домѣ, старуха осталась непреклонною. Высылая насъ отъ себя, она присовокупила, чтобы мы и на глаза-то не смѣли къ ней показываться.

Какъ не отвратительно было указанное намъ помѣщеніе, гдѣ вмѣсто кроватей пришлось спать на рогожахъ, разостланныхъ прямо на грязномъ полу, мы охотно съ нимъ помирились послѣ любезнаго пріема почтенной Мавры Петровны.

Черезъ завѣшанную грязнымъ дырявымъ рядномъ дверь изъ нашей комнаты въ кухню, мы видѣли, какъ приготовлялся обѣдъ и заранѣе упивались мыслью удовлетворить свой волчій голодъ вкусными, повидимому, блюдами. Но не тутъ-то было! Къ барскому столу насъ не позвали, да и отъ стола ничего не приносили. Сѣла обѣдать прислуга, но и къ ней насъ не пріобщили.

Только вечеромъ, и то, вѣроятно, по просьбѣ Мякинина, жена повара, какъ бы украдкой, принесла намъ маленькую крыночку молока да по ломтику чернаго хлѣба, выпеченнаго пополамъ съ мякиной. Другой день, третій, и такъ далѣе до самаго великаго поста 1822 года мы не знали другой пищи, кромѣ объѣдковъ, остававшихся отъ прислуги.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого убійственнаго содержанія было появленіе: у меня страшнѣйшей золотушной сыпи на головѣ, обратившейся съ сплошную гнойную болячку и чесотки по всему тѣлу; у брата Степана почти ежедневныхъ лихорадокъ, отъ которыхъ онъ началъ видимо чахнуть.

Наконецъ терпѣніе наше истощилось. Степанъ передалъ Мякинину свои письма къ матушкѣ, въ которыхъ описывалъ ужасъ нашего положенія. Но едва ли они были отправлены, такъ какъ отвѣтовъ на нихъ мы не получали.

Съ наступленіемъ великаго поста, Мякинина, по своему обыкновенію, отправилась отмаливать грѣхи въ ближайшій Тихвинскій монастырь, гдѣ и предполагала остаться до самой страстной недѣли.

Отсутствіе ея, не смотря на строгій постъ, было для насъ временемъ откармливанія, такъ какъ Макининъ, видимо, боялся даже за нашу жизнь. Какими только лакомыми и притомъ скоромными блюдами не кормилъ онъ насъ всю первую и послѣдующія двѣ недѣли поста!

Давать намъ скоромную пищу предписалъ осмотрѣвшій насъ докторъ.

Въ пятницу на четвертой недѣлѣ Мякининъ повезъ насъ въ село Бѣлое—отговѣть. Въ Воскресенье, послѣ святаго причастія, всѣ говѣвшіе были приглашены на чай къ священнику. Въ числѣ гостей было и два-три помѣщика. Одинъ изъ нихъ, старичекъ

весьма почтенный наружности, какъ-то особенно къ намъ приглядывался и, узнавъ отъ Мякинина, съ которымъ не былъ даже знакомъ, что мы привезены имъ изъ Слободско-Украинской губерніи, подошелъ къ брату Степану и завелъ съ нимъ довольно продолжительный разговоръ. На его вопросъ—отчего мы оба такъ грустны и какъ будто нездоровы—братъ молчалъ, вытирая только навернувшіяся слезы. Вынужденный однако сознаться въ причинѣ своихъ слезъ, братъ описалъ ему всю печальную картину нашего положенія въ домѣ Мякининыхъ.

Слушая этотъ разсказъ, почтенный старикъ, видимо, пришелъ въ волненіе, а затѣмъ, оставивъ брата, пригласилъ Мякинина въ другую комнату. Какого рода разговоръ вели они между собою, мы не знаемъ, когда же оба возвратились, оказалось, что старичекъ отбираетъ насъ отъ Мякинина.

Сани его были уже поданы. Предложивъ намъ проститься съ Мякининымъ, онъ попросилъ его, въ свою очередь, не забыть выслать всѣ наши вещи и документы въ село Бѣлое, на его, Ивана Дмитріевича Горемыкина, имя. Только при этомъ мы узнали имя нашего покровителя.

Пріѣхавъ домой, Иванъ Дмитріевичъ представилъ насъ двумъ своимъ сестрамъ-старушкамъ и попросилъ одну изъ нихъ помѣстить насъ въ одной комнатѣ съ его сыномъ Ѳедей. Это тотъ самый Ѳедоръ Ивановичъ Горемыкинъ, который, впослѣдствіи, сдѣлалъ свое имя столь извѣстнымъ въ нашей военной литературѣ.

Расположеніе къ намъ Ивана Дмитріевича было въ полномъ смыслѣ слова отцовское. Со мною онъ самъ занимался чтеніемъ, чистописаніемъ и ариѳметикой, и занимался съ такимъ терпѣніемъ и добротою, что часы занятій были для меня часами удовольствія.

Не долго однако пришлось намъ пользоваться ласками Ивана Дмитріевича и его добрѣйшихъ сестеръ. Передъ самыми праздниками св. Христова Воскресенія пріѣхалъ вышедшій въ отставку младшій братъ Горемыкина. Это былъ старый гусаръ Давыдовскаго времени, чрезвычайно веселый, способный, подчасъ, уморить всѣхъ безъ исключенія со смѣху. Къ несчастью, онъ ужасно страдалъ застарѣлою каменною болѣзнью и во время припадковъ недуга доходилъ до полнѣйшаго бѣшенства. На нашу бѣду его помѣстили въ одной съ нами комнатѣ. Какъ-то разъ, во время страшнаго припадка, онъ началъ кричать, браниться и кривляться. Не имѣя понятія въ чемъ дѣло, мы вообразили, что онъ выдѣлываетъ всѣ эти штуки съ цѣлью позабавить насъ и подняли страшный хохотъ и возню. Вдругъ, видимъ мы, онъ беретъ со стѣны заряженный пистолетъ, и не успѣли мы, что называется, ахнуть, какъ пуля просвистѣла надъ головою Ѳеди и впилась въ противоположную стѣну. Напуганные этимъ выстрѣломъ, мы начали бояться нашего

сожителя и, представивъ въ полное его распоряженіе нашу комнату, стали располагаться на ночлегъ въ гостиной.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, Иванъ Дмитріевичъ получилъ извѣщеніе, что Өедя принятъ на казенный счетъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Собираясь въ Петербургъ, онъ не рѣшился оставить насъ съ своимъ больнымъ братомъ, а отвезъ насъ къ своей дальней родственницѣ, княгинѣ Голицыной, всѣми уважаемой старушкѣ, жившей одиноко въ своемъ имѣніи.

Изъ нашего короткаго пребыванія у Голицыной, мнѣ памятна лишь чрезвычайная набожность хозяйки. Она постоянно молилась въ особой молельнѣ, уставленной множествомъ образовъ, лампадъ и большихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ. Въ ней же находились богатѣйшіе шкафы, наполненные книгами священнаго писанія въ роскошныхъ переплетахъ. Сюда, кажется, съ четырехъ часовъ по полуночи, хозяйка приводила насъ класть съ нею земные поклоны. Не скажу, чтобы это доставляло намъ особенное удовольствіе: поднятые во время самаго лучшаго утренняго сна, мы были совершенно сонные, и наши мысли были заняты совсѣмъ не божественными матеріями. Процедура поклоновъ продолжалась до самаго утренняго чая, акуратно подаваемаго въ 8 часовъ. Ровно въ часъ мы садились обѣдать. Столъ былъ постный, даже безъ рыбы; но мы уже привыкли къ діэтѣ у Мякининыхъ и не чувствовали особеннаго голода при такой строго-монашеской трапезѣ.

До вечерняго чая, подаваемаго ровно въ семь часовъ, мы были совершенно свободны, такъ какъ княгиня разъѣзжала по своимъ имѣніямъ, и проводили время или одни или съ дворовыми мальчишками. Послѣ чая, насъ безотлагательно укладывали спать. На сонъ грядущій, подъ диктовку княгини, мы должны были читать псаломъ «Помилуй мя Боже».

Когда Горемыкинъ возвратился, то взялъ насъ опять къ себѣ, но на очень непродолжительное время. Въ началѣ іюля насъ взялъ къ себѣ Василій Никитичъ Висленевъ, сосѣдній богатый помѣщикъ. Висленевъ былъ вдовъ. Семейство его состояло изъ сына, воспитывавшагося въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и двухъ дочерей: Натали и Ксеніи, которыя хотя и казались намъ взрослыми, но находились подъ присмотромъ гувернантки-француженки.

Съ дѣвицами мы сошлись живо. Наше сближеніе началось съ постоянныхъ прогулокъ въ обширномъ паркѣ, непосредственно прилегавшемъ къ прекрасному саду, обсаженному красиво обстриженными липами. Паркъ былъ обворожительный! Столѣтнія сосны наполняли воздухъ смолистымъ ароматомъ; какъ-то особенно легко дышалось въ немъ. Лѣсъ изобиловалъ грибами и ягодами всевозможныхъ сортовъ, и ихъ сборъ составлялъ цѣль нашихъ прогулокъ. Довольно глубокая рѣчка съ прозрачною какъ хрусталь водою

Слезы, крики, вопли, свистъ розогъ, покрякиванье инквизиторовъ, громкіе плевки въ руку, чтобъ удобнѣе было держать розги, одобрительные возгласы надсмотрщика экзекуціи, перемѣшиваясь между собою, порождали дикую какофонію. Какъ остолбенѣлые, смотрѣли мы на эту ужасную картину, слушали этотъ душераздирательный концертъ. Съ трепетомъ въ душѣ посматривали мы другъ на друга. Боже! Неужели и до насъ дойдетъ очередь? Но на этотъ разъ наши опасенія были напрасны.

Много, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, читалъ я объ ужасахъ, производимыхъ такъ называемыми «субботниками» въ кадетскихъ корпусахъ. По совѣсти говоря, воспитываясь самъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, во время директорства Арсеньева, также довольно часто прописывались розги даже за ничтожные проступки, я положительно не помню и не знаю, чтобы тамъ существовали «субботники». Въ директорство же Клингенберга розги были почти выведены изъ употребленія. Явившись въ отпускъ къ Бѣгичевой, конечно, мы не скрыли, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ субботній концертъ въ Военно-Сиротскомъ Отдѣленіи. Добрая Екатерина Николаевна, слушая насъ, пришла въ отчаяніе. У нея собралось довольно много гостей, въ числѣ которыхъ былъ и Висленевъ. Разговоръ о переданномъ нами событіи сдѣлался общимъ. Особенно горячился сосѣдъ Бѣгичевой, графъ Безбородко-Кушелевъ. Въ концѣ-концовъ, порѣшили общимъ совѣтомъ не возвращать насъ въ отдѣленіе, и въ понедѣльникъ сообщили о томъ Мироновичу. Въ своемъ письмѣ къ нему Бѣгичева просила походайствовать объ опредѣленіи насъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Мироновичъ имѣлъ связи съ вліятельными лицами того времени и, безъ сомнѣнія, могъ бы устроить это, но, вѣроятно, оставшись недовольнымъ тѣмъ, что насъ взяли изъ заведенія, находящагося подъ его попечительствомъ, наотрѣзъ отказался отъ личнаго содѣйствія. Пробовала было Бѣгичева обратиться къ своему хорошему знакомому, дѣйствительному статскому совѣтнику Кремповскому, служившему во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, но и тутъ не было успѣха. Какъ узнали потомъ, Кремповскій находился въ это время въ состояніи умопомѣшательства.

Испробовавъ такимъ образомъ все, что̀ только было возможно, для нашего пристроенія, Бѣгичева положительно не знала, что̀ и дѣлать. Вдругъ, совершенно неожиданно, она получила письмо отъ матушки, въ которомъ послѣдняя, благодаря за участіе къ намъ, просила выслать насъ домой. При письмѣ были приложены деньги на дорогу. Нашъ отзывъ матушка мотивировала постановленіемъ Харьковскаго дворянства сдѣлать представленіе о разрѣшеніи открыть въ Харьковѣ кадетскій корпусъ на собственное иждивеніе дворянъ. Въ этотъ-то корпусъ хотѣла пристроить насъ матушка.

Обсудивъ вмѣстѣ съ Висленевымъ это обстоятельство, Бѣгичева нашла невозможнымъ удерживать насъ долѣе и рѣшилась снарядить насъ для путешествія, принявъ всѣ расходы на себя. Намъ купили зимнюю кибитку, а въ проводники назначили опять-таки Мину Ивановича.

Въ половинѣ ноября мы оставили Петербургъ. Висленевъ не могъ ѣхать съ нами, задержанный дѣлами, но мы должны были подождать въ деревнѣ его возвращенія.

Прощаніе наше съ Бѣгичевой было самое трогательное. Оставляя Петербургъ, мы и не подозрѣвали, что скоро вновь появимся въ сѣверной столицѣ.

Путь нашъ лежалъ черезъ знаменитое село графа Аракчеева— Грўзино. Здѣсь, какъ и вездѣ при слѣдованіи на долгихъ, мы остановились на постояломъ дворѣ, чтобы пообѣдать и накормить лошадей. Хозяйка двора, женщина молодая, стройная, красивая, высокаго роста, видя, что Мина Ивановичъ заказываетъ для насъ обѣдъ болѣе изысканный, противъ обыкновеннаго приготовлявшагося у нихъ для проѣзжающихъ, полюбопытствовала узнать кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Братъ Степанъ разсказалъ ей исторію странствованія нашего по бѣлому свѣту со всѣми подробностями.

Дня черезъ три мы достигли деревни Висленева, крайне удивя его дочерей неожиданностью пріѣзда. Попрежнему зажили мы припѣваючи. Наступилъ декабрь; пріѣхалъ Висленевъ. День нашего выѣзда въ Малороссію назначенъ на 16-е число. Послѣдніе дни проводили мы какъ-то невесело, съ сознаніемъ неопредѣленности нашей дальнѣйшей судьбы. Вдругъ, вечеромъ 15-го числа, въ страшную мятель, со стороны мельницы, мимо которой пролегала большая дорога, послышался колокольчикъ. Звонокъ слышится все ближе и ближе, и къ дому подкатываетъ курьеръ въ крытыхъ саняхъ.

Курьера провели прямо въ кабинетъ къ Висленеву; тамъ онъ отдалъ послѣднему запечатанный пакетъ, произнеся:

— Отъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева!..

Страшно поблѣднѣвъ, старикъ протянулъ было ему дрожащую руку, но, не успѣвъ взять пакета, повалился безъ чувствъ. Изумленный курьеръ, какъ стоялъ, такъ и остался, не трогаясь даже съ мѣста, чтобы позвать кого-нибудь. Къ счастью, двери кабинета не были прикрыты, и Мина Ивановичъ, бывшій въ коридорѣ, первый поднялъ тревогу.

Испуганныя барышни бросились вмѣстѣ съ нами въ кабинетъ, и скоро, общими усиліями, старикъ былъ поставленъ на ноги. Бумага за подписью графа Аракчеева была такого содержанія:

«Немедленно съ симъ курьеромъ отправить ко мнѣ двухъ малолѣтнихъ Тимченко-Рубановъ; прислать и документы на нихъ, буде таковые имѣются».

Черезъ часъ все уже было готово къ нашему отъѣзду. Благословляя насъ, старикъ расплакался, разрыдались и мы, цѣлуя руки нашего благодѣтеля.

Сѣли въ кибитку и съ мѣста помчались во весь духъ. Ночь пролетѣла незамѣтно. Утромъ попросили у курьера позволенія напиться чаю: не тутъ-то было! Такъ же любезно поступилъ онъ съ нами и въ обѣденную пору. Къ вечеру мы пріѣхали въ Грузино, страшно голодные. Насъ помѣстили въ ближайшемъ ко дворцу флигелѣ. Слѣдующій день, должно быть, былъ воскресный, такъ какъ тотчасъ послѣ чая, насъ повели въ дворцовую церковь.

По окончаніи богослуженія, мы были приведены въ пріемный залъ. Сюда къ намъ вышла знаменитая Анастасія Өедоровна и, обласкавъ насъ, объявила, что до пріѣзда графа мы можемъ оставаться въ томъ же флигелѣ, а къ обѣду насъ будутъ звать во дворецъ.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, пріѣхалъ и самъ графъ. Анастасія Өедоровна представила ему насъ. Онъ поцѣловалъ насъ обоихъ въ лобъ, спросилъ у кого и зачѣмъ мы были въ Петербургѣ, но подробностями, какъ и зачѣмъ мы попали въ Новгородскую губернію, графъ не интересовался. Потомъ, обратясь къ артиллеріи полковнику Купріянову, графъ поздравилъ его съ новыми племянниками и предложилъ помѣститься съ нами въ отведенномъ уже намъ флигелѣ. Графъ приказалъ, чтобы его архитекторъ занимался съ нами чтеніемъ, чистописаніемъ, ариөметикою и рисованіемъ и, отпуская насъ, присовокупилъ, чтобы къ обѣду мы ежедневно присылались къ нему.

Почти весь 1823 годъ мы провели у графа Алексѣя Андреевича, сначала въ Грузинѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Въ Грузинѣ мы довольно часто гуляли, въ Петербургѣ же, кромѣ сада и двора при домѣ графа, на углу Кирочной и Литейной улицъ, насъ никуда не выпускали. Поэтому жизнь въ Грузинѣ намъ была несравненно болѣе по сердцу. Что теперь представляетъ изъ себя Грузино— не знаю; но шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ оно совершенно было достойно названія второго Царскаго Села. Дворецъ графа, конечно, былъ самымъ выдающимся зданіемъ. Съ задней стороны дворца находился садъ съ оранжереями, парниками и затѣйливыми бесѣдками. Одна изъ послѣднихъ считалась опасной, вслѣдствіе отраженія изъ нея эхо прямо въ кабинетъ графа. Со стороны передняго фасада дворца, у подъѣзда, была чистенькая, усыпанная желтымъ пескомъ, площадка, впереди которой, противъ парадняго крыльца, красовалась широкая липовая аллея. Эта аллея шла посреди широчайшей улицы, застроенной различными флигелями. Въ концѣ аллеи стоялъ храмъ, соборъ Андрея Первозваннаго, и рядомъ съ нимъ павильонъ, въ которомъ помѣщалась статуя того же святаго во весь ростъ. За соборомъ находился штабъ военныхъ по-

селеній и принадлежащія къ нему постройки. Площадь, усыпанная желтымъ пескомъ, содержалась замѣчательно чисто: если кому-либо изъ служащихъ случалось пройти по ней, то слѣды отъ его ногъ немедленно заметались сторожами. Постороннимъ запрещалось ходить по этому плацу.

Соборъ Андрея Первозваннаго удивлялъ меня своими массивными размѣрами, но особой красоты по наружной своей архитектурѣ не представлялъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ. Внутренней отдѣлки, положительно, не припомню. Осталось только въ памяти, что при входѣ въ него черезъ сѣверную дверь, на стѣнѣ, по лѣвую отъ входа руку, былъ повѣшенъ портретъ во весь ростъ государя императора Александра Павловича, у ногъ котораго стоялъ гробъ, заготовленный графомъ для своихъ бренныхъ останковъ. На крышкѣ гроба стояла надпись: «Прахъ мой у ногъ твоихъ», а на боковой наружной части гроба: «Безъ лести преданъ».

Любимою нашею прогулкою была дорога, ведущая къ пристани на рѣкѣ Волховѣ. Здѣсь стояли и сновали суда разной величины и конструкціи. Между ними красовались два небольшіе, хорошенькіе фрегата, предназначавшіеся для разъѣздовъ самого графа. По угламъ на фрегатахъ, подняты были или спущены флаги, почему ѣдущіе черезъ Грузино могли узнавать дома ли графъ, или въ отсутствіи.

Пристань обозначалась двумя башнями, построенными на берегу со стороны Грузина. Одна изъ башенъ служила кордегардіей для караула, въ другой была контора для разсчетовъ съ хозяевами, прибывшими въ Грузино съ разными продуктами.

Во время нашего пребыванія въ Грузинѣ, графъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ императора Александра Павловича. Въ другое время въ Грузино пріѣзжали великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, съ докладами: первый по инженерной части, а второй по артиллерійской. Нѣсколько позже пріѣзжалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, но, недовольный долгимъ ожиданіемъ пріема, чему, какъ говорили, очень часто подвергались его младшіе братья, выбранилъ графа и уѣхалъ, не видѣвши его.

Въ концѣ октября, насъ съ братомъ перевезли въ Петербургъ, прямо въ домъ графа Аракчеева. Почти два мѣсяца проболтались мы здѣсь, ровно ничего не дѣлая. Самого графа въ Петербургѣ не было: онъ пріѣхалъ около 20-го декабря, а 23-го по запискѣ графа къ директору Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, генералъ-маіору Арсеньеву, насъ приняли въ это заведеніе. Въ напутствіе намъ графъ сказалъ:

— Я помѣщаю васъ въ лучшее и любимое заведеніе, основанное по моему проекту блаженной памяти императоромъ Павломъ Петровичемъ и, ежели вы будете учиться и вести себя хорошо, я не забуду васъ.

Такимъ образомъ мы были пристроены окончательно.

О личности графа Алексѣя Андреевича я, конечно, не мало знаю, читая почти все, что только писали о немъ въ разное время; но, живя въ Грузинѣ, намъ, дѣтямъ, не приходило даже въ голову изучать характеръ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Все чтò я намѣренъ сказать о немъ, заимствовано изъ однихъ лишь разсказовъ, случайно нами слышанныхъ въ Грузинѣ. Хорошо же они сохранились въ моей памяти потому, что и въ болѣе позднее время вспоминали мы ихъ съ братомъ.

Дѣятельность Аракчеева, по словамъ всѣхъ его окружавшихъ, была изумительная. Всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что не знаютъ, когда онъ и спитъ. Онъ ложился спать около 11-ти часовъ, а уже въ два часа ночи посѣщалъ и штабъ военныхъ поселеній и чертежную, гдѣ въ это время кипѣла работа. Дежурные при немъ адъютанты должны были быть на ногахъ цѣлыя сутки, въ полной формѣ. Они то и дѣло разсылались съ его порученіями.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ и о сожительницѣ графа, Анастасіи Ѳедоровнѣ Минкиной, которую графъ называлъ «своею Настею». Это была весьма видная, красивая и умная женщина. Происхожденія ея не знаю; говорили, впрочемъ, что она была простая крестьянка графа, поступившая къ нему вскорѣ послѣ похоронъ его жены. Одѣвалась она всегда чрезвычайно парадно: бархатъ, кружева, бриліанты—составляли ея обыкновенный нарядъ. Своею угодливостью и предупредительностью она снискала себѣ безграниченую любовь графа и его довѣріе. Все дворцовое хозяйство въ Грузинѣ было на ея рукахъ; всѣмъ распоряжалась она безконтрольно.

Устроивъ себѣ тайную полицію изъ женщинъ, она отлично знала, чтò дѣлается въ каждомъ уголкѣ Новгородскаго поселенія, хотя сама почти всегда сидѣла дома. Эти свои свѣдѣнія, когда находила нужнымъ, она сообщала графу, но не иначе, какъ при гаданіяхъ на картахъ. Убѣдясь неоднократно въ справедливости этихъ гаданій, графъ пристрастился къ нимъ и никогда не выѣзжалъ изъ дому, не испросивъ на это соизволенія своего домашняго оракула, своего «ангела хранителя», какъ называлъ онъ Анастасію Ѳедоровну. Дворовые люди ненавидѣли сожительницу графа и трепетали передъ ней. Они называли ее колдуньей и это названіе особенно упрочилось за ней, послѣ ея предсказанія о заряженномъ ружьѣ у одного изъ рядовыхъ того баталіона, который графъ намѣренъ былъ смотрѣть. Всѣ были изумлены, когда во время смотра, обходя первую шеренгу, графъ неожиданно остановился у второго съ лѣваго фланга солдата и, послѣ приказанія взять на изготовку и выстрѣлить въ поле, выстрѣлъ дѣйствительно послѣдовалъ. Виновный тутъ же сознался въ намѣреніи убить графа.

Быть можетъ, женской полиціи и мы обязаны нашимъ опредѣленіемъ въ корпусъ. Что мудренаго, что хозяйка постоялаго двора, на которомъ мы останавливались при нашемъ проѣздѣ изъ Петербурга черезъ Грузино, могла передать Анастасіи Ѳедоровнѣ, какихъ гостей принимала у себя?

Прощаясь съ нами въ 1826 году, графъ выразилъ желаніе, чтобы мы, по окончаніи курса, заѣхали къ нему въ Грузино. Къ сожалѣнію, ни я, ни мой братъ не могли этого сдѣлать и только письменно благодарили его за оказанное намъ покровительство. Графъ прислалъ отвѣты черезъ директора корпуса Клингенберга. Къ отвѣту на письмо брата были приложены двѣсти рублей, принадлежавшіе намъ и оставленные въ Грузинѣ. Удивительно, какъ графъ не забылъ объ этихъ деньгахъ.

Графъ Арачкеевъ скончался въ 1834 году. Это событіе сообщилъ намъ въ Полоцкѣ бывшій командиръ нашего 2-го армейскаго корпуса, генералъ отъ кавалеріи баронъ Крейцъ, когда, по случаю перваго дня Пасхи, всѣ военнослужащіе собрались къ нему съ поздравленіями.

— Теперь,—добавилъ баронъ,—уже я сталъ первымъ по времени производства въ генералы русской арміи.

Миръ праху твоему, благодѣтель, графъ Алексѣй Андреевичъ! Чтò бы не говорили и не писали о тебѣ, я, лично, все-таки сохраняю и сохраню по гробъ свой память о тебѣ, какъ объ истинномъ моемъ благодѣтелѣ!

III.

Основаніе Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома.—Отношеніе къ заведенію императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳедоровны.—Переформированіе заведенія при воцареніи Александра I-го.—Учрежденіе Императорскаго Военно-Сиротскаго Института.—Порядокъ въ заведеніи во время нашего опредѣленія.—«Старые кадеты».—«Назначеніе къ выпуску».—Наводненіе 8-го ноября 1824 года.—Введеніе въ корпусахъ строя.—Посѣщеніе нашего заведенія императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Лагери.—Назначеніе Демидова главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ.—Его ханжество и причуды.—Продѣлки кадетъ.—Дѣятельность Демидова.

Императорскій Военно-Сиротскій Домъ основанъ Павломъ I-мъ, въ 1798 году, съ цѣлью пріюта и воспитанія въ немъ дѣтей убитыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія воиновъ. По высочайше утвержденному для этого заведенія штату, оно должно было состоять изъ 200 воспитанниковъ и 50 воспитанницъ благороднаго происхожденія, переведенныхъ изъ Гатчинскаго Военнаго Училища, учрежденнаго въ 1795 году, когда Павелъ Петровичъ былъ еще наслѣдникомъ престола, и 800 сыновей и 50 дочерей солдатскихъ; при

немъ же была учреждена и богадѣльня на 300 инвалидовъ. Графъ Воронцовъ подарилъ для заведенія громадный домъ съ обширнымъ пустымъ мѣстомъ въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, у Обухова моста. Не смотря на свою величину, домъ оказался тѣснымъ, и его пришлось расширить пристройкою трехъ новыхъ корпусовъ. Воспитанники изъ дворянскихъ дѣтей выпускались въ офицеры во всѣ роды войскъ, лучшіе въ гвардію. Солдатскіе дѣти поступали писарями во всѣ военныя управленія.

Весьма долго въ стѣнахъ заведенія жило преданіе о томъ, до какой степени императоръ Павелъ Петровичъ и императрица Марія Ѳедоровна любили свое дѣтище. Не было и недѣли, чтобы питомцы заведенія не видѣли своихъ августѣйшихъ покровителей. Императрица никогда не пріѣзжала безъ цѣлаго транспорта корзинъ, наполненныхъ конфектами и другими лакомствами, которыя она собственноручно раздавала и мальчикамъ и дѣвочкамъ. Императоръ, въ сравненіи съ его отношеніями къ другимъ заведеніямъ, былъ даже пристрастенъ къ Дому. Это пристрастіе весьма рельефно выражалось по отношенію къ выпускнымъ воспитанникамъ: сверхъ обмундированія, имъ выдавалось еще денежное пособіе изъ какого-то собственно для этого существующаго капитала. Для производимыхъ же въ полки гвардейской кавалеріи государь дарилъ верховыхъ лошадей изъ собственной конюшни.

Въ началѣ царствованія Александра Павловича, заведеніе было переформировано: солдатскія дѣти были выведены, а число дворянскихъ питомцевъ увеличено: воспитанниковъ—до 400, а воспитанницъ—до 200.

Воспитанники помѣщались въ среднемъ этажѣ корпусовъ зданія, воспитанницы въ верхнемъ. Церковь, классы и столовая, раздѣленная аркою на двѣ части, были общіе. Въ церкви воспитанницы стояли впереди по обѣ стороны средняго прохода, а воспитанники сзади ихъ. Пѣвчіе набирались изъ воспитанниковъ и воспитанницъ и помѣщались на хорахъ противъ алтаря при одномъ дежурномъ офицерѣ и одной классной дамѣ.

Въ классахъ дѣвицы съ своими дамами сидѣли на переднихъ скамейкахъ, мальчики съ офицерами на заднихъ. Порядокъ, какъ говорили, соблюдался весьма чинно.

Такъ продолжалось до 1811 года, когда дѣвицы были переведены въ особое зданіе близь Калинкина моста, а самое ихъ заведеніе получило названіе Императорскаго Военно-Сиротскаго Института.

Тринадцатилѣтнее существованіе подъ одной кровлей сроднило дѣтей одного заведенія.

Институтки, по преданію, очень долго послѣ ихъ отдѣленія называли насъ «братцами». Презабавно было видѣть, какъ эти дѣвочки, когда батальонъ кадетъ проходилъ мимо нихъ въ лагерь или

возвращался изъ него, посылали воздушные поцѣлуи и кричали: «братцы, милые, душечки» и т. д.

При опредѣленіи насъ въ Императорскій Военно-Сиротскій Домъ, въ немъ было двѣ роты по 250 человѣкъ въ каждой. Изъ нихъ въ каждой ротѣ 150 строевыхъ и 100 малолѣтнихъ. Обоихъ насъ зачислили во 2-ю роту: брата въ строевые, меня въ малолѣтніе. Переходъ въ строевые считался какимъ-то особеннымъ торжествомъ. Выскочить изъ курточки и нарядиться въ мундиръ составляло любимую мечту малолѣтнихъ. Классовъ было 12: 4 верхнихъ, 4 среднихъ и 4 нижнихъ. Въ верхнихъ и нижнихъ было по одному отдѣнію, въ среднихъ по два. Выпуски производились: изъ 1-го верхняго въ гвардію, свиту его величества (нынѣ генеральный штабъ), артиллерію и саперы; изъ 3-го и 4-го въ армейскіе полки.

Изъ 4-го верхняго класса выпускались совершенно отпѣтые. Надобно сказать, что наши воспитанники этого класса, подобно «седьмовцамъ» другихъ кадетскихъ корпусовъ, слыли въ заведеніи подъ именемъ «старыхъ кадетъ». Типъ стараго кадета выражался въ манерѣ ходить въ перевалку, со сжатыми кулаками, при готовности сбить съ ногъ всякаго попавшагося на пути, говорить басомъ, ни кому не спускать, ѣсть за троихъ, до обжорства, фалды на мундирѣ носить узенькія, наподобіе ласточьяго хвоста и непремѣнно самому ихъ передѣлывать; въ случаѣ, если спроситъ учитель, отвѣчать, не трогаясь съ мѣста: «ставьте нуль; ничего не знаю!» при тѣлесныхъ наказаніяхъ спартански молчать, не позволяя себѣ даже тяжелаго вздоха, дабы возбудить за это похвалу отъ подобныхъ же субъектовъ. Были и такія личности, которыя, за ничтожное вознагражденіе, за какіе-нибудь три-четыре казенные пирога, соглашались подвергнуть себя наказанію розгами, вмѣсто приговоренныхъ къ этому наказанію. Незнаніе ротными командирами фамилій своихъ кадетъ вполнѣ благопріятствовало подобнымъ сдѣлкамъ. Для нихъ достаточно было знать число подвергаемыхъ наказанію, лишь бы оно соотвѣтсвовало списку, препровожденному инспекторомъ.

Сильно развитое чувство ложнаго стыда у старыхъ кадетъ особенно бросалось въ глаза. Отлично помню эпизодъ съ кадетомъ Ф—мъ: какъ-то ему сказали, что къ нему пришла мать; онъ вышелъ въ коридоръ (пріемной комнаты тогда еще не было), гдѣ было много другихъ воспитанниковъ. Замѣтивъ, что мать плохо одѣта, Ф—въ спросилъ:

— Что̀ тебѣ надо?

— Я тебѣ, сыночекъ, пѣтушка принесла,—и, раскрывъ свой поношенный салопъ, показала Ф—ву пѣтуха.

— Что ты, старуха, срамишь меня? убирайся!

Затѣмъ, обратясь къ бывшимъ тутъ кадетамъ, онъ не постыдился сказать, что къ нему приходила вовсе не мать, а съумасшедшая дура, ея служанка.

Старые кадеты, не смотря на свою отпѣтость, были всегда, по крайней мѣрѣ въ мое время, чрезвычайно почтительны и даже любезны по отношенію къ воспитанникамъ, отличавшимся хорошимъ ученіемъ и поведеніемъ. Любопытный фактъ! Интересно знать: можно ли и какъ объяснить это явленіе?

Старыхъ кадетъ производили въ армейскіе прапорщики по выбору. Этотъ процесъ назывался «назначеніемъ къ выпуску». Процедура приготовленія старыхъ кадетъ къ этому дню не лишена интереса: многіе изъ нихъ, хотя и были весьма солидныхъ лѣтъ, выглядѣли моложаво, и вотъ, чтобы не остаться отъ выпуска и казаться дѣйствительно стариками, еще съ вечера передъ днемъ назначенія, они запасались мундирами съ болѣе рослыхъ и плечистыхъ, одѣваясь въ нихъ, подкладывали подъ грудь чуть не цѣлыя подушки, а лица смазывили сажей съ свѣчнымъ саломъ изъ ночниковъ. Такая гримировка почти всегда удавалась, такъ какъ начальство всегда было радо отдѣлаться отъ подобныхъ экземпляровъ. Сколько помню, безобразія эти продолжались изъ года въ годъ до вступленія въ должность главнаго директора кадетскихъ корпусовъ, генералъ-адъютанта Николая Ивановича Демидова.

Не прошло и года по опредѣленіи насъ въ заведеніе, какъ Петербургъ подвергнулся ужасному бѣдствію, произведенному наводненіемъ 8 ноября 1824 года. Объ этомъ событіи писали много. Мнѣ остается только сообщить тѣ частности, которымъ я былъ свидѣтель, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ заведенія.

Утромъ 8 ноября мы были въ классахъ. Около 10 часовъ утра послышались выстрѣлы изъ крѣпости, возвѣщавшіе о подъемѣ воды. Выстрѣлы учащались и учащались. Учителя ушли; насъ вывели въ камеры. Скоро вода пробралась на нашъ дворъ, поднялась на высоту 2½ аршинъ, залила весь подвальный этажъ, гдѣ были кухни и другія службы и начала заливать нижній. Офицеры съ семействами искали убѣжища у насъ. Мы, конечно, уступили имъ свои кровати, а сами ночевали на полу двѣ ночи. Въ теченіе трехъ дней мы продовольствовались только хлѣбомъ да картофелемъ, который доставали изъ-подъ воды и пекли въ печкахъ.

Послѣ наводненія, когда начались лекціи, учителя нашихъ низшихъ классовъ, жалуясь на свое раззореніе, просили насъ помочь имъ кто чѣмъ можетъ, обѣщая съ своей стороны поставить хорошія отмѣтки къ полугодичному экзамену. Будучи не въ состояніи помочь имъ, мы имѣли полную возможность школьничать. Пострадали костяжки казенныхъ брюкъ: предварительно обернувъ ихъ въ бумагу, мы съ важностью клали ихъ на каѳедру. Учитель ариѳметики, Изосимскій, не утерпѣлъ, чтобы не полюбопытствовать, что ему жертвуется, и, развернувъ двѣ-три бумажки, обру-

галъ насъ плюгавцами, обѣщая одѣлить всѣхъ единицами. Въ верхнихъ классахъ, гдѣ не было «учителей съ Синяго моста», какъ мы называли своихъ, ничего подобнаго не было.

Въ концѣ ноября 1825 года, Петербургъ былъ опечаленъ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра Павловича. Николай Павловичъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, обратилъ свое вниманіе на кадетскіе корпуса. Желая развить въ кадетахъ, паралельно научнымъ свѣдѣніямъ, и воинскій духъ, онъ отдалъ приказаніе обучать ихъ всѣмъ родамъ пѣшаго строя и выводить въ лагерь подъ Красное Село. Обученіе строю поручено было попеченію великаго князя Михаила Павловича. Прежніе каникулы были отмѣнены.

Въ началѣ 1826 года, государь посѣтилъ въ первый разъ наше заведеніе. Къ сожалѣнію, онъ остался имъ крайне недоволенъ: войдя въ одну изъ камеръ и поднявъ собственноручно тюфякъ съ кровати воспитанника Сладковскаго, онъ замѣтилъ на доскахъ какую-то тетрадку. Тетрадь оказалась собраніемъ разныхъ запрещенныхъ стихотвореній. Государь приказалъ арестовать ротнаго командира, подполковника Бриммера, а воспитанника Сладковскаго, послѣ строгаго наказанія, отправить въ Дворянскій полкъ.

Вскорѣ послѣ того государь назначилъ день для вторичнаго своего посѣщенія. На этотъ разъ воспитанники должны были быть одѣты въ полную парадную зимнюю форму и выстроены въ рекреаціонномъ залѣ.

Обходя фронтъ, государь замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ воспитанниковъ брюки были подсинены, а у другихъ рыжеваты. Подсинялись брюки ходившими въ отпускъ, изъ франтовства; рыжѣли у остальныхъ отъ долгаго лежанія въ цейхаузѣ, безъ употребленія.

— Это что за разнокалиберщина?! — спросилъ государь у директора. Видя, что Арсеньевъ молчитъ, онъ добавилъ: — Это преступное казнокрадство!

Къ величайшему нашему изумленію и страху, Арсеньевъ возразилъ на гнѣвныя слова государя:

— Я, ваше величество, служилъ дѣду, отцу и старшему вашему брату, но и отъ нихъ никогда ничего подобнаго не слышалъ.

Кто повѣритъ теперь, чтобы Николай Павловичъ, какимъ мы его знали, удовольствовался бы при этомъ только однимъ суровымъ взглядомъ на Арсеньева и затѣмъ, молча, оставилъ бы заведеніе?

Послѣ этого всѣ ожидали крушенія Арсеньева, но и этого не случилось. Говорили, что императрица-мать, Марія Ѳедоровна, знавшая Арсеньева и благоволившая къ нему, выручила его изъ угрожающей бѣды.

Въ 1826 и 1827 годахъ, всѣ строевые роты кадетскихъ корпусовъ были выведены въ лагерь подъ Красное Село. Наша 1-я рота была прикомандирована къ 1-му кадетскому корпусу, 2-я—ко 2-му. Маршрутъ былъ назначенъ на Царское Село и Павловскъ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ кадеты получали пищу изъ царской кухни.

При моемъ поступленіи въ Императорскій Военно-Сиротскій Домъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ; но такъ какъ онъ проживалъ постоянно въ Варшавѣ, то въ помощь ему назначался, такъ называемый, главный директоръ кадетскихъ корпусовъ. Въ 1823 году, такимъ директоромъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, назначенный въ 1826 году, послѣ смерти Милорадовича, петербургскимъ ген. губернаторомъ. На его мѣсто поступилъ генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, Николай Ивановичъ Демидовъ. Это былъ человѣкъ безспорно умный, но съ большими предразсудками и странностями, и притомъ ханжа, какихъ мало. Горячо взявшись за исполненіе своей должности, онъ безпрестанно объѣзжалъ всѣ заведенія, а по воскресеньямъ непремѣнно присутствовалъ въ какомъ-нибудь корпусѣ на обѣднѣ. Боже сохрани, если какой-нибудь воспитанникъ на его вопросъ: о чемъ читалось въ евангеліи, не дастъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта! Розги, сбавка балловъ за поведеніе, лишеніе отпуска на весьма продолжительное время, были обыкновенными карательными мѣрами. Не приведи Богъ прозѣвать сдѣлать ему фронтъ, при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ! Мало того, что отберетъ билетъ и прикажетъ возвратиться въ корпусъ, но и отшельмуетъ еще въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, съ наложеніемъ новыхъ взысканій. Его выѣздной лакей, будучи постояннымъ свидѣтелемъ таковой строгости, бывало, какъ только увидитъ, издали, съ своихъ запятокъ, кадета, машетъ ему своимъ краснымъ платкомъ: «Ѣдетъ-де самъ генералъ!» Не одного кадета спасалъ этотъ добрый человѣкъ отъ угрожающей бѣды.

Желая удостовѣриться, какъ производится въ корпусахъ зимнее фронтовое ученіе, Демидовъ приказалъ привозить къ себѣ каждую субботу ординарцевъ. Камердинеръ генерала чрезвычайно вѣрно угадывалъ останется ли баринъ доволенъ ими. Оказывалось, что расположеніе духа Демидова зависѣло всецѣло оттого, удастся ли ему ловко, сразу вскочить въ подаваемую ему утромъ чистую рубаху.

Отъ этого же камердинера узнали мы, какъ не любилъ Демидовъ встрѣчаться съ попами: онъ всячески избѣгалъ этихъ встрѣчь, но разъ это оказывалось неизбѣжнымъ, генералъ останавливался, сажалъ священника къ себѣ въ экипажъ, и тотъ волею-неволею, долженъ былъ отправляться въ противоположную сторону.

Не переносилъ, между прочимъ, Демидовъ мрачнаго вида въ кадетахъ. Кадеты, говорилъ онъ, пользуются такими неизчислимыми милостями государя, что всегда должны имѣть бодрый, веселый и благодарный видъ. Впрочемъ, благодаря комичной фигурѣ Демидова, ему рѣдко приходилось видѣть, чтобы кадетъ смотрѣлъ на него мрачно. До какой степени его фигура была комична, показываетъ множество его портретовъ, рисовавшихся на доскахъ и стѣнахъ всѣхъ корпусовъ. Голосъ Демидова былъ чрезвычайно рѣзкій, пискливый и непріятный. Кадеты часто позволяли себѣ школьничать по отношенію къ своему главному директору. Въ лагерѣ 1827 года, палатка его была разбита по среди двухъ полковъ, составлявшихъ отрядъ военно-учебныхъ заведеній. За нею въ сотнѣ шагахъ былъ разбитъ шатеръ государя императора. Между палаткой и шатромъ была проведена дорожка, усыпанная желтымъ пескомъ. Зная, что государь очень часто зоветъ къ себѣ Демидова, кадеты разбрасывали заранѣе по дорожкѣ соломенные крестики. Растаптывая ихъ, Демидовъ приходилъ въ неописанное смущеніе и былъ такъ забавенъ, что даже государь трунилъ надъ нимъ.

Были между кадетами мастера и передразнивать Демидова. Особенно отличался этимъ кадетъ 2-го корпуса, Мавринъ. Не разъ удавалось ему всполошить весь лагерь, когда начнетъ, бывало, онъ кричать на кого-нибудь, поддѣлываясь подъ голосъ генерала. Эти штуки Мавринъ продѣлывалъ не только въ отсутствіе Демидова изъ лагеря, но даже и при немъ. Собравъ какъ-то весь отрядъ, Демидовъ обратился къ кадетамъ:

— Кто это изъ васъ, дѣтушки, такъ хорошо меня представляетъ? Признайтесь! важнаго проступка я тутъ не вижу; хочу только посмотрѣть на своего двойника.

Къ нашему удивленію, Мавринъ вышелъ впередъ. Похваливъ и обласкавъ его, Демидовъ предложилъ ему представить себя. Мавринъ не задумался и, обратясь къ адъютанту 2-го корпуса, капитану Черневу, началъ распекать его за неправильно составленный утренній рапортъ. Весь отрядъ покатился со смѣху; хохоталъ и самъ Демидовъ.

Хотя Мавринъ и получилъ отъ генерала поощреніе въ видѣ два раза повтореннаго «браво», но тутъ же долженъ былъ выслушать предупрежденіе, что ему сильно достанется, если онъ вздумаетъ повторять свои продѣлки.

Казалось бы, что человѣкъ, надѣленный подобными качествами, никакъ не могъ отвѣчать высокому назначенію, тѣмъ не менѣе дѣятельность Демидова была вполнѣ благотворная. Между прочимъ, онъ задался цѣлью искоренить въ кадетскихъ корпусахъ духъ старокадетчества и почти достигъ своей цѣли, хотя ему и пришлось для этого поисключить многихъ воспитанниковъ въ армейскіе юнкера. Изъ нашего заведенія были исключены только двое:

Проссъ и Потѣшинъ. Обоихъ мы оплакивали. Замѣчательно, что когда Демидовъ предлагалъ Арсеньеву представить списокъ воспитанниковъ, подлежащихъ переводу въ армейскіе юнкера, Арсеньевъ отвѣтилъ:

— У меня такихъ нѣтъ и не было!

Тогда Демидовъ назначилъ самъ вышепоименованныхъ кадетъ, по разсмотрѣнію списка штрафованныхъ.

На учебную часть Демидовъ обратилъ особенное вниманіе. По его приказанію были составлены первыя программы, обязательныя для всѣхъ корпусовъ. Провѣркою хода занятій онъ занимался самъ, посѣщая не менѣе раза въ недѣлю каждый корпусъ, во время лекцій. Ради страха попасть подъ громъ и молнію Демидова, искоренилась прежняя лѣнь, въ особенности между седьмовцами корпусовъ и нашими воспитанниками 4-го верхняго класса. Дисциплина соблюдалась весьма строго, до педантизма. Приказы главнаго директора, отдаваемые по всѣмъ корпусамъ, въ видахъ укорененія нравственности, были образцовые. Словомъ, нельзя не сказать, что назначеніе Демидова на должность главнаго директора кадетскихъ корпусовъ было болѣе, нежели удачное.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОСТЕПЕННЫЕ ЕВРОПЕЙСКІЕ ТЕАТРЫ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

I.

Восточный театръ отъ Западной Двины и Днѣпра до Эльбы и средняго Дуная.

ОСНОВНАЯ задача, представляющаяся при устройствѣ государственной обороны, состоитъ, для каждой страны, въ возможно точномъ опредѣленіи военныхъ средствъ сосѣднихъ государствъ для борьбы на взаимныхъ границахъ. При нынѣшнемъ очертаніи границъ большинства европейскихъ государствъ они поставлены въ необходимость готовиться къ войнѣ на нѣсколькихъ фронтахъ и никогда не могутъ разсчитывать, что съ открытіемъ кампаніи на одномъ фронтѣ, они направятъ туда всѣ свои военныя средства. Напротивъ, неизбѣжность дробленія силъ является почти общимъ правиломъ, такъ что средства для борьбы на данной границѣ, обыкновенно, далеко не обнимаютъ всей совокупности наличныхъ силъ государства, а составляютъ лишь болѣе или менѣе значительную часть этихъ силъ. Общее военное могущество государства не служитъ еще, поэтому, вѣрнымъ мѣриломъ его силъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для достиженія ближайшихъ цѣлей государственной обороны недостаточно, такимъ образомъ, изслѣдовать военное устройство сосѣднихъ государствъ съ общей точки зрѣнія, а необходимо также изучить всѣ стороны этого устройства по отношенію къ опредѣленнымъ театрамъ.

Два военныхъ театра сосредоточиваютъ на себѣ, въ настоящее время, общее вниманіе. Одинъ изъ нихъ обнимаетъ басейнъ Рейна

съ Мозелемъ и Мааса; другой широко раскинулся въ срединѣ европейскаго материка и обнялъ вполнѣ или частью водныя системы Западной Двины, Нѣмана, Вислы, Днѣпра, Днѣстра, Одера, Эльбы и Дуная. Къ этимъ главнымъ театрамъ тѣсно примыкаютъ второстепенные: бельгійскій, швейцарскій, франко-итальянскій и балканскій. На западныхъ театрахъ готовятся къ борьбѣ Германія съ Италіей противъ Франціи, и на восточномъ—Германія съ Австро-Венгріей противъ Россіи. Здѣсь, на главныхъ театрахъ, ожидается разрѣшеніе запутанныхъ международныхъ вопросовъ, волнующихъ Европу.

На Западѣ создалась обширная литература, посвященная изученію общаго военнаго положенія названныхъ сторонъ и изслѣдованію тѣхъ условій, при которыхъ состоится ожидаемое столкновеніе. Въ литературѣ этой выдѣляются, прежде всего, труды военно-географическаго характера; горы и равнины, рѣки и болота, густота населенія и его экономическое состояніе, удобство передвиженія, вся, вообще, степень культуры и даже климатическія свойства данныхъ раіоновъ—все это не только подробно описано, но и выяснено вліяніе этихъ факторовъ на общія стратегическія комбинаціи, на примѣненіе тактическихъ правилъ, на обмундированіе, снаряженіе и снабженіе войскъ. Германскіе военные писатели подробно обслѣдовали въ военно-географическомъ отношеніи какъ западный, такъ и восточный театры и такія работы, какъ сочиненія гг. Сарматикуса и Крамера, могутъ быть названы образцовыми. Французскіе военные изслѣдователи шагъ за шагомъ разобрали линіи Мозеля и Мааса, долины Оба, Марны, Уазы и Эна, линіи Сены и Іоны, а также Эльзасъ-Лотарингію, Прирейнскую Пруссію, Палатинатъ, Люксенбургъ, Бельгію и Швейцарію. Австрійская военная литература сосредоточила свое вниманіе преимущественно на австро-русскомъ фронтѣ и на Балканскомъ полуостровѣ съ Румыніей. Затѣмъ, учетъ силъ сторонъ ведется, какъ военной, такъ и общей печатью чрезвычайно тщательно. Составъ и организація войсковыхъ массъ, численность ихъ, условія постановки войскъ на военное положеніе, стратегическое развертываніе армій въ областяхъ сосредоточенія, подготовка базъ, устройство пограничныхъ оборонительныхъ линій, выборъ операціонныхъ путей и т. д. всѣ эти вопросы изучаются во всѣхъ подробностяхъ. Наконецъ, изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ завершается, обыкновенно, изложеніемъ вѣроятныхъ плановъ кампаній съ указаніемъ на главныя цѣли, которыя будутъ преслѣдуемы въ томъ или другомъ случаѣ.

Западно-европейская печать содержитъ, такимъ образомъ, всѣ данныя для систематическаго описанія вѣроятныхъ европейскихъ военныхъ театровъ. Въ нашей печати, напротивъ, за исключеніемъ одного, двухъ, сочиненій на частныя темы, вовсе нѣтъ самостоятельныхъ работъ по этому предмету. Наши періодическія

изданія ограничивались до сихъ поръ, обыкновенно, тѣмъ, что, время отъ времени, знакомили своихъ читателей съ содержаніемъ вновь появляющихся иностранныхъ книгъ, брюшюръ, статей по военно-политическимъ вопросамъ, дѣлали это случайно, зачастую безъ надлежащаго выбора и почти никогда не относились критически къ выводамъ чужеземныхъ авторовъ, по большей части враждебно относящихся къ Россіи. Эти библіографическіе отчеты служатъ, въ общемъ, единственнымъ матеріаломъ, по которому русское общество и русская армія могутъ составить представленіе о предметѣ первостепенной важности. Такое явленіе, безспорно, ненормально. Разобраться въ этой грудѣ цифръ, фактовъ, сужденій и выводовъ не легко даже и для спеціально занявшагося вопросомъ военнаго, обладающаго надлежащей подготовкой, и совершенно невозможно для читателя не спеціалиста. Вмѣсто яснаго и цѣльнаго понятія о предметѣ, огромному большинству приходится, поэтому, довольствоваться отрывочными о немъ свѣдѣніями, которыя, къ тому же, не рѣдко расходятся въ подробностяхъ.

Предлагаемые очерки имѣютъ цѣлью пополнить, до извѣстной степени, указанный недочетъ въ нашей печати. Представляя опытъ систематическаго, но въ то же время возможно краткаго и общедоступнаго, описанія первостепенныхъ европейскихъ военныхъ театровъ, они составлены исключительно по печатнымъ матеріаламъ, преимущественно иностраннымъ. Очерки эти, по существу своему, чисто литературныя произведенія академическаго характера, сводъ тщательно сличенныхъ и провѣренныхъ литературныхъ данныхъ по вопросамъ въ высокой степени серьезнаго практическаго значенія.

Нѣкоторые германскіе военные писатели ограничиваютъ главный восточный военный театръ нашимъ западнымъ пограничнымъ пространствомъ, Галиціей и Буковиной, и называютъ его «польскимъ театромъ военныхъ дѣйствій»; но это, очевидно, крайне тенденціозно. Дѣйствительный раіонъ изслѣдуемаго театра обнимаетъ обширное пространство отъ Двины и Днѣпра до средней Эльбы съ Берлиномъ и до средняго Дуная съ Вѣною и Пештомъ. Заключенный въ эти предѣлы, онъ дѣлится на три частныхъ театра: русскій, германскій и австрійскій.

Русскій частный театръ включаетъ 10 губерній Варшавскаго генералъ-губернаторства, четыре литовскія и бѣлорусскія губерніи: Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую, и двѣ юго-западныя губерніи: Волынскую и Подольскую. Пространство русскаго театра—450,000 квадратныхъ верстъ, численность его населенія—свыше 17.000,000 человѣкъ. По общему характеру поверхности, вся эта область принадлежитъ къ Сарматской низменности, но по частнымъ особенностямъ и свойствамъ почвы она дѣлится на три полосы:

1) южную холмистую полосу, 2) низменности Припети, Нарева-Буга, Вислы и Бзуры и 3) литовскую озерную площадь. Южная холмистая полоса начинается на юго-востокѣ Волыно-Подольскимъ возвышеннымъ плато; на лѣвомъ берегу Днѣстра къ плато подходитъ идущій отъ Днѣпра чрезъ Кременецъ и Тарнополь горный хребетъ, который, слившись съ плато, поворачиваетъ къ Бугу и далѣе, черезъ Люблинъ, достигаетъ Вислы. Хребетъ этотъ образуетъ водораздѣльную линію между рѣчными басейнами Чернаго и Балтійскаго морей. Между Вислой и верхнемъ теченіемъ Пилицы хребетъ принимаетъ видъ широкой горной цѣпи и тянется далѣе на западъ къ Одеру, переходя въ возвышенность Польско-Верхне-Силезскаго плато, которое сопровождаетъ долину Одера до ея поворота на сѣверъ. На всемъ протяженіи южной холмистой полосы, она только въ двухъ мѣстахъ представляетъ серьезныя препятствія для движенія и дѣйствія значительныхъ отрядовъ войскъ, именно, между Бугомъ и Вислою, по обѣимъ сторонамъ Вѣпржа, гдѣ тянется лѣсистая возвышенность, перерѣзанная глубокими и болотистыми долинами, и между Вислой и верхней Пилицей, гдѣ возвышенная мѣстность тоже покрыта густыми обширными лѣсами, такъ что всѣ пути, идущіе чрезъ это лѣсное пространство, имѣютъ характеръ лѣсныхъ дефилэ. Къ сѣверу отъ южнаго гористаго участка простираются обширныя низменности: болота Припети, Бѣловицы, Нарева и его притоковъ, низменности Бзуры, Нера, Варты и Нетцы. Самая значительная изъ этихъ низменностей, такъ называемое Полѣсье, обнимаетъ всю площадь треугольника съ вершинами въ Могилевѣ, Брестъ-Литовскѣ и Кіевѣ, пространствомъ въ 8.000,000 десятинъ. Всѣ перечисленныя низменности, при небольшемъ числѣ проложенныхъ по нимъ дорогъ, доступны для передвиженія лишь малыхъ военныхъ отрядовъ. Наконецъ, литовская озерная площадь образуетъ сѣверную окраину русскаго театра. Это часть Урало-Алаунской возвышенности прорѣзывается Двиной, Нѣманомъ и входитъ въ предѣлы Пруссіи, достигая у Гольдапа 270 метровъ высоты. Громадныя лѣсныя пространства и озера, находящіяся по большей части въ связи другъ съ другомъ, болота и рѣчныя дефилэ этого плато представляютъ болѣе или менѣе серьезныя препятствія для движенія войскъ и вся вообще эта мѣстность неблагопріятна для дѣйствій значительныхъ войсковыхъ массъ.

Гидрографическія условія частнаго русскаго театра еще болѣе увеличиваютъ его естественную оборонительную силу. Наше западное пограничное пространство весьма богато водными потоками. Слѣдуя съ запада на востокъ, встрѣчаемъ, прежде всего, басейнъ Варты, притока Одера. Россіи принадлежитъ только верхнее теченіе этой рѣки, но по направленію своему съ юга на сѣверъ, по близости басейна Вислы (при большихъ разливахъ воды этихъ системъ мѣстами сливаются), по болотистымъ нерѣдко берегамъ, эта часть

Варты служитъ, тѣмъ не менѣе, значительнымъ препятствіемъ для военныхъ операцій, направляющихся съ запада на востокъ, особенно съ линіи Познань-Бреславль на Варшаву. Затѣмъ, Висла, вслѣдствіе своей ширины, представляетъ въ военномъ отношеніи настоящую водную преграду, тѣмъ болѣе серьезную, что почти на всемъ теченіи рѣки по русской территоріи правый ея берегъ командуетъ надъ лѣвымъ. Изъ многочисленныхъ лѣвыхъ притоковъ Вислы серьезное военное значеніе имѣетъ Бзура. Часть этой рѣки между Ловичемъ и Сохачевымъ служитъ естественной оборонительной линіей Варшавы, прикрывая ея своей плоской болотистой долиной отъ всѣхъ предпріятій со стороны Познани-Торна. Первый изъ большихъ правыхъ притоковъ Вислы, Вѣпржъ, впадающій у Ивангорода, пересѣкаетъ пути, идущіе изъ Галиціи по правому берегу Вислы. Бугъ, до рѣзкаго поворота на западъ, служитъ самостоятельной оборонительной линіей, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Наревомъ, Бобромъ и системой Августовскаго канала, образуетъ могущественный барьеръ противъ наступленія отъ Кенигсберга въ юго-восточномъ направленіи. Продолженіемъ этого барьера служитъ среднее теченіе Нѣмана, отъ Гродно до Ковно. Днѣпръ хотя образуетъ крайнюю восточную границу разсматриваемаго театра, но его рѣчная система, съ Березиной и Припетью, глубоко вдается внутрь театра, образуя, какъ было сказано, въ верхней своей части, неодолимое препятствіе для операцій современныхъ массовыхъ армій. Наконецъ, изъ рѣкъ Черноморскаго басейна на частномъ русскомъ театрѣ протекаютъ своимъ верхнимъ и среднимъ теченіемъ Днѣстръ и Бугъ, не представляющіе, впрочемъ, выдающагося значенія въ военномъ отношеніи.

Сѣть обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ изслѣдуемаго раіона, сравнительно, мало развита. Изъ числа путей первой категоріи, для большихъ военныхъ операцій имѣютъ значеніе только шоссейныя и нѣкоторыя почтовыя дороги, такъ какъ онѣ проходимы при всякой погодѣ и во всѣ времена года. Для наступленія по лѣвому берегу Вислы противъ фронта Новогеоргіевскъ, Варшава, Ивангородъ можно воспользоваться, на всемъ протяженіи отъ Торна до Завихоста, 13 дорогами, изъ которыхъ семь ведутъ къ Варшавѣ. 11 дорогъ выходятъ изъ предѣловъ Пруссіи и только двѣ — изъ предѣловъ Австріи. Наступленіе отъ прусской границы противъ линіи Влоцлавскъ, Новогеоргіевскъ, Гродно, Ковно, можетъ быть начато тоже по 13 дорогамъ, но на незначительномъ разстояніи отъ границы нѣкоторыя изъ нихъ сливаются. Къ тому же, на всемъ этомъ большомъ пространствѣ нѣтъ такого пункта, къ которому групировались бы дороги, что, по необходимости, ведетъ къ разбрасыванію силъ. Наконецъ, для наступленія отъ Вислы въ восточномъ направленіи имѣется пять дорогъ, а для наступленія отъ Нѣмана—одна. Изъ восточной Галиціи въ Россію проходитъ только

одно шоссе, именно, по правому берегу Вислы, отъ Львова черезъ Томашевъ въ Люблинъ. Всѣ прочія дороги—почтовыя, изъ которыхъ восемь признаются наиболѣе важными въ военномъ отношеніи. На пространствѣ между Вислой и Бугомъ существуетъ восемь поперечныхъ шоссейныхъ дорогъ, а восточнѣе Нѣмана и Буга проходитъ пять поперечныхъ дорогъ, но всѣ онѣ не шоссированы. Въ Подоліи и Волыни—два поперечныхъ пути.

Изъ внутреннихъ областей Россіи въ западное пограничное пространство ведутъ пять желѣзнодорожныхъ линій выдающагося военнаго значенія. Первая линія—С.-Петербургско-Варшавская желѣзная дорога; у Вильны отъ нея отдѣляется вѣтвь на Ковно и Вержболово; линія эта частью двухколейная. Вторая стратегическая линія идетъ отъ Москвы чрезъ Смоленскъ, Минскъ, Барановичи въ Брестъ-Литовскъ и Варшаву; линія эта двухколейная на всемъ протяженіи; у Барановичей отъ нея отдѣляется одноколейная вѣтвь въ Бѣлостокъ, а у Лукова — одноколейная вѣтвь въ Ивангородъ. Третья линія сосредоточенія: Орелъ, Брянскъ, Гомель, Мозырь, Лунинецъ, Пинскъ, Брестъ-Литовскъ; она одноколейная. Четвертая линія проходитъ отъ Курска чрезъ Кіевъ, Казатинъ, Ковель и Люблинъ въ Ивангородъ; она одноколейная; у Здолбунова отъ нея идетъ вѣтвь на Радзивилово. Наконецъ, пятая линія, тоже одноколейная, идетъ отъ Харькова къ границѣ восточной Галиціи у Волочиска, чрезъ Балту и Жмеринку. Къ этой линіи подходитъ у Бирзулы двухколейной рельсовый путь изъ Одессы, а у Жмеринки—одноколейная вѣтвь изъ Казатина.

Соединительными путями между перечисленными стратегическими линіями служатъ поперечныя желѣзныя дороги, идущія съ сѣвера на югъ. Дороги эти слѣдующія: 1) Рига, Динабургъ, Смоленскъ, Орелъ; 2) Вильна, Минскъ, Бобруйскъ, Гомель, Бахмачъ, Полтава; 3) Вильна, Барановичи, Лунинецъ, Ровно, Фастово, Николаевъ; 4) Граево, Бѣлостокъ, Брестъ-Литовскъ, Ковель, Жмеринка, Одесса и 5) Млава, Новогеоргіевскъ, Прага, Ивангородъ, Ковель.

У Варшавы и Ивангорода рельсовая сѣть западнаго пограничнаго пространства переходитъ на лѣвый берегъ Вислы. Одна изъ этихъ дорогъ идетъ отъ Варшавы къ ст. Границѣ, имѣя двойной путь на большей части своего протяженія; отъ этой дороги отдѣляется у Скерневицъ вѣтвь къ Торну. Вторая дорога Ивангородъ-Домброва. Соединительнымъ путемъ между этими линіями служитъ дорога Лодзь-Боздеховъ. Обѣ линіи къ западу отъ Вислы являются продолженіемъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій: Петербургъ—Варшава и Москва—Брестъ—Варшава. Наконецъ, на всемъ протяженіи австро-германской границы русская желѣзнодорожная сѣть въ восьми пунктахъ входитъ въ связь съ сѣтью сосѣднихъ государствъ, именно: у Вержболово, у Граево, Млавы, Александрово, Сосновицъ, у Границы, Радзивилова и у Волочиска.

Одинъ изъ выдающихся прусскихъ военныхъ писателей потратилъ много труда на доказательство, что Россія, какъ театръ войны, перестала занимать исключительное положеніе среди другихъ европейскихъ государствъ. Но, не смотря на всю тщательность, съ которой было аргументировано это положеніе, онъ не достигъ своей цѣли. Какъ ранѣе, такъ и теперь, арміи и руководящія военныя сферы западныхъ сосѣдей Россіи признаютъ исключительность русскаго военнаго театра, подобнаго которому нѣтъ другого въ Европѣ. Естественная оборонительная сила этого театра, обусловливаемая общимъ характеромъ его поверхности, его гидрографіей, обширностью его протяженія, климатомъ, сравнительной ненаселенностью, недостаткомъ удобныхъ путей сообщенія, невозможностью продовольствовать оперирующія на немъ арміи средствами страны и т. д., сила эта настолько значительна сама по себѣ, что для борьбы съ нею одной требуется уже исключительное напряженіе.

На помощь естественнымъ преградамъ пришло военно-инженерное искусство. Оборонительная линія Вислы усилена тремя крѣпостями: Ивангородомъ, Варшавой и Новогеоргіевскомъ. Крѣпости эти обезпечиваютъ мобилизацію русскихъ войскъ, постоянно расположенныхъ въ Польшѣ и стратегическое развертываніе арміи на правомъ берегу Вислы. Линія Бобра усилена укрѣпленіями Осовца. На Бугѣ расположенъ Брестъ-Литовскій, а на Нѣманѣ—Ковенскій укрѣпленные лагеря. Наконецъ, близко проходящая отъ австрійской границы стратегическая желѣзнодорожная линія изъ Кіева въ Ивангородъ прикрыта Дубенскими укрѣпленіями. Вторую линію крѣпостей образуютъ: Динабургъ, Бобруйскъ и Кіевъ.

При всей обширности протяженія границъ Россіи, первостепенное военное значеніе имѣетъ только одинъ изъ ея фронтовъ, именно, юго-западный. Обстоятельство это существенно облегчаетъ организацію государственной обороны, позволяя направить главную массу средствъ для подготовки къ борьбѣ на одномъ театрѣ. Кавказъ съ Закаспійской областью, Туркестанъ, вѣроятные театры въ случаѣ столкновенія съ Китаемъ, и даже Финляндія—всѣ они имѣютъ отдѣльную и до извѣстной степени самостоятельную военную организацію, настолько прочную, что оборона, напримѣръ, азіатскихъ границъ съ успѣхомъ можетъ быть ведена въ активномъ направленіи безъ помощи войскъ Европейской Россіи. Мало того, кавказскія, оренбургская и уральская казачьи области всегда въ состояніи значительно усилить свободныя для операціи на главномъ театрѣ войска своими богатыми коневыми средствами.

На русскомъ западномъ пограничномъ пространствѣ, могутъ быть собраны, такимъ образомъ, безъ ущерба для обороны другихъ фронтовъ, почти всѣ полевыя и резервныя войска нашей арміи. При самомъ умѣренномъ разсчетѣ, на этомъ театрѣ возможно сосредоточить для боеваго употребленія 43 полевыя пѣхотныя ди-

визіи, 20 резервно-полевыхъ пѣхотныхъ дивизій, 6 стрѣлковыхъ бригадъ и 18 конныхъ дивизій. Полевыя пѣхотныя дивизіи будутъ имѣть по 16 баталіоновъ, по 4 казачьихъ сотни и по 48 орудій; резервно-полевыя — по 16 баталіоновъ, 4 сотни и 24 орудія; 5 стрѣлковыхъ бригадъ, состоя въ мирное время изъ четырехъ двухбаталіонныхъ полковъ, съ объявленіемъ мобилизаціи безъ труда могутъ быть переформированы въ дивизіи, по 16 баталіоновъ, по 4 сотни и по 24 орудія въ каждой; конныя дивизіи, исключая одной въ 36 эскадроновъ, имѣютъ по 24 эскадрона и сотни и по 12 орудій. Такимъ образомъ, общее наименьшее число частей боевого назначенія будетъ таково: 1,092 баталіона, 716 эскадроновъ и сотенъ и 3,040 полевыхъ орудій.

Полевымъ войскамъ не придется выдѣлять изъ своего состава постоянныхъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, такъ какъ для этой цѣли уже въ мирное время назначены особыя пѣхотныя и артиллерійскія части; съ нихъ совершенно снимутся также заботы объ устройствѣ мѣстной и этапной службъ, которыя будутъ исполняться резервными войсками, не вошедшими въ составъ дивизій и частями государственнаго ополченія; пополненіе убыли въ полевыхъ частяхъ широко обезпечивается запасными войсками. 68 пѣхотныхъ и 18 конныхъ дивизій могутъ быть, слѣдовательно, употреблены всецѣло на достиженіе боевыхъ цѣлей полевой войны. Онѣ образуютъ грозную массу въ 1.100,000 штыковъ, 107,000 сабель и 3,040 орудій. Эти 1.250,000 строевыхъ чиновъ составятъ могущественнѣйшую армію, подчиненную единой волѣ, проникнутую строгой дисциплиной, воспитанную самой жизнью въ борьбѣ, которая по своей суровой обстановкѣ мало чѣмъ отличается отъ борьбы на поляхъ битвъ.

Боевая готовность русской арміи, т. е. условія ея мобилизаціи и сосредоточенія на театрѣ войны, признавались до сихъ поръ слабой стороной русскаго военнаго устройства. Обширность территоріи и недостаточное развитіе рельсовой сѣти препятствовали быстрому сбору запасныхъ и доставкѣ укомплектованныхъ по штатамъ военнаго времени частей въ область сосредоточенія. Въ послѣднее время, однако, германская и австрійская военная печать обратили серьезное вниманіе на ту, по ихъ словамъ, «желѣзную послѣдовательность», съ которой Россія стремится побороть посредствомъ извѣстной системы мирной дислокаціи войскъ естественныя препятствія, мѣшающія надлежащей боевой готовности арміи. Система эта выразилась, прежде всего, въ группировкѣ большей части полевыхъ войскъ Европейской Россіи на западномъ пограничномъ пространствѣ и въ ближайшихъ къ нему областяхъ. Вслѣдствіе этого размѣръ стратегическихъ перевозокъ значительно сократился и рельсовая сѣть до извѣстной степени освободилась для мобилизаціонныхъ перевозокъ. На самомъ западномъ пограничномъ пространствѣ

расквартированіе войскъ подчинено очертанію пограничной линіи и общему географическому характеру страны. Затѣмъ, лишь сравнительно немногія войсковыя части размѣщены не на желѣзныхъ дорогахъ или не по близости ихъ, причемъ замѣчается система расквартированія войскъ вдоль желѣзнодорожныхъ линій по эшелонно, т. е. въ такомъ порядкѣ, чтобы на извѣстной линіи или на опредѣленномъ участкѣ этой линіи размѣщались войсковыя части, входящія въ составъ одной и той же высшей организаціонной единицы. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣропріятій, которыя съ каждымъ годомъ придаютъ общей системѣ мирной дислокаціи арміи все большую законченность, боевая готовность арміи значительно возросла и въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о прежнихъ срокахъ мобилизаціи и сосредоточенія русскихъ войскъ на разсматриваемомъ театрѣ войны.

Въ изложенной группировкѣ литературныхъ данныхъ, относящихся до русской части восточнаго театра, западное пограничное пространство наше охарактеризовано исключительно съ точки зрѣнія обороны. Оно разсматривалось какъ объектъ наступательныхъ дѣйствій, направляемыхъ изъ германской и австрійской частей изслѣдуемаго театра. Такое представленіе вполнѣ оправдывается сущностью военно-политическихъ отношеній Россіи, Германіи и Австро-Венгріи на ихъ взаимной границѣ. На томъ же основаніи, театры отъ Прегеля и Варты до Эльбы и отъ сѣверо-восточныхъ предгорій Карпатъ до средняго Дуная необходимо изслѣдовать преимущественно съ точки зрѣнія подготовки ихъ къ активнымъ операціямъ. Надо, однако, имѣть въ виду, что готовность къ оборонѣ, доведенная до извѣстнаго предѣла, представляетъ уже гарантіи успѣха наступательныхъ дѣйствій, которыя, какъ на полѣ сраженія, такъ и на цѣломъ театрѣ войны, обыкновенно слѣдуютъ за отбитіемъ атаки, или наступленія.

Германская часть восточнаго театра обнимаетъ провинціи: двѣ Прусскихъ, Померанію, Познань, Силезію, Бранденбургъ и Шлезвигъ; къ ней принадлежатъ также Мекленбургъ и часть Саксоніи. Въ этихъ предѣлахъ, германскій военный театръ занимаетъ до 250,000 кв. верстъ пространства и численность его населенія доходитъ до 20.000,000 челов. По общему характеру поверхности, театръ этотъ представляетъ холмистую равнину со скатомъ къ Балтійскому морю, переходящимъ въ низменность. Только южная окраина театра наполнена высокими отрогами германскихъ горъ: Судетовъ, Рудныхъ и Лужицкихъ, пересѣкающихъ Силезію и Саксонію. Провинціи прусскія и Познань изобилуютъ озерами, торфяными и лѣсными пространствами; берега ихъ рѣкъ нерѣдко болотисты. Балтійское побережье почти сплошь песчанно, со множествомъ озеръ. Главныя рѣки театра: Прегель съ Деймой, нижнее

теченіе Вислы, Варта съ Неццой, Одеръ и Эльба съ Мульдой и Эльстеромъ.

Подготовка германскаго восточнаго театра къ наступательной войнѣ можетъ быть раздѣлена 1) на подготовку територіи и 2) на подготовку арміи въ числительномъ и организаціонномъ отношеніяхъ. По каждой изъ этихъ сторонъ достигнуты существенные результаты, взаимно дополняющіе другъ друга.

Граница Германіи на протяженія болѣе 1.100 верстъ дугой охватываетъ польско-литовскую часть нашего западнаго пограничнаго пространства, глубоко вдаваясь къ Нѣману. При такомъ очертаніи границы, провинціи собственно Прусская и Познанская получаютъ выдающееся военное значеніе. Онѣ образуютъ тотъ плацдармъ, изъ котораго предполагается начать наступленіе главными силами. Четвертая пограничная провинція, Силезія, составляетъ соединительное звено между германской и австрійской частями восточнаго театра и при наступательной войнѣ имѣетъ существенную важность не столько для Германіи, сколько для Австріи. Географическое положеніе различныхъ провинцій германскаго восточнаго театра, обусловливая стратегическое ихъ значеніе, оказало, вслѣдствіе этого, существенное вліяніе на подготовку ихъ територій къ наступательной войнѣ. Въ этомъ отношеніи вся разсматриваемая область можетъ быть раздѣлена на три раіона: сѣверо-восточный, центральный и юго-восточный.

Сѣверо-восточной раіонъ обнимаетъ провинціи: Восточную Пруссію, Западную Пруссію, Померанію, Мекленбургъ и Шлезвигъ. Въ военномъ отношеніи раіонъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ какъ самостоятельное цѣлое, хотя онъ и находится въ тѣсной связи съ остальными раіонами. При подготовкѣ этого раіона къ наступательной войнѣ были поставлены спеціальныя цѣли. Очертаніе крайней сѣверо-восточной части раіона позволяетъ приблизить часть операціонной базы къ внутреннимъ областямъ русскаго восточнаго театра и значительно сокращаетъ операціонную линію одной изъ армій вторженія. Близость моря даетъ возможность установить тѣсную связь между сухопутными и морскими силами, сообразно этому регулировать ихъ операціи и воспользоваться морскими путями для надобностей сухопутныхъ войскъ. Наконецъ, имѣется въ виду поставить русскую базу въ угрожаемое положеніе со стороны Прусскихъ провинцій. Доставляя многія выгоды при наступленіи, зависленскій участокъ становится, напротивъ, тяжелой обузой при оборонѣ. Отрѣзанный отъ имперіи широкимъ теченіемъ Вислы, не имѣющій ни одной сильной естественной оборонительной линіи, онъ, при неблагопріятномъ ходѣ событій, представляетъ легкую добычу для непріятеля. Въ виду такого положенія, въ послѣднее время было обращено особое вниманіе на завершеніе подготовки

въ наступательной войнѣ сѣверо-восточнаго раіона и въ особенности обѣихъ Прусскихъ провинцій.

Теперь раіонъ этотъ обладаетъ, прежде всего, весьма сильной крѣпостной системой. Въ отдаленномъ восточномъ углу находится первая крѣпостная группа, состоящая изъ центральнаго опорнаго пункта, Кенигсберга, и двухъ передовыхъ по отношенію къ нему крѣпостей: Бойена—на юго-восточныхъ путяхъ вторженія, и Мемеля—на сѣверныхъ путяхъ. Связь Кенигсберга съ моремъ обезпечивается крѣпостью Пилавой. Расположенный въ узлѣ девяти шоссейныхъ и четырехъ желѣзныхъ дорогъ, при сліяніи Прегеля съ Куришъ-гафомъ, Кенигсбергъ имѣетъ первоклассное стратегическое значеніе. Онъ гарантируетъ связь дѣйствій сухопутныхъ и морскихъ силъ, служитъ прочнымъ оплотомъ обороны провинціи, командуетъ надъ путями изъ нашего Сѣверо-Западнаго края, и можетъ быть надежнымъ базиснымъ пунктомъ для наступательныхъ операцій. Укрѣпленія Кенигсберга состоятъ изъ непрерывной ограды и 11 отдѣльныхъ фортовъ. Вторая группа крѣпостей находится на Вислѣ; здѣсь расположены Торнъ, Грауденцъ, Маріенбургъ и Данцигъ. Торнъ, въ узлѣ пяти рельсовыхъ и многихъ шоссейныхъ путей, и у рѣки Вислы, отличнаго воднаго пути, преграждаетъ часть дорогъ изъ Польши въ Пруссію, командуетъ надъ путями къ Вислѣ и къ Познани и можетъ служить базиснымъ пунктомъ для наступленія по обоимъ берегамъ Вислы. Укрѣпленія Торна состоятъ изъ непрерывной ограды, предмостнаго укрѣпленія и восьми отдѣльныхъ фортовъ. Данцигъ обезпечиваетъ связь дѣйствій морскихъ и сухопутныхъ силъ. Грауденцъ и Маріенбургъ охраняютъ желѣзнодорожные мосты. Обѣ указанныя группы крѣпостей находятся въ стратегической связи между собой, хотя связь эта нѣсколько слаба такъ какъ разстояніе между Торномъ и Кенигсбергомъ доходитъ до 250 верстъ. Наконецъ, на морскомъ берегу вдоль всего протяженія расположенъ рядъ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, изъ которыхъ крѣпости Киль и Данцигъ служатъ базами для флота, а остальные воздвигнуты исключительно для оборонительныхъ цѣлей.

На ряду съ устройствомъ крѣпостной системы шли работы по организаціи стратегической желѣзнодорожной сѣти раіона, какъ одного изъ главнѣйшихъ факторовъ подготовки къ наступательной войнѣ. Крайняя сѣверо-восточная часть раіона, далеко вдавшаяся между Балтійскимъ моремъ и Польшей, отдѣлена отъ внутреннихъ областей рѣкой Вислой. Быстрота и удобство сосредоточенія германскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи зависятъ, такимъ образомъ, прежде всего отъ числа постоянныхъ желѣзнодорожныхъ мостовъ, устроенныхъ черезъ Вислу. Въ настоящее время такихъ мостовъ три: у Диршау-Маріенбурга, у Грауденца и у Торна. Къ этимъ пунктамъ ведутъ пять желѣзнодорожныхъ линій, которыя могутъ

доставлять войска на лѣвый берегъ Вислы. У Диршау сходятся двѣ дороги: большая двухколейная линія Берлинъ-Кюстринъ-Шнейдемюль-Диршау, служащая главнымъ стратегическимъ путемъ разсматриваемаго раіона, и одноколейная дорога Шлезвигъ-Гамбургъ-Штетинъ-Штольпъ-Данцигъ-Диршау, нѣкоторые участки которой имѣютъ двѣ колеи. Къ Грауденцу будутъ подвозить войска тоже двѣ дороги: двухколейная Шнейдемюль-Бромбергъ-Ласковицы, которая находится въ сообщеніи съ линіями, идущими на Берлинъ и Штетинъ, и одноколейная—Кольбергъ-Койница-Грауденцъ. Наконецъ, къ Торну подходитъ съ запада одна двухколейная линія, которую, однако, могутъ питать нѣсколько стратегическихъ линій, доходящихъ до самаго западнаго фронта имперіи. Поперечнымъ путемъ между этими линіями служитъ дорога Иновраплавъ-Бромбергъ-Диршау. Доставленныя на правый берегъ Вислы, германскія войска направятся, затѣмъ, по тремъ линіямъ въ различные пограничные пункты, подготовленные для высадки значительныхъ войсковыхъ силъ. Линіи эти соединены нѣсколькими поперечными дорогами, которыя и развезутъ войска въ слѣдующіе пункты высадки: Тильзитъ, Столупяны, Лыкъ, Сольдау и Торнъ. Рельсовая сѣть разсматриваемаго раіона связана съ русской желѣзнодорожной сѣтью у Вержболово, Граево, Млавы и Александрово. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она находится въ весьма тѣсной связи съ моремъ.

Наступательныя цѣли отразились и на военномъ устройствѣ сѣверо-восточнаго раіона, а также и на дислокаціи собранныхъ здѣсь войскъ. Раіонъ подраздѣляется на четыре корпусныхъ округа. Восточная Пруссія образуетъ округъ 1-го корпуса, имѣющаго 25 баталіоновъ, 30 эскадроновъ и 20 батарей; область нижней Вислы—округъ 17-го корпуса, въ составѣ 25 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 15 батарей. Лѣвѣе его находится округъ 2-го корпуса, раскинувшійся вдоль побережья широкой полосой отъ Кеслина до Ростока и постепенно съуживающійся къ русской границѣ; войска корпуса: 24 баталіона, 20 эскадроновъ и 14 батарей. Остальная часть раіона образуетъ округъ 9-го корпуса, захватывающій и устья Эльбы; войска корпуса: 26 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 18 батарей. Всѣ эти корпуса подчинены одной инспекціи, которая играетъ роль полеваго управленія частной арміи. Полевыя войска 1-го, 17-го и 2-го корпусовъ уже въ мирное время содержатся почти въ полной боевой готовности. Главная часть ихъ расположена въ Кенигсбергѣ, Грауденцѣ, Торнѣ и Бромбергѣ, а къ самой границѣ высланы болѣе или менѣе сильные отряды, охраняющіе желѣзнодорожные узлы и всегда готовые двинуться впередъ для занятія пограничныхъ пунктовъ будущихъ путей наступленія.

Центральный раіонъ германскаго восточнаго театра обнимаетъ провинціи Познань и Бранденбургъ. Вслѣдствіе вдающагося по-

ложенія Польши въ територію Германіи, центральный раіонъ значительно уступаетъ по величинѣ сѣверо-восточному и крайній его пунктъ удаленъ едва на 300 верстъ отъ столицы имперіи. Обстоятельство это, невыгодное при оборонѣ, напротивъ, весьма цѣнно при наступленіи, такъ какъ сокращаетъ время для выполненія многихъ сложныхъ подготовительныхъ операцій. Подготовку центральнаго раіона къ наступательной войнѣ можно считать наиболѣе законченной. На этомъ раіонѣ преслѣдовалось достиженіе одной главной стратегической цѣли: обезпеченія возможно быстраго наступленія большихъ войсковыхъ массъ въ фронтальномъ направленіи относительно русской оборонительной линіи на Вислѣ.

Базисомъ для этихъ операцій будетъ служить могущественный познанскій укрѣпленный лагерь. Расположенный въ центрѣ сильной стратегической позиціи на рѣкѣ Вартѣ, онъ командуетъ надъ всѣми путями, ведущими отъ средняго Одера къ средней Вислѣ. Укрѣпленія Познани состоятъ изъ цитадели, форта и общей ограды изъ шести полигональныхъ фронтовъ, на лѣвомъ берегу, двухъ фортовъ, связанныхъ системой укрѣпленій, образующихъ непрерывную ограду, на правомъ берегу, и 12 отдѣльныхъ фортовъ на обоихъ берегахъ, вынесенныхъ на 3—4 версты отъ общей ограды. Остальныя крѣпости этого раіона, Кюстринъ и Глогау, обѣ на Одерѣ, имѣютъ исключительно оборонительное значеніе.

Передовая линія сосредоточенія войскъ, назначаемыхъ для нанесенія лобоваго удара русской оборонительной системѣ на Вислѣ, тянется отъ Торна до Острова. На эту линію могутъ доставлять войска шесть отдѣльныхъ стратегическихъ рельсовыхъ путей. Крайній сѣверный идетъ отъ Гамбурга чрезъ Штетинъ и Крейцъ; слѣдующіе три проходятъ черезъ Берлинъ и, пользуясь обѣими окружными, а равно и городской желѣзной дорогой, направляются къ Познани, одна чрезъ Кюстринъ, другая чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, а третья чрезъ Котбусъ и Бентшпейнъ. Остальныя двѣ линіи идутъ южнѣе Берлина; ближайшее направленіе ихъ: Лейпцигъ-Торгау-Котбусъ-Лисса-Познань и Дрезденъ-Лисса-Познань. Большинство этихъ линій имѣютъ до Одера два пути. Всѣ линіи сходятся у Познани, но кромѣ ея раздѣльными станціями могутъ служить Лисса и Роговно; изъ этихъ трехъ пунктовъ войска направятся къ самой границѣ для высадки въ слѣдующихъ пунктахъ: Иновраціавѣ, Стрѣльно, Гнѣзно, Вржесня, Ярочинъ и Островъ. Всѣ эти пункты соединены поперечной желѣзной дорогой какъ между собой, такъ и съ пунктами высадки обоихъ фланговыхъ раіоновъ.

Недостатокъ желѣзнодорожной сѣти центральнаго раіона тотъ, что она не соединена съ русской рельсовой сѣтью, между тѣмъ при наступленіи современныхъ массовыхъ армій для нихъ безусловно необходимо имѣть въ тылу рельсовый путь, который обез-

печивалъ бы доставку имъ всего необходимаго. Сознавая этотъ недостатокъ и заблаговременно заботясь объ его устраненіи, германское высшее военное управленіе намѣтило уже направленія, по которымъ въ военное время установится связь между обѣими желѣзнодорожными сѣтями. Линія Познань-Вржесня будетъ продолжена чрезъ Слупцы въ Кутно, а линія Познань-Ярочинъ пройдетъ чрезъ Калишъ въ Лодзь.

Центральный раіонъ включаетъ два корпусныхъ округа, но, кромѣ двухъ армейскихъ корпусовъ, здѣсь расположенъ еще гвардейскій корпусъ, не имѣющій своего округа. 5-й корпусъ, пограничный, имѣетъ 25 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 17 батарей; части эти содержатся въ усиленномъ составѣ; 3-й корпусъ состоитъ изъ 25 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 18 батарей; гвардейскій корпусъ—изъ 29 баталіоновъ, 40 эскадроновъ и 20 батарей.

Юго-восточный раіонъ германскаго театра обнимаетъ Силезію и Саксонію. Онъ слабо защищенъ естественными преградами, не имѣетъ крѣпостей, но прикрытъ австрійскими провинціями. Въ военномъ отношеніи Силезія можетъ быть разсматриваема, какъ продолженіе сѣвернаго фронта Галиціи, съ которымъ она прочно соединена рельсовыми путями. По планамъ мѣстныхъ стратеговъ, собранныя здѣсь германскія войска будутъ оперировать совмѣстно съ австрійской арміей, массирующейся у Кракова.

Относительно сосредоточенія войскъ разсматриваемый раіонъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ. Главный городъ Силезіи, Бреславль, является весьма важнымъ узловымъ пунктемъ, гдѣ сходятся рельсовые пути, идущіе съ запада, черезъ Лейпцигъ и Дрезденъ, съ сѣверо-запада, чрезъ Берлинъ и Франкфуртъ, и съ сѣвера, чрезъ Познань. Для доставки войскъ въ юго-восточный уголъ Силезіи изъ позади лежащихъ областей можно воспользоваться четырьмя отдѣльными линіями; три изъ нихъ проходятъ южнѣе Берлина и оканчиваются у Бейтена, Крейцбурга и Кемпно; къ послѣдней станціи подходитъ, кромѣ того, дорога изъ Берлина. Всѣ названныя станціи подготовлены для высадки большихъ войсковыхъ массъ. Рельсовая сѣть Силезіи соединена съ русской желѣзнодорожной сѣтью только чрезъ варшавско-вѣнскую желѣзную дорогу, но теперь уже можно указать на тѣ линіи, постройка которыхъ намѣчена на случай перехода германскихъ войскъ черезъ русскую границу. Одна изъ нихъ пройдетъ отъ Кемпно на Сѣрадзь, а другая отъ Лублиница до Ченстохова.

Въ юго-восточномъ раіонѣ расположены два корпуса: 6-й, въ составѣ 25 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 20 батарей, и 12-й, въ составѣ 36 баталіоновъ, 30 эскадроновъ и 23 батарей.

Територія германскаго восточнаго театра въ значительной степени подготовлена, такимъ образомъ, къ наступательной войнѣ. На самой границѣ воздвигнутъ рядъ крѣпостей-лагерей, коман-

дующихъ надъ путями вторженія и служащихъ опорными пунктами базы, идущей въ обхватъ русской територіи. 11 отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ линій, за вычетомъ тѣхъ, которыя имѣютъ общіе большіе участки, ведутъ отъ Эльбы къ границѣ; одна изъ нихъ двухколейная на всемъ протяженіи. Линіи эти соединены непрерывнымъ рельсовымъ путемъ, который хотя и подходитъ мѣстами очень близко къ русской границѣ, но прочно охраняется многочисленными войсками, содержащимися почти въ полной боевой готовности. Всѣ шесть линій сосредоточенія Познанской провинціи проходятъ до самаго крайняго западнаго фронта имперіи и могутъ служить также маневренными линіями, позволяющими сравнительно быстро перевозить войска съ западнаго фронта на сѣверо-восточный и обратно (среднее разстояніе—около 1,000 верстъ). Наконецъ, сухопутнымъ войскамъ, оперирующимъ въ прибрежной полосѣ, обезпечено содѣйствіе флота, а слѣдовательно и пользованіе морскими путями.

Не менѣе существенные результаты достигнуты и относительно подготовки къ войнѣ населенія страны. Въ Германіи военной службѣ подлежитъ все мужское населеніе въ возростѣ отъ 17 до 45 лѣтъ, такъ что численность сухопутныхъ силъ имперіи дошла до крайняго предѣла. Общее число военно-обязанныхъ въ Германіи доходитъ въ настоящее время до 7.200,000 человѣкъ. Организовать всю эту массу для наступательной войны не было, однако, никакой возможности, не смотря на всѣ усилія. Давъ самое широкое развитіе системѣ формированія резервовъ, германскіе военные организаторы, все-таки, не могутъ двинуть въ поле болѣе 1.600,000 человѣкъ, оставивъ 1.100,000 человѣкъ для формированія мѣстныхъ войскъ, и имѣя 4.500,000 человѣкъ въ общемъ резервѣ на тотъ случай, если надо будетъ довести борьбу до крайняго напряженія.

Германская дѣйствующая армія будетъ состоять изъ полевыхъ и резервно-полевыхъ войскъ. Полевыя войска сформируютъ: 42 пѣхотныхъ дивизій съ боевымъ составомъ по 16 баталіоновъ, четыре эскадрона и 36 орудій; 26 отдѣльныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ; 10 кавалерійскихъ дивизій по 16 эскадроновъ и по 12 орудій; 100 батарей корпусной артилеріи; всего 698 баталіоновъ 328 эскадроновъ и 2,232 орудія. Резервно-полевыя войска сформируютъ: 20 пѣхотныхъ дивизій по 16 баталіоновъ, четыре эскадрона и 36 орудій, всего 320 баталіоновъ, 80 эскадроновъ и 720 орудій. Общій составъ дѣйствующей арміи: 62 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ дивизій, 1,018 баталіоновъ, 408 эскадроновъ и 2,952 орудія. Остальныя войска, формируемыя съ постановкой сухопутныхъ силъ на военное положеніе, предназначены на образованіе крѣпостныхъ гарнизоновъ, для исполненія этапной службы, для отработки запаса на пополненіе убыли въ дѣйствующихъ ча-

стяхъ и т. д., слѣдовательно не имѣютъ значенія боевой силы, ведущей наступательную войну.

Благодаря довольно строгому примѣненію територіальной системы къ устройству сухопутныхъ силъ Германіи, небольшимъ разстояніямъ, отдѣляющимъ запасныхъ чиновъ отъ ихъ частей, широкому развитію желѣзнодорожной сѣти, позволившему расквартировать всѣ войсковыя части въ пунктахъ, гдѣ проходятъ желѣзныя дороги и обильнымъ запасамъ матеріальной части, мобилизація полевыхъ войскъ могла бы быть сравнительно не сложной работой, еслибы она не сопровождалась одновременнымъ формированіемъ новыхъ войсковыхъ частей. Въ Германіи постоянная армія въ буквальномъ смыслѣ служитъ кадромъ пресловутаго «вооруженнаго народа» и растворяется въ немъ съ переходомъ на военное положеніе. Въ результатѣ получаются хотя и многочисленныя войска, но съ сильнымъ милиціоннымъ характеромъ. Въ полномъ боевомъ росписаніи германскихъ сухопутныхъ силъ значится не менѣе 2,607 баталіоновъ, 723 конныхъ и пѣшихъ эскадроновъ и 615 батарей, между тѣмъ,какъ въ мирное время содержится всего 534 баталіона, 465 эскадроновъ и 364 батареи, такъ что придется вновь формировать 2,073 пѣхотныхъ баталіона, 258 эскадроновъ и 251 батарею, не говоря уже о массѣ крѣпостныхъ артилерійскихъ, инженерныхъ, обозныхъ, парковыхъ и другихъ частей. Новые баталіоны, эскадроны и батареи надо будетъ свести въ полки, бригады, дивизіи, для чего снова потребуются многочисленные кадры. Собственно для дѣйствующей арміи надо будетъ вновь сформировать полевыхъ и резевно-полевыхъ частей: 484 баталіона, 136 эскадроновъ и 128 батарей. Всѣ эти цифры убѣдительно доказываютъ, что мобилизація германскихъ сухопутныхъ силъ является чрезвычайно сложной работой, во время которой армія, съ боевой точки зрѣнія, находится вполнѣ въ безпомощномъ положеніи, и что въ боевомъ отношеніи дѣйствующая армія должна значительно уступать постоянной арміи.

Срокъ такого состоянія, однако, сравнительно не великъ. По общему мнѣнію, полная мобилизація дѣйствующей арміи можетъ быть выполнена въ три недѣли, но значительная часть арміи изготовится къ походу еще скорѣе. Перевозка въ область стратегическаго развертыванія арміи полевыхъ пѣхотныхъ дивизій съ ихъ кавалеріей, артилеріей и обозами, а также отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій, начнется на шестой день мобилизаціи. За ними послѣдуетъ корпусная артилерія, резервно-полевыя дивизіи, парки и обозы корпусовъ и армій. Мобилизаціонный планъ строго согласованъ съ планомъ перевозки и вся эта операція будетъ выполнена съ большой отчетливостью: войскамъ не придется ждать, когда освободятся желѣзныя дороги, а желѣзнымъ дорогамъ не надо будетъ ожидать, когда изготовятся войска. На четвертой не-

дѣлѣ германскія арміи будутъ вполнѣ готовы къ наступленію по заранѣе избраннымъ операціоннымъ путямъ.

Для болѣе точнаго опредѣленія времени, по истеченіи котораго можно ожидать рѣшительнаго столкновенія наступающихъ армій съ обороняющимися, необходимо ввести въ разсчетъ разстоянія, отдѣляющія пункты сосредоточенія германскихъ главныхъ силъ отъ главныхъ пунктовъ передовыхъ оборонительныхъ линій польско-литовскаго пространства. Отъ Торна до Варшавы свыше 200 верстъ, отъ Вржесни—до 250 верстъ и почти столько же отъ Острова и Крейцбурга. Для современныхъ массовыхъ армій средняя скорость походнаго движенія не превышаетъ 15 верстъ въ сутки, слѣдовательно, германскимъ войскамъ, наступающимъ на Варшаву, потребуется отъ 15 до 20 дней, считая и дневки, чтобы дойти до этого укрѣпленнаго лагеря. Изъ станцій высадки Восточной и Западной Пруссіи только Столупяны находятся въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ одного изъ главныхъ оборонительныхъ пунктовъ, именно въ 100 верстахъ отъ Ковно, такъ что къ этому городу прусскія войска могутъ подойти черезъ недѣлю. Отъ Лыка къ Гродно и Бѣлостоку дороги идутъ въ обходъ, вслѣдствіе чего значительно увеличивается прямое разстояніе между этими пунктами. Пути отъ Сольдау чрезъ Млаву къ Новогеоргіевску прямѣе, но само разстояніе здѣсь больше, такъ что, достигнуть этихъ пунктовъ можно будетъ только въ концѣ второй недѣли. Всѣ эти сроки должны быть прибавлены къ срокамъ мобилизаціи и сосредоточенія германскихъ войскъ и общая сумма выразитъ то время, которымъ будутъ располагать русскія войска для своей мобилизаціи, сосредоточенія и окончательнаго устройства на оборонительныхъ линіяхъ. Приблизительно, время это составитъ отъ четырехъ до шести недѣль отъ начала мобилизаціи германской арміи.

Остается опредѣлить вѣроятную численность германской арміи вторженія. При существующихъ отношеніяхъ между Германіей и Франціей, составъ этой арміи ни въ какомъ случаѣ не можетъ равняться составу всей дѣйствующей германской арміи. Германскіе военные изслѣдователи, обыкновенно, въ основаніе своихъ разсчетовъ кладутъ неизбѣжность одновременной войны на двухъ фронтахъ: сѣверо-восточномъ и юго-западномъ. Въ этомъ случаѣ, на русской границѣ, по мнѣнію названныхъ изслѣдователей, будутъ сосредоточены, первоначально, только полевыя и резервныя войска пяти пограничныхъ корпусныхъ округовъ и саксонскаго корпуснаго округа, слѣдовательно, до 20 пѣхотныхъ дивизій, двѣ или три отдѣльныхъ кавалерійскія дивизіи и корпусная артиллерія шести корпусовъ, т. е. 30 батарей, общей численностью до 347,000 человѣкъ. Вести наступательную войну съ такими силами, хотя бы и въ союзѣ съ австрійцами, не представляется, разу-

мѣется, возможнымъ. Поэтому, по мнѣнію названныхъ изслѣдователей, въ первый періодъ кампаніи придется ограничиться на сѣверо-восточномъ фронтѣ обороной и только разгромивъ французскую армію и перевезя изъ Франціи къ Познани нѣсколько корпусовъ можно будетъ начать наступленіе восточной арміею. Въ доказательство, что такой планъ дѣйствительно существуетъ обыкновенно указываютъ на заботливую организацію упомянутыхъ выше шести маневренныхъ желѣзнодорожныхъ линій.

Не отрицая возможности изложенной комбинаціи, по крайней мѣрѣ, что касается быстрой перевозки войсковыхъ массъ съ одного фронта на другой, нельзя, однако, не допустить и того случая, когда Германія начнетъ войну не одновременно на обоихъ фронтахъ, а только на сѣверо-восточномъ. При такомъ положеніи, для охраны западной границы надо будетъ назначить все-таки не менѣе 9 корпусовъ, раіоны которыхъ тяготѣютъ къ западному фронту и спеціально организованы для войны на французской границѣ. Корпуса эти слѣдующіе: два эльзасъ-лотарингскихъ, баденскій, виртембергскій, вестфальскій, прирейнскій, кассель-дармштатскій и два баварскихъ. Затѣмъ, въ составъ восточной арміи, кромѣ упомянутыхъ выше 20 пѣхотныхъ и 2—3 кавалерійскихъ дивизій, можно будетъ включить еще дѣйствующія войска гвардейскаго, 3-го, 4-го, 9-го и 10-го корпусовъ, всего 15 пѣхотныхъ и три или четыре кавалерійскихъ дивизіи съ 25 батареями корпусной артилеріи. При такомъ распредѣленіи силъ, собранная на русской границѣ армія будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, въ началѣ кампаніи, изъ 35 пѣхотныхъ дивизій, 5—7 кавалерійскихъ дивизій и 55 батарей корпусной артилеріи, или изъ 568 батальоновъ, отъ 208 до 240 эскадроновъ и 1,542—1,556 полевыхъ орудій, численностью въ 568,000 штыковъ и 31,200—36,000 сабель.

Выходитъ, такимъ образомъ, что Германія, даже при системѣ поголовнаго вооруженія и при наиболѣе благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, можетъ выставить на сѣверо-восточномъ фронтѣ лишь 35 пѣхотныхъ и 7 кавалерійскихъ дивизій противъ 68 пѣхотныхъ и 18 кавалерійскихъ дивизій русской арміи. Крайнее несоотвѣтствіе этихъ силъ въ числительномъ отношеніи не можетъ быть уравновѣшено самой высокой степенью боевой готовности. Наступательная война на столь исключительномъ по своей естественной силѣ театрѣ, какъ русскій театръ, противъ арміи болѣе чѣмъ вдвое многочисленной и выдающейся по своимъ боевымъ качествамъ, такая война не можетъ имѣть шансовъ на успѣхъ. Доставить эти шансы должна союзная германской арміи—армія Австро-Венгріи.

Австрійская часть восточнаго театра обнимаетъ Галицію, Буковину, Силезію, Моравію, Нижнюю Австрію, Венгрію и Трансильванію, слѣдовательно, около $^2/_3$ всей територіи государства.

Простираясь съ запада на востокъ на 850 верстъ, а съ сѣвера на югъ на 650 верстъ онъ занимаетъ пространство свыше 365,000 квадратныхъ верстъ, а численность его населенія доходитъ до 24.000,000 человѣкъ. Топографическій характеръ различныхъ частей театра, его гидрографическія условія, пути сообщенія, густота населенія и т. д. весьма разнообразны. Главными географическими рубежами театра являются Дунай и Карпатскія горы.

Изслѣдуя этотъ театръ исключительно съ точки зрѣнія подготовки его къ наступательной войнѣ, начнемъ съ опредѣленія общаго стратегическаго значенія Галиціи съ Буковиной, какъ передовой части театра, непосредственно соприкасающейся съ русской територіей. Провинціи эти заключены между главнымъ Карпатскимъ хребтомъ и русской границей, примыкая на западѣ къ прусской Силезіи, а на востокѣ—къ Румыніи. Большую часть этой области заполняютъ склоны и предгорья Бескидъ и Лѣсистыхъ Карпатъ. Она растянута въ длину на 600 верстъ, а протяженіе ея въ ширину измѣняется отъ 60 до 200 верстъ. Австро-русская граница имѣетъ видъ ломаной линіи, вдающейся въ русскіе предѣлы; она образуетъ два фронта: сѣверный, или польскій и восточный, или подольскій. Протяженіе сѣвернаго фронта около 350 верстъ; онъ обращенъ къ Варшавскому военному округу и имѣетъ два значительныхъ выступа, вдающихся въ русскую територію, именно: у Завихоста и противъ Крылова. Восточный фронтъ, протяженіемъ до 270 верстъ, обращенъ частью къ Кіевскому, частью къ Одесскому военному округу; на участкѣ между Милятинымъ и Радзивиловомъ пограничная линія тянется на разстояніи всего двухъ, трехъ переходовъ отъ нашего Полѣсья. Пограничная полоса весьма слабо прикрыта естественными преградами, главнѣйшія изъ которыхъ рѣки Висла и Санъ.

Географическое положеніе Галиціи не благопріятно, такимъ образомъ, для наступательныхъ операцій. Область отрѣзана Карпатами отъ остальныхъ частей монархіи и сообщенія ея значительно затруднены. Наиболѣе удобные и главные въ военномъ отношеніи пути проходятъ, по впадинѣ Одера, въ крайнемъ западномъ углу области и настолько близко отъ русской границы, что подвергаются серьезной угрозѣ перерыва. Затѣмъ, галиційскій раіонъ недостаточно широкъ и чтобы облегчить устройство базы и достигнуть необходимой свободы дѣйствій придется растянуть въ длину область сосредоточенія. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ австро-венгерское высшее военное управленіе съ большой настойчивостью работало надъ устраненіемъ недостатковъ Галиціи, какъ исходнаго раіона наступательной войны противъ Россіи, но такъ какъ недостатки эти обусловливаются географическими данными, измѣнить которыя не всегда возможно, то и достигну-

тые результаты не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными.

Во главѣ работъ стоитъ организація для военныхъ цѣлей желѣзнодорожной сѣти сѣверо-восточнаго фронта имперіи. Въ составъ этой сѣти входятъ рельсовые пути Галиціи и линіи, соединяющія эту провинцію съ остальными областями монархіи. Въ настоящее время, вдоль Галиціи проходятъ двѣ большихъ линіи; ближайшая къ Карпатамъ и одноколейная идетъ чрезъ Зайбушъ, Суху, Новый Снѣдецъ, Хыровъ, Стрый, Станиславовъ, Черновицы и Сучаву, а дальняя и двухколейная—чрезъ Мысловицы, Тржебиню, Краковъ, Тарновъ, Ярославъ, Перемышль, Львовъ, Красное и Подволочискъ. Линіи эти соединены шестью поперечными вѣтвями. На всемъ протяженіи сѣвернаго фронта Галиціи, граница пересѣкается только однимъ рельсовымъ путемъ, именно въ крайней западной части участкомъ Шаково-Граница, который соединенъ съ Варшавско-Вѣнской и Ивангородъ-Домбровской желѣзными дорогами. Затѣмъ, отъ линіи Мысловицы-Краковъ-Львовъ-Подволочискъ устроено нѣсколько вѣтвей къ русской границѣ, именно: Дембица-Развадово, Ярославъ-Сокалъ и Львовъ-Белза; двѣ послѣднія могутъ быть продолжены на соединеніе съ русской рельсовой сѣтью. На восточномъ фронтѣ, обѣ большія линіи Галиціи продолжаются одна въ Подоліи, другая въ Румыніи. Кромѣ того, здѣсь находимъ слѣдующія вѣтви: Красное-Броды, Станиславовъ-Гусятинъ и Черновицы-Новоселица; первая изъ нихъ соединена съ русской сѣтью.

Для перевозки войскъ изъ внутреннихъ областей въ Галицію имѣется шесть отдѣльныхъ линій, именно: 1) Вѣна-Краковъ, чрезъ Лунденбургъ, Прерау, Одербергъ и Тржебиню; линія двухколейная; на участкѣ Тржебиня-Краковъ она проходитъ весьма близко отъ русской границы и, поэтому, находится подъ угрозой перерыва сообщеній, что существенно помѣшаетъ выполненію плана сосредоточенія австрійской арміи; вслѣдствіе этого построенъ обходный путь: 1) Освѣцимъ-Скавина-Подгорица-Краковъ, прикрытый Вислой; 2) Брюнъ-Краковъ, чрезъ Кремзиръ, Мезеричъ, Тешенъ и Скавину; одноколейная, 3) Пресбургъ-Краковъ, черезъ Жилинъ, Шацу, Суху и Кальварію; одноколейная; 4) Пештъ-Тарновъ, чрезъ Мишкольцъ, Кошицу и Новый Снѣдецъ; одноколейная до Новаго Снѣдеца; 5) Пештъ-Ярославъ, чрезъ Дебречинъ, Мадъ-Зомборъ, Мезо-Лаборцъ, Хыровъ и Перемышль; одноколейная до Мезо-Лаборца; 6) Темешваръ-Львовъ, чрезъ Чабу, Гросвардейнъ, Киральхазу, Мукачевъ и Стрый; одноколейная. Для оцѣнки провозоспособности этихъ линій необходимо имѣть въ виду, что четыре послѣднихъ пересѣкаютъ главный хребетъ Карпатъ и имѣютъ большіе уклоны и малые радіусы кривизны. Южнѣе Карпатъ линіи эти соединены третьей поперечной дорогой, проходящей отъ Жилина до Сигота.

Укрѣпленія Галиціи, долженствующія служить опорными пунктами базы и сосредоточивающейся здѣсь арміи, состоятъ изъ двухъ крѣпостей: Кракова и Перемышля. Краковъ лежитъ на лѣвомъ берегу Вислы, въ 10 верстахъ отъ русской границы. Укрѣпленія его состоятъ изъ сомкнутой ограды лѣваго берега, предмостнаго укрѣпленія на правомъ берегу, 31 укрѣпленіе старой постройки и 10 передовыхъ фортовъ новѣйшей постройки. Перемышль находится въ 80 верстахъ отъ русской границы; онъ окруженъ сомкнутой оградой изъ пяти фортовъ и 13 батарей и имѣетъ 15 отдѣльныхъ фортовъ съ 20 промежуточными батареями. Остальные укрѣпленные пункты Галиціи: Львовъ, Развадовъ, Сивка-Мартыновъ и Залещики настолько слабы, что не имѣютъ стратегическаго значенія.

Въ современномъ военномъ устройствѣ Галиціи сказалась преобладающая забота о прикрытіи сосредоточенія австро-венгерскихъ войскъ на русской границѣ. Въ провинціи этой, а равно въ тѣхъ частяхъ Силезіи и Моравіи, которыя въ военно-организаціонномъ отношеніи включены въ сферу сѣверо-восточнаго фронта имперіи, находится весьма значительное число войсковыхъ частей, именно 94 баталіона, 90 эскадроновъ и 45 батарей, формирующихъ три армейскихъ корпуса. 1-й корпусъ группируется преимущественно у Кракова и на немъ всецѣло лежитъ охрана главной стратегической желѣзнодорожной линіи фронта отъ рэйдовъ русской конницы. 10-й корпусъ сосредоточенъ въ двухъ пунктахъ: у Ярослава и Перемышля, а 11-й—у Львова. Подробности дислокаціи отдѣльныхъ войсковыхъ частей строго соображены съ требованіями руководящей идеи военнаго устройства области. Нельзя не замѣтить также желанія высшаго военнаго управленія облегчить работу линій сосредоточенія заблаговременнымъ размѣщеніемъ на базѣ возможно большаго числа корпусныхъ управленій съ ихъ обозами и парками.

Согласно современному боевому росписанію австро-венгерской арміи, численность организованныхъ сухопутныхъ силъ монархіи доходитъ до 1.800,000 человѣкъ, а общее число обученныхъ чиновъ до 2.000,000 человѣкъ. Для полевыхъ операцій при наступательной войнѣ подготовляется 46 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій. Въ числѣ пѣхотныхъ дивизій 32 полевыхъ и 14 резервныхъ; нормальный составъ тѣхъ и другихъ принимается въ 15 баталіоновъ, 4 эскадрона и 3 батареи, а общій ихъ составъ въ 690 баталіоновъ, 184 эскадрона и 1,104 орудія. Отдѣльныя кавалерійскія дивизіи будутъ имѣть по 25 эскадродовъ и 12 орудій, что для всѣхъ дивизій составитъ 200 эскадроновъ и 96 орудій. Корпусной артилеріи будетъ 84 батареи, или 662 орудія. Всего 690 баталіоновъ, 384 эскадрона и 1,862 орудія.

Условія постановки австро-венгерскихъ полевыхъ войскъ на военное положеніе неудовлетворительны. Хотя въ основу военнаго

устройства имперіи положена територіальная система, но, по различнымъ причинамъ, она далеко не строго примѣнена къ дислокаціи войскъ постоянной арміи. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ запасные чины не найдутъ въ своихъ округахъ пополненія тѣхъ частей, на укомплектованіе которыхъ по военному составу они предназначены. Затѣмъ, желѣзнодорожная сѣть монархіи не достаточно густа, чтобы служить для всѣхъ мобилизаціонныхъ перевозокъ и очень часто запасные будутъ доставляться въ сборные пункты по обыкновеннымъ дорогамъ. Резервно-полевыя войска организованы строго по територіальной системѣ; но кадры ихъ настолько слабы, что мобилизація этихъ частей почти равнозначуща новому ихъ сформированію. Въ виду этихъ условій, а также принимая во вниманіе малую провозоспособность большинства желѣзнодорожныхъ линій сосредоточенія, нельзя ожидать, чтобы полное стратегическое развертываніе австро-венгерскихъ силъ на сѣверо-восточномъ фронтѣ было окончено ранѣе 30-го дня мобилизаціи.

Къ этому сроку надо прибавить время, необходимое для прохожденія походнымъ порядкомъ разстояній, отдѣляющихъ пункты высадки австрійскихъ войскъ отъ передовыхъ русскихъ оборонительныхъ линій. По мнѣнію мѣстныхъ стратеговъ, наступленію въ Подолію долженъ предшествовать рядъ удачныхъ битвъ въ Польшѣ, а подойти отъ Кракова къ Варшавѣ австрійскія войска могутъ одновременно съ германскими, направляющимися отъ Острова и Крейцбурга, т. е. въ 20 дней.

Въ наступательной войнѣ примутъ участіе всѣ почти австро-венгерскія дѣйствующія войска. Благодаря присоединенію Италіи къ тройственному союзу, два австрійскихъ армейскихъ корпуса, 3-й и 14-й, которые пришлось бы оставить для охраны австро-италіанской границы, могутъ быть теперь доставлены въ Галицію. Остается, поэтому, озаботиться только объ охранѣ окупаціонныхъ провинцій и Далмаціи. Отдѣляя на Боснію и Герцеговину три пѣхотныхъ дивизіи, а на Далмацію—одну, австрійскіе военные писатели полагаютъ, что на сѣверо-восточномъ фронтѣ будетъ собрано 42 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій съ корпусной артилеріей 14 армейскихъ корпусовъ, всего 630 баталіоновъ, 368 эскадроновъ и 226 полевыхъ батарей, общей численности въ 630,000 штыковъ, 55,000 сабель и 1,776 орудій.

Изученіе литературныхъ данныхъ о восточномъ военномъ театрѣ приводитъ къ заключенію, что подготовка сторонъ достигла въ настоящее время значительной степени законченности. Повсюду введено поголовное вооруженіе, для полевыхъ дѣйствій предназначены большія массы, къ вооруженію и снаряженію которыхъ примѣнены всѣ усовершенствованія новѣйшей техники; пользованію желѣзными дорогами для военныхъ цѣлей дано широкое развитіе;

естественная сила оборонительныхъ линій театра повышена сооруженіемъ могущественныхъ крѣпостей. Восточный театръ подготовленъ, такимъ образомъ, для войны массъ, въ которой скажется вліяніе новѣйшихъ факторовъ военнаго искусства.

Германія въ союзѣ съ Австро-Венгріей разсчитываютъ вести наступательную войну, имѣя 77 пѣхотныхъ и 15 кавалерійскихъ дивизій противъ 68 пѣхотныхъ и 18 кавалерійскихъ дивизій. При такомъ соотношеніи силъ, разсчетъ основанъ не на подавляющей численности армій вторженія, а, очевидно, на большей боевой готовности. По мнѣнію мѣстныхъ стратеговъ, союзники, взявъ въ свои руки инціативу, съумѣютъ воспользоваться всѣми доставляемыми ею преимуществами и доведутъ кампанію до успѣшнаго окончанія, не выходя изъ предѣловъ польскаго театра войны. Приведенныя выше данныя о срокахъ мобилизаціи и сосредоточенія союзныхъ войскъ и о времени, потребномъ для нихъ, чтобы подойти къ передовымъ русскимъ оборонительнымъ линіямъ, показываютъ, однако, что иниціатива дѣйствій наступающаго условна и, во всякомъ случаѣ, основываться на ней можно только до первыхъ крупныхъ столкновеній. Дѣлая общій выводъ изъ фактовъ, опредѣляющихъ современное положеніе сторонъ на восточномъ театрѣ войны, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что Россія болѣе готова къ оборонѣ, чѣмъ ея вѣроятные противники къ наступленію. Надо помнить, наконецъ, что вооруженія Германіи и Австро-Венгріи почти достигли крайнихъ предѣловъ возможнаго, а Россія далека еще отъ этихъ предѣловъ и поэтому съ каждымъ годомъ она будетъ приближаться къ идеалу государственной обороны, т. е. къ возможности сразу начать войну на непріятельской територіи.

Въ слѣдующей статьѣ будутъ сгруппированы данныя, относящіяся до подготовки второго главнаго европейскаго военнаго театра—франко-германскаго.

В. Недзвѣцкій.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ А. Ѳ. АДАШЕВА, ЛЮБИМЦА ИВАНА ГРОЗНАГО.

СИЛЬНЫЯ впечатлѣнія, вынесенныя молодымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV изъ страшнаго Московскаго пожара, 21-го іюня 1547 года, и слѣдовавшаго за нимъ народнаго бунта [1]), рѣзко отразились въ исторіи послѣдующаго десятилѣтія, ставшаго однимъ изъ свѣтлыхъ моментовъ русской государственной жизни. Страстная натура царственнаго юноши временно подчинилась придворной партіи, душой которой были протоіерей Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ. Оба дѣятели эти по общественному положенію не стояли во главѣ «избранной рады», какъ называетъ князь Курбскій кружокъ вновь выдвинувшихся царскихъ совѣтниковъ, но руководили ею, какъ и самимъ царемъ, силою обаянія своихъ личностей [2]). Самъ царь Иванъ называетъ ихъ начальниками партіи въ письмѣ къ Курбскому [3]). Если нѣкоторые автори-

[1]) «Сказанія князя Курбскаго» (Спб. 1842), стр. 9: «Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утещи отъ града со своимъ дворомъ». Царь уѣхалъ въ свой дворецъ на Воробьевыхъ горахъ.

[2]) Царственная книга говоритъ о Сильвестрѣ (стр. 342—343): «Въ та же времена бысть у Благовѣщенія у церкви, иже на сѣнехъ, у Царскаго двора нѣкій священникъ, зовомый Селивестръ, родомъ Новгородецъ. Бысть же сей священникъ Селивестръ у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху и никто жъ смѣяше ни въ чемъ же противитися ему... испроста рещи, всякія дѣла и власти, святительскія и царскія правяше, и никто же смѣяше ничто жъ рещи ни сотворити не по его велѣнію; и всѣми владѣяше обѣма властьми и святительскими и царскими, яко жъ царь и святитель, точію имяни и образа и сѣдалища не имѣяше святительскаго и царскаго, но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добре всѣми, и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники».

[3]) «Сказанія князя Курбскаго», стр. 215: «...яко жъ начальницы ваши попъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху...». Подробнѣе въ другомъ мѣстѣ:

тетные историки, какъ Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, указываютъ на ограниченность политическаго горизонта «избранной рады» и отмѣчаютъ мелочность Сильвестра, то относительно Адашева, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, нельзя подобрать, кажется, свидѣтельства не въ его пользу. Личность эта, можетъ быть, и менѣе талантливая, чѣмъ нѣкоторые изъ современныхъ ему политическихъ дѣльцовъ, сіяетъ такимъ яркимъ свѣтомъ доброты и непорочности, является такимъ образцомъ филантропа и гуманиста XVI вѣка, что намъ нетрудно понять обаяніе ея на все окружающее. Недаромъ князь Курбскій дѣлаетъ восторженный отзывъ: «... и былъ онъ (той Алексѣй) общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявилъ о немъ, воистинну вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими человѣки» [1]).

Вліяніе Сильвестра и Адашева было такъ сильно, такъ непонятно-неотразимо, что подчинявшіеся ему впослѣдствіи объясняли все чародѣйствомъ. При опалѣ, постигшей Сильвестра и Адашева въ 1560 году, они были осуждены заочно. Новые совѣтники царя боялись личнаго допроса, они были убѣждены и высказывали это, что «... вѣдомые сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя и насъ погубятъ, аще пріидутъ!» Слава Адашева распространилась за предѣлы Московскаго государства. Когда онъ посланъ былъ въ Ливонію, одно появленіе его произвело уже впечатлѣніе: многіе города, еще не взятые, хотѣли поддаться ему «его ради доброты» [2]).

Въ 1585 году въ Польшѣ, разспрашивая посланника Луку Новосильцева про «шурина государскаго», Бориса Өедоровича Годунова, сравнивали его съ Адашевымъ. Годуновъ какъ «правитель земли и милостивецъ великой», какъ «ближней человѣкъ разуменъ и милостивъ», напомнилъ вліятельному архіепископу Станиславу Карнковскому совѣтника «прежнего государя» Алексѣя Адашева, который «государство Московское таково жъ правилъ» и былъ человѣкъ такой же «просужей». Самъ посолъ ужъ объяснялъ иностранцамъ, что Годуновъ Адашеву не ровня: «и язъ ему говорилъ: Алексѣй былъ разуменъ, а тотъ не Алексѣева верста: то великой человѣкъ, бояринъ и конюшей, а государю нашему шуринъ...» [3]).

«...Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ не разсудныхъ суща... и тако... начаша злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша... потому же утвердися дружбами, и вся властію во всей своей волѣ имый, ничто же отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше...» (ibidem, стр. 188—189).

[1]) Ibidem, стр. 10.

[2]) Ibidem, стр. 81.

[3]) «Памятники Дипломатическихъ Сношеній», т. I. (Спб. 1851), стр. 932—934.

Адашевы не были, дѣйствительно, людьми великими по породѣ, по происхожденію.

Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ, отецъ Алексѣя, въ 1536 году угощаетъ медомъ польскаго посланника Никодима Техоновскаго[1]), въ 1538—1539 годахъ правитъ посольство въ Царь-градъ[2]). Въ первомъ случаѣ онъ ясно отдѣляется отъ пяти сыновъ боярскихъ молодыхъ, которые его сопровождаютъ въ посылкѣ съ медомъ. Видно что Адашевъ-отецъ былъ изъ дѣтей боярскихъ изъ «луч-

---

[1]) «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. LIX (Спб. 1887), стр. 44.

[2]) См. Карамзинъ, т. VIII, стр. 55 и прим. 89. Д. Языковъ (Энциклопедическій лексиконъ Плюшара, т. I (Спб. 1835), стр. 179) указываетъ на другое еще посольство Ѳедора Адашева въ 1534 году; это извѣстіе повторено М. Д. Хмыровымъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ русскихъ ученыхъ и литераторовъ» (т. I (Спб. 1861), стр. 582). См. также перепечатку съ сокращеніями: «Живописное Обозрѣніе» за 1874 годъ, № 21. Источникомъ этого извѣстія является Родословный сборникъ М. Г. Спиридова, въ которомъ сказано: «Адашевъ Федоръ Григорьевичь—къ 1534 году посланникомъ посланъ въ Царь-Градъ къ турецкому Салтану съ объявленіемъ вошествія царя Іоанна Васильевича на всероссійскій престолъ» (Родословной Россійской Словарь (М. 1793. 8°) и рукописный сборникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ (отд. IV, F. № 61), ч. X, стр. 239, № 268). Подозрѣваю, что извѣстіе это М. Г. Спиридовъ почерпнулъ изъ вымышленныхъ разрядовъ изъ источника, который онъ обозначилъ просто «двѣ разрядныя книги старинная письма». Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ сохранились Турецкія дѣла (кн. № 1—годы 1512—1564) и Греческія дѣла (кн. № 1—годы 1509—1571) за XVI вѣкъ, но дипломатическія сношенія въ періодѣ боярскаго правленія во время юности Ивана Грознаго, какъ разъ, утрачены и свѣдѣнія о нихъ дошли до насъ въ лѣтописи, изданной Н. Львовымъ подъ названіемъ «Руской лѣтописецъ» (Спб. 1792. 8°, 5 частей). Эта лѣтопись прямо указываетъ, что послѣ кончины Василія III и до 1538 года ссылокъ съ Царь-Градомъ не было: «Тоя же зимы (7046—1538 г.) пришелъ къ великому государю Ивану Васильевичу всея Россіи въ Москву отъ Сулеманъ-Шахъ Салтана Турскаго изъ царствующаго града человѣкъ его Андреянъ Грекъ да Искиндръ Чеушъ съ грамотою, да съ ними жъ пришли старцы изъ Синайской горы и изъ Святыя горы. А писалъ Цареградскій Салтанъ, что князь великій послѣ отца своего ссылки не учинилъ и любви, и государь бы къ нему посла своего прислалъ о любви и о добромъ согласіи и освободилъ бы великій государь въ своихъ государствахъ человѣку его Андреяну купити потребная, а патріархъ писалъ о милостыни, а старцы Синайскія горы и Святыя горы пришли отъ монастырей милостыни жъ ради» (ч. IV, стр. 103). Въ отвѣтъ на это посольство и посланъ былъ въ Константинополь Адашевъ. «Тоя жъ осени», говоритъ та же лѣтопись (ч. IV, стр. 114), «декабря 26-го (7047=1538 года) великій князь послалъ въ царствующій градъ къ Турскому Салтану Ѳедора Григорьевича Адашева, да съ нимъ подьячего Никиту Берндинова, да сокольника съ кречаты по салтанову прошенію, а къ патріарху и во Святую гору и въ Синайскую гору и въ Селунь и во иные монастыри съ своею милостынею съ помянутымъ же Ѳедоромъ гостей (напечатано «гостемъ») Филиппа Красухина да Истому Кубышку; съ ними жъ вмѣстѣ великій князь отпустилъ Салтанова человѣка сыяндеря Андреяна». По объясненію уважаемаго оріенталиста В. Д. Смирнова «сыяндерь» всего скорѣе можно принять за искаженіе слова «силяхдарь», какъ назывался придворный чинъ султанскаго оруженосца. Возвратился Адашевъ въ Москву въ ноябрѣ слѣдующаго 1539 года (ibidem, ч. IV, стр. 126).

шихъ», но не имѣлъ думнаго чина и не принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣтей боярскихъ, «которые въ думѣ живутъ». Дальнѣйшее возвышеніе его связано съ возвышеніемъ сына: въ 1547 году Θедоръ Григорьевичъ сказанъ окольничимъ [1]), въ 1553 бояриномъ, вторымъ воеводою въ Казани въ 1554 году и умеръ черезъ два года, принявъ передъ смертію монашество и имя Арсенія (1556 годъ) [2]).

Два брата—Алексѣй и Данило Θедоровичи Адашевы въ чинѣ свадьбы царя Ивана 3-го февраля 1547 года участвуютъ, какъ стряпчіе и стелютъ постель новобрачныхъ [3]), Алексѣй Θедоровичъ является кромѣ того спальникомъ и по обряду идетъ съ великимъ княземъ въ баню: «А въ мыльнѣ мылись съ великимъ княземъ: бояринъ князь Юрья Васильевичь Глинской да казначей Θедоръ Ивановъ сынъ Сукинъ; спальники и мовники — князь Иванъ Θедоровичь Мстиславской да князь Юрья Шемякинъ, да Никита Романовъ, да Алексѣй Адашевъ». Въ разрядахъ въ іюлѣ 1547 года Алексѣй Θедоровичъ упоминается въ числѣ рындъ при государѣ [4]). Эти факты указываютъ на положеніе юнаго [5]) Адашева

---

[1]) Въ разрядѣ отъ 11 декабря 7056 (1547) года Θедоръ Адашевъ показанъ въ числѣ окольничихъ. Отмѣтимъ еще, что въ 7051 (1542—43) году князь Романъ Дашковъ да Θедоръ Адашевъ описывали Замосковскую волость въ Вохнѣ (А. А. Э., т. I, стр. 279). О томъ, что такое окольничество и о роли и значеніи окольничихъ вообще, см. превосходное, только-что вышедшее въ свѣтъ, сочиненіе В. И. Сергѣевича: «Русскія Юридическія древности» (т. I. Спб. 1890. 8⁰), стр. 385—392. Позволю себѣ только замѣтить, что древнѣйшее указаніе на окольничихъ не относится къ первой половинѣ XIV вѣка: у Смоленскаго князя Θедора Ростиславича въ 1284 году былъ: «Лоука Околничий» (см. «Грамоты касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Руси съ Ригою», грам. № IV).

[2]) Въ кормовой книгѣ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря записано подъ 14 февраля — «по Θедорѣ Адашевѣ, во иноцѣхъ Арсеніи, дачи при игуменѣ Матѳіи денегъ 200 рублевъ» (Записки Имп. Археол. Общ., т. I (Спб. 1851), стр. 70). Въ Казани Адашевъ украсилъ икону: «...да у того жъ образа у благовѣщенья Пречистые и у Архангела прикладу воевоцкаго и мірсково... золотой Прутугалской, а въ немъ 10 золотыхъ Угорскихъ да сережки жемчюги уродцы одинцы на золотѣ Θедора Адашева...» (Списокъ съ писцовыхъ книгъ 7074—76 годовъ по г. Казани съ уѣздомъ. Казань. 1877. 8⁰, стр. 11).

[3]) «Древняя Россійская Вивліоѳика», ч. XIII, стр. 33, а также см. свадьбу князя Юрія Васильевича въ 1547 же году, ibidem, стр. 39.

[4]) Разрядныя книги подъ 7055 годомъ.

[5]) Алексѣй Адашевъ долженъ былъ быть на нѣсколько лѣтъ старше государя, въ 1547 году мы видимъ его уже женатымъ на Анастасіи Сатиной (Д. Р. В., ч. XIII, стр. 38 и «Сказанія князя Курбскаго», стр. 92). Н. А. Полевой предполагаетъ («Исторія Русскаго Народа», т. VI (М. 1833), стр. 222, пр. 182), что Алексѣй Адашевъ вѣроятно воспитывался вмѣстѣ съ Іоанномъ, «ибо онъ является непосредственно любимцемъ его послѣ 1547 года». Это не болѣе, какъ предположеніе, но въ пользу его въ недавнее время приведено нѣсколько довольно вѣскихъ соображеній А. Н. Ясинскимъ (см. «Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ» (Кіевъ, 1889), стр. 122—123). Н. И. Костомаровъ говоритъ: «Адашевъ случайно попалъ въ число тѣхъ, которыхъ Иванъ приближалъ къ себѣ ради забавы» («Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ», т. I (Спб. 1874), стр. 413). Трудно сомнѣваться въ томъ, что великій князь-ребенокъ не самъ выбиралъ

въ моментъ его возвышенія: онъ былъ комнатнымъ спальникомъ и стряпчимъ. Какъ всегда государевы постельничіе и подвѣдомственные имъ чиновники сближались съ особой государя и пріобрѣтали большее или меньшее значеніе въ придворномъ мірѣ, смотря по своимъ способностямъ и степени вліянія на царя [1]). Князь Курбскій называетъ Алексѣя Адашева ложничимъ царскимъ [2]). Этимъ польскимъ терминомъ можетъ быть обозначена и должность постельничаго и должность спальника.

Былъ ли Адашевъ постельничимъ царя Ивана IV? Въ 1547 году мы видимъ двухъ постельничихъ Матвѣя Ѳедоровича Бурухина (изъ рода Монастыревыхъ) и Андрея Владиміровича Мансурова [3]).

Первый изъ нихъ сходитъ со сцены до сентября 1551 года [4]), второй умираетъ въ 1551 году и замѣненъ Игнатьемъ Михайловичемъ Вешняковымъ [5]). Вполнѣ естественно предположеніе, что Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ въ 1550 году замѣстилъ Бурухина, ставъ въ одинъ день и постельничимъ, и начальникомъ новоучрежденнаго Челобитнаго приказа. Такъ именно и толкуютъ историки извѣстную рѣчь царя Ивана IV къ народу, дошедшую до насъ въ спискахъ и съ несомнѣнными искаженіями, хотя бы, напримѣръ, въ словахъ: «и въ той день пожаловалъ въ окольничіе Алексѣя Адашева» [6]). Источники не называютъ Адашева постельничимъ. Въ разрядахъ (рукописныхъ) подъ 7061 годомъ въ свитѣ царя помѣчены: «стряпчіе были у государя въ избѣ з бояры — Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, Игнатій Михайловичъ Вешняковъ».

спальниковъ, а сблизился съ Адашевымъ именно потому, что тотъ попалъ въ число спальниковъ великаго князя.

[1]) О значеніи постельничаго такъ говоритъ Котошихинъ (изд. 3, стр. 31): «Постелничей. И того постелничего чинъ таковъ: вѣдаетъ его царскую постелю и спитъ съ нимъ въ одномъ покою вмѣстѣ, когда съ царицею не опочиваетъ; такъ же у того постелничого для скорыхъ и тайныхъ его царскихъ дѣлъ печать. А честью тотъ постелничей противо околничего». Форма присяги постельничихъ, см. въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», ч. VIII.

[2]) «Сказанія князя Курбскаго», изд. 2, стр. 42, а также стр. 62 (Вешняковъ — ложничій). Арцыбашевъ, Н. С., т. II, кн. IV, стр. 169—170. С. М. Соловьевъ говоритъ: «Давно уже молодой государь приблизилъ къ себѣ бѣднаго дворянина Алексѣя Адашева и сдѣлалъ своимъ ложничимъ: знакъ полной довѣренности отъ подозрительнаго государя въ то ужасное время крамолъ..» («Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» (М. 1847. 8°), стр. 632). Это «давно» нѣсколько странно звучитъ по отношенію къ юношѣ-царю, но и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ думаетъ, что Адашевъ былъ постельничимъ до 1550 года («Русская Исторія», ч. II, стр. 217).

[3]) «Древняя Россійская Вивліоѳика», ч. XIII, стр. 33 и 34.

[4]) Постригся и умеръ въ иночествѣ. Въ Симоновомъ монастырѣ находится икона Успенія Богоматери, на ней надпись: «Сію икону далъ царя и великого князя постелничей Матвѣй Ѳедоровичъ Бурухинъ, во иноцѣхъ Макарій, въ лѣто 7060» (1551—1552). См. Описаніе Симоновскаго монастыря (М. 1843), стр. 70.

[5]) «Древняя Россійская Вивліоѳика», ч. XX, стр. 38.

[6]) «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», ч. II, стр. 45.

Въ виду того, что Вешняковъ въ это время несомнѣнно былъ уже постельничимъ, мы имѣемъ право думать, что въ данномъ случаѣ стряпчество соединено съ постельничествомъ. Царственная книга, описывая присягу бояръ сыну больнаго царя въ 1553 году прибавляетъ: «да которые дворяне не были у государя въ думѣ, Алексѣй Өедоровъ сынъ Адашевъ да Игнатей Вешняковъ и тѣхъ государь привелъ къ цѣлованію въ вечеру же» [1]). Здѣсь опять ни Адашевъ, ни Вешняковъ не обозначены по занимаемымъ должностямъ, но самое сопоставленіе ихъ указываетъ, что Адашевъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и Вешняковъ, т. е. постельничимъ.

По выздоровленіи царя въ послѣднихъ мѣсяцахъ того же 1553 года Алексѣй Өедоровичъ Адашевъ былъ сказанъ окольничимъ [2]). Новый чинъ доставилъ ему самостоятельное положеніе въ Думѣ. Еще въ 1552 году Адашевъ ѣздилъ съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ къ царю Шигалею (Шахъ-Али) въ Казань, теперь же онъ начинаетъ управлять дипломатическими сношеніями вообще, принимаетъ пословъ, первенствуетъ въ переговорахъ съ ними [3]). Все болѣе и болѣе расширяется кругъ дѣятельности этого талантливаго и симпатичнаго человѣка. Онъ получаетъ въ завѣдываніе государственный архивъ, ведетъ государственную лѣтопись, приготовляя, что писать въ «лѣтописецъ лѣтъ новыхъ» [4]). Едва ли мы ошибемся, если припишемъ ему дѣятельное участіе и въ сводѣ разрядныхъ книгъ, и въ составленіи «государева родословца», который какъ разъ законченъ былъ родомъ Адашевыхъ.

Немного лѣтъ продолжалась государственная дѣятельность Алексѣя Адашева, но осталась замѣтной, «ибо», какъ выразился Карамзинъ, «сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію царя и погибъ съ нею...».

Смерть царицы Анастасіи Романовны (7-го августа 1560 года) нарушила обычный нормальный ходъ жизни царя Ивана и была толчкомъ, разрушившимъ обаяніе «избранной рады». Обаяніе это послѣдніе годы держалось только на привычкѣ и царь давно уже

---

[1]) Царственная книга (Спб. 1769), стр. 342.

[2]) Такъ называемый Шереметевскій боярскій списокъ («Древняя Россійская Вивліоөика», ч. XX) показываетъ, что А. Ө. Адашевъ сдѣлался окольничимъ въ 7063 году, но мы видимъ его окольничимъ при пріемѣ Ногайскихъ пословъ въ октябрѣ 7062 (1553) года («Лѣтописецъ Русской», ч. V, стр. 23—24) и еще въ разрядѣ свадьбы царя Симеона Касаевича (Д. Р. В., ч. XIII, стр. 62), бывшей въ 7062 году.

[3]) Подробности дипломатической дѣятельности Алексѣя Адашева, см. Никоновская лѣтопись, ч. VII; «Русской лѣтописецъ»—Н. Львова (Спб. 1792), ч. V; Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIX, Гамель. I. «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (Спб. 1865. 8°), стр. 25, 26, 51; и т. д.

[4]) См. А. Н. Ясинскій: «Московскій государственный архивъ въ XVI вѣкѣ» (Кіевъ. 1889), стр. 13, 14 и его же: «Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ» (Кіевъ. 1889), стр. 15.

тяготился своими властными, входившими во все совѣтниками. Еще въ маѣ 1560 года Алексѣй Адашевъ отправленъ былъ воеводою въ Ливонію, а теперь въ сентябрѣ того же года по приказанію царя окольничіе Алексѣй и Данила Ѳедоровичи Адашевы оставлены воеводами въ новозавоеванномъ Феллинѣ [1]).

Князь Курбскій отмѣчаетъ, что Алексѣй былъ въ Феллинѣ «антипатомъ» (намѣстникомъ) — «не мало время» [2]). Это не малое время — очень относительно; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Алексѣй Адашевъ былъ заточенъ въ Дерптъ, слегъ тамъ горячкою и умеръ въ началѣ 1561 года, прохворавъ «недугомъ огненнымъ» не болѣе двухъ мѣсяцевъ [3]). Братъ любимца — Данила Ѳедоровичъ, прославившійся какъ воевода [4]), съ сыномъ Тархомъ («лѣтъ аки двунадесяти»), съ тестемъ Петромъ Туровымъ и съ братьями жены Алексѣя Ѳедоровича—Сатиными, всѣ были казнены послѣ продолжительнаго розыска.

Фамилія Адашевыхъ только блеснула среди государственныхъ дѣятелей русской земли и исчезла навсегда. Сохранилось нѣсколько, ничего неговорящихъ намъ, именъ въ синодикахъ [5]), сохранилось указаніе, что дочь Алексѣя Ѳедоровича Адашева—Анна уцѣлѣла отъ погрома и была замужемъ за окольничимъ Иваномъ Большимъ Петровичемъ Головинымъ (ум. 9 сентября 1612 года [6])—и только. Д. Языковъ съ полнымъ правомъ писалъ въ 1835 году: «Адашевы, русскій дворянскій домъ, давно уже угасшій. Откуда влекъ онъ свое начало—неизвѣстно. Замѣчательно, что изъ сего дома, внесшаго имя свое въ исторію доблестями воинскими и гражданскими, извѣстны, какъ по родословнымъ книгамъ, такъ и по другимъ актамъ, только отецъ, два его сына и внукъ, съ которыми истре-

[1]) «Древняя Россійская Вивліоѳика», ч. XIII. Разряды. Синбирскій сборникъ (Д. Валуева), стр. 3.

[2]) «Сказанія князя Курбскаго», стр. 81.

[3]) Ibidem, стр. 82 и «Древняя Россійская Вивліоѳика», ч. XX, стр. 44. Къ 6 октября 1560 года имѣнія Алексѣя Адашева были уже отписаны на государя (см. А. П. Барсуковъ: «Родъ Шереметевыхъ», т. I, стр. 255).

[4]) Данила Ѳедоровичъ упоминается въ разрядахъ, начиная съ 1551 года, и совершилъ цѣлый рядъ походовъ. Дѣятельность его можно прослѣдить подробно по «Рускому лѣтописцу» Львова (Спб. 1792, ч. V) и по рукописнымъ разрядамъ. Окольничество онъ получилъ только въ 1559 году (Д. Р. В., XX, стр. 43). Въ лѣтописцѣ, изданномъ Львовымъ, Данила Адашевъ въ февралѣ 1559 года показанъ уже окольничимъ (ч. V, стр. 279).

[5]) Н. П. Лихачевъ: «Разрядные дьяки XVI вѣка», стр. 136 и 137.

[6]) Въ сочиненіи П. Казанскаго: «Село Новоспаское, Деденево тожъ» (М. 1847), стр. 119—120. Алексѣй Ѳедоровичъ ошибочно названъ Алексѣемъ Даниловичемъ. Для опредѣленія лѣтъ Анны Алексѣевны Адашевой-Головиной можетъ служить указаніемъ рожденіе сына Ивана въ 1565 году (умеръ стольникомъ 19 мая 1639 года). П. Казанскій упоминаетъ еще Василія Адашева (ibidem, стр. 121), но это указаніе болѣе чѣмъ сомнительно. О бракѣ Ивана Петровича Головина на Адашевой говоритъ и князь П. Долгоруковъ (ч. III, стр. 106) въ своей «Россійской родословной книгѣ».

билось и имя Адашевыхъ. Существующее и нынѣ въ Нижегородской губерніи селеніе Адашево сохраняетъ еще память ихъ; народное преданіе говоритъ, что оно было отчиною одного изъ двухъ братьевъ, бывшаго любимцемъ царя Грознаго...»[1]).

Откуда происходитъ самое фамильное прозваніе Адашевыхъ? Прозвище Адашъ не разъ встрѣчается въ родословцахъ: въ родѣ князей Барашевыхъ-Звенигородскихъ былъ князь Иванъ Ивановичъ Адашъ[2]), въ родѣ князей Шехонскихъ былъ князь Аѳанасій Семеновичъ Адашъ-Кривой[3]).

Трудно сомнѣваться въ томъ, что это прозвище восточнаго происхожденія[4]). Въ лѣтописи (Воскресенской) подъ 6891 (1382 годомъ) записано: «Тое же осени бысть въ Володимери посолъ лютъ, именемъ Адашъ Тахтамышъ»[5]).

Въ турецкомъ языкѣ есть слово «адашъ», сокращенное изъ «ад-дашъ», съ значеніемъ соименникъ, тёзка[6]).

Когда послѣ покоренія царства Казанскаго въ Москвѣ былъ составленъ «государевъ родословецъ» знатнѣйшихъ служилыхъ родовъ, въ него попали и Адашевы, такъ какъ родословная книга сочинялась, какъ разъ, въ періодъ наибольшаго могущества «избранной рады»[7]). Адашевы занесены въ родословецъ въ видѣ по-

---

[1]) «Энциклопедическій лексиконъ», изд. Плюшара, т. I, стр. 179.

[2]) «Бархатная книга», ч. I, стр. 197.

[3]) Ibidem, ч. I, стр. 153.

[4]) Однако свящ. М. Морошкинъ въ сочиненіи своемъ «Славянскій именословъ» (Спб. 1867), стр. 1, ссылаясь на чешскій словарь Юнгмана, приводитъ— «Адаша, Адашка и Адашъ», какъ славянскія сокращенія имени Адамъ.

[5]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VIII (Спб. 1859), стр. 49; Продолженіе Несторова лѣтописца (М. 1784. 4°), стр. 183).

[6]) Это объясненіе прозвища Адашъ намъ сообщилъ оріенталистъ В. Д. Смирновъ.

[7]) Въ изслѣдованіи своемъ «Разрядные дьяки XVI вѣка» мы установили фактъ составленія «государева родословца» въ 1555 году. Такой выводъ вытекаетъ изъ разсмотрѣнія главы 4-ой: «роды царей Астраханскихъ, Крымскихъ и Казанскихъ», текстъ которой остался не передѣланнымъ въ XVII столѣтіи. По этому тексту ясно видно, что родословецъ составленъ до покоренія Астраханскаго царства въ 1556 году. Въ источникахъ сохранилось указаніе, дающее другой годъ составленія государевой родословной книги. Именно въ записной книгѣ Московскаго стола № 6 (въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ), на л. 103 записано подъ 10 числомъ декабря мѣсяца 7155 (1649) года: «Того ж дни родословная книга царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіі 60-го году оставлена в верху после обѣда в вечеру» (см. также: «Русская Историческая Библіотека», т. X (Спб. 1886), стр. 344). Годъ 7060 соотвѣтствуетъ времени съ сентября 1551 по августъ 1552 года включительно; въ этотъ годъ ожесточенной борьбы за Казань, которая взята была 2 октября уже 7061 (1552) года, некогда было думать о составленіи родословныхъ книгъ. Горделивая идея вписать въ родословецъ служилыхъ родовъ—роды царей Казанскихъ, Крымскихъ и Астраханскихъ могла зародиться только послѣ паденія Казани. Надо думать, что подьячій, писавшій записную книгу № 6, списывая съ черновыхъ замѣтокъ, сдѣлалъ ошибку написавъ: «ѯг году» вмѣсто «ѯГ году», то есть «60-го году»

слѣдней 43-й главы; текстъ этой главы, немного измѣненный въ XVII столѣтіи—такъ читается въ Бархатной Книгѣ [1]):

«Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ у царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи былъ бояринъ. У Ѳедора дѣти: Алексѣй, у царя жъ и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи былъ окольничей, да Данило, окольничей же. У Данилы сынъ Торхъ.» Краткая запись эта умалчиваетъ о родопроисхожденіи Адашевыхъ, но это вовсе не значитъ, чтобы въ Москвѣ не знали кто былъ отецъ и дѣдъ боярина Адашева. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло просто съ выдѣленіемъ семьи изъ рода, съ образованіемъ новой фамиліи. Ѳедоръ Григорьевичъ, далеко опередившій всю свою родню въ мѣстническомъ отношеніи и неожиданно сдѣлавшійся бояриномъ на Москвѣ, былъ первый Адашевъ и основатель фамиліи, замѣнившій старое родовое прозвище новымъ семейнымъ. Цѣль такой замѣны ясна—чтобы не быть «утягиваемымъ» въ мѣстническихъ счетахъ положеніемъ родичей, такъ какъ честь Адашевыхъ по государевымъ разрядамъ далеко превысила ихъ породную честь. Но и помимо того—выдѣленіе изъ рода по новымъ фамильнымъ прозвищамъ и простая перемѣна фамилій были въ Москвѣ явленіемъ совершенно обычнымъ. Такъ, напримѣръ, члены нынѣ царствующей фамиліи Романовыхъ, ведущей начало отъ знаменитаго боярина XIV вѣка Андрея Ивановича Кобылы, въ теченіе XV и XVI вѣковъ по прозвищамъ «родителей» именовались поочередно Кошкиными, Захарьиными, Юрьевыми и Романовыми. Только воцареніе Михаила Ѳеодоровича помѣшало образованію новаго прозвища—Никитичевыхъ или Никитиныхъ [2]).

Вотъ почему и глава объ Адашевыхъ въ государевомъ родословцѣ надписана «родъ Адашевъ», а не «родъ Адашевыхъ». Это «родъ Адашевъ», равнозначущее съ выраженіемъ «родъ Адаша», указываетъ, что бояринъ Ѳедоръ Григорьевичъ былъ сынъ Адаша, прозвище котораго образовало новую фамилію. Такое предположеніе подтверждается наиболѣе раннимъ упоминаніемъ Ѳедора Адашева въ актахъ дипломатическихъ сношеній. При пріемѣ польскаго посла Никодима Техоновскаго 13-го августа 1536 года записано: «А съ медомъ подчивать Никодима послалъ князь великій къ нему на

вмѣсто «63 году». 7063 годъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы 1555 году, къ которому мы отнесли составленіе «государева родословца» въ вышеупомянутой диссертаціи о разрядныхъ дьякахъ.

[1]) Такъ называемая Бархатная книга (она оболочена въ бархатъ) представляетъ офиціальную переработку «государева родословца» царя Ивана Васильевича Грознаго, совершенную въ 1686 году. Подлинникъ Бархатной книги хранится въ Сенатѣ, а по не совсѣмъ исправнымъ спискамъ она издана Н. И. Новиковымъ въ Москвѣ въ 1787 году. Родъ Адашевъ по печатному изданію—ч. II, стр. 278.

[2]) См., напримѣръ, сказанія Авраамія Палицына.

подворье Өедора Адашева сына Олгова, а съ нимъ пять сыновъ боярскихъ молодыхъ...» [1]).

Такимъ образомъ отца боярина Өедора Григорьевича Адашева мы должны искать въ роду Олговыхъ.

Въ извѣстной «тысячной книгѣ» (царь Иванъ Васильевичъ въ 1550 году испомѣстилъ тысячу лучшихъ дѣтей боярскихъ въ Московскомъ уѣздѣ) Алексѣй Өедоровичъ Адашевъ показанъ въ первой статьѣ сыномъ боярскимъ изъ Костромы. Въ Костромской губерніи въ Кинешемскомъ уѣздѣ до сихъ поръ имѣется деревня Адашево [2]).

Когда родъ Адашевыхъ подвергся опалѣ, вотчины Алексѣя Өедоровича Адашева—находившіяся въ Костромскомъ уѣздѣ были пожалованы царемъ въ вотчину же Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву. До насъ дошла подлинная вотчинная грамота, данная 6 октября 1560 года, то-есть при жизни еще Адашева [3]).

Такія указанія связываютъ родъ Адашевыхъ съ Костромою.

Среди костромскихъ же вотчинниковъ найдемъ мы и Ольговыхъ. Въ 1511 году душеприказчикомъ костромскаго вотчинника Синего является Иванъ Кирѣй Ольговъ [4]), раньше этого извѣстный какъ государевъ великаго князя тіунъ на судѣ (въ Горетовомъ стану), происходившемъ въ 1507 году [5]). Сынъ этого тіуна—Иванъ Кирѣевъ сынъ Ольговъ значится въ 1556 году въ числѣ кормленщиковъ [6]), держалъ Троицкій станъ въ Иледомѣ, вотчинъ за нимъ числилось полчетверти сохи [7]). Опала, поразившая Адашевыхъ, коснулась и Ольговыхъ—они были выведены изъ Костромы, но взамѣнъ родовыхъ вотчинъ, получили вотчины въ другихъ уѣздахъ. Въ 1568 (7076) году вотчинники Бѣлозерскаго уѣзда Өедоръ Никифоровъ сынъ Ольговъ и Михаилъ Яковлевъ сынъ Путиловъ продали вотчины свои дьяку Константину Семеновичу Мясоѣду-Ви-

---

[1]) «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. LIX (Спб. 1887), стр. 44.

[2]) Списки населенныхъ мѣстъ. № XVIII: Костромская губернія (Спб. 1877) стр. 169, № 5005. Деревня Адашево (13 дворовъ) Кинешемскаго уѣзда при рѣчкѣ Большой Рѣшемкѣ въ 20½ верстахъ отъ Кинешмы.

[3]) А. П. Барсуковъ: «Родъ Шереметевыхъ», т. I (Спб. 1881), стр. 255 и 461. Подлинникъ грамоты находится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева за № 122. Вотчина эта—село Борисоглѣбское на рѣкѣ Солоницѣ съ слободою и 56 деревнями указываетъ на значительное богатство Адашевыхъ.

[4]) Писцовыя книги XVI столѣтія (подъ ред. Н. В. Калачова), т. I, отд. 1 (Спб. 1872), стр. 900.

[5]) «Акты Юридическаго Быта», т. I, № 53. II, стр. 245—248.

[6]) О смыслѣ и значеніи кормленій см. статью г. Голохвастова и опроверженія, сдѣланныя проф. В. О. Ключевскимъ и Д. И. Иловайскимъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1889 годъ.

[7]) «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» (изд. Н. В. Калачова), кн. III (Спб. 1861), въ такъ называемой «боярской книгѣ 1556 года», стр. 40.

слому [1]), при чемъ каждый изъ продавцевъ упомянулъ въ документѣ, что продаваемыя вотчины пожалованы были имъ государемъ «противъ (моей) старинные Костромскіе вотчины». На оборотѣ обѣихъ грамотъ рукоприкладство: «к сей купчей яз Ѳедоръ Олговъ во брата своего в Михайлово Путилова мѣсто руку приложилъ». Въ виду того, что въ Московской Руси термины родства и свойства сознательно различались, мы съ полнымъ основаніемъ должны предположить, что Ѳедоръ Ольговъ приходился двоюроднымъ братомъ Михаилу Путилову и что слѣдовательно родъ Ольговыхъ выдѣлилъ изъ себя въ половинѣ XVI столѣтія, кромѣ фамиліи Адашевыхъ, еще другую фамилію Путиловыхъ.

До насъ дошелъ въ подлинникѣ документъ, по которому возможно точно прослѣдить происхожденіе Адашевыхъ отъ Ольговыхъ: это духовное завѣщаніе костромскаго вотчинника Синего, писанное въ іюлѣ 1510 года и сохранившееся среди монастырскихъ грамотъ Троице-Сергіевой лавры [2]): «во имя отца и сына и святаго духа се язъ рабъ Божей Дмитрѣй Тимоѳеевъ сынъ Александрович(а) Синей пишу сию грамоту духовну въ своемъ целе уме и въ разумѣ кому ми что дати, у кого ми что взяти... а что моя вотчина село Марьинское, а въ немъ церковь святого чюдотворца Николы... и язъ то село Марьинское и з деревнями и съ пустошми и съ лесы и съ луги и съ пожнями и со всемъ темъ, что къ тому селу и къ пустошемъ исъ старины потягло, куда исъ того села и исъ деревень и исъ пустошей плугъ и топоръ и коса ходила далъ въ домъ живоначальной Троице Сергеева монастыря по своему роду и по своей душе...».

Угасшая съ завѣщателемъ фамилія Синихъ происходила отъ Андрея Ивановича Кобылы. Родоначальникъ Синихъ—Семенъ Же-

---

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, грамоты Коллегіи Экономіи №№ 829 и 830 (Бѣлозерскій уѣздъ).

[2]) Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, грамоты Коллегіи Экономіи, № 4993 (Костромской уѣздъ, № 26). Подлинная грамота на листѣ $8^{7}/_{8} \times 7$ вершковъ. Печать душеприказчиковъ утрачена, но сохранилось рукоприкладство, сдѣланное за нихъ. Рукоприкладства послуховъ не было, на оборотѣ документа записана явка духовной митрополиту: «Сию духовную грамоту господину Симону митрополиту всеа Руси явилъ самъ Дмитрей Синей Тимофѣевъ сынъ Александровичя при своемъ животѣ лѣта седмь тысяч осмаго на десять июля въ четвертый день. А отець духовный да и послуси, которыи въ сей духовной писаны, передъ господиномъ митрополитомъ стояли и сказали господину, что сія духовная писана передъ ними, а Семенъ Васильевъ сынъ Чертова Осокинъ передъ господиномъ передъ митрополитомъ стоялъ и сказалъ господину, что сію духовную онъ писалъ. А подписалъ дьякъ Левашъ». За подписью Леваша слѣдуетъ обычное при его подписи трудно разбираемое слово латинскими буквами. Выше явки находится собственноручная подпись: «Смиреный Симон Митрополит всея Русіи».

ребецъ былъ старшій родной братъ боярина Θедора Кошки, родоначальника царствующаго дома Романовыхъ [1]).

Дмитрій Тимоθеевичъ Синій душу свою приказалъ Адашу Иванову сыну Головину и Ивану Кирѣю Климентьеву сыну Олгова [2]), самъ явилъ духовную свою митрополиту Симону 4-го іюля 1510 года и скончался въ слѣдующемъ 1511 году до 19-го іюня.

Изъ подписи, находящейся на духовной, въ видѣ рукоприкладства душеприказчиковъ мы узнаемъ, что Адашъ сынъ Ивана Головы приходился братомъ Ивану Кирѣю Ольгову:

«По сей духовной яз Адашъ прикащик (с) своим братомъ с Киреем с Ываном г духовной грамотѣ одну печять приложили Кирееву, а г духовной грамотѣ Θедюк Адашов сынъ Головин руку свою приложил».

Здѣсь впервые встрѣчаемъ подпись Θедора Адашева, подписавшагося по прозвищу дѣда Головинымъ, подписывавшагося впослѣдствіи Ольговымъ по прозвищу родовому и, наконецъ, по прозвищу отца, образовавшаго новую фамилію Адашевыхъ [3]).

19-го іюня 1511 года Иванъ Кирѣй Ольговъ данной грамотою по приказу Дмитрія Тимоθеевича Синего и по его духовной передалъ село Марьинское въ Троице-Сергіевъ монастырь [4]).

---

[1]) Приведемъ таблицу родства Синихъ съ Романовыми:

Андрей Кобыла.

Семенъ Жеребецъ. — Θедоръ Кошка.

Семенъ Жеребецъ → Александръ Синей. → Тимоθей. → Булгакъ Синей. безд.; Дмитрей Хиронъ. безд. ум. въ 7019 г.

Θедоръ Кошка → Иванъ. → Яковъ.; Захарья. → (Захарья) Яковъ. ум. 1510 г.; Юрій. ум. 1504 г.; Василій Ляцкій.

Юрій → Романъ. → Никита.; Анастасія ∞ Царь Иванъ IV (1530-1582).

Въ Бархатной книгѣ, ч. II, стр. 100: «Дмитрей Хиронъ»; Временникъ, кн. X, стр. 86: «Дмитрій Хитрой», стр. 159: «Дмитрій Хиринъ»; Писц. кн. XVI вѣка, ч. I, стр. 899: «по данной Дмитрея Тимофѣева сына Синево». Изъ приведеннаго акта (духовной) видно, что Дмитрій Тимоθеевичъ прозывался и просто Синимъ.

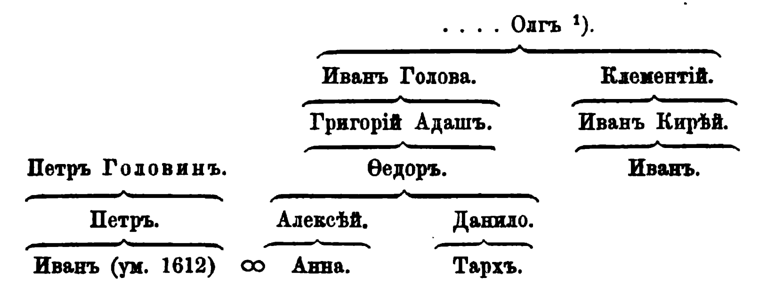
[2]) «А приказываю свою душу Адашу Иванову сыну Головину да Ивану Кирѣю Климентьеву сыну Олгова. А у духовные грамоты седелъ отець мой духовной попъ Василей Егорьевской, а послуси у сее духовные сидѣли: Дмитрей Борисовъ сынъ Порховсково да Иванъ Протасьевъ сынъ Степанова да Микита Федоровъ сынъ Скудина да Шестакъ Левонтьевъ сынъ Сумарокова. А духовну грамоту писалъ Семенъ Васильевъ сынъ Чертовъ Осокина».

[3]) Подписи Θедора Григорьевича Адашева, какъ послуха, см. напримѣръ, среди грамотъ Коллегіи Экономіи (Арх. Мин. Юст. въ Москвѣ): на данной 7019 (1511) года—Кострома № 4994—27; на данной отъ іюня 7048 (1540)—Бѣжецкъ № 1195; на актѣ 7055 года—Переяславль-Залѣсскій—№ 8866—142; на гр. 7056 (1548)—Дмитровъ № 3785—73 и т. д.

[4]) Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, Грамоты Коллегіи Экономіи, Костромской уѣздъ, № 4994—27 (19-го іюня 7019). Подлинникъ на столбцѣ

Изъ этой грамоты мы узнаемъ, что Адашъ Головинъ скончался до написанія данной: «а к сей даной грамоте прикащик Иван Кирей Климентьевъ сынъ Олгова печать свою приложил, а прикащик был со мною Адашъ Иванов сын Головин, ино его в животѣ не стало».

Сопоставляя духовное завѣщаніе Дмитрія Синего съ показаніями другихъ источниковъ, мы можемъ теперь родословную таблицу Ольговыхъ и Адашевыхъ представить въ такомъ видѣ:

Историки наши давно интересовались происхожденіемъ Алексѣя Адашева и согласно повѣствуютъ о незнатности его рода. Такъ говорятъ, напримѣръ, Карамзинъ, Устряловъ, Полевой; С. М. Соловьевъ называетъ Адашева «бѣднымъ дворяниномъ» [2]); Н. И. Костомаровъ «человѣкомъ незнатнаго происхожденія и небогатымъ» [3]); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ «незнатнымъ и бѣднымъ» [4]); В. И. Сергѣевичъ называетъ Адашевыхъ людьми «не именитыми» [5]). О родопроисхожденіи не говоритъ никто [6]), одинъ лишь П. Н. Петровъ считаетъ Адашевыхъ Рюриковичами изъ рода князей Шехонскихъ, предполагая существованіе князя Григорія Адаша, дяди или брата

$9^1/_2 \times 4^1/_2$ вершка. На оборотѣ между прочими рукоприкладствами: «в сей даной грамоте яз Ѳедоръ Адашов сынъ Головин послух и руку свою приложил».

[1]) Относительно крестнаго имени Ольга можно сдѣлать предположеніе, пока совсѣмъ бездоказательное. Въ актахъ конца XV вѣка (не раньше 1485 года) не разъ упоминается судья отъ великаго князя Ивана III и писецъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ — Иванъ Голова Семеновъ сынъ (Акты Ѳедотова Чеховскаго, т. I, стр. 3, 7, 9, 14, 41 и грамоты Коллегіи Экономіи, Бѣлозерскій уѣздъ, №№ 707, 719, 720, 734, 742, 751, 812, 858). Не былъ ли этотъ Иванъ Голова дѣдомъ Ѳедора Адашева и сыномъ Семена Ольга?

[2]) «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» (М. 1847), стр. 632.

[3]) «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», т. I, (Спб. 1874), стр. 413.

[4]) «Русская исторія», т. II (Спб. 1885), стр. 216.

[5]) «Русскія Юридическія Древности», т. I (Спб. 1890), стр. 365.

[6]) Извѣстный генеалогъ М. Г. Спиридовъ пишетъ: «Адашевъ родъ дворянъ, откуда и отъ кого произошелъ не показано» (Сборникъ (въ Имп. Публ. Библ., отд. IV, F. 61), ч. X, стр. 239, № 268). Также см. Н. П. Загоскинъ: «Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси» (Казань, 1876. 8°), стр. 200.

дѣйствительно существовавшаго князя Аѳанасія Семеновича Адаша Криваго [1]). Эта генеалогическая гипотеза совершенно бездоказательная несостоятельна и въ самой основѣ своей. Родъ князей Шехонскихъ въ государевомъ родословцѣ 1555 года записанъ при изложеніи рода Ярославскихъ князей и если бы Адашевы даже нарочно выдѣлены были отъ нихъ въ особую главу, во всякомъ случаѣ князь Курбскій не забылъ бы своихъ однородцевъ.

Въ рѣчи, сказанной якобы царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1550 году, народу, собравшемуся на площади у Лобнаго мѣста [2]), находится и воззваніе царя къ Алексѣю Адашеву, которому въ тотъ день былъ порученъ Челобитный приказъ: «Алексѣе! взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей. Слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощи души моей...». Въ письмѣ къ князю Курбскому Грозный отзывается о происхожденіи Адашева съ желчнымъ презрѣніемъ. «До того же времени»,—пишетъ царь [3]),—«бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей не вѣмъ какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся, намъ же такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы». Повидимому ясно, что Адашевы происходили изъ самаго простого «всенародства», но слова Грознаго отнюдь нельзя понимать буквально. Въ жару полемики, мучимый жаждою мщенія, царь Иванъ старается уязвить противника и наслаждается, обзывая начальника «избранной рады», къ которой принадлежалъ и гордый Ярославскій князь [4]), «собака» и измѣнникъ, батожникомъ, взятымъ отъ гноища. Какъ когда-то великій князь Василій III въ порывѣ гнѣва кричалъ своему думному человѣку Берсеню Беклемишеву: «поиди смердъ прочь, ненадобенъ ми еси!», такъ и Иванъ Грозный называлъ бывшаго своего друга и совѣтника батожникомъ. Это не опредѣленіе родопроисхожденія, а просто бранное, пренебрежительное выраженіе.

---

[1]) Исторія родовъ Россійскаго дворянства, ч. I (Спб. 1886. 4°), стр. 82—83: «Если же примѣры есть въ другихъ родахъ, напримѣръ, дворяне Татищевы отъ князей Соломерскихъ, могло тоже быть и съ родомъ князей Шехонскихъ. И если бы изъ нихъ, положимъ, былъ Григорій Адашъ братъ Криваго Адаша и Сома, или дядя ихъ, то онъ, конечно, въ XVII вѣкѣ уже не писанъ, какъ принадлежащій къ угасшему роду, а въ родѣ Шехонскихъ пропущенъ, какъ не имѣвшій никакого отношенія къ существовавшимъ вѣтвямъ этой фамиліи, въ которыхъ и безъ особыхъ прозваній лица, начинавшія свой родъ, пропускались предъявителями родословія другихъ вѣтвей одной фамиліи».

[2]) Рѣчь эта находится въ такъ называемой Степенной книгѣ Хрущева (см. Карамзинъ, т. VIII, прим. 184) и цѣликомъ издана въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, ч. II, № 37.

[3]) «Сказанія князя Курбскаго», изд. 2-е (Спб. 1842), стр. 187.

[4]) Князь А. М. Курбскій происходилъ изъ рода Ярославскихъ князей.

Князь Курбскій называетъ Алексѣя Адашева просто «благороднымъ юношей» [1]) и, конечно, эти слова не эпитетъ только нравственныхъ качествъ.

Конечно, пріобрѣтя боярство и окольничество Адашевы возвысились выше мѣры своей родословной чести; съ этой стороны слова царя справедливы.

Однако, какъ мы видѣли, въ 1536 еще году, значитъ лѣтъ за десять до возвышенія его сына, Өедоръ Адашевъ не былъ уже въ числѣ дѣтей боярскихъ «молодыхъ», а въ 1538 году ѣздилъ посломъ къ Турецкому султану. Ольговыхъ мы точно также видимъ великокняжескими тіунами и кормленщиками. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ XV столѣтіи родоначальники Ольговыхъ имѣли большія вотчины въ Костромѣ: не смотря на раздѣленіе рода на нѣсколько вѣтвей (Ольговы, Адашевы, Путиловы)—въ половинѣ шестнадцатаго вѣка представители каждой изъ этихъ фамилій владѣли еще собственными «старинными» Костромскими вотчинами [2]).

Такія данныя позволяютъ высказать убѣжденіе, что Адашевы по происхожденію своему принадлежали къ высшему слою служилыхъ костромичей и были членами рода старинныхъ и богатыхъ Костромскихъ вотчинниковъ.

Н. П. Лихачевъ.

---

[1]) «Сказанія князя Курбскаго», изд. 2-е (Спб. 1842), стр. 9.

[2]) Нѣкоторые изъ Ольговыхъ и Адашевыхъ конечно могли имѣть вотчины и не въ Костромскомъ уѣздѣ. Такъ въ 7056 (1547—48) году Семенъ Константиновичъ Заболоцкой и Өедоръ Григорьевичъ Адашевъ дали въ Троице-Сергіевъ монастырь вкладъ — двѣ пустоши въ Дмитровскомъ уѣздѣ (Писцовыя книги XVI вѣка, ч. I, отд. I (Спб. 1872), стр. 783).

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

II.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

I.

ЛИТЕРАТУРНАЯ личность Николая Семеновича Лѣскова, привлекающая къ себѣ въ настоящій моментъ особенное сочувственное вниманіе какъ исполненіемъ тридцатилѣтія его литературной дѣятельности, такъ и выходомъ въ свѣтъ десятитомнаго собранія сочиненій его, принадлежитъ къ оригинальнѣйшимъ явленіямъ въ русской литературѣ послѣднихъ десятилѣтій, и исторія его дѣятельности, судьба его произведеній, необыкновенно характеристична для нашего времени. Одаренный замѣчательнымъ беллетристическимъ талантомъ, г. Лѣсковъ долго не находилъ справедливой оцѣнки, и только въ послѣдніе годы занялъ принадлежащее ему по праву видное положеніе въ литературѣ. Такъ отразились на немъ, въ началѣ его дѣятельности, пресловутые шестидесятые-семидесятые годы.

Какъ извѣстно, въ эти годы въ писательскомъ мірѣ получило широкое развитіе русское свойство: «коль любить, такъ безъ разсудка... коль ругнуть, такъ сгоряча, коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!» Тогда на первыя литературныя роли выдвигались положительныя бездарности, были славны и пользовались «любовью

безъ разсудка» романы въ родѣ «Шага за шагомъ», въ то время какъ славныя русскія литературныя имена затаптывались нерѣдко въ грязь. Чтобы наши слова не показались преувеличеніемъ, укажемъ хотя бы на слѣдующій отзывъ одного, тогда весьма извѣстнаго, писателя о «Войнѣ и мирѣ» гр. Л. Толстого: «Съ начала до конца у гр. Толстого восхваляются буйство, грубость и глупость,—говоритъ критикъ.—Читая военныя сцены романа, постоянно кажется, что ограниченный, но рѣчистый унтеръ-офицеръ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ глухой и наивной деревнѣ... Съ какимъ-то омерзеніемъ читаешь восторженное описаніе псовой охоты!..» и т. д. Тогда было знаменитое «отрицаніе» Пушкина, и дѣйствовавшіе еще писатели, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Писемскій и другіе, подвергались строгому осужденію и порицанію за недостаточно прогрессивное направленіе. Естественно, что если признанные корифеи русской литературы не умѣли угодить строгой русской критикѣ, то какому же осужденію должны были подвергаться только еще выступавшія на литературное поприще молодыя силы, имѣвшія смѣлость не раздѣлять стадныхъ и шаблонныхъ увлеченій, характеризующихъ то время. И г. Лѣсковъ скоро попалъ въ разрядъ писателей, отвергнутыхъ господствовавшими тогда направленіями, аттестованный, между прочимъ, Писаревымъ съ самой худшей стороны. Ниже мы увидимъ, за что̀ и справедливо ли было это осужденіе молодого писателя, обнаружившаго уже тогда недюжинное дарованіе.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, помимо этой несознательной несправедливости критики, въ самомъ характерѣ произведеній г. Лѣскова были черты, не возбуждавшія симпатій въ читателяхъ, въ публикѣ, въ то время какъ нападки на Тургенева, Достоевскаго и Толстого, равно какъ и на писателей съ меньшими дарованіями, не помѣшали широкому распространенію и вліянію ихъ слова. И эти отрицательныя черты, эти недочеты въ творческой дѣятельности, не стоявшіе съ талантомъ автора не только въ связи, но прямо противорѣчившіе его силѣ, чуждые ему, съиграли въ литературной судьбѣ г. Лѣскова огромную роль. Безъ нихъ русская литература имѣла бы въ немъ писателя, равнаго талантамъ первостепеннымъ; съ ними нѣкоторыя его произведенія или части произведеній принижаются до карикатуръ, длинныхъ и лишенныхъ всякой поэзіи и даже серьезнаго юмора.

То были результаты печальнаго вліянія времени. Въ писателѣ нашего времени, конечно, читатели ищутъ не одного таланта, но и содержанія, т. е. того, чтобы этотъ талантъ посильно служилъ разработкѣ вопросовъ, вызванныхъ временемъ. Авторы, съ своей стороны, принадлежа къ тому же обществу, интересуемые тѣми же вопросами, естественно и просто, не насилуя своего вдохновенія, невольно отвѣчаютъ этой потребности своихъ читателей. И благо

тому писателю, который при этомъ останется независимымъ, не сдѣлается служителемъ той или другой партійной доктрины, не станетъ узко-тенденціознымъ изобразителемъ жизни. Въ Н. С. Лѣсковѣ, какъ мы выше говоримъ, мы имѣемъ примѣръ сильнаго и независимаго дарованія; но, по крайней мѣрѣ, въ одной части своего творчества, однако, не удержавшагося на почвѣ безпристрастнаго поэтическаго созерцанія жизни.

Такимъ образомъ, въ характеристикѣ даровитаго писателя, составляющаго предметъ нашей замѣтки, намъ предстоитъ выяснить: свойства его таланта, какъ положительныя, такъ и отрицательныя; затѣмъ показать идеалы, лежащіе въ основѣ произведеній его, и отношенія ихъ къ тѣмъ, господствовавшимъ въ обществѣ, направленіямъ, которыя увидѣли въ нихъ нѣчто враждебное для себя; наконецъ, показать, какъ, въ увлеченіи послѣдовавшей отсюда борьбы, нашъ авторъ внесъ въ свою дѣятельность тѣ отрицательныя черты, о которыхъ сказано выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно скажется и характеръ времени литературной дѣятельности нашего автора.

II.

Въ художественномъ беллетристическомъ талантѣ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ есть сила изобразительности, способность описать, представить картину природы и жизни съ такою полнотою и правдой, чтобы въ воображеніи читателя ясно и отчетливо нарисовалась та картина, которая была въ воображеніи автора. Въ душевной дѣятельности поэта это свойство таланта распадается на два момента. Авторъ долженъ обладать особенно живымъ и яснымъ воображеніемъ, которое изъ разрозненныхъ чертъ, изъ единичныхъ впечатлѣній, создаетъ въ душѣ автора образъ, обыкновенно лишенный всего случайнаго, частнаго и объединяющій въ себѣ все общее, типическое, значительное. Но это половина дѣла. Можно имѣть сильное воображеніе, населенное значительными ббразами, и не имѣть способности выразить ихъ вовнѣ, перенести ихъ на бумагу,— у художника-живописца на полотно; точно такъ же какъ можно глубоко мыслить и не имѣть способности легко и свободно формулировать свои мысли. Конечно, важнѣйшая часть этого душевнаго процесса есть способность создавать значительные типическіе ббразы; отъ нихъ зависитъ значеніе поэта, и есть много писателей и поэтовъ, свободно располагающихъ словомъ, способностью выраженія, но которымъ нечего сказать оригинальнаго и достойнаго вниманія людей. Но и способность создавать воображеніемъ ббразы въ высокой степени разнообразна: одинъ соединяетъ типическія черты линій и красокъ, другой собираетъ значительныя черты душевныхъ выраженій, создавая, часто на сѣромъ и однообразномъ, въ колорит-

номъ смыслѣ, фонѣ, величавыя отраженія духовной жизни человѣка и т. д. Есть счастливыя поэтическія натуры, которымъ все это дается сразу, и геніальная сила воображенія во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, и геніальная способность воплощенія вовнѣ того, что̀ создано воображеніемъ. Но это натуры исключительныя, какъ Шекспиръ, нашъ Пушкинъ и пр. Большинство художественныхъ талантовъ развивается односторонне, какъ и умы обыкновенно развиваются въ одну сторону. Духъ нашего времени, между тѣмъ, создаетъ наиболѣе благопріятныя условія для развитія даже крайней односторонности въ дѣятельности воображенія, именно, для развитія способности его ловить и собирать только черты душевной жизни, въ ущербъ изобразительности внѣшней.

Вышесказанное необходимо помнить, чтобы не сдѣлать ошибки въ оцѣнкѣ и характеристикѣ таланта Н. С. Лѣскова. Дѣло въ томъ, что въ этомъ несомнѣнно сильномъ и богатомъ средствами дарованіи рѣшительно не занимаетъ большой роли способность непосредственной, внѣшней изобразительности, простого непосредственнаго созерцанія жизни. Въ длинномъ рядѣ его нерѣдко длинныхъ произведеній вы не найдете поэтическаго описанія природы, въ длинномъ рядѣ его персонажей точно также вы не отмѣтите ни одного, описаннаго подробно и ярко съ внѣшней стороны. Главное, что̀ вы находите въ произведеніяхъ Лѣскова—это разнообразные характеры, типы душевной жизни, душевнаго строя. Это не только главное, но почти единственное въ нихъ. Авторъ, думается, чувствуетъ это свойство своего таланта и, скажемъ, едва ли онъ доволенъ имъ. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь, чтобы не быть голословными, приведемъ примѣры, доказывающіе справедливость нашей мысли. Въ произведеніяхъ Лѣскова есть мѣста, такъ сказать, соблазнительныя для любителей описаній, напрашивающіяся на нихъ. Такъ въ разсказѣ «На краю свѣта», путешествующаго архіерея по сибирскимъ снѣговымъ пустынямъ застаетъ вьюга, вдвоемъ съ сибирскимъ дикаремъ-зыряниномъ. Но напрасно вы стали бы ожидать описанія и этой вьюги, и свѣтлаго солнечнаго дня въ снѣговой пустынѣ; нѣтъ и описанія внѣшности дикаря. Весь талантъ автора,—къ большой, кстати сказать, цѣлостности и значительности разсказа,—устремленъ на пытливыя думы архіерея и на душевную простоту и возвышенность въ этой простотѣ зырянина, которыя всецѣло овладѣваютъ и читателемъ, находящимъ въ этой трогательной повѣсти высокую поучительность и поэзію истины. Точно также и въ «Соборянахъ» авторъ рисуетъ вамъ душевный строй и душевную жизнь протопопа Савелія Туберозова съ подробностью и любовью; психологически ясенъ вамъ и дьяконъ Ахиллъ Десницынъ, вы понимаете даже и едва очерченнаго попа Захарію; но ихъ внѣшній бытъ, все, что внѣ душевной жизни этихъ лицъ, остается внѣ вниманія автора, быть можетъ помимо его воли. На-

прасно говорятъ, будто бы Лѣсковъ изобразилъ подробно и ясно незатронутую-де никѣмъ жизнь духовенства русскаго въ «Соборянахъ». Бытъ духовенства матеріальный совсѣмъ не отражается въ этомъ произведеніи, все ограничивается именно только идеальными представленіями автора о томъ, чѣмъ бываетъ въ душевномъ смыслѣ священникъ и чѣмъ онъ, если хотите, долженъ былъ быть при условіяхъ взятыхъ авторомъ.

Указываемая нами черта таланта Лѣскова такъ всеобща въ его произведеніяхъ, что вы всюду встрѣчаете ее въ рѣзкомъ и яркомъ свѣтѣ. Просмотрите только большинство заглавій его многочисленныхъ разсказовъ, и одни эти заглавія уже дадутъ вамъ представленіе о преобладающемъ стремленіи автора къ психологическимъ характеристикамъ. Что такое всѣ эти «Однодумъ», «Пигмей», «Инженеры-безсребренники» и проч. и проч., какъ не психологическія характеристики, обыкновенно у автора нашего очень сильныя и яркія. Въ этой односторонности таланта—сила г. Лѣскова, въ ней лежитъ и успѣхъ исполненій. Но, какъ мы выше уже замѣтили, авторъ, повидимому, не доволенъ не всеобъемлемостью своего таланта, онъ хотѣлъ бы быть и колоритнымъ изобразителемъ внѣшней жизни, и глубокимъ психологомъ, и творцомъ типовъ самыхъ разнообразныхъ—отъ типовъ уѣзднаго города до типовъ столичныхъ и міровыхъ. Само собою разумѣется, что недостижимое остается недостижимымъ, но стремленія автора стать выше сферы своего таланта вносятъ въ его произведенія рѣзкіе недостатки. Его талантъ, сильный въ изображеніи душевныхъ типовъ, совершенно не пригоденъ для длинныхъ повѣствованій, обнимающихъ въ деталяхъ жизнь цѣлыхъ общественныхъ классовъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; по необходимости онъ долженъ влечь автора къ короткимъ и сильнымъ очеркамъ, какіе у него и есть. Но авторъ писалъ длинныя, необыкновенно растянутыя произведенія, въ которыхъ, какъ мы ниже покажемъ подробнѣе, нѣтъ иной разъ истины жизни и которыя были бы, по-просту говоря, очень скучны, если бы не выручалъ ихъ яркій талантъ автора, попадавшій по временамъ въ свою сферу.

Г. Лѣсковъ отличается завидной оригинальностью. Въ замыслахъ его произведеній обыкновенно нѣтъ ничего, что было бы шаблонно, психическія характеристики его свѣжи, оригинальны и живы, персонажи, выводимые имъ, въ большинствѣ случаевъ таковы, что ихъ нигдѣ больше не встрѣтишь въ такомъ своеобразномъ освѣщеніи. Всякая тема, которую онъ беретъ, обыкновенно проста, цѣнна своею поучительностью и правдой. Но автору, повидимому, мало его природной оригинальности, самобытности. По какому-то странному недоразумѣнію, онъ ищетъ быть оригинальнымъ, какъ будто забывая, что исканіе оригинальности, грубѣе говоря—«оригинальничанье», есть обыкновенно доказательство от-

сутствія истинной оригинальности; потому-что тому, кто оригиналенъ, незачѣмъ стремиться къ тому, чѣмъ онъ и такъ владѣетъ— отъ добра добра не ищутъ. Авторъ ищетъ оригинальности—и становится вычуренъ. Въ самыхъ заглавіяхъ уже вы находите «Несмертельнаго Голована», «Шерамура», «Антука», «Ракушанскаго меламеда», и т. п.,—слова нисколько не простыя и не русскія, и которыя иной разъ Богъ знаетъ что̀ значатъ. Изрѣдка только эти вычурныя заглавія имѣютъ дѣйствительное значеніе, какъ «Колыванскій мужъ». Старая и вѣчная истина, что простота, безъискусственность, есть необходимое условіе поэзіи и правды, нерѣдко не находитъ мѣста въ произведеніяхъ, наперекоръ всему этому, высоко даровитаго автора. Конечно, дѣло не ограничивается одними заглавіями, и нерѣдко строки и цѣлыя страницы носятъ на себѣ печать искусственности. Это злоупотребленіе своимъ талантомъ чрезвычайно вредитъ сильному и яркому впечатлѣнію, которое производятъ сами по себѣ произведенія г. Лѣскова.

Было бы несправедливостью умолчать, что, въ видѣ исключенія, встрѣчаются у г. Лѣскова и цѣлые разсказы, по странности замысла, по какой-то необъяснимой прихоти автора, относящіеся къ произведеніямъ не простымъ, а вычурнымъ, производящимъ диссонирующее впечатлѣніе. Таковъ, напр., «святочный» разсказъ: «Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи». Вся суть и соль этого разсказа въ томъ, что нѣкіе московскіе люди просили извѣстнаго «чудотворца» Ивана Яковлевича Корейшу помолиться о дарованіи дѣтей ихъ замужней дочери, да ошиблись и написали на бумажкѣ имя дочери-дѣвицы, и что послѣдняя оказалась, дѣйствительно, въ интересномъ положеніи, которое и было надлежащимъ образомъ освящено бракомъ, при посредствѣ человѣка, въ Ивана Яковлевича не вѣрившаго. Что собственно тутъ остроумнаго, понять довольно трудно, и если это простая шутка, то во всякомъ случаѣ она не принадлежитъ къ удачнымъ. Безъ фривольнаго оттѣнка, но столь же страненъ и въ высокой степени безсодержателенъ одинъ изъ «разсказовъ кстати»,—«Голосъ природы». И чѣмъ больше уваженіе наше къ автору, тѣмъ непріятнѣе впечатлѣніе, испытываемое отъ подобныхъ разсказовъ, недостойныхъ ни таланта автора, ни памяти знаменитаго фельдмаршала Барятинскаго, о которомъ идетъ въ послѣднемъ разсказѣ рѣчь.

III.

Само собою разумѣется, что указываемые нами недостатки произведеній Н. С. Лѣскова составляютъ только темныя пятна въ общемъ итогѣ литературной дѣятельности даровитаго автора, которыя не могутъ ни въ какомъ случаѣ поколебать признаніе за нимъ серьезныхъ и большихъ литературныхъ заслугъ. Обращаясь теперь къ

внутреннему содержанію произведеній его, къ идеаламъ, лежащимъ въ основѣ его дѣятельности, мы прежде всего должны указать на совершенную несправедливость мнѣнія, будто бы авторъ нашъ не проводилъ опредѣленныхъ и ясныхъ убѣжденій. Его взгляды, его убѣжденія, можно не раздѣлять; но не видѣть ихъ невозможно. Выходя на арену литературной дѣятельности, онъ имѣлъ передъ собою, правда, чрезвычайно обширную область разнообразныхъ направленій, политическихъ и общественныхъ, и не примкнулъ по существу ни къ одному изъ нихъ. Но это-то именно и свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ хотѣлъ и въ литературномъ смыслѣ жить своимъ умомъ, что онъ имѣлъ сказать нѣчто свое, вносилъ въ общій литературный хоръ обособленное мнѣніе. И онъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, пронесъ свои убѣжденія независимыми отъ разныхъ шаблоновъ отъ начала и до конца своей дѣятельности. Г. Лѣсковъ не былъ ни либералъ, ни радикалъ, ни консерваторъ, ни обскурантъ,—ни одна изъ этихъ кличекъ къ нему не была примѣнима. Въ произведеніяхъ своихъ онъ не обнаруживалъ ни сочувствія, ни отрицанія по тѣмъ рубрикамъ, которыя тогда были приняты. Сочувствовалъ ли онъ старой русской жизни? Ни то, ни другое, потому-что онъ выражалъ прямое и открытое сочувствіе тому, что̀ онъ находилъ въ остаткахъ старины и въ окружающемъ хорошемъ и относился отрицательно въ нихъ къ тому, что̀ находилъ дурнымъ и вреднымъ. Былъ ли онъ противникомъ прогресса въ русской жизни? Ни мало; но онъ не считалъ себя обязаннымъ раздѣлять тѣ увлеченія, которыя подъ знаменемъ прогресса врывались въ умственную русскую жизнь. И онъ не обинуясь выражалъ свое отрицательное отношеніе къ тѣмъ формамъ русскаго «прогресса», которыя считалъ несостоятельными. Къ чести его необходимо сказать, что, вообще говоря, онъ вначалѣ свое отрицательное отношеніе не доводилъ до враждебности и злобы,—чувства очень не чуждыя многимъ другимъ.

Разсматривая рядъ произведеній нашего автора, невозможно не усмотрѣть, что собственно политическія стороны русской жизни не интересовали его, какъ художника, какъ изобразителя ея. Никакихъ политическихъ теорій вы не найдете въ его произведеніяхъ. Но онъ далеко не оставался равнодушенъ къ общественному злу, которое видѣлъ въ явленіяхъ русской жизни. И съ другой стороны съ особенной внимательностью искалъ онъ добрыя стороны въ тѣхъ явленіяхъ, которыя уже успѣли навлечь на себя огульное и, конечно, большею частію несправедливое отрицаніе. Въ этомъ положительная сторона его личныхъ убѣжденій сказалась съ полной силой. Общимъ заключеніемъ, которое можно сдѣлать по произведеніямъ г. Лѣскова, будетъ то, что онъ сторонникъ личнаго нравственнаго развитія людей, и не ожидалъ отъ господства мечтательныхъ теорій и отъ быстрыхъ перемѣнъ обществен-

наго устройства — дѣйствительнаго прогресса въ человѣческихъ отношеніяхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, необходимо думать по тому, что цѣлый рядъ его произведеній рисуетъ намъ высоконравственныхъ и гуманныхъ людей, возникшихъ подъ вліяніемъ простой нравственной жизни при общественныхъ порядкахъ, не вызывающихъ и въ самомъ авторѣ никакого сочувствія, а съ другой стороны передъ нами цѣлый же рядъ персонажей въ высшей степени безнравственныхъ, не смотря на развитіе умственное и знакомство ихъ съ самыми новѣйшими ученіями о лучшихъ общественныхъ устройствахъ.

Въ этомъ смыслѣ г. Лѣсковъ являлся если не враждебнымъ, то все же противникомъ господствовавшаго въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ литературнаго направленія, возлагавшаго всѣ надежды въ дѣлѣ улучшенія человѣческихъ отношеній на развитіе науки съ одной стороны и общественныхъ учрежденій съ другой. Произведенія его, и прежнія, и позднѣйшія, представляли, такъ сказать, рядъ примѣровъ, говорящихъ совершенно другое, хотя и не открыто враждебное тому. Въ кодексѣ названнаго направленія, конечно, духовенство русское не получало правъ на вниманіе; скорѣе можно сказать, что этотъ своеобразный міръ если и появлялся въ литературѣ, то далеко не въ видѣ, возбуждающемъ сочувствіе. И вотъ, г. Лѣсковъ изображаетъ своихъ «соборянъ», среди которыхъ одинъ, по крайней мѣрѣ, протопопъ Туберозовъ является въ освѣщеніи высоко идеальномъ. Изъ «демикатоновой книги» Туберозова вы узнаете душевную жизнь этого простого, безхитростнаго, но полнаго ума и сердца дѣятеля. Нужно сказать, что хроника «Соборяне» написана по отношенію къ Туберозову и его товарищамъ безъ всякаго преувеличенія или яркаго идеализированія; все тутъ на своемъ мѣстѣ и съ соблюденіемъ должной мѣры. Въ произведеніи этомъ читатель можетъ увидѣть и отрицательное отношеніе автора къ бездушному консисторскому и вообще чиновничьему, бюрократическому формализму, который жестоко и нелѣпо тормазитъ все хорошее, все жизненное въ дѣятельности Туберозова.

Въ цѣломъ томѣ сочиненій г. Лѣскова (во второмъ) затѣмъ передъ нами проходитъ цѣлый рядъ необыкновенно нравственныхъ и гуманныхъ людей, возникшихъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ старинной русской жизни. Въ «Однодумѣ» авторъ изображаетъ квартальнаго временъ Екатерины II въ уѣздномъ городѣ Солигаличѣ, «начитавшагося» Библіи и удивившаго всѣхъ своимъ баснословнымъ безкорыстіемъ, справедливостью и смѣлостью. Кадетскіе корпуса стараго времени, какъ извѣстно, не пользовались доброй памятью и подвергались литературному обличенію. Но вотъ г. Лѣсковъ рисуетъ «Кадетскій монастырь» въ совершенно непривычномъ видѣ, и разсказываетъ, по его собственному выраженію, «нѣчто весьма простое, но не лишенное знаменательности» — о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ

называемой «глухой поры», увѣренный, что тогда подобныхъ было очень много. «Всѣмъ теперешнимъ взрослымъ людямъ—говоритъ авторъ:—извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ послѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сейчасъ воспитываютъ. Всякой вещи свое время подъ солнцемъ. Кому что̀ нравится. Можетъ быть хорошо и то, и другое, а я коротенько разскажу, кто насъ воспитывалъ и какъ воспитывалъ, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатлѣлись на сердцѣ, потому что—грѣшный человѣкъ—внѣ этого, т. е. безъ живаго возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю». Не слышится ли въ этихъ словахъ протестъ противъ сплошнаго отрицательнаго отношенія къ кадетской старинѣ и къ «глухой порѣ», когда по автору было очень много подобныхъ «праведныхъ». И передъ читателемъ проходятъ, дѣйствительно, необыкновенные люди по своей сердечности и добротѣ, добротѣ природной, простой, незнающей цѣны себѣ, но незамѣтно обнаруживавшей неизгладимо благотворное вліяніе на воспитанниковъ корпуса. Особенно любопытенъ и характеренъ экономъ Бобровъ, разрушающій всякія представленія, связанныя съ званіемъ эконома. Какъ извѣстно, авторъ знакомитъ тутъ читателей не съ произведеніями своей фантазіи, а съ живыми лицами русскаго прошлаго; такъ Бобровъ былъ неоднократно воспѣтъ русскими поэтами, вышедшими изъ перваго корпуса, и между прочимъ Рылѣевымъ и Розенгеймомъ.

Нѣтъ никакой надобности перечислять всѣ произведенія, гдѣ проявилось въ авторѣ это исканіе въ русской жизни здоровыхъ нравственныхъ явленій. Не нужно, однако, думать, чтобы авторъ хотѣлъ льстить русской жизни и русскому характеру. Напротивъ, рядомъ съ этими разсказами, о которыхъ мы говоримъ, у него мы находимъ другіе, въ которыхъ какъ русской жизни вообще, такъ и русскому характеру отведено не завидное мѣсто. Въ «Смѣхѣ и Горѣ», въ «Воительницѣ», въ «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда», въ «Колыванскомъ мужѣ» и проч. и проч. довольно трудно усмотрѣть преувеличенный патріотизмъ, которому «и дымъ отечества пріятенъ». Въ «Смѣхѣ и Горѣ», авторъ, напр., не обинуясь говоритъ о «странныхъ неожиданностяхъ русской жизни», и раскидываетъ широкую картину этихъ «неожиданностей», желая въ заключеніе разсказа прочитавшимъ его—«силы, терпѣнія и любви къ родинѣ, съ полнымъ упованіемъ, что пусть, по пословицѣ, велика ростетъ чужая земля своей похвальбой, а наша крѣпка станетъ своею хайкою». Въ «Колыванскомъ мужѣ» затронута и солидно разработана та черта русской неустойчивости, слабости характера, которая такъ постоянна въ многочисленныхъ повѣстяхъ Тургенева; г. Лѣсковъ показалъ эту неустойчивость совершенно въ другихъ отношеніяхъ, показалъ человѣка совсѣмъ русскаго, калужанина, патріота, дѣлающаго визитъ

И. С. Аксакову при отъѣздѣ изъ Москвы, который «кончилъ свой курсъ нѣмцемъ» и даже погребенъ въ Дрезденѣ, имѣвши неосторожность жениться на нѣмкѣ «въ нашей старой Колывани», т. е. въ Ревелѣ. Безпристрастіе нашего автора къ родинѣ идетъ такъ далеко, что одна изъ его лучшихъ повѣстей,—«Островитяне», рѣшительно производитъ впечатлѣніе дифирамба нѣмецкой петербургской семьѣ, дѣйствительно заслуживающей въ разсказѣ всякаго уваженія своею образованностью, скромностью, безпретенціозностью, любовью къ порядку, не къ нѣмецкому сухому порядку педантовъ, а тому, безъ котораго жизнь невозможна. Эта повѣсть отлично показываетъ, что авторъ, какъ мы неоднократно говорили, сторонникъ всего добраго и прекраснаго, гдѣ бы оно ни находилось, въ старой ли, въ новой ли русской жизни, въ нѣмецкой ли василеостровской семьѣ, или въ далекихъ снѣжныхъ степяхъ Сибири.

Мы не случайно заговорили здѣсь о снѣжныхъ степяхъ Сибири,—въ ней именно г. Лѣсковъ нашелъ сюжетъ для своей повѣсти, въ которой съ наибольшей силой и опредѣленностью сказалась любовь автора ко всему простому и доброму въ жизни, чуждому теоретичности, но за то находящему свои основы въ жизненной почвѣ и въ законахъ человѣческой души. Повѣсть эта—«На краю свѣта», о которой мы уже говорили. Этотъ разсказъ прекрасенъ по своей простотѣ и отсутствію въ немъ всего лишняго, онъ производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. Но главное его значеніе, его смыслъ — въ короткой, но необычайно выразительной характеристикѣ цѣлаго сложнаго явленія, соприкасающагося своими разными сторонами съ общей не только русской, но и всемірной жизнью. Какъ припомнитъ читатель, архіерей, отъ имени котораго ведется разсказъ, въ заботахъ распространенія христіанскаго ученія среди инородцевъ Сибири, встрѣчаетъ на первыхъ же шагахъ нѣкоего монаха Киріака, знатока дѣла миссіонерской мѣстной проповѣди, который порождаетъ въ немъ недоумѣніе и сомнѣнія, считая ненужною, несвоевременною эту проповѣдь. И архіерей, путешествуя по степи, личнымъ опытомъ убѣждается, какъ нужно много осторожности и вниманія, чтобы святое дѣло проповѣди христіанства не обратить въ нѣчто иное, приводящее къ совершенно неожиданнымъ, противуположнымъ результатамъ. Воочію видитъ архипастырь, что крещенный зырянинъ, небоящійся грѣха, потому что «попъ проститъ его», не понимающій самой первоначальной сущности христіанства, несравненно ниже въ нравственномъ отношеніи прежняго дикаря, въ сердцѣ котораго, тѣмъ не менѣе, ясно начертаны законы совѣсти, который поэтому самоотверженно спасаетъ архіерея, показывая до мелочей удивительную честность. Авторъ показываетъ безжизненность и безсиліе бюрократическихъ, на бумагѣ, заботъ объ обращеніи инородцевъ въ христіанство; и въ то же время онъ указываетъ на «святую скромность православія», по его

выраженію, олицетворившуюся въ простомъ монахѣ Киріакѣ и свидѣтельствующую о необходимости не торопиться съ достиженіемъ кажущихся результатовъ, въ ущербъ истинности и жизненной силѣ дѣла. Терпимость въ этомъ смыслѣ составляетъ одинъ изъ завѣтныхъ идеаловъ нашего автора, и разсказъ его «Запечатлѣнный ангелъ» сильно и ярко воспроизводитъ духъ русскаго сектантства, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторъ, постигнувъ его, за внѣшними заблужденіями съумѣлъ открыть душу живу русскаго народа и выучился уважать эту живую душу.

IV.

Стоя на такой независимой и опредѣленной почвѣ, авторъ независимо и свободно отнесся уже въ началѣ своей дѣятельности къ тѣмъ явленіямъ русскаго «умственнаго прогресса», которыя ему довелось наблюдать довольно близко. Появился романъ «Некуда». Какъ мы выше уже замѣтили, къ этому, во всякомъ случаѣ любопытному и замѣчательному, произведенію современники, не раздѣлявшіе воззрѣній автора, отнеслись, по нашему мнѣнію, весьма несправедливо. Съ легкой руки Писарева, сказавшаго о романѣ не мало жесткихъ словъ, имя Стебницкаго, которое стояло на романѣ, было заподозрѣно. Авторъ сталъ казаться противникомъ прогрессивныхъ движеній въ русскомъ обществѣ, бросавшимъ будто бы умышленно тѣнь на «молодое поколѣніе» вообще и на нѣкоторыхъ уже прямо личностей въ частности, потому что въ романѣ не въ симпатическихъ чертахъ описана «коммуна», товарищеское сожительство «новыхъ людей» на «новыхъ началахъ».

На томъ разстояніи, которое раздѣляетъ насъ отъ поры тѣхъ увлеченій, исходившихъ, конечно, весьма часто изъ благороднѣйшихъ и чистыхъ источниковъ, мы тѣмъ не менѣе должны отнестись къ роману г. Лѣскова совершенно иначе. Немногія выписки способны уже доказать, что авторъ стремился отнестись къ явленію, взятому имъ, безпристрастно. Главная героиня романа и въ нѣкоторомъ смыслѣ и жертва коммунальныхъ увлеченій, чистая и хорошая дѣвушка, такъ именно и изображена, какъ искательница лучшихъ условій жизни, лучшихъ отношеній между людьми. И авторъ съ полной справедливостью приписываетъ печальный исходъ ея увлеченія столько же той жизни, отъ которой она бѣжала, какъ и той, которая создавалась «новыми», «хорошими», какъ тогда принято было говорить, людьми. Описывая внутренній міръ своей Лизы Бахаревой, авторъ говоритъ: «не было мира въ этой душѣ, рвалась она на волю, томилась предчувствіями, изнывала въ темныхъ шарадахъ своего и чужого разума... Она страдала и искала повсюду разгадки для живыхъ ноющихъ вопросовъ»!.. И тутъ же авторъ замѣчаетъ: «Семья не поняла ея чистыхъ порывовъ; люди

ихъ перетолковывали; друзья старались ихъ усыпить; мать кошекъ чесала; отецъ младенчествовалъ. Все обрывалось, некуда было дѣться».

Кто же въ этихъ словахъ можетъ не видѣть безпристрастія автора, желанія указать, что причины, доведшія чистую дѣвушку до разрыва съ семьей и до исканія покоя душевнаго среди новыхъ людей, лежали въ старой неупорядоченной нравственно семьѣ. И въ романѣ вы найдете сколько угодно доказательствъ этого простого положенія. Лиза много читала, и частію книгамъ, повидимому, можно бы приписать печальную судьбу дѣвушки. Но и тутъ авторъ замѣчаетъ: «Выборъ недовольныхъ всегда падаетъ на книги протестующія», и такимъ образомъ опять окружающая жизнь является, слѣдовательно, источникомъ ея порывовъ, а не книги. И вотъ какое душевное состояніе создалось у дѣвушки: «Живые люди казались мразью. Духъ виталъ въ мірѣ иныхъ людей, въ мірѣ, износившемъ вѣщіе глаголы, въ средѣ людей чести, безкорыстія и свободы»... Рядомъ съ этой душевной чистотой и честностью стремленій вы не можете не отмѣтить въ Лизѣ нѣкоторой несерьезности и мечтательности. Но вѣдь только при условіи ихъ она и могла такъ неразсчетливо и грустно обмануться. И вотъ она среди «новыхъ людей», въ мірѣ «вѣщихъ глаголовъ». И этотъ міръ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она его представляла,—она обманулась, нашла въ «Домѣ Согласія» приблизительно то же, что было и въ ея собственной семьѣ.

Вотъ въ этомъ именно и оказался виноватъ нашъ авторъ. Ему дозволительно было въ какихъ угодно несимпатичныхъ краскахъ изображать отца, мать, сестру Лизы, но «новые люди» должны были, очевидно, быть безусловно прекрасными, и Лиза должна была найти среди нихъ тотъ душевный міръ, котораго такъ тщетно она искала дома. Легко, однако, видѣть, что авторъ тутъ ничѣмъ не погрѣшилъ противъ правды. Если Лиза разочаровалась въ «новыхъ», въ «хорошихъ» людяхъ, то кто же не разочаровался въ нихъ? И гдѣ тѣ увлеченія «коммунами?» «Новые» люди были плотью отъ плоти и костями отъ костей «старыхъ» людей, и если они умѣли говорить иное о лучшихъ отношеніяхъ между людьми, то, какъ это обыкновенно бываетъ, въ дѣйствительныя отношенія они вносили все тѣ же страсти и слабости людскія, которыя въ нихъ должны были получить еще большее развитіе: деспотизмъ, самолюбіе, лѣность и пр. и пр. Все это вы и находите въ «Домѣ Согласія», изображенномъ г. Лѣсковымъ. Но авторъ совсѣмъ не остановился только на темныхъ сторонахъ этой «новой» жизни. Среди персонажей, выведенныхъ тутъ, попадаются всякіе,—и хорошіе и дурные, и умные и недалекіе, и способные къ самопожертвованію, и глубокіе эгоисты,—словомъ все, что встрѣчается во всякомъ человѣческомъ обществѣ. И авторъ относится къ нимъ не съ осужденіемъ, а съ глу-

бокимъ сожалѣніемъ. «Какіе вы всѣ несчастные!—говоритъ авторъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ: — Боже мой, Боже мой! какъ посмотрю я на васъ, сердце обливается кровью: тому такъ, другому этакъ, — каждый изъ васъ не жизнь живетъ, а муки оттерпливаетъ». И это дѣйствительно такъ; понятно, что Лиза, какъ и всѣ другіе, если были несчастны, стремясь найти выходъ изъ неудовлетворявшей ихъ окружающей жизни, то стали вдвое несчастнѣе, обманувшись въ своихъ стремленіяхъ.

Судьбѣ Лизы авторъ противопоставляетъ судьбу ея подруги, Жени Гловацкой, шедшей совсѣмъ инымъ, правда избитымъ, путемъ. Въ свое время обычнымъ порядкомъ она вышла замужъ за обыкновеннаго хорошаго человѣка, и въ результатѣ болѣе или менѣе счастлива. Правда, счастье ея не большое, не облагороженное ничѣмъ, что̀ давало бы ей выдающійся смыслъ и цѣль, и Женя сознаетъ это, но по своей натурѣ мирится съ этими недостатками своего существованія. Есть въ романѣ и третья судьба, семья, разбитая душевной дрянностью женщины,—семья доктора Розанова. Иллюзія дѣйствительности и правды жизни довольно полна въ романѣ, и «Домъ Согласія» выдается на этомъ фонѣ дѣйствительности совсѣмъ не въ очень дурную сторону; онъ поражаетъ читателя только именно несчастливостью своихъ членовъ, какой-то дѣланностью ихъ жизни, самообманомъ, желаніемъ скрыть и отъ себя всю неприглядность ихъ существованія. Ясно, что авторъ ничѣмъ не обидѣлъ «коммуну», а только разочаровываетъ въ ней, въ ея жизненномъ значеніи. И потому даже въ тѣ времена, когда романъ былъ написанъ, можно было не согласиться съ авторомъ, съ его взглядами на еще жившія тогда своеобразныя увлеченія коммунистическими теоріями, но винить его было не въ чемъ, и нужно было признать за нимъ право на свободу мнѣнія и слова.

По нашему мнѣнію, авторъ, къ сожалѣнію, не удержался на той хорошей дорогѣ простой справедливости и безпристрастія, на которой онъ создалъ свой живой и интересный романъ «Некуда». То самое явленіе, которое авторъ олицетворилъ въ Лизѣ Бахаревой, въ совершенно иномъ видѣ встаетъ передъ нами въ другихъ произведеніяхъ его. Уже въ «Соборянахъ» изображаются два «нигилиста» въ формѣ лишенной всякой жизненности и правды. Одинъ, безъ преувеличенія говоря, круглый дуракъ, который возится и носится съ какими-то костями, въ нихъ полагая всю суть своего «нигилизма». Юмористическое якобы отношеніе автора къ этому герою доходитъ до того, что онъ рисуетъ совершенно нелѣпую и невозможную сцену, въ которой герой бѣжитъ съ своими костями по улицѣ, преслѣдуемый дьякономъ Ахиллою, чтобы спрятать свое сокровище у нигилистки же, акцизной чиновницы Бизюкиной, столь же карикатурно изображенной. Другой—круглый негодяй. И нѣтъ той гнусности, которой онъ не сдѣлалъ бы, на которую не

былъ бы способенъ. Конечно, негодяи бываютъ разные,—и очень большіе. Но почему именно для этой роли необходимъ былъ автору одинъ изъ подобныхъ тѣмъ, которыхъ авторъ нарисовалъ въ «Домѣ Согласія» въ «Некуда», это понять невозможно. Особенно сильно сказалось это новое «направленіе» автора въ романѣ «На ножахъ». Одна его половина, посвященная жизни простыхъ и добрыхъ людей имѣетъ свою цѣну, хотя въ ней уже знакомые читателю типы изъ другихъ сочиненій автора. Другая же вся сплошь занята сугубымъ очерненіемъ негодяя-нигилиста, совершающаго, въ совокупности съ дуракомъ-нигилистомъ (лица совершенно подобныя выведеннымъ въ «Соборянахъ»), цѣлый рядъ преступленій, заставляющаго плясать всѣ власти по своей дудкѣ (опять какъ въ «Соборянахъ») и т. п. Есть даже въ романѣ такой сообщникъ негодяя-нигилиста, «жидъ», который состоитъ одновременно политическимъ пропагандистомъ, содержателемъ кассы ссудъ, шпіономъ правительственнымъ и сотрудникомъ трехъ различныхъ газетъ совершенно различныхъ направленій. Этотъ embarras de richesse негодяйства, стрѣлы по которому попутно направляются кстати и въ газеты, въ дѣятелей печати и пр. и пр., говоритъ самъ за себя. Нужно думать, что подобныя карикатуры ничего не прибавляютъ ни къ славѣ даровитаго романиста и повѣствователя, ни къ общественному значенію г. Лѣскова...»

Въ указываемомъ—слабыя стороны лишь нѣкоторыхъ произведеній уважаемаго писателя, и онѣ, какъ мы замѣтили выше, находятся въ странномъ несоотвѣтствіи съ талантомъ и общимъ направленіемъ его. Независимая мысль, одухотворенная любовію къ добру и правдѣ, необыкновенная сила психическаго анализа и высокая оригинальность какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи произведеній, даютъ Н. С. Лѣскову въ современной русской литературѣ весьма большое мѣсто и значеніе.

Арс. Введенскій.

ЖИЗНЬ ЗА НАУКУ [1].

МѢСЯЦЪ ТОМУ назадъ, вышелъ прекрасный трудъ генералъ-маіора Н. Ф. Дубровина: «Николай Михайловичъ Пржевальскій», въ которомъ авторъ даетъ живой образъ нашего знаменитаго путешественника по средней Азіи и Тибету. Пользуясь этимъ источникомъ, мы, позволимъ себѣ напомнить читателямъ «Историческаго Вѣстника» главныя черты изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, которая вся пошла на обогащеніе родной науки, и положила прочныя и достовѣрныя основы дальнѣйшаго нашего знакомства съ ближайшими, но еще и до сихъ поръ загадочными, сосѣдями въ Средней Азіи. Книга Н. Ф. Дубровина назначена служить для пополненія капитала имени Н. М. Пржевальскаго и для постановки ему памятника въ Петербургѣ, а потому мы вовсе не хотѣли бы лишить ее интереса, путемъ сколько-нибудь обстоятельной компиляціи. По этому, мы касаемся ея содержанія по возможности осторожно, желая, указаніемъ на тѣ или другія заключающіяся въ ней свѣдѣнія, настолько заинтересовать читателя, чтобы онъ заставилъ себя найти досугъ для прочтенія самой біографіи г. Дубровина, въ которой каждый найдетъ чрезвычайно любопытныя страницы, бросающія яркій и характерный свѣтъ на нравственную и общественную физіономію нашего знаменитаго путешественника, какъ гражданина земли русской и какъ человѣка. Въ виду этого мы просимъ со своей стороны снисхожденія за тотъ поверхностный обзоръ какой, не желая вредить самой книгѣ, мы только и можемъ предложить нашимъ читателямъ.

---

[1]) Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ; составилъ Н. Ѳ. Дубровинъ. Спб. 1890.

I.

Культурное человѣчество было бы гораздо богаче великими людьми, героями и дѣятелями, если бы каждый человѣкъ умѣлъ всегда и безошибочно находить свое назначеніе и попадать на дѣло посильное и сподручное, именно для талантовъ и способностей находящихся у каждаго изъ насъ въ наличности. Культурными людьми теряется много энергіи, силъ и особенно времени, на отысканіе пути, который для каждаго наиболѣе выгоденъ и дѣла каждому наиболѣе сподручнаго. Иной, отъ природы живой, подвижный и дѣятельный, попадаетъ въ тихія заводи канцеляріи и томится всю жизнь, въ ея непроизводительной тишинѣ, тратя силы надъ ненавистнымъ, и часто даже мало понятнымъ писаніемъ пустыхъ бумагъ. Иной, напротивъ, тихоня и скромникъ по натурѣ, пущеный честолюбивыми родителями на путь славы и побѣдъ, мерзнетъ въ лагеряхъ, натираетъ нѣжныя ноги въ походахъ, и съ ужасомъ прислушивается къ слухамъ о войнѣ, въ которой, еще и не объявленной, уже видитъ себя убитымъ. Тотъ опять вообразитъ себя талантомъ и всю жизнь хлопочетъ удивить міръ какимъ-либо злодѣйствомъ, а по мѣрѣ хлопотъ все болѣе и болѣе убѣждается, что всю жизнь гонялся только за призракомъ и миражемъ, удивляя себя и составляя предметъ веселости для пріятелей и хорошихъ знакомыхъ. А между тѣмъ, покуда бездарность пробуетъ свои силы, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, дѣйствительный талантъ боронитъ землю, потѣетъ въ кузницѣ или выѣзжаетъ, въ столицахъ, въ ночные извозчики.

Въ большинствѣ случаевъ, всѣ эти недоразумѣнія и ошибки, въ концѣ концовъ, выясняются и оправдываются, но хотя ошибка и сознается, исправлять ее бываетъ уже поздно, время ушло и, даже въ наиболѣе счастливомъ случаѣ, человѣкъ успѣваетъ сдѣлать только половину того, чтобы по своимъ дѣйствительнымъ талантамъ, ранѣе сознаннымъ и ранѣе признаннымъ, могъ бы сдѣлать. Рѣдко, рѣдко, когда это неудобное житейское правило культурныхъ обществъ не находитъ себѣ примѣненія, и потому такъ пріятно встрѣчаться именно съ такими рѣдкими исключеніями.

Николай Михайловичъ Пржевальскій, этотъ неутомимый и не устрашимый путешественникъ, съ именемъ котораго, не только мы русскіе, но и всѣ иностранцы, соединяемъ понятіе о путешественникѣ геніальномъ, представляетъ именно такое отрадное, любопытное и рѣдкое исключеніе. Про него можно смѣло сказать: вотъ человѣкъ, которому посчастливилось во время найти свою настоящую жизненную дорогу, которая провела его путемъ наиболѣе для его согражданъ и отечества полезнымъ и благотворнымъ, и для него самого, наиболѣе, изъ всѣхъ другихъ, возможнымъ и легкимъ, въ храмъ славы прочно установленной и навсегда неоспоримой.

Одно только можно замѣтить, что счастіе всегда капризное и измѣнчивое и здѣсь не было достаточно продолжительно и славный путешественникъ все-таки заплатилъ ранней кончиной за славу недолгой, хотя и очень интересной и богатой событіями, жизни.

Нельзя также сказать, чтобы настоящее назначеніе Николая Михайловича опредѣлилось бы сразу. Хотя съ двѣнадцати лѣтъ

Н. М. Пржевальскій.

онъ уже чувствовалъ въ себѣ будущаго неутомимаго ходока, неустрашимаго Лобъ-норскаго охотника и человѣка страстно привязаннаго къ красотѣ и особенно къ свободѣ существованія среди дѣвственной природы, какимъ онъ является въ Тибетѣ, тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуетъ его біографъ, его не особенно похвалили за первую убитую лисицу, и особенно за то, что этотъ охотничій

трофей испортилъ двѣнадцатилѣтнему охотнику все платье. Но это было еще далеко не важно. Хуже было то, что мальчика съ несомнѣнно боевыми наклонностями и рѣшительнымъ характеромъ, принуждены были отдать не въ корпусъ, о чемъ хлопотала мать, но въ гражданскую гимназію. Повидимому, въ этой прежней гимназіи, начальство предпочитало ремонтъ зданій необходимости начинять головы учениковъ свѣдѣніями, и потому не только не переутомляло ихъ занятіями, но еще затягивало начало каждаго курса, насколько это было возможно и прилично. Понятно, что молодой охотникъ-гимназистъ вовсе не находилъ такой педагогическій пріемъ неудобнымъ и торопился, покуда педагоги красили и чинили гимназію, выучиться стрѣлять безъ промаха по всякой пролетавшей птичкѣ, да не упускалъ и краснаго звѣря, когда таковой попадался. За всѣмъ тѣмъ, благодаря огромной памяти и вообще не дюжиннымъ способностямъ, Пржевальскій кончилъ гимназію въ 16 лѣтъ, съ правомъ на первый гражданскій чинъ, но въ университетъ поступить не захотѣлъ, а увлекшись книгою «Воинъ безъ страха», рѣшился поступить на военную службу. Дѣйствительность, и на этотъ разъ, какъ и всегда, обманула вычитанную изъ книгъ иллюзію. Попавъ, 17-ти лѣтъ отъ роду, въ городъ Бѣлевъ въ юнкерскую команду, Николай Михайловичъ и насмотрѣлся на многое, да и натерпѣлся много. Эта бѣлевская юнкерская команда, по словамъ молодого Пржевальскаго, представляла сбродъ порочныхъ людей, картежниковъ и пьяницъ, занимавшихся кражею вещей и пропиваніемъ ихъ въ кабакѣ.

«Всѣхъ насъ человѣкъ 60, писалъ молодой юнкеръ матери, но большая часть изъ нихъ негодяи, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмазъ—но въ кучѣ навоза». Съ производствомъ въ офицеры, положеніе молодого человѣка стало едва ли не хуже, потому что составъ и нравы офицеровъ тогдашняго времени представляли чтò-то по истинѣ ужасное. Произведенный въ прапорщики Полоцкаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Смоленской губерніи въ городѣ Бѣломъ, молодой офицеръ попалъ въ такое общество офицеровъ, которыхъ даже никто изъ жителей не отваживался пустить на квартиру. На площади, среди города, былъ нанятъ домъ, мебели въ немъ не было, кромѣ кроватей, и то не у всѣхъ офицеровъ. За то посреди комнаты вѣчно стояло ведро съ водкой и стаканы, день начинался и кончался пьянствомъ въ перемежку со скандалами. Мѣстные жители обходили этотъ домъ далеко, чтобы не попасть на глаза господамъ офицерамъ. Четыре года прослужилъ Пржевальскій въ этомъ ужасномъ полку и въ одинъ день, когда пребываніе въ вѣчно пьяной компаніи показалось ему особенно нестерпимымъ, подалъ рапортъ о переводѣ своемъ на Амуръ. И чтò же? Хотя въ этотъ разъ счастливый инстинктъ предопредѣле-

нія говорилъ и подсказывалъ вѣрно, тѣмъ не менѣе часъ еще не приспѣлъ, и за этотъ рапортъ будущаго знаменитаго изслѣдователя Уссурійскаго края посадили на трое сутокъ подъ арестъ.

Пржевальскій однако же вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду на столько, что даже розги, полученныя имъ не по положенію въ шестомъ классѣ гимназіи за дерзскую шалость, считалъ въ числѣ происшествій для себя особенно счастливыхъ, и потому конечно арестъ его за рѣшимость ѣхать въ Сибирь, съ дипломомъ армейскаго прапорщика, надо дѣйствительно считать за особенную милость Божію. Даже и послѣ окончанія курса наукъ въ Академіи Генеральнаго Штаба, гдѣ Пржевальскій написалъ первый свой трудъ: «Военно-статистическое обозрѣніе Пріамурскаго края», обратившій на него вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, попытки молодого академиста поѣхать въ хорошо обставленное и разумно организованное путешествіе, встрѣтили противодѣйствіе со стороны его начальства. Не далеко бы онъ уѣхалъ, если бы остался при всѣхъ своихъ природныхъ дарованіяхъ, но попалъ бы въ Сибирь на шесть лѣтъ ранѣе! Именно печальный исходъ его просьбы послужилъ первымъ побужденіемъ молодому офицеру, тяготившемуся обществомъ армейскихъ пьяницъ и моншеровъ, начать серьзную подготовку къ дѣятельности научной. По выходѣ изъ Академіи, (въ которой, къ слову сказать, будущій работникъ по опредѣленію широтъ и долготъ въ срединной Азіи получилъ за глазомѣрную съемку четыре балла), Николай Михайловичъ началъ службу въ штабахъ и полкахъ опять не слишкомъ для себя удачно и привлекательно, и потому настоящимъ счастливымъ поворотомъ его судьбы надо считать опредѣленіе его дежурнымъ офицеромъ въ Варшавское юнкерское училище, съ назначеніемъ читать лекціи по географіи и исторіи. Занимаясь съ юнкерами любимыми своими предметами, и самъ знакомясь съ богатыми источниками европейской литературы, Пржевальскій, пристрастился еще къ зоологіи и ботаникѣ, двумъ предметамъ, основы которыхъ получилъ еще находясь въ гимназіи. Въ Варшавѣ для занятій по этимъ обширнымъ и интереснымъ наукамъ имѣются достаточныя средства, какъ матерьяльныя, такъ и интелектуальныя, и здѣсь-то именно будущій путешественникъ получилъ надлежащее для своихъ способностей и достаточное для своей земной миссіи образованіе.

Что касается до перевода Николая Михайловича въ Генеральный Штабъ, то не смотря на хлопоты и ходатайства въ его пользу многихъ сильныхъ и вліятельныхъ людей, послѣдній совершился не безъ затрудненій, благодаря польскому построенію фамиліи Пржевальскихъ, которая, на самомъ дѣлѣ, идетъ отъ запорожскаго казака Корнилы Паровальскаго, и не смотря на то, что самъ Николай Михайловичъ уже во второмъ поколѣніи былъ православный. Во всякомъ случаѣ и это вышло хорошо, потому-что, желая непре-

мѣнно попасть въ Генеральный Штабъ, Пржевальскому, конечно, приходилось хвататься за всякое предложеніе, и въ числѣ такихъ конечно, за предложеніе ѣхать офицеромъ Генеральнаго Штаба, но только въ Восточную Сибирь. Въ январѣ мѣсяцѣ 1867 года, Пржевальскій выѣхалъ изъ Варшавы, и проѣздомъ въ Петербургѣ, просилъ Географическое Общество оказать ему матерьяльное содѣйствіе для лучшей организаціи предстоявшаго ему, по долгу новой службы, развѣдочнаго путешествія въ Уссурійскій край, и по Амуру. Вѣжливо, но мягко, молодому путешественнику отказали въ такой поддержкѣ, и снабдили только рекомендаціями къ властямъ и представителямъ географической науки въ Иркутскѣ. И вотъ 21-го мая 1867 года, молодой двадцатисеми-лѣтній штабсъ-капитанъ оставляетъ Иркутскъ, и въ сопровожденіи одного спутника, юноши Ягунова, выѣзжаетъ въ свое первое и одно изъ лучшихъ и обильнѣйшихъ по результатамъ путешествій, на Уссури и озеро Ханка. Девять лѣтъ, два мѣсяца и 27 дней провелъ затѣмъ нашъ путешественникъ въ Азіи, въ самыхъ глухихъ ея мѣстахъ и познакомилъ міръ съ фауной и флорой самыхъ недоступныхъ мѣстъ земного шара, гдѣ до него не ступала никогда нога человѣческая. Всего по азіатскому материку Пржевальскій сдѣлалъ 31.185 верстъ пути вновь изслѣдованнаго и прекрасно имъ описаннаго въ вышедшихъ томахъ его прекрасныхъ сочиненій. Между тѣмъ, со дня выѣзда, вполнѣ еще неизвѣстнымъ офицеромъ изъ Иркутска, и до его смерти въ началѣ пятаго путешествія на берегу озера Исыкъ-Куль, прошло всего двадцать одинъ годъ времени. Въ полномъ цвѣтѣ силъ, только-что достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, умеръ Пржевальскій, но за это время успѣлъ насладиться славою человѣческою какъ никто. Чтобъ оцѣнить это, достаточно прочитать списокъ почетныхъ дипломовъ и наградъ, которыми торопились почтить его удивительные труды и открытія различныя европейскія академіи и ученыя общества. Въ день своей смерти Николай Михайловичъ былъ: 1) докторомъ зоологіи Московскаго университета, 2) почетнымъ членомъ: а) Императорской Академіи Наукъ, б) Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, в) Петербургскаго университета, г) Императорскаго ботаническаго сада, д) Общества любителей естествознанія и антропологіи при Московскомъ университетѣ, е) С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей, ж) Уральскаго Общества любителей естествознанія, з) Московскаго Общества сельскаго хозяйства, к) Императорскаго Общества садоводства, л) Общества любителей правильной охоты. 3) Географическихъ обществъ почетнымъ членомъ: а) Парижскаго б) Берлинскаго, в) Вѣнскаго, г) Венгерскаго, д) Итальянскаго, е) Голландскаго, ж) Франкфутскаго, з) Лейпцигскаго, к) Дрезденскаго, л) Сѣвернаго Китайскаго отдѣленія королевско-азіатскаго Общества, дѣйствителькымъ членомъ: а) Германской академіи естественныхъ

и медицинскихъ наукъ въ Галлѣ и б) Шведскаго антропологическаго и географическаго Общества, наконецъ 5) сотрудникомъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Въ то же время ему были присуждены слѣдующія награды: именная медаль Императорской Академіи Наукъ съ его изображеніемъ и надписью «Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи».—Константиновская и малая серебряная медаль Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, медаль Гумбольта берлинскаго Общества землевѣдѣнія и медали географическихъ обществъ: — а) Лондонскаго, б) Парижскаго, в) Итальянскаго, г) медаль Веги, шведскаго антропологическаго и географическаго обществъ и д) академическія «Пальмы» французской академіи. Наконецъ, онъ пользовался пожизненною пенсіею, которая перешла къ его племянникамъ, именемъ его названъ бывшій городъ Каракуль, а также одинъ изъ открытыхъ имъ снѣжныхъ горныхъ кряжей въ Сѣверномъ Тибетѣ и, наконецъ, ему воздвигнутъ памятникъ надъ его азіатской могилой, и собираются средства для постановки другого памятника на одной изъ петербургскихъ площадей, по проекту генерала Бильдерлинга, представляющаго красивый цоколь съ бюстомъ путешественника, у подножія котораго лежитъ въ натуральную величину верблюдъ, навьюченный громадными коллекціями, вывезенными изъ странъ до Пржевальскаго невѣдомыхъ.

II.

Къ числу работъ въ литературномъ отношеніи мало благодарныхъ, конечно, надо отнести составленіе, подробныхъ и интересныхъ для массы читающихъ, біографій людей, только-что сошедшихъ съ арены общественной дѣятельности. Въ эти минуты само собой разумѣется нѣтъ никакой возможности написать полную и правдивую исторію умершаго дѣятеля, потому что нужной для того исторической перспективы еще не существуетъ. Тѣло охладѣло и разлагается, но духъ знаменитаго человѣка еще живетъ среди насъ, еще будитъ живые и страстные толки, возбуждая въ одныхъ восторгъ, а въ другихъ завистливое осужденіе. Радуга страстей поглощаетъ еще настоящій цвѣтъ факта и мѣшаетъ ему сдѣлаться историческимъ. Это явленіе неминуемое и присущее смерти каждаго великаго или, вообще, извѣстнаго человѣка, еще болѣе затрудняетъ работу перваго историка, если трудъ его имѣетъ цѣлью не спеціалистовъ, но массу читателей, которая охотно слушаетъ анекдоты, легенды и вымыслы, но мало интересуется самою сущностью работъ знаменитаго человѣка и не хочетъ удѣлить этимъ работамъ никакого вниманія. Между тѣмъ, именно въ подобныхъ условіяхъ писалъ свою біографію г. Дубровинъ. Это обстоятельство прямо ука-

зано нашимъ авторомъ въ предисловіи къ книгѣ его о Пржевальскомъ.

«Николай Михайловичъ Пржевальскій еще такъ недавно жилъ среди насъ, что полная біографія его пока невозможна, говоритъ въ этомъ предисловіи Н. Ѳ. Дубровинъ. Лица, съ которыми приходилось ему сталкиваться, еще живы и принадлежатъ къ числу дѣятелей на различныхъ поприщахъ науки и администраціи. По близости времени, авторъ не считалъ себя въ правѣ касаться нѣкоторыхъ эпизодовъ жизни покойнаго, и будущій біографъ его будетъ въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе и самостоятельнѣе въ оцѣнкѣ его современниковъ. Большая часть научныхъ собраній Николая Михайловича еще не обработана и его ученыя заслуги могутъ быть опредѣлены только впослѣдствіи. Въ настоящемъ очеркѣ имѣлось въ виду сохранить лишь тѣ черты характера Пржевальскаго, которыя легко ускользаютъ отъ потомства, и набросать краткій очеркъ его тяжелой, страннической жизни во имя науки и славы Россіи».

Если къ этому принципіальному объясненію автора книги о Пржевальскомъ, прибавить еще свѣдѣніе, что самый сборъ отъ продажи этой книги назначенъ на образованіе капитала имени Пржевальскаго, понятно становится желаніе и стремленіе біографа дать массовому читателю этой книги матеріалъ живой и интересный. Задача эта блистательно выполнена г. Дубровинымъ, особенно если принять въ соображеніе, что если какъ путешественникъ и орнитологъ покойный Николай Михайловичъ представлялся человѣкомъ исключительнымъ, то въ домашнемъ быту, онъ, какъ личность сама по себѣ взятая, представлялъ явленіе скорѣе заурядное, нежели исключительное. Въ послѣднемъ отношеніи онъ не отличался ни особенными добродѣтелями, ни чрезмѣрными пороками, какъ напримѣръ М. Д. Скобелевъ, представлявшій и самъ по себѣ любопытный образчикъ человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ крайняго и необычайнаго даже и въ своемъ личномъ поведеніи.

Кромѣ того, и теченіе жизни покойнаго путешественника внѣ его странствованій было крайне бѣдно внѣшними событіями. Не смотря однако на бѣдность этого приватнаго матеріала въ рукахъ біографа, біографія Пржевальскаго читается легко и съ интересомъ, благодаря массѣ автобіографическихъ замѣтокъ и писемъ самого Пржевальскаго къ разнымъ лицамъ по тѣмъ или другимъ жизненымъ и практическимъ вопросамъ, хорошо рисующихъ мощную, характерную и сильную натуру Николая Михайловича. Въ числѣ такихъ приватныхъ свѣдѣній о личности путешественника, конечно наибольшимъ общественнымъ интересомъ и поучительностью обладаетъ вопросъ: о раціональной организаціи наиболѣе плодотворныхъ путешествій, о чемъ Пржевальскій намѣревался, по возвращеніи изъ пятаго путешествія, написать цѣлую статью или даже книгу. По отношенію

къ этому, во всѣхъ отношеніяхъ важному, вопросу, у покойнаго пушественника были положенія совершенно категорическія, положенія которыми онъ руководствовался при организаціи своихъ путешествій, и достигъ, какъ мы видѣли, огромныхъ и плодотворныхъ результатовъ, но все же такихъ, съ которыми, въ принципѣ, не легко согласиться. Пржевальскій намѣренно не бралъ съ собою въ путешествіе людей сколько-нибудь образованныхъ, считая, что ихъ участіе въ экспедиціяхъ ввело бы только разладъ, ссоры, и помѣшало бы строгости столь необходимой въ каждомъ опасномъ дѣлѣ,—дисциплинѣ.

Въ первое путешествіе по Уссурійскому краю, Н. М. Пржевальскій взялъ съ собой только 16-ти лѣтняго мальчика Ягунова, сына бѣдной ссыльно-поселянки, и только по возвращеніи изъ путешествія въ Петербургъ, Ягуновъ былъ помѣщенъ Пржевальскимъ въ юнкерское училище. Для второго путешествія, Николай Михайловичъ искалъ себѣ помощника между юнкерами того же училища, и въ одномъ изъ своихъ писемъ находилъ что: «бѣжавшій изъ гимназіи юноша, самый подходящій для путешествія». На самомъ дѣлѣ, въ это путешествіе поѣхалъ съ нимъ бывшій воспитанникъ юнкерскаго училища, подпоручикъ Алексопольскаго полка Пыльцевъ. Въ третье путешествіе, Пржевальскій хотѣлъ взять опять Ягунова, который выучился рисовать, но бѣдный юноша утонулъ въ Вислѣ во время купанья.

Тогда Николай Михайловичъ останавливаетъ свой выборъ на Эклонѣ, юношѣ 18-ти лѣтъ, окончившемъ только четыре класса гимназіи. Когда же ему предложили взять съ собою третьяго спутника, то онъ отвѣчалъ, что третьяго спутника онъ не думаетъ брать; друга не найдешь, а всего скорѣе попадется какой-либо франтъ, который будетъ только обузою, говорилъ онъ.—«Лучше возьму казачьяго урядника, право онъ будетъ полезнѣе чѣмъ офицеръ»—добавляетъ онъ въ заключеніи того же письма. Въ слѣдующія путешествія Пржевальскій бралъ съ собою два раза прапорщика Роборовскаго и, наконецъ, въ послѣднее, взялъ еще вольноопредѣляющагося Козлова. Другихъ помощниковъ у него не было, и если нельзя спорить, что такой бѣдный составъ экспедиціи, въ смыслѣ интелигенціи ея состава, помогалъ поддерживать путешественнику дисциплину, то онъ во всякомъ случаѣ врядъ ли можетъ служить образцемъ при снаряженіи экспедицій съ задачами дѣйствительно серьезнаго и всесторонняго изученія края. До нѣкоторой степени и самъ Пржевальскій можетъ быть лично поплатился за чрезмѣрное пренебреженіе къ интелигенціи своихъ спутниковъ. Второе его путешествіе не удалось отъ того, что на Пржевальскаго напала какая-то паразитная болѣзнь, лечить которую онъ самъ не умѣлъ и потому запустилъ на столько, что съ трудомъ отъ нея впослѣдствіи избавился. Конечно, только случай послалъ ему смерть отъ брюшнаго тифа у самыхъ предѣ-

ловъ Россіи, гдѣ ему можно было подать еще нѣкоторую медицинскую помощь. Случись то же самое на нѣсколько переходовъ далѣе и положеніе сопровождавшихъ его людей было бы очень плохо во всѣхъ отношеніяхъ, и могло бы повести даже къ крупной клеветѣ и Богъ знаетъ еще къ какимъ подозрѣніямъ. Особенно категорично высказался Пржевальскій о выборѣ и качествахъ нужныхъ ему въ его путешествіяхъ спутникахъ, во время приготовленія ко второму путешествію на Лобноръ.

«Только одно непремѣнное условіе, пишетъ Николай Михайловичъ въ письмѣ къ І. Л. Фатѣеву, всякій желающій отправиться со мною долженъ знать, что онъ будетъ только исполнителемъ того, что ему предложатъ дѣлать; личныхъ желаній и собираній коллекцій для себя, или для кого-либо другого, не допускается. Такой деспотизмъ, по моему мнѣнію, необходимъ для успѣха дѣла. Желательно было бы, чтобы юноша поѣхалъ по увлеченію, а не изъ-за денегъ. Особенной грамотности и дворянской породы отъ юноши не требуется».

Все это прекрасно, и въ рукахъ Пржевальскаго, какъ мы видѣли, привело къ удачному и плодотворному исполненію экспедицій, ему порученныхъ, но было все же ошибкою держаться этого принципіальнаго недовѣрія къ людямъ спеціальнаго образованія и значительной интелигенціи, и отвѣчать имъ отказомъ даже тогда, когда они писали ему напримѣръ такимъ языкомъ: — «Если вамъ когда-нибудь понадобится моя голова, мое умѣнье и мои руки — все, все сложу, за успѣхъ вашего предпріятія. Если есть какая-либо возможность, возьмите меня съ собой. Это моя давнишняя и завѣтная мечта, за исполненіе которой я готовъ на все — буквально на все». А такъ именно писали Пржевальскому. Надо помнить, что экспедиціи имѣютъ еще и финансовую сторону, такъ какъ на нихъ отпускались деньги изъ государственнаго казначейства, и въ концѣ концовъ деньги не малые. За эти деньги всегда желательно пріобрѣсти какъ можно болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній. Пржевальскій самъ, безспорно, былъ хорошо подготовленный путешественникъ, почему заграничныя ученыя общества и поставили его путешествія выше путешествій Стенли. Однако, онъ все-таки не могъ сдѣлать всего и собрать все, что бы сдѣлалъ и собралъ находившійся при его экспедиціи топографъ, рисовальщикъ или даже врачъ. Была напримѣръ неудачная экспедиція въ Китай полковника Сосновскаго, представлявшая только замаскированный хлѣбный подрядъ русскаго офицера для китайскихъ войскъ, собиравшихся отнимать у насъ Кульджу, но такъ какъ въ этой экспедиціи находился опытный топографъ Матусовскій, то сдѣланная имъ съемка пройденныхъ мѣстъ представляетъ конечно матеріалъ въ геодезическомъ отношеніи и болѣе связный и болѣе достовѣрный, нежели случайныя и не связанныя между собою съемки и наблюденія Пржеваль-

скаго, мало знакомаго съ этимъ труднымъ и ужъ конечно весьма спеціальнымъ дѣломъ. Потанина, при путешествіяхъ въ тотъ же Тибетъ, сопровождалъ прекрасный топографъ, изучившій еще и фотографію, г. Скаси, и его астрономическая съемка и фотографіи пройденнаго пути составятъ, въ картографическомъ отношеніи, матеріалъ вполнѣ достовѣрный и богатый. Очевидное дѣло, принципіальное недовѣріе Пржевальскаго къ цивилизаціи вообще, и къ ея представителямъ въ частности, для полноты экспедицій было не выгодно, и едва ли можно спорить, что выводы и открытія нашего знаменитаго путешественника, во всякомъ случаѣ, ничего бы не потеряли, если бы съ нимъ, вмѣсто юношей изъ городскихъ училищъ, ѣздили хорошо обученные студенты университетовъ или даже топографы. Что же касается до дисциплины, то мнѣ кажется ее вовсе не такъ трудно поддерживать справедливому человѣку и въ пустыняхъ, такъ же какъ ее поддерживаютъ же на корабляхъ, гдѣ путешествуютъ и подчиняются, строго и безъ разсужденій, люди высокой интелигенціи и большихъ научныхъ авторитетовъ? Вѣроятно, возможное на безпредѣльномъ океанѣ, не такъ трудно и въ безпредѣльной степи. Особенно же это замѣчаніе должно бытъ справедливо относительно самого Пржевальскаго, который будучи еще только преподавателемъ географіи въ юнкерской школѣ выбралъ себѣ девизомъ на все свое жизненное поведеніе: уваженіе къ одному народу—человѣчеству и подчиненіе одному закону—справедливости. Конечно, между интелигенціей есть много дутыхъ и надутыхъ репутацій, но чтобы здѣсь всегда урядникъ былъ выше офицера, какъ думалъ Пржевальскій, это клевета, вѣра въ которую конечно умалила научное достоинство именно топографическихъ и этнографическихъ изслѣдованій нашего знаменитаго путешественника по Монголіи и Тибету.

III.

Слѣдуя матеріалу, который даетъ намъ о Н. М. Пржевальскомъ его талантливый біографъ, мы должны придти къ заключенію, что какъ приватная личность Пржевальскій представлялъ особенности не слишкомъ симпатичныя современному сентиментальному человѣку. Какъ натура героическая и сильная, Пржевальскій вовсе не былъ склоненъ къ расплывчатому и нѣжносердечному взгляду на жизнь и на людей. Онъ, вообще говоря, почему-то воспиталъ въ себѣ ненависть къ той самой цивилизаціи, которой служилъ, и на пользу которой отдалъ всю свою жизнь и всѣ работы. Такая двойственность отношеній къ любимому предмету довольна свойственна вообще всѣмъ великимъ людямъ. Они какъ-то умѣютъ и любить и ненавидить вмѣстѣ. Такъ любилъ и ненавидѣлъ цивилизацію и

Н. М. Пржевальскій. Онъ, если вѣрить его словамъ, задыхался въ чаду сыпавшихся на него похвалъ и торопился всякій разъ по возвращеніи изъ степей Монгольскихъ, уѣхать въ деревню изъ столицы, надоѣдавшей ему своей показной, фальшивой и унизительной цивилизаціей. Даже впослѣдствіи, покупая себѣ имѣніе, Пржевальскій, прежде и раньше всего, заботился о томъ, чтобы его новое пріобрѣтеніе было какъ можно далѣе отъ всякихъ усовершенствованныхъ путей сообщеній, что ему и удалось при покупкѣ прекраснаго имѣнія, принадлежавшаго г. Глинкѣ, слободы—Отрада. Это имѣніе, купленное Николаемъ Михайловичемъ за 26,000 рублей, отстояло отъ ближайшей станціи желѣзной дороги на 80-ть верстъ и состояло изъ 2080-ти десятинъ земли и 700 десятинъ лѣса глухого, какъ сибирская тайга. Кромѣ того, въ немъ же было три озера, изъ которыхъ одно восемь верстъ въ окружности. Отрицаясь цивилизаціи, Пржевальскій писалъ друзьямъ своимъ изъ Петербурга.

«Въ пустыняхъ—свобода, а здѣсь—позолоченная неволя; здѣсь, все по формѣ, все по мѣркѣ; нѣтъ ни простора, ни свѣта, ни воздуха. Каменныя тюрьмы—называемыя домами, изуродованная жизнь—жизнью цивилизованною, мерзость нравственная—тактомъ житейскимъ называемая, продажность, безсердечіе, безпечность, развратъ, словомъ всѣ гадкіе инстинкты человѣка, правда, прикрашенные тѣмъ или другимъ способомъ, фигурируютъ и служатъ главными двигателями во всѣхъ слояхъ общества отъ низшаго и до высшаго. Могу сказать одно, что въ обществѣ подобномъ нашему, очень худо жить человѣку съ душей и сердцемъ.

«Нѣтъ, видно никогда не привыкнуть вольной птицѣ къ тѣсной клѣткѣ, никогда и мнѣ не сродниться съ искуственными условіями цивилизованной—правильнѣе изуродованной жизни».

Прочтя такую тираду, довольно трудно понять другую подобную же іеремiаду того же Пржевальскаго, который поселившись въ своей слободѣ пишетъ г. Топыгѣ:

«Счастливы вы въ Азіи, куда не проникла цивилизація европейская—великая вещь сама по себѣ, но совершенно не пригодная въ нашихъ дикихъ мѣстахъ и вовсе не приложимая своими идеалами къ нашему русскому дикому человѣку. Крестьяне, какъ и вездѣ пьяницы и лѣнтяи; съ каждымъ годомъ все хуже и хуже. Мы искали въ Азіи дикарей, но вотъ гдѣ живутъ дикари. Изъ года въ годъ становится все хуже и хуже еще потому, что теперь подростаетъ молодое поколѣніе, народившееся въ эпоху всеобщаго россійскаго одуренія. Въ общественной жизни въ деревнѣ такая неурядица, такія беззаконія и такое торжество порока, какихъ нигдѣ не встрѣчалъ я въ самыхъ дикихъ ордахъ центральной Азіи».

И вотъ, убѣдившись въ такой грустной истинѣ, нашъ знаменитый путешественникъ конечно не могъ уже отказаться отъ панацеи противъ всѣхъ дикостей на свѣтѣ—отъ карающей палки. Эту-

то карающую палку онъ и прославляетъ и употребляетъ вездѣ, гдѣ только встрѣчаетъ противодѣйствіе своимъ желаніямъ и своей рѣшающей волѣ. Но какъ человѣкъ послѣдовательный и не боящійся своихъ выводовъ и мнѣній, онъ смѣло рекомендуетъ палку и розгу вездѣ, гдѣ только встрѣчается какое бы то ни было упущеніе. Не выключая и себя изъ числа дикарей, которые даже ему не встрѣчались и въ Китаѣ, онъ, разсказывая о собственной поркѣ въ шестомъ классѣ гимназіи, спрашиваетъ:

— Что̀ бы было со мной, если бы меня не отодрали, а исключили изъ гимназіи?

Отправляясь въ послѣднее путешествіе и прощаясь съ своимъ любимцемъ К. Воеводскимъ, онъ плакалъ какъ баба, и, оставивъ подробную инструкцію, какъ наградить юношу за выдержанный экзаменъ, въ то же время рекомендовалъ Ф. А. Фельдману въ случаѣ провала на экзаменѣ: «усердно драть и драть Костю».

Говоря въ частномъ письмѣ о сопровождавшихъ его казакахъ, Пржевальскій писалъ такъ: «Изъ всѣхъ моихъ шести казаковъ только одинъ Иринчиновъ хорошъ; остальные пьяницы и воры, которыхъ необходимо держать въ острасткѣ палкою».

Сѣкъ Пржевальскій и своихъ проводниковъ и даже высѣкъ одного приближеннаго къ тибетскому князю, Дзунъ Засака, а самого князя посадилъ подъ арестъ. Вообще, онъ рекомендуетъ путешественникамъ по Китаю прежде всего запасаться нагайкой для обузданія китайской назойливости и китайскаго нахальства, вовсе не соотвѣтствующихъ китайской трусости.

Такъ какъ послѣдній совѣтъ оспаривается многими другими путешественниками, какъ русскими, такъ и иностранными, то онъ уже не представляетъ только индивидуальную черту характера нашего знаменитаго путешественника, но является уже однимъ изъ пунктовъ программы дальнѣйшихъ нашихъ сношеній съ Китаемъ. Вопросъ о томъ, какъ выгоднѣе путешествовать: съ видомъ ли неустрашимаго побѣдителя, грозя трусливому аборигену дикихъ и не культурныхъ странъ культурной скорострѣлкой, или входя съ нимъ въ ласковыя сношенія человѣка-гостя—къ человѣку-хозяину, представляетъ весьма важный интересъ. Едва ли винтовка, даже скорострѣльная, въ рукахъ даже безконечно отважныхъ людей, находящихся вдали отъ базы, на которой можно было бы пополнить запасъ израсходованныхъ пуль и пороха, нужныхъ для культурныхъ ружей, можетъ быть такъ страшна китайскому народу, привыкшему лишаться живота своего по капризу каждаго начальника-мандарина и каждаго смѣлаго и лихого человѣка. Вѣдь китайцевъ все же болѣе трехсотъ милліоновъ, и имъ нельзя отказать въ довольно сильномъ національномъ сознаніи? И ужъ конечно, заведя путешественниковъ въ безводную и безплодную пустыню, гдѣ зимой бываетъ тридцать градусовъ мороза, а лѣтомъ пятьде-

сять градусовъ жары, и бросивъ храбрецовъ со всѣми ихъ винтовками въ такой пустынѣ, они могли бы всегда отъ нихъ отдѣлаться даже способомъ доступнымъ послѣднему трусу. И потому, строго разсуждая, боевое наступленіе шести, семи человѣкъ на громаднѣйшій народъ на земномъ шарѣ, какъ бы не былъ послѣдній труслив, а первые храбры, кажется предпріятіемъ рискованнымъ. По видимому, такъ и было съ самимъ Пржевальскимъ, который подвергся именно самой страшной опасности во второе свое путешествіе, именно потому, что наказанные имъ проводники разбѣжались отъ него какъ разъ въ то время, когда у него пали не только лошади, но и верблюды. Оставленный въ снѣжныхъ горахъ, безъ дорогъ, безъ топлива и безъ средствъ передвиженій, Пржевальскій, если не погибъ, то едва ли не потому, что китайцы и тибетцы уже не такіе негодяи и мерзавцы, какими онъ ихъ постоянно старается выставить. Попробуйте поставить себя въ подобное же положеніе на родинѣ, и можно навѣрное сказать, что выводъ получится пожалуй хуже китайскаго. А что китайцамъ не нравится непрошенное посѣщеніе ихъ земель иностранцами, вооруженными скорострѣлками, то это и само собой понятно.

Въ этомъ отношеніи наша дикость пожалуй хуже китайской, потому что мы сами далеко не понимаемъ еще указаній Грибоѣдова о премудрости китайцевъ нежелающихъ знать иноземцевъ. До сихъ поръ еще нѣмцы находятъ у насъ пріемъ чрезмѣрно радушный и платятъ намъ за него эгоистическою неблагодарностью, сильною иниціативой иноземца.

Если же китайцы этого не хотятъ для себя; то это по крайней мѣрѣ извинительно, хотя бы подобное нехотѣніе выражалось бранью, «собакой»—посылаемой китайской чернью интелигентному европейскому путешественнику. Но само собой разумѣется, путешественникъ, какъ бы онъ не ѣхалъ, въ видѣ друга, или въ образѣ побѣдителя, нуждается въ умѣньи показать свою непремѣнную волю всякій разъ, когда желаетъ добиться своего отъ лѣниваго азіата. И завѣтъ Скобелева: бить азіата по воображенію, никогда не долженъ быть забываемъ. Его не надо только выдвигать такимъ категорическимъ принципомъ, какъ это дѣлалъ покойный Пржевальскій, вообще по характеру своему болѣе склонный къ репресаліямъ, нежели къ мирному рѣшенію спорныхъ вопросовъ. Таковъ былъ только характеръ знаменитаго путешественника, но нельзя сказать, чтобы у наиболѣе плодотворнаго путешественника именно онъ долженъ быть таковымъ. Съ Пржевальскимъ было тяжело и его подчиненнымъ, которымъ онъ прямо ставилъ въ условіе, что онъ будетъ ихъ катать за всякую провинность. Поэтому болѣе двухъ путешествій съ нимъ никто не выдерживалъ, хотя онъ, умѣя наказать, умѣлъ и миловать, выхлопатывая своимъ сотрудникамъ, большимъ и малымъ, великія и богатыя милости, да и

самъ не забывалъ о нихъ при распредѣленіи своихъ собственныхъ средствъ. Въ послѣднюю экспедицію съ нимъ не поѣхалъ даже любимый казакъ бурятъ, Иринчаниновъ, а казакъ Телешевъ еще ранѣе отказался слѣдовать за нимъ, опираясь на нездоровье. Между тѣмъ, какъ свидѣтельствуютъ многія письма Николая Михайловича, особенно къ его молодымъ спутникамъ и къ управляющему имѣніемъ, у него была любящая и теплая душа, непозволявшая твердости его воли переходить предѣлы, за которыми уже начиналась бы жестокость. Но не всѣ обладаютъ подобной мѣркой между требованіемъ суроваго разума и воли, ставящихъ подчиненіе себѣ—другихъ на первый планъ, и чувствомъ, которое удерживаетъ повелительные инстинкты сильнаго характера на границѣ благоразумія. Если же нѣтъ такой мѣрки въ самой организаціи и натурѣ человѣка, то пріобрѣсти ее негдѣ, и тогда спасительная, по теоріи, строгость начальника нерѣдко губитъ и его самого и порученное ему дѣло. Хорошо, что Пржевальскій избѣгъ этого рокового конца, но и теперь, не смотря на всесвѣтную знаменитость нашего путешественника, злые языки намекаютъ, что онъ и въ Хлассу-то не попалъ единственно потому, что не просилъ пустить его туда лаской, но хотѣлъ именно поставить на своемъ силою, и принужденъ былъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ дать у горнаго прохода въ Тибетъ значительное и кровопролитное сраженіе, конецъ котораго трудно было предвидѣть заранѣе. Вообще, столь же ошибочно навсегда и для всякихъ случаевъ отказываться отъ помощи и защиты палки, какъ и забывать, что эта палка, къ нашему несчастію,—о двухъ концахъ!

IV.

Остальныя черты изъ жизни нашего путешественника, собранныя и разсказанныя намъ его біографомъ, чисто личнаго характера и не заключаютъ въ себѣ ничего поучительнаго для продолжателей великаго дѣла Н. М. Пржевальскаго. Нѣжныя его отношенія къ матери, къ дядѣ, возбудившемъ въ немъ неудержимую страсть къ охотѣ, и любовь къ природѣ, и наконецъ, къ старухѣ-нянѣ которую онъ любилъ и почиталъ болѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, дорисовываютъ намъ образъ Пржевальскаго съ его нравственной и душевной стороны, и образъ этотъ выходитъ глубоко симпатичнымъ. Далѣе идутъ маленькія слабости великаго человѣка, имѣющія нѣсколько комическую окраску, это его любовь къ усладамъ, т. е. ко всякаго рода сластямъ и лакомствамъ, слабости довольно комичной, именно въ образѣ такого могучаго и совершеннаго мужчины, какимъ былъ Николай Михайловичъ. Нѣсколько послѣдовательныхъ покушеній на его красивую и знаменитую особу со стороны особъ прекраснаго пола, по вопросу о законномъ бракѣ, дорисовываютъ

намъ повѣсть о жизни путешественника. Всѣ эти покушенія, какъ извѣстно, отклонялись прямо, просто и часто даже рѣзко, и причислялись нашимъ путешественникомъ къ самымъ отвратительнымъ и лицемѣрнымъ покушеніямъ на свободу человѣческую, со стороны противной цивилизаціи.

Наконецъ, прекрасно, трогательно и картинно описана геройская и простая кончина нашего путешественника, вдали отъ родныхъ и ненавистной цивилизаціи,—въ лазаретномъ баракѣ города Каракуля. Пржевальскій умеръ какъ жилъ, спокойно и съ достоинствомъ, какъ и надлежитъ настоящему потомку запорожскихъ богатырей, кровь которыхъ, дѣятельная, агресивная, талантливая и... женоненавистническая — несомнѣнно текла въ жилахъ славнаго потомка запорожца Корнилы Паровальскаго.

Книга г. Дубровина издана роскошно, написана прекраснымъ языкомъ и сопровождаемая массою очень любопытныхъ приложеній: портретовъ путешественника въ разныя эпохи его жизни, прекрасной карты его путешествій, съ нанесенными на ней маршрутами его походовъ, разныхъ снимковъ съ его записной книжки, маршрутной съемки, и тому подобнаго, читается легко и съ большимъ постоянно неослабнымъ интересомъ. Самыя путешествія описаны только въ главныхъ чертахъ, при чемъ біографъ, слѣдуя своей программѣ, останавливается болѣе всего на индивидуальной сторонѣ этихъ путешествій, рисующихъ самый образъ трудовой жизни Пржевальскаго и его спутниковъ въ Азіатскихъ пустыняхъ.

Въ заключеніе остается еще сказать, что коллекціи, собранныя Пржевальскимъ, какъ по ботаникѣ, такъ и по зоологіи, доставили гг. академикамъ столь большую работу, что они ее еще не скоро и кончатъ.

Отдѣлъ млекопитающихся обработываетъ ученый хранитель Зоологическаго музея Е. А. Бихнеръ, птицъ — Ф. Д. Плеске, пресмыкающихся и земноводныхъ—академикъ А. А. Штраухъ, рыбы частію обработаны покойнымъ профессоромъ К. Ф. Кесслеромъ и нынѣ эта разработка дополняется С. М. Герценштейномъ. Весь этотъ матеріалъ будетъ заключенъ въ три тома, носящихъ заглавіе: «Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи, изданные на средства пожалованныя Е. И. Высочествомъ государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, Императорскою Академіею наукъ». Всѣ три тома будутъ, по желанію обрабатывающихъ эти колекціи, посвящены памяти Пржевальскаго. До сихъ поръ изъ этого роскошнаго изданія, вышло только шесть выпусковъ изъ двадцати, въ числѣ которыхъ оно должно быть закончено.

Ботаническія коллекціи и гербаріи, собранные Пржевальскимъ въ Монголіи и особенно на горахъ Тибета, заслужили самую вы-

сокую оцѣнку академика К. И. Максимовича, а метеорологическій матеріалъ послужилъ профессору А. И. Воейкову для его интересныхъ и поучительныхъ выводовъ о климатѣ Центральной Азіи и для другихъ его климатическихъ работъ и сочиненій.

Вотъ, слѣдовательно, какъ послужилъ, единственному народу на землѣ—человѣчеству—человѣкъ, о которомъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ было сказано: «Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Имя это будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ!»

Самъ же о себѣ тотъ же человѣкъ говорилъ такъ:

— «Какъ вольной птицѣ трудно жить въ клѣткѣ, такъ и мнѣ не ужиться среди цивилизаціи, гдѣ каждый человѣкъ прежде всего рабъ условій общественной жизни. Просторъ въ пустынѣ,— вотъ о чемъ я день и ночь мечтаю! Дайте мнѣ горы золота, я за нихъ не продамъ этой дикой свободы!»

В. К. П.

СВЯТЫНЯ ГОРОДА ЛУРДА.

(Въ южной Франціи).

Съ самыхъ первыхъ временъ введенія христіанства во Франціи и до нынѣ, отрадная вѣра въ безграничное женственное милосердіе Пресвятой Дѣвы Маріи, въ Ея мягкое материнское заступничество, создала Ей тамъ значеніе, заслоняющее до нѣкоторой степени всякія другія святыни. Большинство церквей Франціи посвящено Богоматери, главнѣйшіе соборы городовъ прямо носятъ Ея названіе (Notre Dame) и по всей Франціи разсѣяны мѣста, знаменитыя разсказами о какихъ-нибудь чудесахъ, совершенныхъ тамъ Богородицей. Такихъ мѣстъ, посвященныхъ исключительно культу Богородицы и почитаемыхъ святыми, насчитывается во Франціи до полутораста; каждое изъ нихъ имѣетъ свои преданія, свою легенду, свою, считаемую чудотворной, статую Мадонны, или другія реликвіи, къ которымъ ежегодно притекаютъ толпы богомольцевъ. Лѣтописи католическихъ отцевъ церкви относятъ начало этого культа во Франціи ко временамъ самымъ отдаленнымъ, почти ко времени земной жизни Богоматери. Утверждаютъ, напримѣръ, что еще семейство воскрешеннаго Спасителемъ Лазаря переселилось изъ Виѳлеема во Францію и что тамъ оно покончило жизнь. По однимъ источникамъ, вся семья, по другимъ только Марѳа и Марія, въ сообществѣ служанки Марцеллы и другихъ послѣдователей Христа, отправились на кораблѣ къ западу и высадились въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится городъ Марсель. По преданіямъ, святая Марѳа, болѣе всѣхъ другихъ, выказала рвеніе къ распространенію христіанства.

Она проповѣдовала, творила чудеса, однимъ знаменіемъ креста исцѣляла больныхъ, воскрешала мертвыхъ. Городъ Тарасконъ на Ронѣ обязанъ своимъ именемъ легендѣ, въ коей Марѳа играетъ первенствующую роль. Въ тѣ годы, говоритъ легенда, въ болотистыхъ мѣстахъ между Арлемъ и Авиньономъ, водились крокодилы, змѣи и другіе гады; между прочимъ, особенно опустошалъ населеніе какой-то драконъ (Tarasque). Марѳа пошла сама къ нему навстрѣчу, привязала его за шею своимъ поясомъ и силою Христова имени привела въ городъ, какъ покорнаго ягненка. Драконъ, по ея повѣленію, стоялъ, какъ вкопанный, и далъ себя изрубить на куски. Въ Тарасконѣ и Авиньонѣ Марѳа построила еще при жизни Богоматери, въ честь Ея, первые храмы,—и это преданіе должно было особенно укорениться, такъ какъ папа Сиксъ IV подтвердилъ его въ 1475 году своимъ авторитетомъ. Изъ другихъ современниковъ Іисуса Христа (по тѣмъ же преданіямъ и лѣтописямъ) переселились во Францію св. Марія Магдалина со св. Максиминомъ и св. Вероника съ мужемъ своимъ Закхеемъ-Амадуромъ. Про Веронику разсказывается, что она съ дѣтства знала и любила Богоматерь, что она во время несенія креста имѣла счастье отереть потъ и кровь съ лица Спасителя и послѣ Вознесенія Его переселилась въ Римъ, откуда была послана Петромъ Апостоломъ на западъ и высадилась во Франціи со стороны Атлантическаго океана, въ Аквитаніи, вблизи нынѣшняго города Бордо. Сюда привезла она млеко, волосы и обувь Богородицы (говорятъ лѣтописи) и построила храмъ; но все было уничтожено набѣгами варварскихъ племенъ. Предполагаемая святыня (млеко) даже дала названіе Мадоннѣ и церкви: «Сулакъ»,—что по инымъ означаетъ святое млеко (Saint-Lait; Sanctum lac) по другимъ, единственное млеко (seul lait), то есть единственная святыня того мѣста. Впрочемъ, преданій о такихъ древнихъ святыняхъ не много; возникновеніе большинства святыхъ мѣстъ, посвященныхъ Богородицѣ во Франціи, приписывается періоду между X-мъ и XVII столѣтіями.

Замѣчательно, что есть большое однообразіе въ легендахъ о чудесахъ Богородицы, прославившихъ многоразличныя мѣста разнообразныхъ провинцій Франціи. Время и мѣсто мало мѣняютъ общіе типы этихъ чудесъ: они повторяются съ незначительными измѣненіями, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, явно свидѣтельствуя, что люди, пустившіе ихъ въ ходъ, находились подъ общимъ вліяніемъ и заимствовали свое вдохновеніе другъ у друга. Возникали такія святыя мѣста по тремъ причинамъ: или начинала чудодѣйствовать статуя, за которой прежде не замѣчалось такой особенности; или отыскивалась статуя, невѣдомо кѣмъ принесенная, тамъ, гдѣ ее никто не подозрѣвалъ; или являлись безплотныя видѣнія.

Первый случай объясняли желаніемъ Богоматери обратить особенное вниманіе на какую-нибудь церковь или стоящую въ ней

Мадонну. При этомъ, во многихъ разсказахъ, солдатская грубость бывала причиной чуда. Одинъ солдатъ бросилъ камень въ статую, сломалъ ей руку, и изъ статуи потекла кровь; другой, проигравшись въ кости, сталъ богохульствовать и ослѣпъ; третьему за то же свернуло голову на сторону; тамъ статуя пересадила божественнаго младенца съ одной руки на другую, здѣсь она оттолкнула вражескую стрѣлу колѣномъ, или отвернулась отъ грѣшника, или плакала и т. п. Утвердивъ за статуей проявленіе такого яркаго чуда, ее дѣлали чудотворной, а мѣсто, гдѣ она находилась, святымъ. Статуѣ приписывали исцѣленія больныхъ и другія необычайности; традиція укореняла въ нее вѣру.

Наиболѣе распространенною была однако вторая причина возникновенія святыхъ мѣстъ, именно Мадонны явленныя. Нѣкоторыя изъ такихъ статуй считались прямо происхожденія Божественнаго. Статуя въ Вальфлёри (Ліонской епархіи) явилась (въ IX вѣкѣ) внезапно, послѣ лучезарнаго видѣнія,—словно Богоматерь сама ее принесла. Гораздо сѣвернѣе (въ Суассонской епархіи) была деревянная статуя (въ XII ст.), про которую говорили, что она привезена съ востока, гдѣ была ниспослана съ небесъ. Нѣсколько благородныхъ рыцарей крестоносцевъ попало въ плѣнъ и по требованію прекрасной мусульманки, Исмеріи, должны были вырѣзать изъ дерева статую Богородицы; но вдругъ ночью ангелы принесли готовую статую; Исмерія приняла христіанство и бѣжала съ рыцарями и со статуей во Францію. Нѣкоторыя Мадонны считались работою святыхъ: въ сѣверномъ приморскомъ городѣ Булонь показывали статую, будто бы изваянную апостоломъ Лукою и пріѣхавшую къ берегу на пустомъ кораблѣ. Бо́льшая же часть явленныхъ статуй отыскивалась случайно. Надо думать, что первобытные христіане Франціи, умирая или перекочевывая съ мѣста на мѣсто, зарывали свою незамысловатую скульптуру въ землю, прятали ее въ пещеры, въ дупла деревьевъ, откуда и являлась эта святыня, когда уже не было и помину о тѣхъ, кто ее туда положилъ. Рѣдко честь открытія выпадала на долю знатныхъ и богатыхъ; обыкновенно это дѣлалось крестьянами, пастухами, особенно пастушками или дѣтьми, при не маломъ содѣйствіи домашнихъ животныхъ. Лѣтописи разсказываютъ, что въ Аміенской епархіи цѣлое стадо овецъ нельзя было согнать съ пастбища, пока не отрыли въ немъ Мадонну. (Въ честь ихъ и Мадонна зовется овечья: La Brebière) въ Пиньянѣ собака отыскала статую, въ Верделе (Бордосской епархіи) мулъ; но болѣе всего въ этомъ дѣлѣ помогали быки и коровы. Въ Ажанской епархіи мальчикъ пастухъ сталъ замѣчать, что одинъ изъ быковъ его стада каждый разъ, выходя изъ стойла, отдѣлялся отъ стада и ложился передъ какимъ-то кустомъ. Быкъ особенно былъ жиренъ и здоровъ. Пастушекъ удивлялся такому обычаю быка, такъ какъ внѣ закона при-

роды, чтобы скотина, выходя въ поле, тотчасъ же ложилась отдыхать. Пастушекъ заинтересовался кустомъ и нашелъ тамъ Мадонну. Совершенно аналогическій случай разсказывается про Мадонну въ Саррансѣ (въ Байонской епархіи), отысканную въ кустѣ, передъ которымъ ежедневно быкъ преклонялъ колѣна. Въ Этанѣ (Дижонской епархіи) быкъ жирѣлъ, оттого что постоянно ѣлъ траву на одномъ и томъ же мѣстѣ и съѣденная трава за ночь выростала; тамъ нашли зарытую статую; въ Дю-Кро (Каркассонской епархіи) корова почти ничего не ѣла, но жирѣла, оттого что ее постоянно тянуло въ какую-то пещеру, гдѣ нашли Мадонну. Въ Эрской епархіи быкъ нашелъ статую Мадонны и лизалъ ее, отчего ей и дано названіе Мадонны бычачьяго языка. Еще въ Галльскія языческія времена быкъ игралъ большую роль при жертвоприношеніяхъ жрецовъ—друидовъ, можетъ быть это и дало ему преимущественное, передъ другими животными, значеніе при отысканіи христіанскихъ святынь. Разсказываютъ тоже и про другія знаменія, сопровождавшія находку чудотворной статуи: въ иныхъ мѣстахъ (въ восьми случаяхъ) на нее указывалъ неожиданный свѣтъ, (невидимо зажженныя свѣчи или необычайное сіяніе); въ Аркашонѣ статуя была выброшена моремъ на берегъ; отыскивались статуи въ водѣ (въ источникахъ), въ дуплѣ деревьевъ и проч. Появленіе чудотворной Мадонны обыкновенно принималось католическими священниками какъ требованіе Богоматери, чтобъ Ей въ томъ мѣстѣ былъ построенъ храмъ. При этомъ въ различныя времена и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ повторялся все тотъ же разсказъ: найденную статую торжественно несли въ церковь, молились ей, запирали на ночь; но на утро, ко всеобщему удивленію, находили ее снова тамъ, гдѣ она явилась; ее опять запирали и опять она невидимо убѣгала, и вотъ поневолѣ приходилось строить новую церковь, чтобъ сохранять статую тамъ, гдѣ ей угодно было оставаться. Эта легенда встрѣчается безпрестанно, ее пріурочили по крайней мѣрѣ къ семнадцати святымъ мѣстамъ Франціи. Божественная воля въ дѣлѣ выбора мѣста для постройки новаго храма сказывалась и другимъ способомъ. Въ епархіи Блуа въ Вилатіу начатая стройка церкви каждую ночь разрушалась, пока одинъ работникъ, потерявъ терпѣнье, не бросилъ къ верху молотка, прося Богоматерь, чтобъ она толкнула молотокъ на то мѣсто, гдѣ ей будетъ угоденъ храмъ. Стройку перенесли куда упалъ молотокъ и она была благополучно окончена.

Третья причина возникновенія святыхъ мѣстъ во Франціи, «видѣніе безплотныхъ существъ», сверхъ обычнаго чудотворства имѣла еще и своеобразную особенность. Въ этихъ видѣніяхъ разнымъ, болѣе или менѣе вѣрующимъ, католикамъ будто бы появлялась Богородица самолично, разговаривала съ ними, входила въ ихъ интересы, передавала имъ тайны, наставляла, спорила, грозила.

Тутъ уже было, кромѣ знаменій и чудесъ, прямое непосредственное вмѣшательство небесныхъ силъ въ жизнь благовѣрной паствы. Помимо множества разсказовъ о томъ, какъ, наяву или во снѣ, Богоматерь являлась тому или другому, рекомендуя идти именно въ такое-то мѣсто, къ такой-то статуѣ, чтобы получить желаемое,— сохранилось описаніе двухъ случаевъ особенно характерныхъ. Оба они касаются чудотворнаго спасенія городовъ отъ чумы. По одному разсказу, въ 1105 году на сѣверѣ Франціи, въ городѣ Аррасѣ, свирѣпствовала чума. Нѣкій менестрель (поэтъ), находившійся въ это время далеко отъ города, въ полночь съ 21-го на 22-е мая, въ своемъ жилищѣ имѣлъ видѣніе: среди яркаго свѣта явилась ему Богородица и приказала идти въ городъ Аррасъ; тамъ, въ воскресенье, Она обѣщала ему снова явиться въ церкви и вручить божественную свѣчу, съ которой онъ долженъ капать въ сосуды съ водой и эту воду потомъ давать пить больнымъ и лить ее на ихъ раны, отчего больные и будутъ исцѣлены. Лѣтопись говоритъ, что все такъ и свершилось, чума исчезла. Неподалеку отъ Арраса, тоже на сѣверѣ Франціи, въ епархіи Камбре, въ городѣ Валансьенѣ, описывается явленіе Богоматери еще болѣе удивительное. Въ 1008 году, въ городѣ царила страшная чума, все населеніе прибѣгало къ церкви съ молитвой о спасеніи, и вотъ Богоматерь явилась какому-то благочестивому пустыннику Бертёлэнъ и обѣщала спасти городъ въ ночь на 8-е сентября (праздникъ Ея Рождества). Дѣйствительно, въ эту ночь съ неба снизошелъ такой свѣтъ, что стало свѣтло, какъ днемъ, весь городъ въ великомъ экстазѣ высыпалъ на городской валъ и всѣ узрѣли чудо: имъ показалась въ небесахъ Богоматерь, окруженная ангелами; одному изъ нихъ Она передала клубокъ веревокъ съ приказаніемъ опоясать городъ. Ангелъ полетѣлъ вокругъ города, разматывая веревку, послѣ чего видѣніе исчезло и чума прекратилась. На другой день пустынникъ Бертёлэнъ пришелъ въ городъ заявить, что Богородица снова являлась ему и приказала въ благодарность за чудо отпраздновать день Ея Рождества крестнымъ ходомъ по направленію положенной веревки. Крестный ходъ тотчасъ былъ устроенъ, веревку подобрали и положили въ золоченый ковчегъ. Видѣнія являлись тоже и для того, чтобъ приказать построеніе новаго храма. Въ первомъ вѣкѣ нашей эры (Notre Dame du puy) какая-то благочестивая и больная вдова услышала таинственный голосъ, приказавшій ей идти на извѣстную гору. Тамъ она будто-бы увидала Богоматерь, окруженную ангелами, изъ коихъ одинъ заявилъ вдовѣ желаніе Пресвятой Дѣвы, чтобъ на горѣ былъ построенъ храмъ. Видѣнье исчезло и совершилось новое чудо: хоть дѣло было лѣтомъ, въ іюнѣ, вдругъ выпалъ крупный снѣгъ и за симъ появился олень, который быстрымъ бѣгомъ очертилъ на снѣгу весь планъ церкви.

Согласно съ повѣствованіями о возникновеніи святынь, такъ же ярки и разсказы о дальнѣйшихъ чудесахъ, совершенныхъ многоразличными Мадоннами во дни первыхъ французскихъ христіанъ и въ средніе вѣка. Не станемъ уже говорить про обычныя исцѣленія больныхъ (бѣсноватыхъ, чумныхъ, слѣпыхъ), про неожидан-

Портретъ Бернадетты.

ныя находки хлѣба во время голода, про защиту отъ враговъ, отъ бури на морѣ,—тѣмъ временамъ приписываютъ чудеса гораздо болѣе непостижимыя. На юго-востокѣ Франціи, въ Диньской епархіи, у одной чудотворной Мадонны до сихъ поръ сохраняется, составленный въ 1642 году, списокъ совершенныхъ ею чудесъ, въ числѣ коихъ насчитывается до 332 (въ продолженіе тринадцати лѣтъ)

воскрешеній, умершихъ некрещеными, младенцевъ. Воскрешали мертвыхъ и другія Мадонны (даже утопленниковъ, пробывшихъ подъ водою цѣлую ночь и болѣе). Одно выдающееся чудо было вызвано крестовыми походами; оно заключалось въ спасеніи набожныхъ католиковъ отъ плѣненія мусульманскаго. Какой-нибудь благородный рыцарь отправится въ Палестину, попадетъ тамъ въ плѣнъ, засадятъ его въ тюрьму и велятъ принять мусульманство. Но вспомнитъ онъ о своей родинѣ, помолится онъ какой-нибудь «Мадоннѣ дю-Гамель» или «Мадоннѣ утѣшенія» или «чудесъ»—и вдругъ вмѣсто тюрьмы зазеленѣютъ родныя поля, онъ невидимо переносится за десятки тысячъ верстъ, и только развѣ для большаго эфекта гремятъ на его рукахъ мусульманскія цѣпи, которыя тотчасъ же онъ и вѣшаетъ въ церкви, какъ дань благодарности Мадоннѣ за свое избавленіе. Разсказываютъ и о такихъ чудесахъ, гдѣ Богоматерь вступалась за невинность преслѣдуемыхъ дѣвушекъ. Въ епархіи Аннеси есть скала, называемая и понынѣ «скачекъ дѣвственницы»—(Saut de la Pucelle), съ которой будто бы соскочила въ незапамятныя времена дѣвушка, чтобъ избавиться отъ непрошенныхъ ласкъ какого-то любезника и осталась невредима. Подобный же случай, но менѣе сверхъестественнаго свойства, разсказывается въ епархіи Безансонской. Тамъ въ 1669 году нѣкая Марія Сосье спаслась въ церкви отъ цѣлой толпы наглыхъ кавалеровъ, которые разбѣжались, испуганные громомъ, прогремѣвшимъ въ защиту невинности. Въ V-мъ вѣкѣ графиня Анжуйская, чтобъ доказать свою вѣрность мужу, бросилась съ высокой башни, поручая себя Богоматери, и не разшиблась.

Изъ всего сказаннаго видно, какого рода причудливую волю приписываютъ французскіе католическіе лѣтописцы Пресвятой Дѣвѣ, какого характера понятіе о Ея участіи въ повседневной жизни французовъ воспитывали они въ умахъ благочестивой паствы. Если вѣрить легендамъ, Богородица постоянно требуетъ, чтобы Ее чествовали, чтобъ Ей молились, да еще на извѣстномъ мѣстѣ; въ нѣсколькихъ саженяхъ дальше Она уже молитвы не принимаетъ, даже разрушаетъ строющійся Ей храмъ; одному приказываетъ идти поклониться одной Мадоннѣ, другому другой, однихъ лечитъ свѣчой, другихъ веревкой, отъ той же чумы; Она, которой достаточно желать, чтобъ исполнилась Ея воля, все какъ-то прибѣгаетъ къ окольнымъ путямъ;—гдѣ только спасаетъ мореплавателей, гдѣ прямо утишаетъ бурю, гдѣ довольствуется тѣмъ, что на приморской колокольнѣ звонитъ въ колокола, чтобъ остеречь рыбаковъ во время бури (говоритъ наивная легенда); однихъ плѣнниковъ переноситъ за тысячи верстъ, для другихъ подаетъ невидимой рукой деньги на выкупъ ихъ изъ плѣна (отъ пиратовъ). Это стремленіе ввести небесныя силы въ свой человѣческій обиходъ доходитъ иногда по истинѣ до геркулесовыхъ столбовъ. Про Авиньонскій соборъ раз-

сказываютъ, что онъ былъ возобновленъ Карломъ Великимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла построенная св. Мареой церковь, которую потомъ разрушили сарацыны. Въ знакъ особеннаго благоволенія къ этому собору (по свидѣтельству какой-то благочестивой вдовы) самъ Христосъ Спаситель ночью снизошелъ въ соборъ, облекся въ священническія ризы и, окруженный ангелами, отслужилъ обѣдню; послѣ чего густой туманъ заполнилъ весь храмъ, не давая, въ продолженіе восьми дней, мѣстному духовенству совершать богослуженія. Папа Іоанъ XXII въ буллѣ 1316 года признаетъ этотъ фактъ несомнѣннымъ; папа Сикстъ IV въ буллѣ 1475 г. тоже подтверждаетъ его и позже, въ первые годы XVI-го столѣтія, капитулъ митрополіи приказалъ выгравировать слѣдующую надпись на стѣнѣ собора: «Когда Карлъ (Charlemagne) перестроилъ эту церковь, Іисусъ Христосъ, какъ сообщаетъ несомнѣнное преданіе и объявляютъ подтвержденія папъ, освятилъ ее своею божественной рукой». Такая честь священнодѣйствія небесныхъ силъ приписывается и другимъ церквамъ (N. D. du puy, N. D. d'Jnsiedeln). Въ томъ же Авиньонѣ, по приказанію божественнаго гласа, слышаннаго какимъ-то пастушкомъ, городъ построилъ себѣ мостъ черезъ рѣку. Въ Провансѣ, въ одномъ изъ святыхъ мѣстъ, особенно разбогатѣвшемъ (N. D. d'espérance), на пожертвованныя Мадоннѣ деньги была открыта, хотя и безпроцентная, ссудная касса подъ залогъ движимостей. Въ Дижонѣ въ 1443 году даже былъ устроенъ въ честь Богоматери турниръ и рыцари ссаживали другъ друга съ коней пиками; можетъ быть, былъ кто-нибудь и убитъ.

Двѣ бурныхъ эпохи въ жизни французскаго народа уничтожили всѣ вещественные остатки этихъ легендарныхъ чудесъ. Первый ударъ нанесли гугеноты, второй и главный великая революція. Революціонное правительство прямо предписывало истребленіе всякихъ святынь, и продажу церквей, такъ что мѣста, случайно избѣгнувшія такой участи, считали это даже въ числѣ чудесъ своей Мадонны (она отклонила руку дьяволовъ). Почти всюду являлись агенты правительства, разбивали статуи, сожигали реликвіи, продавали на сломъ всякую цѣнность. Правда, благородныя души спасали, гдѣ можно было, свои святыни, но рѣдкая Мадонна сохранилась въ цѣлости: гдѣ осталась только голова и къ ней придѣлали туловище, гдѣ собрали обломки; большинство же просто замѣнено новыми статуями. Такъ погибли и божественная свѣча въ Аррасѣ, и божественная веревка въ Валансьенѣ, и все прочее, хотя мѣстное духовенство кое-гдѣ и старается отстоять яко-бы сохранившуюся золу и чудодѣйствующій прахъ уничтоженныхъ реликвій.

Время смело вещественныя основы древняго чудотворства, но не смело вѣры въ возможность ихъ повторенія. Мысль о постоянномъ вмѣшательствѣ Богоматери въ повседневныя дѣла французовъ

пережила и гугенотовъ, и революцію, и, когда расколыхавшаяся нація постепенно, то вздымаясь, то упадая, наконецъ замерла подъ давящей рукой Наполеона III, во второй половинѣ нашего столѣтія, стали снова во Франціи являться божественныя указанія, открываться святыя мѣста. Самое крупное событіе этого рода совершилось въ самый разгаръ власти императора, въ маленькомъ городкѣ Лурдѣ, на югѣ Франціи, и совершилось такъ ловко и блистательно, что обогатило этотъ клочекъ земли и прославило его на весь міръ.

Конечно, въ наши времена скептическій духъ разума все болѣе и болѣе проявляется въ общественныхъ массахъ, наука сдѣлалась общимъ достояніемъ, ея результаты стали доступны и очевидны толпѣ, а потому и утвержденіе новыхъ святынь должно имѣть новый, болѣе современный, характеръ.

Такъ и было съ чудомъ города Лурда. Ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ обществомъ все-таки болѣе культурнымъ, развитымъ, завоевывать свое положеніе не однимъ только непосредственнымъ авторитетомъ служителей католической церкви, но и свидѣтельствомъ яко-бы людей науки; словомъ пришлось такъ сказать одѣть въ современную мантію тѣ грезы поэзіи чудотворства, коими полны разсказы о полутораста святыхъ мѣстъ Франціи. Прежде всего въ основу возникновенія святыни изъ трехъ помянутыхъ выше причинъ взято было «видѣніе», какъ чудо болѣе незримаго свойства. При этомъ однако повторилась, какъ по писанному, вся исторія подобнаго же чуда, совершившагося за двѣсти лѣтъ передъ этимъ, на юго-востокѣ Франціи, среди Альпійскихъ отроговъ, вблизи города Гапа. Приводимъ разсказъ объ этомъ чудѣ здѣсь для нагляднаго его сопоставленія съ чудомъ Лурда. Въ бѣдной хижинѣ, въ маленькомъ селеніи, въ 1647 году, родилась дѣвица Бенуата и взросла въ простотѣ деревенской. Ея образованіе (остроумно замѣчаетъ лѣтописецъ этого чуда) оставило свободное поле для Богоматери, сдѣлавшей ее своей ученицей съ раннихъ лѣтъ. По бѣдности и сиротству, Бенуатѣ пришлось уже съ восьмилѣтняго возроста заработывать свой хлѣбъ, пасти стадо овецъ. Протекли годы. Однажды, дѣвушка въ какой-то пещерѣ увидала прекрасную даму съ младенцемъ на рукахъ. Видѣніе привело пастушку въ экстазъ и стало повторяться ежедневно въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Между видѣніемъ и дѣвушкой завязалась близкая пріязнь, они стали разговаривать другъ съ другомъ. Бенуата предлагала дамѣ хлѣба, спрашивала, что она тутъ дѣлаетъ? дама иногда зло подшучивала: просила, чтобы пастушка подарила ей барана и козу. «Барана извольте,—отвѣчала Бенуата,—пускай за него у меня вычитаютъ изъ жалованья, но козу не отдамъ, она мнѣ самой нужна, она меня черезъ рѣку перевозитъ». Дама заставляла стадо заблудиться, подводила пастушку подъ гнѣвъ хозяина, подъ пощечину, потомъ утѣшала за такое испытаніе. Дама открылась, что она Бого-

матерь, обѣщала, что тутъ, гдѣ она является, ей построятъ храмъ. Бенуата не скрывала чуда и разсказы о ея видѣніяхъ понемногу проникли въ окрестности. Въ 1665 году толпы богомольцевъ посѣтили долину и имѣли счастье присутствовать при явленіи Богородицы. Правда, они Ея не видали, но чувствовали отраженіе Ея благодати на лицѣ молившейся Бенуаты. Начались исцѣленія больныхъ посредствомъ натиранія масломъ изъ лампады, висѣвшей передъ алтаремъ въ церкви (такова была, по словамъ Бенуаты, воля Богоматери). Потекли приношенія богомольцевъ, на которыя былъ построенъ большой храмъ, размѣры коего даны были самою Богоматерью. Бенуата скоро прославилась, какъ святая, она узнавала грѣхи по одному взгляду, иногда по особому запаху грѣшниковъ, чувствуемому только ею. Генеральный викарій ее разспрашивалъ про ея видѣнья, но, какъ ни старался, не могъ ее сбить съ толку. Въ своей миссіи святости она даже сама стала, непрошенная, объявлять, то тому, то другому, волю Богоматери: выговоры за грѣхи, наставленія какъ спастись. Отъ тѣла Бенуаты, точно такъ же какъ и въ храмѣ, построенномъ по ея указанію, исходилъ какой-то особый неземной запахъ (заявлено архіепископомъ Петіу, генеральнымъ викаріемъ города Гапъ и другими). Грудные младенцы ее узнавали (не видавши ни разу) и начинали говорить. Въ позднѣйшей жизни она каждую пятницу ложилась на постель, разметавши руки, какъ бы для распятія, и на рукахъ и ногахъ ея появлялись пятна, словно раны отъ гвоздей. Ей Богоматерь повѣряла секреты. Бенуата разсказывала, что видѣла въ облакахъ тучи летающихъ душъ праведниковъ, что сама, живая, летала въ облака и видѣла рай; впрочемъ, очень скучный по ея описанію: ей представились три ряда сѣдалищъ съ праведниками—на верхнемъ сидѣли мученики, въ красныхъ одеждахъ, на среднемъ дѣвственницы, въ бѣлыхъ одеждахъ, и внизу всякаго рода праведники въ разноцвѣтномъ платьѣ. Такой необычайной жизнью Бенуата прожила до 71 года и умерла въ 1718 году. Вся эта легенда имѣетъ характеръ уже болѣе примѣнимый къ современной намъ жизни,— въ ней общеніе съ Богоматерью происходитъ только при посредствѣ особо избраннаго лица: одна Бенуата видитъ святыню, другіе всѣ должны вѣрить. Такимъ способомъ гораздо легче совершиться чуду. Оттого-то и для чудесъ нашего столѣтія эта легенда могла служить прототипомъ. И дѣйствительно: уже въ 1848 году повторилось нѣчто подобное. Вблизи Гренобля, пастушка лѣтъ пятнадцати, Мелани, и пастушокъ лѣтъ одиннадцати, Максиминъ, разсказывали, что на плоской возвышенности «La Salette», расположенной среди высокихъ и крутыхъ горъ, они видѣли 19-го сентября даму, сидѣвшую въ печальной задумчивости у источника. Эти пастушки были такъ наивны, что, въ первую минуту видѣнія, Мелани, испугавшись, сказала Максимину:—«Не роняй

своей палки, а то если дама захочетъ сдѣлать намъ что дурное, я ей дамъ здоровую колотушку». Не смотря на такое простодушіе, Богоматерь (по разсказу) избрала именно этихъ дѣтей, чтобъ высказать свою волю, — и эта воля, записанная съ дѣтскихъ словъ, звучитъ далеко не по дѣтски. «Если мой народъ»,—говорила будто-бы вся въ слезахъ Пресвятая Дѣва,—«не хочетъ подчиняться, я вынуждена отпустить (laisser aller) руку моего Сына. Она такъ сильна, такъ тяжела, что я болѣе не могу ее удерживать. Желая, чтобы Онъ не покидалъ васъ, я постоянно обязана молить Его, а вы объ этомъ и не думаете! я вамъ дала шесть дней для работы, я себѣ оставила седьмой, и мнѣ не хотятъ его дать. Вотъ отчего дѣлается тяжелѣе рука моего Сына. Къ обѣднѣ ходятъ только старушки, остальные работаютъ все лѣто по воскресеньямъ. Работники съ телѣгами примѣшиваютъ безпрестанно имя моего Сына къ своимъ заклятіямъ. Отъ этого тоже рука Сына моего дѣлается тяжелѣе. Если жатва портится, — въ этомъ виноваты вы сами. Я вамъ это уже показала въ прошломъ году на картофелѣ, вы не обратили вниманія. Въ нынѣшнемъ году къ Рождеству уже картофеля вовсе не будетъ. Не сѣйте больше зерна; все, что̀ вы посѣете, съѣстъ скотъ и что выростетъ разсыплется въ прахъ. Будетъ большой голодъ. Но прежде голода дѣти до семилѣтняго возроста въ судорогахъ умрутъ на рукахъ тѣхъ, кто ихъ будетъ нести. Орѣхи будутъ плохи, виноградъ сгніетъ. Передайте это моему народу,—дѣти». Какъ не курьезны эти грозныя рѣчи о картофелѣ, объ орѣхахъ, объ умервщленіи неповинныхъ дѣтей, въ устахъ Богоматери, французское духовенство, съ знаменитымъ епископомъ Дюпанлу во главѣ, повѣрило вполнѣ этимъ росказнямъ пастушковъ, и тому, что Богоматерь имъ сказала какіе-то секреты: у источника поставили три бронзовыя статуи, въ воспоминаніе этого видѣнія, вблизи построили изящную часовню и церковь. Это чудо было, какъ бы предтечею лурдскому; въ десятокъ лѣтъ, протекшихъ послѣ видѣнія Мелани и Максимина, подготовилась почва новому явленію Богоматери; разсказъ Бенуаты давалъ программу возникновенія святого мѣста и дѣло устройства святыни въ Лурдѣ состоялось безъ большого труда.

Городокъ Лурдъ находится въ южной Франціи, въ виду живописныхъ Пиринейскихъ горъ, въ двухъ часахъ желѣзнодорожной ѣзды отъ города По, извѣстной санитарной станціи, столь облюбленной англичанами. Лурдъ, какъ въ административномъ такъ и въ церковномъ отношеніи подчиненъ большому городу Тарбу, мѣстопребыванію префекта провинціи и епископа епархіи. До 1858 года Лурдъ былъ такимъ маленькимъ, такимъ незначительнымъ городкомъ, что, когда проектировали южную желѣзную дорогу, его хотѣли совсѣмъ обойти. Правда, теперь, когда онъ сталъ знаменитостью, ему раскопали своего рода и очень древнюю исторію. Ле-

генда самыхъ отдаленныхъ временъ говоритъ, будто какая-то эфіопская царица, по имени Тарбисъ, воюя съ путеводителемъ евреевъ, Моисеемъ, влюбилась въ него, предложила ему миръ и въ то же время руку и сердце. Вождь Господень, конечно, отказался отъ этой любезности; обиженная царица съ горя бросила свои страны и пошла скитаться на западъ. Красивыя горы Пиринейскія успокоили ея душу и она основала тамъ городъ Тарбъ, а сопровождавшая ее сестра Лорда,—городъ Лурдъ. Когда создалась эта легенда неизвѣстно, но она кладетъ нѣкоторую библейскую ветхозавѣтную подкладку лурдскому чуду: Моисей является какъ бы его первоначальнымъ источникомъ. Не влюбись въ него царица Тарбисъ, можетъ быть не было бы города Лурда, не было бы и чуда. Болѣе правдоподобная исторія городка относится уже къ среднимъ вѣкамъ, когда построенный въ немъ на одномъ изъ холмовъ крѣпкій зàмокъ (и понынѣ сохранившійся) былъ разбойничьимъ гнѣздомъ разныхъ храбрыхъ рыцарей, жившихъ грабежомъ и наводившихъ ужасъ на близкія и дальныя окрестности. Вѣчною превратностью судьбы впослѣдствіи, при Людовикѣ XIV и вплоть до Наполеона I-го, зàмокъ былъ превращенъ въ государственную тюрьму,—и стѣны, нѣкогда оглашаемыя веселыми пирами воинственныхъ разбойниковъ, сдѣлались свидѣтелями мрачныхъ думъ политической неблагонадежности. Зàмокъ даже перестали называть зàмкомъ, его разжаловали въ низкое званіе Пиринейской Бастиліи. Съ паденіемъ Наполеонона I уничтожена эта тюрьма и съ тѣхъ поръ нѣкогда грозная постройка служитъ невиннымъ развлеченіемъ пиринейскихъ туристовъ.

Таковъ былъ Лурдъ до 1858 года, когда совершилось событіе, которое дало этому уголку совсѣмъ новое значеніе. Среди, большею частью крестьянскаго, населенія городка жилъ нѣкто Франсуа Субиру съ женой и нѣсколькими дѣтьми,—человѣкъ очень бѣдный и довольно бездарный: одно время онъ владѣлъ мельницей, но въ этомъ дѣлѣ никакъ не могъ свести концы съ концами и отказался отъ него. Старшая дочь Субиру, Бернадетта, родилась крайне слабенькимъ ребенкомъ, да еще къ тому же и мать не была въ состояніи ее кормить сама, оттого дѣвочку, еще груднымъ младенцемъ, отдали въ деревню въ питомки, платя то деньгами, то съѣстными припасами, франковъ по пяти въ мѣсяцъ. Когда дѣвочка подросла, вскормившая ее креетьянка до того къ ней привыкла, что упросила родителей оставить ее въ деревнѣ, не требуя за это никакого вознагражденія. Бернадетта осталась въ деревнѣ, ее приставили пасти овецъ. Имѣли ли какое-нибудь мистическое вліяніе на нее ея воспитатели выслѣдить трудно, но выросла она до четырнадцати лѣтъ въ дикой странѣ, въ полномъ невѣжествѣ; она не только не умѣла читать и писать, она даже не умѣла говорить по-французски и объяснялась только на мѣстномъ крестьянскомъ нарѣчіи. Прихо-

дила однако пора вести дѣвочку къ причастію; родители вернули ее въ Лурдъ и она стала ходить къ священнику съ другими дѣтьми одного возроста учиться догматамъ вѣры. Наступилъ февраль 1858 года; 11-го числа, въ четвергъ на масляницѣ, родители Субиру послали дѣтей подобрать валежникъ, чтобы истопить печь. Бернадетта отправилась съ сестрой и съ какой-то маленькой подругой на скалистый и пустынный берегъ рѣчки Гавы. Тутъ Бернадетта нѣсколько отстала отъ подругъ, потому-что тѣ, какъ здоровыя дѣти, ходили въ простыхъ деревянныхъ башмакахъ (сабо), на босу ногу, и просто сбросили ихъ, чтобы переправиться черезъ воду, Бернадетта же, дѣвочка болѣзненная, вѣчно страдавшая астмой, была одѣта теплѣе и между прочимъ въ чулкахъ; она присѣла снять ихъ, чтобы слѣдовать за подругами. День былъ тихій, февральскій, когда въ южномъ воздухѣ уже чуется вѣяніе весны; мѣсто было вполнѣ безлюдное; громадная дикая скала съ большой пещерой, поросшей мхомъ и шиповникомъ, высилась передъ глазами дѣвочки, которая и безъ того была полна религіознаго настроенія: она побѣжала за валежникомъ, захвативши съ собой четки. Вдругъ ей почудилось, что какъ-будто пронесся порывъ вѣтра, но листья не шелохнулись. Она подняла голову и увидала въ одномъ изъ углубленій пещеры, въ родѣ ниши, женщину чудной красоты, въ бѣломъ одѣяньи съ широкимъ голубымъ поясомъ, съ золотыми розами на босыхъ ногахъ, съ четками въ рукахъ [1]). Такъ, по крайней мѣрѣ, Бернадетта сама это разсказывала. Испугавшись, она схватила крестъ четокъ, хотѣла перекреститься, но рука ея замерла; она стала молиться; въ это время видѣнье само перекрестилось четками и исчезло. Бернадетта спросила подругъ, но онѣ ничего не видѣли; она разсказала про свое видѣнье родителямъ, они не обратили вниманія.

Этотъ случай былъ зерномъ, упавшимъ на благодарную почву;

---

[1]) Замѣчательно, что въ неоднократныхъ видѣніяхъ подобнаго рода во Франціи, ясновидящіе описываютъ Богородицу въ совершенно различныхъ одѣяніяхъ, по которымъ, кажется, можно бы составить цѣлый гардеробъ. Такъ напримѣръ, въ деревнѣ Салеттъ подростки Мелани и Максиминъ видѣли Богоматерь въ бѣлыхъ башмакахъ, съ розами всѣхъ цвѣтовъ, вмѣсто пряжекъ, въ желтыхъ чулкахъ, въ желтомъ передникѣ, въ бѣломъ платьѣ, усыпанномъ жемчугомъ, въ бѣломъ платкѣ, окруженномъ розанами, въ высокомъ чепцѣ, нѣсколько нагнутомъ впередъ, тоже съ розами. На груди Ея они видѣли тонкую цѣпь съ крестомъ и распятіемъ, справа (?) были клещи, слѣва (?) молотокъ. Въ мѣстечкѣ Понтмэнь (17-го января 1871 г.) во время франко-прусской войны цѣлая толпа дѣтей увѣряла, что видѣла въ небѣ Богоматерь, которую однако ни одинъ взрослый не могъ разглядѣть. Вокругъ Нея дѣти прочитали даже надпись:—«Молитесь же, дѣти мои, Богъ скоро услышитъ васъ, Сынъ Мой будетъ тронутъ вашими мольбами». Эта Богоматерь, по разсказамъ дѣтей, была въ голубомъ платьѣ, усѣянномъ золотыми звѣздами, въ голубыхъ башмакахъ съ золотыми пряжками, въ золотомъ вѣнцѣ, съ какой-то красной каймой и въ черномъ вуалѣ... и т. п.

Чудесный источникъ въ Лурдѣ.

мистическій духъ былъ сильно распространенъ въ этомъ мѣстечкѣ. Вѣрили въ чорта не меньше, чѣмъ въ Богоматерь, и сама Бернадетта, отправляясь на другой день къ пещерѣ, чтобы возобновить себѣ неожиданное зрѣлище, боялась дьявольскаго навожденія, прихватила съ собой святой воды и прыскала въ видѣніе; но видѣніе ей только улыбалось. Дѣвочки, подруги Бернадетты, еще моложе ея (11 и 12 лѣтъ), конечно ничего не видѣли; все-таки имъ было лестно, что они присутствовали при такомъ великомъ событіи и, разумѣется, онѣ не воздержались разсказывать объ этомъ направо и налѣво, такъ что на третій разъ уже съ Бернадеттой, кромѣ подругъ, пошли и двѣ взрослыя женщины. Это были какая-то лурдская дама, г-жа Милье, и, принадлежавшая къ конгрегаціи дѣтей Маріи, дѣвица Пейре. Вся эта компанія стала на колѣна передъ пустой пещерой въ ожиданіи чуда. На сей разъ Бернадетта не только лицезрѣла видѣнье, но и слышала его рѣчь; по наущенію взрослыхъ, она предложила видѣнію бумагу, прося написать: что ему нужно? и получила словесный отвѣтъ:—«Мнѣ писать объ этомъ незачѣмъ; только сдѣлайте мнѣ милость (faites moi grâce) приходите сюда въ продолженіе пятнадцати дней»[1]). Разумѣется, присутствующія должны были вѣрить Бернадеттѣ на слово, но дѣвочка объявила имъ, что видѣнье позволяетъ и имъ, и кому угодно, и впредь являться на эти невидимыя свиданья; дѣвица Пейре даже имѣла счастье узнать, что на нее видѣнье обращало свой взоръ. Можно себѣ представить насколько послѣ этого стало завидно другимъ почтеннымъ жителямъ городка и желательно тоже постоять рядомъ съ невидимо совершающимся чудомъ. На четвертый разъ Бернадетту у пещеры ожидала уже сотня людей и дѣвочка явилась туда съ своей матерью; на пятый Бернадетта молилась передъ своимъ видѣньемъ съ зажженной свѣчей въ рукахъ, въ присутствіи уже значительной толпы народа, который съ почестью проводилъ ее домой. Но собственно болѣе выдающееся посѣщеніе пещеры было шестое, въ первое воскресенье великаго поста, 21-го февраля. День былъ ясный, веселый, толпа окрестныхъ жителей, частью ради праздника, частью для покупокъ, собралась въ Лурдъ; всѣ они слышали про чудо, называли его явленіемъ Богоматери и потому всѣ отправились къ пещерѣ, какъ только увидали, что туда идетъ Бернадетта. Не мало было просто любопытныхъ, но больше вѣрующихъ, которымъ не хотѣлось отказаться отъ мысли, что Царица Небесная сходила на землю въ ихъ присутствіи. Правда, видѣнье являлось одной Бернадеттѣ и вотъ они нашли возможность воспринимать его по отраженію, стали присматриваться къ лицу дѣвочки во время ея молитвеннаго созерцанія, признали, что въ это

---

[1]) Удивительно, какъ Бернадетта, не умѣвшая правильно говорить по-французски, передавала слова Богоматери такого утонченнаго стиля.

время она находится въ экстазѣ и лицо ея преображается. Нашелся даже старичекъ, докторъ Дозу, многіе годы лечившій это немудрое крестьянское населеніе, который сталъ съ интересомъ слѣдить за этими «экстазами» и находилъ ихъ достойными научнаго вниманія. Толпа въ нѣсколько сотень человѣкъ разошлась по окрестностямъ, разсказывая про чудо; городишка Лурдъ этимъ долженъ былъ возгордиться и тѣмъ паче его признавать.

Мѣстное духовенство въ первое время даже и не чуяло какая для него выгодная вещь можетъ разростись изъ этого случая. Они читали въ мѣстной газеткѣ «Лаведанъ»—легенькія насмѣшки какъ 14-ти-лѣтняя безграмотная дѣвочка морочитъ народъ Божій у пустой пещеры, боялись и сами подпасть подъ такія же насмѣшки, и потому рѣшили, чтобъ ни одинъ священникъ къ пещерѣ не ходилъ, не дискредитировалъ бы своей рясы. Послѣ седьмого видѣнія, однако, Бернадетта прямо отправилась къ стоявшему во главѣ лурдскаго духовенства священнику Пейрималю и заявила ему, что являющаяся ей свѣтлая дама въ бѣломъ одѣяніи желаетъ, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ построили ей церковь и приходили процессіями. Священникъ принялъ дѣвочку съ шутливымъ добродушіемъ.

— Если дама, о которой ты говоришь,—сказалъ онъ,—дѣйствительно Царица Небесная я буду очень счастливъ приложить все мое стараніе, чтобы построить ей церковь. Но твои слова еще не даютъ мнѣ увѣренности. Я не знаю, кто эта дама, и прежде, чѣмъ заняться исполненіемъ ея желаній, я хочу знать, имѣетъ ли она на нихъ право. Спроси у нея доказательства ея силы и власти. Тамъ ты говоришь въ пещерѣ есть кустъ дикаго розана; скажи ей отъ моего имени, что, если она хочетъ, чтобъ ей была построена церковь, пускай розаны расцвѣтутъ теперь же, въ февралѣ.

Одна изъ очень чествуемыхъ во Франціи Мадоннъ, въ городѣ Фижакѣ, называется: Богоматерь Цвѣтущая (Notre Dame la Fleurie) именно потому, что когда (какъ говоритъ преданіе) собирались въ городѣ строить церковь Богородицы, епископъ хотѣлъ, чтобъ выборъ мѣста былъ сдѣланъ по волѣ небесной. Совершили богослуженіе—и что же?—въ самый разгаръ зимы, на вершинѣ одного изъ холмовъ, замѣтили дерево все въ цвѣту. Тамъ и построили церковь. Главный священникъ Лурда вѣроятно припомнилъ этотъ случай, когда задавалъ видѣнію Бернадетты чудотворную задачу. Но такого рода наглядная рекомендація должно быть не совсѣмъ мирилась съ девятнадцатымъ столѣтіемъ. Бернадетта чрезъ нѣсколько дней вернулась къ священнику съ заявленіемъ, что она передала безплотной дамѣ его слова, но что дама на это только улыбнулась и нѣсколько разъ сказала: «Покайтесь! покайтесь»!.. Вечеркомъ Пейрималь балагурилъ съ своими подчиненными и тѣ ему язвительно замѣтили:

— Вѣдь если, дорогой нашъ учитель, Пресвятая Богоматерь улыбнулась на ваше желаніе Ее провѣрить, оно для васъ очень непріятно. Такая иронія съ высоты небесной заставитъ призадуматься.

— Улыбка тутъ въ мою пользу, — отвѣчалъ главный священникъ.—Богоматерь не насмѣшница. Еслибъ я плохо сказалъ, Она бы не улыбнулась, а опечалилась. Коли улыбнулась, стало быть это Ей понравилось [1]).

Гораздо большее вниманіе на дѣло обратило свѣтское начальство. Это было время наибольшаго процвѣтанія власти императора Наполеона III, столь знаменитое вызванными имъ полицейскими талантами. Однимъ изъ таковыхъ былъ энергическій молодой человѣкъ, нѣкто Жакоме, начальникъ полиціи въ Лурдѣ. Онъ взглянулъ косо на эти католическія сборища; вообще, полиція не любила народа въ массѣ. Чтобъ прекратить такой соблазнъ, Жакоме прямо запретилъ Бернадеттѣ ходить молиться передъ пещерой, грозя тюрьмой; но населеніе было слишкомъ возбуждено чудомъ и Бернадетта преспокойно продолжала ходить къ пещерѣ среди нѣсколькихъ сотенъ богомольцевъ. Она разсказывала между прочимъ, что видѣніе довѣрило ей (какъ Бенуатѣ, какъ Мелани и Максимину) три тайны, которыхъ она никому не смѣетъ передать. Добрые люди собирались передъ пустой пещерой въ полной увѣренности, что Богоматерь находится въ ихъ обществѣ. Однажды Бернадетта (по повелѣнію своей дамы) ѣла дикую траву пещеры, пила и утиралась водой, сочившейся изъ горы; тотчасъ же стали въ томъ мѣстѣ сверлить землю, вода скоплялась, образовался источникъ, вставили трубы, увѣровали, что источникъ этотъ появился по чудотворному повелѣнію, что онъ священный. Послышались разсказы про случаи исцѣленія больныхъ водою этого источника. Бернадетту встрѣчали словами: «вотъ святая!» — цѣловали тайкомъ ея платье. Мѣстные рабочіе безвозмездно очистили и укрѣпили берегъ рѣчки Гавы передъ пещерой, оградили ее рѣшеткой. Богомольцы начали сбѣгаться тысячами; на шестнадцатомъ посѣщеніи пещеры Бернадеттою, видѣніе, на ея настоятельную просьбу назвать себя, сказало ей: «Я безпорочное зачатіе» («Je suis l'immaculée-conception»).

---

[1]) Считаю при этомъ не лишнимъ замѣтить, что матеріалы, коими я пользуюсь, при моемъ разсказѣ, почти исключительно католическаго (вѣрующаго въ чудо) направленія. Главный изъ нихъ есть книга Лассера, который, внѣ своего мистическаго вѣрованія и маленькихъ колкостей по адресу невѣрующихъ, излагаетъ послѣдовательный ходъ общественныхъ волненій съ видимымъ желаніемъ быть добросовѣстнымъ. Оттого многое у него носитъ отпечатокъ совершенно противоположный тому, что онъ доказываетъ. Приведенный здѣсь разговоръ взятъ изъ книги Лассера. Замѣчательно, что книга эта удостоилась особеннаго одобренія и благословенія папы Пія IX, которое и напечатано на первыхъ ея страницахъ.

Духовенство призадумалось. Прямая выгода этого движенія начала выясняться, но было опасно прямо стать на его сторону, пока его участниками являлись только невѣжественные крестьяне да два-три мѣстныхъ доктора, конечно, не за геніальность попавшіе практиками въ захолустный Лурдъ. Въ древнія времена дѣло бы рѣшилось просто: Бернадетту или сожгли бы за богохульство, или прямо бы объявили чудо. Но въ 1858 году, съ его проклятыми газетами, пытливыми умами, несдержанными языками, надо было дѣйствовать осторожно. Духовенство выбрало путь самый іезуитскій: оно рѣшило до времени молчать, предоставляя событіямъ совершиться самимъ, помимо его, чтобы, сообразно съ ихъ исходомъ, стать на ту или на другую сторону.

Когда Бернадетта вторично пришла къ Пейрималю требовать отъ имени видѣнія постройки церкви, онъ уже не шутилъ съ ней, а отвѣтилъ только, что это дѣло высшаго духовнаго начальства, то есть епископа. Когда крестьяне обращались къ своимъ духовникамъ съ вопросомъ: какъ относиться къ чуду пещеры?—имъ отвѣчали уклончиво:

— Мы туда не ходимъ и потому не можемъ выскáзать опредѣленнаго мнѣнія на счетъ того, чего мы не знаемъ. Но каждый вѣрующій имѣетъ право и ходить туда и присматриваться. Ходúте или не ходúте, мы не можемъ ни совѣтовать вамъ, ни запрещать.

Епископъ тарбскій, Бертранъ Лорансъ, дѣйствовалъ еще болѣе двулично. Онъ неоднократно видѣлся съ отцомъ Пейрималемъ, слышалъ отъ него о возростающемъ религіозномъ движеніи, но постоянно все только поручалъ успокоивать массы, а главное внушать имъ уваженіе и покорность къ распоряженіямъ властей предержащихъ. Съ другой стороны онъ лично былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ тарбскимъ префектомъ, барономъ Масси, человѣкомъ религіознымъ. Правда, они потомъ поссорились изъ-за постройки префектской конюшни на церковной землѣ, но во время видѣній Бернадетты были пріятелями, стало быть не могли не разговаривать о Лурдскомъ чудѣ и потому едва ли епископъ протестовалъ какимъ-нибудь словомъ противъ распоряженій префекта, которыя прямо шли наперекоръ возникшему религіозному движенію. Въ мѣстной правительственной газетѣ, издѣваясь надъ чудомъ исцѣленія лурдской водой многочисленныхъ больныхъ, прямо печаталось:

«Таково мнѣніе всѣхъ людей разумныхъ, исповѣдующихъ чувство истиннаго благочестія, глядящихъ на манію къ суевѣріямъ, какъ на нѣчто очень опасное и кто держится принципа, что не слѣдуетъ относить къ чудотворнымъ явленіямъ никакого факта, пока объ немъ не выскажется церковь».

Въ такомъ же смыслѣ написалъ префектъ Масси свой докладъ министру народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, Ролану, въ

такомъ же смыслѣ получилъ отъ него и отвѣтъ. Министръ писалъ, что по его мнѣнію надо положить конецъ движенію, которое современемъ, «могло бы компрометировать истинный интересъ католицизма и ослабить религіозное чувство народа». Онъ находилъ, что слѣдуетъ тотчасъ закрыть пещеру. «Но конечно, прибавлялъ тонкій министръ Наполеона, рѣзко пользоваться правомъ власти представляетъ тутъ важныя неудобства. Достаточно, чтобъ вы пригласили ясновидящую дѣвочку прекратить ея посѣщенія пещеры, и приняли мѣры незамѣтно отвратить общественное вниманіе, чтобъ посѣщенія пещеры съ каждымъ днемъ дѣлались рѣже. Впрочемъ, господинъ префектъ, я не могу вамъ въ настоящую минуту дать болѣе опредѣленныя инструкціи; это прежде всего вопросъ такта, осторожности и твердости, въ этомъ отношеніи мои предложенія были бы не нужны. Необходимо, чтобъ вы поговорили съ духовенствомъ; но особенно предлагаю вамъ обсудить это деликатное дѣло съ г. тарбскимъ епископомъ и я вамъ поручаю сказать этому прелату отъ моего имени, что, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ допускать свободный ходъ событіямъ, которыя неминуемо послужатъ предлогомъ къ новымъ нападкамъ на духовенство и религію».

Префектъ тотчасъ повидался съ епископомъ и просилъ, чтобъ онъ своимъ духовнымъ авторитетомъ воспретилъ Бернадеттѣ ходить въ пещеру; но епископъ ограничился только тѣмъ, что передалъ ей, чрезъ своего подчиненнаго, совѣтъ оставить пещеру и вообще приглашалъ паству уважать власти.

Такимъ образомъ, и народъ, и правительство, дѣйствуя враждебно другъ другу, хлопотали оба на пользу духовенства. Народъ готовилъ ему новое мѣсто молитвъ и дохода, правительство старалось отстранить отъ него профанацію религіи невѣжественной толпой. А само духовенство стояло на рубежѣ между тѣмъ и другимъ, втихомолку поддакивая обоимъ, но выжидая время, когда яснѣе опредѣлится: на которую сторону слѣдуетъ стать.

Пока префектъ переписывался съ министромъ, чудо продолжало совершаться и въ семнадцатый разъ съ особенной помпой. Это было въ понедѣльникъ, на святой недѣлѣ, 5-го апрѣля, стало быть въ полномъ разгарѣ южной весны; народу къ пещерѣ собралось нѣсколько тысячъ. Было тутъ не мало уже склонныхъ къ вѣрованію и изъ интелигенціи. Эстрадъ, сборщикъ податей, сознававшійся, что преображенное лицо дѣвочки невольно заставляло его чувствовать присутствіе высшаго невидимаго существа. Старый докторъ Дозу глубокомысленно вынулъ часы, чтобъ слѣдить какъ долго продолжится экстазъ. Были и простые любопытные, въ числѣ ихъ полицейскій начальникъ Жакоме и одинъ изъ адьютантовъ императора Наполеона III. Чудо совершилось особенно эфектно. Въ публикѣ нѣкоторые утверждали, что видѣли, будто огонь свѣчи, которую держала въ рукахъ Бернадетта, проходилъ сквозь ея

пальцы, а она молилась, не обращая на это никакого вниманія. По окончаніи экстаза нѣсколько человѣкъ подбѣжало къ ней, освидѣтельствовать ея руки, но онѣ оказались невредимы. Чтобъ утвердить «несомнѣннымъ» это чудо, кто-то попробовалъ подпалить ей руку и она закричала: «вы меня обожгли». Стало быть, говорили, только присутствіе Богоматери дѣлало руки нечувствительными къ огню. Вѣрованіе все болѣе и болѣе распространялось. Нѣсколькимъ лурдскимъ дѣвицамъ, между прочимъ извѣстной своею добродѣтелью Маріи Корежъ, стали тоже являться видѣнія въ пещерѣ. Нѣкоторыя дѣти разсказывали, что и имъ были видѣнія, но уже совсѣмъ противоположнаго свойства, страшныя. Кругомъ ходила молва, что надо исполнить желаніе Богоматери и построить ей церковь; въ пещерѣ стали появляться приношенія; ставили туда зажженныя восковыя свѣчи въ подсвѣчникахъ, увитыхъ цвѣтами и лентами, статуи Богоматери, образа, иногда подстилали ихъ коврами, четки, букеты и болѣе драгоцѣнныя вещи, браслеты, ожерелья, даже появилась корзина, куда просто бросали деньги, не только мѣдныя и серебрянныя, но и золотыя. Пещера представляла очень курьезный и пестрый складъ всѣхъ этихъ даяній и воры на нихъ не покушались, частью оттого, что вообще лурдскій народъ благодушенъ, частью и изъ боязни, какъ передъ самой Богоматерью, такъ и передъ жертвователями. Слишкомъ умы были возбуждены: за такое воровство можно было сильно поплатиться. Какъ бы то ни было, религіозный скандалъ выходилъ полный и тѣмъ болѣе яркій, что духовенство продолжало стоять въ сторонѣ и хранить гробовое молчаніе.

Ревнуя въ пользу церкви и уваженія къ ней, префектъ Масси, въ бытность свою въ Лурдѣ, собралъ меровъ и другихъ представителей всей мѣстности и держалъ къ нимъ рѣчь. Онъ напомнилъ, что всѣмъ въ департаментѣ извѣстно его глубокое уваженіе къ религіи, что онъ это не разъ доказывалъ; но когда ставятъ въ пещеру реликвіи и зажигаютъ свѣчи, и, такимъ образомъ, превращаютъ ее въ часовню, то онъ это находитъ незаконнымъ, потому что публичная молельня или часовня не можетъ быть по закону открыта безъ разрѣшенія правительства и епархіальнаго епископа. Въ виду этого онъ приказалъ перенести въ мерію всѣ положенныя въ пещерѣ вещи, для выдачи ихъ жертвователямъ по предъявленію. Тѣхъ же лицъ, которыя будутъ говорить, что имъ являются видѣнія, онъ приказалъ на казенный счетъ доставлять въ Тарбъ на излеченіе.

Все это было напечатано въ офиціальной газетѣ и духовенство ничѣмъ на это не откликнулось, стало быть подтвердило слова префекта.

Послѣднее приказаніе однако не было исполнено: «святую» Бернадетту не рѣшились тронуть; но пещеру очистили. И это всетаки совершилось не безъ труда; многіе горожане не хотѣли да-

вать телѣжку и лошадь для перевозки вещей. Когда наконецъ достали телѣжку и Жакоме съ сержантами стали подбирать вещи, у пещеры собралась молчаливая, но грозно негодующая толпа. Какъ не былъ храбръ полицейскій начальникъ, однако, въ виду тутъ же быстро текущей и глубокой рѣчки Гавы, счелъ нужнымъ нѣсколько разъ оговориться, что онъ только исполняетъ приказъ своего начальства. Чтобы утишить молву о чудесномъ исцѣленіи водой лурдской, начальство дало ее изслѣдовать мѣстному фармацевту, который нашелъ въ ней минеральныя цѣлебныя свойства, что въ сущности потомъ оказалось вздоромъ и только еще болѣе укрѣпило вѣру въ святость воды. Наконецъ, воспользовавшись тѣмъ, что гора, гдѣ находится пещера, была собственностью города, все это мѣсто огородили и поставили столбы съ надписью, что туда ходить запрещено. Но это не остановило вѣрующихъ; одни платили штрафъ и все-таки ходили къ пещерѣ, другіе пробирались къ ней тайкомъ, ночью, черезъ гору, третьи приходили на противоположный берегъ Гавы, составлявшій частную собственность, и оттуда молились на пещеру. Чепуха выходила страшная, сержанты съ ногъ сбились, подбирая приношенія въ пещерѣ и останавливая приходящихъ; нѣкоторые изъ сержантовъ, приходя на дежурство, сами сперва преклоняли колѣна передъ пещерой.

Двусмысленное поведеніе духовенства дошло до апогея. Духовенство давно могло прекратить все это, еслибъ открыто подтвердило мнѣніе префекта. Весь бредъ болѣзненной дѣвочки сразу бы упалъ во мнѣньи толпы и никакія мѣры не были бы нужны. Но основаніе новой святыни, съ доброй кружкой для доброхотныхъ дателей, было слишкомъ заманчиво, а съ другой стороны сразу преклониться передъ разсказами глупой дѣвочки было недостойно высокаго сана и учености духовныхъ представителей паствы. Молчаніе ихъ однако начало порождать недоумѣнія и ропотъ; тѣмъ болѣе, что газеты прямо указывали на духовенство, какъ на участниковъ въ распоряженіяхъ префекта, а отцы на это ничего не возражали. Они только въ интимныхъ бесѣдахъ выражали сочувствіе толпѣ. На заявленія лурдскихъ священниковъ епископъ тарбскій въ частномъ разговорѣ замѣтилъ, что онъ очень опечаленъ полицейскими мѣрами противъ пещеры, но его объ нихъ не спрашивали и потому онъ ничего не можетъ сдѣлать. «Всякій самъ отвѣчаетъ за свои поступки»,—прибавлялъ хитрый епископъ. «Придетъ время, когда духовное начальство увидитъ, что̀ тутъ можно будетъ сдѣлать». И онъ опять-таки своимъ подчиненнымъ поручалъ внушать населенію повиновеніе начальству и даже помощь всѣмъ начальственнымъ распоряженіямъ.

Вскорѣ выяснилось, чего ждалъ епископъ. Наступило лѣтнее время, въ исходѣ котораго въ эти мѣста наѣзжаютъ всевозможные путешественники всѣхъ странъ. Вблизи отъ Лурда находятся

и городъ По, знаменитый своимъ климатомъ, и минеральныя воды Котре, Барежа, Люца и др., все это наполняется больными и здоровыми разныхъ національностей, для которыхъ, при ихъ однообразной жизни на водахъ, лурдскій скандалъ представлялъ очень интересное развлеченіе. Дѣйствительно, въ Лурдъ стали наѣзжать богатые фаэтоны и коляски съ разряженными дамами и кавалерами. Эти господа всѣ отправлялись къ Бернадеттѣ, разспрашивали ее, исцѣленныхъ больныхъ, осматривали скалу, пещеру. Въ гостиныхъ только и было разговору, что о лурдской святынѣ и о чудесномъ леченіи лурдской водой. Этого повидимому только и ждало мѣстное духовенство. Кому неизвѣстенъ сладкій, тихій говоръ католическаго абата за обѣденнымъ столомъ «между грушей и сыромъ»,— какъ выражаются французы?—эти рѣчи полусвѣтскія, полудуховныя, пересыпанныя добродушно язвительными насмѣшками надъ врагами, упорныя въ повтореніи того, что̀ надо внушить? Дамы, пропутавшіяся цѣлый день съ модисткой въ подборѣ цвѣта туалета и матеріи, въ шелку и бархатѣ, вкушаютъ этотъ медъ духовной рѣчи, какъ дессертъ послѣ вкуснаго обѣда; тутъ прибѣжище ихъ совѣсти, тутъ ихъ поэзія. Неудивительно, что лурдская святыня сразу заразила большинство этой роскошествующей, благодаря легкой аферной наживѣ, Наполеоновской интелигенціи. Въ Лурдъ появилось духовенство другихъ епархій и приходило бесѣдовать съ Бернадеттой; таковы были епископы изъ Монпелье и Суассона, архіепископъ изъ Оша (Auch). Одинъ изъ нихъ чуть было даже не преклонилъ колѣна передъ святой и просилъ благословить его. Сержантамъ приходилось въ числѣ посѣтителей пещеры встрѣчать такихъ высокопоставленныхъ лицъ, съ которыхъ уже никакъ не приходилось брать штрафъ. Однажды, они остановили одну молящуюся даму и потребовали, чтобы она назвала себя.

— Охотно,—сказала дама: я адмиральша Бруа, гувернантка его высочества императорскаго принца.

Сержанты остолбенѣли. Въ публикѣ начали собирать подписи на петиціи къ Наполеону объ открытіи пещеры. Императоръ пріѣхалъ въ сосѣдство съ Лурдомъ, на морское купанье въ Біаррицъ.

Такимъ образомъ, епископъ тарбскій заручился сочувствіемъ высшихъ слоевъ общества; онъ не могъ не знать и взглядовъ самого императора, и тутъ только открылъ свои карты. 28-го іюля онъ издалъ приказъ объ основаніи особой комиссіи для изслѣдованія «фактовъ, совершившихся въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, по случаю появленія, истиннаго или предполагаемаго, Пресвятой Богоматери въ пещерѣ города Лурда».—Комиссія составлена была изъ девяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ протоіерея Ногаро; ей поручено было тщательно изслѣдовать насколько леченіе водой лурдской можно считать естественнымъ или сверхъестественнымъ; насколько видѣнія ребенка Бернадетты Субиру дѣйствительны, и мо-

гутъ ли они объясниться какъ обычное явленіе или какъ явленіе сверхъестественное. Приказъ поручалъ тщательно разспрашивать всевозможныхъ свидѣтелей.

«Особенно настоятельно рекомендуемъ мы, (сказано въ приказѣ), чтобъ комиссія чаще призывала въ свою среду людей опытныхъ въ медицинской наукѣ, въ физикѣ, химіи и геологіи; чтобъ слышать ихъ мнѣнія и взгляды съ ихъ точки зрѣнія. Комиссія не должна ничѣмъ пренебрегать, чтобъ добиться истины, какова бы она не была».

Парижская пресса «Journal des Debats», «Presse», «Siecle» и бельгійская «Independence Belge» приняли это распоряженіе епископа очень враждебно. Въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ въ печати о лурдскомъ чудѣ говорили только какъ о безобразномъ суевѣріи невѣжественныхъ крестьянъ, и вдругъ епископъ наряжаетъ слѣдствіе съ точки зрѣнія совершенно противоположной. Но епископъ зналъ, чтò онъ дѣлалъ: еще комиссія не успѣла хорошенько приняться за свои занятія, а ужъ изъ Біаррица летѣла телеграмма въ Тарбъ, съ приказаніемъ императора: снять всѣ загородки вокругъ пещеры и предоставить желающимъ молиться подлѣ нея и пользоваться лурдской водой сколько угодно. Приказаніе императора, конечно, тотчасъ было исполнено и, ревностный слуга своего господина, полицейскій Жакоме, снимая загородки, увѣрялъ ликующую толпу, что онъ чрезвычайно вѣрующій человѣкъ, но долженъ покоряться всему, что прикажутъ свыше. Въ дуракахъ остался одинъ префектъ Масси; онъ изъ себя выходилъ, чтобъ святость религіи и церкви не была оскорблена нелѣпымъ суевѣрнымъ предразсудкомъ и его же сдѣлали козломъ отпущенія, свалили всю вину запрета на его упрямство, даже немножко на обидчивость изъ-за конюшни.

Комиссія экспертами по естествознанію призвала лекаря Дозу въ Лурдѣ, лекаря при водахъ Барежа, Верже, и учителя химіи мѣстней семинаріи. Всѣ эти ученые люди пришли къ убѣжденію, что нѣкоторые случаи выздоровленія представляютъ явленія совершенно сверхъестественныя, объяснимыя только присутствіемъ высшей силы. Комиссія признала и заявила, что Бернадеттѣ дѣйствительно являлась Матерь Божія и освятила этимъ явленіемъ пещеру и вызвала священный источникъ цѣлебной воды. Все это дѣло комиссіи очень любопытно и носитъ на себѣ характеръ вполнѣ современный. Признаніе святыни было предрѣшено, но ему хотѣли дать нѣчто въ родѣ научнаго подтвержденія. Исцѣленія подраздѣлили на три отдѣла: одни признаны были нормальными, путемъ обыкновеннаго леченія; другія сомнительными; третьи несомнѣнно при божественномъ участіи. Комиссія этимъ хотѣла показать себя необычайно безпристрастной: не все, молъ, чтò сами выздоровѣвшіе считали чудомъ, было чудо. Божествен-

ному леченію нарочно приданъ былъ видъ довольно вульгарный: одни больные пили воду, другіе купались въ ней, третьи терлись ею; иногда болѣзнь уступала послѣ двухъ трехъ пріемовъ, какъ будто Божественной Волѣ нужна была извѣстная форма обращенія къ ней и различная при разной индивидуальности, какъ въ обыкновенной терапіи. Для нашего пытливаго вѣка надо было дать сверхъестественному такую якобы научную приправу, на манеръ разсказовъ Жюля-Верна, въ которыхъ наука служитъ только къ тому, чтобы затуманить глаза невѣжды и тѣмъ сильнѣе поразить его вздоромъ вымысла. Мистическое явленіе послѣдней формаціи, спиритизмъ, постоянно прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ для своего распространенія. Спиритамъ мало того, что ихъ адепты вѣрятъ имъ и видятъ и чувствуютъ всякія чудодѣйства, имъ хочется, чтобъ люди науки, путемъ яко-бы научнымъ, подтвердили ихъ измышленія.

Разъ императоръ дозволилъ признать новое чудо, дѣло пошло какъ по маслу. Несчастную Бернадетту, когда она подросла, убрали прочь съ дороги. Еще въ іюлѣ она имѣла восемнадцатое видѣніе, но оно было послѣднее; бѣлая дама поклонилась дѣвочкѣ, какъ бы прощаясь съ ней, и болѣе не возвращалась. Вѣчно хворая, слабая дѣвушка, страдавшая сильной астмой, надъ которой лурдская вода была безсильна, Бернадетта чрезъ нѣсколько лѣтъ переѣхала въ городъ Неверъ, гдѣ поступила въ монахини и умерла 28-го марта 1879 года. Какъ она рѣшилась промѣнять свой свѣтлый теплый югъ на сѣверъ, гдѣ уже самый климатъ былъ губителенъ для ея здоровья? какъ могла оставить родину, и родныхъ, и близкихъ, и свою дорогую пещеру, чтобъ затеряться въ чужомъ городѣ, куда повидимому ничто ее не влекло? почему не поступила въ одинъ изъ монастырей, образовавшихся въ Лурдѣ?—все это вопросы, на которые, какъ думается, могли бы отвѣтить только современные ей лурдскіе священники.

Объявляя о признаніи чуда, устанавливая культъ Богоматери лурдской пещеры, епископъ тарбскій не забылъ главнымъ образомъ обратить вниманіе вѣрующихъ на неоднократно высказанное желаніе Пресвятой Дѣвы, чтобъ ей была построена въ Лурдѣ церковь. Онъ обращается за подаяніемъ ко всѣмъ благочестивымъ сердцамъ и говоритъ, что не безъ цѣли Пресвятая Дѣва желала церкви именно въ этомъ мѣстѣ. «А стало быть лица, которыя будутъ своею щедростью участниками этой постройки, несомнѣнно въ возмездіе за это получатъ какія-нибудь явныя милости въ сей жизни или въ будущей».

Епископъ указываетъ прямо куда сдавать деньги и прибавляетъ:

«Пунктъ V. Каждый приходъ, корпорація, училище, религіозная община или братство,—каждое отдѣльное лицо, которое само

отъ себя или по сбору доставить сумму въ 500 фр. и выше получить титулъ основателя храма лурдской пещеры.—За приношенія въ 20 фр. и выше получится титулъ главныхъ жертвователей. Всѣ имена какъ тѣхъ, такъ и другихъ, будутъ храниться на главномъ алтарѣ церкви въ серебренномъ вызолоченномъ сердцѣ. Каждую недѣлю будутъ исполняться три обѣдни въ пользу основателей, главныхъ и простыхъ жертвователей». (Этотъ пунктъ пятый, крупно отпечатанный на особомъ листѣ, и теперь виситъ въ рамкѣ при входѣ въ церковь).

Воззваніе пастыря не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и лурдская святыня стала самой модной, къ ней больше всего обращаются, ей больше всего жертвуютъ. Епархія купила у города гору съ пещерой и въ нѣсколько лѣтъ сдѣлала это мѣсто неузнаваемымъ. На вершинѣ горы построенъ большой храмъ (Базилика) съ высокой колокольней. Даже два храма одинъ на другомъ съ отдѣльными входами въ каждый. По скату горы сдѣланы двѣ широкія великолѣпныя лѣстницы. Пещера обращена въ часовню. Какая-то благочестивая дама въ 1864 году пожертвовала часовнѣ изящную мраморную статую Мадонны и ее, при торжественной церемоніи и священнодѣйствіи, поставили въ то мѣсто пещеры, гдѣ было видѣніе Бернадетты. Пещеру отгородили легкой желѣзной рѣшеткой, устроили въ ней алтарь (на коемъ служатъ обѣдни) поставили рядомъ огромный серебрянный подсвѣчникъ, въ коемъ постоянно горятъ приносимыя богомольцами восковыя свѣчи. Тутъ же рядомъ, въ мраморной отдѣлкѣ, нѣсколько крановъ святого источника и къ нему подходятъ съ кружечками, какъ въ любомъ водолечебномъ мѣстѣ. Берегъ Гавы передъ пещерой очищенъ, гладко вымощенъ; самая рѣка нѣсколько отодвинута, чтобы сдѣлать берегъ шире. Тутъ вы цѣлый день (лѣтомъ во время богомолья) встрѣтите толпу народа. Передъ самой пещерой, на огороженной площадкѣ, стоятъ десятковъ пять, шесть, креселъ на колесахъ съ больными, почти исключительно женщинами, кругомъ ходятъ или молятся болѣе крѣпкіе богомольцы. Въ извѣстные часы ихъ впускаютъ въ самую пещеру поочередно, образуется хвостъ. Богомольцы входятъ со стороны статуи, кладутъ къ ея ногамъ букеты розановъ, ставятъ свѣчи, но главная цѣль ихъ прикоснуться четками и приложиться къ священной скалѣ, бывшей подножіемъ Богоматери, потомъ эти четки благословляетъ священникъ и богомольцы выходятъ съ другой стороны пещеры. Кромѣ четокъ приносятъ съ собой и статуи Мадонны и освѣщаютъ ихъ такимъ же способомъ. Тутъ вы наткнетесь иногда на истеричную сцену: разрыдается какая-нибудь истеричная дѣвица; конечно это кладъ для остальныхъ; ее уговариваютъ, успокоиваютъ, даютъ пить святой воды, создаютъ себѣ маленькое очевидное чудо. Сверху пещеры и съ лѣваго бока навѣшено въ ней огромное количество

Соборъ Лурдской Богоматери.

костылей. Какъ они сюда попали, провѣрить разумѣется нельзя, но они висятъ яркой рекламой хирургической силы лурдской воды. Въ такомъ же родѣ рекламу вы встрѣтите внутри храма, на всѣхъ его стѣнахъ. Тутъ почти сплошь небольшія, вырѣзанныя на камнѣ, заявленія благодарности за спасенія и нѣкоторыя изъ нихъ очень курьезнаго свойства. Такъ напримѣръ очень часто встрѣчаешь подробное описаніе болѣзни, отъ которой исцѣленъ: такіе-то были припадки, тамъ-то былъ парализованъ; одна благочестивая мать пишетъ «ты меня исцѣлила, исцѣли и мою дочь»; другая дама глухо благодаритъ за двѣ оказанныя ей милости (какія эти двѣ милости, это ужъ ея дѣло). Въ одномъ мѣстѣ въ стѣну вдѣланъ мраморный барельефъ, изображающій столкновеніе поѣздовъ: два паровоза встрѣтились и одинъ поднялся на дыбы; дымъ клубомъ идетъ изъ трубъ, а въ дыму, какъ въ облакахъ, представлена лурдская Мадонна. Надпись гласитъ, что это благодарность за чудесное спасеніе поѣзда богомольцевъ, при столкновеніи его съ экспрессомъ 2 іюня 1876 г. Тутъ же хранятся и приношенія умершихъ; вѣрующіе завѣщали лурдской святынѣ то, что имъ было наиболѣе дорого: висятъ въ рамкахъ эполеты генеральскіе, полковничьи, солдатскіе, ордена разныхъ національностей, четки, образа, даже образъ греческаго характера. Конечно не безъ приложенія денежной дани являлись такія пожертвованія. Весь этотъ пестрый сборъ рекламъ представляетъ очень характерное явленіе, особенно при сопоставленіи библейскихъ святынь со словами чахотка, экспрессъ, со знаками отличія и принадлежностями современной военной формы. При источникѣ устроена писцина, какъ ванны на водахъ. Вблизи отъ церкви домъ для духовенства съ вывѣской: «Бюро для заказа обѣдень». Рядомъ съ церковью павильончики: «Бюро для записыванія въ братство безпорочнаго зачатія». Далѣе встрѣчаете экспедицію разсылки лурдской воды; можете заказать себѣ дюжину другую бутылокъ куда угодно. Магазинъ аптекарскихъ принадлежностей при спросѣ получитъ акуратно. Посѣтивши Лурдъ, я даже наткнулся на вывѣску: «pastille de l'eau de Lourde»,—какъ «pastille de Vichy». Къ сожалѣнію, было уже поздно и магазинъ былъ запертъ, такъ я и не могъ узнать, что это за концентрированная святыня.

Самый городокъ Лурдъ разбогатѣлъ, обчистился, разукрасился. Въ немъ на окраинахъ четыре монастыря, въ срединѣ множество большихъ гостинницъ и кафе, гдѣ подъ вечерокъ, когда курсъ святого леченія заканчивается, поютъ бродячіе артисты далеко не святыя пѣсни. Совсѣмъ какъ въ другихъ курортахъ. Для бѣдныхъ богомольцевъ устроенъ огромный сарай, гдѣ они могутъ даромъ пріютиться въ случаѣ непогоды и спать въ повалку. Среди города устроена панорама, она изображаетъ Лурдъ въ минуту 17-го видѣнія Бернадетты. Панорама сдѣлана, какъ всѣ эти военныя панорамы, составляющія въ послѣднее время необходимую принад-

лежность главныхъ городовъ Европы. Въ большомъ цилиндрическомъ зданіи, съ центральнаго балкона, вы осматриваете окрестность. Гора и пещера Лурда представлены въ томъ видѣ, какъ были въ 1858 году; передъ пещерой нарисована молящаяся Бернадетта, окруженная толпой народа; привратникъ объясняетъ:—«вотъ докторъ Дозу, вотъ Жакоме, вотъ Эстрадъ»—и т. п. Тутъ же продается описаніе панорамы, къ которому приложены одобрительные отзывы разныхъ епископовъ. Въ Англіи такъ на афишахъ припечатываютъ извлеченія изъ газетныхъ рецензій о пьесѣ. Весь городъ Лурдъ занимается торговлей священными предметами; на нѣсколькихъ улицахъ сплошь устроены лавочки съ продажей лурдской Мадонны разной величины (цѣною отъ шести су, до нѣсколькихъ сотень франковъ), разныхъ реликвій, четокъ, ладонокъ, образковъ, медалей, крестиковъ, картинокъ, молитвъ, книжекъ и проч. Кстати сказать, литература лурдской святыни (конечно въ католическомъ духѣ) довольно велика. Книга Лассера издана въ двухъ видахъ: простымъ изданіемъ и роскошнымъ на толстой бумагѣ въ большомъ форматѣ, съ превосходными виньетками и иллюстраціями, въ изящномъ тисненомъ кожаномъ переплетѣ. Но кромѣ книги Лассера, есть множество другихъ: «Путеводитель по Лурду и окрестностямъ», мелкія описанія Лурда и пр. Въ Лурдѣ издается «Еженедѣльная хроника пещеры» — журналъ Лурда. Въ этой газеткѣ, выходящей каждое воскресенье, печатаются разныя церковныя свѣдѣнія: часы службъ, церемоній, процессій, заявленія епископовъ,— религіозныя хроники, священные стихи, описаніе чудотворныхъ исцѣленій. Но тутъ же въ концѣ листка припечатываются объявленія въ родѣ: «Вѣстникъ биржи, — необходимый для капиталистовъ; финансовыя свѣдѣнія обо всѣхъ цѣнныхъ бумагахъ, 4 фр. въ годъ»—или «аппаратъ для производства самой лучшей водки»— или «Гресгамъ,—страховое общество,—активъ 100 милліоновъ, страхованіе жизни и т. п.»—или «Пилюли доктора Луиджи противъ болѣзней кожи, излеченіе вѣрное и радикальное». Читателю, въ текстѣ газеты, только-что объяснено, чтобы онъ уготовлялъ себѣ небесное богатство и не помышлялъ о земномъ, а тутъ же подъ чертой, въ объявленіяхъ, стоитъ напоминаніе о наилучшемъ устройствѣ денежнаго капитала; сверху стихи къ Мадоннѣ, снизу водка; вначалѣ: вѣруйте въ лурдскую Мадонну, пейте лурдскую воду, она спасетъ отъ всѣхъ болѣзней,—въ концѣ: не забывайте пилюли Луиджи, вѣрное средство противъ болѣзней кожи. Изумительная гармонія теоріи съ практикой.

Лѣто, какъ уже сказано, самое оживленное время для Лурда; тутъ стекаются массами богомольцы со всѣхъ сторонъ свѣта, даже изъ Америки. Гостинницы бываютъ такъ переполнены, что надо заранѣе заказывать себѣ номеръ письменно, иначе рискуешь остаться безъ крова. Нѣкоторыя желѣзныя дороги· находятъ выгоднымъ

устроивать удешевленные поѣзда для богомольцевъ, какъ удешевленные увеселительные поѣзда для туристовъ. Весь день по Лурду бродитъ оживленный народъ: женщины и дѣти продаютъ медали, крестики, а главное, восковыя свѣчи,—ходятъ процессіи съ пѣніемъ, у каждаго богомольца на груди или красный крестъ, или красное сердце и, кромѣ того, медаль на лентѣ.

— Что это у васъ за медаль?—спросилъ я двухъ дѣвочекъ, весело болтавшихъ на площади.

— Это означаетъ, что мы принадлежимъ къ такой-то конгрегаціи; у каждой конгрегаціи, у каждаго братства, своя медаль и свой цвѣтъ ленты. Мы пріѣхали издалека съ своимъ священникомъ, такъ всѣ вмѣстѣ все время остаемся.

— Что же это у васъ на медали изображено?

— La Madonne au globe.

— Что же это за Мадонна и гдѣ она находится?

— А право мы не знаемъ.

— Какъ вы не знаете? Вонъ идетъ священникъ, я ему скажу, что вы не знаете какую Мадонну носите.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не говорите, намъ достанется,—расхохотались дѣвицы и убѣжали.

Словомъ, превеселое житье, какъ вездѣ. Наступала ночь, я собирался уѣхать.

— Неужели вы уѣдете?—говорила мнѣ служанка ресторана, подавая кофе,—это невозможно: сегодня будетъ ночная процессія, сотни богомольцевъ, съ пѣніемъ и съ зажженными свѣчами, будутъ ходить по горамъ, этого вы нигдѣ не увидите.

Совсѣмъ какъ въ Шафгаузенѣ:

— Надо ночью видѣть водопадъ, когда его освѣщаютъ бенгальскимъ огнемъ.

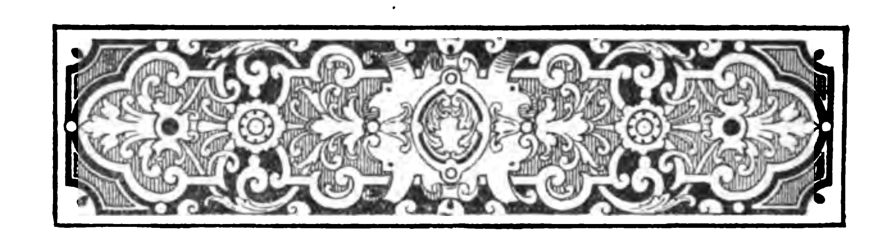
Все пріурочено къ современнымъ привычкамъ общества. Здѣсь молиться весело и интересно, здѣсь лечиться такъ же удобно, какъ на любыхъ водахъ. Святыню заставляютъ дѣйствовать какъ и другое лекарство: одному она сразу поможетъ, другому съ нѣсколькихъ разъ, третьему совсѣмъ не поможетъ; излечиваются отъ одного стакана, отъ двухъ, отъ трехъ, отъ купанья. Не достаетъ только, чтобъ священники оскультировали больного и выслушивали его тѣло, какъ выслушиваютъ душу. Консультація происходитъ на исповѣди. Не помогли воды Виши или Маріенбада, можно попробовать воду Лурда.

Въ вѣчномъ треволненіи, въ вѣчной борьбѣ, въ столкновеніяхъ съ неудачами, несчастное существо человѣческое обильно носитъ въ самомъ себѣ жажду къ сверхъестественному. Не удается то, не удается другое, и человѣкъ ждетъ и хочетъ, чтобъ какая-нибудь случайность ворвалась въ законную послѣдовательность его жизни, повернула бы ее, измѣнила къ лучшему. Это основа надежды.

Еслибъ мы могли такъ же слѣдить за тонкими подробностями жизни, какъ за грубымъ повседневнымъ обиходомъ, не на что было бы надѣяться и не было бы нужно. Когда мы ѣдимъ, мы не надѣемся быть сытыми, мы знаемъ, что будемъ сыты. Но мы надѣемся, когда не знаемъ, когда мы ждемъ того, чего не знаемъ и что должно принести намъ пользу, откуда бы не пришло. Вотъ первый зародышъ наклонности къ сверхъестественному. Человѣкъ покупаетъ лотерейный билетъ, привѣтствуетъ новый годъ, иногда новый день и т. п. Идите дальше по этому пути: болѣе слабый уже придумываетъ себѣ примѣты, а еще болѣе слабый дойдетъ до какихъ угодно крайностей. Все это конечно эксплуатируется ловкими людьми. Теперь однако никого не запугаешь безобразіемъ чорта съ красными рогами и зеленымъ хвостомъ; но доказать присутствіе сверхъестественной силы путемъ (разумѣется своеобразнаго) знанія и (податливой) науки, подвергая казуистическому изслѣдованію то, передъ чѣмъ человѣкъ становится въ тупикъ изъ-за невѣжества, болѣзненности или научнаго несовершенства,—это пріемъ совсѣмъ новый. Прежде чудо было дѣломъ простой вѣры и не нуждалось въ полицейскомъ дознаніи, теперь небесныя силы подчиняютъ слѣдствію, какъ перваго встрѣчнаго. Въ этомъ отношеніи епископъ тарбскій, его помощники и послѣдователи въ прославленіи лурдской святыни, дѣлятъ со спиритами пальму первенства, какъ изобрѣтатели.

Викторъ Крыловъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціей профессора И. Е. Андреевскаго· Томъ первый. А—Алтай. Спб. 1890.

ЧТО РУССКІЕ люди какъ съ высшимъ, такъ и съ среднимъ образованіемъ, нуждаются въ энциклопедическомъ словарѣ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, такъ же какъ и въ томъ, что при весьма замѣчательномъ развитіи нашей литературы и науки у насъ нѣтъ подобнаго словаря. Лучшій изъ нихъ Толя—малъ и устарѣлъ, Березина—наполненъ непростительными промахами, да его и нѣтъ въ продажѣ. Поэтому, когда прошлой осенью появились объявленія объ изданіи новаго словаря и еще подъ гарантіей такой европейской извѣстности, какъ Брокгаузъ, и такого уважаемаго имени, какъ бывшій ректоръ Петербургскаго университета, — публика наша отозвалась сочувственно на приглашеніе—не подписываться на словарь, а только заявить о желаніи получить его. Не требованіе никакихъ предварительныхъ взносовъ было также дѣломъ новымъ въ нашей книжной торговлѣ и расположило публику въ пользу предпріятія, очевидно задуманнаго на твердыхъ основаніяхъ и не нуждающагося въ подпискѣ для своего осуществленія. Затѣмъ, во всѣ столичныя и провинціальныя изданія посыпались объявленія съ приложеніемъ образцовъ рисунковъ, помѣщаемыхъ въ словарѣ, съ разъясненіемъ «пользы, желательности и благовременности» изданія и, главное, съ приложеніемъ отрывного талона, который слѣдовало переслать въ контору редакціи. Деньги уплачивались по полученіи томовъ, а не впередъ. Это было очень льготное условіе, но... но тутъ уже начинались разныя размышленія: кончить словарь обѣщано въ пять лѣтъ и онъ будетъ состоять изъ 16—18-ти томовъ, значитъ, въ первомъ случаѣ онъ будетъ стоить безъ переплета болѣе 86-ти

рублей, во второмъ — до 97-хъ — сумма не маленькая; березинскій словарь при подпискѣ стоилъ чуть не вдвое дешевле. Потомъ объявленіе появилось уже не отъ имени одного Брокгауза, а двухъ издателей, изъ которыхъ второй г. Ефронъ—лицо вовсе неизвѣстное ни въ книжномъ, ни въ литературномъ мірѣ. Разсказывала, правда, одна газета, во время парижской выставки, о необычайной дѣятельности какого-то Ефрона по комисіонернымъ и маклерскимъ дѣламъ, а другая нашла въ этихъ подвигахъ всѣ признаки неблаговиднаго шантажа,—но о томъ ли самомъ господинѣ толковалось въ журналистикѣ—неизвѣстно, и будь онъ только простымъ комиссіонеромъ Брокгауза, здѣсь въ Петербургѣ, никому бы не было дѣла до его прошедшаго. Но онъ явился такимъ же издателемъ, какъ Брокгаузъ, стало быть также отвѣтственнымъ лицомъ и внесъ свое имя со всѣми иниціалами на заглавный листъ словаря. Подписчикамъ, очевидно, придется имѣть дѣло съ этимъ господиномъ, а такъ какъ словарь имѣетъ цѣну только когда онъ оконченъ, то уплативъ, положимъ, за половину его рублей 40—50, съ кѣмъ придется объясняться, если словарь остановится, а г. Ефронъ улетучится изъ Петербурга, гдѣ онъ основалъ свою контору? Все это не мѣшало бы выяснить въ объявленіи: не въ Лейпцигъ же отправляться за справками. Но объявленіе распространяется только о достоинствахъ брокгаузовскаго словаря, ставя на первомъ мѣстѣ его приложенія: рисунки, карты, хромолитографіи — тогда какъ всѣ они—дѣло второстепенное и прежде всего намъ нуженъ хорошій, вѣрный текстъ. Онъ долженъ быть дополненъ, по сознанію самихъ издателей, матерьяломъ изъ другихъ однородныхъ и научныхъ сочиненій и «вся часть касающаяся собственно Россіи должна быть самостоятельно и заново обработана, сообразно потребностямъ русскихъ читателей». Съ этою цѣлью и обратились къ профессору Андреевскому, который «заручился сотрудничествомъ компетентныхъ русскихъ ученыхъ для возможно точнаго выполненія указанной задачи». И вотъ въ концѣ марта (а не въ февралѣ какъ было обѣщано сначала) вышелъ первый полутомъ словаря съ предисловіемъ подписаннымъ редакторомъ. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ строкъ о прежнихъ словаряхъ, причемъ толковый этимологическій словарь Даля, въ 2800 страницъ слишкомъ, названъ коротенькимъ и смѣшанъ съ энциклопедическимъ словаремъ Толя и техническимъ Симонова, профессоръ высказываетъ слѣдующія основанія изданія: въ основу берется XIII-е изданіе Брокгаузовскаго словаря; изъ него переводятся прямо тѣ статьи, которыя удовлетворительны и не требуютъ никакихъ измѣненій. Но то, что удовлетворяетъ нѣмцевъ, можетъ быть вовсе не удовлетворительно для русскаго человѣка, или по меньшей мѣрѣ потребуетъ сокращеній. Возьмемъ, на первыхъ же страницахъ швейцарскій кантонъ Ааргау и его главный городъ Аарау. Въ словарѣ русскихъ ученыхъ и литераторовъ 1861 года, описанію кантона посвященъ столбецъ въ 55 строкъ, городу—10½ строкъ, что для насъ совершенно достаточно. И это въ словарѣ, который былъ задуманъ и начатъ такъ широко, что для окончанія его потребовались бы десятки лѣтъ и нѣсколько десятковъ томовъ (буква А, неоконченная, заключаетъ въ пяти томахъ болѣе 3000 страницъ). Между тѣмъ, въ новомъ словарѣ маленькому кантону отведено слишкомъ три столбца, 237 строкъ, то есть болѣе чѣмъ вчетверо противъ стараго словаря, а городу Аарау 48½ строкъ, съ такими интересными указаніями, что въ немъ долго жилъ такой великій писатель, какъ Чшоке (то есть Цшоке), о которомъ никто теперь даже изъ нѣмцевъ не вспоминаетъ. Тутъ же ука-

зана въ библіографіи и хроника города, которой въ кантонѣ отведено 4½ строки. Замѣтимъ, что даже въ Пиреровскомъ словарѣ, который гораздо лучше брокгаузовскаго, статьи о кантонѣ и городѣ вдвое короче. Но вѣдь если такимъ образомъ будетъ описываться въ русскомъ словарѣ каждый нѣмецкій городъ и округъ, такъ много ли же мѣста останется въ 16-ти томахъ для статей о Россіи, которымъ по словамъ г. Андреевскаго «отводится широкое мѣсто и онѣ совершенно самостоятельны, представляя обширный и свѣжій матерьялъ, совершенно заново обработанный почтенными русскими учеными, принявшими участіе въ составленіи словаря». Кто же изъ этихъ русскихъ ученыхъ заново обработывалъ, хоть напримѣръ, біографію русскаго журналиста и драматурга Аблесимова, которой въ новомъ словарѣ посвящено 10½ строчекъ, тогда какъ въ старомъ она занимаетъ въ изложеніи Мих. Илар. Михайлова 2½ столбца. Если наши ученые будутъ такимъ же образомъ обработывать и другихъ русскихъ дѣятелей, немного пользы принесетъ такой словарь русскому человѣку. Даже и для простыхъ справокъ, такія біографіи, какъ Аблесимова, ровно ни къ чему не пригодны,— въ ней упоминается о совершенно не значительномъ обстоятельствѣ, какъ переписка стиховъ у Сумарокова, а ни слова не говорится о значеніи перваго русскаго водевиля, даже названіе котораго «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» передѣлано въ «Мельника». При фамиліи автора поставлено въ скобкахъ его имя: Ал. Анис. Какъ же его звали: Александръ, Алексѣй, или даже Алфей, Алипій? да и отчество слѣдовало бы уже писать Онисимовичъ. Вообще, русскія статьи у г. Андреевскаго не многимъ лучше, чѣмъ у г. Березина. Такая уже видно намъ незадача съ профессорами-редакторами. Аксаковымъ, отцу и двумъ сыновьямъ, посвящено каждому по столбцу съ небольшимъ и тутъ же жиду Акостѣ отводится 2½ столбца. Мелкимъ писателямъ, какъ Аверкіеву, Авдѣеву, Авсѣенко и др. отведено по десятку строкъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько совершенно лишнихъ статей, умѣстныхъ въ техническихъ спеціальныхъ изданіяхъ, а не въ энциклопедіи. Къ чему, напримѣръ, такія слова какъ аблактація — его нѣтъ и въ практическомъ словарѣ доктора Симонова. Медицинское значеніе этого слова отнесено къ словамъ сосать, грудной младенецъ. Неужели и такія слова будутъ въ энциклопедіи? Аблефарія, аблюція, абноба или абня—«бращиль, воротъ на носу лодки длиноваго (?) каната»,—всѣ эти слова, попавшіяся намъ на глаза, стоятъ въ словарѣ подъ рядъ, но подобныхъ имъ можно набрать въ разбивку чуть не на каждой страницѣ. Всѣхъ этихъ словъ нѣтъ въ старомъ словарѣ, но и старыя слова Брокгаузъ нерѣдко принимаетъ въ новомъ, не принятомъ у насъ, значеніи. Такъ мы найдемъ въ лексиконѣ 1861 года абортивный методъ леченія, абортивныя средства, производящія выкидышъ, а у Брокгауза абортомъ называется клозетъ, ретирадное мѣсто, и еще авторъ этой пахучей статьи въ два столбца любезно поясняетъ, что слово это—австрійскій провинціализмъ, перешедшій потомъ въ письменный языкъ (можетъ быть въ нѣмецкій, но никакъ не въ русскій) и въ десяткѣ сочиненій, приводимыхъ въ «литературѣ» этой статьи, нигдѣ не упомянуто это слово. Очень щедро раздаетъ также словарь эпитеты, называя знаменитымъ сатирическимъ писателемъ грубаго, эксцентричнаго монаха XVII столѣтія Абрагама-да-санкта-Клара. Встрѣчаются слова, не имѣющія того значенія въ языкѣ, отъ котораго они происходятъ. Такъ абсистенціею называется воздержаніе католиковъ въ посту отъ мяса. Между тѣмъ глаголъ absistere у римлянъ означаетъ—пере-

стать, покинуть, отстать, а воздержаніе переводится словомъ abstentio, отъ глагола abstinere. Да и къ чему въ энциклопедіи эти филологическія производства? Абсинтъ по Брокгаузу называется на языкѣ аптекарскомъ и народномъ—вермутъ; у нѣмцевъ—да, но русскій народъ называетъ этотъ видъ растенія артемизіи полынью, а ликеръ приготовляемый изъ него полыннымъ. Излишнихъ и не употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ терминовъ—множество: аболюторіумъ, абсорбенція, абсорбція и пр. Перечисляются даже такія села въ Гессенъ-Нассау, какъ Абтероде, въ которомъ 1064 жителя и которое замѣчательно только прекраснымъ расположеніемъ на склонѣ хребта. Впрочемъ, отчего же и не перечислить въ русскомъ словарѣ всѣ нѣмецкія деревни, если въ немъ подробно описываются города, «представляющіе привѣтливую мѣстность». При описаніи не нѣмецкихъ городовъ встрѣчается еще больше странностей: у Абэ въ скобкахъ поставлено (Abais) точно это французскій городъ, тогда какъ въ статьѣ дѣло идетъ о греческомъ городѣ, славившемся оракуломъ, который тутъ же называется Эбейскимъ. Абиссинія описывается, конечно, подъ ея нѣмецкою фирмою Абессинія. Есть стало быть надежда, что и Виргилія мы найдемъ подъ фирмою Вергилія. Афганы названы Авганами.

Но мы вынуждены остановиться. «Историческій Вѣстникъ» журналъ не спеціально-критическій и не можетъ посвящать цѣлыя страницы перечисленію промаховъ и несообразностей подобнаго изданія. Мы взяли ихъ на выдержку, изъ первыхъ трехъ листовъ, съ десятка страницъ, но еслибы вздумали привести все, что не должно быть въ хорошемъ словарѣ и все, чего въ немъ недостаетъ—это заняло бы въ нашей рецензіи гораздо болѣе страницъ, чѣмъ мы прочли въ словарѣ, при бѣгломъ просмотрѣ. Но и приведенныхъ нами замѣчаній, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, какъ онъ небрежно и неудовлетворительно составленъ. Самый языкъ статей тяжелъ и мѣстами неправиленъ; тотчасъ виденъ переводъ и далеко не профессорскій, а гимназическій, неуклюжій, буквальный. Для доказательства этого перевертываемъ сотню страницъ и попадаемъ на Аздрубаловъ. «Аздрубалъ зять Гамилькара Баркаса (то есть изъ фамиліи Барки) распространилъ значительно послѣ смерти послѣдняго владычество кареагенянъ въ Испаніи, срединнымъ пунктомъ котораго явился основанная имъ же Картагена, заключилъ съ римлянами договоръ, по которому р. Эбро должна была быть границею кареагенскихъ владѣній». У другого Аздрубала, брата Аннибала, «большая часть войска было уничтожено». Это, конечно, опечатки такія же какъ глаголъ явился въ первой цитатѣ, но этихъ ошибокъ въ одномъ столбцѣ не перечесть: Аздрубалъ является то сыномъ Гискоса, то Гисгоса, Сифаксъ дважды превращается въ Сифокса, «который теперь (?) держалъ сторону кареагенянъ, а Аздрубалъ, чтобы избѣжать мщенія возбужденнаго противъ него народа, умертвилъ себя послѣ этого (послѣ чего?) ядомъ». И такимъ неуклюжимъ языкомъ переведены почти всѣ статьи. Тутъ же, подлѣ Аздрубала, помѣщены біографіи француза Азе и итальянца Азегліо. Неужели русскій профессоръ и редакторъ не знаетъ, что фамилія французскаго философа Azaïs произносится Азаисъ, а у итальянцевъ въ слогѣ gl первая буква не выговаривается? Но закрываемъ скорѣе знаменитый словарь, чтобы не наткнуться, даже случайно, на еще болѣе поразительныя несообразности. Полагаемъ, что достаточно и приведенныхъ нами, чтобы убѣдиться, каково это изданіе и чего въ правѣ ждать отъ него русская публика. **В. З.**

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Н. П. Семенова. Т. II. Спб. 1890.

Настоящій томъ обширной хроники освобожденія крестьянъ обнимаетъ собою работы второго періода занятій. Вначалѣ г. Семеновъ излагаетъ подробности обѣда, даннаго Ростовцовымъ, съ соизволенія государя, депутатамъ перваго приглашенія съ цѣлью ознакомленія и сближенія депутатовъ съ членами редакціонныхъ комиссій. Интересны нѣкоторые тосты предложенные на обѣдѣ: первый — «за здоровье государя, создающаго народъ»; третій—«за благополучное окончаніе нашего святаго дѣла»; пятый «за счастье крестьянъ». Названіе «святое дѣло» постоянно давалось дѣлу освобожденія крестьянъ, какъ самимъ государемъ, такъ и Ростовцовымъ. Во второмъ томѣ труда г. Семенова особенно рельефно рисуется теплое и даже восторженное отношеніе Александра II къ задуманной реформѣ: онъ интересуется каждой подробностью въ ходѣ работъ, городскими слухами, ободряетъ своихъ сподвижниковъ по «святому дѣлу» и даже выслушиваетъ откровенное мнѣніе одного изъ членовъ редакціонныхъ комиссій (П. П. Семенова) по вопросу о назначеніи предсѣдателя на мѣсто покойнаго Ростовцова. Каковы были взгляды государя на планъ предстоявшей работы, видно изъ отмѣтки на письмѣ Ростовцова къ нему отъ 23 окт. 1859 г., представляющемъ обзоръ различныхъ мнѣній, ходившихъ въ то время въ обществѣ, о способахъ освобожденія крестьянъ. Ростовцовъ излагаетъ шесть главныхъ категорій мнѣній членовъ губернскихъ комитетовъ, при чемъ, въ § е, значилось: «пятые желаютъ немедленнаго отдѣленія крестьянъ отъ помѣщиковъ и немедленнаго же общаго обязательнаго выкупа, видя въ этомъ, можетъ быть и очень справедливо, исходъ всего вопроса, самый простой и самый удобный», а, въ § д.— «шестые предполагаютъ выкупъ полюбовный и постепенный, дабы крестьянинъ входилъ въ новую жизнь и въ новыя отношенія не вдругъ, а пріучаясь, мало-по-малу, къ новому порядку вещей». На письмѣ противъ пункта *е*, потчеркнутаго съ боку карандашемъ, какъ былъ отчеркнутъ и пунктъ *д*, рукою государя, было написано: «Вотъ чего и Я хочу». Подробно описываетъ г. Семеновъ болѣзнь Я. И. Ростовцова, посѣщенія его Александромъ II, впечатлѣніе отъ смерти предсѣдателя комиссій на всѣхъ остальныхъ членовъ и волненіе по поводу того, кто замѣститъ мѣсто попокойнаго. Послѣ смерти Ростовцова въ столицѣ начались слухи, что государь предлагалъ это мѣсто графу Строгонову, который отклонилъ отъ себя это назначеніе; другіе говорили, что мѣсто предлагалось Чевкину, называли кандидатами Муравьева, будтобы домогавшагося званія предсѣдателя комиссій, Ланского, наконецъ, слухи разсѣялись и почти неожиданно для всѣхъ былъ назначенъ графъ Панинъ. Г. Семеновъ даетъ интересный біографическій очеркъ или, лучше сказать, опытъ характеристики этого легендарнаго вельможи. Громаднаго роста, съ нестройной фигурой, графъ умѣлъ соединить въ своемъ лицѣ черты стараго барства на европейской подкладкѣ съ самымъ закорузлымъ чиновничествомъ. Онъ самъ, кажется, считалъ себя полубогомъ и подчиненные ему чиновники думали о немъ, какъ о какомъ-то миѳическомъ существѣ, спустившимся съ Олимпа на землю, чтобы поражать всѣхъ своимъ архаическимъ чудачествомъ и несуразностью характера. Въ городѣ про него ходила масса анекдотовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ очень образованный человѣкъ, съ недюжиннымъ умомъ и способностями и тѣмъ не

менѣе безъ всякаго міровоззрѣнія. Россіи онъ совсѣмъ не зналъ и не хотѣлъ знать, чуждался всѣхъ окружающихъ и былъ счастливъ своею отвлеченностью. Герценъ въ «Колоколѣ» имѣлъ въ лицѣ Панина обильную пищу для насмѣшекъ; послѣдній этимъ не смущался, читалъ прилежно «Колоколъ» и говорилъ: «Полезно и намъ послушать иногда и прочитать, что̀ объ насъ думаютъ и говорятъ другіе — здѣсь и за границей». «Онъ былъ проникнутъ беззатвѣтною преданностью къ представителю верховной власти, говоритъ его біографъ; волю государя считалъ священною, и форму монархическаго, неограниченнаго правленія признавалъ самой лучшей изъ всѣхъ формъ государственнаго правленія». Почему же Александръ II остановилъ свой выборъ на человѣкѣ, въ сущности не сочувствовавшемъ эмансипація крестьянъ? Соображенія были достаточно основательныя. Самъ государь желалъ непремѣннаго освобожденія, но въ высшемъ кругѣ дворянства было сильно недовольство направленіемъ, какое приняло дѣло освобожденія въ трудахъ редакціонныхъ комиссій; эти лица, вліятельныя и настойчивыя, могли оказать дѣйствительное сопротивленіе проведенію тѣхъ основаній, которыя не согласовались съ ихъ взглядами и желаніями. Необходимо было по этому поставить во главѣ дѣла освобожденія сановника, независимаго въ матеріальныхъ средствахъ, чуждаго вліяніямъ окружающихъ и, наконецъ, упорнаго и преданнаго государю. Такимъ лицомъ былъ именно Панинъ; желанія верховной власти были для него священны и онъ единственный былъ способенъ сокрушить всѣ припятствія и довести дѣло до конца и въ направленіи ему указанномъ.

Назначеніе Панина смутило членовъ редакціонныхъ комиссій, однако впослѣдствіи все обошлось благополучно и предсѣдатель повелъ дѣло по колеѣ, прибитой его предшественникомъ. Во второмъ періодѣ были составлены и пересмотрѣны доклады всѣхъ трехъ отдѣленій редакціонныхъ комиссій, представленные ими общему присутствію въ первомъ періодѣ занятій; кромѣ того, начаты и окончены совѣщанія съ депутатами перваго призыва, какъ въ общихъ присутствіяхъ, такъ и въ хозяйственномъ отдѣленіи. Къ настоящему тому приложены очень любопытныя прибавленія, изъ которыхъ особенный интересъ имѣютъ письма и доклады Ростовцова, а также записка Безобразова «о значеніи русскаго дворянства и положеніи, какое оно должно занимать на поприщѣ государственной дѣятельности» съ собственноручными отмѣтками покойнаго государя. **Б. Г—скій.**

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ девятый. Тифлисъ. 1890.

Девятый выпускъ «Сборника», издаваемаго управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа, распадается на двѣ части: въ первой помѣщены историческія свѣдѣнія о государствахъ иберовъ и лазовъ въ переводѣ латинскаго текста Штриттера (Спб. 1779 г.), сдѣланнаго преподавателями К. Ганомъ, А. Приселковымъ и М. Черниковымъ; во второй части находятся небольшія статьи, посвященныя преимущественно быту кавказскихъ мусульманъ, ихъ легендамъ и сказкамъ. Остановимся пока на текстѣ Штриттера. Первое, что является на мысль при бѣгломъ даже знакомствѣ съ нимъ, это простой вопросъ: зачѣмъ произведеніе г. Штриттера переведено и издано по-русски? Нѣмецкій ученый сдѣлался русскимъ академикомъ и перевелъ на латинскій

языкъ нѣсколькихъ византійскихъ писателей; очевидно, если эти византійскіе писатели были на столѣ у Штриттера въ 1779 году, то ихъ можно найти и въ 1879 году, поэтому, въ случаѣ настоятельной необходимости ознакомить русскихъ читателей съ ними, гораздо проще сдѣлать переводъ съ греческаго подлинника, чѣмъ съ латинскаго перевода. Это тѣмъ болѣе понятно, что трудъ Штриттера не отличается ни самостоятельными взглядами историка, ни изслѣдованіями, изысканіями и обобщеніями серьезнаго ученаго, это, просто-на-просто, ученическая extemporalia. Послѣднее обстоятельство видно изъ того, что въ предисловіи отъ имени учебнаго округа прямо сказано: «Настоящій переводъ латинскихъ текстовъ Штриттера провѣренъ и исправленъ по греческимъ источникамъ». Съ другой стороны необходимо замѣтить, что трудъ Штриттера вовсе не представляетъ такой драгоцѣнности, какъ напримѣръ произведеніе какого-нибудь древняго автора, прямо интересное, какъ литературный памятникъ извѣстной эпохи, помимо предлагаемаго въ этомъ памятникѣ историческаго матеріала. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что старательная, заботливая передача текста Штриттера является непроизводительнымъ балластомъ въ историческомъ матеріалѣ вообще. Взамѣнъ этого, гг. переводчики, желая ознакомить читающую публику съ фактами малоизвѣстной исторіи кавказскихъ народовъ—иберовъ и лазовъ, могли бы самостоятельно изложить связный разсказъ, даже близко держась какого-нибудь автора, но дополняя и исправляя его по другимъ источникамъ, тогда получился бы полезный вкладъ въ исторію Кавказа, быть можетъ и не блещущій высокими достоинствами, но заслуживающій полнаго вниманія, какъ первая серьезная попытка прагматизаціи отрывочныхъ извѣстій объ иберахъ и лазахъ. Перейдемъ теперь къ произведенію г. Штриттера; что̀ онъ имѣлъ въ виду, предпринимая эту работу, трудно даже сказать, потому что̀ изъ отрывочныхъ, подчасъ безсвязныхъ фразъ читателю трудно возсоздать что̀ бы то ни было цѣльное, связное, а тѣмъ болѣе исторію обоихъ упоминаемыхъ народовъ. Возьмемъ примѣры: § 2. «Помпей, въ войнѣ съ Митридатомъ (съ какимъ?), побѣдилъ иберовъ (были ли это подданные или союзники Митридата?); затѣмъ, оттуда (откуда?) онъ вторгнулся въ Колхиду и, на возвратномъ пути (къ Митридату или въ Римъ?), отправился по суровой и безводной дорогѣ (гдѣ это?) противъ албанцевъ (жителей Албаніи или Альбы?), которые отпали отъ римлянъ». § 159. «Моратъ (кто это?), получивъ власть отъ отца Мехмета (кто это? на какихъ условіяхъ состоялась передача власти?), управлялъ (въ качествѣ чего?) провинціями, лежащими по сосѣдству съ персотурками (что это за нація?), которыми управлялъ Карайлукъ. Онъ (Моратъ или Карайлукъ?) былъ сосѣдомъ лазовъ и персовъ и зять Алексѣя Комнена, трапезундскаго царя, на дочери котораго онъ женился». Такихъ примѣровъ можно найти не мало и они доказываютъ только, что гг. переводчики потратили попусту время на воспроизведеніе работы нѣмца, пріютившагося въ Петербургѣ слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ. Второй отдѣлъ «Сборника» несомнѣнно интереснѣе и полезнѣе, такъ какъ онъ даетъ богатый этнографическій матеріалъ для Закавказья, знакомя читателей съ особенностями быта мусульманъ-татаръ, ихъ повѣрьями, а также съ легендами и сказками татаръ, армянъ, шапсуговъ, имеретинъ и грузинъ. «Народное обученіе у закавказскихъ татаръ», статья А. Захарова (родомъ армянина), представляетъ крайне любопытныя воспоминанія автора изъ его дѣтства, когда онъ учился у татарскаго муллы; типично очерчены

мулла-педагогъ, его помощникъ «хальфа» и вообще весь строй школы. «Ученики, — разсказываетъ г. Захаровъ, — должны дрожать передъ муллою; весь педагогическій кодексъ его заключается въ томъ, чтобы держать питомцевъ въ вѣчномъ страхѣ. Мулла вполнѣ убѣжденъ, что страхъ есть лучшее средство для укрѣпленія нравственности учениковъ и для умственнаго ихъ развитія. Страхъ есть преддверіе мудрости и добра для ребенка, говоритъ татарская народная мудрость. Татаринъ-отецъ, опредѣляя своего сына къ муллѣ, говоритъ: мулла, поручаю моего сына твоей мудрости и учености, поступай съ нимъ, какъ тебѣ заблагоразсудится; возьми себѣ его мясо и возврати мнѣ только его кожу да кости. Такимъ образомъ, лютость — главное качество муллы; другихъ качествъ отъ муллы, пожалуй, не требуется, поэтому муллою можетъ быть всякій, кто только умѣетъ читать и писать: между педагогами-муллами вы найдете и москательщиковъ, и фруктовыхъ торговцевъ, и чайчи. Для характеристики даннаго вопроса съ этой стороны, можно указать на то, что одинъ мясникъ, у котораго я постоянно покупалъ мясо, сталъ такимъ педагогомъ». Передъ такимъ портретомъ блѣднѣетъ даже меламедъ у евреевъ въ Западномъ краѣ; слѣдуетъ еще добавить, что татарскіе педагоги сами поощряютъ въ своихъ ученикахъ наклонность къ воровству. Сказки, приведенные въ «Сборникѣ», любопытны тѣмъ, что большую или меньшую часть ихъ, съ легкими варіантами, можно встрѣтить въ знойныхъ степяхъ Аравіи, въ захолустныхъ поселкахъ родопскихъ потомковъ, въ семьѣ олонецкаго крестьянина, на побережьи мусульманскаго Марокко, не говоря уже объ общности многихъ сказокъ съ персидскими и еврейскими легендами. Обращаютъ на себя особенное вниманіе «Хитрая вдова», «Унцросела», «Змѣй-царь», «Коровій сынъ», «Рѣчной бродяга» и «Месропъ и его слуга». А. Б—въ.

Русскій флотъ въ царствованіе императрицы Екатерины II съ 1772 по 1783 гг. Капитана 2 ранга А. Кроткова. Спб. 1890.

Этотъ трудъ уже печатался частями въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1889 годъ. Десятилѣтній періодъ жизни русскаго флота обработанъ очень подробно г. Кротковымъ на основаніи XII части «Матеріаловъ для исторіи русскаго флота» и новыхъ источниковъ, находящихся въ архивѣ бывшаго гидрографическаго департамента и другихъ.

Русскій флотъ, созданный по волѣ Великаго Преобразователя, послѣ его смерти, временно пришелъ въ упадокъ. Такой печальный фактъ въ нашей государственной жизни предвидѣлся, впрочемъ, современниками и сотрудниками Петра Великаго. Капитанъ Мухановъ, какъ извѣстно, неся штандартъ усопшаго императора при отданіи послѣднихъ почестей, говорилъ своимъ товарищамъ: «все, все погибло для флота».

Но развитіе политическаго могущества Россіи не могло быть полнымъ безъ морскихъ вооруженныхъ силъ и императрица Екатерина II, по вступленіи на престолъ, обратила самое серьезное вниманіе на возсозданіе почти забытаго учрежденія. Труды ея въ этомъ направленіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Первая война съ Турціею, благодаря русскимъ эскадрамъ въ Архипелагѣ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ Орлова, Грейга, Спиридова и др. окончилась блистательно. Славный Чесменскій бой заключилъ первый періодъ дѣятельности императрицы на морскомъ поприщѣ. Оттоманская порта, одна-

кожъ, была еще очень сильна и долгая борьба предвидѣлась съ нею впереди. Мало того, пріобрѣтеніе Азовскаго моря, большей части нашего юга и, наконецъ, Крыма, заставляли императрицу опасаться нападенія союзника Турціи—Швеціи, на Балтійское побережье и самый Петербургъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, періодъ времени отъ 1772 по 1783 гг., кромѣ продолженія военныхъ дѣйствій въ Средиземномъ морѣ, былъ посвященъ императрицею на внутреннее развитіе и благоустройство флота. Изъ книги г. Кроткова видно, что въ десятилѣтній срокъ было построено 26 линейныхъ кораблей, 17 фрегатовъ и множество другихъ мелкихъ судовъ. Вновь было сформировано управленіе флотомъ и адмиралтействами (Архангельскимъ и Петербургскимъ) измѣнены штаты и комплектація судовъ, и весь флотъ раздѣленъ на двѣ дивизіи и восемь эскадръ. Ревель былъ сдѣланъ передовымъ военно-морскимъ портомъ, въ которомъ постоянно стояла сильная эскадра, постоянно готовая къ выходу въ море и встрѣчи врага. Главнымъ сотрудникомъ императрицы по преобразованію флота въ описываемое десятилѣтіе былъ адмиралъ Грейгъ, дѣятельность котораго очень подробно изложена г. Кротковымъ. Изъ документовъ, приводимыхъ имъ въ книгѣ, видно, что этотъ адмиралъ, кромѣ блестящихъ боевыхъ способностей, имѣлъ и высокій организаторскій умъ, благодаря которому въ русскомъ флотѣ выросло убѣжденіе, что непрерывныя заботы о нижнихъ чинахъ, ихъ здоровьѣ и благосостояніи, составляютъ залогъ успѣха и ручательство побѣдъ. Въ этотъ же періодъ морская артиллерія подверглась полной реорганизаціи и въ Кронштадтѣ устроена учебная батарея. Къ концу второго десятилѣтія царствованія Екатерины II, флотъ былъ поставленъ уже на такую высоту, что императрица нашла возможнымъ обратиться къ Европѣ съ своею знаменитою декларацiею о вооруженномъ нейтралитетѣ. Для поддержанія деклараціи были посланы три эскадры: въ Средиземное море, Атлантическій океанъ и Нѣмецкое море. Англія не присоединилась къ деклараціи 28-го февраля 1780 года и тогда, когда ее приняли Голландія, Франція, Италія, Данія, Швеція и Австрія. Но отказываясь отъ ограниченій права сильнаго на морѣ, англійскіе министры писали въ Петербургъ, что они озаботились издать самыя опредѣленныя повелѣнія объ уваженіи флага императрицы и торговли ея подданныхъ. Признавая всегда силу единственнымъ правомъ, англичане и не могли поступить иначе въ описываемое время, такъ какъ русскія силы въ моряхъ и океанѣ были очень значительны, а дѣйствія русскихъ начальниковъ, какъ напримѣръ, командира пинки «Молнія», очень рѣшительны.

Трудъ г. Кроткова полонъ чрезвычайно интересныхъ указаній и подробностей, сжато и рельефно рисующихъ внутреннюю жизнь флота конца минувшаго столѣтія. Кромѣ громаднаго интереса, возбуждаемаго въ читателѣ при знакомствѣ съ этою жизнью, книга г. Кроткова имѣетъ большое практическое значеніе. Въ нашемъ флотѣ отъ времени до времени производятся коренныя реформы. Нѣтъ сомнѣнія, что близкое знакомство съ прошедшимъ облегчило бы трудъ современниковъ-реформаторовъ, не имѣющихъ времени рыться въ архивахъ и указало бы на то, что уже было испытано нашими предками и что принесло положительную пользу или вредъ вооруженнымъ морскимъ силамъ Россіи. А. К.

Russia. By W. R. Morfill. London. 1890.

Этотъ небольшой, опрятно-отпечатанный томикъ (въ 400 стр. мал. 8°) производитъ на русскаго читателя чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, хотя заглавіе его нѣсколько обманчиво. По заглавію можно думать, что книжка представляетъ собою описаніе страны и быта русскаго народа, а въ сущности оказывается, что книжка г. Морфиля заключаетъ въ себѣ сжатую, толково-изложенную Исторію Россіи. Томикъ этотъ даже и входитъ въ составъ цѣлой серіи учебниковъ, извѣстной подъ общимъ заглавіемъ «Исторіи народовъ». (History of the Nations). Серія состоитъ уже изъ 23 томиковъ, и, судя по именамъ авторовъ, представляетъ собою попытку очень серьезную и почтенную. Въ составѣ этой серіи видимъ «Финикію» Роуллисона, и «Средневѣковую Францію» Массона, и «Александрову Монархію» Магаффи, и цѣлую группу другихъ книжекъ, серьезно-задуманныхъ и написанныхъ съ истинно-англійскимъ практицизмомъ.

Имя г. Морфиля, какъ лектора по русскому и славянскимъ языкамъ въ Оксфордскомъ университетѣ, пользуется заслуженной извѣстностью. Онъ уже потрудился довольно и не безъ пользы для ознакомленія англійской публики съ тою областью знаній, по которой занимаетъ каѳедру. Имъ написана «Исторія Славянскихъ литературъ» (болѣе безпристрастно, чѣмъ книга Пыпина и Спасовича); имъ же составлены и изданы въ свѣтъ—«Упрощенная Сербская граматика» и «Граматика Русская». Нынѣ изданная имъ «Исторія Россіи» представляетъ собою не простую компиляцію, а самостоятельную обработку печатнаго историческаго матеріала по русской исторіи — матеріалъ къ которому г. Морфиль относится критически, и которымъ онъ владѣетъ вполнѣ. Онъ съ этимъ матеріаломъ знакомъ на столько хорошо, что съумѣлъ его вполнѣ усвоить и пользуется имъ широко, почерпая изъ книгъ факты и краски, и въ то же время не подчиняясь тѣмъ или другимъ воззрѣніямъ русскихъ преподавателей. Но болѣе всего пріятно поражаетъ русскаго читателя въ книгѣ г. Морфиля то чрезвычайное безпристрастіе, съ которымъ онъ относится къ излагаемой имъ русской исторіи. Это безпристрастіе—не случайность, а принципъ, положенный въ основу всей книги. Авторъ прямо высказываетъ въ предисловіи:

...«Я не скрывалъ преднамѣренно темныя стороны картины, въ то же время старался рисовать картину не съ исключительно-англійской точки зрѣнія». И немного далѣе прибавляетъ: «я вовсе не хотѣлъ вносить въ свою книгу тѣхъ вздорныхъ нападокъ, которыми нѣкоторые изъ западныхъ писателей приправляютъ свои книги о Россіи».

И авторъ вполнѣ добросовѣстно выполнилъ свою задачу: онъ сказалъ объ исторіи Русскаго народа все, что могъ и долженъ былъ вложить въ предѣлахъ своего учебника и не прибавилъ ни слова лишняго. Все изложилъ кратко и сжато, но съ такимъ умѣньемъ и тактомъ, что читая книгу г. Морфиля невольно удивляешься, какъ удается ему высказать такъ много въ немногихъ словахъ. Нигдѣ ни одной лишней подробности, ни одного лишняго имени—и все исторія, въ мѣру и пору. Нигдѣ ни страсти, ни скуки:— вся книга читается легко и даже съ удовольствіемъ и вездѣ сквозитъ въ изложеніи автора человѣкъ широко образованный, наблюдательный, тонко понимающій задачи русской исторіи. Самою слабою стороною въ книгѣ

г. Морфиля являются ея иллюстраціи, исполненныя довольно плохо, съ плохихъ и при томъ случайныхъ оригиналовъ, безъ всякой системы и плана. Въ портретахъ нѣтъ полности: рядомъ съ прекрасными фототипіями съ прекрасныхъ и рѣдкихъ оригиналовъ видимъ оттиски цинкографіи. Особенно много внесено снимковъ съ русскихъ монетъ и медалей (тоже безъ всякаго смысла и системы): многое передано невѣрно и заимствовано изъ снимковъ, незаслуживающихъ никакого довѣрія...

Но въ общемъ, повторимъ, книга г. Морфиля производитъ отрадное впечатлѣніе. Это—дѣльное и полезное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ русской исторіи, и мы даже должны добавить, что—къ стыду нашему—у насъ нѣтъ такого сжатаго, связнаго и такъ просто изложеннаго учебника по русской исторіи. Полагаемъ, что эта книга будетъ очень полезна для англійскихъ читателей и что она многихъ завлечетъ къ болѣе подробному изученію нашего отечества. Г. Морфиль, отчасти, и самъ предвидѣлъ это: онъ добавляетъ къ своей книгѣ (въ концѣ) краткій обзоръ русской литературы и обзоръ источниковъ, которыми руководился онъ при составленіи своего учебника. Остается только желать, чтобы побольше явилось на Западѣ такихъ правдивыхъ и такъ безпристрастно изложенныхъ книгъ о Россіи, какъ книга г. Морфиля. **П. Полевой.**

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1889.

Это любопытное изданіе той самой комиссіи, которая напечатала уже столько драгоцѣнныхъ для исторіи Малороссіи актовъ и документовъ, какъ можно догадываться изъ предисловія къ вышедшему уже тому, не ограничится однимъ имъ, но будетъ продолжаться и далѣе. Въ настоящемъ томѣ напечатаны въ извлеченіи или цѣликомъ слѣдующіе памятники: 1) Лѣтопись или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ, что въ которомъ году дѣялось въ Украинѣ малороссійской обѣихъ сторонъ Днѣпра и кто именно когда гетманомъ былъ казацкимъ (1506—1737). 2) Кіевская лѣтопись (1241 — 1621). 3) Межигорская лѣтопись (1608 — 1700). 4) Дневникъ похода противъ казаковъ запорожскихъ (1625). 5) Лѣтопись событій въ южной Руси Львовскаго каноника Яна Юзефовича (1624—1700). 6) Витебская лѣтопись, Кромѣ того въ приложеніяхъ помѣщены двѣ небольшія лѣтописи, именно Добромильская и лѣтопись Львовскаго Кармелитскаго монастыря, и нѣсколько другихъ документовъ: 1) Договоръ королевскихъ коммиссаровъ съ войскомъ запорожскимъ 8-го октября 1619 г. 2) Письма кн. Юрія Збаражскаго къ королю Сигизмунду III о казацкомъ войскѣ (1621—1625). 3) Письма Стефана Хмелецкаго къ королю и неизвѣстнаго къ гетману о побѣдѣ Хмелецкаго и казацкаго гетмана Михаила Дорошенко надъ татарами у Бѣлой Церкви 9-го октября 1626 г. 4) Письма Богдана Хмельницкаго къ львовскому магистрату 1655 г. 5) Охранный универсалъ, выданный Львову Богданомъ Хмельницкимъ 9-го марта 1657 г. и 6) Письма Доминика Вильчка къ королю Іоанну III о происшествіяхъ въ южной Руси (1694—1695). Почти всѣ эти памятники, какъ можно видѣть уже изъ приведеннаго перечня ихъ, относятся къ XVII вѣку; крупное исключеніе представляетъ только первая

лѣтопись, «Описаніе краткое», наиболѣе подробныя и интересныя сообщенія которой относятся къ началу XVIII вѣка. Такимъ образомъ, въ настоящемъ томѣ «Сборника» подобранъ по преимуществу лѣтописный матеріалъ для XVII вѣка въ исторіи Малороссіи, притомъ матеріалъ весьма интересный, дающій возможность сдѣлать нѣкоторыя поправки къ извѣстнымъ намъ фактамъ въ этой исторіи. Изъ лѣтописей наиболѣе интересны «Описаніе краткое» и лѣтопись Ювефовича, изъ которыхъ первая въ варіантѣ, а вторая въ извлеченіяхъ были напечатаны уже ранѣе. Изъ другихъ матеріаловъ особенно любопытны письма Хмельницкаго къ львовскому магистрату и письма Доминика Вильчка. Изданіе снабжено предисловіемъ В. Антоновича, въ которомъ сообщается исторія издаваемыхъ документовъ и дѣлается ихъ оцѣнка, и двумя указателями: именъ личныхъ и географическихъ. **В. М.**

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга третья. Спб. 1890.

Чѣмъ далѣе подвигается почтенный трудъ г. Барсукова, тѣмъ съ большимъ интересомъ приходится слѣдить за нимъ. Сколько здѣсь богатаго и разнообразнаго матеріала для исторіи русскаго общества и отечественной литературы! Точно живые возстаютъ передъ читателемъ корифеи нашей журналистики и университетской науки тридцатыхъ годовъ и не только съ ихъ казовой стороны, въ жизни на людяхъ, но и въ томъ маленькомъ домашнемъ обиходѣ, безъ знанія котораго часто бываютъ непонятны и неясны явленія внѣшней жизни. При этомъ необходимо отмѣтить, что г. Барсуковъ не залѣзаетъ въ интимныя подробности, не выноситъ ненужнаго мусора изъ избы, а лишь касается тѣхъ сторонъ событій и происшествій, которыя такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ дѣятельности его героя и къ исторіи нашей словесности. Не оставлена безъ вниманія и жизнь общественная какъ Москвы, такъ и Петербурга и читатель охотно слѣдуетъ за авторомъ въ Успенскій соборъ, въ театръ, на «выставку русскихъ издѣлій» въ Москвѣ. Читая книгу г. Барсукова на васъ такъ и вѣетъ отечественнымъ прошлымъ и

«Дни минувшіе и рѣчи
«Ужъ замолкшія давно»

развиваются передъ читателемъ въ безыскусственномъ изложеніи.

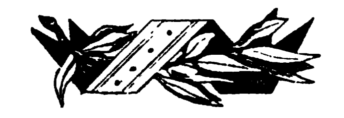
Дѣятельность Погодина въ описываемый періодъ расширяется и мы встрѣчаемъ его въ 1830 г. не только въ роли профессора и литератора, но и общественнаго дѣятеля. Онъ является во время московской холерной эпидеміи редакторомъ «Вѣдомости и состояніи города Москвы», издаваемой по распоряженію военнаго генералъ-губернатора Голицына для сообщенія жителямъ вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи города Москвы и для пресѣченія ложныхъ и неосновательныхъ слуховъ, производящихъ страхъ и уныніе. Въ то время, какъ всѣ близкіе Погодину люди, Аксаковы, Загоскинъ, Кубаревъ и другіе сидѣли, запершись дома, въ ожиданіи грозной гостьи, онъ стоялъ, по выраженію его біографа, въ «центрѣ отчаянной борьбы слабаго человѣка съ страшною, неумолимою, стихійною силою», не покидая вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ ученыхъ занятій и утѣшая окружающихъ.

Г. Барсуковъ обстоятельно знакомитъ читателей со всѣми главнѣйшими литературными эпизодами того періода. Онъ обозрѣваетъ возникновеніе «Ли-

тературной Газеты» Дельвига, основанной какъ оплотъ противъ ненавистной монополіи Греча, Булгарина и союзника ихъ Полевого, положеніе этого органа печати среди остальной журналистики, излагаетъ труды самого Погодина въ области изящной словесности и рисуетъ вполнѣ объективно его отношенія къ литературнымъ дѣятелямъ, къ Пушкину, Булгарину, Кирѣевскому, Полевому. Между прочимъ, авторъ приводитъ любопытное письмо Кирѣевскаго къ Погодину съ мѣткой характеристикой послѣдняго. «Все хорошее, что есть въ тебѣ, пишетъ Кирѣевскій, такъ испорчено, задавлено дурнымъ или, лучше сказать, незрѣлымъ, неразвитымъ, дикимъ началомъ твоего существа, что нельзя довольно повторять тебѣ о твоихъ недостаткахъ. Несвязность, необдуманность, взбалмошность, соединенная съ очень добрымъ сердцемъ, съ умомъ, очень часто одностороннимъ, вотъ ты, и какъ литераторъ, и какъ человѣкъ... Если... ты останешься теперешнимъ человѣкомъ, то, конечно, сдѣлаешь много хорошаго, можетъ быть иное рыцарски-прекрасное; но навѣрное сдѣлаешь много и такого, что просто называется нечистымъ поступкомъ». Обозрѣніе тридцатаго года заканчивается грустными событіями для литературы: «Литературная Газета», «Вѣстникъ Европы», «Галатея», «Атеней» и «Московскій Вѣстникъ» выбываютъ изъ журнальнаго строя, одни сраженные естественной смертью, другіе по запрещенію, какъ напр. «Газета» Дельвига. «Русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу», сказалъ Пушкинъ, по поводу послѣдняго запрещанія. 1831 годъ начинается съ появленія въ печати «Бориса Годунова» Пушкина и основанія Надеждинымъ «Телескопа» и «Молвы», но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи г. Барсуковъ сосредоточиваетъ преимущественное вниманіе на событіяхъ университетской и общественной жизни, а также на домашнихъ дѣлахъ Погодина, купившаго къ тому времени деревню (Сѣрково) въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Занятія нашего историка въ 1831 г. заключались главнымъ образомъ въ изданіи «Цвѣтущаго состоянія Всероссійскаго Государства» Кирилова и въ заботахъ о напечатаніи трагедіи «Петръ Великій». Тщетно хлопоталъ Погодинъ о разрѣшеніи издать «Петра»; Главное Управленіе цензуры хотя и признавало, что трагедія написана съ цѣлью возвеличить Петра, но не признавало себя въ правѣ дозволить ее 1) по государственной важности сюжета; 2) по близости событія къ нашему времени; 3) потому что не знаетъ, можно ли Петра трогать, Екатерину I выставлять участницею въ замыслахъ Меншикова, а Долгорукову позволить браниться съ Петромъ».

1831 годомъ заканчивается третій томъ «Погодина» или правдивое эпическое повѣствованіе г. Барсукова о жизни московской интелигенціи того времени.

Б. Г—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русскія сказки, переведенныя англичанкою. — Англійскіе романы изъ русской жизни. — Переводъ воспоминаній датскаго еврея о Россіи. — Русскія басни въ нѣмецкихъ стихахъ. — Балтійскій нѣмецъ, оклеветавшій русскую литературу. — Мемуары Эрнеста Росси.—Брошюры объ отставкѣ Бисмарка.—Нуженъ ли былъ желѣзный канцлеръ для человѣчества и даже для своего отечества. — Что думаютъ французы о нѣмецкомъ императорѣ и нѣмецкомъ соціализмѣ. — Вильгельмъ II и Фридрихъ II.

АНГЛИЧАНЕ продолжаютъ усердно заниматься изслѣдованіями по русской исторіи и русской литературѣ. Миссъ Годжетсъ издала «Сказки и легенды изъ страны царей: сборникъ русскихъ разсказовъ» (Tales and legends from the land of the tzar: a collection of russian stories, translated from the original russian, by Edith Hodgetts). Англійская критика очень довольна этой книгою и находитъ, что миссъ Годжетсъ не только сдѣлала прекрасный выборъ изъ волшебныхъ русскихъ сказокъ, но и прекрасно разсказала ихъ. Книга составлена не съ научной цѣлью: въ ней нѣтъ ни сравнительныхъ выводовъ съ преданіями другихъ націй, ни ученыхъ примѣчаній. Но въ русскихъ сказкахъ есть какая-то роковая сила (a weird power) и имъ придаетъ особенную прелесть совершенно беззаботное отношеніе къ возможности или правдоподобію разсказываемыхъ въ нихъ событій. Переведенъ «Морозъ красный носъ» — Некрасова, уже знакомый англичанамъ по прежнимъ переводамъ Сомнеръ-Смита и Ральстона. Затѣмъ помѣщена сказка «Снѣгурочка» (The snow-maiden), которую авторъ напрасно причисляетъ къ народнымъ русскимъ сказкамъ: это легенда южныхъ славянъ, довольно вычурная и явно дѣланная, а не простонародная. Приведено нѣсколько былинъ владимірова цикла, нѣсколько сказокъ изъ сборника Аѳанасьева. Напрасно только миссъ Годжетсъ не обратилась къ кому-нибудь знающему русскій языкъ для перевода собственныхъ именъ русскихъ легендъ: нѣкоторыя изъ нихъ у нея слишкомъ искажены. Положимъ и Ральстонъ приводилъ изъ Аѳанасьева сказку «Принцъ козлиная кожа» (Prince

kid skin), въ подлинникѣ носящую названіе «Царевичъ козлоножка». Но это не причина, чтобы Илью Муромца называть Муромичемъ (Elie Muromitch).

— Мистрисъ Сутерландъ Эдуардсъ, жена автора историческаго сочиненія «Романовы, московскіе цари и русскіе императоры», написала романъ «Тайна принцессы» (The secret of the princess) изъ жизни русскаго общества, городской и деревенской, и хотя дѣйствіе происходитъ не задолго до освобожденія крестьянъ, авторъ относится снисходительно къ помѣщичьему режиму и не рисуетъ возмутительныхъ картинъ крѣпостничества.—Джозефъ Гаттонъ, очевидно іудофилъ, если не еврей, въ своемъ романѣ «По царскому указу» (By the order of the czar) разсказываетъ исторію изъ послѣднихъ еврейскихъ погромовъ, причемъ, конечно, сокрушается о незаслуженныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергается эта симпатичная, безкорыстная и великодушная раса. Дѣло не обходится также и безъ заговоровъ нигилистовъ, любимой темѣ англійскихъ романистовъ, претендующихъ на знаніе современной русской жизни.

— Истманъ перевелъ на англійскій языкъ датскія впечатлѣнія о Россіи Георга Брандеса (Impressions of Russia). Извѣстно, что этотъ еврейскаго происхожденія гражданинъ міра, принятый въ Петербургѣ небольшимъ кружкомъ русскихъ писателей, счелъ своимъ долгомъ наговорить, въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи, много любезностей этому кружку и въ то же время много вздору о русской литературѣ вообще. Неизвѣстно для чего нужно было объ этомъ вздорѣ сообщать англичанамъ, разсказывая имъ пустые анекдоты о томъ, что Тургеневъ списалъ своего Базарова съ молодого доктора, съ которымъ познакомился въ 1860 году на желѣзной дорогѣ, или рисуя Достоевскаго «съ лицомъ на половину русскаго мужика, на половину преступника, съ выразительнымъ ртомъ, который, даже и закрытый, говоритъ о безчисленныхъ мученіяхъ, о затаенной печали, о нездоровыхъ желаніяхъ, возбуждаетъ состраданіе, симпатію, страстную зависть, безпокойство, муки». Увѣренія Достоевскаго, что онъ очень доволенъ своей ссылкой, и даже благодаренъ ей, такъ какъ она познакомила его съ внутреннею жизнью русскаго народа—Брандесъ принимаетъ за чистую монету, тогда какъ для романиста роль незлобиваго мученика была только переходомъ къ принятой имъ на себя, въ послѣдніе годы, роли пророка.

— Нѣмцевъ также занимаетъ русская литература. П. Михельсонъ, художественно передавшій Кольцова на нѣмецкомъ языкѣ (см. «Заграничныя историч. новости» въ февральской книжкѣ «Историч. Вѣстника»), издалъ «Сокровищницу русскихъ басенъ» (Russisches Fabelschatz, deutsch von Moritz Michelsson), поощренный, какъ онъ говоритъ, благосклоннымъ пріемомъ критикою его перевода. Въ предисловіи онъ говоритъ также о трудностяхъ этого рода занятій. Одни требуютъ, чтобы переводчикъ проникнулся любовью къ оригиналу и нашелъ въ своемъ языкѣ выраженія, болѣе всего способствующія къ этой передачѣ. Другіе требуютъ отъ перевода творческой силы оригинала, такъ какъ иначе передача будетъ только портретомъ или даже простою фотографіей. Третьи требуютъ отъ переводчика скорѣе критическаго, чѣмъ поэтическаго дарованія. Бѣлинскій говоритъ, что переводъ долженъ быть не буквальнымъ воспроизведеніемъ подлинника, а передачею его духа. Многіе довольствуются только вѣрностью оригиналу, который долженъ производить на чужестранномъ языкѣ тоже впечатлѣніе, какъ и на родномъ. Къ этимъ условіямъ г. Михельсонъ присоединяетъ еще одно—

совершенное знакомство съ языкомъ оригинала. Даже для хорошей фотографіи требуется большое умѣнье—выбрать лучшую позу, расположить какъ слѣдуетъ свѣтъ и тѣнь и пр. Г. Михельсонъ находитъ, что всякій переводъ все-таки не болѣе какъ копія, а самая лучшая копія не можетъ сравниться съ оригиналомъ. Переводчикъ уже слишкомъ распространяется объ этихъ копіяхъ, приводитъ для чего-то имена Теньера, Ван-Остаде, Вувермана, Поттера, Каналетто, говоритъ о своихъ переводахъ Кольцова, цитируетъ переводъ Боденштедта въ сравненіи съ своимъ собственнымъ (замѣтимъ, что пѣсня Кольцова съ ея мастерскими картинами: «Онъ идетъ и поетъ: гдѣ ты, зорька моя? вотъ онъ руку беретъ, вотъ цѣлуетъ меня» и пр. передана г. Михельсономъ хоть и ближе, но слабѣе, чѣмъ Боденштедтомъ), слишкомъ кудревато говоритъ о значеніи басни: «баснописецъ—духовный врачъ общества: онъ борется противъ его злоупотребленій, какъ врачъ противъ болѣзней отдѣльныхъ личностей». Но вѣдь врачъ лечитъ болѣзни прямыми средствами, а не алегоріями. И потомъ, къ чему тутъ вычурныя и невѣрныя сравненія: «басня относится къ литературѣ, какъ законы къ ученію о нравственности» и пр. Но самыя басни переведены хорошо и довольно вѣрно. Изъ Хемницера переведено десять пьесъ. Мѣстами г. Михельсонъ не совсѣмъ близко держится подлинника. Такъ въ «Метафизикѣ», въ стихахъ «А время вещь такая, которую съ глупцомъ не стану я терять», къ первому стиху прибавлено совершенно ненужное выраженіе: «Nun Zeit ist—kannst es an dir schreiben». Изъ Дмитріева взято десять басенъ, изъ Измайлова семь, у князя Вяземскаго шесть; 71 басня принадлежатъ Крылову и для перевода выбраны все оригинальныя, но и здѣсь, съ первой же басни встрѣчаются добавленія къ оригиналу, хотя и незначительныя. Такъ въ «Музыкантахъ» послѣдніе два стиха: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй»—переданы такъ: «Ich aber meine: trink' — wenn's gut dir thut, Doch was du machst — mach' gut!» Въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ» стихъ: «Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ»—переданъ не вѣрно: «Du bist wohl schlau, doch ich bin grau». Баснописецъ не могъ обвинять волка въ хитрости. Въ баснѣ «Крестьянинъ и Лиса» изъ четырехъ стиховъ нравоученія: «А вору дай хоть милліонъ» и пр. — сдѣлано пять и очень плохихъ. Такихъ неточностей мы могли бы привести не мало. Вообще переводъ Крылова удался г. Михельсону меньше, чѣмъ Кольцова. Въ добавленіи приведены три басни Хемницера, переведенныя изъ Геллерта, а г. Михельсономъ еще разъ переведенныя для чего-то съ Хемницера. Тутъ же помѣщена и французская басня Ножана, переведенная Дмитріевымъ.

— Уже не разъ было замѣчено, что пребываніе нѣмцевъ въ Россіи, даже весьма продолжительное, не миритъ ихъ съ русскими порядками и, возвратившись въ Германію, они относятся если не съ ненавистью, то съ затаенною враждою къ странѣ, въ которой пользовались всѣми благами и наживали русскія деньги. Если ужъ такая почтенная особа, какъ пасторъ Дальтонъ, тридцать лѣтъ проповѣдывавшій въ Петербургѣ о добродѣтеляхъ свойственныхъ христіанину, счелъ нужнымъ, оставивъ недавно Россію, распространять объ ней всякій вздоръ въ нѣмецкихъ газетахъ, то можно ли удивляться, что бывшій издатель балтійскаго журнала «Nordische Rundschau» Эрвинъ Бауеръ, эмигрировавшій въ Пруссію, издалъ цѣлую книгу сплетенъ и клеветъ о своемъ нѣмецкомъ отечествѣ,—первымъ для всякаго нѣмца, хотя бы и вскормленнаго на русскихъ хлѣбахъ въ теченіе многихъ поколѣній. Книга относится также къ русской литературѣ и называется «Натурализмъ, ниги-

лизмъ и идеализмъ въ русскомъ творчествѣ» (Naturalismus, Nihilismus und Idealismus in der russischen Dichtung). Написана она съ цѣлью доказать вредъ русской литературы для нравственнаго и эстетическаго развитія увлекающихся ею нѣмцевъ. Наша натуральная школа, по мнѣнію Бауера, только литературная форма нигилизма и отъ этой школы духовная жизнь наша пришла въ упадокъ. Эти основныя положенія своей книги авторъ подтверждаетъ оцѣнкою нашихъ писателей. У Гоголя реализмъ былъ только средствомъ—путемъ обличеній указать на необходимость реформъ, но у его послѣдователей, по мнѣнію Бауера, «сатира превратилась въ безнравственную насмѣшку, выродилась въ нигилистическое отрицаніе всего положительнаго. Обличители не отстаивали уже ни политическихъ задачъ, ни правъ народа, а вели его къ нравственному паденію и ожесточенію». Главою этого рода обличителей былъ Некрасовъ. Оклеветавъ такимъ образомъ нашъ натурализмъ, Бауеръ называетъ Тургенева исторіографомъ нашего общества, забывъ, что прежде общества, онъ изображалъ свой народъ, а Льва Н. Толстого называетъ исторіографомъ русскаго народа, какимъ онъ сталъ теперь. Неужели антикультурныя и реформистскія тенденціи, замѣтныя въ послѣднихъ произведеніяхъ гр. Толстого, раздѣляетъ съ нимъ и нашъ народъ? Бауеръ называетъ этого писателя міровымъ геніемъ, но въ чемъ же выражается его геній: въ литературныхъ ли произведеніяхъ или въ стремленіи пересоздать устройство современнаго общества и обрядовую сторону вѣрованій? Если судить по эпитету «міровой», то слѣдуетъ считать геніальною именно проповѣдническую и реформаторскую роль Толстого, а съ этимъ врядъ ли кто согласится и ужъ ни въ какомъ случаѣ онъ не является въ этомъ отношеніи представителемъ нашего народа. Но и проповѣди Толстого въ національномъ русскомъ духѣ, по мнѣнію Бауера, близки къ нигилизму. Еще больше вздора наговорилъ онъ о Достоевскомъ. «Преступленіе и наказаніе» нѣмецкій критикъ называетъ апологіей нигилистическихъ теорій о правѣ, совѣсти, государствѣ, обществѣ и религіи. Представителями русскаго идеализма Бауеръ называетъ Алексѣя Толстого, Фета и Майкова. Особенно восторгается онъ Фетомъ и даже его плохими переводами классиковъ, гдѣ такъ искажены и оригиналы, и русскій языкъ. А. К. Толстому отдается полная справедливость, хотя онъ и напрасно причисленъ къ лирикамъ, когда лучшія произведенія его драмы и эпическія пьесы. Значеніе г. Майкова также слишкомъ преувеличено, Островскаго нѣмецъ вовсе не понялъ и не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ; Ив. Аксакова характеризуетъ онъ только какъ поэта; молодыхъ натуралистическихъ писателей, въ родѣ Всеволода Гаршина, непомѣрно возвеличенныхъ критическимъ кумовствомъ, развѣнчиваетъ совершенно основательно; въ главѣ «газеты и журналы въ Россіи» перечисляетъ подпольные листки, но причисляетъ «Сынъ Отечества» къ радикальнымъ народнымъ листкамъ. Но, не смотря на всѣ похвалы расточаемые авторамъ, отдѣльнымъ писателямъ и произведеніямъ, одно уже стремленіе Бауера отожествить нашъ поэтическій натурализмъ съ политическимъ нигилизмомъ и явно высказанная цѣль книги: оградить непорочную нѣмецкую литературу отъ тлетворнаго вліянія русской, не можетъ не оттолкнуть всякаго истинно-русскаго человѣка отъ сочиненія нѣмецкаго ренегата.

— Вспоминаетъ о Россіи и недавно гостившій у насъ даровитый артистъ Эрнесто Росси, въ своей книгѣ «Сорокъ лѣтъ артистической жизни» (Ernesto Rossi. Quarant' anni di vita artistica, con proemio di Angelo de

Gubernatis). Лучшій итальянскій актеръ нашего времени давно уже подвизается и на литературномъ поприщѣ. Онъ написалъ нѣсколько пьесъ, впрочемъ, довольно слабыхъ, драматическіе этюды, коментаріи къ пьесамъ Шекспира, характеристику его героевъ, автобіографическія письма о своей жизни и, наконецъ, два тома своихъ воспоминаній. Теперь появился и третій томъ. Въ немъ авторъ доводитъ разсказъ о событіяхъ своей артистической жизни до начала восьмидесятыхъ годовъ, но и въ послѣднее десятилѣтіе онъ совершилъ артистическія поѣздки и, конечно, разскажетъ объ нихъ въ слѣдующихъ томахъ, какъ и о вторичномъ пребываніи въ Россіи нынѣшнимъ постомъ. Итальянскіе артисты охотники странствовать и Ристори ѣздила въ Америку, когда ей было за семьдесятъ лѣтъ. Поѣздки свои Росси описываетъ очень подробно и методически и говоритъ гораздо болѣе о самомъ себѣ, нежели о томъ, что онъ видѣлъ и подмѣтилъ. Извѣстный итальянскій писатель Анджело де Губернатисъ, женатый на дочери нашего ученаго публициста Вл. П. Безобразова, написалъ предисловіе къ книгѣ Росси, друга своей молодости, и очень расхваливаетъ литературный талантъ актера, но нельзя сказать, чтобъ пропагандистъ шекспировскихъ драмъ въ Италіи писалъ интересно и увлекательно. Онъ только безусловно искрененъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что не мѣшаетъ имъ быть, мѣстами, очень скучными и растянутыми. Записки его соотечественницы Ристори гораздо занимательнѣе, потому что короче. Лучшія мѣста книги тѣ, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на искусство, говоритъ, какими путями и усиліями онъ достигъ той извѣстности, какою сопровождались его сценическіе успѣхи на всѣхъ европейскихъ сценахъ. Любопытны также замѣчанія о состояніи театровъ въ Италіи и въ другихъ странахъ, гдѣ Росси гастролировалъ. Въ Италіи, также какъ въ Англіи и Америкѣ, полная свобода сцены. Правительственныхъ театровъ тамъ не существуетъ, нѣтъ даже постоянныхъ труппъ и этому обстоятельству Росси приписываетъ повсемѣстный упадокъ драматическаго искусства, а тѣмъ болѣе оперы и балета. Отъ этого же падаетъ и драматическая литература, такъ какъ частные директоры театровъ не могутъ платить хорошихъ суммъ за хорошія пьесы. Росси дѣлаетъ оцѣнку артистовъ, видѣнныхъ имъ въ разныхъ странахъ, предсказываетъ, въ 1877 году, блестящую будущность М. Г. Савиной, находитъ, что наши комическіе актеры ничуть не хуже итальянскихъ и даже французскихъ. Самойловъ принялъ его очень сухо. Этотъ завистливый актеръ, отличавшійся только гримировкой да умѣньемъ подражать истиннымъ талантамъ, не могъ быть доволенъ итальянцемъ, изображавшимъ настоящаго Лира, а не стараго Кречинскаго, какимъ его представлялъ Самойловъ. Но всѣ истинные любители и знатоки сцены въ Россіи отнеслись весьма сочувственно къ итальянскому трагику, а психопатокъ-поклонницъ у него было здѣсь не меньше, чѣмъ у Мазини или Вальбеля. О Россіи и русскомъ обществѣ артистъ говоритъ вообще весьма сочувственно и даже сомнѣвается въ томъ, чтобы помѣщики относились деспотически къ своимъ крѣпостнымъ, потому что на вечерѣ въ Москвѣ у генерала Арапова нашелъ пятьдесятъ человѣкъ одной мужской прислуги въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Иногда замѣчанія артиста доходятъ до наивности. Такъ, говоря о представленіяхъ у насъ «Ромео», онъ прибавляетъ, что послѣ нихъ «въ Петербургѣ заключено нѣсколько лишнихъ браковъ такъ какъ родители, взволнованные трагическою судьбою несчастныхъ любовниковъ, легче давали согласіе на такіе браки». Ристори и Рашель Росси

очень хвалитъ, но не будучи поклонникомъ классицизма, не признаетъ и игры по вдохновенію, безъ изученія, «нутромъ», какъ выражаются наши приверженцы натурализма на сценѣ. «Разсчитывать чувство по мѣркѣ,— говоритъ онъ,—такое же заблужденіе, какъ и предоставлять его на волю собственной природы. Правда, посрединѣ этихъ двухъ ученій, геніи и въ драматическомъ искусствѣ не рождаются какъ грибы. Подготовлять актера для сцены также необходимо, какъ солдата для войны и безъ школы обойтись нельзя. Искусство и природа должны идти рука объ руку. Какъ для извиненія преступленій придумали временное помраченіе разсудка, такъ актрисы, чтобы скрыть свои недостатки, придумали нервность. Только то, что у Сары Бернаръ природа, у другихъ—выдуманность». Подобныхъ вѣрныхъ мыслей много въ мемуарахъ Росси и нашимъ театральнымъ журналамъ слѣдовало бы сдѣлать изъ нихъ обширныя выдержки.

— Знаменательное политическое событіе послѣдняго времени—отставка князя Бисмарка не могла не возбудить сильныхъ толковъ въ печати и плодомъ ихъ явилось не мало брошюръ, разсматривающихъ со всевозможныхъ сторонъ и причины этого неожиданнаго событія, и отношенія стараго канцлера къ молодому императору. Одна изъ этихъ брошюръ публициста Мартина Гильдебрандта обратила на себя общее вниманіе. Она носитъ претенціозное заглавіе «Безъ Бисмарка. Трезвое обсужденіе положенія» (Ohne Bismarck. Eine nüchterne Betrachtung der Lage). Авторъ, наканунѣ отставки не смѣвшій сказать слова противъ создателя единой Германіи, не стѣснявшагося зажимать ротъ своимъ антагонистамъ, теперь, послѣ отставки, возстаетъ, хотя совершенно основательно, но безпощадно противъ его внутренней политики. Вотъ какими рѣзкими выходками начинается брошюра: «Конечно, обойдемся и безъ Бисмарка. Удаленіе его выигрышъ для нѣмецкаго народа, который пріучился думать головою Бисмарка, возбуждался и восторгался по командѣ, а теперь принужденъ думать собственной головой. Въ смыслѣ развивателя національной идеи Бисмаркъ является личностью очень сомнительною, такъ какъ онъ всегда противодѣйствовалъ развитію національнаго сознанія нѣмецкаго народа. Вотъ почему его удаленіе являлось необходимостью — и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Внутреннія неудачи и ошибки Бисмарка нагромоздились цѣлой башней, благодаря имъ поднялась и усилилась соціальная демократія, за которой теперь слѣдуетъ болѣе полутора милліона народа. Правительственныя партіи думаютъ уничтожить ее всякій посвоему. «Спасеніе въ христіанствѣ!—говоритъ Штеккеръ.—Въ ультрамонтантствѣ!— кричитъ Виндгорстъ. — Въ свободѣ! — восклицаетъ Рихтеръ.—Пусть будетъ какъ Богу угодно!—утѣшаютъ себя національ-либералы». И всѣ эти господа забываютъ, что народу единственно ничего не нужно, кромѣ хлѣба и человѣческаго обращенія: онъ хочетъ, чтобы ему было возвращено его человѣческое достоинство и требуетъ этого все сильнѣе и сильнѣе». Отъ берлинскихъ конференцій по рабочему вопросу авторъ не ждетъ облегченія народа, но разгромивъ внутреннюю политику канцлера, онъ все-таки восторгается его внѣшней политикой, находя, что она состояла въ успокоеніи умовъ, когда, напротивъ, онъ только то и дѣлалъ, что возбуждалъ умы во всей Европѣ. Это сознаетъ косвенно и самъ авторъ, говоря дальше, что канцлеръ «добивался только разрѣшенія кредитовъ и средствъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы держать въ рукахъ всю Европу, ибо что создали кровь и желѣзо, то должно быть отстаиваемо желѣзомъ и страхомъ пролитія крови. Внутри

все могло сгнить, лишь бы внѣшній строй государства внушалъ уваженіе. Что касается до Австріи и Италіи, онѣ, по мнѣнію автора, гораздо ближе къ соціальной катастрофѣ, чѣмъ Германія, и сдѣлаются ея злѣйшими врагами. Общій выводъ тотъ, что внутренняя политика должна быть измѣнена, если правительство не желаетъ, чтобы возбужденныя имъ надежды на лучшее не вызвали серьезнаго недовольства. Императоръ рѣшительный приверженецъ защиты рабочихъ и противникъ закона противъ соціалистовъ, но этими вопросами не исчерпывается внутренняя политика. Бисмарку, какъ заслуженному государственному дѣятелю, прощалось многое, но его наслѣдникъ не долженъ на это разсчитывать, ибо прошло время патріархальнаго абсолютизма, бравшаго все подъ свою опеку. Если реформы не будутъ сдѣланы такъ, какъ этого хочетъ народъ, или если наступитъ пора реакціонерной, консервативно-набожной политики, тогда готовящіеся бичи легко могутъ, по выраженію извѣстной притчи, превратиться для бичеванія—въ скорпіоновъ. Любопытно, что при отставкѣ Бисмарка всѣ органы печати осуждаютъ ту или другую сторону его политики и, въ то же время изъявляютъ сожалѣнія объ отставкѣ и благодарность за эту политику. Да за что̀ же благодарить и о чемъ сожалѣть, если эта политика, въ послѣдніе 20 лѣтъ, привела только къ внутреннему разстройству Германіи, раззорила ея союзниковъ, укрѣпила ея враговъ, довела всю Европу до напряженнаго состоянія вооруженнаго мира. Правда, политика эта объединила Германію, но вѣдь теперь изъ записокъ Фридриха III видно, что настоящими объединителями были этотъ несчастный государь, задушенный страшною болѣзнью и еще болѣе несчастный баварскій король, твердившій въ lucida intervalla своего помѣшательства, что онъ горько раскаявается въ своихъ стараніяхъ доставить императорскую корону Вильгельму I, упорно желавшему остаться прусскимъ королемъ. Изъ этихъ же записокъ видно, что и Бисмаркъ очень мало заботился объ объединеніи. Недалеко, вѣроятно, и то время, когда нѣмецкое увлеченіе Бисмаркомъ и его политикой перейдетъ въ строгое, но справедливое осужденіе памяти этого юнкера-консерватора, о которомъ и теперь уже слышатся рѣзкіе отзывы среди его недавнихъ почитателей. Исторіи пред стоитъ сказать свое правдивое слово: больше вреда или пользы принесъ Бисмаркъ своему отечеству?... О человѣчествѣ мы уже не говоримъ. Объ немъ никогда не думалъ желѣзный канцлеръ. Ему было всегда чуждо даже простое понятіе о гуманности.

— Но въ то время когда съ политической сцены быстро удаляется никѣмъ не оплакиваемая, не привлекательная фигура Бисмарка, рельефно выдвигается впередъ оригинальная, энергичная личность Вильгельма II, уже и теперь носящаго титулъ «императора рабочихъ». Сужденіямъ объ немъ, появившимся въ нѣмецкой печати, довѣрять нельзя: одни, изъ патріотизма или осторожности, только восхваляютъ его, другіе, принадлежащіе къ партіямъ консерваторовъ и отставленнаго канцлера, стараются представить какимъ-то маніакомъ и отзываются иронически о его самодержавномъ соціализмѣ и страсти къ путешествіямъ. Гораздо безпристрастнѣе относятся къ нему французы, хотя и ихъ сбиваетъ отчасти съ толку кипучая дѣятельность этой богато-одаренной натуры. Въ послѣднихъ нумерахъ журнала «Revue bleue» ей посвящено три серьезные этюда: «Соціализмъ германскаго императора и нѣмецкій соціализмъ» («Le socialisme de l'empereur d'Allemagne et le socialisme allemand»), «Вильгельмъ II и Фридрихъ II»

(Guillaume II et Fréderic II) и «Попытка императора и дѣло республики» (La tentatire d'un empereur et l'oeuvre d'une république). Авторъ первой статьи, Лавежи, говоря о появленіи императорскихъ рескриптовъ въ защиту правъ рабочихъ и, упоминая о томъ, что консерваторы не подняли крика противъ этихъ рескриптовъ только потому, что ждали полнаго провала ихъ на конференціи—разсматриваетъ вопросъ: имѣли ли основаніе нѣкоторые соціалисты и радикалы заподозрить искренность императора въ дѣлѣ охраны рабочихъ. Авторъ находитъ, что самое воспитаніе Вильгельма II въ Кассельской гимназіи ознакомило его съ нуждами рабочихъ классовъ. Въ самой ранней юности онъ высказывалъ пристрастіе къ рыцарскимъ подвигамъ, театральнымъ эфектамъ, громкимъ фразамъ. Такимъ же остался онъ и на тронѣ. Гувернеръ его, гуманистъ Гинцпетеръ, имѣлъ на него огромное вліяніе, не утраченное имъ и понынѣ. Соціализмъ императора и его учителя сводится къ тому, чтобы властью монарха урегулировать отношенія труда къ капиталу, рабочихъ къ работодателямъ. Но соціализмъ нѣмецкій, какъ онъ высказывается въ парламентѣ и въ жизни народа, идетъ гораздо дальше: онъ требуетъ полной эманципаціи рабочихъ, реорганизаціи судебной, административной, военной, снятія съ большинства населенія лежащихъ на немъ непомѣрно тяжелыхъ налоговъ. Бисмаркъ отвѣчалъ на эти требованія закономъ противъ соціалистовъ, не позволяющимъ имъ жить въ большихъ городахъ и дающимъ право администраціи высылать крикуновъ и сажать ихъ въ тюрьму. Законъ этотъ, несправедливость котораго понималъ всякій, послужилъ только къ усиленію соціализма. Къ нему примкнули не одни пролетаріи, но и буржуазія, униженная тѣмъ, что всѣми преимуществами въ странѣ пользовались только правящіе классы да военная каста. Теперь и интелигенція и образованные слои общества становятся на сторону соціальныхъ ученій. Какъ же будутъ бороться съ ними олигархія, личная власть, наслѣдственныя права? Авторъ не ожидаетъ поэтому никакихъ практическихъ послѣдствій отъ реформъ Вильгельма. Такого же мнѣнія и Альфредъ Берль, авторъ другой статьи «о попыткѣ императора», доказывающій, что французская республика сдѣлала гораздо больше для рабочаго вопроса, чѣмъ берлинская конференція, ничего не рѣшившая и не установившая даже и второстепенныхъ вопросовъ, а доказавшая только, что Германія, еще вчера гордая побѣдительница, потрясена внутренними неустройствами. Нельзя отрицать заслуги императорской иниціативы или подозрѣвать ее въ неискренности, но у Вильгельма страшные противники, которыхъ трудно обезоружить и еще болѣе страшные союзники, которыхъ еще труднѣе удовлетворить. Экономическій идеалъ его состоитъ въ такомъ устройствѣ общества, гдѣ трудъ и плата за него регулируются также правильно, какъ производство и потребленіе, благодушные работодатели относятся благосклонно къ почтительнымъ рабочимъ, а недоразумѣнія между ними разрѣшаетъ отеческая власть императора. Достижимъ ли въ настоящее время подобный идеалъ? Въ послѣднее десятилѣтіе для рѣшенія всѣхъ соціальныхъ недуговъ нѣмецкая наука нашла только два средства: обязательное страхованіе да вмѣшательство правительства. Немудрено, что при такомъ положеніи дѣла и при возростающей дороговизнѣ предметовъ первой необходимости—слѣдствіе протекціонистской системы, полтора милльона нѣмецкихъ соціалистовъ не ждутъ ничего отъ своего правительства. Перечисляя все, что сдѣлала французская республика для улучшенія быта рабочихъ, авторъ при-

поминаетъ неудачныя попытки наполеоновскаго цезаризма, учредившаго пенсіонныя кассы для рабочихъ, но разстрѣливавшаго этихъ рабочихъ, когда они вздумали контролировать управленіе этими кассами.

Сравнивая Вильгельма II съ Фридрихомъ II, Пьерсонъ находитъ, что оба монарха любили заниматься политическою экономіею, но въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ нѣтъ никакого сходства. Вильгельмъ очень часто упоминаетъ имя Божіе, что же касается до Фридраха II, авторъ разсказываетъ объ немъ слѣдующій анекдотъ: однажды солдатъ-католикъ укралъ цѣнную вещь, принесенную въ даръ образу Мадонны. Солдатъ сознался въ присвоеніи себѣ этой вещи, но утверждалъ, что ее приказала взять ему Мадонна. Король собралъ католическихъ теологовъ и спросилъ ихъ: возможно ли это? Патеры отвѣчали, что для Мадонны нѣтъ ничего невозможнаго. Тогда король положилъ слѣдующую резолюцію: «осужденный освобождается отъ казни, такъ какъ не сознается въ кражѣ и теологи утверждаютъ, что тутъ могло быть чудо. Но мы запрещаемъ ему впредь принимать какіе-либо подарки отъ Мадонны или отъ какого-либо святого». Что же касается до политическихъ взглядовъ, вотъ что писалъ Фридрихъ II Морицу саксонскому въ 1746 году: «Въ первомъ броженіи молодости, когда слѣдуютъ только пылкому воображенію, не обузданному опытностью, жертвуютъ всѣмъ для блестящихъ поступковъ или громкихъ, хотя и странныхъ дѣлъ. Въ первые годы, когда я принялъ начальство надъ моими войсками, я бредилъ стратегическими пунктами и эти пункты были причиною неудачи кампаніи 1744 года». Политика и соціологія, какъ и военное искусство, должны также избѣгать подобныхъ пунктовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Рѣдкій подарокъ.

ВЪ ПРОШЛОМЪ, 1889 году, мнѣ пришлось быть, по службѣ, въ г. Болховѣ, Орловской губерніи. Просматривая здѣсь старыя архивныя бумаги, я, между прочимъ, нашелъ дарственную запись на семейство крѣпостныхъ крестьянъ и домъ въ г. Болховѣ, сдѣланную, въ 1830 году, болховскимъ помѣщикомъ прапорщикомъ Алексѣемъ Денисовичемъ Юрасовскимъ. Разговорившись случайно объ этой дарственной съ священникомъ здѣшней церкви, отцомъ Михаиломъ, 80-тилѣтнимъ старцемъ, болховскимъ старожиломъ, я узналъ отъ него, что во времена его молодости, дарственная эта надѣлала много шуму въ Орловской губерніи.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изъ богачей-помѣщиковъ Болховского уѣзда особенно выдѣлялись Юрасовскіе, а изъ нихъ особенно прапорщикъ Ал. Ден. Юрасовскій, предокъ котораго Денисъ Мартыновичъ Юрасовскій, былъ привезенъ въ Болховской уѣздъ младенцемъ въ 1642 году изъ Литвы матерью своею; потомъ, по достиженіи совершеннолѣтія, поступилъ въ военную службу, отличился въ нѣсколькихъ битвахъ, обратилъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который и пожаловалъ Дениса Мартыновича званіемъ боярина и далъ ему «на прожитокъ» вотчины въ Галицкомъ и Болховскомъ уѣздахъ. Вотчины эти, переходя отъ одного къ другому въ родѣ Юрасовскихъ, дошли, наконецъ, въ количествѣ чуть ли не половины Болховского уѣзда къ Алексѣю Денисовичу, со всѣми угодьями и крѣпостными людьми; къ счастью для этихъ крѣпостныхъ, Ал. Ден., получая слишкомъ громадныя средства съ своихъ владѣній, не гнался за рабочими руками и, хотя не давалъ письменныхъ вольныхъ крестьянамъ, но распускалъ ихъ и позволялъ заниматься чѣмъ они хотятъ, лишь бы они платили ему условный годовой оброкъ. Такъ какъ оброкъ этотъ былъ ничтоженъ, а торговлею заниматься тогда было очень выгодно, то многіе изъ крестьянъ и занимались

ею, переселившись въ разные города, быстро богатѣя и прославляя своего помѣщика-благодѣтеля. Одинъ изъ такихъ крѣпостныхъ, будучи сначала простымъ дворовымъ мальчишкой, потомъ бурмистромъ большого заглазнаго имѣнія, успѣлъ нажиться, затѣмъ просилъ своего барина отпустить и его, какъ и прочихъ, на оброкъ и, получивъ на то разрѣшеніе, переселился въ Болховъ, гдѣ, занявшись хлѣбною торговлею, быстро разбогатѣлъ, купилъ домъ и сталъ окружать себя роскошью, подражая во всемъ своему помѣщику. Алексѣй Денисовичъ Юрасовскій жилъ постоянно въ своемъ любимомъ сельцѣ Морововѣ, верстахъ въ 6-ти отъ Болхова. Здѣсь, среди роскошной обстановки, среди сонма гувернеровъ и гувернантокъ, онъ всецѣло посвятилъ себя воспитанію трехъ своихъ сыновей и дочери. Одинъ изъ любимыхъ имъ гувернеровъ, бывая часто въ Болховѣ по дѣламъ Алексѣя Денисовича, познакомился съ бывшимъ его бурмистромъ и безъ ума полюбилъ его дочь, которая отвѣчала ему взаимностью. Влюбленные открыли свои чувства отцу послѣдней и просили его не помѣшать ихъ счастью, но разжирѣвшій крестьянинъ и слышать не хотѣлъ о бракѣ своей дочери съ какимъ-то, какъ онъ называлъ, пришлецомъ, учителишкой. Отказавъ наотрѣзъ, крестьянинъ приказалъ бѣдному гувернеру «убраться по добру, по здорову, изъ его дома и впредь его не безпокоить». Гувернеръ упалъ передъ жестокимъ отцомъ на колѣни, плакалъ, умолялъ не губить его и согласиться на бракъ, обѣщая въ противномъ случаѣ наложить на себя руки. Это нисколько не тронуло богача-крестьянина и онъ, разсердившись, приказалъ вытолкать наглеца за ворота. Какъ въ воду опущенный ходилъ гувернеръ съ того дня. Это замѣтили всѣ въ Морозовѣ, а одна любопытная гувернантка, вывѣдавши все подробно о случившемся, при случаѣ передала о томъ и Алексѣю Денисовичу. Настало Рождество. Въ первый день Алексѣй Денисовичъ раздавалъ обыкновенно подарки всѣмъ живущимъ въ домѣ, которые, собравшись для этого въ двухсвѣтной залѣ большого морозовскаго дома, ожидали своей очереди. Алексѣй Денисовичъ былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, и, сидя въ мягкомъ креслѣ, шутилъ со всѣми, въ особенности съ своимъ грустнымъ любимцемъ. Подарки раздавалъ восьмилѣтній барчукъ Константинъ по указаніямъ отца. Наконецъ, очередь дошла и до грустнаго гувернера. Алексѣй Денисовичъ вынулъ изъ кармана бумагу и черезъ сына подалъ ее гувернеру, который съ недоумѣніемъ взялъ ее и началъ читать. Каково же было его удивленіе и затѣмъ радость, когда онъ, прочтя бумагу, узналъ, что помѣщикъ даритъ ему ту, которую онъ такъ любитъ, а на придачу къ ней ея отца, мать, братьевъ и сестеръ; вообще жалуетъ гувернеру въ вѣчное и потомственное владѣніе разбогатѣвшаго крестьянина со всѣми его чадами и домочадцами, а сверхъ того, на прибавокъ къ нимъ, домъ на лучшей болховской улицѣ. Можно судить, въ какой ужасъ пришелъ богачъ-крестьянинъ, узнавъ, что онъ сдѣлался крѣпостнымъ того, котораго такъ безсердечно выгналъ изъ своего дома.

Разсказъ этотъ записанъ мною со словъ священника Рудневской церкви, отца Михаила, отправлявшаго обязанности чтеца, на молебнѣ, на первый день Рождества Христова, въ сельцѣ Морозовѣ, послѣ чего отецъ Михаилъ остался посмотрѣть на подарки и былъ такимъ образомъ свидѣтелемъ благороднаго поступка Юрасовскаго. Разсказъ этотъ подтвердили мнѣ и другіе старожилы въ Болховѣ.

Сообщено Г. Коробьинымъ.

СМѢСЬ.

Двадцатипятилѣтіе временныхъ цензурныхъ правилъ. 6-го апрѣля исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня подписанія императоромъ Александромъ II указа сенату о предоставленіи возможныхъ облегченій и удобствъ отечественной печати и объ освобожденіи отъ предварительной цензуры въ обоихъ столицахъ: 1) всѣхъ выходившихъ до опубликованія этого указа повременныхъ изданій, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе; 2) всѣхъ оригинальныхъ сочиненій объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ и 3) всѣхъ переводовъ объемомъ не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Затѣмъ указъ этотъ освободилъ отъ предварительной цензуры повсемѣстно: 1) всѣ изданія правительственныя; 2) всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій; 3) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ сихъ языковъ и 4) чертежи, планы и карты. Для завѣдыванія дѣлами цензуры и печати было вновь учреждено Главное Управленіе по дѣламъ печати. Тогда же, 6-го апрѣля, былъ высочайше утвержденъ новый цензурный уставъ, который повелѣно было привести въ исполненіе съ 1-го сентября 1865 года. Со времени открытія Главнаго Управленія по дѣламъ печати начальниками цензурнаго вѣдомства были: М. П. Щербининъ, Н. Н. Цеэ, М. Н. Туруновъ, М. Н. Похвисневъ, М. Р. Шидловскій, М. Н. Лонгиновъ, В. В. Григорьевъ, Н. С. Абаза, князь П. П. Вяземскій и настоящій начальникъ Е. М. Ѳеоктистовъ. Съ 1869 года, подъ главнымъ наблюденіемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати издается газета «Правительственный Вѣстникъ», а съ 1872 по 1879 гг. издавался этимъ управленіемъ «Указатель по дѣламъ печати». Будемъ надѣяться, что послѣ четвертьвѣкового юбилея нашей цензуры, временныя правила ея замѣнятся, наконецъ, положительными узаконеніями.

Археологическій институтъ. Въ послѣднемъ собраніи директоръ института И. Е. Андреевскій обратилъ вниманіе, что въ послѣднее время, вмѣстѣ съ разслѣдованіемъ архивовъ правительственныхъ учрежденій, выдвигается разработка архивовъ частныхъ лицъ и пригласилъ М. И. Семевскаго познакомить собраніе съ однимъ изъ такихъ архивовъ, именно съ архивомъ князя

Ѳ. А. Куракина. Архивъ этотъ находится въ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, въ селѣ Надеждинѣ, родовой вотчинѣ князей Куракиныхъ. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ до 800 томовъ историческихъ матеріаловъ, преимущественно относящихся до XVIII вѣка. Изъ нихъ особенно важны для отечественной исторіи бумаги петровскаго времени. Посѣтивъ село Надеждино, въ 1888 г., г. Семевскій подробно ознакомился съ архивомъ и выдѣлилъ значительное число дѣлъ для составленія подробнаго ихъ описанія. Подъ редакціей г. Семевскаго приступлено къ изданію особаго историческаго сборника, подъ заглавіемъ: «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина». Первый томъ этого сборника уже печатается иждивеніемъ владѣльца архива. Г. Семевскій подробно познакомилъ собраніе съ отдѣломъ петровскихъ бумагъ этого архива, представляющимъ дѣйствительно серьезный интересъ для нашей исторіи. Въ него входитъ большое собраніе доселѣ неизвѣстныхъ собственноручныхъ писемъ Петра I къ князю Борису Ивановичу Куракину отъ 1711—1724 гг. Письма эти разнообразнаго содержанія и заключаютъ въ себѣ всякаго рода порученія царя, напр., о покупкѣ и отправленіи кораблей, притомъ секретно, дабы избѣжать захвата оныхъ шведами и англичанами, наемъ мастеровъ и техниковъ, приглашеніе ученыхъ въ Академію Наукъ (1724 г.), сватовство дочерей царя Петра и т. д. Нужно замѣтить, что князь Б. И. Куракинъ былъ не только участникомъ въ потѣхахъ и ратныхъ дѣлахъ своего монарха, но и его свойкомъ, будучи женатъ на родной сестрѣ царицы Евдокіи, Ксеніи Ѳедоровнѣ Лопухиной. Петръ рано замѣтилъ дипломатическія способности своего свояка и уже въ 1707 г. отправилъ его въ Римъ съ важнымъ порученіемъ склонить папу не признавать Станислава Лещинскаго, ставленника Карла XII, королемъ польскимъ. Какъ за это время, такъ и гораздо ранѣе, князь Борисъ Ивановичъ велъ весьма обстоятельные дневники. Нѣсколько такихъ дневниковъ, а также подробный обзоръ шведской войны, найдены въ архивѣ села Надеждина. Важнымъ дополненіемъ къ этимъ «Дневникамъ» служатъ обширные «Протоколы посольствъ» князя Б. И. Куракина. Перебывалъ же онъ на весьма высокихъ дипломатическихъ постахъ съ 1710 по 1727 г. непрерывно, а именно: въ Ганноверѣ, Голландіи, Англіи, опять въ Голландіи, наконецъ, въ Парижѣ, гдѣ и скончался въ 1727 г. на 53 году своей чрезвычайно дѣятельной жизни. По отзывамъ историковъ, князь Борисъ Ивановичъ былъ весьма искусный и европейски образованный дипломатъ. Отсюда понятенъ интересъ его «Протоколовъ», весьма обширной «Коррешпонденціи» и «Министерскихъ дѣлъ». Подъ этими заглавіями имъ самимъ разсортированы оставленныя имъ бумаги. Г. Семевскій изложилъ въ своемъ чтеніи болѣе интересные изъ этихъ матеріаловъ, обративъ при этомъ вниманіе на заботы Куракина объ образованіи тѣхъ русскихъ людей, которые посланы были для обученія за границу и состояли подъ его опекой и наблюденіемъ. Но особенно любопытна попытка Б. И. Куракина составить «Славяно-Россійскую Гисторію», доселѣ остававшаяся совершенно неизвѣстной. Въ архивѣ с. Надеждина сохранилась обширная программа этого труда и 37 статей или параграфовъ этой «Гисторіи». Въ нихъ Куракинъ повѣствуетъ, по личнымъ воспоминаніямъ (писано въ 1723—1727 годахъ), о событіяхъ съ 1682 по 1694 годъ включительно. Въ нихъ, правда, нѣтъ новыхъ крупныхъ фактовъ, что весьма понятно, ибо царствованіе Петра намъ извѣстно въ подробностяхъ изъ недѣли въ недѣлю, но за то множество подробностей, характерныхъ чертъ, рисующихъ людей и событія. Такова характеристика царевны Софіи, бракъ Петра съ Евдокіей, рядъ мало извѣстныхъ свѣдѣній о семействѣ Лопухиныхъ, происходившихъ изъ средняго шляхетства и оказавшихся, по отзыву близкаго къ нимъ по брачнымъ узамъ Куракина, не на высотѣ своего положенія. Многочисленная семья Лопухиныхъ, по свидѣтельству его, вызвала противъ себя всеобщее нерасположеніе вслѣдствіе своей склонности къ ябедамъ. Главный виновникъ брака Петра съ Евдокіей, Ти-

хонъ Стрешневъ, скоро отъ Лопухиныхъ отступился. Любопытно также сообщаемое Куракинымъ извѣстіе, что князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, «мужъ великаго ума и остроты», которому Петръ главнымъ образомъ и былъ обязанъ «прокламированіемъ» своимъ 15-го мая 1682 г. на царство, желалъ женить Петра не на Лопухиной, а на княгинѣ Трубецкой—фактъ до сихъ поръ вовсе неизвѣстный. Въ ряду учителей и наставниковъ Петра авторъ «Гисторіи» называетъ нѣсколько новыхъ именъ. Безпристрастіе сужденій Б. И. Куракина о современникахъ видно изъ его отзыва о царевнѣ Софіи. Онъ воздаетъ должное государственному уму царевны Софіи и указываетъ на ея семилѣтнее правленіе, какъ на лучшее время въ русской исторіи. Авторъ, западникъ и сторонникъ Петра, ставитъ правленіе Софьи выше правленія царицы Натальи Кириловны или, точнѣе говоря, ея брата, Льва Нарышкина, о которомъ, вопреки общепринятымъ мнѣніямъ, Куракинъ отзывается весьма неблагопріятно. Въ «Гисторіи» Куракина характеристики государственныхъ дѣятелей петровской эпохи очерчены весьма ярко и въ нихъ не мало новыхъ чертъ. Таковы изображенія Тихона Стрешнева, обоихъ Голицыныхъ (Василія и Бориса), дьяка Ѳедора Шакловитаго, князя Ромодановскаго, Лефорта, Автамона Головина, перваго по времени командира Преображенскаго полка и многихъ другихъ. Францъ Яковлевичъ Лефортъ, по его отзыву, былъ прямой французскій дебошанъ, страстно любившій обѣды, супé и балы и вообще человѣкъ «забавный» (т. е. любитель увеселеній) и роскошный. Князь Ромодановской, по словамъ Куракина, «былъ характеру партикулярнаго (т. е. своеобразнаго), собой видомъ какъ монстръ, нравомъ злой тиранъ, превеликой нежелатель добра никому, пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрной такъ былъ, что никто другой». Докладъ г. Семевскаго дополнялся выставкой гравюръ, взятыхъ изъ извѣстнаго собранія Д. А. Ровинскаго, которыя илюстрировали факты и лица. Слѣдовавшее затѣмъ чтеніе привать-доцента здѣшняго университета В. Э. Регеля—о хрисовулахъ, т. е. золотопечатныхъ грамотахъ византійскихъ императоровъ, представляло также значительный интересъ для спеціалистовъ по части византійской археологіи.

Новооткрытое сочиненіе Посошкова. Въ засѣданіи учрежденной въ 1865 году комиссіи для приведенія въ ясность и порядокъ хранящихся въ архивѣ синода дѣлъ, членъ комиссіи Е. М. Прилежаевъ сдѣлалъ сообщеніе объ открытой имъ въ рукописяхъ сvнодальнаго архива второй половины сочиненія Посошкова: «Отеческое завѣщаніе сыну». Первыя шесть главъ этого завѣщанія, какъ извѣстно, были открыты г. Поповымъ и изданы имъ же въ 1873 году. Открытая теперь г. Прилежаевымъ вторая половина «Отеческаго завѣщанія» содержитъ въ себѣ послѣднія три главы этого сочиненія Посошкова, которыя оставались неизвѣстными и считались не дошедшими до нашего времени. Въ первой изъ нихъ Посошковъ наставляетъ своего сына, какъ жить и дѣйствовать, если ему придется быть церковнымъ причетникомъ и священникомъ; во второй — какъ вести себя, если онъ будетъ простымъ инокомъ или архимандритомъ; въ третьей главѣ Посошковъ даетъ сыну совѣты и указанія на тотъ случай, когда ему довелось бы стать архіереемъ.

Бюстъ К. Д. Кавелина. Согласно ходатайству бывшихъ учениковъ-офицеровъ Константина Дмитріевича Кавелина, умершаго 3-го мая 1885 года, съ высочайшаго разрѣшенія въ конференцъ-залѣ военно-юридической академіи поставленъ изъ бѣлаго мрамора бюстъ даровитаго профессора и наставника, занимавшаго каѳедру гражданскаго права въ академіи въ первыя семь лѣтъ послѣ ея преобразованія (1878—1885 гг.), и пользовавшагося, благодаря своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Бюстъ К. Д. Кавелина, исполненный художникомъ Антокольскимъ, поставленъ на мраморномъ пьедесталѣ сѣросиняго цвѣта, изготовленномъ въ скульп-

турной мастерской Пугачевскаго. На лицевой сторонѣ пьедестала вдѣланъ серебряный лавровый вѣнокъ, сдѣланный ко дню похоронъ любимаго профессора на иждивеніе учениковъ его, обучавшихся въ академіи съ 1878 г., съ такою надписью: «Учителю права и правды. Признательные слушатели военно-юридической академіи, 3-го мая 1885 г.». Расходы на изготовленіе пьедестала и постановку бюста приняли на свой счетъ бывшіе ученики Кавелина.

Расхищеніе археологическихъ сокровищъ. Самовольныя раскопки древнихъ могильниковъ и торговля извлекаемыми изъ нихъ археологическими рѣдкостями въ Чечнѣ и сѣверной Осетіи принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Въ настоящее время осетины и чеченцы уже не поджидаютъ, какъ это дѣлали раньше, пріѣзда иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ, чтобы выгодно сдать имъ археологическія рѣдкости, а спѣшатъ продать ихъ первому встрѣчному спекулятору. Недавно во Владикавказъ прибылъ изъ Тифлиса одинъ изъ такихъ спекулянтовъ, которому за 220 руб. удалось купить у нѣсколькихъ осетинъ алагирскаго общества большую колекцію археологическихъ рѣдкостей, извлеченныхъ изъ древнихъ могильниковъ Ардонскаго и Валаджирскаго ущелій. Украшеніе этой колекціи, заключающей въ себѣ болѣе 1,000 отдѣльныхъ предметовъ бронзоваго вѣка и переходной эпохи отъ этого послѣдняго къ желѣзному, кромѣ золотыхъ, серебряныхъ вещей и монетъ, покрытыхъ надписями и рисунками, между прочимъ, составляютъ и 2 цѣльныхъ, хорошо сохранившихся бронзовыхъ шлема ассирійской формы (коническіе), бронзовые сосуды въ видѣ вазъ, цилиндровъ и шара, небольшія печатки, представляющія довольно изящно исполненное изваяніе тигра съ поджатыми лапами, фибулы, самой разнообразной формы булавки, колокольчики, дротики, стрѣлы, копья, принадлежности сбруи лошади и проч. Тамъ же имѣются и каменные топоры, нѣсколько острыхъ кремневыхъ стрѣлъ, какія-то фигурки, выточенныя изъ камня и кости и, быть можетъ, игравшія роль амулетовъ, и большой клыкъ мамонта съ отколотымъ концомъ у острія. Купившій колекцію увѣряетъ, что подобныя пріобрѣтенія дѣлались имъ и раньше, какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Дагестанѣ, и что, собравъ за сравнительно ничтожную цѣну большое число археологическихъ рѣдкостей, онъ затѣмъ очень выгодно для себя сбывалъ ихъ разнымъ иностранцамъ въ Батумѣ и Одессѣ.

Общество любителей древней письменности. Секретарь Общества сообщилъ, что петербургскій 2-й гильдіи купецъ А. Ф. Марковъ, сочувствуя цѣлямъ Общества, пожелалъ принять на себя расходы по изданію, подъ наблюденіемъ Общества, двухъ интересныхъ памятниковъ: а) «Откровеніе Авраама» по сильвестровскому списку библіотеки московской синодальной типографіи, и б) рукописи «О чудесахъ иконы Тихвинской Божьей Матери». Оба памятника украшены многочисленными и прекрасно исполненными миніатюрами. Г. Марковъ предоставляетъ все отпечатанное число экземпляровъ въ распоряженіе Общества. Предложеніе это принято съ благодарностью. Затѣмъ Ив. Вас. Помяловскій сообщилъ собранію объ изданіяхъ, которыя печатаются и на выходъ которыхъ въ свѣтъ еще въ теченіе 1890 г. есть полное основаніе разсчитывать, а именно: 1) «Паллея», по московскому синодальному списку 1477 г.; 2) «Бесѣды Кесарія», подъ редакціей архимандрита Леонида; 3) «Лѣтописи архіереевъ ростовскихъ», подъ редакціей г. Титова; 4) «Каталоги рукописей библіотекъ трехъ монастырей, составленные Строевымъ», подъ редакціей члена Общества Н. П. Барсукова; 5) «Житіе св. Саввы Освященнаго», подъ редакціей и съ обширнымъ предисловіемъ проф. И. В. Помяловскаго; 6) изслѣдованіе А. С. Фаминцына о «гусляхъ», съ рисунками и нотами, подъ редакціей автора; 7) изслѣдованіе о «Физіологѣ», подъ редакціей г. Карнѣева. Всѣ эти изданія представляютъ большой литературный и научный интересъ и поддержатъ дѣятельность Общества за 1889—

1890 гг. на томъ почетномъ уровнѣ, который оно пріобрѣло своей предыдущей дѣятельностью въ учено-литературномъ мірѣ. Послѣ этого было доложено о новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея и библіотеки Общества. Послѣдняя обогатилась, между прочимъ, интереснымъ рукописнымъ сборникомъ весьма красиваго и хорошо сохранившагося письма, заключающимъ бесѣды на воскресные и праздничные дни. Сборникъ пергаментный, XV вѣка. Отъ директора Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, поступилъ веленевый экземпляръ in folio 2-го тома «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Музеемъ пріобрѣтена интереснѣйшая и драгоцѣннѣйшая миніатюра грузинскаго письма, относимая къ XII-му вѣку, in folio, изображающая одного изъ евангелистовъ. Принесли музею въ даръ: П. И. Саввантовъ—превосходный, раскрашенный гипсовый снимокъ съ иконы Распятія, изъ колекціи Савостьянова, привезенный когда-то съ Аѳона; г-жа В. П. Костромитинова—интереснѣйшіе фотографическіе снимки съ портретовъ Петра I и Екатерины I, находящихся въ княжескомъ зàмкѣ городка Пирмонтъ, лѣтней резиденціи князей Пирмонтъ и Вальдекъ; портреты писаны были во время пребыванія Петра на водахъ въ Пирмонтѣ, и хотя художникъ писалъ ихъ украдкой, посматривая на царя въ щелочку двери, тѣмъ не менѣе портреты на столько характерны, что при всемъ отличіи ихъ отъ портретовъ, къ которымъ мы присмотрѣлись, они производятъ впечатлѣніе большого сходства. Принесена также въ даръ и фотографія дома, въ которомъ жилъ въ Пирмонтѣ русскій царь. Членъ Общества П. Н. Тихоновъ сдѣлалъ послѣ этого докладъ объ интересной рукописи, случайно попавшейся ему и трактующей «о преобразованіи Россіи». Авторъ ея, Ѳедоръ Степановичъ Салтыковъ—одинъ изъ дѣятелей петровскаго царствованія; составлена она была приблизительно въ 1709—1711 годахъ. Писана въ стилѣ категорическомъ и краткомъ, безъ обстоятельной мотивировки. Г. Тихоновъ, сообщивъ нѣкоторыя данныя объ авторѣ, прочелъ главу объ устройствѣ учебной части. Авторъ предлагалъ обратить извѣстное число мужскихъ и женскихъ монастырей — въ «академіи»; студентовъ и «студентокъ», выражаясь примѣнительно къ нашему времени, содержать: первыхъ съ 6 и до 23 лѣтъ, а послѣднихъ съ 6 и до 15, на доходы съ монастырскихъ имуществъ. Програмы приложены къ проекту. Записку эту, крайне интересную, постановлено напечатать въ изданіяхъ Общества. Салтыковъ помогалъ преобразованію Россіи не на словахъ только, но и на дѣлѣ, чѣмъ и отличается отъ многихъ современныхъ преобразователей. По порученію Петра онъ ѣздилъ много разъ за границу и покупалъ корабли, фрегаты и т. п. Въ заключеніе членъ Общества М. И. Семевскій сдѣлалъ пространное сообщеніе объ архивѣ князя Бориса Ивановича Куракина, также сподвижника Петра I.

Отчетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за 1889 годъ. Къ 1 январю 1889 года въ Обществѣ числилось 743 члена; въ теченіе года вновь избрано 37 лицъ; скончалось 18 лицъ (въ томъ числѣ члены-учредители: В. П. Безобразовъ, А. А. Краевскій, М. Е. Салтыковъ и Н. Г. Чернышевскій); сложили съ себя званіе членовъ 5 лицъ; такимъ образомъ къ 1 января 1890 г. въ обществѣ числится 757 членовъ. Комитетъ, управляющій дѣлами общества, послѣ выборовъ 2 февраля 1889 г., составился изъ предсѣдателя К. К. Арсеньева, помощника предсѣдателя В. Л. Манассеина, казначея Я. Г. Гуревича, секретаря В. И. Семевскаго и членовъ Ѳ. Ѳ. Воронова, П. А. Гайдебурова, А. М. Жемчужникова, Н. К. Михайловскаго, П. О. Морозова, С. Л. Муромцова, (въ Москвѣ), В. Ю. Скалона и А. К. Шеллера. На мѣсто выбывшихъ по уставу П. А. Гайдебурова, Н. К. Михайловскаго, П. О. Морозова и С. А. Муромцова общимъ собраніемъ 2 февраля 1890 г. выбраны: Н. И. Карѣевъ, В. Г. Котельниковъ, В. В. Лесевичъ и Н. С. Таганцевъ. Въ настоящее время бюро комитета состоитъ изъ предсѣдателя К. К. Арсеньева (Спб. Васильевскій островъ, 14-я линія, д. № 23, прини-

маетъ по воскресеньямъ отъ 11 до 12 часовъ), помощника предсѣдателя В. А. Манассеина (Выборгская Сторона, Симбирская улица, д. № 12, принимаетъ ежедневно отъ 4½ до 5½ ч.), казначея В. Г. Котельникова (Малая Подъяческая, д. № 6, кв. № 4, принимаетъ по средамъ отъ 5 до 7 веч.) и секретаря В. Ю. Скалона (Васильевскій Островъ, 3-я линія, д. № 16, принимаетъ по вторникамъ отъ 6 до 7). Къ 1 январю 1890 г. капиталъ Общества равнялся 142,759 руб. 15 коп. Въ теченіе года были выданы слѣдующія денежныя пособія: пенсій на сумму 7,730 р. (на попеченіи фонда было пенсіонеровъ и пенсіонерокъ 34, за смертью четырехъ изъ нихъ осталось 30 человѣкъ). Размѣръ пенсіи простирался отъ 120 до 600 р. въ годъ. Единовременныхъ пособій выдано 8,488 руб. и безсрочныхъ ссудъ 4.525 р. (тѣхъ и другихъ 141 лицу въ размѣрѣ отъ 10 до 600 р.): продолжительныхъ пособій 1,582 руб. Стипендій на сумму 1,500 р. и за воспитаніе дѣтей писателей 2.933 руб. 75 коп. Срочныхъ ссудъ выдано на сумму 1,425 р. (9 лицамъ). Неденежныя пособія состояли въ слѣдующемъ: дочери 6 писателей воспитывались на предоставленныхъ литературному фонду безплатныхъ вакансіяхъ въ гимназіяхъ М. Н. Стоюниной, кн. Оболенской и г-жи Таганцевой; дочь писателя была освобождена по ходатайству Комитета отъ платы за обученіе на педагогическихъ курсахъ, а братъ писателя отъ платы за слушаніе лекцій въ Казанскомъ университетѣ (ему же университетъ назначилъ пособіе въ 50 р.). Одинъ писатель былъ опредѣленъ по просьбѣ Комитета въ больницу; двумъ писателямъ выдавались безплатно лекарства изъ аптеки проф. Пеля. Четыре врача оказывали по просьбѣ Комитета медицинскую помощь больнымъ писателямъ. По просьбѣ 6 писателей Комитетъ принималъ на себя посредничество въ сношеніяхъ съ редакціями повременныхъ изданій. Отказано было: въ просьбѣ о пенсіяхъ 5 лицамъ, о пособіяхъ и безрочныхъ ссудахъ 69 лицамъ, въ срочныхъ ссудахъ 11 лицамъ, въ прочихъ просьбахъ 8 лицамъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ Ихъ Императорскія Величества изволили пожаловать Обществу: Государь Императоръ 1,000 руб. и Государыня Императрица 300 руб.; Ихъ Императорскія Высочества: Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна 100 руб.; Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ 200 руб. и Алексѣй Александровичъ 100 р., Великій Князь Костантинъ Константиновичъ и принцесса Евгенія Максимильяновна Ольденбургская по 50 руб. Отъ министерства народнаго просвѣщенія получено 1,000 р. Что касается содѣйствія дѣятельности Общества частными лицами въ различной формѣ, то здѣсь будетъ упомянуто только о томъ, о чемъ не было заявлено въ прежнихъ отчетахъ Комитета, печатаемыхъ нѣсколько разъ въ теченіе 1889 года. В. А. Гольцевъ и директоръ филармоническаго Общества въ Москвѣ г. Шестаковскій устроили въ Москвѣ музыкальный вечеръ въ пользу Общества. Типографія М. М. Стасюлевича безплатно печатала отчеты и бланки Ощества, а газеты: «День», «Новости», «Новое Время», «Недѣля», «Петербургскій Листокъ», «Петербургская Газета», «Правительственный Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Кіевлянинъ», «Волжскій Вѣстникъ», «Казанскій Биржевой Листокъ», «Одесскій Листокъ», «Одесскій Вѣстникъ», «Одесскія Новости», «Саратовскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ» и нѣкоторыя другія, а также журналы: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Старина» и «Русская Мысль» печатали извлеченія изъ отчета общества; указанныя же петербургскія газеты печатали безплатно и объявленія и извѣщенія Общества. По духовному завѣщанію члена учредителя Общества Андрея Александровича Краевскаго получено пожертвованіе въ 10,000 руб., которое и зачислено въ неприкосновенный имени А. А. Краевскаго капиталъ. Въ капиталъ имени учредителя Ощества М. Е. Салтыкова съ 1 сентября 1889 года по 1 января 1890 г. поступило: отъ Е. А. Салтыковой 1,000 р., изъ г. Шацка черезъ г. Смолдовскаго 53 р., изъ г. Рязани черезъ г. Баженова 40 р., изъ

г. Вятки черезъ г. Бородина 50 р., отъ неизвѣстнаго 12 р. 20 к., всего же въ капиталъ имени М. Е. Салтыкова въ теченіе 1889 г. поступило 2,861 р. 24 к. Въ концѣ года въ комитетъ Общества стали поступать пожертвованія для образованія капитала имени учредителя Общества Н. Г. Чернышевскаго отъ астраханскихъ почитателей 100 руб., отъ минскихъ почитателей 15 руб. и отъ В. К. — 25 руб. Лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, пріобрѣло отъ Е. М. Гаршина 3/8 дали литературнаго наслѣдства, оставшагося послѣ В. М. Гаршина и пожертвовано литературному фонду въ полную собственность. Фонду принадлежитъ теперь 3/4 этого наслѣдства. Всѣмъ означеннымъ лицамъ, учрежденіямъ и редакціямъ комитетъ изъявляетъ глубочайшую признательность.

† Въ Берлинѣ **Викторъ Генъ,** бывшій главный библіотекарь нашей публичной библіотеки. Посвятивъ всю свою, богатую усидчивымъ трудомъ и глубокимъ знаніемъ жизнь на тихую службу въ нашемъ книгохранилищѣ и на ученыя работы по исторіи культуры, Генъ прожилъ безъ шума и внѣшняго блеска. Но у тѣхъ, кто ознакомился съ его трудами, останется навсегда память о немъ, какъ объ авторѣ сочиненій, представляющихъ, въ сжатой и строго-научной формѣ, неисчерпаемый источникъ интереснѣйшихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей человѣческаго вѣдѣнія. Два его сочиненія, историко-лингвистическіе эскизы—«Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу» и «Италія», взгляды и бѣглыя замѣтки, вышедшія оба въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею автора, въ 1872 г., представляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Въ первомъ изъ нихъ—прослѣдивъ появленіе въ Азіи и переходъ и распространеніе по Европѣ важнѣйшихъ растеній, а также домашнихъ животныхъ, Генъ, пользуясь своею начитанностью, даетъ полную картину и всестороннее изслѣдованіе культурнаго растенія или звѣря, черпая для этого выдающіяся черты въ религіи, исторіи, поэзіи, экономическомъ бытѣ и естественныхъ наукахъ. Описываемый имъ предметъ пріобрѣтаетъ особое, типическое значеніе въ исторіи культуры. И все это изображено въ живыхъ очертаніяхъ сжатымъ и вмѣстѣ содержательнымъ языкомъ, съ полнымъ отсутствіемъ педантизма, свойственнымъ простотѣ и удобопонятности истиннаго знанія. Книга объ Италіи, изображающая ярко контрастъ, поражающій при переходѣ черезъ Альпы съ сѣвера на югъ, въ рядѣ серьезныхъ очерковъ даетъ картину итальянской природы, архитектуры, культуры народа и заключаетъ ее изслѣдованіемъ о языкѣ, въ которомъ, сквозь спокойствіе наблюдателя, невольно пробивается восторгъ ученаго, понимающаго, не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, сколь многимъ обязанъ цивилизованный міръ романскому началу.

† Въ Иркутскѣ **Іосафатъ Огрызко,** имя котораго столько разъ упоминалось въ печати въ началѣ 60-хъ годовъ. Огрызко служилъ въ министерствѣ финансовъ, сначала столоначальникомъ въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а затѣмъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ. Онъ имѣлъ также въ Петербургѣ типографію и издавалъ польскую газету «Slowo», прекращенную цензурою. Для удовлетворенія подписчиковъ Огрызко издалъ Volumina legum, сборникъ законодательныхъ постановленій польскихъ сеймовъ, долженствовавшій, какъ говорили, служить кодексомъ для Польши, надъ возстановленіемъ которой Огрызко втайнѣ трудился. Роль Огрызко въ возстаніи 1863 г. еще не окончательно выяснена: одни говорятъ, что онъ былъ главнымъ агентомъ народоваго жонда въ Петербургѣ, другіе отводятъ ему болѣе скромную роль. Скомпрометированный документами, открытыми въ Вильнѣ, Огрызко, не смотря на сильную защиту въ Петербургѣ, гдѣ у него въ высшей администраціи было много связей, былъ приговоренъ къ каторжной работѣ. Отбывъ сокращенный по разнымъ манифестамъ срокъ работъ, Огрызко возстановленъ былъ и въ дворянскомъ до-

стоинствѣ. Онъ жилъ послѣдніе годы въ Иркутскѣ и занимался адвокатурою въ тамошнемъ золотопромышленномъ мірѣ. Средства его къ жизни были самыя ограниченныя. Онъ до конца жизни сохранилъ много друзей и въ числѣ лицъ, помогавшихъ ему крупными суммами, называютъ одного покойнаго уже, весьма извѣстнаго русскаго историка-юриста.

† Въ Петербургѣ **Сергѣй Ѳедоровичъ Калугинъ**, одинъ изъ газетныхъ работниковъ. Онъ завѣдывалъ въ газетѣ «Гражданинъ» отдѣломъ хроники. С. Ѳ. происходилъ изъ купеческой семьи и началъ свою дѣятельность актеромъ на александринской сценѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ пользовался успѣхомъ въ пьесѣ «Тяжелые годы». Но на здѣшней сценѣ онъ пробылъ не долго, уѣхалъ въ провинцію и выступилъ въ Вильнѣ. Тамъ же впервые въ мѣстныхъ газетахъ онъ началъ печатать пьесы изъ польской исторіи. Затѣмъ С. Ѳ. бросилъ театръ и, возвратясь въ Петербургъ, сталъ работать въ газетахъ. Между прочимъ, онъ долго сотрудничалъ въ отдѣлѣ хроники въ «Голосѣ», а послѣ закрытія этой газеты сдѣлался придворнымъ хроникеромъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», изъ котораго перешелъ въ «Гражданинъ». Онъ захворалъ въ ноябрѣ прошлаго года инфлуэнцой, поправился и снова захворалъ легочнымъ процесомъ. Здоровье его начало возстановляться, но у него сдѣлался припадокъ удушья и онъ скончался. Отличительною чертою С. Ѳ. было необыкновенное трудолюбіе и энергія, онъ работалъ постоянно, безъ отдыха, и продолжалъ редактировать хронику «Гражданина» даже послѣдніе мѣсяцы, когда горячка доводила его до бреда.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу воспоминаній о Рязанской семинаріи.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго» помѣщенъ, между прочимъ, отрывокъ изъ воспоминаній о Рязанской духовной семинаріи одного недавно умершаго священника. Въ этомъ отрывкѣ авторъ, сопоставляя время своего обученія въ семинаріи въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія съ настоящими временами и съ высокою похвалою отзываясь о славныхъ дѣятеляхъ того времени, въ мрачномъ свѣтѣ говоритъ о современномъ направленіи воспитывающихся поколѣній: «то были свѣтлыя личности, пишетъ онъ про первыхъ, сильные характеры. Они свѣтили намъ во время ученія, заставляли любить науку не ради «кормленія» и матеріальныхъ выгодъ, но какъ руководительницу жизни. Поэтому тогда образованность и благородство душевное были синонимами. Какъ все измѣнилось теперь. Духъ утилитаризма, духъ критики и скептицизма, отравилъ умы новыхъ поколѣній. Годы ученія не вызываютъ въ нихъ благотворныхъ воспоминаній. О своихъ наставникахъ они говорятъ съ осужденіемъ и насмѣшкою... Грустно и страшно за юношей, не питающихъ уваженія ни къ кому изъ старшихъ и начальствующихъ, страшно за юношей, поставившихъ себя на ложную высоту».

Если вы напечатали на страницахъ издаваемаго вами журнала сужденія недавно умершаго священника о настроеніи воспитанниковъ современныхъ поколѣній, сужденія, по заявленію самого сообщившаго вамъ отрывокъ воспоминаній, завѣдомо не вполнѣ справедливыя, то, надѣюсь, не откажете

въ соотвѣтствіе этимъ сужденіямъ дать мѣсто на страницахъ того же журнала сужденіямъ самихъ воспитанниковъ современныхъ поколѣній о начальникахъ и наставникахъ своихъ. Живыхъ дѣятелей касаться не будемъ, ихъ оцѣнка впереди. Но вотъ у меня подъ руками два посмертныхъ печатныхъ памятника изъ ближайшаго прошлаго Рязанской семинаріи, одинъ подъ заглавіемъ: «Вѣнокъ на могилу ректора Рязанской д. семинаріи, протоіерея Василія Ивановича Горетовскаго» 1883 г., а другой: «На память о Василіѣ Ивановичѣ Любомировѣ, преподавателѣ Ряз. дух. семинаріи» 1886 г. Въ томъ и другомъ памятникѣ помѣщены воспоминанія о двухъ отошедшихъ въ вѣчность дѣятеляхъ семинаріи послѣдняго времени, изъ которыхъ одинъ (о. ректоръ) самоотверженно трудился на пользу семинаріи 15-ть лѣтъ съ 1868—1883 гг., а другой—17-ть лѣтъ съ 1870—1886 г. Здѣсь же помѣщены и тѣ надгробныя рѣчи воспитанниковъ семинаріи, въ которыхъ послѣдніе подъ самыми живыми впечатлѣніями изливали свои чувства и воспоминанія, очерчивая безхитростно дѣятельность покойныхъ, какъ она отражалась на сердцахъ ихъ. Въ воспоминаніяхъ воспитанниковъ покойный о. ректоръ Горетовскій выступаетъ какъ «незабвенный отецъ-благодѣтель» въ полномъ смыслѣ этого слова, снискавшій себѣ глубокую признательность и любовь всѣхъ питомцевъ своихъ, выступаетъ какъ самоотверженный труженикъ, всю душу свою, всѣ силы свои, здоровье свое и даже жизнь свою отдавшій семинаріи.

Но особенно характеренъ для насъ въ данномъ случаѣ второй памятникъ о В. И. Любомировѣ — и именно въ такомъ отношеніи. Недавно умершій священникъ особенно долго и восторженно въ своихъ воспоминаніяхъ останавливается на лекціяхъ по догматическому богословію о. ректора Антонія. В. И. Любомировъ былъ такъ же преподаватель догматическаго богословія и вотъ въ краткихъ выдержкахъ отзывы учениковъ его объ урокахъ его: «дорогой, незабвенный и незамѣнимый учитель! ты владѣлъ силами, способностями и умѣньемъ выполнять съ высшимъ совершенствомъ возложенную на тебя обязанность—съ великою славою для себя и съ пользою для своихъ питомцевъ... Въ лабиринтѣ глубокомысленныхъ наукъ ты не оставлялъ насъ ни на шагъ безъ руководства: какъ любящій отецъ, ты велъ насъ по истинному пути науки, боясь, чтобы кто-нибудь изъ твоего стада не заблудился во мракѣ ложныхъ теорій... Ты не пустыми словами и фразами, а самою твоею незабвенною высокою личностію убѣждалъ насъ въ истинахъ вѣры, твое глубокое благоговѣніе предъ путями промысла Божія, искреннее и всецѣлое убѣжденіе въ богооткровенныхъ истинахъ коренились во всемъ твоемъ существѣ, находили себѣ обаятельное для зрителей обнаруженіе въ торжественномъ выраженіи твоего лица, твоихъ глазъ, устремленныхъ ввысь, когда ты начиналъ говорить о тайнахъ вѣры. О, мы помнимъ и не забудемъ этого дорогого лица! Когда же какъ потокъ лилась твоя торжественная, убѣдительная рѣчь, сердце кого изъ слушателей не испытывало на себѣ живого вліянія твоего вдохновеннаго слова! Душа твоихъ учениковъ устремлялась туда же, куда ты устремлялся своими взорами. Въ религіозной и нравственной высотѣ твоего характера мы видѣли наглядное торжество вѣры надъ суемудріемъ, нравственности надъ низменною разсчетливостію, видѣли и восхищались твоимъ достойнымъ восхищенія образомъ»...

Недавно умершій священникъ писалъ, что смерть инспектора семинаріи Н. А. Ильдомскаго при своей внезапности произвела потрясающее впечат-

лѣніе на тогдашнихъ учениковъ его. А вотъ впечатлѣніе смерти В. И. Любомирова также на учениковъ его. «Какъ теперь рисуется предо мною», читаемъ въ надгробной рѣчи другого воспитанника, «картина изъ тяжелаго настоящаго... Вечеръ... за столами кучка воспитанниковъ, предъ каждымъ евангеліе. Всѣ углублены въ раскрытую книгу. Вниманіе написано на лицахъ всѣхъ, тишина нѣмая;—и вдругъ среди этой тишины чей-то прерывающійся голосъ возвѣщаетъ, что В. Ив. по приговору врачей долженъ умереть въ этотъ вечеръ. Кажется, громовой ударъ, разразившійся среди насъ, не поразилъ бы насъ съ такою силою, какъ эта печальная вѣсть»...

При этомъ не могу не привести почти полностью письма одного изъ бывшихъ учениковъ В. И. Любомирова. Письмо это помѣщено въ томъ же памятникѣ и дорого въ данномъ случаѣ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о настроеніи воспитанниковъ семинаріи, по выходѣ ихъ изъ оной и о душевномъ ихъ отношеніи къ ней.

«Представь, — пишется въ этомъ письмѣ, — В. И. Любомировъ умеръ!» печально произнесъ одинъ изъ моихъ товарищей, случайно заѣхавшій ко мнѣ въ деревню. Сильный ударъ грома въ зимнее время, или ночной пожаръ сосѣдняго дома не поразили бы меня такъ сильно, какъ эти роковыя слова... Я не хотѣлъ, я не могъ этому вѣрить! но товарищъ, живой свидѣтель самыхъ похоронъ В. Ив., подтверждалъ печальный фактъ и со слезами на глазахъ разсказывалъ подробности смерти и похоронъ. Я заплакалъ....

«Какъ живой стоитъ предъ моимъ мысленнымъ взоромъ В. Ив.! Молодой, высокій, статный, съ прекраснымъ открытымъ лбомъ, съ мягкими ласкающими глазами, при взглядѣ которыхъ у всякаго становилось тепло и весело на сердцѣ...

«Всѣ, учившіеся у него, никогда не забудутъ его лекцій. И что это были за лекціи! Выливавшіяся прямо изъ души, пылавшей всѣмъ жаромъ убѣжденія,—онѣ дышали вдохновеніемъ! Стоя посреди класса, одушевленный сосредоточеннымъ вниманіемъ учениковъ и самымъ предметомъ своей лекціи, онъ, устремивъ загорѣвшійся взоръ куда-то вдаль, говорилъ увлекательно, прекрасно... Онъ говорилъ близко и понятно нашему сердцу. Потому глубоко западали слова его въ душу учениковъ... Послѣ его лекцій всѣ были какъ-то внутренно благочестиво возбуждены. Его собственная благочестивая настроенность невольно переливалась въ душу его слушателей.

«Мнѣ, пишущему эти строки, приходилось испытывать на себѣ вліяніе его благочестивой настроенности, особенно во время богослуженія. Покойный къ богослуженію всегда приходилъ въ нашу семинарскую церковь и становился на хорахъ... Во время богослуженія В. Ив. былъ весь религіозный порывъ, былъ весь—молитва... Глядя на него, невольно какъ-то и самому хотѣлось молиться... И молишься бывало, и горячо молишься... То же испытывали и многіе другіе мои товарищи, становившіеся на хорахъ. Святой онъ былъ человѣкъ!...»

Приведенныя выдержки съ достаточною наглядностію, полагаемъ, показываютъ, что и доселѣ Рязанская семинарія не оскудѣваетъ ни свѣтлыми личностями и сильными характерами, ни духомъ возвышенной любви къ наукѣ и возвѣщаемымъ ею истинамъ, ни духомъ христіанскаго воодушевленія и крѣпкой благочестивой настроенности въ питомцахъ ея и благодарнаго памятованія ими о начальникахъ и наставникахъ своихъ, объ оскудѣніи которыхъ такъ сѣтовалъ недавно умершій священникъ.

Ректоръ Рязанской семинаріи, прот. І. Смирновъ.

II.

Къ некрологу Дм. Серг. Михайлова.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1890 г. помѣщенъ некрологъ попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, Дмитрія Сергѣевича Михайлова, умершаго 28 января въ г. Оренбургѣ, причемъ, среди свѣдѣній о его жизни, вкралась ошибка, которую считаю своимъ долгомъ исправить въ интересахъ истины. Въ некрологѣ сказано: «въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ директоромъ петербургской учительской семинаріи и поставилъ блестяще ея учебное дѣло». Дмитрій Сергѣевичъ никогда не былъ директоромъ петербургской учительской семинаріи, а въ 1872 г. былъ назначенъ директоромъ петербургскаго учительскаго Института, гдѣ и пробылъ до назначенія его инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа, въ январѣ 1877 года, передавъ свою должность директора тоже извѣстному педагогу К. К. Сентъ-Илеру. Учительскіе институты, учрежденные Положеніемъ 31 мая 1872 г., были въ то время новыми учебными заведеніями, и первоначальная постановка учебнаго дѣла во многомъ зависѣла отъ первыхъ директоровъ ихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и первый директоръ петербургскаго учительскаго Института, Д. С. Михайловъ, дѣйствительно поставившій блестяще учебное дѣло въ ввѣренномъ ему заведеніи. Считаю своимъ долгомъ сдѣлать эту поправку еще потому, что такая же ошибка замѣчена мною и въ некрологахъ, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ газетахъ; напр., «День» № 590.

Г. П. Майковъ.

Прежде чѣмъ обратиться съ просьбой о деньгахъ къ брату, онъ хотѣлъ переговорить съ Изабеллой. Главное, ему хотѣлось узнать отъ сестры, что за личность Біанка Капелло, которая, судя по слухамъ, дошедшимъ до него въ Римъ, и по письмамъ изъ Флоренціи, имѣетъ неограниченное вліяніе на герцога Франческо.

Заведя въ этомъ смыслѣ бесѣду, Фердинандъ получилъ отъ сестры самые лестные отзывы о Біанкѣ. Изабелла передала брату, что Біанка очень хорошій человѣкъ, но что въ силу роковыхъ обстоятельствъ она сбилась съ пути, вслѣдствіе увлеченій и пылкой натуры.

— Не могъ же братъ полюбить антипатичную женщину,— говорила Изабелла,—его встрѣча съ Біанкой счастливѣйшая случайность, иначе Франческо не имѣлъ бы одной минуты покоя около жены, которая кромѣ непріятностей ничего ему не дѣлаетъ.

Далѣе Изабелла передала брату, какъ она познакомилась съ Біанкой, какъ послѣдняя всегда готова услужить каждому, въ особенности членамъ семьи Франческо, и что нѣтъ сомнѣнія она и ему, Фердинанду, поможетъ.

Пріѣхавъ во Флоренцію, кардиналъ былъ сильно предубѣжденъ противъ Біанки. Доводы сестры значительно смягчили его мнѣніе о фавориткѣ брата и ему уже не была противна мысль, что протекція Біанки можетъ способствовать его цѣли, съ которой онъ пріѣхалъ изъ Рима во Флоренцію.

Потомъ Изабелла поинтересовалась узнать отъ брата, думаетъ ли ея мужъ посѣтить Флоренцію. Кардиналъ отвѣчалъ, что герцогъ Браччіано собирается сопутствовать Марку Колонна въ экспедиціи противъ турокъ; что въ этой экспедиціи, подъ предводительствомъ Джіованни Австрійскаго, будутъ участвовать всѣ христіанскіе князья. Изабелла съ удовольствіемъ узнала все это. Ей было пріятно, что супругъ удаляется отъ Флоренціи, затѣмъ отчасти она была польщена, что герцогъ Браччіано собирается прославить свое имя въ битвѣ съ невѣрными турками.

Поговоривъ еще съ сестрой, кардиналъ отправился къ герцогу Франческо.

— Дорогой мой братъ, — вскричалъ герцогъ, увидавъ Фердинанда,—какая счастливая случайность забросила васъ во Флоренцію? Я ничего не зналъ о вашемъ пріѣздѣ.

— Да, я васъ не извѣстилъ, собрался вдругъ и выѣхалъ.

— Очень, очень радъ васъ видѣть. Чтò хорошаго въ Римѣ? Какъ поживаетъ святѣйшій нашъ отецъ папа Пій?

— Онъ всецѣло поглощенъ заботами формированія лиги противъ турокъ.

— Мы также присоединяемъ къ вамъ двѣнадцать галеръ и рыцарей ордена св. Стефана. Надѣемся, что и тутъ Тоскана будетъ имѣть счастье служить интересамъ церкви и святой католической вѣрѣ. Но, Боже великій, какіе страшные расходы. Морскія приготовле-

нія почти поглощають всю нашу казну. Да, милый братецъ, теперь намъ необходимо нѣсколько постѣсниться; приходится прибѣгать къ самой строгой экономіи. Даже вамъ, Фердинандъ, придется сократить ваши расходы; ничего не подѣлаешь.

— Ужъ не намѣрены ли вы сократить мой доходъ?

— Нѣтъ, я этого не думаю. Что же касается до сверхсмѣтныхъ выдачъ, то на будущее время я уже не въ состояніи буду васъ удовлетворять. Было бы гораздо лучше вамъ обойтись безъ нихъ.

— А мнѣ какъ разъ именно теперь необходимы деньги.

— Опять необходимы деньги, но какая же сумма?

— По крайней мѣрѣ двадцать тысячъ скуди.

— Двадцать тысячъ скуди! Извините, дорогой братецъ, при всемъ моемъ уваженіи къ вашей пурпуровой мантіи, я немножко сомнѣваюсь въ нормальности вашихъ умственныхъ способностей. Двадцать тысячъ скуди! Да поймите, что наша казна пуста. Откуда ихъ взять?

— Тѣмъ не менѣе они мнѣ необходимы.

— Необходимы! но вамъ все-таки придется обойтись безъ нихъ.

— Значитъ, вы желаете, чтобы кредиторы конфисковали мой дворецъ въ Римѣ.

— Какъ, неужели вы дошли до этого?

— Да, именно, я дошелъ до этого.

— Ну я болѣе ненамѣренъ потворствовать вашему безумію; устроивайте сами ваши дѣла, какъ знаете.

— Вотъ какъ вы мнѣ отвѣчаете на мою просьбу! Но я полагалъ, что дѣло идетъ о нашихъ общихъ интересахъ. Развѣ почетное положеніе, занимаемое мною въ Римѣ, не способствуетъ могуществу нашего дома? На что̀ я трачу деньги? Чтобы возвеличить имя, которое ношу. Неужели мнѣ удалось бы унизить кичливаго Фарнезе или интригана Эсте, если бы я не тратилъ много денегъ?

— Вы утверждаете, что ваши деньги идутъ исключительно на пышную придворную обстановку?

— Конечно.

— Почему же вы умалчиваете о вашихъ келейныхъ тратахъ?

— Разумѣется, мнѣ иногда приходится издерживать нѣкоторыя суммы и на сторонѣ, чтобы знать, что̀ при дворѣ дѣлается.

— Я не говорю объ этихъ издержкахъ, но о болѣе пріятныхъ, романическаго характера.

— Я понимаю вашъ намекъ, но вы ошибаетесь.

— Зачѣмъ вы отрицаете вашу слабость къ женщинамъ?

— Да, я люблю женщинъ и не я одинъ имѣю эту слабость, но это еще не доказываетъ, чтобы я въ мои лѣта и въ моемъ положеніи тратилъ на нихъ деньги.

— Расположеніе женщины для всѣхъ возростовъ и положеній всегда дорого стоитъ.

— Пустяки.

— Мнѣ говорили о какомъ-то гаремѣ...

— Все это однѣ розсказни, которымъ я рекомендую вамъ не вѣрить. Но обратимся снова къ главному. Я опять повторяю, мнѣ необходимы двадцать тысячъ скуди и если вы мнѣ въ нихъ откажете, то будете причиной позора, который падетъ прежде всѣхъ на васъ же самихъ.

— Я исполняю мои обязанности. Совѣтую и другимъ такъ поступать.

Разговоръ между братьями долго продолжался въ такомъ духѣ. Кардиналъ настаивалъ на своемъ требованіи, герцогъ рѣшительно утверждалъ, что болѣе денегъ дать не можетъ. Бесѣда кончилась обоюднымъ раздраженіемъ и Фердинандъ ушелъ къ Изабеллѣ. Разсказывая ей о своей неудачѣ, кардиналъ далъ волю своему негодованію,—онъ передалъ сестрѣ свой разговоръ съ Франческо и прибавилъ, что находится въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ не въ состояніи удовлетворить своихъ кредиторовъ.

— Пойдемъ къ Біанкѣ,—сказала ему въ отвѣтъ Изабелла.

— Чтò ты предлагаешь? Зачѣмъ я пойду къ ней?

— Твой визитъ нисколько не можетъ уронить твоего достоинства. Біанка моя подруга, я иду къ ней и братъ, пріѣхавшій изъ Рима, меня провожаетъ. По моему тутъ ничего нѣтъ необыкновеннаго.

— Пожалуй пойдемъ,—сказалъ въ раздумьи кардиналъ,—мнѣ очень любопытно взглянуть на колдунью, очаровавшую моего брата. Но я бы не желалъ, чтобы мой визитъ имѣлъ...

— Пожалуйста не безпокойся, твой визитъ будетъ имѣть самый обыкновенный характеръ. Можешь быть увѣренъ, что тебя примутъ очень любезно.

Можно себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ Біанка приняла дорогихъ гостей. Неожиданный приходъ кардинала былъ для нея пріятнымъ сюрпризомъ. Искусно замаскировавъ свое изумленіе, она очаровала своею любезностью брата Изабеллы.

Кардиналъ былъ внѣ себя отъ удивленія, видя передъ собою изящную свѣтскую синьору вмѣсто грубой, вульгарной женщины, какою ему ее описывали.

Между Фердинандомъ и ею сразу возникла симпатія, предвѣщавшая въ будущемъ искреннюю дружбу. Изабелла ловко навела разговоръ на причину, побудившую Фердинанда пріѣхать во Флоренцію, при чемъ коснулась и отказа герцога въ помощи кардиналу.

Біанка, конечно, выразила удивленіе.

— Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ вернуться въ Римъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ я пріѣхалъ во Флоренцію,—сказалъ, грустно улыбаясь, Фердинандъ.

— Будьте покойны—отвѣчала Біанка,—можете быть увѣрены, что по пріѣздѣ въ Римъ вы найдете то, чтò вамъ нужно. Поѣзжайте съ Богомъ.

Поблагодаривъ красавицу-венеціанку за участіе, кардиналъ откланялся ей и вышелъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Римъ, гдѣ нашелъ въ своемъ дворцѣ не двадцать тысячъ скуди, какъ желалъ, а тридцать. Біанка сдержала обѣщаніе. По ея настоянію герцогъ Франческо немедленно съ экстреннымъ курьеромъ послалъ брату деньги.

Съ этихъ поръ завязались дружескія отношенія между Біанкой и кардиналомъ Фердинандомъ. Они часто переписывались. Хитрая венеціанка очень тонко съумѣла убѣдить Фердинанда, что она въ высшей степени дорожитъ вниманіемъ геніальнаго человѣка и князя церкви.

Люди всѣ вообще падки къ лести, а князья католической церкви въ особенности. Біанка даже поручала себя молитвамъ кардинала, утверждая, что его мольбы всегда доходятъ до Бога.

Подобными уловками Біанка окончательно завоевала расположеніе кардинала. Вообще ея могущество и вліяніе на герцога и окружающихъ росло. Законная супруга флорентійскаго владыки, несчастная Іоанна, была окончательно забыта. Необладая благоразуміемъ, чтобы гордо и спокойно сносить неизбѣжное зло, она, вмѣсто того, чтобы снисходительно относиться къ мужу, постоянно выражала ему свое негодованіе, докучала сценами и упреками и тѣмъ достигла того, что равнодушіе къ ней ея супруга перешло наконецъ въ ненависть. Фаворитку мужа Іоанна, конечно, возненавидѣла всѣми силами души. Одинъ разъ, проѣзжая съ своей свитой черезъ мостъ св. Троицы, герцогиня встрѣтила Біанку. Устремивъ на соперницу пылавшій гнѣвомъ взоръ, Іоанна была убѣждена, что венеціанка покорно опуститъ передъ ней голову. Но вышло иначе. Біанка въ свою очередь дерзко измѣрила глазами герцогиню, будто вызывая ее на смертельный бой. Злая нѣмка окончательно разгнѣвалась и, непомня себя въ ярости, вскричала:

— Гвардія! бросьте эту женщину въ Арно!

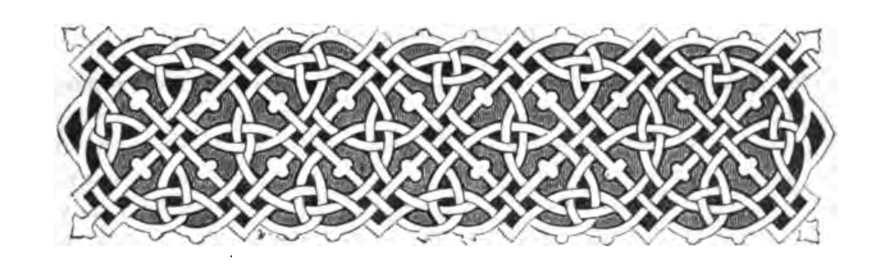
Свитѣ хорошо было извѣстно, какъ дорога Біанка герцогу Франческо, а потому она и стояла въ нерѣшимости, не двигаясь съ мѣста. Къ счастію, командовавшій гвардейцами, нѣкто синьоръ Эліодоро Кастелли, нашелся и прекратилъ эту скандальную сцену.

— Ваше высочество.—наклонившись сказалъ Кастелли,—въ эту минуту вами руководитъ нечистая сила, будьте осторожны, не поддавайтесь. Пусть дьяволъ не торжествуетъ, исполните заповѣдь Іисуса Христа, повелѣвшаго прощать нашимъ врагамъ.

Іоанна была религіозна до фанатизма; совѣтъ синьора помогъ, какъ нельзя лучше; немного подумавъ, герцогиня сказала:

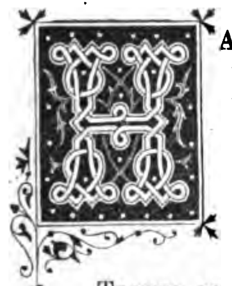
— Вы правы. Меня дѣйствительно искушаетъ дьяволъ. Пусть она проходитъ.

Біанка удаляясь подумала: «ея высочество совсѣмъ рехнулась».

XVIII.

Союзъ противъ турокъ.

А СЛѢДУЮЩІЙ день, именно въ тотъ самый часъ, когда Изабелла принимала брата, пріѣхавшаго инкогнито изъ Рима, молодой пажъ Торелло, увидавъ Троило Орсини, выходившаго изъ дома по направленію къ Порта Романо, послѣдовалъ за нимъ. Орсини, замѣтивъ, что пажъ идетъ позади и хочетъ съ нимъ говорить, нѣсколько убавилъ шагъ и, когда они вышли изъ города, Троило остановился и спросилъ:

— Чтò вамъ надо отъ меня?

— Вчера вы, синьоръ, обнажили противъ меня шпагу и я готовъ былъ отвѣчать вамъ тѣмъ же. Вы, конечно, знаете причину нашего столкновенія?

— Чтò же вы этимъ хотите сказать?

— Я всегда готовъ съ оружіемъ въ рукахъ дать вамъ полное удовлетвореніе.

Троило Орсини пожалъ плечами, смѣрилъ молодого человѣка съ ногъ до головы взглядомъ полнаго презрѣнія, и сказалъ:

— Вы меня вызываете на дуэль?

— Совершенно вѣрно, синьоръ.

— Я кавалеръ и дворянинъ долженъ драться съ вами, пажемъ, безбородымъ мальчикомъ!..

Густой румянецъ стыда и негодованія покрылъ щеки Торелло и онъ вскричалъ:

— Но вы сами вчера въ присутствіи двухъ дамъ вызвали меня.

— Я васъ вызвалъ! Вынимая изъ ноженъ шпагу, я вовсе не

желалъ мѣриться съ вами, но просто хотѣлъ наказать дерзкаго мальчика.

Сказавъ это, Троило Орсини повернулся спиной и удалился.

Торелло инстинктивно взялся за рукоять шпаги, но тотчасъ же удержался, расчитавъ, что тутъ не мѣсто и не время искать удовлетворенія. Посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся Троило, онъ прошепталъ:

— Подлецъ!

Ярость молодого человѣка не имѣла границъ; оскорбленія, полученныя имъ, мутили его разсудокъ; онъ сталъ придумывать планы мести одинъ другого несбыточнѣе. Войдя къ себѣ въ комнату, онъ остановился передъ большимъ портретомъ матери, какъ бы прося ее дать ему совѣтъ, въ которомъ отказывалъ ему его помутившiйся умъ. Обдумывая свое положенiе, онъ задавалъ себѣ вопросъ: какимъ способомъ можно принудить Троило дать ему удовлетворенiе? Можно ли отмстить оскорбителю, не нарушая законовъ чести? Но мстить безъ дуэли было не честно, что и созналъ молодой человѣкъ; слѣдовательно оставалось одно: заставить врага принять вызовъ. Но какимъ образомъ? Общество не могло осудить Троило за отказъ драться съ какимъ-то ничтожнымъ пажемъ.

Обсуждая болѣе хладнокровно свое положенiе, Торелло не находилъ выхода, какъ вдругъ его осѣнила мысль, за которую онъ безъ малѣйшаго колебанiя ухватился, какъ за единственную возможную для него надежду.

Чтобы стать наравнѣ съ римскимъ аристократомъ ему недоставало имени и славы. Въ настоящую минуту представлялся прекрасный случай получить и то и другое. Какъ разъ въ это время въ Ливорно снаряжался флотъ изъ двѣнадцати галеръ, которыя должны присоединиться къ лигѣ противъ турокъ. Въ этомъ флотѣ участвуетъ вся знатная молодежь, жадная къ славѣ и почестямъ. Онъ, Торелло, долженъ примкнуть къ нимъ, принять участiе въ сраженiяхъ, прiобрѣсти славу героя, тогда уже Троило не посмѣетъ сказать, что не хочетъ драться на дуэли съ ничтожнымъ пажемъ.

Молодой человѣкъ съ особеннымъ удовольствiемъ остановился на этой мысли и сталъ обдумывать, какъ бы привести ее въ исполненiе. Терять времени было нельзя. Въ Ливорно дѣлались поспѣшныя приготовленiя, старались, какъ можно скорѣе отправить флотъ въ Чивита-Веккiю, куда уже прибылъ Маркъ Антонiо, назначенный папою главнокомандующимъ. Юноша въ этотъ же день рѣшилъ поговорить съ отцомъ и испросить позволенiе у герцога. Изабелла должна была послѣдняя узнать о его рѣшенiи.. Отецъ Торелло одобрилъ его мысль и съ радостью благословлялъ сына на новую жизнь, полную славы и почестей. Старику тоже не особенно нравилась должность пажа, занимаемая Терелло, при дворѣ полномъ самыхъ низкихъ интригъ. Мысль, что его единственный сынъ про-

славить себя на полѣ брани за святое дѣло, привела въ восторгъ старика и онъ бросился горячо обнимать юношу, въ головѣ котораго созрѣла такая святая идея.

Отъ отца, Торелло отправился къ герцогу Франческо, изложилъ ему свое желаніе, прибавивъ при этомъ, что получилъ уже благословеніе отца. Герцогъ Франческо также вполнѣ одобрилъ намѣреніе молодого человѣка постоять за святое дѣло, уволилъ его отъ должности пажа и обѣщалъ снабдить письмомъ къ рыцарю Александру Нагроки, капитану галеры «Грифона», которую снаряжали въ Ливорно рыцари св. Стефана. Когда молодой человѣкъ собрался окончательно въ путь, на прощальной аудіенціи герцогъ вручилъ ему обѣщанное письмо и подарилъ золотое ожерелье. Покончивъ со всѣми приготовленіями, Торелло отправился къ Изабеллѣ; онъ сообщилъ герцогинѣ о своемъ присоединеніи къ лигѣ, какъ о фактѣ уже совершившемся, такъ какъ онъ уже принадлежалъ къ экспедиціи. Какъ страстно влюбленная женщина, въ первую минуту Изабелла была въ отчаяніи. Мысль, что быть можетъ она уже не увидитъ болѣе своего милаго Торелло, терзала ея сердце и вызвала слезы на глазахъ, но, какъ женщина умная, она тотчасъ разсудила, что ливорнская флотилія можетъ дать единственную возможность молодому человѣку отличиться и стать на одну доску съ его гордымъ соперникомъ Орсини, постоянно его унижавшимъ. Мысль эта придала энергію Изабеллѣ и хотя она грустила, но въ свою очередь вполнѣ одобрила намѣреніе Торелло.

Передавать ли о прощаніи любовниковъ? Оно было черезчуръ грустно. Въ клятвахъ, слезахъ, страстныхъ поцѣлуяхъ, прошла эта горькая минута. Торелло вырвался изъ объятій прелестной Изабеллы, подавленный горемъ, спрятавъ на груди подарокъ, данный ему Изабеллой—ея портретъ. Въ Ливорно онъ прибылъ наканунѣ того дня, когда «Грифона» вмѣстѣ съ другими галерами должна была распустить паруса. Вручивъ письмо герцога Франческо капитану, Торелло былъ принятъ на галеру «Грифона» и зачисленъ въ отрядъ почетныхъ дворянъ, отправлявшихся сражаться съ вѣковымъ врагомъ христіанства.

Всѣхъ галеръ, снаряженныхъ рыцарями св. Стефана, было четырнадцать: «Капитана», «Падрона», «Рейна», «Грифона», «Сопрана», «Тоскана», «Викторія», «Паче», «Пизана», «Флоренція», «Санта-Марія», «Сан-Джіованни», «Эльбичина» и «Серена». Каждая изъ галеръ была нагружена припасами, оружіемъ, и затѣмъ отрядомъ воиновъ и гребцовъ. Въ день отплытія галеръ, масса народа стояла на берегу, привѣтствуя отъѣзжавшихъ, желая имъ счастья и побѣды надъ турками.

Торелло, стоя на носу галеры, грустно смотрѣлъ на удалявшіеся берега милой Тосканы, гдѣ улыбалась ему любовь въ образѣ прелестной Изабеллы.

Послѣ трехдневнаго плаванія, галера благополучно прибыла въ Чивита-Веккію. Съ этой минуты передъ Торелло открылся новый, доселѣ невѣданный имъ путь, который могъ привести его къ славѣ и почестямъ. Мысли влюбленнаго и мечтательнаго юноши невольно должны были принять другое направленіе. Онъ принялъ участіе въ общей лихорадочной дѣятельности. Отъ великаго герцога были присланы еще шесть фрегатовъ въ распоряженіе папы.

Маркъ Антоніо Колонна, герцогъ Пальяно, назначенный папой главнокомандующимъ флотомъ, прибылъ изъ Рима въ Чивита-Веккію, чтобы принять начальство надъ всѣми судами.

Главнокомандующій произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто подобно Торелло видѣлъ его въ первый разъ. Судя по портрету, сохранившемуся въ старомъ дворцѣ во Флоренціи, Маркъ Антоніо Колонна былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Ему было около тридцатипяти лѣтъ; высокаго роста, стройный, онъ имѣлъ большіе выразительные глаза, продолговатое лицо и лобъ, увеличенный лысиной. Вообще вся осанка его выражала благородство и великодушіе, свѣтившіеся въ его большихъ, выразительныхъ глазахъ.

Пріятная наружность Маркъ Антонія вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ. Умный, храбрый, великодушный, краснорѣчивый, онъ со всѣми былъ привѣтливъ, хотя и держалъ себя съ достоинствомъ. Еще въ молодости онъ посвятилъ себя военному ремеслу и не одинъ разъ ему доводилось участвовать въ сраженіяхъ на сушѣ и командовать кораблями на морѣ. Командуя тремя собственными галерами на моряхъ Италіи и Африки, Маркъ Антоніо Колонна уже стяжалъ себѣ славу отважнаго и искуснаго командира [1]).

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Чивита-Веккію, Маркъ Антоніо Колонна сдѣлалъ смотръ всѣмъ отрядамъ, а также и кораблямъ, что, конечно, привлекло массы любопытныхъ на пристань и городскую площадь. Каждый отдѣльный командиръ представилъ на смотръ свой отрядъ. Генералъ Онорито Гаетано, закованный весь въ сталь и желѣзо, обратилъ особенное вниманіе главнокомандующаго замѣчательнымъ подборомъ большихъ и стройныхъ людей, въ особенности роты капитана Моццатости. Отрядъ генерала Додди весь состоялъ изъ знатной молодежи въ блестящихъ латахъ и каскахъ.

Папа приказалъ Коллона не принимать на корабли безбородыхъ юношей, дабы обезпечить нравственность войска, въ виду чего во время смотра главнокомандующимъ было отправлено обратно много молодыхъ людей, которые самымъ искреннымъ обра-

---

[1]) Такимъ рисуетъ намъ его правдивый историкъ П. Альберто Гульельмотти описывая битву при Лепанто.

Прощаніе Изабеллы съ Торелло.

дозв. ценз. спб., 17 апрѣля 1890 г.

зомъ оплакивали свое горе. Среди вельможъ, готовыхъ отплыть съ Колонной былъ и Паоло Джіордано Орсини, мужъ Изабеллы. При видѣ герцога, совѣсть честнаго Торелло заговорила; онъ почувствовалъ, какъ глубоко оскорбилъ его своими незаконными отношеніями къ Изабеллѣ, и теперь, когда Орсини сталъ его братомъ по оружію, юноша почувствовалъ неловкость, похожую на раскаяніе.

Въ числѣ знатныхъ римскихъ дамъ, пріѣхавшихъ въ Чивита-Веккію проводить своихъ родственниковъ и мужей, была и прекрасная Викторія Аккорамбони съ мужемъ Франческо Перетти. Она настояла, чтобы мужъ ей доставилъ удовольствіе посмотрѣть, какъ снимутся съ якоря корабли, готовые сражаться за Христову вѣру. Почтительный супругъ, конечно, не отказалъ Викторіи въ ея благочестивой просьбѣ, хотя главной побудительной причиной благочестиваго желанія красавицы былъ Паоло Джіордано, съ которымъ она хотѣла пробыть нѣсколько лишнихъ минутъ и проводить его въ дальнее плаваніе. Викторія подъ руку съ супругомъ проводила герцога Браччіано до самаго берега. Послѣ краснорѣчивыхъ рукопожатій, грустныхъ улыбокъ, нѣжныхъ взглядовъ, трогательнаго прощанія и пожеланія всѣхъ земныхъ благъ, герцогъ вошелъ на палубу; начали поднимать якорь, Викторія махала ему бѣлымъ платкомъ, а онъ шляпою съ перьями. Якоря были подняты, паруса распущены, они мигомъ надулись и попутный вѣтеръ сталъ отдалять галеры отъ берега. Долго стояла на берегу красавица Викторія, махая бѣлымъ платкомъ, но вотъ паруса на галерѣ стали надуваться сильнѣе, пространство, отдѣлявшее ихъ отъ берега, быстро увеличивалось; сначала галеры были видны, потомъ ихъ силуэты слились съ морской поверхностью и только паруса, какъ бѣлыя точки, виднѣлись на горизонтѣ, но и они вскорѣ исчезли. Викторія перестала махать платкомъ и, опираясь на руку супруга, опустивъ голову на грудь, грустно побрела къ экипажу.

На «Грифонѣ» плыли: генералъ Гаетано, Поало Джіордано Орсини и Торелло. Послѣдній задумчиво стоялъ у борта, глядя на морскую гладь, въ головѣ его возникалъ вопросъ: почему прихотливой судьбѣ было угодно свести его съ мужемъ Изабеллы? Многое передумалъ онъ, стоя на палубѣ, пока корабль, слегка покачиваясь, скользилъ по волнамъ, въ которыхъ отражались серебристые лучи мѣсяца. Его воображенію рисовался очаровательный образъ Изабеллы, доставшейся человѣку вполнѣ равнодушному къ ней. Ему съ болью сердца пришла на память та страшная минута, когда онъ, первое время не замѣченный ни кѣмъ, былъ свидѣтелемъ нѣжнаго свиданія Изабеллы съ ненавистнымъ Троило.

Когда папскій флотъ прибылъ въ Неаполь, его встрѣтили: кардиналъ епископъ, вицекороль, министры, офицеры и толпа народа.

Пушки салютовали изъ крѣпости зàмка, а народъ привѣтствовалъ восторженными криками прибывшихъ воиновъ Христа.

Изъ Неаполя флотъ отошелъ въ Мессину, гдѣ былъ встрѣченъ съ тѣми же почестями, если еще не съ бòльшими. Городъ поднесъ сподвижникамъ святого дѣла разнаго сорта провизію: мясо, птицъ, хлѣбъ, вино, свѣчи, конфекты, фрукты и пр. Все это было положено на большія носилки, убранныя цвѣтами и гирляндами. Дѣвушки изъ простого народа, въ праздничныхъ нарядахъ, подъ музыку, торжественно несли носилки при восторженныхъ крикахъ толпы и шумныхъ аплодисментахъ.

Вскорѣ къ флотиліи присоединились и венеціанскіе корабли, прибывшіе въ Мессину. Всѣхъ кораблей было сто двадцать; ими командовалъ генералъ капитанъ Сабастьяно Вальеро, старикъ уже за семьдесять лѣтъ, но свѣжій и статный.

Увидавъ вдали венеціанскій флотъ, корабли Колонна тотчасъ же двинулись ему на встрѣчу и выполнили весь почетный церемоніалъ, принятый въ подобныхъ случаяхъ. Весь флотъ выстроился въ одну линію, корабли были разукрашены флагами и стояли съ спущенными парусами. На носу каждаго развѣвался штандартъ. Матросы и воины, съ оружіемъ или весломъ въ рукахъ, были выстроены на палубахъ. Галера, на которой находился самъ главнокомандующій Маркъ Антоніо, первая салютовала четырьмя пушечными выстрѣлами, за нею и всѣ остальныя.

Венеціанцы отвѣчали римлянамъ тѣмъ же и всѣ вмѣстѣ направились къ мессинскому порту. Во время хода, командорскія галеры близко подошли одна къ другой, касаясь бортами. Маркъ Антоніо съ своимъ генералитетомъ перешелъ на галеру Вальеро и привѣтствовалъ его. Съ городской крѣпости также началась пальба изъ пушекъ. Командиръ венеціанскаго флота въ свою очередь сдѣлалъ визитъ Маркъ Антонію. Затѣмъ пошли банкеты, на которыхъ не однократно давались клятвы истребить отомановъ окончательно.

Жители города вполнѣ раздѣляли торжество и радость римлянъ; они также оказывали венеціанцамъ большой почетъ и радушіе. Къ сожалѣнію, празднество было омрачено весьма прискорбнымъ событіемъ.

Вечеромъ, на солдатъ съ папскихъ галеръ, безъ всякой причины, напали солдаты испанскаго мѣстнаго гарнизона, избили ихъ и даже нѣкоторыхъ ранили. Послѣдствія этого буйства были самыя плачевныя. На другой день утромъ толпа римлянъ явилась на берегъ и перебила много испанцевъ. Къ счастью, энергичный Маркъ Антоніо вскорѣ возстановилъ порядокъ и дисциплину.

Союзники ожидали прибытія дона Іоанна Австрійскаго съ испанскимъ флотомъ, одного изъ главныхъ иниціаторовъ экспедиціи. Онъ, выйдя изъ Барселоны, уже прибылъ въ Геную, от-

сюда направилъ путь въ Ливорно, потомъ въ Чивита-Веккію и потомъ въ Неаполь, гдѣ нѣкоторое время и задержался. Донъ Іоаннъ Австрійскій былъ незаконный сынъ короля Карла V-го. Онъ отличался храбростью, жаждою сраженій и славы, поэтому и былъ однимъ изъ горячихъ приверженцевъ святой лиги. Братъ его, Филиппъ II, король испанскій, въ душѣ не сочувствовалъ этому предпріятію. Жадный и вѣчно подозрительный, онъ сомнѣвался, чтобы экспедиція могла принести собственно ему пользу; затѣмъ, его сильно безпокоила мысль могущаго быть успѣха венеціанцевъ, его соперниковъ. Въ виду такихъ соображеній, испанскій король окружилъ брата своими клевретами, которымъ была дана тайная инструкція употребить всевозможныя средства, чтобы экспедиція не удалась. Эту позорную миссію принялъ на себя главнымъ образомъ комендантъ Кастиліи.

Неизвѣстно для чего донъ Джіованни пробылъ въ Неаполѣ десять дней. Паконецъ, получивъ отъ кардинала жезлъ главнокомандующаго и штандартъ лиги, присланные папою, онъ отчалилъ отъ неаполитанскаго берега и прибылъ въ Мессину. Испанскіе историки хотя и утверждали, что честь экспедиціи принадлежала Испаніи, но это не справедливо. Всѣхъ судовъ подъ командою донъ Джіованни было восемьдесятъ, изъ нихъ только тридцать были испанскія, остальныя пятьдесятъ принадлежали Сициліи, Неаполю, Генуѣ и были наполнены италіанскими солдатами и если къ нимъ прибавить галеры герцога Савойскаго, генуэзской республики, мальтійскихъ рыцарей, венеціанцевъ, римлянъ и тосканцевъ, то честь священной экспедиціи будетъ принадлежать, конечно, не Испаніи, а Италіи.

Въ Мессинѣ братъ Филиппа II былъ принятъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшимъ почетомъ. Вся пристань была устлана богатыми коврами и богатыми матеріями. Многочисленная толпа народа встрѣтила донъ Джіованни Австрійскаго на берегу и онъ торжественно въѣхалъ въ городъ верхомъ на лошади, сопровождаемый блестящей кавалькадой.

На другой день, на его кораблѣ былъ собранъ военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ командиры отдѣльныхъ частей экспедиціи, конечно, и главные изъ нихъ Маркъ Антоніо Колонна и Сабастьяно Вальеро. Испанцы въ душѣ были убѣждены, что не слѣдуетъ затѣвать борьбы, но только защищать христіанскіе государства, потому что турки, по ихъ мнѣнію, на морѣ были не побѣдимы. На военномъ совѣтѣ они воздержались громко высказать свою трусость. Колонна и Вальеро стояли за борьбу и доказывали, что христіанскій флотъ побѣдитъ и что слѣдуетъ поспѣшить отходомъ изъ Мессины. Большинство, присутствовавшихъ на совѣтѣ, одобрило это мнѣніе.

Но испанцы, вѣрные инструкціи своего короля, тайно интриго-

вали противъ желанія большинства союзниковъ, замедляя отходъ изъ Мессины всевозможными средствами. Между тѣмъ, римляне и венеціанцы уговаривали донъ Джіованни поспѣшить сняться. Мнѣніе послѣднихъ было окончательно принято и донъ Джіованни произнесъ публично слѣдующую знаменательную рѣчь:

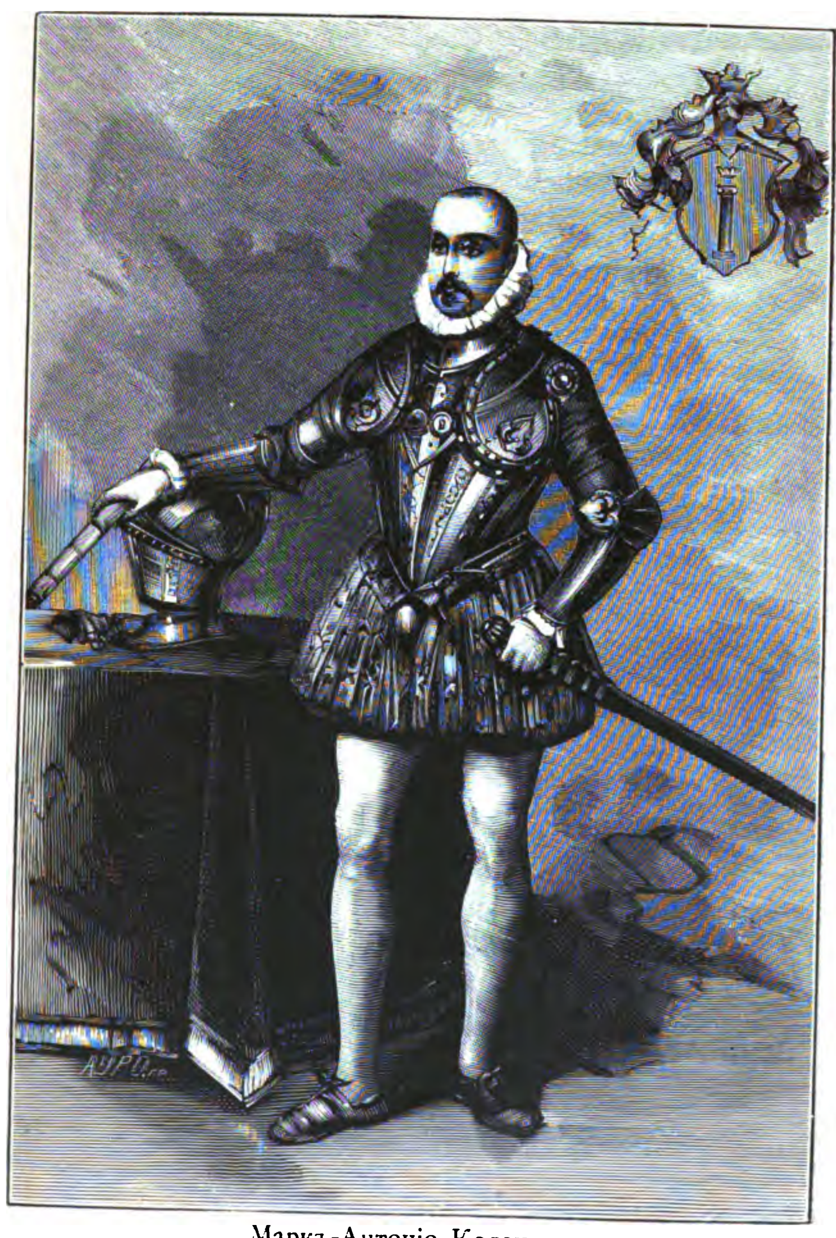
«Собравъ здѣсь подъ своимъ начальствомъ всѣ морскія силы, которыми могли располагать христіанскіе князья, я счелъ бы съ своей стороны преступленіемъ, если бы не оказалъ помощи нашимъ собратамъ и союзникамъ венеціанцамъ, страна которыхъ находится въ опасности. По этому мы сообща съ римскими и венеціанскими генералами рѣшили немедленно сняться, выйти въ море и при помощи Божіей сразиться съ врагомъ. Усердно прошу всѣхъ помочь мнѣ въ этомъ святомъ дѣлѣ».

Послѣ этого заявленія главнаго начальника, долѣе оттягивать экспедицію было уже невозможно. Чрезъ шесть дней по прибытіи испанскаго флота союзники вышли въ море. Авангардъ, состоящій изъ восьми кораблей былъ подъ командою Джіованни ди-Кордона; за нимъ слѣдовалъ въ боевомъ порядкѣ аріергардъ и, наконецъ, резервъ.

Въ такомъ порядкѣ союзники прибыли въ Корфу, гдѣ испанскіе интриганы снова пытались отклонить донъ Джіованни отъ намѣренія сразиться съ непріятелемъ. Но пылкій юноша отклонилъ ихъ совѣты и отдалъ приказаніе двинуться изъ Корфу далѣе въ портъ Гоменице, чтобы приблизиться къ непріятельскому флоту, расположенному въ заливѣ Лепанто.

Въ Гоменицѣ христіане узнали, что турки уже нѣсколько мѣсяцевъ осаждали городъ Фамагоста и, наконецъ, взяли его. Послѣ продолжительнаго сопротивленія венеціанскаго гарнизона и горожанъ, потери траншей, рва, и тщетныхъ усилій заложить пробитую брешь, израсходовавъ всѣ жизненные припасы, городъ долженъ былъ наконецъ сдаться подъ условіемъ сохраненія жизни гражданъ и свободнаго выхода изъ города. Но турки во всѣ времена и вѣка отличались своимъ вѣроломствомъ и самымъ наглымъ нарушеніемъ трактатовъ и своихъ обѣщаній. Лишь только турецкій главнокомандующій Мустафа овладѣлъ городомъ, онъ отдалъ приказаніе арестовать и казнить губернатора города, храбраго Асторре Бальони; на другой день онъ былъ варварски зарѣзанъ. Съ поставщикомъ (provveditore) острова Маркомъ Антоніемъ Брагадино побѣдители поступили еще ужаснѣе. Обнаженнаго Брагадино они приковали къ столбу на площади, надѣвъ ему на шею желѣзное ожерелье, потомъ отрѣзали уши и, надругавшись вдоволь, содрали съ живого кожу.

Разсказы объ этихъ жестокостяхъ турокъ произвели сильное впечатлѣніе на солдатъ христіанскаго флота. Они поклялись отмстить злодѣямъ и настоятельно требовали немедленно двинуться на турокъ.

Маркъ-Антоніо Колонна.

(Съ портрета галлереи дворца Колонна).

дозв. ценз. спб., 17 апрѣля 1890 г.

Между тѣмъ, интриганы испанскаго короля не дремали. Видя общее воодушевленіе и единодушіе легіонеровъ, они подговорили донъ Джіованни сдѣлать распоряженіе, результатъ котораго неизбѣжно долженъ былъ повести къ безпорядкамъ. Совѣтники увѣрили юнаго главнокомандующаго, что по восьмидесяти солдатъ, находящихся на венеціанскихъ галерахъ, недостаточно и, что на каждую галеру надо посадить, по крайней мѣрѣ, по пятидесяти испанцевъ. Слѣдствіе этого пагубнаго совѣта, принятаго донъ Джіованни, тотчасъ же и не замедлило принести плоды. Испанцы завели ссоры съ венеціанцами, начались драки и даже убійства. Но мало того: одинъ изъ испанскихъ капитановъ открыто нарушилъ дисциплину и возсталъ противъ генерала Вальеро. Послѣдній распорядился примѣнить къ бунтовщику строгость военно-морскихъ законовъ; капитанъ былъ заколотъ и повѣшенъ на мачтѣ вмѣстѣ съ двумя своими сообщниками-солдатами.

Испанскіе интриганы воспользовались этимъ случаемъ. Они увѣрили донъ Джіованни, что если онъ не употребитъ самыхъ энергичныхъ и суровыхъ мѣръ противъ Вальеро, то авторитетъ его, донъ Джіованни, будетъ подорванъ окончательно. Юный главнокомандующій поддался этимъ внушеніямъ, отдалъ приказъ арестовать венеціанскаго генерала и поступить съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ, т. е. казнить его.

Вальеро, узнавъ объ этомъ распоряженіи, собралъ всѣ свои галеры и приготовился къ самому отчаянному сопротивленію. Испанцы въ свою очередь стали таскать оружіе на палубы, желая открыто вступить въ бой съ венеціанцами. Богъ одинъ знаетъ, чѣмъ бы могла кончиться вся эта плачевная исторія, еслибы не вступился Маркъ Антоніо Колонна, котораго донъ Джіованни очень уважалъ.

Римскій начальникъ доказывалъ легкомысленному донъ Джіованни необходимость немедленно отмѣнить нелѣпое распоряженіе объ арестованіи генерала Вальеро, говорилъ, что въ виду свирѣпствовавшаго лютаго врага, всѣ ссоры между христіанами поведутъ къ торжеству турокъ и къ паденію христіанской лиги. Для враговъ будетъ очень пріятно видѣть, что христіанскіе суда воюютъ между собой, что несомнѣнно отдастъ ихъ во власть турокъ. «Такимъ образомъ,—говорилъ умный Колонна,—надежда христіанскихъ князей, уповавшихъ на могущество лиги и благоразуміе донъ Джіованни, будетъ окончательно уничтожена и турки побѣдятъ христіанскую лигу безъ битвы».

Эти вѣскіе доводы краснорѣчиваго Колонна подѣйствовали на юнаго главнокомандующаго, онъ поспѣшилъ отмѣнить свое нелѣпое распоряженіе, впрочемъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы генералъ Вальеро не являлся къ нему на глаза и на военные совѣты присылалъ бы своего лейтенанта Августина Барбариго.

Между тѣмъ, турки, безопасно стоявшіе въ заливѣ Лепанто, совѣщались, обсуждая вопросъ, слѣдуетъ ли имъ выйти на встрѣчу христіанамъ? Прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, они послали знаменитаго корсара Караскозу развѣдать количество христіанскихъ кораблей и ихъ позиціи. Корсару только отчасти удалось выполнить возложенное на него порученіе. Онъ разсмотрѣлъ позицію, т. е. порядокъ, въ которомъ стояли корабли христіанъ, но ошибся въ ихъ численности, передавъ туркамъ свѣдѣнія не вполнѣ точныя. Караскозѣ показалось значительно менѣе христіанскихъ кораблей, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности. Въ виду этихъ свѣдѣній, турки рѣшились перейти въ наступленіе и выйти изъ залива, чтобы истребить непріятельскій флотъ.

Христіане, выйдя изъ Гоменице, дошли до острова Паксо (Paxo), затѣмъ въ Кафалонію и остановились въ такъ называемой Дальней Александріи. Отсюда 6-го ноября 1571 года они прибыли къ острову Курцоляри, противъ Лепанто, гдѣ и произошло извѣстное большое сраженіе.

XIX.

Битва при Лепанто.

Легко составить себѣ понятіе о мѣстѣ битвы при Лепанто, если представить громадный бассейнъ, образующійся спусками Мореи и Эпира и острововъ Кафалонія и Занте, занимающій въ окружности двѣсти пятьдесятъ миль. Въ этомъ морскомъ амфитеатрѣ разъ уже рѣшалась судьба міра въ сраженіи между Октавіаномъ и Маркъ Антоніемъ при Аціо. Теперь опять здѣсь рѣшается вопросъ, кто долженъ торжествовать: послѣдователи Христа или Магомета.

Прибывъ на это мѣсто ночью, союзники двинулись по направленію къ заливу Лепанто и съ разсвѣтомъ увидали приближеніе непріятельскаго флота. Донъ Джіованни тотчасъ отдалъ приказаніе выстрѣлить изъ пушекъ, что должно было служить сигналомъ приготовленія къ битвѣ. Весь флотъ мигомъ сталъ въ боевой порядокъ, раздѣлившись на три эскадры. Въ серединѣ расположилась эскадра съ голубыми знаменами, съ правой стороны стояла эскадра съ зелеными знаменами и съ лѣвой съ желтыми. Каждое судно обязано было держаться въ самомъ близкомъ растояніи другъ отъ друга для того, чтобы непріятель не могъ проскольнуть между кораблями. Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, христіанскій флотъ изображалъ форму орла съ распущенными крыльями. Центръ флота походилъ на корпусъ птицы, а бока на крылья.

Въ голубомъ флотѣ, т. е. въ серединѣ, былъ главнокомандующій донъ Джіованни на королевскомъ суднѣ. Справа Маркъ Антоніо Колонна на римскомъ суднѣ, и слѣва Вальеро на венеціанскомъ, около него принцъ Урбино на савойской галерѣ, съ другой сто-

роны принцъ Пармскій на генуэзской. Въ главномъ центрѣ на галерѣ «Грифона» находились: Джіордано Паоло Орсини и Торелло Торелли. Голубая эскадра состояла изъ шестидесяти одной галеры. Зеленая, подъ командой Джіакъ Андреа Доріа, имѣла пятьдесятъ три. Желтая, подъ предводительствомъ венеціанца Гарбариго, состояла изъ пятидесяти галеръ. На растояніи мили слѣдовалъ аріергардъ изъ тридцати галеръ подъ командой маркиза Санто-Кроче.

Впереди флота, расположеннаго въ описанномъ порядкѣ, двигались на буксирѣ шесть громадныхъ венеціанскихъ галеръ, колосальныхъ размѣровъ, предназначавшихся для защиты судовъ и нарушенія порядка непріятельскаго строя. Галеры расположились попарно впереди боевой линіи; каждая пара должна была служить плавучей крѣпостью, прикрытіемъ для каждой эскадры. Такимъ образомъ, христіанскій флотъ состоялъ изъ ста пятидесяти венеціанскихъ галеръ, двѣнадцати тосканскихъ подъ папскимъ знаменемъ, восьмидесяти одной галеры короля Испанскаго, трехъ Савойскаго, трехъ женевскихъ и трехъ мальтійскихъ. Всего двѣсти семь галеръ, шесть большихъ галеръ и тридцать небольшихъ судовъ, снабженныхъ восемью стами пушекъ. Всего войска на судахъ было двадцать тысячъ италіанскаго и восемь тысячъ испанскаго; три тысячи дворянъ, по преимуществу италіанскихъ, двѣнадцать тысячъ матросовъ, сорокъ тысячъ гребцовъ, что состовляло въ общемъ счетѣ болѣе восьмидесяти тысячъ людей. Флотъ турокъ также дѣлился на три эскадры. Въ центрѣ находился главнокомандующій Али-паша съ девяносточетырьмя галерами. Справа Магометъ Широкко съ пятидесятью тремя, слѣва Лучи-Али король Алжирскій съ шестидесятью пятью, а въ аріергардѣ Амуратъ-Драгутъ съ десятью галерами и шестидесятью судами малаго колибра. Всего у турокъ было двѣсти-двадцать галеръ и шестьдесятъ малыхъ кораблей. Оба флота, широко раскинувшись, медленно подвигались другъ на друга. Вѣтеръ стихъ; море было гладко.

Всѣ генералы находились на королевской галерѣ донъ Джіованни, отъ котораго и получали окончательныя приказанія, дальнѣйшія инструкціи. Интриганы-испанцы и тутъ не постыдились посовѣтовать отступить, что, конечно, въ эту минуту было равносильно постыдному бѣгству. Донъ Джіованни возмутился и вскричалъ:

— Прошу васъ, господа, оставить меня въ покоѣ. Теперь дѣло идетъ не о вашихъ совѣтахъ, а о сраженіи съ непріятелемъ!..

Когда противники сошлись на довольно близкомъ разстояніи, съ корабля Али-паши раздался выстрѣлъ. Донъ Джіованни тотчасъ же отвѣчалъ на него. Это означало, что вызовъ принятъ. Послѣ чего на галерѣ дона Джіованни былъ поднятъ флагъ лиги, освященный папой. То былъ большой кусокъ шелковой матеріи съ изображеніемъ Христа Спасителя. Въ это самое время всѣ солдаты исповѣдывались у іезуитовъ и капуциновъ, бывшихъ на галерахъ. Каю-

Торелло спасаетъ герцога Браччіано.

Дозв. ценз. Спб., 17 Апрѣля 1890 г.

щимся отпускали всѣ грѣхи, вольные и невольные. Эта исповѣдь называлась in camprendio. Съ каторжниковъ сняли оковы и имъ была обѣщана свобода въ случаѣ побѣды; матросовъ щедро угощали виномъ и закусками. Затѣмъ начальники объѣхали свои суда, говорили солдатамъ, что насталъ день уничтожить невѣрныхъ, сбить спѣсь съ злодѣевъ, варварски умертвившихъ Брагадино, Бальони и множество другихъ христіанъ-мучениковъ, требующихъ мести. Такъ увѣщевали начальники войско, вселяя ему чувство храбрости и ненависти къ туркамъ. Послѣ всего этого, донъ Джіованни, вернувшись на свой корабль, велѣлъ трубить gagliard'у [1]) и исполнилъ этотъ танецъ на палубѣ среди орудій въ виду всей флотиліи.

Турки вообразили, что при первомъ ихъ появленіи христіане обратятся въ бѣгство. Движеніе, произведенное на правомъ флангѣ Доріа, для того чтобы занять болѣе удобную позицію, было ими принято за начало отступленія христіанъ, вслѣдствіе чего они успокоились и продолжали безпечно плыть впередъ, имѣя въ виду окружить христіанскій флотъ со всѣхъ сторонъ и пресѣчь ему путь къ отступленію.

Но когда турки подошли къ венеціанскимъ чудовищамъ, стоявшимъ, какъ было замѣчено выше, въ видѣ аванпостовъ, Али-паша долженъ былъ убѣдиться, что окруженъ христіанскимъ флотомъ и уничтожить его вовсе не такъ легко, какъ онъ думалъ. Со всѣхъ сторонъ раздались пушечные залпы и множество турокъ было убито, галеры получили большія пробоины и вся непріятельская линія пришла въ растройство. Отступать было уже поздно, турки продолжали подвигаться впередъ, отстрѣливаясь. Только цѣною большихъ жертвъ удалось имъ наконецъ достигнуть главной боевой линіи противниковъ, которые въ свою очередь подвигались имъ навстрѣчу. Моментъ встрѣчи двухъ враждебныхъ флотовъ былъ ужасенъ. Завязалась страшная, единственная въ своемъ родѣ, морская битва. Ежеминутно враги осыпали другъ друга пушечными и ружейными выстрѣлами. Въ самомъ центрѣ схватки галера Али-паши преслѣдовала галеру Маркъ Антоніо Колонна. Корабль донъ Джіованни преграждалъ дорогу турецкому судну. Съ обѣихъ сторонъ грянули залпы изъ ружей и пушекъ; долго боролись враги. Силы галеры донъ Джіованни начинали ослабѣвать, но вотъ къ нему на выручку подоспѣлъ карабль Колонна; въ это же время и къ Али-пашѣ явилась помощь со стороны корабля Пертани. Вскорѣ стали подходить все ближе и ближе и другія галеры съ обѣихъ сторонъ, суда почти касались бортовъ и, наконецъ, сплотились въ одну массу. Сраженіе изъ морского перешло въ сухопутное. Враги не шли на абордажъ, а прямо переходили съ палубы на палубу.

---

[1]) Испанскій походный танецъ.

Пошли въ ходъ шпаги, мечи, кинжалы, ножи, даже зубы. Многіе перепрыгивали на непріятельскія галеры и старались завладѣть ими; нѣкоторые, спрятавшись, стрѣляли въ нападающихъ, которые падали мертвыми на палубѣ, смазанной саломъ. Среди общей свалки, на «Грифону» напали съ одной стороны Али-паша, а съ другой корсаръ Караскоза.

Опорато Кастони и Паоло Джіордано Орсини, окруживъ себя лучшими воинами, отбивались отъ непріятелей настолько удачно, что вскорѣ сами перешли въ наступленіе. Корабль Али-паши сталъ отходить, тогда Кастони бросился преслѣдовать его, нагналъ и пошелъ на абордажъ; капитанъ корабля и множество турокъ были убиты, а само судно взято на буксиръ. Орсини, съ своей стороны, также пошелъ на абордажъ корабля Караскозы, на палубѣ завязалась самая ожесточенная битва. Турки дорого продавали свою жизнь. Паоло Джіордано, какъ главный предводитель, показывавшій собой примѣръ храбрости, былъ окруженъ турками со всѣхъ сторонъ; отбиваясь отъ многочисленныхъ враговъ, онъ получилъ уже нѣсколько ранъ и, конечно, былъ бы убитъ, еслибы не подоспѣлъ къ нему на помощь Торелло. Пробившись сквозь густую толпу непріятелей, молодой рыцарь соединился съ Орсини. Вскорѣ былъ убитъ корсаръ Караскоза и почти вся его команда переколота и выброшена въ море, а корабль знаменитаго корсара такъ же, какъ и корабль Али-паши, сдѣлался добычей «Грифона».

Между тѣмъ, нѣкоторыя галеры загорѣлись и стали сообщать огонь сосѣднимъ. На многихъ судахъ пожаръ удалось затушить, но многія сгорѣли и пошли ко дну со всѣми бывшими на нихъ людьми.

Янычары Али-паши въ количествѣ четырехъ сотъ человѣкъ, молодцы на подборъ, порывались завладѣть галерой донъ Джіованни, но сардинскіе стрѣлки и венеціанскіе дворяне отбили ихъ съ большимъ урономъ и, преслѣдуя, подошли къ самой кормѣ главной турецкой галеры, но должны были отступить, такъ какъ съ носа судна подоспѣла помощь.

Въ то самое время къ галерѣ, на которой находился Али-паша, подступилъ Вальеро. Съ копьемъ въ рукѣ и обнаженной головой онъ оказалъ чудеса храбрости. Между тѣмъ, турецкая галера Пертани, оставивъ Колонну, съ которымъ сражалась, подойдя къ галерѣ Санъ-Марко, напала на нее съ такимъ ожесточеніемъ, что венеціанскій генералъ, уже раненый въ ногу, едва не попалъ въ плѣнъ. Джіованни, Лоредино и Катерино Малиньеро, замѣтивъ угрожающую опасность венеціанскому генералу, поспѣшили на своихъ галерахъ къ нему на выручку. Атакованная ими галера оказалась настолько поврежденною, что турецкій капитанъ попробовалъ было спастись на лодкѣ, но былъ настигнутъ и взятъ въ плѣнъ.

Маркъ Антоніо не хотѣлъ ни на минуту покинуть донъ Джіованни. Онъ во все время сраженія оставался на его галерѣ, бывшей въ центрѣ, и отважно давалъ отпоръ каждому приближавшемуся вражескому судну. Разбивъ около трехъ галеръ, Колонна напалъ на корабль Магомета, короля Негропонта. При королѣ были и двое его сыновей, которые передъ началомъ битвы, въ порывѣ воинственнаго увлеченія, поклялись отцу взять для него въ плѣнъ галеру донъ Джіованни. И дѣйствительно, они порывались исполнить свою клятву; но потерпѣли такое пораженіе, что принуждены были спасаться бѣгствомъ. Колонна не преслѣдовалъ ихъ, тѣмъ не менѣе, они были страшно наказаны за свою дерзость и хвастовство. Комендантъ Кастиліи взялъ ихъ въ плѣнъ и передалъ Колоннѣ, какъ трофей, принадлежащій ему по праву.

Освободившись отъ всѣхъ нападеній, Маркъ Антоніо Колонна рѣшилъ окончательно уничтожить Али-пашу. Подкрѣпленный резервомъ Санта-Кроче, состоявшимъ изъ двухсотъ испанскихъ солдатъ и столько же италіанскихъ, Маркъ Антоніо стремительно бросился на абордажъ турецкаго судна. Янычары были перебиты всѣ до одного человѣка. Затѣмъ палъ и самъ Али-паша, галера была взята, флагъ съ полумѣсяцемъ спущенъ и его мѣсто заступило высоко развивавшееся знамя съ святымъ крестомъ. Энтузіазмъ побѣдителей не имѣлъ границъ.

Остальныя христіанскія галеры брали турецкія суда на буксиръ, жгли ихъ или топили. Все это происходило въ центрѣ сраженія. Между тѣмъ, желтая эскадра Барбариго боролась съ эскадрою Широкко. Турецкій начальникъ, видя, что число его судовъ превышаетъ непріятельскія, вздумалъ окружить эскадру Барбариго со всѣхъ сторонъ. Но венеціанскій капитанъ угадалъ намѣреніе врага и сдѣлалъ такой ловкій маневръ, что часть турецкихъ галеръ, прижатая къ берегу, была взята въ плѣнъ; остальные же были окружены со всѣхъ сторонъ. Завязалась самая очаянная битва. Всѣ усилія турокъ были направлены противъ галеры Антоніо Барбариго; два раза они пытались вскарапкаться на это судно и оба раза были отброшены. Турки бросились на абордажъ въ третій разъ и храбрый капитанъ Барбариго былъ раненъ стрѣлой въ глазъ. Это обстоятельство нѣсколько сконфузило солдатъ, и они допустили непріятеля до гротъ-мачты и турки уже были близки къ полной побѣдѣ. Какъ вдругъ приспѣла помощь и турки дорого поплатились за ихъ попытку. Корабль Широкко началъ отступать, венеціанцы бросились по пятамъ за нимъ, настигли и, проникнувъ на самый корабль, взяли его въ плѣнъ. Во все время сраженія храбрый Барбариго отказывался отъ врачебной помощи. Когда же непріятельское судно было взято, онъ самъ вынулъ изъ глаза часть стрѣлы, воздалъ молитву Богу за дарованную христіанамъ побѣду, упалъ и умеръ.

На лѣвомъ флангѣ, Андреа Доріа встрѣтился лицомъ къ лицу съ Лучи-Али, алжирскимъ королемъ, калабрійскимъ ренегатомъ, страшной наружности, прозваннымъ «Паршивымъ».

Генуэзскій вождь, хотя и былъ опытный и храбрый морякъ, но слѣдуя тайной инструкціи короля испанскаго, болѣе заботился о сбереженіи своихъ кораблей, чѣмъ о побѣдѣ надъ непріятелемъ. Вслѣдствіе этого, онъ съ самаго начала удалялся отъ мѣста битвы, стараясь держаться вдали. Но многіе капитаны не слишкомъ отдалялись отъ мѣста дѣйствія; на нихъ-то и напала эскадра Лучи-Али. Не смотря на несоразмѣрность силъ, небольшая кучка христіанскихъ галеръ стойко сопротивлялась, храбрецы скорѣе готовы были умереть, чѣмъ сдаться. Въ числѣ судовъ была мальтійская галера, на которую напали шесть турецкихъ судовъ, удержаться не было никакой возможности, турки ворвались на палубу, перерѣзали всѣхъ людей, въ томъ числѣ и тридцать рыцарей. Точно такую же несоразмѣрную борьбу выдержала и римская галера, при чемъ погибъ капитанъ Туліо ди Валлетти и почти всѣ его товарищи. На другую римскую галеру «Фиренце», подъ командой Томасо де-Медичи, напали семь турецкихъ галеръ; конечно, христіане были побѣждены, ихъ всѣхъ перебили, а галеру сожгли.

Лучи-Али уже побѣдилъ двѣнадцать галеръ и перебилъ до тысячи христіанъ, когда подошли донъ Джіованни и Маркъ Антоніо Колонна, что побудило «Паршиваго» обратиться въ бѣгство и не захватить съ собою на буксиръ завоеванныя имъ галеры. Во все это время, вѣрный исполнитель тайныхъ инструкцій испанскаго короля, Джіованно Андреа Доріа, издали, на весьма солидномъ разстояніи, палилъ изъ пушекъ и явился на мѣсто тогда, когда все было уже кончено.

Не смотря на то, что единомышленники Доріа считали его поведеніе ловкимъ маневромъ, многіе честные люди, не взирая, что были его товарищами, громко порицали столь недостойное поведеніе. Впрочемъ, при испанскомъ дворѣ, въ Мадридѣ, Доріа за свои подвиги не только не подпалъ подъ немилость, напротивъ, сталъ еще болѣе пользоваться расположеніемъ короля Филиппа II.

Христіане одержали полную побѣду. Грозный отоманскій флотъ, такъ долго опустошавшій берега Средиземнаго моря, возвратился въ Константинополь въ самомъ жалкомъ видѣ. Осталось лишь двадцать пять галеръ и двадцать малыхъ судовъ.

Въ эту знаменитую битву было сожжено и потоплено до ста семи турецкихъ судовъ и еще бо̀льшее количество взято въ плѣнъ. Турецкихъ солдатъ убито до сорока тысячъ человѣкъ, восемь тысячъ взято въ плѣнъ. При этомъ миссіонерами освобождено десять тысячъ христіанъ, частью гребцовъ, частью закованныхъ въ цѣпи.

Генералы лиги увели свои двѣсти галеръ въ заливъ Плотаи, на

берегъ Эпира. Всѣ начальствовавшіе собрались на суднѣ донъ Джіованни Австрійскаго, онъ горячо благодарилъ всѣхъ, хвалилъ за необыкновенную храбрость и оказанныя услуги. При появленіи старика Вальеро, донъ Джіованни, забывъ всѣ непріятности, бросился его обнимать.

На другой день, когда было приведено въ извѣстность все отнятое у турокъ, побѣда христіанъ показалась невѣроятною. Солдатамъ и матросамъ досталась громадная добыча. У нихъ до такой степени было много золота, что они на серебро не хотѣли и смотрѣть; отдавая золотую монету, не хотѣли получать сдачи.

Военная добыча, какъ-то: суда, оружіе, плѣнные, была раздѣлена между союзниками, согласно условію — поровну. Отдѣливъ негодныя галеры, предназначенныя къ уничтоженію, стали считать хорошія суда, годныя для плаванія; такихъ оказалось до ста-двадцати, столько же большихъ пушекъ, двѣсти пятьдесятъ малыхъ и болѣе семи тысячъ двухсотъ плѣнныхъ турокъ. Половина всей военной добычи была отдана испанскому королю, треть венеціанцамъ, одна шестая часть папѣ, остальное великому герцогу Тосканскому, герцогамъ Савойскому, Парижскому, Урбино и Мальтійскимъ рыцарямъ.

Когда союзники прибыли въ Сантъ-Мауро, то стали совѣщаться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Маркъ Антоніо доказывалъ, что туркамъ не слѣдуетъ давать опомниться и прямо надо идти въ Константинополь. Но остальные отвергали его мнѣніе, говоря, что флотъ сильно пострадалъ, припасы истощились, люди нуждались въ одеждѣ, нѣкоторыя суда въ ремонтировкѣ и т. д.

Такъ какъ большинство было противъ предложенія Колонны, то и было рѣшено довольствоваться тѣмъ, что пріобрѣтено, а остальное отложить до будущаго года. Донъ Джіованни, отпуская легіонеровъ, просилъ ихъ собраться будущей весною.

Маркъ Антоніо Колонна вернулся съ папскими кораблями въ Мессину, гдѣ ему была устроена торжественная встрѣча; затѣмъ въ Неаполь, гдѣ онъ тоже былъ восторженно принятъ всѣми. Изъ Неаполя Колонна поѣхалъ въ экипажѣ въ Римъ, а папскія галеры подъ командой капитановъ отправилъ въ Чивита-Веккію.

Въ Римѣ знаменитому воину былъ устроенъ тріумфъ, подобный тѣмъ, какіе древніе римляне устроивали своимъ героямъ-побѣдителямъ. Подлѣ базилики св. Севастіана его встрѣтили всѣ городскія власти, судья, сенаторы, народъ и войско.

Маркъ Антонію Колонна подвели бѣлую лошадь съ красными сѣдломъ и уѣздечкой вышитыми золотомъ. Онъ былъ одѣтъ въ куртку изъ легкой золотой ткани, на плечахъ былъ наброшенъ плащъ, подбитый соболемъ, въ испанскихъ брюкахъ изъ черной шелковой матеріи съ буфами, въ чулкахъ чернаго и желтаго цвѣтовъ и черной бархатной шляпѣ съ бѣлыми перьями, приколотыми

большой жемчужной пряжкой. Встрѣтившіе его за воторами города провожали въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди ѣхала группа трубачей, затѣмъ представители римскаго цеха, всѣ въ новыхъ одеждахъ, дѣлившіеся по ремеслу на отдѣльныя группы, каждая съ своимъ знаменемъ; затѣмъ, шли отряды стрѣлковъ, копьеносцевъ и мушкетеровъ. Всѣ они были одѣты въ бархатъ и шелкъ яркихъ цвѣтовъ въ стальныхъ каскахъ съ голубыми флагами въ рукахъ. Рядомъ съ Маркой Антоніемъ Колонна шли пажи въ роскошныхъ одеждахъ. Позади всѣхъ шла толпа плѣнныхъ турокъ, закованыхъ въ желѣзо, съ опущенными внизъ турецкими знаменами; одежда на плѣнныхъ была двухъ цвѣтовъ: красная и желтая. Партію плѣнныхъ конвоировалъ отрядъ солдатъ. Потомъ слѣдовали римскіе вельможи, сановники папскаго двора, маршалы римскаго народа въ голубыхъ плащахъ, пажи изъ народа въ зеленыхъ и лиловыхъ курткахъ, затѣмъ несли городской штандартъ съ шелковой и золотой бахрамой.

Такимъ образомъ, знаменитый побѣдитель турокъ въѣхалъ въ городъ. Вскорѣ кортежъ вступилъ въ Комнидомо; террасы и окна дворцовъ были украшены отнятыми у непріятеля знаменами. Балконы были полны роскошно разодѣтыми дамами и кавалерами. Звонъ колоколовъ, звукъ военной музыки, ружейные залпы, восторженные крики народа, сливались въ одинъ оглушительный гулъ общаго торжества.

Отсюда Маркъ Антоніо Колонна отправился въ Ватиканъ. Въ соборѣ онъ принесъ благодарность Богу за дарованную побѣду надъ невѣрными, послѣ чего его пригласили къ папѣ въ консисторію. Римскій первосвященникъ, окруженный кардиналами и придворной свитой, давая пастырское благословеніе Колоннѣ, любезно привѣтствовалъ его и благодарилъ за удачное исполненіе возложенной на него святой миссіи.

Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминованъ, для народа повсюду устроены были даровые концерты и всѣхъ безъ исключенія гражданъ угощали безплатно.

Битва при Лепанто заняла видную страницу въ исторіи. Повсемѣстно въ Италіи, Испаніи, и даже въ цѣломъ католическомъ мірѣ, устроивались празднества въ честь знаменитой побѣды, одержанной христіанами надъ турками. Всѣ были убѣждены, что съ наступленіемъ новаго года христіане возобновятъ борьбу съ турками и что цѣною новыхъ побѣдъ удастся совершенно уничтожить могущество отомановъ. Но эта всеобщая надежда, какъ извѣстно, не осуществилась. Испанскій король Филиппъ II, этотъ деспотъ изъ деспотовъ, вѣчно завидовавшій венеціанцамъ, не допустилъ вторично собранія лиги христіанъ.

Король и его приближенные не были довольны донъ Джіованни, утверждая, что побѣда надъ турками при Лепанто была въ ущербъ могуществу Испаніи и лишь послужила интересамъ чужеземцевъ.

XX.

Дуэль.

ПОСЛѢ БИТВЫ при Лепанто, Паоло Джіордано Орсини представилъ донъ Джіованни Австрійскому молодого Торелло Торелли и сообщилъ, что онъ не только храбро сражался въ продолженіе цѣлаго дня, но даже спасъ ему, Орсини, жизнь и способствовалъ «Грифонѣ» завладѣть двумя непріятельскими кораблями.

Главнокомандующій христіанской лиги осыпалъ похвалами молодого человѣка и посвятилъ его въ званіе рыцаря.

Паоло Джіордано Орсини въ свою очередь горячо благодарилъ Торелло за оказанную имъ услугу и предложилъ щедрые подарки; но юноша деликатно отклонилъ ихъ. Въ день посвященія Торелло въ санъ рыцаря, герцогъ Браччіано собственноручно опоясалъ его шпагой съ золотой рукояткой. Отъ этого подарка вновь посвященный рыцарь отказаться не могъ. При раставаньи, Орсини вручилъ ему письма: къ герцогамъ Козимо, Франческо и къ своей женѣ Изабеллѣ. Въ письмахъ Паоло Джіордано писалъ, что хотя ему и извѣстно, что Торелло пользуется всеобщей любовью при флорентинскомъ дворѣ, тѣмъ не менѣе онъ, Паоло Джіордано Орсини, считаетъ своимъ долгомъ сообщить, какъ много онъ обязанъ молодому рыцарю. Затѣмъ въ письмахъ слѣдовало подробное описаніе подвига Торелло и его необыкновенной храбрости, говорилось, какъ онъ спасъ ему жизнь и способствовалъ побѣдѣ «Грифоны» въ битвѣ при Лепанто. Прощаясь съ молодымъ человѣкомъ, Орсини горячо его обнялъ, просилъ отнынѣ считать его своимъ преданнымъ другомъ и обращаться къ нему за всякимъ дѣломъ.

Торелло, получивъ всѣ эти изъявленія дружбы отъ мужа Изабеллы, снова сталъ мучаться совѣстью. Паоло Джіордано являлся уже его товарищемъ по оружію, которому онъ спасъ жизнь. Но спасая жизнь мужу Изабеллы, онъ, Торелло, надругался надъ его честью, что было хуже всякой смерти, потому что каждый рыцарь долженъ дорожить своей честью больше, чѣмъ жизнью. Эти мысли терзали благороднаго юношу и отравляли мечту о скоромъ свиданіи съ предметомъ его сердца. Перебирая въ своей головѣ всѣ мельчайшія подробности своей встрѣчи съ Изабеллой, Торелло находилъ и нѣкоторую дозу утѣшенія въ томъ, что Изабелла отдалась ему не первому. Троило Орсини, двоюродный братъ герцога Браччіано, злоупотребляя довѣріемъ мужа Изабеллы, первый соблазнилъ ее и опозорилъ отсутствовавшаго мужа. Затѣмъ отъ молодого человѣка не скрылись и любовныя отношенія герцога Браччіано къ римской красавицѣ Перетти. Все это нѣсколько утѣшило честнаго Торелло.

Размышляя такимъ образомъ, молодой рыцарь ѣхалъ по направленію къ Флоренціи и съ удовольствіемъ мечталъ о радостной встрѣчѣ съ родными, друзьями, а главное съ той, къ которой болѣе всѣхъ рвалась его душа.

Прелестный образъ Изабеллы постоянно рисовался передъ страстно влюбленнымъ юношей на войнѣ, во время плаванія на морѣ, днемъ и ночью. И теперь въ особенности этотъ чудный образъ еще живѣе носился передъ нимъ; чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Флоренціи, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе билось сердце въ его груди. Наконецъ, когда онъ увидалъ купола церквей и башень города цвѣтовъ, нетерпѣніе его возросло, онъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ въ карьеръ, не смотря на то, что дорога шла подъ гору.

Первый визитъ Торелло былъ, конечно, къ Изабеллѣ. Она нашла, что ея милый сталъ еще красивѣе и возмужалъ. Послѣ страстныхъ объятій и безчисленнаго количества поцѣлуевъ Торелло сказалъ:

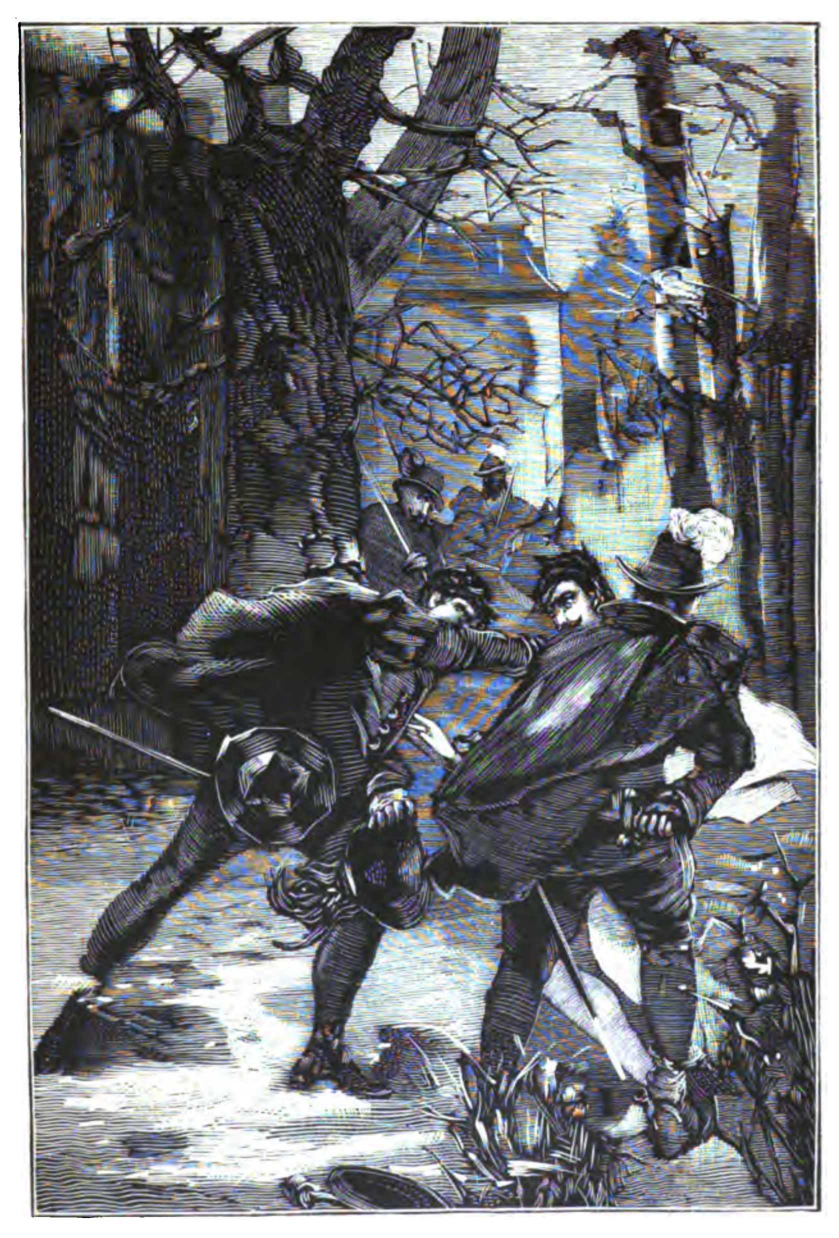
— А что, этотъ ненавистный Троило все еще тебѣ надоѣдаетъ?

— Ты знаешь, дорогой мой другъ,—отвѣчала грустно Изабелла,—Троило двоюродный братъ моего мужа и мнѣ нельзя отъ него освободиться.

— Такъ я самъ постараюсь освободить тебя отъ него, моя прелестная Изабелла.

— Неужели ты все еще хочешь помѣриться съ нимъ силой?

— Хочу ли я?!. Да развѣ ты не знаешь, что я для этого пріѣхалъ? Именно ради этого я и уѣзжалъ. Теперь я рыцарь, слѣдовательно равенъ ему и на войнѣ прославился болѣе, чѣмъ онъ самъ; презрительно отказать мнѣ въ дуэли, какъ прежде, онъ уже не посмѣетъ, теперь онъ долженъ будетъ драться со мной и я ему отмщу за оскорбленіе и тебя избавлю отъ его невыносимаго нахальства.

Троило убиваетъ своего соперника Торелло.

дозв. ценз. спб., 17 Апрѣля 1890 г.

— Нѣтъ, милый Торелло, не дѣлай этого. Отвернись съ презрѣніемъ отъ человѣка, стоящаго ниже тебя. Подумай, что̀ будетъ со мною, если онъ тебя убьетъ?

— Неужели ты думаешь, что я владѣю шпагой хуже его?

— Нѣтъ. Но судьба иногда бываетъ слѣпа. Часто въ битвѣ погибаетъ тотъ, кто долженъ бы побѣдить,—отвѣчала грустно Изабелла.

— Ужъ не спрятаться ли мнѣ отъ страха быть убитымъ?

— Прятаться не надо, но слѣдуетъ подумать, что̀ будетъ со мной. Какія страшныя минуты я переживу, если ты даже и будешь цѣлъ. Что̀ я перечувствую, когда вы будете стоять лицомъ къ лицу съ обнаженными шпагами въ рукахъ, ненавидящіе другъ друга? Ахъ, нѣтъ, Торелло, избавь меня отъ этихъ страшныхъ мученій. Что тебѣ до него? Вѣдь ты знаешь, что я его ненавижу и горячо люблю только тебя...

— Вы также любили его и, по всей вѣроятности, то же самое говорили и ему. Ради одного этого мы не можемъ существовать вмѣстѣ. Или я, или онъ долженъ умереть.

Лишь только влюбленный молодой человѣкъ произнесъ эту фразу, какъ вошелъ безъ доклада Троило Орсини.

— Кстати, вотъ и синьоръ,—вскричалъ Торелло,—какъ изволите видѣть я вернулся во Флоренцію. Вы, конечно, помните, что годъ тому назадъ оскорбили меня; я просилъ у васъ удовлетворенія, но вы отвѣчали мнѣ отказомъ драться съ ничтожнымъ пажемъ, стоявшимъ ниже васъ. Теперь мы равны, милостивый государь; я достигъ званія рыцаря....

— Да благодаря милости моего благороднаго брата, герцога Браччіано,—сказалъ презрительно улыбаясь Троило.

— Нѣтъ, благодаря моей шпагѣ, которой мнѣ удалось спасти жизнь герцога. И вотъ теперь, когда мы съ вами равны, вы не можете не принять моего вызова.

Троило молчалъ, презрительно улыбаясь.

— Быть можетъ и вызовъ мой вы не примите по той же трусости, которая удержала васъ отъ участія въ подвигахъ отважныхъ христіанъ?

— Проклятье!—вскричалъ Троило весь побагровѣвъ, какъ отъ пощечины, обнажая шпагу.

— Нѣтъ, въ присутствіи женщины мы не будемъ драться. Мы оба обязаны уважать герцогиню. Ты отдашь мнѣ отчетъ въ твоихъ низкихъ оскорбленіяхъ въ полѣ, при четырехъ свидѣтеляхъ.

Троило съ минуту колебался, потомъ вложилъ шпагу въ ножны.

На этотъ разъ Орсини уже не имѣлъ основанія отказываться; онъ принялъ вызовъ Торелло, посланный ему офиціально чрезъ рыцаря Гвидо Торнаубони.

Свидѣтелями со стороны Торелло были: Мартени и Торнаубони; а со стороны Троило: Риччи и Бинди. Мѣсто для поединка было выбрано за воротами Санъ-Галло; оружіе—шпаги. На другой день утромъ, каждый изъ противниковъ, въ сопровожденіи свидѣтелей, явился на назначенное мѣсто. Троило былъ совершенно покоенъ и холоденъ, какъ ледъ. Торелло также старался казаться спокойнымъ, но порой сверкавшій въ его глазахъ лихорадочный огонь выдавалъ чувство мести, бушующее въ его груди. Свидѣтели отмѣрили шагами условленное пространство, обозначили разстояніе красной чертой и разставили противниковъ на равной дистаціи другъ отъ друга. Потомъ бросили жребій, кому на какой сторонѣ стать. Затѣмъ были принесены двѣ шпаги, ихъ тщательно осмотрѣли свидѣтели и также по жеребію роздали противникамъ.

Послѣ всѣхъ этихъ дѣйствій, противники, согласно существовавшему тогда обычаю, присягнули, что не прибѣгали къ колдовству и заклинаніямъ оружія. По выполненіи этой церемоніи, свидѣтели разставили противниковъ на растояніи двухъ шаговъ другъ отъ друга.

Блѣдное лицо Орсини не выражало никакого волненія. Между тѣмъ наружность юнаго Торелло пылала страшной яростью. Одно мгновенье противники стояли неподвижно другъ передъ другомъ. Первый началъ Торелло, ему хотѣлось сразу проткнуть своего противника. Послѣдній это замѣтилъ и ловко парировалъ ударъ. Торелло продолжалъ горячо наступать, Орсини только отбивался не подаваясь впередъ и не отступая назадъ. Было ясно, что Троило ждалъ, когда его противникъ утомится, сохраняя свои силы. Но Торелло нетолько не ослабѣвалъ, но напротивъ силы его какъ будто удвоивались съ каждымъ новымъ ударомъ. Онъ такъ энергично сталъ нападать, что Троило волей неволей пришлось на одинъ шагъ отступить и перемѣнить систему: онъ въ свою очередь сталъ наступать. Съ этого момента завязалась страшная борьба. Удары сыпались одинъ за другимъ; то одинъ отступалъ то другой, блестящія шпаги подобно гибкимъ змѣямъ, встрѣчались, скрещивались, извиваясь въ воздухѣ. Но и въ пылу битвы Орсини велъ борьбу съ большимъ самообладаніемъ гораздо покойнѣе и расчетливѣе, чѣмъ его пылкій противникъ, увлекавшійся безпрестанно и наносившій удары далеко не такъ увѣренно, какъ его противникъ.

Оба въ совершенствѣ владѣли шпагами, поэтому они долго преслѣдовали другъ другъ и только фехтовались, при чемъ ни одному не удалось ранить противника. Но вотъ щека Орсини обагрилась кровью. Всякій боецъ на мѣстѣ его пришелъ бы въ ярость и потерялъ бы самообладаніе, Троило, напротивъ, сдѣлался еще болѣе хладнокровнымъ и расчетливымъ; только его лицо сильнѣе поблѣднѣло. Затая на днѣ души ярость, онъ ждалъ момента, когда

можно нанести послѣдній смертный ударъ. Между тѣмъ, Торелло увлекался все болѣе и болѣе, горячо наступая на противника; онъ уже не былъ въ состояніи расчитывать удары и случайно открылъ лѣвый бокъ. Это было мгновеніе. Но для такого искуснаго бойца, какимъ былъ Троило Орсини, достаточно было и мгновенія. Воспользовавшись лихорадочнымъ увлеченіемъ противника, онъ погрузилъ свою шпагу по самую рукоятку въ его лѣвый бокъ. Юноша зашатался и упалъ.

Свидѣтели поспѣшили поднять Торелло, лицо его уже покрывалось смертной блѣдностью; вскорѣ кровь хлынула изъ раны; онъ произнесъ «Изабелла» и умеръ.

Въ страшной тревогѣ ожидала Изабелла вѣсти объ исходѣ поединка; но вѣсть не приходила.

Ничего нѣтъ ужаснѣе неизвѣстности, когда страхъ борется въ душѣ съ сладкой надеждой. Минуты кажутся часами, а часы вѣчностью. Изабелла, наконецъ, не была въ состояніи выносить этихъ адскихъ мученій. Она приказала заложить экипажъ и, закутавшись въ длинный плащъ, поѣхала къ воротамъ Санъ-Галло. Выѣхавъ за городъ, карета остановилась. На вопросъ пажа куда ѣхать, герцогиня не могла отвѣчать, она не знала мѣста поединка. Выйдя изъ экипажа и приказавъ слугамъ ее дождаться, она отправилась одна по тропинкѣ. Вскорѣ несчастная Изабелла встрѣтила того, кого искала.

Глазамъ ея представилось печальное зрѣлище. Она увидала тихо приближавшуюся группу дворянъ. Среди нихъ нѣсколько лицъ несли кого-то на носилкахъ. Изабелла бросилась на встрѣчу печальной процессіи, растолкала окружающихъ и подняла покровъ, которымъ было покрыто тѣло.

— Мой Торелло! — вскричала Изабелла, покрывая поцѣлуями трупъ убитаго.

Горе почти лишило чувствъ несчастную женщину и она навѣрно упала бы, если бы ее не поддержали окружающіе и не отнесли къ экипажу. Вуаль при этомъ разумѣется упалъ и всѣ окружающіе узнали дочь великаго герцога Козимо Изабеллу. Ее осторожно отвезли во дворецъ.

Вечеромъ Изабеллу посѣтила Біанка Капелло. Узнавъ о печальномъ происшествіи, фаворитка пришла утѣшить герцогиню.

Изабеллѣ, убитой горемъ, почти лишившейся разсудка, было не до утѣшеній. Она молча слушала Біанку, почти не понимая того, что она ей говорила. Пожалѣвъ безвременно погибшаго храбраго юношу, венеціанка совѣтовала Изабеллѣ успокоиться и прибавила въ видѣ дружескаго предостереженія:

— Теперь вы должны быть осторожнѣе.

Эти слова обратили вниманіе Изабеллы, которая не могла понять, что хочетъ сказать этимъ Біанка. Между тѣмъ, фаворитка при-

нялась доказывать, что Изабеллѣ слѣдуетъ быть болѣе осмотрительной въ своихъ поступкахъ, такъ какъ ея поведеніе можетъ привлечь вниманіе мужа. При этомъ Біанка дала понять герцогинѣ, что и ея братъ герцогъ Франческо того же мнѣнія, что сегодня утромъ она вела себя крайне не осторожно, открыто, при всѣхъ, высказавъ свою любовь къ убитому Торелло, что такая неосторожность со стороны герцогини можетъ вызвать весьма невыгодные толки среди придворныхъ.

Изабелла, и безъ того убитая горемъ, разсердилась за эти совѣты, тѣмъ болѣе, что они исходили отъ особы, нагло и на виду у всѣхъ пренебрегавшей приличіями.

— Не вамъ давать мнѣ подобные совѣты,—вскричала приподымаясь герцогиня.

— Я полагала, что даю хорошій совѣтъ моей подругѣ,—отвѣчала покраснѣвъ Біанка, — если же вамъ неугодно быть моей подругой, то мнѣ самое лучшее удалиться.

Изабелла ничего не отвѣтила.

Біанка вышла, дрожа отъ гнѣва.

XXI.

Фальшивые роды.

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ поръ отношенія Біанки къ герцогинѣ Браччіано стали далеко не такъ искренни, какъ въ былое время. Фаворитка, чтобы упрочить свое положеніе, сначала всячески заискивала расположеніе родныхъ герцога Франческо; но потомъ, увѣрившись въ прочности своего положенія, она перемѣнила тактику. Старый герцогъ Козимо умеръ. Не кому было контролировать поступки молодого герцога и Франческо сдѣлался абсолютнымъ властелиномъ, какъ въ государствѣ, такъ и въ семействѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ привязанность его къ Біанкѣ не уменьшалась, а напротивъ росла. Для Франческо любовь Біанки стала потребностью жизни, безъ которой онъ не могъ существовать. Фавориткѣ уже нечего было опасаться, она могла дать волю своему тщеславію, осуществить завѣтныя мечты.

Она уже стала обращаться съ членами герцогской семьи съ нѣкоторымъ покровительствомъ; даже съ кардиналомъ перемѣнила тонъ. Живя постоянно въ Римѣ, кардиналъ никакъ не могъ понять, что заставило такъ возгордиться любовницу его брата.

Другой членъ семьи, донъ Пьетро, развращенный юноша, лишенный всякаго чувства достоинства, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, тратя ихъ на свои прихоти и безпутства, вмѣсто того, чтобы возмущаться горделивыми выходками фаворитки, унижался передъ ней, какъ лакей, изъ-за какого-нибудь кошелька червонцевъ, добытаго чрезъ Біанку у герцога Франческо.

Но Изабелла не была похожа на своего брата донъ Пьетро, ея гордость возмущалась наглостью хитрой венеціанки. Еще прежде, до сцены, описанной нами выше, между ею и фавориткой герцога

Франческо, уже произошла холодность. Онѣ часто обмѣнивались намеками весьма не лестнаго значенія. Описанная сцена положила конецъ ихъ дружбѣ.

Честолюбіе Біанки Капелло простиралось очень далеко. Она помнила, что Франческо далъ ей клятву передъ образомъ Мадонны жениться на ней, если они будутъ свободны. Теперь судьба отчасти способствовала осуществленію ея надежды. Она овдовѣла. А онъ? также могъ съ минуты на минуту овдовѣть. Жена его, великая герцогиня Іоанна, постоянно была больна; при томъ же и удручена недугомъ—нравственнымъ, который долженъ былъ свести ее въ могилу. А если бы она не умерла, разсуждала венеціанка,—развѣ нельзя придти на помощь къ судьбѣ? Безграничное тщеславіе Біанки и сухость ея сердца были способны на все, даже на преступленіе; она не останавливалась ни передъ какими средствами. Великая герцогиня ей мѣшала, стояла на дорогѣ къ осуществленію завѣтной цѣли и этого было совершенно достаточно для того, чтобы она умерла. Біанка рѣшила быть законной женой герцога Франческо, а не морганатической, какъ несчастная Камила Мартелли, которую тотчасъ по смерти герцога Козимо разлучили съ дочерью и заставили удалиться въ монастырь; нѣтъ,—мечтала фаворитка, я хочу быть женой-повелительницей, надѣть великокняжескую корону, сѣсть на тронъ, чтобы всѣ преклонялись передо мной, не только родные мужа, но даже гордые венеціанцы, такъ упорно меня преслѣдовавшіе.

Таковы были планы Біанки Капелло на будущее, а пока она изучала всѣ средства, которыя могли бы усилить ея вліяніе на Франческо, она хотѣла сдѣлаться ему еще дороже и необходимѣе, дабы легче осуществить свои мечты.

Новый великій герцогъ имѣлъ отъ жены только дочерей и сильно огорчался, что послѣ его смерти долженъ войти на престолъ одинъ изъ его братьевъ. Часто жалуясь на судьбу, онъ говорилъ вздыхая:

— Если мнѣ не суждено быть отцомъ законнаго сына, то хотя бы эта утѣха дана была мнѣ въ видѣ незаконнаго.

Слушая эти жалобы любовника, Біанка была убѣждена въ исполненіи своихъ желаній, если бы она могла подарить Франческу сына. Но на это была плохая надежда. Отъ дона Бонавентури она имѣла только одну дочь Пелегрину. Организмъ куртизанки былъ черезчуръ истощенъ злоупотребленіемъ чувственныхъ наслажденій и она сдѣлалась безплодной.

Біанка употребляла всѣ средства, чтобы помочь горю: обращалась къ шарлатанамъ, къ знахарямъ, принимала всевозможныя лекарства отъ безплодья — и ничего не помогало. Наконецъ, она бросилась къ колдунамъ и заклинателямъ, но и дьявольщина не принесла ей никакой пользы.

Въ отчаяніи, куртизанка, наконецъ, задумала прибѣгнуть къ

обману для достиженія того, въ чемъ отказывала ей природа. Хорошо обдумавъ планъ и намѣтивъ лицъ, которыя должны были помогать ей въ ея затѣѣ, она начала дѣйствовать.

Въ одинъ прекрасный день Біанка, опустивъ свои красивые глазки, объявила великому герцогу, что она беременна. Франческо, конечно, былъ въ восторгѣ и вполнѣ вдался въ обманъ. Біанка такъ ловко умѣла притворяться и выдѣлывать всѣ пріемы беременной женщины, что не повѣрить ей не было возможности. Влюбленному и обрадованному герцогу не приходило и въ голову, что это все одна комедія и фальшь.

Между тѣмъ, Джіованна Санти, камеристка фаворитки, пользовавшаяся большимъ ея довѣріемъ, тайно собирала справки о беременныхъ поселянкахъ и вмѣстѣ съ своей госпожей рѣшила доставить ребенка во дворецъ, какъ только онъ появится на свѣтъ, именно въ то время, когда должна была родить мнимо-беременная. Рòды одной изъ поселянокъ какъ нельзя болѣе подходили подъ этотъ разсчетъ. Въ тотъ день, когда она произвела на свѣтъ ребенка мужскаго пола, ловкая Джіованна взяла младенца подъ предлогомъ показать сестрѣ и принесла его во дворецъ.

Извѣщенная обо всемъ этомъ Біанка уже начала разыгрывать роль страдалицы, мучавшейся предродовыми болями. Великій герцогъ не покидалъ ее ни на минуту, съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ ожидая появленія на свѣтъ новаго существа. Но рòды страшно запоздали, цѣлый день несчастная Біанка мучилась и все не было конца. Настала ночь, комедія продолжалась, Біанка стала упрашивать герцога пойти немного отдохнуть, а ее оставить на попеченіи врача. Измученный нравственно и физически, Франческо послушался и ушелъ.

Хитрая венеціанка только этого и ждала. По уходѣ герцога, она удалила врача подъ какимъ-то предлогомъ, ея повѣренная камеристка тотчасъ же принесла ей ребенка и всѣмъ было объявлено, что синьора Біанка разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Бѣдный Франческо едва успѣлъ разоблачиться и лечь въ постель, какъ ему была сообщена эта радостная вѣсть. Сна и усталости, какъ не бывало; онъ мигомъ одѣлся, побѣжалъ къ Біанкѣ и, схвативъ ребенка, осыпалъ его поцѣлуями счастливаго отца. Радости герцога не было границъ; не спуская съ рукъ сына, онъ говорилъ, что назоветъ его Антоніемъ, такъ какъ Біанка молилась этому святому.

Обманъ удался, какъ нельзя лучше. Теперь надо было подумать, какъ удалить свидѣтелей, принимавшихъ въ немъ участіе. Біанка начала обдумывать планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, не пренебрегая даже самыми страшными преступленіями.

Она начала съ того, что отравила и приказала утопить въ Арно всѣхъ, знавшихъ о заговорѣ. Затѣмъ, подкупивъ врача Гарци, приказала отвести мать ребенка въ Болонью, не сообщая ничего

о судьбѣ ея сына. Но чрезъ нѣсколько времени, чувствуя приближеніе смерти, врачъ открылъ истину несчастной матери. Тогда она уже сочла небезопаснымъ оставаться въ Болоньѣ и подъ вымышленнымъ именемъ странствовала по Италіи въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Послѣ смерти герцога Франческо и Біанки Капелло, по случаю коронаціоннаго торжества, она разсказала о своей участи священнику и просила его ходатайствовать передъ новымъ великимъ герцогомъ о дозволеніи ей вернуться во Флоренцію.

Джіованна Санти, бывшая главной руководительницей всей интриги, спустя нѣкоторое время была уволена и отправлена въ Болонью. При проѣздѣ чрезъ Аппенинскіе лѣса, Джіованна была ранена выстрѣлами какихъ-то замаскированныхъ людей. Доставленная въ Болонью еще живая, она показала судьѣ всю истину, объявивъ прямо, что замаскированные бандиты, напавшіе на нее въ лѣсу, были подосланы Біанкой для того, чтобы скрыть слѣды ея преступленія. Показанія Джіованни Санти были отосланы въ Римъ къ кардиналу Медичи.

Но во Флоренціи гораздо раньше возникли подозрѣнія. Именно тѣ лица, при посредствѣ которыхъ хотѣли все это скрыть, разгласили истину. Какъ ни искусно Біанка обставила свою комедію, ей не удалось обмануть врачей; полное отсутствіе симптомовъ, сопровождающихъ рѳды, выдало интриганку.

Слухи объ обманѣ доходили со всѣхъ сторонъ до герцога Франческо. Но онъ былъ такъ ослѣпленъ любовью и настолько былъ счастливъ, имѣя сына отъ Біанки, что не допускалъ даже возможности обмана, о которомъ ему говорили со всѣхъ сторонъ, и утверждалъ, что маленькій Антоній его сынъ.

Но Біанка была черезчуръ умна, чтобы не сознать опасности. Рано или поздно Франческо долженъ былъ узнать истину. Заурядная женщина на мѣстѣ куртизанки постаралась бы путемъ хитростей и разныхъ уловокъ отдалить на сколько возможно опасный моментъ; Біанка же напротивъ сама смѣло пошла на встрѣчу опасности, выказавъ при этомъ недюжинную энергію и рѣшимость. Она сама открыла великому герцогу истину и прежде чѣмъ постороннимъ удалось увѣрить Франческо, что Антоній не его сынъ, она призналась, что рѣшилась на обманъ изъ безграничной любви къ герцогу.

И кто бы могъ повѣрить? Герцогъ нетолько не разлюбилъ хитрую интриганку, но даже еще болѣе привязался къ ней, и еще настойчивѣе прежняго продолжалъ утверждать, что Антоній его сынъ.

Кардиналъ де Медичи, получивъ въ Римѣ показаніе Джіованни Санти, открывшее ему всю грязную интригу Біанки, глубоко возмутился. Мысль, что братъ въ случаѣ смерти герцогини Іоанны, можетъ жениться на хитрой авантюристкѣ и тѣмъ скомпромети-

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Арнольдъ, Ѳ. Вспомогательная книжка для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Астафьевъ, П. Е. Къ вопросу о свободѣ воли. М. 1889 г. Ц. 75 к.

— Національность и общечеловѣческія задачи. (Къ русской народной психологіи). М. 1890 г. Ц. 50 к.

А. С. Стихотворенія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Баранцевичъ, К. Старое и новое. Повѣсти и разсказы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Бобровъ, А. А. Курсъ оперативной хирургіи и хирургической анатоміи. Изд. 2-е, исправ. и значит. дополн. М. 1889 г. Ц. 3 р. 75 к.

Бродовскій, Б. М., д-ръ. Чахотка. Какъ заражаются ею и какъ отъ нея уберечься. Минскъ. 1890 г. Ц. 30 к.

*) **Булгаковъ, Ѳ. И.** Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Съ 6 приложеніями въ краскахъ, 8 автотипическими 270 рисунками и 150 иниціалами рукописными и заставками разныхъ вѣковъ. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

— Альбомъ Академической выставки 1890 г. Фототипическое изданіе. Вып. III. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Бутовскій, Н. Прежняя служба и настоящая (Очеркъ развитія солдатской школы). Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Бутурлинъ, П. графъ. Сибилла и другія стихотворенія. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Вернъ, Ж. Вверхъ дномъ. Фантастическій романъ. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Вечтомовъ, Ев. Повторительный курсъ семіотики внутреннихъ болѣзней. 2 ч. М. 1890 Ц. за 2 ч. 3 р. 50 к.. отд. за каждую ч. 2 руб.

Виллемсъ, П. Римское государственное право. Переводъ подъ редак. П. Н. Богданскаго. Вып. II. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Герценъ, А. Общая физіологія души. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Глинскій, Б. Б. Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Головачева-Панаева, А. Я. Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Воспоминанія, Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Городецкій, А. П. Первый курсъ начальнаго рисованія, примѣнимаго для рукодѣлія. М. 1890 г. Ц. 60 к. Тоже, курсъ второй. Ц. 60 к.

Гурляндъ, Я. Юридическій лексиконъ. Вып. 10 и 11. Одесса. Цѣна каждаго вып. 1 р. 50 коп.

Гусевъ, А. Н. Календарь на 1890 г. и справочная книга для чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 75 к.

Деспотули, Г. П. Купанья морскія и лиманныя. Одесса. 1890 г. Ц. 15 к.

Драгомировъ, М. Опытъ руководства для подготовки частей къ бою. Ч. I. Изд. 6-е, дополн. Спб. 1890 г. Ц. 50 к. Тоже ч. III. Спб. 1890 г. Ц. 90 к.

Дриль, Д. Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Дѣдловъ, В. Франко-русскія впечатлѣнія. Письма съ парижской выставки. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Екатерина II, императрица.** Избранныя сочиненія. Книжка первая (Дешевая Библіотека). Спб. Цѣна 20 коп.. въ папкѣ 28 к.

Ефронъ, А. Торжествующая Франція. Наброски съ парижской всемірной выставки 1889 г. Съ рисунками. Изд. 2-е, дополнен. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Зеленскій, М. Объ умѣ и методѣ его воспитанія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Зрительный диктантъ. (Самодиктованіе и самоисправленіе). Ч. I. Издан. 3-е. М. 1890 г. Ц. 45 к.

— Тоже. Ч. II. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Золотницкій, Н. Ѳ. Акваріумъ любителя. Съ политипажами. М. 1890 г. Ц. 5 р.

Иконниковъ, В. С. Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743 — 1808). Кіевъ. 1890 г. Ц. 50 к.

— Новыя коллекціи рукописей въ Россіи. Библіографическія замѣтки. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Каменоградскій, П. И. Уставъ уголовнаго судопроизводства, дополн. по продолженіямъ 1886, 1887, 1889 гг. и позднѣйш. узаконен., съ объясненіями по рѣшеніямъ уголовн. кассац. и общ. собр. кассац. деп. Прав. Сената. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Каульбарсъ, Н. баронъ. Германская армія и принципы ея быта и обученія. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Т. I. Издан. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 руб. 75 коп.

Кремянскій, Я. С., проф. Таблица врачебной анилизаціи противъ бугорчатки и чахотки, съ рисунками обеззараживающихъ вдыхательныхъ приборовъ. Спб. 1890 года. Ц. 30 к.

Кругловъ, А. В. Губернскія сказки. М. 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Кулаковскій, Ю. Философъ Эпикуръ и вновь открытыя его изреченія. Кіевъ. 1889 г. Ц. 30 к.

Ламанская, А. К. Руководство для живописи на фарфорѣ, съ прибавленіемъ главъ о дѣйствіи контраста. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Лаппо-Данилевскій, А. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Леббокъ, Дж. Успѣхи и радости жизни. Съ предисловіемъ А. Михайлова. Спб. 1890 г. Ц. 90 к.

Лейкинъ, Н. А. Наши за границей. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лозановъ, А. Руководство и собраніе необходимѣйшихъ задачъ для машинистовъ, желающихъ получить званіе механика. Издан. 2-е. Севастополь. 1889 г. Ц. 75 к.

Лопаревъ, Хр. Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ русской паломнической литературы XVII вѣка. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Лѣсновъ, Н. Гора. Романъ изъ египетской жизни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мантегацца, П. Гигіена красоты. Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Маракуевъ, Н. Н. Ньютонъ, его жизнь и труды. Изд. 2-е, исправл. и значит. дополн. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Марковичъ, А. Краткій очеркъ русскаго судоходства въ Черномъ морѣ и исторіи черноморскаго флота. Симферополь. 1890 г. Ц. 30 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I. (XVI ст.). Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 30 к.

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. за 2 ч. 4 р.

*) **Милюковъ, А.** Литературныя встрѣчи и знакомства. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Мольеръ.** Школа женъ. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачова (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Морозовъ, П. проф. Гуманныя требованія войны. Рѣчь. Кіевъ. 1890 г. Ц. 35 к.

Новская. Какъ жили Таня, Петя, Оля и Ваня. М. 1890. Ц. 75 к.

Огородниковъ, С. Ѳ. Очеркъ исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Описаніе Всероссійской Сельско-Хозяйственной выставки въ гор. Харьковѣ въ 1887 г. Съ планами и рисунками. Харьковъ. 1890 г. Ц. 5 р.

Папковъ, М. Положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ и др. узакон. о производ. торговли и промысл. Изд. 2-е Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

Пахарнаевъ, А. Руководство въ судебномъ дѣлѣ для земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, уѣздныхъ съѣздовъ и друг. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 25 к.

Пенцольдтъ, Фр. д-ръ. Руководство къ клиническому пользованію лекарствами. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Петровъ, М. Н., проф. Лекціи по всемірной исторіи, издан. подъ редакц. проф. В. К. Надлера. Т. IV. Вып. 1-й. Харьковъ. 1890 г. Цѣна за два выпуска 3 р. 50 коп.

Пихно, Д. И. Основанія политической экономіи. Вып. I. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Плутархъ. Периклъ. М. 1890 г. Ц. 15 к.

Поповъ, А. М. Домашнее леченіе зубовъ и мѣры, предупреждающія ихъ порчу. Спб. 1890 г. Ц. 20.

Поповъ, Вл. Краткій курсъ оперативной хирургіи. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Протопоповъ, Н. Курсъ исторіи древностей русской словесности. Вып. I. Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. съ подпиской на слѣдующіе три тома 10 р.

Разореновъ, А. Къ неоконченному роману „Евгеній Онѣгинъ", соч. А. Пушкина, продолженіе и окончаніе. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Разумовъ, В. И. Къ діагностикѣ шанкровъ шейки матки. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Рембольдъ, д-ръ. Школьная гигіена. Популярное руководство для родителей и воспитателей. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рѣзцовъ, Н. А. Изслѣдованіе соломы злаковъ и льняныхъ стеблей съ точки зрѣнія горючаго матеріала Спб. Ц. 30 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Съ портретомъ автора и съ вступительной статьей М. Протопопова. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Сазоновъ, Г. П. Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Синицынъ, Ѳ. И. Краткое руководство къ изученію болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ. Состав. по лекціямъ М. 1890 г. Ц. 2 р. 30 к.

Словарь кавказскихъ дѣятелей. Тифлисъ. 1890 г. Ц. 25.

Соколовъ, Н. М. Иллюзіи поэтическаго творчества. Эпосъ и лирика гр. А. К. Толстого. Критическое изслѣдованіе. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Справочная книга по торговлѣ хлѣбомъ и спиртомъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Старнавскій, А. С. Лишеніе права по нашимъ законамъ. Историко-догматическій очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Статистическія таблицы населенныхъ мѣстъ Терской области. Т. I. Вып. I. Владикавказъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Тоже вып. 2-й. Ц. 60 к.

Страховъ, Н. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Кн. II. Изданіе 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Струковъ, В. О закладѣ долговыхъ требованій. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Тено, Ж. П. Теорія практической перспективы для рисованія съ натуры. М. 1890 г. Ц. 2 руб.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Т. III. Вып. 5-й М. 1890 г. Ц. 35 к.

Фантазія. Сборникъ веселыхъ разсказовъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Филевичъ, И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Историческіе очерки. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Фонъ-Бооль, В. Метеорологическіе приборы, ихъ теорія, устройство и примѣненіе. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Forel, А. Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Хвольсонъ, О. Опыты Герца и ихъ значеніе. Популярное изложеніе. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Цивинскій, И. Р. Русское хлѣбопашество. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Чалый, М. К. Воспоминанія (1826—1844). Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Чернояровъ, И. Жиды. Очеркъ ихъ происхожденія, извращеніе вѣрованія, цѣль и тайна. Спб. 1890 г. Ц. 15 к.

Черняевъ, В. В. Очистка и сортировка сѣмянъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

*) **Чеховъ, Антонъ.** Хмурые люди. Разсказы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Шапиро, Б. д-ръ. Учебникъ фармакологіи. Изд. 2-е, значит. измѣн. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 60.

Шейнъ, П. В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Т. I, ч. 2-я Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Шимановскій, М. В. Законъ о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи. Одесса. 1890 г. Ц. 2 р. 20 к.

Шмидтъ, К. Исторія педагогики. Т. I. Издан. 4-е, значит. дополн. и передѣл. проф. Э. Ганнакомъ. М. 1890 г. Ц. 5 р.

Щербатовъ, Князь. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Т. II. Съ атласомъ картъ и плановъ. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Щировскій, Е. П. и I. Н. Епанчинъ. Дополнительный сборникъ къ законамъ 12-го іюля 1889 г. Правила судопроизводства у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Харьковъ 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эберсъ, Г. Іисусъ Навинъ. Повѣствованіе изъ временъ библейскихъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 70 к., въ перепл. 3 р.

*) **Эсхилъ.** Прикованный Прометей. Драма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ, съ введеніемъ и примѣчаніями (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

Якушкинъ, В. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. Вып. I. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Ярковскій, И. О. По поводу отзыва о моей книгѣ: „Всемірное тяготѣніе какъ слѣдствіе образованія вѣсомой матеріи внутри небесныхъ тѣлъ". М. 1890 г. Ц. 15 к.

Ясинскій, І. Стихотворенія. Третье изданіе. Спб. 1890 г. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

*) Изд. А. С. Суворина.

НОВЫЯ КНИГИ:

ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ.

Бине и Фере.

Переводъ съ французскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1890. Ц. 2 р.

ХМУРЫЕ ЛЮДИ.

Разсказы Антона Чехова.

(Почта.—Непріятность.—Володя.—Княгиня.—Бѣда.—Спать хочется.—Холодная кровь.—Скучная исторія (Изъ записокъ стараго человѣка).—Припадокъ.—Шампанское (Разсказъ проходимца).

Ц. 1 руб.

Вышелъ и выдается подписчикамъ **ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ**

СОБРАНІЯ СОЧИНЕН[illegible] Н. С. ЛѢСКОВА,

ВЪ КОТОРОМ[illegible]:

НА НОЖАХЪ.

Романъ въ 6-ти частяхъ (IV, V и VI части и эпилогъ).

ПОДПИСКА НА ЭТО ИЗДАНІЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Изданіе печатается въ типографіи „Новаго Времени", въ десяти томахъ, около 35 листовъ каждый. При подпискѣ выдаются томы 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8 и 9 и билетъ на два остальныхъ тома. **Цѣна по подпискѣ 20 р.** Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 18 р. (иногородные прибавляютъ 3 р. за пересылку всего изданія и потому при подпискѣ вносятъ 21 р.). При полученіи 6 тома вносится 2 р. и затѣмъ послѣдній десятый томъ выдается безъ платежа.

Съ окончаніемъ изданія цѣна будетъ возвышена.

Нѣкоторые чиновники и военные обращаются съ заявленіями о желаніи ихъ пріобрѣсти особою льготною разсрочкою

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА,

стоющее по подпискѣ 20 руб. за 10 больш. томовъ. Желаніе это можетъ быть удовлетворено по доставленіи въ книжные магазины „Новаго Времени" поручительныхъ записокъ гг. казначеевъ тѣхъ частей, гдѣ служатъ желающіе получить книги.

Доставляющему подписку на десять экземпляровъ **одиннадцатый выдается безплатно.**

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ІЮНЬ, 1890

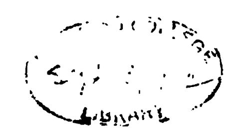
СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1890 г.

См. с...

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКОВОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЛЕЙКИНЪ

Съ фотографіи гравировалъ В. В. Матэ.

дозв. ценз. спб., 17 мая 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ? [1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

XIX.

Любовь Стеньки Разина.

ПРОШЛО три года.

Былъ конецъ августа 1668 года. На Волгѣ, у астраханской пристани, стояла многочисленная флотилія рѣчныхъ и морскихъ судовъ—«струговъ». Было уже поздно. Темная южная ночь давно стояла надъ Волгой и городомъ; мерцавшія въ небѣ звѣзды показывали уже время къ полуночи, а между тѣмъ въ Астрахани было, повидимому, очень шумно: оттуда доносились веселые голоса, подчасъ слышалось пѣніе, говоръ, и отъ времени до времени ночной воздухъ потрясаемъ былъ пушечными выстрѣлами съ крѣпостныхъ башенъ.

При каждомъ такомъ выстрѣлѣ, ходившій взадъ и впередъ по одному стругу, казакъ останавливался, прислушивался и скучающимъ голосомъ проговаривалъ:

— Ишь, черти, загуляли, а ты тутъ слоняйся, какъ утокъ по верстатью!

Въ Астрахани, дѣйствительно, гуляли. Астраханскій воевода, нашъ московскій знакомый, князь Семенъ Васильевичъ Прозоров-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 249.

скій, справлялъ именины свой любимой дочери Натальи, которую мы покинули въ Москвѣ, три года назадъ, уже не Натальею, а инокинею Надеждою.

Это и былъ Натальинъ день, 26-е августа.

Князь Прозоровскій назначенъ былъ астраханскимъ воеводою. недавно—менѣе года тому назадъ. Теперь у него шелъ пиръ горой Да и не удивительно: онъ очень любилъ свою бѣлокуренькую Наталью, а съ другой стороны онъ принималъ у себя сегодня рѣдкихъ, дорогихъ гостей. Главнымъ и почетнѣйшимъ гостемъ былъ славный атаманъ вольныхъ донскихъ казаковъ, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ. Онъ недавно только воротился съ своею флотиліею и казаками изъ морского похода. Слава его громкихъ подвиговъ наполнила уже всю Россію, и хотя эти подвиги сильно озабочивали московское правительство, однако, до поры до времены оно принуждено было не только не показывать своего неудовольствія удалому атаману, предводителю буйнаго казачества, но какъ бы и поощрять его подвиги «великаго государя милостивыми грамотами».

Дѣйствительно, въ одинъ годъ Степанъ Тимоѳеевичъ успѣлъ показать, на что̀ онъ способенъ. Едва онъ вышелъ съ своими молодцами съ Дону на Волгу и основался ватагой на знаменитомъ «бугрѣ», какъ тотчасъ же разбилъ весенній караванъ судовъ, направлявшійся въ Москву съ казенными, патріаршими товарами и товарами частныхъ лицъ, а также съ партіею арестантовъ; начальника стрѣлецкаго отряда, слѣдовавшаго съ караваномъ, приказалъ изрубить въ куски, какъ барана на шашлыкъ, судового приказчика и трехъ служащихъ—повѣсить, арестантовъ—освободить, чѣмъ и сдѣлалъ ихъ своими слугами, готовыми за него въ и огонь и въ воду. Потомъ Степанъ Тимоѳеевичъ уже на тридцати трехъ стругахъ, пополненныхъ, сверхъ своихъ казаковъ, еще и стрѣльцами, вышелъ въ Каспійское море, оттуда рѣкою Яикомъ дошелъ до Яицкаго городка и обманомъ взялъ его, а взявши—велѣлъ тамошнему стрѣлецкому головѣ, начальнымъ людямъ и «несогласнымъ» стрѣльцамъ поотрубать головы, ушедшихъ же изъ Яицкаго городка—тоже порубить и потопить. Дальше — разгромилъ кочевыхъ татаръ у устья Волги и ограбилъ турецкое судно. Астраханскому воеводѣ, князю Хилкову, предшественнику князя Прозоровскаго, присылавшему къ нему просить, чтобъ онъ отпустилъ и стрѣльцовъ и всѣхъ своихъ плѣнниковъ, велѣлъ сказать:

— Коли-де придетъ ко мнѣ великаго государя милостивая грамота, тогда отпущу, а теперь не пущу никого.

Когда же князь Прозоровскій послалъ къ нему съ той же просьбой двухъ пятидесятниковъ стрѣлецкихъ, то одного изъ нихъ, «грубіана», Степанъ Тимоѳеевичъ убилъ, а другого отпустилъ живымъ, но ни съ чѣмъ.

Затѣмъ Степанъ Тимоѳеевичъ съ своими молодцами опять вышелъ въ море, и на этотъ разъ уже громилъ прибрежныя владѣнія шаховъ персидскихъ, потомковъ царей Кира, Камбиза, Ксерксовъ и Даріевъ. Мало того, онъ послалъ въ Испагань трехъ молодцовъ въ качествѣ своихъ пословъ, которые и были приняты съ честью. А между тѣмъ самъ Степанъ Тимоѳеевичъ успѣлъ уже взять городъ Фарабадъ, разграбить его, сжечь до основанія, разорить увеселительные дворцы шаха,—и все это въ ожиданіи возврата своего почетнаго посольства. Но молодцовъ скоро раскусили въ Испагани,—и шахъ отправилъ противъ Степана Тимоѳеевича флотилію изъ семидесяти судовъ.

— Плевое дѣло!—сказалъ Степанъ Тимоѳеевичъ своему есаулу, Ивашкѣ Черноярцу:—ребята! громи ихъ!

И ребята разгромили флотилію. Адмиралъ, командовавшій ею, астиранскій ханъ Менеды, бѣжалъ съ позоромъ, оставивъ въ добычу Степану Тимоѳеевичу красавицу, тринадцатилѣтнюю дочку Заиру и сына Рустема.

Когда юную полонянку привели къ Степану Тимоѳеевичу, онъ, грубый и сильный, человѣкъ желѣзной воли и стальныхъ нервовъ, онѣмѣлъ отъ изумленія: онъ даже не подозрѣвалъ, чтобы на землѣ могла существовать такая поразительная красота! Это смѣшеніе чего-то нѣжнаго, какъ лилія, съ огнемъ, съ огненнымъ темпераментомъ, сверкавшимъ въ черныхъ огромныхъ глазахъ, это личико ребенка съ пышною черною косою, гибкость и упругость юныхъ членовъ, невыразимая грація въ движеніяхъ,—все это отуманило буйную голову атамана. Онъ полюбилъ ее всею силою своей огневой души: тигръ по природѣ, онъ сдѣлался кротокъ и робокъ съ своею плѣнницей.

— Ребята!—сказалъ онъ своимъ молодцамъ:—ежели кто дотронется до нея пальцемъ, хоть ненарокомъ, не до нея, а хоть до края ея одежды,—того я зарѣжу. Знайте это!

И онъ убралъ ея горенку на своемъ стругѣ съ неслыханною роскошью:—золото, серебро, жемчуга, алмазы, парчи, атласъ—всѣ награбленныя сокровища брошены къ маленькимъ ножкамъ Заиры.

И самъ Степанъ Тимоѳеевичъ сталъ другимъ человѣкомъ. Молодцы не узнавали его. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ въ горенкѣ своей красавицы, и выходилъ оттуда сначала мрачный и задумчивый, а потомъ все свѣтлѣе и радостнѣе и ласковѣе ко всѣмъ. Кровь, которую онъ прежде проливалъ, какъ воду,—теперь стала для него противна. Онъ прекратилъ разбои. Что̀-то мягкое и тихое стало проглядывать въ чертахъ его энергическаго лица. Казалось, онъ теперь стыдился того, что̀ прежде считалъ своею славою. Въ немъ, казалось, опять проснулся тотъ человѣкъ, который пѣшкомъ прошелъ чрезъ всю Россію, отъ устьевъ Дона до Ледовитаго океана,

чтобъ только помолиться и поплакать надъ могилами соловецкихъ угодниковъ.

Въ это лѣто Каспійское море было очень спокойное—ни бурь, ни вѣтровъ, и казацкая флотилія иногда по цѣлымъ недѣлямъ стояла въ открытомъ морѣ неподвижно. Въ тихіе, теплые вечера казаки часто пѣли свои грустныя, мелодическія пѣсни, о «тихомъ Донѣ», о раздольныхъ степяхъ, о разлукѣ съ милыми.

Въ это время они часто видѣли, что ихъ атаманъ, теперь такой тихій и кроткій, выходилъ вмѣстѣ съ своею юною плѣнницею изъ ея роскошной горенки, и по цѣлымъ часамъ въ сторонѣ отъ всѣхъ они сидѣли вдвоемъ, тихо разговаривая или любуясь зеркальною поверхностью моря, въ которомъ отражались звѣзды. Заира умѣла говорить по-русски, потому-что съ дѣтства за нею ухаживала любимая рабыня ея отца, русская полонянка изъ казачекъ. Въ эти тихіе вечера, подъ грустное, мелодическое пѣніе своихъ молодцевъ, укрощенный чистою любовью тигръ, ихъ «батюшка атаманушка» Степанъ Тимоѳеевичъ, разсказывалъ Заирѣ о своемъ родномъ Донѣ—что и тамъ такое же голубое небо, какъ и у нихъ, въ Персіи, что и звѣзды, которыя она видѣла съ дѣтства въ родной Астирани и въ Испагани, такія же и на Дону, надъ его тихими водами и надъ широкими полями.

Сначала робкая и часто плакавшая, теперь Заира, повидимому, свыклась съ своимъ положеніемъ. И не удивительно: теперешнюю свою жизнь на морѣ она уже не хотѣла бы промѣнять на прежнюю, когда она затворницей жила въ отцовскомъ сералѣ. Она полюбила своего кроткаго и ласковаго, подчасъ бурнаго въ своихъ ласкахъ, повелителя: онъ теперь замѣнилъ для нея весь міръ. Она прежде не знала, что̀ такое любовь, а теперь она полюбила первою, чистою и нѣжною, какъ она сама, любовью. Зачѣмъ же ей Персія, отецъ, все, что̀ не могло ей дать того, что̀ далъ ей вотъ этотъ самый сильный, какъ левъ, и кроткій, какъ ея египетскій голубь, мужчина, этотъ грозный атаманъ, побѣдитель ея отца и самого шаха? Онъ повезетъ ее на Донъ; онъ броситъ свои разбои и будетъ атаманомъ вольнаго Дона. Онъ самъ говорилъ ей это, а она, положивъ свою дѣтскую головку на его плечо, жадно слушала своего богатыря, какъ она его называла, а онъ тихо гладилъ и цѣловалъ ея шелковистые волосы. Любовь дѣйствительно переродила его.

Вотъ почему, когда князь Прозоровскій выслалъ противъ него своего товарища, князя Львова, съ отрядомъ стрѣльцовъ, и когда князь Львовъ, не увѣренный въ успѣхѣ, послалъ къ Разину парламентера сказать, что если онъ возвратитъ захваченныя имъ на Волгѣ суда и казенныя пушки, а также уведенныхъ съ собою служилыхъ людей и плѣнниковъ, то можетъ свободно воротиться на Донъ съ своими молодцами,—вотъ почему это страшилище, пере-

родившееся подъ ласками обожаемой дѣвушки, смиренно склонило передъ княземъ Львовымъ свою гордую голову: Разинъ присягнулъ на крестѣ и евангеліи, что навсегда бросаетъ ненавистные ему разбои,—и съ своей ватагой явился въ Астрахань.

Вмѣстѣ съ есауломъ и другими казацкими старшинами Разинъ сошелъ съ своего струга и направился въ городъ, прямо въ приказную избу. Заира долго стояла на бортѣ атаманскаго струга и любящимъ взоромъ провожала прирученнаго ею тигра:—она такъ любила его!

Въ приказной избѣ, гдѣ его ждали князь Прозоровскій и князь Львовъ съ другими властями города, Разинъ смиренно положилъ на столъ свой бунчукъ—«насѣку», знакъ атаманской власти: этимъ онъ изъявлялъ полную покорность.

— Повинную голову не сѣкутъ,—сказалъ онъ кротко со вздохомъ.

Князь Прозоровскій и всѣ бывшіе въ избѣ глазамъ не вѣрили, чтобъ это былъ тотъ ужасный человѣкъ, передъ которымъ всѣ трепетали. Даже во взорѣ его было что-то мягкое, задумчивое.

«Дивны дѣла твои, Господи!»—шепталъ князь Прозоровскій, всматриваясь въ этого непостижимаго человѣка.

XX.

Клевета.

Вотъ почему сегодня, въ Натальинъ день, князь Прозоровскій съ такимъ торжествомъ праздновалъ именины своей любимицы-Натальи: онъ принималъ у себя такого дорогого гостя, которому радъ бы былъ и царь Алексѣй Михайловичъ—такимъ страшнымъ стало на Руси его имя! — и вдругъ онъ — такой покорный, смирный, ласковый, обходительный.

Одно всѣхъ удивляло на этомъ пиру: Разинъ, который прежде предавался буйному разгулу, которому понятны были только два наслажденія—рѣзня и попойки,—этотъ Разинъ теперь почти ничего не пилъ.

Его угощала изъ своихъ рукъ сама княгиня, мачиха княжны Натальи, взятая мужемъ обратно изъ ея деревенской ссылки вмѣстѣ съ сыновьями, когда князя послали на воеводство въ Астрахань,—и Разинъ благодарилъ любезную хозяйку, но пить—почти не пилъ.

— Аль въ монахи постригся, Степанъ Тимоѳеевичъ? — улыбалась княгиня.

— Точно, матушка княгиня, — хочу свой маленькій скитòкъ завести,—уклончиво отвѣчалъ Разинъ.

Но это не мѣшало другимъ гостямъ пить и веселиться. Пили здравицы — и каждую такую здравицу сопровождали пушечные выстрѣлы съ крѣпостныхъ башенъ, потому-что за окномъ, гдѣ происходилъ пиръ, стояли махальщики съ зажженными факелами, которыми и передавали сигналы на крѣпостныя башни. Пили за здоровье царя, царицы и всей царской семьи. Пили здравицу всему «тихому Дону» и отдѣльно—«славному сыну его — Степану Тимоѳеевичу».

Съ необыкновеннымъ женскимъ чутьемъ княгиня Прозоровская догадалась, однако, что̀ происходило въ душѣ ихъ дорогого, необычайнаго гостя, съ извѣстіемъ о покорности котораго уже поскакалъ гонецъ отъ астраханскаго воеводы въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу. Княгиня заговорила съ нимъ о его молоденькой плѣнницѣ.

— Она, чаю, бѣдненькая, скучаетъ теперь тамъ одна на стругѣ,—сказала она.

— Нѣтъ, матушка княгиня, она привыкла,—отвѣчалъ Разинъ.

— А все жъ, чаю, плачетъ по отцу, по матери.

— Поплака малость прежде, а нонѣ нѣтъ.

— Ахъ, глупая я! — спохватилась княгиня: — и не вдомекъ мнѣ послать ей гостинца.

Разина это видимо тронуло. Княгиня же между тѣмъ взяла серебряный подносъ, наложила на него прекрасныхъ грушъ, винограду и другихъ, большею частью восточныхъ, сластей: кишмишу, рахатъ-лукума, изюму, винныхъ ягодъ и проч.

Тогда Разинъ подозвалъ своего персидскаго толмача, Хабибуллу, который былъ въ числѣ его пословъ у шаха, приказалъ отнести подносъ съ гостинцемъ на его стругъ и вручить отъ имени княгини Заирѣ Менедовнѣ, какъ онъ называлъ свою плѣнницу при другихъ.

Черные восточные глазки Хабибуллы почему-то блеснули радостью, когда онъ принималъ подносъ изъ рукъ княгини.

— Кто идетъ?—раздался окликъ съ атаманскаго струга, когда въ темнотѣ на его сходни стала подниматься какая-то темная фигура.

— Это ми, Хабибулла съ гастынцамъ,— отвѣчалъ гортанный голосъ.

— А! это ты, Хабибулка!—съ какимъ гостинцемъ?—ко мнѣ?

— Нэтъ, Иванъ Петровичамъ, не тебѣ, а ханымъ Заиръ Менеды.

— Какой гостинецъ?

— Кишмишъ, инджиръ, рахатъ-лукумъ, грушамъ.

— Отъ кого?—отъ батюшки Степана Тимоѳеевича?

— И отъ батушка, и отъ матушка.

— Отъ какой матушки?

— Отъ самово кнагинь, отъ матушка воеводиха.

— А что атаманъ?

— Атаманъ скучилъ, ничаво не ѣдилъ, ничаво не пилъ, толка хадылъ и молчилъ.

— А наши ребята пьютъ здорово?

— Ай-ай какъ піютъ!—всо болшимъ кавшамъ.

Это разговаривали посланный Разинымъ къ Заирѣ съ фруктами и другими сластями его толмачъ, персіанинъ Хабибулла, и есаулъ Разина, Ивашка Черноярецъ, остававшійся на атаманскомъ стругѣ въ качествѣ охранителя прекрасной персіанки.

— А что ханымъ—скучилъ адынъ безъ батушка?—спросилъ Хабибулла.

— Вѣстимо скучаетъ,—отвѣчалъ есаулъ.

— Тэперъ нэ будытъ скучилъ.

И Хабибулла направился къ роскошно убранной горенкѣ Заиры, откуда свѣтился огонекъ.

Заира сидѣла на богатомъ персидскомъ коврѣ съ брошенными на него шитыми шелками подушками и играла съ маленькой бѣлой собачкой, которую она учила служить на заднихъ лапкахъ.

Робко вошелъ въ уютную свѣтличку Хабибулла и, припавъ на одно колѣно, поставилъ передъ нею подносъ съ фруктами.

— А—это ты, Хабибулла,—сказала персіанка на своемъ родномъ языкѣ.—Отъ кого это?

— Отъ княгини, отъ супруги воеводы,—отвѣчалъ Хабибулла тоже по-персидски и приложилъ руку ко лбу и къ сердцу.

Прелестное личико Заиры зарумянилось. Она поправила на шеѣ нитку жемчуговъ, и въ смущеніи спросила:

— А развѣ княгиня меня знаетъ?

— Вѣроятно знаетъ отъ батюшки Степана Тимоѳеевича,—былъ отвѣтъ.

— А что батюшка атаманъ?—спросила дѣвушка.

— Онъ скучаетъ—ничего не пьетъ, не ѣстъ, какъ ни увивается около него княгиня.

Это извѣстіе видимо встревожило дѣвушку. Она какъ-то вся встрепенулась.

— Скучаетъ, говоришь? съ боязнью спросила она.

— Скучаетъ, ханымъ.

— Отчего же? не боленъ ли онъ?—ты не замѣтилъ?—продолжала тревожно спрашивать дѣвушка.

— Этого, ханымъ, не замѣтилъ,—уклончиво отвѣчалъ персіанинъ:—а замѣчаю только, что у насъ, съ пріѣздомъ въ Астрахань, что-то не ладно пошло дѣло.

— А что?—развѣ воевода сердится?

— Нѣтъ, ханымъ, не воевода, а его жена,—загадочно отвѣчалъ Хабибулла.

— Что его жена?—она сердится?—живо заговорила дѣвушка.

— Да, и сердится, и льнетъ къ нему, какъ гурія,—былъ отвѣтъ.

Этотъ отвѣтъ еще болѣе встревожилъ Заиру.

— А она молоденькая?—хороша собой?

— И молоденькая, и красавица.

Розовыя щечки Заиры мгновенно покрылись блѣдностью. Она, какъ раненый тигренокъ, вскочила съ ковра. Глаза ея горѣли.

— Говори все, что̀ знаешь! — схватила она за руку Хабибуллу.—Говори!—онъ зналъ ее прежде?

— Зналъ, ханымъ,—угрюмо отвѣчалъ персіанинъ.

— И?.. говори же!—говори все!—страстнымъ шопотомъ настаивала дѣвушка.

— Что̀ мнѣ говорить! — Извѣстное дѣло — они спознались раньше,—воевода старъ.

Бѣдная дѣвушка упала на коверъ и горько заплакала, уткнувъ свое личико въ подушку.

У Хабибуллы глаза сверкнули плотояднымъ огнемъ. Онъ сталъ передъ дѣвушкой на колѣни, и, нагнувшись къ ней, страстно шепталъ:—«Не плачь, ханымъ! не печалься, звѣзда Востока.—Я отвезу тебя домой, въ Персію, къ отцу. У меня уже и буса изготовлена и снаряжена—богатое и прочное судно, которое и доставитъ насъ въ Персію. Завтра же ночью мы и бѣжимъ отсюда. Завтра атаманъ назначаетъ пиръ у себя на стругѣ—зоветъ къ себѣ въ гости и воеводу съ женой»...

— Съ женой?—какъ ужаленная вскочила дѣвушка съ подушки.

— Да, съ женой,—отвѣчалъ соблазнитель.—Такъ ты сдѣлай вотъ что, жемчужина Востока: русскіе любятъ, чтобъ на пиру ихъ угощали жены хозяевъ.—Ты здѣсь хозяйка—ты и угощай ихъ завтра. Завтра атаманъ будетъ пить, потому что если хозяинъ не пьетъ, то и гости не будутъ пить. Атаманъ долженъ будетъ пить—и напьется пьянымъ. Казаки всѣ перепьются и уснутъ. Уснетъ и атаманъ какъ убитый. Тогда я тихонько пріѣду въ лодкѣ и возьму тебя на мою бусу. А чтобъ за нами не было погони—я и это устроилъ. Я подкупилъ одного персіанина, моего пріятеля, который послѣ завтра, когда мы уже будемъ далеко отъ Астрахани, придетъ сюда на стругъ и объявитъ, что ночью онъ видѣлъ, какъ съ атаманскаго струга какая-то женщина бросилась въ Волгу и утонула,—что онъ кричалъ, чтобъ со струга ей подали помощь, но со струга никто не откликнулся—всѣ спали мертвымъ сномъ; что онъ самъ отыскалъ у берега лодку и бросился искать утопленницу,—но такъ и не нашелъ—она пошла ко дну. Такъ бѣжимъ, солнце Востока?—Все равно—атаманъ разлюбилъ тебя, промѣнялъ на прежнюю возлюбленную.

Дѣвушка опять горько заплакала, уткнувшись личикомъ въ подушку. Хабибулла утѣшалъ ее какъ маленькаго ребенка—гладилъ

ея головку, говорилъ нѣжныя слова, тѣшилъ ее возвратомъ на родину.

Неопытная какъ младенецъ, она на слово повѣрила хитрому и своекорыстному обманщику, и ее охватило чувство полной безпомощности. Она очутилась одна вдали отъ родины. Брата ея, взятаго въ полонъ вмѣстѣ съ нею, Разинъ давно отправилъ назадъ къ отцу, такъ какъ мальчикъ очень тосковалъ по родинѣ. Дѣвушка же съ дѣтскою вѣрою и съ дѣтскою нѣжностью привязалась къ атаману, который былъ къ ней такъ добръ и ласковъ—добрѣе и ласковѣе отца; она скоро полюбила его первымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ молодости, сосредоточила въ немъ весь свой міръ, — и вдругъ! этотъ ея кумиръ обманывалъ ее: онъ любилъ другую.

Чтò же ей остается?—бѣжать отъ него?—Но она не въ силахъ это сдѣлать: она любитъ его!—онъ для нея все.

Но вдругъ въ ней зашевелилось сомнѣніе въ искренности словъ Хабибуллы. А если онъ обманываетъ ее для своихъ цѣлей, чтобъ получить богатый выкупъ отъ отца? Къ ней воротилась надежда, и она съ всею страстностью южнаго темперамента бросается на шею Хабибуллѣ.

— Именемъ Аллаха и его пророка умоляю тебя — скажи: ты пошутилъ?—ты выдумалъ на атамана?—Онъ не любитъ этой русской женщины?—порывисто шептала она.

И Хабибулла страстно ласкалъ ее...

Но еслибъ только онъ видѣлъ, что съ самаго того момента, какъ онъ вошелъ къ Заирѣ, Ивашка Черноярецъ змѣей подползъ къ освѣщенному окошечку Зайриной каюты и все видѣлъ, и все слышалъ, чтò тамъ дѣлалось и говорилось, — онъ окаменѣлъ бы отъ ужаса.

Ивашка зналъ персидскій языкъ—и все слышалъ...

Разинъ воротился съ воеводской пирушки очень поздно. Его встрѣтилъ есаулъ Ивашка, и, отведя въ сторону, долго шепталъ ему чтò-то. Движенія, которыя дѣлалъ атаманъ, слушая своего есаула, и порывистое дыханіе его богатырскихъ легкихъ обнаруживали, что онъ глубоко взволнованъ.

Войдя потомъ осторожно въ горенку Заиры, онъ, при свѣтѣ сильно нагорѣвшихъ восковыхъ свѣчъ канделябры, увидѣлъ, что дѣвушка, горько наплакавшись, уснула тутъ же на коврѣ невиннымъ сномъ младенца. На длинныхъ рѣсницахъ ея еще блестѣли слезинки. Рядомъ съ нею спала собачка—и та не проснулась.

Разинъ сталъ передъ нею на колѣни и съ глубокой нѣжностью и тоскою долго смотрѣлъ на милое личико ребенка.

Изъ Астрахани доносился одинокій гулъ церковнаго колокола: то на соборной колокольнѣ били полночь. Было тихо кругомъ.

Слышно было только, какъ журчала волжская вода подъ килемъ струга и плескалась около его крутыхъ боковъ.

Разинъ съ нѣжностью трижды перекрестилъ спящую дѣвушку, съ глубокой мольбою поднялъ глаза къ небу, всталъ съ ковра, тихо потушилъ свѣчи канделябры и неслышными шагами вышелъ въ свою каюту.

XXI.

«Нàжъ тебѣ — возьми!»

На другой день всѣ замѣтили, что атаманъ былъ какъ-то особенно задумчивъ. Иногда онъ встряхивалъ своей курчавой головой, какъ бы отгоняя отъ себя докучливую мысль. То иногда подолгу останавливался у борта своего струга и какъ бы безцѣльно глядѣлъ куда-то вдаль, ничего не видя.

Онъ, однако, съ утра отдалъ приказаніе своему есаулу, Ивашкѣ Черноярцу,—все приготовить для предстоящаго пира, такъ какъ онъ ожидаетъ къ себѣ въ гости воеводу, князя Прозоровскаго, его товарища, князя Львова, и нѣкоторыхъ другихъ представителей власти.

— Чтобъ пиръ былъ на славу!—сказалъ онъ.

Вчерашнее сообщеніе есаула о подслушанномъ имъ у Заиры и о томъ, чтò онъ вообще видѣлъ, глубоко поразило Разина. Конечно, онъ далекъ былъ отъ мысли, чтобы его маленькая Заира была не искренна, чтобы она обманывала его,—онъ этого никогда бы не допустилъ!—Она такой ребенокъ, такъ наивна въ своихъ ласкахъ и признаніяхъ, такъ неопытна. Но это же самое можетъ и отнять ее у него, — а онъ такъ полюбилъ этого ребенка. Вѣдь, она же, повидимому, не понимала вчера, какія чувства заставляли Хабибуллу утѣшать ее, гладить по головкѣ, обнимать; она принимала эти утѣшенія и ласки мужчины, какъ ласки няни. Но въ ней могла проснуться отъ этихъ ласкъ и женщина, какъ она проснулась въ ней отъ его ласкъ, — и все это будетъ въ ней невинно, искренно, и сама она не съумѣетъ дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Какъ ему обвинить ее за это?—какъ обвинить ребенка, который тянется къ огню, не зная, чтò такое огонь!

И какъ же, послѣ этого, на такой зыбкой почвѣ основывать свое счастье!

Теперь Разинъ только въ первый разъ задался этой мыслью. Конечно, мысль эта въ душѣ казака слагалась въ иной формѣ. Но онъ, въ данномъ случаѣ, думалъ также логически, какъ и всякій другой умный человѣкъ думалъ бы на его мѣстѣ: человѣческая логика и въ XVII-мъ вѣкѣ доходила до извѣстныхъ умозаключеній тѣмъ же путемъ, какъ и теперь, особенно же въ области

чувства. А Разинъ былъ, безспорно, умный человѣкъ,—богато одаренная натура, которая, смотря по обстоятельствамъ, могла быть направлена и на величайшее добро, и на величайшее зло.

Случайная любовь къ такому невинному, чистому созданію, какъ Заира, повернула его на добро, разбудила въ его богатой душѣ лучшія, благороднѣйшія ея силы. Онъ разомъ сдѣлся добръ, мягокъ, возненавидѣлъ жестокость, грубость. Онъ пересталъ пить.

И вдругъ вчерашній случай чуть не разбудилъ въ его душѣ прежняго Разина-звѣря. Онъ шелъ въ каюту своей милой дѣвочки, чтобъ растерзать ее за одно прикосновеніе къ презрѣнному татарину-ренегату. Но, когда онъ увидѣлъ ея невинное спящее личико съ остатками слезъ на рѣсницахъ, онъ сталъ передъ нею на колѣни и съ материнской нѣжностью и благоговѣніемъ сталъ крестить ее.

Что̀ же будетъ дальше?—Неужели для такого непрочнаго хрупкаго счастья онъ долженъ отречься отъ самого себя, проститься со славою, съ властью, съ громкими подвигами?—Онъ, атаманъ цѣлаго войска и братъ казненнаго атамана же,—неужели онъ долженъ отказаться отъ всего, даже отъ мести за позорную смерть брата,—и похоронить себя заживо въ глухой донской станицѣ или на какомъ-нибудь хуторкѣ!

А отказаться онъ нея, отъ это милой дѣвочки — отъ своего счастья, чтобъ это милое дитя досталось какому-нибудь презрѣнному холопу Хабибуллѣ, а не ему — такъ другому! Онъ чувствовалъ, что это выше его силъ. Онъ такъ любилъ ее! Для нея онъ рѣшился пожертвовать славой, для нея онъ позорно преклонилъ свой бунчукъ передъ воеводой, котораго онъ могъ когда угодно повѣсить; онъ все для нея бросилъ. Когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, а она, ласкаясь къ нему, шептала самыя нѣжныя слова,—онъ искренно рѣшился всѣмъ пожертвовать для нея.

И теперь уступить ее другому! Нѣтъ, пусть лучше она никому не достается: та, которую онъ ласкалъ, не должна знать ласкъ другого мужчины.

Муки иного рода переживала теперь и Заира.

«А что, если въ самомъ дѣлѣ онъ любитъ другую?»—думала она, поздно проснувшись въ своей хорошенькой каюткѣ. Хотя, по ея восточнымъ понятіямъ, мужчина могъ любить разомъ нѣсколькихъ женщинъ, и она видѣла это на своемъ отцѣ, у котораго былъ сераль и который приближалъ къ себѣ и хорошенькихъ рабынь,— но ея чистая привязанность возмущалась одною этою мыслью. «Развѣ она сама можетъ полюбить кого-либо другого, кромѣ своего повелителя-атамана? Нѣтъ, никогда!»

И она робко выглянула изъ окошечка своей горенки. Атаманъ задумчиво стоялъ у борта струга, спиною къ ней. О чемъ, о комъ онъ думаетъ?

Въ эту минуту, какъ бы подъ вліяніемъ ея взгляда, онъ обернулся. Изъ окошечка смотрѣло на него милое личико,—и задумчивое лицо его разомъ просвѣтлѣло. Онъ вошелъ въ горенку Заиры. И на лицѣ дѣвушки отразилась радость, но она не бросилась къ нему на шею, какъ бывало прежде. Она робко подошла къ нему, смущенная, краснѣющая; въ первый разъ по отношенію къ нему въ ней заговорила женская стыдливость. Онъ молча обнялъ ее, крѣпко прижалъ къ себѣ, какъ-бы боясь потерять это нѣжное существо, и сталъ ласкать — цѣловалъ ея головку, глаза. Онъ чувствовалъ, что она дрожитъ въ его объятіяхъ. Но ни онъ, ни она не говорили. О вчерашнемъ онъ не сказалъ ей ни слова — онъ ждалъ, не скажетъ ли она. Но и она молчала. Онъ замѣтилъ, что присланныя ей вчера княгинею Прозоровскою лакомства не тронуты. Подносъ съ фруктами стоялъ въ сторонѣ на столикѣ.

— Ты, кажись, не дотронулась до княгинина гостинца? — спросилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

— Мнѣ не хотѣлось,—чуть слышно отвѣчала она. Но ни слова о вчерашнемъ.

Онъ сталъ наблюдать за нею, обдумывать ея поведеніе. Онъ видѣлъ, что она таится отъ него. Въ своей грубой совѣсти онъ такъ и рѣшилъ, что она виновата: молчитъ—значитъ, боится. Эта совѣсть не умѣла подсказать ему, что дѣвушка щадитъ его спокойствіе, что ей жаль видѣть человѣка, котораго неминуемо ждетъ лютая казнь, хоть человѣкъ этотъ и былъ для нея непріятенъ.

И онъ и она со вчерашняго вечера вдругъ почувствовали, что между ними уже чтò-то стояло: это чтò-то и было обоюдное подозрѣніе — «черная кошка».

Онъ сказалъ, что сегодня у него будутъ гости—воевода и другія власти города.

— А она будетъ?—чуть слышно спросила Заира.

— Кто она?—удивился Разинъ.

— Воеводиха, княгиня.

— Зачѣмъ ей быть? Боярынѣ это непригоже—на Москвѣ нѣту таково звычая,— отвѣчалъ онъ.

«Значитъ, Хабибулла солгалъ? Можетъ быть, онъ и все солгалъ?»

Дѣвушка крѣпче прижалась къ своему возлюбленному, точно боялась, что у нея возьмутъ его. Она чувствовала, какъ стучало его сердце, точно молотъ.

Въ это время на стругѣ послышался какой-то говоръ. Можно было различить, что казаки Разина переговаривались съ кѣмъ-то на берегу. Съ берега слышно было: «Хотимъ видѣть батюшку Степана Тимоѳеича!»

Разинъ вышелъ на палубу. Передъ стругомъ стояла группа стариковъ. При появленіи Разина всѣ сняли шапки.

— Здорово, старички почтенные!—ласково сказалъ Разинъ.

— Ты здравъ буди, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ! — послышалось съ берега.—Мы пришли къ тебѣ съ поклономъ: рыбный рядъ осетромъ тебѣ, батюшкѣ нашему, кланяется.

— Спасибо на поклонѣ! — отвѣчалъ Разинъ: — милости прошу пожаловать ко мнѣ на стругъ—выпить по чарѣ вина заморскаго.

Старики гурьбой стали всходить по сходнямъ на стругъ.

— Ужъ и осетрище изволеніемъ божіимъ попался, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, — говорилъ одинъ старикъ съ бородой по поясъ:—такова осетра не запомню съ тѣхъ мѣстъ, какъ царила у насъ въ Астрахани проклятая Маринка-безбожница съ Ивашкою Заруцковымъ. А нонѣ трехъ такихъ пымали наши ловцы:—дакъ одново осетра мы спосылаемъ на Москву великому государю царю Алексѣю Михайловичю, а другово—святѣйшему патріарху, а третьево тебѣ подносимъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Спасибо, спасибо за честь, почтенные старички! — благодарилъ атаманъ.—А воеводѣ-то своему вы что̀ поднесете? — улыбнулся онъ.

— Воевода и севрюжиной будетъ доволенъ,—отвѣчалъ старикъ, тоже улыбаясь.—А ну, ребята, покажьте чуду-юду!—крикнулъ онъ ловцамъ, бывшимъ въ косно̀й лодкѣ близь струга.

Рыбаки съ трудомъ приподняли надъ водою громадную голову чудовища, которое такъ билось въ водѣ, что, казалось, лодку опрокинетъ.

— И впрямь чудо-юдо,—говорилъ Разинъ.

А въ это время Ивашка Черноярецъ съ казаками вынесли изъ трюма огромный боченокъ и серебряныя стопы, въ которыя и стали наливать вино.

Разинъ сталъ подавать вино̀ гостямъ.

— Э! нѣтъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ,—отказывался старѣйшій изъ депутаціи рыбнаго ряда:—не по русскому звычàю: въ священномъ писаніи сказано: какъ доносщику первый кнутъ, такъ и хозяину первая чара.

Разинъ выпилъ. За нимъ всѣ. Рыбакамъ молодцы Разина поднесли зелена вина, осетра привязали къ одной изъ желѣзныхъ уключинъ струга, и депутація откланялась.

Разинъ приказалъ убить и выпотрошить осетра, а потомъ сварить его въ артельномъ котлѣ.

Между тѣмъ на стругѣ разставляли столы и приборы—серебряныя и золотыя мисы, стопы и т. д.

Къ полудню начали собираться гости. Разинъ былъ необыкновенно привѣтливъ и оживленъ. Казаки давно не видали его такимъ. Это тѣмъ болѣе ихъ удивило, что недалѣе какъ сегодня утромъ онъ былъ необыкновенно задумчивъ и грустенъ. Что̀ было у него на душѣ — никто не зналъ; но многихъ это тревожило.

Иные думали даже, что онъ испорченъ, и что испортила его эта персидская чаровница-княжна.

Началось угощеніе. Въ послѣднее время, особенно когда среди казацкаго войска завелась эта чаровница, атаманъ почти ничего не пилъ—совсѣмъ сталъ красной дѣвицей. Но сегодня онъ пилъ, какъ никогда. Щеки его разгорѣлись, глаза блестѣли нехорошимъ огнемъ. Казаки это видѣли—они хорошо изучили своего атамана, чего-то побаивались: быть худу... Въ иные моменты онъ какъ бы забывалъ все—гдѣ онъ, чтò онъ... Глаза его дико блуждали...

Но черезъ минуту онъ опять овладѣвалъ собой, и голосъ его звучалъ на всю пристань.

Князь Прозоровскій и другіе гости ничего этого не замѣчали, и пировали отъ всей души—ѣли, пили, смѣялись. Всѣхъ поразилъ чудовищный осетръ.

— Гдѣ это ты, Степанъ Тимоѳеевичъ, досталъ такова великана?—спросилъ воевода.

— Шахъ персицкой мнѣ въ подарокъ прислалъ за городъ Фарабадъ,—загадочно отвѣчалъ Разинъ.

Вдругъ точно что осѣнило его. Онъ всталъ и пошелъ въ горенку Заиры. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, держа дѣвушку за руку. Онъ былъ блѣденъ. Заира одѣта была въ дорогое персидское одѣяніе—вся въ золотѣ, въ жемчугахъ —драгоцѣнные камни такъ и горѣли на ней. Она была поразительно хороша въ своемъ смущеніи.

Гости ничего не ожидали подобнаго, и всѣ встали при ея появленіи, подавленные, казалось, блескомъ чего-то невиданнаго, ослѣпительно прекраснаго.

— По русскому звычàю—сказалъ Разинъ,—и нижняя челюсть его задрожала: — по русскому звычàю хозяйка должна поднести изъ своихъ рукъ по чарѣ добраго вина.—Вотъ моя хозяйка.

Всѣ низко поклонились, точно бы къ нимъ вышла царица.

Разинъ налилъ виномъ стоявшіе на серебряномъ подносѣ стопы, и Заира, не поднимая глазъ, стала разносить вино. Руки ея дрожали вмѣстѣ съ подносомъ. Всѣ пили и почтительно кланялись дѣвушкѣ.

Разинъ потомъ сѣлъ и посадилъ ее около себя.

— Дай Богъ тебѣ, Степанъ Тимоѳеевичъ, счастья и здоровья на многія лѣта,—сказалъ князь Прозоровскій, и всталъ:—и великій государь не оставитъ тебя своими милостями.

Помянувъ имя великаго государя, онъ сѣлъ.

— Спасибо, князь, — отвѣчалъ Разинъ. — Я много счастливъ, такъ много, какъ тотъ эллинскій царь, о которомъ сказывалъ мнѣ одинъ святой мужъ. Счастье тово эллинскаго царя было такъ велико, что оракулъ сказалъ ему: дабы тебѣ не лишиться твово счастья, пожертвуй Богу то, чтò есть у тебя сàмово дорогово. И

царь тотъ зарѣзалъ любимую дщерь свою — лучшее свое сокровище.

Разинъ взглянулъ на Заиру. Онъ былъ блѣденъ. А она сидѣла рядомъ съ нимъ, все такая прекрасная и смущенная.

— Вотъ мое сокровище!—сказалъ онъ, обнимая дѣвушку.

Потомъ онъ всталъ, шатаясь, и остановился у борта струга, лицомъ къ Волгѣ. Онъ былъ страшенъ.

— Ахъ, ты, Волга-матушка, рѣка великая! — много ты дала мнѣ злата и сѐребра и всего добраго. Какъ отецъ и мать славою и честью меня надѣлила,—а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ.

Сказавъ это, онъ быстро повернулся, схватилъ Заиру одной рукой за горло, другою за ноги — и бросилъ за бортъ, какъ сорванный цвѣточекъ.

— Нажъ тебѣ—возьми!

Чтò-то яркое мелькнуло въ воздухѣ, послышался плескъ воды...

Всѣ въ ужасѣ вскочили. Заира исчезла подъ водой. Утромъ рыбаки вытащили изъ Волги трупъ Хабибуллы съ кинжаломъ въ груди...

XXII.

Купанье стольниковъ.

Сообщая этотъ ужасный эпизодъ изъ жизни Разина, Н. И. Костомаровъ полагаетъ, что «этотъ варварскій поступокъ не былъ только пьянымъ порывомъ буйной головы», съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. «Стенька, какъ видно —говоритъ историкъ— завелъ у себя запорожскій обычай — считать сношенія казака съ женщиною поступкомъ, достойнымъ смерти. Его увлеченіе красивою персіанкою естественно должно было возбудить негодованіе и ропотъ тѣхъ, которымъ Стенька не дозволялъ того, чтò дозволилъ себѣ, и, быть можетъ, желая показать, что не въ состояніи привязаться къ женщинѣ, онъ пожертвовалъ красивой персіанкою своему вліянію на товарищей».

Такъ разсуждаетъ историкъ, приговоры котораго всецѣло обусловливаются тѣмъ, чтò говорятъ ему находящіеся въ его рукахъ матеріалы или болѣе или менѣе достовѣрные источники, документы. Но о подобнаго рода явленіяхъ, обусловливаемыхъ душевными движеніями человѣка, всего менѣе говорятъ документы, какъ не говоритъ на судѣ о своемъ преступленіи тотъ, кого уличаютъ въ немъ на основаніи не вполнѣ ясныхъ уликъ. У историка въ этомъ случаѣ связаны руки.

Не таково положеніе романиста. Онъ долженъ все знать, даже то, чего нѣтъ и не могло быть въ документахъ: онъ долженъ знать душу своихъ героевъ, знать ихъ тайныя думы и помышленія.

И романистъ объясняетъ ужасный поступокъ Разина съ Заирой такъ, какъ онъ его объяснилъ на основаніи психологической критики, которой онъ подвергъ своего героя.

Неудивительно, что послѣ этого Разинъ, смирившійся было передъ властью, положившій свой бунчукъ къ ногамъ этой власти, подружившійся съ воеводою и водившій съ нимъ хлѣбъ-соль, — вдругъ опять превращается въ звѣря, еще болѣе лютаго, чѣмъ онъ былъ прежде.

Астрахань теперь опостылѣла ему. Здѣсь онъ самъ разбилъ свое счастье — и его потянуло домой, на родину, туда, гдѣ протекло его дѣтство, когда у него за спиною не было ни воспоминаній, ни ужасныхъ призраковъ, которые теперь иногда посѣщали его.

4-го сентября Разинъ покинулъ Астрахань, чтобы, собравшись за зиму съ силой, начать исполненіе того, чтò онъ, на возвратномъ пути изъ Соловецкаго монастыря, обѣщалъ Аввакуму, когда навѣстилъ его въ тюрьмѣ монастыря Николы на Угрѣшѣ.

Между тѣмъ, отписки князя Прозоровскаго изъ Астрахани о полной покорности Разина вызвали на Верху великую радость, и Алексѣй Михайловичъ передъ осеннимъ возвращеніемъ изъ села Коломенскаго въ городъ рѣшился въ послѣдній разъ вдоволь натѣшиться купаньемъ въ пруду стольниковъ, запоздавшихъ къ царскому смотру.

Наскоро выслушавъ докладъ дьяка Алмаза Иванова по важнымъ дѣламъ и положивъ по нимъ резолюціи, государь вопросительно поглядѣлъ на дьяка, который переминался съ ноги на ногу и повидимому еще чтò-то хотѣлъ доложить, но не рѣшался.

— Чтò у тебя еще?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Пустое, государь: такъ—челобитьишко одно,—отвѣчалъ Алмазъ Ивановъ:—жалобишка непутевая.

— На кого?—спросилъ государь.

— На твоихъ государевыхъ воеводъ, на симбирскихъ да на саратовскихъ съ товарищи.

— А чья жалоба?

— Твоихъ государевыхъ оброшныхъ людишекъ.

— А ну-ко, вычти,—сказалъ съ неохотой «тишайшій», позѣвывая:—ему такъ хотѣлось купать стольниковъ.

— Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю,—началъ, прокашлявшись, Алмазъ Ивановъ,—всеа Русіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю... Облаадателю съ однимъ азомъ, государь, прописка...

— Съ однимъ азомъ?—строго спросилъ царь.

— Съ однимъ—точно: обладателю—во мѣсто облаадателю, государь,—отвѣчалъ дьякъ.

— А кто учинилъ прописку?

— Писалъ, государь, подьячей не у дѣлъ Юшка Ивановъ.

— Такъ укажи бить Юшку батоги нещадно,—рѣшилъ Алексѣй Михайловичъ [1]).

Надо замѣтить, что въ царскомъ титулѣ слово «обладатель» всегда и обязательно писалось съ двумя *а* послѣ перваго *л*: «облаадателю».

— Читай дальше,—приказалъ государь.

Алмазъ Ивановъ продолжалъ: «Бьютъ челомъ сироты твои государевы, симбирскіе и саратовскіе татаровя мурзишки и сотничишки и мордовскіе и чувашскіе людишки, а во всѣхъ ихъ мѣсто Багай Кочюрентѣевъ сынъ да Шелмеско Шевоевъ сынъ: велѣно намъ сиротамъ твоимъ государевымъ, по твоему государеву наказу, твоя государева пашня пахати за твой государевъ ясакъ. И мы сироты твои государевы твою государеву пашню пахали многіе годы—рожь и ячмень и овесъ сѣяли. И мы твою государеву пашню пашючи, лошади покупали, животишки свои и достальные истощали. А за твоей государевой пашнею ходячи, одежонко все придрали, и женишка и дѣтишка испроѣли, и нынѣче, государь, помираемъ голодною смертію. А одежонки намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, купити не на што и не чимъ, и мы, государь, сироты твои государевы, погибаемъ нужною смертію, волочася съ наготы и съ босоты. А въ осеннюю пору, государь, мы жъ, сироты твои государевы, на гумна возимъ твой государевъ хлѣбъ, и въ клади кладемъ, и молотимъ. Да въ лѣтнюю пору, государь, и въ зимнюю ѣздятъ въ Астрахань твои государевы воеводы, и дѣти боярскіе, и казаки, съ твоими государевыми дѣлы къ Москвѣ и съ Москвы, и они, государь, емлютъ насъ въ подводы и съ судами въ лѣтнюю пору, и въ зимнюю пору съ лошадьми и саньми, и у насъ, государь, у сиротъ твоихъ государевыхъ, въ подводахъ ѣздячи и ходячи, голодною смертію и нужною съ волокиты лошаденки помираютъ. А которые, государь, изъ насъ татаровя и иные людишки по дорогамъ у Волги жили, и они, государь, отъ подводъ разбѣгаются, живутъ по лѣсамъ въ незнаемыхъ мѣстахъ. И у насъ, государь, у сиротъ твоихъ государевыхъ лутчихъ людишекъ, у мурзишокъ и у сотничишковъ, въ подводахъ людишки и лошаденки помираютъ; а другіе бѣгаютъ по лѣсомъ отъ твоихъ государевыхъ посланниковъ потому: они, государь, посланники твои и воеводы насъ, сиротъ твоихъ государевыхъ, всякими пытками пытаютъ, и поминки съ насъ всякія емлютъ, и насъ, сиротъ твоихъ государавыхъ, грабительски грабятъ—коровенка и куры, и гуся и утку, и рыбу, чѣмъ мы сироты твои государевы сыты бываемъ, емлютъ насильствомъ же, грабе-

[1]) Въ то время за малѣйшую описку въ царскомъ титулѣ жестоко наказывали, какъ за государственное преступленіе.

жомъ, государь, сымаютъ съ насъ, сиротъ твоихъ государевыхъ, съ плечь шубы и зипуны, и порты и лапти, а у ково, государь, изъ насъ сиротъ твоихъ государевыхъ и портовъ нѣтъ, и тѣхъ, государь, морятъ голодомъ до смерти, а иныхъ, государь, емлютъ себѣ въ холопи, а жонъ, государь, и дѣвокъ...»

Алексѣй Михайловичъ нетерпѣливо махнулъ рукой:

— Скоро конецъ?

— Скоро, государь.

И Алмазъ Ивановъ, пробѣжавъ глазами челобитную, продолжалъ:

«А мастеровъ, государь, у насъ въ нашей бусурманской вѣрѣ нѣту, ни дровишекъ, государь, усѣчи нечимъ, ни на звѣря, государь, засѣки сдѣлати безъ топора не мошно и нечимъ, а обуви, государь, безъ ножа сдѣлати не мошно же. И намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, съ студи и съ босоты и съ наготы голодною смертію погибнуть, и намъ, сиротамъ твоимъ, жити стало невозможно, и впредь, государь, погибнуть.

— Слышалъ!—нетерпѣливо перебилъ докладчика Алексѣй Михайловичъ.—Ну?

Дьякъ продолжалъ чтеніе:

«Милосердый царь государь, пощади сиротъ своихъ, покажи милость, не помори сиротъ своихъ напрасною смертію, вели намъ, сиротамъ своимъ, попрежнему покупати у рускихъ людей топоры и ножи и котлы, чтобъ мы сироты твои государевы въ конецъ не погинули и съ студи и съ босоты и наготы не померли, впредь бы твоего государева ясаку не отстали. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Алмазъ Ивановъ кончилъ и вытеръ вспотѣвшій лобъ ширинкой. Алексѣй Михайловичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Ну, слава Богу!—сказалъ онъ, зѣвая и крестя ротъ рукой, «чтобъ съ зѣвотой не вошелъ въ ротъ и въ утробу нечистый».— Передай челобитье въ думу: коли буду сидѣть съ бояры, тогда разберу и указъ учиню. А теперь пойду на крыльцо: тамъ, чаю, стольники заждались мово купанья. Да на ихъ счастье и день теплый выдался.

И царь двинулся на крыльцо.

У крыльца уже давно толпилась дворская челядь—стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. На самомъ же крыльцѣ, на площадкѣ, имѣли право дожидаться только бояре, думные люди и другая знать.

Появленіе царя вызвало бурю поклоновъ, земныхъ и поясныхъ. Все заколыхалось, сдержанно кашляло, робко сморкалось «въ персты», по «Домострою», «вѣжливенько, дабы не рычать носами».

Послѣ скучнаго доклада лицо «тишайшаго» просіяло при видѣ порядочной группы стольниковъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ про-

чихъ. Это были тѣ, за которыми числилась провинка: они опоздали къ утреннему царскому «смотру»—къ выходу. Ихъ и ожидало купанье въ пруду.

— Ну, Алмазъ,—вели начинать дѣйство,—обратился государь къ Алмазу Иванову.

Послѣдній подалъ знакъ жильцамъ, которые стояли около провинившихся стольниковъ: это были «купальные».

«Купальные» подхватили подъ руки стоявшаго впереди молодого стольника, высокаго и стройнаго, и повели къ «ердани»—къ купальной открытой сѣни.

— Многая лѣта великому государю!—едва успѣлъ крикнуть стольникъ, какъ «купальные» толкнули его въ прудъ «прямо мордой».

Стольникъ скрылся подъ водой, но черезъ нѣсколько секундъ вынырнулъ и, ловко держась на водѣ, клалъ поклоны, ударяя лбомъ о поверхность воды.

— Ай да ловокъ Еремѣй!—послышались одобрительные возгласы среди бояръ:—и на водѣ великому государю челомъ бьетъ.

— И точно ловокъ—ахъ, язва!

А стольникъ, видя произведенный имъ эфектъ, поднялъ правую руку и возгласилъ:

— Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое! Побѣды благовѣрному государю нашему Алексѣю Михайловичу на супротивныя даруяй...

— Ахъ, язва! и вода ево не беретъ.

Алексѣю Михайловичу видимо понравились продѣлки стольника.

— Похваляю, похваляю, Еремѣй!—милостиво улыбался онъ.

Еремѣй вышелъ изъ воды и, оставляя за собою мокрый слѣдъ и низко кланяясь, приближался къ царю. Тотъ пожаловалъ ловкаго стольника къ рукѣ.

— Похваляю, похваляю,—продолжалъ Алексѣй Михайловичъ,—жалую тебя двумя обѣдами.

Всѣ съ завистью смотрѣли на счастливца: его ожидала карьера по службѣ.—Шутка ли! два обѣда разомъ!

Между тѣмъ «купальные» тащили уже другую жертву царской потѣхи. Это былъ старенькій, сухенькій и тщедушный стольничишко, которому плохо везло по службѣ. Онъ никогда не опаздывалъ къ царскому смотру потому, что, съ одной стороны, былъ холопски усерденъ къ службѣ и вѣренъ, «аки песъ», съ другой—онъ боялся воды, такъ-какъ во всю свою жизнь не купался, предпочитая холодной рѣчной водѣ паровую баню съ вѣникомъ; но сегодня, на бѣду, опоздалъ, за своею глухотою не разслышавъ боя часовъ на одной изъ кремлевскихъ колоколенъ.

Онъ весь дрожалъ со страху, крестился и жалобно просилъ:

— Царь государь! смилуйся, пожалуй!—я отродясь не плавалъ — я немощенъ—у меня утинъ въ хребтѣ...

Это тѣшило «тишайшаго», и онъ смѣялся, а бояре вторили ему почтительнымъ ржаніемъ.

«Купальные», подстрекаемые общимъ весельемъ, взяли свою жертву за ноги и за руки, и, раскачавъ въ воздухѣ, бросили далеко въ прудъ. Тщедушное тѣло бултыхнуло въ воду и пошло ко дну. На поверхность всплыли пузыри...

Ждутъ, а онъ не показывается. Еще ждутъ—нѣтъ его, только пузыри вскакиваютъ.

— Ишь, старый, словно тебѣ выхухоль въ водѣ живетъ,—слышалось межъ боярами.

— Что выхухоль!—настоящій соболь...

А соболя все нѣтъ. Алексѣй Михайловичъ начинаетъ тревожиться.

— Онъ шутитъ, государь, успокоиваютъ его бояре:—ишь проказникъ!

Но проказника все нѣтъ—и вода въ пруду сравнялась—гладко, какъ зеркало.

— Ищите ево! вымайте изъ воды!—тревожно заговорилъ государь:—охъ, Господи!

Всѣ засуетились, но никто не смѣлъ броситься въ воду. Слышались только возгласы, оханья. Всѣ столпились у пруда, разводили руками, топтались на мѣстѣ какъ овцы...

Вдругъ кто-то протискивается сквозь толпу, крестится и съ размаху бросается въ прудъ.

— Еремѣй! Еремѣй Васильевичъ Сухово!—послышались радостные голоса.

Это былъ дѣйствительно онъ. Смѣльчакъ быстро доплылъ до того мѣста, гдѣ скрылся подъ водою старенькій стольникъ, и нырнулъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вынырнулъ, держа въ одной рукѣ за шиворотъ утопленника и поддерживая его безпомощную лысую голову надъ водою,—и скоро достигъ «средины».

— Не клади нà земь!—не клади!—послышались возгласы.

— Дайте òхабень!—на òхабени качайте!—отойдетъ!

— Ахъ, Господи!—ахъ, Господи!—повторялъ Алексѣй Михайловичъ, глядя на посинѣвшее лицо утопленика.

Несчастнаго положили на òхабень, качали шибко, сильно. Жалкое маленькое тѣло въ мокрой одеждѣ безпомощно перекатывалось по òхабню, руки и ноги болтались какъ плети, посинѣвшее лицо какъ-бы о чемъ-то просило...

Но его такъ и не откачали...

XXIII.

Роковое пожатіе руки.

Въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ выслушивалъ доклады дьяка Алмаза Иванова, а потомъ купалъ своихъ стольниковъ, его любимица, царевна Софья Алексѣевна, затѣяла прогулку въ лѣсъ по грибы. Она воспользовалась прекраснымъ, теплымъ сентябрьскимъ днемъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что царская семья и весь дворъ надняхъ должны были переѣхать изъ села Коломенскаго въ Москву.

Теперь Софья Алексѣевна была уже не подростокъ-дѣвочка, а настоящая дѣвица—«большая»: ей уже семнадцать лѣтъ, и она выросла, пополнѣла и вполнѣ развилась физически.

Въ это утро, по обыкновенію, она училась съ Симеономъ Полоцкимъ, который никакъ не могъ удовлетворительно объяснить ей, отчего это бываетъ снѣгъ. Хотя онъ объяснялъ поученому, но ужасно туманно,—и это раздражало царевну.

— Егда пара восходитъ на воздухъ—толковалъ онъ—и вѣтръ далече проженетъ, и та пара отолстѣетъ, обаче же не можетъ въ камень смерзнутися, понеже тамо есть мгла посреди: все же строится судьбами Всесотворшаго, и идетъ снѣгъ, дождь, и градъ, роса и иней, мразъ и зной, воздухомъ и солнцемъ, обаче же токмо единъ Онъ всесильный творецъ вѣсть.

— Ахъ, Симеонъ Ситіановичъ — зѣвала царевна—лучше пойдемте въ лѣсъ по грибы: вонъ какое вёдро—хорошо, зѣло хорошо; а то скоро въ городъ переѣдемъ.

Конечно, учитель охотно согласился прогуляться въ лѣсу съ своей хорошенькой ученицей, и они, захвативъ корзинки, отправились небольшимъ обществомъ въ рощу, примыкавшую къ дворцу села Коломенскаго: съ ними пошли за грибами и старая царевнина мамка, и случайно бывшая во дворцѣ у царицы молоденькая Ордина-Нащокина, Наталья Семеновна, урожденная княжна Прозоровская.

Читатель, можетъ быть, помнитъ, что княжну Прозоровскую, постригшуюся было съ отчаянья, мы видѣли въ послѣдній разъ, три года тому, когда она вдругъ неожиданно явилась въ монашескомъ одѣяніи къ Воину Ордину-Нащокину и рѣшительно заявила, что въ монастырь она больше не возвратится.

Происшествіе это въ свое время надѣлало много шуму въ Москвѣ, особенно въ придворныхъ сферахъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что инокиня Надежда, урожденная княжна Наталья Прозоровская, отпросилась у игуменьи пойти въ Успенскій соборъ, во время службы, съ кружкою для сбора пожертвованій на святую обитель. Ее отпустили съ одной почтенной старицей. Но въ соборѣ, среди

литургіи, молоденькая инокиня Надежда попросила старицу подержать на минуту и ея кружку, пока она поставитъ свѣчку Николѣ Чудотворцу,—и тотчасъ же исчезла!—Изъ собора она поѣхала прямо къ тому, кого она давно любила—къ своему Воину.

Многихъ хлопотъ стоило родителямъ ихъ спасти юную бѣглянку отъ жестокаго наказанія по «Номоконону» и по монастырскому уставу. Только личное участіе царя въ судьбѣ молоденькой преступницы и его любовь къ старику Нащокину отвратили отъ ея пылкой головки суровую кару. Притомъ же Алексѣю Михайловичу проходу не давала его «непосѣда», царевна Софьюшка, которую онъ иногда называлъ «запорожцемъ въ юпкѣ». Она съ утра до вечера нудила надъ ухомъ: «прости да прости Наташу Прозоровскую»...

И пришлось простить. Но ее, конечно, по тогдашнему выраженію «обнажили отъ ангельскаго чина», другими словами — разстригли.

Потомъ любящаяся парочка сочеталась бракомъ, и съ той поры молодая Ордина-Нащокина, жена Воина, глубоко привязалась къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ за ея заступничество передъ отцомъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ являлась во дворецъ.

Всѣ шли съ корзинками въ рукахъ, и Симеону Полоцкому дали огромную корзину, потому-что онъ хвастался, что у нихъ въ Полоцкѣ онъ считался первымъ «грибонаходчикомъ».

Дорогой говорили о томъ, что занимало тогда умы московскаго общества—о бывшемъ патріархѣ Никонѣ и о заключеніи его въ Ферапонтовомъ монастырѣ, о ссылкѣ протопопа Аввакума въ Пустозерскъ, въ земляную тюрьму, наконецъ—объ изъявленіи Разинымъ покорности.

— А чтò онъ послѣ тово, матушка царевна, сдѣлалъ!—не приведи Богъ,—замѣтила молодая Ордина-Нащокина.

— А чтò такое, Наташа?—спросила Софья Алексѣевна.

— Да вотъ чтò, государыня царевна. — Вечòръ отъ батюшки съ Астрахани гонецъ пригналъ съ гостинцами мнѣ отъ родителя—груши да виноградъ. Дакъ сказывалъ гонецъ: была-де въ полонянкахъ у Разина царская дочь, персицково царя—красавица!—ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. И полюбись, матушка, та царская дочь атаману Разину—ужъ такъ любилъ ее, такъ любилъ!—и берегъ какъ зѣницу ока. Пришло — говоритъ — атаману Разину пора-время говѣть, и на духу его батюшка пытаетъ: чтò-де у тебя, рабъ божій, дороже всево на свѣтѣ?—А такъ и такъ, батюшка—говоритъ Разинъ: дороже мнѣ всево—говоритъ—царска дочь.—Кинь—говоритъ батюшка—кинь ее въ море, какъ кинулъ въ море царь Соломонъ свой драгоцѣнный перстень. Еже ли—говоритъ—Богъ приметъ твою жертву, то на третій же день рыба китъ, аки Іону, возвратитъ тебѣ царевну.

— Ну, и чтòжъ?—въ волненіи спрашивала царевна:—кинулъ?

— Кинулъ, государыня,—отвѣчала Ордина-Нащокина.

— Господи! — всплеснула руками Софья Алексѣевна. — Ну, и какъ же было дѣло?

— Да такъ: былъ—говоритъ—у атамана Разина пиръ большой, у нево на стругѣ; былъ у нево—говоритъ—въ гостяхъ и мой батюшка.—Вышла—говоритъ—изъ своей свѣтлицы къ гостямъ и царская дочь — вся въ золотѣ да въ камняхъ самоцвѣтныхъ, — поднесла гостямъ по чарѣ, какъ законъ велитъ. А Разинъ и говоритъ къ гостямъ: вотъ мое сокровище!—это на царскую-то дочь.—Царь Соломонъ—говоритъ—бросилъ въ море свое сокровище—драгоцѣнный перстень, а я — ее! Да съ этимъ словомъ схватилъ ее поперекъ и словно золотъ перстень бросилъ въ море!

Всѣ пришли въ ужасъ отъ этого разсказа, дошедшаго до Москвы уже въ искаженномъ варіантѣ.

— Ну и чтòжъ—рыба-китъ не принесла ее на третій день?— спросила Софья Алексѣевна.

— Не принесла, матушка царевна.

Симеонъ Полоцкій полагалъ, что это просто бабья сказка, и потому больше думалъ о грибахъ, чѣмъ о царской дочери и ея участи.

— А вотъ сыроѣжка! — вотъ и бѣлый грибъ! — радостно воскликнулъ онъ, нагибаясь, чтобъ сорвать грибы.

Скоро и всѣ увлеклись грибами.

Въ это время у опушки лѣса показались два всадника. По всему видно было, что это соколиные охотники, потому-что у каждаго изъ нихъ на рукавицѣ сидѣло по соколу—одинъ въ красной шапочкѣ, другой въ голубой.

— Да это никакъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ?— замѣтила Ордина-Нащокина.

— Онъ и есть,—подтвердилъ Симеонъ Полоцкій.

Царевна Софья Алексѣевна почему-то при этомъ вся вспыхнула.

— Должно, съ соколиной охоты ѣдутъ,—какъ бы нехотя сказала она.

Всадники подъѣзжали все ближе и ближе, и вдругъ одинъ изъ нихъ, остановивъ лошадь, соскочилъ съ сѣдла, передалъ и лошадь и своего сокола другому всаднику, чтò-то наказалъ ему, и торопливо пошелъ къ грибоискателямъ.

Это былъ, дѣйствительно, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, мужчина среднихъ лѣтъ, широкоплечій и достаточно плотный. Онъ издали узналъ Софью Алексѣевну и, приближаясь къ ней, почтительно снялъ шапку.

— Здравствуй, князь Василей!—ласково сказала царевна.

— Будь ты здрава, государыня царевна, — поклонился Голицынъ.—Грибнымъ дѣломъ тѣшишься?

— Точно,—отвѣчала Софья, скользнувъ глазами по всей фигурѣ собесѣдника.

Голицынъ поздоровался и съ другими.

— А князь Василей былъ на соколиныхъ ловахъ? — спросила царевна.

— Грѣшнымъ дѣломъ, государыня... Чтòжъ я смотрю!—спохватился онъ:—позволь, государыня, я хуть кошницу буду носить за тобой.

— И то дѣло,—согласилась царевна.

Всѣ занялись исканіемъ грибовъ, изрѣдка перекидываясь словами: «ай да рыжикъ»!—«а у меня волнушка»!—«грузди! грузди!» Усерднѣе всѣхъ лазилъ по кустамъ Симеонъ Полоцкій, желая поддержать свою старую репутацію.

Молодая Ордина-Нащокина, не сильная насчетъ грибной части, боясь набрать мухоморовъ вмѣсто рыжиковъ, держалась профессора по грибной части—старой мамки, и не отходила отъ нея.

Софья же Алексѣевна, порывистая, нетерпѣливая, быстро переходила отъ одного мѣста къ другому, и Голицынъ долженъ былъ слѣдовать за ней. Она вся раскраснѣлась отъ ходьбы и грудь ея высоко поднималась. Часто взоръ ея скользилъ по лицу Голицына, но какъ-то украдкой, стыдливо. Она испытывала какое-то сладостное волненіе вблизи этого сильнаго мужчины, и ее все дальше и дальше тянуло въ глубь рощи.

Они давно потеряли всѣхъ изъ виду, и кажется — забыли о грибахъ.

— Вонъ грибъ, государыня! — сказалъ Голицынъ, нагибаясь.

Нагнулась и Софья Алексѣевна — и глаза ихъ встрѣтились. Чтò-то горячее сказалось съ обоихъ сторонъ въ этихъ глазахъ, и когда рука Голицына потянулась было къ грибу, она ощутила не грибъ, а другую руку—руку царевны. Руки соединились порывисто, судорожно. Но теперь они не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза, хотя и чувствовали, что въ этотъ моментъ они составляютъ одну душу, одно существо...

— Ау! ау!—послышался голосъ Ординой-Нащокиной.

— Я не могу откликнуться,—шепталъ въ волненіи князь Голицынъ:—я не хочу!

— И не надо,—прошептала и Софья, вставая и не выпуская изъ руки руку Голицына.

Изъ-за ближнихъ кустовъ показался Симеонъ Полоцкій. Онъ торжествовалъ—въ корзинѣ у него были всевозможные грибы.

— А вы?—обратился онъ къ царевнѣ и къ князю Голицыну.

— Мы нашли всего одинъ грибъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— А Симеонъ Ситіановичъ помѣшалъ намъ сорвать ево,—добавила Софья, лукаво глянувъ на Голицына.

— Ау! ау! ау!—повторились ауканья Нащокиной.

— Ау! ау!—отвѣчала царевна, думая про себя: «теперь пущай ее идетъ».

Софья Алексѣевна давно уже чувствовала влеченіе къ Голицыну, часто встрѣчая его во дворцѣ. Еще дѣвочкой она видѣла въ немъ образецъ мужчины, а чѣмъ старше становилась, тѣмъ очевиднѣе для нея самой росло въ ней нѣжное и тревожное чувство къ тому, кого она въ душѣ называла «Васенькой».

И вотъ сегодня она въ первой разъ почувствовала, что одно прикосновеніе его сильной, мускулистой руки, дало ей столько счастья и чего-то такого сладостнаго, чего она еще ни разу не испытывала въ жизни. Это прикосновеніе точно обожгло ее, и между тѣмъ ей хотѣлось, чтобы онъ не выпускалъ ея руку, ей хотѣлось чувствовать ея теплоту, ея силу, ея близость.

Всѣ пошли дальше, продолжая искать грибы и уже не разбиваясь на отдѣльныя единицы. Софья Алексѣевна теперь стала внимательнѣе къ своему дѣлу, и въ корзинку ея, которую продолжалъ носить Голицынъ, все чаще и чаще попадали то рыжики, то сыроѣжки, то и настоящіе бѣлые. Она разсказала Голицыну о варварскомъ поступкѣ Разина съ своею хорошенькою плѣнницей, и Голицынъ тоже принялъ было это за сказку, если бы разсказъ царевны не поддержала молодая Ордина-Нащокина, сказавъ, что гонецъ, привезшій эту вѣсть изъ Астрахани, еще не выѣхалъ изъ Москвы обратно и можетъ лично подтвердить все сообщенное князю.

Но пора, наконецъ, было возвращаться и по домамъ. Когда они выходили изъ рощи, у опушки ея, на дорогѣ, ведущей въ Москву, Голицына ожидалъ его сокольничій съ лошадью и соколомъ. Голицынъ простился и вскочилъ на коня, взглянувъ послѣдній разъ на царевну.

Софья долго провожала его глазами.

Весь этотъ день и она и онъ постоянно вспоминали, какъ руки ихъ встрѣтились тамъ, въ рощѣ; но они, конечно, не могли предвидѣть, какія кровавыя послѣдствія въ будущемъ проистекутъ для Россіи и для нихъ самихъ изъ этого рокового пожатія одной руки другою.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ВѢНСКИХЪ КОНФЕРЕНЦІЯХЪ 1855 ГОДА [1].

III.

При такихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ нашихъ къ Австріи открылась 9-го (21-го) апрѣля 12-ая по счету конференція, которая должна была окончательно рѣшить вопросъ объ успѣхѣ или неудачѣ всѣхъ предшествовавшихъ переговоровъ.

Князь Горчаковъ сдѣлалъ заявленіе, что Россія считаетъ вопросъ, о какомъ бы то ни было территоріальномъ отчужденіи Турціи, вопросомъ европейскимъ; но что Россія не принимаетъ на себя обязательства считать поводомъ къ войнѣ, если неприкосновенность турецкихъ владѣній будетъ кѣмъ-либо нарушена. Что же касается собственно до Россіи, то представители ея должны отклонить всѣ сдѣланныя на конференціи предложенія, которыя, по ихъ мнѣнію, затрогиваютъ державныя права русскаго императора и нарушаютъ европейское равновѣсіе. Князь Горчаковъ прочелъ затѣмъ свое предложеніе, главныя основанія котораго состояли въ слѣдующемъ:

«1) Трактатомъ отъ 1-го (13-го) іюля 1841 г. Дарданеллы и Босфоръ признаны закрытыми для судовъ иностраннаго флота. Но султанъ долженъ получить теперь право, по своему усмотрѣнію, дозволять впредь военнымъ судамъ европейскихъ государствъ проходить изъ Архипелага въ Черное море и обратно.

«2) Правомъ этимъ, во время мира, пользуются суда всѣхъ націй, на совершенно одинаковыхъ началахъ, безразлично.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 265.

«3) Но султанъ сохраняетъ за собою право, въ случаѣ опасенія его какой-либо державы, закрыть, временно, проходъ ея военныхъ судовъ черезъ проливы».

Аали-паша сказалъ на это, что его инструкціи побуждаютъ его противиться принципу открытія принадлежащихъ Портѣ проливовъ, такъ какъ въ этомъ заключается гарантія ея безопасности. Друэнъ-де-Люисъ также высказался за закрытіе проливовъ. Титовъ замѣтилъ ему на это, что въ его прежнемъ проектѣ онъ также нарушалъ этотъ принципъ закрытія, и притомъ въ такомъ видѣ, что это могло угрожать независимости Порты.

Князь Горчаковъ дополнилъ это заявленіе тѣмъ, что, по его мнѣнію, ничто такъ не угрожаетъ независимости Порты, какъ, съ одной стороны, громадный флотъ Западныхъ державъ, а съ другой, уничтоженіе русскаго флота, который могъ бы служить противувѣсомъ морскимъ силамъ Запада.

Лордъ Руссель сказалъ на это, что опасность для Порты грозитъ ей только со стороны Россіи, а не Запада, и что султанъ лучше всѣхъ это понимаетъ, призвавъ Западъ для своей защиты; что поэтому, не остается другого средства для союзниковъ, какъ продолжать занятіе Чернаго и Балтійскаго морей.

Въ опроверженіе того, что опасность для Порты можетъ исходить только отъ Россіи, князь Горчаковъ прочелъ свой меморандумъ, который, какъ уже сказано, былъ еще ранѣе одобренъ графомъ Нессельроде.

На приводимые княземъ Горчаковымъ доводы, графъ Буоль сказалъ, что онъ съ сожалѣніемъ видитъ нежеланіе русскихъ уполномоченныхъ согласиться на уменьшеніе своихъ силъ на Черномъ морѣ, и не одобряетъ предложенія ихъ установить принципъ открытія проливовъ, тогда какъ всѣ, напротивъ, отстаиваютъ принципъ ихъ закрытія.

— «При такихъ условіяхъ,— сказалъ онъ,—Россія не только во всякое время можетъ двинуть всѣ свои черноморскія силы къ Константинополю, но еще направить туда и свой Балтійскій флотъ».

Вслѣдъ затѣмъ Друэнъ-де-Люисъ высказалъ мысль, что ему кажется страннымъ, почему Россія, отказываясь уменьшить свой флотъ и требуя открытія проливовъ, ссылается на то, что это необходимо въ видахъ обезпеченія цѣлости Турецкой имперіи; а между тѣмъ, отказывается признать поводомъ къ войнѣ нарушеніе кѣмъ-либо цѣлости турецкихъ владѣній? Изъ этого онъ сдѣлалъ выводъ, что настаивая на открытіи проливовъ, Россія имѣетъ въ виду, пользуясь своею близостью къ Константинополю, сдѣлать, когда найдетъ это удобнымъ, нападеніе на столицу Порты и занять Дарданеллы прежде, чѣмъ союзники султана могутъ прійти къ нему на помощь.

Чтобы устранить поводъ къ подобнымъ заключеніямъ, князь Горчаковъ сдѣлалъ графу Нессельроде слѣдующій запросъ по телеграфу [1]):

«Можно ли вести переговоры на слѣдующихъ основаніяхъ: закрытіе проходовъ въ принципѣ; право Порты открыть ихъ для иностранныхъ державъ, кромѣ Россіи, если Порта будетъ видѣть для себя угрозу въ увеличеніи морскихъ силъ Россіи? Ради Бога скорѣе дайте отвѣтъ по телеграфу».

Графъ Нессельроде отвѣтилъ ему на это:

«Императоръ очень удивляется, что вы могли спрашивать отвѣта на предложеніе, которое вы прямо должны были отвергнуть».

Тогда князь Горчаковъ предложилъ рѣшить вопросъ о проливахъ въ томъ смыслѣ: «что Портѣ предоставляется право открыть ихъ флотамъ, какъ русскому, такъ и иностраннымъ, смотря съ какой стороны она будетъ видѣть угрозу своей безопасности».

Но всѣ эти заявленія ни къ чему не привели. Друэнъ-де-Люисъ, послѣ 12-ой конференціи собирался уѣхать въ Парижъ. Князь Горчаковъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. При этомъ Друэнъ-де-Люисъ сказалъ:

— «У насъ не было конференцій, а были только простые разговоры (causeries); я думалъ придти этимъ путемъ скорѣе къ соглашенію—что и было главною цѣлью моего пріѣзда, и моимъ лучшимъ желаніемъ».

Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что не отрицаетъ пользы подобныхъ разговоровъ, и не считаетъ, что вся суть конференцій заключается только въ составленіи протоколовъ; но находитъ, что получились бы болѣе прочные шансы на миръ, если бы собравшіеся на конференціи не были предварительно сплочены воедино, и не набрасывались бы, цѣлой фалангой, на каждое заявленіе, дѣлаемое представителями Россіи. «Я не желаю этимъ заявленіемъ искать способовъ разъединить союзниковъ,—сказалъ князь Горчаковъ,—но повторяю только то, что сказалъ и на конференціи: если желаютъ разумнаго мира, то онъ будетъ заключенъ; если же намъ будутъ ставить условія, несовмѣстныя съ нашею честью и нашимъ достоинствомъ, то пусть число нашихъ противниковъ увеличится вдесятеро; пусть соединятся противъ насъ оба земныя полушарія — мы примемъ борьбу, хотя бы должны были въ ней погибнуть. Не число нашихъ враговъ, а единственно условія мира могутъ лишь влiять на наши рѣшенія».

— «Могу васъ увѣрить, сказалъ Друэнъ-де-Люисъ, что я ничего такъ не желаю, какъ мира, и не теряю еще надежды достигнуть его. Умоляю васъ только не отказываться отъ преній (discussion). Въ томъ, что говорилось относительно вашего флота, вѣрьте

[1]) Телеграмма князя Горчакова, отъ 11-го (23-го) апрѣля, 1855. М. И. Д.

мнѣ, нѣтъ ничего для васъ унизительнаго. Подумайте о томъ, что мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ залогъ: мы занимаемъ часть вашей территоріи; Черное море вполнѣ принадлежитъ намъ; мы скоро будемъ имѣть и все Балтійское море. Слѣдовательно, намъ придется вамъ возвращать то, чѣмъ мы уже владѣемъ; а въ подобныхъ случаяхъ всегда ставятся извѣстныя условія».

— «Все зависитъ отъ свойства этихъ условій,—возразилъ князь Горчаковъ.—Наши нынѣшнія отношенія къ Франціи не нормальны, не согласны съ политикою, которую опредѣлили географическія и историческія условія. Время, когда послѣдуетъ замиреніе, рано или поздно, наступитъ, оставивъ для будущаго вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу станутъ Россія и Франція. Вы слишкомъ опытный государственный человѣкъ, чтобы не понять какъ важно для Франціи, чтобы отношенія эти были хороши и прочны, а потому, при настоящихъ переговорахъ, Франція не должна возбуждать у насъ тяжелыхъ воспоминаній, и не требовать того, что не совмѣстимо съ нашею честью. Нація, получившая тяжелую рану—будетъ имѣть хорошую память. Что касается императора Людовика Наполеона, то можетъ быть вамъ не безъизвѣстно, что я состою въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со многими членами его фамиліи, и въ особенности пользуюсь благосклонностью m-me la Duchesse de St. Leu, въ римскомъ салонѣ которой я обыкновенно встрѣчалъ, почти каждый вечеръ, нынѣшняго императора Франціи. Воспоминанія юности всегда имѣютъ свою прелесть; но я не стану распространяться объ этомъ, а скажу только, что вмѣстѣ со всѣми друзьями порядка, я восхищался усиліями императора Людовика Наполеона, уничтожить анархію. Вамъ легко заключить изъ этого, что лично я не могу быть настроенъ противъ того, который, такъ счастливо начавъ дѣло, считавшееся невозможнымъ, призванъ къ его упроченію и окончанію».

— «Вы мнѣ говорите словами, которыми говоритъ мое собственное сердце»,—съ живостью отвѣтилъ Друэнъ-де-Люисъ, прощаясь съ княземъ Горчаковымъ.

Дѣйствительно, мы видѣли изъ письма Друэнъ-де-Люиса къ Буркенею, въ январѣ 1855 года, что имъ были высказаны тѣ же самыя мысли, касательно будущихъ отношеній Франціи къ Россіи.

Переговоры на 12-й конференціи давали, вообще, весьма мало надежды на благопріятный исходъ ихъ. Князь Горчаковъ имѣлъ теперь главную надежду на личное вліяніе императора Франца-Іосифа, и настойчиво просилъ у него аудіенціи. Но, вѣроятно, не безъ вліянія графа Буоля, нашъ посолъ не могъ получить этой аудіенціи.

«До сихъ поръ, писалъ онъ отъ 11-го (23-го) апрѣля, [1]) я не

[1]) Князь Горчаковъ, отъ 11-го (23-го) апрѣля, 1855. М. И. Д.

могъ получить у императора аудіенціи, о которой прошу съ 7-го (19-го) числа. Причины такого замедленія, несогласнаго съ обыкновенными пріемами, принятыми относительно меня императоромъ, могутъ быть объяснены только предположеніями. Можетъ быть, императоръ затрудняется меня видѣть теперь и ожидаетъ близкаго отъѣзда Друэнъ-де-Люиса и лорда Русселя, чтобы говорить со мною съ большею свободою; или же, можетъ быть, графъ Буоль хочетъ отплатить намъ за графа Эстергази, которому, по его мнѣнію, было оказано мало вниманія, и убѣдилъ императора отвѣтить намъ тѣмъ же. Мы должны ожидать всего худшаго отъ графа Буоля. Когда дѣло состояло въ томъ, чтобы побудить насъ приступить къ конференціямъ, онъ сказалъ мнѣ: «разъ что мы соберемся вокругъ зеленаго стола, вы встрѣтите тамъ больше друзей, чѣмъ думаете». Пока дѣло касалось только 1-го и 2-го пунктовъ, т. е. собственно австрійскихъ интересовъ,—переговоры двигались. Съ того же момента, когда честь и достоинство Россіи были затронуты, при обсужденіи 3-го пункта,—мы видимъ графа Буоля постоянно въ рядахъ нашихъ западныхъ противниковъ. Нѣсколько дней назадъ, когда онъ надѣялся расположить нашъ кабинетъ къ готовности сдѣлать первый шагъ, согласный съ видами союзниковъ [1]), онъ сказалъ мнѣ, буквально:

— «Нѣтъ болѣе возможности войны между Россіей и Австріей». Послѣ же нашего отказа по этому предмету, онъ увѣрялъ своего государя, что намъ было бы очень легко исполнить требуемое, чего, какъ онъ зналъ хорошо, мы принять не согласимся. Когда я напоминаю ему о его разнообразныхъ обѣщаніяхъ и обязательствахъ, то онъ, или отрицаетъ ихъ, или говоритъ, что не былъ правильно понятъ. Вотъ человѣкъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло».

Князь Горчаковъ утверждалъ, что пріѣздъ Друэнъ-де-Люиса имѣлъ главною цѣлью втянуть Австрію въ войну противъ насъ, и употребить и ея средства, чтобы побудить насъ къ заключенію унизительнаго мира.—«Если незнаніе характера нашего императора, и могло ослѣпить его до того, чтобы питать подобную надежду,—то языкъ, которымъ мы говорили на конференціяхъ, доносилъ князь Горчаковъ, долженъ бы лишить его такой надежды. Но только послѣ свиданія съ императоромъ я буду въ состояніи судить о томъ, чего добился Друэнъ-де-Люисъ».

«Мы должны, продолжаетъ князь Горчаковъ, остаться неизмѣнными, не смотря на то,—какъ бы суровы ни были наши обстоятельства, озлобленіе нашихъ враговъ и измѣна нашего, такъ называемаго, стараго союзника. Наша исторія на многихъ страницахъ приводитъ доказательства того, что Австрія всегда насъ

[1]) По поводу предложенія, чтобы Россія сама указала на средства, ограничивающія численность нашего черноморскаго флота.

предавала (trahie), когда это ей было выгодно. И если въ настоящее время исключеніе изъ правила дѣлаетъ честь императору Францу-Іосифу, то я не отношу этого ни къ принципамъ, ни къ воспоминаніямъ или благодарности, а просто къ тому, что слѣдуя избраннымъ путемъ, Австрія находитъ его менѣе для себя опаснымъ и болѣе выгоднымъ».

Что касается до вопроса о нашемъ черноморскомъ флотѣ, то князь Горчаковъ полагалъ, что опредѣленіе извѣстнаго числа нашихъ судовъ, сдѣланное самимъ императоромъ, не нарушаетъ еще его державныхъ правъ; но если отъ насъ будутъ требовать обязательства, не переходить назначеннаго числа судовъ, то слѣдуетъ прямо отвергнуть подобную претензію. Какъ будто обязательство, которое вынуждены принять, не есть принужденіе? Отрицать это,— значитъ утѣшаться дипломатической казуистикой и ставить фразу на мѣсто дѣла.

Затѣмъ князь Горчаковъ заявляетъ о томъ, что—«графъ Арнимъ [1]) только-что предложилъ Австріи матеріальную помощь Пруссіи на случай, если бы Австрія считала свое положеніе опаснымъ, сопротивляясь чрезмѣрнымъ притязаніямъ Западныхъ державъ. Баварія, Саксонія и Виртембергъ, сдѣлали такія же заявленія.— «Я не думаю, прибавлялъ князь Горчаковъ, чтобы подобныя предложенія пришлись по вкусу графу Буолю, такъ-какъ они прямо противурѣчатъ политикѣ, избранной имъ для того, чтобы увлечь своего государя. Первою его мыслью было—какое это произведетъ впечатлѣніе на Францію, и онъ просилъ даже представителей Германіи, не придавать коллективной формы своимъ заявленіемъ». Графъ Буоль сказалъ при этомъ прусскому посланнику, графу Арниму, что—«если Австрія объявитъ себя удовлетворенною со стороны Россіи, и это вызоветъ усложненія съ Западомъ, то Австрія съ благодарностію приметъ предлагаемую ей помощь. Но ежели, наоборотъ, она сама принуждена будетъ принять активное участіе въ войнѣ противъ Россіи, то Германія, со включеніемъ конечно и Пруссіи, также должна будетъ поддерживать Австрію. Графъ Арнимъ замѣтилъ ему на это, что подобное предложеніе, совершенно несогласно съ видами берлинскаго кабинета, который въ настоящемъ положеніи дѣлъ не видитъ для Австріи ни единой причины, способной привести ее къ войнѣ съ Россіей».

Предложеніе помощи Австріи, сдѣланное со стороны Германіи и Пруссіи, не имѣло, однако, никакого вліянія на поведеніе графа Буоля на послѣдующей конференціи. Онъ попрежнему старался также отсрочить аудіенцію князя Горчакова.

Всего вѣроятнѣе предположить, что графъ Буоль совѣтовалъ императору не назначать князю Горчакову аудіенціи, до засѣданія

[1]) Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ.

13-й конференціи, чтобы заставить его быть уступчивѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью произвести на него большее впечатлѣніе 13-го (25-го) апрѣля, наканунѣ открытія конференціи, — «отдано было, какъ доносилъ князь Горчаковъ [1]), приказаніе тремъ дивизіямъ 1-го корпуса—въ Вѣнѣ, Прагѣ и Брюннѣ, быть готовыми къ выступленію; Гессенскому полку и генеральному штабу 3-го корпуса, приказано прибыть изъ Граца въ Вѣну. Дѣло, очевидно, шло о подготовкѣ серьезной демонстраціи. Послѣ же окончанія 13-й конференціи, 14-го (26-го) апрѣля, дано было знать по телеграфу объ отмѣнѣ предполагавшихся передвиженій, кромѣ Вѣнскаго гарнизона, которому приказано было оставаться въ готовности, и который будетъ замѣненъ полкомъ изъ Флоренціи».

На 13-й конференціи, 14-го (26-го) апрѣля, князь Горчаковъ сдѣлалъ возраженіе на слова Друэнъ-де-Люиса, что Россія, признавая принципъ неприкосновенности турецкой территоріи, не даетъ никакой гарантіи къ ея обезпеченію и предлагаетъ только, въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо этой неприкосновенности, свои добрыя услуги, что въ сущности является простою химерою.

Князь Горчаковъ сказалъ, — «развѣ можно назвать химерою, сдѣланное отъ имени русскаго двора увѣреніе, что Россія обязуется уважать неприкосновенность турецкой территоріи и независимость Турецкой имперіи? Если же Россія не беретъ на себя обязательства отстаивать оружіемъ независимость Турціи, то это потому — «что русская кровь принадлежитъ только Россіи».

Друэнъ-де-Люисъ замѣтилъ на это, что Франція, не только обязуется уважать неприкосновенность Турціи, но обязуется также заставить и другихъ уважать эту неприкосновенность, тогда какъ Россія послѣдняго обязательства на себя не беретъ. Затѣмъ посолъ Франціи заявилъ, что такъ какъ русскіе уполномоченные отказываются отъ какого бы то ни было ограниченія русскаго флота, то его инструкціи прекращаются.

Тогда Титовъ сказалъ,—что ему кажется страннымъ такое заявленіе, въ то время когда русскіе уполномоченные дѣлаютъ новое заявленіе, состоящее въ слѣдующемъ: 1) Во время мира, Босфоръ и Дарданеллы остаются закрытыми, по силѣ трактата 1-го (13-го) іюля 1841 года. 2) Султану предоставляется право открытія проливовъ флотамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ, если онъ будетъ опасаться чьего-либо нападенія.

Этимъ окончилось засѣданіе 13-й конференціи. Друэнъ-де-Люисъ и Руссель уѣхали, и оставалось только формулировать причины неудачнаго исхода конференцій, что и послѣдовало на 14-й конференціи, состоявшейся только 22-го мая (4-го іюня).

---

[1]) Тоже, отъ 15-го (27-го) апрѣля, 1855, № 184. М. И. Д.

Наканунѣ этого послѣдняго засѣданія, князь Горчаковъ телеграфировалъ графу Нессельроде [1]):

«Здѣсь хотятъ насъ напугать (intimider) демонстраціями политическими и военными. Мы не даемъ себя ни запугивать, ни заставить свернуть съ пути. Энергія нашихъ словъ производитъ уже свой эфектъ».

Обращаясь же къ нѣкоторымъ подробностямъ засѣданія 13-й конференціи, князь Горчаковъ, въ донесеніи графу Нессельроде [2]) писалъ:

«Уполномоченные Западныхъ державъ отклонили какъ mare clausum такъ и mare apertum, и постановили только принципъ ограниченія нашего черноморскаго флота. Аали-паша сказалъ, что серьезно подумаетъ о сдѣланномъ предложеніи, но не имѣя соотвѣтственныхъ инструкцій—доведетъ русскій проектъ до свѣдѣнія своего правительства. Не знаю, что дѣлается въ Константинополѣ, но въ Вѣнѣ значеніе турецкихъ уполномоченныхъ сведено къ нулю. Они подаютъ голоса какъ автоматы, слѣдуя указаніямъ представителей Запада, и не обнаруживаютъ ни единой черты въ оцѣнкѣ интересовъ, ввѣренныхъ имъ лично. Графъ Буоль, допуская, что выставленные нами принципы указываютъ на возможность сближенія съ видами союзниковъ, объявилъ однако, что находитъ это недостаточнымъ для улаженія вопроса. Въ частномъ разговорѣ онъ былъ еще демонстративнѣе. Когда я сказалъ ему, что не слѣдуетъ портить нашего плана, который вполнѣ согласуется съ планомъ Австріи, если она правильно понимаетъ свои интересы; и что поэтому не слѣдуетъ вводить такихъ комбинацій, которыя могутъ сдѣлать невозможнымъ практическое осуществленіе нашего плана, что неминуемо приведетъ къ кровавымъ послѣдствіямъ,— онъ сказалъ мнѣ, что, считая своимъ долгомъ присоединиться, въ принципѣ, къ требованіямъ Западныхъ державъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постарается изыскать средства, найти такое рѣшеніе вопроса, которое бы не затрогивало нашу національную щепетильность (susceptibilité)».

«Я даю не болѣе значенія этимъ словамъ графа Буоля,—замѣчаетъ князь Горчаковъ,—чѣмъ и его прежнимъ завѣреніямъ. Они всегда имѣли у него значеніе лишь въ данную минуту, и онъ съ такою же легкостію даетъ ихъ, какъ и отрекается отъ нихъ послѣ».

Тѣмъ не менѣе русское предложеніе имѣло то выгодное для насъ значеніе, что убѣдило императора Франца-Іосифа въ томъ, что придаваемое графомъ Буолемъ толкованіе нашихъ тайныхъ намѣреній было ложно. До сихъ поръ графъ Буоль внушалъ, и не безъ успѣха, императору, что нашъ первый проектъ—оставить Чер-

---

[1]) Князь Горчаковъ, отъ 21-го апрѣля, (3-го мая), 1855.

[2]) Тоже, отъ 16-го (28-го) апрѣля, 1855, № 185.

ное море открытымъ, имѣлъ затаенную мысль, — способствовать разрушенію Турецкой имперіи, и создать положеніе не выгодное для интересовъ Австріи. Теперь же, предлагая другой проектъ, основанный на совершенно противуположныхъ началахъ, — «мы, говоритъ князь Горчаковъ, отняли у графа Буоля главную базу его дѣйствій. Это важный результатъ».

Генералъ Гессе сказалъ князю Горчакову послѣ послѣдней конференціи: — «Война между Россіей и Австріей невозможна; всѣ усилія Запада разлетятся въ прахъ (échoueront), мы не можемъ взбѣситься (ne pouvons pas nous acharner), благодаря дикому принципу ограниченія».

Но князь Горчаковъ остался вѣренъ своей мнительности.

«Мы имѣемъ дѣло,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ, — съ малодушіемъ, не знающимъ границъ, съ отсутствіемъ принципа вѣрнаго сужденія, съ предательствомъ (perfidie), которое ежедневно доказывается новыми фактами. Будемъ лучше разсчитывать на самое худшее. Десятимѣсячное, постоянное пребываніе на сторожѣ (a qui vive) — достаточно, чтобы выработать себѣ образъ надлежащихъ дѣйствій. Я могу лишь повторить: будемъ упираться только на нашу собственную силу и на чистоту нашихъ намѣреній и будемъ ожидать того, что Богу угодно будетъ рѣшить».

Въ томъ же донесеніи князь Горчаковъ писалъ, что пришелъ къ заключенію, что — «Австрія, прежде всего, хочетъ избѣжать опасностей войны, и сохранить хорошія отношенія къ Франціи. Вся политическая система Австріи состоитъ теперь въ томъ, чтобы быть въ тѣсной дружбѣ съ Франціей, какія бы событія не произошли. Напрасно мы будемъ протягивать ей руку — относительно насъ, на многіе годы, совѣсть ея сожгла за собою корабли».

Возражая посланнику Баваріи Лейценфельду, по поводу извѣстнаго предложенія Пруссіи и Германіи поддержать Австрію, въ случаѣ ея борьбы съ Франціей, графъ Буоль сказалъ: — «Вычеркните этотъ пунктъ, такъ какъ примѣненіе его невозможно; мы ни въ какомъ случаѣ не предвидимъ необходимости въ содѣйствіи намъ Германіи, противъ Франціи».

На другой день закрытія 13-й конференціи, князь Горчаковъ поѣхалъ къ графу Буолю [1]) и спросилъ его, что онъ скажетъ по поводу русскихъ заявленій, сдѣланныхъ на послѣдней конференціи.

— «Мы приготовимъ отвѣтъ вмѣстѣ съ нашими союзниками,— сказалъ графъ Буоль,—такъ же какъ и относительно предложеній, которыя при этомъ послѣдуютъ».

Князь Горчаковъ спросилъ, — въ какомъ видѣ намѣрены сдѣлать эти предложенія?

---

[1]) Тамъ же, отъ 17-го (29-го) апрѣля, 1855. М. И. Д.

Графъ Буоль не понялъ вопроса. Полагая, что его спрашиваютъ въ чемъ будутъ состоять самыя предложенія, онъ отвѣтилъ, что—«не считаетъ себя обязаннымъ говорить заранѣе о томъ, что̀ будетъ опредѣлено совмѣстно съ его союзниками».

Послѣ объясненія князя Горчакова, что онъ спрашиваетъ только̀ о формѣ сообщенія, графъ Буоль сказалъ,—что сообщеніе будетъ сдѣлано на самой конференціи. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ графъ Буоль упрекалъ русскихъ посланниковъ въ Лондонѣ и Парижѣ за ихъ ошибочныя увѣренія, что союзъ между Англіей и Франціей не можетъ быть ни надежнымъ, ни прочнымъ, почему Россія впала въ видимое заблужденіе и не идетъ на уступки. Равнымъ образомъ упрекъ былъ сдѣланъ и лично князю Горчакову за то, что онъ думаетъ, что Австрія, довольная принятіемъ на конференціяхъ двухъ первыхъ пунктовъ, наиболѣе къ ней относящихся, будетъ равнодушна къ ходу переговоровъ о двухъ послѣднихъ пунктахъ. «Вѣнскій дворъ, напротивъ того, сказалъ графъ Буоль, — будетъ всегда поддерживать оба послѣдніе пункта, съ такою же энергіей, какъ и два первые».

Князь Горчаковъ замѣтилъ на это, что онъ основывался на словахъ императора Франца-Іосифа и самого графа Буоля.

— «Всего нѣсколько дней назадъ,—сказалъ онъ,—въ этомъ самомъ кабинетѣ и сидя на этомъ самомъ креслѣ, вы сами утверждали что—война между Австріей и Россіей, отнынѣ, невозможна; но что невозможенъ также и миръ съ Западомъ, если Россія не удовлетворитъ его по 3-му пункту. Что же касается до средства удовлетворить по этому пункту требованіямъ Запада, то императоръ Францъ-Іосифъ прямо заявилъ, что нѐ станетъ поддерживать притязаній Англіи и Франціи, если онѣ будутъ посягать на державныя права русскаго императора».

Графъ Буоль, начавъ разговоръ въ суровомъ тонѣ и даже съ презрительною небрежностію, мало-по-малу прояснился. Когда князь Горчаковъ выразилъ свое удивленіе, почему ему такъ долго императоръ не даетъ просимой аудіенціи, графъ Буоль сказалъ, — что аудіенція теперь, дѣйствительно, была бы неудобна, потому что князь Горчаковъ начнетъ порицать дѣйствія представителей державъ на конференціяхъ, тогда какъ это представители союзныхъ съ Австріею державъ.

Князь Горчаковъ отвѣтилъ,—что онъ вовсе ненамѣренъ жаловаться, а намѣренъ прямо выяснить вопросъ — «войны или мира нужно ожидать изъ нынѣшнихъ отношеній между Россіей и Австріей?» «Я употребилъ всѣ мои усилія, замѣтилъ онъ,—чтобы избѣжать разрыва, но будьте также увѣрены, что мы не боимся и войны. Нація, которая идетъ за границы того, что̀ дозволяетъ ей честь, не достойна существованія».

Князь Горчаковъ ссылался на свои десятимѣсячныя страданія при вѣнскомъ дворѣ, говоря, что этого времени было достаточно для выясненія дѣла и что онъ не намѣренъ былъ никогда прибѣгать —«ни къ дипломатическимъ тонкостямъ, ни къ военнымъ демонстраціямъ, какъ-то дѣлала Австрія, а потому и говоритъ прямо— что миръ будетъ невозможенъ, если отъ Россіи будутъ требовать невозможнаго».

— «Но ежели императоръ Францъ-Іосифъ,—сказалъ Буоль,—приведетъ императора Александра къ убѣжденію (conviction), что уменьшеніе русскихъ силъ на Черномъ морѣ полезно для Россіи и необходимо для спокойствія Европы; а императоръ Александръ самъ согласится сократить свой черноморскій флотъ — то въ этомъ вѣдь не будетъ ничего оскорбительнаго для его достоинства?»

— «Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ князь Горчаковъ,— но ежели сокращенія будутъ **требовать**, то это будетъ посягательство на его права».

— «Императоръ Францъ-Іосифъ именно и понимаетъ вопросъ такимъ образомъ. **Наши дѣйствія остановятся съ того момента, съ котораго начнется вопросъ объ уступкахъ недобровольныхъ**».

«Но я не даю этому вѣры болѣе чѣмъ прежнимъ обѣщаніямъ, которыя не были выполнены,—писалъ князь Горчаковъ,— и настаиваю на томъ, что лучшею гарантіею для сохраненія мира— это умѣренный, но твердый ходъ нашей политики; дѣйствительность нашихъ силъ и рѣшимость принять безъ колебанія борьбу, если притязанія нашихъ противниковъ потребуютъ обязательствъ, затрогивающихъ нашу честь».

Въ томъ же разговорѣ, графъ Буоль снова началъ доказывать, что по вопросу объ ограниченіи нашего черноморскаго флота намъ было бы всего лучше условиться, взаимно, съ Турціей.

— «Я не желаю ничего лучшаго,—отвѣтилъ князь Горчаковъ,— но для этого, прежде всего, нужно чтобы Порта существовала: предоставьте ей свободу и независимость въ сужденіяхъ, и мы съ нею придемъ къ соглашенію, какъ по этому, такъ и по другимъ вопросамъ. Но въ данный моментъ, я обращаюсь къ вашей совѣсти съ вопросомъ—скажите мнѣ, полагаете ли вы, что Порта существуетъ? Какъ министръ Австріи вы, подобно мнѣ, должны быть поражены печальнымъ положеніемъ уполномоченныхъ Турціи на конференціяхъ. Слышали ли вы отъ нихъ, хоть разъ, ихъ личное мнѣніе? и не состояла ли ихъ роль только въ томъ, чтобы быть рабскимъ (servile) повтореніемъ мыслей представителей Англіи и Франціи? Съ другой стороны вы предлагаете намъ договариваться съ Турціей прямо за столомъ конференціи, въ присутствіи всѣхъ ея членовъ. Это до такой степени не согласно съ условіями **прямого** соглашенія, что ничего серьезнаго изъ этого выйти не можетъ».

Графъ Буоль молчалъ. Затѣмъ онъ, въ первый разъ, высказалъ мысль, что можно уладить вопросъ о флотѣ, не требуя отъ насъ его уменьшенія; что для возстановленія равновѣсія, есть другое средство: чтобы Турція, при содѣйствіи союзныхъ державъ, или инымъ способомъ, довела свой флотъ до такого же состава, который мы полагаемъ для насъ необходимымъ имѣть на Черномъ морѣ. Но для этого нужно, чтобы численность нашего флота въ точности была извѣстна. Князь Горчаковъ сказалъ на это, — что ничего не имѣетъ противъ соотвѣтственнаго увеличенія турецкаго флота; но что цифра нашихъ судовъ не можетъ подлежать никакому опредѣленію и будетъ зависѣть, единственно, отъ усмотрѣнія русскаго императора, иначе права его будутъ затронуты.

Наканунѣ этого разговора, князь Горчаковъ, вмѣстѣ съ Титовымъ, также былъ у графа Буоля и засталъ у него Прокеша. Въ начавшемся разговорѣ, князь Горчаковъ сказалъ графу Буолю [1],— что политика Австріи состояла въ томъ—«чтобы вмѣсто избѣжанія несчастія, накликать его».

— «Вамъ слѣдовало бы связать эти слова съ вопросомъ о голосѣ совѣсти»,—замѣтилъ при этомъ Прокешъ Титову.

— «Мы предпочли бы,—отвѣчалъ Титовъ,—разсчитывать на совѣсть и законныя симпатіи Австріи».

— «Гибельнымъ былъ только 3-й пунктъ,—замѣтилъ Прокешъ.— По 4-му пункту вы намъ отдадите больше справедливости».

Уполномоченные наши, вообще, говорили на 13-й конференціи въ смыслѣ меморандума, представленнаго Титовымъ графу Нессельроде [2]) и имъ одобреннаго. Въ этомъ меморандумѣ, нѣсколько отличающемся отъ взгляда Горчакова, Титовъ, не безъ основанія, говорилъ, что «съ дипломатической точки зрѣнія, положеніе наше будетъ очень не выгодно, если прекращеніе переговоровъ о мирѣ будетъ мотивировано тѣмъ, что мы рѣшительно отвергаемъ все, что̀ касается ограниченія нашего на Черномъ морѣ, подъ предлогомъ принципа неприкосновенности нашихъ державныхъ правъ. Всякій договоръ, такъ или иначе, нарушаетъ эти права для того, кто подчиняется извѣстнымъ по немъ обязательствамъ. Вопросъ, по этому, состоитъ не въ принципѣ неприкосновенности правъ, а въ степени требуемыхъ жертвъ, насколько онѣ способны унизить національное достоинство страны, и въ томъ, что страна получаетъ за принесенныя ею жертвы. Кромѣ того, важно еще отличать сущность дѣла отъ формы. Если, по существу, вопросъ могъ бы быть принятъ; но принятіе его представляется въ формѣ ультиматума— то такое требованіе, конечно, будетъ не согласно съ достоинствомъ первоклассной державы, о которой, весь свѣтъ знаетъ, что сред-

---

[1]) Титовъ, 16-го (28-го) апрѣля, 1855, № 17, М. И. Д.
[2]) Титовъ, 12-го (24-го) апрѣля, 1855, № 16. М. И. Д.

ства ея еще далеко не исчерпаны». Поэтому Титовъ былъ того мнѣнія, что въ настоящемъ случаѣ, мы должны больше обращать вниманія на форму, подъ которою можетъ разрѣшиться вопросъ объ ограниченіи нашего флота, а не въ поддержаніи, абсолютно, принципа неприкосновенности, такъ какъ это можетъ только дать новое оружіе въ руки нашихъ враговъ, и смутить тѣхъ, которыхъ мы не можемъ еще считать нашими противниками. Къ тому же, Титовъ доказывалъ, что силы наши вовсе не заключаются во флотѣ, а состоятъ въ сухопутныхъ войскахъ: нашему флоту принадлежала лишь роль вспомогательная. Что по этому уступка во флотѣ будетъ имѣть для насъ лишь второстепенное значеніе, тогда какъ миръ—есть предметъ первой важности, и ради его, можно сдѣлать и нѣкоторыя уступки,—«въ чемъ не будетъ для насъ никакого униженія».

По этому Титовъ совѣтовалъ поставить вопросъ такимъ образомъ: 1) Желая достиженія скорѣйшаго заключенія мира, Россія заявляетъ, что не имѣетъ ни надобности, ни желанія, увеличивать свои силы на Черномъ морѣ, противъ того числа, въ какомъ онѣ состояли, до начала войны. 2) Это заявленіе Россіи должно быть признано за добровольное обѣщаніе (promesse spontanée), а не за форменное обязательство (engagement formel). 3) По вопросу о пересмотрѣ трактата 1841 года, относительно проливовъ, мы не придаемъ никакого особаго значенія той системѣ, которая будетъ принята въ основаніе.

Здѣсь опять замѣтна попытка нашихъ дипломатовъ позолотить горькую пилюлю, которую проглотить оказывалось необходимымъ.

Но не смотря на возможную уступчивость съ нашей стороны, можно сказать, что переговоры закончились 13-ю конференціею, такъ какъ на послѣднемъ, 14-мъ, засѣданіи графъ Буоль резюмируя исходъ переговоровъ, сказалъ, что—«главнѣйшею и даже единственною причиною неудачи конференцій нужно считать отказъ Россіи отъ ограниченія своихъ силъ на Черномъ морѣ». Представители Англіи и Франціи это подтвердили, а князь Горчаковъ сказалъ тогда, что въ виду подобныхъ заявленій—мирныя конференціи, de facto, прекратили свое существованіе. Напомнивъ, что Россія согласилась по 1-му и 2-му пунктамъ, князь Горчаковъ прибавилъ, что соглашеніе было возможно и по 3-му пункту, но на условіи, чтобы оно произошло между Россіей и Портой, по обоюдному согласію; на обязательное же уменьшеніе нашихъ морскихъ силъ и опредѣленіе maxmimum'а числа кораблей нашего флота мы не согласимся.

Аали-Паша, вмѣсто того, чтобы поддержать князя Горчакова въ вопросѣ о взаимномъ соглашеніи Порты съ Россіей, безъ участія другихъ державъ, твердилъ только одно, что онъ не имѣетъ права вступать съ Россіей въ отдѣльныя соглашенія, и потому

предлагалъ, чтобы обмѣнъ мыслей между турецкими и русскими уполномоченными по вопросу о силѣ флотовъ обѣихъ державъ — велся въ самихъ засѣданіяхъ конференцій, что значило бы для насъ имѣть четырехъ противъ одного.

IV.

Такимъ образомъ, русскіе уполномоченные, не отвергая въ принципѣ вопроса объ ограниченіи нашего флота, возражали только противъ формы, въ которую это ограниченіе должно быть облечено. Мы требовали добровольнаго соглашенія; Франція и Англія требовали ограниченія обязательнаго. Это заставило графа Буоля въ заключительномъ своемъ словѣ сказать—«что уполномоченные Франціи и Великобританіи, дѣйствительно, затруднили князю Горчакову возможность вступить въ болѣе подробныя объясненія, и что они сами объявили закрытіе конференцій.» Да иначе и быть не могло, такъ какъ и цѣль поѣздки въ Вѣну Друэнъ-де-Люиса состояла совсѣмъ не въ томъ. Она заключалась, главнымъ образомъ, въ усиліяхъ побудить Австрію открыто выступить противъ Россіи. Миссія эта окончательно не удалась.

Вотъ что писалъ Друэнъ-де-Люисъ въ своемъ донесеніи Наполеону, отъ 6-го апрѣля 1855 г., вскорѣ по прибытіи своемъ въ Вѣну: «Я нашелъ въ графѣ Буолѣ дружественное къ намъ расположеніе, искренно благопріятное нашимъ видамъ во всемъ, что не соединяется съ вопросомъ о войнѣ; но онъ менѣе рѣшителенъ относительно всего, что можетъ заставить его обнажить шпагу». Въ другомъ донесеніи изъ Вѣны, Друэнъ-де-Люисъ писалъ, что онъ— «употребилъ всѣ свои усилія доказать Францу-Іосифу всѣ выгоды союза Австріи съ Франціей»,—и прибавилъ:—«меня привело въ Вѣну не столько желаніе заключить миръ съ Россіей, сколько намѣреніе оплодотворить (féconder) союзъ съ Австріей» [1]).

Не удовлетворивъ ни Россію ни Западныя державы, Австрія была всѣмъ и всѣми недовольна.

«Австрія, — говоритъ принцъ Альбертъ (супругъ англійскій королевы Викторіи), въ письмѣ къ Штокмару,—сердита на самое себя, гнѣвается противъ Бога и цѣлаго міра, и имѣетъ на то основательные поводы, потому что съ своей двойной политикой (ambiguë) она осталась у всѣхъ за спиною».

Съ своей стороны императоръ Наполеонъ, куря сигару,—сказалъ австрійскому послу въ Парижѣ, Гюбнеру:

— «Я вѣрю Австріи; но вы знаете, что я могу также легко зажечь всю Европу, какъ и эту сигару»,—намекая на то, что ему легко возбудить противъ Австріи всю Италію [2]).

---

[1] Rothan, 191 p.
[2]) Rothan, 194 p.

Австрія дѣйствовала неопредѣленно, выжидая на чьей сторонѣ окажутся шансы успѣха, и военный агентъ Франціи въ Вѣнѣ, генералъ Летонгъ, писалъ объ ея политикѣ:

«Австрія всегда готова спѣшить на помощь только побѣдителю».

Германскія правительства также не довольны были Австріей и даже Пруссіей. Саксонскій министръ при германскомъ дворѣ, Гогенталь, выражался такъ:

— «Мы для Австріи и Пруссіи служимъ только средствомъ, а не цѣлью—нулемъ, который онѣ придаютъ къ своимъ единицамъ. Чтобы заставить Россію принять ультиматумъ, нужно поднести его ей на концѣ штыка: а Австрія еще не рѣшилась на это средство» [1]).

Закрытіе конференцій въ Вѣнѣ привело союзниковъ къ большему еще напряженію своихъ силъ подъ Севастополемъ, гдѣ дѣла не подвигались въ ожиданіи исхода вѣнскихъ переговоровъ.

«Лордъ Рогланъ,—писалъ князь Горчаковъ, получивъ свѣдѣнія изъ Константинополя отъ 12-го марта,—говорилъ Канроберу, который побуждалъ его къ большей предпріимчивости, такъ какъ французы ропщутъ—«что не теперь, когда въ Вѣнѣ ведутся переговоры о мирѣ, можно рисковать приступомъ.» — «Англичане ничего не дѣлаютъ»,—прибавлялъ князь Горчаковъ.

Стало яснымъ, что пока не опредѣлится судьба Севастополя и не выяснятся шансы успѣха въ ту или другую сторону — переговоры не приведутъ ни къ чему, потому-что ни одна сторона не согласится сдѣлать уступокъ или отказаться отъ своихъ требованій.

Чтобы охарактеризовать отношенія наши къ Австріи послѣ закрытія конференцій, приведемъ два слѣдующія донесенія князя Горчакова [2]).

«Генералъ Гессе говорилъ мнѣ, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что война съ нами, болѣе чѣмъ когда-либо, невѣроятна, и что онъ отправляется для смотра арміи съ цѣлью выяснить только ея состояніе, въ которое привели ее зима и болѣзни. Что, можетъ быть, и императоръ поѣдетъ для той же цѣли, но только въ случаѣ, если миръ будетъ рѣшенъ. Гессе подалъ императору записку, въ которой доказываетъ, что Австрія не въ состояніи (est hors d'état) вести съ Россіей войну. То же самое заявилъ онъ и Меттерниху, доказывая невозможность войны, какъ соображеніями финансовыми, такъ и стратегическими.

— «Прежде всего, — говорилъ Гессе,—мы имѣемъ слабую надежду, что Пруссія будетъ безопасна для нашего лѣваго фланга, почему будемъ должны расположить не менѣе 150,000 человѣкъ въ Богеміи, Силезіи и Моравіи. Потребуется 300,000 человѣкъ для вступленія въ Россію. Гдѣ же мы возьмемъ ихъ? Откуда поведемъ

---

[1]) Rothan, 234 p.

[2]) Князь Горчаковъ, отъ 23-го апрѣля (5-го мая), 1855, № 197. М. М. Д.

нападеніе? Есть только для этого три направленія: царство Польское, Кіевъ или Бессарабія. Въ Польшѣ мы найдемъ лучшія русскія силы и четыре крѣпости для ихъ защиты; сверхъ того, мы не можемъ попрать ногами нашего политическаго принципа—не возбуждать восстанія въ странѣ, частью которой мы сами владѣемъ. На Кіевъ?.. Что мы выиграемъ, еслибы даже достигли его, и какимъ образомъ обезпечить содержаніе арміи на такомъ разстояніи? Тоже нужно сказать, и еще въ бо́льшей мѣрѣ, относительно направленія на Бессарабію».

«М. Кюдекъ сказалъ мнѣ, — продолжаетъ князь Горчаковъ,— что онъ замѣтилъ ослабленіе довѣрія императора къ графу Буолю, который заставилъ уже его сдѣлать нѣсколько ложныхъ шаговъ. Напротивъ того, Прокешъ пріобрѣлъ больше значенія и можетъ замѣнить графа Буоля.—«Но мы отъ этого ничего не выиграемъ, а скорѣе потеряемъ», — прибавляетъ князь Горчаковъ. Прокешъ способнѣе своего нынѣшняго начальника, — но онъ полонъ предательства и двойственности (plein de perfidie et de duplicité)—въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться вполнѣ при обсужденіи 3-го пункта гарантій. Въ засѣданіяхъ конференцій онъ весьма ловко маскировалъ свою игру и свои намѣренія.

«Аали-пашѣ, поручено было совѣтоваться во всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ Меттернихомъ, который внушаетъ ему мысль,—возбудить вопросъ о томъ, чтобы возвысить (relever) духъ Порты и облегчить ее отъ давленія, производимаго на нее ея нынѣшними союзниками, и въ особенности отъ присутствія французовъ въ Константинополѣ.

«Вчера Меттернихъ сказалъ одному высокопоставленному въ Австріи лицу:—«Говорятъ, что если бы я стоялъ у дѣла, то все, что происходитъ теперь, не произошло бы. Я охотно этому вѣрю, но все это безплодныя препирательства (recrimination), такъ какъ роль моя закончена уже. Но меня тяготитъ, въ высшей степени, убѣжденіе, что путь, которымъ слѣдуетъ Австрія, покроетъ ее стыдомъ и срамомъ (de confusion et de honte), тогда какъ Пруссія наслѣдуетъ утраченную нами роль, и рѣшитъ вопросъ, когда только пожелаетъ».

Въ другомъ, и послѣднемъ своемъ донесеніи изъ Вѣны, князь Горчаковъ [1]) говоритъ—«Австрія старалась установить въ Лондонѣ и Парижѣ слѣдующую редакцію по 3-му пункту: 1) Гарантія Европы въ сохраненіи Турціи. 2) Закрытіе проливовъ, съ нѣкоторыми исключеніями въ пользу союзниковъ. 3) Въ случаѣ дѣйствительной опасности для Порты, союзники имѣютъ право ввести весь свой флотъ въ Черное море. 4) Отдѣльный договоръ Россіи съ Австріей, по которому Россія обязывается не увеличивать числа

[1]) Тоже, отъ 24-го апрѣля (6-го мая), 1855, № 198. М. И. Д.

своихъ кораблей въ Черномъ морѣ, противъ того какъ было status quo ante bellum (до войны).

Представляя этотъ проектъ графу Нессельроде, князь Горчаковъ говоритъ:—«если мы желаемъ мира почетнаго, будемъ готовы принять войну. Здѣсь дважды подумаютъ объ этомъ прежде, чѣмъ перейти Рубиконъ. Но если злой генiй Австрiи доведетъ ее до того, пусть она найдетъ насъ на другомъ берегу готовыми дать ей отвѣтъ, котораго требуютъ достоинство нашего государя и наша народная честь».

Въ параллель съ поведенiемъ Австрiи относительно Россiи, необходимо разсмотрѣть и поведенiе Пруссiи, какъ во время Вѣнскихъ конференцiй, такъ и въ 1854 году, ибо благодаря этому поведенiю она не участвовала на самихъ конференцiяхъ.

Въ своихъ донесенiяхъ изъ Франкфурта, Бисмаркъ писалъ отъ 5-го апрѣля 1854 года.—«Всѣ германскiя правительства очень не довольны анти-русскою политикою вѣнскаго двора. Они больше боятся Францiи, чѣмъ Россiи». Впрочемъ неудовольствiе проявилось, не собственно противъ Австрiи, такъ какъ всѣ вѣрили въ миролюбивыя намѣренiя ея императора, а противъ личности графа Буоля—«способности котораго, писалъ Бисмаркъ отъ 26-го августа 1854 года—не внушаютъ довѣрiя». Онъ называлъ его политику—дѣтскою политикою [1]). Относительно же его надменности и чванства, Бисмаркъ писалъ: «Никто не могъ знать навѣрное, павлинъ ли онъ или пѣтухъ индѣйскiй?»

Въ другой изъ своихъ депешъ онъ говорилъ о графѣ Буолѣ:—«Я хотѣлъ бы только, на одинъ часъ въ моей жизни, быть такимъ великимъ человѣкомъ, какимъ графъ Буоль считаетъ себя постоянно, и моя слава была бы навсегда обезпечена предъ Богомъ и людьми».

Взаимное соперничество Австрiи и Пруссiи было очень выгодно для насъ. Противъ возможности союза между обѣими германскими державами возставали многiе и громче всѣхъ Бисмаркъ, тогда еще только начинавшiй свою славную дипломатическую дѣятельность въ качествѣ прусскаго посла на франкфуртскомъ сеймѣ.

«Австрiя въ соединенiи съ Пруссiей, писалъ онъ королю [2]), могла бы идти на встрѣчу всякимъ случайностямъ. Обѣ онѣ располагаютъ силою до 700,000 человѣкъ, чего достаточно для того что бы дѣлать внушенiя цѣлому мiру».

«Но, говоритъ Бисмаркъ, мое мнѣнiе таково, что мы не должны соединяться съ Австрiею иначе, какъ для того, чтобы помѣшать ей напасть на Россiю. Графъ Буоль ошибается, воображая себѣ, что онъ, при всѣхъ случаяхъ, можетъ расчитывать на Пруссiю, и что онъ, не смотря на наше нежеланiе, можетъ увлечь насъ за собою».

---

[1]) Ротанъ, 219 стр.

[2]) Бисмаркъ, отъ 23-го августа, 1854 г.

Нѣсколько позже, 8-го декабря 1854 года, въ донесеніи своемъ онъ говоритъ:

«Всего болѣе я боюсь того, чтобы, мало-по-малу, мы не были вовлечены въ войну противъ Россіи, въ интересахъ одной Австріи, грѣхамъ которой король оказываетъ такое прощеніе, какое я желалъ бы, чтобы Богъ оказалъ моимъ».

Было также въ Пруссіи не мало противниковъ сближенія ея съ Россіей. Одинъ изъ нихъ, баронъ Гольцъ, сказалъ въ палатѣ депутатовъ:—«Союзъ съ Россіей невозможенъ. Пруссія и Германія заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ великій и страшный сосѣдъ не увеличилъ еще своего могущества. Два раза уже Пруссія была въ феодальной зависимости отъ Россіи. Въ Тильзитѣ она усилилась на нашъ счетъ. Мы не можемъ забыть ея враждебную намъ политику въ 1850 году».

Многіе прусскіе министры также предостерегали короля отъ происковъ Австріи:—«Если вы расчитываете на военную помощь Австріи, говорили они королю Вильгельму, то сильно ошибаетесь: она все обѣщаетъ, все подпишетъ, что̀ угодно, но ни въ чемъ не сдержитъ слова [1])».

Но самымъ ожесточеннымъ противникомъ Россіи, конечно, былъ Бунзенъ, прусскій посолъ въ Лондонѣ. Онъ даже составилъ, не принятый королемъ, проектъ—отдѣлить отъ Россіи Крымъ и Финляндію; Австрію заставить дать свободу Ломбардіи, и взамѣнъ этого присоединить къ ней Дунайскія княжества; тогда Пруссія, по его словамъ, будетъ имѣть главенство въ Германіи.

Нашъ посолъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, въ разговорѣ съ Мантейфелемъ, также враждебно настроеннымъ противъ Россіи, сказалъ ему:

— «Не забывайте какія услуги оказалъ Пруссіи императоръ Николай въ 1848 году, и остерегайтесь задѣть его».

— «Мнѣ было бы непріятно, отвѣчалъ Мантейфель, причинить ему неудовольствіе; но, не состоя его совѣтникомъ, я долженъ прежде всего, заботиться объ интересахъ Пруссіи» («Revue des Deux Mondes», 1855: «La Prusse, la cour et le cabinet de Berlin»).

«Тѣмъ не менѣе, положеніе занятое Пруссіей,—писалъ принцъ Альбертъ барону Штокмару, 11-го марта, 1854 года,—парализуетъ Австрію, и разстраиваетъ европейскій концертъ».

«Что намъ до турокъ, говорилъ прусскій король, въ письмѣ къ англійской королевѣ. Будутъ ли они твердо стоять на ногахъ или повалятся—что намъ до этого? Отъ этого могутъ страдать только турки, а не мы. Напротивъ того, императоръ Николай есть достойный рыцарь, который не сдѣлалъ намъ никакого вреда» [2]).

---

[1]) Ротанъ, стр. 188.
[2]) Ротанъ, стр. 113.

«Подобныя слова, отвѣчала ему королева англійская, могли бы быть сказаны королемъ Гановера или Саксоніи; но до сихъ поръ я смотрѣла на Пруссію, какъ на одну изъ пяти великихъ державъ, которыя, начиная съ 1815 года, гарантировали трактаты, охраняли цивилизацію и поддерживали право и будущее развитіе своихъ народовъ» [1]).

Поведеніе Пруссіи относительно Россіи и Австріи очень не нравилось ни Франціи, ни въ особенности Англіи, прибѣгавшей по этому къ разнымъ угрозамъ.—«Англія, говорилъ Мантейфель, [2]) грозится исключить насъ изъ числа участниковъ въ послѣдствіяхъ будущаго мира; но когда наступитъ моментъ для его заключенія, весь міръ будетъ въ насъ нуждаться, и Россія безъ Пруссіи не подпишетъ мира».

По словамъ Ротана, король Фридрихъ Вильгельмъ IV часто призывалъ Бисмарка для совѣщаній въ Берлинъ, во все время Крымской войны, и его внушеніямъ Пруссія и Германія обязаны тѣмъ, что онѣ не были втянуты въ войну. Бисмаркъ не переставалъ повторять, что императоръ Францъ-Іосифъ не раздѣляетъ мыслей графа Буоля, и не нападетъ на русскихъ, если самъ не подвергнется ихъ нападенію; къ тому же, онъ никогда не рѣшится обнажить свою шпагу, если не будетъ увѣренъ въ боевой помощи Пруссіи. По этому Бисмаркъ совѣтовалъ Пруссіи изолированное положеніе и вооруженное созерцаніе (la meditation armée) [3]).

6-го марта 1855 года, доносилъ Тальней (Tallenay), французскій посланникъ во Франкфуртѣ, — «Бисмаркъ открыто заявилъ, что Германскія государства должны быть вполнѣ независимы и готовы охранять, со всѣхъ сторонъ, посягательства на германскіе интересы. Онъ предлагалъ даже для этого вооруженіе германскихъ крѣпостей, какъ если бы ожидалась уже буря со стороны Рейна» (т.-е. со стороны Франціи). Этотъ случай произвелъ такое впечатлѣніе на Францію, что для смягченія его Мантейфель сдѣлалъ Бисмарку строгій выговоръ, предлагая ему être plus prudent dans son langage, et plus réservé dans les actes [4]). Король вызвалъ Бисмарка въ Потсдамъ для объясненій и одобрилъ его поведеніе, поощряя его къ борьбѣ противъ преобладанія Австріи на сеймѣ. Бисмаркъ вернулся обратно во Франкфуртъ, а Мантейфель потерялъ свой портфель.

Выходка Бисмарка сильно не понравилась ни французамъ, ни англичанамъ, которые еще болѣе усилили свои угрозы Пруссіи.—«Насъ постоянно стращаютъ изолированіемъ, говорилъ Баланъ, и однако, чуть произойдетъ какое-либо важное событіе, тотчасъ обра-

---

[1]) Ротанъ, стр. 105.
[2]) Ротанъ, 94 и 95 стр.
[3]) Ротанъ, стр. 144.
[4]) Ротанъ, стр. 137.

щаются къ Пруссіи, ищутъ ея содѣйствія и предлагаютъ подписать трактаты и ноты, пусть лучше оставятъ насъ въ покоѣ[1]).

— «Говорятъ, выразился докторъ Шталь въ палатѣ господъ, что Пруссія не играетъ роли великой державы! Но если вся Европа хочетъ войны съ Россіей, а Пруссія мѣшаетъ тому, значитъ ли это что она маленькая держава? Пруссіи вольно не участвовать въ Вѣнскихъ конференціяхъ—тѣмъ не менѣе миръ будетъ дѣломъ ея рукъ».

«Morning Post», органъ лорда Пальмерстона, довелъ свои угрозы до того, что въ одномъ изъ его нумеровъ было напечатано:—«Англія владѣетъ флотомъ, какого до сихъ поръ еще не видѣли; а у Франціи есть армія, которую она можетъ направить куда понадобится. Легче овладѣть Берлиномъ, чѣмъ Москвою. Мы дадимъ Пруссіи урокъ, котораго она не забудетъ».

Однако, эти угрозы не дѣйствовали на Пруссію, потому что— «въ Берлинѣ, писалъ де-Мустье, французскій посолъ, я вижу большую холодность и неувѣренность въ торжествѣ нашего оружія. То что здѣсь приходится слышать, похоже на похоронную рѣчь, и всѣ только и говорятъ о нашемъ пораженіи» [2]).

На усилія англійскаго посла въ Берлинѣ, лорда Бломфильда, склонить Пруссію къ соглашенію съ Австріей, Мантейфель сказалъ: [3])—«Австрія есть держава, съ которою мы ни до чего не договоримся, и съ которою не сговорится никто. Я знаю вы недовольны нами; мы не дѣлаемъ, конечно, того, чего вы ожидали, но, по крайней мѣрѣ, мы васъ не обманывали».

Неуспѣхъ Вѣнскихъ конференцій, и неудачи союзниковъ подъ Севастополемъ, ставили Западныя державы въ положеніе очень затруднительное. Ротанъ говоритъ: [4])—«Друэнъ-де-Люисъ вывезъ изъ Вѣны тяжелое убѣжденіе, что тамъ, ни дипломаты, ни генералы, не вѣрятъ въ успѣхъ крымской экспедиціи французовъ. Такое же мнѣніе господствовало и въ Германіи, и даже Тальней, французскій посолъ во Франкфуртѣ, высказывалъ опасенія, что крымская экспедиція плохо кончится».

Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года, Наполеонъ намѣревался снять осаду Севастополя и очистить Крымъ съ тѣмъ, чтобы утвердиться въ Константинополѣ,—въ Берлинѣ начали говорить о необходимости произвести демонстрацію на границахъ Франціи, со стороны Рейна, съ цѣлью выручить (degager) Россію. Въ самомъ Парижѣ уже отчаявались на счетъ исхода кампаніи. Но въ это самое время произошло загадочное обстоятельство, измѣнившее весь дальнѣйшій ходъ войны. Дѣло въ томъ, что прусскій военный агентъ въ Петербургѣ, графъ Мюнстеръ, съ которымъ были у насъ не вмѣру откровенны, посылалъ частныя письма въ Бер-

[1]) Ротанъ, стр. 237.
[2]) Ротанъ, стр. 163.
[3]) Ротанъ, стр. 193.
[4]) Ротанъ, стр. 163.

линъ, къ одному изъ приближенныхъ къ императору лицъ, генералу Герлаху; въ этихъ письмахъ онъ изображалъ положеніе Россіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Письма эти не имѣли никакого офиціальнаго значенія, и потому въ нихъ говорилось многое въ преувеличенномъ видѣ. Герлахъ, котораго Мантейфель считалъ въ числѣ своихъ враговъ, ни кому не передавалъ содержанія этихъ писемъ. Но желая наблюдать каждый шагъ Герлаха, Мантейфель унизился до шпіонства за нимъ. Онъ помѣстилъ къ нему, въ качествѣ лакея, своего шпіона, нѣкоего Тешена, который передавалъ ему все, что дѣлалось въ домѣ Герлаха; причемъ снималъ и копіи съ получаемыхъ генераломъ писемъ. Такимъ образомъ, копіи съ писемъ Мюнстера изъ Петербурга были доставлены Мантейфелю, этому злобному врагу Россіи.

Мантейфель не приминулъ воспользоваться добытыми свѣдѣніями и началъ изыскивать средства довести ихъ до свѣдѣнія французскаго посольства, оставаясь самъ въ тѣни этого грязнаго дѣла. По его наущенію нѣкій вестфалецъ, будто бы побуждаемый любовью къ Франціи, явился къ ея представителю въ Берлинѣ, маркизу де-Мустье, и передалъ ему копіи съ писемъ Мюнстера, давъ понять, что самъ онъ состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Мантейфелемъ и его друзьями. Свѣдѣнія эти, объ отчаянномъ, будто бы, положеніи Россіи, и ея невозможности продолжать борьбу, были съ восторгомъ приняты Наполеономъ, который самъ считалъ уже свое положеніе отчаяннымъ, и не зналъ какъ изъ него выйти, не потерявъ престижа Франціи. Онъ ожилъ надеждою, и въ «Moniteur'ѣ» появилась его прокламація, въ которой говорилось, что по полученнымъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ, нужно ожидать скорого окончанія войны.—«Скажите вашимъ храбрымъ солдатамъ, писалъ онъ генералу Пелисье, что время ихъ испытаній скоро окончится. Севастополь, какъ я надѣюсь, скоро падетъ подъ ихъ ударами; русская армія, какъ мнѣ извѣстно положительно, не въ состояніи будетъ, во время зимы, вынести борьбу въ Крыму» [1]).

Такимъ образомъ, быть можетъ, благодаря шпіонству Мантейфеля, союзники не сняли осады Севастополя, и довели дѣло до его паденія.

Этимъ же извѣстіемъ, благодаря Мантейфелю, слѣдуетъ объяснить и неуступчивость Франціи на Вѣнскихъ конференціяхъ, что и привело къ закрытію ихъ, въ двадцатыхъ числахъ мая стараго стиля. Затѣмъ съ паденіемъ Севастополя, 28-го сентября 1855 года, положеніе наше сильно ухудшилось, и намъ пришлось уже значительно понизить тонъ на открывшемся, вскорѣ, Парижскомъ конгрессѣ.—«Мы лишились возможности говорить, но ничто не мѣшаетъ намъ слушать»—остроумно выразился князь Горчаковъ, характеризуя наше положеніе.

А. Петровъ.

---

[1]) Ротанъ, 163 стр.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ[1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

VIII.

Реакція 1849 года въ Европѣ.—Зловѣщіе слухи въ Петербургѣ.—Два лицеиста XI курса.—Первое стихотвореніе М. Н. Лонгинова.—Лонгиновъ въ 1872 году.—Пятничные вечера на Покровской площади. — Судьба первой русской фаланстеріи.—Книга В. И. Семевскаго и записка Липранди.—Карманный словарь Кирилова.—Записка Петрашевскаго, розданная петербургскимъ дворянамъ.—Прощаніе съ Анненковымъ.—Долженъ ли чиновникъ быть человѣкомъ.—Венгерская кампанія.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ годъ былъ особенно тяжелъ для Европы. Ошеломленныя неожиданными взрывами народныхъ волненій въ сорокъ восьмомъ году, правительства, неподготовленныя къ отпору, почти вездѣ потеряли голову, но принужденныя уступить требованіямъ демократіи, черезъ годъ уже возвратились къ прежнимъ системамъ управленія, только въ болѣе мягкихъ пріемахъ. Но почти вездѣ правительства оказались далеко не на высотѣ своего положенія. Прямодушнаго императора Николая I особенно волновала слабость прусскаго короля, выказанная во время берлинской революціи. Австрійскій императоръ хотя и уволилъ своего Метерниха, этого Макіавеля XIX вѣка, но отрекся отъ престола, взваливъ въ самую тяжелую минуту, бремя правленія на племянника, едва вышедшаго изъ отрочества. Австрійскіе эрцгерцоги бѣжали изъ своихъ итальянскихъ владѣній при первыхъ попыткахъ возстаній

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 290.

своихъ подданныхъ и, вернувшись съ австрійскими войсками, принялись бомбардировать Болонью, Анкону, Ливорно, Генуя. Маленькіе нѣмецкіе принцы съ испугу надавали своимъ микроскопическимъ княжествамъ такихъ конституцій, какихъ они и не требовали. Не смотря на это, въ Баденѣ, въ Пфальцѣ, превозглашена была республика, хотя ея эфемерное существованіе кончилось со взятіемъ пруссаками Раштадта. Франкфуртскій парламентъ, составившій програму германской имперіи, нисколько не уступающую той, какую сочинилъ Бисмаркъ, не могъ найти себѣ императора и превратился изъ серьезнаго учрежденія въ жалкую говорильню, разогнанную вскорѣ же войсками того короля, которому онъ предлагалъ императорскую корону. Тупая французская буржуазія, перестрѣлявшая въ іюньскіе дни тысячи рабочихъ, выбрала своимъ главою авантюриста, который, присягнувъ на вѣрность республикѣ, началъ свое правленіе съ уничтоженія другой республики, бомбардируя вѣчный городъ, чтобы вернуть въ него папу, ни за что не соглашавшагося покинуть Гаэту. До насъ всѣ эти европейскія волненія нисколько не касались, мы только съ любопытствомъ слѣдили за ними изъ нашего «прекраснаго далека». Не было у насъ ни рабочаго вопроса, ни пролетаріата, ни демократіи, ни политическихъ и соціальныхъ партій: послѣднее возстаніе въ Польшѣ было потушено 18 лѣтъ назадъ, послѣдній заговоръ уничтоженъ почти четверть вѣка назадъ. И вдругъ, въ Петербургѣ, въ концѣ апрѣля, разнесся слухъ объ открытіи какого-то соціалистскаго заговора. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, при полномъ отсутствіи гласности, слухи приняли громадные размѣры, фантастическую окраску. Говорили сначала о полсотнѣ, потомъ о сотнѣ арестованныхъ, о чрезвычайно ловкихъ дѣйствіяхъ сыщиковъ, устроившихъ табачную лавочку въ домѣ, гдѣ собирались тайныя засѣданія, о развѣтвленіи общества въ провинціи, о пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Парижа двухъ послѣдователей ученія Прудона, о которомъ, какъ и вообще о соціализмѣ, даже высшее общество наше имѣло весьма смутныя понятія. Исчезновеніе изъ небольшого кружка столичной интелигенціи нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, какъ Достоевскій, Плещеевъ, Дуровъ, Пальмъ, Европеусъ, Дебу, Бѣлецкій, Щелковъ, Спѣшневъ, Кропотовъ, Ахшарумовъ, Григорьевъ, Кашкинъ, Монбелли, Львовъ, придавало правдоподобіе городскимъ слухамъ.

Главою тайнаго общества называли кандидата петербургскаго университета Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго, помѣщика и петербургскаго домовладѣльца. Это былъ мой товарищъ по Лицею, поступившій въ одинъ годъ со мною (1836) въ царскосельское привилегированное заведеніе. Онъ принадлежалъ къ XI курсу и былъ своекоштнымъ воспитанникомъ. Курса онъ однако не окончилъ, и еще въ первомъ классѣ, 15-ти лѣтъ, былъ

отмѣченъ гувернерами какъ воспитанникъ «крайне строптиваго характера и либеральнаго образа мыслей». Учился онъ хорошо, но держалъ себя какъ-то странно, даже по отношенію къ товарищамъ. Угрюмый, неразговорчивый, сосредоточенный въ себѣ, онъ почти ни съ кѣмъ не сближался и внѣклассное время проводилъ не въ бесѣдахъ или играхъ, а уединялся въ рекреаціонной залѣ или въ саду, съ книгой въ рукахъ. Столкновенія съ лицейскимъ начальствомъ, къ которому онъ относился весьма недружелюбно и непочтительно, сдѣлались наконецъ такъ часты и рѣзки, что онъ долженъ былъ оставить Лицей, не пробывъ въ немъ полныхъ двухъ лѣтъ. Онъ вышелъ въ одно время съ Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ и оба поступили вольнослушателями на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Оба эти лицеиста, не кончившіе курса, что было у насъ большой рѣдкостью, — были въ Лицеѣ очень близки между собою, несмотря на разницу въ ихъ характерахъ, и это сближеніе веселаго, живого, добродушнаго Лонгинова, получавшаго выговоры за слишкомъ громкій смѣхъ, раскатывавшійся по лицейскимъ заламъ — съ вѣчно нахмуреннымъ, несообщительнымъ Петрашевскимъ, грубо относившимся къ своимъ воспитателямъ, поражало дѣйствительно своею странностью. Что было общаго между этими двумя, совершенно противоположными темпераментами? Соединялъ ли ихъ законъ контрастовъ, не рѣдко сближающій въ жизни лица различныхъ половъ и характеровъ?— рѣшать не берусь. Но въ то время, когда никто не жалѣлъ объ оставленіи Петрашевскимъ Лицея, весь XI курсъ, даже всѣ его гувернеры и лекторы, высказывали искреннее сожалѣніе о даровитомъ, симпатичномъ Михаилѣ Николаевичѣ Лонгиновѣ, мать котораго, Марья Александровна, слѣдившая за воспитаніемъ сына и часто посѣщавшая его въ Лицеѣ, также пользовалась всеобщимъ вниманіемъ. За Петрашевскимъ пріѣхала его мать, новгородская помѣщица, и онъ оставилъ Лицей, ни съ кѣмъ не простившись, тогда какъ Лонгинова провожалъ весь Лицей. Я былъ также очень друженъ съ Михаиломъ Николаевичемъ и, прощаясь со мною, онъ далъ мнѣ листъ бумаги, сложенной вчетверо, какъ дѣловое отношеніе, и сказалъ:

— По твоему примѣру, я тоже началъ писать стихи. Боюсь, что мой первый, вполнѣ отдѣланный опытъ будетъ неудаченъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, послужитъ доказательствомъ, какъ мнѣ тяжело разставаться съ вами, какъ я любилъ васъ. Прочти это всему курсу, когда я уѣду. Самъ я не въ состояніи сдѣлать этого.

Онъ былъ, видимо, глубоко тронутъ: въ пятнадцать лѣтъ чувства бываютъ искреннія, да ему и не зачѣмъ было притворяться. Я исполнилъ его желаніе и свято сохранилъ его первые стихи. Впослѣдствіи, еще не переходя къ своимъ цѣннымъ библіографиче-

скимъ трудамъ, онъ сталъ создавать цѣлыя поэмы совершенно въ другомъ родѣ, о которыхъ выражался такъ:

«Стихи пишу я не для дамъ,
. . . .
«Я ихъ въ цензуру не отдамъ,
«А напечатаю въ Карльсруэ».

Для полноты біографіи будущаго историка литературы и гонителя нецензурныхъ произведеній, привожу, какъ интересный матерьялъ, его первое стихотвореніе.

Прощаніе съ товарищами.
(Милому XI курсу).

«Прощайте, друзья! Я теперь не Лицейскій,
«Разстался я съ вами теперь навсегда;
«Но знайте: на поприщѣ жизни житейской
«Я васъ не оставлю душой никогда.

«Всегда буду помнить я наши бесѣды,
«Порой оживленные звучнымъ стихомъ;
«Одерживалъ тотъ надо всѣми побѣды,
«Кто сладкимъ поэта владѣлъ языкомъ.

«Прощайте же всѣ, но не думайте, други,
«Что нынѣ оставивъ вашъ тѣсный союзъ,
«Забуду я наши златые досуги
«И новою дружбой теперь увлекусь.

«Нѣтъ! будете вы лишь друзьями моими,
«Прошу васъ, о други, меня не забыть.
«Я часто напомню стихами своими
«О томъ, кто вамъ другомъ желаетъ вѣкъ быть.

«12 сентября 1838. «М. Лонгиновъ.
«Другу моему Зотову.

Стихи, конечно, очень плохи, гораздо слабѣе его непечатныхъ произведеній, не появившихся даже въ Карльсруэ. Но чувства поэта къ Лицею, искреннія и въ то время, оставались такими же и въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ, когда онъ былъ сотрудникомъ въ «Современникѣ» и «Ералашѣ», до 1854-го года, когда онъ перешелъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Въ это время онъ оставался въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми лицеистами, всегда принималъ участіе во всѣхъ нашихъ сходкахъ и бесѣдахъ, праздновалъ вмѣстѣ съ нами 19-е октября. Потомъ его прекрасныя историческія статьи обращали на него вниманіе писателей. Я свидѣлся съ нимъ только черезъ 18 лѣтъ послѣ его орловскаго губернаторства, о которомъ ходили въ Петербургѣ неблагопріятные слухи. Въ 1872 году, когда онъ уже былъ начальникомъ печати, слыша объ немъ много такого, что далеко не напоминало прежняго Лонгинова, я захотѣлъ

убѣдиться, насколько справедливы ходившіе объ немъ журнальные толки — и поѣхалъ взглянуть на стараго лицейскаго товарища. По цензурѣ у меня не было къ нему никакого дѣла: оба мои изданія, какъ иллюстрированныя, разсматривались общей цензурой, на которую я не имѣлъ повода жаловаться. Это было уже не то время, когда Елагинъ вычеркивалъ собачье прозвище «черкесъ» и замѣнялъ его «амишкой», любезно объясняя при этомъ, что есть черкесы, преданные Россіи, которые могутъ обидѣться такой кличкой; когда Ахматовъ запрещалъ въ разговорѣ героевъ повѣсти выраженіе «воля ваша!» и замѣнялъ его словами «какъ вамъ угодно». Новые цензора не доходили до такихъ геркулесовыхъ столбовъ благонамѣренности. Но я просто захотѣлъ посмотрѣть, насколько Лонгиновъ сороковыхъ годовъ, похожъ на Лонгинова—семидесятыхъ. Изъ моего свиданія съ бывшимъ лицеистомъ я вынесъ, однако, печальное и тяжелое впечатлѣніе: со мною онъ встрѣтился по старому, какъ въ былые годы, но высказалъ мнѣ такіе взгляды на литературу вообще и на современную въ особенности, что я поспѣшилъ сократить мой визитъ и, воспользовавшись появленіемъ какого-то секретаря, сказалъ, что заѣду въ другой разъ, когда онъ будетъ не такъ занятъ. Больше, однако, я къ нему не заѣзжалъ, а вернувшись домой, написалъ въ тотъ же вечеръ къ нему письмо, въ которомъ говорилъ, что видѣться намъ больше незачѣмъ, что мнѣнія наши о литературѣ, о цензурѣ, объ отношеніяхъ администраціи къ писателямъ до того діаметрально противоположны, что согласить ихъ, найти между ними компромисъ—нѣтъ никакой возможности. Спорить объ этомъ было бы безполезно—и такъ уже, въ короткой бесѣдѣ, онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ обвиненій, на которыя я отвѣчалъ упреками въ измѣнчивости убѣжденій. На письмо я не получилъ никакого отвѣта и съ тѣхъ поръ не видѣлся болѣе со старымъ товарищемъ. Онъ умеръ черезъ два года съ небольшимъ послѣ нашего свиданія отъ тяжелой болѣзни, на 52 году. Какъ писатель и историкъ литературы онъ заслуживаетъ полнаго уваженія. О четырехлѣтнемъ управленіи его печатью говорить еще, конечно, слишкомъ рано.

Воспоминанія объ одномъ школьномъ товарищѣ отвлекли меня отъ разсказа о другомъ. Не знаю, продолжались ли ихъ близкія отношенія въ университетѣ, но вышли они оттуда вмѣстѣ въ 1841 году, кончивъ курсъ, оба кандидатами, въ то самое время, когда XI курсъ вышелъ изъ Лицея. Петрашевскаго я не видалъ вовсе лѣтъ пять по выходѣ изъ Лицея. Въ началѣ 1846 года, онъ пріѣхалъ ко мнѣ — возобновить знакомство, какъ онъ говорилъ, разсказывалъ о томъ, что онъ зиму живетъ въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжаетъ въ деревню къ своей матери, что онъ много занимается изученіемъ соціальныхъ наукъ, что у него по пятницамъ собирается небольшой кружокъ пріятелей потолковать о современ-

ныхъ вопросахъ, и убѣдительно просилъ навѣстить его въ одну изъ пятницъ. Я отвѣчалъ, что день этотъ для меня неудобенъ, такъ какъ и ко мнѣ въ пятницу приходятъ обыкновенно товарищи, пять-шесть литераторовъ, и мы тоже толкуемъ, но больше о литературѣ, читаемъ стихи, разбираемъ журнальныя явленія. Онъ изъявилъ сожалѣніе, что это такъ неудачно пришлось, но все-таки взялъ съ меня слово, что я пріѣду въ одинъ изъ назначенныхъ дней, «какъ бы ни было поздно, послушать о чемъ бесѣдуютъ и, можетъ быть, мнѣ понравится». Я разспрашивалъ его о «Карманномъ словарѣ», второй выпускъ котораго былъ только-что остановленъ цензурою, а первый отобранъ изъ книжныхъ магазиновъ. Петрашевскій неохотно распространялся объ этомъ изданіи, говорилъ, что его не такъ поняли, но обѣщалъ доставить мнѣ оба выпуска—и исполнилъ обѣщаніе дня черезъ два. Надо было отвѣчать на эту любезность—и я отправился къ нему въ ближайшую пятницу, часу въ одиннадцатомъ. Жилъ онъ недалеко отъ меня, на углу Покровской площади и Садовой, въ домѣ своей матери. Общество у него было довольно многочисленное, человѣкъ 20, все больше студенты, учителя, писатели. Я пришелъ поздно и засталъ только конецъ чтенія какой-то записки, гдѣ дѣло шло о необходимости освобожденія крестьянъ. Затѣмъ начались пренія о прочитанномъ. Говорили, какъ всегда у насъ, нескладно, длинно, неубѣдительно, горячась безъ толку, перебивая другъ друга, поминутно отвлекаясь предметами вовсе не идущими къ дѣлу, не умѣя ни возражать, ни выслушивать чужихъ доводовъ. Хозяинъ, изъ учтивости, конечно, спросилъ и мое мнѣніе по этому вопросу.

— Не могу ничего сказать,—отвѣчалъ я,—не слыхавъ начала записки и не зная, на какихъ основаніяхъ авторъ полагаетъ устроить освобожденіе.

— Стало быть вы не сочувствуете великой идеѣ эмансипаціи?— крикнулъ на меня кто-то, считавшій своимъ долгомъ тотчасъ же обидѣться.

— Странно было бы не сочувствовать такой идеѣ,—отвѣчалъ я: но дѣло тутъ вовсе не въ нашемъ сочувствіи, отъ котораго крестьянамъ ни тепло, ни холодно, а въ средствахъ осуществленія идеи. Вотъ эти-то средства и слѣдуетъ обсуждать прежде всего, а не спорить о принципѣ, по которому не можетъ быть разногласія.

Тутъ посыпались предложенія всякаго рода и возможныя и совершенно фантастическія, но все это было до того не разработано, не приведено въ систему, не выяснено, а главное—до того не практично, что поневолѣ приходилось вспомнить объ одномъ мѣстѣ, вымощенномъ добрыми намѣреніями, гдѣ хоть и больше огня, но, пожалуй, не меньше дыму, хоть и не табачнаго. А этотъ дымъ выжилъ меня изъ собранія раньше, чѣмъ я располагалъ, и мое участіе въ пятничныхъ сборищахъ ограничилось этимъ первымъ

и послѣднимъ посѣщеніемъ стараго товарища. Какъ всѣ фантазеры, увлеченные одною господствующею у нихъ идеею, онъ всегда былъ въ какомъ-то возбужденномъ, ненормальномъ состояніи. У Петрашевскаго главною идеею было не уничтоженіе крѣпостничества, не гласность суда, не политическіе и конституціонные вопросы,—къ реформамъ управленія, по свидѣтельству Достоевскаго, приводимому Орестомъ Миллеромъ (см. «Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго»), онъ былъ совершенно равнодушенъ: господствующею идею его была фаланстерія Фурье, сенсимонизмъ, ученіе Овена, Икарія Кабе. Это былъ восторженный приверженецъ всѣхъ теорій соціализма, наивно вѣрившій въ возможность ихъ осуществленія даже на русской почвѣ. Сообщу здѣсь то, что знаю о его опытѣ насажденія этого заморскаго плода въ новгородскихъ лѣсахъ. Исторія первой фаланстеріи въ Россіи мало кому извѣстна и весьма поучительна.

Увѣренность этого фанатическаго поклонника фурьеризма въ томъ, что русскій мужикъ способенъ проникнуться идеями фаланстеріанскаго общежитія и усвоить ихъ себѣ, была до того велика въ Петрашевскомъ, что онъ задумалъ осуществить ее на дѣлѣ еще въ 1847 году, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ. Былъ у него недалеко отъ уѣзднаго города небольшой выселокъ въ семь дворовъ, ютившихся на болотѣ, у опушки огромнаго сосноваго бора. Во всѣхъ дворахъ было душъ сорокъ и съ ребятами; земли было достаточно, съ десятокъ лошадей, но коровы не приживались, да и жилье самихъ мужиковъ на болотистомъ грунтѣ было не казисто и хозяйство у нихъ велось плохое: допотопные плуги и бороны работали плохо, избы подгнили, лѣсъ хоть подъ бокомъ, да господскій. Староста пришелъ просить бревенъ на починку развалившихся лачугъ. Тогда барина осѣнила геніальная мысль: онъ повелъ бесѣду о томъ: не лучше ли будетъ крестьянамъ вмѣсто того, чтобы подновить свои избы на завѣдомо нездоровомъ мѣстѣ, выстроить въ бору, на сухой почвѣ, одну просторную новую избу, гдѣ бы помѣстились всѣ семь семействъ, каждое въ отдѣльной комнатѣ, но съ одной общей кухней для стряпни и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидковъ, съ надворными пристройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны быть общими, какъ и вообще все крестьянское хозяйство. Баринъ долго развивалъ всѣ выгоды такого общежитія, обѣщая, конечно, все устроить на свой счетъ, купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь: горшки, чашки, плошки. Староста слушалъ «уставясь въ землю лбомъ», съ тою сосредоточенною миною русскаго мужика, по которой никакъ не узнаешь: понимаетъ ли слушающій, что̀ ему говорятъ, или думаетъ о говорящемъ: «ничего-то, братъ, ты самъ не понимаешь и только вздоръ городишь». Онъ только низко

кланялся при перечисленіи всѣхъ благъ, какими баринъ сбирался наградить своихъ вѣрноподданныхъ въ ихъ новой жизни и на всѣ его вопросы «вѣдь такъ будетъ не въ примѣръ лучше и выгоднѣе?» отвѣчалъ: «воля ваша; вамъ лучше знать, мы люди темные; какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ». Баринъ напрасно старался добиться отъ него самостоятельнаго мнѣнія объ удобствахъ такого общежитія, напрасно ждалъ, когда въ его вѣрномъ Личардѣ «новогородская душа заговоритъ московской рѣчью величавой»; Личарда только кланялся и повторялъ: «вы наши отцы, какъ положите—такъ и будетъ».

Не желаніе мужиковъ измѣнить исконный, заповѣдный образъ жизни было очевидно, хотя и не высказывалось прямо, но оно было такъ естественно, что баринъ не удивлялся этому, хотя и рѣшилъ все-таки привести въ исполненіе свою идею, надѣясь, что испытавъ на дѣлѣ всѣ удобства новаго рода жизни, они оцѣнятъ заботы объ улучшеніи ихъ быта. Отъ вѣковыхъ привычекъ отстать не легко. Крестьяне тѣ же дѣти, которыхъ надо силою пріучать къ порядку, чистотѣ, опрятности. Съ манчестерскимъ принципомъ: laisser faire, laisser aller—тутъ ничего не подѣлаешь, и баринъ положилъ осчастливить дѣтей природы вопреки ихъ желаніямъ. «Не вытащить ихъ изъ ихъ болота, такъ они и совсѣмъ въ немъ завязнутъ»,—говорилъ онъ, и началъ строить въ лѣсу фаланстерію. Работа подвигалась быстро и къ зимѣ все было готово. Бесѣды и разъясненія шли своимъ чередомъ во время построекъ. Нѣсколько разъ баринъ водилъ стариковъ въ готовящееся для нихъ помѣщеніе, знакомилъ ихъ предварительно съ его планомъ и расположеніемъ комнатъ, съ новыми порядками, какимъ надо было слѣдовать въ общежитіи, спрашивалъ довольны ли они? Они ходили за нимъ по постройкѣ съ видомъ приговоренныхъ къ тюремному заключенію, бормотали угрюмо: «много довольны! какъ будетъ угодно вашей милости!» При свиданіи со мной, Петрашевскій не разъ сообщалъ мнѣ о ходѣ дѣла, обѣщалъ разсказать подробнѣе, какъ они начнутъ жить въ новой обстановкѣ съ Рождества 1847 года. Прошло и Рождество, но онъ не показывался въ Петербургѣ. Послѣ новаго года я узналъ, что онъ пріѣхалъ, но ко мнѣ не являлся. Еще черезъ недѣлю я случайно столкнулся съ нимъ на Невскомъ.

— Что же ты не заходишь ко мнѣ? Вѣдь ты же знаешь, какъ меня интересуетъ твоя попытка,—сказалъ я.

Онъ казался сконфуженнымъ и отвѣчалъ какъ-то не охотно:

— Да что, братецъ! Ты и представить себѣ не можешь какіе это дикари, сущіе звѣри. Что они со мной сдѣлали!

— Что же? отказались переселиться въ твою фаланстерію?

— Какъ же смѣли бы они это сдѣлать, когда имъ приказывалъ баринъ?

— Такъ что же наконецъ?

— Вообрази: наканунѣ переѣзда я еще разъ обошелъ съ ними всю постройку, назначилъ каждой семьѣ ея помѣщеніе, указалъ на всѣ его удобства, выгоды, передалъ всю утварь, какую закупилъ для нихъ, всѣ инструменты, велѣлъ перевести съ утра скотъ и лошадей въ новые хлѣва и конюшни, перенести весь скарбъ и запасы въ амбары. Съ сознаніемъ исполненнаго долга и добраго дѣла оставилъ я ихъ, обѣщая на другое же утро пріѣхать къ нимъ на новоселье изъ дома лѣсничаго, гдѣ я обыкновенно жилъ во время моихъ поѣздокъ...

— Ну и что же?—спросилъ я видя, что онъ остановился на послѣднихъ словахъ, высказанныхъ прерывающимся голосомъ.

— Пріѣзжаю рано утромъ и нахожу на мѣстѣ моей фаланстеріи однѣ обгорѣлыя балки. Въ ночь они сожгли ее со всѣмъ, что я выстроилъ и купилъ для нихъ.

Въ тонѣ его голоса было столько горечи, столько разочарованія, что я не могъ смѣяться надъ развязкой этой барской затѣи на соціальной подкладкѣ. Но этотъ неисправимый фантазеръ, не смотря на неуспѣхъ своихъ попытокъ, упорно продолжалъ дѣло пропаганды, которою онъ думалъ осчастливить свое отечество. Онъ пробовалъ сначала сдѣлать ея орудіемъ педагогику и еще въ 1844 году просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ Лицей, въ чемъ конечно, получилъ отказъ. Не смотря на это, какъ старый лицеистъ, сохраняя по примѣру всѣхъ лицеистовъ крѣпкія связи съ заведеніемъ, давшимъ ему образованіе, онъ успѣлъ такъ повліять на трехъ воспитанниковъ, посѣщавшихъ его по праздникамъ, что «въ нихъ обнаружилось скептическое направленіе мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка». Это свидѣтельствуетъ и записка слѣдственной комиссіи, полученная Вас. Ив. Семевскимъ изъ редакціи «Русской Старины», нѣсколько разъ цитируемая въ его замѣчательномъ трудѣ «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», гдѣ дѣлу Петрашевскаго посвящена особая глава, XII-ая, представляющая обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету («Русская Старина» напечатала еще въ 1872 году обширную, хотя и одностороннюю, записку И. П. Липранди по дѣлу Петрашевскаго). В. И. Семевскій говоритъ, что изъ троихъ лицеистовъ, увлеченныхъ ученіемъ Петрашевскаго, одинъ былъ исключенъ изъ заведенія, а другой подвергнутъ исправительному наказанію. Почтенный авторъ «Крестьянскаго вопроса» приписываетъ также слишкомъ много значенія «Карманному словарю», составленному кружкомъ Петрашевскаго. Въ лексикографическомъ отношеніи это чрезвычайно слабая вещь, какъ орудіе пропаганды— книга не достигала своей цѣли, излагая туманно и неясно основныя положенія ученія Овена, Фурье, Сен-Симона, наполняя статьи объ нихъ вычурной реторикой, неидущей къ дѣлу, длиннымъ рядомъ точекъ или глумленіями, неумѣстными въ серьезномъ сочине-

нія. Я говорилъ уже объ этой книгѣ въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари» («Историческій Вѣстникъ», 1888 г., томъ XXXII, стр. 444). Доказательствомъ тому, что книгѣ не приписывалось никакого серьезнаго значенія, служитъ то, что по изъятіи ея изъ обращенія, ни авторъ, ни издатель, ни цензоръ, не подвергались ни какому преслѣдованію, хотя Липранди, въ своей запискѣ, и сожалѣетъ объ этомъ, такъ же какъ и о томъ, что «не спрошено было даже о лицахъ, доставлявшихъ статьи».

Гораздо серьезнѣе была попытка Петрашевскаго повліять на мнѣнія нашего дворянства по крестьянскому вопросу, о чемъ подробно разсказываетъ В. И. Семевскій въ своей книгѣ, хотя и вышедшей въ 1888 году, но мало оцѣненной публикою и еще меньше нашей критикой. Въ 1848 году, во время губернскихъ выборовъ, Петрашевскій роздалъ петербургскимъ дворянамъ болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній». Подъ этимъ заглавіемъ, способнымъ возбудить любопытство помѣщиковъ, скрывалось приглашеніе ихъ къ освобожденію крестьянъ. Записка слѣдственной комиссіи говоритъ, что въ своихъ разсужденіяхъ, авторъ «совершенно выходитъ изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ, считаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія предоставленіе права владѣнія населенными землями исключительно одному классу, хочетъ улучшенія формъ судопроизводства, надзора за исполнительными и административными властями, такъ какъ эти мѣры развиваютъ нравственныя и матерьяльныя силы въ народѣ, находящемся нынѣ въ дремотномъ состояніи». Мѣры эти осуществились черезъ десять лѣтъ съ небольшимъ, но въ то время, какъ говоритъ В. И. Семевскій, «петербургскій губернскій предводитель дворянства, Потемкинъ, сказалъ Петрашевскому, что государю-императору благоугодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденій и Петрашевскій своей записки нигдѣ не читалъ». Онъ только разослалъ ее своимъ пріятелямъ въ Петербургѣ и жившимъ въ провинціи: Кайданову, Кузьмину, Тимковскому, Черносвитову. Всѣхъ этихъ лицъ записка Липранди представляетъ отчаянными революціонерами, такъ какъ они, и въ особенности Головинскій, Ястржембскій, Филипповъ, желали освобожденія крестьянъ, гласнаго суда и свободы печати и, въ своихъ рѣчахъ «отличались краснорѣчіемъ, дерзостью выраженій и самымъ зловреднымъ духомъ». Но записка Липранди, по его словамъ, основана на доносахъ его шпіона, а этому человѣку, бывшему актеру «на выходъ» въ Александринскомъ театрѣ и выгнанному за сильное подозрѣніе въ воровствѣ, странно было бы довѣрять безусловно. Это доказывалъ и О. Миллеръ въ своихъ «Матеріалахъ для жизнеописанія Достоевскаго». Болѣе года этотъ шпіонъ слѣдилъ за пятницами Петрашевскаго, посылая къ Липранди доносы о каждой бесѣдѣ, а тотъ

составлялъ по нимъ обвинительный актъ для каждаго подсудимаго. Наконецъ министръ внутреннихъ дѣлъ далъ предписаніе передать дѣло въ III-е Отдѣленіе, арестовавъ одновременно 38 лицъ изъ кружка петрашевцевъ. Всѣ они были взяты 23 апрѣля. Затѣмъ, лѣтомъ, послѣдовало еще нѣсколько арестовъ.

Я былъ совершенно спокоенъ, такъ какъ давно уже даже не встрѣчался съ Петрашевскимъ. Въ лѣтніе мѣсяцы, я, какъ человѣкъ свободно распоряжавшійся своимъ временемъ, очень усердно посѣщалъ бѣдныхъ, вступивъ еще въ 1846 году въ общество, учрежденное съ этой цѣлью. Службу въ канцеляріи военнаго министерства я оставилъ еще въ концѣ 1847 года: она положительно мѣшала мнѣ издавать «Литературную Газету», да и Анненковъ къ тому же становился положительно невыносимъ съ своей формалистикой, пустыми придирками и требованіемъ, чтобы чиновники всецѣло посвящали себя службѣ и думали только объ ней. Когда онъ однажды высказалъ мнѣ это категорически, я замѣтилъ, что каждый чиновникъ, въ то же время и человѣкъ, имѣетъ кромѣ службы и другія обязанности и интересы гражданскіе, семейные, умственные, общественные, что самъ онъ, какъ военный, ходитъ смотрѣть парады и разводы, что вовсе не относится къ его директорскимъ обязанностямъ,—а какъ европеецъ, интересуется политическими событіями, читаетъ газеты. Достаточно, если чиновникъ отдаетъ службѣ полъ-дня, то-есть половину своей жизни; предоставьте же ему остальную половину проводить по своему усмотрѣнію, а не по предписаніямъ начальства. Вѣдь каждый прежде родится человѣкомъ, а потомъ уже дѣлается чиновникомъ, если принадлежитъ къ кастѣ, изъ которой выработывается это сословіе, весьма многочисленное, но однако же не единственное на Руси, хотя бы даже къ нему причислить и всѣхъ военныхъ.

Почтеннаго Николая Николаевича видимо покоробили такія неподходящія разсужденія и онъ отвѣчалъ мнѣ уже начальническимъ и нѣсколько взволнованнымъ тономъ:

— Ну, знаете, съ такими мыслями служить совершенно напрасно и распространять ихъ на службѣ нельзя: вы можете дѣлать это въ вашей газетѣ. Печать все терпитъ. Въ ней встрѣчаются и такіе пустяки, что повѣрить трудно.

— Пустяки или нѣтъ являются въ печати—это разсудитъ публика, а только она не разъ заявляла, что и въ канцеляріяхъ не все однимъ дѣломъ занимаются,—отвѣчалъ я также далеко не въ тонѣ субординаціи. И чтобы положить конецъ бесѣдѣ, принимавшей нежелательное направленіе, я тутъ же объявилъ, что намѣренъ выйти въ отставку.

— И хорошо сдѣлаете,—сухо отвѣчалъ Анненковъ.

— Я самъ то же думаю,—сказалъ я, откланиваясь моему директору.

Не смотря на то, что мы разстались очень холодно, я всегда съ удовольствіемъ встрѣчался съ Николаемъ Николаевичемъ, пока онъ не уѣхалъ на югъ генералъ-губернаторомъ. Мы были съ нимъ въ одинъ и тотъ же день абонентами въ итальянской оперѣ и неразъ, гуляя въ антрактахъ въ фойе Большого театра, жарко спорили о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой пѣвицы. Въ 1848 году онъ, впрочемъ, рѣдко являлся въ театръ и я шутя замѣтилъ ему какъ-то, что онъ не измѣняетъ своему правилу, считать чиновниковъ всецѣло принадлежащими службѣ — и поэтому потребовалъ, чтобы канцелярія являлась работать и по вечерамъ. Онъ объяснилъ это волненіями въ Европѣ и необходимостью принять у насъ разныя военныя мѣры на случай усложненій, могущихъ возникнуть въ политикѣ и на нашихъ границахъ.

— Это все французъ гадитъ,—замѣтилъ я словами «Ревизора», а русскій чиновникъ отписывайся за это по ночамъ, и все за то же жалованье.

— Ну, они получатъ за это особыя награды, когда все успокоится,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— А до тѣхъ поръ они обязаны быть только чиновниками и забыть обо всѣхъ другихъ обязанностяхъ... И какъ во-время ушелъ я отъ васъ! Вѣдь сидя цѣлый день въ канцеляріи, я бы долженъ былъ остановить мою газету.

— И повѣрьте, что этого никто бы и не замѣтилъ и никто ничего не потерялъ бы отъ этого,—отвѣчалъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ.

Я замолчалъ, внутренно сознаваясь, что онъ совершенно правъ. Прекращались у насъ и такія изданія, какъ «Телескопъ» и «Телеграфъ», какъ «Современникъ» и «Русское Слово», какъ «Голосъ» и «Отечественныя Записки» — и никому до этого не было никакого дѣла, кромѣ ихъ сотрудниковъ да рабочихъ, остававшихся безъ дѣла, то-есть безъ хлѣба. Не даромъ Салтыковъ, можетъ быть въ предвидѣніи того, что на склонѣ своей блестящей публицистической карьеры онъ принужденъ будетъ отказаться отъ нея, обозвалъ русскаго читателя такими некрасивыми эпитетами.

Н. Н. Анненковъ былъ въ сущности человѣкъ добрый, безукоризненно честный на службѣ. Съ нимъ можно было ужиться, не смотря на неровности его характера вспыльчиваго и мелочного, на его формалистику и служебный педантизмъ. Во все время управленія канцеляріею военнаго министерства онъ не запятналъ себя ни однимъ предосудительнымъ поступкомъ, былъ справедливъ, не корыстолюбивъ, гуманенъ и даже съ писарями обращался гораздо лучше, чѣмъ Клейнмихель съ своими высшими чиновниками. Въ 1849 году я еще рѣже встрѣчался въ оперѣ съ Николаемъ Николаевичемъ. Въ маѣ объявлена была Венгерская война, и бѣдные чиновники канцеляріи по этому случаю работали еще больше, чѣмъ по поводу фран-

цузской революціи въ 1848 году. Потомъ онъ былъ сдѣланъ членомъ негласнаго цензурнаго управленія, на мѣсто умершаго Бутурлина— и тутъ уже я вовсе пересталъ видѣться съ нимъ. Война съ венгерцами была непродолжительна и въ началѣ августа все уже было кончено. Меня, конечно, она интересовала и, по старой памяти, я заходилъ по временамъ въ канцелярію просматривать депеши и письма съ театра войны, особенно такія, которыя не назначались къ печати. Отъ моего бывшаго начальника отдѣленія и прежнихъ сослуживцевъ я узнавалъ много любопытнаго. Государь лѣтомъ жилъ въ Варшавѣ, въ Лазенкахъ, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствій. Варшава была совершенно спокойна, хотя въ ней открытъ былъ заговоръ, впрочемъ, весьма немногочисленной шайки фанатиковъ, сбиравшихся превратить ночь свѣтлаго воскресенія въ Варѳоломеевскую ночь. Найденъ былъ складъ ножей и палокъ съ кинжалами,—всякое огнестрѣльное оружіе давно уже было запрещено имѣть варшавянамъ. Съ 9-ти часовъ вечера всѣ площади, перекрестки и главныя улицы города занимались артиллеріею съ пушками и дымящимися фитилями, конницей и пѣхотой съ заряженными ружьями. Государь былъ очень недоволенъ началомъ кампаніи, когда Гергей вышелъ изъ Коморна, обманувъ Паскевича, и ушелъ къ сѣверу, занявъ Кашау, Дукшу, и др. Эта неудача была заглажена побѣдою нашихъ войскъ при Гросвардейнѣ. Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что Гергей, сдѣланный диктаторомъ, вмѣсто Кошута, положилъ оружіе передъ русской арміей безусловно. 6-го августа, по этому случаю, въ Петербургѣ были молебны во всѣхъ церквахъ, пушечная пальба и иллюминація.

Приведу остроту, приписываемую князю Меншикову по поводу огромныхъ наградъ, розданныхъ по окончаніи Венгерской войны. Будущій «герой проигранныхъ сраженій» говорилъ: «Ридигеру дали Андрея за тяжелую кампанію, Набокову за непріятную кампанію (онъ былъ членомъ слѣдственной комиссіи надъ петрашевцами), Адлербергу — за пріятную, а Клейнмихелю просто за кампанію». Тотъ же удачный бонмотистъ и неудачный полководецъ говорилъ объ одномъ высоко стоявшемъ, но и здорово наживавшемся лицѣ: «этотъ господинъ — соціалистъ на выворотъ; Прудонъ доказываетъ, что всякая собственность есть кража, а нашъ соціалистъ убѣжденъ, что всякая кража, не имъ произведенная—ущербъ его собственности».

IX.

Полковникъ Васильевъ. — Арестъ или приглашеніе. — Поѣздка въ двухъ каретахъ. — Частная бесѣда съ Дубельтомъ. — Что долженъ дѣлать истинный патріотъ во время анархіи.—Ламартиновскій клубъ.—Желѣзныя дороги и борода. — Затруднительные вопросы. — 22-е декабря.— Департаментъ разныхъ податей и сборовъ.—Чиновничество стараго типа.—В. П. Безобразовъ и П. П. Сухонинъ.—Вторая страсть русскаго человѣка.— Общество посѣщенія бѣдныхъ.— Отчего жиды не одолѣвали насъ при Николаѣ I?—Письмо князя Одоевскаго.— Стихотворенія Н. Д. Хвощинской. — «Сынъ Отечества». — Имѣетъ ли писатель право на отдыхъ.

Утромъ, 11-го августа, я спалъ спокойно, когда въ дверь моей спальни постучали и, разбудивъ меня, сказали, чтобы я тотчасъ же всталъ, такъ какъ меня спрашиваютъ по чрезвычайно важному дѣлу. Я взглянулъ на часы—было половина шестого. Визитъ въ такое раннее время не предвѣщалъ ничего хорошаго. Я вышелъ въ кабинетъ и нашелъ тамъ гостя въ голубомъ мундирѣ.—Полковникъ Васильевъ! рекомендовался онъ, расшаркиваясь самымъ любезнымъ образомъ... Я, конечно, понялъ въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что за полковникомъ, въ дверяхъ гостиной, виднѣлась также мундирная фигура квартальнаго надзирателя нашей части, уже нѣсколько мнѣ знакомая. Гость очень вѣжливо объявилъ мнѣ, что имѣетъ приказаніе свезти меня въ III Отдѣленіе и взять всѣ мои бумаги.

Полковникъ пришелъ въ величайшее изумленіе, увидя такое громадное количество исписанной и печатной бумаги, какое я показалъ ему, открывъ всѣ шкапы и столы моего кабинета. Я объяснилъ, что тутъ еще далеко не все, что я писалъ въ теченіе моей девятилѣтней самостоятельной жизни и во время моего пребыванія въ Лицеѣ. Стихи я началъ писать съ 1836 года и хранилъ ихъ такъ же какъ всѣ мои лицейскія тетради, лекціи, записки, переписку съ товарищами. Затѣмъ тутъ были огромныя связки статей и рукописей, присланныхъ мнѣ во время моего редакторства въ «Литературной Газетѣ», «Репертуарѣ», «Театральной лѣтописи», бумаги, счеты, переписка по этимъ изданіямъ, обширныя выписки, какія я дѣлалъ изо всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ книгъ, прочитанныхъ мною на шести языкахъ, какіе преподавались въ Лицеѣ и мои упражненія въ переводахъ съ остальныхъ пяти европейскихъ языковъ, которые я началъ изучать уже по выходѣ изъ Лицея, для дополненія моего образованія. Тутъ не было еще оригиналовъ напечатанныхъ статей моихъ и чужихъ, за то сохранялись любопытныя коректуры, вырѣзки изъ разныхъ газетъ и книгъ, цѣлыя тетради непечатныхъ произведеній русской словесности. Полковникъ только пожималъ плечами, смотря какъ надзиратель упаковывалъ всѣ эти тюки и припечатывалъ ихъ.

— Надѣюсь, что у васъ нѣтъ въ другихъ комнатахъ подобныхъ же колекцій?—сказалъ Васильевъ, посматривая на дверь, откуда я вышелъ. Я отвѣчалъ, что тамъ у меня спальня, гдѣ лежитъ больная жена, которая родила шесть дней тому назадъ, что въ спальнѣ и въ передней есть шкапы съ книгами, но все писанное сосредоточено въ кабинетѣ, въ чемъ предлагалъ ему удостовѣриться, отчего онъ очень галантно отказался.

Я зашелъ проститься съ женой, которая была повидимому спокойна, захватилъ съ собою послѣднюю книжку «Revue des deux mondes» и мы пустились въ путь. Карета покатила по Большой Морской, сзади ѣхала другая чуть не до верху нагруженная кипами бумагъ. Мы очень благодушно бесѣдовали дорогой о политикѣ, о венгерской кампаніи, и въ 8 часовъ подъѣхали къ помѣщенію III Отдѣленія.

Меня провели въ огромную комнату съ зеркалами и прекрасной мебелью. Расположившись комфортабельно на мягкомъ диванѣ, я принялся читать французскій журналъ. Но прошло больше трехъ часовъ, книжка была прочтена, а я все еще ждалъ, что же будетъ дальше. Наконецъ, когда на большихъ бронзовыхъ часахъ, стоявшихъ на каминѣ, пробило половина двѣнадцатаго, на порогѣ моей комнаты явился чиновникъ и торжественно провозгласилъ:

— Пожалуйте къ Леонтію Васильевичу!

Въ роскошномъ, громадномъ кабинетѣ, изъ-за стола заваленнаго бумагами, поднялся старый знакомый моего отца, всегда относившійся ко мнѣ чрезвычайно благосклонно. Мнѣ случалось не разъ встрѣчаться съ нимъ за кулисами театровъ; какъ лицо имѣвшее сильное вліяніе на сценѣ и въ цензурѣ, онъ постоянно оказывалъ мнѣ покровительство, а въ случаяхъ, когда мнѣ слѣдовало сдѣлать замѣчаніе, какъ драматургу или журналисту, посылалъ мнѣ выговоры черезъ моего отца, никогда не приглашая къ себѣ. Настоящій визитъ мой въ III Отдѣленіе былъ первый. И на этотъ разъ Дубельтъ принялъ меня весьма радушно, успокоилъ, сказалъ, чтобы я ничего не опасался и что допросъ, который онъ мнѣ обязанъ сдѣлать, будетъ только частной бесѣдой, простою формальностью, необходимою для того, чтобы совершенно обѣлить меня въ глазахъ комиссіи, назначенной для разбора дѣла, къ которому меня считаютъ прикосновеннымъ, только потому, что имя мое было внесено въ списокъ лицъ, на которыхъ могли расчитывать какъ на людей, сочувствующихъ измѣненію правительственной системы.

— Намъ хорошо извѣстно,—прибавилъ Дубельтъ,—что вы не участвовали ни въ замыслахъ, ни въ совѣщаніяхъ сумасбродовъ, задумавшихъ перевернуть все верхъ дномъ въ Россіи, но все-таки они причислили васъ къ лицамъ, готовымъ раздѣлить ихъ убѣжденія и взять вмѣстѣ съ ними въ свои руки власть при новомъ порядкѣ вещей, послѣ переворота, какой они намѣревались произвести.

Изъ вашихъ бумагъ не видно, чтобы вы принадлежали къ ихъ числу и раздѣляли ихъ мнѣнія. Вы не были также членомъ ламартиновскаго клуба?

— Первый разъ слышу о такомъ клубѣ,—отвѣчалъ я.

— И вообще не принадлежали ни къ какому тайному обществу?

— Никогда и ни къ какому.

— Вамъ дадутъ вопросные пункты, отвѣчайте на нихъ съ полною откровенностью, но какъ можно короче: никакихъ вашихъ разсужденій не требуется. Потомъ васъ отвезутъ въ комиссію. Здѣсь я вамъ дѣлаю личный, такъ сказать домашній допросъ, на основаніи котораго доложу комиссіи о степени вашей благонадежности. Тамъ вы должны будете отвѣчать на другіе вопросы о вашихъ отношеніяхъ къ Петрашевскому — и о чемъ найдутъ нужнымъ спросить члены комиссіи, между которыми впрочемъ только два незнакомыя вамъ лица; я же, Набоковъ и Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, знаемъ васъ хорошо. Пишите же ваши отвѣты, да кстати объясните мнѣ значеніе двухъ статей, которыя найдены въ вашихъ бумагахъ и будутъ представлены мною комиссіи, какъ сомнительныя.

Онъ подалъ мнѣ двѣ статьи, о которыхъ я совершенно забылъ; обѣ назначались въ «Литературную Газету» и были запрещены цензурою. Одна «Желѣзныя дороги» говорила о томъ, что это важнѣйшее изобрѣтеніе XIX вѣка поведетъ людей къ братству и соединенію, уничтожитъ политическія границы, сблизитъ національности враждующія теперь между собою, распространитъ между всѣми народами идеи гуманности и цивилизаціи, но что это только первый шагъ на пути всемірнаго прогреса, когда грубая желѣзная колея замѣнится невидимою колеею, проводимою въ воздухѣ аэростатомъ, подчиненнымъ человѣческой волѣ, сокращающимъ разстояніе, уничтожающимъ государственныя границы, ненавистныя таможни и всѣ учрежденія, мѣшающія человѣческому единенію. Статья была очень восторженная, краснорѣчивая, но не практичная. Цензоръ перекрестилъ ее всю въ коректурѣ красными чернилами, подчеркнувъ выраженія: ненавистный, государственный, братство и даже гуманность. Дубельтъ находилъ, что цензоръ уже черезчуръ строго отнесся къ статьѣ и могъ бы пропустить ее, исключивъ только рѣзкіе эпитеты, да названіе таможенъ ненавистными, потому что «какое же государство можетъ существовать безъ таможенъ?» замѣтилъ Леонтій Васильевичъ. Другая статья «Борода» заключалась въ восхваленіи этой естественной принадлежности непрекраснаго пола и доказательствахъ нераціональности ея уничтоженія. Цензоръ также похерилъ ее, находя совершенно основательно, что нельзя вступаться за бороду, когда ее приказано сбривать у московскихъ славянофиловъ.

Дубельтъ, вѣроятно, также находилъ, что этого нельзя, потому что не смотря на мои объясненія захватилъ съ собою эти статьи, уѣзжая въ комиссію. Такъ онѣ и остались у него, а между тѣмъ, статья о бородѣ могла бы и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, съ почетомъ появиться въ любомъ газетномъ листкѣ.

Я остался еще съ полчаса въ III Отдѣленіи — писать отвѣты на заданные мнѣ вопросы.

За тѣмъ, явился жандармскій офицеръ, попросилъ меня слѣдовать за нимъ, провелъ черезъ канцелярію и повезъ на дрожкахъ черезъ Троицкій мостъ. Въ крѣпости сдалъ онъ меня плацъ-маіору. Еще съ полчаса провелъ я въ комнатѣ съ полукруглымъ сводомъ и маленькимъ окномъ вверху и, наконецъ, былъ введенъ въ залу, гдѣ за столомъ сидѣли члены комиссіи. Меня также пригласили сѣсть и начался допросъ, о которомъ еще не разрѣшено говорить, хотя этому прошло уже сорокъ лѣтъ, не осталось въ живыхъ ни одного изъ членовъ комиссіи, да и весьма немного изъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу. Важнаго значенія въ нашей общественной жизни оно не имѣло. Возникшее въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, оно было раздуто общею полиціей, тогда какъ полиція III Отдѣленія не придала ему особой важности и, по отношенію къ прикосновеннымъ лицамъ, старалась сколько могла ограничивать аресты и допросы, не смотря на то, что ей было разрѣшено допросить «хотя десять тысячъ человѣкъ». Но это ни къ чему бы не послужило, такъ какъ петрашевцы не оставили глубокихъ корней въ тогдашнемъ обществѣ.

Написавъ нѣсколько показаній, я былъ отпущенъ и въ тотъ же день вечеромъ обратился уже къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Изъ моихъ бумагъ, побывавшихъ въ III Отдѣленіи, я увидѣлъ, что большую часть кипъ даже и не развязывали, и двѣ удержанныя изъ нихъ статьи, о которыхъ я говорилъ, очевидно, были взяты на выдержку, только для того, чтобы доказать, что бумаги разсматривались.

Дубельтъ, пріѣхавшій черезъ нѣсколько дней къ моему отцу— поздравилъ его съ благополучнымъ исходомъ непріятнаго дѣла, совѣтовалъ мнѣ поступить опять на службу, такъ какъ для молодого человѣка исключительное занятіе одною литературою неблаговидно. Но гдѣ было найти мѣсто, которое не мѣшало бы мнѣ заниматься журналистикой? Лицеистъ I курса, товарищъ Пушкина, Дмитрій Николаевичъ Масловъ, директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ, предложилъ мнѣ такое мѣсто, на которомъ было очень мало дѣла: контролера съ жалованіемъ до 900 рублей. Главное дѣло тутъ заключалось въ провѣркѣ окладныхъ вѣдомостей, присылаемыхъ изъ губерній и въ перепискѣ по этому предмету. Тутъ уже былъ совершенно другой чиновничій міръ, иного наслоенія, чѣмъ канцелярія военнаго министерства: не было ни свѣтскихъ начальниковъ отдѣленій въ родѣ элегантнаго барона

Вревскаго, ни высокообразованныхъ чиновниковъ какъ Дм. Ив. Каменскій, Дружининъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба какъ Вольфъ, Штюрмеръ и др.; не слышно было и французскаго языка, на которомъ любилъ объясняться и Анненковъ съ своими подчиненными. Чиновники разныхъ податей и сборовъ принадлежали совсѣмъ къ иной породѣ служебныхъ плезіозаурусовъ. Изъ начальниковъ отдѣленій выдѣлялись только два лица, оставившіе свое имя въ литературѣ: Владиміръ Павловичъ Безобразовъ и Петръ Петровичъ Сухонинъ. Первый, только что выйдя изъ Лицея, начиналъ свое служебное и публицистическое поприще подъ покровительствомъ Маслова, на дочери котораго онъ вскорѣ женился. Веселый, образованный, добродушный говорунъ, онъ не напускалъ еще тогда на себя глубокомысленной серьезности фритридерскаго пошиба, какою счелъ нужнымъ драпироваться впослѣдствіи, когда сталъ писать статьи о финансахъ, торговлѣ и промышленности, и особенно когда, по протекціи президента академіи наукъ Литке, попалъ въ члены этого нѣмецкаго учрежденія, насажденнаго для россійскаго преуспѣянія. Безобразовъ былъ хорошимъ ораторомъ, особенно за гастрономическимъ обѣдомъ, толковымъ профессоромъ, ясно развивавшимъ основныя положенія политической экономіи и финансоваго права, усерднымъ собирателемъ всякаго рода статистическихъ, торговыхъ и другихъ данныхъ; въ политикѣ, которая также принадлежала къ его спеціальности, держался умѣреннаго либерализма и здравыхъ гуманныхъ убѣжденій, но писалъ вообще очень тяжелымъ языкомъ и нерѣдко остроумный и бойкій въ дружеской бесѣдѣ, не умѣлъ переносить этого остроумія и оживленія въ свои публицистическія диссертаціи, подавлявшія снотворностью и тяжеловѣсностью. Въ нихъ онъ всегда былъ педантическимъ профессоромъ, тогда какъ въ жизни веселымъ собесѣдникомъ, позволявшимъ себѣ увлекаться, если не чистымъ искусствомъ, то его талантливыми представительницами въ родѣ когда-то производившей у насъ фуроръ нѣмецкой актрисы Буске. Нельзя во всякомъ случаѣ не пожалѣть, что неожиданная смерть слишкомъ рано лишила общество, литературу и науку, этого даровитаго, симпатичнаго дѣятеля.

Творецъ «Русской свадьбы», достигшей такого небывалаго успѣха на александринской сценѣ, прежде всего удивившаго самого автора пьесы, П. П. Сухонинъ обладалъ также несомнѣнно талантомъ не драматурга, а романиста. Его историческіе романы доказываютъ знаніе русской старины, большую наблюдательность и далеко не дюжинную, творческую фантазію; они ничуть не ниже многихъ современныхъ историческихъ компиляцій, рекламируемыхъ усердными пріятелями авторовъ. Окончивъ курсъ въ морскомъ корпусѣ, Сухонинъ скоро промѣнялъ свои мичманскіе эполеты на виц-мундиръ гражданскаго чиновника. Въ морскомъ костюмѣ онъ былъ

куда не красивъ: маленькій, сгорбившійся, худенькій, шепелявившій, невыговаривавшій ни шипящихъ, ни губныхъ буквъ, произносившій начайникъ, вмѣсто начальникъ, онъ былъ дѣйствительно весьма непрезентабельнымъ морскимъ офицеромъ, но чиновникъ изъ него вышелъ прекрасный: умный, честный, распорядительный, прекрасно знающій и исполняющій свое дѣло. Завѣдуя табачными сборами, онъ ввелъ много полезныхъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ, особенно по его контролю, но служебная карьера его была весьма непродолжительна и онъ вскорѣ же принужденъ былъ выйти въ отставку. У него была одна несчастная страсть—къ картамъ. Обладая достаточнымъ состояніемъ, онъ не разъ проигрывался, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Родные нѣсколько разъ помогали ему выйти изъ затруднительнаго положенія. На короткое время онъ воздерживался отъ азартной игры, а потомъ снова увлекался ею, самъ сознавая нелѣпость этого увлеченія и то, что онъ былъ въ большинствѣ случаевъ жертвою шулеровъ и мошенниковъ. Не смотря на все это, страсть брала верхъ надъ всѣми доводами разсудка и онъ, наконецъ, палъ ея жертвою еще далеко не въ старые годы, принужденный добывать средства къ жизни и къ игрѣ писаніемъ романовъ и повѣстей. Послѣ вина—карты едва ли не самая распространенная страсть въ русскомъ обществѣ. Припомнимъ, какъ увлекался ею Пушкинъ и многіе изъ его современниковъ. Одного изъ нихъ, И. Е. Великопольскаго, къ которому поэтъ писалъ посланія и съ которымъ рѣзался въ штосъ, я зналъ близко въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ и разскажу когда-нибудь его любопытную біографію. Онъ также значительную часть своего состоянія проигралъ въ карты. Преферансъ сороковыхъ годовъ, ералашъ—послѣдующихъ, винтъ нашего времени, игорные притоны всѣхъ вѣковъ и временъ, ясно доказываютъ, что если Руси есть веселіе пити, то не меньшее веселіе есть и играти.

Въ теченіе 1849 года я много работалъ въ «Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ», хотя этотъ же годъ окончательно убилъ это превосходное учрежденіе, принесшее огромную пользу во время своего слишкомъ кратковременнаго существованія. Мысль оказанія бѣднякамъ помощи не на основаніи ихъ просьбъ, а по освидѣтельствованію ихъ квартиръ и образа ихъ жизни, была весьма практичнѣе, и благотвореніе на дому бѣдняковъ было гораздо раціональнѣе подачки въ кабинетахъ благотворителей, хотя и тутъ дѣло не обходилось безъ обмановъ разнаго рода. Такъ, въ первое время моего завѣдыванія бѣдными на Пескахъ, я очень усердно благотворилъ одной бѣдной старухѣ съ восемью маленькими дѣтьми—ея внучатами-сиротками, какъ она говорила, а на самомъ дѣлѣ нанимаемыми ею на прокатъ у сосѣднихъ тунеядцевъ. Получивъ подачку во время личнаго посѣщенія ея убогой квартирки и зная, что вторичное посѣщеніе никакъ уже не можетъ послѣдовать черезъ нѣ-

сколько часовъ, эта почтенная особа, не теряя времени, тотчасъ же по уходѣ благотворителя, напивалась до положенія ризъ, прогнавъ по домамъ нанятыхъ ею ребятъ съ уплатой за наемъ ихъ нѣсколькихъ копеекъ. Въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться, слѣдуя наставленію одной изъ ея сосѣдокъ, посовѣтовавшей мнѣ повторить посѣщеніе черезъ два часа послѣ перваго визита. Другая, не менѣе почтенная по наружности, старуха, нанимавшая крошечный уголъ въ кухнѣ прачки, жила въ то же время въ другой весьма приличной квартирѣ черезъ улицу, гдѣ, кромѣ того, содержала пансіонъ безъ древнихъ языковъ. Но во время моего попечительства надъ песковскими бѣдняками въ холеру 1848—1849 года, я насмотрѣлся на такія сцены, былъ свидѣтелемъ столькихъ драмъ, что разсказъ объ нихъ не укладывается въ рамки журнальныхъ воспоминаній и требуетъ отдѣльнаго очерка. Скажу только, что добровольная и, конечно, не оплачиваемая служба моя въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ подъ предсѣдательствомъ князя Вл. Ѳед. Одоевскаго, съ такими лицами какъ члены совѣта и секретарь Общества капитанъ гвардейской артиллеріи Николай Сергѣевичъ Кириловъ, издатель «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ», о которомъ я говорилъ выше, и авторъ очень недурныхъ разсказовъ, печатавшихся подъ псевдонимомъ Н. Днѣпровскаго,—такая служба принадлежитъ къ самымъ пріятнымъ воспоминаніямъ моихъ молодыхъ годовъ. Много я отдалъ ей трудовъ и времени и нисколько не жалѣю объ этомъ. Приходилось мнѣ не только розыскивать бѣдняковъ и изслѣдовать ихъ положеніе, но и устроивать въ пользу ихъ увеселительные вечера и концерты въ пригородныхъ садахъ Петербурга: у Излера, Королева, въ Тиволи и Мон-плезирѣ, гдѣ я познакомился съ будущимъ моимъ соиздателемъ Бауманомъ. Онъ занимался въ то время только устройствомъ музыкальныхъ праздниковъ вмѣстѣ съ жидкомъ Леви, изъ приличія удлинившимъ и офранцузившимъ свою фамилію, превративъ ее въ Левино. Тогда жиды не лѣзли на каждомъ шагу въ глаза, не выставлялись на показъ въ нашей столицѣ, а старались, напротивъ, скрывать свое происхожденіе и свои гешефты, что продолжалось и въ слѣдующее десятилѣтіе. И полиція временъ Николая I находила же возможность не допускать размноженія жидовъ въ Петербургѣ и не включать въ черту ихъ осѣдлости обѣ столицы русскаго царства. Предоставляемъ имущимъ власть разрѣшить: почему этого нельзя сдѣлать теперь, когда жидовское нашествіе одолѣло всѣхъ насъ, заполонило и вѣковыя стѣны древняго Кремля, и парадизъ преобразователя Россіи, выстроенный не для того, чтобы обратить его въ пригородъ Бердичева...

Но не смотря на нисколько не соціалистическій характеръ Общества посѣщенія бѣдныхъ, не смотря даже на то, что почетнымъ президентомъ его былъ герцогъ Лейхтенбергскій, Общество сначала

присоединили къ Человѣколюбивому Обществу, потомъ и вовсе закрыли. Плодомъ всѣхъ стараній незабвеннаго князя Одоевскаго, этой высоко гуманной и свѣтлой личности, неоцѣненной до сихъ поръ ни обществомъ, ни литературою, осталось только нѣсколько отдѣльныхъ учрежденій, созданныхъ этимъ Обществомъ. Съ какими препятствіями и затрудненіями должны были бороться даже эти учрежденія, можно видѣть изъ письма князя, выясняющаго кромѣ того и самое положеніе Общества посѣщенія бѣдныхъ.

«Почтеннѣйшій и любезнѣйшій В. Р.! Задаете вы намъ претрудную задачу, и когда я объясню вамъ смыслъ ея, то вы непремѣнно согласитесь со мною. Училище св. Елены, основанное Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ (подъ названіемъ Кузнецовскаго) предназначалось быть безплатнымъ, но едва оно учредилось, какъ мы должны были уступить настояніямъ со всѣхъ сторонъ о принятіи дѣтей за плату; на наши возраженія намъ отвѣчали, что мы не имѣемъ права отказывать людямъ, желающимъ благодѣтельствовать посредствомъ насъ, что это противно нашему основному принципу и проч. т. п. Что же вышло? число платящихъ возросло; нынѣ въ училищѣ 150 человѣкъ, т. е. 150 ртовъ, которыхъ должно кормить и столько же головъ, которыхъ должно учить и проч. Естественно, что издержки училища возросли соотвѣтственно числу вступившихъ лицъ,— издержки постоянныя, неизбѣжныя, настоятельныя. На это обстоятельство благотворители не обратили вниманія; передавъ ребенка къ намъ и слѣдственно обязавъ насъ докончить его воспитаніе, благотворители, и весьма многіе, не считали, какъ видно, себя обязанными къ тому же самому, къ чему обязывали насъ; платили годъ, два, а тамъ и отказывались подъ разными предлогами, ставя насъ въ слѣдующую дилемму: или выгнать бѣдныхъ ребятъ на улицу, или обанкрутить училище. Эта борьба была самая мучительная; нельзя себѣ вообразить, сколько и въ какомъ родѣ непріятныхъ сношеній привелось мнѣ выдержать по этому случаю. Тѣ же обстоятельства и нынѣ благополучно продолжаются. Взять на казенный счетъ воспитанницу, платежъ за которую вошелъ въ годовой бюджетъ училища, уже потому невозможно, что мы отъ казны не получаемъ ни копейки; всѣ разсчеты училища основаны на томъ, что получается за то, или другое лицо, и мы едва сводимъ концы. Намъ не отпускается никакой суммы; члены императорской фамиліи, Человѣколюбивое Общество платятъ намъ за своихъ пансіонерокъ, наравнѣ съ частными лицами, не болѣе. Есть у насъ нѣсколько дѣтей, коихъ мы содержимъ на такъ называемую экономію училища, но это послѣднее средство мы должны беречь для круглыхъ сиротъ, или для тѣхъ, за коихъ платящіе лица умерли; но и такихъ уже у насъ 15 кандидатовъ. Великая княгиня знаетъ всѣ эти обстоятельства, и всѣ настоянія будутъ тщетны, ибо и безъ того она безпрестанно пополняетъ дефициты училища, отъ подобныхъ причинъ происходящіе—своими карманными деньгами; сумма такихъ вспоможеній по ея разнымъ заведеніямъ составляетъ огромную, ни кѣмъ незнаемую, цифру,—но понятно, что эта цифра имѣетъ свой предѣлъ. Мой совѣтъ слѣдующій: родители Соболевой должны подать просьбу митрополиту, какъ представителю императорскаго Человѣколюбиваго Общества (гдѣ милліоны!), которое на сихъ дняхъ, по случаю кончины императрицы, получило отъ государя 7,000 р. сер., и просить, чтобы Общество приняло Соболеву своею пансіонеркою. Плата за Соболеву старинная: 125 р., а не 140, какъ нынѣ, ибо мы не измѣняемъ однажды

принятыхъ нами условій, какъ бы потомъ они тяжки ни были. Училище же св. Елены не можетъ тутъ ничего сдѣлать, ибо если бы, вопреки всей справедливости и на голову 15-ти кандидатокъ, оно приняло на свою экономію еще новую воспитанницу, то это было бы сигналомъ для всѣхъ другихъ благотворителей, на основаніи такого примѣра, отказаться также отъ своего обязательнаго платежа и тогда училище—банкрутъ, ибо до сихъ поръ оно не хотѣло слѣдовать примѣру другихъ заведеній, гдѣ сверхъ родителей требуется еще поручитель. Боюсь, что сила обстоятельствъ приведетъ насъ къ тому же. Я увѣренъ, что вы убѣдитесь всѣми этими доводами въ совершенной невозможности училища сдѣлать исключеніе для Соболевой—какъ это ни грустно.

«Вамъ душевно-преданный кн. В. Одоевскій».

Въ концѣ 1849 года я получилъ отъ Н. Д. Хвощинской нѣсколько глубоко прочувствованныхъ стихотвореній. Смуты въ Европѣ взволновали эту поэтическую натуру, отзывавшуюся, даже среди провинціальной плѣсени, на всѣ общечеловѣческіе вопросы. Привожу три пьесы, свидѣтельствующія о разнообразіи и силѣ таланта этой высокодаровитой личности.

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже не вѣря силѣ словъ.
Тотъ свѣтъ, что истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не могъ.
Мы усомнились въ немъ и пали
Въ смятеньи, въ прахъ на нашъ порогъ.
И слыша клики ликованья
Надъ потрясенною землей,
Мы вопрошаемъ: иль мечтанья
Все то, что скошено грозой?..
Мы заблуждалися, мы люди...
Но благо ль то, что̀ свершено?
Тому ли мы взывали: буди!
Что̀ въ этомъ мірѣ быть должно?
Но вопль враговъ глухой, неясный
Ихъ торжествомъ не заглушенъ
И говоритъ: споръ не напрасный,
Мужайтесь!—онъ не разрѣшенъ...

Три слова! Что намъ въ нихъ? Довольно въ самомъ дѣлѣ
Себя обманывать и говорить о томъ,
Что невозможно здѣсь, чего ни въ колыбели,
Ни въ гробѣ не найдемъ.

Мы братья!.. Отчего жъ такъ разны наши нужды?
Зачѣмъ мы уступать не можемъ, не хотимъ?
Зачѣмъ страданія другихъ намъ скучны, чужды,
А счастье нужно намъ самимъ?

Мы равны!.. Отчего жъ не размышляетъ сила?
Зачѣмъ не признанъ трудъ и подкупъ верхъ беретъ?
Самосознанье гдѣ? Что гордость въ насъ убило?
Зачѣмъ насъ сильный смѣло гнетъ?

Свободны мы!.. Но гдѣ жъ прямое пониманье
Священныхъ нашихъ правъ, и гдѣ любовь къ правамъ?
Въ протестѣ мысли нѣтъ, отваги нѣтъ......
И благо не по силамъ намъ.

Свобода, равенство и братство!.. Звуки, звуки!
И безъ значенія. Къ чему ихъ повторять?
Міръ утомленъ—на трудъ онъ не подниметъ руки—
Въ оковы ихъ легко поднять...

Такъ что жъ ему въ словахъ?.. Ты правъ, народъ безумный!
Ты первый произнесъ—и первый ихъ изгналъ.
Такъ проклинай же ихъ, осмѣивай ихъ шумно,
И торжествуй, что снова палъ.

Но помни: на тебѣ лежитъ отвѣтъ. Ты дѣло
Затѣялъ страшное: примѣромъ быть людей.
Ты истину открылъ, и самъ отрекся смѣло
Отъ истины своей.

Народъ! твои дѣла другихъ въ соблазъ вводили.
Всѣ за тобою шли и всѣ словамъ твоимъ
Отрадно вѣрили... О, лучше бъ ихъ забыли,
Чѣмъ посмѣялись имъ!..

Опять темно вдали, опять клубятся тучи,
Гроза... Господь войны, Богъ крѣпкій и могучій,
Богъ правый! молимъ мы не помощи отъ бѣдъ,
Не подкрѣпленія, не чуда, не побѣдъ—
Чьибъ ни были онѣ—въ нихъ смерть и разрушенье,—
Мы молимъ объ одномъ: спаси отъ униженья,
Избавь насъ отъ стыда, внуши хоть одному
Быть вѣрнымъ до конца призванью своему,
Не измѣнить, не пасть изъ страха иль расчета,
Иль какъ наемнику тяжелую работу
Оставить утомясь... Великій, сильный Богъ,
Опять восходятъ дни сомнѣній и тревогъ...
Пошли хоть одного! Пусть въ эти дни безъ славы
Погибнетъ онъ средь насъ измученный, но правый,—
Но жизнь и смерть его насъ съ правдой примиритъ,
Примѣромъ будетъ намъ и вѣру оживитъ,
Что Ты не до конца—хоть мы прискорбно пали—
Оставилъ этотъ міръ сомнѣній и печали...

Форма этихъ стиховъ не выдержана, не отдѣлана, многое въ нихъ неясно, не досказано, но въ нихъ есть и мысль и чувство,

и убѣжденіе, и конечно, всякій, кто понимаетъ истинную поэзію, предпочтетъ эти неотполированныя строфы — виршамъ современныхъ поэтовъ, у которыхъ:

«Стихи какъ полъ лощеный гладки,
«На мысли не споткнешься въ нихъ».

У меня болѣе 120-ти стихотвореній Надежды Дмитріевны, написанныхъ ею въ теченіе первыхъ 12-ти лѣтъ ея литературнаго поприща (1846—57 гг.). Изъ нихъ я помѣстилъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ меньше половины, но поручая мнѣ свои стихи, она всегда желала видѣть ихъ собранными въ книгу. Теперь такая книга, составленная изъ ея лучшихъ пьесъ, дополнила бы литературную характеристику симпатичной писательницы.

Съ прекращеніемъ «Литературной Газеты» въ апрѣлѣ 1849 года я вошелъ въ сношеніе съ журналомъ «Сынъ Отечества» для разсылки этого изданія моимъ подписчикамъ. Они выигрывали отъ этой замѣны, такъ какъ журналъ стоилъ 15 рублей съ пересылкой, давалъ 25 листовъ въ мѣсяцъ съ модными картинками и въ програмѣ его былъ отдѣлъ политики, недопускавшійся ни въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ. Но «Сынъ Отечества» редактировался плохо, выходилъ неакуратно. Издатель, типографщикъ Жернаковъ, объявилъ мнѣ въ октябрѣ, что не можетъ додать трехъ послѣднихъ книгъ, такъ какъ редакторъ, баронъ Розенъ, не занимается журналомъ и не даетъ въ него статей. Это происходило конечно оттого, что издатель не платилъ ни за статьи, ни за редакцію. Я взялся помочь въ этомъ случаѣ: составилъ три книги изъ статей, оставшихся отъ «Литературной Газеты», написалъ самъ нѣсколько критическихъ, политическихъ, юмористическихъ статей, наполнилъ отдѣлъ: внутреннихъ извѣстій, библіографіи, смѣси, фельетона, текущими новостями,—все это за самый мизерный гонораръ, а многое и совершенно даромъ, взялъ на себя редакцію съ будущаго года, составилъ заранѣе первую книжку и самую скромную смѣту расходамъ, по которой 1,200 подписчиковъ окупали все изданіе: наборъ и печать 12-ти книгъ въ количествѣ 1,200 экземпляровъ стоили 4,200 р., бумага 3,400, обертка и переплетъ 600 руб., цензорскія выкидки 300 р. и пр. Жернаковъ разсыпался въ благодарностяхъ, но кончилъ тѣмъ, что когда въ концѣ года не набралось и 400 подписчиковъ, не заплатилъ ни копейки за три уже составленныя мною книги и четвертую готовую къ выпуску и тайкомъ заключилъ съ Фурманомъ условіе, по которому тотъ обязался составлять ему книжки въ 25 листовъ по 300 рублей за каждую. Я, какъ не заключавшій никакого формальнаго условія съ Жернаковымъ, остался не причемъ.

Но все это относится уже къ 1850-му году, котораго я не касаюсь въ моихъ воспоминаніяхъ о сороковыхъ годахъ. Заканчивая послѣднею главою мои отрывочные, безсвязные очерки, я думаю

все-таки, что въ нихъ найдется кое-что новое и любопытное и для нынѣшняго поколѣнія, незабывающаго ни людей, ни событія сороковыхъ годовъ. Для меня и моихъ сверстниковъ года эти представляютъ неисчерпаемый источникъ дорогихъ воспоминаній, неразлучныхъ съ впечатлѣніями молодости, когда жизнь кипѣла ключомъ, въ настоящемъ было такъ много грандіозныхъ плановъ, въ будущемъ—столько свѣтлыхъ надеждъ. Всѣ темныя стороны пятаго десятилѣтія нашего вѣка, поражающія насъ теперь, когда мы вступили въ послѣднее десятилѣтіе, казались тогда временными, скоропроходящими. Даже въ волненіяхъ, охватившихъ Европу въ 1848—1849 годахъ, мы думали видѣть зародыши ея обновленія и какъ говорила Н. Д. Хвощинская въ своемъ стихотвореніи:

«Гроза прошла, все улеглось... А мы,
«Встрѣчая странное свѣтило,
«На небо всплывшее средь бури и средь тьмы,
«Мечтали—солнце восходило!»

Лично я къ концу 1849 года сдѣлалъ все, что можно сдѣлать въ 28 лѣтъ, послѣ десятилѣтней трудовой жизни, посвященной литературѣ: я поставилъ на сцену болѣе десяти пьесъ, напечаталъ столько же романовъ и повѣстей, двѣ поэмы, множество стихотвореній (первое изъ нихъ, посвященное Лицею напечатано еще въ 1840 году) критическихъ и серьезныхъ статей, писалъ во всѣхъ родахъ, редактировалъ три еженедѣльныя изданія, трудился для общества въ его благотворительныхъ учрежденіяхъ, отечеству отдалъ долгъ, служа въ двухъ вѣдомствахъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, я имѣлъ уже нѣкоторое право на отдыхъ и если продолжалъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ работать на поприщѣ журналиста и публициста, то обязанъ этимъ моей любви къ труду и моему здоровому организму. Но и теперь, послѣ полувѣковыхъ работъ, когда бодрая старость приближается по закону природы къ неизбѣжной дряхлости, я считаю себя не вправѣ бросить перо, пока есть мысль въ головѣ и сила въ рукѣ. Писатель, какъ бы ни была незначительна его роль въ средѣ своихъ собратій, долженъ умереть съ перомъ въ рукѣ, какъ умирали всѣ выдающіеся сподвижники литературы. Я никогда не принадлежалъ къ передовымъ дѣятелямъ въ области русскаго слова, не выдавался изъ вторыхъ рядовъ скромныхъ бойцовъ за дѣло просвѣщенія и прогреса, но если хоть одно изъ моихъ произведеній содѣйствовало развитію въ читателѣ здравой мысли, гуманнаго чувства, заставило его любить добро, отвернуться отъ неправды и низости—долгъ мой по отношенію къ моимъ согражданамъ, исполненъ—и я, отходя на вѣчный отдыхъ, спокойно уступлю болѣе даровитымъ собратамъ мое скромное мѣсто въ литературѣ, незапятнанное никакою предосудительною сдѣлкою съ своею совѣстью... Faciunt meliora potentes.

Вл. Зотовъ.

РАСКАТЫ СТЕНЬКИНА ГРОМА ВЪ ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛѢ.

(Посвящается Н. Н. Свищову).

I.

САМЪ СТЕНЬКА Разинъ Тамбовской земли не воевалъ. Не воевали ее также и ближніе и подручные атаманы его. Главная грозовая туча прошла стороной, зацѣпивъ только однимъ краемъ своимъ Тамбовскую землю. Но и этого было достаточно, чтобы вызвать въ ней такой переполохъ, о которомъ и до сихъ поръ, черезъ двѣсти лѣтъ, еще вспоминаютъ, и живы преданія. Можно поэтому представить себѣ, что̀ происходило тогда и особенно тамъ, гдѣ проходилъ самъ «батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ съ дѣтками своими»...

Тамбовскій переполохъ, т. е. радость однихъ при извѣстіи о приближеніи Стеньки и ужасъ другихъ, произошелъ совершенно по тѣмъ же причинамъ, какъ и вездѣ, куда подходилъ Стенька: радость и надежда у бѣднаго (подлаго) и крѣпостного люда избавиться отъ помѣщичьяго и чиновничьяго гнета и смятеніе и ужасъ помѣщиковъ и чиновниковъ (подьячихъ и воеводъ) передъ расплатой и неминучими страшными истязаніями за вымогательства и угнетенія.

Новооткрытые и новообъявленные документы—находки и труды архивныхъ комиссій, преимущественно Тамбовской и Рязанской—относящіеся къ этой эпохѣ, столь поучительной и назидательной,—новаго, въ смыслѣ установленія новаго взгляда на со-

бытіе, даютъ не особенно много; но за то они даютъ такую массу детальныхъ подробностей, такъ характеризующихъ ужасную, темную, безотрадную жизнь населенія, что, перечитывая ихъ, поразительно ясно представляешь себѣ, что́ тогда происходило и невольно останавливаешься, не зная чему болѣе удивляться: наглости и безстыжеству ставленниковъ тогдашней власти и ихъ помощниковъ и приспѣшниковъ, или одичалой тупости и терпѣнію въ конецъ почти запуганнаго, забитаго и загнаннаго населенія.

Перечитывая теперь повѣствованія о томъ, что тогда дѣлалось, не меньше удивляешься и невѣжеству и близорукой тупости стоявшихъ у власти въ Москвѣ. Нельзя предположить, чтобы въ Москвѣ обо всемъ этомъ не знали—еще меньше, чтобы не хотѣли знать,—точно такъ же какъ нельзя предположить, чтобы хаосъ этотъ былъ желательнымъ для Москвы:—свои соки и силы она брала оттуда же, изъ провинцій—и въ то же время мы видимъ, что она ровно ничего не дѣлала, чтобы завести для населенія правду и порядокъ: все ограничивалось одной канцелярской перепиской—бездушной, безсмысленной, безсодержательной—да присылкой новыхъ воровъ-воеводъ, голодныхъ, на мѣста старыхъ воровъ-воеводъ, уже сытыхъ.

Тутъ, въ эту пору, у Москвы уже не было никакихъ политическихъ и династическихъ соображеній, чтобы держать провинціи въ черномъ тѣлѣ. «Тишайшій» Алексѣй Михайловичъ могъ сидѣть и сидѣлъ «на Москвѣ» въ этомъ отношеніи совершенно спокойно. Ему не угрожали никакіе самозванцы, никакіе конкуренты-претенденты; никто не думалъ отъ него отдѣляться, никакая провинція не думала о самостоятельности—напротивъ, въ это время, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде и послѣ, чувствовалось всѣми желаніе сплотиться въ одно цѣлое, и сплотиться именно вокругъ него. Царская власть и на дѣлѣ, и какъ идея, какъ принципъ, всѣми давно уже была признана за наилучшую, и противъ нея не только никто не спорилъ, не интриговалъ противъ нея, не подкапывался, но даже сами предводители потерявшаго терпѣніе и, наконецъ, возставшаго населенія, чтобы сплотитъ вокругъ себя и морализировать затѣянное дѣло обращались для этого все къ той же самой идеѣ царской власти. Плывя по Волгѣ, Стенька одну свою барку велѣлъ отдѣлать краснымъ сукномъ и «прелестники» его говорили народу, что на ней ѣдетъ царевичъ Алексѣй, сынъ царя, «который приказываетъ всѣхъ бояръ, думныхъ людей, и дворянъ, и всѣхъ владѣльцевъ помѣщиковъ, и вотчинниковъ, и воеводъ, и приказныхъ людей искоренять, потому что они измѣнники и народные мучители», т. е. заставлялъ разсказывать какъ разъ то, что было желательно слышать народу отъ самого царя. Это было значитъ не «колебаніе основъ», какъ принято выражаться на этотъ счетъ въ наше время, а только подлогъ, отъ

имени царя, болѣе энергичнаго, сильнаго и свободолюбиваго человѣка, къ которому онъ прибѣгалъ, чтобы успокоить совѣсть и придать рѣшимость запуганной, забитой и загнанной чиновниками и помѣщиками, возставшей, наконецъ, народной массѣ. Устрой «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ у себя въ царствѣ порядки и не давай народа въ обиду помѣщикамъ и чиновникамъ, не было бы и Стеньки, какъ никогда не было и не бывало огня, если не бывало матеріала для горѣнія.

А дровъ—всякой неправды и всякаго утѣсненія—тогда было много,—столько, что хоть отбавляй. И всѣ эти дрова наломала Москва, а сложили ихъ въ кучу и приготовили для Стеньки, для Булавина и потомъ для Пугачева, помѣщики и, главнѣйше, чиновники, разумѣя тутъ, подъ этимъ названіемъ, и мелкихъ подъячихъ и крупныхъ бояръ и князей-воеводъ. Всѣ они постарались и потрудились.

Существуетъ взглядъ, что движеніе при Разинѣ такъ разрослось потому, что не совсѣмъ еще исчезъ тогда изъ народнаго представленія и народной памяти удѣльно-вѣчевой порядокъ и складъ жизни. Едва ли это вѣрно. Что при удѣльно-вѣчевомъ порядкѣ народу жилось лучше, чѣмъ потомъ, особенно первое время, подъ властью Москвы, это не только можно предположить съ вѣроятностью, но это несомнѣнно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Для маленькаго удѣльнаго князя удѣлъ его былъ, разумѣется, дороже, чѣмъ онъ былъ потомъ для воеводы, намѣстника-чиновника, который сегодня тутъ, а завтра тамъ, и который, по самому существу своему, какъ намѣстникъ, хотя бы и отъ государства, не могъ и дѣйствительно не относился къ своему намѣстничеству иначе, какъ къ источнику только доходовъ, и притомъ такому источнику, изъ котораго сегодня черпаетъ онъ, а завтра будетъ черпать другой. Слѣдовательно, чѣмъ больше онъ изъ него вычерпаетъ, тѣмъ лучше—завтра еще неизвѣстно придется ли ему изъ него черпать. Это самое мы видѣли потомъ, гораздо позже, на примѣрахъ совершенно тождественныхъ съ этимъ: помѣщичьи имѣнія, какъ ни плохи были помѣщики, все-таки не раззорялись ими такъ, какъ ихъ раззоряли потомъ чиновники, подъ разными наименованіями расплодившіеся съ невѣроятной быстротой въ удивительномъ количествѣ и доведшіе населеніе, тамъ гдѣ удавалось засѣсть имъ поплотнѣе, до того, что у половины крестьянъ не осталось лошадей—ни пахать, ни возить стало не на чемъ. Точно также должно было быть и при воеводахъ-намѣстникахъ, замѣнившихъ собою удѣльныхъ князей-собственниковъ.

Но при чемъ тутъ политическая тенденція—это совершенно непонятно. Ни при Алексѣѣ Михайловичѣ, ни при сынѣ его, ни раньше, при отцѣ его, даже передъ его отцомъ, въ междуцарствіе и раньше междуцарствія, при Шуйскомъ и Борисѣ Годуновѣ, не

было ни одной, сколько-нибудь серьезной, попытки къ отдѣленію какого-либо бывшаго княжества: ни одно изъ нихъ не искало независимости, не старалось жить отдѣльной жизнію отъ всего общаго отечества съ головой въ Москвѣ. Не было точно также и никакихъ попытокъ къ отдѣленію и къ возвращенію своей утраченной политической независимости и со стороны бояръ и князей, потомковъ владѣтельныхъ нѣкогда родовъ. Все слилось и сплотилось на вѣки вѣчные и мѣнять политическаго порядка никому не приходило и въ голову.

Но не было порядка гражданскаго, не было его внутри, ни въ администраціи, ни въ судахъ, ни въ выборахъ, ни во взаимныхъ отношеніяхъ сословій другъ къ другу. «Сильный давилъ слабаго и силой, произволомъ своимъ, и къ тому же еще и закономъ. И законы были таковы, что и у нихъ, помимо несправедливости судей, нечего было искать защиты слабому противъ сильнаго. Дворянинъ, убившій крестьянина, особенно собственнаго, рѣдко отвѣчалъ. По «Уложенію», холопъ, котораго господинъ не кормилъ, могъ являться въ «Холопій приказъ» и требовать свободы, но получалъ ее тогда, когда жалоба его оказывалась справедливою, а она признавалась справедливою только въ такомъ случаѣ, если господинъ сознавался въ томъ, и, напротивъ, одного отрицательнаго слова его было достаточно, чтобы опровергнуть жалобу холопа. Въ случаѣ, если владѣлецъ убьетъ въ дракѣ крестьянина другого владѣльца, послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, вовсе безъ спроса о желаніи ихъ идти къ другому господину. Законъ разсматривалъ человѣка совсѣмъ какъ скотину—за убитаго чужого вола отдай своего вола, за убитаго чужого человѣка отдай своего человѣка. Дворянинъ, или сынъ боярскій, могъ, вмѣсто того, чтобы самому подвергаться правежу, посылать на истязаніе своихъ людей. Въ случаѣ, если дворянинъ, или сынъ боярскій, медлилъ явиться въ срокъ на службу, — брали его людей и крестьянъ и держали въ тюрьмѣ пока господинъ явится. Самъ господинъ могъ наказывать, какъ хотѣлъ, своего подвластнаго. Къ довершенію всего, иногда люди и крестьяне, по приказанію своего господина, нападали на людей и крестьянъ другого, бывшаго съ нимъ во враждѣ, и такимъ образомъ, изъ угожденія къ своимъ господамъ, люди и крестьяне били, грабили и убивали другъ друга».

Царскіе воеводы—довѣренные царскіе люди — смотрѣли на свою должность прямо какъ на доходъ и сами ни сколько не стѣсняясь, открыто и откровенно высказывали этотъ свой взглядъ въ своихъ челобитныхъ. Такъ, напримѣръ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ просился на Бѣлоозеро князь Звенигородскій. Хотя на Бѣлоозерѣ былъ тогда воевода на мѣстѣ, но князь представлялъ, что этотъ воевода живетъ на воеводской должности уже второй годъ и имѣлъ возможность составить себѣ состояніе, а онъ, князь, за-

должалъ и умираетъ съ голоду, и людишки его пропадаютъ на правежѣ. «Воеводы — говоритъ современникъ — не пользуются ни любовью, ни уваженіемъ въ народѣ; каждый годъ прибываютъ они на воеводство вновь свѣжи и голодны,—грабятъ и обираютъ народъ, не обращая вниманія ни на правосудіе, ни на совѣсть; а какъ окончатъ свой срокъ, то ѣдутъ къ отчету и отдаютъ часть своей добычи тѣмъ, которые ихъ повѣряютъ въ четвертяхъ и приказахъ».

Сила выборнаго управленія въ XVII вѣкѣ упала. Оно подчинялось всецѣло вліянію воеводъ и дьяковъ. Выборы производились подъ ихъ рукою и при томъ только богатыми членами общины. Понятно, что это были не выборы, а наборъ людей или заранѣе согласившихся молчать обо всемъ, или прямыхъ пособниковъ администраціи, такихъ же воровъ, какъ воеводы, дьяки и подъячіе ихъ. И ничего нѣтъ удивительнаго, что эти выборные нерѣдко превосходили воровствомъ даже тѣхъ, кому обязаны были своими выборными должностями и утвержденіемъ въ нихъ. Это было не выборное земское начало, а какое-то посмѣшище, издѣвательство въ дѣйствіи, на самомъ дѣлѣ, надъ принципомъ и идеей земскаго управленія и вообще земскаго выборнаго начала. Сохранились разсказы о подвигахъ такихъ выборныхъ по истинѣ невѣроятные, но когда мы знаемъ подъ чьимъ давленіемъ производились выборы и, вообще, во что они были обращены,—дѣло становится совершено понятнымъ и другимъ оно и не могло и быть.

Отъ всѣхъ подобныхъ злоупотребленій жители разбѣгались; пустѣли цѣлые посады и большія села. «Удивительно, говоритъ современникъ, какъ люди могутъ выносить такой порядокъ и какъ правительство, будучи христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно?..» Дѣйствительно, это на свѣжаго человѣка дѣйствовало должно быть ужасно. Онъ не могъ представить себѣ почему сильная и крѣпкая центральная московская власть не только мирилась съ подобнымъ порядкомъ, но, казалось, сама способствовала еще процвѣтанію его, точно полагала, что для ея существованія и силы необходимы всѣ эти издѣвательства надъ населеніемъ и всѣ эти старанія вывести его наконецъ изъ терпѣнія и заставить возстать, точно, казалось, въ Москвѣ дѣлали какой-то опытъ надъ терпѣніемъ народнымъ...

Вотъ въ чемъ была дѣйствительная причина успѣха Разинскаго возстанія и вотъ почему оно такъ жарко разгорѣлось и сразу почти охватило всю тогдашнюю Россію и если гдѣ и не разгорѣлось, то тѣмъ не менѣе и тамъ его ждало населеніе съ такою же жадностью и съ такимъ же нетерпѣніемъ. Достаточно было въ иныхъ мѣстахъ одного слуха, что «батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ» идетъ, или непремѣнно скоро придетъ и сюда, чтобы возставали немедленно же цѣлые уѣзды—помѣщиковъ-истязателей жгли, воеводъ,

дьяковъ и подъячихъ вѣшали. Но ни гдѣ и никогда при этомъ не заходило и рѣчи объ отдѣленіи отъ Москвы, о возвращеніи къ своей политической, независимой отъ Москвы самостоятельности— причины были вовсе не политическія, въ нихъ ничего политическаго даже и не было—былъ вопросъ о внутренней неурядицѣ сдѣлавшейся наконецъ невѣроятною, непереносимою, и терпѣніе у народа лопнуло, такъ какъ и его терпѣнію бываетъ предѣлъ.

II.

Тамбовскія и шацкія земли раньше были заселены мордвою. До сихъ поръ еще, говоритъ г. Дубасовъ, изслѣдователь тамбовскаго края, сохранилось множество селъ, деревень и урочищъ съ мордовскими названіями. Самое названіе губернскаго города Тамбова есть, по всей вѣроятности, мордовское. По-мордовски Тамбовъ значитъ омутъ. Не далеко отъ Тамбова есть рѣчка Нару-Тамбовъ. Справляясь съ мордовскимъ словаремъ, мы узнаемъ, что Нару-Тамбовъ означаетъ «травяные омуты», что какъ разъ подходитъ къ свойствамъ названной рѣчки. Въ 90 верстахъ отъ Тамбова есть село Пичаево. И это названіе несомнѣнно мордовское. Когда-то очень давно—говоритъ мордовская легенда—одинъ мордовскій князь кочевалъ на мѣстѣ этого села. Тутъ у него умерла любимая жена и въ память ея огорченный мужъ вырѣзалъ изъ дерева статую, Пичь-аву, т. е. сосновую бабу. Въ окрестностяхъ Тамбова и еще есть много мѣстностей, носящихъ мордовскія названія: Ляда, Итмай, Сюмоляй, Пичеяръ и другія.

Вскорѣ на мордву—коренное населеніе—нахлынули съ одной стороны русскіе, съ другой татары. Русскіе били татаръ, татары били русскихъ и тѣ и другіе вмѣстѣ били мордву. Наконецъ, русскіе окончательно осилили татаръ и завладѣли и мордовской землей, гдѣ ужъ начало къ тому времени осѣдать татарское населеніе, бывшее и тутъ сперва, разумѣется, кочевымъ. Русскіе, т. е. Москва, обращались съ татарами, т. е. покоренными татарскими князьками, мирзами и проч., не только любезно и деликатно, но даже, можно сказать, почти какъ по родственному, какъ съ соплеменниками и дорогими, и любезными сердцу своему родственниками. Всѣ эти князья, князьки, мурзы и проч. не только были признаны тотчасъ же въ правахъ своихъ, но и награждены еще, особенно тѣ изъ нихъ, которые были такъ благоразумны, что приняли вскорѣ христіанство, чтò, надо полагать, для нихъ не было особенно затруднительно, такъ какъ они въ христіанство шли даже очень охотно, понимая, что это очень выгодно. Благоразумная развязность въ такомъ вопросѣ, какъ дѣло совѣсти—вѣра, незамед-

лила вскорѣ принести имъ и еще бóльшіе плоды и еще больше сблизила ихъ съ Москвой: Москва начала буквально сыпать дворянскими и всякими жалованными граматами, помѣстьями, пашнями, сѣнными покосами, бортными угожьями, рыбными ловлями, крестьянами, бобылями, даже цѣлыми вотчинами. А мурзы, князья и князьки все это подбирали «подъ себя». «Се язъ — писалъ въ грамотѣ Василій III-й,—князь великій всеа Руси пожаловалъ есьма Микитку Васильева Мордвою въ кормленіе и во всѣ люди тое мордвы чтите его и слушайте». До сихъ поръ, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, почти всѣ уцѣлѣвшія дворянскія фамиліи татарскаго происхожденія. «Служилъ ты намъ подъ Тулою,—писалъ въ своей грамотѣ Шуйскій на имя мурзы Барашева—и взяли тебя въ полонъ и приветчи въ Тулу били кнутами и медвѣдемъ травили, и на башню взводили, и въ тюрьму сажали, и голодъ, и нужду всякую терпѣлъ, и съ Тулы пришелъ къ намъ съ вѣстьми. И мы, великій государь, царь и великій князь всеа Руси, велѣли есмы дати тебѣ жалованную грамоту на княженіе». «Мурзѣ князь Балаеву — писалъ въ своей грамотѣ Алексѣй Михайловичъ—ногаю Айкину да Артуганову—жалованье на дикое поле по 10 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ. А чтобы межъ ими впредь о той землѣ спору не было, первый рубежъ отъ рѣчки Воодрей на большую кудрявую березу, а отъ той березы, прямо на березу жъ, что подлѣ тальника, а отъ тое березы сквозь тальникъ на воловатую березу и до орлова гнѣзда».

Такимъ образомъ былъ образованъ и созданъ во вновь завладѣнномъ краѣ дворянскій элементъ. Но, надо полагать, прелестью и удобствами дворянскаго званія, благодаря царившему тогда въ краѣ хаосу, пользовалось гораздо еще большее число людей. Такъ, когда впослѣдствіи, на первомъ дворянскомъ собраніи, стали разсматривать доказательства на дворянское достоинство отъ дворянъ и мурзъ татарскаго происхожденія, то оказалось всего лишь 330 несомнѣнныхъ дворянскихъ фамилій, а претендендовавшихъ на таковыя было до трехъ тысячъ...

Но надо полагать, что многіе мурзы татарскіе, князья и князьки ранѣе еще принятія свѣта христіанскаго ученія приняли попеченія и заботы о своихъ крѣпостныхъ изъ русскихъ, которые были конечно всѣ христіане. Объ этомъ обстоятельствѣ сохранилась масса указаній. Князьки татары-магометане, а крѣпостные ихъ— русскіе христіане. И такой порядокъ, никого, повидимому, особенно не смущая (кромѣ разумѣется крѣпостныхъ, выносившихъ все это на себѣ), продолжался гораздо дольше и послѣ Стенькиной эпохи. Его кончилъ уже Петръ Великій: и «бусурманамъ крестьянами православной вѣры не владѣть. Владѣющіе же должны креститься конечно въ полгода», писалъ онъ въ своемъ указѣ. И татарское дворянство Тамбовской губерніи, владѣвшее все это время

крѣпостными христіанами въ согласіи или по недосмотру Москвы, разумѣется, усиленно начало просвѣщаться свѣтомъ христіанскаго ученія, не желая разстаться въ правомъ владѣть крѣпостными и пользоваться всѣми правами и удобствами, соединенными съ нимъ. Тутъ только крестились Енгалычевы, Ишеевы, Татаевы, Кашаевы и т. д., и т. д.

Помимо ужъ вообще неудобства такого порядка, были еще повидимому и другія, частныя, специфическія причины, дѣлавшія жизнь крѣпостныхъ у помѣщиковъ-магометанъ непереносимою. Русскіе мужики, бабы и дѣвки, пожалованные Москвою въ крѣпостные татарскимъ князькамъ, бѣгали отъ нихъ безъ числа, особенно дѣвки. Въ описи бумагамъ и дѣламъ, опубликованнымъ Рязанской архивной комиссіей, чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются такія заглавія дѣлъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно щекотливаго положенія бабъ и дѣвокъ у дворянъ татарскихъ князьковъ... Если жизнь крѣпостныхъ и у помѣщиковъ чисто русскаго происхожденія была не завидна и соблазнъ при первой же возможности выйти изъ такого положенія былъ великъ, то о положеніи крѣпостныхъ у помѣщиковъ-татаръ или татарскаго происхожденія и говорить нечего, во сколько разъ оно было болѣе тяжело: ко всѣмъ ужасамъ тутъ прибавлялись еще обычаи и привычки помѣщиковъ-магометанъ, освященные или по крайней мѣрѣ не воспрещенные ихъ закономъ и совершенно недозволенные и даже прямо запрещенные христіанскимъ ученіемъ, исповѣдывавшимся ихъ крѣпостными.

Но если пренебреженіе къ вопросамъ вѣры вмѣстѣ съ странными привычками и обычаями, вводимыми у себя въ имѣніяхъ помѣщиками-татарами, имѣло огромное значеніе въ глазахъ ихъ крѣпостныхъ изъ христіанъ, то сами помѣщики, этимъ нарушеніямъ и нововеденіямъ, повидимому, не придавали никакого особеннаго значенія и смотрѣли на это просто, какъ на развлеченіе и при томъ вполнѣ невинное.

Особенно выдѣлялся и отличался въ этомъ отношеніи дерзостью помѣщикъ князь Куланчакъ-Еникеевъ. На него даже жаловались царю Ѳедору Ивановичу, что отъ него житья нѣтъ: «Близь Пурдышевской пустыни Рождества Пресвятыя Богородицы и Василья Блаженнаго владѣетъ деревнею князь Куланчакъ-Еникеевъ, и люди его чинятъ намъ обиду и насильство великое и крестьянской вѣрѣ поругаются, на монастырь палками бросаютъ,—писали про него монахи,—а какъ ходимъ мы около монастыря со крестомъ по воскресеньямъ и по Владычнымъ праздникамъ и на ердань, и князь Куланчакова люди пріѣзжаютъ на коняхъ и крестьянской вѣрѣ поругаются, кричатъ и смѣются, и въ трубы трубятъ и по бубнамъ бьютъ, и въ смыки и въ даюры играютъ, и съ огнемъ подъ монастырь приходятъ и сжечь хотятъ, и пашню монастыр-

скую косятъ и дубы и борты тешутъ насильствомъ и отъ его Куланчаковыхъ людей прожить намъ впредь не мочно».

Надо однако сказать, что монахи того времени, какъ и вообще тогдашнее духовенство, гораздо ближе принимало къ сердцу свое матеріальное благополучіе, чѣмъ всякія страданія и даже мученія и истязанія своей паствы. До этой «паствы» имъ повидимому было также мало дѣла, какъ и татарскимъ князьямъ и мурзамъ. И монахи, и бѣльцы, и мурзы, смотрѣли на эту «паству» съ одной и той же въ сущности точки зрѣнія—какъ на свое достояніе, приносящее имъ доходы и прибыль. Заботы у тогдашняго духовенства объ облегченіи участи крѣпостного населенія было очень мало. Оно не прилагало въ этомъ отношеніи никакихъ стараній и относилось совершенно къ нему индиферентно, заботясь только объ увеличеніи своего матеріальнаго благополучія, выманивая и выклянчивая у казны себѣ лишь новые и новые «гоны», «бортьи» и «угодья» съ лѣсами, полями и проч. Всѣ тогдашнія заботы монастырскихъ настоятелей съ братіею были направлены исключительно въ одну сторону и именно вотъ въ эту. Цѣлыя страницы заняты этимъ клянченьемъ и нѣтъ ни одного указанія ни на одинъ случай заступничества и защиты за несчастное измученное населеніе со стороны бѣлаго или чернаго духовенства. Все только клянченье и клянченье у казны и еще жалобы на это же изстрадавшееся населеніе, что оно «малодоходно», мало приноситъ «пользы»!.. Эти отношенія духовенства къ паствѣ своей переходили иногда прямо во враждебныя, когда оно не только не заступалось за угнетенныхъ, прибѣгавшихъ къ нему искать защиты и заступничества, но рѣшительно и открыто становилось на сторону угнетателей и развратниковъ помѣщиковъ-татаръ и русскихъ, дѣлившихся съ духовенствомъ, особенно когда оно взяло засилье, конечно, щедрѣе вымотанныхъ и раззореныхъ ихъ крѣпостныхъ. У духовенства былъ для этого подъ рукой всегда готовый и удобный предлогъ отдѣлатся отъ заступничества, прибѣгавшихъ къ нему: власть помѣщиковъ утверждена правительствомъ и она законная: она, эта власть, отеческая, а какъ же дѣтямъ возставать противъ своихъ отцовъ? И такой образъ дѣйствій духовенства, истекавшій изъ побужденій чисто и исключительно наживныхъ, стяжательныхъ, принесъ результаты—плоды тоже чисто только наживные и стяжательные. Монастыри дѣйствительно росли не помѣрно быстро, умножаясь и въ своемъ числѣ. За стачку съ воеводской или помѣщичьей властью, за поддержку этой власти, за освященіе ея божескимъ происхожденіемъ, духовенство получало въ видѣ благодарности, или какъ пай въ общей прибыли, богатые дары и вклады, нажитые этой властью отъ спокойнаго владѣнія крѣпостнымъ населеніемъ. А когда, въ минуты душевныхъ сомнѣній, тяжкой болѣзни или въ предчувствіи близкой кончины, у притѣсни-

телей народа являлись пробужденія совѣсти и страхъ передъ загробной жизнью, въ виду неминуемаго отвѣта за всю неправду, содѣянную на землѣ—они жертвовали на монастыри, завѣщая имъ разныя «угодья», «гоны», «бортьи», лѣса, рыбные ловы и проч. Опять, значитъ, доходъ...

Но если такъ удачно и «находчиво» поступало духовенство въ практическихъ своихъ дѣлахъ, въ дѣлахъ собственно стяжательныхъ, оно много, такъ много, какъ нигдѣ, упустило и потеряло въ своихъ нравственныхъ интересахъ. «Бренное», стяжательное, собранное и «нажитое» такимъ образомъ не пошло въ прокъ. Пожили всласть монахи собственно перваго, начальнаго періода своей осѣдлости въ тамбовскихъ и шацкихъ земляхъ. Вскорѣ явился Петръ Великій и потребовалъ отъ нихъ, и очень сурово, обильной жертвы на алтарь отечества, нуждавшагося тогда въ томъ же самомъ, что такъ высоко цѣнили и они — въ матеріальныхъ благахъ.

Въ то же время, забвеніе своихъ нравственныхъ интересовъ, «невниманіе» къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, даже совершенное, можно сказать, запущеніе ихъ и, даже больше, корыстное, съ заранѣе обдуманными умыслами, недостойное и постыдное извращеніе ихъ, принесло такіе плоды, съ которыми еще ранѣе матеріальнаго погрома духовенству черному и бѣлому пришлось познакомиться и отвѣдать всю ихъ горечь...

III.

Измученное условіями крѣпостной обстановки и всякими неправдами, ненаходя нигдѣ и ни у кого себѣ защиты, населеніе могло отдыхать и находить себѣ утѣшеніе развѣ только въ духовной, созерцательной жизни, для которой не надо никакихъ монаховъ, бѣльцовъ. Изстрадавшееся населеніе искало въ этой полумистической духовной созерцательной жизни себѣ указаній и совѣтовъ для спасенія себя хотя бы въ загробной будущей жизни. Въ реальной, дѣйствительной жизни оно ужъ не надѣялось найти его; спасенью неоткуда было придти. Давили помѣщики свои же, русскіе, давили помѣщики и изъ татаръ, давили подъячіе и воеводы, давили помѣщики-архимандриты и настоятели монастырскіе. Даже терялась вѣра въ царя, такъ какъ всѣ эти неправды доходили до Москвы, покрывались тамъ, и не приходило оттуда никакого наказанія притѣснителямъ. Вѣра во всякую правду на землѣ пропала у населенія и оно обратилось, угнетенное, все къ созерцательной жизни. Спасеніе и услада будутъ тамъ, за гробомъ. Стоитъ думать только о томъ, чтò будетъ за гробомъ. Надо уготовить себѣ тамъ жизнь, а объ этой что ужъ думать...

«Секты развились у насъ,—говоритъ И. И. Дубасовъ,—главнымъ образомъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Тяжелая крѣпостная об-

становка невольно влекла изстрадавшееся крестьянство къ религіозной мистикѣ и фанатизму. Духовенство же своими дѣйствіями полицейскаго характера не только не умиряло толпу, а еще болѣе волновало. Отсюда происходило взаимное раздраженіе, роль котораго въ исторіи развитія тамбовскаго сектанства, по нашему мнѣнію, далеко не послѣдняя. При такихъ-то условіяхъ развивался мѣстный религіозный критическій анализъ. Люди, незабытые только тѣми, кто нуждался въ ихъ скудныхъ достояніяхъ, тамбовскіе крѣпостные и имъ подобные обыватели естественно искали отраду для своей горемычной жизни въ религіи и находили ее по своему».

И примѣровъ, подтверждающихъ эти слова г. Дубасова, въ его сочиненіи можно найти массу. Оно переполнено ими, хотя почтенный изслѣдователь, по миролюбію ли своему, по другимъ ли какимъ причинамъ, находящимся въ связи съ его скромнымъ служебнымъ положеніемъ въ провинціальномъ городѣ, постоянно дѣлаетъ оговорки, что лучше-де не говорить объ этихъ грустныхъ фактахъ... Эта вольная, или невольная, излишне деликатная застѣнчивость его дѣлаетъ однако то, что многіе, чрезвычайно характерные и важные факты представляются въ его изложеніи блѣдными и вялыми, отрывочными, тогда какъ чувствуется по общему ходу, что они были, напротивъ, яркими, рѣзкими и составляли звенья одной и той же безконечной цѣпи.

Тѣмъ не менѣе, г. Дубасовъ находитъ все же достаточно въ себѣ смѣлости, чтобы сказать о тамбовскихъ сектахъ, зародившихся у насъ и развившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ при вышеупомянутыхъ условіяхъ нижеслѣдующее:—«Съ половины XVII вѣка Тамбовскій край начинаетъ обращать на себя вниманіе разнообразіями и силою мѣстнаго раскола и сектъ. Съ теченіемъ времени это мистико-раціоналитическое и обрядовое своеволіе религіозной мысли все развивалось и усиливалось и Тамбовская губернія стала наконецъ такимъ краемъ, въ районѣ котораго по преимуществу выразилась рознь религіознаго сознанія...»

Удручающее, безвыходное положеніе загоняло мысль, искавшую объясненія окружающаго и спасенія отъ него, иногда въ ужасныя дебри. Явились секты варварскія, звѣрскія и совершенно безсмысленныя. Человѣкъ, живущій въ нормальныхъ условіяхъ экономическихъ, нравственныхъ и правовыхъ, не можетъ даже объяснить себѣ, какъ могли люди дойти до такого звѣрства и такого идіотическаго пониманія и представленія себѣ о путяхъ спасенія. Только отчаяніемъ, до котораго были доведены люди, и можно себѣ объяснить это. Въ частной обыденной жизни такіе случаи объясняются характерной пословицей: «утопающій хватается и за соломенку», какъ, быть можетъ, ни безсмысленно кажется это стоящему внѣ опасности, на берегу...

Движеніе это было такъ сильно, душевное угнетеніе было такъ обще, что даже люди, стоявшіе въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ несравненно выше всего населенія, первые два тамбовскіе архіерея, Леонтій и Игнатій, не удержались и поплыли тоже за всѣми по теченію...

Современное тогдашнее духовенство — черное монастырское и бѣлое—городское и сельское—очень близоруко посмотрѣло на дѣло. Кромѣ, конечно, несомнѣннаго участія тутъ дьявола, котораго надо изгонять всякими мѣрами, оно объясняло силу движенія не разореніемъ, не безпомощностью, не отчаяніемъ, до которыхъ было доведено наконецъ населеніе, а вообще его «буйственностью» и «своеволіемъ», наилучшими мѣрами противъ которыхъ должно быть то же самое, что и противъ дьявола, т. е. строгости, т. е. для тушенія пожара, начали подливать масло въ огонь. Результатъ получился указанный нами въ словахъ г. Дубасова, — чѣмъ стала наконецъ вскорѣ Тамбовская губернія въ сектантскомъ отношеніи.

Почтенный историкъ Тамбовскаго края прямо дѣлаетъ даже указанія на фактъ и называетъ дѣйствующихъ лицъ особенно отличившихся въ раздуваніи пожара, когда они думали, что они его гасятъ. Самое печальное при этомъ явленіи это то, что подобное грустное недоразумѣніе въ выборѣ средствъ для борьбы съ сектами и расколами продолжалось съ самаго начала и вплоть до самаго послѣдняго почти времени. Если еще получались для кого при этомъ результаты хотя сколько-нибудь положительные, то только для мѣстной полиціи и приходскаго духовенства, съумѣвшихъ изъ борьбы съ сектантами и раскольниками сдѣлать для себя неизсякаемый источникъ всяческихъ вымогательствъ и поборовъ. Но эти цѣли личныя и государство и церковь, конечно, не могли имѣть въ виду, т. е. желать ихъ, хотя они, конечно, должны были имѣть ихъ въ виду, т. е. понимать, что гоненія въ такихъ дѣлахъ, какъ дѣло вѣры, дѣло совѣсти, всегда приводятъ къ подобнымъ результатамъ и что гонители совѣсти въ подобныхъ случаяхъ и хитители—синонимы.

Дѣйствительно, въ то время мы видимъ только одинъ результатъ борьбы съ сектантами и раскольниками — это ихъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Удивительнымъ здѣсь является не то, что полуграмотное, воспитанное въ невозможно жестокихъ условіяхъ (бурса, семинарія и проч.) и далеко не образцово безкорыстное мѣстное духовенство въ союзѣ съ земской полиціей, набранной изъ отбросовъ помѣстнаго дворянства, стояли за продолженіе борьбы въ этомъ направленіи,—удивительно то, что этотъ же повидимому взглядъ раздѣляли и центральное управленіе церкви и государство, необращавшія, кажется, никакого вниманія на провѣрку донесеній мѣстныхъ церковныхъ управленій, изъ году въ годъ показывавшихъ въ своихъ донесеніяхъ одну и ту же

цифру сектантовъ, именно 9,000 для всей губерніи. Горькая правда въ концѣ концовъ открылась, разумѣется, но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слишкомъ уже поздно...

Какъ на образецъ удивительнаго хаоса, царившаго въ краѣ передъ наступленіемъ эпохи Стеньки Разина, собственно въ церковномъ тогдашнемъ управленіи, можно указать здѣсь на Черніевъ мужской монастырь, основанный старцемъ Матѳеемъ, въ XVI столѣтіи. «Это былъ, говорится въ очеркахъ Тамбовскаго края, въ сущности казачій монастырь. Сюда шла замаливать свои не малые грѣхи голутвенная казацкая вольница, буйная и непокорливая: сюда же несли свои достатки разбогатѣвшіе на разныхъ промыслахъ удальцы тихаго Дона. Ближайшею судебно-административною инстанціею для игумена и старцевъ Черніевой Матѳеевой пустыни былъ Черкасскій казачій кругъ съ атаманомъ во главѣ и уже черезъ нихъ нашъ древній монастырь входилъ въ сношеніе съ московскимъ правительствомъ».

Но это «вольное» происхожденіе монастыря было для него и причиною многихъ бѣдъ.

Исключительное положеніе Черніева монастыря вызывало противъ него усиленную вражду шацкихъ воеводъ и приказныхъ людей и это обстоятельство отзывалось на монастырской жизни крайне тяжело, что видно изъ слѣдующей казацкой отписки:

«Шацкіе служилые люди берутъ съ нашихъ монастырскихъ вотчинъ полоняночныя и ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ вдвое и втрое сверхъ царскаго указу и посылаютъ многихъ людей, а они емлютъ многія взятки и тѣмъ монастырскимъ людямъ чинятъ великое утѣсненіе и тюремное сидѣніе».

А съ другой стороны, случалось не рѣдко, что и самъ Донской покровитель мучилъ чернѣевскихъ монаховъ смертнымъ боемъ и ссылкою. Грабили воеводы съ приказными и подъячими съ одной стороны, грабили основатели и покровители — съ другой. Положеніе монаховъ очевидно было крайне затруднительное. Чернѣевскій игуменъ Моисей однажды жаловался даже въ Москву на казаковъ:

«И тѣ казаки, забывъ страхъ Божій, озорничали и неповинныхъ старцевъ били плетьми и ослопами безвинно и въ смиреніе сажали, а крестьянъ монастырскихъ съ женами и дѣтьми увозили на Хоперъ, на Донъ, и на Медвѣдицу, и про то вѣдаютъ старосты и выборные крестьяне. Да тѣжъ казаки въ кельяхъ изъ пищалей стрѣляли и въ гудки играли и въ ложки били и служилыхъ царскихъ людей плетьями били и монастырь запирали».

И такой порядокъ продолжался долго. Онъ кончился ужъ послѣ Разинскаго возстанія, въ которомъ чернѣевскіе монахи, не смотря на свое казацкое происхожденіе и на свою зависимость отъ казаковъ, не только не принимали участія, но, напротивъ, держали

прямо сторону московскаго правительства и помогали ему въ подавленіи возстанія своими средствами. Они израсходовали тогда на это дѣло около тысячи рублей.

Въ 1685 году Черніевъ монастырь былъ приписанъ къ Тамбову, отнятъ у казаковъ и отданъ «на пропитаніе преосвященному Питириму со всѣмъ его причтомъ вѣчно»...

Въ это время у чернѣевскихъ монаховъ образовалось довольно кругленькое состояньице: «638 крестьянскихъ дворовъ, земли 744 четы въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 2,540 копенъ, да лѣсъ черный со всякими угодьями, и съ раменьи, и съ перелѣсьемъ, и съ орловыми гнѣздами, и съ бобровыми гонами и съ лосиными стойлами»...

Все это тогдашній тамбовскій епископъ Питиримъ своевременно и на законномъ основаніи, не смотря на московскую волокиту, укрѣпилъ за собою, но продолжительнаго благополучія для монаховъ оттого однакожъ не воспослѣдовало. Двѣнадцать лѣтъ позже, когда Петръ потребовалъ отъ монаховъ «усердныхъ и обильныхъ жертвоприношеній на пользу отечества» и когда тѣ ему въ этомъ отказали, онъ очень просто покончилъ съ ними: епархію Тамбовскую велѣлъ закрыть, а монахамъ чернѣевскаго монастыря, которыхъ въ это время было 28 человѣкъ начали выдавать «по 2 р. на человѣка, да имъ же хлѣба по 5 четвертей каждому, соли по 2 пуда, масла конопляннаго по ведру и дровъ по одной сажени»...

А сосѣдній Козловскій женскій монастырь въ это время впалъ «въ современное нищенство и только городъ Козловъ помогалъ ему изъ кабацкихъ сборовъ»...

IV.

Ко всѣмъ этимъ тягостямъ, административнымъ, судейскимъ и духовнымъ, которыя переносилъ несчастный край, слѣдуетъ еще, для безпристрастной и полной картины, прибавить безпрерывныя, одно за другомъ слѣдовавшія, нашествія непріятельскія, отъ которыхъ всѣ это обильныя, и даже излишне обильныя власти, поставленныя Москвою, не оберегали населенія ни мало, а можетъ быть и не были въ состояніи оберегать.

Изъ года въ годъ, даже по нѣскольку разъ въ одинъ и тотъ же годъ, слѣдовали на край — Тамбовскій и Шацкій — набѣги то татаръ, то калмыковъ, то просто воровскихъ людей съ Дона и даже неизвѣстно откуда. Всѣ эти набѣги характеризуются въ современныхъ сказаніяхъ болѣе или менѣе одинаково и только изъ болѣе пространнаго, или менѣе, описанія ихъ можно судить, что такое-то нашествіе было болѣе жестоко и губительно, а такое-то менѣе.

Набѣгали татары: крымскіе, ногайскіе, кубанскіе и азовскіе и калмыки. «Не разъ, говоритъ тамбовскій историкъ, внезапно и стремительно прорывали они наши валовыя крѣпости, избивая

засѣчныхъ и иныхъ стражей и съ гикомъ и съ дикими возгласами появлялись скуластыя и ускоглазыя калмыцкія лица передъ самыми крѣпостными тамбовскими воротами, смущали наши малосильныя воинскія команды и ихъ воеводъ... Звонили у насъ тогда въ набатный колоколъ тревогу, становились пушкари, пищальники и стрѣльцы на стѣнахъ и башняхъ, близь главныхъ воротъ выравнивались на всякій случай конные и пѣшіе, а въ соборной Преображенской церкви служили молебны до тѣхъ поръ, пока азіатскіе кочевники не уходили обратно въ свои приволжскія кочевья»...

Калмыки очень скоро, какъ только откочевали изъ Китая, принялись за Тамбовскій край. Они откочевали изъ Китая въ 1630 году, а лѣтъ черезъ двадцать, и даже менѣе того, они уже вмѣстѣ грабили и Шацкую, и Тамбовскую провинціи, не встрѣчая, повидимому, никакого себѣ сопротивленія. Все что дѣлало московское правительство—это откупалось отъ нихъ: средство, какъ извѣстно, мало очень дѣйствительное, скорѣй даже подзадоривавшее ихъ на новые набѣги, развивавшее только въ нихъ аппетитъ, посѣявшее въ нихъ увѣренность въ безсиліи Москвы оберегать отъ нихъ свои окраины.

Калмыковъ откочевало изъ Китая 50,000 кибитокъ и всѣ они откочевали къ Волгѣ. Историкъ Тамбовскаго края говоритъ объ нихъ по поводу ихъ набѣговъ: «Такимъ образомъ отплатили они Русскому государству за гостепріимство. И мы не знаемъ чему въ данномъ случаѣ болѣе удивляться: необузданной ли наглости полудикихъ азіатовъ, или же чрезмѣрной терпѣливости и уступчивости московскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами фактъ, (т. е. ихъ постоянные и дерзкіе набѣги), изъ исторіи нашихъ отношеній къ калмыкамъ долженъ быть объясненъ между прочимъ тѣмъ, что въ XVII столѣтіи правительственная энергія почти исключительно расходовалась внутри государства, а для окраинъ ея уже не хватало»...

Это, однако, не совсѣмъ такъ. Московское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ калмыкамъ энергію проявляло, но только не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало, употребляло не тѣ пріемы, а потомъ, и это главнѣйшее, люди, которымъ оно поручало проявлять эту свою энергію, были по большей части такіе же точно воры и грабители, какъ и сами калмыки, и они скорѣе подражали имъ въ ихъ пріемахъ, чѣмъ уважали или боялись ихъ. Представители Московскаго государства поступали, напримѣръ, такъ: «Въ самый разгаръ Разинскаго бунта умеръ калмыцкій ханъ Пиццукъ, наслѣдовалъ ему Аюка. На слѣдующій же годъ онъ истребилъ подъ Астраханью цѣлый стрѣлецкій полкъ». Начались съ нимъ переговоры. «Тогда Аюкъ-тайша и всѣ приволжскіе калмыцкіе тайоны и князьки дали Астраханскому воеводѣ боярину князю Якову Никитичу Одоевскому клятвенное обѣщаніе прямить и служить

великому государю и съ пограничными воеводами быть въ любви и согласіи. За это царь Алексѣй Михайловичъ ихъ пожаловалъ, повелѣлъ выдавать калмыкамъ ежегодное денежное жалованье, но нѣкоторые астраханскіе и царицынскіе воеводы были такъ разсѣянны, что калмыцкое жалованье удерживали у себя. Бывало и хуже. Такъ, однажды, ѣхавъ изъ Астрахани въ Москву, бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій съ ратными людьми и межъ Чернаго Яру и Царицына калмыцкій улусъ и калмыцкихъ людей погромили да въ полонъ взяли 15 человѣкъ, да онъ же взялъ 50 лошадей и коровъ, и барановъ, и то учинивъ умысля съ княземъ Одоевскимъ».

Вслѣдствіе этого, немедленно начались со стороны калмыковъ новые сильные набѣги.

Такой порядокъ доводилъ населеніе, и безъ того разоренное и удрученное всякими домашними тяготами, до совершеннаго ужъ отчаянія: «Многихъ людей, говоритъ лѣтописецъ, имали и побивали и арканомъ въ плѣнъ волочили, отговариваясь передъ царскими гонцами (калмыки) тѣмъ, что царскаго обѣщаннаго жалованья они не получали. И отъ тоя непрестанныя войны крестьяне оскудѣли въ конецъ и врознь брели».

И сколько московское правительство не расходовало своей «энергіи», сколько своихъ князей и бояръ съ деньгами и дарами къ калмыкамъ ни посылало, толку все не выходило, потому что все ограничивалось одними канцелярскими формальностями, написаніемъ и подписаніемъ договоровъ, потомъ пьянствомъ и, въ довершеніе всего, нарушеніемъ мирныхъ договоровъ, тутъ же, сейчасъ же вслѣдъ за подписаніемъ ихъ, самими посланными князьями и боярами.

Такъ тянулось все XVII столѣтіе. Воеводы, князья и бояре, посланные Москвы, только упражнялись въ это время въ канцелярскомъ краснорѣчіи, съ которымъ составляли договоры. Точно, чѣмъ витіеватѣе и напыщеннѣе будетъ составленъ договоръ, который они привезутъ съ собой, тѣмъ въ Москвѣ ему будутъ болѣе рады и оцѣнятъ ихъ заслуги и старанія. Такія же точно произносились при этомъ и рѣчи. Нѣкоторыя изъ нихъ не знаешь просто какъ и понимать—отъ ироніи онѣ такія, или отъ пьянства и безумія.

И Москва оставалась всѣмъ этимъ, повидимому, довольна. Такой порядокъ тянулся вплоть до Петра — ужъ онъ его кончилъ. Калмыки при немъ сдѣлали на Тамбовскій и Шацкій край набѣгъ, много селъ и деревень пожгли, жителей помучили и увели въ плѣнъ. Онъ послалъ разъ, два сказать, чтобы этого не было. На третій разъ онъ покончилъ ужъ по своему...

Говоря собственно о населеніи, о народѣ населявшемъ Тамбовскую и Шацкую провинціи, тамбовскій историкъ говоритъ:

«Большинство тамбовско-шацкаго населенія, по старой привычкѣ, выносило свою судьбу, но иные не мирились съ своимъ положеніемъ и бѣжали босые и нагіе, на вѣкъ покидая свои дома и семьи, или же забирали съ собою и самыя семьи, оставляя на родинѣ совершенную пустошь. Бѣжали старики и дѣти, забывая немощи своего возроста».

Наибольшій контингентъ бѣглыхъ доставляли все-таки барскія вотчины.

И. И. Дубасовъ, много потрудившійся для освѣщенія прошлаго Тамбовской губерніи, говоритъ, что однажды въ губернскихъ архивахъ, разбирая связки дѣлъ о бѣглыхъ, ему между ними попалась одна, въ которой было до двухсотъ прошеній явочныхъ и вотчинныхъ бѣглецовъ и всѣ одного и того же года. «Крѣпостные бѣжали, по словамъ нашихъ документовъ, говоритъ онъ, съ голоду и отъ несносныхъ побоевъ». Бѣжали дѣти и древніе, совсѣмъ дряхлые старики и старухи. Сохранилось извѣстіе объ одной бѣглой старухѣ помѣщика Перепечина, Анисьи Акимовой, которой въ годъ ея побѣга съ барской усадьбы было 80 лѣтъ. «Значитъ желанія свободы и условія этого желанія былю слишкомъ сильны!» замѣчаетъ историкъ. Между прочими причинами частыхъ побѣговъ былъ и обычай помѣщиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ «въ розницу»—родителей въ однѣ руки, дѣтей въ другія.

Не довольствуясь всякимъ безчинствомъ и грабежами у своихъ крестьянъ, многіе помѣщики образовывали тогда шайки и съ ними ходили грабить сосѣдей и окрестныя села и даже пригороди. Противъ нихъ надо было иногда посылать воеводамъ цѣлые отряды. Сохранилось извѣстіе объ одномъ помѣщикѣ Карѣевѣ. Его очень часто ходили смирять командами, но «онъ чинился тѣмъ командамъ весьма противенъ и за тою его противностью была въ поимкѣ воровъ крайняя остановка».

Одновременно съ нимъ по Окѣ занимался грабежемъ помѣщикъ Самсоновъ. Онъ грабилъ купеческія и казенныя суда.

Подъ Темниковымъ грабилъ помѣщикъ Кашаевъ.

Даже помѣщицы выходили на разбойничье поприще. Такъ особенно отличалась княгиня Марья Алексѣевна Енгалычева. Между прочимъ, она съ своей шайкой однажды напала на людей Савельева и ихъ ограбила и «била ихъ дубьемъ смертнымъ боемъ и сняла съ нихъ господскихъ денегъ шестнадцать рублей, да шубу новую, цѣна 2 рубля, кушакъ новый верблюжій, цѣна 30 коп., да шапку съ рукавицами, цѣна 50 коп.».—«И стали мы отъ тое лютости едва живы — разсказывали они потомъ — а наижесточае билъ насъ княгининъ дьячекъ Силантій Семеновъ».

Въ другой разъ княгиня Марья Алексѣевна ночью напала на соннаго помѣщика Веденяпина, заѣхавшаго по дорогѣ переночевать къ своей знакомой помѣщицѣ Чурмонтѣевой. «И въ то чи-

сло,—жаловался онъ потомъ на Марью Алексѣевну,—въ полночь къ оной вдовѣ Чурмонтѣевой пріѣхала воровски княгиня Енгалычева съ людьми своими и со крестьяны и съ попомъ своимъ Семеномъ Акимовымъ да съ дьячкомъ Силантіемъ Семеновымъ, и связавъ меня били смертно и топтали и деньги 70 рублевъ моихъ отняли, и лошадь мерина гнѣдого отнялижъ...»

Княгиня Енгалычева въ этомъ отношеніи была не единственная въ своемъ родѣ: одновременно съ нею упоминается между прочими помѣщицами-воительницами еще и какая-то помѣщица Моисеева. «Въ разные мѣсяца и числа деннымъ, и ночнымъ временемъ съ ружьями и со всякимъ дреколіемъ,—писали про нее,—та Моисеева, съ своими дворовыми умышленно, какъ разбойники, пріѣзжаетъ и безъ всякаго милосердія бьетъ и разоряетъ напрасно и то чинитъ со многими почастно...»

Не отставали отъ помѣщиковъ и помѣщицъ въ этомъ отношеніи и духовныя особы.

Кромѣ вышеупомянутыхъ атамановъ енгалычевской шайки, дьячка Силантія Семенова и попа Семена Акимова, дѣйствовавшихъ подъ княгининымъ началомъ, имѣется многое множество случаевъ грабежей и разбоевъ, произведенныхъ духовными особами за свой такъ сказать личный счетъ и совершенно самостоятельно.

Такъ, напримѣръ, въ шацкихъ лѣсахъ грабилъ и особенно отличался дьячекъ Өедоръ Поповъ съ братьями. Въ его же шайкѣ отличались: попъ Степанъ и дьяконъ Иванъ, оба съ своими дѣтьми церковниками. По ночамъ эти «духовныя особы» выходили изъ лѣсовъ «и всѣ тѣ люди съ рогатинами ходили по селамъ и чинили разбой и огнемъ людей жгли и было отъ нихъ огненное хоромное запаленіе».

А въ другомъ углу шацкихъ лѣсовъ въ это же время грабилъ попъ села Сосновки съ своимъ братомъ и дѣтьми. Въ полночь уѣдутъ на грабежъ, а къ утру вернуться и все время потомъ и пьянствуютъ.

Въ Темниковѣ былъ такой случай. «Однажды въ деревню Кяргу пріѣхалъ съ солдатами протопопъ миссіонеръ Казанскій. Не долго думая и не тратя краснорѣчія, онъ приказалъ своимъ спутникамъ вязать кяргинскую мордву и приготовился насильно крестить ее. Такая проповѣдь язычникамъ не понравилась и они съ трудомъ отбились отъ протопопа и ускакали въ лѣсъ. Между тѣмъ имуществомъ ихъ вполнѣ воспользовался Казанскій».

Даже цѣлые монастыри выходили на разбой и грабили крестьянъ. «Саровской пустыни строитель Ефремъ съ братіею,—жаловались сосѣдніе починковскіе крестьяне,—завладѣлъ нашею мельницею на рѣкѣ Сошѣ и травятъ тѣ саровскіе монахи собаками овецъ нашихъ, гусей и утокъ, отняли у насъ рыбную ловлю

въ устьѣ Сатоса, завладѣли нашими сѣнными покосами, и еще владѣютъ нагластно дачами нашими на рѣкѣ Пущѣ и лубки и мочалы наши свезли».

Историкъ тамбовскій по поводу всего этого замѣчаетъ: «Въ числѣ народныхъ обидчиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія въ это время не послѣднее мѣсто занимали и монастыри и приходское духовенство...»

И все это тогда—всѣ эти насилія, грабежи и разбои—помѣщикамъ, духовнымъ, подъячимъ и воеводамъ, сходило съ рукъ благополучно, какъ будто всему этому такъ и должно было быть и они на это имѣютъ право. Простыхъ же и бѣглыхъ людей, попадавшихся въ лѣсахъ, въ разбойномъ дѣлѣ, привозили въ Шацкъ къ допросу и тогда, какъ на торжество какое или на представленіе, всѣ собирались на городскую площадь «и смотрѣли какъ вырѣзывали людямъ ноздри и клеймили имъ лбы и какъ полосовали ихъ плетьми и батогами».

Особенно прославился въ то время въ Шацкѣ заплечный мастеръ Молоствовъ. «Это былъ человѣкъ отличавшійся крайнею жестокостью и въ свое суровое время исполнявшій свои обязанности съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ убилъ своего сына-младенца и питался молокомъ своей жены, грудь которой сосалъ до крови...»

Вотъ какими воспитательными зрѣлищами «умиротворяли» ограбленное, разоренное, измученное населеніе, надъ которымъ, вмѣсто удовлетворенія его нуждъ, еще издѣвались и глумились...

V.

Сѣверная часть Тамбовской провинціи, въ тогдашнее время—теперешніе уѣзды Шацкій, Кадомскій и Темниковскій—представляла почти сплошное лѣсное пространство. Теперешніе уѣзды Тамбовскій, Моршанскій и Козловскій, были тоже покрыты лѣсами, но уже не такими сплошными и непроходимыми. Сосѣдніе уѣзды нынѣшнихъ Рязанской и Пензенской губерній были также лѣсные. На всемъ этомъ пространствѣ было житье всѣмъ тѣмъ, кто вольно или невольно хотѣлъ жить звѣриной жизнью и отказывался отъ общества и отъ общины.

И лѣса эти были заселены. Въ нихъ жили, укрываясь какъ звѣри, бѣглые крѣпостные, «воровскіе казаки», всякій сбродъ, промышлявшій ночами подъ ближними селами и усадьбами. Наконецъ, жили въ нихъ бѣглые «духовныя особы» и скрывавшіеся отъ безпрестаннаго «сидѣнья въ осадахъ» дворяне и дѣти боярскіе. Впослѣдствіи ужъ, гораздо позже, въ нихъ же начали скрываться и проживать дѣти боярскіе, не желавшіе учиться и служить.

Передъ Стенькинымъ возстаніемъ населеніе этихъ лѣсовъ было особенно сильно. Тамъ скопилось и жило десятки тысячъ всякаго народа, озлобленнаго, отчаяннаго, готоваго примкнуть къ какому угодно протесту противъ существующаго общественнаго и государственнаго строя, въ который они ужъ извѣрились и отъ котораго не ждали для себя ничего лучшаго и въ будущемъ.

Всѣ попытки выманить ихъ оттуда обѣщаніями и посулами не приводили ни къ чему, а выгнать силою у помѣщиковъ, приказныхъ и воеводъ, не хватало на это ни средствъ, ни силы.

Было нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, но они всѣ ни къ чему не приводили, кромѣ какъ къ новому и еще большему раздраженію населенія и новымъ побѣгамъ въ лѣса.

Съ другой стороны, съ этимъ лѣснымъ населеніемъ, ожесточеннымъ, озлобленнымъ и одичавшимъ, было и не безопасно вступить въ открытыя враждебныя отношенія... Оно собиралось тогда въ шайки, въ цѣлыя банды и подъ предводительствомъ атамановъ дѣлало оттуда набѣги, жестоко мстя за свое безпокойство своимъ грабителямъ и утѣснителямъ, отъ которыхъ оно туда, въ эти лѣса, ушло.

Такъ, однажды, это лѣсное населеніе не побоялось напасть даже на самого шацкаго воеводу Карташева въ самомъ городѣ Шацкѣ, и онъ едва спасся изъ своего дома.

Понятно, что, рàно или поздно, существовавшему тогда общественному и государственному строю предстояло неминуемо придти съ этимъ лѣснымъ и бродячимъ населеніемъ въ столкновеніе и свести жестокіе счеты.

Но представители власти и законнаго порядка, зная очень хорошо всю трудность подобной задачи, не торопились съ этимъ дѣломъ и только такъ, больше для проформы, чѣмъ для острастки, дѣлали по окраинамъ лѣсовъ нѣчто въ родѣ военныхъ прогулокъ и захваченныхъ одинокихъ бѣглыхъ и разбойныхъ людей, какъ сказано было выше, приводили на городскія площади и тамъ, болѣе въ назиданіе мирныхъ гражданъ, чѣмъ для дѣйствительной пользы, мучили и истязали.

На лѣсное населеніе все это нисколько не дѣйствовало или если и дѣйствовало, то совершенно обратно тому, какъ этого бы было желательно, и ни набѣги, ни разбои, оттого нисколько не прекращались.

Московская центральная власть, до которой все же доходили слухи о разбояхъ и грабежахъ, о бѣглыхъ и воровскихъ людяхъ, собиравшихся въ банды и цѣлыя скопища, дѣлала предписанія мѣстнымъ тамбовскимъ и шацкимъ воеводамъ ходить на нихъ и разбивать ихъ, и ловить ихъ, но ни средствъ на это не давала, ни указывала откуда ихъ взять. Воеводы объ этомъ отписывали и дѣлали вотъ такія невинныя военныя прогулки по опушкамъ.

Да если бы воеводы и проникали далеко, въ глубь лѣсовъ, и ловили бы, и разбивали бы скопища, собравшіяся тамъ, то, все равно, изъ этого ничего бы не выходило, такъ какъ общественный и государственный строй тогдашній безпрестанно и все больше и больше поставлялъ туда обиженныхъ и недовольныхъ, потому что и самихъ обидчиковъ становилось съ каждымъ годомъ все больше и больше: помѣщиковъ все прибавлялось, подъячихъ расплодилось видимо-не-видимо...

Додуматься до простого и разумнаго соображенія, что нечего считаться съ послѣдствіями, и это даже совершенно безполезно, пока не устранены причины, порождающія эти послѣдствія, въ Москвѣ не хотѣли, или не могли, тогда по причинамъ, имя которымъ легіонъ.

Такъ дѣло и стояло.

Въ лѣсахъ и на рѣкахъ образовалось и укрѣпилось совершенно особое населеніе, понятія о которомъ ни у кого не было при удѣльныхъ князьяхъ, спеціально и специфически обязанное своимъ происхожденіемъ Москвѣ и московскимъ порядкамъ, и жившее на соблазнъ и искушеніе всему остальному мирному и покорному населенію городовъ, полянъ, и всякихъ открытыхъ и неудобныхъ для «буйственнаго скопленія» мѣстъ.

Соблазнъ этотъ и искушеніе для мирнаго и покорнаго населенія былъ великъ.

Оттуда, изъ лѣсовъ, во-первыхъ, приходили ихъ грабить «буйственные» и «воровскіе» люди, слѣдовательно, оно, это мирное и покорное населеніе, содержало ихъ, и, потомъ, они же эти «буйственные» съ дерзостью и глумленіемъ, смѣялись надъ ними, говоря:

— Ну, что вы тутъ сидите, чего вы боитесь, холопы вы, подлые трусы, по дѣломъ вамъ, такъ вамъ и надо.

И ничего имъ не могло отвѣтить кроткое и терпѣливое, покорное, остававшееся вѣрнымъ, населеніе на ихъ зажигательныя рѣчи, потому что выходило, повидимому, такъ, что и въ самомъ дѣлѣ бояться было нечего.

— Вѣдь, вы видите, бояться нечего, мы грабимъ васъ, а не вы насъ. Вы содержите и помѣщиковъ вашихъ, и воеводъ, и подъячихъ, и приказныхъ, и не могутъ они васъ, кормильцевъ своихъ, защитить отъ насъ и даже самихъ себя не могутъ защитить.

Зажигательныя эти рѣчи дѣйствовали, во-первыхъ, потому, что у этого кроткаго и остававшагося вѣрнымъ населенія, при всей его покорности, все же на сердцѣ, на душѣ и на спинѣ наболѣло ужъ достаточно, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ: кормятъ, поятъ, содержатъ они всѣхъ этихъ воеводъ, помѣщиковъ, подъячихъ и приказныхъ, а они защитить не могутъ даже и самихъ себя. Лучше, чѣмъ работать да содержать и кормить и тѣхъ и другихъ—и вое-

водъ, и помѣщиковъ съ одной стороны, и разбойныхъ и бѣглыхъ людей—съ другой,—пойти самимъ туда въ лѣса и то же самое дѣлать, зажить той же жизнью, какъ и бѣглые, и воровскіе люди...

Вопросъ этотъ, такимъ образомъ, становился вездѣ, повсемѣстно, давно уже, и становился ребромъ, потому-что «буйственные» и «воровскіе люди», предлагая его къ добровольному и свободному разрѣшенію, не всегда долго давали размышлять и ждали отвѣта, а прямо и просто уводили съ собою «на низы» и въ лѣса колеблющихся и нерѣшающихся.

— Насъ били, мучили, огнемъ жгли, всячески истязали и въ неволѣ держали, — говорили въ свое оправданіе эти уведенные, когда они потомъ попадались, или ихъ изловятъ, или сами всстосковавъ о семьяхъ своихъ, возвращались въ свои села и деревни, но это не всегда и не со всѣми такъ было; воеводы, подъячіе и помѣщики знали это очень хорошо и, конечно, не довѣряли имъ.

И это лѣсное и рѣчное, голодное, озлобленное населеніе увеличивалось изъ года въ годъ, становясь изъ года въ годъ сильнѣе и смѣлѣе поэтому. Обнищалые дворянчики, утекая отъ царскаго московскаго или мѣстнаго воеводскаго гнѣва, разстриги попы и просто виноватые въ дерзости или проворовавшіеся, а также и опытные въ «воровскихъ» дѣлахъ казаки съ низовьевъ Дона, бѣжавшіе почему-либо отъ своего мѣста и нашедшіе теперь пріютъ въ этомъ угрюмомъ и отчаянномъ населеніи, верховодили въ немъ, сплачивая его по временамъ въ банды и шайки для отдѣльныхъ, разрозненныхъ случаевъ грабежа, нападеній или отраженія нападеній на себя самихъ со стороны воеводъ и властей.

Матеріалъ для возстанія, для всякой дикой расправы съ притѣснителями и съ властями, которые этимъ притѣснителямъ покровительствовали, а въ большинствѣ случаевъ и сами были притѣснителями,—давно ужъ былъ готовъ. Отдѣльныхъ случаевъ организованнаго отпора царившему произволу и насилію сильныхъ и богатыхъ надъ бѣдными было множество и почти всѣ они были удачны. Дерзость, ушедшаго въ лѣса и въ степи населенія отъ этихъ удачъ, весьма понятно, росла. Сознаніе, что терять нечего, что хуже теперешняго ужъ положенія ничего и придумать нельзя, укрѣпляло рѣшимость на самыя отчаянныя попытки, посчитаться и съ своими притѣснителями и съ властями, у которыхъ эти притѣснители были въ охранѣ.

Не доставало только одной общей, связующей всѣхъ, центральной силы, которая бы объявила свой планъ, програму, и подняла бы знамя для общаго и повсемѣстнаго со всѣхъ сторонъ нападенія на угнетателей и на ненавистную за попустительство и за участіе въ притѣсненіяхъ власть.

Такой, объединяющей всѣхъ недовольныхъ, угнетенныхъ и обиженныхъ, силой, объявился казацкій атаманъ Разинъ, котораго

власти, помѣщики и подъячіе называли «Стенькой», а казаки и народъ «батюшкой Степаномъ Тимоѳеевичемъ». Онъ идетъ съ совершенно опредѣленной програмой: помѣщиковъ, поповъ и подъячихъ вѣшать и жечь, имѣнія ихъ и имущество грабить и брать себѣ, а народъ объявлять вездѣ вольнымъ и устроивать его на вольный казацкій манеръ. И идетъ онъ не самъ по себѣ, а сопровождаетъ царевича Алексѣя Алексѣевича, бѣжавшаго отъ жестокостей царя-отца своего, утѣснявшаго его всячески по навѣтамъ бояръ, которые совсѣмъ съ толку сбили царя и властвуютъ имъ, какъ хотятъ. Идетъ, плыветъ по Волгѣ вверхъ и патріархъ Никонъ, который тоже стоялъ за народъ и за старую вѣру, и которую тоже, какъ свою помѣху, бояре вмѣстѣ съ духовными свергли, но онъ спасенъ отъ нихъ и теперь идетъ, благословляя за свободу и за вѣру.

Эти слухи, распускаемые «прелестными» людьми, встрѣчались жадно въ лѣсахъ и имъ внимали, какъ давно жданной и благословенной вѣсти о свободѣ и разгулѣ, которыми потѣшатся наконецъ надъ своими утѣснителями загнанные и обиженные. Обобранное, поруганное населеніе селъ и деревень, еще хранившее кое какъ, страха ради и отупѣнія, свою покорность, внимало имъ съ затаенной радостью въ сердцахъ, и вѣря и не вѣря въ скорое свое освобожденіе.

Начали получаться воеводами въ городахъ угнетеннаго края грамоты изъ Москвы, въ которыхъ говорилось, чтобы «Божіимъ и нашимъ государевымъ дѣломъ промышляли сопча и про вора и измѣнника про Стеньку Разина и про воровскихъ казаковъ провѣдывали всякими мѣрами и промыслы и поиски надъ ними чинили».

Грамоты эти въ секретѣ оставаться не могли, слухи объ нихъ проникали изъ приказныхъ избъ въ населеніе осѣдлое и «убѣжавшее» и только подтверждали слухи, распускаемые бѣглыми людьми и казаками, вызывая общую радость.

Скоро стали появляться люди, разсказывавшіе, что своими глазами видѣли плывшіе по Волгѣ струги—одинъ краснымъ бархатомъ покрытый и на немъ царевича Алексѣя Алексѣевича, а другой крытый чернымъ бархатомъ и на немъ великаго патріарха Никона. И провожаетъ ихъ «батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, а силы его и не счесть»...

Переполохъ, который начался по городамъ послѣ полученія этихъ грамотъ и со всѣхъ сторонъ доходившихъ вѣстей о могуществѣ и побѣдахъ надвигавшейся по Волгѣ силы, дѣйствовали на населенія и мирное, и бѣглое, тѣмъ рѣшительнѣе, что всѣ отлично знали то безпомощное и убогое состояніе, въ которомъ находились средства сопротивленія и защиты у этихъ городовъ, и начавшихъ собираться для отсиживанія въ нихъ бояръ и дворянъ съ своими семьями и челядью, очень сомнительной преданности.

Населеніе—есть прямое указаніе на это—знало отлично отписки воеводъ въ Москву въ отвѣтъ на эти грамоты. Эти отписки были жалкаго, убогаго характера: признавалась полная невозможность сопротивленія, выражалось уже не подозрѣніе остававшагося еще мирнымъ осѣдлаго населенія въ вѣрности, а прямо увѣренность въ непремѣнной его измѣнѣ, при первомъ появленіи Стенькиныхъ передовыхъ бандъ.

Воеводы писали о своихъ силахъ просто повидимому невѣроятное даже. Въ одномъ городѣ оказывалось «сорокъ пищалей и семь пистолей», въ другомъ «пятнадцать мушкетовъ» и т. п. Въ такихъ же приблизительно размѣрахъ были и запасы свинца и «зелья», т. е. пороха. Жалоба на недостатокъ оружія и на полную ненадежность населенія и мѣстной воинской силы была общая у всѣхъ у нихъ и всѣ они только и молили, что о скорѣйшей присылкѣ и того и другого.

Но и понимая всю опасность пустить въ этотъ край Стеньку или его атамановъ, московское правительство все-таки было безсильно оказать воеводамъ немедленную и сколько-нибудь серьезную помощь. Оно все писало имъ, чтобы они собирали «безъ всякаго мотчанья дворянъ и дѣтей боярскихъ», вооружали ихъ и вели съ собою противъ «воровъ и воровскихъ казаковъ, забывшихъ Бога и его, государеву, милость, чинить промыселъ и розыскъ».

А дѣти боярскіе и дворяне шли отъ этого на утекъ и охотнѣе прятались въ лѣсныхъ трущобахъ, чѣмъ соглашались выступать въ бой съ казаками и воровскими людьми, ни малѣйше не сомнѣваясь въ своемъ пораженіи и будучи въ то же время убѣждены въ неминучей своей казни, какъ только попадутъ въ руки къ «вору Стенькѣ» на расправу.

Кое-что только Москва могла выслать и высылала. Такъ она выслала незначительный отрядъ иноземцевъ, бывшихъ и тогда уже у насъ на службѣ и потомъ прислала въ Тамбовъ офицеровъ-начальниковъ: «1 полковника, 1 маіора, 7 ротмистровъ, 1 капитана, 10 поручиковъ, 1 квартирмейстра, 10 прапорщиковъ, 1 адъютанта, всего 32». Всѣ они были отосланы изъ Иноземнаго Приказа.

Были присланы также и тоже въ незначительномъ числѣ и московскіе стрѣльцы.

Организація всѣхъ остальныхъ силъ была предоставлена самимъ мѣстнымъ воеводамъ и изъ мѣстнаго же населенія.

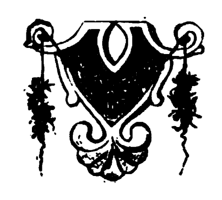
Москва однако прислала знамена, шнурки, кисти, бахрому и проч. для войска. Такъ было прислано вмѣстѣ съ «квартирмейстрами», «поручиками» и пр.» «10 знаменъ рейтнерскихъ съ древками, и въ томъ числѣ одно знамя камчатное бѣлое, въ серединѣ крестъ и звѣзда, камчатное черное да 9 знаменъ тафтятыхъ тоусинныхъ въ серединѣ крестъ и звѣзда, тафтянное жъ бѣлое,

около знамени бахромы шолковыя разныхъ цвѣтовъ, да къ тѣмъ же знаменамъ 10 снуровъ шелковыхъ съ кистями и съ ворвоки; 10 трубъ мѣдныхъ съ завѣсы и съ шнуры, а завѣси у нихъ тафтяныя, бахрамы тонкія, трои литавры; 30 паръ пистолей съ олетры, 30 карабиновъ съ ременьи и съ крюки».

Становится, читая эти всѣ грамоты и отписки, ярко рисующія картину совершенной безпомощности власти, совершеннаго ея убожества, понятнымъ, чтобы такое неминуемо произошло въ краѣ, еслибъ эти всѣ передовые шайки и атаманы Разина появились ранѣе неудачи его подъ Симбирскомъ, когда онъ какъ лава текъ по всему пространству Волги, широко и на далеко захватывая и берега ея... Но тутъ ужъ онъ былъ поколебленъ, обяніе его падало, доносился громъ его прежнихъ побѣдъ: передовые его атаманы шли, но ужъ ихъ никто не подкрѣплялъ, опереться имъ было не на кого. Были только сшибки передовыхъ безъ поддержки за ними слѣдовавшихъ главныхъ силъ: этихъ силъ уже не существовало,— гудѣлъ, наводя ужасъ, старый громъ: громъ слышался, а ужъ туча разсѣялась; тамъ на Волгѣ ужъ прояснилось...

С. Терпигоревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ Я ВЫУЧИЛСЯ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ ВЪ СРАЖЕНІИ.

Отрывокъ изъ воспоминаній.

(посвящается д. с. арсеньеву).

— Отведите его во вторую роту!

Какъ громъ раздались эти слова. Вся моя храбрость пропала, что-то жуткое защемило сердце, я разомъ почувствовалъ, что все старое порвано и я вступаю въ новую жизнь.

Еще четверть часа тому назадъ я съ радостью ѣхалъ съ отцомъ въ Морской корпусъ, куда я, три дня тому назадъ, блистательно выдержалъ экзаменъ въ одинъ изъ старшихъ классовъ. Я гордился, что надѣну морской мундиръ,—что же смутило меня?

— Учись и служи хорошо, помни, что ты мой сынъ и Сатинъ,—говорилъ мнѣ отецъ дорогой.

Вотъ эти слова меня и смутили при первой командѣ, которую я услыхалъ.

Я понималъ, что учиться нужно, понималъ, что и служить надо хорошо. А какъ? Способенъ ли? Смогу ли все исполнить?

Растерянный, я подошелъ къ отцу; онъ меня благословилъ:

— Помни, ты поступилъ теперь на царскую службу. Ну, съ Богомъ, ступай.

Безконечными, длинными коридорами дежурный по корпусу штабъ-офицеръ повелъ меня «на службу».

Безконечно же долго показалось мнѣ наше путешествіе. Но, какъ и кругосвѣтному плаванію бываетъ конецъ, кончилось и наше.

Мы остановились передъ стеклянной дверью, или скорѣй воротами, а за ними виднѣлся невиданный мною ужасающе-громадный залъ, въ противуположномъ концѣ котораго стояло военное вооруженное судно и на мачтахъ копошились матросы, а за этимъ судномъ — другое, еще большее, въ постройкѣ. Направо отъ стеклянной двери была другая и на ней надпись: «2-я рота».

Дежурный по корпусу сдалъ меня дежурному офицеру по ротѣ.

— Данилова послать!

Прибѣжалъ съ жидовской физіономіею унтеръ-офицеръ каптенармусъ.

— Отведи въ арсеналъ, переодѣть!

Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я ясно помню всю обстановку, всѣ насмѣшливыя лица моихъ новыхъ товарищей.

Даниловъ началъ меня переодѣвать. Боже мой, какъ это все неуклюже, грубо, тяжело.

— Послушай, Даниловъ, можно оставить ботинки, — сапоги ужасны.

— Что вы, барышня что ли? Вы кадетъ. Такъ намъ съ вами достанется, что и-и-и... А вы, вотъ панталончики и курточку вашу отдайте мнѣ, а я вамъ сапоги помягче выберу, ношеные и къ закорпусу[1]) мундирчикъ хорошій пригоню, — вкрадчиво сказалъ еврей.

— Платье возьми, а сапоги я лучше эти оставлю.

Я вышелъ изъ арсенала. Тутъ началось мое испытаніе. Меня обступила толпа кадетъ.

— Вы французъ или нѣмецъ? — обратились ко мнѣ[2]).

— Я русскій и Рюриковичъ, — отвѣчалъ я.

— О-го! А зачѣмъ ты шлялся за границей?

— Такъ батюшкѣ было угодно меня воспитывать.

— А Ламорисіера знаете? а Абдель-Кадера видѣлъ?... Вотъ постой, мы тебѣ покажемъ арабовъ! — сыпалось со всѣхъ сторонъ.

Перспектива становилась не отрадная; я зналъ, что новичковъ бьютъ и приготовился защищаться.

— Разойдитесь, оставьте новичка! — раздался голосъ высокаго кадета съ якорями и галунами на погонахъ. Это былъ фельдфебель Бошнякъ[3]). Всѣ разошлись.

Подходитъ, ласково, одинъ кадетъ.

— Сегодня послѣ обѣда у насъ классъ Закона Божія, батюшка строгъ. Вы хорошо знаете катехизисъ и Св. Исторію?

---

[1]) Ходить въ отпускъ по праздникамъ.

[2]) Передъ вступленіемъ въ корпусъ я воспитывался въ Юрьевѣ (Дерптѣ), а потомъ во Франціи. Послѣ февральской революціи отецъ вызвалъ меня и отдалъ въ Морской корпусъ.

[3]) Теперь давно въ отставкѣ. Онъ и мичманъ Н. М. Чихачевъ были самыми дѣятельными помощниками знаменитаго адмирала Невельскаго, который подарилъ Россіи Приамурскій край.

— Да, покуда я хорошо приготовленъ, а потомъ буду внимательно слушать лекціи.

— Вы знаете, что написано на турецкомъ барабанѣ?

— Нѣтъ.

— Пойдемте.

Уловивъ моментъ, когда дежурный дневальный отошелъ отъ дверей, мы вышли изъ роты и вошли въ большой залъ. Направо была платформа гауптвахты; караулъ изъ кадетъ уже пришелъ и турецкій барабанъ стоялъ на козлахъ на своемъ мѣстѣ.

— Прочтите, — обратился ко мнѣ мой Овидій.

На барабанѣ было написано: «Съ нами Богъ».

— Что это значитъ? — спросилъ я.

— А вотъ вы и спросите священника, онъ вамъ охотно скажетъ; а если онъ самъ васъ спроситъ и вы не будете знать, онъ останется недоволенъ.

И это каждую осень подбивали новичковъ искушать почтеннаго, многоуважаемаго о. Березина вопросомъ: почему на турецкомъ барабанѣ написано «Съ нами Богъ».

Я смутно, не всей душой, понялъ его объясненія. Можетъ быть онъ и самъ невольно былъ раздражителенъ, зная, что это кадетская штука.

Послышался звукъ барабана, мы побѣжали въ роту. Было время обѣда.

— Во-фронтъ, стройся!

— Сатинъ, въ ранжиръ, живо! — скомандовалъ Бошнякъ.

Перетянутый панталоннымъ ремнемъ, въ непривычномъ мнѣ одѣяніи, по скользкому паркету, я побѣжалъ; кадетъ Анжу подставилъ мнѣ ногу; я полетѣлъ на полъ. Вскочивъ, я схватился за носъ и увидалъ всю свою руку въ крови. Не думая ни минуты, мгновенно, я отпечаталъ всѣ окровавленныхъ пять пальцевъ на щекѣ Анжу.

— О-го, молодецъ, ай да новичекъ!

— Постой, мы тебѣ пропишемъ, — послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Хлѣбъ и щи! — подскочилъ Бошнякъ.

Вотъ тебѣ и начало царской службы! Первый блинъ да комомъ.

Голодный и не думая о послѣдствіяхъ, я съ фронтомъ вернулся въ роту. Дежурный офицеръ ушелъ въ свою комнату, фельдфебеля Бошняка тоже не было. Я съ ужасомъ замѣтилъ, что что̀-то противъ меня затѣвается; собравшіяся кучки враждебно посматривали въ мою сторону. Я сѣлъ на табуретъ и думалъ: «подойди только, я храбро буду защищаться табуретомъ».

Увы! это было мое первое разочарованіе на службѣ. Не все такъ дѣлается, какъ думаешь. Кадеты разошлись въ разныя стороны, одна кучка враждебно подступала ко мнѣ. Я стремительно

схватился за табуретъ, хотѣлъ отмахиваться имъ направо и налѣво, но, не успѣлъ я его поднять, какъ кто-то сзади схватилъ меня за ноги, табуретъ вырвали изъ рукъ и меня торжественно понесли на кровать. Больнѣе всѣхъ колотилъ меня Анжу корешкомъ «Теоріи кораблевожденія», самой толстой книгой въ Морскомъ корпусѣ. Скорое появленіе Бошняка спасло меня отъ истязанія. Всѣ разбѣжались. Сконфуженный, я остался одинъ при грустныхъ и обидныхъ размышленіяхъ.

Послѣ этого эпизода я получилъ полныя права гражданства, сквитался съ нѣкоторыми и скоро сошелся съ товарищами, а съ нѣкоторыми остался друженъ на всю жизнь. Всѣ мы были одной среды, всѣ столбовые дворяне, одинакаго воспитанія. Въ Дерптѣ было не то. Тамъ, въ пансіонѣ, мало было дворянъ, все болѣе бюргеры, и я смотрѣлъ на нихъ, какъ бы это выразить? Дома у меня были гувернеръ, дядька, и еще состоялъ при мнѣ казачекъ Ѳомка, я его очень любилъ, считалъ другомъ и товарищемъ. Вотъ мнѣ въ Юрьевѣ всѣ товарищи и казались Ѳомками.

Помимо того, что я русскій, можетъ быть меня отъ того и не любили нѣмцы. Но возвращаюсь къ своимъ грустнымъ размышленіямъ. Чтобы не смотрѣть на моихъ обидчиковъ, я сталъ разсматривать картины на стѣнахъ.

Боже мой, что за ужасы!

Вотъ Чесменскій бой, вотъ Наваринскій. Люди летятъ на воздухъ, другіе, окровавленные, плаваютъ на обломкахъ. А вѣдь это должно быть ужасно страшно. Неужели и мнѣ придется все это испытать? А вдругъ я буду трусомъ!

Страшное, холодящее душу, ужасное чувство охватило меня. Что̀ мнѣ дѣлать въ сраженіи? Что̀ надо дѣлать, чтобы быть храбрымъ? Что̀ скажетъ отецъ, если вдругъ узнаетъ, что я струсилъ. Я былъ въ отчаяніи. А вотъ еще картина: Архипъ Осиповъ, раздувая фитиль, бѣжитъ въ пороховой погребъ, чтобы взорвать Михайловское укрѣпленіе. Какъ страшны эти звѣрскія лица черкесовъ. А вѣдь Архипъ Осиповъ молодецъ, онъ храбрый. А я? должно быть я струсилъ давича. Вѣдь я никого даже не ударилъ. Ихъ было много. Да вѣдь и противъ Архипа Осипова ихъ много, а онъ, храбрый, нашелся, что̀ дѣлать. Можетъ быть мнѣ слѣдовало выброситься изъ окна? Въ самомъ дѣлѣ, почему я этого не сдѣлалъ? Страшное состояніе томило мою душу. Мой юный, неопытный умъ не могъ выработать формулы какъ себя держать, что̀ дѣлать, даже и досконально узнать, что такое храбрость и храбръ ли я самъ. Спросить? Да вѣдь это прямо признаться, что я трусъ, что я даже не знаю, что такое храбрость.

Въ три часа насъ по барабану повели въ классы.

Много мучительныхъ часовъ провелъ я въ этихъ классахъ, раздумывая: да нужны ли мнѣ всѣ эти теоріи кораблевожденія, фор-

тификація, артиллерія и т. д., когда главнаго-то, храбрости, у меня, быть можетъ, и нѣтъ. Если бы многоуважаемый нашъ профессоръ астрономіи Ѳ. Ѳ. Веселаго зналъ какія чувства меня волновали, онъ навѣрно былъ бы снисходительнѣе и не распекалъ бы меня за разсѣянность.

Наконецъ Богъ сжалился надо мною. Я прозрѣлъ.

Въ 30-хъ, 40-хъ и, кажется, въ началѣ 50-хъ годовъ, издавался милый, интересный, цѣледостигающій «Журналъ Военно-учебныхъ Заведеній». Не знаю зачѣмъ его прекратили. Всѣ мы на немъ выросли, всѣ на немъ воспитывались. Картины, украшавшія стѣны корпусовъ, были только иллюстраціею къ этому журналу, въ которомъ описывались подвиги нашихъ войскъ и флота. Мы съ увлеченіемъ читали его, упивались имъ. Да не подумаетъ читатель, что это было «faute de mieux». Нѣтъ, въ Морскомъ корпусѣ, въ мое время, можно было достать все, даже запрещенныя изданія циркулировали у насъ свободно. Я не говорю уже о нецензурныхъ: «Instine», «Барковъ» и др. у насъ читались исторіи: Тьера, Капфига и др. Всѣ вновь выходящіе французскіе романы до «Dame aux Camelias» всключительно получались акуратно. Но любимымъ чтеніемъ нашимъ были: «Военный Журналъ Учебныхъ Заведеній», «Исторія Флибустіеровъ» и «Исторія англійскаго флота». Въ нихъ мы искали себѣ идеаловъ и избирали героевъ, которымъ хотѣли подражать и соперничать съ ними. Кавказъ, Синопъ, Севастополь, и даже послѣднія кампаніи 1877—1878 годовъ, доказали, что ученики стоятъ своихъ учителей. Но какими неподготовленными насъ выпускали 17—18 лѣтъ. Въ первой же день моего поступленія, я понялъ, что надо выработываться самому, что корпусъ, наука и ученіе, безъ опыта и собственнаго «я», ничего не могутъ дать. Когда я сталъ упрекать моего кузена и теску Аркадія Скарятина: почему онъ за меня не заступился. Онъ отвѣчалъ:

— Нельзя, братецъ, товарищество, выработывайся самъ.

Тоже, почти, но еще сильнѣе, сказалъ мнѣ мой незабвенный командиръ и другъ Левъ Ивановичъ Будищевъ:

— Забудьте, батинька, что вы учились, учитесь, батинька, снова и много учитесь и надѣйтесь только на себя.

И, дѣйствительно, какъ странно казалось все съ перваго же года службы. Все пошло верхъ дномъ. Что казалось почти ненужнымъ и у насъ преподавалось поверхностно, какъ напр. фортификація, а въ ней-то и пришлось искать спасенія. Мнѣ казалось, что я хорошо знаю артиллерію, по крайней мѣрѣ то, что намъ преподавали. А преподавали намъ слѣдующее:

В. Какой долженъ быть снарядъ?

О. Круглый.

В. Почему?

О. Потому, что снарядъ, вылетая изъ дула, вертится и все-

таки же представляетъ одну и ту же поверхность сопротивленія. Другая форма этого дать не можетъ.

И первая же пуля, прилетѣвшая и убившая перваго севастопольца, капитана-лейтенанта Тироля, что было на моихъ глазахъ,— была коническая. Первая же бомба, пущенная съ Ланкастерской батареи 5-го октября—была коническая.

Учиться было поздно, надо было грудью отстаивать достояніе Россіи. Тутъ-то и пришлось обратиться къ учителямъ, вычитаннымъ нами въ «Журналѣ Военно-учебныхъ Заведеній» и брать примѣръ съ наличныхъ учителей-героевъ.

Когда я въ корпусѣ смотрѣлъ на портреты и читалъ о герояхъ прежнихъ войнъ, какъ недосягаемы, какъ величественны они мнѣ казались. Я тогда еще не былъ знакомъ съ Нахимовымъ, Корниловымъ, Новосильскимъ, Тотлебеномъ, Перелешинымъ, Керномъ, Зоринымъ и друг. Я не зналъ, что величіе въ простотѣ.

Съ какой любовью мы были имъ преданы, съ какимъ самотверженіемъ мы исполняли ихъ приказанія, подчасъ пересаливая отъ усердія. Только эти люди могли довести составъ офицеровъ, столбовыхъ дворянъ [1]), до того, что Нахимовъ вынужденъ былъ отдать приказъ, небывалый въ аналахъ военныхъ исторій.

Нахимовъ упрекалъ офицеровъ, что они слишкомъ пренебрегаютъ опасностью и недостаточно берегутъ себя. «Бравировать преступно», говорилъ онъ, «когда жизнь принадлежитъ отечеству, никто не смѣетъ заподозрить храбрость офицера». Да, это было.

Далекое, милое, дорогое прошлое увлекло меня и заставило удалиться отъ моего разсказа.

И такъ Богъ сжалился надо мною и я прозрѣлъ.

Вотъ какъ это было:

Читая «Журналъ Военно-учебныхъ Заведеній», я напалъ на описаніе взятія царемъ Петромъ старинной русской крѣпости «Орѣшекъ» (Шлюссельбургъ), отнятой у насъ шведами. Царь Петръ стоялъ на Преображенской горѣ. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ первымъ полѣзъ, по приставленной лѣстницѣ, на штурмъ крѣпости и когда уже былъ на половинѣ ея, прибѣжалъ денщикъ царя съ приказаніемъ «Отступить!»

— «Скажи царю, что я теперь принадлежу Богу»,—молвилъ Голицынъ, полѣзъ дальше и взялъ крѣпость.

Вотъ оно! Вотъ формула, которую я искалъ. Да, такъ и должно быть; человѣкъ въ бою принадлежитъ Богу. Ни храбрость человѣка, ни умъ, ни физическая сила, ни власть царя, ничто не поможетъ. Безъ воли Божіей и волосъ не упадетъ съ головы. Какъ это просто, какъ это ясно. Я понялъ это всѣмъ моимъ существомъ.

---

[1]) Въ началѣ 60-хъ годовъ пріемъ въ Морской корпусъ расширили, стали принимать всѣхъ, даже евреевъ.

И четырехъ лѣтъ не прошло, какъ я, уже мичманомъ, стоялъ на палубѣ 120-ти-пушечнаго корабля «Три Святителя». Нахимовъ велъ насъ въ Синопъ.

Дождь прошелъ и солнце ярко освѣтило незнакомый, живописный азіатскій городъ. Я съ жадностью смотрѣлъ на грозно стоявшій полукругомъ вражій флотъ. Гордо алѣли турецкіе флаги съ полумѣсяцемъ; внушительно смотрѣли на насъ жерла непріятельскихъ орудій. Мы, молча, величественно, съ развѣвающимися андреевскими крестами на бомъ-брамъ-стеньгахъ, входили двумя колоннами на рейдъ. Картина была торжественна, величественна! Не всякому въ жизни приходится любоваться подобной. Быстро уменьшалось разстояніе между нами, уже видны люди, наводящіе на насъ орудія: казалось каждое жерло смотритъ на тебя. Поразительно, неблагоразумно близко подпустили насъ турки. Вдругъ, на адмиральскомъ турецкомъ суднѣ показался бѣлый клубъ дыма, не успѣло ядро пролетѣть надъ нашими головами, какъ турецкая эскадра опоясалась бѣлой пеленою и ураганъ ядеръ прогудѣлъ надъ нами.

Я вздрогнулъ. «Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ!» мелькнуло у меня въ головѣ.

«Да будетъ воля Твоя!»

Я перекрестился и предалъ себя волѣ Божіей. Я почти былъ покоенъ.

Много, съ тѣхъ поръ, пролетѣло пуль, картечи и ядеръ, надъ моей головой; но, каждый разъ, когда я видѣлъ первый клубъ дыма, я крестился и съ благодарностью вспоминалъ, незабвенное для меня имя, блаженной памяти князя Михаила Михайловича Голицына.

Ар. Сатинъ.

ПЕРВОСТЕПЕННЫЕ ЕВРОПЕЙСКІЕ ТЕАТРЫ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ[1].

II.

Западный или франко-германскій военный театръ.

ФРАНКО-ГЕРМАНСКІЙ театръ военныхъ дѣйствій, включенный въ предѣлы отъ средней Эльбы до нижней Сены и Іонны, представляетъ собой единственный въ исторіи образецъ военнаго театра съ высоко-законченной подготовкой къ борьбѣ народовъ. Сознавая неизбѣжность столкновенія, зная, что это будетъ борьба на смерть, требующая полнаго напряженія силъ, Германія и Франція не останавливаются ни передъ какими жертвами, чтобы склонить на свою сторону шансы успѣха. Въ будущей франко-германской войнѣ рѣшительнымъ образомъ скажется вліяніе новѣйшихъ факторовъ военнаго искусства: колоссальныхъ массъ, желѣзныхъ дорогъ, всѣхъ усовершенствованій современной техники, примѣненныхъ къ военному дѣлу. Столкновеніе народовъ произойдетъ при небывалой еще обстановкѣ.

Въ основу всѣхъ мѣропріятій по подготовкѣ главнаго западнаго военнаго театра положены географическія условія мѣстности. Первостепенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ существующее очертаніе взаимной границы. Начинаясь въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Порентрю, пограничная линія пере-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 355.

рѣзываетъ, вначалѣ, впадину между Юрой и Вогезами (Бельфорскій проходъ), шириной отъ 25 до 40 верстъ; затѣмъ на протяженіи около 85 верстъ идетъ по гребню Вогезовъ до истоковъ Саары и, уклоняясь къ сѣверо-западу, пересѣкаетъ Лотарингское плато. Въ 7 верстахъ отъ Диденгофена граница вступаетъ въ предѣлы Люксенбурга. Общее протяженіе границы—280 верстъ, а по прямой линіи—224 версты. Вогезы, раздѣляющія между Бельфорскимъ проходомъ и Лотарингскимъ плато сосѣднія государства, образуютъ естественный барьеръ, средняя высота котораго доходитъ до 2,500 футъ, а отдѣльныя вершины поднимаются на 4,500 футъ. Покрытыя обширными лѣсами, Вогезскія горы, хотя и перерѣзаны нѣсколькими дорогами, но все-таки представляютъ серьезныя препятствія для движенія значительныхъ войсковыхъ массъ. Бельфорскій проходъ и Лотарингское плато являются, поэтому, естественными воротами для сношеній сосѣднихъ странъ и имѣютъ, вслѣдствіе этого, выдающееся военное значеніе. По нимъ проходятъ главные пути вторженія изъ Германіи во Францію и обратно.

При нынѣшнемъ очертаніи границы Германія располагаетъ продвинувшимся въ глубь Франціи могучимъ естественнымъ бастіономъ, постоянно угрожающимъ Парижу. Мецъ занимаетъ вершину исходящаго угла бастіона; его стороны образуютъ Мозель и Сейлль, а Вогезы и Рейнъ составляютъ куртину. Изъ этого бастіона германскія полчища готовятся броситься на Францію, и въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ германскій генеральный штабъ дѣлалъ все возможное, чтобы обезпечить успѣхъ нашествія: воздвигнулъ здѣсь могущественныя крѣпости, сосредоточилъ массу войскъ, настоялъ на устройствѣ обширной сѣти рельсовыхъ путей, какъ внутри естественнаго бастіона, такъ и для соединенія его съ позади лежащими частями имперіи. Въ указанныхъ предѣлахъ бастіонъ обнимаетъ имперскую область, баварскій Пфальцъ и часть Рейнской провинціи. Въ топографическомъ отношеніи, большая часть бастіона принадлежитъ рейнской равнинѣ, но на югѣ онъ заполненъ Вогезами, а на сѣверѣ тянутся гряды холмовъ Лотарингскаго плато и Гунсрюкъ. Главная рѣка бастіона—Рейнъ, составляющій первоклассную оборонительную линію; затѣмъ здѣсь протекаютъ: Мозель, Сааръ, Лаутеръ и Квейхъ.

За-рейнскій бастіонъ хотя обезпечиваетъ существенныя выгоды для наступленія во Францію, но ему присущи, однако, нѣкоторые серьезные недостатки. Изъ общаго протяженія западной границы Германіи почти въ 1,000 верстъ, на долю собственно франко-германской границы приходится только 280 верстъ. Къ тому же, не вся пограничная полоса, какъ было сказано, пригодна для передвиженія большихъ войсковыхъ массъ. Это заставитъ группировать войска, при стратегическомъ развертываніи арміи, противъ названныхъ выше естественныхъ воротъ Эльзасъ-Лотарингіи, и, слѣдо-

вательно, весьма стѣснитъ раіонъ сосредоточенія. На юго-западномъ германскомъ фронтѣ условія въ этомъ отношеніи совершенно обратны тѣмъ, которыя существуютъ на сѣверо-восточномъ. О широкомъ просторѣ для стратегическихъ комбинацій, открытомъ при выработкѣ плана вторженія въ наше западное пограничное пространство, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Обширныя группы крѣпостей, воздвигнутыя Франціей въ различныхъ пунктахъ ея первой оборонительной линіи, еще болѣе съуживаютъ фронтъ наступленія. Затѣмъ, бастіонъ отрѣзанъ отъ остальной части имперіи широкимъ теченіемъ Рейна, такъ что сообщеніе между ними вполнѣ зависитъ отъ числа постоянныхъ мостовъ черезъ эту рѣку. Оба эти обстоятельства весьма затруднили удовлетворительное разрѣшеніе многихъ вопросовъ, вызываемыхъ подготовкой къ наступательной войнѣ противъ Франціи.

Готовясь къ одновременнымъ активнымъ военнымъ дѣйствіямъ на двухъ противоположныхъ фронтахъ, отдѣленныхъ по кратчайшему направленію разстояніемъ въ 1,000 верстъ, Германія должна была настойчиво бороться съ невыгодами своего общаго географическаго положенія. По степени сжатости територіи, имѣющей существенное значеніе въ военномъ отношеніи, имперія Гогенцолерновъ уступаетъ и Франціи, и Россіи. Относительно общаго очертанія границъ, Германія хотя и представляетъ довольно правильный четыреугольникъ, растянутый по долготѣ, но отъ него отдѣляются три главныхъ выступа: Восточная Пруссія, Силезія и южно-германскія государства, лишающія територію имперіи правильной формы. Всѣ главныя рѣки Германіи текутъ въ одномъ общемъ направленіи, именно, съ юго-востока на сѣверо-западъ. Для организаціи обороны на восточной и западной границахъ, такое направленіе несомнѣнно выгодно, такъ какъ большіе водные потоки, подобные Вислѣ, Одеру, Эльбѣ и Рейну, преграждая пути наступленія непріятеля, являются сильными естественными препятствіями. При подготовкѣ къ наступательной войнѣ на названныхъ границахъ общее направленіе рѣкъ Германіи становится уже неблагопріятнымъ въ двоякомъ отношеніи: оно затрудняетъ сообщеніе между фронтами и не позволяетъ воспользоваться рѣками, какъ весьма удобными путями сообщенія. Потребовались многолѣтнія и въ высокой степени настойчивыя усилія, чтобы уменьшить невыгодное вліяніе общаго географическаго положенія Германіи на ея военное устройство и довести подготовку територіи къ наступательной войнѣ до той законченности, которой она достигла въ настоящее время. Но, совершенно устранить естественныя препятствія оказалось, разумѣется, невозможнымъ.

За-рейнскому бастіону Германіи предназначено, въ планахъ германскаго генеральнаго штаба, служить заботливо подготовленнымъ базисомъ для вторженія въ предѣлы Франціи. Главный опорный

пунктъ базиса, Мецъ, отстоитъ отъ Парижа на разстояніи 250 верстъ. На западномъ фронтѣ воздвигнуты въ настоящее время двѣ обширныхъ системы крѣпостей, соображенныя съ направленіемъ главныхъ операціонныхъ путей. Со стороны Франціи пути эти проходятъ черезъ Лотарингію, откуда направляются или къ Майнцу, чрезъ возвышенности Гунсрюка и Гардта, или къ Страсбургу и въ долину Рейна. Затѣмъ существуетъ еще два второстепенныхъ направленія, именно, сѣверное — долиною Мозеля въ Вестфалію, и южное—по южному склону Вогезовъ, чрезъ Бельфорскій проходъ. Обѣ системы крѣпостей германскаго западнаго фронта находятся на этихъ линіяхъ и притомъ въ командующемъ относительно ихъ положеніи. Первая система расположена на самой границѣ и состоитъ изъ пяти укрѣпленныхъ пунктовъ; вторая—непосредственно связана съ первоклассной оборонительной линіей Рейна и преграждаетъ всѣ пути, ведущіе чрезъ эту рѣку къ столицѣ и въ центръ Германіи.

Эльзасъ-Лотарингскія крѣпости, кромѣ общаго своего значенія, еще обезпечиваютъ стратегическое развертываніе германскихъ силъ передъ началомъ кампаніи. Главная крѣпость этой системы—Мецъ, укрѣпленія котораго состоятъ изъ непрерывной ограды и девяти отдѣльныхъ фортовъ. Стратегическое значеніе Меца обусловливается тѣмъ, что онъ находится въ узлѣ путей, ведущихъ изъ Франціи, чрезъ Лотарингію, къ Кельну, Кобленцу, Майнцу и Страсбургу. Къ сѣверу отъ Меца лежитъ крѣпость Диденгофенъ, преграждающая выходъ изъ Арденскихъ горъ, а къ востоку—Саарлуи, прикрывающая голову желѣзной дороги. Желѣзнодорожная линія отъ Гагенау въ Саарлуи преграждена укрѣпленіями Бича. Къ группѣ Эльзасъ-Лотарингскихъ крѣпостей принадлежитъ также Страсбургъ-Кель, хотя какъ теть-де-понъ на Рейнѣ онъ можетъ быть отнесенъ и къ системѣ крѣпостей этой оборонительной линіи. Страсбургъ-Кель находится въ узлѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Италію, Швейцарію, Францію и Германію. Многочисленные и обширные военные склады и заведенія придаютъ городу значеніе плацдарма. Укрѣпленія Страсбурга состоятъ изъ обширной ограды, 14 фортовъ и множества промежуточныхъ батарей.

На линіи Рейна воздвигнуто, не считая Страсбурга-Келя, три большихъ укрѣпленныхъ лагеря и нѣсколько второстепенныхъ крѣпостей. Въ южной части рѣки находится Ней-Бризахъ, сильное предмостное укрѣпленіе лѣваго берега, охраняющее, вмѣстѣ съ тѣмъ, станцію высадки одной изъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій южнаго Эльзаса. Затѣмъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Шварцвальдъ подходитъ къ Рейну, расположенъ Раштатъ, а нѣсколько ниже его—Гермерсгеймъ, обѣ крѣпости второстепеннаго значенія. При сліяніи рѣки Майна съ Рейномъ высятся верки могуществен-

наго укрѣпленнаго лагеря—Майнца, который обезпечиваетъ переправу, преграждаетъ операціонные пути долины Майна и командуетъ многочисленными рельсовыми путями, здѣсь сходящимися. Майнцъ составляетъ главный складочный пунктъ для германской арміи и его заводы, фабрики и заведенія могутъ обезпечить всякаго рода интендантскимъ довольствіемъ 500,000 армію. Укрѣпленія Майнца расположены на обоихъ берегахъ рѣки и на островахъ; они состоятъ изъ непрерывной ограды и двухъ рядовъ отдѣльныхъ фортовъ. На участкѣ между Майнцемъ и Кельномъ единственный удобный пунктъ для переправы черезъ Рейнъ находится у Кобленца, при впаденіи Мозели. Городъ этотъ, поэтому, сильно укрѣпленъ; на лѣвомъ берегу Рейна и на обоихъ берегахъ Мозели тянется общая ограда и 11 редутовъ, люнетовъ и батарей; на правомъ берегу Рейна возвышается цитадель-фортъ и шесть фортовъ и люнетовъ. Крѣпость преграждаетъ пути изъ Меца долинами Мозели и Ланна въ долину Везера, къ центру Германіи, и обезпечиваетъ переправу чрезъ Рейнъ и Мозель. Наконецъ, наступательную базу для охвата крѣпостей восточной границы Франціи составляетъ крѣпостной участокъ длиною до 80 верстъ, на которомъ находятся крѣпость-лагерь Кельнъ-Дейцъ, фортъ Гаммъ и Везель. Укрѣпленія Кельна состоятъ изъ трехъ общихъ оградъ: двухъ старинныхъ и одной вновь сооруженной изъ 18 фортовъ и люнетовъ, 16 отдѣльныхъ фортовъ на обоихъ берегахъ и 23 промежуточныхъ батарей.

Въ военно-инженерномъ отношеніи германскія крѣпости-лагеря западной границы являются послѣднимъ словомъ науки. Броня и бетонъ нашли въ нихъ широкое примѣненіе. Всѣ крѣпостныя сооруженія, подверженныя дѣйствію прямыхъ выстрѣловъ, покрыты слоемъ бетона съ промежуточнымъ слоемъ песку. На устройство прочно закрытыхъ помѣщеній и складовъ для снарядовъ обращено особое вниманіе. Большая часть крѣпостной артилеріи закрыта броней. Крѣпости устроены для борьбы съ артилеріей, бросающей снаряды, снабженные новѣйшими сильно-дѣйствующими веществами.

Невыгоды, въ военномъ отношеніи, общаго географическаго положенія въ Германіи съ особой рѣзкостью сказались при устройствѣ желѣзнодорожной сѣти, удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ возможно быстраго сосредоточенія силъ на крайней юго-западной части границы. Вопросъ шелъ о томъ, чтобы направить всѣ подходящія къ Рейну стратегическія линіи въ три раіона: на Мецъ-Диденгофенъ, на Мецъ-Саарбургъ и на Страсбургъ-Мюльгаузенъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установить возможно прочную связь какъ между этими раіонами, такъ и между эльзасъ-лотарингской базой и далеко растянувшейся къ сѣверо-востоку имперіей. Много труда было положено на разрѣшеніе этой задачи и если прусскіе шовинисты все еще недовольны достигнутыми результатами, то по ту сторону

Вогезовъ нынѣшняя германская желѣзнодорожная сѣть признается образцовой въ военномъ отношеніи. По мѣрѣ развитія и завершенія ея измѣнялась и дислокація арміи, направленная, съ своей стороны къ тому, чтобы облегчить стратегическое развертываніе войсковыхъ массъ на базѣ.

Для нагляднаго представленія современныхъ условій сосредоченія германскихъ силъ на французской границѣ необходимо разсмотрѣть существующую желѣзнодорожную сѣть Германіи въ связи съ военно-територіальнымъ подраздѣленіемъ государства и съ установленной дислокаціей постоянной арміи. До нынѣшняго года Германія имѣла на французской границѣ один армейскій корпусъ, но теперь ихъ три: 14-й, 15-й и 16-й. Большая часть округа 14-го корпуса находится на правой сторонѣ Рейна и здѣсь границы его совпадаютъ съ границами великаго герцогства Баденскаго. Округа 15-го и 16-го корпусовъ, съ главными пунктами въ Страсбургѣ и Мецѣ, тянутся вдоль границы, обнимая большую часть Эльзаса и Лотарингію. При такомъ очертаніи пограничныхъ округовъ, для сосредоточенія ихъ войскъ надо будетъ доставить на лѣвый берегъ Рейна лишь части, квартирующія въ Баденѣ, и групирующіяся у Карлсруэ и Фрейбурга. Для перевозки ихъ можно воспользоваться слѣдующими линіями: Карлсруэ-Апенвейеръ-Страсбургъ-Кольмаръ, Фрейбургъ-Ней-Бризахъ-Кольмаръ и Констанцъ-Гюнингенъ-Мюльгаузенъ-Кольмаръ. Слѣдующую группу образуютъ округа 7-го, 8-го, 11-го, 13-го и двухъ баварскихъ армейскихъ корпусовъ. Штабы и управленія 8-го корпуса эшелонированы по линіи Кельнъ-Кобленцъ-Триръ; одна пѣхотная дивизія этого корпуса и одна кавалерійская бригада квартируютъ въ двухъ, трехъ переходахъ отъ Диденгофена, куда онѣ могутъ быть направлены походнымъ порядкомъ; остальныя войска достигнутъ Трира по двумъ линіямъ изъ Кельна и Кобленца, а отъ Трира поѣзда направятся по двухколейной дорогѣ въ Диденгофенъ. Естественной линіей сосредоточенія 7-го корпуса служитъ дорога отъ Мюнстера чрезъ Дюсельдорфъ, Кельнъ и Триръ въ Мецъ, такъ какъ на участкѣ этой линіи между Мюнстеромъ и Дюсельдорфомъ расположены дислокаціонные центры корпуса. 11-й корпусъ можетъ воспользоваться, какъ и въ 1870 г., линіей Кассель-Фульда-Франкфуртъ-Дармштадтъ-Мангеймъ-Нейштадтъ-Саргеминдъ-Дейцъ, а 13-й корпусъ—линіей, идущей черезъ Ульмъ, Штуттгардтъ, Людвигсбургъ, Карлсруэ — въ Страсбургъ. По этой линіи направится также одна изъ дивизій 1-го баварскаго корпуса, вторая дивизія котораго двинется изъ Мюнхена по шварцвальдской желѣзной дорогѣ къ Фрейбургу и оттуда въ Страсбургъ. Наконецъ, 2-й баварскій корпусъ достигнетъ Рейна по линіямъ изъ Вюрцбурга въ Гермсгеймъ и изъ Нюрнберга въ Майнгеймъ, а затѣмъ двинется къ Бичу и Цвейбрюкену по дорогамъ Палатината, сѣть которыхъ позволяетъ образовать шесть линій сосредоточенія.

Разсмотрѣнная группа корпусныхъ округовъ несомнѣнно тяготѣетъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ военно-организаціонномъ отношеніяхъ, къ западному фронту. Центральное положеніе относительно обоихъ фронтовъ занимаютъ округа 10-го и 4-го армейскихъ корпусовъ. Для доставки на западную границу 10-го корпуса имѣется отдѣльная линія изъ Ганновера, служащаго дислокаціоннымъ центромъ раіона, въ Кельнъ; отсюда 10-й корпусъ направится къ Мецу по той же линіи, которой воспользовался передъ тѣмъ 7-й корпусъ, такъ что планы перевозки этихъ двухъ корпусовъ находятся въ тѣсной связи. 4-й корпусъ можетъ двинуться изъ Магдебурга и Эрфурта чрезъ Кассель и Франкфуртъ въ Майнцъ и далѣе чрезъ Бингенъ на участокъ Мецъ-Саарбургъ.

Изъ остальныхъ корпусныхъ округовъ пять примыкаютъ къ русской границѣ, а три округа, въ которыхъ расположено четыре армейскихъ корпуса, тяготѣютъ къ сѣверо-восточному фронту. Тѣмъ не менѣе, сосредоточеніе, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, на западной границѣ не встрѣтитъ затрудненій. 9-й корпусъ, произведя посадку въ Фленсбургѣ, Альтонѣ и Шверинѣ, можетъ достигнуть Рейна, слѣдуя или на Мюнстеръ по линіи сосредоточенія 7-го корпуса, или на Ганноверъ, за 10-мъ корпусомъ. Гвардейскій и 3-й армейскій корпуса воспользуются прямой линіей, идущей изъ Берлина чрезъ Ветцларъ въ Кобленцъ и далѣе по долинѣ Мозели въ Мецъ. 12-й корпусъ направится изъ Дрездена и Лейпцига по транзитнымъ линіямъ, пересѣкающимъ южную Баварію и Баденъ. Вслѣдъ за нимъ можетъ быть двинутъ изъ Силезіи 6-й корпусъ. Сосѣдній съ послѣднимъ, 5-й корпусъ, можетъ быть доставленъ чрезъ Берлинъ и частью южнѣе, по линіи Бенштейнъ-Губенъ-Галь. Поѣзда 1-го и 17-го корпусовъ пройдутъ тоже черезъ Берлинъ, а 2-й корпусъ направится на Штетинъ.

Такимъ образомъ, устроивъ черезъ Рейнъ 13 желѣзнодорожныхъ мостовъ, согласовавъ дислокацію арміи съ общимъ направленіемъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій, эшелонировавъ корпуса вдоль стратегическихъ путей, германскій генеральный штабъ открылъ себѣ широкій просторъ для комбинированія потребнаго числа линій сосредоточенія. Весьма развитая рельсовая сѣть Эльзаса-Лотарингіи будетъ принимать три группы воинскихъ поѣздовъ, именно: 1) приходящихъ изъ Рейнской провинціи, 2) направленныхъ на територію Пфальца и 3) двинутыхъ въ Эльзасъ. Каждая изъ областей высадки войскъ обнимаетъ раіонъ путей наступленія во Францію. Продолжительность операціи стратегическаго развертыванія германскихъ силъ на французской границѣ будетъ зависѣть отъ числа корпусовъ, назначенныхъ для военныхъ дѣйствій на западномъ фронтѣ. Если допустить, вмѣстѣ съ большинствомъ германскихъ военныхъ изслѣдователей, что въ случаѣ одновременной войны на противоположныхъ фронтахъ,

Германія оставитъ на русской границѣ войска только шести ближайшихъ къ ней корпусныхъ округовъ, то на французской границѣ будетъ собрано для полевыхъ дѣйствій 42 пѣхотныхъ и семь кавалерійскихъ дивизій, или 692 баталіона, 336 эскадроновъ и 1,962 орудія, общей численностью до 675,000 человѣкъ. Открытіе военныхъ дѣйствій на одной западной границѣ позволитъ увеличить эти цифры лишь незначительно. Совершенно нельзя предположить, что и въ будущую франко-германскую войну Германія рѣшится очистить восточную границу отъ войскъ, какъ она сдѣлала въ 1870 году. Напротивъ, можно принять за вѣрное, что корпуса обѣихъ Прусскихъ провинцій и Познани, т. е. 1-й, 17-й, 2-й и 5-й останутся въ своихъ раіонахъ и только 6-й и 12-й корпуса, формируемые Силезіей и Саксоніей, слѣдовательно, провинціями, прикрытыми Австріей, войдутъ въ этомъ случаѣ въ составъ оперирующей на западной границѣ арміи. При такомъ распредѣленіи силъ противъ Франціи будетъ двинуто до 50 пѣхотныхъ и семь кавалерійскихъ дивизій, или 822 баталіона, 376 эскадроновъ и 2,382 орудія, общей численности въ 710,000 человѣкъ.

Въ 1870 году германская армія изготовилась къ наступленію чрезъ 18 дней по объявленіи мобилизаціи. Доказано, однако, что постановка войскъ на военное положеніе началась нѣсколькими днями ранѣе офиціальнаго объявленія мобилизаціи. Этотъ способъ сократить переходный періодъ между объявленіемъ войны и открытіемъ военныхъ дѣйствій всегда находится въ распоряженіи государства, рѣшившаго вести наступательную войну, и къ нему Германія, вѣроятно, прибѣгнетъ и въ будущемъ. Число линій сосредоточенія западнаго фронта увеличилось съ 1870 года почти вдвое и провозоспособность ихъ значительно возросла. При такихъ условіяхъ было бы естественно заключить, что въ будущую франкогерманскую войну германская армія вторгнется во Францію чрезъ 9—10 дней по объявленіи войны. Но, нельзя упускать изъ вида, что теперь число людей, лошадей, орудій и повозокъ, сосредоточиваемыхъ на западной границѣ уже передъ открытіемъ кампаніи, будетъ тоже почти вдвое болѣе, чѣмъ въ 1870 году. Развитіе рельсовой сѣти и ея лучшая организація уравновѣшиваются, такимъ образомъ, несравненно бо́льшой работой, которую должны будутъ выполнить линіи сосредоточенія и, поэтому, прежній срокъ приведенія германской арміи въ боевую готовность не можетъ быть сокращенъ болѣе чѣмъ на три, на четыре дня.

Станціи высадки германскихъ войскъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ расположены у самой границы, недалеко отъ мѣстъ постояннаго квартированія пограничныхъ французскихъ войсковыхъ частей. Отсюда является необходимость оградить головы линій сосредоточенія отъ разрушенія противникомъ. Чтобы обезопасить себя въ этомъ отношеніи и съ тайнымъ намѣреніемъ угрожать стратеги-

ческому развертыванію французскихъ силъ, Германія заблаговременно сосредоточила на западномъ фронтѣ значительныя войсковыя массы, содержащіяся въ столь полной боевой готовности, что онѣ могутъ по первому приказу двинуться въ предѣлы Франціи. Собственно въ Эльзасъ-Лотарингіи въ настоящее время квартируетъ 66 баталіоновъ, 55 эскадроновъ и 32 батареи. Войска эти немедленно могутъ быть усилены 16-й пѣхотной дивизіей 8-го корпуса, расположенной у Трира, баварской бригадой, занимающей Палатинатъ и нѣкоторыми частями 14-го корпуса. Въ октябрѣ текущаго года, какъ можно видѣть изъ новаго военнаго законопроекта, обсуждаемаго рейхстагомъ, численность гарнизоновъ западнаго фронта еще возростетъ и всѣ войска будутъ поставлены на военное положеніе, такъ что охрана рельсовой сѣти имперской области будетъ удовлетворять самымъ широкимъ требованіямъ.

Обратимся теперь къ французской части западнаго театра войны. Общее географическое положеніе Франціи весьма благопріятно въ военномъ отношеніи. Государство это занимаетъ крайнюю часть европейскаго материка; удобству внутреннихъ сообщеній не препятствуютъ высокія горы и могучіе водные потоки; почти квадратная форма очертанія територіи способствуетъ концентраціи силъ и настолько сокращаетъ разстояніе между наиболѣе удаленными пунктами страны, что при военныхъ перевозкахъ почти не приходится принимать въ разсчетъ дистанцій свыше 500 верстъ. Наконецъ, при существующихъ политическихъ и географическихъ условіяхъ Франціи можетъ угрожать нападеніе только на восточной границѣ и поэтому ничто не препятствуетъ ей сосредоточить главное свое вниманіе на подготовкѣ къ войнѣ на этомъ фронтѣ.

Сѣверо-восточная часть Франціи, по общему характеру поверхности, представляетъ возвышенное плато, окружающее Франшъ-Конте и вмѣстѣ съ Вогезами спускающееся къ верхне-рейнской равнинѣ. Восточный склонъ этого плато прорѣзанъ нѣсколькими глубокими впадинами, которыя дѣлятъ его на части и открываютъ естественные пути внутрь Франціи. Между частями восточнаго склона выдающимся военнымъ значеніемъ обладаетъ, прежде всего, плато Морванъ, высотой въ 1,000 футовъ, обыкновенно считающееся естественной цитаделью Франціи. Затѣмъ, участокъ между впадиной Дижона и истоками Саоны образуетъ плато Лангръ, высотой въ 1,400 футъ, не разъ упоминаемое въ военной исторіи. Военное значеніе Морвана и Лангра обусловливается тѣмъ, что на ихъ высокихъ равнинахъ берутъ начало пять рѣкъ, текущихъ впослѣдствіи паралельно, именно: Іонна, Армансонъ, Сена, Объ и Марна. Проходящія по долинамъ этихъ рѣкъ дороги сходятся подобно радіусамъ въ Парижѣ. Горы Фосиль, тянущіяся съ запада на востокъ, соединяютъ плато Лангръ съ южной оконечностью

Вогезовъ, и благодаря своимъ сравнительно отлогимъ покатостямъ облегчаютъ сообщеніе Франшъ-Конте съ высокими равнинами Лотарингіи. Эти послѣднія, по мѣрѣ приближенія въ восточномъ направленіи къ Вогезамъ, повышаются; на западъ онѣ доходятъ до Мааса, а на сѣверъ—до Арденнъ; дойдя въ сѣверо-восточномъ направленіи до Пфальца, онѣ переходятъ въ горную систему этой области. По Лотарингскому плато, какъ было уже сказано, проходятъ наиболѣе удобные пути сообщенія между Германіей и Франціей.

Маасъ и Мозель, съ ея притокомъ Мёртой, берущіе начало на плато Лангра и въ Вогезахъ, пересѣкаютъ своими глубокими долинами высокія равнины Лотарингіи съ юго-востока на сѣверозападъ. Ниже Понъ-а-Муссона Мозель входитъ въ предѣлы Германіи, но такъ какъ долина верховьевъ этой рѣки соединена впадиной, идущей отъ Туля до Комерси, съ долиной Мааса, и до извѣстной степени можетъ считаться продолженіемъ этой послѣдней, то обѣ названныя рѣки образуютъ непрерывную естественную преграду, простирающуюся отъ Вогезовъ до Арденнъ. Значеніе Мааса, какъ оборонительной линіи, увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что по его лѣвому берегу, на протяженіи отъ Комерси до Седана, проходятъ горныя цѣпи Аргоннъ, высотой въ 1,200 футъ, покрытыя лѣсомъ и мѣстами болотистыя.

Такимъ образомъ, въ сѣверо-восточной части Франціи находятся двѣ естественныхъ преграды, которыя сама природа противопоставила германскому нашествію. Первая преграда расположена близь границы; это—линія Мозели и Мааса; вторая—позади, на крайнемъ предѣлѣ театра операцій, линія нижней Сены и Іонны. Французскія оборонительныя линіи являются какъ-бы паралелями, подходящими къ германскому за-рейнскому бастіону Долины Оба, Марны, Уазы и Эна образуютъ подступы отъ дальней паралели къ ближней. Линія Мозели и Мааса должна прикрыть мобилизацію и сосредоточеніе французской арміи и вынести первый ударъ противника, а въ томъ случаѣ, если французамъ удастся взять иниціативу въ свои руки, то отсюда французская армія двинется въ атаку непріятельской позиціи. Назначеніе дальней паралели—задержать противника, если онъ прорвется чрезъ линію Мозели-Мааса, облегчить сборъ корпусовъ и позволить перейти въ наступленіе. Обѣ паралели расположены перпендикулярно къ операціоннымъ путямъ и непріятель не можетъ миновать ихъ.

Естественная сила французскихъ оборонительныхъ линій въ высокой степени увеличена обширными фортификаціонными сооруженіями. Франція воздвигла на восточной границѣ нѣсколько рядовъ крѣпостей. Передовая линія французскихъ укрѣпленій примыкаетъ правымъ флангомъ къ Юрѣ, пересѣкаетъ Вогезы, тянется до Туля по холмамъ лѣваго берега Мозели и переходитъ къ Маасу. Слѣдуя по теченію этой рѣки, линія укрѣпленій постоянно

остается на ея правомъ берегу, такъ какъ здѣсь находятся лучшія и командующія позиціи; затѣмъ, покинувъ долину Мааса, она поворачиваетъ отъ Вердюна къ Монмеди и Лонгви, на бельгійской границѣ. Французская паралель, воздвигнутая передъ германскимъ бастіономъ, опирается на четыре обширныхъ укрѣпленныхъ лагеря: Вердюнъ, Туль, Эпиналь и Бельфоръ. Система укрѣпленій Вердюна имѣетъ до 40 верстъ въ окружности и плотно запираетъ желѣзную и шоссейную дорогу, ведущія изъ Меца въ Реймсъ и Парижъ, слѣдовательно, главные комуникаціонный и операціонный пути германской арміи вторженія. Связь между Вердюномъ и находящимся отъ него въ 60 верстахъ Тулемъ поддерживается тремя сильными промежуточными фортами и нѣсколькими менѣе значительными укрѣпленіями. Туль командуетъ надъ путями, идущими изъ Страсбурга въ Парижъ; онъ окруженъ двумя рядами фортовъ. Отъ Туля къ Эпиналю идетъ новый рядъ фортовъ, а самъ Эпиналь, расположенный въ весьма важномъ желѣзнодорожномъ узлѣ, является надежнымъ опорнымъ пунктомъ обороны верхней Мозели. Доступы къ верхнему теченію этой рѣки и продолженіе оборонительной линіи до швейцарской границы охранены 11 самостоятельными фортами. Наконецъ, перевалъ между Вогезами и Юрой и удобнѣйшій операціонный путь отъ Базеля къ Ліону и Парижу запертъ сильными укрѣпленіями Бельфора.

Вторая линія французскихъ укрѣпленій восточнаго фронта состоитъ изъ пяти крѣпостей: Реймса, гдѣ сходятся пять желѣзнодорожныхъ линій, Лангра, Дижона, преграждающаго доступы въ долины Сены и Соны, Оксона и Безансона. Въ тылу этихъ крѣпостей находится сильная, укрѣпленная позиція у Ножана, на Сенѣ. Наконецъ, общимъ редюитомъ обороны всей страны служитъ Парижъ, укрѣпленія котораго состоятъ изъ наружной ограды, въ 32 версты, 14 внутреннихъ фортовъ и 52 фортовъ, редутовъ и батарей, построенныхъ послѣ войны 1870—1871 гг.

Французскія крѣпости по типу сходны съ германскими и подобно имъ подготовлены для борьбы съ артилеріей, пользующейся сильно взрывчатыми веществами. Сравненныя въ отдѣльности, передовыя германскія крѣпости, Мецъ и Страсбургъ, сильнѣе французскихъ крѣпостей, лежащихъ противъ нихъ: Вердюна, Туля, Эпиналя, но укрѣпленія германской западной границы значительно уступаютъ по численности укрѣпленіямъ французской восточной границы. Въ этомъ сказалось различіе системъ, принятыхъ въ Германіи и Франціи относительно военно-инженерной обороны государства. Готовясь исключительно къ наступательной войнѣ, Германія воздвигла въ стратегическихъ пунктахъ нѣсколько весьма сильныхъ укрѣпленныхъ лагерей, оставляя затѣмъ границу открытой. Франція, напротивъ, сообразовала свою крѣпостную систему съ условіями оборонительной войны и задалась спе-

ціальной цѣлью: по возможности затруднить для германцевъ завладѣніе желѣзными дорогами, игравшими столь значительную роль въ послѣдней франко-прусской войнѣ.

Одновременно съ постройкой новыхъ крѣпостей на восточной границѣ и расширеніемъ ранѣе существовавшихъ дѣятельно шли работы по сооруженію обширной рельсовой сѣти, которая позволила бы комбинировать достаточное число линій сосредоточенія, необходимыхъ для быстрой перевозки на границу многочисленной арміи и ея тяжестей. Съ 1874 г. во Франціи было построено до 18,000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и хотя составленный послѣ войны и не разъ съ тѣхъ поръ дополняемый планъ еще не выполненъ, но тѣмъ не менѣе французская армія уже располагаетъ въ настоящее время 12 отдѣльными линіями для своего сосредоточенія на восточной границѣ. Весьма выгодное въ военномъ отношеніи общее географическое положеніе Франціи значительно облегчило задачу. Подробности по этому предмету необходимо изслѣдовать въ связи съ основами французской военной организаціи и, въ частности, съ установленной дислокаціей арміи.

Во Франціи, при общеобязательной и личной воинской повинности общій срокъ военной службы установленъ въ 25 лѣтъ; освобожденій отъ службы законъ совсѣмъ не допускаетъ, а отсрочки отъ призыва ограничены извѣстнымъ процентомъ. Такимъ образомъ, въ составъ сухопутныхъ силъ страны входятъ полныхъ 25 возростовъ, исключая лицъ негодныхъ къ службѣ, и когда новый законъ окажетъ все свое дѣйствіе, то Франція будетъ располагать, за вычетомъ нормальной убыли, 4.125,000 обученныхъ чиновъ. Въ настоящее время число такихъ чиновъ доходитъ до 2.500,000 человѣкъ. Для организаціи этой колоссальной массы въ правильныя войсковыя единицы принята територіальная система. Франція раздѣлена на 18 корпусныхъ округовъ; Алжиръ образуетъ отдѣльный, 19-й округъ. Каждый корпусный округъ, являясь самостоятельной военно-територіальной единицей, формируетъ извѣстное число полевыхъ, резервныхъ, мѣстныхъ, запасныхъ и ополченскихъ войсковыхъ частей. Численность войскъ различныхъ категорій зависитъ отъ накопленія запаса обученныхъ чиновъ и отъ заготовки потребной для войскъ матеріальной части, склады которой устроиваются заблаговременно въ пунктахъ формированія частей. Вслѣдствіе этого, военный составъ сухопутныхъ силъ мѣняется время отъ времени, опредѣляясь каждый разъ особыми мобилизаціонными росписаніями. Ядромъ полевыхъ войскъ и кадромъ для всѣхъ вообще формированій военнаго времени служитъ постоянная армія, современная численность которой доходитъ до 520,000 человѣкъ.

Пѣхота постоянной арміи состоитъ изъ 144 линейныхъ пѣхотныхъ полковъ, 18 мѣстныхъ пѣхотныхъ полковъ—всѣ по три баталіона— 30 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 10 полковъ по четыре ба-

таліона и трехъ отдѣльныхъ баталіоновъ африканской пѣхоты; всего изъ 559 баталіоновъ; 43 изъ нихъ назначены спеціально для Африки, такъ что на европейской территоріи находится 516 баталіоновъ. Въ составѣ приведенной на военное положеніе арміи, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, будетъ находиться пѣхоты: 1) полевыхъ частей: 154 полка по четыре баталіона, 37 стрѣлковыхъ баталіоновъ и три баталіона африканской пѣхоты, всего 656 баталіоновъ; 2) резервно-полевыхъ частей: 145 полковъ по три баталіона и 50 отдѣльныхъ баталіоновъ; всего 485 баталіоновъ; 3) мѣстныхъ частей: 388 баталіоновъ для крѣпостной, этапной и мѣстной службъ; 220 запасныхъ баталіоновъ. Кавалерія постоянной арміи состоитъ изъ 429 эскадроновъ, формирующихъ 75 регулярныхъ и 10 африканскихъ полковъ. Въ военное время формируется новыхъ 148 эскадроновъ и выдѣляются запасные эскадроны, такъ что всего будетъ 344 полевыхъ, 148 резервно-полевыхъ и 85 запасныхъ эскадроновъ. Артилеріи въ мирное время содержится: 456 полевыхъ батарей, 20 горныхъ батарей и 16 крѣпостныхъ артилерійскихъ баталіоновъ. Съ постановкой на военное положеніе формируется: 193 полевыхъ, 76 запасныхъ и 193 крѣпостныхъ батареи, парки и обозъ. Инженерныхъ войскъ въ мирное время — 22 баталіона, а въ военное время формируется 18 новыхъ баталіоновъ и инженерные парки. Военный обозъ образуетъ 20 эскадроновъ и 70 ротъ.

Приведенный краткій перечень мирнаго и военнаго состава французской арміи, показываетъ, что мобилизаціонная работа во Франціи не уступаетъ по своей обширности и сложности той, которую должна будетъ продѣлать германская армія. Несомнѣнно также, что въ результатѣ этой напряженной работы получится армія хотя и весьма многочисленная, но значительно уступающая какъ въ организаціонномъ, такъ и въ строевомъ отношеніяхъ кадровой арміи мирнаго времени. Явленіе это общее для всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, воспользовавшихся всеобщей воинской повинностью для крайняго развитія резервовъ, но послѣдствія его могутъ быть особенно неблагопріятны тамъ, гдѣ нѣтъ прочныхъ военныхъ учрежденій.

Благодаря тщательнымъ подготовительнымъ работамъ, относящимся до личнаго состава и матеріальной части, мобилизація французскихъ сухопутныхъ силъ можетъ быть выполнена весьма быстро и во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи Франція не останется позади Германіи. Уложенная въ новыя организаціонныя рамки, французская армія выставитъ для полевыхъ операцій слѣдующее число частей: 40 полевыхъ пѣхотныхъ дивизій по 16 баталіоновъ и по 24 орудія въ каждой; 18 резервно-полевыхъ дивизій по 12 баталіоновъ и 24 орудія, и 37 стрѣлковыхъ баталіоновъ; 8 отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій по 24 эскадрона и по 18 орудій; 19 кор-

пусныхъ кавалерійскихъ бригадъ по 12 эскадроновъ и по 6 орудій; 152 батареи, или 912 орудій, корпусной артилеріи; всего 893 баталіона, 420 эскадроновъ и 2,592 орудія, общей численностью въ 1.020,000 человѣкъ. Перечисленныя части, съ придачею инженерныхъ и обозныхъ войскъ и парковъ, будутъ сведены въ 19 армейскихъ корпусовъ и 8 отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій. На образованіе крѣпостныхъ горнизоновъ, весьма многочисленныхъ при существующемъ развитіи французской крѣпостной системы, имѣется готовый кадръ въ видѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ пѣхотныхъ полковъ и кадровыхъ командъ, состоящихъ при пѣхотныхъ полкахъ постоянной арміи. Надобности этапной и мѣстной службъ будутъ удовлетворены въ полномъ размѣрѣ резервными войсками, не назначенными для полевыхъ дѣйствій и частями ополченія. Наконецъ, сильный составъ запасныхъ частей позволитъ въ теченіе долгаго времени поддерживать штатную численность полевыхъ войскъ.

Съ объявленіемъ войны, алжирскій корпусъ и тунисская дивизія, безъ сомнѣнія, будутъ перевезены во Францію, а на смѣну имъ направится часть резервныхъ войскъ. Изъ собранныхъ, такимъ образомъ, 58 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій съ корпусной кавалеріей и артилеріей, надо будетъ оставить извѣстную часть на итальянской границѣ. Если разрывъ Франціи съ Италіей и Германіей послѣдуетъ одновременно, что всего вѣроятнѣе при существованіи извѣстнаго договора между двумя послѣдними государствами, то Франція, конечно, ограничится на итальянскомъ фронтѣ строго оборонительными дѣйствіями, по крайней мѣрѣ, на первое время, такъ какъ этотъ театръ будетъ второстепеннымъ и даже блестящій успѣхъ на немъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія на исходъ всей кампаніи. Присоединеніе Ниццы и Савойи создало для Франціи въ высшей степени благопріятное стратегическое положеніе относительно Италіи и, воспользовавшись имъ надлежащимъ образомъ, она будетъ въ состояніи оборонять итальянскую границу сравнительно небольшими силами. Германскіе военные изслѣдователи, при распредѣленіи французскихъ силъ, обыкновенно отдѣляютъ на юговосточный фронтъ два армейскихъ корпуса, но если назначить и три, то для полевыхъ операцій на Мозели и Маасѣ останется 49 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій.

Сосредоточеніе французскихъ силъ на германской границѣ можетъ быть выполнено съ замѣчательной быстротой. Большая часть пограничнаго пространства занята раіономъ 6-го корпуса, гдѣ уже въ мирное время сосредоточено 67 баталіоновъ, 100 эскадроновъ и 30 батарей. Войска эти предназначены для прикрытія сосредоточенія арміи и находятся въ постоянной боевой готовности. Сборъ 6-го корпуса къ станціямъ высадки, производимый по четыремъ большимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, будетъ окончѣнъ

къ тому времени, когда другіе корпуса достигнутъ раіона 6-го корпуса. Затѣмъ, 1-й корпусъ двинется по линіи Лиль-Валансіенъ-Авенъ-Седанъ-Вердюнъ, или отъ Седана въ Понъ-а-Мусонъ. 2-й корпусъ направится по линіи Амьенъ-Перонъ-С.-Квентенъ-Ла-Феръ-Реймсъ-Вердюнъ. Для перевозки 3-го корпуса имѣется линія: Руанъ-Суасонъ-Реймсъ-Вердюнъ. По этой же линіи послѣдуетъ изъ Реннъ и Фалеза 10-й армейскій корпусъ. Въ распоряженіи 4-го корпуса и войскъ парижскаго генералъ-губернаторства имѣется линія Ле-Мансъ-Шартръ-Парижъ-Эпернэ-Шалонъ-Вердюнъ; этой линіей воспользуется и 11 армейскій корпусъ, главными пунктами посадки котораго будутъ Нантъ и Анжеръ. Линія Туръ-Шатоде-Парижъ-Куломье-Витри-Туль перевезетъ 9-й корпусъ. 5-й корпусъ можно будетъ направить по линіи Орленъ-Труа-Лерувиль и отсюда въ Вердюнъ или Туль; этой линіей воспользуется и 18-й корпусъ, достигнувъ Орлеана чрезъ Лиможъ. 8-й корпусъ двинется по линіи Буржъ-Сенсъ-Шалонъ-Баръ-ле-Дюкъ, а въ распоряженіи 12-го корпуса находится линія Лиможъ-Буржъ-Шамонъ-Туль. 13-й корпусъ направится по линіи Клермонъ-Ферранъ-Дижонъ-Лангръ-Невшато-Туль. 7-й корпусъ будетъ перевезенъ линіей Безансонъ-Везуль-Эпиналь, на которую у Везуля вступятъ поѣзда 17-го корпуса, идущіе изъ Тулузы и Монтобана чрезъ Ле-Пюи, Маконъ и Оксонъ. Наконецъ, 16-й корпусъ можетъ быть доставленъ по линіи Монпелье-Ліонъ-Безансонъ-Эпиналь.

При такой комбинаціи желѣзнодорожныхъ путей, изъ 12 отдѣльныхъ линій, которыми располагаетъ французская армія для своего сосредоточенія на германской границѣ, только три линіи должны будутъ перевести по два армейскихъ корпуса. Линіи эти принадлежатъ къ числу наиболѣе провозоспособныхъ. На итальянской границѣ останутся 14-й, 15-й и 19-й армейскіе корпуса. Спустя 36 часовъ по объявленіи мобилизаціи, на границу явятся всѣ отдѣльныя кавалерійскія дивизіи. Съ пятаго дня мобилизаціи сосредоточеніе будетъ производиться при полной работѣ желѣзнодорожныхъ линій и къ 11 дню мобилизаціи стратегическое развертываніе французскихъ силъ на границѣ будетъ окончено.

Приведенныя данныя показываютъ, что относительно матеріальной подготовки къ войнѣ Франція и Германія находятся почти въ тождественныхъ условіяхъ, и скорѣе Франція, благодаря выгодамъ своего общаго географическаго положенія, имѣетъ въ этомъ преимущество. Германскій генеральный штабъ не можетъ, поэтому, основывать своего рѣшенія вести непремѣнно наступательную войну ни на значительно большей численности полевыхъ войскъ имперіи, ни на ихъ большей боевой готовности. Такое рѣшеніе мотивировано, очевидно, соображеніями нравственнаго характера. Современная французская армія является наслѣдницей побѣжденной наполеоновской арміи и она не забыла

пораженій 1870 года; она склонна къ осторожнымъ оборонительнымъ дѣйствіямъ и всегда предпочтетъ ихъ смѣлому наступленію. Германцы знаютъ, что возстановленіе французскихъ вооруженныхъ силъ являлось дѣломъ чрезвычайно сложнымъ. Послѣ войны приходилось не только создавать вновь всѣ военныя учрежденія и армію, но и воздвигать цѣлыя группы крѣпостей, пополнять запасы вооруженія и матеріальной части, строить новыя стратегическія желѣзныя дороги и все это надо было сдѣлать возможно скорѣе, такъ какъ Германія постоянно угрожала новымъ нашествіемъ, которое должно было поставить вопросъ уже о самомъ существованіи Франціи. Требовалось, во что бы то ни стало, достигнуть въ теченіе немногихъ лѣтъ, почти тѣхъ же результатовъ относительно подготовки населенія и територіи къ войнѣ, какіе увѣнчали неустанную 70-ти-лѣтнюю работу Пруссіи. Эта спѣшность была крайне вредна для дѣла. Но этимъ еще не исчерпывались всѣ трудности задачи. Въ указанной части работы возстановленія французскіе государственные люди могли руководствоваться до извѣстной степени примѣромъ Пруссіи, могли черпать указанія изъ исторіи военнаго искусства, слѣдовать примѣру великихъ военныхъ организаторовъ. Существовала другая часть задачи, которую приходилось разрѣшать самостоятельно, между тѣмъ, это была несомнѣнно труднѣйшая часть. Требовалось приспособить военныя учрежденія страны къ ея новымъ государственнымъ формамъ, къ новому общественному строю. Военное устройство демократической республики не можетъ быть тождественно съ устройствомъ вооруженныхъ силъ монархіи; по существу, ему слѣдуетъ быть милиціоннымъ. Однако, основная цѣль военнаго возрожденія Франціи исключала возможность примѣненія милиціонныхъ порядковъ. Не ополченіе нужно было Франціи, а многочисленная полевая армія способная перенести войну на непріятельскую територію. Приходилось, такимъ образомъ, примирять діаметрально противоположные принципы, придумывать среднія рѣшенія, не разъ приводившія къ сомнительнымъ результатамъ.

Германія обязана своимъ военнымъ могуществомъ, прежде всего, продолжительному господству милитаризма. Франція стремится стать сильнѣе Германіи, но не хочетъ, да и не можетъ, пріобрѣсти эту силу той цѣной, которую заплатила за нее Германія. Между тѣмъ, по существу, другого средства нѣтъ. Современной Франціи чужды всѣ идеи, создающія грозную вооруженную силу; она лишена иниціативы въ военномъ дѣлѣ, не можетъ придумать ничего оригинальнаго въ сферѣ военнаго устройства. Ея лучшіе военные организаторы, тонко понимая и блестяще анализируя «духъ» германскихъ военныхъ учрежденій, не въ силахъ привить его къ учрежденіямъ своей страны. Французское военное устройство одухотворено однимъ только чувствомъ, одной мыслей, именно, идеей о возмездіи. Идея эта

препятствуетъ демократической республикѣ принять военное устройство, соотвѣтствующеее ея сущности. Съ другой стороны, политическій и соціальный строй страны мѣшаетъ идеѣ возмездія выродиться въ милитаризмъ. Франція остается первоклассным военнымъ государствомъ, но ея сила обусловливается преимущественно богатствомъ военно-матеріальныхъ средствъ, широкимъ примѣненіемъ техники къ военному дѣлу, общей численностью военно-обязанныхъ и т. д., короче, количествомъ военныхъ средствъ, а не качествомъ арміи и ея учрежденій. На этомъ обстоятельствѣ и основываютъ германцы свое рѣшеніе вести наступательную войну.

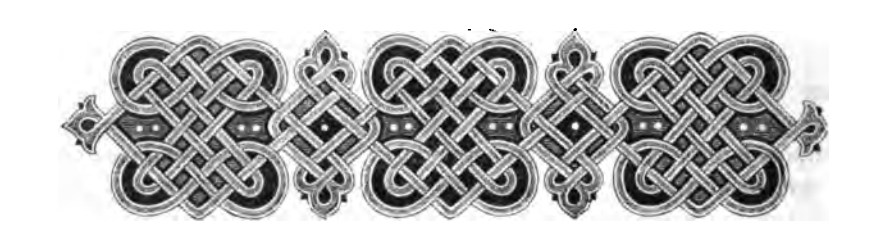
Неизбѣжность германскаго вторженія обыкновенно признается и французскими военными изслѣдователями, но они думаютъ, что обстановка будущей франко-германской войны не дастъ нападающему сколько-нибудь значительныхъ преимуществъ передъ обороняющимся. Изслѣдуя вліяніе новѣйшихъ фактовъ военнаго искусства на общій ходъ военныхъ дѣйствій на франко-германскомъ театрѣ, они находятъ, что при нынѣшней подготовкѣ сторонъ заранѣе опредѣлены базы армій, раіоны стратегическаго развертыванія, операціонные пути. Главнокомандующіе не властны ничего измѣнить въ этой области; ихъ личный починъ, въ сферѣ стратегіи, съуженъ до крайняго предѣла. Стратегіи, вообще, будетъ отведена лишь незначительная роль, такъ какъ при милліоныхъ арміяхъ нечего и думать о быстрыхъ походныхъ движеніяхъ наполеоновскаго времени, о внезапномъ появленіи противника тамъ, гдѣ его не ожидали. Къ тому же, продовольствіе колоссальныхъ войсковыхъ массъ весьма затруднится съ удаленіемъ армій отъ ихъ операціонныхъ базъ. Тактическій успѣхъ не можетъ имѣть прежняго, иногда рѣшающаго, вліянія на ходъ операцій, такъ какъ онъ будетъ быстро уничтоженъ прибытіемъ подкрѣпленій къ арміи, потерпѣвшей неудачу. Столкновенія противниковъ будутъ чисто фронтальными; стратегическіе обходы отойдутъ въ область прошлаго. На полѣ сраженія, при громадныхъ массахъ, равнымъ образомъ могутъ быть выполняемы только фронтальныя атаки; массы будутъ слишкомъ тяжелы, неповоротливы, чтобы имъ можно было давать другое направленіе, кромѣ фронтальнаго. Въ то же время современное вооруженіе дѣлаетъ успѣхъ фронтальныхъ атакъ крайне труднымъ. Войдя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, непріятельскія арміи начнутъ военныя дѣйствія, состоящія изъ ряда сраженій, безъ стратегическихъ маневровъ, безъ общаго плана, такихъ битвъ, въ которыхъ ни одна сторона не будетъ имѣть ни численнаго превосходства, ни превосходства въ вооруженіи. Война, веденная при такихъ условіяхъ, можетъ имѣть только одинъ исходъ истощеніе одного изъ враждующихъ государствъ.

Въ такомъ видѣ представляется новѣйшимъ французскимъ военнымъ изслѣдователямъ общій характеръ войны на франко-герман-

скомъ театрѣ. Они, конечно, увѣрены въ побѣдѣ Франціи, но, въ сущности, вопросъ этотъ остается открытымъ. Несомнѣнно одно, что противники стоятъ другъ противъ друга въ полномъ вооруженіи, что франко-германская граница закована въ броню и усѣяна войсками, готовыми по первому приказу броситься другъ на друга и что равновѣсіе матеріальной подготовки поддерживается цѣной огромныхъ жертвъ.

В. Недзвѣцкій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1].

IV.

Переименованіе Императорскаго Военнаго Сиротскаго Дома въ Павловскій кадетскій корпусъ.—Публичные экзамены.—Помѣщеніе кадетъ въ Александрійскомъ дворцѣ.—Назначеніе главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Михаила Павловича и уничтоженіе должности главнаго директора кадетскихъ корпусовъ.— Положеніе моихъ дѣлъ въ корпусѣ.— Субботніе обѣды у Михаила Павловича и ихъ четверговыя репетиціи у директора. — Окончаніе мною курса въ корпусѣ. — Отношеніе императора Николая I къ военно-учебнымъ заведеніямъ.—Мое послѣднее посѣщеніе графа Аракчеева.—Прощальная рѣчь графа.— Разговоръ Купріянова съ неизвѣстнымъ.

ВЪ НАЧАЛѢ 1828 года, Императорскій Военно-Сиротскій Домъ и одноименный съ нимъ институтъ, въ память своего основателя, были переименованы въ Павловскіе: кадетскій корпусъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Для послѣдняго, спустя нѣкоторое время, было выстроено новое зданіе на Знаменской улицѣ.

Съ переименованіемъ въ корпусѣ измѣнилась и организація нашего заведенія. Образовано было пять ротъ: гренадерская, комплектовавшаяся изъ лучшихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ выбирались унтеръ-офицеры и фельдфебеля, первая, вторая, третья и неранжированная; послѣдняя замѣнила малолѣтнія отдѣленія.

Ротами командовали капитаны. Директоромъ корпуса, вмѣсто Арсеньева, былъ назначенъ Карлъ Ѳедоровичъ Клингенбергъ. Соб-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL, стр. 332.

ственно на кадетахъ преобразованіе отозвалось лишь небольшимъ измѣненіемъ формы и улучшеніемъ стола.

Клингенбергъ обратилъ особенное вниманіе на нравственную часть. При немъ, тѣлесное наказаніе, если и не было совершенно вытѣснено изъ употребленія, то сдѣлалось, во всякомъ случаѣ, рѣдкостью. Подвергшіеся ему кадеты клеймились презрѣніемъ товарищей. Самыя наказанія производились больше для проформы.

Помню только два случая строгихъ тѣлесныхъ наказаній въ нашемъ корпусѣ и строгими называю ихъ только потому, что ихъ произвели при собраніи всѣхъ воспитанниковъ заведенія. Въ первый разъ былъ наказанъ кадетъ М—на за то, что припечаталъ сургучемъ къ каѳедрѣ бороду священника Граціанскаго. Батюшка, возвратясь съ похоронъ какого-то важнаго лица, уснулъ въ классѣ. Въ другой разъ было наказано четверо выпускныхъ воспитанниковъ, сильно избившихъ ночью нагайками кадета З—ова 2-го. Правда нашумѣлъ директоръ сильно, но велѣлъ наказать каждаго только пятью ударами, присовокупивъ: «Высѣчь-то высѣку, а выпустить—выпущу. Отцовъ и матерей вашихъ не хочу дѣлать несчастными!»

Учебная часть стояла у насъ далеко не ниже, чѣмъ въ другихъ корпусахъ. Публичные экзамены выпускнымъ всѣхъ заведеній, учрежденные въ 1828 году главнымъ директоромъ Демидовымъ, вполнѣ подтвердили сказанное мною. Экзамены производились въ залѣ 1-го кадетскаго корпуса профессорами университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Результаты экзаменовъ 1828, а особенно 1829 годовъ, поставили Павловскій корпусъ на первое мѣсто. Во время экзаменовъ произошли непріятности между профессорами и директорами корпусовъ, вслѣдствіе чего, по всей вѣроятности, на слѣдующіе года экзаменовъ не назначалось. Говорили, что цесаревичъ Констатинъ Павловичъ формально запретилъ ихъ.

Во время лагерей 1829 года, въ день рожденія императрицы Александры Ѳедоровны, въ Петергофскомъ саду, было устроено большое гулянье, закончившееся страшнѣйшимъ ливнемъ. Мы, кадеты, также прогуливались въ саду. Лагерь нашъ въ то время былъ расположенъ подъ Петергофомъ, противъ Верхняго сада. При началѣ дождя мы бросились домой. Къ палаткамъ мы прибѣжали промокшіе до костей. Тутъ насъ ожидало чрезвычайно интересное зрѣлище: наши палатки стояли на аршинъ въ водѣ, а передъ ними плавала одежда, амуниція, подушки, тюфяки и пр. Часовъ въ семь утра къ намъ пожаловалъ государь. Увидавъ эту картину, онъ приказалъ тотчасъ же перевести весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній въ Александрійскій дворецъ. Въ немъ мы пробыли четыре дня, имѣя съ царской кухни завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Съ 1830 года воспитанники военно-учебныхъ заведеній уже

постоянно выводились въ лагерь, подъ Петергофъ. Для этого было избрано мѣсто парада Драгунскаго поля. Осушенное, поднятое, обсаженное деревьями, украшенное хорошенькими цвѣтниками и снабженное необходимыми постройками въ русскомъ стилѣ, оно представляло чрезвычайно оживленный видъ.

Въ 1831 году скончался цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Мѣсто главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній было предоставлено Михаилу Павловичу. Умеръ и Н. И. Демидовъ и должность главнаго директора была упразднена. Покойный Демидовъ, завѣщавъ своей побочной дочери домъ въ Москвѣ и милліонъ рублей ассигнаціями, предназначилъ ей и двухъ жениховъ по ея выбору. Это были капитаны 1-го кадетскаго корпуса Севербрикъ и Багговутъ.

Послѣдній, не смотря на то, что его соперникъ первый прикатилъ въ Москву, получилъ предпочтеніе.

Вступивъ въ новую должность, Михаилъ Павловичъ объѣхалъ всѣ корпуса. Вѣроятно, оставшись совершенно довольнымъ нашимъ заведеніемъ, онъ приказалъ всѣмъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ кадетскихъ корпусовъ посѣтить Павловскій корпусъ и познакомиться съ существующимъ въ немъ порядкомъ. Во время этого посѣщенія присутствовалъ самъ великій князь.

Подъ высокимъ покровительствомъ Михаила Павловича военно-учебныя заведенія были доведены до отличнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія. Главнымъ двигателемъ всѣхъ улучшеній былъ начальникъ штаба заведеній, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Выработаны были новыя программы по всѣмъ учебнымъ предметамъ, созданъ былъ и III томъ свода военныхъ постановленій, касавшійся физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія воспитанниковъ и преимуществъ, дарованныхъ кончавшимъ по первому разряду курсъ высшихъ спеціально-военныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось ими воспользоваться. Я кончилъ курсъ раньше, чѣмъ эти постановленія вошли въ силу.

Дѣла мои въ корпусѣ шли недурно. Еще въ 1829 году я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1831 году назначенъ на должность фельдфебеля 3-й роты.

По званію фельдфебеля, я неоднократно удостоивался приглашенія на субботніе обѣды къ Михаилу Павловичу.

Интересно вспомнить о тѣхъ репетиціяхъ къ субботнимъ обѣдамъ, которыя устроивалъ у себя по четвергамъ нашъ директоръ, Клингенбергъ, съ цѣлью подготовить воспитанниковъ къ умѣнію вести себя за столомъ великаго князя. Впрочемъ, мнѣ кажется болѣе важную роль на этихъ репетиціяхъ играло то обстоятельство, что за обѣдомъ у великаго князя насъ весьма щедро угощали научными вопросами. Особенно страшными экзаменаторами были: сенаторъ Опочининъ и адъютантъ его высочества, Анненковъ; со-

сѣдства ихъ за столомъ кадеты, видимо, избѣгали. Клингенбергъ всегда приглашалъ къ своимъ четверговымъ обѣдамъ одного или двухъ преподавателей, которые буквально засыпали насъ своими вопросами, недавая возможности полакомиться вкусными блюдами.

Въ 1832 году выпуска изъ нашего корпуса не было. Въ слѣдующемъ, 1833 году, будучи по балламъ третьимъ, я былъ представленъ, въ числѣ четверыхъ, къ выпуску въ гвардію; но это представленіе не было утверждено великимъ княземъ. Попали въ гвардію только двое: Лазаревъ и Лишинъ; я же вышелъ прапорщикомъ въ артилерію. Это обстоятельство положительно отняло у меня то чувство радости, какое обыкновенно испытывается лицами, впервые одѣвающими офицерскіе эполеты.

Сколько не прискорбна явилась мнѣ неудача на первомъ же шагу служебной дѣятельности, тѣмъ неменѣе я нисколько не обвиняю въ этомъ свое ближайшее начальство. Клигенбергъ предлагалъ мнѣ остаться въ заведеніи еще на годъ, но я не принялъ подобнаго предложенія, и, Богъ знаетъ, хорошо или дурно сдѣлалъ. По этому не только къ заведенію, выведшему меня въ люди, я сохраняю до сихъ поръ глубокую признательность, но и по отношенію къ наставникамъ не имѣю ровно никакихъ претензій. Въ настоящее время, подобное чувство, какъ мнѣ приходилось много разъ убѣдиться, почти немыслимо; для кадетъ же того времени было достаточно и того, что ежели большая часть тогдашнихъ педагоговъ и не вполнѣ отвѣчала своему прямому назначенію, то по крайней мѣрѣ и не мудрствовала лукаво! Впрочемъ, и то надо сказать, нравственная часть въ закрытыхъ заведеніяхъ не столько зависитъ отъ воспитателей, сколько отъ направленія, господствующаго въ самой средѣ воспитанниковъ. Не знаю, когда именно, но чуть ли не съ самаго основанія нашего заведенія, въ дѣтяхъ утвердилось чувство глубочайшей привязанности къ государю, за принятіе насъ, сиротъ, подъ кровъ свой. Это-то чувство и служило главнѣйшею причиной преуспѣянія добрыхъ началъ нравственности въ павловцахъ.

Высокія милости императора Николая Павловича ко всѣмъ вообще военно-учебнымъ заведеніямъ не могли не врѣзаться въ сердца моихъ сверстниковъ по воспитанію. На нихъ первыхъ выпалъ счастливый жребій воспользоваться ими.

Походы кадетъ въ лагери въ 1826 и 1827 годахъ были прямо увеселительными прогулками. Съ переводомъ кадетскаго лагеря подъ Петергофъ, государь и вся августѣйшая фамилія, проводя здѣсь лѣто, дарили насъ своими посѣщеніями чуть ли не ежедневно, какъ бы съ цѣлью сблизиться съ нами.

Въ 1831 году отрядъ военно-учебныхъ заведеній, по случаю холеры, былъ выведенъ изъ Петергофа въ Царское Село, съ приказаніемъ, воизбѣжаніе заразы, миновать чухонскія деревни. Во

время этого похода, государь, лично, дѣлалъ ночные объѣзды кадетскихъ биваковъ, съ цѣлью убѣдиться, какъ въ состояніи здоровья кадетъ, такъ и въ удобствѣ ихъ расположенія. Если, тутъ же, припомнить расположеніе кадетъ въ Александрійскомъ дворцѣ, во время затопленія нашего лагеря 2-го іюля 1829 года, обѣды, устроиваемые спеціально для кадетъ и т. п., то не станетъ ли ясно, что попеченіе императора о воспитанникахъ было чисто отцовское? Чѣмъ другимъ, какъ не особенною милостью государя, можно объяснить, что во время его присутствія въ Александрійскомъ дворцѣ, входъ въ Александрійскую дачу былъ разрѣшенъ только генералъ-адъютантамъ и кадетамъ?

Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведу и другіе примѣры: однажды, въ Александріи, около сѣтки съ мачтой мы собрались, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, и играли въ жгуты. Подошелъ государь и изъявилъ желаніе принять участіе въ нашей забавѣ. Узнанный въ нанесеніи, не помню кому именно изъ насъ, удара, онъ предложилъ, взамѣнъ возмездія, опредѣленнаго закономъ игры, побороть себя. Императрица, на глазахъ которой совершался этотъ процесъ борьбы монарха съ дюжиной кадетъ, помирала со смѣху и, видимо осталась довольной, когда мы одолѣли государя.

Черезъ полчаса мы подошли къ балкону, гдѣ сидѣла государыня. Она начала спускать намъ на шнуркахъ коробочки съ клубникой и малиной. Въ это время вышелъ изъ дворца государь. Садясь въ кабріолетъ, онъ громко крикнулъ:

— «Ребята! въ лагерѣ у васъ тревога!»

Какъ угорѣлые бросились мы за нимъ, а нѣкоторые смѣльчаки вскочили даже въ его экипажъ. Государь не только не выразилъ имъ своего неудовольствія, но даже, шутя, сказалъ:

— «Вотъ подождите-ка! Въ лагерѣ я пожалуюсь на васъ вашему начальству».

Помню не мало и такихъ случаевъ, когда, бывало, подбѣжитъ къ государю какой-нибудь кадетъ съ просьбою помиловать отца, брата или какого-нибудь близкаго родственника, подвергшагося удаленію изъ семейства. Ни разу не помню, чтобы подобныя просьбы были оставлены безъ вниманія.

Сообразивъ все выше сказанное, легко понять, почему офицеры выпущенные въ наше время изъ кадетскихъ корпусовъ, были пропитаны самымъ высокимъ чувствомъ долга къ государю и отечеству и считались лучшими служаками нашей арміи.

Во время нашего пребыванія въ корпусѣ, графъ Аракчеевъ часто бралъ насъ съ братомъ къ себѣ въ отпускъ. Нашъ ротный командиръ, подполковникъ Бриммеръ, отпуская насъ къ графу, осматривалъ во всей подробности наше платье и бѣлье, а выдавая отпускные билеты, наставлялъ, что именно должны мы отвѣчать, если графъ будетъ спрашивать насъ о порядкахъ въ заведеніи.

Мы были до того пропитаны этими наставленіями, что на вопросы графа, обращенные къ одному изъ насъ, оба, слово въ слово, спѣшили отвѣчать словами Бриммера. Однажды, графъ улыбнулся и сказалъ:

— Вижу и вѣрю, что вы хорошія дѣти, ежели такъ хорошо вытвердили начальническія наставленія.

Въ послѣдній разъ графъ взялъ насъ къ себѣ на масляницѣ въ 1826 году. Къ нашему удивленію мы нашли у него до двадцати кадетъ другихъ корпусовъ, съ которыми прежде никогда не встрѣчались. Это были дѣти офицеровъ, служившихъ въ поселенныхъ войскахъ и тоже опредѣленные въ корпуса графомъ.

Насъ привели въ пріемный залъ, куда, немного спустя, вошелъ и графъ. Перецѣловавъ всѣхъ насъ, графъ спросилъ:

— Ну, что, дѣти, довольны ли вы своими заведеніями? Научились ли строго и точно исполнять всѣ требованія начальства? Не тяготитесь ли ими?

Получивъ обыкновенный отвѣтъ. — «Стараемся, ваше сіятельство!» графъ продолжалъ:

— Да, да, надобно стараться! Все это, впослѣдствіи, послужитъ вамъ же на пользу. Я говорю вамъ это по собственному моему опыту. Служба моя въ Гатчинѣ, при блаженной памяти императорѣ Павлѣ Петровичѣ, была необыкновенно трудна: не было ночи, чтобы государь не требовалъ меня къ себѣ; поэтому и ночью я не зналъ покоя, а дремалъ лишь въ своемъ креслѣ, въ полной парадной формѣ. Все это я дѣлалъ безъ малѣйшаго ропота на тягость службы, единственно по безграниченной любви и преданности къ его высокой особѣ. Такъ точно служилъ я и покойному государю императору Александру Павловичу. Милость его ко мнѣ была безпримѣрна! Она выражалась въ самой высшей наградѣ: въ довѣріи къ моимъ трудамъ. Съ такимъ же чувствомъ долга и самоотверженія началъ я служить и нынѣ благополучно царствующему императору Николаю Павловичу, но самъ чувствую, что силы мои уже не тѣ: одряхъ, сталъ негоденъ къ своей прежней дѣятельности. Возьмите, дѣти, примѣръ съ меня и повѣрьте, что для достиженія высшихъ служебныхъ положеній не нужны ни богатства, ни знатность происхожденія: нуженъ трудъ и полное самоотверженіе для блага своего отечества!

Послѣ ранняго обѣда, собственно для насъ устроеннаго, графъ приказалъ прокатить насъ къ ледянымъ горамъ на тройкахъ. Насъ сопровождали полковникъ Купріяновъ и два адъютанта графа. Съ прогулки мы возвратились только въ сумерки. Купріяновъ, по старой памяти, пригласилъ насъ съ братомъ къ себѣ на чай. Тутъ одинъ изъ его знакомыхъ, какой-то статскій, съ Анной на шеѣ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, повелъ съ Купріяновымъ слѣдующій разговоръ:

— Знаете ли вы, что̀ въ большихъ сферахъ поговариваютъ о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ?

— А что̀?—спросилъ Купріяновъ.

— Графу, кажется, не сдобровать! Въ прошлую пятницу онъ былъ съ докладомъ у государя и, по обыкновенію, вошелъ прямо въ его кабинетъ. Императоръ взглянулъ на него весьма холодно и, вставъ съ своего кресла, указалъ ему на дверь комнаты, въ которой онъ обыкновенно принималъ министровъ. Выйдя потомъ и самъ туда, онъ сказалъ: «Не ближе, какъ здѣсь, желаю я встрѣчаться съ вами, графъ!»—Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился опять въ свой кабинетъ. Понятно,—продолжалъ разсказчикъ,—такая неожиданность не могла не поразить графа. Блѣдный какъ полотно, съ слезами на глазахъ, онъ направился къ выходу изъ дворца. На лѣстницѣ его встрѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ: — «Что̀ съ вами, графъ? Больны? За границу, за границу!»

— Если это такъ,—сказалъ Купріяновъ,—то нужно ждать большихъ перемѣнъ. Теперь ясно подъ какимъ настроеніемъ говорилъ такъ долго графъ съ этими юношами сегодня. Вотъ оно что!..

Передъ отправленіемъ насъ въ корпусъ, мы были приведены къ графу проститься. Теперь онъ, дѣйствительно, показался намъ грустнымъ. При прощаньѣ графъ благословилъ насъ и завѣщалъ не забывать его наставленій.

V.

Производство въ прапорщики артилеріи. — Представленіе императору и великому князю Михаилу Павловичу. — Прибытіе въ Новосельскъ. — Служебная бездѣятельность. — Лагерь подъ Варшавой. — Высочайшій смотръ подъ Закрочинымъ.—Просьба кавалерійскаго офицера о помилованіи брата.—Въ Варшавскомъ гарнизонѣ. — Караульная служба.—Комендантъ застаетъ меня спящимъ въ караулѣ. — Недоразумѣніе съ командиромъ. — Увеселительная прогулка по Варшавѣ. — Положеніе артилеристовъ въ Варшавѣ въ 30-хъ годахъ. — Фельдмаршальскіе балы.—Экономичность свѣтлѣйшей княгини.—Откровенный капитанъ.

25-го февраля 1833 года, по окончаніи курса наукъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, я былъ произведенъ въ прапорщики артилеріи и назначенъ въ 8-ю артилерійскую бригаду, имѣвшую стоянкой мѣстечко Новосельскъ, въ двѣнадцати миляхъ отъ Варшавы.

На другой день послѣ производства, всѣхъ насъ, молодыхъ офицеровъ, уже въ офицерскихъ мундирахъ, привели къ присягѣ.

По существовавшимъ тогда правиламъ, на первоначальное обмундированіе производимымъ въ офицеры отпускалось отъ казны третное жалованіе по роду войскъ: артилеристамъ и саперамъ—170 руб. асс., пѣхотинцамъ—150 руб.

Тотчасъ послѣ присяги, всѣ произведенные изъ нашего корпуса были представлены великому князю Михаилу Павловичу въ его дворцовомъ саду. Вскорѣ туда прибылъ и императоръ Николай Павловичъ. Поздравивъ насъ съ производствомъ, государь выразилъ свою благодарность за благонравіе, которымъ, въ его глазахъ, постоянно отличался Павловскій корпусъ и, выразивъ убѣжденіе, что мы и на службѣ будемъ радовать его своимъ усердіемъ и преданностью престолу и отечеству, простился съ нами, присовокупивъ, что каждый изъ насъ, въ случаѣ нужды, всегда найдетъ въ немъ своего покровителя.

8-го марта, по запискѣ завѣдывающаго новоиспеченными офицерами, всѣ мы должны были прибыть въ комиссаріатскій департаментъ за полученіемъ прогонныхъ денегъ, а затѣмъ въ главный штабъ за приказаніями и подорожными бланками.

Взявъ 28-дневный отпускъ и запасшись билетомъ въ Харьковскую губернію, я выѣхалъ изъ Петербурга. Наступленіе весны, разливы рѣкъ и безпутица навели меня на мысль отложить путешествіе въ Малороссію. Я поѣхалъ въ Ригу, чтобы повидаться съ братомъ Степаномъ, служившимъ тамъ, въ 4-мъ морскомъ полку. По окончаніи срока отпуска, я прибылъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Дрогалевымъ въ мѣстечко Новосельскъ, штабъ-квартиру нашей бригады. Представились командиру, сдѣлали визиты. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы, какія служебныя обязанности будутъ возложены на насъ. Но проходили дни, недѣли, и мы оставались при тѣхъ же ожиданіяхъ. Все это время проводили въ прогулкахъ и игрѣ на билліардѣ, который былъ подъ рукою, такъ какъ намъ отвели квартиру въ трактирѣ. Какъ-то разъ, услышавъ звуки барабана, мы вышли посмотрѣть на ученье, производимое фельдфебелемъ, и остались на плацу до его конца. Узнавъ о нашемъ посѣщеніи учебнаго плаца, трое офицеровъ, изъ самыхъ старыхъ, подняли насъ на смѣхъ и посовѣтовали укротить наше усердіе къ службѣ: «не принято-де у насъ!» Что тутъ было дѣлать? Далѣе и далѣе все то же служебное бездѣйствіе, а научиться хоть азбукѣ артиллерійскаго строя положительно было не у кого.

Въ іюнѣ мы выступили въ лагерь подъ Варшаву. Здѣсь нашу бригаду осмотрѣлъ начальникъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи, полковникъ Безакъ—лицо тогда всесильное въ нашемъ родѣ оружія. Матеріальная часть вообще, а лошади въ особенности, были найдены въ превосходнѣйшемъ состояніи, да и не мудрено, такъ какъ по принятому тогда щегольству на лошадей, подручныя покупались не дешевле 1,500 руб. асс. Когда же Безакъ коснулся знанія офицерами строевой службы, то оказалось, что ни одинъ изъ нихъ ничего не смыслитъ. Отнесясь довольно снисходительно ко мнѣ и Дрогалеву, какъ къ только-что выпущеннымъ изъ корпуса,

Безакъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мы посѣщали учебную и желонерную команды.

Лагерь подъ Варшавой, за Повонзской заставой, по своему устройству, представлялъ цѣлый рядъ дачь съ хорошенькими полисадниками, цвѣтниками и бараками для офицеровъ. Каждый баракъ вмѣщалъ въ себѣ по двѣ комнаты, обитыя обоями, съ необходимою казенною мебелью. Послѣ петербургскихъ лагерей это было для меня неожиданною новостью.

Самая Варшава представилась мнѣ съ совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ всѣ наши русскіе города. Уличная жизнь, обиліе всюду молоденькихъ, смазливыхъ женщинъ, пришлись намъ по вкусу. Въ трактирахъ также прислуживали молодыя, чисто одѣтыя дѣвушки. Цѣны были поразительно дешевыя: въ лучшихъ ресторанахъ обѣдъ изъ пяти блюдъ стоилъ что̀-то не болѣе двухъ злотыхъ, т. е. около рубля 20 коп. асс. Но особенной дешевизной отличались театры: большой такъ называемый «Розмаитосци», въ которыхъ давались оперные, драматическіе и балетные спектакли. Кресло въ первыхъ рядахъ обходилось два злотыхъ пять грошей т. е. 1 рубль 30 коп. асс. Актрисы Жучковская и Аширигеро̀ва, актеры Жолкевскій, Дамсе, Кужичъ, пѣвицы Волкова и Замецкая и балерина Дамсу̀вна, по всей справедливости, могли бы составить славу любого европейскаго театра.

Во время лагеря, я былъ переведенъ въ легкую № 2-й батарею 4-й артиллерійской бригады. По окончаніи лагеря, мы отбыли высочайшій смотръ подъ Закрочинымъ, куда были собраны всѣ войска 2-го и 3-го армейскихъ корпусовъ, квартировавшихъ въ царствѣ Польскомъ.

Смотромъ 11-го и маневрами 12-го сентября государь остался доволенъ, хотя и высказалъ, что думалъ найти въ лучшемъ видѣ кавалерію. Обоимъ корпуснымъ командирамъ Крейцу и Ридигеру за кавалерію былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Говорили, впрочемъ, что главною причиною неудовольствія государя на кавалерію былъ докладъ о сильномъ ополяченіи офицеровъ, дошедшемъ до привычки употреблять въ разговорахъ между собою польскій языкъ.

Послѣ маневровъ, государь съ Бенкендорфомъ сѣлъ въ коляску. Войска начали расходиться. Вдругъ видимъ, отъ одного уланскаго полка отдѣлился какой-то офицеръ и летитъ во весь опоръ прямо къ государю, Замѣтивъ это, государь приказалъ кучеру остановиться. Подскакавъ къ коляскѣ, офицеръ подалъ императору какую-то бумагу. Принявъ ее съ недовольнымъ видомъ, государь громко крикнулъ:

«На гауптвахту! Доложи объ этомъ своему полковому командиру».

Мнѣ разсказывали потомъ, что обращеніе улана прямо къ государю послѣдовало по поводу слѣдующаго трагическаго случая: Осенью 1832 года, Троицкій пѣхотный полкъ передвигался черезъ

мѣстечко Новосельскъ на свои новыя зимнія квартиры въ Пултускъ. Офицеръ, прибывшій въ Новосельскъ съ квартирьерами, встрѣтилъ отъ бургомистра не только множество препятствій по размѣщенію полка, но и довольно крупныя, оскорбительныя для мундира грубости, неоднократно повторяемыя. Тогда офицеръ зарядилъ ружье и, сказавъ краткую рѣчь бургомистру, выстрѣлилъ. Пуля выбила зубы и оторвала переднюю часть языка. По учиненіи этого проступка, офицеръ самъ явился къ начальнику дивизіи, былъ арестованъ и отданъ подъ судъ. Вотъ съ просьбою-то о помилованіи своего родного брата уланскій офицеръ и подскакалъ къ государю.

По разсмотрѣніи дѣла въ военномъ судѣ, при смягчающихъ вину обстоятельствахъ, заключавшихся въ томъ, что должностныя лица царства Польскаго, изъ ненависти къ русскимъ, постоянно позволяли себѣ дѣлать дерзости офицерамъ, судъ постановилъ законное наказаніе за убійство, но вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ о милостивомъ на это дѣло воззрѣніи государя императора. Вслѣдствіе этого, по высочайшей конфирмаціи, виновный былъ подвергнутъ только шестимѣсячному церковному покаянію. Братъ же его, по разсмотрѣніи поданной имъ просьбы, былъ освобожденъ изъ-подъ ареста въ тотъ же день.

Послѣ высочайшаго смотра, меня прикомандировали къ легкой № 2-й ротѣ 6-й артиллерійской бригады, которая была въ Варшавѣ, занимая въ ней зимніе караулы. Насъ расположили въ городѣ, въ арсенальныхъ казармахъ. Наша караульная служба состояла въ слѣдующемъ: ежедневно въ 10 часовъ утра производился на Саксонской площади разводъ самимъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, или начальникомъ штаба дѣйствующей арміи генералъ-лейтенантомъ княземъ М. Д. Горчаковымъ. Отъ артиллеріи выходило въ караулъ 4 орудія, отъ пѣхоты одинъ полкъ, въ полномъ составѣ. Послѣ развода, баталіонъ пѣхоты, вмѣстѣ съ двумя орудіями, направлялся въ Саксонскій дворецъ, а два другія орудія направлялись въ зàмокъ, гдѣ жилъ самъ фельдмаршалъ. Караульный артиллерійскій офицеръ находился въ Саксонскомъ дворцѣ, но въ то же время долженъ былъ наблюдать и за орудіями, расположенными въ зàмкѣ. Это обстоятельство давало возможность вовсе не быть на своемъ посту. Такъ оно и велось, безъ малѣйшаго протеста со стороны коменданта, генералъ-лейтенанта Пенхержевскаго.

Въ ноябрѣ, со мною вышелъ непріятный случай, не имѣвшій, впрочемъ, дурныхъ послѣдствій: Въ половинѣ этого мѣсяца фельдмаршалу вздумалось вывести по тревогѣ всѣ войска изъ Варшавы для маневровъ, оставивъ въ городѣ одни только караулы. Будучи эти дни въ караулѣ, я сильно заболѣлъ, а смѣнить меня было некому. Ночью другого дня я позволилъ себѣ снять мундиръ и, за-

кутавшись въ шинель, крѣпко заснулъ. Какъ на грѣхъ, явился комендантъ и, несмотря на полученное имъ отъ старшаго караульнаго пѣхотнаго офицера объясненіе, что я заболѣлъ, приказалъ передать мнѣ свое требованіе явиться къ нему послѣ смѣны. Когда я пришелъ къ нему на другой день, онъ вышелъ ко мнѣ съ чрезвычайно строгимъ видомъ, но, взглянувъ внимательно на меня, только и сказалъ:

— Съ больнымъ человѣкомъ ничего не подѣлаешь! Идите съ Богомъ и никому не говорите, зачѣмъ я требовалъ васъ къ себѣ.

Придя домой, я слегъ въ постель. Призванный докторъ опредѣлилъ легкое воспаленіе лѣваго легкаго. Посѣтили меня товарищи; пришелъ и командиръ, подполковникъ Вагнеръ. При общей бесѣдѣ я разсказалъ причину посѣщенія коменданта. Но это признаніе молодого офицера не прошло безъ послѣдствій. Нѣсколько позже вышло такое обстоятельство:

Разводъ, какъ я уже сказалъ, производился въ десять часовъ утра. По заведенному порядку, нашъ дивизіонъ являлся на Саксонскую площадь къ 9 часамъ утра при однихъ только фейерверкерахъ, а офицеры съ командиромъ приходили нѣсколько позже. Однажды князь Горчаковъ вздумалъ сдѣлать разводъ нѣсколько раньше и приступилъ къ церемоніи въ 9 часовъ утра. Но каково было его удивленіе, когда при артиллеріи не оказалось ни командира роты, ни караульнаго офицера, и дивизіонъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ только при фейерверкерахъ? Князь ужасно разшумѣлся, а Вагнера и караульнаго офицера, подпоручика Звягинцева, велѣлъ арестовать.

Послѣ своего ареста, Вагнеръ опрокинулъ на меня всю свою злобу. Еслибы я, утверждалъ онъ, не повторялъ постоянно, что офицерамъ выѣзжать вмѣстѣ съ дивизіономъ не слѣдуетъ, ничего подобнаго не случилось бы. Впрочемъ эти нападки были мнѣ только смѣшны.

Вскорѣ между мной и Вагнеромъ вышла новая, уже болѣе крупная, исторія. Около праздниковъ Рождества Христова, дежурнымъ по ротѣ былъ подпоручикъ Звягинцевъ. Подъ вечеръ, когда нужно присутствовать на коновязи, ему понадобилось отлучиться въ городъ. Никого изъ насъ не было дома и Вагнеръ даже видѣлъ, какъ мы отправились въ Красинскій садъ. По дорогѣ я спохватился, что оставилъ дома деньги и возвратился въ казармы. Увидѣвъ меня, Звягинцевъ такъ убѣдительно просилъ подежурить за него часа два, что я поддался на его просьбу. Во время коновязи, когда уже и самаго Вагнера не было дома, извѣстная своимъ злымъ нравомъ лошадь «Богатырь», такъ сильно ударила въ грудь своего ѣздового, что бѣдный солдатикъ, не болѣе какъ черезъ часъ, былъ мертвъ.

По возвращеніи Вагнера, я сообщилъ ему о случившемся, доложилъ также, почему заступилъ мѣсто Звягинцева.

— Неправду говорите, Иванъ Романовичъ! Что Звягинцевъ, быть можетъ, и ушелъ въ городъ, я этому не удивляюсь, такъ какъ онъ, вообще, служитъ, спустя рукава, но что и вы не были на коновязи, это вѣрно! Я самъ видѣлъ, какъ вы ушли съ товарищами въ городъ черезъ Красинокій садъ.

— Не привыкъ я, Карлъ Богдановичъ, прибѣгать къ такому пошлому обману. Приписывая мнѣ подобныя качества, вы меня оскорбляете. Дежурный фейерверкеръ и всѣ нижніе чины могутъ засвидѣтельствовать, что несчастье случилось на моихъ глазахъ.

— Я не такъ простъ, чтобы не сообразить, что и дежурный фейерверкеръ и всѣ нижніе чины подговорены вами. Повторяю, что безсовѣстно стараетесь обмануть меня.

— Если такъ, господинъ полковникъ, то мнѣ остается сказать вамъ, что вы не только безсовѣстно, но даже подло пользуетесь своимъ старшинствомъ передо мною. Прощайте!

Вагнеръ подалъ на меня рапортъ начальнику штаба артиллеріи, Безаку, въ которомъ жаловался не только на мою дерзость, приводя въ подлинникѣ мои слова, относительно его недобросовѣстности, но и приплелъ исторію, какъ комендантъ засталъ меня въ караулѣ безъ мундира и спящимъ.

Безакъ потребовалъ меня къ себѣ, принялъ въ кабинетѣ и предложилъ такой вопросъ:

— Знаете ли вы, какой отвѣтственности подвергается офицеръ, если командиръ подаетъ на него рапортъ такого содержанія?

— Знаю, Александръ Павловичъ (Безакъ терпѣть не могъ, когда его называли полковникомъ); но я могу доказать фактически, что на всю эту непріятность я былъ вызванъ и вопіющею несправедливостью подполковника Вагнера, и глубочайшимъ оскорбленіемъ, которое онъ нанесъ мнѣ.—Затѣмъ объяснивъ, какъ все было, я присовокупилъ:—Ежели же, по изслѣдованію, хотя что-либо изъ сказаннаго мною не подтвердится, я готовъ подвергнуться самому строгому взысканію.

Выслушавъ меня, Безакъ сдѣлалъ непріятную гримасу и проговорилъ:

— Удивляюсь подполковнику Вагнеру, что при такомъ неумѣніи держать себя съ офицерами, онъ рѣшается еще жаловаться. Отнесите ему этотъ рапортъ и постарайтесь помириться съ нимъ.

Вагнеръ былъ страшный трусъ, и этимъ только можно объяснить, что мое дѣло замерло послѣ моей фразы:

— Я былъ у полковника Безака и объяснилъ все дѣло дочиста, не щадя ни себя, ни васъ. Безакъ удивляется, какъ вы, будучи во всемъ сами виноваты, позволили себѣ утруждать его

такою странною жалобой. Рапортъ вашъ онъ приказалъ возвратить вамъ. Вотъ онъ!

И съ этими словами я повернулся и вышелъ.

Въ половинѣ января послѣдовало распоряженіе о нашемъ переводѣ въ г. Сеймы, Августовскаго воеводства. Желая пожуировать послѣдніе дни въ Варшавѣ, мы, цѣлой компаніей, рѣшили прокатиться по городу съ музыкой. Наняли шесть фаэтоновъ, сами усѣлись на трехъ, на остальные три посадили шарманщиковъ и приказали имъ играть. Надо же было на несчастье, чтобы репертуаръ ихъ инструментальныхъ валовъ ограничивался запрещенными польскими пѣснями: «Еще пòльска не згинѣла» и «Нашъ хлопицкій вòякъ». Едва успѣли мы добраться до дому, какъ два конные жандарма объявили намъ, что всѣхъ насъ и нашего командира требуетъ къ себѣ князь Горчаковъ. Шутка вышла скверная! Вагнеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, помертвѣлъ.

— Что это, господа?—сказалъ намъ князь, когда мы предстали передъ его особой: — новую революцію хотите создать? Вѣроятно, вы поляки?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, русскіе!—отозвались мы:—пожуировать вздумалось, да вышло неосторожно!

— А вы, чтò смотрите?—обратился онъ къ Вагнеру; но видя, что этотъ послѣдній ни живъ, ни мертвъ, отдалъ приказаніе размѣстить насъ по разнымъ гауптвахтамъ.

Арестъ нашъ продолжался не болѣе трехъ часовъ.

Что только, относительно нашей будущности, не передумали мы въ это короткое время! Снисхожденіе князя къ намъ можно объяснить только тѣмъ, что онъ самъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ и всегда относился къ этой части войскъ съ особенной симпатіей.

Въ тридцатыхъ годахъ, мы, артиллеристы, и саперы играли въ Варшавѣ роль гвардейцевъ. Вмѣсто вице-киверовъ носили треугольныя шляпы съ султанами, разрѣшенныя только въ столицахъ генераламъ и офицерамъ гвардіи. Фельдмаршалу, по видимому, это даже нравилось. По его приказанію, насъ назначали на придворные балы. Честь присутствовать на нихъ обходилась не дешево: нужно было имѣть особенное бѣлье, лосинныя брюки, шелковые, тѣлеснаго цвѣта, чулки и изящные башмаки съ золотыми пряжками.

Удовольствія на этихъ балахъ мы не только не имѣли, но даже досадовали на невыносимую скуку и усталость, такъ какъ въ танцовальной залѣ нельзя было даже присѣсть. Приглашать дамъ по собственному выбору мы не могли: надо было ожидать заявленія дежурнаго адъютанта, что такая-то-де дама дѣлаетъ вамъ честь своимъ желаніемъ протанцовать съ вами такой-то танецъ. Вся надежда вознаградить скуку основывалась на мечтѣ о хоро-

шемъ ужинѣ. Но и это была только мечта! Фельдмаршальскій столъ, кувертовъ на пятьдесятъ, гдѣ возсѣдали почетные гости, правда, ѣлъ по-лукуловски, но насъ-то кормили далеко не роскошно. Частенько приходилось просиживать и за совсѣмъ пустыми приборами и невольно вспоминать, глядя другъ на друга, весеннихъ волковъ, голодъ которыхъ вошелъ даже въ пословицу. Обвиненіе за такое пренебреженіе къ гостямъ, менѣе знатнаго происхожденія, всегда падало на супругу фельдмаршала, урожденную Грибоѣдову. Княгиня отличалась ханжествомъ и необыкновенною скупостью. До какой степени доходила послѣдняя, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая:

Офицерамъ, занимавшимъ караулъ при зàмкѣ фельдмаршала, обѣдъ и завтракъ выдавались отъ двора, подъ надзоромъ самой хозяйки. Однажды, возвратясь откуда-то домой часа въ три дня, фельдмаршалъ прошелъ прямо на гауптвахту, не приказавъ вызывать караула. Придя въ офицерское помѣщеніе, онъ засталъ обоихъ дежурныхъ офицеровъ за обѣдомъ. Попробовалъ одно блюдо: поморщился; взялъ въ ротъ другое: выплюнулъ.

— Что за причина, — спросилъ онъ старшаго офицера, — что обѣдъ у васъ такой отвратительный? Вѣрно, взяли въ какой-нибудь харчевнѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость! обѣдъ принесъ намъ вашъ придворный лакей.

— Всегда такимъ васъ кормятъ?

— Лучшаго, ваша свѣтлость, я ни разу не видѣлъ, хотя частенько доводилось стоять здѣсь въ караулѣ.

Фельдмаршалъ страшно разсердился и, придя къ себѣ, какъ разсказывали, опрокинулъ свой сервированный обѣденный столъ и заперся въ кабинетѣ.

Въ Люблинѣ, за обѣдомъ у корпуснаго командира генералъ-адъютанта Ридигера, я видѣлъ этого офицера, капитана Полтавскаго пѣхотнаго полка. Здѣсь ему совсѣмъ не повезло: онъ посолилъ поданный ему супъ. Ридигеръ, замѣтивъ это, проговорилъ:

— До сихъ поръ мой французъ умѣлъ угождать на каждый, даже прихотливый вкусъ; но армейскій капитанъ нашелъ недостатокъ въ его искусствѣ: недостаточно положилъ соли въ супъ.

— Я человѣкъ русскій, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ капитанъ,—и держусь пословицы: ѣшь солоно, пей кисло— и умрешь, не сгніешь.

Хотя, видимо, этотъ отвѣтъ и не понравился генералу, но онъ промолчалъ. Однако, откровеннаго капитана уже никто больше не видѣлъ за столомъ у Ридигера.

VI.

Переводъ въ Сейны.—Смотръ Безака.—Өедоренко.—Его разговоръ съ Хрулевымъ.—Предложеніе поступить въ Военную Академію.—Занятія съ изъявившими желаніе поступить въ академію.—Снова во фронтѣ.—Чудачества Өедоренка.—Въ Шерешовѣ.—Лагерь подъ Брестомъ Литовскимъ.—Въ Сѣнѣ.—Исторія съ бригаднымъ командиромъ.—Пріѣздъ Өедоренка.—Его наставленія.—«Прудокъ».—Отпускъ на родину.—Эфектный фейерверкъ.—Знакомство съ графомъ Тизенгаузеномъ.—На пиру у Петкевича.—Исторія Ключарева со священникомъ.—Въ одиннадцати-мѣсячномъ отпуску.—Возвращеніе въ Вильну.—На мызѣ Нерфть.—Оригинальные порядки въ имѣніи графа Шувалова.

12-го февраля, согласно маршруту, мы прибыли въ Сейны. Вскорѣ пріѣхалъ Безакъ инспектировать нашу роту. Послѣ смотра Вагнеръ пригласилъ его обѣдать. Безакъ пошелъ, но, не найдя у него никого изъ офицеровъ, раскланялся и, уходя, сказалъ:

— Я не привыкъ обѣдать у командировъ безъ офицеровъ.

Вскорѣ послѣ Безака, пріѣхалъ инспектировать нашу бригаду дивизіонный начальникъ, генералъ-майоръ Петръ Ивановичъ Өедоренко въ своей ветхозавѣтной бричкѣ. Смотръ отбытъ всѣми батареями хорошо и генералъ пожелалъ пробыть нѣсколько времени у нашего бригаднаго командира, извѣстнаго хлѣбосола, полковника Плещеева, штабъ котораго былъ расположенъ въ мѣстечкѣ Кальвари. Сюда же были приглашены почти всѣ офицеры бригады.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ вечеровъ прибылъ въ Кальвари прапорщикъ Сергѣй Хрулевъ, родной братъ героя Венгерской и Крымской кампаній, который, послѣ турецкой войны 1828—29 годовъ, находился при нашемъ артиллерійскомъ паркѣ, оставленномъ въ крѣпости Тульчѣ. Этотъ паркъ былъ имъ сданъ въ Кіевскій арсеналъ только въ концѣ 1833 года, послѣ чего Хрулевъ возвратился въ бригаду. Проживъ такое долгое время въ Тульчѣ, Хрулевъ не былъ обмундированъ, какъ слѣдуетъ, не имѣлъ даже порядочныхъ эполетъ, и къ тому же въ дорогѣ у него отросла борода. Өедоренко пожелалъ тотчасъ же видѣть Хрулева. Послѣдній представился ему какъ былъ, въ дорожномъ и единственномъ сюртукѣ, съ наружностью довольно-таки старообразною. Генералъ принялъ его чрезвычайно ласково, усадилъ и началъ разспрашивать про его жизнь въ Тульчѣ. Его любезность продолжалась до тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ, что Хрулевъ прапорщикъ.

— Какъ, прапорщикъ?—вскрикнулъ генералъ, вскочивъ со стула.—А я думалъ, что по крайней мѣрѣ капитанъ. И посадилъ еще! Ваше дѣло, прапорщикъ, когда генералъ приглашаетъ васъ сѣсть, остаться на ногахъ, да и прибавить еще: покорно благодарю, ваше превосходительство, я не усталъ. Вотъ такъ-то нужно дѣлать въ вашемъ чинѣ.

Понятно, всѣ мы, вмѣстѣ съ полковникомъ Плещеевымъ, не могли удержаться отъ смѣха. Когда генералъ окончательно разсердился, приказалъ немедленно послать за почтовыми лошадьми и уѣхалъ, не простясь ни съ кѣмъ.

Въ половинѣ марта 1834 года, Вагнеръ получилъ предписаніе запросить офицеровъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ поступить въ Военную Академію, не стѣсняясь даже положеніемъ объ обязательной двухлѣтней службѣ въ строю. Вопросъ, почему означенное положеніе явилось теперь какъ бы ненужнымъ, выяснился довольно скоро. Дѣло въ томъ, что въ 1833 году, вмѣсто ожидаемыхъ 50-ти человѣкъ, явилось на экзамены только шесть, вслѣдствіе чего государь выразилъ командирамъ корпусовъ свое неудовольствіе за равнодушное отношеніе къ такому высшему, спеціально-военному заведенію.

Желая поправить ошибку и угодить государю, нашъ корпусный командиръ, генералъ отъ кавалеріи баронъ Крейцъ, не испросивъ даже высочайшаго разрѣшенія объ отмѣнѣ вышеприведеннаго положенія, махнулъ въ подвѣдомственныя ему части войскъ такое льготное предписаніе.

Объявивъ желаніе поступить въ академію, я былъ отправленъ въ корпусный штабъ въ Плоцкъ.

Сюда къ 10 апрѣля съѣхались до 40 офицеровъ разныхъ частей войскъ. Мы поступили въ вѣдѣніе корпуснаго оберъ-квартирмейстера, полковника Ушакова. Послѣдній, по приказанію Крейца, произвелъ намъ испытаніе, которое показало, что изъ всѣхъ сорока человѣкъ только трое удовлетворяютъ по своимъ познаніямъ требованіямъ академической программы. Я попалъ въ число послѣднихъ. Чтобы подготовить остальныхъ, намъ троимъ, артиллеристамъ, было предложено заниматься съ ними, правда за довольно приличное вознагражденіе. Каждый день, утромъ и послѣ обѣда, приходили мы на лекціи и дѣло начало подвигаться къ желаннымъ результатамъ.

Въ маѣ въ артиллеріи произошли кое-какія реформы, послѣ которыхъ послѣдовало уравненіе офицеровъ по всей полевой артиллеріи. Я былъ зачисленъ въ батарейную № 1 батарею 4-ой артиллерійской бригады. Сообщая объ этомъ корпусному штабу, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ Гольденшмидтъ, потребовалъ, чтобы меня, какъ непрослужившаго въ строю двухъ лѣтъ, отправили къ новому мѣсту служенія. Баронъ Крейцъ уступилъ этому требованію и я съ грустью покинулъ Плоцкъ.

Потерявъ надежду поступить въ Военную Академію въ 1834 году, я все-таки не оставлялъ намѣренія добиться своей цѣли рано или поздно. Между тѣмъ, усилившіяся требованія, касательно зна-

нія иностранныхъ языковъ, поставили меня въ невозможность преслѣдовать дальше эту цѣль.

Въ то время въ Плоцкѣ же былъ расположенъ штабъ нашей 2-й артиллерійской дивизіи. Ея начальникъ, Ѳедоренко, пригласилъ меня преподавать математику его племяннику, готовившемуся поступить въ артиллерійское училище. Отказавшись отъ денежнаго вознагражденія, я согласился на предложеніе генерала обѣдать у него, гдѣ ежедневно собирались для той же цѣли всѣ офицеры штаба дивизіи.

Забавно, какъ строго придерживался почтенный Петръ Ивановичъ своего правила, чтобы за столомъ всѣ садились по старшинству. Вызывало улыбку и то, что всякій разъ, когда передъ обѣдомъ подавалась водка, онъ приговаривалъ:

— Поручику—рюмка; подпоручику—полъ-рюмки; прапорщику—не полагается.

Но каково же было его удивленіе, когда, однажды, я, по свойственному прапорщикамъ желанію быть самостоятельнымъ, позволилъ себѣ нарушить этотъ обычай его дома и выпилъ полную рюмку водки. Долго, очень долго, онъ былъ чрезвычайно сухъ со мною и только впослѣдствіи, когда получилось увѣдомленіе, что его племянникъ отлично выдержалъ экзаменъ изъ математики и принятъ въ училище, онъ снова началъ оказывать мнѣ свое расположеніе.

Любимымъ разговоромъ Петра Ивановича за обѣдомъ была математика. Почему онъ отдавалъ предпочтеніе этой наукѣ передъ другими—рѣшить трудно. На нашъ взглядъ онъ столько же смыслилъ въ ней, сколько и въ китайскомъ языкѣ. Часто онъ до того зарапортовывался, что самъ конфузился и умолкалъ на нѣкоторое время.

Къ концу іюля я водворился на новомъ мѣстѣ служенія, въ мѣстечкѣ Шерешовѣ, Гродненской губерніи, гдѣ скоро образовался общій лагерь нашей бригады. Нашей батареей командовалъ полковникъ Жилей. Не смотря на даровой обѣдъ, мы частенько дразнили нашего скупого командира угрозами, что выберемъ себѣ подъ верхъ лучшихъ подручныхъ лошадей изъ батареи. Поводомъ къ подобному обращенію служило то обстоятельство, что полковникъ тщательно скрывалъ предписаніе начальника артиллеріи о выдачѣ офицерамъ лошадей.

Въ этомъ лагерѣ я чуть-чуть было не поплатился жизнью.

Жара стояла все время нестерпимая. Въ полуверстѣ отъ палатокъ находилось маленькое озеро, гдѣ ѣздовые купали лошадей. Какъ-то мы отправились туда купаться цѣлой компаніей. Не умѣя плавать, я придерживался берега, но двое изъ шутниковъ-товарищей подхватили меня подъ руки и, вытащивъ въ глубину, бросили. Едва-едва удалось потомъ вытащить меня на берегъ.

Въ началѣ октября наша бригада была вызвана подъ Брестъ-Литовскій для смотра и маневровъ въ присутствіи главнокомандующаго, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. Бригадѣ было приказано расположиться на тѣсныхъ квартирахъ, не доходя семи верстъ до Бреста, въ деревнѣ Скокахъ, принадлежавшей зажиточному помѣщику Нѣмцевичу. Нашъ паркъ былъ поставленъ на полянѣ, вблизи самой усадьбы помѣщика. Тамъ же были устроены шалаши для ѣздовыхъ и навѣсы для лошадей.

Офицеры, хотя и могли помѣститься въ огромномъ двухъэтажномъ домѣ Нѣмцевича, имѣвшемъ еще и два большіе флигеля, но такъ какъ панъ не слишкомъ сочувствовалъ москалямъ, то и не оказалъ этого гостепріимства. Негостепріимство Нѣмцевича доходило даже до того, что на его дворѣ нельзя было достать ни за какія деньги и кувшина молока. За эти любезности мы выдумали довольно оригинальную месть: мы приказали бить ежедневно утреннюю зарю на всѣхъ барабанахъ бригады въ продолженіи часа, прерывая самый пріятный утренній сонъ ясновельможнаго пана.

Послѣ смотра и маневровъ, наша бригада была переведена на зимнія квартиры въ Могилевскую губернію. Бригадный штабъ и наша батарея расположены въ городѣ Сѣнѣ, чисто жидовскомъ закоулкѣ. Общества никакого. Единственной интересной личностью была молодая, хорошенькая аптекарша, старый мужъ, которой вѣчно торчалъ въ своей лабораторіи. Пользуясь этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, мы ухаживали за нѣмочкой на пропалую. Мнѣ это чуть-чуть не обошлось очень дорого. Дѣло въ томъ, что нашъ бригадный командиръ былъ хотя и не молодой, но чрезвычайно пылкій ловеласъ. Хорошенькая нѣмочка удостоилась его милостиваго вниманія и вотъ командиръ пустилъ въ ходъ всю свою житейскую и боевую опытность, что бы заставить крѣпость сдаться на капитуляцію. Когда яростно преслѣдуешь какую-нибудь цѣль, всякая помѣха раздражаетъ. Такими-то раздражающими элементами въ дѣлѣ блокады командиромъ прекрасной аптекарши явились мы, безусые прапорщики, имѣвшіе (что грѣхъ таить!) больше успѣха. Командиръ злился на насъ немилосердно и злоба его, совершенно случайно, оборвалась на мнѣ. Разъ, производя смотръ нашей батареѣ, онъ вообразилъ, что я перепуталъ какую-то команду и со словами: «что вы за вздоръ командуете?» понесся карьеромъ прямо на меня. Вслѣдствіе болѣзни моей лошади я былъ пѣшкомъ. Увлекшійся командиръ навѣрно сбилъ бы меня съ ногъ, если бы мнѣ не пришла въ голову остроумная, но болѣе нежели рискованная, прямо-таки безумная мысль: я, какъ держалъ саблю на-голо, такъ и всадилъ ее въ грудь командирской лошади. Всѣ присутствующіе ахнули. Ахнулъ и я самъ, когда, успокоившись, обдумалъ уже не проступокъ, а прямо свое преступленіе. Честь командиру! Объ этой исторіи не узналъ никто изъ начальства.

Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ Ѳедоренко. Въ день его пріѣзда я былъ дежурнымъ по батареѣ. Повидимому, онъ былъ доволенъ видѣть меня, хотя не преминулъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе: въѣзжая въ городъ, онъ встрѣтилъ какого-то солдата, который не сталъ ему во фронтъ. Когда же я замѣтилъ, что подобный поступокъ могу объяснить лишь тѣмъ, что солдатъ не узналъ его, ѣхавшаго въ закрытомъ экипажѣ, генералъ сказалъ:

— Нужды мало; солдатъ долженъ по чутью знать, что ѣдетъ начальникъ. Вотъ чего нужно требовать отъ солдата.

Вслѣдъ за симъ Ѳедоренко предложилъ мнѣ объяснить, чему именно должны обучать офицеры солдатъ. Я разсказалъ, какъ умѣлъ; не забылъ прибавить и послѣднюю генеральскую фразу.

Ѳедоренко пріятно улыбнулся и продолжалъ:

— Это, что вы сказали, далеко еще не все! Офицеръ обязанъ наставлять солдатъ и слѣдить за ними не только въ городѣ, но и по деревнямъ, гдѣ они квартируютъ. Хорошо знать, какъ они живутъ съ своими хозяевами: живутъ ладно, помогаютъ имъ въ работѣ, и кормить ихъ будутъ хорошо и бѣлье хозяйка вымоетъ. При такихъ условіяхъ солдатъ будетъ здоровъ, весело ему будетъ и на службу ходить, и со службы возвращаться.

Черезъ нѣсколько минутъ, для представленія генералу собрались всѣ наши офицеры. Къ нимъ генералъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и ко мнѣ, но такъ какъ никто изъ нихъ не могъ попасть въ тонъ, Ѳедоренко приказъ мнѣ повторить слышанное.

Безъ малѣйшей улыбки, не смотря на подталкиваніе меня товарищами, я слово въ слово повторилъ всѣ мудрыя генеральскія наставленія. Мой монологъ вызвалъ улыбки на лицахъ товарищей. Генералъ началъ уже хмуриться, а въ его фразѣ: «отчего имъ такъ весело?» слышались недобрыя нотки. Да спасибо Сентищеву—выручилъ:

— Насъ радуетъ, что прапорщикъ Рубанъ такъ хорошо проникнулся наставленіями вашего превосходительства.

Петръ Ивановичъ просіялъ.

Окрестности Сѣно, усѣянныя хорошенькими рощицами и холмиками, чистенькими лѣсными лужайками и журчащими ручейками съ хрустальною водою—чрезвычайно живописны. Каждый годъ сюда съѣзжалось не мало помѣщиковъ съ семействами для такъ называемыхъ «майскихъ короцій». Тогда Сѣно становилось неузнаваемымъ. Всюду кипѣла жизнь: ежедневно устроивались пикники, пляски, гремѣла музыка, царило веселье. Съѣздъ на короціи доставилъ намъ возможность познакомиться со всѣми болѣе или менѣе зажиточными окрестными помѣщиками.

Вблизи Сѣно, съ западной его стороны, находилось огромное озеро. На сѣверномъ берегу озера, верстахъ въ шести отъ города, находилась усадьба богатѣйшаго помѣщика Пусловскаго, гдѣ жили

его главноуправляющій Рымкевичъ и главный экономъ Кондратовичъ. Эти хорошіе, молодые, образованные и холостые люди скоро сблизились съ нами. У нихъ мы часто охотились, ловили рыбу и отдавали должную честь ихъ вкуснымъ обѣдамъ и ужинамъ. Какъ-то разъ, въ жаркую пору, прогуливаясь по южному берегу съ товарищемъ Хилковскимъ, мы вздумали выкупаться какъ разъ противъ усадьбы Пусловскаго. У берега мы нашли плотъ, связанный изъ бревенъ, величиною въ квадратную саженъ. Два деревянныхъ обрубка, валявшіеся на плоту, вѣроятно, играли роль веселъ. Выкупавшись мы рѣшили отправиться на этомъ плоту къ Рымкевичу. Сказано — сдѣлано. Самымъ благополучнѣйшимъ маneромъ добрались мы до середины озера, отъѣхавъ отъ берега версты на двѣ. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поднялся страшнѣйшій вѣтеръ, все болѣе и болѣе крѣпчавшій. Нашъ плотъ мало-по-малу начало затоплять волнами. Скоро мы очутились по колѣно въ водѣ. Привязавъ бывшія у насъ полотенца къ среднему бревну плота, мы получили возможность, держаться за нихъ, бороться съ стремленіемъ волнъ, которыя иначе могли бы сбросить насъ съ плота. Часа четыре совершали мы эту опасную переправу и, выйдя на берегъ, поблагодарили Бога за положительно чудесное спасеніе. Рымкевичъ и Кондратовичъ были поражены нашимъ безразсудствомъ. Но предложенные намъ свѣжее бѣлье, сухое платье и добрый стаканъ пуншу, скоро заставили забыть наше злоключеніе и обратили его въ веселую шутку.

Въ октябрѣ, бригадный штабъ и наша батарея передвинулись въ городъ Бѣлицу, незавидный городишко, неподалеку отъ Гомеля. Гомель былъ подаренъ государемъ Николаемъ Павловичемъ фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому, за его заслуги. Фельдмаршалъ купилъ затѣмъ за необыкновенно дешевую цѣну и все Гомелевское имѣніе графа Румянцева, въ которомъ считалось до двадцати тысячъ душъ. Лѣтняя резиденція графа Румянцева «Прудокъ» составляла райскій уголокъ этого обширнаго помѣстья. Не знаю, на сколько это вѣрно, но бывшій управляющій графа, нѣкій Ступокъ, разсказывалъ намъ, что Паскевичъ до того былъ обрадованъ дешевизною покупки, что подарилъ своему адъютанту Мельникову, уполномоченному имъ совершить крѣпостной актъ, двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями.

Вмѣстѣ съ имѣніемъ перешли въ руки Паскевича не только громадные запасы хлѣба, но и всѣ драгоцѣнности, какія только хранились въ «Прудкѣ». Это, по большей части, были подарки иностранныхъ дворовъ.

Въ половинѣ марта 1836 года, меня перевели въ 1-ю артиллерійскую бригаду въ Вильно. Передъ отправленіемъ на новое мѣсто служенія, я рѣшилъ заѣхать въ Харьковскую губернію, куда и отправился въ отпускъ. Мой пріѣздъ послужилъ поводомъ къ

раздѣлу имѣнія. Завѣдываніе моею частью я поручилъ брату Степану. Впослѣдствіи, въ 1843 году, я продалъ ему же свою часть, относительно за безцѣнокъ: 50 душъ и около 400 десятинъ принесли мнѣ всего восемь тысячъ рублей.

По окончаніи отпуска, я отправился въ Ковно, гдѣ были собраны всѣ войска 1-го армейскаго корпуса. Здѣсь меня назначили въ помощники къ извѣстному по знанію пиротехники поручику Свѣчникову, которому было поручено приготовленіе грандіознаго фейерверка ко дню коронаціи, 22 августа. Съ приготовленіемъ фейерверка и его спускомъ произошелъ неожиданный казусъ: прежде всего по неосторожности одного изъ рабочихъ, вошедшаго въ лабараторную палатку въ сапогахъ съ подковками, при чемъ четверо солдатъ получили сильные обжоги. Въ день спуска фейерверка, по случаю сильнѣйшаго вѣтра, продолжавшагося цѣлый день, не было никакой возможности поднять щитъ и разставить другія декораціи. Прибывшій въ семь часовъ вечера начальникъ 1-й артиллерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Перренъ остался крайне недоволенъ нашимъ бездѣйствіемъ и занялся разстановкою фейерверка самъ. Намъ съ Свѣчниковымъ, послѣ рѣзко выраженнаго неудовольствія генерала, конечно, не приходилось вмѣшиваться въ его распоряженія. Мы безпрекословно исполняли его приказанія, хотя втихомолку и подсмѣивались, что онъ, обрадовавшись стихнувшему вѣтру, не выпускаетъ изъ своихъ рукъ принятой на себя работы и немилосердно стѣсняетъ всю фейерверочную группу.

Къ спуску фейерверка приступили въ десять часовъ вечера. Три сигнальныя ракеты взлетѣли прекрасно; четвертая лопнула. Ея огонь сообщился въ два павлинные хвоста, отъ нихъ зажегся павильонъ въ три тысячи ракетъ, загорѣлся щитъ, начали взлетать бураки, фальшфейеры, и все это представляло дивную, волшебную картину разноцвѣтныхъ огней, исчезнувшую такъ же скоро, какъ и появившуюся. Нѣкоторыя сигнальныя ракеты, сложенныя на землѣ близь станковъ, ни чѣмъ даже неприкрытыя, начали рикошетировать вдоль всего артиллерійскаго парка, не задѣвъ, однако, ни одного зряднаго ящика, а то была бы потѣха! Нашъ генералъ совершенно растерялся. Командиръ корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Гейсмаръ, былъ крайне недоволенъ и приказалъ произвести слѣдствіе. На другой день насъ съ Свѣчниковымъ потребовали въ корпусный штабъ для отобранія показаній о причинахъ неожиданнаго случая съ фейерверкомъ. Мы напрямикъ обвинили во всемъ Перрена. Послѣ этого дѣло замяли.

Изъ Ковно насъ перевели въ Ракишки, мѣстечко Виленской губерніи. Заставъ здѣсь владѣльца, графа Тизенгаузена съ семействомъ, мы сдѣлали ему визитъ. Графъ отплатилъ визитъ каждому изъ насъ и просилъ ежедневно жаловать къ нему обѣдать. За пол-

часа до обѣда за нами присылалась линейка. Обхожденіе графа и его семейства съ нами было чрезвычайно радушное, а уѣзжая изъ Ракишекъ, графъ приказалъ управляющему снабжать насъ всевозможными продуктами изъ своихъ оранжерей, садовъ и огородовъ.

Между прочимъ, графъ Тизенгаузенъ познакомилъ меня съ своимъ чрезвычайно богатымъ сосѣдомъ, Петкевичемъ. Послѣдній пригласилъ меня на освященіе громаднѣйшаго дома, выстроеннаго имъ въ его резиденціи, въ мѣстечкѣ Понемунекъ. Нельзя не остановиться на описаніи этого празднества, продолжавшагося цѣлую недѣлю.

Гостей изъ Варшавы, Вильны, Волынской и Гродненской губерній, набралось человѣкъ до четырехъ сотъ. Всѣ они наѣхали въ собственныхъ экипажахъ съ мужскою и женскою прислугой и всѣ были размѣщены въ двухъ громадныхъ каменныхъ флигеляхъ. Особенно бросалось въ глаза, что всѣ, даже изъ холостой молодежи, были снабжены кроватями со всѣми принадлежностями. Это еще остатки стариннаго быта польскихъ магнатовъ. Послѣ церемоніи освященія дома виленскимъ епископомъ Симашкомъ, былъ поданъ завтракъ, накрытый въ громадномъ залѣ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ и комнатой для танцевъ. Послѣ завтрака все общество раздѣлилось на группы. Одни сѣли за карты, другіе играли на билліардѣ, третьи, преимущественно молодежь, отправились гулять.

Въ шесть часовъ былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, во время котораго игралъ очень приличный оркестръ Петкевича. Обѣдъ оживлялся веселымъ разговоромъ, шутками, тостами и рѣчами въ честь гостепріимнаго хозяина и его семейства. Общему оживленію не мало способствовали старое венгерское вино и столѣтній медъ. Шампанское лилось рѣкою. Часовъ въ десять вечера начались танцы. Дамы къ завтраку, обѣду и танцамъ являлись всякій разъ въ разныхъ костюмахъ и это въ продолженіе всѣхъ семи дней проведенныхъ у Петкевича! Во время танцевъ особенное наше, молодежи, вниманіе было обращено на мазурку. Въ ней принимали участіе шестидесятилѣтніе старики въ кунтушахъ и въ ботфортахъ съ подковками. Своею ловкостью и граціей старики поразили насъ. Да! въ первый и послѣдній разъ пришлось мнѣ видѣть подобную мазурку. Самый танецъ сопровождался пѣніемъ пѣсенъ національнаго характера, что чрезвычайно способствовало общему оживленію.

Часовъ въ пять утра подали ужинъ, послѣ котораго мы разошлись по своимъ флигелямъ. На другой день повторилось все то же, за исключеніемъ участія стариковъ въ мазуркѣ. Такъ гости провели и всѣ остальные дни своего пребыванія у Петкевича.

Вскорѣ меня назначили бригаднымъ адъютантомъ. Работы было много: мнѣ пришлось приводить въ порядокъ запущенныя дѣла за время кампаній 1828—29 и 1831 годовъ. Съ командиромъ бригады, полковникомъ Ключаровымъ, мы были въ самыхъ лучшихъ

отношеніяхъ. Ключаровъ былъ необъятной толщины, крайне лѣнивъ и неподвиженъ, но за то человѣкъ въ высшей степени начитанный и обладавшій талантомъ замѣчательно краснорѣчиво разсказывать эпизоды изъ своей жизни. Одинъ изъ его разсказовъ особенно врѣзался въ моей памяти. Вотъ его содержаніе въ сжатомъ видѣ:

Въ двадцатыхъ годахъ, когда Ключаровъ былъ еще въ чинѣ штабсъ-капитана, довелось ему квартировать въ одномъ незначительномъ мѣстечкѣ Кіевской губерніи. Мѣстный священникъ, замѣтивъ, что онъ никогда не бываетъ въ церкви, сдѣлалъ на него доносъ благочинному. Послѣдній пріѣхалъ для личнаго объясненія съ Ключаровымъ. Во время этой бесѣды Ключаровъ высказался, что, посѣщая еще въ молодыхъ лѣтахъ церковныя служенія, онъ выносилъ изъ церквей только чувство негодованія, вслѣдствіе безобразнѣйшаго отправленія богослуженій глупыми, пьяными, развратными и въ высшей степени корыстолюбивыми попами.

Благочинный, въ свою очередь послалъ доносъ въ Сvнодъ, обвиняя Ключарова въ безпримѣрномъ атеизмѣ. Возникло дѣло, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи Ключаровъ отвѣчалъ на всѣ религіозные вопросы письменно и только одними текстами изъ священнаго писанія. Наконецъ, дѣло было доложено митрополиту Серафиму, который, разсмотрѣвъ его тщательно, положилъ слѣдующую резолюцію:

«Можетъ ли Ключаровъ быть атеистомъ, ежели такъ прилежно и хорошо изучилъ священное писаніе? Дальнѣйшее производство дѣла прекратить».

Скоро мнѣ пришла въ голову мысль выйти въ отставку. Не желая дѣйствовать на авось, не зная какими средствами могу располагать выйдя въ отставку и занявшись хозяйствомъ, я взялъ, для пробы, одиннадцатимѣсячный отпускъ на родину.

Мое путешествіе въ Харьковскую губернію обошлось безъ особыхъ приключеній. Только по дорогѣ отъ Вильно къ Ошмянамъ, не помню уже между какими станціями, я увидѣлъ довольно печальное зрѣлище: на окровавленномъ снѣгу валялись клочья разодранной одежды и виднѣлась пара сапогъ съ обрубками человѣческихъ ногъ. Прибывъ на станцію, я узналъ, что это волки разорвали помѣщика Козелло, который, испугавшись, что лошади понесли, выскочилъ изъ саней и сдѣлался добровольною жертвою этихъ хищниковъ. Такъ разсказывалъ, по крайней мѣрѣ, везшій его ямщикъ.

Въ половинѣ марта я добрался до брата Степана и объяснилъ причину своего пріѣзда. Братъ не одобрилъ моего рѣшенія: какъ по пальцамъ высчиталъ онъ мнѣ, что я, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могу получать съ своего имѣнія болѣе тысячи рублей ассигнаціями въ годъ; да и на постройку усадьбы у меня не было денегъ. Досадно было сознать свою ошибку.

Пребываніе мое у брата было сплошнымъ отдыхомъ. Лѣтомъ охотился, зимой благодушествовалъ дома. Въ январѣ 1839 года я снова возвратился въ бригаду. Въ Вильнѣ я представился начальнику своей дивизіи, генералу Перрену. Этотъ послѣдній, вмѣсто того, чтобы вспомнить исторію съ фейерверкомъ, принялъ меня чрезвычайно любезно, поздравилъ съ производствомъ въ поручики и пригласилъ на свадьбу своей дочери, выходившей замужъ за дежурнаго штабъ-офицера перваго армейскаго корпуса, Юферова.

На другой день послѣ свадьбы, Перренъ далъ роскошный обѣдъ, самое видное мѣсто во время котораго занималъ столѣтній медъ— гордость хозяина. Вечеромъ, за чаемъ, онъ разсказалъ намъ исторію этого напитка.

Когда, въ 1815 году, зашла рѣчь объ изгнаніи изъ предѣловъ Россіи іезуитовъ, онъ, командуя батарейною ротою 3-й бригады, квартировалъ въ городѣ Плоцкѣ. Сюда была прислана особая комиссія, долженствовавшая устроить это изгнаніе на самыхъ гуманныхъ началахъ. Перрена также назначили въ число членовъ комиссіи. Живя нѣсколько лѣтъ въ Плоцкѣ, онъ былъ отлично знакомъ со всѣми ксендзами тамошняго кляштора и вотъ они-то и поднесли ему въ подарокъ шестьдесятъ десятиведерныхъ бочекъ столѣтняго меду.

Изъ Вильны я отправился въ свою батарею въ мѣстечко Нерфть, принадлежавшее графу Шувалову. Квартиры намъ были отведены во флигеляхъ, при домѣ графа. Кромѣ удобства помѣщенія въ высокихъ, чистыхъ и просторныхъ комнатахъ, не мало удивило меня положеніе, искони заведенное въ имѣніи графа, по которому всѣмъ офицерамъ, квартировавшимъ въ его мызѣ, производился такъ называемый ординарій. Послѣдній состоялъ въ томъ, что каждому офицеру отпускалось ежемѣсячно: два ведра пива, три фунта коровьяго масла, четверть овса и пятнадцать пудовъ сѣна. Мои товарищи, поселившіеся въ Нерфти раньше меня, разсказывали, что сначала они были ужасно скомпрометированы приподнесеніемъ этого ординарія, но когда управляющій рѣшительно заявилъ, что онъ не имѣетъ права нарушить коренной обычай, издавна существующій на мызѣ, безъ предварительнаго донесенія графу въ Петербургъ, что господа офицеры, нынѣ квартирующіе въ Нерфти, чуждаются его гостепріимства, чѣмъ графъ, конечно, будетъ чрезвычайно оскорбленъ, то офицеры уже и не возражали ничего противъ такихъ щедротъ графа, а, привыкнувъ къ этому порядку, нашли, что графскіе предки, учредившіе такой обычай, были, должно быть, люди чрезвычайно любезные.

Въ маѣ я получилъ приглашеніе поступить воспитателемъ въ Павловскій кадетскій корпусъ и, изъявивъ на это согласіе, отправился въ іюнѣ въ Петербургъ.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

III.

Николай Александровичъ Лейкинъ.

I.

«КТО НЕ ЗНАЕТЪ имени Н. А. Лейкина?»... Такъ обыкновенно начинаются или могли бы начинаться статьи и отзывы о писателѣ, носящемъ это имя. Дѣйствительно, Н. А. Лейкинъ пользуется огромной популярностью, особенно въ Петербургѣ. Одинъ уже этотъ фактъ даетъ ему, какъ бы кто ни думалъ о его литературной дѣятельности, право на серьезное вниманіе. И исполнившееся недавно тридцатилѣтіе его литературной дѣятельности даетъ поводъ сказать нѣсколько словъ о значеніи, которое имѣетъ оно въ общемъ теченіи русской литературы, о слабыхъ и сильныхъ сторонахъ этого своеобразнаго писателя.

Замѣчательнѣйшею чертою русской литературы нужно признать то, что среди представителей ея, стоящихъ на уровнѣ современнаго образованія, то и дѣло появляются личности изъ различныхъ слоевъ русскаго народа, если и выдающіяся изъ нихъ своимъ умомъ, а нерѣдко и образованіемъ, по крайней мѣрѣ самообразованіемъ, то не разрывающія съ ними, во многихъ отношеніяхъ, связей тѣсныхъ и прочныхъ, хорошо знакомыхъ съ ихъ своеобразными воззрѣніями на жизнь и людей. Они вносили въ рус-

скую литературу оригинальный складъ русскагó ума и чувства, непосредственно привитый къ нимъ средой, и этимъ были несомнѣнно полезны ей. Геніальнѣйшій изъ этихъ литературныхъ самородковъ, Кольцовъ, мало образованный, но сильный умомъ и талантомъ, съ необыкновенной силой показалъ поэтическія стороны русской народной души, другіе съумѣли стать въ критическое отношеніе къ средѣ, воспитавшей ихъ.

Къ этимъ выходцамъ изъ народной среды, по крайней мѣрѣ одною своею стороною, принадлежитъ и Н. А. Лейкинъ. Возвышаясь надъ роднымъ ему гостинодворскимъ петербургскимъ міромъ систематическимъ общимъ образованіемъ — онъ, какъ извѣстно, успѣшно прошелъ курсъ реформатскаго училища—Лейкинъ успѣлъ ближайшимъ образомъ познакомиться съ этимъ міромъ, его интересами и своеобразными свойствами, помогая, по окончаніи ученья, въ торговлѣ отцу и служа приказчикомъ. Необыкновенная наблюдательность и юмористическій талантъ, рядомъ съ влеченіемъ къ литературѣ, обнаруженнымъ имъ еще въ училищѣ, должны были скоро открыть ему широкія двери къ литературной карьерѣ. Имя его въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появилось въ «Искрѣ» Курочкина и было замѣчено. Сцены и очерки «Апраксинцы», напечатанные въ «Библіотекѣ для Чтенія», П. Д. Боборыкина, и «Биржевые артельщики», появившіеся въ «Современникѣ», Некрасова, дали Лейкину уже прочное положеніе въ литературѣ. И съ тѣхъ поръ имъ написано огромное число, преимущественно въ «Петербургской Газетѣ», «сценокъ» (ихъ насчитываютъ болѣе семи тысячъ) и нѣсколько крупныхъ произведеній, носящихъ, однако, опять характеръ легкихъ очерковъ, сценокъ. Сценки Лейкина появлялись въ газетѣ почти ежедневно, и тѣмъ не менѣе интересъ, который они возбуждали, былъ постояненъ, не ослабѣвалъ никогда въ извѣстномъ кругѣ читателей.

Само собою разумѣется, что при такомъ многописаніи автору невозможно было не растрачивать свой талантъ, что называется, по мелочамъ, до той или другой степени не насиловать его. Не всѣ его сценки отличаются сколько-нибудь серьезнымъ смысломъ, не набраться было автору на всѣхъ ихъ одинаковаго остроумія,— и естественно, что ему часто ставили въ упрекъ, что онъ не бережетъ свой талантъ, тратитъ его на пустяки. «Лейкинское остроуміе» въ этомъ отрицательномъ смыслѣ вошло въ пословицу. Легко. однако, понять, что неприхотливые вкусы той средней петербургской среды, которая всего болѣе интересовалась очерками Лейкина, легко мирились и съ дешевымъ подчасъ остроуміемъ, а вліяніе, которое они могли имѣть въ ней, не становилось меньше отъ того. Съ другой стороны, постоянство уроковъ, которые авторъ давалъ ей, принаравливаясь къ случаямъ и обстоятельствамъ, интересовавшимъ всѣхъ въ данную минуту, имѣло и свои выгод-

ныя стороны. И если измѣрять значеніе Лейкина именно этимъ вліяніемъ, то еще Богъ знаетъ, былъ ли бы онъ полезнѣе, написавши немного болѣе цѣнныя произведенія, чѣмъ необозримый рядъ своихъ «сценокъ»: его крупныя произведенія прочли бы и забыли, а тутъ онъ былъ постоянно на лицо съ своею насмѣшкою и легкимъ поученіемъ. Во всякомъ случаѣ нужно было имѣть большія силы этому своеобразному таланту, чтобы быть столь неистощимымъ и всегда готовымъ сказать свое насмѣшливое слово. Недаромъ онъ создалъ длинный рядъ послѣдователей, изъ которыхъ многіе претендовали на серьезное образованіе, и не даромъ изъ этого длиннаго ряда ни одинъ почти не выдвинулся, подобно Лейкину, не овладѣлъ общимъ вниманіемъ.

II.

Литературная дѣятельность Лейкина въ ея своеобразномъ видѣ сложилась, думается намъ, не произвольно, не настолько, по крайней мѣрѣ, по волѣ или капризу автора, чтобы можно было безусловно согласиться съ сожалѣніями, что онъ не направилъ ее на «созданіе» крупныхъ литературныхъ произведеній, которыя сдѣлались бы серьезными пріобрѣтеніями русской литературы. Скорѣе можно думать, что оно вытекло изъ самыхъ свойствъ дарованія Лейкина, нашедшаго въ «сценкахъ» свою настоящую дорогу; потому что и его большія произведенія въ сущности только рядъ сценокъ, маленькихъ очерковъ, связанныхъ между собою единствомъ лицъ и сложностью чисто внѣшней фабулы. Дѣло въ томъ, что талантъ нашего писателя главнымъ образомъ внѣшній, лишенный глубины, психологической силы, онъ весь въ необыкновенной способности подмѣтить смѣшныя стороны внѣшности, отмѣтить не въ глубинѣ лежащія, а снаружи—противорѣчія идеаламъ. Это талантъ чисто фельетонный, легкій, талантъ неистощимаго, забавнаго остроумія, которое, нужно однако прибавить, бьетъ иногда больно и сильно. Это дарованіе карикатуриста, а не психолога-художника. Съ нимъ, съ этимъ внѣшнимъ дарованіемъ, трудно создать что̀-нибудь серьезное, что́ могло бы остаться надолго въ литературѣ. Онъ — служитель минуты. Обязательно связанный съ изученіемъ, съ наблюденіемъ внѣшнихъ сторонъ жизни главнымъ образомъ, не углубляющійся въ психологическія основы, на которыхъ создается эта внѣшность, не затрогивающій глубокихъ законовъ жизни, онъ имѣетъ право на жизнь и значеніе, пока эта внѣшность существуетъ; пройдетъ она,— съ ней вмѣстѣ исчезнетъ и самая возможность смѣха надъ нею.

Вотъ, напримѣръ, авторъ описываетъ намъ(«Наши за границей») купеческую чету, изумленную и недоумѣвающую за границей по поводу того, что въ акваріумѣ она не находятъ ни музыки, ни уве-

селеній вообще, съ которыми у нея соединялось представленіе объ увеселительномъ петербургскомъ «Аквариумѣ». Конечно, для насъ забавны всѣ qui pro quo, вытекающія отсюда, забавно и отыскиваніе четою музыканта Штрауса, еще забавнѣе удивленіе нѣмцевъ передъ этимъ исканіемъ птицы, какъ они понимали, тамъ, гдѣ могутъ быть только рыбы. Во всемъ этомъ для насъ есть своего рода соль и смыслъ, но какой же все это будетъ имѣть смыслъ для человѣка, съ петербургскимъ «Акваріумомъ» незнакомаго? Не комментаріи же писать для каждой изъ подобныхъ сценъ, чтобы сдѣлать ихъ понятными для будущихъ читателей, для потомковъ. Каждый талантъ имѣетъ свою непреложную сферу, и дарованіе Лейкина принадлежитъ къ тѣмъ, для которыхъ—«довлѣетъ дневи злоба его»...

Не въ этой сторонѣ, не въ художественно-психологической мѣрѣ, не въ сожалѣніяхъ о растратѣ таланта (на мелочи и т. п. нужно искать оцѣнки дѣятельности такого писателя, какъ г. Лейкинъ. Вопросъ рѣшается гораздо проще. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что своею, если не всегда, то и не рѣдко неподражаемо веселой и остроумной насмѣшкой онъ имѣлъ очень большое вліяніе въ той средѣ петербургскаго купечества и чиновничества, изображеніе которой составляетъ его спеціальность. А нужно сказать, среда эта по своимъ многочисленнымъ и наиболѣе жизненнымъ чертамъ родственна огромной части населенія нашего отечества. И потому пріобрѣтаетъ существенную важность вопросъ, надъ чѣмъ смѣялся и смѣется нашъ авторъ, какія мысли проводилъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, за что̀ ратовалъ и на что̀ нападалъ, и эта сторона дѣла тѣмъ важнѣе, что Лейкинъ проводилъ свои мысли въ столь общедоступной и легкой формѣ.

Къ чести нашего автора нужно сказать, что онъ никогда не сходилъ на скользкій путь увеселенія публики во что̀ бы то ни стало, хотя бы съ лестью дурнымъ инстинктамъ ея. Н. А. Лейкинъ ни когда не унижался до излишнихъ вольностей въ словѣ, и изъ-за его безпретенціозной и легкой шутки всегда смотритъ серьезное лицо, желающее блага той средѣ, которую онъ изображаетъ. Въ наше время, когда такъ легко относятся къ слову, когда не пренебрегаютъ даже скабрезностью, чтобы только понравиться читателю, этого нельзя не поставить въ большую заслугу нашему автору, который всегда знаетъ мѣру, границу своей шуткѣ и насмѣшкѣ. Тридцать лѣтъ литературной дѣятельности употреблены имъ на борьбу противъ невѣжества, необузданности русской купеческой и соприкасающихся съ нею сферъ, и, заставляя апраксинцевъ, гостинодворцевъ и вообще весь средній петербургскій людъ, смѣяться, весело хохотать, надъ уродливыми своими персонажами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ясно говорилъ: «надъ собой смѣетесь»!.. Онъ будилъ въ нихъ самосознаніе, критическое отношеніе къ себѣ, къ своему

быту. Правда, Лейкинъ изображаетъ, какъ мы уже говорили, только внѣшнія смѣшныя проявленія этого невѣжества и необузданности; но, вѣдь, если бы его изображенія были глубже, проникали въ сущность, во внутреннія основы дѣла, такъ, можетъ быть, они и не были бы поняты.

При своеобразномъ талантѣ автора, при почти исключительной способности къ внѣшней изобразительности смѣшныхъ сторонъ мелкихъ явленій извѣстнаго быта, нужно бы ожидать, что онъ будетъ постоянно впадать въ преувеличенную карикатуру, въ изобрѣтеніе, въ сочиненіе смѣшного. Знакомясь съ произведеніями его ближе и подробнѣе, вы, однако, не безъ удивленія даже, замѣтите, что авторъ почти совсѣмъ не удаляется отъ дѣйствительности, отъ прямой правды; и если есть въ его сценахъ многое такое, чего въ дѣйствительности, думается вамъ, не было, то вы чувствуете, что оно могло быть, что оно естественно, просто вытекаетъ изъ свойствъ изображаемаго быта. Есть даже въ картинкахъ жизни, нарисованныхъ нашимъ авторомъ, и такія, въ которыхъ не одна насмѣшка звучитъ, а и сожалѣніе къ персонажамъ, къ ихъ невѣжеству и страннымъ понятіямъ, къ ложному направленію ихъ добраго чувства. Какъ на примѣръ, можно указать на героя длиннаго романа «Въ ожиданіи наслѣдства», да и на всѣхъ персонажей этого романа, не говоря уже о такихъ произведеніяхъ автора, какъ «Христова невѣста», «Кусокъ хлѣба», «Двѣ неволи» и проч., написанныхъ прямо подъ вліяніемъ большихъ общественныхъ идей. Все это показываетъ, что въ авторѣ гораздо больше содержательности, чѣмъ это кажется при прочтеніи порознь «сценокъ» его, что, подъ внѣшней изобразительностью, въ его произведеніяхъ вообще скрывается и серьезный взглядъ на жизнь, только простой и обыкновенный, не возвышающійся надъ обыкновеннымъ уровнемъ, однако же очень симпатичный.

III.

Формы невѣжества, самодурства, невоспитанности и неразумія, которыя изображаетъ Н. А. Лейкинъ, весьма разнообразны по внѣшности, хотя по сущности, конечно, довольно одинаковы. Наблюдательность автора такова, что отъ него не ускользали самыя мелкія проявленія необузданныхъ нравовъ купеческаго, въ обширномъ смыслѣ, міра, и соприкасающихся съ нимъ. Всѣ эти «Неунывающіе россіяне», «Теплые ребята», «Караси и щуки», «Шуты гороховые», «Наши забавники», «Мѣдные лбы», «Гуси лапчатые» и проч. и проч.—все это одно и то же, но все въ разныхъ формахъ и проявленіяхъ.

Вотъ передъ нами Трифонъ Ивановичъ съ Акулиной Степановной («Сатиръ и Нимфа») въ ихъ характеристичныхъ взаим-

ныхъ отношеніяхъ,—любопытная картинка купеческаго характера въ капризной страсти. Старикъ-купецъ, вдовый и скучающій, кидаетъ милостивое око на кухарку Акулину, «молодую, красивую, здоровую бабу,—то, что называется, кровь съ молокомъ». И начинается старая исторія, въ которой Акулина постепенно овладѣваетъ старымъ грѣшникомъ и обкрадываетъ его. Авторъ, какъ и должно ожидать, не вдается въ психологическія тонкости, но медвѣжье ухаживанье хозяина и уловки хитрой бабы обрисованы такъ рельефно, въ такихъ забавныхъ чертахъ, что характеристика быта выходитъ сама собою. Старый самодуръ, куражащійся надъ тѣмъ, что слабѣе его, оказывается безсильнымъ передъ своими собственными капризами. Онъ уговариваетъ свою Акулину переѣхать на квартиру, которую онъ ей найметъ, предлагаетъ «даму изъ нея сдѣлать»: «Ты вотъ теперь простая деревенская баба,—даму изъ тебя сдѣлаю, только переѣзжай на квартиру»,—говоритъ онъ ей. А она знаетъ свое дѣло. «Ни за что на свѣтѣ»,—ея отвѣтъ. Ей, конечно, невыгодно отдаляться отъ хозяина и отъ его добра. И она знай себѣ толкуетъ о необходимости шолковаго платья и польскихъ сапоговъ. И всего, конечно, достигаетъ,—самодуръ безсиленъ противъ нея.

Вотъ молодой купчикъ, хватившій «вѣянія цивилизаціи», желающій жить «по современному» («Въ ожиданіи наслѣдства»). Малый необыкновенно добрый и честный, онъ, однако, ведетъ безобразную жизнь, совершаетъ безобразныя дѣянія, и все это изъ желанія «современности», изъ «образованности», которую въ себѣ сознаетъ. Въ этомъ второмъ большомъ романѣ освѣщены уже другія стороны современнаго купеческаго быта, возникшія изъ сліянія стараго характера людей съ новыми понятіями, проникающими въ эту среду.

Изъ родной ему среды авторъ дѣлаетъ экскурсіи и въ другія сферы, насколько онѣ соприкасаются съ тою, довольно удачно. Вотъ, напримѣръ, передъ нами кандидатъ въ директоры (въ «Пухъ и перья»), одинъ изъ тѣхъ прожигателей жизни, которые заботятся только о томъ, чтобы имѣть откуда-нибудь деньги, и котораго дядя, въ силу закона о несовмѣстительствѣ казенной службы съ разными директорствами въ коммерческихъ обществахъ, хочетъ провести на свое директорское мѣсто, чтобы черезъ него по прежнему орудовать дѣлами. Характерны и старикъ, и молодой прожигатель жизни въ этой небольшой сценкѣ! Рядъ докторовъ проходитъ передъ нами, и такіе, «которыхъ купцы любятъ» за прилаживаніе и угодливость, и такіе, «которыхъ купцы не любятъ» за нежеланіе съ ними шарлатанить (въ сборникѣ «Голубчики»). Въ сценѣ «Королева въ трагедіи» изображается одна изъ тѣхъ женъ, которыя доводятъ мужей до нечестныхъ дѣйствій изъ-за тряпокъ и изъ-за разной житейской дряни; изображена она коротко, но ясно, она по-

зорна и смѣшна въ одно и то же время съ своими трагическими позами и гнуснымъ женскимъ самодурствомъ. Возвращаясь къ купцамъ, мы встрѣтимъ въ сценѣ «Совѣсть очистилъ» (въ сборникѣ «Наши забавники») одного изъ плутовъ, припрятавшихъ денежки и склоняющихъ кредиторовъ разными штуками взять по 30 коп. за рубль, и проч., и проч. Въ каждомъ изъ этихъ безпретенціозныхъ, простыхъ и легкихъ разсказовъ, какъ видите, есть здоровая, честная, простая мысль, безхитростно обличающая плутни съ одной стороны и глупость съ другой, — та глупость, та простота, которая иной разъ «хуже воровства». Нѣтъ надобности, да и возможности, пересчитывать еще различныя «сценки» Лейкина,—всѣ они въ сущности носятъ тотъ же характеръ и духъ.

Одною изъ любимѣйшихъ темъ нашего автора всегда было изображеніе того, какъ проникающія въ полутемную среду научныя знанія и понятія среды болѣе цивилизованной отражаются въ умахъ ея представителей. Въ высшей степени забавна въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, сцена «Затменіе луны» (въ «Голубчикахъ»). Передъ нами купчикъ, пришедшій съ Лиговки къ рѣшеткѣ Екатерининскаго сквера съ своею дрожайшею половиной смотрѣть на затменіе на томъ основаніи, что онъ два года назадъ съ этого же мѣста смотрѣлъ на то же явленіе природы. «А у насъ на Лиговкѣ развѣ не будетъ видно?» — спрашиваетъ купчиха. «И на Лиговкѣ будетъ видно, но тутъ явственнѣе; тутъ мѣсто испытанное»,— отвѣчаетъ мужъ. Жена все сомнѣвается, что «дѣло не безъ нечистой силы въ этомъ самомъ затменіи». Но купецъ не такъ простъ. «Нѣтъ, — говоритъ онъ, — нечистая сила тутъ непричемъ. Просто наука. Нынче по наукѣ-то до того дошли, что черезъ стѣну и даже за десять верстъ все видѣть могутъ».—«Какъ же это такъ?»—интересуется купчиха. «А очень просто»,—видите ли—«машинами», по по мнѣнію купца. Его пріятель былъ въ Пулковской обсерваторіи, «такъ не токмо что къ себѣ въ домъ машинку натрафлялъ, а даже въ городъ Любимъ, къ себѣ на родину заглядывалъ», и «видѣлъ, какъ невѣстка сидитъ на лежанкѣ»... Но вотъ началось затменіе. И невольно на душу купчихи находитъ раздумье на счетъ «дивнаго дѣла»: «отчего это Божьей твари лунѣ и вдругъ такое приключеніе приключается!» Но купцу ясно и это: «звѣздочеты высчитали черезъ ариѳметику, что тутъ другія планеты мѣшаютъ— вотъ и выходитъ это самое затменіе», при чемъ, по его мнѣнію луна «наизнанку заворачивается». Этотъ разсказъ очень типичный для произведеній Н. А. Лейкина. Можно смотрѣть на него какъ угодно, можно видѣть въ немъ просто потѣшную пьеску, разсчитанную на потребность веселаго, безобиднаго чтенія. Но въ этомъ взглядѣ будетъ ошибка: совсѣмъ не такъ безобидна и безсодержательна сценка эта; въ ней очень мѣтко отражены и отдаленное довѣріе къ наукѣ, возникающее въ темной средѣ, и стремленіе

къ знанію, къ пониманію явленія, и безсиліе ума совладѣть съ непосильной задачей, и нѣкоторая хвастливая смѣлость невѣжества, а, главное, мѣтко отражено, въ какой сумбуръ облеклись въ невѣжественной головѣ клочки и «слышанные звоны» знанія, случайно попавшіе въ нее. Къ такимъ же разсказамъ относятся и рисующія представленія невѣжества о роли печати, отраженныя въ разсказахъ: «Пріемный часъ редактора» (въ сборникѣ «Шуты гороховые») и «Опроверженіе» (въ «Цвѣтахъ лазоревыхъ»). Въ одномъ изъ нихъ купецъ проситъ редактора «тещу отчехвостить хорошенечко», «въ статейкѣ продернуть», а въ другомъ—приносятъ опроверженіе беллетристической вещицы, просятъ напечатать указаніе, что она не относится къ такому-то купцу. Оба они очень похожи на правду.

IV.

Но—скажутъ намъ—все, что̀ вы говорите, ставитъ Лейкина какъ-то внѣ серьезной, настоящей литературы, характеризуетъ его, какъ дѣятеля собственно прессы, и при томъ малой прессы. А если бы и такъ? Лучше быть талантливымъ и полезнымъ представителемъ этой, непретендующей на вѣчность, преслѣдующей интересы минуты, печати, чѣмъ быть тщетнымъ искателемъ большого литературнаго значенія. А Лейкинъ талантливъ и оригиналенъ въ своей безпретенціозной литературной роли.

Тѣмъ не менѣе значеніе нашего автора не исчерпывается этой скромной ролью и среди его произведеній есть множество такихъ, которыя сближаютъ его съ большой литературою, даютъ ему мѣсто въ ней. Уже помимо сказаннаго нами, что нѣкоторыя его сцены знакомятъ насъ съ тѣми формами понятій, которыя возникаютъ въ невѣжественной средѣ подъ вліяніемъ заходящихъ въ нее случайно понятій среды образованной—а къ нимъ приглядываться не лишнее,—есть среди его разсказовъ и такіе, къ которымъ не дурно было бы приложить больше вниманія. Мы, занятые нашими широкими задачами, не особенно присматриваемся къ тому, что дѣлается въ средѣ петербургскаго народа, а вотъ Лейкинъ хотя бы въ «Искусителѣ» (въ сборникѣ «Караси и щуки») даетъ очень вѣрную и ясную характеристику гибельной роли, которую играютъ разные кабатчики и сидѣльцы пивныхъ лавокъ и мелочныхъ лавокъ, сманивающіе горничныхъ и тому подобный людъ на развратъ.

Но и помимо того, въ числѣ произведеній нашего автора есть произведенія, относящіяся прямо къ серьезной литературѣ. Таковъ, напр., его романъ «Христова невѣста», въ которомъ авторъ если не съ художественными достоинствами, то во всякомъ случаѣ съ наблюдательностью и литературнымъ тактомъ разсказываетъ печальную исторію дѣвушки, отъ рожденія обреченной на

монашество отцомъ-купцомъ, давшимъ это обѣщаніе въ моментъ грозившаго ему несчастія. Вѣчно комическія струны Лейкина принимаютъ въ этомъ романѣ характеръ трагическій. Такова повѣсть «Двѣ неволи» (въ сборникѣ «Неунывающіе россіяне»). Въ ней авторъ разсказываетъ судьбу опять дѣвушки, сначала крѣпостной, а потомъ, за сопротивленіе прихоти барина, выданной насильно за сдаваемаго въ солдаты, въ то время какъ въ Петербургѣ у нея былъ уже женихъ. Освободившись отъ барина, она попала въ другую неволю, и навязанный ей, номинальный, или, по нынѣшнему, «фиктивный», мужъ, по возращеніи изъ солдатъ, за дорогую цѣну униженій («покуражиться захотѣлось», сознается онъ самъ), а кстати ужъ и солидныхъ денегъ продаетъ ей возможность счастья съ дорогимъ ей человѣкомъ, къ которому она тотчасъ же уѣхала по сдачѣ мужа въ солдаты.

Но особенно выдается въ томъ смыслѣ, о которомъ мы говоримъ, повѣсть «Кусокъ хлѣба», въ одной своей части возвышающаяся до серьезнаго трагизма. Повѣсть эта разсказываетъ похожденія сѣраго совсѣмъ и неопытнаго мужика, пріѣхавшаго въ Петербургъ прокормиться зимою,—до того сѣраго, что онъ сначала старается идти не по панели, а посреди улицы, чтобы не мѣшать другимъ. Эти похожденія его, малоуспѣшныя старанія найти работу и пр., уже сами по себѣ довольно характерны и поучительны. Но одно обстоятельство придаетъ повѣсти новую черту, возвышающую ее. У мужика въ Петербургѣ дочь, которую онъ стремится повидать. Онъ находитъ ее въ своеобразной обстановкѣ, изъ Аннушки превратившеюся въ Женю, и сначала не догадывается, что такое произошло съ ней. Пріятель-землякъ, пріютившій его въ первое время, осторожно даетъ ему понять все. Мужикъ, возмущенный, намѣренъ, какъ только увидитъ ее, избить за позоръ, которымъ она покрыла его сѣдую голову. Но свиданіе неожиданно принимаетъ совсѣмъ иной характеръ. Когда онъ увидѣлъ ее въ бархатной шубкѣ, обличавшей ея позоръ, и когда она съ криками: «тятенька голубчикъ!» бросилась къ нему сначала на шею, а потомъ въ ноги, твердя: «не встану! не встану, пока не простите вы меня скверную!... подлую!...»—сцена печальная и вмѣстѣ трагическая вышла вмѣсто той, которую онъ готовилъ. Но еще страшнѣе сцена, когда появился человѣкъ въ военной фуражкѣ съ словами: «а, вотъ гдѣ пташка-то!» когда «хозяйка» вмѣшалась въ дѣло, и сѣраго мужика-отца попросту вытолкали изъ квартиры, а потомъ и за ворота, и онъ видѣлъ только выбитое окно въ комнатѣ дочери, да слышалъ крики ея, смѣшанные съ шумомъ другихъ голосовъ и борьбы. Эта глубоко жизненная сцена особенно указываетъ на серьезныя черты въ талантѣ нашего автора.

Справедливость требуетъ сказать, что послѣднія произведенія Н. А. Лейкина, примыкающія къ большой литературѣ, хотя и

носятъ печать таланта, но все же не выдаются на общемъ уровнѣ, тонутъ въ общей массѣ литературы. Между тѣмъ «сценки» и вообще своеобразные разсказы даютъ ему рѣшительно выдающееся мѣсто въ литературѣ, не претендующей на жизнь въ вѣкахъ, въ маленькой прессѣ.

Едва ли нужно общее заключеніе къ нашей краткой характеристикѣ своеобразнаго дарованія Н. А. Лейкина. Ясно, что значеніе его нѣсколько больше, чѣмъ это можетъ казаться при поверхностномъ знакомствѣ съ его произведеніями.

Арс. Введенскій.

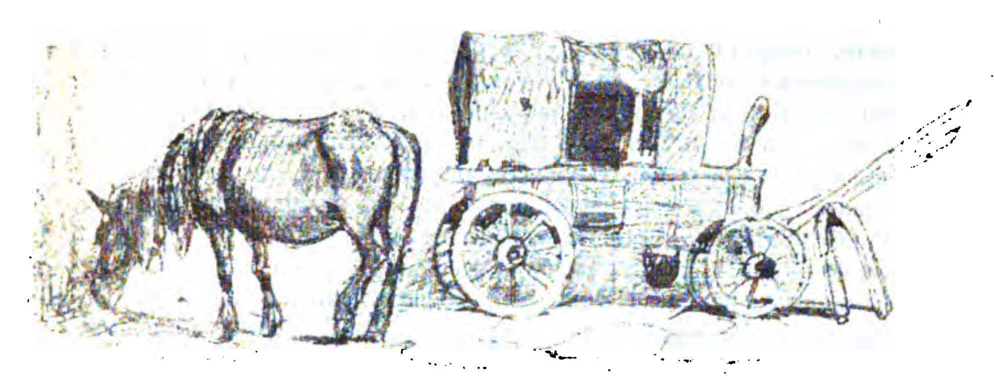

РУССКІЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ ИЗЪ СИБИРИ ВЪ НЕАПОЛЬ НА ТЕЛѢЖКѢ.

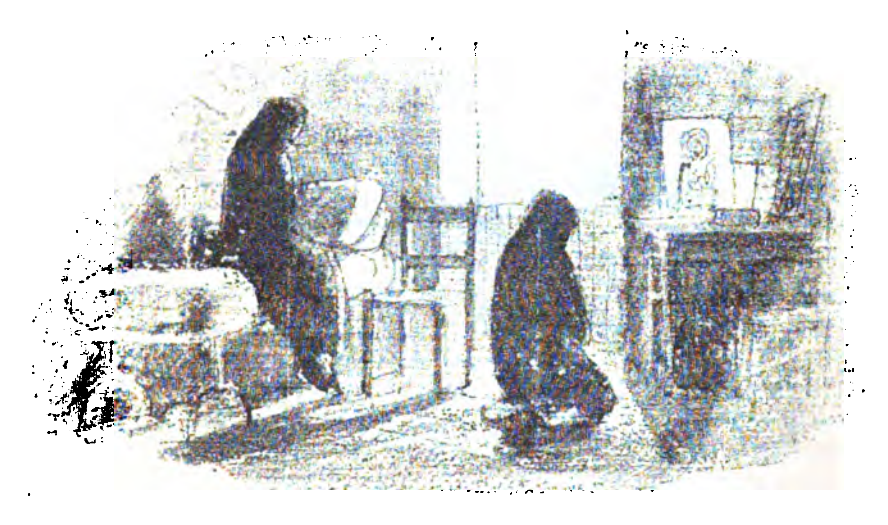
ВСЕОБЩЕЕ вниманіе привлекаетъ къ себѣ теперь повсюду, не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, сотникъ Пѣшковъ, пріѣхавшій верхомъ изъ Иркутска въ Петербургъ. Но кстати будетъ напомнить нашей публикѣ, что уже 45 лѣтъ тому назадъ совершился фактъ, не только не менѣе, но пожалуй еще болѣе необыкновенный и замѣчательный. Сотникъ Пѣшковъ совершилъ весь свой путь въ предѣлахъ нашего отечества, вездѣ ѣхалъ по русскимъ дорогамъ, вездѣ могъ разговаривать по-русски. Притомъ же, наконецъ, онъ мужчина, военный, человѣкъ съ оружіемъ. Что̀ же сказать про двухъ женщинъ, одну старую и больную, другую, совсѣмъ еще молодую, которыя однажды рѣшились совершить подобный же подвигъ, проѣхавъ изъ Россіи въ Италію, при чемъ половину пути должны были совершить по странамъ чужеземнымъ, которыхъ даже названія онѣ едва знали, а языкъ глубоко игнорировали?

Въ 1844 году проживалъ въ Неаполѣ молодой, талантливый русскій художникъ, живописецъ Штернбергъ, получившій золотую медаль отъ Академіи Художествъ и, вслѣдствіе того, ставшій потомъ ея пенсіонеромъ въ Италіи. Онъ былъ въ большой перепискѣ съ своими друзьями и пріятелями, художниками какъ и онъ самъ, и любилъ украшать письма свои многочисленными рисунками, всегда выходившими у него талантливыми и интересными. Въ числѣ такихъ писемъ, опубликованныхъ мною при его біографіи, находится одно очень любопытное, отъ 30 августа 1844 года, изъ Неаполя, адресованное къ архитектору Николаю Леонтьевичу Бену̀,

гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:—«Но вотъ что достойно вниманія—слушай! Недавно сюда пріѣхали, или, лучше сказать, дотащились двѣ русскія женщины изъ Сибири, изъ Перми, въ маленькой телѣгѣ, на одной пузатенькой лошадкѣ, однѣ, безъ проводника, не зная никакого иностраннаго языка. Однимъ словомъ,

простыя русскія бабы. И зачѣмъ? Чтобы поклониться мощамъ св. Николая въ Бари. Какая вѣра! Какая непоколебимая воля! Удивительно! Я не хотѣлъ тебѣ писать письма, не познакомившись съ ними; но онѣ были въ Бари, а потомъ я прежде видѣлъ ихъ лошадку, нашу землячку, и телѣгу, которая «русскимъ духомъ

пахнетъ». Наконецъ, мы ихъ дождались, и на другой же день—это было во вторникъ—мы, съ Колонной (котораго ты, кажется, знаешь), отправились къ нимъ. Онѣ живутъ на Санта-Лучіа, въ домѣ русскаго посольства. Одна изъ нихъ — старуха, лѣтъ 45-ти, безногая; она претерпѣла какую-то трудную болѣзнь и дала обѣтъ

съѣздить къ св. Николаю. Ея спутница, дѣвка лѣтъ 20, недурна собой — въ сумеркахъ, потому-что ряба. Добрая душа рѣшилась идти съ больной и терпѣть всѣ нужды такого дальняго пути; она запрягаетъ лошадь и ухаживаетъ за безногой старухой,—и, вѣроятно, все почти ходитъ пѣшкомъ, потому-что телѣга такъ мала, что въ ней только одна можетъ помѣститься. Когда мы къ нимъ вошли, старуха сидѣла передъ образами и перебирала четки, а молодая—на постели. Она, бѣдняжка, на дорогѣ изъ Бари получила лихорадку; но теперь ей, кажется, лучше. Циммерманъ ее лечитъ. Онѣ не имѣютъ понятія, что такое Неаполь, Италія, а объ Везувіи никогда и не слыхивали, и ужаснулись, когда я имъ разсказалъ, что онъ два города погубилъ, и просили, чтобъ я имъ досталъ видъ его, когда онъ выбрасываетъ огонь. Старуха съ внутреннимъ удовольствіемъ вспоминала Кіевъ, гдѣ столько святыхъ угодниковъ покоится. Бѣдняжки, далекій путь имъ предстоитъ!..» («Вѣстникъ изящныхъ искусствъ», издаваемый А. И. Сомовымъ, 1887, выпускъ 5-й, стр. 409—411).

Не смотря на всѣ мои розыски, я нигдѣ не нашелъ свѣдѣній о томъ, чтò сталось потомъ съ этими двумя русскими путешественницами, и какъ онѣ воротились на родину.

В. Стасовъ.

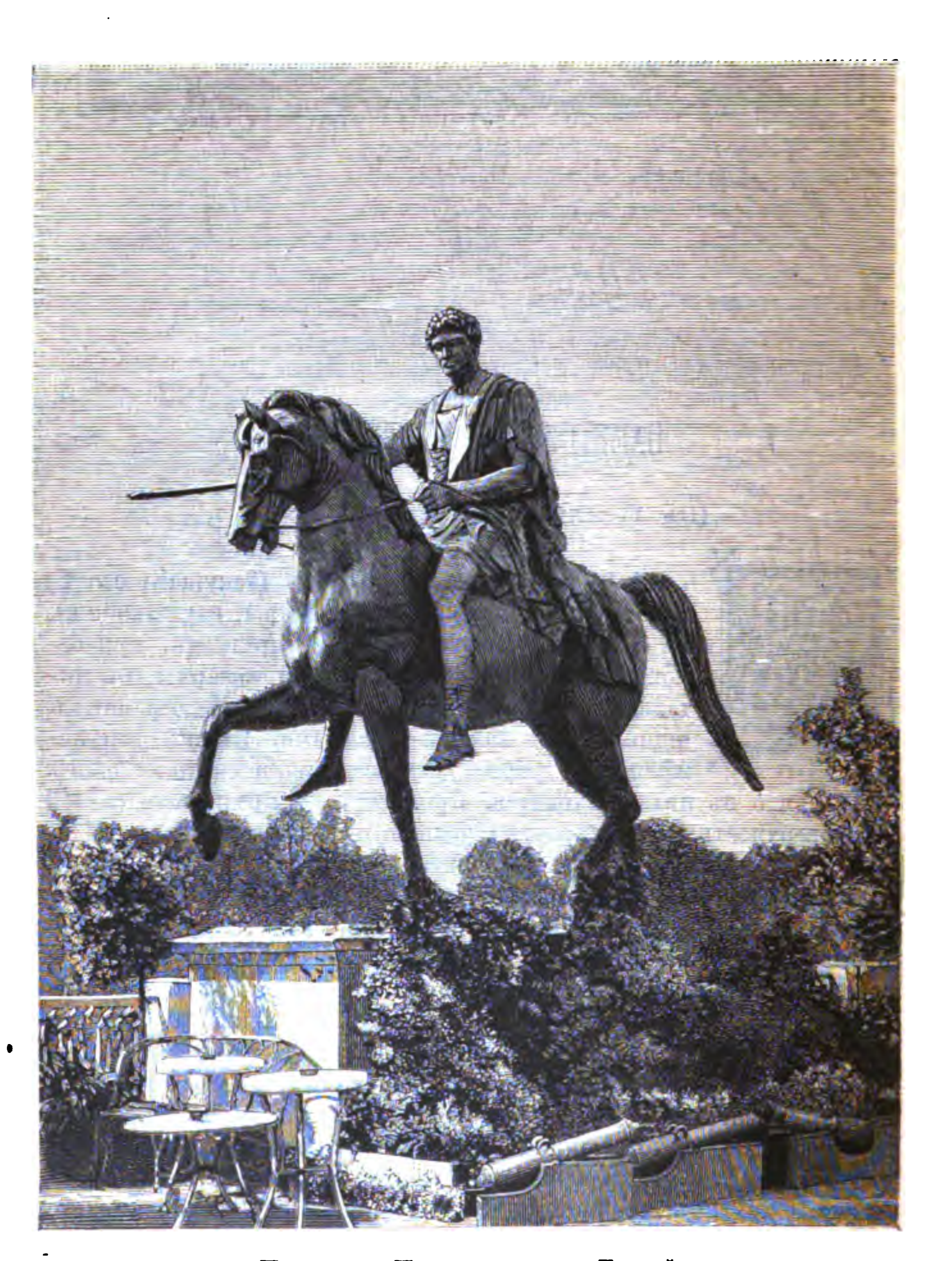

ПАМЯТНИКЪ ПОНЯТОВСКОМУ.

(Въ Гомелѣ Могилевской губерніи).

Въ НАЧАЛѢ сороковыхъ годовъ (текущаго столѣтія) молодые инженерные офицеры, служившіе въ то время въ Новогеоргіевской крѣпости, при осмотрѣ подваловъ оборонительной казармы, въ цитадели, случайно напали на складъ огромныхъ ящиковъ съ какими-то вещами. Ящики эти лежали тутъ добрый десятокъ лѣтъ и никто не зналъ, что въ нихъ находится. Присмотръ за ними былъ самый поверхностный и, вѣроятно, только ихъ громадность и тяжелый вѣсъ спасли ихъ отъ расхищенія. Тѣмъ не менѣе попытки заглянуть въ нихъ были явно замѣтны. Одинъ изъ ящиковъ былъ надломленъ и въ щель сквозила бронзовая масса, какъ бы голова бронзовой лошади, какъ показалось офицерамъ. Молодое любопытство было сильно возбуждено и офицеры выпросили у своего начальника, генерала И. И. Дена, позволеніе вскрыть ящики и посмотрѣть, что въ нихъ хранится. Оказалось, что все это были вещи, конфискованныя послѣ польскаго возстанія, въ 1831 г., у польскихъ магнатовъ, графовъ Браницкихъ, въ ихъ богатомъ имѣніи, Яблонное, расположенномъ недалеко отъ Новогеоргіевской крѣпости. Въ числѣ этихъ конфискованныхъ вещей находилось много мебели и другихъ предметовъ богатой домашней обстановки, но, главнымъ образомъ, обратили на себя вниманіе части монументальной бронзовой конной статуи, всѣ отмѣченныя именемъ Торвальдсена и надписью, что это статуя польскаго короля Станислава Понятовскаго. Браницкіе, находившіеся по женской линіи въ родствѣ съ Понятовскими, заказали эту статую знаменитому датскому

Памятникъ Понятовскому въ Гомелѣ.

скульптору, Торвальдсену (р. 1770 г., умеръ 1844). Статуя была привезена въ имѣнье, но ее еще не успѣли сложить и поставить, какъ вспыхнуло возстаніе и бронзовый Понятовскій попалъ подъ арестъ въ цитадель крѣпости.

Офицеры очень обрадовались этой находкѣ; они въ ней видѣли открытіе художественнаго произведенія великаго современнаго имъ ваятеля—и тотчасъ же собрали всю статую въ одномъ изъ бастіоновъ крѣпости. Они даже разсчитывали за свое открытіе получить благоволеніе начальства, такъ какъ именно въ это время ожидался пріѣздъ въ Новогеоргіевскъ государя императора, Николая Павловича. Имъ пришлось, однако, скоро разочароваться въ своихъ надеждахъ. Когда государю было доложено о статуѣ, онъ даже не захотѣлъ подробно взглянуть на нее; издали замѣтивъ статую при обходѣ крѣпости, окруженный блестящею свитою, государь подозвалъ начальника крѣпостной артиллеріи полковника Теплякова и коротко отдалъ ему свое приказаніе: «разбить и записать въ ломъ». Фактъ этотъ крайне характеренъ, если вспомнить, что государь Николай Павловичъ былъ большой любитель художественныхъ произведеній; но такъ еще живо сохранилось въ немъ воспоминаніе о возстаніи, что даже такое высоко-художественное исполненіе, какъ работа Торвальдсена, не заслонило собой основного мотива статуи. Относительно Понятовскаго тутъ могла быть и другая причина неудовольствія государя. Какъ извѣстно, послѣдній польскій король пользовался расположеніемъ императрицы Екатерины II и ею былъ посаженъ на тронъ, а государь Николай Павловичъ вообще относился несочувственно къ памяти людей, возвеличенныхъ его бабкой. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ то время объясняли себѣ распоряженіе государя. Офицеры были поражены и глубоко опечалены такой волею государя; но, конечно, никто не промолвилъ ни слова. Впослѣдствіи, однако, государь измѣнилъ свое рѣшеніе, по просьбѣ Варшавскаго намѣстника князя Паскевича Эриванскаго. Государь дозволилъ не разбивать статуи, но не хотѣлъ ее видѣть и подарилъ князю, чтобъ онъ ее увезъ куда угодно. Князь Паскевичъ перевезъ статую въ свое имѣнье, въ мѣстечко Гомель (Могилевской губерніи) и тамъ поставилъ ее передъ своимъ дворцомъ, гдѣ она и донынѣ находится. Гипсовая модель статуи сохраняется въ Торвальдсеновскомъ музеѣ въ Копенгагенѣ.

В. К.

ПЕРСИДСКІЕ СЕКТАНТЫ ВЪ ЗАКАВКАЗЬИ.

СУДЯ по газетнымъ свѣдѣніямъ и частнымъ извѣстіямъ, получаемымъ нами, въ послѣднее время на Кавказъ и въ Закаспійскую область стало переселяться изъ Персіи много сектантовъ, послѣдователей ученія Баба, такъ называемыхъ бабидовъ. Это переселеніе вызывается главнымъ образомъ гоненіями, которымъ бабиды начали подвергаться со стороны мусульманскаго духовенства. Большинство сектантовъ переселяется къ намъ изъ Хорасана, откуда, черезъ Асхабадъ, по Закаспійской желѣзной дорогѣ, ѣдутъ они до Узунъ-Ада, а оттуда въ Баку и далѣе. Въ Асхабадѣ бабиды устроили свою молельню, что вызвало неудовольствіе мусульманъ шіитовъ, выразившееся въ открытыхъ столкновеніяхъ и даже убійствахъ. Молельня устроена въ частномъ домѣ, куда бабиды собираются по нѣскольку разъ въ день. Моленье ихъ состоитъ въ чтеніи молитвъ и главнымъ образомъ проповѣди, темою которой обыкновенно служитъ развитіе ученія основателя секты, Баба, проникнутое любовью къ ближнимъ и всепрощеніемъ. Часто также критикуется проповѣдникомъ Коранъ и указывается на пагубное вліяніе на мусульманъ ихъ духовенства, упорно противодѣйствующаго всему, имѣющему хотя бы самый отдаленный намекъ на реформу въ исламѣ. Нерѣдко вспоминается въ проповѣди и о тѣхъ страшныхъ мученіяхъ, которымъ въ половинѣ текущаго столѣтія подвергались первые прозелиты секты.

Въ Кавказскомъ краѣ бабиды открыли двѣ молельни въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи; вскорѣ откроется бабидская молельня еще въ Нухинскомъ уѣздѣ и въ самой Нухѣ, Елисаветпольской губерніи.

Русское общество весьма мало знакомо съ бабидами, этой интереснѣйшей и симпатичнѣйшей современной мусульманской сектой, свившей теперь себѣ гнѣздо на югѣ Россіи и ищущей у насъ убѣжища отъ гоненій, претерпѣваемыхъ на родинѣ. Мы не сомнѣваемся, что если бы наше общество покороче ознакомилось съ полной глубокаго трагизма исторіей секты и ея возвышенными стремленіями, такъ рѣзко отличающимися отъ узкаго мусульманскаго фанатизма и нетерпимости, то стало бы относиться къ бабидамъ съ интересомъ и сочувстіемъ, которыхъ они вполнѣ заслуживаютъ.

Персія всегда была весьма благодарной почвой для возникновенія и развитія всевозможныхъ сектъ и толковъ, чему главнымъ образомъ способствовали самыя свойства натуры иранцевъ,—присущая имъ пытливость и оригинальность ума, отличающая ихъ отъ прочихъ сыновъ Востока, и широта взгляда на окружающія ихъ явленія. Такова была Персія въ эпоху покоренія ея арабами, такою осталась она и по нынѣ. Сравнительно недавнія (1844—1852 гг.) религіозно-политическія смуты бабидовъ въ Персіи, имѣвшія цѣлью произвести коренную соціальную реформу въ исламѣ и разъигравшіяся въ потрясающую кровавую драму,—вполнѣ подтверждаютъ вышесказанное.

Основателемъ секты бабидовъ, тайные сторонники которой по сіе время многочисленны въ Персіи, былъ юный аскетъ, всецѣло преданный созерцательной жизни, нѣкто Али-Мухаммедъ, прозванный впослѣдствіи Бабомъ, т. е. дверью,—дверью къ истинѣ, чрезъ которую стремящіеся къ божественной правдѣ могутъ находить къ ней доступъ. Али-Мухаммедъ родился въ Ширазѣ, въ началѣ текущаго столѣтія,— какъ полагаютъ, около 1812 г. Онъ былъ сыномъ купца и предназначался родителями къ торговлѣ, но самъ съ дѣтства чувствовалъ склонность къ уединенію, размышленію и аскетическимъ подвигамъ. Юношей посѣтилъ онъ священныя для мусульманъ-шіитовъ пункты паломничества—Мекку, мѣсто рожденія Мухаммеда, Куфу, гдѣ былъ убитъ обожаемый шіитами халифъ Али, и Кербелу, въ которой были умерщвлены сыновья этого халифа — Хасанъ и Хусейнъ. Всюду строгостью жизни, молчаливостью, двусмысленными отвѣтами и загадочными фразами, началъ онъ обращать на себя вниманіе и пріобрѣтать извѣстность.

Вернувшись на родину, онъ сталъ призывать народъ къ покаянію и проповѣдывать необходимость соблюдать волю Аллаха, которую люди забыли, увлеченные страстями. Нелицемѣрная строгость жизни и убѣжденность проповѣди молодого аскета сильно дѣйствовали на толпу и, мало-по-малу, сдѣлали изъ него полупророка, полусвятого, за которымъ повсюду ходила толпа, ловя съ жадностью каждое его слово.

Будучи въ Кербелѣ, Али-Мухаммедъ сдѣлался ревностнымъ ученикомъ хаджи-сейидъ-Казема, популярнѣйшаго въ то время проповѣдника суфизма, т. е. мусульманскаго пантеизма, съ примѣсью аскетизма и мистики,—ученіе, издавна пустившее на Востокѣ, и особенно въ Персіи, глубокіе корни и пришедшее туда изъ буддійской Индіи. Мало-по-малу, къ Али-Мухаммеду стало примѣняться, оставшееся за нимъ впослѣдствіи навсегда, названіе Баба,—двери (къ истинѣ), о которомъ мы выше упомянули, названіе свойственное иносказательному языку суфіевъ. Впослѣдствіи прозелиты этого новаго проповѣдника стали именоваться **бабй**, т. е. приверженцы Баба. Отсюда и названіе секты—**бабиды**.

Все это въ сущности не ново въ исторіи магометанскаго сектантства, обильной фанатиками, претендовавшими на обладаніе истиной и выдававшими себя за пророковъ, святыхъ и даже за само божество.

Ученіе Баба,—суфизмъ,—не оригинальное само по себѣ, не могло бы, безъ сомнѣнія, ни получить широкаго распространенія, ни имѣть столькихъ горячихъ послѣдователей, ни дойти до такихъ результатовъ, какъ повсемѣстныя въ Персіи возстанія бабидовъ, которыя шахскому правительству пришлось усмирять съ оружіемъ въ рукахъ, еслибы въ Персіи издавна не чувствовалась потребность въ соціальной реформѣ, сторонники которой воспользовались ставшимъ популярнымъ именемъ Баба для распространенія своихъ либеральныхъ соціально-религіозныхъ идей.

Въ 1844 г. Бабъ былъ арестованъ въ своемъ родномъ городѣ Ширазѣ, какъ глава тайной секты, успѣхи которой уже начинали тревожить персидское правительство. Вскорѣ, однако, Бабу удалось бѣжать въ Испагань, гдѣ его не разъ испытывали въ правилахъ вѣры, но не нашли ничего еретическаго въ его ученіи; однако, его лишили свободы и держали подъ домашнимъ арестомъ. Такъ продолжалось до 1847 г., когда послѣдовало распоряженіе перевести Баба въ Тегеранъ. Но этого, однако, не удалось сдѣлать, такъ какъ слухи объ этомъ произвели сильное возбужденіе умовъ, которое испугало тегеранскій дворъ. Держать такого опаснаго узника въ главномъ городѣ страны оказалось неудобнымъ и послѣдовало новое приказанье,—отправить Баба въ Маку̀, городокъ на границѣ Адербейджана. Вскорѣ, однако, мы видимъ его въ Тебризѣ, гдѣ ему готовилось увѣщаніе среди ученыхъ и духовенства. Что происходило въ этомъ засѣданіи, въ точности неизвѣстно. Несомнѣнно лишь одно: оно не обратило грѣшника на путь истинный,—краснорѣчіе муллъ пропало даромъ!

Пока вышеописанное происходило съ Бабомъ, его сторонники не сидѣли сложа руки. Его **мюриды**,—ученики, постоянно тайно умножались и успѣшно проповѣдывали бабизмъ во всѣхъ углахъ

Персіи. Почти не касаясь религіозныхъ принциповъ и всецѣло стремясь къ внутренней соціальной реформѣ въ Персіи, бабиды могутъ быть названы сектантами лишь съ большой оговоркой, болѣе подходя подъ типъ соціалъ-демократовъ, чѣмъ религіозныхъ новаторовъ. Проповѣдуя свободу, равенство и братство, ратуя за чистоту нравовъ и яростно нападая на муллъ, всецѣло преданныхъ лишь соблюденію обрядностей Корана и враждующихъ со всѣмъ, что отступаетъ, хотя немного, отъ установленной рутины культа, они смѣло провозглашали необходимость сближенія съ Западомъ и всесторонне касались самаго больного мѣста мусульманской жизни, возставая противъ многоженства, требуя равноправности женщины на Востокѣ и ограниченія безмѣрной свободы развода, вполнѣ зависящаго отъ произвола мужа.

Обстоятельства благопріятствовали этой смѣлой проповѣди. Тогдашній владыка Ирана, постоянно мучимый острыми припадками подагры, слабохарактерный Махмудъ-Шахъ, былъ въ вѣчной хандрѣ и апатіи, благодаря и своему недугу, и врожденной меланхоліи, и мнительности. Извѣрившись въ людей, не находя радости и въ семьѣ, поглощенной гаремными дрязгами и сплетнями, онъ вполнѣ поддался вліянію мирзы-Агасы, своего перваго министра. Этотъ оригинальный старикъ, бывшій прежде воспитателемъ шаха, злой шутникъ и острословъ, безпощадно смѣявшійся надъ всѣмъ и надъ всѣми въ мірѣ, начиная съ самого себя, осыпавшій ѣдкими сарказмами надутыхъ придворныхъ, являвшійся на торжественныя церемоніи въ безобразныхъ лохмотьяхъ и называвшій свое потомство не иначе, какъ «собачьи дѣти»,—былъ неисправимый скептикъ, циникъ и буфонъ. Онъ былъ въ душѣ самый ярый вольнодумецъ, — явленіе не рѣдкое на фанатичномъ Востокѣ, — и ужъ, конечно, не являлъ собою защитника и покровителя муллъ и ревниво охраняемой ими рутины внутренняго строя мусульманской жизни.

Смотря на міръ глазами истаго вольтерьянца, онъ равнодушно наблюдалъ за броженьемъ умовъ въ странѣ и успѣхами новой секты. Насмѣшливо слѣдя за начинавшейся борьбой реформаторскихъ стремленій бабизма съ старыми устоями, онъ въ то же время былъ скорѣе на сторонѣ бабидовъ, чѣмъ противъ нихъ, насколько позволяло ему его врожденное равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ относился къ бабизму первое время съ нѣкоторымъ сочувствіемъ уже и по одному тому, что самъ крѣпко не жаловалъ грубое, самомнящее и безжалостно эксплоатирующее народъ духовенство Персіи, яростными врагами котораго являлись новые сектанты. Впослѣдствіи, однако, онъ разочаровался въ бабидахъ вмѣстѣ съ своимъ царственнымъ другомъ, когда понялъ, что эти новаторы возлагаютъ на правительство починъ всевозможныхъ реформъ, что, конечно, требовало и хлопотъ, и энергіи, которой не доставало ни

въ скучающемъ царственномъ подагрикѣ, ни въ юродствующемъ министрѣ.

Между тѣмъ въ Хорасанѣ, Мазандеранѣ, Иранѣ, Табризѣ и его окрестностяхъ бабиды дѣйствовали съ колоссальнымъ успѣхомъ, насчитывая прозелитовъ тысячами! Гуманныя идеи, проповѣдуемыя ими, привлекали толпу своей чистотой и возвышенностью, а стремленья произвести реформу внутренняго строя жизни страны, реформу, въ которой давно чувствовалась и чувствуется потребность въ Персіи, дѣлали ихъ въ глазахъ народа освободителями отъ деспотизма правящихъ классовъ и эксплоатаціи духовенства. Главнѣйшими дѣятелями новой секты были: мулла Хусейнъ-Бушреви и хаджи-Мухаммедъ-Али-Барфуруши, проповѣдовавшіе въ Хорасанѣ и Мазандеранѣ. Читатели наши, конечно, будутъ немало удивлены, когда узнаютъ, что третьимъ выдающимся вождемъ бабидовъ—была женщина!

Появленіе женщины-мусульманки въ дѣятельной роли пропагандистки смѣлыхъ идей либеральнѣйшей секты, объявившей войну всему мусульманству, есть явленіе величайшаго интереса и представляется почти исключительнымъ случаемъ во всей многовѣковой жизни Востока. Сколько нужно было смѣлости этой отважной прозелиткѣ, сколько надо было ей внутренней борьбы и героической рѣшимости, чтобы вырваться изъ мертвящей замкнутости гарема и на позоръ семьи, родныхъ и друзей, идти въ главари бунтовщиковъ противъ всесильнаго владыки, снявъ при этомъ, на ужасъ всего Востока, съ лица покрывало, то самое освященное обычаемъ и религіей традиціонное покрывало, безъ котораго ни одна мусульманка не можетъ показаться передъ посторонними и противъ котораго возставали безпощадные соціальные новаторы.

Эта замѣчательная женщина звалась Зеринъ-Таджъ, т. е. златовѣнчанная, но впослѣдствіи за свою рѣдкую красоту и привлекательность получила у бабидовъ прозвище Хуретъ-ул-уйунъ,—услада глазъ,—которое навсегда за ней осталось. Она была уроженкой Казвина и принадлежала къ семьѣ, занимающей почетное положеніе въ городѣ. Отецъ ея былъ духовное лицо, муджтехидъ, т. е. признанный авторитетъ въ вопросахъ вѣры и права (эти вопросы постоянно смѣшиваются у магометанъ, такъ какъ ихъ юриспруденція основана на религіи, а религія захватываетъ область права).

Едва только достигли до Хуретъ-ул-уйунъ слухи о проповѣди Баба въ Ширазѣ, едва только успѣла она ознакомиться съ основными принципами новаго раскола, какъ всѣмъ сердцемъ предалась имъ и вступила въ переписку съ бабидами. Будучи отъ природы выдающихся умственныхъ способностей, она не походила на обыкновенную мусульманку, всецѣло поглощенную нарядами и домашними сплетнями; къ тому же, принадлежа къ образованной

семьѣ, она получила хорошее, сравнительно, воспитаніе, а богословскія бесѣды, которыя она могла часто слышать въ домѣ отца—ученаго, съ раннихъ лѣтъ сдѣлали ее далеко не равнодушной къ религіознымъ вопросамъ, и этимъ именно и объясняется главнымъ образомъ тотъ интересъ и участіе, съ которымъ она слѣдила за движеніемъ бабидовъ, все болѣе и болѣе увлекаясь ихъ идеями.

Не довольствуясь пассивной симпатіей къ бабидамъ, она выступила въ своемъ родномъ городѣ съ открытой проповѣдью ихъ ученія и, слѣдуя ихъ правиламъ, сняла, какъ уже было сказано, съ себя покрывало. Истые мусульмане сочли это смертнымъ грѣхомъ и съ ужасомъ отъ нея отшатнулись, а бабиды, уже многочисленные тогда повсюду въ Персіи, восторженно привѣтствовали отважную прозелитку. Напрасно отецъ и мужъ старались вернуть ее на прежній путь подчиненности и безправія, по которому безропотно идутъ мусульманки, являясь рабами и вещью мужа и не имѣя силъ бороться съ этимъ вѣковымъ униженіемъ человѣческихъ правъ женщины. Увѣщанія остались тщетными и Хуретъ-ул-уйунъ, покинувъ родной кровъ, ушла къ бабидамъ, куда влекло ее сердце и убѣжденье.

Два первыхъ, вышеупомянутыхъ, главаря движенія были каждый въ своемъ родѣ замѣчательными личностями. Первому изъ нихъ, муллѣ-Хусейну-Бушреви, заклятые враги не отказывали въ обширныхъ знаніяхъ и изумительной силѣ характера. Проповѣдь бабизма, прогремѣвшая по всему Ирану, сильно подѣйствовала на него, и онъ, не колеблясь, отправился изъ Хорасана, гдѣ жилъ, къ Бабу, въ Ширазъ, и отдалъ себя въ его полное распоряженіе, сдѣлавшись вскорѣ ближайшимъ его сотрудникомъ и занявъ самое выдающееся мѣсто среди бабидовъ.

Хаджи-Мухаммедъ-Барфуруши слыветъ за святого среди бабидовъ и пользуется ихъ величайшимъ уваженіемъ. Чистота его убѣжденій, беззавѣтная преданность дѣлу и трагическая кончина, доставили ему въ глазахъ сектантовъ ореолъ мученика.

Движеніе бабидовъ, между тѣмъ, принимало все большіе и большіе размѣры, успѣхъ секты росъ съ каждымъ днемъ и возбуждалъ въ народѣ то опасное броженіе, которое является предвѣстникомъ кризиса. Такъ и случилось. Волненія бабидовъ перешли, наконецъ, въ открытое возстаніе и изъ религіозно-соціальныхъ новаторовъ они сдѣлались бунтовщиками.

Пользуясь продолжительной безурядицей, наступившей въ Персіи послѣ смерти Махмудъ-Шаха, въ сентябрѣ, 1848 г., до воцаренія новаго, теперешняго шаха Наср-еддина, бабиды, подъ предводительствомъ муллы-Хусейна, укрѣпились лагеремъ въ Мазандеранѣ, близь г. Сари, около могилы шейха—Теберсй. Лагерь усилился впослѣдствіи бабидами, пришедшими изъ Ирана и Адербейджана. Сектанты устроили вокругъ могилы шейха цѣлую крѣ-

пость. Крѣпость эта, съ двумя воротами съ юго-восточной и западной стороны, состояла изъ земляного вала съ 12-ю башнями, высотою въ 3—3¹/₄ сажени. Каждая изъ нихъ отстояла отъ другой на разстояніи 100—120 саженъ. Эти башни съ бойницами были укрѣплены земляною насыпью, утвержденною сваями и заваленною щебнемъ. Вся же крѣпость снаружи была обнесена земляным валомъ и оканчивалась глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою изъ ближайшихъ рѣчекъ и шедшимъ вдоль всего укрѣпленія. Жители окрестныхъ деревень были въ полномъ повиновеніи у бабидовъ и частью изъ сочувствія, частью изъ страха, содѣйствовали имъ въ постройкѣ укрѣпленій и доставляли съѣстные припасы.

Комендантомъ этой импровизированной крѣпости былъ, уже знакомый читателямъ, мулла-Хусейнъ, а его ближайшимъ помощникомъ—Хаджи-Мухаммедъ-Али. Мазандеранская крѣпость сразу стала центромъ, куда отовсюду стекались недовольные порядкомъ вещей, либералы, раздраженные налогами и самоуправленіемъ чиновниковъ, бѣдняки и всѣ «алчущіе и жаждущіе» новаго ученія, новой вѣры, гуманныя начала которой были столь непохожи на фанатизмъ муллъ и формалистику ислама, давно ставшаго одной потерявшей смыслъ обрядностью. Такимъ образомъ, это становище бабидовъ являлось крѣпкимъ оплотомъ новой секты и опаснымъ для шахскаго правительства очагомъ мятежа, развивавшагося по всей странѣ съ необыкновенной быстротой.

Тѣмъ временемъ тегеранскія торжества, по случаю восшествія на престолъ новаго шаха, окончились и Иранъ перешелъ въ руки новаго повелителя, а у кормила правленія сталъ новый министръ. Прежній любимецъ покойнаго шаха, Мирза-Агасы, былъ удаленъ отъ дѣлъ на покой и проводилъ остатокъ дней своихъ въ Кербелѣ, вспоминая о минувшей славѣ и о своемъ царственномъ другѣ и повелителѣ.

Новый первый министръ, Мирза-Тахъй-ханъ, человѣкъ большого ума и энергіи, рѣшился какъ можно скорѣе умиротворить страну. Первымъ дѣломъ новаго правительства было заключеніе Баба въ крѣпость Чегрикъ и усмиреніе мазандеранскаго возстанія. Приближенное ко двору лицо, дядя юнаго шаха, принцъ Махди-Кули-мирза, былъ посланъ, въ декабрѣ 1848 г., въ Мазандеранъ для прекращенія мятежа. Обложивъ лагерь мятежниковъ и отдавъ приказаніе не допускать сообщенія осажденныхъ съ окрестными деревнями, принцъ со дня на день ждалъ, что голодъ принудитъ враговъ сдаться. Надежды его, однако, не сбылись. Осажденные по ночамъ имѣли постоянныя тайныя сношенія съ сосѣдними селами и доставали себѣ продовольствіе.

Бабиды стойко выдерживали осаду и даже дѣлали по ночамъ неожиданныя вылазки на лагерь принца, нападая врасплохъ на

шахскія войска и обращая ихъ въ бѣгство. Во время одной изъ такихъ вылазокъ былъ убитъ мулла-Хусейнъ.

Постоянныя неудачи шахскихъ войскъ порождали въ народѣ неудовольствіе и раздраженіе. Стойкость же осажденныхъ и ихъ успѣхи завоевывали имъ повсюду сочувствіе и это стало не на шутку тревожить тегеранскій дворъ. Шахъ и его министръ были возмущены этими постоянными неудачами главнокомандующаго, хотя отъ его дѣятельности ничего иного и нельзя было ожидать, такъ какъ онъ былъ скорѣе ловкій придворный кавалеръ, чѣмъ мало-мальски сносный полководецъ. Ему отправленъ былъ, наконецъ, помощникъ, извѣстный своей опытностью и энергіей, генералъ Сулейманъ-ханъ-Афшаръ, который, въ сущности, съ этого времени и велъ все дѣло; принцъ же оставался при арміи лишь съ почетнымъ титуломъ главнокомандующаго, ни во что болѣе не вмѣшиваясь. Съ этого момента звѣзда бабидовъ закатилась и они стали терпѣть неудачи.

Сулейманъ-ханъ началъ правильную систематическую осаду ихъ крѣпости и такъ оцѣпилъ ее со всѣхъ сторонъ войсками, что бабиды были совершенно отрѣзаны отъ окружающаго міра и, рано или поздно, должны были сдаться. Все болѣе и болѣе началъ мучить ихъ голодъ. Они истребили всѣ запасы и принуждены были питаться травою, а затѣмъ, когда травы не стало, кожею отъ поясовъ и сабельныхъ ноженъ.

Наконецъ, Сулейманъ-ханъ приступилъ къ штурму. Вечерѣло. Усиленно обстрѣливая крѣпость, осаждавшіе приблизились къ окружавшему крѣпость рву и начали заваливать его пнями и щебнемъ. Часть войскъ бросилась между тѣмъ на укрѣпленія съ западной стороны и вскорѣ пробила въ стѣнѣ брешь. Осажденные устремились къ этому мѣсту, недопуская непріятеля внутрь. Завязалась горячая схватка. Стоны умирающихъ слились съ отчаянными криками женщинъ и безпрерывными ружейными выстрѣлами. Понявъ, что защищать долѣе крѣпость невозможно, бабиды рѣшились воспользоваться первымъ моментомъ натиска и массой пробиться къ ближнему лѣсу, надѣясь, если не спастись этимъ, то продолжить борьбу.

Ихъ маневръ не удался. Началась во мракѣ ночи отчаянная рукопашная борьба! Ружья и пистолеты были оставлены и пущены въ ходъ сабли и кинжалы. Осаждавшіе ворвались, наконецъ, въ укрѣпленіе, мгновенно наполнивъ собою его обширный дворъ, подобно тому, какъ бурный потокъ, прорвавъ плотину, затопляетъ берегъ.

Здѣсь рѣзня достигла ужасающихъ размѣровъ!.. Не имѣя силъ выдержать долѣе натиска непріятельскихъ войскъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ истребленный уже на половину гарнизонъ бабидовъ, осажденные просили пощады. Бой стихъ и начались пе-

реговоры. Было условлено, что осажденнымъ будетъ дарована жизнь, если они добровольно покинутъ крѣпость. Хаджи-Мухаммедъ-Али, заступившій мѣсто убитаго муллы-Хусейна, выѣхалъ изъ крѣпости съ остаткомъ сектантовъ, не превышавшимъ теперь 200-тъ съ небольшимъ человѣкъ, и былъ почетно встрѣченъ принцемъ—главнокомандующимъ. Но это была лишь простая ловушка и гибель бабидовъ была уже заранѣе рѣшена.

Имъ отвели особыя палатки, дали въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ и въ продолженіе всего перваго дня принцъ-главнокомандующій выказывалъ вожакамъ бабидовъ самое искреннее вниманіе. На другой день бабидскихъ вождей пригласили на завтракъ къ принцу. Когда Хаджи-Мухаммедъ-Али и его ближайшіе сотрудники собрались въ палатку главнокомандующаго, то, по данному знаку, на нихъ напали и обезоружили ихъ. То же самое сдѣлали и съ остальными бабидами, бывшими въ лагерѣ принца со времени капитуляціи. Почти всѣхъ ихъ предали страшнымъ мученіямъ; ихъ обливали нефтью и заживо сжигали!.. Что касается Хаджи-Мухаммеда-Али и главныхъ бабидскихъ военачальниковъ, въ числѣ 6 человѣкъ, то ихъ оставили для публичной казни, которая и была вскорѣ совершена надъ ними въ Барфурушѣ. Затѣмъ во всемъ мазандеранскомъ округѣ хватали и безжалостно убивали каждаго, заподозрѣннаго въ принадлежности или даже прикосновенности къ бабизму...

Такъ кончилось возстаніе бабидовъ въ Мазандеранѣ. Почти одновременно съ этимъ былъ казненъ и Бабъ.

Волненія, производимыя сектантами въ Испагани и Тавризѣ, возстаніе въ Мазандеранѣ и бунтъ въ Хорасанѣ, начавшійся почти одновременно съ мазандеранскими смутами и стоившій персидскому правительству большихъ издержекъ,—все это рѣшило участь Баба.

Было сдѣлано распоряженіе привести его въ Тавризъ на казнь: онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлянію. Вмѣстѣ съ нимъ были схвачены и посажены въ тавризскую тюрьму два брата изъ Езда, сейидъ-Хасанъ и сейидъ-Хусейнъ, неотлучно всюду сопутствовавшіе Бабу, со времени его бѣгства въ Испагань (сейидъ-Хусейна считаютъ авторомъ Корана бабидовъ), ага-Мухаммедъ-Али и шейхъ-Ахмедъ,—ревностные бабиды.

Всѣ пятеро были выведены на казнь, но къ мѣсту казни пришли только двое: Хасанъ и Хусейнъ и шейхъ-Ахмедъ, видя неизбѣжную гибель, поколебались въ прежней стойкости и измѣнили учителю. Они всенародно назвали его еретикомъ и даже стали плевать въ него, за что и получили свободу. Одинъ ага-Мухаммедъ остался вѣренъ Бабу и торжественно восклицалъ, обращаясь къ нему:—«Вотъ дверь истины, вотъ вождь ислама!»

Мѣсто казни было назначено во дворѣ сарбазскихъ казармъ. Прилегающія къ нимъ улицы и крыши сосѣднихъ домовъ были

переполнены любопытными. Осужденныхъ вывели на стѣну и продѣвъ имъ подъ мышки веревки, помѣстили ихъ въ висячемъ положеніи съ внѣшней стороны стѣны, довольно высоко отъ земли, такъ что несмѣтная толпа, запрудившая всю площадь передъ стѣною, могла ихъ ясно видѣть. Послышался приказъ стрѣлять. Раздался ружейный залпъ. Ага-Мухаммедъ висѣлъ мертвымъ, но судьба щадила Баба: пули, направленныя въ него, попали въ веревки и онъ, освободившись отъ нихъ, упалъ со стѣны на землю. Толпа ахнула и замерла на мѣстѣ, видя въ случившемся явное чудо...

Прошло нѣсколько роковыхъ минутъ... Бабъ поднялся на ноги и побѣжалъ... Побѣги онъ къ охваченной суевѣрнымъ страхомъ и глубоко потрясенной случившимся толпѣ, ищи онъ у нея спасенья,—народъ, вообще расположенный къ бабизму, несомнѣнно, не выдалъ бы Баба палачамъ и тогда Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось!.. Несомнѣнно, произошло бы въ пользу Баба народное волненіе, и, можетъ быть, не сдобровать бы тогда и нынѣ царствующей въ Персіи династіи Каджаровъ. Такой исходъ могъ бы быть и въ томъ случаѣ, еслибы солдаты, стрѣлявшіе въ Баба и агу-Мухаммеда, были мусульмане; они, конечно, не согласились бы вторично стрѣлять въ Баба. Но стрѣлки были изъ давно уже несуществующаго въ Персіи христіанскаго полка.

И такъ, Бабъ поднялся на ноги и побѣжалъ, но... не къ толпѣ, а къ караульнѣ. Истомленный продолжительнымъ заключеніемъ, мучительнымъ висѣніемъ на стѣнѣ и взволнованный неожиданностью спасенія, Бабъ, послѣ паденія со стѣны, плохо сознавалъ, что онъ дѣлаетъ, поступалъ почти безсознательно и этимъ погубилъ себя! За нимъ побѣжали, вошли въ его убѣжище и одинъ изъ офицеровъ сшибъ его съ ногъ ударомъ сабли. Несчастный упалъ, обливаясь кровью. Онъ былъ еще живъ, однако. Нѣсколько выстрѣловъ въ упоръ добили его... Такъ 19-го іюля 1849 г. окончилъ жизнь Бабъ на 37 или 38 году отъ рожденья.

Смерть Баба не имѣла никакого вліянія на движеніе бабидовъ, охватившее всю страну и повсюду разыгравшееся въ вооруженныя возстанія, которыя персидскому правительству приходилось тушить съ величайшимъ трудомъ, благодаря удивительной стойкости и энергіи мятежниковъ и почти повсемѣстному сочувствію къ нимъ народа.

Въ 1849 г. вспыхнуло возстаніе бабидовъ въ Зенджанѣ (городъ въ Иракъ-Аджамѣ, въ 50 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Султаніэ), окончившееся разореніемъ этого города и истребленіемъ бабидовъ, а въ мартѣ 1850 г. не безъ труда было подавленъ мятежъ въ Нейризѣ (большое селеніе при соленомъ озерѣ того же названія, на сѣверо-востокѣ отъ Фессы).

Одновременно съ прекращеніемъ мазандеранскаго возстанія погибла и знаменитая Хуретъ-ул-уйунъ. Бѣжавъ изъ родного города,

Казвина, она успѣшно проповѣдывала въ Хорасанѣ и Мазандаранѣ и имѣла массу учениковъ, какъ говорятъ, страстно влюбленныхъ въ красавицу-атаманшу. Затѣмъ она была схвачена и привезена въ Тегеранъ, гдѣ, въ 1852 году, ее тайно задушили по приказанію шаха.

Въ самой столицѣ было также не мало бабидовъ. Они составляли цѣлое правильно организованное тайное общество и ждали лишь случая произвести волненіе.

Въ августѣ 1852 г. тремя бабидами было сдѣлано покушеніе на жизнь шаха въ Ніаверанѣ, его лѣтней резиденціи, въ то время, когда шахъ ѣхалъ на охоту. Однимъ изъ выстрѣловъ Наср-ед-динъ былъ слегка раненъ. Стрѣлявшій былъ убитъ на мѣстѣ свитой; два другихъ схвачены съ пистолетами и кинжалами въ рукахъ. Слѣдствіе надъ преступниками обнаружило присутствіе въ столицѣ большого количества бабидовъ, жившихъ въ подземельяхъ, гдѣ они устроивали тайныя сходки. Виновниковъ покушенія безчеловѣчно мучили, выпытывая о соучастникахъ, и потомъ казнили, а также и всѣхъ найденныхъ въ Тегеранѣ сектантовъ предали мучительной смерти, совершивъ предварительно надъ ними всевозможныя изувѣрства, о которыхъ мы умалчиваемъ, щадя нравственныя чувства читателей, непривыкшихъ къ дикости восточныхъ нравовъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, трагическая исторія бабизма, этой смѣлой, но, къ сожалѣнію, неудачной попытки реформы магометанства и въ религіозномъ, и въ соціальномъ отношеніи. Изъ этого краткаго очерка читатели видятъ, какія благородныя стремленія и возвышенныя цѣли одушевляли бабидовъ въ ихъ движеніи, которое могло бы при иныхъ условіяхъ имѣть иные результаты.

Бабизмъ и понынѣ имѣетъ массу приверженцевъ въ Персіи въ разныхъ слояхъ общества. Особенно много бабидовъ въ Фарсѣ, Хоросанѣ и Кербелѣ, мѣстахъ первоначальнаго развитія секты.

Шахское правительство не рѣшается, однако, начать противъ нихъ открытаго преслѣдованія, боясь повторенія недавнихъ кровавыхъ смутъ. Притѣсненія бабидовъ, тѣмъ не менѣе, продолжаются и сектанты вынуждены, какъ мы уже сказали въ началѣ очерка, искать убѣжища въ предѣлахъ Россіи, въ Закавказьи, гдѣ они должны считаться желанными гостями.

Страстные поклонники вѣры по духу, а не по буквѣ, и непримиримые враги рутины, господствующей въ мусульманскомъ пониманіи религіи и нравственности, бабиды смѣло критикуютъ Коранъ Мухаммеда, называютъ все въ природѣ чистымъ, вопреки ученію ислама, считающаго многіе предметы нечистыми (вино, свинина, собака, невѣрный и т. д.), учатъ любви къ ближнему, чѣмъ подрывается магометанскій фанатизмъ и проповѣдуютъ принципы братства и милосердія. Этимъ бабизмъ, какъ и породившій его суфизмъ, приближается, до нѣкоторой степени, къ евангельской

морали, вслѣдствіе чего онъ, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ служить переходной ступенью отъ ислама къ христіанству, которое бабиды высоко чтутъ, радуясь, когда на ихъ молитвенныя собранія въ Асхабадѣ заходятъ иногда христіане.

Стремленія бабидовъ къ реформамъ внутренняго строя магометанства, ихъ ученіе объ одноженствѣ, о равноправности супруговъ, о сближеніи съ христіанами, — тоже можетъ имѣть несомнѣнную пользу въ темной массѣ нашихъ мусульманъ, хотя и относящихся теперь къ бабизму враждебно, но, несомнѣнно, долженствующихъ современемъ подчиниться обаянію этой благородной секты.

Словомъ, бабиды являются въ высшей степени полезнымъ и освѣжающимъ элементомъ въ средѣ закавказскихъ мусульманъ, внося съ собой въ ихъ обособленный міръ цивилизующія и гуманитарныя начала и въ соціальной и въ религіозной жизни.

С. Уманецъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Територія и населеніе. Спб. 1890.

Задача названнаго изслѣдованія заключается въ выясненіи «первоначальнаго положенія дѣла» по вопросамъ о територіи и населеніи до-петровской Руси, въ силу чего вышедшій первый томъ изслѣдованія и раздѣляется на двѣ книги: въ первой говорится о государственной територіи, а во второй о населеніи древней Руси.

Первая книга начинается съ опредѣленія различныхъ терминовъ, которыми обозначалась государственная територія въ удѣльно-вѣчевую эпоху, когда еще не было единаго «государства Россійскаго», а существовало единовременно множество небольшихъ государствъ. Професоръ Сергѣевичъ подробно останавливается на анализѣ такихъ понятій, какъ волость, земля, княженіе, удѣлъ, отчина, уѣздъ, которыя отождествлялись съ понятіемъ государства. Здѣсь же онъ говоритъ о возникновеніи и разложеніи волостей, объ ихъ политической самостоятельности, о городахъ и пригородахъ и т. п., иллюстрируя свои мнѣнія примѣрами изъ политики нашихъ древнихъ князей по отношенію къ територіи. Затѣмъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія переходитъ къ разрѣшенію вопроса о возникновеніи Московскаго государства и весьма подробно излагаетъ исторію образованія територіи этого послѣдняго. Многія воззрѣнія проф. Сергѣевича по этому вопросу отличаются оригинальностію и новизной, такъ какъ совершенно не согласуются съ общепринятыми мнѣніями. Солидная аргументація, сопровождающая мнѣнія г. Сергѣевича, заставляетъ признать ихъ истинность и стать на его сторону въ его спорѣ съ другими учеными. Такъ, г. Сергѣевичъ совершенно несогласенъ съ общепринятымъ мнѣніемъ объ Иванѣ Калитѣ, какъ о первомъ собирателѣ земли русской. «Еще древніе наши грамотѣи, говоритъ онъ,

отмѣтили Ивана Калиту прозваніемъ собирателя русской земли. Такъ называетъ его составитель «Слова о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича». Позднѣйшіе историки пошли далѣе: они прославили имя Калиты и государственные его заслуги поставили внѣ сравненія съ заслугами его предшественниковъ. Онъ является у нихъ творцомъ новыхъ формъ государственнаго быта, дотолѣ невѣданыхъ. По Карамзину, онъ указалъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и величію, а имя собирателя земли русской москвитяне дали ему единогласно». Соловьевъ, искусно соединивъ мысль Карамзина съ похвалой «Слова о житіи», говоритъ, что Калита «далъ своимъ наслѣдникамъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя русской земли». У Д. И. Иловайскаго Калита оказывается уже одареннымъ всѣми тѣми качествами, которыми обыкновенно бываютъ одарены основатели могущественныхъ государствъ. «Что Иванъ Калита, продолжаетъ проф. Сергѣевичъ, сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія къ московскому удѣлу, это весьма возможно. Но тоже дѣлали и оба его предшественника (Даніилъ Александровичъ и Юрій Даниловичъ), а потому нѣтъ повода называть его первымъ собирателемъ. Еще менѣе поводовъ считать его основателемъ единовластія и государственнаго могущества Москвы. Мы знаемъ уже, что выгоды единовластія сознавались чуть не за сто лѣтъ до Ивана ростовскими боярами и что оно настойчиво проводилось ими въ жизнь. Единымъ княземъ московской волости былъ и ближайшій предшественникъ Ивана, родной его братъ Юрій. Вновь открывать путь къ порядку извѣстному, а въ Москвѣ дѣйствовавшему до Ивана, не было надобности. Ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія, Калитѣ не пришлось быть новаторомъ. Гораздо болѣе есть основаній думать, что всякая мысль о государственномъ могуществѣ Москвы была совершенно чужда этому князю. Если его можно считать новаторомъ, то въ смыслѣ самомъ невыгодномъ для Московскаго княженія. Онъ первый примѣнилъ къ наслѣдованію этого, вновь созданнаго, княженія порядокъ частнаго наслѣдованія, раздѣливъ свой удѣлъ между всѣми своими наслѣдниками, въ числѣ которыхъ были и женщины. Въ этомъ дѣленіи — торжество чисто частной точки зрѣнія на княжество. Калита самый рѣшительный проводникъ взгляда на княженіе, какъ на частную собственность князя со всѣми его противогосударственными послѣдствіями, а не основатель государственнаго могущества Москвы» (стр. 51). Это свое положеніе г. Сергѣевичъ весьма убѣдительно аргументируетъ, анализируя лѣтописныя извѣстія о политикѣ Калиты и подробно разсматривая извѣстное завѣщаніе послѣдняго. За неимѣніемъ мѣста мы, къ сожалѣнію, не можемъ пойти вслѣдъ за г. Сергѣевичемъ и прослѣдить за его аргументаціей, а поэтому отсылаемъ интересующихся къ самому изслѣдованію. Окончательный выводъ, къ которому приходитъ г. Сергѣевичъ на основаніи изученія завѣщанія Калиты, слѣдующій: «лишенный качествъ государя и политика, Калита обладалъ свойствами добраго семьянина. Онъ любилъ свою жену и дѣтей и думалъ не о величіи Московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ этихъ дорогихъ его сердцу существъ. Онъ надѣлилъ ихъ всѣхъ, никого не обижая, и принялъ мѣры, чтобы оградить и въ будущемъ отъ возможныхъ случайностей». «Безконечное дробленіе первоначальныхъ удѣловъ и безконечное число общихъ собственниковъ Москвы— таковы послѣдствія завѣщанія Калиты для созданнаго его отцомъ и братомъ московскаго удѣла. Калита есть основатель противогосударственнаго порядка»

а не могущества и славы Москвы. Единое Московское государство образовалось наперекоръ видамъ Калиты. Преемникамъ его надо было начинать работу съизнова и въ духѣ совершенно противоположномъ тому, въ какомъ дѣйствовалъ онъ» (стр. 58). Ту же политику продолжали и оба сына Калиты Семенъ и Иванъ. Основателемъ новаго порядка вещей является Дмитрій Ивановичъ Донской. «Это первый князь московскаго дома, говоритъ г. Сергѣевичъ, одаренный государственнымъ умомъ, хотя дѣйствующій еще подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ противогосударственныхъ началъ, которыми были проникнуты его отецъ, дядя и дѣдъ». Новаторомъ Дмитрій Ивановичъ является подъ вліяніямъ бояръ, управлявшихъ государствомъ во время малолѣтства великаго князя и пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ продолженіе всего его царствованія, «бояре же — естественные сторонники объединительной политики», такъ какъ имъ нужны богатыя кормленія, а чѣмъ меньше князей тѣмъ этихъ кормленій больше. Преемники Дмитрія Ивановича идутъ по его стопамъ, объединяя и увеличивая територію Московскаго государства. Проф. Сергѣевичъ доводитъ свой разсказъ только до Ивана IV, такъ что историческія судьбы московской територіи въ XVI и XVII ст. остаются совершенно неизвѣстными, хотя въ продолженіе этихъ двухъ вѣковъ названная територія неоднократно измѣняла свою физіономію, то увеличиваясь, то уменьшаясь (смутное время, царствованіе Михаила Ѳедоровича) въ своихъ предѣлахъ.

Первая книга заканчивается изслѣдованіемъ вопроса о томъ, когда Московское государство стало называться русскимъ царствомъ. Проф. Сергѣевичъ приходитъ къ тому заключенію, что московскіе великіе князья начинаютъ усвоять себѣ титулъ государя и великаго князя «всея Руси» со времени Калиты, дѣлая это по примѣру московскихъ митрополитовъ, которые издавна называли себя митрополитами всея Руси, но что названный титулъ становится постояннымъ и входитъ въ общее употребленіе только со второй половины царствованія Ивана III. Что касается до терминовъ «государства» и «царства», то они входятъ въ употребленіе во время Ивана IV. Но и царство русское и государство московское все еще продолжаютъ состоять изъ разныхъ государствъ, которыя подробно и обозначаются въ титулѣ (напр. государство Владимірское, Новгородское, царство Казанское, Астраханское, Сибирское и т. д.). «Волостная старина, говоритъ г. Сергѣевичъ, потеряла уже всякій живой смыслъ въ Московскомъ государствѣ, а въ языкѣ все еще продолжаетъ жить».

Вторая книга посвящена вопросу о населеніи удѣльно-вѣчевой Руси и Московскаго государства. Первая глава этой книги говоритъ о несвободныхъ, т. е. о холопахъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, были двухъ категорій: полные и кабальные. Проф. Сергѣевичъ изслѣдуетъ прежде положеніе полныхъ холоповъ, являвшихся ничѣмъ инымъ, какъ объектомъ частной собственности, въ случаѣ они могли быть предметомъ всякихъ юридическихъ сдѣлокъ, т. е. ихъ можно было продавать, покупать, дарить, закладывать, отдавать въ приданое, завѣщать и т. п. Однако, подобная точка зрѣнія не была выдержана и русское право, равно какъ и римское, неоднократно трактовали холоповъ, не какъ вещь (res), а какъ лицо (persona), въ силу чего надѣляло ихъ нѣкоторыми правами. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что холопы все таки-же являлись людьми и низвести ихъ до уровня простой вещи не было физической возможности. Г. Сергѣевичъ подробно говоритъ о положеніи холоповъ,

объ ихъ отношеніи къ господамъ и къ третьимъ лицамъ, объ установленіи и прекращеніи холопства, о вліяніи церкви на положеніе холоповъ и т. п. Что касается до кабальныхъ холоповъ, то они появились уже въ московское время и были въ началѣ своего существованія ничѣмъ инымъ, какъ должниками, обязанными за проценты по своему долгу служить кредитору. Подобная зависимость кабальныхъ продолжалась до уплаты ими своего долга. Однако, со времени указа 1586 г., кабальное холопство должно было продолжаться по день смерти кредитора, когда кабальные отпускались на свободу безъ всякой уплаты долга. Проф. Сергѣевичъ, оцѣнивая нововведеніе указа 1586 г., вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «они только на первый взглядъ представляются содержащими въ себѣ стѣсненіе правъ кабальныхъ. Кабальный лишонъ права освободиться отъ службы уплатой долга. Но если кабальные до указа 1586 г. уплачивали свой долгъ, то въ очень рѣдкихъ случаяхъ; большинство же ихъ переходило въ кабальную зависимость къ наслѣдникамъ кредитора и по свою смерть оставались въ кабалѣ. Указъ 1586 г., ограничивая кабальную зависимость временемъ жизни кредитора, приходитъ на помощь большинству кабальныхъ» (стр. 151). Глава заканчивается изложеніемъ способовъ установленія и прекращенія кабальнаго холопства и тѣхъ измѣненій въ отношеніи послѣдняго, какія были внесены въ наше право Уложеніемъ 1649 г., когда можно было становиться кабальнымъ по такъ называемой служилой кабалѣ, т. е. безъ займа.

Глава вторая посвящена крестьянамъ. Здѣсь прежде всего проф. Сергѣевичъ опредѣляетъ положеніе двухъ разрядовъ низшаго класса общества извѣстныхъ нашимъ древнимъ памятникамъ, именно: смердовъ и закуповъ. Первые, по его мнѣнію, являются свободнымъ сельскимъ населеніемъ, обработывающимъ или свои земли, или земли владѣльческія, взятыя ими въ аренду и какъ свободные пользуются извѣстными правами и несутъ извѣстныя обязанности. Что смерды—свободные земледѣльцы, т. е. крестьяне, доказывается проф. Сергѣевичемъ путемъ анализа содержанія лѣтописей и законодательныхъ памятниковъ, притомъ доказывается столь убѣдительно, что вполнѣ можетъ быть принято, хотя и не всѣ изслѣдователи съ этимъ согласны. Вторые, т. е. закупы являются ничѣмъ инымъ, какъ насильными рабочими, получающими за свой трудъ опредѣленную плату; они могутъ работать или на дому, или на пашнѣ (рагейные закупы). Что касается до крестьянъ, то первоначально они были вполнѣ свободны и жили или на своихъ земляхъ, или на владѣльческихъ, которыми пользовались на основаніи договора найма. Г. Сергѣевичъ опредѣляетъ положеніе и тѣхъ, и другихъ. Говоря о владѣльческихъ крестьянахъ, онъ подробно разсматриваетъ ихъ отношеніе къ владѣльцамъ, говоритъ о правѣ перехода съ одной земли на другую, анализируетъ содержаніе порядныхъ грамотъ, опредѣляющихъ отношеніе крестьянъ и владѣльцевъ между собою, упоминаетъ о крестьянскихъ займахъ, о срокахъ найма земель, о правѣ отказа и т. п. Также подробно онъ разсматриваетъ положеніе крестьянъ, живущихъ на черныхъ волостныхъ земляхъ. Здѣсь прежде всего авторъ разсматриваемаго изслѣдованія старается разрѣшить вопросъ относительно собственника черныхъ волостныхъ земель. Путемъ анализа древнихъ юридическихъ актовъ онъ приходитъ къ тому заключенію, что собственникомъ этихъ земель является волость, т. е. «наличное число крестьянъ, занимающихъ опредѣленное пространство земли» (стр. 215). Разрѣшивъ этотъ вопросъ, проф. Сергѣевичъ переходитъ

къ другому, а именно объ отношеніяхъ къ волостной землѣ отдѣльныхъ членовъ волости. «Какія ихъ права, спрашиваетъ г. Сергѣевичъ, временные или они только владѣльцы, и притомъ владѣльцы личные или общинники, или они владѣльцы—собственники?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ разсматриваемаго изслѣдованія говоритъ слѣдующее: «мы думаемъ, что отдѣльные крестьяне пріобрѣтали волостныя земли въ собственность. Сдѣлавшись членами волости, они освояли тѣ участки, къ которымъ примѣняли свой трудъ въ видахъ приспособленія ихъ къ хозяйственному пользованію. Въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла, напр. выгонъ, строевой и дровяной лѣсъ, луга и пр. Отдѣльные же крестьяне владѣютъ своими участками потомственно, имѣютъ по отношенію къ нимъ право распоряженія и ищутъ и отвѣчаютъ въ спорахъ объ этихъ участкахъ на судѣ» (стр. 216). Такимъ образомъ, это мнѣніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Бѣляева, Соколовскаго и др., признававшихъ общинное землевладѣніе у крестьянъ древней Руси. Проф. Сергѣевичъ стоитъ въ данномъ случаѣ на точкѣ зрѣнія В. Н. Чичерина, сторонника мнѣнія объ индивидуальности землевладѣнія у древнерусскихъ крестьянъ.

Разсмотрѣвъ юридическое положеніе обѣихъ категорій крестьянъ, авторъ разсматриваемаго изслѣдованія переходитъ къ исторіи крѣпостного права. Право крѣпостного перехода, при обиліи земель и сравнительномъ недостаткѣ рукъ, при возможности для богатыхъ собственниковъ предлагать крестьянамъ болѣе выгодныя условія, чѣмъ это могли сдѣлать небогатые—не могло одинаково всѣмъ нравиться. Такимъ образомъ было не мало недовольныхъ. Князья получали жалобы на переходъ, какъ отъ привилегированныхъ владѣльцевъ, такъ и отъ волостныхъ крестьянъ. Результатомъ подобныхъ жалобъ являются ограниченія крестьянскаго перехода, имѣющія вначалѣ частный характеръ, т. е. устанавливаемыя въ извѣстной мѣстности и для крестьянъ извѣстнаго владѣльца. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ ограниченій этого рода относятся къ половинѣ XV ст. Общее для всѣхъ крестьянъ ограниченіе перехода устанавливаетъ первый Судебникъ (1497 г.), что подтверждаетъ и второй (1550 г.). Постановленія Судебниковъ (объ Юрьевомъ днѣ) въ свою очередь отмѣняются въ царствованіе Θедора Ивановича (по мнѣнію проф. Сергѣевича, въ 1584 — 85 гг.). Наконецъ, Уложеніе 1649 года окончательно санкціонируетъ установленіе крѣпостнаго права путемъ отмѣны такъ называемыхъ урочныхъ лѣтъ (10-лѣтняго срока, по окончаніи котораго бѣглый крестьянинъ, въ случаѣ непоимки со стороны помѣщика, становился свободнымъ). Заканчивая изложеніе исторіи крѣпостнаго права, проф. Сергѣевичъ останавливается на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ мнѣній по вопросу о порядкѣ возникновенія крестьянской неволи, напр. на мнѣніи проф. Ключевскаго, по которому крѣпостное право «явилось юридическимъ отвержденіемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложеніи условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству». Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія проф. Ключевскаго, «крѣпостное право на крестьянскій трудъ развилось изъ принципа долгового холопства, такъ какъ ссуда поставила издѣльное крестьянство подъ дѣйствіе началъ долгового холопства» («Русская Мысль», 1885 г. авг. и окт.). Проф. Сергѣевичъ съ этимъ мнѣніемъ совершенно не согласенъ на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что наши древніе юридическіе памятники всегда строго различаютъ понятіе

служилой кабалы отъ понятія крѣпостной зависимости и кабальнаго холопа отъ крѣпостного крестьянина, чего бы не было, еслибъ мнѣніе проф. Ключевскаго являлось вѣрнымъ.

Покончивъ съ крестьянами, проф. Сергѣевичъ переходитъ къ разсмотрѣнію положенія другихъ разрядовъ свободнаго населенія древней Руси, а именно: изгоевъ, числяковъ, ордынцевъ, делюевъ и закладней. Болѣе подробно онъ останавливается на выясненіи положенія членовъ торгово-промышленнаго класса: купцовъ, гостей и посадскихъ людей. Г. Сергѣевичъ говоритъ о правахъ и обязанностяхъ этого класса, о дѣленіи его на статьи, объ отсутствіи почти всякаго обособленія его отъ крестьянскаго населенія, вслѣдствіе слабости развитія у насъ городской жизни и объ отсутствіи въ силу этого сословной организаціи посадскихъ. Глава заканчивается очеркомъ, посвященнымъ служилому классу: боярамъ, вольнымъ слугамъ, дѣтямъ боярскимъ и путнымъ боярамъ. Сперва говорится о положеніи бояръ и вольныхъ слугъ въ удѣльно-вѣчевую эпоху, а затѣмъ въ періодѣ Московскаго государства. Само собой разумѣется, что здѣсь на первомъ мѣстѣ излагается отношеніе вольныхъ слугъ къ князьямъ, дается опредѣленіе праву отъѣзда, говорится о «приказѣ и объ отказѣ» на службу и подробно отмѣчаются тѣ модификаціи, которыя коснулись права отъѣзда подъ вліяніемъ политики князей, враждебной этому праву и стремившихся ограничить его путемъ наказаній отъѣхавшихъ слугъ и путемъ взятія «крестоцѣловальныхъ записей» отъ оставшихся. Затѣмъ г. Сергѣевичъ опредѣляетъ положеніе дѣтей боярскихъ и переходитъ къ изложенію правъ и обязанностей служихъ людей. Говоря о путныхъ и введеныхъ боярахъ, проф. Сергѣевичъ высказываетъ нѣсколько иное воззрѣніе на эти разряды служилаго класса, чѣмъ проф. Ключевскій, посвятившій имъ двѣ главы (V и VI) своего прекраснаго труда о боярской думѣ. Что касается до путныхъ бояръ, то оба изслѣдователя сходятся въ томъ, что подъ ними слѣдуетъ понимать членовъ служилаго класса, получавшихъ за службу дворцовыя земли и доходы въ путь и въ кормленіе. Такимъ образомъ, путными боярами являются, выражаясь словами проф. Ключевскаго, княжескіе дворцовые чиновники. Высшій ихъ слой, по мнѣнію того же автора, стоя во главѣ отдѣльныхъ путей, т. е. вѣдомствъ дворцоваго управленія и хозяйства и являясь такимъ образомъ въ роли главныхъ управителей этихъ вѣдомствъ (напр. дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ и т. д.) называются боярами введеными («Боярская дума», стр. 135). Напротивъ, проф. Сергѣевичъ подъ этими послѣдними понимаетъ бояръ вообще въ смыслѣ извѣстнаго чина. Это мнѣніе намъ кажется болѣе вѣрнымъ, но зато мы совершенно не понимаемъ, почему проф. Сергѣевичъ, говоря о боярахъ введеныхъ, прилагаетъ этотъ терминъ и къ боярамъ XVII ст., когда извѣстно, что онъ продержался только до конца XVI ст. и затѣмъ вышелъ изъ употребленія.

Третья глава посвящена дворовымъ чинамъ. Здѣсь авторъ разсматриваемаго изслѣдованія останавливаетъ свое вниманіе на юридическомъ положеніи этихъ послѣднихъ, на ихъ разнообразныхъ правахъ и обязанностяхъ, на отношеніи ихъ другъ къ другу и къ государю и т. п. Начиная съ бояръ и окольничихъ, продолжая дворецкими, конюшими, крайчими, казначеями и дворянами-думными, московскими и городовыми, и кончая оружничими, постельничими, стряпчими, ловчими, сокольниками и стольниками, проф. Сер-

гѣевичъ рисуетъ цѣльную картину положенія всѣхъ разрядовъ дворовыхъ чиновъ древней Руси.

Послѣдняя глава посвящена дьякамъ и подъячимъ, игравшимъ, хотя и незамѣтную, но въ высшей степени важную роль въ Московскомъ государствѣ.

Разсмотрѣвъ содержаніе изслѣдованія проф. Сергѣевича, необходимо констатировать фактъ, невольно бросающійся въ глаза, это умолчаніе въ книгѣ о цѣломъ сословіи, пользовавшемся однако огромнымъ вліяніемъ въ древней Россіи и занимавшемъ весьма видное мѣсто въ сферѣ управленія государствомъ какъ въ удѣльно-вѣчевую, такъ въ особенности въ московскую эпоху нашей исторіи. Мы говоримъ о духовенствѣ, о которомъ въ изслѣдованіи проф. Сергѣевича нѣтъ ни единаго слова. Впрочемъ, почти во всѣхъ учебникахъ и курсахъ по исторіи русскаго права духовенство почему-то упускается изъ виду и не разсматривается, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ древне-русскаго населенія и какъ извѣстный чинъ, обладавшій опредѣленными правами и несшій соотвѣтствующія имъ обязанности. Благой примѣръ Бѣляева въ этомъ отношеніи, трактовавшаго въ своей «Исторіи русскаго законодательства» и духовенство, какъ опредѣленный разрядъ древнерусскаго населенія, не находитъ себѣ подражателей.

Въ своей сравнительно краткой замѣткѣ мы не могли исчерпать всего богатаго содержанія книги проф. Сергѣевича и почти ничего не сказали объ ея достоинствахъ. Думаемъ, однако, что это излишне: имя автора ручается за солидность въ научномъ отношеніи разсматриваемаго изслѣдованія, долженствующаго отнынѣ сдѣлаться настольной книгой для всякаго, занимающагося русской исторіей. **В. Латкинъ.**

Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ. С. Уманца. Спб. 1890.

Г. Уманецъ задался въ своемъ сочиненіи цѣлью разслѣдовать возникновеніе и развитіе сектантства въ Исламѣ со смерти Мухамеда и до нашихъ дней, что имъ и исполнено съ достаточной полнотою и ясностью. Сочиненіе его является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что въ немъ можно найти и нѣкоторую аналогію съ различными сектами, появившимися въ христіанствѣ въ нашемъ вѣкѣ, которыхъ такъ много, что онѣ, кромѣ чисто догматико-философской распри, имѣютъ и значеніе государственное.

Ознакомленіе съ ученіемъ о сектантахъ весьма интересно и само по себѣ, и съ точки государственнаго значенія, а потому очеркъ г. Уманца составляетъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ, очень бѣдной свѣдѣніями о Востокѣ и религіозныхъ его ученіяхъ. Достаточно бѣглаго взгляда на книгу, чтобы убѣдиться, что авторъ много надъ нею потрудился, прослѣдилъ необходимые для его труда источники, какъ европейскіе, такъ и восточные, хорошо знаетъ прошлое Востока и владѣетъ богословскими познаніями.

Книга написана весьма обстоятельно и популярно. Помѣщенныя въ ней свѣдѣнія не лишены интереса для европейцевъ, вообще мало знакомыхъ съ прошлою религіозною жизнью Востока; для ученыхъ же мусульманъ они будутъ очень полезны.

Съ своей стороны, мы можемъ только благодарить автора за его почтенный трудъ и особенно рекомендуемъ его всѣмъ свѣдущимъ мусульманамъ.

Укажемъ на V главу о мистицизмѣ суфіевъ, замѣчательно умѣло и толково изложенную авторомъ. Какъ видно, онъ съ большимъ стараніемъ изучалъ ученіе суфіевъ. Надо замѣтить, что ученіе суфіевъ весьма оригинально и довольно богато психо-философскими размышленіями; оно идеально возвышаетъ душу. Вотъ, для примѣра, что пишетъ о нихъ г. Уманецъ:

«Пантеистическія начала служатъ краеугольнымъ камнемъ ученія суфіевъ. Богъ, по ихъ теоріи, наполняетъ собою всю вселенную; весь міръ, такъ сказать, проникнутъ божествомъ, вещественное проявленіе котораго есть вселенная. Человѣкъ стремится изъ узъ тѣла и оковъ матеріи къ соединенію съ высшимъ принципомъ жизни духа,—божественнымъ началомъ, къ полному съ нимъ отождествленію. Слѣдующія четыре степени (маназиль) духовнаго совершенствованія ведутъ его на эту вершину величайшаго блаженства духа».

. . . .

«Главнѣйшія положенія философіи суфіевъ заключаются въ слѣдующемъ:

«1) Одинъ только Богъ существуетъ; Онъ во всемъ и все—въ немъ.

«2) Все видимое и невидимое есть его эманація и по существу не есть что-либо отъ него отличное.

«3) Религіи мало значатъ, хотя служатъ символами дѣйствительно сущаго. Однѣ изъ нихъ имѣютъ больше преимуществъ предъ другими; въ числѣ сихъ послѣднихъ стоитъ Исламъ, коего истинная философія есть суфизмъ.

«4) Между добромъ и зломъ не можетъ быть въ дѣйствительности разницы, ибо все приводится къ божественному единству и Господь руководитъ дѣйствіями людей.

«5) Богъ направляетъ волю человѣка: по сему человѣкъ не пользуется свободой своихъ дѣйствій.

«6) Душа существовала ранѣе тѣла и заключается въ семъ послѣднемъ, какъ птица въ клѣткѣ. По сему смерть есть предметъ желаній каждаго суфія, ибо съ ея наступленіемъ душа возвращается на лоно божества.

«7) Посредствомъ этой метампсихозы души, не выполнившія своего назначенія, очищаются и становятся достойными соединенія съ божествомъ.

«8) Безъ милости божіей никто не въ силахъ достигнуть этого духовнаго соединенія, но сія послѣдняя, по ученію суфіевъ, можетъ быть получена отъ Бога силою горячихъ предъ нимъ просьбъ о ней.

«9) Главнѣйшія занятія суфія, пока душа его не разсталась съ тѣломъ, заключаются въ размышленіи о соединеніи съ Богомъ, воспоминаніи имени Божія (зикръ) и шествіи впередъ по пути совершенства (тарикатъ), до отождествленія съ божествомъ (до потери собственнаго *я* въ божественной сущности).

«10) Внѣшніе знаки богопочитанія не нужны; всѣ религіозные обряды излишни; они созданы для толпы, но не имѣютъ никакого значенія въ глазахъ «того, кто знаетъ» (т. е. позналъ Бога). Всѣ познанія ислама должны быть окончательно забыты, и, хотя суфіи называютъ себя мусульманами, но, «оставивши все земное и познавъ духовное», они равно относятся ко всѣмъ религіямъ и смотрятъ съ одинаковымъ презрѣніемъ на мечеть, синагогу, церковь христіанъ и пагоду индусовъ».

Авторъ приводитъ весьма интересные стихи знаменитаго мистика Сагарварди:

«Скажите друзьямъ моимъ, когда они увидятъ меня на ложѣ смерти,
«Что этотъ безчувственный трупъ — не я!
«Это мое тѣло, но я не живу въ немъ.
«Я — неугасаемая жизнь!
. . . .
«Я — птица; это тѣло было моей клѣткой;
«Я распустилъ мои крылья и покинулъ мою темницу!
«Я — жемчугъ; тѣло мое было раковиной,
«Которая теперь раскрыта и покинута, какъ неимѣющая цѣны.
. . . .
«Вникайте въ тайную мысль,
«Облекаемую мною въ символы и образы!
. . . .
«Не зовите смерть смертью, ибо, по истинѣ,
«Она есть жизнь, цѣль нашихъ желаній!
«Возноситесь любовью къ Богу,
«Который есть любовь,
«Который вознаграждаетъ насъ за усилія наши!
«Идите къ Нему безъ страха!» etc.

Мы вполнѣ согласны и съ замѣчаніемъ автора въ его выводѣ о суфіяхъ (конецъ V гл.), въ которомъ онъ говоритъ:

«Къ сожалѣнію, дервиши, будучи представителями суфизма, скорѣе его искажаютъ и унижаютъ, чѣмъ возвышаютъ. Съ одной стороны, они играютъ роль далеко не завидную, ходя въ народѣ оборванными нищими, попрошайками, продавцами разныхъ талисмановъ и снадобій, снотолкователями, знахарями и даже фокусниками; съ другой, стараясь приблизиться къ божеству возвышеніемъ духа посредствомъ умерщвленія плоти, они предаются дикимъ пляскамъ и верченью, которыя, утомляя тѣло, вызываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайное раздраженіе всей нервной системы и производятъ удовлетвореніе скорѣе чувственнаго, чѣмъ духовнаго характера. Экстазъ первыхъ суфіевъ обставлялся бо̀льшей отвлеченностью и не искуственнымъ поднятіемъ нервовъ, а глубокой самоуглубленностью и жизнью строгосозерцательной достигали они все бо̀льшей и бо̀льшей ясности духа и проникновенности въ сверхчувственный міръ духовными очами».

Въ главѣ I-й приведена очень любопытная бесѣда знаменитаго мутазилитскаго ученаго Ал-Джуббаи съ своимъ ученикомъ Ашари относительно судьбы или предопредѣленія:

— «Представимъ себѣ,— сказалъ ему Ашари,— трехъ братьевъ: одинъ былъ истинно вѣрующій и благочестивый человѣкъ, другой невѣрующій, третій —ребенокъ. Представимъ себѣ далѣе, что всѣ трое умираютъ. Скажи мнѣ, какая участь ожидаетъ ихъ?

— «Вѣрующій,—отвѣчалъ Джуббаи,—достигнетъ неизмѣримой высоты на небесахъ, невѣрующій попадетъ въ адъ, а ребенокъ, хотя и будетъ спасенъ, но, однако, не будетъ превознесенъ наравнѣ съ своимъ вѣрующимъ и благочестивымъ братомъ.

— «Представимъ себѣ, — продолжалъ Ашари,—что ребенокъ возгорѣлся желаніемъ подняться на ту же высоту, на которой находится братъ его,— будетъ ли ему это дозволено?

— «Нѣтъ; ему скажутъ: братъ твой достигъ своего мѣста благодаря постоянному послушанію волѣ Божіей, которое онъ много разъ выказывалъ въ своей жизни: ты же не дѣлалъ этого.

— «А если ребенокъ отвѣтитъ: въ томъ не моя вина: Богъ далъ мнѣ мало жизни и тѣмъ лишилъ меня возможности выказать ему мою готовность повиноваться его волѣ.

— «На это Господь возразитъ ему: я зналъ, что если бы я даровалъ тебѣ болѣе продолжительную жизнь, ты сдѣлался бы ослушникомъ моей воли и заслужилъ бы мученія ада. Назначивъ тебѣ раннюю смерть, я сдѣлалъ тебѣ тѣмъ благо.

— «Хорошо! Но представь себѣ, что невѣрующій, услышитъ это, скажетъ: Алла! Ты зналъ также, что и меня ожидало, почему же ты не сдѣлалъ для меня такъ, какъ было бы для меня лучше?

— «Ты одержимъ нечистой силой, если позволяешь себѣ подобныя разсужденія!—вскричалъ въ негодованіи Джуббаи.

— «Ничуть! Ты же не можешь, я вижу, разрѣшить моихъ сомнѣній,—отвѣтилъ спокойно Ашари.

«Съ того времени, мало по малу, онъ сталъ расходиться съ мутазелитами и кончилъ открытымъ торжественнымъ отреченьемъ отъ нихъ».

Мы могли бы указать на многія несомнѣнныя достоинства книги, но, къ сожалѣнію, этого не позволяютъ намъ размѣры настоящей замѣтки.

Въ одномъ лишь не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ: онъ почему-то видитъ причину возникновенія сектъ въ сухости и узкости ученія Ислама (суннизма), въ скудости религіозно-философскаго содержанія, не приносившихъ удовлетворенія ни сердцу, ни уму. Приписывать Исламу и Корану сухость, не дающую ничего для человѣческаго ума и сердца, по крайней мѣрѣ, не точно, ибо Коранъ и Исламъ подобны морю, дающему всѣмъ одинаково; но одни углубляются глубже и достаютъ болѣе жемчуга а другіе плывутъ но поверхности и достаютъ жемчуга менѣе, а потому мы не можемъ винить или сѣтовать на море. То же самое мы видимъ и во всякой другой наукѣ.

Намъ, напротивъ, кажется, что именно богатое содержаніе ученія самого Корана и множество философскаго матеріала для ума съ одной стороны и умственно-религіозная анархія среди народа во время появленія Мухамеда—съ другой,—дали толчокъ къ религіозному движенію среди мыслителей того времени.

Самъ Коранъ безконечно богатъ разумными философскими мыслями. Въ немъ чуть ли не на каждой страницѣ мусульманинъ призывается со словами: «тāакы̆люнъ» (образумьтесь), «тафаккярунъ» (размышляйте). Суннизмъ врядъ ли можетъ быть коснымъ [1]). Достаточно указать на нѣсколько нижеслѣдующихъ стиховъ Корана, вызвавшихъ собою цѣлую литературу философовъ и послужившихъ какъ бы фундаментомъ для развитыхъ ими идей о Богѣ и Его единствѣ и воскресеніи мертвыхъ.

«Если бы былъ другой богъ, кромѣ Его, на небѣ и на землѣ, то они уже погибли бы. Слава Владыки трона выше того, что Ему приписываютъ (гл. 21, ст. 22)».

«Не призывай другихъ боговъ, кромѣ Бога; нѣтъ другихъ боговъ, кромѣ Его; все погибнетъ, кромѣ лица Божія. Ему принадлежитъ верховная власть, къ Нему возвратитесь вы всѣ (гл. 28, ст. 88)».

«Не видитъ ли человѣкъ, что мы сотворили его изъ капли сѣмени? а онъ вотъ становится настоящимъ противникомъ».

«Онъ предлагаетъ намъ притчи, онъ забывающій свое сотвореніе (соб-

---

[1]) Правда, суннизмъ держался всегда какъ бы консервативнаго характера, но поэтому еще нельзя назвать его коснымъ.

ственное происхожденіе). Онъ говоритъ намъ: кто можетъ оживить однажды испортившіяся кости?»

«Отвѣчай имъ: ихъ оживитъ тотъ, кто произвелъ ихъ въ первый разъ, тотъ, кто умѣетъ творить все»,

«Тотъ, кто велитъ происходить огню изъ зеленаго лѣса, которымъ вы зажигаете свои огни».

«Тотъ, кто сотворилъ небеса и землю, не способенъ ли сотворить существа подобныя вамъ? Безъ сомнѣнія, да; Онъ творецъ мудрый» (гл. 36, ст. 77—81).

Конечно, самыми жгучими вопросами, смутившими народы во время появленія Корана, были неопредѣленныя понятія о единствѣ Бога. Атеисты отрицали самое существо Владыки міра и Его мірозданіе, признавая вселенную безначальною и безконечною, а углубившіеся въ естественныя науки—впали въ другую крайность и все происходящее въ мірѣ приписывали стихійнымъ силамъ природы. Вотъ на эти и имъ подобные вопросы Коранъ и даетъ отвѣты простою философіею.

Хадисы—слова самого Мухамеда—лишь поощряли свободное допущеніе на арену обсужденія всевозможныхъ вопросовъ, имѣвшихъ, почему-либо неясный характеръ. Вотъ что гласятъ слова пророка: «Споры и дебаты среди моихъ послѣдователей въ разсужденіяхъ есть своего рода благо» (эхтиляфе уммяти рахмятенъ). Эта фраза вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстному французскому изреченію: du choque des opinions jaillit la vérité. Даже въ мусульманской юриспруденціи относительно законовѣдовъ говорится: «Если законовѣдъ своимъ стараніемъ и проникновеніемъ въ законы напалъ на истину, то ему награда вдвойнѣ; а если онъ при этомъ ошибется, то все-таки предоставляется одна награда; первому за стараніе и открытіе истины, а второму—лишь за стараніе».

Исламъ своимъ появленіемъ открылъ двери для ума и въ нихъ стали входить со всѣхъ сторонъ; ни одна его догма не осталась не тронутою. Возникновеніе сектантства, по нашему мнѣнію, отчасти аналогично съ возникновеніемъ въ нашемъ вѣкѣ партій: консерваторовъ, либераловъ, крайнихъ либераловъ, идеалистовъ и т. д. Но онѣ являются же въ странахъ, гдѣ свободѣ мысли предоставленъ широкій просторъ, напр. въ Англіи и Франціи.

Широкій взглядъ мусульманскихъ ученыхъ на всякаго рода вопросы о религіи, а главное — свободное допущеніе диспутовъ о догматахъ, какъ богослововъ, такъ и философовъ, открывшее свободную арену для разумнаго обмѣна мыслей,—содѣйствовало лишь росту сектъ. Эта свобода совѣсти, похвальная или нѣтъ, отрицаетъ узкость и фанатическую косность суннизма.

Во всякомъ случаѣ допущеніе свободныхъ разсужденій о догматахъ религіи не ослабило Ислама: оно лишь укрѣпило его. Всѣ секты, раздробившись на толки, въ концѣ концовъ отступились мало-по-малу отъ своихъ доктринъ, чѣмъ лишь косвенно укрѣпили ученіе суннитовъ. Теперь мы видимъ на земномъ шарѣ лишь двѣ многочисленныя секты Ислама—суннитовъ и шіитовъ. Но за то мы уже болѣе не встрѣчаемъ смѣльчаковъ, которые бы дерзнули проповѣдывать съ успѣхомъ иное ученіе. Итакъ результатъ тотъ, что Исламъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ многочисленныхъ ученій, только окрѣпъ и возвысился.

Въ заключеніе скажемъ, что хотя нѣкоторые доводы почтеннаго автора и можно оспаривать, но сочиненіе его отъ этого не теряетъ своего значенія; напротивъ, какъ мы уже привели слова Мухамеда, что «дебаты есть благо», — оно только приноситъ пользу. Привѣтствуемъ автора восклицаніемъ: дай Богъ, чтобы болѣе было такихъ писателей, обогащающихъ нашу литературу, до сихъ поръ очень бѣдную познаніями о Востокѣ и его ученіяхъ!

С.-Петербургскій магометанскій ахунъ-мударрисъ А. Баязитовъ.

Н. Любовичъ. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. По неизданнымъ источникамъ. Варшава. 1890.

Новый трудъ г. Любовича продолжаетъ и завершаетъ собою его первую, появившуюся лѣтъ шесть назадъ, книгу, которая изслѣдовала появленіе реформаціи въ Польшѣ, быстрое развитіе тамъ новыхъ ученій и достиженіе ими высшей степени силы въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, благодаря нравственному упадку представителей католической церкви въ странѣ. Вновь вышедшая монографія занимается событіями, еще болѣе интересными и имѣющими непосредственную связь съ послѣдующей судьбой Польши,—а именно, возрожденіемъ внутренней силы польскаго католицизма, тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что въ Польшѣ «католическая реакція шла изъ нѣдръ самого общества, развивалась безъ инквизиціонныхъ трибуналовъ и костровъ».

Относящееся къ этому предмету изложеніе г. Любовича поставлено въ связь съ общими историческими событіями, переживавшимися Польшей въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда-Августа и въ послѣдующее время, съ избраніемъ и кратковременнымъ правленіемъ Генриха Валуа (подробности его коронаціи очень характерны для борьбы религіозныхъ партій того времени), двумя безкоролевьями и воцареніемъ послѣдняго способнаго польскаго короля Стефана Баторія. Особенно важна для цѣли книги дѣятельность папскаго нунція Коммендоне и папскихъ легатовъ, усиліямъ которыхъ должно приписать значительную долю успѣха въ борьбѣ окрѣпшаго католицизма съ разрозненными, потерявшими всякое вліяніе на польское общество протестантскими ученіями. Рѣшительная побѣда католическаго движенія послѣдовала лишь на принявшемъ постановленія тридентскаго собора петроковскомъ синодѣ, при Стефанѣ Баторіи. Замѣчательна обрисовка авторомъ этого короля по отношенію къ усиленію католицизма въ Польшѣ. Католическая партія въ строгомъ смыслѣ возникла именно при Баторіи; этотъ король былъ добрымъ католикомъ, самъ объявилъ, что «признаетъ одну лишь католическую религію и лично преданъ ей», обѣщалъ быть «патрономъ и защитникомъ церкви и духовенства», но не жертвовалъ церкви государственными интересами и даже напоминалъ духовенству о нравственной обязанности выдавать денежныя субсидіи на государственныя потребности.

Мало того: къ духовенству предъявлялись и нравственныя требованія. Въ публичномъ засѣданіи петроковскаго синода посолъ короля «долженъ былъ выразить отъ имени Баторія удовольствіе по поводу состоявшагося собранія духовенства, съ цѣлью принять мѣры къ обновленію религіознаго

духа и устраненію вкравшихся въ церковь злоупотребленій и безпорядковъ», напоминалъ о требованіяхъ «нравственной жизни», которыми должно подкрѣплять чистоту и святость католическаго ученія. Депутатами отъ капитуловъ также были заявлены петроковскому синоду требованія относительно «реформы жизни клира и отмѣны нѣкоторыхъ безпорядковъ и злоупотребленій въ церкви». Это стремленіе къ обновленію всѣхъ сторонъ жизни и дѣятельности польскаго католицизма, къ устраненію появившихся въ немъ злоупотребленій, къ поднятію нравственнаго уровня духовенства и сообщило силу постановленіямъ петроковскаго синода, клонившимся къ рѣшительной борьбѣ съ протестантскимъ движеніемъ, къ обладанію вліяніемъ на умственную жизнь Польши.

Наоборотъ, польскій протестантизмъ, какъ сказано, потерялъ значеніе въ глазахъ польскаго общества, а соотвѣтственно этому—и вліяніе на дѣла. Авторъ напоминаетъ ту оригинальную черту старой Польши, что въ ней законы имѣли мало значенія, а ходъ и направленіе государственнымъ дѣламъ давались, главнымъ образомъ, тѣми лицами и партіями, на чьей сторонѣ находились симпатіи общества. Протестанты съумѣли лишиться этихъ симпатій; къ тому времени, которымъ занимается настоящая монографія, не могло быть уже и рѣчи о формальномъ признаніи положенія протестантскихъ ученій, прежде всего, потому что они не могли достигнуть сліянія въ одно трехъ главныхъ своихъ вѣтвей—лютеранъ, кальвинистовъ и братьевъ чешскихъ, которые постоянно враждовали какъ между собою, такъ и—всѣ вмѣстѣ—съ антитринитаріями (аріанами). Въ исторіи протестантскихъ вѣроученій составятъ, однакожъ, любопытную страницу попытки взаимнаго соглашенія этихъ вѣроученій и установленія принципа свободы совѣсти. Это дѣлалось на сандомирскомъ соглашеніи, задуманномъ для сплоченія протестантскихъ силъ, и особенно на такъ называемой варшавской религіозной конфедераціи, преданной проклятію на петроковскомъ католическомъ синодѣ. Какъ сандомирское соглашеніе не повело ни къ чему, такъ и варшавская конфедерація, говоритъ авторъ, производитъ впечатлѣніе акта, составленнаго на-скоро и не обдуманнаго серьезно. Тѣмъ не менѣе, даже какъ простая попытка соединенія враждебныхъ силъ, конфедерація сначала импонировала папскому нунцію, который, впрочемъ, «скоро замѣтилъ, что опасность не такъ велика: даже многіе еретики не одобряютъ ея и отвергаютъ». Религіозное настроеніе польскаго общества, между тѣмъ, такъ измѣнилось, что даже на сеймикахъ эту религіозную конфедерацію не хотѣли признать. Требованія свободы совѣсти не были еще вполнѣ усвоены и самими протестантами—въ ихъ отношеніяхъ къ антитринитаріямъ.

Короче—религіозная реакція коренилась въ понятіяхъ большинства поляковъ, и временное уклоненіе при Сигизмундѣ-Августѣ въ сторону свободомыслія не имѣло прочныхъ корней. Къ тому же нравственный уровень и вліяніе католическаго духовенства поднялись; это заставило помириться съ нимъ даже болѣе развитую часть общества, а въ послѣдующихъ судьбахъ Польши проложило дорогу возростающему вліянію католическаго духовенства на политическія дѣла страны. Н. С. К.

Сборникъ матеріаловъ для историческаго и церковно-археологическаго описанія Вологодской губерніи. Выпускъ I. Вологда. 1890.
Сборникъ историческихъ матеріаловъ для составленія лѣтописей по Калужской епархіи. Выпускъ I. Калуга. 1890.
Составилъ И. Токмаковъ, библіотекарь Московскаго главнаго архива М. И. Д., почетный и дѣйствительный членъ разныхъ статистическихъ комитетовъ и многихъ ученыхъ обществъ.

Подъ такими громкими заглавіями вышли изъ печати и недавно поступили въ продажу двѣ небольшія книжечки — творенія извѣстнаго по своей неутомимой дѣятельности библіотекаря Московскаго архива М. И. Д. г. Токмакова. Въ виду уже замѣченной за г. Токмаковымъ слабости, наряду съ своими «новѣйшими розысканіями», беззастѣнчиво пользоваться трудами другихъ лицъ, мы всегда скептически относились къ его твореніямъ и не раздѣляли увѣренности почтеннаго библіотекаря, «что какъ раньше составленные имъ и изданные труды, такъ и настоящіе сборники, когда нибудь будутъ имѣть большое значеніе для лицъ, занимающихся отечественной исторіей» [1]), такъ какъ эти творенія въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою матеріалъ или ставшій достояніемъ литературы, или же совсѣмъ незаслуживающій той рекламы, какой аккуратно снабжаетъ обертку каждой такой книжонки ея составитель. Въ настоящее же время, когда литературные пріемы г. Токмакова въ достаточной степени опредѣлены, мы можемъ указать и тѣ существенные признаки, по которымъ его произведеніе не трудно отличить изъ сотни анонимныхъ подобнаго рода, въ особенности если оно касается «историческаго и церковно-археологическаго описанія» какого-нибудь города или веси. Первыя страницы такого произведенія обязательно нужно искать въ «Географическомъ Словарѣ» Семенова, а послѣднія—въ ранѣе изданной имъ же, Токмаковымъ, книжкѣ,—притомъ слово въ слово, потому что почтенный библіотекарь привыкъ столь безцеремонно обращаться съ чужою собственностью, что не позволяетъ себѣ ни убавить, ни прибавить, ни «единыя іоты или черты» къ позаимствованію. Разбираемыя нами книжки еще разъ подтверждаютъ, что г. Токмаковъ попрежнему остается неисправимъ. Первый же сборникъ съ матеріалами о Вологодской губерніи—начинается прямо-таки выпиской изъ «Географическаго Словаря», разумѣется, какъ и всегда, безъ ссылки на оный. Вотъ это мѣсто.

Въ «Географическомъ Словарѣ» (т. I. стр. 520).	У Токмакова (стр. 1).
Основаніе Вологды приписываютъ новгородцамъ и относятъ къ XIII в., но изъ житія св. Герасима, пришедшаго сюда изъ Кіева, видно, что уже онъ нашелъ на мѣстѣ Вологды въ 1147 году средній посадъ Воскресенія, Лѣнивую площадь и Малый Торжекъ,	Основаніе Вологды приписываютъ новгородцамъ и относятъ къ XIII в., но изъ житія св. Герасима, пришедшаго сюда изъ Кіева, видно, что уже онъ нашелъ на мѣстѣ Вологды въ 1147 году средній посадъ Воскресенія, Лѣнивую площадь и Малый Торжокъ,

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историческаго и церковно-археологическаго описанія Вологодской губ., стр. 3.

и основалъ здѣсь Троицкій монастырь, впослѣдствіи обращенный въ приходскую церковь и т. д. и т. д.

и основалъ здѣсь Троицкій монастырь, впослѣдствіи обращенный въ приходскую церковь и т. д. и т. д.

За этой выпиской, безъ всякихъ объясненій, слѣдують еще болѣе пространныя выдержки изъ боярской книги Вологды XVII в., хранящейся въ архивѣ М. И. Д.; этимъ и заканчивается сборникъ матеріаловъ о Вологодской губерніи.

Тѣми же достоинствами отличается и другой сборникъ, начинающійся, по обыкновенію, перепечаткой все того же злополучнаго «Словаря» разбавленной въ двухъ-трехъ мѣстахъ, если не ошибаемся, своими словами.

У Токмакова
(стр. 1).

Въ настоящемъ 1889 году исполнится пятьсотъ лѣтъ, какъ имя Калуги въ историческихъ актахъ упоминается въ первый разъ въ 1389 году, когда Димитрій Донской отдалъ ее въ удѣлъ сыну своему Андрею, отъ котораго Калуга перешла къ сыну его Михаилу Андреевичу и т. д. и т. д.

Въ «Географическомъ Словарѣ»
(т. II, стр. 443).

Имя Калуги въ историческихъ актахъ упоминается въ первый разъ въ 1389 г., когда Димитрій Донской отдалъ ее въ удѣлъ сыну своему Андрею, отъ котораго Калуга перешла къ сыну его Михаилу Андреевичу и т. д. и т. д.

Послѣ такого введенія, заимствованнаго почти всецѣло изъ «Географическаго Словаря», г. Токмаковъ помѣщаетъ выписки изъ Калужскихъ дозорныхъ и писцовыхъ книгъ, заблаговременно напомнивъ ни въ чемъ неповиннымъ калужанамъ, что современемъ онъ просто-таки наводнитъ ихъ городъ выпусками своихъ произведеній, ибо будетъ высылать ихъ туда, не ограничиваясь «ни числомъ, ни временемъ» (стр. V).

Какъ на курьезъ, укажемъ въ заключеніе на окончанія предисловій этихъ двухъ книжекъ, еще разъ свидѣтельствующія о томъ, что каждое послѣдующее токмаковское произведеніе имѣетъ окончаніе предыдущаго[1]. Вотъ эти окончанія.

Сборникъ о Вологодской губерніи
(стр. 2 и 3).

Собравъ весьма значительный матеріалъ для историческаго и церковно-археологическаго описанія Россіи съ ея монастырями и церквами, мы, чтобъ доставить практическую пользу и насколько возможно облегчить архивныя розысканія для будущихъ изслѣдователей старины, а также и для духовенства, и въ виду того, что составленіе историческихъ церковныхъ лѣтописей, по распоряженію св. Сvнода, обязательно для причтовъ всей Имперіи, мы рѣшились знакомить любителей старины, по мѣрѣ возможно-

Сборникъ о Калужской епархіи
(стр. 2 и 3).

Мы собрали въ теченіи пятнадцатилѣтнихъ нашихъ археографическихъ работъ весьма значительный матеріалъ для церковно-историческаго и археологическаго описанія монастырей и церквей нашего отечества, между прочимъ и по Калужской губерніи. Чтобы доставить практическую пользу и насколько возможно облегчить архивныя розысканія для будущихъ изслѣдователей, а также и для духовенства, и въ виду того, что составленіе историческихъ церковныхъ лѣтописей, по распоряже-

[1]) См. «Истор. Вѣстн.» 1890 г., мартъ.

сти, съ тѣми древними документами по исторіи и археологіи, которые уже отчасти пришли въ значительную ветхость, не смотря на заботу въ сохраненіи ихъ въ нашихъ столичныхъ архивахъ. Мы выбирали тѣ документы, которые болѣе интересны и коими никто изъ историковъ еще не пользовался и нигдѣ не были напечатаны до сей поры... Мы надѣемся, что какъ раньше составленные нами и изданные труды, такъ и настоящій сборникъ будутъ имѣть большое значеніе для лицъ вообще занимающихся отечественной исторіей и послужитъ (?) пособіемъ при составленіи историческихъ церковныхъ лѣтописей и разъясненій по церковно-земельному владѣнію мѣстному духовенству.

нію св. Сѵнода, обязательно для причтовъ всей Имперіи, мы и рѣшились знакомить любителей старины, по мѣрѣ возможности, съ тѣми древними документами по церковной исторіи и археологіи, которые уже отчасти пришли въ значительную ветхость и которыми никто изъ историковъ еще не пользовался и нигдѣ и никогда не были до сей поры напечатаны. Печатая 1-й выпускъ нашего Сборника, мы надѣемся, что для многихъ онъ откроетъ любопытные матеріалы для церковной исторіи и археологіи и Калужской епархіи и послужитъ пособіемъ при составленіи историческихъ лѣтописей мѣстному духовенству.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о заявленіи г. Токмакова, что первый выпускъ предпринятаго имъ энциклопедическаго изданія въ двухъ томахъ и шестидесяти выпускахъ подъ названіемъ «Московская Старина» уже дозволенъ цензурою. Всѣ лица и учрежденія, желающія помѣстить въ этомъ изданіи какія-либо свѣдѣнія и объявленія, могутъ обращаться къ самому ученому составителю; причемъ г. Токмаковымъ тутъ же и прилагается такса, что слѣдуетъ ему платить за объявленія. Это, кажется, еще первая попытка, чтобы историческое описаніе церквей и московскихъ святынь могло служить вмѣстѣ съ тѣмъ и листкомъ объявленій. По крайней мѣрѣ, намъ приходится это видѣть въ первый разъ.

А. К.

---

1) Гипполитъ, трагедія Еврипида, съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая библіотека изд. Суворина, № 99).

2) Ифигенія въ Авлидѣ, драма Еврипида, пер. В. Алексѣева, (тоже, № 101).

3) Ифигенія въ Тавридѣ, драма Еврипида, пер. В. Алексѣева, (тоже, № 102).

Г. Алексѣевъ, о переводахъ котораго мы имѣли случай говорить и прежде, вмѣстѣ съ гг. Мищенко и Модестовымъ усердно работаетъ надъ популяризаціей классицизма на Руси; онъ выбираетъ не такія обширныя и сложныя задачи, какъ названные профессора; но вѣдь и Лукіанъ, и Цицеронъ, и Эврипидъ, нуждаются въ хорошихъ переводахъ не меньше, чѣмъ Полибій, Ѳукидидъ и Тацитъ, и мы отъ всей души желаемъ продолженія полезной дѣятельности г. Алексѣева.

Что касается до выбора именно трагедій Эврипида для открытія, такъ сказать, классическаго отдѣла въ «Дешевой Библіотекѣ», конечно, многое

можно было бы сказать противъ этого, но кому неизвѣстно, что предприниматели такихъ полезныхъ изданій даже въ многокнижной Германіи въ значительной степени зависятъ отъ того матеріала, который находится у нихъ подъ руками и никто не вправѣ осуждать ихъ за то, что они въ данный моментъ предпочли одно другому, такъ какъ этимъ они вовсе не связываютъ себѣ рукъ въ будущемъ?

Къ тому же кое-что можно сказать и въ пользу предпочтенія Эврипида напримѣръ Софоклу или Аристофану: онъ понятнѣе, «современнѣе» намъ, и не нуждается въ длинныхъ введеніяхъ и многихъ примѣчаніяхъ; сюжеты его пьесъ популярнѣе, и его мало переводили у насъ.

Введенія и примѣчанія г. Алексѣева, какъ и слѣдовало ожидать, судя по формѣ изданія, очень не обширны. Мы ничего бы не имѣли, чтобы они, въ виду баснословной дешевизны изданія были еще короче, но прежде всего попросили бы нѣсколько большей къ нимъ внимательности, а «железный грифель изъ металла или слоновой кости» (Ифиг. въ Авлидѣ прим. стр. 56) и т. п. неточности могутъ непріятно поражать читателя; далѣе: мы считали бы цѣлесообразнымъ, такъ сказать, понизить ихъ тонъ: не оставлять греческихъ выраженій въ родѣ напримѣръ ἄχρηστα μαθήματα (тамъ же) безъ перевода или даже совсѣмъ не употреблять ихъ; не поминать Свиду (или, какъ напечатано въ веденіи къ 3-й трагедіи Свиту), какъ нѣчто очень извѣстное; не помѣщать изслѣдованія объ шашкахъ (Ифигенія въ Авлидѣ стр. 58), между тѣмъ какъ изображеніе волоногаго Алфея на корабляхъ (Ифигенія въ Авлидѣ стр. 8) оставлено безъ всякаго объясненія и т. д. Впрочемъ, относительно объема и сюжетовъ примѣчаній очень трудно согласить даже двухъ человѣкъ: непремѣнно одинъ найдетъ нужнымъ объяснить то, что другой считаетъ и безъ того понятнымъ, и наоборотъ; да и не въ нихъ лежитъ въ данномъ случаѣ центръ тяжести, а въ переводѣ.

Переводъ г. Алексѣева въ общемъ мы считаемъ удовлетворительнымъ; но въ частностяхъ не безупречнымъ. Во-первыхъ, слогъ его далеко не отличается выдержанностію: г. Алексѣевъ, то старается до нельзя (до провинціализмовъ) обрусить языкъ Эврипида, то безъ нужды поднимаетъ слогъ до темноты и малопонятности. Онъ переводитъ: распустишь слезы вмѣсто заплачешь (Ифигенія въ Авлидѣ стр. 8), позавчера (вм. третьяго дня ibid. стр. 10), атукать собакъ (Гипполитъ стр. 7). «Плевать хочу я на нихъ,—съ мерзавцами я не вожу дружбы (ibid стр. 21)». «Ты, подлянка, выступила сводней (ibid. стр. 22)» и т. д.; но онъ же переводитъ: «Оную евбеянку, невинную, незнавшую узы брака дѣвушку, корабль разлучилъ съ семьею (Гипполитъ стр. 19). Тамъ же, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки: «блестящей молніей она убила мать Діониса, Зевсова сына, въ бракѣ нашедшей ужасную смерть». Опечаткой же мы объясняемъ себѣ на стр. 42: «Ты повѣрилъ клеветѣ своей жены, нѣжнымъ подозрѣніямъ и навлекъ на себя явное несчастіе (буквальный переводъ: ты... убѣжденный тайно ложными словами жены). «Твое поведеніе, отецъ, удивляетъ меня. Будь ты моимъ сыномъ, а я твоимъ отцомъ, я казнилъ бы тебя въ наказанье, а не казнилъ, еслибъ ты позволилъ себѣ коснуться моей жены» (Гипполитъ, стр. 35; смыслъ долженъ быть: я убилъ бы тебя, а не изгналъ, еслибъ и пр.).

«Хорошо было мнѣ извѣстно и то, что я—женщина, существо всѣми ненавидимое» (Гипполитъ, стр. 14). Здѣсь положительная ошибка

въ переводѣ: слова оригинала «для всѣхъ предметъ ненависти» относятся вовсе не къ женщинѣ вообще, а къ прелюбодѣянію, о которомъ рѣчь идетъ все время.

Литературный переводъ не «подстрочникъ», и мы ничего не имѣемъ противъ его вольностей, если онѣ мотивированы чѣмъ-нибудь: желаніемъ придать бо́льшую силу рѣчи или требованіями стилистики русскаго языка. Но въ переводѣ г. Алексѣева часто встрѣчаются вольности, рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыя. Зачѣмъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ «Ифигеніи въ Авлидѣ» онъ переводитъ: Думаешь ты торопиться? когда въ оригиналѣ стоитъ: поторопишься ты? Зачѣмъ Агамемнонъ говоритъ: «у насъ въ Авлидѣ», когда въ оригиналѣ стоитъ: «Здѣсь въ Авлидѣ» (Авлида для него вовсе не свое мѣсто)? Зачѣмъ, на стр. 3 г. Алексѣевъ къ разсказу Агамемнона о пріѣздѣ Париса прибавляетъ слово: однажды и зачѣмъ онъ приписываетъ этому Парису «восточный роскошный образъ жизни», когда въ оригиналѣ рѣчь идетъ только объ его покроѣ платья и о блестящемъ золотомъ варварскомъ уборѣ (стихъ 73)? и т. д.

Если можно оправдать новаторство въ передачѣ собственныхъ именъ въ ученой монографіи или даже въ университетскомъ учебникѣ, то едва ли слѣдуетъ допускать его въ переводахъ для «Дешевой библіотеки». А г. Алексѣевъ пошелъ въ этомъ отношеніи очень далеко: онъ не только пишетъ: Адонидъ (см. Адонисъ), Паридъ (Парисъ), Пелопъ (Пелопсъ), Гелій (Геліосъ), но и Ахиллей, Миной (Миносъ) и т. д. На что это? Вѣдь не можетъ же онъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ и, называя Тезея Тезеемъ, не называетъ же онъ Ѳивъ Тебами и т. д.

Искренно желая продолженія переводческой дѣятельности г. Алексѣева, позволяемъ себѣ надѣяться, что въ послѣдующихъ работахъ онъ освободится отъ вышеуказанныхъ недостатковъ. **А. К.**

Гора, романъ изъ египетской жизни. Н. С. Лѣскова. Спб. 1890.

Первая попытка талантливаго русскаго писателя взять сюжетомъ для романа египетскую жизнь первыхъ вѣковъ христіанства должна быть признана вполнѣ удавшейся. Н. С. Лѣсковъ возсоздалъ эту жизнь въ своемъ новомъ романѣ въ рядѣ яркихъ, очень колоритныхъ мастерскихъ картинъ, сильно врѣзывающихся въ память и составляющихъ какъ бы фонъ, на которомъ вырисовываются двѣ крупныхъ главныхъ фигуры—Ѳовелла и Аттоссы, героя и героини романа, славнаго на весь Египетъ александрійскаго художника-златокузнеца и богатой, молодой вдовы, красавицы-гречанки; около нихъ группируется рядъ второстепенныхъ лицъ. Интрига романа очень проста, да и не въ ней дѣло: дѣло въ симпатичной идеѣ, положенной въ его основу и воплощенной въ живыхъ образахъ. Авторъ хотѣлъ показать превосходство любви чистой, духовной, христіанской, передъ любовью мутной, чувственной, языческой, — любви самоотверженной, дѣятельной, передъ любовью эгоистической, эпикурейской. Такая любовь тѣсно связана съ вѣрой, ибо «кто Его любитъ»,—какъ говоритъ Ѳовелъ Аттоссѣ,—«тотъ Ему вѣритъ: это нужно для счастья людей, потому-что въ ученіи Его сокрытъ путь къ всеобщему счастью, но чтобы идти этимъ путемъ... надо вѣрить, надо сдвинуть въ жизни, что тяжелѣе и крѣпче горы...» Истиный христіанинъ не можетъ любить иначе, и такіе люди жили въ первые вѣка христіанства. Эту

мысль г. Лѣсковъ талантливо иллюстрируетъ примѣрами Ѳовелла и Аттоссы. Оба они—люди съ сильнымъ характеромъ, изъ столкновенія которыхъ возникаетъ цѣлая драма. Аттосса, оскорбленная въ своей отвергнутой Ѳовелломъ страстной и пылкой любви, рѣшается, въ лицѣ его, отомстить всѣмъ христіанамъ, живущимъ въ Александріи. И планъ ея удается съ одной стороны при помощи правителя, который прочитъ за нее (или, вѣрнѣе, за ея капиталы) своего придурковатаго сына, а съ другой,—при помощи популярныхъ среди суевѣрной черни египетской, Бубасты и Пеоха, колдуна и колдуньи. Правитель, уступая требованіямъ черни, убѣжденной, что Нилъ не разливается и грозитъ голодомъ по винѣ христіанъ, рѣшается заставить послѣднихъ доказать на дѣлѣ, такъ ли велика ихъ вѣра и такъ ли великъ ихъ Богъ, какъ они говорятъ. Всѣ христіане должны собраться къ горѣ Абдеръ, на берегу Нила, и должны заставить ее двинуться съ мѣста и стать поперекъ рѣки. На это зрѣлище стекается смотрѣть вся Александрія, что даетъ автору возможность развернуть свой описательный талантъ и нарисовать нѣсколько блестящихъ жанровыхъ, художественныхъ картинъ. И гора, дѣйствительно, двинулась: надъ Александріей собралась страшная гроза съ ливнемъ, вода переполнила Нилъ и подмыла гору, съ которой поползли внизъ цѣлыми пластами оползни. На одномъ изъ нихъ спустились молившіеся на Абдерѣ Ѳовеллъ и Аттосса, въ душѣ которой теперь подъ вліяніемъ Ѳовелла совершился благодатный переворотъ: она стала христіанкой, раздала бѣднымъ все свое богатство и сдѣлалась женою златокузнеца. Аттосса сдвинула въ своей жизни то, что «тяжелѣе и крѣпче горы»: она освободилась отъ ига богатства, отъ ига всеразъѣдающей эпикурейской чувственности, понявъ всю глубину любви христіанской. Въ этомъ заключается высокая мораль повѣсти г. Лѣскова,—мораль, которую полезно напоминать по нынѣшнимъ смутнымъ и расшатаннымъ временамъ. Написана «Гора» съ мастерствомъ, присущимъ г. Лѣскову въ обработкѣ легендъ и обличающимъ крупнаго художника. Простой, гибкій, образный и вмѣстѣ съ тѣмъ музыкальный языкъ удивительно гармонируетъ съ благородствомъ и глубиной содержанія; картины египетской языческой жизни являютъ собой эфектные контрасты съ главной идеей произведенія; герой и героиня психологически очерчены мастерски, хотя и нѣсколько эскизно. Вообще, повторяемъ, романъ «Гора» крупное художественное произведеніе. С. Т—чевъ.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятый (1742—1743). Спб. 1890.

Академія Наукъ продолжаетъ, хотя и съ значительными перерывами, изданіе матеріаловъ для своей исторіи. Въ недавно вышедшемъ пятомъ томѣ этого изданія, обнимающемъ собою 1742 и 1743 года, заключается не мало любопытныхъ документовъ, живо рисующихъ какъ самое управленіе Академіею за этотъ періодъ, такъ и многихъ лицъ, близко стоявшихъ къ ней. Мы въ своемъ краткомъ отчетѣ остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые касаются двухъ русскихъ ученыхъ и поэтовъ того времени, Ломоносова и Тредьяковскаго. Не прибавляя ничего особеннаго къ характеристикѣ этихъ личностей, напечатанные въ настоящемъ томѣ документы составляютъ повременамъ интересное дополненіе къ ней. Такова, напримѣръ, жалоба садовника Штурма на Ломоносова, въ которой Штурмъ

пишетъ, что Ломоносовъ «въ моей квартирѣ учинилъ такое насильство, что онъ не токмо моихъ гостей, которые всѣ находятся въ службѣ Ея И. В., подозрительными людьми объявилъ, но и одного изъ нихъ до полусмерти прибилъ, а напослѣдокъ мою на сносѣхъ жену съ своимъ слугою такъ билъ, что она наконецъ принуждена была изъ окна выскочить, что ей ничто иное, какъ великое опасенье причинить имѣетъ. Понеже—продолжаетъ Штурмъ— при такихъ весьма опасныхъ обстоятельствахъ принужденъ я былъ стараться въ способѣ, чего ради для отвращенія бóльшаго опасенія помянутаго Ломоносова того жъ вечера по моему прошенію взяли подъ караулъ». Но и этотъ «способъ» не спасъ нѣмца-садовника отъ «опасныхъ обстоятельствъ». «Онаго Ломоносова изъ полиціи какъ арестанта послали въ Академію, но онъ прямо пошелъ въ свою квартиру, и съ того времени меня и чреватую мою жену своимъ руганіемъ и угрожаніями (потому что онъ всегда бываетъ пьянъ) навелъ мнѣ великій страхъ, ибо онъ... двумъ моимъ дѣвкамъ сказалъ, что онъ мнѣ руку и ногу переломитъ, и такимъ образомъ убить хочетъ. И понеже такимъ образомъ чрезъ то пришелъ я въ такой страхъ, что не смѣю вытти изъ покоя и отправлять мою должность, потому что смертное убивство воспослѣдовать можетъ: чего ради канцелярію Академіи Наукъ всепокорнѣйше прошу... помянутому Михайлѣ Ломоносову приказать немедленно выѣхать изъ квартиры»... Нѣсколько позже мы встрѣчаемся съ слѣдствіемъ, производившимся надъ Ломоносовымъ по жалобѣ профессоровъ за буйство, учиненное имъ въ Академіи. Профессора жаловались: «оный де Ломоносовъ во всю свою бытность при Академіи показывалъ себя во многихъ поступкахъ не по надеждѣ ихъ, и часто пьянствуя, дѣлалъ многіе не порядки и драки, за что и подъ карауломъ въ полицію былъ приведенъ. А сего де 1743-го году апрѣля 26 дня онъ же, Ломоносовъ, напился пьянъ, приходилъ съ крайнею наглостію и безчинствомъ въ ту палату, гдѣ профессоры для конференціи засѣдаютъ, въ которой де находился тамъ при архивѣ конференціи профессоръ Винцгеймъ съ канцеляристы Мессеротъ да Калау, мимо ихъ, не поздравя никого и не скиня шляпы, прошелъ въ географическій департаментъ, гдѣ рисуютъ ландкарты. А идучи около профессорскаго стола, ругаясь, оному профессору остановился и весьма неприличнымъ образомъ безчестный и крайне поносный знакъ самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ руками противъ ихъ сдѣлавъ, пошелъ въ оный географическій департаментъ, гдѣ также де онъ, Ломоносовъ, шляпы не скинулъ, поносилъ профессора Винцгейма и всѣхъ протчихъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами безчестя. Сверхъ де того грозилъ онъ, Ломоносовъ, оному профессору Винцгейму, и ругая жъ его всякою скверною бранью, что де онъ ему зубы поправитъ, а совѣтника Шумахера называлъ воромъ, а потомъ, пришедъ въ конференцію, всѣхъ же профессоровъ бранилъ скверными и ругательными словами и ворами называлъ, за то, что ему, Ломоносову, отъ профессорскаго собранія отказали. И повторяя оную брань, неоднократно сказывалъ съ великимъ безчинствомъ и посмѣяніемъ, чтобъ то въ журналъ записали. И тѣмъ де его, Ломоносова, безчинствомъ и бранью обезчещены они, профессоры, предъ всѣмъ свѣтомъ, и безъ знатной де сатисфакціи дѣлъ ихъ по прежнему продолжать не могутъ»... Еще съ бóльшими подробностями и драматизмомъ передается эта сцена въ актѣ слѣдствія комиссіи объ этомъ дѣлѣ (стр. 743—753). Въ этомъ же томѣ напечатаны и другіе документы о Ломоносовѣ, ка-

сающіеся иной стороны его жизни, именно той нужды, которую онъ терпѣлъ, состоя адъюнктомъ при академіи, и которая побуждала его къ пьянству, а вслѣдъ за тѣмъ и къ «великому безчинству». Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1743 года Ломоносовъ подаетъ въ Академію слѣдующее прошеніе: «надлежитъ мнѣ, нижайшему, изъ Академіи Наукъ донять заслуженаго мною жалованья за сентябрскую треть прошлаго 1742 года и почти за двѣ трети сего 1743 года. И такъ почти за цѣлой годъ я нижайшій жалованья отъ Академіи не получалъ и отъ того пришелъ въ крайнюю скудость. А нынѣ я нижайшій нахожусь боленъ и при томъ не токмо лекарства, но и дневной пищи себѣ купить на что не имѣю, и денегъ взаймы достать нигдѣ не могу. Того ради Академію Наукъ покорнѣйше прошу, дабы повелѣно было на щетъ заслуженнаго мною жалованья для моего содержанія выдать денегъ сколько Академія Наукъ за благо разсудитъ». На прошеніи этомъ положена была слѣдующая резолюція: «за неимѣніемъ въ казнѣ денегъ, выдать Ломоносову пять рублевъ». Немудрено, что при такой щедрости Ломоносовъ въ октябрѣ опять подаетъ «доношеніе», въ которомъ проситъ, «чтобы повелѣно было выдать заслуженнаго жалованья хотя за одинъ мѣсяцъ тритцать рублевъ», а когда эту просьбу его удовлетворяютъ, въ ноябрѣ снова заявляетъ: «хотя я, нижайшій, прошлаго 1742 году по сентябрь мѣсяцъ жалованья по окладу своему и получилъ, однако употребилъ на расплату долговъ и на свое пропитаніе все безъ остатку, а нынѣ, отъ неполученія заслуженнаго жалованья, пришелъ въ неоплатные долги, а въ пропитаніи имѣю крайнюю нужду. А заслуженнаго мною жалованья прошлаго 1742 году сентября съ 1-го сего 743 году сентября по 1-е число по окладу моему триста шестьдесятъ рублевъ, и въ то число получено мною только сорокъ пять рублевъ, а достальныхъ и понынѣ, за неимѣніемъ въ Академіи денежной казны, не получалъ». Онъ проситъ поэтому «выдать изъ книжной палаты книгами, какими мнѣ потребно будетъ, по цѣнѣ на 80 рублевъ». Въ такомъ положеніи находился, впрочемъ, не одинъ Ломоносовъ: въ этомъ же томѣ часто встрѣчаются заявленія профессоровъ и различныхъ другихъ лицъ, состоявшихъ при Академіи, о неуплатѣ имъ жалованья за долгіе сроки. Между прочимъ и Тредьяковскій, состоявшій въ это время секретаремъ и переводчикомъ при Академіи, не получилъ жалованья за весь 1742 годъ и въ слѣдующемъ году просилъ выдать ему въ счетъ заслуженной суммы 10 р. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и Тредьяковскій снова проситъ, «чтобы повелѣно было мнѣ, для исправленія моихъ нуждъ, на щетъ моего жалованья выдать пять рублевъ и по сему моему доношенію учинить рѣшеніе». Но особенно любопытны прошенія, подававшіяся Тредьяковскимъ въ надеждѣ повысить свой окладъ, равнявшійся 360 р. въ годъ, о томъ, чтобы ему дано было званіе профессора элоквенціи. Тонъ ихъ совсѣмъ не тотъ, что въ прошеніяхъ Ломоносова. Тредьяковскій проситъ назначенія на должность профессора и повышенія оклада «для такихъ моихъ академическихъ трудовъ, для понесенія бѣдностей въ сисканіи наукъ, для того что я лишился родителей, и всего отеческаго въ отсутствіи моемъ за науками, и для того, что я нынѣ принужденъ оставшуюся сироту и вдову, мою сестру съ ея сыномъ, содержать, также и для того, что, будучи уже женатъ, не могу я содержаться окладомъ моимъ не имѣя ни двора, ни кола, какъ говорится, и что слѣдовательно впалъ я въ великіе долги, и почитай отъ меня неоплатные, а напослѣдокъ, для бо́льшаго моего ободренія къ трудамъ при Академіи». Когда профессорская конференція

отказалась свидѣтельствовать способности Тредьяковскаго въ элоквенціи, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что профессоръ латинской элоквенціи уже имѣется въ Академіи, а для русской Петръ Великій не учредилъ каѳедры, Василій Кирилловичъ, «видя, по его словамъ, загражденный путь къ профессорству оною ихъ отговоркою, а не хотя остаться въ незаслуженной отъ нихъ нѣсколькой, но весьма чувствительной, обидѣ прибѣгъ къ мужамъ весьма больше почтеннымъ, а искусными равно въ элоквенціи латинской, но въ россійской совершенѣйшимъ, то есть, къ членамъ святѣйшаго правительствующаго сvнода, и просилъ ихъ покорнѣйше освидѣтельствовать» его. Члены синода выдали ему свидѣтельство, «яко онъ не нѣсколько, но толико происшелъ въ элоквенціи» и вмѣстѣ съ этимъ «непостыднымъ аттестатомъ» Тредьяковскій подалъ новое прошеніе въ канцелярію Академіи Наукъ, прося подать о немъ доношеніе въ сенатъ. Въ этомъ второмъ прошеніи проявляется у Тредьяковскаго враждебное чувство къ профессорамъ-нѣмцамъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ, и онъ затрогиваетъ самое больное мѣсто академическихъ порядковъ, утверждая, что по мысли Петра В. нѣмецъ можетъ быть профессоромъ лишь пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ «россійскихъ» и увѣряя, что они не хотѣли свидѣтельствовать его въ силу такого разсужденія: «хотя бы онъ былъ и достоинъ профессорства, однако онъ намъ не надобенъ, для того, что въ нашу компанію вмѣщается русскій». Извѣстно, какъ въ концѣ концовъ Василій Кирилловичъ добился своего.

Замѣтимъ еще, что въ этомъ же томѣ напечатано много документовъ, по дѣлу о слѣдствіи надъ Шумахеромъ, раскрывающихъ довольно интересныя подробности академической жизни. Нельзя не пожалѣть только, что эти громадные томы, заключающіе въ себѣ не мало цѣннаго и любопытнаго матеріала, выходятъ почти безъ всякаго освѣщенія, исключая указателя въ концѣ книги. Стоило бы положить нѣсколько труда на то, чтобы собрать и сгрупировать по крайней мѣрѣ важнѣйшія данныя, заключающіяся въ отдѣльныхъ документахъ, что значительно облегчило бы и пользованіе ими. Къ настоящему тому приложено 3 портрета: Ломоносова, Теплова и Тредьяковскаго.

В. М.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. LXX. Спб. 1890.

Недавно вышедшій новый томъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» является плодомъ работъ проф. А. С. Трачевскаго въ двухъ архивахъ—въ парижскомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ петербургскомъ государственномъ. Съ этого тома впервые начинаютъ обнародываться документы и матеріалы, касающіеся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Пока появились только документы съ 1800 по 1803 годъ, когда Бонапартъ былъ еще первымъ консуломъ французской республики. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ помѣщено нѣсколько документовъ, относящихся еще къ эпохѣ директоріи. Документы, помѣщенные въ текстѣ, числомъ 264, состоятъ изъ высочайшихъ рескриптовъ—императоровъ Павла I и Александра I—русскимъ посламъ въ Парижѣ, Колычеву и Моркову, изъ донесеній послѣднихъ сначала двору, а затѣмъ министру иностранныхъ дѣлъ гр. Панину, изъ нотъ

нашихъ дипломатовъ иностраннымъ, напримѣръ, Колычева и Моркова Талейрану, и наоборотъ, инструкцій посламъ и другихъ дипломатическихъ бумагъ. Въ примѣчанія вошло 82 документа, главнымъ образомъ изъ парижскаго архива, изъ которыхъ особенный интересъ представляютъ доклады Талейрана Бонапарту; всѣхъ же примѣчаній, служащихъ для поясненія документовъ въ текстѣ и для лучшаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ обширнаго «Введенія» (болѣе 100 страницъ), предпосланнаго настоящему тому, 184. Это обширное введеніе, написанное г. Трачевскимъ, имѣетъ цѣлью «дать нѣсколько научную обстановку документамъ въ надеждѣ облегчить для будущаго изслѣдователя неблагодарную черную работу». Такимъ образомъ, почтенный редакторъ не ограничился простымъ печатнымъ воспроизведеніемъ новыхъ документовъ и примѣчаніями къ нимъ, а пожелалъ дать къ нимъ и «ключъ», пожелалъ связать «массу набросанныхъ въ нихъ мелочей», а иногда и освѣтить ихъ «неизвѣстными фактами, какъ это случилось въ предпосланномъ очеркѣ политики директоріи по отношенію къ Россіи». Едва ли только «Введеніе» почтеннаго профессора достигаетъ своей цѣли: если бы оно давало сжатую характеристику и классификацію всего новаго матеріала,—характеристику, помогающую сразу оріентироваться во всѣхъ 246 документахъ,—тогда бы, конечно, оно было весьма полезно; теперь же, являясь по большей части простымъ пересказомъ содержанія документовъ, тщательно составленной мозаикой изъ нихъ, оно не можетъ служить ни хорошимъ путеводителемъ, ни предметнымъ указателемъ: для первой цѣли оно нуждается въ большей переработкѣ, а для второй въ большей систематичности и краткости; къ тому же вѣдь въ концѣ тома находится «Азбучный указатель личныхъ именъ» и обстоятельное «Оглавленіе», по которымъ свѣдущій человѣкъ легко найдетъ то, что ему нужно. Вотъ почему большая часть «Введенія», а именно четыре главы (со II-ой по V-ю), трактующія о попыткѣ примиренія между Павломъ I и Бонапартомъ, о посольствѣ Колычева и Моркова, о нѣмецкомъ и восточномъ вопросахъ,—кажется намъ излишней, ибо повторяетъ въ пересказѣ и выдержкахъ документы текста. Остается, такимъ образомъ, и имѣетъ значеніе, одна первая глава (1793—1799. Борьба Екатерины II и Павла I съ революціонною Франціей); но она написана только по поводу слѣдующихъ главъ и слишкомъ коротка для своего широкаго заглавія, хотя и основана на неизвѣстныхъ фактахъ. Къ этимъ послѣднимъ было бы нелишнимъ въ краткихъ выводахъ присовокупить и факты извѣстные, для большей полноты и основательности очерка. Но, разумѣется, указанные, по нашему мнѣнію, недостатки «Введенія» нисколько не умаляютъ трудовъ почтеннаго редактора LXX тома, результатомъ которыхъ явился цѣлый рядъ замѣчательныхъ документовъ, весьма важныхъ для оцѣнки всей внѣшней дѣятельности Наполеона I. По справедливому мнѣнію г. Трачевскаго, эти документы выставляютъ «титана новой исторіи ея рабомъ», ибо доказываютъ, «что каждый его шагъ и замыселъ въ основѣ—не его достояніе». Вмѣстѣ съ тѣмъ, они прибавляютъ еще нѣсколько матеріаловъ для будущей, вполнѣ объективной и научной, характеристики Наполеона, далекой какъ отъ панегирика, такъ и отъ пасквиля. Когда такая характеристика будетъ возможна, тогда, по вѣрному замѣчанію г. Трачевскаго, «историки станутъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его безсознательнаго служенія требованіямъ времени».

С. Т—чевъ.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Составилъ преподаватель Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ. Томъ II. Уѣзды Ровенскій, Острожскій и Дубенскій. Почаевъ. 1890.

Названная книга составляетъ продолженіе труда, о которомъ мы сказали нѣсколько словъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1888 годъ. Новый томъ касается трехъ уѣздовъ съ 16-ю благочинническими округами. Здѣсь каждый приходъ разсмотрѣнъ въ историко-статистическомъ, частію и археологическомъ отношеніяхъ. Среди мало извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ мѣстностей выдѣляются описанія такихъ пунктовъ, гдѣ проявлялись важнѣйшіе историческіе моменты южной Руси, какъ напр. города Острога, бывшаго съ XIII вѣка средоточіемъ умственной и религіозной жизни русскаго народа, мѣстечка Берестечка (Дубенскаго уѣз.), извѣстнаго по происходившей здѣсь битвѣ Богдана Хмельницкаго съ поляками; города Дубно, многократно подвергавшагося татарскому погрому, а впослѣдствіи сдѣлавшагося центромъ кипучей торговой дѣятельности на Волыни и потомъ укромнымъ мѣстомъ таинственныхъ сходбищъ масоновъ. Въ описаніи того или другого поселенія мѣстами встрѣчаются объясненія его названія. Объясненія эти, конечно, не всегда основаны на историческихъ данныхъ и въ нихъ иногда оказываются курьезныя польскія вымыслы. Названіе, наприм., села Тихомля (Острожскаго уѣз.) предположительно объясняется тѣмъ, что здѣсь была мельница, тихо моловшая зерно; но «поляки, желая одурачить простодушныхъ поселянъ насчетъ прошедшаго описываемой мѣстности, толкуютъ имъ, что названіе села Тихомля произошло отъ слова тихость (cichość), и при этомъ поясняютъ, что, въ прежнія времена польскаго господства, въ краѣ было все тихо и покойно, всѣ наслаждались полнымъ благосостояніемъ подъ кровомъ своихъ господъ, почему и самому мѣсту дали названіе тихость или Тихомль».

Книга составлена толково, тщательно, съ видимою любовью къ минувшимъ судьбамъ края, съ желаніемъ сохранить тѣ или другія историческія особенности описываемаго поселенія или прихода. Какъ матеріалъ для изученія Волыни, какъ справочная книга, трудъ г. Теодоровича, потребовавшій отъ составителя, помимо любви къ дѣлу, большой усидчивости и кропотливости въ работѣ, займетъ почтенное мѣсто въ исторической литературѣ края.

Къ сожалѣнію, нельзя отнестись съ одобреніемъ къ внѣшней сторонѣ изданія. Бумага для изданія взята ниже посредственной, и книга напечатана избитымъ шрифтомъ, нерекомендующимъ типографію знаменитой Почаевской лавры. Кромѣ того, разсматриваемый II-й томъ «Описанія» начинаетъ пагинацію съ 433-й страницы, т. е. пагинація продолжается отъ I-го тома; такимъ образомъ II томъ въ 43 листа оканчивается 1120-й страницей. Судя по плану, автору предстоитъ обозрѣть еще шесть уѣздовъ (Владиміро-Волынскій, Кременецкій, Ковельскій, Луцкій, Заславскій и Староконстантиновскій), описаніе которыхъ можетъ составить еще два тома, и если въ нихъ не будетъ введена новая пагинація, то изданіе получитъ въ этомъ отношеніи неудобную особенность.

М—нъ Г—цкій.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 годъ. Спб. 1890.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 годъ указываетъ на постоянный ростъ потребности, удовлетворенію которой служитъ наше государственное книгохранилище. Въ отчетномъ году въ Библіотекѣ перебывало 97,815 посѣтителей, на 6355 болѣе чѣмъ въ предыдущемъ году (стр. 267). Не смотря на этотъ приростъ, Библіотека прогрессируетъ въ удовлетвореніи требованій своихъ посѣтителей: число отказанныхъ требованій сократилось въ отчетномъ году до 5,347 (въ 1886 г. было 5,650); выдано же было 23,779 сочиненій,—на пять тысячъ больше, чѣмъ въ предыдущій годъ. Нужно при этомъ принять во вниманіе, что посѣтителями Императорской Публичной Библіотеки являются почти исключительно лица, обращающіяся сюда съ цѣлями учебными и учеными, такъ какъ по правиламъ Библіотеки, такъ называемыя, книги для «легкаго чтенія» не выдаются. Помимо пополненія Библіотеки книгами, необходимыми для ученыхъ занятій, является существенной задачей и пріобрѣтеніе драгоцѣнныхъ въ историческомъ отношеніи рукописей и рѣдкихъ изданій, богатство которыхъ дѣлаетъ нашу Императорскую Публичную Библіотеку средоточіемъ ученыхъ изслѣдованій. На пріобрѣтеніе рукописей и книгъ Библіотека истратила въ отчетномъ году до 30 тысячъ рублей при общемъ своемъ бюджетѣ въ 92,993 руб. 63 коп. При этомъ пріобрѣтеніе иностранныхъ сочиненій сопряжено было съ весьма значительной потерей, вслѣдствіе колебаній нашего денежнаго курса, такъ что, по исчисленіямъ, представленнымъ въ Отчетѣ, за 12 лѣтъ (съ 1876 по 1887), Библіотека потеряла здѣсь до 85.000 рублей, не возмѣщенныхъ ей, не смотря на дважды возбуждавшееся ходатайство (стр. 11). Равнымъ образомъ въ отчетномъ году Библіотекѣ не былъ разрѣшенъ кредитъ необходимый для увеличенія ея зданія новой пристройкой (стр. 4). Рѣшенная въ принципѣ замѣна газоваго освѣщенія въ Библіотекѣ электрическимъ также пока отложена, не смотря на то, что всѣ работы, необходимыя для замѣны газа электричествомъ, потребовали бы единовременной затраты только въ 3000 руб., уплату которыхъ, къ тому же, Общество электрическаго освѣщенія предложило разсрочить на пять лѣтъ, а текущій расходъ по освѣщенію электричествомъ лишь немногимъ превысилъ бы нынѣ производимый на газовое освѣщеніе, которое представляетъ опасность въ пожарномъ отношеніи, портитъ воздухъ и чрезвычайно возвышаетъ температуру въ читальной залѣ. Нельзя не пожелать Библіотекѣ ближайшаго осуществленія всѣхъ задуманныхъ ею улучшеній.

Къ обогащенію Библіотеки въ отчетномъ году послужила передача въ Библіотеку, по Высочайшему повелѣнію, коллекціи книгъ изъ библіотеки князя Голицына, пріобрѣтенной Эрмитажемъ. Поступленіе книгъ изъ собранія князя Голицына (926 сочиненій въ 2959 томахъ) обогатило Императорскую Публичную Библіотеку цѣнными экземплярами отборныхъ старинныхъ изданій Западной Европы, пріобрѣтеніе которыхъ въ такой полнотѣ представлялось бы въ настоящее время почти невозможнымъ (стр. 13). Отчетъ приводитъ до 46 заглавій польскихъ выдающихся сочиненій изъ этой замѣчательной коллекціи; самымъ же цѣннымъ пріобрѣтеніемъ изъ библіотеки князя Голицына является рѣдчайшее изданіе: «De tribus impostoribus» (1598. In—12). Упоминанія объ этомъ атеистическомъ сочиненіи начинаются

съ XIII вѣка, но изданный текстъ написанъ, по всей вѣроятности, не ранѣе первой половины XVIII вѣка, и выставленный на книгѣ годъ надо считать вымышленнымъ (стр. 20). Въ настоящее время извѣстны только три экземпляра этой книжки.

По распоряженію министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ Библіотеку передано собраніе книгъ и рукописей доминиканскаго монастыря въ Люблинѣ, закрытаго въ 1886 году. Многія книги пріобрѣтены Библіотекой изъ Смирдинскаго собранія, распродаваемаго рижскимъ книгопродавцемъ Киммелемъ. Въ декабрѣ отчетнаго года, Библіотека пріобрѣла часть извѣстнаго Рѣшетиловскаго архива В. С. Попова, правителя канцеляріи московскаго главнокомандующаго князя Долгорукова-Крымскаго въ 1781—1783 гг., за тѣмъ правителя канцеляріи князя Г. А. Потемкина-Таврическаго и завѣдующаго кабинетомъ императрицы Екатерины II. Цѣннымъ пріобрѣтеніемъ Библіотеки является собраніе писемъ разныхъ лицъ къ знаменитому нашему проповѣднику архіепископу Херсонскому Иннокентію, принесенное въ даръ Н. Х. Палаузовымъ. Писемъ этихъ около трехъ тысячъ и часть изъ нихъ опубликована въ различныхъ изданіяхъ профессоромъ Н. И. Барсовымъ, но, какъ говоритъ отчетъ, небрежно и со многими ошибками.

Отдѣлъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки обогатился спискомъ Воскресенской лѣтописи, принадлежавшимъ донынѣ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ, который съ Высочайшаго на то разрѣшенія переданъ въ обмѣнъ за принадлежавшій Императорской Публичной Библіотекѣ пергаменный листокъ изъ Латинской Псалтыри V вѣка, которая вся, кромѣ этого листка, находилась въ Національной Библіотекѣ (стр. 88). Изъ рукописей, принесенныхъ въ даръ частными лицами, замѣчательно Евангеліе отъ Іоанна, писанное славянскимъ шрифтомъ княгинею Л. Н. Меншиковою, рожденною княжною Гагариной, замѣчательное по художественной орнаментаціи рукописи. Каждая страница текста помѣщена въ исполненной красками рамкѣ особаго рисунка. Композиція рисунковъ для этихъ рамокъ по большей части принадлежитъ извѣстному археологу, профессору Ѳ. Г. Солнцеву.

Своеобразный интересъ представляетъ перешедшій въ собственность Библіотеки по духовному завѣщанію знаменитаго нашего драматическаго артиста В. В. Самойлова большой альбомъ его рисунковъ, составляющій живописный репертуаръ его ролей. Какъ извѣстно, покойный В. В. Самойловъ былъ талантливый живописецъ. Приступая къ изученію новой роли, онъ рисовалъ акварелью задуманный имъ типъ; такимъ образомъ и составился этотъ интересный альбомъ, заключающій въ себѣ болѣе 400 рисунковъ (стр. 112).

Изъ рукописей, купленныхъ самой Библіотекой, заслуживаютъ быть упомянуты: Типикъ (церковный уставъ); рукопись на пергаменѣ, писанная уставомъ двухъ почерковъ половины XIV вѣка, сербскаго письма; Трефолой русскимъ святымъ (XVI и частью XVII вѣка) и цѣлый рядъ сборниковъ XVII и начала XVIII вѣка.

Что касается библіографическихъ работъ, то, помимо текущей каталогизаціи всего поступающаго въ Библіотеку, въ отчетномъ году вновь устроена, въ дополненіе къ прежнимъ, еще одна очень интересная и характерная выставка, именно выставка средне-азіатскихъ рукописей, украшенныхъ миніатюрами, заставками и разными орнаментальными рисунками въ краскахъ.

«Подобной выставки,—говоритъ отчетъ,—не существуетъ, пока, ни въ одной европейской государственной и общественной библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой коллекціи главнымъ образомъ преобладаютъ рукописи джагатайскія, т. е. писанныя на нарѣчіи восточно-тюркскомъ».

Въ приложеніяхъ къ «Отчету» помѣщено прежде всего 19 записокъ императрицы Екатерины II (изъ архива В. С. Попова). Далѣе слѣдуютъ любопытныя письма Ник. М. Лонгинова къ его брату Никанору М. Лонгинову съ 1814 по 1826 годъ. Напечатанныя здѣсь же 18 писемъ Жуковскаго къ Гоголю, прекрасно обставленныя въ библіографическомъ отношеніи, являются весьма цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ. Не менѣе цѣнны протоколы «Арзамаса» и проектъ журнала, издавать который предполагало Арзамасское общество.

Конецъ «Отчета» занимаетъ перечень писемъ, сохранившихся въ бумагахъ архіепископа Иннокентія и продолженіе «Флорентинской елки» И. Е. Бецкаго, этой своеобразной библіологической работы по вопросамъ исторіи и искусства. **Е. Г.**

Сигизмундъ Либровичъ. Пушкинъ въ портретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Спб. 1890.

Авторъ книги, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что онъ приступилъ къ изданію своей книги «съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что его трудъ не будетъ лишнимъ въ богатой литературѣ о Пушкинѣ» и что онъ «даже пополнитъ одинъ изъ пробѣловъ этой литературы»... «Каждый, кто интересуется поэтомъ и его великими твореніями, невольно переноситъ часть этого интереса и на его личность, на его изображенія. Онъ помѣщаетъ портретъ поэта на видномъ мѣстѣ, невольно обращаетъ къ нему свои взоры, старается узнать (?)— похожъ ли онъ. Этотъ интересъ къ изображенію поэта оправдываетъ и цѣль, и значеніе настоящей книги».

Далѣе авторъ сообщаетъ намъ, что онъ собралъ въ своей книгѣ всѣ портреты Пушкина, начиная «съ портретовъ масляными красками и кончая лубочными», и что даже этимъ еще не исчерпывается «программа его книги». Онъ включилъ въ нее также «всѣ портреты, изображающіе сцены изъ жизни Пушкина»... «Такимъ образомъ»,—заключаетъ авторъ—«Пушкинъ въ портретахъ задуманъ шире, нежели тѣ немногія, существующія до сихъ поръ за границей, подобныя сочиненія о портретахъ Шекспира, Гёте, Мольера и т. д.

Все высказанное авторомъ о его книгѣ было бы вполнѣ справедливо, если бы онъ выполнилъ главную цѣль всѣхъ подобныхъ книгъ: — далъ бы вѣрныя, художественно-исполненныя копіи съ тѣхъ произведеній искусства, для которыхъ Пушкинъ послужилъ темою. Но къ сожалѣнію, именно этой-то цѣли и не достигаетъ книга г. Либровича. Изъ 70-ти иллюстрацій, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Либровича, едва ли наберется десятокъ сколько нибудь сносныхъ: все остальное, по исполненію, ниже всякой критики и никому не можетъ дать никакого понятія объ изображеніяхъ Пушкина. Въ этомъ видѣ, альбомъ, изданный г. Либровичемъ, никому не можетъ быть нуженъ и «никакого пробѣла въ нашей литературѣ пополнить не можетъ», въ особенности послѣ того полнаго и весьма удовлетворительно исполненнаго альбома, какъ Поливановскій. По нашему личному убѣжденію, лучше было бы

не разбрасываться въ выполненіи такой задачи, какъ «портреты Пушкина», лучше было не вносить въ книгу «лубочныя картинки», изображающія Пушкина, но за то уже дать важнѣйшіе портреты его въ изящномъ исполненіи, нежели всю книгу обращать въ галлерею «лубочныхъ портретовъ Пушкина»... Перелистывая книгу г. Либровича, съ досадою замѣчаешь, что ему удалось съ успѣхомъ передать только одну черту во всѣхъ портретахъ Пушкина:—всѣ портреты, напечатанные въ книгѣ г. Либровича, изображаютъ намъ Пушкина «арапомъ».

Пересмотрѣвъ «портреты Пушкина», каждый, вѣроятно, придетъ къ тому убѣжденію, что хотя книга Г. Либровича, по его личному заявленію и «задумана шире», нежели подобныя же изданія заграничныя, но за то ужъ исполнена хуже ихъ въ художественномъ отношеніи. П. П.

Черногорскія царствующія династіи, историко-генеалогическая справка И. Я. Вацлика. Спб. 1889.

Императоръ Петръ Великій былъ первый русскій монархъ, который оцѣнилъ важное значеніе единоплеменной Черногоріи, какъ политической союзницы Россіи на Балканскомъ полуостровѣ; что касается русскаго общества, то оно начало интересоваться единовѣрнымъ княжествомъ только въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія съ легкой руки французскихъ журналовъ, ознакомившихъ впервые интеллигентную Европу съ мало или, лучше сказать, совсѣмъ неизвѣстнымъ «Монтенегро». Только за послѣднія тридцать пять лѣтъ мы узнали, что на Балканскомъ полуостровѣ существуетъ часть Сербскаго царства, съумѣвшая геройскими усиліями своихъ жителей остаться фактически независимою среди могущественныхъ враговъ: турокъ-османлисовъ, венеціанцевъ и, позднѣе, габсбургской имперіи. Четыре столѣтія черногорцы стойко боролись за свободу своихъ горъ; дружба и покровительство Петра Великаго придали новыя силы этой кучкѣ героевъ, гордыхъ сознаніемъ, что единовѣрная Россія за нихъ, и новыя блестящія побѣды надъ врагами покрыли неувядаемою славою оружіе черногорцевъ. Однако, не смотря на глубокій интересъ, возбужденный въ русскомъ обществѣ, мы до сихъ поръ очень мало знаемъ прошлую судьбу Черногоріи, поэтому небольшая брошюра г. Вацлика явилась вполнѣ кстати, чтобы хотя вкратцѣ, односторонне, ознакомить насъ съ исторіею Черногоріи, называвшейся раньше Зетою, а еще раньше Дуклою. Послѣднее названіе, очевидно испорченное изъ греко-римской «Діоклеи», намъ ничего не объясняетъ относительно этого южно-иллирійскаго уголка, бывшаго, какъ кажется, заселеннымъ съ глубокой древности исключительно славянами. Зета составляла часть Сербіи и во время Нѣманичей называлась «Дѣдиною», изъ чего должно предполагать, что сами Нѣманичи были родомъ отсюда. Брошюра г. Вацлика начинается собственно съ момента, когда Бальша Нѣманичъ былъ избранъ Зетскимъ княземъ, такъ какъ народъ этой области не хотѣлъ признавать своимъ властелиномъ цареубійцу Вукашина Мриявчевича, захватившаго сербскій престолъ. Это произошло въ 1356 году, за 33 года до роковой Коссовской битвы, когда послѣдній сербскій царь Лазарь Гербляновичъ погибъ смертью героя въ бою съ турками. Потомки Бальши I управляли страною до 1421 года, проводя все время въ борьбѣ съ Дубровникомъ (позднѣе Рагуза), а потомъ съ османлисами, которыхъ безпокоилъ этотъ славянскій независимый островокъ. По

смерти Бальши III, Зета попалась венеціанцамъ, которые владѣли княжествомъ два года; но сербскій деспотъ Стефанъ V Гербляновичъ, шуринъ Бальши III, отнялъ у нихъ Зету, жители которой избрали своимъ княземъ Стефана Юдашича, прозваннаго за темный цвѣтъ лица Црноевичемъ; сынъ Стефана, Иован, первый далъ названіе странѣ Черногорія. Црноевичи тяготѣли постоянно къ Венеціи и послѣдній изъ нихъ, Максимъ, передавъ властъ цетинскому епископу Вавилѣ, въ 1516 году, уѣхалъ съ женою въ Италію. Владыки-митрополиты управляли Черногоріею до 1696 года, и это было самое тяжелое время для народа, такъ какъ, вполнѣ естественно, митрополиты были плохими вождями на полѣ брани, а турки все настойчивѣе тѣснили черногорцевъ. Въ виду этого народъ выбралъ, въ 1696 году, себѣ митрополита-князя, то есть вождя духовнаго и свѣтскаго одновременно. Первымъ былъ Даніилъ I Петровичъ-Нѣгошъ, родъ котораго происходилъ изъ бошнякскихъ землевладѣльцевъ въ окрестностяхъ Сараева, переселившихся еще въ XV вѣкѣ въ черногорскія дебри подъ горою Ловчекъ. Съ избраніемъ Даніила I начался блестящій періодъ черногорской исторіи; онъ выгналъ турокъ, вошелъ въ сношенія съ Петромъ Великимъ и одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ врагами. Его преемники, князья-митрополиты изъ дома Петровичей-Нѣгошъ, продолжали управлять страною въ томъ же духѣ, не смотря на все неудобство сочетанія свѣтской и духовной власти въ однѣхъ рукахъ. Когда умеръ пятый владыка изъ этого дома, Петръ II, въ 1851 году, преемникъ его Даніилъ II рѣшился сложить съ себя духовную власть и остаться только свѣтскимъ княземъ. Желаніе это было поддержано императоромъ Николаемъ I, который не счелъ даже нужнымъ спросить по этому вопросу мнѣнія Турціи и Австріи. Преемникъ Данила, князь Николай, покрылъ себя славою въ послѣднюю русско-турецкую войну, а недавно государь императоръ назвалъ его «единственнымъ и самымъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ Россіи». Не смотря на всю отрывочность и невольные по недостатку матеріала пропуски, брошюра г. Вацлика интересна по новизнѣ предмета.

А. Б—въ.

Историческій очеркъ Милеевской св. Параскевіевской церкви, въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Завепрянской Руси (до рѣки Быстрицы). Магистра, священника Александра Будиловича. Издано при Варшавскомъ учебномъ округѣ. Варшава. 1890.

Мѣстность, названная авторомъ «Завепрянскою Русью», составляетъ часть нынѣшней Люблинской губерніи, между рѣками Вепремъ и Быстрицею, на сѣверъ отъ г. Красностава. Искони она была заселена сплошнымъ русскимъ населеніемъ, исповѣдывавшимъ православную вѣру, и еще въ 1287 году здѣсь не было ни малѣйшей примѣси польско-латинскихъ элементовъ; но въ XIII вѣкѣ появилась польская колонизація, а съ нею римско-католическая пропаганда. Далѣе возникла унія и, по мѣрѣ ея развитія, слѣды царившаго по теченію Вепря православія исчезли. Такой же участи подвергся и Милеевскій приходъ, начальныя извѣстія о которомъ восходятъ къ 1531 году. Все, что пережито этимъ приходомъ, пережито каждымъ уголкомъ Холмщины и Подляшья, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями въ частностяхъ. Съ цѣлью окатоличенія и ополяченія русскаго народа, латино-польскій про-

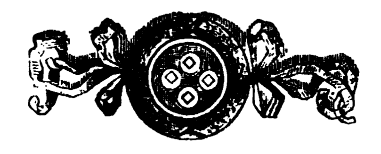
зелитизмъ обыкновенно начинался съ постройки въ русскомъ поселеніи никому ненужнаго костела, величіе котораго затѣняло скромную церковь; когда нѣсколько «овечекъ» русскаго стада переманивалось въ костелъ, возбуждался вопросъ о необходимости закрыть русскій приходъ: церковь-де ветха, паствы мало, народъ привыкъ къ костелу—для чего тутъ отдѣльный приходъ? Пока шла переписка между властями, священникъ умиралъ, церковь рушилась, а владѣлецъ-полякъ, «патронъ» русскаго прихода, присоединялъ приходскую землю къ своей територіи — и приходъ фактически упразднялся, а съ тѣмъ вмѣстѣ осуществлялась и латино-польская миссія.

По мѣрѣ изслѣдованія судебъ Холмско-Подляшскаго края, обнаруживаются цѣлыя сотни приходовъ, переживших подобную участь. Въ искони русскихъ нѣкогда селахъ нынѣ оказывается сплошное католическое населеніе, признающее себя поляками.

Очень цѣнны такія изслѣдованія и несомнѣнно, что рано ли, поздно ли, принесутъ они пользу не въ одномъ только научномъ отношеніи, но и практическомъ. Подобными изслѣдованіями особенно заявилъ себя авторъ разсматриваемой монографіи, труды котораго въ этомъ родѣ появляются, можно сказать, съ безпрерывною послѣдовательностію. Всѣ они отличаются полнотою фактовъ и тщательностію разработки матеріаловъ.

Монографія написана хорошимъ языкомъ, но мѣстами встрѣчаются сравненія и выраженія, несоотвѣтственныя научному тексту; таково, напримѣръ, ничего недоказывающее и къ дѣлу неидущее сравненіе географическаго очертанія западныхъ границъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній съ подневольною беззубою старушкой, идущей въ Римъ на поклоненіе (стр. 98), или выраженія въ родѣ: «просьба... къ особѣ присосѣдившейся къ его духовнымъ нуждамъ съ боку припекомъ» (стр. 159), «боевая комендантша напустила въ Холмъ своего внука» (стр. 129), «это былъ человѣкъ совершенно безхарактерный, тряпка какая-то» (стр. 113) и т. д. Подобныя выраженія, напоминающія полемическую литературу XV—XVI вѣковъ, ослабляютъ впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ безпристрастнаго научнаго труда, какимъ несомнѣнно долженъ быть признанъ очеркъ Милеевской церкви.

М. Г—цкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Статья о Россіи въ словарѣ Ларусса. — Л. Н. Толстой какъ педагогъ и какъ драматургъ. — Сраженіе при Пелузѣ. — Начало русской дипломатіи. — Книга по Восточному вопросу.— Біографія Арабеллы Стюартъ. — Двѣ книги о жизни Бичеръ-Стоу.—Исторія Карла Великаго.

Въ то время когда такіе открытые недруги Россіи, какъ англичане, пишутъ объ ней такія дѣльныя и серьезныя книги, какъ сочиненіе Морфиля, о которомъ мы въ прошломъ № «Историч. Вѣстника» говорили, друзья наши, французы, пользующіеся всякимъ случаемъ заявить намъ свои симпатіи, сочиняютъ о нашемъ отечествѣ далеко не удовлетворительныя исторіи. Въ настоящее время выходятъ въ Парижѣ послѣдніе выпуски второго дополненія къ словарю Ларусса, этому блестящему памятнику труда и энергіи одного человѣка, передъ которымъ такъ жалки и позорны соединенныя усилія нѣмецкой извѣстности, жидовской наглости и русской профессорской халатности. Но словарь Ларусса, пользующійся уваженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ то время когда Брокгаузо-Андреевско-Ефроновское дѣтище не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія, неудовлетворителенъ въ статьяхъ касающихся Россіи. Наслѣдники великаго лексикографа, продолжающіе его изданіе, могли бы найти и въ Парижѣ не мало лицъ, которыя доставили бы имъ болѣе точныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ. Между тѣмъ къ такимъ лицамъ не обратились даже за правильной корректурой въ обширной статьѣ о Россіи (Russie) помѣщенной въ сорокъ шестомъ выпускѣ словаря. Статья начинается статистическими данными, довольно вѣрными, но которыя могли бы быть посвѣжѣе. Такъ, перечисляя русскіе университеты, можно было бы назвать и Томскій. Искаженіе собственныхъ именъ тутъ на каждомъ шагу; встрѣчается и Ѳеодоксія, и Бердянкъ, и Bosborodkosch. Отдѣлъ исторіи очень слабъ. Авторъ доволенъ берлинскимъ трактатомъ, потому что уплата военной

контрибуціи Турціей, въ случаѣ плохихъ финансовъ, позволяетъ «постоянно держать надъ головою султана Дамокловъ мечъ и, смотря по обстоятельствамъ, съ улыбкою опускать его». Нигилистическія покушенія послѣднихъ годовъ царствованія Александра II статья, на основаніи какого-то невѣдомаго авторитета Шарля Готіо, приписываетъ недовольству мѣрами придирчивой полиціи и хищничеству чиновниковъ. Въ еврейскихъ погромахъ 1881 года онъ видитъ также слѣдствіе мѣръ генерала Игнатьева. Взглядъ на административныя мѣры послѣдняго времени во многомъ ошибочный; назначеніе земскихъ начальниковъ 1889 года оцѣнено довольно вѣрно. Мѣры, клонящіяся къ обрусенію балтійскихъ провинцій заставили будто бы Бисмарка онѣмечить Познань. Скерневицкому свиданію не придано никакого серьезнаго политическаго значенія. Сближеніе съ Франціею, хотя и не скрѣпленное никакимъ письменнымъ трактатомъ, было слѣдствіемъ того, что Бисмаркъ уже слишкомъ дорогою цѣною продавалъ свою дружбу Россіи. Въ панславизмѣ статья основательно не видитъ ничего политическаго, а только духовное соединеніе славянскихъ племенъ, чтобы жить въ мирѣ и единодушіи, «что такъ желательно и между народами латинской расы». Мирное направленіе нынѣшняго царствованія—внѣ всякаго сомнѣнія. Отдѣлъ русской литературы также довольно слабъ, хотя доведенъ до смерти Салтыкова. Отдается справедливость Хвощинской, превосходно изобразившей русскую провинціальную жизнь, но тутъ же говорится, что А. Михайловъ и Омулевскій познакомили со студенческою жизнью, Боборыкинъ сопоставленъ съ Муравлинымъ и Ясинскимъ и расхвалена г-жа Назарьева, «говорящая жестокія истины слишкомъ практической молодежи». Названы также А. Потѣхинъ, В. Гаршинъ, Altov, тоесть Альбовъ, графъ Валуевъ съ его романомъ «Лорина», имѣвшимъ будто бы такой же успѣхъ въ Россіи, какъ «Эндиміонъ» Дизраели въ Англіи. Наконецъ, тутъ же Максимъ Бѣлинскій, только что расхваленный подъ именемъ Ясинскаго, названъ рабскимъ копіистомъ Зола. Стыдно также писать Lermentoff и создавать двухъ поэтовъ Alexis Constantinovitch и Tolstoï. Не слѣдовало бы также утверждать, что Минаевъ и Буренинъ отличаются переводами изъ Байрона и Гюго, а не оригинальными стихотвореніями, или перечислять поэтовъ въ такомъ порядкѣ: Плещеевъ, Фетъ, Баратынскій, Бенедиктовъ, Случевскій, Голенищевъ и пр. Между учеными писателями названы Страбичевскій и Весхловскій, Meustier, Tikhonuroff, Fichonravof. Манассеинъ названъ психіатромъ, между современными актерами названъ Самойловъ. Orsrovski, Mercherski и множество другихъ искаженныхъ именъ попадаются на каждомъ шагу. Что всѣхъ подобныхъ промаховъ легко было избѣгнуть, доказываетъ помѣщенная въ томъ же выпускѣ очень хорошо составленная біографія М. Е. Салтыкова съ вѣрнымъ переводомъ и указаніемъ его лучшихъ произведеній.

— Л. Н. Толстой продолжаетъ служить предметомъ изученія нашихъ парижскихъ друзей. «Revue bleue» посвятило ему двѣ большихъ статьи: «графъ Толстой и его педагогическое дѣло» (Le comte Tolstoï, son oeuvre pédagogique) и новая пьеса графа Толстого «Плоды просвѣщенія» (Une nouvelle pièce du comte Tolstoï: Les fruits de la civilisation). Этюдъ Генриха Лапоза основанъ на педагогическихъ сочиненіяхъ графа, переведенныхъ на французскій языкъ: L'école de Yasnaïa Polana, La liberté dans l'école, Le progrès et l'instruction publique en Russie, Pour les enfants. Педагогическія идеи нашего писателя моралиста давно извѣстны и оцѣнены по достоинству.

Онѣ хотя часто не практичны, но далеко не такъ эксцентричны, какъ его религіозныя и соціальныя измышленія. Даже французскій авторъ называетъ его «шаткимъ и страннымъ геніемъ» и говоритъ, что основанная имъ въ «Ясной Полянѣ» народная школа возбудила противъ себя сильныя возраженія. Противники его называли эту школу «новымъ безуміемъ этого изумительнаго ума». Прежде всего Толстой поставилъ себѣ вопросъ: чему учить всякаго и какъ учить? и началъ съ того, что призналъ всю педагогику, методику и дидактику Песталоцци, Дистервега и другихъ знаменитостей не пригодными для обученія славянскаго племени. Надо дать ученику полную свободу учиться или нѣтъ, всякое принужденіе, плодъ нѣмецкой системы, должно быть отвергнуто. Единственный методъ обученія состоитъ въ указаніяхъ опыта. Толстой говоритъ, что его методъ даетъ хорошіе плоды. Крестьянинъ самъ знаетъ, чему его надо учить, и ограничиваетъ свои требованія чтеніемъ, письмомъ и счетомъ. Отъ учителя не требуется никакой строгости, отъ ученика никакого послушанія. На-домъ не должно задавать никакихъ уроковъ, и мальчикъ, выходя изъ школы по окончаніи занятій, долженъ забыть о ея существованіи. Въ классахъ пусть каждый занимается чѣмъ хочетъ, одинъ учится, другой читаетъ сказки, третій занимается ботаникой, остальные дерутся между собой. Ненуженъ никакой порядокъ, безпорядокъ Толстой называетъ «свободнымъ порядкомъ». Лапозъ считаетъ основателя «Ясной Поляны» педагогомъ-мечтателемъ. Онъ знакомитъ дѣтей съ волшебными сказками, но не говоритъ, какое вліяніе имѣло это раннее знакомство съ фантастическимъ міромъ на ихъ практическую жизнь... «Отдайтесь чувству, говоритъ онъ: чувство васъ не обманетъ; предоставьте крестьянина природѣ, онъ почерпнетъ въ ней все, чему учитъ исторія, что выработали въ васъ ваши собственныя страданія». Но вѣдь исторія народовъ богата уроками опытности во всѣхъ родахъ, и если бы первобытными народами никто не руководилъ и они должны были бы сами испытывать все, какъ говорится, на своей шкурѣ, прогрессъ не далеко ушелъ бы впередъ. Общій выводъ французской статьи тотъ, что педагогическій методъ русскаго писателя не выдерживаетъ серьезной критики.

— Франко-русскій еврей Гальперинъ-Каминскій восхищается новою комедіею гр. Толстого, имѣвшею успѣхъ и въ Петербургѣ, на частной сценѣ, но въ сущности очень незначительной вещью водевильнаго характера. Г. Каминскій напоминаетъ о домашнихъ спектакляхъ у «богатѣйшаго» (richissime) гр. Шереметева, поставившаго съ неслыханною роскошью «Смерть Іоанна Грознаго» Алексѣя Толстого и «Бориса Годунова» Пушкина; о представленіи «Царя Θедора» у кн. Волконскаго, «Царя Бориса» въ Эрмитажѣ, «Власти тьмы» у г. Приселкова, наконецъ «Плоды просвѣщенія» у самого автора. Названіе пьесы кажется Гальперину слишкомъ претенціознымъ. Достаточно было назвать комедію просто «Спириты». Спиритизмъ вовсе не плодъ просвѣщенія, а скорѣе плодъ заблужденія, какихъ было не мало и въ совершенно непросвѣщенныя времена. Просвѣщеніе, напротивъ, уничтожаетъ и разоблачаетъ эти мистическіе фокусы, видоизмѣненіе чудесъ месмеризма, животнаго магнитизма, доставшихся намъ въ свою очередь въ наслѣдіе отъ средневѣковыхъ колдуновъ, одержимыхъ бѣсомъ, алхимиковъ, некромантовъ и пр. Но авторъ пьесы непремѣнно хочетъ видѣть въ спиритизмѣ результатъ просвѣщенія и противопоставляетъ ему здравый смыслъ простого народа, какъ будто бы не въ этомъ народѣ сохраняются дольше всего самыя

нелѣпыя предразсудки и суевѣрія. Да и чѣмъ же наши домовые и лѣшіе лучше духовъ, играющихъ на гармоникѣ и хватающихъ въ потемкахъ за колѣнки нервныхъ барынь. Разсказавъ подробно пустой сюжетъ пьесы г. Каминскій называетъ ее забавнымъ фарсомъ и прибавляетъ, что самъ авторъ считаетъ ее не болѣе, какъ развлеченіемъ, годящимся для домашнихъ спектаклей, но не для постановки на серьезной сценѣ. Мы думаемъ, что она, напротивъ, не достойна такого художественнаго таланта, какимъ обладаетъ гр. Толстой.

— Фантастическій элементъ преобладаетъ и въ другой анонимной статьѣ того же журнала «Сраженіе при Пелузѣ» (La bataille de Peluze), но здѣсь фантазія разыгрывается въ предѣлахъ возможности, хотя авторъ переноситъ насъ къ концу нынѣшняго вѣка, когда можетъ или должно случиться описываемое имъ событіе. Разсказъ начинается открытіемъ англійскаго парламента, гдѣ въ тронной рѣчи высказывается главная мысль: «Египетъ для египтянъ, тоесть для англичанъ». Гладстонъ спрашиваетъ, что если это означаетъ простое присоединеніе страны, то пусть кабинетъ тори подумаетъ о послѣдствіяхъ такого поступка. Радикальный членъ консервативнаго министерства Чамберленъ въ продолженіе пяти часовъ отвѣчалъ на запросы главы либеральной партіи и доказалъ, что было бы нелѣпостью думать объ очищеніи Египта и лишать его благодѣяній британской администраціи. Страна эта доставляетъ превосходный рынокъ для сбыта бумажныхъ тканей Ланкашейра и манчестерскаго ножевого товара. На французскія претензіи не стоитъ обращать вниманія, такъ же какъ на возраженія либераловъ, толкующихъ о международномъ правѣ, объ уваженіи договоровъ, объ опасностяхъ имперіализма. Это все враги національной славы и священной миссіи, врученной Англіи самимъ провидѣніемъ—водворять всюду британское владычество. И когда изъ Египта выгнали послѣдняго француза, министерство республики только протестовало въ весьма скромныхъ выраженіяхъ противъ аннексіи Египта. Франціи было не до того: германскій императоръ выставилъ новый корпусъ на рейнской границѣ и его министры что-то сильно хлопотали около престарѣлаго голландскаго короля. За то русскій посланникъ въ Константинополѣ сталъ часто посѣщать султана и какіе-то бѣлокурые инженеры начали укрѣплять Дарданеллы. Англійскія газеты начали печатать извѣстія о прибытіи въ Петербургъ раджей Бароды и Кашемира, лишенныхъ престола англичанами, Мин-Гоо Мина, претендента на бирманскій престолъ. Въ Афганистанѣ русскіе послы побратались съ афганцами и генералъ Гурко былъ назначенъ главнокомандующимъ Закаспійскою арміею. На Аму-Дарьѣ появились отряды иррегулярной конницы съ Урала, съ береговъ Оби, Енисея. Англійскія газеты стали напоминать о взятіи Бомарзунда и Балаклавы, грозили бомбардировать всѣ приморскіе города Россіи, русскіе листки напечатали планъ вторженія въ Индію, составленный въ 1801 году Наполеономъ и Павломъ I. Французскій журналъ напечаталъ трактатъ Россіи съ Турціей, оборонительный и наступательный: Турціи гарантировались всѣ ея владѣнія, на основаніи берлинскаго договора; она давала въ распоряженіе Россіи 30-ти тысячный корпусъ, поставляла провіантъ, лошадей и т. п. Наконецъ генералъ Гурко съ арміею въ 30 баталіоновъ пѣхоты, 50,000 конницы, 20-ю батареями и 36-ю митральезами вступилъ въ турецкую Арменію. Эрзерумскій паша встрѣтилъ его съ почетомъ. Генералъ отправился въ Іерусалимъ—странная дорога въ Индію! Къ отряду

его присоединились турецкія войска, друзы, марониты, ансаріи, съ криками: Мисръ! Мисръ! (Египетъ). Англія бросилась къ Франціи и Италіи, побуждая ихъ во имя прежнихъ союзовъ, въ интересахъ цивилизаціи, возстать противъ нашествія варваровъ. Франція и Италія отвѣчали, что имъ много дѣло и у себя дома. Въ то же время туркестанская армія двинулась на Гератъ и Кабулъ. Что было дѣлать Англіи? Остановить Гурко въ Сиріи, но гдѣ взять войска? броситься въ Балтійское море? но въ немъ тройной рядъ подводныхъ торпедъ. Атаковать Стамбулъ? но Дарданеллы усѣяны пушками. Занять Критъ? но это значитъ дѣйствовать въ пользу грековъ. Угрожать Салоникамъ? но тамъ можно встрѣтить австрійскую армію. Предлагали бомбардировать Копенгагенъ, какъ въ 1801 и 1807 годахъ, но къ чему бы это повело? Между тѣмъ Гурко вступилъ въ Египетъ: впреди шла мусульманская армія: турки и русскіе татары, ихъ было до ста тысячъ, у англійскаго генерала не было и десяти. Арміи встрѣтились у Эль-Ариша, близь древней Пелузы, гдѣ за 525 лѣтъ до Р. Х. воины фараона Псамменита были разбиты Камбизомъ. Туземныя войска изъ феллаховъ, составлявшія ядро англійской арміи, сошлись на зарѣ съ мусульманскимъ авангардомъ русской арміи, на разстояніи нѣсколько сотенъ шаговъ, и услышали, какъ дѣти пророка пѣли молитвы прежде чѣмъ вступить въ сраженіе. И феллахи были одной вѣры съ ними, и въ этихъ молитвахъ имъ слышалось проклятіе калифа, повелителя правовѣрныхъ, за союзъ ихъ съ красными мундирами. Египтяне считали грѣхомъ сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ и, подъ вліяніемъ паническаго ужаса, побросали свои ружья, сабли, знамена и съ криками бросились бѣжать назадъ, опрокидывая англійскихъ офицеровъ, не слушая никакихъ словъ. Скоро исчезли они въ облакахъ пыли и только европейскія войска отступили въ порядкѣ. Русскіе остановились, изумленные этой неожиданною побѣдою и бѣгствомъ непріятеля. «И массивная, компактная, покрытая пòтомъ и пылью, почернѣвшая отъ жгучаго солнца, сыпучихъ песковъ, но вѣрующая въ своего Бога, въ своего царя, въ своего генерала, побуждаемая наслѣдственнымъ инстинктомъ къ теплу и свѣту, по слѣдамъ сирійской, татарской кавалеріи, русская армія тяжелымъ и мѣрнымъ шагомъ направилась къ югу». Этими словами оканчивается фантастическая картина, придуманная съ французской точки зрѣнія. Русскому человѣку, даже въ случаѣ войны съ Англіею, незачѣмъ идти въ Египетъ: достаточно будетъ сосредоточить свои силы и противъ одной Индіи. Въ случаѣ потери этой страны, Англіи не удержать за собою и Египта. Во всякомъ случаѣ она будетъ играть второстепенную роль въ грядущемъ великомъ столкновеніи европейскихъ державъ. Франціи конечно хотѣлось бы, чтобы мы прежде выгнали англичанъ изъ Нильской долины, но намъ хлопотать объ этомъ особенно нечего и незачѣмъ заключать союза съ Турціей для этой цѣли. Во всякомъ случаѣ эта картина изъ недалекаго будущаго довольно интересна, хотя, рисуя ее, авторъ забылъ о главномъ факторѣ, который уже никакъ не останется въ сторонѣ при какомъ-нибудь столкновеніи въ Европѣ. Это—германскій императоръ. Самъ онъ, можетъ быть, и не начнетъ войну, но при его воинственномъ настроеніи конечно не останется празднымъ зрителемъ борьбы другихъ державъ и приметъ чью-нибудь сторону. Это внѣ всякаго сомнѣнія.

— Историческій интересъ имѣетъ статья самого редактора «Revue bleue» Альфреда Рамбо, автора «Исторіи Россіи» и переводчика русскихъ былинъ La Russie épique). Въ новой статьѣ своей онъ говоритъ о началѣ русской

дипломатіи (Les origines de la diplomatie russe). Французское министерство иностранныхъ дѣлъ издаетъ собраніе инструкцій своимъ посланникамъ при чужихъ дворахъ. Вышли уже инструкціи посламъ въ Австрію, Швецію, Римъ, Польшу, Палатинатъ и пр. Теперь печатаются документы, относящіеся къ посольствамъ въ Россію, составляетъ ихъ Рамбо и, въ статьѣ своего журнала, помѣстилъ предисловіе къ своему труду. Правильныя сношенія Московскаго государства съ Европою начались съ Ивана III. Рамбо разсказываетъ, какъ послѣ брака съ Софьей Палеологовной и паденія Византіи, всѣ пріемы византійской дипломатіи были усвоены Москвою; описываетъ пріемы иностранныхъ пословъ Иваномъ IV, аудіенціи русскихъ пословъ въ иностранныхъ земляхъ. Иванъ IV о Франціи зналъ только то, что ему разсказывали нѣмцы, но этотъ палачъ и своихъ бояръ, и новогородцевъ, счелъ обязанностью изъявить австрійскому императору свое соболѣзнованіе, что французскій король въ ночь св. Варѳоломея пролилъ, безъ всякой необходимости, столько крови. Рамбо приводитъ немногочисленныя свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ о Россіи XVI и XVII вѣка: Данзея, Соважа, Маржерета, Пьера Лавилля. Первыя офиціальныя дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей произошли при Ѳедорѣ Ивановичѣ; Генрихъ IV сносился съ этимъ же царемъ и съ Василіемъ Шуйскимъ. Рамбо останавливается въ своей статьѣ на этомъ царствованіи.

— О восточномъ вопросѣ вышла небольшая, но недурно составленная книга: «Историческій обзоръ восточныхъ дѣлъ» (Aperçu historique des affaires d'Orient) Адольфа Потеля. Написанная безъ широкихъ взглядовъ и глубокомысленныхъ разсужденій, она представляетъ сжатый, но достаточно вѣрный сводъ главнѣйшихъ событій и дипломатическихъ переговоровъ, относящихся къ этому вопросу. Въ книгѣ нѣтъ ни предисловія, ни заключенія. Начинается она, конечно, пресловутымъ завѣщаніемъ Петра Великаго и оканчивается берлинскимъ трактатомъ. Всѣ договоры, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго, изложены коротко и ясно, такъ же какъ и послѣдовательныя освобожденія Греціи, Сербіи, Румыніи, Болгаріи, сверхъ того, переданы событія въ Египтѣ отъ Мегмета-Алли до Тевфика-паши и захвата страны англичанами. Послѣднимъ событіямъ, начиная съ герцеговинскаго возстанія, отведено больше половины книги. Болгарскій вопросъ изложенъ съ европейской точки зрѣнія: отправленіе въ Болгарію генерала Каульбарса названо нарушеніемъ самостоятельности страны: на его объявленіе недѣйствительнымъ избранія Кобурга, регентство отвѣчало, что это рѣшеніе принадлежитъ народному собранію, а не делегату иностранной державы, и въ самой миссіи Каульбарса видѣли попытку поднять народъ противъ регентства, а не желаніе водворить порядокъ. Авторъ утверждаетъ, что даже въ 1888 году русская дипломатія пыталась возбудить вопросъ о незаконности правленія Кобурга, но хотя и поддержанная Германіею и Франціей, встрѣтила рѣшительный отпоръ въ Англіи, Австріи и Италіи, поэтому Россія, «хотя и имѣетъ возможность, какъ Нептунъ, возбуждать бури, но благодаря своему миролюбію, не захотѣла нарушить мира въ Европѣ и отказалась отъ всякаго вліянія на Болгарію».

— Миссъ Брадлей написала жизнь леди Арабеллы Стюартъ (Life of the lady Arabella Stuart, by A. T. Bradley). Имѣя въ своихъ рукахъ письма и бумаги этой несчастной отрасли когда-то знаменитой династіи, авторъ возсоздалъ по нимъ біографію этой, во всякомъ случаѣ, замѣчатель-

ной личности. Темперамента пылкаго, съ наклонностями, не подчиняющимися условіямъ общественной жизни, она постоянно вступала въ борьбу и съ этими условіями, и съ своимъ положеніемъ, обязывавшимъ ее сдерживать порывы своего увлекающагося характера. Двоюродная сестра королевы Елисаветы и Іакова I, она была членомъ царствующаго въ Англіи дома, но на ея воспитаніе обращали очень мало вниманія и она обязана этому всѣми своими несчастіями. Ей было всего два года, когда умеръ ея отецъ Чарльсъ Стюартъ, братъ Дарнлея; семи лѣтъ она потеряла свою мать, герцогиню Девонширскую. Ребенкомъ осталась она подъ надзоромъ бабушки, бывшей два раза замужемъ, и очень дурно обращавшейся со всѣми своими дѣтьми, падчерицами, внуками. Арабелла получила литературное воспитаніе, но бабушка не любила ее. Когда она выросла, королева Елисавета не хотѣла отдавать ее замужъ изъ династическихъ видовъ, и всѣ женихи получили отказъ. Дѣвушка не вынесла такой тираніи и въ 27 лѣтъ выбрала себѣ любовника. Старая королева до того преслѣдовала за это свою родственницу, что съ той начали дѣлаться припадки истерики и помѣшательства. При Іаковѣ I ея положеніе нѣсколько улучшилось. Ея именемъ пользовались, чтобы составлять заговоры противъ короля, но она была такъ чужда политики, что Іаковъ не подозрѣвалъ ее ни въ какихъ интригахъ. Она любила только наряжаться, тратила безумныя суммы на костюмы, вмѣстѣ съ королевой Анной, и вошла въ неоплатные долги. Въ 1609 году, когда ей было 34 года, она соединилась тайнымъ бракомъ съ лордомъ Сеймуромъ, которому шелъ 21-й годъ. Узнавъ объ этомъ, король пришелъ въ негодованіе и приказалъ заключить Арабеллу въ тюрьму. Оскорбленная во второй разъ въ своихъ чувствахъ, жертва династической политики не вынесла несправедливыхъ гоненій и попыталась бѣжать изъ тюрьмы, но ее поймали, она сошла съ ума и вскорѣ умерла. Эту печальную исторію миссъ Брадлей разсказала въ двухъ томахъ, которые читаются съ большимъ интересомъ.

— Почти одновременно вышли двѣ біографіи замѣчательной писательницы, автора «Хижины дяди Тома», мистрисъ Гаріетъ Бичеръ-Стоу. Одна біографія написана ея сыномъ (The life of Harriet Beecher-Stowe), другая Мак-Крайемъ (The life-work of the author of «Uncle Tom's cabine»). Въ первой книгѣ разсказывается, собственно, жизнь писательницы; вторая представляетъ критическую оцѣнку произведеній ея. Въ біографіи Бичеръ-Стоу нѣтъ никакихъ выдающихся эпизодовъ. Семейная жизнь ея была полна лишеній. Ей было 40 лѣтъ и у ней было шестеро дѣтей, когда она написала свою книгу въ 1851 году. Но исторія самой книги весьма замѣчательна. Одолѣваемая бѣдностью и хозяйственными хлопотами, Бичеръ-Стоу писала свой романъ на́-скоро, не заботясь о литературной отдѣлкѣ, не связывая между собою отдѣльные очерки, печатая по главамъ. Но очерки эти, проникнутые гуманнымъ чувствомъ, выхваченные прямо изъ жизни, произвели сильное впечатлѣніе въ Америкѣ какъ между рабовладѣльцами, такъ и среди ихъ противниковъ. Появившись въ слѣдующемъ году въ двухъ томахъ, книга выдержала нѣсколько изданій и разошлась въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Но не смотря на огромный успѣхъ ея въ Америкѣ, въ Англіи не рѣшались ее перепечатать. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ отказался уплатить за право изданія книги въ Лондонѣ даже такую ничтожную сумму какъ 5 фунтовъ стерлинговъ (менѣе 40 рублей), но другой издатель, рѣшившійся, наконецъ, напечатать ее, въ одинъ годъ

продалъ болѣе 300,000 экземпляровъ. Въ теченіе послѣдующихъ 20-ти лѣтъ, книга имѣла сотни изданій и ее разошлось въ Англіи и колоніяхъ больше 1½ милліона экземпляровъ. Переведенная на всѣ языки, она вездѣ получила громадную популярность. Выкроенная изъ нея драма привлекала тысячи зрителей на сценахъ всего міра и исторгала слезы у всѣхъ чувствительныхъ душъ. Пальмерстонъ говорилъ объ ней: «я уже тридцать лѣтъ не читаю никакихъ беллетристическихъ произведеній, но эту книгу прочелъ три раза и не ради ея занимательности, а главнымъ образомъ, ради заключающейся въ ней государственной мудрости». У насъ она при Николаѣ I подверглась строгому цензурному запрещенію. Всѣ написанныя ею прежде и послѣ «Хижины дяди Тома» произведенія не имѣли и сотой доли успѣха этого аболиціонистскаго романа. Повѣсти ея, написанныя когда она была еще начальницею женской школы въ Коннектикутѣ (Mayflowers) очень слабы, хотя и переведены на французскій языкъ. Выгнанная за свой романъ рабовладѣльцами изъ Цинцинати, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, профессоромъ библейской литературы, она отправилась въ 1853 году въ Европу и принятая вездѣ, особенно въ Англіи, съ почетомъ, описала свое путешествіе. Дальнѣйшія ея произведенія противъ рабства и въ защиту юридической равноправности женщинъ, проникнутыя идеями христіанской филантропіи, не имѣя литературнаго достоинства, не имѣли и успѣха. Сильный скандалъ и полемику возбудила только ея книга, вышедшая въ 1870 году: «Отмщенная леди Байронъ» (Lady Byron vindicate), гдѣ авторъ выставляетъ великаго поэта Англіи—развращеннымъ извергомъ, а жену его олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей. Съ тѣхъ поръ она писала очень мало, живя на великолѣпной фермѣ во Флоридѣ. Но жизненный комфортъ не избавилъ ее отъ печальной участи: въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ она потеряла разсудокъ, и ее должны были помѣстить въ домъ умалишенныхъ.

— Вышла любопытная исторія Карла Великаго (A history of Charles the great. By G. L. Mombert). Въ послѣднее время историки мало обращали вниманія на этого выдающагося правителя, одареннаго качествами, рѣдко встрѣчающимися въ одномъ и томъ же лицѣ: военнымъ дарованіемъ и умомъ государственнаго дѣятеля, сильнымъ характеромъ и знаніемъ людей и вещей, стремящагося къ наукѣ въ вѣкъ грубаго варварства, къ изящнымъ искусствамъ, доступнаго всѣмъ гуманнымъ идеямъ, создателя величайшей монархіи, организатора стройной политической системы, покровителя всякаго прогресса и въ то же время неограниченнаго автократа, уважающаго гражданскія права своихъ подданныхъ и ихъ личныя убѣжденія. И о такомъ лицѣ, возсоздавшемъ европейское общество послѣ паденія римской имперіи ни Карлейль, ни Маколей не написали ни одного этюда. На англійскомъ языкѣ есть только одна плохая біографія Карла Великаго, написанная Джемсомъ. Момбертъ взялся пополнить этотъ пробѣлъ и представляетъ Карла не только какъ завоевателя, но и какъ создателя университетовъ. На заслуги его въ развитіи литературы авторъ обращаетъ особое вниманіе. Авторъ является горячимъ панегиристомъ Карла и оправдываетъ даже такіе поступки его, какъ вердюнскія убійства, защищая въ этомъ случаѣ императора противъ его собственныхъ біографовъ. Момбертъ мало пользуется поэмами карловингскаго цикла, и хотя многія изъ этихъ chansons de geste относятся къ позднѣйшей эпохѣ, но тѣмъ не менѣе заклю-

чаютъ въ себѣ цѣнныя данныя для біографіи и подвиговъ Карла. Даже въ разсказѣ о Ронсевальской битвѣ не упоминается вовсе о «Пѣснѣ Роланда», сдѣлавшейся легендою, но принадлежащей, тѣмъ не менѣе, къ важнымъ историческимъ документамъ. Не говорится также ничего о сценическихъ представленіяхъ urbanae cantilenae, возникшихъ въ ту эпоху, взятыхъ изъ жизни святыхъ и послужившихъ основаніемъ мистерій. Эти спектакли отличались уже и при Карлѣ такими циническими сценами, не смотря на ихъ религіозное содержаніе, что императоръ издалъ въ 789 году капитулярій — запрещавшій представленія этого рода, и съ тѣхъ поръ urbanae cantilenae уже не исполнялись болѣе гистріонами на театральныхъ подмосткахъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Исторія одного нѣмецкаго пожалованія.

(Изъ бумагъ д. с. с. Никанора Михайловича Лонгинова).

Было это въ 1818 году. Нашъ окупаціонный корпусъ, оставленный, послѣ Отечественной войны и взятія Парижа, во Франціи, подъ начальствомъ графа (впослѣдствіи князя) Мих. Сем. Воронцова, возвращался въ Россію. Въ составѣ этого корпуса находилась 9-я дивизія подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Удома 2-го, въ которой Никаноръ Мих. Лонгиновъ (мой отецъ), какъ гражданскій чиновникъ, служилъ дивизіоннымъ оберъ-аудиторомъ (часть военно-судебная). Дивизія эта была направлена чрезъ великое герцогство Баденское. Царствовавшій тогда великій герцогъ Баденскій, желая выразить свое благоволеніе доблестямъ русской арміи и по своему родству съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ, пожаловалъ свой великогерцогскій орденъ Льва Церингенскаго нѣсколькимъ лицамъ означенной дивизіи, о чемъ Баденскій военный министръ и предсѣдатель военнаго совѣта, генералъ-лейтенантъ Шефферъ, сообщилъ подполковнику баденской службы барону де-Ласселей, главному коменданту по передвиженію русскихъ войскъ отъ Мангейма до Вюрцбурга, отношеніемъ слѣдующаго содержанія (переводъ), «1 декабря, 1818 г. № 15. Имѣю честь симъ увѣдомить васъ, что его королевское высочество великій герцогъ Баденскій, нашъ всемилостивѣйшій государь, соизволилъ пожаловать знаки своего ордена Льва Церингенскаго слѣдующимъ россійской службы генераламъ и офицерамъ: 1) командующему колонной генералъ-лейтенанту Удому 2-му орденъ большого креста, 2) генералъ-маіору Нарышкину знаки большого креста, 3) генералъ-маіору Иванову командорскій крестъ, 4) подполковнику Грекову, 5) адъютанту графу Дезессару, 6) оберъ-аудитору Лонгинову и 7) адъютанту шт.-кап. Языкову—всѣмъ четыремъ кавалерскіе кресты. Настоящимъ отношеніемъ уполномочиваетесь вы извѣстить вышеозначенныхъ генераловъ и офицеровъ о таковомъ благоволеніи нашего государя, почему, сообщивъ имъ копію сего, можете предварить ихъ, что знаки ордена будутъ доставлены имъ вслѣдъ за симъ и что я нынѣ же отношусь по сему предмету къ князю Волконскому». Вслѣдствіе этого, мой отецъ получилъ отъ барона де-Ласелей официальное письмо слѣдующаго содержанія (переводъ):

«Мангеймъ, 2 декабря, 1818 г., № 60. Господинъ капитанъ, спѣшу препроводить вамъ прилагаемую копію отношенія его пр-ва генералъ-лейтенанта Шеффера, только-что мною полученнаго по эстафетѣ, коимъ его королевское высочество великій герцогъ пожаловалъ васъ кавалеромъ своего ордена Льва Церингенскаго. Радуюсь случаю, дающему мнѣ возможность сообщить вамъ о такой особой милости моего августѣйшаго государя и прошу васъ принять увѣреніе» и пр. Такія же письма получили и прочія пожалованныя лица. Всѣ они ушли изъ великаго герцогства Баденскаго въ дальнѣйшій путь несомнѣнно подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ оказанной имъ великимъ герцогомъ милости, не предвидя, какимъ затрудненіямъ ей предстояло подвергнуться со стороны столь радушно принявшихъ ихъ нѣмцевъ.

Военный министръ Шефферъ, дѣйствительно, не замедлилъ сообщить о состоявшемся пожалованіи русскому правительству и государь императоръ Александръ I не только тотчасъ же соизволилъ разрѣшить пожалованнымъ лицамъ принять и носить баденскіе ордена, но и съ своей стороны пожаловалъ барону де-Ласселей бриллiантовые знаки ордена св. Анны. Быть можетъ, это послѣднее пожалованіе не понравилось г. Шефферу, такъ какъ ему лично при этомъ случаѣ ничего дано не было, но только нашихъ воиновъ едва не вычеркнули изъ списка кавалеровъ пожалованнаго имъ ордена и переписка по этому предмету, конечно не офиціальная, а частная, отчасти офиціозная, продолжалась около четырехъ лѣтъ.

Случилось, что вскорѣ послѣ ухода изъ великаго герцогства Баденскаго нашей 9-й дивизіи, царствовавшій великій герцогъ умеръ, не успѣвъ утвердить своей подписью сдѣланныхъ имъ вышеупомянутыхъ пожалованій. Наслѣдникъ его, новый великій герцогъ, на долю котораго это утвержденіе выпадало, не раздѣлялъ тѣхъ симпатій къ русскимъ, коими былъ одушевленъ его предшественникъ; а тутъ еще военный министръ Шефферъ, лично ничего отъ русскаго двора не получившій, не могъ не поддерживать его въ этомъ настроеніи.

Наша 9-я дивизія тѣмъ временемъ вернулась въ Россію въ опредѣленное ей мѣсто расположенія въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ главной дивизіонной ея квартирой назначенъ былъ гор. Житоміръ. Не получая отъ великаго герцога Баденскаго ни орденовъ, ни патентовъ, мой отецъ какъ о себѣ, такъ и о прочихъ лицахъ, неоднократно писалъ оттуда барону де-Ласселей, съ которымъ успѣлъ во время пребыванія въ Баденѣ довольно сойтись; но послѣдній, въ своихъ отвѣтахъ, разсыпаясь въ любезностяхъ и дружескихъ увѣреніяхъ, писалъ всевозможныя въ оправданіе отговорки, такъ напр. «что новый великій герцогъ въ первое время своего царствованія страшно обремененъ дѣлами великаго герцогства, равно разборомъ бумагъ, накопившихся во время продолжительной болѣзни покойнаго великаго герцога, что его королевское высочество положительно сказалъ, что велитъ отправить ордена, какъ только найдетъ время заняться этимъ дѣломъ, поэтому нельзя-де ему докучать, тѣмъ болѣе, что княжеское слово (la parole d'un prince) должно считаться священнымъ» и пр., въ другомъ мѣстѣ, «что орденскіе знаки находятся въ ящикѣ, опечатанномъ въ числѣ другихъ предметовъ при кончинѣ покойнаго великаго герцога и пока печати не будутъ сняты, то невозможно ихъ вынуть», (точно это были единственные ордена) «но что г. Шефферъ обѣщалъ ему воспользоваться первой возможностью напомнить объ орденахъ великому герцогу». Эти отвѣты барона де-Ласселей относятся къ 1819 и 1820 годамъ.

Послѣ этого времени мой отецъ оставилъ службу по военному вѣдомству и перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ Петербургъ [1]).

[1]) Впослѣдствіи былъ Таврическимъ вице-губернаторомъ и потомъ Екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Старшій его родной братъ Николай Михайловичъ Лонгиновъ былъ въ то время секретаремъ императрицы Елисаветы Алексѣевны (послѣ — статсъ-секретарь его величества, членъ госуд. сов. и пр.). Послѣдній, узнавъ обо всемъ этомъ и будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при баденскомъ дворѣ г. Струве, съ которымъ подружился во время своихъ вояжей съ императрицей, взялъ на себя написать ему объ этомъ дѣлѣ. Вотъ его письмо, въ сохранившейся копіи, писанное по-французски (переводъ): «С.-Петербургъ, 2—14 ноября 1821 г.— М. Г., расположеніе, которое вы всегда мнѣ оказывали, позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ услугѣ, о которой беру смѣлость утруждать васъ для моего родного брата. Въ 1818 г. мой братъ имѣлъ честь быть пожалованнымъ покойнымъ великимъ герцогомъ кавалеромъ ордена Льва Церингенскаго, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами русской службы. О таковомъ пожалованіи было офиціально доведено до свѣдѣнія государя императора и его императорское величество соизволилъ разрѣшить вновь пожалованнымъ кавалерамъ принять и носить знаки упомянутаго ордена въ силу того высокаго уваженія, которое нашъ августѣйшій государь во всѣхъ случаяхъ любилъ выказывать своему покойному зятю (beau-frère) и благополучно царствующему баденскому дому. Между тѣмъ великій герцогъ скончался и его королевское высочество, нынѣ царствующій великій герцогъ, еще не исполнилъ милости своего предшественника. Мой братъ, равно прочіе одновременно съ нимъ пожалованные кавалеры, остаются въ ожиданіи патентовъ и орденовъ. Многіе изъ нихъ обращались ко мнѣ за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ; но я, не считая за собой на это никакого права, постоянно отказывался. Однако, въ частности, я не могу не принять во вниманіе просьбы моего брата и, препровождая вамъ его докладную записку [1]), я усердно прошу васъ не отказать въ вашемъ содѣйствіи, безъ коего я не могу ожидать никакого успѣха. Будьте увѣрены, что я буду крайне признателенъ вамъ за все, что̀ вамъ угодно будетъ сдѣлать въ пользу моего брата, каковъ бы ни былъ результатъ — удачный или неудачный Еслибы при этомъ и прочіе могли воспользоваться настоящимъ случаемъ, то, конечно, они были бы за то благодарны вамъ не менѣе моего брата и меня, который проситъ въ полной увѣренности въ вашей доброй и давнишней пріязни. Примите выраженіе моихъ постоянныхъ дружескихъ чувствъ къ вамъ, равно увѣреніе въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности съ коими имѣю честь быть» и пр.

На это г. Струве отвѣтилъ моему дядѣ письмомъ отъ 4—16 января 1822 г., въ коемъ резюмируетъ всѣ проволочки и недоразумѣнія тѣмъ, что новый великій герцогъ составилъ себѣ убѣжденіе, что покойный великій герцогъ былъ дурно окруженъ и что его приближенные самовольно распорядились пожалованіемъ орденовъ, когда онъ былъ на смертномъ одрѣ, поэтому новый великій герцогъ не хочетъ подчиняться ихъ распоряженіямъ, тѣмъ болѣе, что до него будто бы доходили слухи о какихъ-то непріятныхъ для него отзывахъ пожалованныхъ кавалеровъ, такъ что вообще, по мнѣнію г. Струве, трудно было надѣяться, чтобъ дѣло это было санкціонировано, развѣ наше правительство приметъ въ немъ участіе, уполномочивъ его, г. Струве, если не потребовать высылки орденовъ, то хотя офиціально заявить, что ордена еще не получены по назначенію.

Однако, не смотря на приведенный отвѣтъ, г. Струве, вѣроятно, не выдержалъ упрямства и выдумокъ нѣмцевъ въ такомъ простомъ дѣлѣ, ибо чрезъ пять дней, 9-го января 1822 г., онъ написалъ Баденскому государст-

---

[1]) Записка эта не приводится, ибо въ ней заключается изложеніе лишь уже извѣстныхъ фактовъ.

венному министру барону фонъ-Берштедту такое письмо, которое порѣшило 4-хъ-лѣтнія ожиданія нашихъ соотечественниковъ и, по своему дипломатическому такту, заслуживаетъ того (по сохранившейся копіи), чтобы быть воспроизведеннымъ. Писано оно по-французски и вотъ его переводъ: «Господинъ баронъ, очень сожалѣю, что вынужденъ утруждать ваше превосходительство по дѣлу орденовъ Льва Церингенскаго, но генералъ Шефферъ сказалъ мнѣ, что мѣшаться въ это дѣло онъ не желаетъ. Не считая себя вправѣ отстаивать права, во всякомъ случаѣ далекія отъ какого бы то ни было интереса, лицъ, не поручавшихъ непосредственно мнѣ заботиться о нихъ, я не могу однако 'не испытывать живѣйшаго прискорбія, видя, что не хотятъ обратить никакого вниманія на записку, адресованную великогерцогскому министерству г-мъ Лонгиновымъ, который проситъ лишь исполненія этой милости, которая три слишкомъ года тому назадъ была ему объявлена въ письмѣ г. подполковника де-Ласселей, по предписанію генерала Шеффера. Ваше превосходительство сказали мнѣ, что если я офиціально вступлюсь за это дѣло, то мнѣ будетъ легко привести его къ желаемому концу. Но мнѣ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы мой августѣйшій дворъ призналъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ ходатайствовать по предмету неисполненія лишь благоволенія и отличія, выраженныхъ добровольно по собственному почину баденскаго двора и коихъ все значеніе именно въ этомъ и заключается. Притомъ о пожалованіи этихъ орденовъ было формально доведено до свѣдѣнія моего августѣйшаго двора и государь императоръ, мой августѣйшій повелитель, не только благосклонно принялъ такое распоряженіе, но и взаимно удостоилъ пожалованія бриллiантовыхъ знаковъ ордена св. Анны г-ну подполковнику де-Ласселей, кои мнѣ было тогда же поручено ему передать. Поэтому дѣло это считается въ Россіи совершенно оконченнымъ и такое убѣжденіе не можетъ быть нарушено безъ весьма прискорбныхъ послѣдствій, которыхъ я не считаю даже умѣстнымъ разъяснять. Имѣю честь» и пр.

Это письмо, какъ нельзя лучше, безъ всякаго офиціальнаго вмѣшательства нашего правительства, повліяло на новаго великаго герцога и его приближенныхъ и отвѣтомъ на него, хотя не скоро—чрезъ 9-ть мѣсяцевъ, была однако, разсылка такъ долго, изъ-за нѣмецкихъ каверзъ, ожидавшихся пожалованными кавалерами орденовъ при патентахъ отъ 1-го октября 1822 г. слѣдующаго содержанія (переводъ): «Божіей милостью мы, Людовикъ, великій герцогъ Баденскій, герцогъ Церингенскій, ландграфъ Нелленбургскій, графъ Сальмскій, Петерсгаузенскій, Ганаускій, и проч., и проч., и проч. По дошедшей къ намъ волѣ въ Бозѣ почившаго предмѣстника нашего и въ изъявленіе нашего благоволенія пожаловали мы состоящаго въ Россійско-Императорской службѣ (такого то) кавалеромъ нашего ордена Льва Церингенскаго (такой то степени). На нашего министра иностранныхъ дѣлъ мы возложили исполненіе этого повелѣнія. Данъ въ Карлсруэ, 1-го октября 1822 года по высочайшему повелѣнію, государственный министръ (подпись) баронъ де-Берштедтъ, ниже государственная печать».

Описанный фактъ составляетъ въ исторіи нашихъ международныхъ отношеній того времени, когда Россіи такъ блистательно досталась первенствующая роль въ Европѣ, любопытный и болѣе чѣмъ оригинальный эпизодъ сопротивленія со стороны такого маленькаго двора, какъ баденскій, и невольно вспоминаются слова извѣстной басни Крылова: «Ай, моська, знать она сильна, что лаетъ на слона». Сообщено **Н. Лонгиновымъ**.

СМѢСЬ

Открытіе въ Ростовѣ-на-Дону памятника Александру II. 17-го апрѣля въ Ростовѣ-на-Дону состоялось торжественное открытіе памятника императору Александру II. Мысль о сооруженіи памятника, возникшая среди гражданъ Ростова, была впервые выражена 15-го марта 1881 г., въ день погребенія государя, когда городская дума, какъ записано въ ея протоколѣ, «глубоко потрясенная горестнымъ событіемъ, постигшимъ всю Россію, собравшись въ экстренномъ засѣданіи, выразила единодушное желаніе запечатлѣть память усопшаго государя въ благодарныхъ сердцахъ гражданъ сооруженіемъ памятника императору въ Ростовѣ-на-Дону». Въ томъ же засѣданіи былъ образованъ комитетъ для сбора пожертвованій и разработки проекта памятника. Первоначально предполагалось предназначить для памятника часть городского сада по Большой Садовой улицѣ, противъ Соборнаго пер., гдѣ проектировалось для этого устроить полукруглую площадку. Но затѣмъ, вслѣдствіе ходатайства гражданъ и мѣщанскаго общества, было рѣшено строить памятникъ на площадкѣ противъ собора. Комитетъ по сооруженію памятника поручилъ составленіе эскизнаго проекта академику М. О. Микѣшину, которымъ и были представлены два такихъ проекта; оба они были подвергнуты разсмотрѣнію въ Академіи Художествъ, при содѣйствіи профессора академіи Д. И. Гримма, академика архитектуры И. С. Богомолова, ученаго справщика синода П. А. Гильдебранта, бывшаго конференцъ-секретаря академіи П. Ѳ. Исѣева и литераторовъ Г. П. Данилевскаго и Я. П. Полонскаго. На памятникѣ, который былъ одобренъ въ проектѣ и нынѣ открытъ въ Ростовѣ, покойный государь изображенъ во весь ростъ, съ открытою головою, въ порфирѣ и прочихъ регаліяхъ и со скипетромъ въ рукѣ. Пьедесталъ памятника гранитный. Съ передней стороны пьедестала, надъ подписью подъ статуею, помѣщенъ государственный гербъ, увѣнчанный императорскою короною. Вышина памятника $4^1/_2$ сажени. На сторонахъ пьедестала надписи: съ передней стороны, подъ короною и гербомъ — буквами церковнаго шрифта: «Императору Александру II благодарные граждане города Ростова-на-Дону»; на противоположной сторонѣ: Родился въ 1818 году, вступилъ на престолъ въ 1855 г., въ Бозѣ почилъ въ 1881 году»; на правой сторонѣ пьедестала гербъ гор. Ростова-на-Дону и на лѣвой сторонѣ надпись: «Воздвигнутъ въ царствованіе Императора Александра III въ 1890 г.». Отливка изъ бронзы фигуры покойнаго государя

исполнена академикомъ М. О. Микѣшинымъ, а устроилъ пьедесталъ, по рисунку того же М. О. Микѣшина, С. А. Тонетти, подъ наблюденіемъ ростовскаго городового архитектора Н. А. Дорошенко.

Ко дню открытія памятника въ Ростовъ-на-Дону изъ окрестныхъ мѣстностей съѣхалось много народа. Всѣ гостинницы были переполнены. Въ день открытія въ городскомъ соборѣ, куда собрались мѣстныя власти, въ 10 час. утра, отслужена литургія. Мѣста на эстрадахъ заняты были публикой очень рано. Переулки, прилегающіе къ соборной площади, были запружены народомъ: на самой площади размѣстились части войскъ, учащіеся мѣстныхъ городскихъ и начальныхъ мужскихъ и женскихъ школъ съ училищными значками, воспитанники реальнаго училища, гимназій мужской и женской, техническаго желѣзно-дорожнаго училища и др. Въ 11 часовъ пришелъ въ Ростовъ экстренный поѣздъ изъ Новочеркасска со всѣми властями. По окончаніи литургіи, военные и гражданскіе чины различныхъ вѣдомствъ и иностранные консулы, вслѣдъ за духовенствомъ, вышли изъ собора въ павильонъ, устроенный передъ памятникомъ. Здѣсь было совершено молебствіе. Городской голова опустилъ покрывало съ памятника, и площадь огласилась громкимъ «ура» частей войскъ, учащихся и народа. Епископъ окропилъ св. водою памятникъ, около котораго сейчасъ же были поставлены два часовыхъ казака. Раздался звонъ колоколовъ, заиграла музыка, началась стрѣльба изъ орудій. Какъ войска, такъ и учащіеся, дефилировали мимо памятника.

Историческое общество. Годичное собраніе его происходило въ 9 часовъ вечера, въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича. По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества, А. А. Половцевъ, прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества за прошлый годъ.

Изъ отчета видно, что въ 1889 г. продолжалось изданіе «Сборника» Общества, начиная съ 69-го тома, который служитъ продолженіемъ изданія бумагъ верховнаго тайнаго совѣта. Томъ этотъ содержитъ протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта съ 3-го іюля по 30-е декабря 1727 г. Редакторъ 69-го тома, Н. Ѳ. Дубровинъ, былъ поставленъ въ необходимость придать ему особенно обширный (до 65 листовъ) объемъ, вслѣдствіе обилія дѣлъ за второе полугодіе 1727 года. Трудъ Н. Ѳ. Дубровина представляетъ прекрасную картину внутренней жизни Россіи за годы, наступившіе послѣ смерти Петра I. Матеріаломъ для 70-го тома, изданнаго подъ редакціею профессора Одесскаго университета А. С. Трачевскаго, послужили документы, извлеченные изъ парижскаго государственнаго архива и дополненные бумагами изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, за время съ 1800 по 1803 г., т. е. за послѣдніе годы царствованія императора Павла I и за первое время царствованія императора Александра I. 71-й томъ, издаваемый подъ редакціею члена Общества Г. Ѳ. Карпова, заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся до сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, печатаніе которыхъ доведено до 1570 года. Въ 72-мъ томѣ, подъ наблюденіемъ секретаря Общества Г. Ѳ. Штендмана, напечатаны донесенія графа Сольмса королю Фридриху II, относящіяся къ первому раздѣлу Польши и къ мѣропріятіямъ Россіи, Пруссіи и Австріи, для окончательнаго приведенія въ исполненіе условленнаго между ними новаго раздѣла Польши на основаніи январьской тайной конвенціи 1772 г. Документы, вошедшіе въ этотъ томъ, первоначально доставлены были Обществу марбургскимъ профессоромъ Германомъ. Оказавшіеся въ нихъ пробѣлы были впослѣдствіи пополнены выписками изъ берлинскаго тайнаго государственнаго архива, благодаря любезному содѣйствію графа Герберта Бисмарка. Содѣйствіе это тѣмъ болѣе цѣнно, что при внимательномъ изученіи подробностей дипломатическихъ сношеній, относящхся и къ этимъ со-

бытіямъ, дѣлается несомнѣннымъ, что мысль о раздѣлѣ Польши возникла въ головѣ Фридриха II, который съумѣлъ отвѣтственность за это мѣропріятіе сложить на своихъ союзниковъ. Кромѣ означенныхъ четырехъ томовъ печатаются 73-й, 74-й и 75-й томы «Сборника». Сосредоточивая доселѣ труды свои преимущественно на XVIII столѣтіи и получивъ не только убѣжденіе, но и доказательства, что, благодаря изданнымъ матеріаламъ, возникаетъ возможность правдиваго и полнаго написанія русской исторіи за эту столь важную и столь мало извѣстную эпоху, Общество, согласно указанію державнаго его покровителя, положило въ настоящемъ году начало прикосновенія къ болѣе близкому времени нынѣшняго столѣтія, къ царствованію императора Николая. 4-го ноября 1889 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе помѣстить въ «Сборникѣ» Общества сохранившіеся въ архивѣ Государственнаго Совѣта журналы секретнаго комитета 6-го декабря 1826 года. Существованіе и судьбы этого комитета, за исключеніемъ краткихъ указаній, помѣщенныхъ графомъ Корфомъ въ жизнеописаніи Сперанскаго, остаются доселѣ почти неизвѣстными, а между тѣмъ несомнѣнно заслуживаютъ большого вниманія. Комитетъ этотъ учрежденъ былъ по волѣ императора Николая, во-первыхъ, для разсмотрѣнія разныхъ проектовъ объ измѣненіяхъ государственнаго управленія, найденныхъ въ кабинетѣ императора Александра Павловича, а во-вторыхъ, для пересмотра вообще всего государственнаго устройства и управленія. Въ занятіяхъ своихъ комитетъ затронулъ важнѣйшіе вопросы тогдашней государственной жизни Россіи. Полное осуществленіе высочайше одобренныхъ предположеній комитета остановлено было сначала взглядами, которые высказалъ на это дѣло великій князь Константинъ Павловичъ, а вслѣдъ затѣмъ вспыхнувшими потомъ въ Европѣ революціями и войнами, неизмѣнными врагами успѣшнаго развитія жизни народовъ. Ознакомленіе русской публики съ дѣлами комитета 6-го декабря 1826 года прольетъ много свѣта на намѣренія и виды тогдашняго правительства. Одновременно съ изданіемъ новыхъ томовъ сборника, Общество продолжало трудиться надъ изданіемъ біографическаго словаря. Исполнивъ первую часть этого предпріятія, т. е. издавъ два тома «Азбучнаго указателя именъ», долженствующихъ войти въ словарь, Общество приступило нынѣ къ болѣе сложной и обширной части предпріятія—къ составленію самаго словаря. Въ виду того, что богатый и достовѣрный матеріалъ для біографій лицъ, занимавшихъ государственныя должности, прежде всего можно найти въ архивахъ тѣхъ учрежденій, гдѣ означенныя лица служили, предсѣдатель Общества обратился къ министрамъ и главноуправляющимъ съ просьбою допустить въ архивы министерствъ уполномоченныхъ отъ Общества, для разсмотрѣнія хранящихся въ этихъ архивахъ формулярныхъ списковъ, къ чему нынѣ и приступлено. Сочувствіе дѣлу изданія словаря выражено было не только начальствами правительственныхъ архивовъ, но и весьма многими частными лицами. Сообщеніе документовъ изъ иностранныхъ архивовъ продолжалось по прежнему. Такъ изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ доставлены документы, необходимые для выполненія предпринятаго Обществомъ изданія историческихъ документовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ царствованія императора Павла I и за первое время царствованія императора Александра I. Изъ вѣнскаго архива сообщаются, при дѣятельномъ участіи члена-корреспондента Шрауфа, бумаги, служащія дополненіемъ къ любопытнымъ документамъ изъ семейнаго архива графа Іоанна Вильчека, доставленнымъ въ прежнее время Обществу. Представивъ отчетъ объ успѣхахъ, ознаменовавшихъ дѣятельность Общества за истекшій годъ, предсѣдатель упомянулъ о понесенной утратѣ въ лицѣ скончавшагося 25-го апрѣля 1889 года графа Дмитрія Андреевича Толстого. По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами Общества были прочитаны составленные ими очерки жизни и дѣятельности слѣдующихъ лицъ: Ѳ. Ѳ. Веселаго прочелъ объ адмиралѣ и начальникѣ черноморскаго

флота Михаилѣ Петровичѣ Лазаревѣ, Н. Ѳ. Дубровинъ — о дѣятельности графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, генерала-отъ-инфантеріи и московскаго военнаго генералъ-губернатора, Я. К. Гротъ—о директорѣ императорской Академіи Наукъ, княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой. Въ заключеніе былъ переизбранъ вновь въ члены совѣта Общества Я. К. Гротъ.

Біографія императрицы Маріи Ѳедоровны. Фрейлина ея императорскаго величества Муханова, нынѣ умершая, пожертвовала Академіи Наукъ 5,000 р. на выдачу, въ видѣ преміи, автору лучшаго «Жизнеописанія императрицы Маріи Ѳедоровны». Министерство народнаго просвѣщенія, находя употребленіе пожертвованія, сообразно назначенію, указанному жертвовательницей, нынѣ невозможнымъ, признало для осуществленія воли жертвовательницы болѣе цѣлесообразнымъ испросить въ установленномъ порядкѣ высочайшее соизволеніе на выдачу означенной преміи за лучшій трудъ по собранію и разработкѣ «Матеріаловъ для біографіи императрицы Маріи Ѳедоровны». Вслѣдствіе сего, наслѣдники, родственники жертвовательницы или посторонніе лица приглашаются представить въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія свои заявленія по настоящему дѣлу, для принятія таковыхъ въ соображеніе при окончательномъ рѣшеніи. Заявленія будутъ принимаемы въ теченіе 4-хъ-мѣсячнаго срока со дня послѣдней публикаціи.

Отчетъ по Минусинскому музею за 1889 годъ. Истекшій 1889 годъ останется памятнымъ для Минусинскаго музея: въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ библіотекой переведенъ въ собственное и спеціально для нихъ приспособленное зданіе. Постройка этого зданія, составленіе отчета по постройкѣ, а затѣмъ устройство музея въ новомъ помѣщеніи, были самыми значительными работами членовъ комитета музея въ отчетномъ году. Кромѣ того, комитетъ не оставлялъ и текущихъ дѣлъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали сношенія съ разными лицами и учрежденіями съ цѣлью увеличенія и научнаго опредѣленія коллекцій музея. Нѣкоторыя изъ посланныхъ комитетомъ въ прежніе годы матеріаловъ появились уже обработанными въ научныхъ трудахъ: въ сочиненіи Н. А. Варпаховскаго «Краткія данныя по ихтіофаунѣ Азіатской Россіи», напечатанномъ въ «Запискахъ Академіи Наукъ», описаны доставленныя музеемъ рыбы Минусинскаго округа, между которыми открыты новый видъ и разновидность, въ запискахъ Бельгійскаго Ботаническаго общества профессоръ Саккардо изъ Падуи помѣстилъ свое сочиненіе «Mycetes sibirici», составляющее описаніе грибовъ (въ томъ числѣ 25 новыхъ видовъ), собранныхъ въ Минусинскомъ округѣ, и пр. Въ сочиненіи академика Радлова «Сибирскія древности», и въ сочиненіи «Археологическій музей Томскаго университета», 1888 г., сообщаются свѣдѣнія объ археологическихъ предметахъ Минусинскаго музея; въ первомъ помѣщены рисунки нѣсколькихъ мѣдныхъ ножей музея. Въ изданіи Финляндскаго Археологическаго Общества «Inscriptions de la Ienissej», составляющемъ результатъ 3-хъ лѣтнихъ экспедицій подъ руководствомъ профессора Аспелина въ Минусинскій округъ и страну Сойотъ съ цѣлью изученія памятниковъ съ руническими письменами,—описаны всѣ находящіеся въ музеѣ камни съ руническими письменами. Сверхъ того опредѣлены высшія растенія и нѣкоторыя горныя породы, археологическій и этнографическій матеріалъ; составленъ топографическій указатель археологическихъ коллекцій, и пр. Состоящая при музеѣ метеорологическая станція преобразована въ 2 разрядную по предложенію Главной Физической Обсерваторіи, доставившей всѣ нужные инструменты. «Древности Минусинскаго музея», «Десятилѣтіе Минусинскаго музея» и каталоги библіотеки были высланы нѣкоторымъ ученымъ учрежденіямъ и спеціалистамъ. Коллекціи музея къ 1 января 1890 г. представляются въ слѣдующемъ видѣ по разнымъ отдѣламъ: по отдѣлу естественно-историческому—8,473 предмета. По отдѣлу антропологическому, этнографическихъ предметовъ (сибиряковъ, инородцевъ, сойотъ) — 717, антропологическія коллекціи: черепа, маски, фотографіи - 82, всего—799 предметовъ. По отдѣлу археологическому,

предметовъ каменныхъ—529, мѣдныхъ и бронзовыхъ—2,455, золотыхъ, серебряныхъ и изъ цвѣтныхъ камней—91, желѣзныхъ и чугунныхъ—2,784, глиняныхъ, латунныхъ, костяныхъ, гипсовыхъ, деревянныхъ и др. всего — 6,361 предметъ. По отдѣлу промышленному, произведеній заводской обработки, горной, кустарной и ремесленной, рыболовства и охоты всего — 1,919 предметовъ. По отдѣлу сельскохозяйственному—1,656 предметовъ. По отдѣлу образовательному, предметовъ по анатоміи, зоологіи, физикѣ, геологіи, географіи, этнографіи и пр. всего—10,255 предметовъ. По отдѣлу нумизматическому, русскихъ монетъ,—золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и иностранныхъ—878. Во всѣхъ отдѣлахъ музея къ 1 января 1890 года было №№—30,341. Въ отчетномъ году поступило на приходъ всего—822 р. 64 к., израсходована та же сумма. Увеличеніе библіотеки въ отчетномъ году, какъ и прежде, происходило путемъ пожертвованій книгъ отъ отдѣльныхъ лицъ, и выпиской книгъ и періодическихъ изданій на собственныя средства. Путемъ пожертвованій поступило въ библіотеку 155 сочиненій въ 162-хъ томахъ на сумму 458 р. 50 к. Кромѣ того, на собственныя средства библіотека пріобрѣла въ истекшемъ году книгъ и періодическихъ изданій—77 сочиненій въ 113 томахъ, на сумму 195 р. 74 к. и вмѣсто платы за чтеніе получила 106 сочиненій въ 111 томахъ на сумму 119 р. 35 к. Всего въ библіотекѣ—9,763 сочиненія въ 12,705 томахъ на сумму 18,960 руб. Кромѣ періодически издаваемыхъ трудовъ ученыхъ обществъ, библіотека въ 1889 г. получала слѣдующія періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», «Русскую Старину», «Историческій Вѣстникъ», «Недѣлю», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русскую Мысль», «Юридическій Вѣстникъ» и др. Въ отчетномъ году читателей библіотеки было 286, изъ нихъ: платныхъ помѣсячно—112 и уплатившихъ за чтеніе книгами—15, безплатныхъ—159, всего—286 человѣкъ. Въ 1889 г. поступило на приходъ—435 р. 50 к., израсходовано—505 р. 69 к. Перерасходовано—70 р. 19 к. Кромѣ того, остается долгъ по счетамъ—93 р. 50 к.

† 8-го апрѣля, послѣ непродолжительной болѣзни, беллетристъ и публицистъ **Гавріилъ Александровичъ Хрущовъ-Сокольниковъ**, сотрудничавшій въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и выпустившій въ свѣтъ нѣсколько историческихъ и бытовыхъ романовъ. Онъ прекрасно зналъ языки, былъ разносторонне образованъ, основательно знакомъ съ свѣтописью и одно время стоялъ въ Москвѣ въ главѣ извѣстной фотографской фирмы и удѣлялъ не мало свободнаго времени этому же занятію и въ послѣдніе годы, живя въ Петербургѣ. Электричество составляло также любимый его предметъ и онъ не мало потрудился надъ изобрѣтеніемъ новаго электрическаго двигателя, которое, однако, ему не удалось довести до конца. Постоянно живой и дѣятельный и притомъ всю жизнь отрицавшій вино и табакъ, онъ никогда не удовлетворялся вполнѣ какимъ-либо однимъ дѣломъ и затѣвалъ другое. Будучи помѣщикомъ, съ довольно большимъ состояніемъ, онъ неоднократно терялъ на своихъ предпріятіяхъ почти все, что имѣлъ, такъ что иногда на сцену сурово выступалъ даже вопросъ о завтрашнемъ днѣ. Всю жизнь онъ прожилъ личнымъ трудомъ и послѣ него остался только небольшой майоратъ въ Западномъ краѣ. Онъ не могъ долго пускать корни на одномъ мѣстѣ: его постоянно тянуло куда-нибудь вдаль. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Европѣ, изъѣздилъ всю Россію и вездѣ былъ какъ дома. Въ силу этого же чувства онъ незадолго до смерти уѣхалъ въ Парижъ съ дочерью и сыномъ съ тѣмъ, чтобы оттуда сотрудничать въ русской прессѣ. Незадолго до смерти, онъ прислалъ въ редакцію газеты «Свѣтъ» окончаніе своего романа «Джэкъ». Изъ Россіи онъ выѣхалъ совершенно здоровымъ и поселился въ Парижѣ. Послѣднее письмо, полученное отъ его сына на пасхѣ, уже извѣщало, что Г. А. захворалъ, но не опасно, а телеграма отъ 8-го апрѣля принесла вѣсть о его кончинѣ. Въ періодическихъ изданіяхъ разбросана масса его стихотвореній, остроумныхъ и талантливыхъ, но не собранныхъ въ отдѣльное изданіе. Изъ историческихъ романовъ его разошлись нѣсколькими изданіями:

«Стенька Разинъ», «Грюнвальдскій бой» и др. Послѣднее время онъ работалъ почти исключительно въ «Свѣтѣ» В. В. Комарова. Тѣло его привезено и погребено въ Петербургѣ.

† Въ Москвѣ русскій историкъ **Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ**. Онъ родился въ Угличѣ въ 1839 г. и былъ сынъ смотрителя мѣстнаго училища. Воспитывался онъ въ ярославской гимназіи и въ Демидовскомъ лицеѣ, а затѣмъ перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ и былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ. Сдавъ блистательно экзаменъ и защитивъ диссертацію на степень магистра, онъ былъ назначенъ профессоромъ русской исторіи въ Харьковскій университетъ и здѣсь ревностно предался наукѣ. Плодомъ его изслѣдованій было нѣсколько капитальныхъ сочиненій по исторіи Малороссіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ профессуру, будучи уже докторомъ исторіи, и началъ заниматься исключительно разработкой древнихъ историческихъ памятниковъ, состоя секретаремъ археографической комиссіи. Благодаря его трудамъ, былъ изданъ «Изборникъ Святослава» и другіе драгоцѣнные памятники. Въ послѣдніе годы онъ занимался изданіемъ древнихъ актовъ, относящихся къ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами въ XV—XVII вѣкахъ. Покойный пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Похороны отличались многолюдствомъ и великолѣпіемъ. Въ числѣ возложенныхъ на гробъ вѣнковъ былъ вѣнокъ отъ Общества исторіи и древностей, гдѣ покойный занималъ мѣсто казначея.

† 11-го апрѣля, послѣ продолжительной болѣзни, на 55-мъ году, заслуженный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ минералогіи **Михаилъ Александровичъ Толстопятовъ**. Онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету въ 1859 г. и посвятилъ себя усовершенствованію въ преподаваніи естественной исторіи въ практической академіи коммерческихъ наукъ. Въ 1867 г., послѣ защиты магистерской диссертаціи «О причинахъ метаморфизма углекислой извести», М. А. началъ преподаваніе минералогіи въ университетѣ и продолжалъ его до настоящаго года. М. А больше всего интересовался тѣмъ отдѣломъ науки, въ которомъ изучаются явленія кристаллообразованія. Къ этой любимой темѣ покойный не разъ возвращался въ продолженіе своей научной дѣятельности; ей же была посвящена и его докторская диссертація «Общія задачи ученія о кристаллогенезисѣ». Изслѣдованія въ этой еще новой въ то время области все болѣе укрѣпляли М. А. въ убѣжденіи. что минералы представляютъ не только извѣстные типы химическихъ соединеній, встрѣчающіеся въ природѣ, но что они должны быть признаны за естественныя тѣла, одаренныя своего рода жизнью, которую нужно изучать, наблюдая проявленія этой жизни въ процессахъ кристаллообразованія. Покойный былъ убѣжденъ, что это самый надежный путь къ познанію особенностей минераловъ, какъ естественныхъ тѣлъ природы, въ созданіи и преобразованіяхъ которыхъ проявляется работа весьма сложнаго комплекса силъ, и что только этотъ путь ведетъ въ выработкѣ естественной классификаціи минераловъ. Весьма талантливое изложеніе этихъ воззрѣній было сдѣлано М. А. въ его университетской рѣчи «Объ организаціи минераловъ», читанной въ 1875 г. въ торжественномъ собраніи университета. Изъ числа другихъ научныхъ работъ М. А. извѣстны его публичныя лекціи объ аэролитахъ и объ алмазѣ, читанныя въ 1863 и 1878 гг. Въ послѣдніе годы жизни М. А. задумалъ и началъ приводить въ исполненіе новый большой трудъ, посвященный изученію особенностей строенія кристалловъ топаза и другихъ силикатовъ, — трудъ, оставшійся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ; о нѣкоторыхъ результатахъ этихъ изслѣдованій были сдѣланы имъ сообщенія въ Обществѣ испытателей природы въ 1881 и въ 1883 гг. Не ограничиваясь областью своей спеціальности, Толстопятовъ съ любовью посвящалъ свои досуги вопросамъ, имѣющимъ общій интересъ. Въ годичномъ собраніи общества испытателей природы, вице-президентомъ

котораго онъ состоялъ, имъ была произнесена рѣчь на тему: «Иллюзіи, скептицизмъ, чаянія естествоиспытателей, колебаніе научныхъ идей, міровыя идеи». Въ этой рѣчи, напечатанной въ бюллетеняхъ общества и въ Revue Scientifique, М. А. говоритъ о методахъ научныхъ изслѣдованій, о значеніи въ этихъ изслѣдованіяхъ фактическаго матеріала и его собирателей, о роли фантазіи, приводящей или къ великимъ открытіямъ и смѣлымъ гипотезамъ, далеко опережающимъ свой вѣкъ, или къ иллюзіямъ и химерамъ, о значеніи критики, регулирующей ходъ научнаго изслѣдованія, причемъ значеніе всѣхъ этихъ факторовъ иллюстрируется многочисленными примѣрами изъ исторіи науки. Способность покойнаго захватывать широкія области научнаго мышленія не могла не отразиться и на характерѣ его университетскихъ лекцій. Изложеніе даже самыхъ спеціальныхъ отдѣловъ науки онъ всегда умѣлъ сдѣлать новымъ и интереснымъ.

† 24-го апрѣля, ректоръ Петербургскаго университета профессоръ философіи **Михаилъ Ивановичъ Владиславлевъ.** Сынъ сельскаго священника Новгородской губерніи, М. И. родился 9-го ноября 1840 г. и получилъ духовное образованіе въ старорусскомъ духовномъ училищѣ и новгородской семинаріи, по окончаніи которой въ 1859 г., поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію. Выйдя изъ нея въ 1861 г., онъ причислился къ министерству народнаго просвѣщенія, чтобы готовиться къ дѣятельности профессора философіи, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до того времени, можно сказать, совсѣмъ отсутствовала въ нашихъ университетахъ. Послѣ заграничной командировки, въ которой онъ пробылъ больше двухъ лѣтъ, онъ въ началѣ 1866 г. получилъ степень магистра философіи, вслѣдъ затѣмъ былъ избранъ доцентомъ философіи въ Петербургскомъ университетѣ. Почти одновременно съ тѣмъ, онъ сталъ преподавать тотъ же предметъ и въ Историко-Филологическомъ институтѣ. Ни того, ни другого учрежденія онъ уже не покидалъ во всю жизнь. Сверхъ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ преподавалъ философію и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Въ этихъ трудахъ, соединенныхъ съ работой надъ нѣсколькими капитальными философскими сочиненіями, и прошла большая часть его жизни. Въ 1885 г. онъ былъ назначенъ деканомъ Историко-Филологическаго факультета, а съ 28-го мая 1887 г., принялъ на себя крайне трудныя въ то время обязанности ректора университета. Ему пришлось одновременно и проводить новый университетскій уставъ, который окончательно, для всего состава студентовъ, вступилъ въ свою силу именно въ его ректорство, и въ то же время заботиться о быстромъ устраненіи и исправленіи обнаружившихся на практикѣ недостатковъ новой университетской жизни; такъ возобновленіе полукурсовыхъ экзаменовъ и перемѣны въ планахъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ и т. п. произошли не безъ его участія. Со времени смерти жены въ 1888 г. М. И. сталъ часто жаловаться на упадокъ здоровья. Леченье лучшихъ врачей не приносило никакой пользы. Вскрытіе, произведенное по волѣ покойнаго, обнаружило существованіе двухъ сильно развившихся гнѣздъ рака въ области живота и подобное же образованіе въ легкихъ. Съ января нынѣшняго года М. И. долженъ былъ прекратить лекціи и въ университетѣ, и въ институтѣ, а вслѣдъ за тѣмъ передать другому лицу и исправленіе должности ректора. Научная дѣятельность М. И. выразилась въ нѣсколькихъ обширныхъ трудахъ. Въ повременныхъ изданіяхъ онъ почти ничего не печаталъ, а издавалъ свои работы отдѣльными книгами. Ему принадлежатъ «Современныя направленія въ наукѣ о душѣ» (критическій анализъ психологическихъ теорій этого столѣтія), которая составляетъ его магистерскую диссертацію, «Философія Плотина» (обширная диссертація на степень доктора), выдержавшій два изданія большой трактатъ по логикѣ («Логика—обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія»), «Элементарный учебникъ логики» для гимназій и «Психологія», изъ которой вышли два тома, а тре-

тій остался незаконченнымъ; наконецъ, два изданія перевода Кантовской «Критики чистаго разума». Сверхъ того рядъ статей напечатанъ имъ въ началѣ 70-хъ годовъ въ «Московскихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и направленъ въ защиту возникшаго тогда классическаго образованія. О значеніи его научныхъ работъ лучше всего свидѣтельствуетъ фактъ ихъ сравнительно быстрой распродажи; въ то время, когда философію совершенно игнорировали, всѣ его книги вышли вторыми изданіями за время съ 1866 по 1882 г. Другая сторона его научной дѣятельности состояла въ руководствѣ занятіями лицъ, приготовлявшихся къ преподаванію философіи и вообще, избиравшихъ ее своей специальностью. Къ числу его учениковъ принадлежатъ: Н. Я. Гротъ (проф. Московскаго университета), Э. Л. Радловъ (преподаватель училища Правовѣденія и Лицея, преподававшій также на Высшихъ Женскихъ Курсахъ), Н. Н. Ланге (приватъ-доцентъ въ Новороссійскомъ университетѣ), Рутковскій (преподававшій одно время педагогику на здѣшнихъ Педагогическихъ Женскихъ Курсахъ и авторъ нѣкоторыхъ сочиненій по логикѣ), а также многіе преподаватели педагогики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

† Въ Самарѣ основатель «Самарской Газеты», **Ромуальдъ Романовичъ Градовъ-Саковичъ**. Неокончившій курса студентъ Ярославскаго юридическаго лицея, онъ былъ нѣсколько лѣтъ провинціальнымъ актеромъ. Въ 1883 г., подвизаясь на самарской сценѣ въ качествѣ резонера, онъ уговорилъ мѣстнаго антрепренера, Новикова, издавать новую, по счету третью въ Самарѣ «Самарскую Газету», пользуясь благопріятными для новаго изданія обстоятельствами: закрытіемъ на восемь мѣсяцевъ мѣстнаго «Листка» и неумѣлостью другого редактора мѣстной газеты «Самарскаго Вѣстника», обратившаго эту газету въ листокъ объявленій. Новиковъ выхлопоталъ право на изданіе «Газеты» и, не смотря на то, что дѣло изданія пошло въ февралѣ, «Газета» съ первыхъ же дней изданія подъ редакторствомъ Градова-Саковича пріобрѣла втрое болѣе подписчиковъ противъ «Вѣстника». Труппа артистовъ Новикова, игравшая въ старомъ деревянномъ городскомъ театрѣ-развалинахъ, который цѣлый годъ пустовалъ, была въ отчаянномъ положеніи, не было ни сборовъ, ни денегъ въ кассѣ театра. На выручку антрепренеру Новикову явилась его «Самарская Газета», которая въ первый же мѣсяцъ изданія, открытая безъ всякой его матеріальной помощи, дала ему средства, какъ для расплаты съ актерами, такъ и для дальнѣйшей антрепризы театра въ Самарѣ. «Газета» жила платою за объявленія, а всѣ подписныя деньги шли въ кассу театра, который работалъ въ убытокъ себѣ. Такъ дѣло шло во все время редакторства Р. Р. Саковича. Черезъ два года редакторства, онъ неожиданно былъ уволенъ отъ своего негласнаго редакторства, оставивъ своему преемнику около полуторы тысячи подписчиковъ. Саковичъ сталъ жить частной адвокатурой. «Газета» стала издаваться въ другомъ направленіи: появились новыя птицы и запѣли новыя пѣсни. «Газета» погибла бы, еслибъ въ городѣ были другіе органы. Послѣ смерти Саковича остались безъ всякихъ средствъ жена и малютка-дочь. «Самарская Газета» въ извѣщеніи о смерти Градова-Саковича даже не извѣстила о днѣ его похоронъ, поэтому, мѣстная пишущая братія изъ бывшихъ сотрудниковъ за время его редакторства не могла проводить до могилы останки покойнаго: неизвѣстно было, гдѣ онъ жилъ и въ какой церкви онъ, какъ католикъ, будетъ отпѣтъ и гдѣ его будутъ хоронить. Могила Р. Р. Саковича останется неизвѣстной, и это не удивительно, если припомнить, что могила такого писателя-народника, какъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, умершаго въ Самарѣ въ 1873 г., и похороненнаго на Всесвятскомъ православномъ кладбищѣ, давнымъ давно уже взрыта и перерыта: на мѣстѣ ея и окрестныхъ могилъ устроенъ громадный склепъ купцовъ-кожевниковъ Сидоровыхъ и ихъ родственниковъ.

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ 1889 ГОДУ.

I.

Книжное дѣло въ Россіи въ 1889 году.

ОБЩІЙ выводъ, получаемый изъ ежегодныхъ статистическихъ данныхъ о ходѣ книжнаго дѣла въ Россіи, при сравненіи его съ общимъ населеніемъ страны, представляется весьма незначительнымъ, а ежегодное колебаніе этихъ данныхъ въ сторону увеличенія или уменьшенія является настолько не значительнымъ, что его легко принять какъ-бы за установившуюся норму, изъ предѣловъ которой книжное дѣло не выходитъ. Но допущеніе такой нормальности было бы равносильнымъ отрицанію умственнаго развитія русскаго народа, стремленія въ обществѣ не только къ образованію, но и вообще къ чтенію, такъ какъ эти условія всюду должны составлять главнѣйшій рычагъ книжной дѣятельности. Ошибка въ этомъ отношеніи, и при томъ громаднѣйшая, незамедлитъ обнаружиться какъ только будетъ сдѣлано сопоставленіе данныхъ ближайшаго къ намъ времени со временемъ, хотя-бы, напримѣръ, царствованія императора Николая 1-го. Можно съ увѣренностью сказать, что такое сопоставленіе представило бы поразительную разницу въ пользу нашего времени и послужило бы неопровержимымъ доказательствомъ быстраго развитія у насъ книжнаго дѣла. Какъ велика эта разница, выраженная въ положительныхъ данныхъ, того, къ сожалѣнію, мы сказать не можемъ, такъ какъ у насъ совершенно не велась книжная статистика. Кромѣ того, обозрѣвая книжное дѣло въ Россіи, не слѣдуетъ забывать и того, что наше книгопечатаніе насчитываетъ за собою съ небольшимъ триста лѣтъ, опоздавъ въ этомъ отношеніи передъ западной Европою болѣе столѣтія, что въ теченіе этихъ 300 лѣтъ было много неблагопріятныхъ для его развитія условій, что условія эти измѣнились къ лучшему всего только двадцать пять лѣтъ тому на-

занъ (законъ 6-го апрѣля 1865 г.) и что, наконецъ, грамотность у насъ также только съ недавняго времени стала проникать въ народную массу.

Переходя къ положительнымъ даннымъ книжнаго дѣла въ Россіи въ 1889 году, замѣтимъ еще, что отсутствіе указанныхъ нами статистическихъ свѣдѣній о немъ за прежнее время лишаетъ насъ возможности расширить рамку нашихъ обозрѣній и придать имъ болѣе живой интересъ и что въ виду этого пробѣла мы рѣшаемся неуклонно продолжать нашу ежегодную книжную лѣтопись, въ предѣлахъ уже намѣченной для нея программы, будучи увѣренными въ томъ, что лѣтопись эта окажется впослѣдствіи весьма полезнымъ матеріаломъ не только для исторіи книжнаго дѣла, но и вообще для исторіи просвѣщенія въ Россіи.

Всѣхъ вообще сочиненій, вышедшихъ въ Россіи въ теченіе минувшаго 1889 года, было 8.699, которыя изданы въ количествѣ 24.780.423 экземпляровъ; послѣднюю цифру, какъ и въ прежнихъ обзорахъ, слѣдуетъ увеличить тысячъ на 40—50, такъ какъ для нѣкоторыхъ изданій, къ сожалѣнію, не имѣется указаній числа экземпляровъ даже и въ офиціальныхъ источникахъ. Изъ общаго числа 8.699 сочиненій издано: на русскомъ языкѣ—6.420, въ количествѣ 18.777.891 экземпляровъ и на языкахъ иностранныхъ и инородческихъ—2.279 сочиненій, въ количествѣ 6.002.532 экземпляровъ. Сравнивая эти данныя съ такими же въ 1888 году оказывается, что минувшій годъ былъ вообще благопріятнѣе: сочиненій издано болѣе на 1.272, а экземпляровъ на 1.677.151; увеличеніе это касается сочиненій какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, но первыхъ преимущественно, такъ какъ ихъ увеличилось на 1.102 соч. и на 1.382.841 экз., тогда какъ послѣднихъ на 170 соч. и 294.310 экземпляровъ. Распредѣляя изданія по времени выхода ихъ въ свѣтъ, получаемъ такой выводъ:

Мѣсяцы.	Наименованій.	Количество экземпляр.	Въ томъ числѣ не на русскомъ языкѣ. Наимен.	Экземпл.
Январь	675	1.419.286	158	325.356
Февраль	574	1.240.578	150	422.630
Мартъ	852	1.922.594	245	470.055
Апрѣль	600	1.324.813	132	469.037
Май	724	1.670.135	180	403.309
Іюнь	699	1.872.981	160	333.925
Іюль	581	3.425.135	153	287.027
Августъ	643	2.176.712	166	440.270
Сентябрь	740	2.629.887	227	1.042.500
Октябрь	721	2.271.717	220	644.033
Ноябрь	811	2.145.148	243	456.340
Декабрь	918	2.168.873	239	708.050

Хотя распредѣленіе числа сочиненій и количества экземпляровъ помѣсячно остается почти также равномѣрнымъ, какъ и въ предъидущемъ году, но число сочиненій, вышедшихъ въ каждый отдѣльный мѣсяцъ разсматриваемаго года, не представляетъ особенно рѣзкаго пониженія, сравнительно съ другими, какъ замѣчалось это въ 1888 году. Что же касается характеристики положенія книж-

наго рынка, то она остается въ прежнихъ условіяхъ, т. е. въ весеннихъ мѣсяцахъ начинается приливъ путеводителей, въ концѣ лѣта учебниковъ, а въ послѣдніе два мѣсяца справочныхъ и вообще всякаго рода сочиненій. Здѣсь мы должны оговориться, что показанное нами распредѣленіе сочиненій и экземпляровъ ихъ помѣсячно не совпадаетъ съ общимъ числомъ тѣхъ и другихъ потому, что мы не имѣемъ свѣдѣній, дающихъ возможность сдѣлать это распредѣленіе совершенно точно для 161 сочиненія, которыя потому и не вошли въ вышеприведенную таблицу. Всѣ сочиненія, напечатанныя въ 1889 г. на иностранныхъ языкахъ и инородческихъ нарѣчіяхъ, въ нисходящемъ порядкѣ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число соч.	Колич. экземп.
На польскомъ яз.	723	1.836.088
» еврейскомъ	474	1.132.192
» нѣмецкомъ	377	744.380
» латышскомъ	203	767.570
» эстонскомъ	115	544.410
» грузинскомъ	72	94.660
» армянскомъ	59	93.595
» французскомъ	57	81.392
» тюркскомъ	34	150.310
» арабскомъ	19	271.200
» татарскомъ	16	25.800
» арабско-тюркск.	16	147.600
» латинскомъ	14	8.820
» турецкомъ	11	9.700
» латинско-русск.	10	4.610
» англійскомъ	7	2.350
» греческомъ	7	4.400
» еврейско-русск.	6	10.200
» нѣмецко-русск. и русско-нѣмецк.	5	2.998
» международномъ	5	4.900
» латинс.-польско-русскомъ	4	1.837
» русско-эстонск.	4	7.250
» французско-русскомъ	3	4.100
» русско-польск.	3	4.300
» шведскомъ	3	1.420
На латышс.-польс.-русскомъ	2	850
» арабско-турецк.	2	8.000
» чешскомъ	2	3.200
» русско-армянск.	2	3.200
» нѣмецко-эстонск.	2	1.700
» еврейско-польск.	2	1.200
» финскомъ	2	10.000
» вотякскомъ	2	?
» нѣмецк.-латыш.-эстонскомъ	1	1.200
» персидскомъ	1	4.800
» русско-латышск.	1	1.000
» арабско-персидс.	1	1.500
» русско-тюркск.	1	1.200
» итальянскомъ	1	200
» болгарскомъ	1	1.200
» новогреческомъ	1	100
» бурятскомъ	1	1.200
» андербейджанск. нарѣчіи	1	1.200
» русско-грузинск.	1	2.000
» сартскомъ	1	500
» латинс.-нѣмецк.	1	1.200
» еврейс.-нѣмецк.	1	1.000
» киргизскомъ	1	?
» чувашскомъ	1	?
Всего	2.279	6.002.532

Перечень этотъ указываетъ, что литературная дѣятельность народностей, населяющихъ Россію, оставалась въ прошломъ году почти такою же, какъ въ 1888 г. и нетолько съ внѣшней, но и съ внутренней стороны. Въ первомъ отношеніи разница будетъ заключаться только въ томъ, что въ 1889 году на книж-

номъ рынкѣ появились сочиненія такихъ народностей, которыхъ не было въ предъидущемъ, какъ, напримѣръ, сочиненія на языкахъ: вотякскомъ, бурятскомъ, сартскомъ, киргизскомъ, чувашскомъ и на андербейджанскомъ нарѣчіи; со стороны же внутренней по прежнему, — игнорированіе русской жизни и литературы. Замѣчательно, что такое постоянное, упорное, игнорированіе преимущественно касается литературы культурныхъ народностей, тогда какъ другія не находятъ безполезнымъ знакомиться не только съ государственнымъ языкомъ, но съ литературою и русскою наукою. Просматривая, напримѣръ, сочиненія изданныя на польскомъ языкѣ находимъ въ нихъ массу переводныхъ романовъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, массу руководствъ для изученія этихъ языковъ и ихъ письма, но не встрѣчаемъ переводовъ съ русскаго языка и руководствъ къ его изученію. Если-бы эти переводы касались классическихъ произведеній или корифеевъ современной литературы, то это было-бы понятно, но если въ массѣ переводовъ фигурируютъ произведенія почти не извѣстныхъ или мало извѣстныхъ авторовъ, читателями которыхъ являются преимущественно люди мало образованные или только грамотные; если же, кромѣ того, издаются еще популярныя руководства для изученія языковъ иностранныхъ, французскаго, нѣмецкаго и другихъ, и не имѣется такихъ же изданій для изученія языка государственнаго, знанія котораго въ общей массѣ мѣстнаго населенія далеко еще недостаточно, то все это, конечно, даетъ право считать такое явленіе тенденціознымъ, доказывающимъ не только полную отчужденность, но и отсутствіе желанія къ сближенію съ господствующей націей и ея жизнью; то же самое должно сказать и о нѣмецкой литературѣ. Впрочемъ, на послѣднюю, какъ видно, возымѣли вліяніе послѣднія правительственныя реформы въ прибалтійскомъ краѣ, такъ какъ въ 1889 году, въ числѣ сочиненій, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, встрѣчается нѣсколько, касающихся знакомства съ новымъ судоустройствомъ. Конечно, такого рода изданія не имѣютъ особаго значенія и появленіе ихъ объясняется только требованіемъ времени и обстоятельствъ, и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты за начало къ измѣненію общаго направленія. Въ числѣ книгъ, изданныхъ въ минувшемъ году въ прибалтійскихъ губерніяхъ, вниманіе наше невольно остановило одно изданіе, это русско-нѣмецкій «словарь къ среднему курсу исторіи Иловайскаго», вышедшій въ Дерптѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Появленіе такой книги, или, лучше сказать, надобность въ ней говоритъ сама за себя, такъ какъ мы думаемъ, что «словарь» этотъ можетъ заключать въ себѣ или поясненія къ руководству, или просто переводъ на нѣмецкій языкъ значенія русскихъ словъ.

Наибольшее увеличеніе числа инородныхъ сочиненій въ 1889 году было на тюркскомъ языкѣ, 34 противъ 2 въ 1888 году. Вообще, всѣ сочиненія, издающіяся на этомъ языкѣ принадлежатъ къ числу духовныхъ, но въ 1889 году впервые встрѣчается среди ихъ и беллетристическое, а именно романъ «Олюфъ, или красавица Хадича» соч. Загиръ-Ибни-Ярулла-Бигѣева, изданный въ Казани. Въ числѣ переводовъ съ русскаго языка можно отмѣтить только одинъ переводъ поэмы Пушкина «Полтава» на латышскій языкъ.

Переходя затѣмъ къ сочиненіямъ, изданнымъ на русскомъ языкѣ, и распредѣляя ихъ по содержанію въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій, получаемъ нижеслѣдующій выводъ:

	Число соч.	Колич. экземп.		Число соч.	Колич. экземп.
Духовно-богослов. .	839	3.418.266	Политическо-эконом.	146	75.688
Справочныхъ . . .	786	4.283.364	Географ. и путеш. .	113	122.078
Беллетристическихъ.	541	1.761.390	Народн. дешев. изд.	105	636.182
Учебныхъ	538	3.596.142	Словесность . . .	100	107.141
Медицинскихъ . .	465	616.388	Естествознаніе . .	98	68.474
Отчетовъ разныхъ .	292	90.005	Языкознаніе . . .	97	200.308
Историческихъ . .	268	378.850	Біографическихъ .	90	73.124
Драматическихъ .	260	454.609	Лубочныхъ изд. . .	89	719.400
Юридическихъ . .	205	237.601	Счетоводство . .	80	53.703
Техническихъ. . .	201	185.565	Математическихъ .	80	50.909
Сельско-хозяйств. .	162	233.361	Исторія искусствъ .	63	106.085
Дѣтскихъ	161	510.260	Промышлено-торгов.	55	45.847
Военное дѣло . . .	151	192.623	Философскихъ. . .	46	46.650
Педагогическихъ. .	151	188.354	Полит. и общ. вопр.	45	48.880
Разныхъ брошюръ .	149	248.721	Астрономическихъ .	44	27.923
			Всего . .	6.420	18.777.891

Сравнивая эти данныя съ данными за 1888 годъ, видимъ, что вообще весь порядокъ слѣдованія наименованій сочиненій измѣнился даже въ начальныхъ рубрикахъ и вмѣсто беллетристическихъ сочиненій на первое мѣсто становятся сочиненія духовнаго содержанія и изданія справочнаго характера. Общее число сочиненій, изданныхъ въ минувшемъ году на русскомъ языкѣ, увеличившись на 1,102, въ частности представляло слѣдующее колебаніе: особенно увеличилось число изданій: справочныхъ, духовныхъ, историческихъ, политическо-экономическихъ, математическихъ, техническихъ и педагогическихъ; положительно уменьшилось—беллетристическихъ, сельско-хозяйственныхъ, военныхъ, исторіи словесности, географическихъ, народныхъ и остались безъ перемѣны философскія сочиненія. Настоящій перечень сочиненій нѣсколько расширенъ и въ немъ, сравнительно съ прежнимъ, выдѣлены въ отдѣльныя рубрики сочиненія: драматическія, біографическія, астрономическія и торгово-промышленныя, а также изданія по языкознанію и отчеты разныхъ обществъ. Эта дробность, и даже большая, для нашего обзора не будетъ лишней, такъ какъ дѣлаетъ его болѣе нагляднымъ. Въ поясненіе новыхъ рубрикъ замѣтимъ только, что подъ «отчетами» показаны нами такія изданія, въ которыхъ напечатаны обыкновенныя извѣщенія о засѣданіяхъ разныхъ обществъ. Всѣхъ драматическихъ сочиненій, изданныхъ въ 1888 году было—245, въ разсматриваемомъ же году—260, но изъ этого числа, строго говоря, лишь только половина можетъ быть отнесена къ этому роду произведеній, остальныя же составляютъ преимущественно либрето разныхъ оперъ, которыя мы также показываемъ подъ этой рубрикой. Кромѣ того, минувшій годъ представляетъ собою еще и ту особенность, что большая часть драматическихъ сочиненій была издана въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, особенно же въ Кіевѣ и Одессѣ, тогда какъ въ 1887 и 1888 гг. сочиненія эти издавались почти исключительно въ Москвѣ.

По времени выхода сочиненія на русскомъ языкѣ распредѣлялись такъ:

	Число соч.		Число соч.
Въ Январѣ	517	Въ Іюлѣ	428
» Февралѣ	424	» Августѣ	477
» Мартѣ.	607	» Сентябрѣ. . . .	513
» Апрѣлѣ	468	» Октябрѣ	501
» Маѣ	544	» Ноябрѣ	568
» Іюнѣ	539	» Декабрѣ	679

или въ среднемъ нѣсколько болѣе 500 сочиненій въ мѣсяцъ; въ частности же наиболѣе обильными по числу изданій были слѣдующіе пять мѣсяцевъ: декабрь, мартъ, ноябрь, май и іюнь. Выше мы видѣли, что въ числѣ русскихъ изданій по своей количественности наиболѣе выдѣляются: духовныя, справочныя, беллетристическія, учебныя и медицинскія; теперь расположимъ ихъ по времени выхода въ свѣтъ.

	Число вышедшихъ сочиненій:				
	Духовн.	Справоч.	Беллетр.	Учебник.	Медиц.
Въ Январѣ.	64	72	53	53	37
» Февралѣ	52	64	59	25	24
» Мартѣ	70	74	81	54	44
» Апрѣлѣ.	52	59	48	36	62
» Маѣ	59	46	60	38	62
» Іюнѣ.	68	69	73	33	51
» Іюлѣ.	51	58	54	53	23
» Августѣ	54	55	46	60	22
» Сентябрѣ	55	74	68	52	36
» Октябрѣ	61	52	76	47	28
» Ноябрѣ.	53	65	83	46	39
» Декабрѣ	71	92	97	36	37

Изъ этихъ данныхъ видно, что поступленіе на книжный рынокъ названныхъ сочиненій въ теченіе всего года шло почти равномѣрно, увеличиваясь нѣсколько въ январѣ, мартѣ, іюнѣ, октябрѣ и декабрѣ—для сочиненій духовныхъ; въ мартѣ, сентябрѣ и особенно въ декабрѣ—для изданій справочнаго характера; въ мартѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ—для сочиненій беллетристическихъ и въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ—для учебныхъ изданій. Но мы полагаемъ, что вліяніе времени на появленіе въ книжномъ рынкѣ большаго числа изданій можетъ касаться только весьма не многихъ изъ нихъ, а именно справочныхъ, учебныхъ и отчасти дѣтскихъ, всѣ же прочія стоятъ внѣ этой зависимости, такъ какъ спросъ на нихъ не прекращается въ теченіе всего года. Въ числѣ справочныхъ изданій продолжаютъ первенствовать каталоги и календари; такъ послѣднихъ было выпущено въ 1889 году 194 въ количествѣ 3.122.548 экземпляровъ на русскомъ языкѣ и 218 изданій на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ въ количествѣ 1.389.040 экземпляровъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 412 изданій, въ количествѣ 4.511.588 экземпляровъ; собственно русскихъ календарей, сравнительно съ 1888 годомъ, увеличилось на 39 изданій и на 1.584.899 экземпляровъ.

Касаясь въ нашихъ обзорахъ книжнаго дѣла только съ фактической, количественной, его стороны и анализируя его въ томъ же отношеніи, мы, по существу самой задачи, не можемъ и даже не имѣемъ возможности говорить о значеніи и характерѣ внутренняго содержанія тѣхъ изданій, которыя выйдутъ въ теченіе года, такъ какъ нельзя не только прочесть, но и просмотрѣть поверхностно всѣ изданныя сочиненія. Но намъ кажется, что опредѣленіе значенія разнаго рода сочиненій, изданныхъ въ какомъ-либо году, возможно построить и на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, и что опредѣленіе это будетъ довольно близко подходить къ истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ характеръ, или говоря точнѣе, содержаніе какого-либо сочиненія отчасти можетъ быть опредѣлено его наименованіемъ, тою рубрикою, отдѣломъ, къ которому оно можетъ быть отнесено; классификація же эта согласна у насъ съ дѣйствительностью. Такъ какъ никто, конечно, не будетъ причислять тѣ изданія, которыя показываются въ отдѣлѣ справочныхъ книгъ, къ сочиненіямъ серьезнымъ и, наоборотъ, принимать сочиненія историческія, философскія и т. п. за малозначущія, то нельзя ли будетъ установить на этой классификаціи особый выводъ, въ объясненіе значенія котораго находимъ нужнымъ предпослать нѣсколько словъ.

Труды ученаго или писателя выражаются въ его произведеніяхъ, которыя составляютъ не только результатъ субъективной дѣятельности его ума и мысли, но неминуемо должны отражать въ себѣ господствующее въ данное время направленіе (особенно въ произведеніяхъ беллетристическаго характера), и удовлетворять общественному требованію въ какой-либо отрасли знанія. Книга же, какъ видимый продуктъ умственной дѣятельности, появляясь на торговомъ рынкѣ, становится простымъ товаромъ и потому безъ всякаго отношенія къ ея содержанію, т. е. будетъ ли она заключать въ себѣ великое произведеніе или сказку про Бову-королевича, подчиняется общему экономическому закону, которымъ спросъ опредѣлаетъ предложеніе. Отсюда устанавливается представленіе о внутренней, невидимой, связи, которая должна существовать между первымъ и послѣднимъ положеніемъ. Если эта связь есть, то она должна дать направленіе книжному рынку, отпечатлѣваться на его характерѣ, привлекая къ нему сочиненія болѣе или менѣе отвѣчающія общему требованію, а потому богатство или бѣдность этого рынка вообще и, въ частности, избытокъ или ограниченность его въ опредѣленнаго характера сочиненій можетъ служить указаніемъ не только на распространеніе грамотности въ странѣ, но и на уровень общественнаго въ ней образованія.

Исходя изъ вышесказаннаго, мы думаемъ, что на основаніи нашихъ статистическихъ данныхъ о книжномъ дѣлѣ, можно, хотя приблизительно, опредѣлить не только положеніе грамотности въ Россіи вообще, но и уловить тотъ умственно-духовный интересъ, который живетъ въ настоящее время въ средѣ грамотнаго и образованнаго русскаго общества. Для этого возьмемъ данныя о сочиненіяхъ, притомъ исключительно русскихъ, вышедшихъ въ послѣдніе три года 1887—89, и распредѣлимъ ихъ по соотвѣтствующимъ отдѣламъ. Общій выводъ получается слѣдующій:

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.	Въ средн. на 1 соч. экземп.
Духовныхъ	2.256 [1])	9.455.930	4191,4
Беллетристическихъ . .	2.171	7.412.432	3414.2
Медицинскихъ	1.363	1.477.704	1084,1
Историческихъ	978	1.112.355	1240,3
Сельско-хозяйственныхъ.	488	608.780	1247.5
Юридическихъ	485	578.371	1192,5
Техническихъ	484	413.918	855,2
Полит.-эконом.	463	323.575	698,8
Военное дѣло	433	585.482	1352,1
Словесность	430	463.642	1078,2
Народныхъ	374	2.818.282	7535,5
Лубочныхъ	367	3.175.000	8651,4
Географ. и путеш. . .	364	347.319	954,1
Педагогическихъ . . .	294	371.847	1264,8
Математическихъ . . .	288	266.271	924,5
Естествознаніе . . .	260	219.877	845,6
Счетоводство.	145	130.342	898,9
Искусство.	137	164.282	1199,1
Политика	128	131.352	1026,1
Философскихъ	127	141.173	1111,5
Всего изд. въ 1887—89 г.	17.179	54.713.331	3184,8

Въ этомъ перечнѣ показаны по отдѣламъ только такого рода сочиненія, которыя составляютъ предметъ чтенія и серьезнаго изученія и потому въ него не включены изданія справочнаго характера и учебники; этихъ послѣднихъ изданій въ разсматриваемые три года вышло: первыхъ—2.102 въ количествѣ 11.414.002 экзем. и вторыхъ—1.571 въ количествѣ 10.910.161 экземпляра. Кромѣ того, для намѣченной нами цѣли нужно имѣть въ виду не одни только изданія выходящія на русскомъ языкѣ, но и на другихъ языкахъ, со включеніемъ которыхъ общее число выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: издано всѣхъ сочиненій 23.491 въ количествѣ 72.286.937 экземпляровъ. Принимая населеніе Россіи, безъ Финляндіи, не входящей въ нашъ обзоръ, въ 106.610.813 душъ обоего пола (по свѣдѣніямъ за 1885 г.), получаемъ: 1 сочиненіе на 0,00022 душъ и 1 экземпляръ на 0.67 душъ; относительно же сочиненій, изданныхъ на русскомъ языкѣ, получаемъ слѣдующій выводъ: 1 сочиненіе на 0,00016 душъ и 1 экземпляръ на 0,51 душъ. Эти цифры, безъ объясненій, говорятъ сами за себя, какъ по отношенію грамотности вообще, такъ и по распространенію знанія государственнаго языка въ частности.

Разсматривая подробнѣе данныя вышеприведеннаго перечня, нельзя не замѣтить, что нашъ книжный рынокъ наполняется преимущественно сочиненіями

[1]) Какъ число духовныхъ сочиненій, такъ и количество ихъ экземпляровъ должно быть нѣсколько болѣе, такъ какъ не имѣется свѣдѣній о кіевскихъ изданіяхъ въ 1887 и 1888 годахъ.

духовнаго содержанія и предназначенными для легкаго чтенія, т. е. беллетристическими, причемъ первыя преимуществуютъ. Изданія, которыя могутъ служить для чтенія, слѣдуетъ подраздѣлить еще на двѣ группы—одни имѣютъ своихъ читателей въ средѣ интелигентной, другія—въ средѣ исключительно только грамотной. Предположимъ, что первую группу составляютъ только сочиненія отдѣловъ: беллетристическаго, историческаго, путешествій и политическо-общественныхъ вопросовъ, а вторую—отчасти беллетристика и исключительно духовныя, лубочныя и дешевыя народныя изданія. Общее число этихъ сочиненій является почти равнымъ всѣмъ остальнымъ, а количество экземпляровъ первыхъ — подавляющимъ всѣ послѣднія, а именно: сочиненій 6.638 и 24.452.670 экземпляровъ, противъ—6.868 сочиненій и 7.936.498 экземпляровъ; въ числѣ же послѣднихъ сочиненій строго реальнаго характера—3.038 съ 3.115.892 экземплярами. Если же при этомъ мы примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что въ числѣ беллетристическихъ сочиненій, а въ особенности сочиненій духовныхъ, лубочнаго характера и предназначенныхъ для народа, большинство выходитъ 10-ю, 20-ю изданіями, то не въ правѣ ли будемъ придти къ тому заключенію, что даже и интелигентное общество наше еще далеко отъ матеріально-реальнаго направленія, которое ему приписываютъ, а грамотнаго русскаго человѣка, какъ и въ старину, болѣе всего интересуетъ религіозно-духовный міръ. То же самое пришлось-бы сказать и о прочихъ народностяхъ, населяющихъ Россію, если бы мы анализировали ихъ литературу; исключеніе составили бы только нѣмцы.

Хотя лицъ, посвящающихъ себя какой-либо исключительной профессіи, или какъ принято называть ихъ, спеціалистовъ, вообще не много, но коль скоро существуютъ спеціальныя сочиненія, то авторы ихъ, конечно, имѣютъ въ виду только людей своей профессіи. Такъ какъ количество экземпляровъ, въ которомъ выходитъ какая-либо книга, стоитъ въ зависимости отъ интереса читателя къ предмету ея, а число сочиненій еще и отъ большаго или меньшаго круга этихъ читателей, то, основываясь на этомъ и на данныхъ вышеприведеннаго перечня, можно предположить, что у насъ наиболѣе интересующимися своею спеціальностью и изучающими ее являются медики, а за ними, въ нисходящемъ порядкѣ, слѣдуютъ: сельскіе хозяева, военные, юристы и, наконецъ, педагоги.

Изъ данныхъ о количествѣ вышедшихъ въ теченіе 1889 года сочиненій и ихъ экземпляровъ мы видѣли, что въ этомъ отношеніи минувшій годъ нѣсколько превосходитъ 1888-й. Такое оживленіе въ издательскомъ дѣлѣ отразилось и въ распространеніи его на большее число городовъ, а именно: въ 1888 году всѣхъ городовъ, въ которыхъ печатались книги, насчитывалось 128, въ минувшемъ же году ихъ было 149, болѣе на 21; въ числѣ послѣднихъ впервые встрѣчаются города нашихъ дальнихъ юго-восточныхъ окраинъ, какъ-то: Баку, Батумъ, Новый-Маргеланъ и Ташкентъ, а также нѣсколько уѣздныхъ городовъ внутренней Россіи. Группируя 149 городовъ по числу изданныхъ въ нихъ сочиненій получаемъ слѣдующую градацію:

Издано сочиненій.			Число городовъ.
Отъ	1 до	10	118
»	11 —	20	10
»	21 —	30	7
»	31 —	40	1
»	51 —	60	1
»	91 —	100	2
»	171 —	180	1
»	221 —	230	1
»	231 —	240	1
»	311 —	320	3
»	361 —	370	1
Свыше		1,000	1
Свыше		1,700	1
Свыше		2,900	1

При сравненіи данныхъ этого вывода съ такимъ же за 1888 годъ, приходимъ къ тому заключенію, что хотя книжное дѣло велось въ минувшемъ году въ большемъ числѣ городовъ, но оно значительно раздробилось, т. е. увеличилось число такихъ городовъ, въ которыхъ печаталось по одному сочиненію и сократилось число тѣхъ, гдѣ издавалось болѣе 10-ти, но за то, въ то же время, значительно возросла дѣятельность въ трехъ главныхъ книжныхъ центрахъ, т. е. въ Петербургѣ—на 457 изд., въ Москвѣ—на 190 изд. и въ Варшавѣ—на 155 изданій.

Въ нашей статьѣ, напечатанной въ 5-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1888 г., мы опредѣлили главнѣйшіе центры книжнаго дѣла въ Россіи такъ: для сѣверной полосы — Петербургъ, Рига, Дерптъ, Ревель и Митава; для сѣверо-западной полосы — Вильна; для западной — Варшава, Петроковъ, Люблинъ и Ченстохово; для юго-западной—Кіевъ и Бердичевъ; для южной—Одесса, Харьковъ и Воронежъ; для средней Россіи — Москва; для сѣверо-восточной—Вятка; для восточной—Казань; для юго-восточной полосы—Пермь и для Кавказскаго края — Тифлисъ. Приводимое ниже, въ нисходящемъ порядкѣ изданныхъ сочиненій, наименованіе городовъ, въ которыхъ печаталось болѣе значительное число сочиненій, съ распредѣленіемъ ихъ по языкамъ, покажетъ намъ, произошло ли какое-либо измѣненіе, какъ по отношенію къ центрамъ книжнаго дѣла, такъ и въ характеристикѣ его.

Города:	Рус. соч.	Иност. с.	Всего.	Города:	Рус. соч.	Иност. с.	Всего.
Петербургъ .	2,794	147	2,941	Люблинъ . . .	—	22	22
Москва. . .	1,713	24	1,737	Житомиръ . .	14	7	21
Варшава . .	89	978	1,067	Тверь	21	—	21
Кіевъ . . .	360	9	369	Кишиневъ . .	15	5	20
Одесса . . .	283	35	318	Вятка	19	—	19
Рига. . . .	52	263	315	Новгородъ . .	18	—	18
Казань . . .	219	92	311	Саратовъ . . .	14	4	18
Тифлисъ . .	115	116	231	Петроковъ . .	1	16	17

Города:	Рус. соч.	Иност. с.	Всего.	Города:	Рус. соч.	Иност. с.	Всего.
Вильна . . .	59	168	227	Ярославль . .	17	—	17
Дерптъ . .	14	163	177	Минскъ . . .	16	—	16
Ревель . . .	16	84	100	Пермь . . .	16	—	16
Харьковъ . .	97	3	100	Старая Русса. .	14	—	14
Митава . . .	4	56	60	Н. Новгородъ. .	11	—	11
Черниговъ. .	34	—	34	Бахчисарай . .	—	10	10
Воронежъ . .	28	—	28	Смоленскъ . .	10	—	10
Псковъ . . .	24	—	24	Тула	10	—	10
Бердичевъ .	2	20	22	Херсонъ . . .	10	—	10
Либава . . .	5	17	22				

Если въ спискѣ этомъ и не встрѣчается нѣкоторыхъ изъ городовъ, указанныхъ въ 1888 году, то отъ того нисколько не измѣняется сдѣланный нами выше выводъ о централизаціи, но за то настоящій выводъ позволяетъ отмѣтить тотъ утѣшительный фактъ, что въ 1889 г. число изданій на русскомъ языкѣ увеличилось, и притомъ довольно значительно, даже въ тѣхъ центрахъ, гдѣ преимущественно сосредоточено печатаніе сочиненій на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ, напримѣръ, въ Вильнѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Тифлисѣ и друг. и только Варшава осталась въ этомъ отношеніи неизмѣнной.

Наиболѣе, сравнительно съ другими городами, было напечатано сочиненій на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Казани, Тифлисѣ и Харьковѣ, сколько же и какого рода сочиненій далъ книжному рынку каждый изъ названныхъ городовъ, на этотъ вопросъ отвѣчаютъ статистическія данныя слѣдующей таблицы:

Сочиненія.	Въ Петерб.	Въ Москвѣ.	Въ Кіевѣ.	Въ Одес.	Въ Казани.	Въ Тифл.
Дух.-Богосл. . .	216	389	54	23	37	3
Беллетрист. . .	372	273	38	55	5	4
Историч.	138	89	33	15	17	8
Справочн. . . .	386	139	42	32	26	22
Учебники . . .	235	147	30	11	7	9
Медицин.	193	95	37	18	20	8
Смѣсь [1])	159	66	9	47	21	30
Юридич.	97	21	21	12	11	3
Технич.	123	37	12	4	3	4
С.-хозяйст. . . .	76	37	7	11	3	4
Дѣтск.	99	50	1	3	1	1
Воен. дѣло . . .	96	6	10	2	12	3
Педагогич. . . .	63	25	8	12	13	3
Политич. . . .	23	11	2	3	1	—
Пол. экон. . . .	104	25	9	2	10	3
Геогр. и пут. . .	53	24	4	3	5	5
Народн. изд. . .	46	50	1	4	—	—
Словесн.	59	18	4	3	3	1

[1]) Подъ рубрикой «смѣсь» показаны разн. брошюры и отчеты общ.

Сочиненія.	Въ Петерб.	Въ Москвѣ.	Въ Кіевѣ.	Въ Одес.	Въ Казани.	Въ Тифл.
Естествоз. . . .	55	23	3	5	8	—
Языкозн.	34	30	10	2	4	2
Лубочн. изд. . .	4	78	1	5	—	—
Счетовод. . . .	49	14	1	5	1	1
Искус.	35	20	2	—	—	—
Математ.	61	25	18	4	11	—
Философ.	17	19	3	2	—	—

Изъ этой таблицы видно, что главнымъ поставщикомъ нашего книжнаго рынка является Петербургъ, который снабжаетъ его всѣми изданіями, но преимущественно, сравнительно съ другими городами, сочиненіями беллетристическими, историческими, медицинскими, учебниками и книгами справочнаго характера. Что же касается Москвы, то она первенствуетъ передъ Петербургомъ только изданіями книгъ духовнаго содержанія, а затѣмъ лубочными. Хотя печатаніе книги въ томъ или другомъ городѣ не обусловливаетъ собою непремѣннаго пребыванія автора ея въ этомъ же городѣ, такъ какъ при изданіи книги принимается во вниманіе возможность издать ее лучше, дешевле и при болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ, конечно, и объясняется то обстоятельство, что въ нашихъ столицахъ, сравнительно съ провинціей, печатается масса книгъ, тѣмъ не менѣе, какъ изъ данныхъ настоящей таблицы за 1889 годъ, такъ и за 1888 годъ, можно вывести то заключеніе, что сосредоточеніе умственной дѣятельности остается за Петербургомъ, тогда какъ Москва, напротивъ, все болѣе и болѣе оскудѣваетъ. Въ противномъ случаѣ, чѣмъ же можно объяснить тотъ упадокъ книжнаго дѣла въ Москвѣ, который мы видимъ теперь? Условія цензурныя и условія типографскія, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, одинаковы, по своему же центральному положенію Москва должна была бы притягивать къ себѣ большій раіонъ—оно такъ, вѣроятно, и есть, но если и при этомъ условіи книжное дѣло въ Москвѣ значительно отстаетъ отъ Петербурга и не обнаруживаетъ наклонности къ преуспѣянію, то не служитъ ли это вѣскимъ подтвержденіемъ сказанному? Данныя той же таблицы указываютъ намъ еще и на то, что въ другихъ мѣстностяхъ книжная дѣятельность сосредоточена преимущественно въ университетскихъ городахъ, за исключеніемъ Тифлиса, значеніе котораго въ этомъ дѣлѣ, по настоящимъ условіямъ края, таково же, какъ Петербурга, Москвы и Варшавы.

II.

Періодическая печать.

Въ теченіе минувшаго года въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, было разрѣшено 52 новыхъ періодическихъ изданія, которыя должны были выходить на языкахъ: русскомъ—47, французскомъ—3, нѣмецкомъ—1 и грузинскомъ—1; по программамъ эти изданія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: литератур-

ныхъ и литературно-политическихъ—8; педагогическихъ, медицинскихъ, торгово-промышленныхъ, музыкальныхъ, техническихъ и другихъ спеціальностей —30; духовныхъ —1; дѣтскихъ —2; справочныхъ—7; иллюстрированныхъ—3; но кромѣ спеціально-иллюстрированныхъ разрѣшено помѣщать рисунки еще въ 6-ти вновь разрѣшенныхъ журналахъ. По времени выхода новыя періодическія изданія распредѣляются такъ: ежедневныхъ—3, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—6, еженедѣльныхъ—12, выходящихъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ—9, ежемѣсячныхъ—13, выходящихъ нѣсколько разъ въ годъ—6; въ числѣ изданій есть два, выходъ которыхъ обусловленъ извѣстнымъ временемъ. Всѣ новые журналы должны были издаваться: съ разрѣшенія предварительной цензуры—39 и безъ цензуры—13, а по мѣсту изданія выходить: въ С.-Петербургѣ—19, въ Москвѣ—13 и въ провинціальныхъ городахъ—20.

По отношенію къ изданіямъ прежнихъ лѣтъ отмѣчаемъ слѣдующія перемѣны, происшедшія въ теченіе 1889 года: измѣнили первоначальное свое названіе—10 изданій; расширили или частію измѣнили свою прежнюю программу—19 изданій; получили право издавать особыя приложенія въ видѣ отдѣльныхъ литературныхъ прибавленій или давать преміи въ картинахъ—31; перемѣнились редакторы въ 38 изданіяхъ и издатели въ 26 журналахъ, измѣнили сроки выхода—10; измѣнили подписную цѣну—29; перемѣнили мѣсто изданія—2; возобновился выходъ 2-хъ изданій; получили право давать рисунки—6; получили право на обращеніе приложеній въ самостоятельный журналъ—1 и, наконецъ, объявлены окончательно прекратившимися—21 изданіе.

Всѣхъ выходившихъ въ Россіи періодическихъ изданій къ 31 января 1889 года считалось 667, затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ одиннадцати мѣсяцевъ этого года было разрѣшено новыхъ изданій — 44, слѣдовательно къ 1-му января 1890 года должно было бы считаться 711 изданій, но такъ какъ изъ нихъ признано окончательно прекратившимися—21, возобновилось—2 и еще два приложенія обратились въ самостоятельные журналы, то за этими перемѣнами число выходящихъ журналовъ будетъ — 694. Особенно увеличилось въ прошломъ году журналовъ съ спеціальною програмиою, потомъ литературно-политическихъ и, наконецъ, справочныхъ.

Въ обзорѣ періодической печати за 1888 годъ мы входили въ подробное разсмотрѣніе положенія ея въ Россіи, а такъ какъ въ теченіе одного года не могло произойти значительныхъ измѣненій, которыя совершено видоизмѣняли бы сдѣланные нами выводы, на что нуженъ болѣе продолжительный періодъ времени, то мы здѣсь и не будемъ вдаваться въ подробный анализъ, а приведемъ лишь нѣсколько, болѣе существенныхъ, статистическихъ данныхъ.

За всѣми вышеуказанными измѣненіями, выходившія въ 1889 году періодическія изданія раздѣлялись по ихъ содержанію и по языкамъ слѣдующимъ образомъ:

По программамъ:

	Число журн.		Число журн.
Литер. и литер.-политическихъ.	273	Дѣтскихъ	16
Разн. спеціальност.	224	Педагогическихъ	15
Духовныхъ	83	Юмористическихъ	9
Справочныхъ	49	Библіографическихъ	5
Иллюстрированныхъ	27	Историческихъ	4

По языкамъ, на которыхъ издавались:

	Число журн.		Число журн.
На русскомъ	533	На нѣмецкомъ	50
» польскомъ	71	» эстонскомъ	12
» французскомъ	10	» русско-польскомъ	1
» латышскомъ	8	» русско-нѣмецк.-латышск.	1
» армянскомъ	6	» русско-татарскомъ	1
» грузинскомъ	5	» русско-нѣмецкомъ	1
» еврейскомъ	3	» русско-французско-нѣмецко-англійскомъ	1
» финскомъ	2		

Если сравнить данныя этихъ двухъ табличекъ съ такими же данными за 1888 годъ, что окажется, что наиболѣе всего въ минувшемъ году увеличилось: спеціальныхъ журналовъ—на 21, литературныхъ и литературно-политическихъ на 12, справочныхъ на 7 и педагогическихъ на 4. Что же касается такихъ же выводовъ въ отношеніи языковъ, на которыхъ печатались изданія, то, само собою разумѣется, первое мѣсто занимаетъ русскій языкъ—число издающихся на этомъ языкѣ журналовъ возросло до 45, тогда какъ для другихъ языковъ всего лишь на 4. Такимъ образомъ въ минувшемъ году литературная дѣятельность всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, за исключеніемъ русскихъ, какъ бы замолкла.

Распредѣляя всѣ періодическія изданія, выходившія въ 1889 году, паралельно съ 1888 годомъ, по городамъ, получаемъ слѣдующій выводъ:

Въ городахъ:	Издавалось журналовъ и газетъ: Въ 1888 г.	Въ 1889 г.
С.-Петербургѣ	199	210
Москвѣ	70	81
Варшавѣ	75	71
Казани	10	10
Кіевѣ	20	21
Одессѣ	19	20
Ревелѣ	9	8
Ригѣ	23	23
Тифлисѣ	14	16
Харьковѣ	10	10
Другихъ городахъ	216	227

Выходившіе въ 1888 году журналы издавались въ 107 городахъ, въ слѣдующемъ же году прибавилось къ этому числу только 2 города. Упомянутая выше перемѣна мѣста изданія относится къ журналамъ: «Благовѣстъ», перешедшему изъ Петербурга въ г. Нѣжинъ и «Дѣтскій музыкальный мірокъ», изданіе котораго переведено изъ Одессы въ Петербургъ.

Теперь переходимъ къ изложенію болѣе подробныхъ свѣдѣній, относящихся исключительно къ минувшему году и дополняющихъ собою вышеприведенныя статистическія данныя о періодической печати.

III.

Изданія вновь разрѣшенныя въ 1889 году.

Изданія эти располагаются здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ ихъ названій, причемъ мы нашли необходимымъ привести и ихъ программу, такъ какъ она даетъ возможность опредѣлить, не только характеръ каждаго изданія взятаго въ отдѣльности, но и сдѣлать болѣе общіе выводы; кромѣ того, такое указаніе имѣетъ значеніе въ библіографическомъ отношеніи.

«Акушерка». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ г. Брянскѣ послѣдовало 31-го октября. Журналъ спеціальный, безъ предварительной цензуры, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ; ред.-изд. врачъ Петръ Михайловичъ Амброжевичъ. *Программа:* Оригинальныя и переводныя статьи по акушерству, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ; рефераты и мелкія извѣстія медицинскаго содержанія; корреспонденція въ предѣлахъ программы и объявленія.

«Астраханскій Вѣстникъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Астрахани послѣдовало 27 февраля. Газета политическая, общественно-литературная, подцензурная, выходитъ ежедневно; ред. Михаилъ Ивановичъ Поповъ, издат. губер. секрет. Николай Александровичъ Зеленскій. *Программа:* Обсужденіе различныхъ вопросовъ, касающихся края; изученіе и разработка вопросовъ торговопромышленныхъ, городскихъ и сельско-хозяйственныхъ; мнѣнія печати по вопросамъ о краѣ, нефтяномъ, рыбномъ и соляномъ промыслахъ, судоходствѣ и проч., съ критическою оцѣнкою ихъ; мѣстная хроника: распоряженія правител., касающіяся края, мѣстной администраціи, происшествія, отчеты о засѣданіяхъ думъ, учен. общ. и проч.; торговый отд.: свѣдѣнія о торгово-промышленныхъ оборотахъ, цѣны на разн. товары, фрахты и ярмарочныя свѣдѣнія; судебный отд.: отчеты о засѣданіяхъ безъ обсужденія рѣшеній; телеграммы; корреспонденціи изъ разн. мѣстъ губерніи, приволжскихъ и прикаспійскихъ городовъ; текущая жизнь; политическій отд. (изъ газетъ); театральная и музыкальная хроника; фельетонъ: повѣсти и разсказы, обозрѣніе журналовъ и критическій обзоръ ихъ статей; смѣсь: изслѣдованія, изобрѣтенія, открытія и проч.; справочный отд.: календарныя, почтовыя, пароходныя и проч. свѣдѣнія; объявленія.

«Бессарабскій Вѣстникъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Кишеневѣ послѣдовало 23 февраля. Газета политическо-общественная, подцензурная,

ежедневная; ред.-изд. жена стат. сов. Елисавета Сергѣевна Соколова. *Программа:* правительствен. распоряженія и служебныя перемѣны; телеграммы; статьи по мѣстнымъ вопросамъ, по городскому и земскому хозяйству;, сельско-хозяйствен., экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и финансовыя; мѣстная хроника: обзоръ событій, отчеты засѣданій думъ, земства, общественныхъ и ученыхъ учрежденій, вѣсти и слухи; корреспонденціи и извлеченія изъ газетъ по предметамъ, касающимся губерніи; судебная хроника: отчеты о засѣданіяхъ военныхъ и гражданскихъ судовъ, безъ обсужденія рѣшеній, практика правител. сената по граждан. и уголовнымъ дѣламъ; политическая хроника (по «Прав. Вѣст.»); библіографія; воскресный фельетонъ: романы, повѣсти и т. п.; театръ и музыка; справочныя и календарныя свѣдѣнія; смѣсь и объявленія. Въ газетѣ помѣщаются: объяснительные рисунки и чертежи, портреты и виды мѣстностей Бессарабіи.

«Вопросы философіи и психологіи». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 9 іюня. Журналъ научный, безцензурный, выходитъ отъ 4 до 6 разъ въ годъ; изд. потом. почет. гражд. Алексѣй Алексѣевичъ Абрикосовъ, ред. профес. Николай Яковлевичъ Гротъ. *Программа:* самостоятельныя статьи и замѣтки по вопросамъ философіи и психологіи; критическія статьи по этимъ соч.; общій обзоръ литературъ этихъ наукъ; философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ соч. по различнымъ отдѣламъ знанія; переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени; протоколы и отчеты психологическаго общ. при Московскомъ университетѣ.

«Werrosches Tageblatt». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Верро послѣдовало 24 января. Газета справочнаго характера, подцензурная, еженедѣльная; ред.-изд. вдова титул. сов. Юлія Адамовна Фильрозе. *Программа:* Объявленія на русскомъ, нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ языкахъ.

«Вѣстникъ военнаго духовенства». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало отъ Святѣйшаго Сѵнода 15 ноября. Журналъ этотъ состоитъ изъ офиціальнаго и неофиціальнаго отдѣл., выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ; ред. священ. Іоаннъ Таранцевъ. *Программа:* Часть офиціал. Отд. I: Высоч. повелѣнія, касающіяся воен. духовенства; постановленія и распоряженія Сѵнода по вѣдомству гл. священника; распоряженія гл. священника; распоряженія военнаго и морского начальствъ, относящіяся къ духовенству; служебныя перемѣны; всякаго рода офиціал. сообщенія, имѣющія значеніе для воен. духовенства. Отд. II: постановленія и распоряженія, касающіяся «общ. попеченія о бѣдныхъ воен. духовенства»; сообщенія и отчеты о дѣятельности этого общ. и пожертвованія въ пользу призрѣваемыхъ изъ воен. духовенства. Часть неофиціальная: слова и рѣчи, произносимыя воен. духовенствомъ при разныхъ случаяхъ; статьи по вопросамъ богословскимъ, каноническимъ, церковно-историческимъ и богослужебнымъ; описаніе особыхъ духов. торжествъ при воен. церквахъ; замѣчательные случаи изъ жизни и дѣятельности воен. духовенства; вопросы и случаи изъ пастырской практики; записки, замѣтки и воспоминанія объ отличившихся на войнахъ полковыхъ священникахъ и вообще о герояхъ-воинахъ, назидательныя въ религіозно-нравственномъ отношеніи; свѣдѣнія о духовно-про-

свѣтительной, миссіонерской и учительской дѣятельности воен. духовен.; образцовые уроки по закону Божію въ учебныхъ командахъ и лучшія внѣ богослужебныя бесѣды; библіографич. справочныя и журнальныя замѣтки и указанія, полезныя для воен. духов.; некрологи; особыя приложенія и объявленія.

«Вѣстникъ Воспитанія». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 8 ноября. Журналъ этотъ посвященъ изученію вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, подцензурный, выходитъ 8 разъ въ годъ; ред.-изд. докторъ Егоръ Арсеньевичъ Покровскій. *Программа:* Оригинальныя и переводныя статьи; критическо-историческія статьи; мелкія сообщенія (рефераты); хроника; библіографія; приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. п.; объявленія.

«Вѣстникъ Естествознанія». Разрѣшеніе на изданіе этого жур. въ Петербургѣ дано 7 декабря. Журналъ спеціальный, безцензурный, выходитъ не менѣе 9-ти разъ въ годъ; издается общ. естествоиспытателей при Спб. университетѣ, ред. академикъ Филиппъ Васильевичъ Овсянниковъ. *Программа:* статьи по зоологіи, ботаникѣ, физіологіи, геологіи, палеонтологіи, минералогіи и микроскопической техникѣ; указатель русской естественно-историческ. литературы за истекшій мѣсяцъ (съ переводомъ заглавій на французскій яз.); статьи общаго содержанія по естествознанію; библіографія и критика, какъ по русской, такъ и иностран. литературѣ по естествознанію; отчеты о съѣздахъ, засѣданіяхъ уч. общ., научныхъ выставкахъ; извѣстія о личномъ составѣ дѣятелей и учрежденій по естествознанію.

«Вѣстникъ общественной ветеринаріи». Разрѣшеніе на изданіе этого журн. въ Спб. дано 11 января. Журналъ спеціальный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ; издается общ. ветеринарныхъ врачей, ред. адъюнктъ-проф. военно-медицинск. акад. Викторъ Евграфовичъ Воронцовъ. *Программа:* руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ ветеринарной дѣятельности въ Россіи и заграницею; ветеринарной полиціи, статистики, общественной и частной зоогигіены, скотоводства и зоотехники и судебной ветеринаріи; періодическое обозрѣніе научныхъ открытій и работъ по всѣмъ отд. ветеринарной науки; вопросы ветеринарн. образованія и быта; ветеринарн. хроника: дѣятельность административ. и обществен. учрежденій по ветеринарн. части въ Россіи и заграницей; критика, библіографія и указатель книгъ по ветеринарн. части; корреспонденціи, смѣсь и мелкія извѣстія; эпизоотическій и метеорологическій листокъ; торговля скотомъ и животными продуктами; правительствен. распоряженія; приложенія: протоколы спб. и друг. ветеринарныхъ общ., а также съѣздовъ; ученыя изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ ветеринаріи.

«Джеджили». (Нива). Разрѣшеніе на изданіе этого жур. въ г. Тифлисѣ, на грузинскомъ яз., послѣдовало 3-го октября. Журналъ этотъ иллюстрирован., дѣтскій, подцензурный, выходитъ 6-ть разъ въ годъ; ред.-изд. кн. Анастасія Михаиловна Туманова. *Программа:* повѣсти, разсказы и сказки; стихотворенія; наука и искусство; смѣсь; мелочи; дѣтскія, педагогическія и друг., игры; иллюстраціи; пѣсни съ нотами.

«Дешевая библіотека, собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей». Разрѣшеніена изданіе этого жур. въ Москвѣ послѣдовало 7 ноября.

Журналъ этотъ иллюстрированный, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно; ред.-изд. коллеж. секрет. Александръ Александровичъ Левенсонъ.

«Диллетантъ». Разрѣшеніе на изданіе журн. въ г. Ростовѣ на Дону послѣвало 8 августа. Журн. этотъ спеціальный, художественно-техническій, подцендозурный, выходитъ ежемѣсячно; ред.-изд. потом. почет. гражд. Гавріилъ Александровичъ Дмитревскій. *Программа:* рисунки для ажурныхъ, столярныхъ, токарныхъ, декоративныхъ работъ, мозаики, инкрустаціи, живописи по дереву и стеклу, стѣнной живописи; пластическихъ искусствъ съ пояснительнымъ текстомъ; руководство къ этимъ работамъ; оцѣнка и обращеніе съ инструментами и матеріаломъ; руководство къ производству украшеній на кожѣ; рисованіе брызгами, гальванопластика.

«Дневникъ 8-го съѣзда естествоиспытателей и врачей». Изданіе этой газеты въ настоящее время прекратилось, такъ какъ выпускъ ея былъ разрѣшонъ на время 8-го съѣзда въ Спб., съ 27 декабря по 7 января 1890 года. Газета была посвящена занятіямъ съѣзда и издавалась распорядительнымъ его комитетомъ, безъ цензуры и подъ редакц. члена акад. наукъ А. С. Фаминцына.

«Донское поле». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Ростовѣ-на-Дону послѣдовало 6-го октября. Газета политическо-общественная и литературная, подцензурная, выходитъ 2 раза въ недѣлю; прибавленія до 4-хъ разъ въ недѣлю, а приложенія отъ 2 до 3 разъ въ мѣсяцъ; ред.-изд. коллеж. секрет. Ѳедоръ Калиничъ Троилинъ. *Программа:* дѣйствія правительства; руководящія статьи по вопросамъ общественнымъ, городскимъ, станичнымъ, сельскимъ и частнымъ, относящимся какъ къ обл. войска Донскаго и прочимъ казачьимъ войскамъ, такъ и всему юго-востоку Россіи; статьи, касающіяся воен. дѣла казачьихъ войскъ, обозрѣніе по исторіи развитія и усовершенствованія ихъ въ воен. отношеніи и историческіе обзоры подвиговъ казачьихъ войскъ; хроника: политическая и общественная, внутреннія и внѣшнія извѣстія, мѣстныя новости по дѣламъ общественн. и частнымъ, событія, происшествія, интересы дня, судебныя извѣстія и выдержки изъ газетъ; общеполезныя свѣдѣнія по народному здравію и безопасности, промышленности и торговлѣ, сельскому хозяйст. и проч.; отд. литературный: стихотворенія, повѣсти, разсказы и проч., фельетоны: очерки нравовъ населенія и обыденныхъ явленій изъ его жизни, въ беллетристической формѣ; отд. историческій: матеріалы для исторіи казачьихъ войскъ и замѣчательныхъ городовъ казачьихъ областей, этнографія и статистика казачьихъ и проч. элементовъ населенія, народныя преданія, поговорки, пѣсни, обряды и проч., археологія и древности, біографіи замѣчательныхъ военныхъ, граждан. и духовн. дѣятелей; отд. педагогическій: современное состояніе образованія въ казачьихъ войскахъ, существующіе методы преподаванія, обмѣнъ мыслей по педагогикѣ, дидактикѣ и проч.; корреспонденціи изъ округовъ, станицъ и проч. мѣстъ казачьихъ областей, вообще изъ Россіи и изъ за-границы; отд. справочный: биржевыя извѣстія, цѣны на разн. предметы торговли, адресъ-календарь присутствен. мѣстъ и частныхъ учрежденій, церковный календарь, обзоръ дѣятельности фабричныхъ, торговыхъ и промышленныхъ фирмъ; телеграммы; отвѣты и корреспонденц. редакціи; объявленія. Прибавленія къ нумерамъ по программѣ газеты и приложенія: описанія историческихъ событій и данныхъ этнографич., статистическихъ и проч. исклю-

чительно касающіяся казачьихъ войскъ, а также отдѣльно и въ текстѣ портреты, рисунки, планы и проч.

«Европейскій Театръ». Сборникъ, изданіе котораго разрѣшено 17 апрѣля, какъ приложеніе къ газетѣ «Дневникъ Театрала», выходящей въ Москвѣ, но съ допущеніемъ отдѣльной подписки. Сборникъ издается подъ цензурой и выходитъ ежемѣсячно; ред.-изд. рузскій мѣщанинъ Петръ Ивановичъ Кичеевъ. *Программа:* драматическія произведенія, безусловно одобренныя драматическою цензурою къ представленію на театрахъ; монологи, сцены и стихотворенія, одобренные къ публичнымъ чтеніямъ; критика и библіографія: разборъ пьесъ и характеристика типовъ въ пьесахъ, помѣщаемыхъ въ сборникѣ, какъ руководство для исполнителей, разборъ исполненія этихъ пьесъ, практическія указанія режиссерамъ по обстановкѣ, монтировкѣ, костюмировкѣ, гримму дѣйствующихъ лицъ и постановкѣ декорацій въ пьесахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ.

«Economiste Russe». Разрѣшеніе на изданіе журн. въ Спб. послѣдовало 22 декабря. Журн. этотъ спеціально-экономическаго, финансоваго и торговопромышлен. характера, безцензурный, еженедѣльный; ред.-изд. дсс. Александръ Константиновичъ Веселовскій. *Программа:* I-й отд. офиціал.: постановленія и распоряженія правител. по всѣмъ вопросамъ экономическ. характера; движеніе и награды по службѣ гл. чиновъ госуд. управленія; циркуляры, извѣщенія и заявленія по всѣмъ учрежденіямъ м-ва Финанс., знакомство съ которыми полезно для иностран. торговыхъ и промышлен. учрежденій, производящихъ свои операціи въ Россіи, а также и для заграничной публики; отчеты и статистическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ госуд. управленія. II-й отд. неофиціал.: статьи общаго характера, монографіи, статистическ. свѣдѣнія и разныя сообщенія по вопросамъ, касающимся финансовъ, кредита, операцій банковъ, коммерческаго и поземельнаго кредита, учрежденій предусмотрительности, денежнаго обращенія, движенія торговли внѣшней и внутренней и состоянія промышлен. по всѣмъ гл. ихъ отраслямъ, земледѣлія, желѣзн. дорогъ, судоходства, обществен. и городскихъ финансовъ, и хозяйствъ; извлеченія изъ отчетовъ торговыхъ и промышлен. предпріятій, обзоръ балансовъ частныхъ кредитныхъ учрежд.; опроверженія важныхъ слуховъ и исправленіе неточныхъ свѣдѣній и извѣстій о Россіи, распространяемыхъ за-границею. III-й отд. торговый: еженедѣльные обзоры гл. русскихъ торговыхъ рынковъ; ихъ настроеніе, движеніе цѣны и измѣненіе въ условіяхъ спроса и предложенія гл. товаровъ; свѣдѣнія о ходѣ оборотовъ на гл. ярмаркахъ, фрахты и страховыя преміи. IV. Вексельные курсы и цѣны фондовъ, акцій и облигацій на рус. биржахъ. V. Библіографія гл. русскихъ экономическихъ изданій. VI. Отчеты торговыхъ и промышлен. предпріятій, тиражныя таблицы, объявленія.

«Журналъ Охоты». Разрѣшеніе на изд. журнала въ Москвѣ послѣдовало 27-го ноября; журн. выходитъ подъ цензурой, ежемѣсячно; ред.-изд. коллеж. секрет. Александръ Евгеньевичъ Коршъ. *Программа:* распоряженія правител., касающіяся охоты и промысловъ; охота въ Россіи и въ друг. странахъ, во всѣхъ ея видахъ и подраздѣленіяхъ; отчеты о выставкахъ собачьихъ и конскихъ, звѣриныхъ и птичьихъ садкахъ, полевыхъ испытаніяхъ собакъ и лошадей, бѣгахъ и скачкахъ; охотничьи разсказы, очерки и стихотворенія оригинальн. и пере-

водные; охотничья и не охотничья собака (разведеніе, воспитаніе, обученіе, описаніе признаковъ породности и т. п.); охотничье оружіе и принадлежности охоты; извѣстія о дѣятельности охотничьихъ общ. въ Россіи и въ друг. странахъ; обозрѣніе русск. и иностран. охотничьей литературы; корреспонденціи охотничьи русск. и иностран.; смѣсь (извлеченія изъ газетъ и журналовъ, мелкія извѣстія, въ предѣлахъ програм.); объявленія.

«Кавказскія объявленія». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Тифлисѣ послѣдовало 9-го октября. Газета справочная, подцензурная, ежедневная; ред.-изд. жена кандид. правъ Нина Павловна Слинко. *Программа:* частныя объявленія и рекламы на русск., французск., нѣмецк. и мѣстныхъ яз.; справочныя свѣдѣнія.

«La Russie Commerciale». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты на французск. яз. въ г. Одессѣ послѣдовало 9-го октября. Газета подцензурная, еженедѣльная; ред.-изд. греческ. подданный Леонъ Ксенофонтовичъ Паппадато. *Программа:* узаконенія и распоряженія правител. относительно финансовъ, торговли и проч.; финансовый отд.—обзоръ финансоваго рынка въ Россіи и заграницей; торговый отд.: прейсъ-куранты на всякіе продукты и товары; бюллетень одесской и проч. русскихъ и заграничн. биржъ; свѣдѣнія о русск. торговыхъ учрежденіяхъ; промышленный отд.; патенты и привилегіи въ Россіи и заграницей; описаніе и оцѣнка машинъ, орудій и т. п.; отд. морской и желѣзнодорожный: обзоръ портовъ, флотовъ и проч.; пароходныя и желѣзнодорожн. общ., обзоръ ихъ дѣятельности; таможенные пошлины и тарифы; фрахты и зафрахтовыванія; сельско-хозяйственный отд.; судебный отд.; отд. литературный: обзоръ русск. и иностранныхъ книгъ и сочиненій по отд. газеты; телеграммы и корреспонденціи русск. и заграничныя по всѣмъ отд.; объявленія.

«Le Caucase illustré». Разрѣшеніе издавать этотъ журн. въ г. Тифлисѣ дано 11-го января. Журн. литературно-научный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ; ред.-изд. французск. поддан. Юлій Мурье. *Программа:* исторія: разсказы и эпизоды изъ исторіи Кавказа; этнографія и этнологія: расы и національности Кавказа, ихъ обычаи, нравы и костюмы; виды Кавказа: фауна и флора, домашнія и дикія животныя, охота, рыболовство, лѣса и ихъ эксплуатація; археологія и изящныя искусства: археологическ. изысканія, музеи Тифлиса, религіозное искусство; литература и библіограф.: сказки, повѣсти, романы и проч., изданія посвященныя Кавказу; научныя открытія; инженерныя сооруженія и промышленность Кавказа; агрикультура: почва и земледѣльческія орудія, орошеніе, винодѣліе; объявленія.

«Листокъ нормальной столовой русскаго общ. охраненія народнаго здравія». Разрѣшеніе на изданіе этого листка въ Спб., въ видѣ приложенія къ журн. «Труды общ.», послѣдовало 3-го января. Листокъ издается безъ цензуры, и выходитъ ежемѣсячно; первоначально ред. его б. назначенъ проф. Алексѣй Ивановичъ Доброславинъ, а въ настоящее время, за его смертью, докт. Александръ Липскій. *Программа:* правительствен. распоряженія, касающіяся медицин. области питанія (законы, обязательн. постановленія спб. градоначал. и думы); свѣдѣнія о нормальной столовой; свѣдѣнія объ отдѣленіяхъ этой столовой; свѣдѣнія о друг. обществен. столовыхъ Спб. и провинцій; свѣдѣнія о заграничныхъ столовыхъ; указанія на научныя работы, касающіяся съѣстныхъ при-

пасовъ и напитковъ, анализы содержимаго, фальсификація и т. п.; свѣдѣнія по хлѣбопеченію и квасоваренію; библіографическія указанія: важнѣйшія соч. русск. и иностран.; смѣсь; объявленія.

«Листокъ привозимыхъ товаровъ и приходящихъ и отходящихъ судовъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Спбургѣ послѣдовало 23-го февраля. Листокъ издается на русск. и нѣмецк. яз., справочный, безцензурный, выходитъ во время навигаціи ежедневно; ред.-изд. титул. совѣт. Владиміръ Артуровичъ Мейнардъ. *Программа:* подробныя свѣдѣнія о приходящихъ къ Спбургокронштадтск. порту изъ-за границы судовъ, съ обозначеніемъ наименованія, фамиліи шкипера, времени прибытія, мѣста разгрузки и подробнаго перечня привезенныхѣ на судахъ товаровъ и обозначеніе имени получателя; заявленія о перегрузкѣ товаровъ заграницею въ суда и друг. касающіяся до того свѣдѣнія.

«Листокъ Устюженскаго Общ. сельскаго хозяйства и лѣсоводства». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Устюжнѣ послѣдовало 23-го мая. Газета спеціальная, безцензурная, выходитъ отъ 2—4 разъ въ мѣсяцъ; издат. общество, ред. предсѣдатель совѣта общ. *Программа:* вопросы и отвѣты членовъ общ., относящіеся до сельскаго хозяйст. и лѣсоводства; спросъ и предложеніе, сообщенія о результатахъ произведенныхъ опытовъ и изслѣдованій; журналы собранія общ.; разныя заявленія членовъ и т. п.

«Лошадь». Разрѣшеніе на изданіе этого журн. въ Москвѣ послѣдовало 24-го ноября. Журн. спеціальный, подцензурный, ежемѣсячный; ред.-изд. титул. совѣт. кн. Сергѣй Петровичъ Урусовъ. *Программа:* правительствен. распоряженія, относящіяся до коннозаводства; дѣятельность конскихъ общ.; статьи по вопросамъ о коневодствѣ и коннозаводствѣ; монографіи всякихъ породъ лошадей; разсказы и очерки спортивнаго содержанія; разведеніе, воспитаніе, уходъ и леченіе лошадей; отчеты о конскихъ выставкахъ, ярмаркахъ, бѣгахъ, скачкахъ и проч.; корреспонденціи спортивнаго характера; новыя изобрѣтенія, приспособленія и усовершенствованія по коннозавод.; библіограф., новости русск. и иностран. иппической литературы; хроника: разныя извѣстія изъ коннозавод. міра; портреты знаменитыхъ дѣятелей по коннозавод. и лошадей; приложенія: оригинальн. и переводн. иппическія руководства.

«Медицина». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ Спб. послѣдовало 10-го марта. Газета спеціальн., безцензурная, выходитъ: въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ—8 разъ въ мѣс., въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ—4 раза, съ сентяб. по мартъ—8 разъ въ мѣс.; изд. личн. почет. гражд. Ѳедоръ Николаевичъ Паскій, ред. д-ръ мед. Степанъ Михайловичъ Васильевъ. *Программа:* оригинальн. и переводн. статьи и лекціи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отд. общественн. и частной гигіены, эпидеміологіи, судеб. медицины и гидрологіи, по общей патологіи, фармакологіи, анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи; общіе обзоры по различн. медицинск. вопросамъ съ исторической и современной научной точки зрѣнія; по исторіи медицины; новости медицины изъ русск. и иностран. литературы; замѣтки по народной, особенно русск. медицинѣ; критика и библіограф. медицинск. книгъ, статей, больничныхъ отчетовъ и изданій; отчеты о засѣдан. врачебныхъ общ. и защитъ диссертацій; научная корреспонденц.; хроника и мелкія извѣстія, правительствен. распоряженія, интересныя для врачей; объявленія.

«Наука и Жизнь». Разрѣшеніе на изданіе журн. въ Москвѣ послѣдовало 8-го сентября. Журн. научно-популярный, иллюстрирован., подцензурный, еженедѣльный; ред.-изд. врачъ Матвѣй Никандровичъ Глубоковскій. *Программа:* общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математич. наукъ; медицина; статьи по исторіи наукъ и промышленности; научныя игры и развлеченія; рисунки къ тексту; объявленія.

«Одесскій листокъ объявленій». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ г. Одессѣ послѣдовало 24-го января. Газета справочная, подцензурная, ежедневная; ред.-изд. губер. секрет. Алексѣй Амуратовичъ Туганъ-Мирза-Барановскій.

«Плодоводство». Разрѣшеніе на изданіе журн. въ Спб. послѣдовало 9-го октября. Журн. спеціальный, безцензурный, ежемѣсячный; ред.-изд. ст. сов. Александръ Фелиціановичъ Рудзскій. *Программа:* сообщенія о наблюденіяхъ и опытахъ по плодоводству въ Россіи; замѣчанія и дополненія практиковъ на «Руководство къ плодоводству по Геше»; сообщенія о болѣе выдающихся явленіяхъ по друг. отраслямъ садоводства; научное обозрѣніе плодоводства; библіограф. по плодоводству; вопросы подписчиковъ съ отвѣтами на нихъ; объявленія.

«По морю и сушѣ». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Спб. послѣдовало 18-го мая. Журналъ литературн. и иллюстрирован., подцензурный, еженедѣльный; изд.-ред. домашняя наставница дворянка Елена Григорьевна Бердяева. *Программа:* романы, съ описаніемъ путешествій и приключеній; описанія выдающихся путешествій; повѣсти и разсказы, разныя приключенія охоты; популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія; хроника; смѣсь; объявленія.

«Прибалтійскій край». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ г. Митавѣ послѣдовало 27-го октября. Газета политическо-литературная, подцензурная, выходитъ 2 раза въ недѣлю; издат. коллеж. ассес. Александръ Семеновичъ Петровъ и врачъ Натанъ Левенштейнъ, ред. А. С. Петровъ. (По заявленію «Рижскаго Вѣстника», газета эта прекратилась и ред.-изд. ея Петровъ — исчезъ). *Программа:* правительствен. распоряжен.; корреспонденц. и извѣстія; статьи по мѣстнымъ экономическ. вопросамъ; извѣстія изъ друг. газетъ и журналовъ; краткія сообщенія объ иностран. дѣлахъ; судебный отд.; фельетонъ; разныя извѣстія; объявленія.

«Природа и Люди». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Спб. послѣдовало 10-го октября. Журн. литературно-научный, иллюстрирован., для юношества, подцензурный, еженедѣльный; изд. содержатель типограф. Петръ Петровичъ Сойкинъ, ред. врачъ Сергѣй Сергѣевичъ Грузовъ. *Программа:* біографія дѣятелей науки, знаменитыхъ путешественниковъ и изобрѣтателей; романы, повѣсти, разсказы; популярные очерки и картины изъ географіи и этнографіи; популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія; популярныя статьи по медицинѣ и гигіенѣ; лѣтопись успѣховъ естественныхъ наукъ, открытій и изобрѣтеній.

«Родной Край». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Москвѣ послѣдовало 24-го марта. Журн. иллюстрирован., подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣс.; изд. общ. распространенія полезныхъ книгъ, ред. секрет. общ. Иванъ Юльевичъ Некрасовъ. *Программа:* распоряженія правительст. и придворная лѣтопись

(по «Прав. Вѣст.» и «Рус. Инвал.»); церковный отд.: миссіонерскіе подвиги, борьба съ расколомъ, русская церковная лѣтопись въ области народн. образованія, благотворительность, духовное краснорѣчіе и проч.; литературн. отд.: оригинальн. и переводн. художественныя произведенія въ стихахъ и прозѣ; разсказы о выдающихся обществен. событіяхъ въ Россіи и заграницею; извѣстія о городской жизни столицъ и провинцій; краткія свѣдѣнія о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ; историческ. разсказы и путешествія; смѣсь и библіографія; объясненія картинъ; загадки, ребусы, шарады и т. п.; объявленія.

«Русское Обозрѣніе». Разрѣшеніе на изд. журн. въ Москвѣ послѣдовало 16-го сентября. Журн. политическо-литератури., безцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣс.; издат. дворян., канд. правъ Николай Михайловичъ Боборыкинъ, ред. кн. Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ. *Программа:* изящная словесность; наука; обозрѣніе внутренней, экономическ. и иностран. жизни; хроника; критика, библіографія и корреспонденціи; рисунки, чертежи, карты и проч.; объявленія.

«Русскій Охотникъ». Разрѣшеніе на изд. журн. въ Москвѣ послѣдовало 27-го ноября. Журн. спеціальный, иллюстрирован., подцензурный, еженедѣльный; ред.-изд. коллеж. ассес. кн. Владиміръ Петровичъ Урусовъ. *Программа:* распоряженія правительст., касающіяся охоты, коннозавод., употребленія оружія и разныхъ орудій; дѣятельности разн. спортивныхъ общ.; статьи по вопросамъ спорта; о правилахъ и способахъ производства правильной охоты: ружейной, псовой и ловчими птицами; охотничьи разсказы и очерки; замѣтки по разнымъ родамъ охоты; техника и исторія оружія; правила предосторожности при употребленіи оружія и друг. принадлежностей всякой охоты; статьи о размноженіи и сохраненіи дичи; монографіи о животныхъ; средства истребленія вредныхъ животныхъ; о животныхъ вспомогательныхъ для охоты: о собакахъ, лошадяхъ и ловчихъ птицахъ; ихъ разведеніе, воспитаніе, содержаніе, дрессировка и леченіе; отчеты о выставкахъ, садкахъ, бѣгахъ, скачкахъ и друг. спортивныхъ состязаніяхъ; спортивныя новости, усовершенствованія, новѣйшія открытія и приспособленія; корреспонденц. объ охотѣ и спортѣ; библіографія русск. и иностран. спортивной литературы; разныя извѣстія изъ русск. и иностран. журналовъ объ охотѣ, птицеводствѣ и животноводствѣ; вопросы подписчиковъ и отвѣты на нихъ; объявленія.

«Русскій Сезонный Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Керчь-Eниколѣ послѣдовало 24-го февраля. Газета подцензурная, выходитъ съ 15-го апрѣля по 1-е сентября; ред.-изд. врачъ Димитрій Казиміровичъ Филимовичъ. *Программа:* правительственныя распоряженія о русскихъ минеральныхъ водахъ, грязяхъ, кумысо-лечебн. и климатическ. станціяхъ; телеграммы изъ курортовъ объ открытіи сезона, погодѣ, температурѣ моря, съѣздѣ, о свободныхъ помѣщеніяхъ въ лечебницахъ, о цѣнахъ на квартиры и т. п.; статьи бальнеологическаго содержанія, способы леченія на нашихъ водахъ, усовершенствованія и нововведенія въ этой области, анализъ водъ, грязей, морской воды, метеорологическ. наблюденія, медицинск. сезонные отчеты; врачебныя наблюденія надъ дѣйствіемъ водъ, описаніе русск. курортовъ; историческ. статьи о курортахъ, о замѣчательн. памятникахъ древности въ курортахъ, корреспонденц. и заимствованія изъ друг. газетъ о жизни въ курортахъ; библі-

ографія: замѣтки о книгахъ бальнеологическ. содержанія; отвѣты по запросамъ подписчиковъ; объявленія.

«Русскій Справочный Листокъ». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ Москвѣ послѣдовало 23-го февраля. Газета справочная, подцензурная, выходитъ 2 раза въ недѣлю; ред. изд. 1-й гильдіи купецъ Владиміръ Эмильевичъ Миллеръ. *Программа:* мѣсяцесловъ, адресъ-указатель лицъ, торговыхъ фирмъ и проч.; справки о цѣнахъ на товары, торговыя и биржевыя свѣдѣнія; судебный указатель; адресы и описанія достопримѣчательностей Москвы; адресы докторовъ, больницъ и т. п.

«Русская Школа». Разрѣшеніе на изд. журн. въ Спб. послѣдовало 28-го августа. Журн. спеціальнно-педагогическій, подцензурный, выходитъ 10 разъ въ годъ; ред. изд. дсс. Яковъ Григорьевичъ Гуревичъ. *Программа:* Исторія воспитанія и обученія: всеобщая исторія педагогики, исторія русск. школы, біографіи русск. педагогическихъ дѣятелей и школьныя воспоминанія; теорія и практика воспитанія и обученія; статьи: по педагогическ. психологіи, наблюденія надъ жизнью дѣтей въ ихъ раннемъ и отроческомъ возрастѣ, по дидактикѣ и методикѣ элементарной и средней школы, школьная гигіена, профессіональн. образованіе, училищевѣдѣніе, педагогическ. письма; критика и библіографія руководствъ, книгъ для дѣтей, книгъ для народнаго чтенія, иностран. и русск. педагогической журналистики; педагогическ. хроника: новости изъ жизни загранични. и русск. школы, изъ современной педагогическ. литературы, отчеты о педагогическ. собраніяхъ, свѣдѣнія изъ школьной статистики; листокъ объявленій.

«Сборникъ тарифовъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ». Сборникъ этотъ, по распоряженію М-ва Финансовъ, разрѣшено издавать 14-го апрѣля, въ Спб., безъ цензуры; выходитъ онъ 2 раза въ недѣлю; ред. дсс. Петръ Николаевичъ Черемисиновъ. Сборникъ состоитъ изъ самыхъ тарифовъ и ихъ указателя и издается по слѣдующ. программѣ: тарифы мѣстные; тарифы прямыхъ сообщеній внутренніе, заграничные: морскіе, сухопутные; дороги или сообщенія на коихъ установляется тарифъ; наименованіе предметовъ перевозки; тарифныя ставки и условія ихъ примѣненія; срокъ дѣйствія тарифовъ; узаконенія, распоряженія и правительствен. сообщенія, относящіяся до желѣзн. дор.; разныя сообщенія о желѣзн. дор.; объявленія желѣзнодорож. правленій и съѣздовъ; денежный курсъ для производства разсчетовъ по тариф. прямыхъ сообщ. съ иностран. дорогами и по уплатѣ таможен. пошлинъ; такса за совершеніе таможен. обрядностей сборовъ; невостребованные грузы, найденные предметы и аукціонная продажа ихъ; о потерѣ накладныхъ, свидѣтельствъ на наложенные платежи; прекращенія: пріема грузовъ, движенія, закрытія станцій, открытія движеній на новыхъ дорогахъ; росписаніе хода поѣздовъ; о сборахъ по эксплуатаціи; о созывѣ общихъ собраній и постановленіяхъ ихъ; тиражи акцій и облигацій; оплата купоновъ; выдача девиденда; торги и поставки; частныя публикаціи.

«Сезонный Листокъ Славянскихъ минеральныхъ водъ». Разрѣшеніе на изд. газеты въ г. Славянскѣ дано 22-го апрѣля. Газета цензурная, выходитъ съ 1-го мая по 1-е сентября 2 раза въ недѣлю; ред. изд. врачъ Василій Тимоѳеевичъ Скрыльниковъ. *Программа:* научный отд.: описаніе состава и свойствъ водъ; болѣзней, излечиваемыхъ ими; исторія, развитіе и современ. положеніе мѣстнаго водолеченія; улучшеніе и недостатки устройства

курорта; о новыхъ химическихъ изслѣдованіяхъ водъ; о числѣ больныхъ, формъ болѣзней и результатахъ леченія; метеорологич. и бальнеологическ. наблюденія; общій отд.: телеграммы; справочн. отд. и объявленія.

«Семейная Библіотека». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Спб. дано 13-го октября. Журн. литературный, цензурный, ежемѣсячный; ред. изд. дсс. Александръ Николаевичъ Чудиновъ. *Программа:* избранные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя; популярныя сочиненія по исторіи, біографіи, мемуары и путешествія.

«Слѣпецъ». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Спб. дано 25-го мая. Журн. посвящается знакомству съ вопросами о призрѣніи и образованіи слѣпыхъ, цензурный, ежемѣсячный; ред. изд. стат. совѣт. Германъ Павловичъ Недлеръ. *Программа:* обсужденіе вопросовъ, относящихся до улучшенія положенія слѣпыхъ; цѣли раціональнаго образованія и призрѣнія ихъ; принципы воспитанія и обученія, психологія, методы обученія, учебныя програмы, руководства, организація заведеній, техническое образованіе, занятія и ремесла, попеченіе объ окончившихъ ученіе, призрѣніе неспособныхъ къ труду; мѣры къ предупрежденію слѣпоты; иностранная литература и заграничныя изданія о слѣпыхъ.

«Справочный Листокъ Енисейской губерніи». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ г. Красноярскѣ дано 26-го іюня. Газета цензурная, еженедѣльная; ред.-изд. учитель Емельянъ Кудрявцевъ. *Программа:* правительствен. распоряженія, телеграммы, недѣльная городская хроника, торговыя свѣдѣнія, справочный мѣстный отд. и объявленія.

«Сызранскій Листокъ объявленій». Разрѣшеніе на изд. его въ г. Сызрани дано 24-го января. Газета цензурная, выходитъ 2 раза въ недѣлю; ред.-изд. ст. сов. Евгеній Михайловичъ Синявскій. *Программа:* балансы банковъ, почта, торговые бюллетени и т. п. справочныя мѣстныя свѣдѣнія.

«Театральный Вѣстникъ». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Москвѣ дано 7-го сентября. Журналъ цензурный, ежемѣсячный; ред.-изд. личн. почет. гражд. Сергѣй Ѳедоровичъ Разсохинъ. *Программа:* для сцены: трагедіи, драмы, комедіи, водевили, фарсы—одобренные къ представленію; монологи, сцены и стихотворенія—одобренные къ публичнымъ исполненіямъ, режиссерскій отд.: обстановка, монтировка, костюмировка, гримъ дѣйствующихъ лицъ и постановка декорацій въ піесахъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ; справочн. отд.: правительствен. распоряж., касающіяся театральнаго дѣла въ Россіи; списки піесъ, дозволенныхъ къ представленію; списки журн. и друг. изданій, касающихся драматическаго искусства; правила о цензурѣ піесъ и представленія ихъ на разсмотрѣніе; составъ театрально-литерат. комитета; текущій репертуаръ въ столичныхъ и провинціальн. театрахъ; составъ труппъ этихъ театровъ; адресъ-календарь членовъ и агентовъ общ. драматическ. писателей и размѣръ платы за представленія піесъ; отчеты о засѣданіяхъ общ. драматическ. писателей; уставы театральныхъ уч.; положенія о преміяхъ за драматическ. соч.; некрологи артистовъ; отвѣты редакціи и объявленія.

«Техническій сборникъ и Вѣстникъ промышленности». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Москвѣ дано 27-го ноября. Журн. спеціальный, цензурный, ежемѣсячный; ред.-изд. ученый инженеръ Константинъ Алексѣе-

вичъ Казначеевъ. *Программа:* правительствен. распоряженія, касающіяся фабрично-заводской промышленности, желѣзныхъ дорогъ и проч.; машиностроеніе и механическое дѣло; механическая технологія; химическая технологія; желѣзнодорожный отд.; архитектура, инженерное и строительное искусство; электро-механическій отд.; санитарное дѣло; кустарный отд.; графическія искусства; техническое обозрѣніе; обозрѣніе дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и біографіи выдающихся дѣятелей; критика и библіографія; смѣсь: техническія замѣтки, новости техники и т. п.; справочный отд.: вопросы и отвѣты, торговыя и статистическ. свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи, новыя привилегіи; объявленія въ текстѣ и въ приложеніи.

«Указатель торгово-промышленности въ Россіи». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ Спб. дано 9-го марта. Газета справочная, цензурная, ежемѣсячная; ред.-изд. торопецкій мѣщанинъ Викторъ Фуфаевъ. *Программа:* списки: фабрикъ, заводовъ, магазиновъ, мастерскихъ, конторъ банкирскихъ и торговыхъ, торговыхъ и промышлен. заведеній; частныя объявленія.

«Учитель-Лингвистъ». Разрѣшеніе на изд. этого періодическаго сборника въ Спб. послѣдовало 15-го декабря. Сборникъ этотъ издается на англійск., французск., нѣмецк., итальянск., шведскомъ и русск. яз., цензурный, выходитъ 6 разъ въ годъ; ред.-изд. дочь штабсъ-капит. Ольга Ивановна Максимова. *Программа:* отд. 1-й статьи по методикѣ языкознанія; новые вопросы лингвистики; біографіи и друг. свѣдѣнія о замѣчательн. лингвистахъ, переводчикахъ и вообще дѣятеляхъ по языкознанію; новыя соч. по языкознанію; научныя, учебныя, словари и т. п.; игры и учебныя пособія для изученія иностран. языковъ; рецензіи ихъ; свѣдѣнія о съѣздахъ лингвистовъ, отчеты филологическихъ общ.; интересные факты изъ жизни великихъ людей знатоковъ иностран. яз.; анекдоты, факты и сцены изъ обыденной жизни, касающіеся языкознанія. Отд. II—для взрослыхъ (на 6-ти яз.): романы, разсказы, повѣсти, стихотворенія для чтенія и изученія наизусть; образцы телеграммъ и писемъ дѣловыхъ, коммерческ., обыденныхъ и проч.; діалоги и т. п. Отд. III—для дѣтей (на 3-хъ языкахъ): дѣтскіе разсказы, повѣсти, анекдоты, стихотворенія для изученія наизусть; образцы писемъ, діалоги и проч. Отд. IV: ключъ къ задаваемымъ работамъ отд. 2 и 3; указанія учебниковъ, руководствъ, словарей и проч. пособій по языкознанію; отвѣты на вопросы подписчиковъ. Отд. V: объявленія.

«Фотографъ Любитель». Разрѣшеніе на изданіе этого журн. въ Спб. дано 24-го ноября. Журн. спеціальный, цензурный, еженедѣльный, съ преміями; ред.-изд. отставн. капит. 1-го ранга Андріанъ Михайловичъ Лавровъ. *Программа:* свѣдѣнія о русскихъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ по всѣмъ отраслямъ фотографій; новости фотографіи; обзоръ русск. и иностран. изданій по современной фотографіи; на выставкахъ: обзоръ русск. фотографическ. выставокъ и засѣданій общ. по этому предмету; на практикѣ: обзоръ полезныхъ новостей и отзывы любителей по всѣмъ пріобрѣтаемымъ ими предметамъ, касающимся фотографіи; почта: вопросы и отвѣты любителей по части фотографіи; смѣсь: мелкія сообщенія и разн. случаи на практикѣ; объявленія.

«Художественно-этнографическіе рисунки Сибири». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ г. Томскѣ дано 23-го мая. Журн. цензурный, выходитъ

2 раза въ мѣсяцъ; ред.-изд. учит. рисов. ст. сов. Петръ Михайловичъ Кошаровъ. *Программа:* виды, типы, жилища, одежда, утварь и сцены обыденной жизни съ объяснительнымъ текстомъ къ этимъ рисункамъ.

«Школьное Обозрѣніе». Разрѣшеніе на изд. этой газеты въ г. Одессѣ дано 2-го января. Газета цензурная, еженедѣльная, ред.-изд. учитель Петръ Ильичъ Гуіаренко и жена дсс. Маріана Дмитріевна Гонзаль. *Программа:* правительствен. узаконенія и распоряженія по элементарному образованію въ Россіи по всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ; теорія и практика школьнаго дѣла; статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училище-вѣдѣнію, школьной гигіенѣ и исторіи этихъ наукъ; историческіе очерки о народномъ образованіи въ Россіи и на западѣ; организація школы, постановка преподаванія; образцовые уроки; корреспонденціи о веденіи школьнаго дѣла; педагогическая библіографія: критика и рецензіи педагогическ. соч., какъ русск., такъ и иностран., разборъ учебниковъ и пособій, обозрѣніе спеціальныхъ періодическ. изданій, отзывы ученаго комитета м-ва народ. просв. о книгахъ для начальныхъ школъ; современное обозрѣніе воспитанія и обученія заграницей; очерки и статьи о состояніи и организаціи народн. образованія въ иностран. государствахъ; иностр. хроника: текущія событія школьной жизни на западѣ; лѣтопись русск. начальной школы; руководящія статьи по школьному дѣлу въ Россіи; политическія извѣстія (по «Правит. Вѣст.»); новости русской жизни (тоже и «Вѣдом. Одес. Градонач.»); смѣсь; наблюденія, педагогическія темы; отвѣты редакціи; объявленія о вновь вышедшихъ книгахъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

«Юридическая Лѣтопись». Разрѣшеніе на изд. этого журн. въ Спб. дано 28-го сентября. Журн. спеціальный, безцензурный, ежемѣсячный; ред.-изд. проф. ст. сов. Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій. *Программа:* хроника законодательная, судебная и научно-литературная; научныя статьи русск. авторовъ и переводныя по правовѣдѣнію; новости юридической литературы, списокъ всѣхъ вновь вышедшихъ книгъ, научныхъ статей въ журн. русскихъ и иностран.; объявленія.

«Трудъ». Журналъ этотъ издавался какъ безплатное приложеніе къ «Всемірной Иллюстраціи», но 30-го мая разрѣшено открыть на него отдѣльную подписку, какъ на самостоятельный журналъ.

Возобновлены изданія:

«Журналъ для дѣтей», издат.-ред. кн. Екатерина Андреевна Несвицкая; разрѣшеніе на возобновленіе дано 23-го декабря и журн. «Переводы отдѣльныхъ романовъ», изд. жена купца Екатерина Лебедева; разрѣшеніе на возобновленіе послѣдовало 2-го ноября, изданіе же этого журн. прекратилось въ 1888 году.

Измѣненія въ программахъ журналовъ:

Вообще измѣненія и дополненія, происшедшія въ теченіе года въ программахъ періодическихъ изданій, были весьма незначительны и не имѣли существеннаго вліянія на ихъ характеръ; исключеніе въ этомъ отношеніи составля-

ютъ только три журнала: «Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія», «Новая Газета» и «Почаевскій Листокъ», которые издаются теперь по новой программѣ. Въ газетѣ «Ардзаганъ» разрѣшено помѣщать иллюстраціи; въ журн. «Austrums»—иллюстраціи, портреты и объясненія чертежей и рисунковъ; журн. «Ветеринарное Дѣло»—дополнить отдѣломъ: ветеринарія на судѣ; біографіи и некрологи; справочный отд. и почтовый ящикъ; въ журн. «Wędrovic»—печатать объявленія; «Западно-Славянскій Вѣстникъ»—дополненъ экономическимъ отд. «Извѣстіямъ Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія»—разрѣшена слѣдующая новая программа: распоряженія правит. по инженерному дѣлу въ Россіи; извѣстія о дѣятельности общихъ и друг. собраній инженеровъ; отчеты о бесѣдахъ въ собраніи; статьи съ рисунками и чертежами по строительному и инженерному дѣлу; проекты сооруженій; разрѣшеніе вопросовъ по строительной части. «Иллюстрирован. журн. Коннозаводства и Коневодства»—помѣщать портреты лицъ прикосновенныхъ спорту и снимки съ лошадей и заводовъ; «Ирбитскому Ярмарочному Листку»—выпускать прибавленія, состоящія изъ телеграммъ, справочныхъ свѣдѣній и объявленій; «Иллюстрирован. Охотничьей Газетѣ»—помѣщать объяснительные чертежи и рисунки охотничьихъ принадлежностей, портреты собакъ, изображенія различныхъ способовъ охоты и друг. охотничьи иллюстраціи; журн. «Kolce»—печатать объявленія; журн. «Медицинская Бесѣда»—дополнить отд.: смѣсь и врачебно-бытовые вопросы; «Новой Газетѣ»—новая программа: романы, повѣсти и проч.; телеграммы и корреспонденціи; обзоръ иностранной и русской жизни; городская жизнь; биржевой отд.; театръ и музыка; критическ. статьи; фельетонъ; смѣсь; объявленія. «Одесскимъ Новостямъ»—разрѣшено помѣщать телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и иностран. извѣстія; «Одесскій Листокъ Объявленій»—дополненъ отд.: мѣсяцесловъ, росписаніе желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ; торговыя и биржевыя извѣстія; адресы прибывающихъ въ Одессу. «Олевикъ» (эстонская)—иллюстраціи къ тексту. «Почаевскому Листку» утверждена новая программа: объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній изъ евангелія и апостола въ формѣ бесѣдъ; изъясненіе церковныхъ службъ, обрядовъ; историческое сказаніе о благочестивыхъ мужахъ; лѣтопись, относящаяся къ событіямъ въ лаврѣ: о службахъ, постригахъ, пожертвованіяхъ, некрологи, выдающіяся событія; объявленія объ изданіяхъ лавры и о книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія. «Przyjaciel Dzieci»—помѣщать объявленія; «Ростовскій на Дону Листокъ»—дополненъ отд.: телеграммы; судъ; калейдоскопъ: извѣстія объ открытіяхъ, происшествіяхъ, сцены, стихотворенія и проч. «Русская Газета»—печатать объявленія; «Русскій Справочный Листокъ»—дополненъ отд.: телеграммы; дневникъ происшествій и приключеній; спортъ. «Русское Судоходство»—дополнено отд.: развитіе военно-морского дѣла; любительское плаваніе. «Русская Школа»—помѣщеніемъ правительствен. распоряженій по учебн. вѣдомству. «Сибирскій Вѣстникъ»—выпускать добавленія въ тѣ дни, когда газета не выходитъ. Журн. «Сѣверъ»—дополненъ отд.: литературныя приложенія; литературно-художествен. приложенія; хозяйство, домоводство и моды; ноты; игры, забавы, шарады и проч.; газета «Таганрогскій Вѣстникъ»—помѣщеніемъ телеграммъ сѣверн. телеграфн. агентства. «Tygodnik Illustrowany»—помѣ-

щаетъ объявленія, «Tygodnik mod i powiesci»—тоже и журн. «Читальня Народной Школы»—дополненъ отд.: указатель книгъ для народн. школъ; драматическія произведенія; свѣдѣнія о событіяхъ изъ текущей жизни.

Разрѣшено выдавать приложенія:

Къ журналу «Ахпюръ» (Родникъ)—моды, подъ названіемъ «Таразкъ»; къ журн. «Biblioteka romansow i powiesci»—торговыхъ объявленій (безплатно); къ журн. «Bluszez»—два безплатныхъ приложенія: одно романы, друг. объявленія всякаго рода; къ журн. «Gospodarz i Przemyslowiec»—по земледѣлію, садоводству, скотоводству и т. п., подъ названіемъ «Biblioteka rolnicza», за особую плату; къ журн. «Wiek»—иллюстраціи; къ журн. «Wędrowiec»—статьи по естествознанію и беллетристическія (за особую плату); къ «Gazeta Polska»—беллетристическаго содержанія; къ «Gazeta Lekarska»—ежемѣсячно брошюры по практической медицинѣ подъ названіемъ «Odczytu kliniczne» (за плату); къ «Журналу счетоводъ Ѳ. В. Езерскаго» (нынѣ «Практическая жизнь»)—учебниковъ, пособій и соч. по счетоводству; къ журн. «Живописное Обозрѣніе»—музыкальныя произведенія для фортепіано и пѣнія; къ журн. «Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія»—4 раза въ годъ безплатное приложеніе; къ журн. «Klosy» и «Tygodnik romansow i powiesci»—два приложенія: одно беллетристическаго содержанія, другое объявленія; къ журн. «Kolce»—повѣсти, романы и разсказы подъ названіемъ «Bezpletay dodatek do Kolcow»; къ журн. «Лучъ»—научная хроника и полезныя домашнія занятія, подъ названіемъ «Польза» съ рисунками; къ журн. «Medycyna»—медицинскіе соч., за особую плату; къ журн. «Медицинская Бесѣда»—по естествознанію и медицинѣ; къ журн. «Przegląd Pedagogiczny»—образцовые труды по предметамъ программы журн.; къ журн. «Przyjaciel Dzieci»—ноты, узоры, рисунки для игръ; къ журн. «Родина»—картины, ноты и выкройки; къ журн. «Русскій Сатирическій Листокъ»—картины; къ журн. «Русскій Спортъ»—портреты лошадей и книги по спорту; къ газетѣ «Slowo»—романы, повѣсти и т. п.; къ газетѣ «Сынъ Отечества»—ежемѣсячно литературныя прилож.; къ журн. «Tygodnik Illustrowany»—беллетристическія прилож.; къ журн. «Фотографъ Любитель»—3 фотографіи въ годъ и къ журн. «Читальня Народной школы»—прилож. на церковно-славянскомъ языкѣ и ноты для хороваго пѣнія.

Измѣнили названіе слѣдующія изданія:

«Другъ Дѣтей», выходящій въ Москвѣ,—въ «Новую Газету»; «Журналъ счетоводъ Ѳ. В. Езерскаго», выходящій въ Спб.,—въ «Практическая жизнь, журналъ Ѳ. В. Езерскаго»; «Коннозаводство и Коневодство», выходящій въ Спб.,—въ «Иллюстрирован. журн. Коннозаводства и Коневодства»; «Листокъ конторы и склада В. А. Березовскаго», выходящій въ Спб.,—въ «Развѣдчикъ»; «Мой журналъ, модный журн. для дѣтей», выходящій въ Спб.,—въ «Мой журн., иллюстрированный журн. для дѣтей»; «Охотничья Газета», выходящая въ Москвѣ,—въ «Иллюстрированная Охотничья Газета»; «Ростовскій на Дону

листокъ объявленій»,—въ «Ростовскій на Дону Листокъ»; газета «Славянская Корреспонденція» измѣнила въ теченіе года свое названіе дважды: первоначально въ «Славянскій Вѣстникъ», а затѣмъ въ «Западно-Славянскій Вѣстникъ»; «Театральный, музыкальный и художественный журналъ», выходящій въ Москвѣ,—въ «Артистъ, театральный, музыкальный и художественный журналъ».

Изданія объявленныя окончательно прекратившимися:

«Донъ» (въ Новочеркаскѣ); «Wirulane» (въ Ревелѣ); «Wiadomosci Kalejowe» (въ Варшавѣ); «Гаіомъ»; «Gazeta Informacysna» (въ Варшавѣ); «Кавказское Обозрѣніе» (въ Тифлисѣ); «Korespondent Plocki» (въ Плоцкѣ); «Листокъ объявленій о потеряхъ и находкахъ» (въ Спб.); «Лифляндскій листокъ объявленій» (въ Ригѣ); «Медико-педагогическій Вѣстникъ» (въ Спб.); «Meelejahutaja» (въ Дерптѣ); «Mysliwy» (въ Варшавѣ); «Послѣднія Новости» (въ Москвѣ); «Praca» (въ Варшавѣ); «Pszola» (въ Варшавѣ); «Сборникъ романовъ и повѣстей для юношества» (въ Москвѣ); «Семья и Школа» (въ Спб.); «Сибирская газета»; «Технически-промышленный Вѣстникъ»; «Успѣхи мукомольнаго и крахмальнаго производствъ»; «Эпоха» (въ Москвѣ); «Ялтинскій Справочный Листокъ» (въ Ялтѣ); «Chwila» (въ Варшавѣ).

Утверждены новыя лица редакторами или издателями:

Редакторами: газеты «Астраханскій Вѣстникъ»—потом. поч. гражд. Вячеславъ Ивановичъ Склабинскій; газ. «Брянскій торгово-промышленный Листокъ»—кол. сов. Николай Алексѣевичъ Соколинскій; жур. «Баянъ»—сначала двор. Анна Ивановна Чернова, вмѣсто А. А. Астафьева, а затѣмъ штабсъ-капит. Павелъ Платоновичъ Веймарнъ; жур. «Baltische Monatsschrift»—кол. асес. Николай Германовичъ Вальтеръ-Карльбергъ (2-ой); «Biesiada hiteracka»—(2-мъ) Людвигъ Жыхлинскій; жур. «Biblioteka romansow i powiesci»—Теодоръ Попроцкій; жур. «Вѣстникъ литературы, политики, науки и художества съ афишами»—(2-мъ) ст. сов. Александръ Александровичъ Гиляровъ; жур. «Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества»—ст. сов. Василій Николаевичъ Кутузовъ; газеты «Gazeta Warszawska»—магистръ правъ Станиславъ Людвиговичъ Лешновскій; «Gazeta Radomska»—Раймундъ Осиповичъ Масловскій; жур. «Gaspodarz i Przemyslowiec»—Сатурнинъ Сикорскій; газ. «Dziennik lodzki»—провиз. Болеславъ Игнатьевичъ Книховецкій; газ. «Düna Zeitung»—Густавъ Пипирсъ, выбылъ Иванъ Корфъ; жур. «Душеполезное Чтеніе»—проф. священ. Дмитрій Косицынъ; жур. «Ежегодникъ Спб. Лѣснаго Института»—проф. Шафрановъ, а соредакт. проф. Бородинъ; жур. «Гражданскаго и Уголовнаго права»—г-м. Владиміръ Михайловичъ Володиміровъ и ст. сов. Адольфъ Христіановичъ Гольмстенъ; жур. «Записки Кіевскаго отд. Импер. Русск. Техническаго Общ. по свеклосахарной промышленности»—лобарант. универс. Левъ Львовичъ Лундъ; жур. «Извѣстія Собранія Инженеровъ путей сообщенія»—надв. сов. Александръ Александровичъ Іолшинъ, вмѣсто

г. Звягинцева; жур. «Иллюстрированный Міръ»—губ. секр. Станиславъ Станиславовичъ Окрейцъ; газ. «Ирбитскій Ярмарочный Листокъ» — учит. Евгеній Александровичъ Иконниковъ; газеты «Каспій» — надв. сов. Николай Алексѣевичъ Соколинскій; газ. «Крымъ» — сначала штабсъротм. Иванъ Самсоновичъ Чехъ, вмѣсто г-жи Протопоповой, а затѣмъ— отст. полк. Петръ Трофимовичъ Гордіевскій; газ. «Kurjer Codzienny»— Владиславъ Генриховичъ Олендзкій; газ. «Листокъ нормальной столовой» — докт. Александръ Липскій; «Лѣсной Журналъ» — ст. сов. Болеславъ Феликсовичъ Павловичъ, вмѣсто г. Тихонова; жур. «Лучъ»—присяж. повѣрен. Николай Михайловичъ Соколовскій; жур. «Лѣтописи Хирургическаго Общ. въ Москвѣ» — докт. Петръ Ивановичъ Дьяконовъ, вмѣсто г. Склифасовскаго; жур. «Mucha»—Владиславъ Францевичъ Бухнеръ, вмѣсто г. Фризе; жур. «Нижегородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности»—двор. Владиміръ Владиміровичъ Янковскій; газ. «Одесскія Новости» — дѣйст. студ. Евгеній Спиридоновичъ Попандопуло, вмѣсто г. Черепенникова; «Охотничья Газета»—Николай Туркинъ, вмѣсто г. Сабанѣева; жур. «Revaler Beobachter» — Ѳеодора Ѳедоровна Гейбель; жур. «Romans. i Powiesc» — Осипъ Сливовскій; газ. «Ростовскій на Дону Листокъ» — сначала кол. асес. Петръ Степановичъ Филипповъ, а потомъ (8-го мая)—мѣщ. Александръ Дмитріевичъ Волковъ; жур. «Труды Бакинскаго Отд. Импер. Русск. Техническаго Общ.»—горн. инжен. Александръ Адріановичъ Гордіевскій; жур. «Чтеніе для народа»—подпоруч. Иванъ Константиновичъ Шахновскій, вмѣсто г. Гейрота. *Издателями:* газеты «Астраханскій Вѣстникъ» — Елисавета Григорьевна Зеленская; журн. «Ateneum»—соизд. проф. Адольфъ Ивановичъ Павинскій; журн. «Баянъ»—изд. двор. Анна Ивановна Чернова; жур. «Biesiada literacka»— соизд. Людвигъ Жыхлинскій; жур. «Biblioteka romansow i powiesci»—Теодоръ Папроцкій; жур. «Wędrowiec»—соизд. Сатурнинъ Сикорскій; «Gazeta Radomska»—изд. Раймундъ Осиповичъ Масловскій; жур. «Gospodarz i Przemuslowiec»—изд. Сатурнинъ Сикорскій; газ. «Dzisnnik dla wszystkich i annonsowy»—изд. Петръ Осиповичъ Носковскій; газ. «Decnas Lopa»— куп. Петръ Рейновичъ Биснекъ; жур. «Душеполезное Чтеніе»—свящ. Дмитрій Косицынъ; жур. «Zorza» — соизд. Конрадъ Антоновичъ Прушинскій; жур. «Каспій» — изд. г-жа Елисавета Ивановна Болдырева; жур. «Кіевская Старина» — изд. наслѣдники г. Лашкевича; газ. «Крымъ»—изд. полк. Петръ Тимоѳеевичъ Гордіевскій; жур. «Лучъ»—изд. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій; газ. «Новороссійскій Телеграфъ»—соиздат. Зинаида Константиновна Озмидова; газ. «Одесскія Новости»—изд. Алексѣй Петровичъ Старковъ; газ. «Одесскій Вѣстникъ»—изд. Владиміръ Викентьевичъ Кирхнеръ; «Охотничья Газета»—изд. Николай Васильевичъ Туркинъ; жур. «Revaler Beobachter»—изд. г-жа Гейбель; газ. «Rigasche Börsen und Handelszietung»—изд. Іоганъ Крегеръ; жур. «Romans i Pocviesc»—изд. Осипъ Сливовскій; жур. «Русскій Вѣстникъ»—изд. Ѳедоръ Николаевичъ Бергъ; газ. «Сибирскій Вѣстникъ»—изд. Василій Петровичъ Картамышевъ; жур. «Сотрудникъ»—сначала изд. куп. Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ,

потомъ Владиміръ Николаевичъ Маракуевъ; жур. «Указатель Фрунъ»—соизд. Владиміръ Константиновичъ Черепановъ и жур. «Читальня Народной Школы»—изд. Алексѣй Николаевичъ Альмедингенъ.

Измѣненъ срокъ выхода журналовъ:

«Баянъ»—вмѣсто 1 раза въ недѣлю, разъ въ мѣс.; «Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства», вмѣсто 2-хъ, одинъ разъ въ мѣс.; «Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія»—вмѣсто 4 разъ въ годъ, 2 раза въ мѣс.; «Листокъ Спортсмена» — выпускать въ дни бѣговъ въ Петергофѣ и Ц. Селѣ; «Одесскія Новости»—ежедневно; «Русское Обозрѣніе» ежемѣсячно, вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс.; «Русское Судоходство»—ежемѣсячно; «Сборникъ Пермскаго Земства»—выпускать до 6-ти разъ; «Читальня Народной Школы», вмѣсто раза въ недѣлю—разъ въ мѣсяцъ.

Въ заключеніе приводимъ свѣдѣнія о карательныхъ мѣрахъ относительно періодическихъ изданій, послѣдовавшихъ по распоряженію министра внутрен. дѣлъ: а) пріостановлено изданіе газ. «Минута» на 3 мѣс.; б) даны предостереженія: 1-е жур. «Вѣстникъ Европы» въ виду того, что жур. этотъ «въ цѣломъ рядѣ статей относится не иначе какъ съ осужденіемъ къ важнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства, а статьи В. Соловьева «Очерки изъ исторіи русскаго сознанія», появившіяся на страницахъ этого изданія, раздражительною критикой, направленною противъ русской церкви и государства въ историческомъ ихъ развитіи, внушаютъ ложныя о нихъ представленія и колеблятъ уваженіе къ основамъ ихъ и вообще къ принципу русской національности». Газетѣ «Русское Дѣло» дано 3-е предостереженіе и пріостановлено изданіе на 6-ть мѣс., въ виду того, какъ сказано въ распоряженіи министерства, «что газета не только не измѣнила того направленія, которое вызывало противъ нея карательныя мѣры, но упорствуетъ въ немъ съ большею чѣмъ когда-нибудь запальчивостью, доказательствомъ чего, въ ряду многихъ статей, особенно служитъ статья, оскорбительная для одного изъ сословій, помѣщенная въ № 6 этого изданія».—Газетѣ «Русскій Курьеръ» дано 3 предостереж., съ пріостановкой изданія на 6-ть мѣс., въ томъ соображеніи, «что газета эта упорствуетъ въ неблагонамѣренномъ направленіи, которое вызвало противъ нея, со времени ея возникновенія, цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, продолжаетъ истолковывать въ ложномъ свѣтѣ правительственныя мѣропріятія, а передовая статья ея въ № 246 усиливается въ крайне дерзкихъ выраженіяхъ набросить неблаговидную тѣнь на высшее сословіе въ государствѣ». в) Пріостановлено печатаніе объявленій: въ газетѣ «Rigasche Börsen und Handelsreitung»—на 8 мѣс.; въ газ. «Rigasche Zeitung»—на 8-мь мѣс. г) Воспрещена разничная продажа: газеты «Театръ и Жизнь»; газ. «Новости». Разрѣшена розничная продажа: газетъ «Театръ и Жизнь» черезъ 5-ть мѣсяцевъ и жур. «Шутъ» черезъ 7-мь мѣс. (воспрещена б. въ октябрѣ 1888 г.).

Л. Павленковъ.

Герцогъ Франческо и Біанко Каппела.

Дозв. ценз. Спб., 13 Апрѣля 1890 г.

ровать фамилію Медичи въ глазахъ всѣхъ европейскихъ дворовъ— не давала ему покоя. Кардиналъ настолько серьезно смотрѣлъ на полученные имъ изъ Болоньи документы, что не рѣшался по поводу ихъ переписываться съ братомъ, а поѣхалъ во Флоренцію самъ.

И на этотъ разъ онъ желалъ предварительно объясниться съ сестрой Изабеллой, а потому, пріѣхавъ во Флоренцію, прямо отправился къ ней. Свѣдѣнія, сообщенныя братомъ, не открыли ей ничего новаго. Она откровенно разсказала, какъ ошиблась въ фальшивой и коварной Біанкѣ. Изабелла говорила, какъ сначала куртизанка всячески льстила и угождала роднымъ Франческо, пока нуждалась въ ихъ поддержкѣ въ борьбѣ съ законной женой герцога и зятьями, но, увѣрившись въ своей власти надъ герцогомъ Франческо, который послѣ смерти отца сдѣлался полновластнымъ правителемъ, она вдругъ возгордилась и стала играть роль независимой повелительницы.—«Это вредное растеніе, пустившее корни на нашей почвѣ,—говорила Изабелла,—слѣдуетъ уничтожить соединенными силами пока есть еще время.»

Кардиналъ отвѣчалъ, что именно за этимъ онъ и пріѣхалъ, и что онъ надѣется на то важное оружіе, которое попалось ему въ руки—документы. При ихъ помощи можно открыть брату глаза и доказать ему, что онъ полюбилъ фальшивую женщину.

Изабелла такъ же, какъ и ея братъ, не знала, что хитрая фаворитка уже предотвратила этотъ ударъ, увѣривъ любовника, что она рѣшилась на преступленіе ради безпредѣльной любви къ нему и желанія удержать его чувство. Не зная и того, что это признаніе Біанки послужило ей въ пользу, братъ и сестра были увѣрены, что находящіеся въ ихъ рукахъ документы произведутъ существенный переворотъ въ душѣ Франческо.—Неужели,—говорили они,—любовь брата не превратится въ ненависть и презрѣніе, когда онъ узнаетъ какою сѣтью интригъ опутала его эта женщина?

Съ такими мыслями они явились къ герцогу.

Увидавъ брата кардинала, совершенно неожиданно пріѣхавшаго во Флоренцію, герцогъ догадался о причинѣ этого визита. Появленіе Изабеллы, прервавшей всякія сношенія съ Біанкой, вполнѣ подтвердило эту догадку.

— Какой счастливый случай привелъ васъ во Флоренцію, почтеннѣйшій братецъ?—спросилъ герцогъ Франческо, сдвигая брови.

— Я все вамъ объясню, если вы расположены выслушать меня,—сказалъ кардиналъ.

— Быть можетъ вамъ нужны деньги?—спросилъ Франческо, иронически улыбаясь.

— Нѣтъ, на этотъ разъ мнѣ онѣ не нужны. Меня привела во Флоренцію болѣе важная забота.

— Болѣе важная забота?!

— Да, забота о вашей чести и вашей безопасности, любезный братецъ.

— О моей чести я забочусь самъ и не нуждаюсь ни въ чьихъ попеченіяхъ, — отвѣчалъ нахмурившись герцогъ. — Относительно опасности, о которой вы говорите, любопытно было бы знать, откуда она мнѣ угрожаетъ?

Въ отвѣтъ на это кардиналъ передалъ брату документы, полученные изъ Болоньи, все еще увѣренный въ ихъ радикальномъ дѣйствіи.

— Это что такое?—спросилъ Франческо, принимая бумаги.

— Читайте,—отвѣчалъ Фердинандъ.

— Да, мы васъ просимъ прочесть, — прибавила Изабелла, въ первый разъ подавшая голосъ.

Франческо сталъ переворачивать листы, пробѣгая ихъ наскоро. Братъ и сестра слѣдили за нимъ, затая дыханіе; они усиливались прочесть на его лицѣ то выраженіе, какое могло произвести впечатлѣніе отъ прочитанной имъ страшной вѣсти.

Но къ ихъ величайшему изумленію на лицѣ герцога не было замѣтно и тѣни того, чего они ожидали. Будто онъ читалъ разсказъ совершенно его не касавшійся. Окончивъ чтеніе, Франческо медленно сложилъ бумаги, сунулъ ихъ въ боковой карманъ и съ небрежной улыбкой сказалъ, обращаясь къ кардиналу:

— Неужели для того, чтобы передать мнѣ эти бумаги, вы, рискуя простудиться, прискакали на почтовыхъ изъ Рима во Флоренцію?

— Я находилъ эти бумаги настолько важными, что счелъ моей обязанностью вручить ихъ вамъ лично и познакомить васъ съ ихъ содержаніемъ.

— Мнѣ все это уже было извѣстно,—отвѣчалъ совершенно невозмутимо Франческо.

— Какъ, вамъ было извѣстно?—вскричалъ Фердинандъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Да, повторяю вамъ, что все это я уже зналъ.

— И не смотря на это Біанка продолжаетъ пользоваться вашей благосклонностью?

— А почему же нѣтъ? Теперь она стала для меня еще дороже.

Изабелла была не менѣе изумлена, чѣмъ ея братъ, но не рѣшилась высказать этого.

— Чему вы такъ удивляетесь,—продолжалъ Франческо,—женщина эта любитъ меня такъ, какъ никогда никто не любилъ. Вся цѣль ея жизни сдѣлать меня счастливымъ. Она знала, что я болѣе всего на свѣтѣ желаю имѣть сына и рѣшила во что бы то ни стало осуществить мое желаніе. Судьбѣ не было угодно, чтобы Біанка сама забеременила, она и пустилась на обманъ изъ состраданія ко мнѣ. Вотъ видите, для того, чтобы осуществилась моя завѣтная мечта,

Біанка не побоялась ни трудностей, ни опасностей, не отступила даже передъ преступленіемъ. Она безъ малѣйшаго колебанія принесла мнѣ въ жертву свое спокойствіе, свой внутренній миръ, свою совѣсть и душу. И все это она сдѣлала для того, чтобы видѣть меня счастливымъ, веселымъ и покойнымъ. По моему, это доказательство истинной любви. И вы хотите, чтобы я считалъ своимъ врагомъ женщину, рѣшившуюся на такой подвигъ изъ любви ко мнѣ? А знаете ли вы кто мои настоящіе враги? Тѣ, которые желаютъ разрушить иллюзію, составляющую счастье всей моей жизни, всѣ мои мечты, всѣ радости, всѣ надежды. Какая надобность, что ребенокъ не былъ моимъ сыномъ? Я его считалъ своимъ и этого было совершенно достаточно для полнаго моего счастья. А теперь я опять несчастливъ такъ же какъ и прежде. Это дѣло вашихъ рукъ! Но, пожалуйста не думайте, что вы воспользуетесь плодами вашего лукавства. Нѣтъ! я призналъ Антонія моимъ сыномъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ, и никто иной, будетъ моимъ наслѣдникомъ!

Говоря это, великій герцогъ раздражался все болѣе и болѣе. Доказывать ему противное не было никакой возможности. Фердинандъ и Изабелла не могли открыто воставать противъ поступковъ своего полновластнаго брата; имъ болѣе ничего не оставалось, какъ удалиться, что они и сдѣлали.

Когда закрылась за ними дверь, Франческо приподнялъ портьеру, за которой стояла Біанка, слышавшая весь разговоръ.

— Мой милый, благородный Франческо,—говорила фаворитка, бросаясь къ любовнику на шею.

— Ты моя единственная радость,—отвѣчалъ герцогъ, страстно цѣлуя ее.

XXII.

Жена и любовница.

КАРДИНАЛЪ Медичи и Изабелла рѣшили, что ихъ братъ, великій герцогъ, заколдованъ, что его чувство не слѣдуетъ считать обыкновенной любовью. Очевидно Франческо поддался вліянію чаръ, а потому все это нужно предоставить теченію времени, дать пройти его болѣзненному бреду. Настойчивостью, противорѣчіемъ, тутъ можно добиться только обратнаго дѣйствія, т е. еще бо̀льшаго ослѣпленія Франческо его лукавой фавориткой. Фердинандъ рѣшилъ немедленно возвратиться въ Римъ, давъ обѣщаніе пріѣхать во Флоренцію, когда этого потребуютъ дѣла. Сестрѣ Изабеллѣ онъ совѣтовалъ избѣгать столкновеній съ Біанкой и вообще стараться не раздражать околдованнаго ею Франческо. Передъ отъѣздомъ въ Римъ кардиналъ посѣтилъ великую герцогиню, свою невѣстку.

Покинутая и оскорбленная супруга была страшно озлоблена противъ мужа и его любовницы. Она говорила, что много горькихъ слезъ пролила, благодаря наглому хвастовству Біанки и равнодушію супруга, промѣнявшаго свою законную жену на продажную женщину. Фердинандъ утѣшалъ невѣстку; при этомъ прибѣгнулъ къ религіи и философіи, не соглашаясь съ тѣмъ, что она говорила, изъ опасенія, чтобы оскорбленная женщина не высказала его взглядовъ супругу въ ссорѣ съ нимъ.

На всѣ совѣты кардинала быть терпѣливой, надѣяться на провидѣніе, герцогиня отвѣчала, что подобныя утѣшенія и наставленія она уже выслушивала отъ покойнаго свёкра, герцога Козимо, что она долго терпѣла, молилась и питала надежду на исправленіе

супруга, но что это ровно ни къ чему не привело; всякому терпѣнію есть границы, — говорила великая герцогиня,—наконецъ, я чувствую, что болѣе терпѣть уже не въ силахъ. Видя, какъ равнодушно относится супругъ къ ея унизительному положенію, она была вынуждена написать къ брату, австрійскому императому, прося его защиты, чтобы онъ напомнилъ великому герцогу Франческо его обязанности и долгъ. Осторожный кардиналъ продолжалъ быть сдержаннымъ, не одобрялъ и не осуждалъ великой герцогини Іоанны; простившись съ ней, онъ послѣ короткаго свиданія съ братомъ уѣхалъ въ Римъ.

Тѣмъ временемъ произошло нѣчто странное, доказывающее измѣнчивость человѣческой натуры. Гордый венеціанецъ Бартоломео Капелло, отецъ Біанки, возненавидѣвшій дочь, бѣжавшую съ безвѣстнымъ юношей, чтобы вступить съ нимъ въ законный бракъ, патрицій, возстановившій противъ нея всю республику Сан-Марко, примирился съ авантюристкой, когда она стала любовницей всемогущаго и богатаго герцога Тосканскаго. Этотъ прискорбный фактъ можетъ служить прекрасной иллюстраціей нравовъ того времени.

Изъ сохранившихся документовъ мы узнаемъ, что Бартоломео Капелло пріѣзжалъ во Флоренцію къ дочери и нисколько не возмущался ея постыдной ролью наложницы великаго герцога Франческо. Мало того, старикъ позволилъ себѣ принять богатые подарки отъ любовника дочери. Затѣмъ Біанка купила ему въ Венеціи палаццо, стоившій семьдесятъ тысячъ скуди и пріобрѣла на его имя имѣніе, приносившее четыре тысячи скуди годового дохода. Бартоломео Капелло былъ очень доволенъ всѣмъ этимъ, потому что по сравненію съ другими вельможами онъ не обладалъ большими средствами; къ чести венеціанской знати, она не одобрила низкихъ поступковъ Бартоломео Капелло,—ему былъ воспрещенъ входъ въ сенатъ. Было ли сдѣлано это распоряженіе венеціанской знатью вслѣдствіе унизительнаго поведенія Бартоломео Капелло или тутъ прямо была боязнь сенаторовъ, что отецъ фаворитки флорентійскаго владыки можетъ передать дочери тайные замыслы венеціанскаго правительства—неизвѣстно.

Вообще всемогущество Біанки росло съ каждымъ днемъ и давало себя чувствовать во всѣхъ сферахъ государства. Несчастной супругѣ герцога Франческо хорошо были извѣстны всѣ эти прискорбные факты и ея нравственныя страданія увеличивались.

Братья великой герцогини Іоанны не оставались глухи къ ея жалобамъ. Императоръ Максимиліанъ въ своемъ письмѣ къ великому герцогу Франческо грозно укорялъ его за столь постыдное поведеніе. Другой братъ, эрцъ-герцогъ Фердинандъ, аттестовалъ мужа сестры передъ всѣми нѣмецкими князьями, какъ развратнаго тирана и громко заявлялъ, что поѣдетъ во Флоренцію, чтобы взять сестру и возбудить революцію противъ великаго герцога То-

сканы. Фердинандъ уже готовился привести свой планъ въ исполненіе, какъ вдругъ умеръ Максимиліанъ. Новый императоръ Рудольфъ, желая удержать за собой дружбу повелителя Тосканы, былъ противъ насильственныхъ мѣръ и старался примирить супруговъ. Герцогиня Іоанна говорила, что мужъ лишаетъ ее самого необходимаго, между тѣмъ какъ своей любовницѣ Біанкѣ ни въ чемъ не отказываетъ. Въ свою очередь герцогъ Франческо, главнымъ образомъ, ссылался на крайнюю надменность и расточительность жены.

Императоръ укорялъ великаго герцога и совѣтовалъ ему возстановить миръ и согласіе въ своемъ семействѣ, удаливъ венеціанку. Но Франческо былъ непреклоненъ, утверждалъ, что жалобы супруги были преувеличены и вообще далъ понять, что намѣренъ поступать самостоятельно, какъ ему самому заблагоразсудится.

Именно во время самаго спора, случилось довольно странное обстоятельство. Герцогиня Іоанна, или, какъ ее италіанцы называли, Джіованна, объявила, что она беременна и затѣмъ разрѣшилась сыномъ, названнымъ въ честь испанскаго короля Филиппомъ. Столица Тосканы Флоренція торжественно праздновала это важное событіе и всѣ надѣялись, что рожденіе сына послужитъ примиреніемъ великогерцогской семьи и изгнаніемъ ненавистной Біанки. Никто не сомнѣвался, что разъ сбылось желаніе Франческо имѣть прямого наслѣдника, онъ, герцогъ, примирится съ женой и разстанется съ любовницей; но ожиданія эти не сбылись. Франческо не въ силахъ былъ освободиться отъ чаръ, которыми обворожила его сирена.

Дѣйствительно, герцогъ послѣ рожденія сына сталъ относиться нѣсколько привѣтливѣе къ своей женѣ, что побудило хитрую венеціанку удалиться изъ Флоренціи въ одну изъ ея виллъ. Но любить Іоанну и забыть Біанку герцогъ не могъ. Не желая навлекать на себя гнѣвъ императора и ненависть подданныхъ, Франческо долженъ былъ притворяться, на время удалиться отъ любовницы, но эта маскировка еще болѣе усиливала его страсть къ послѣдней.

Разставшись съ Біанкой, онъ почувствовалъ свое одиночество и любовь его къ ней вспыхнула еще съ бо́льшей силой. Никогда его любовница не была ему такъ мила, какъ въ эти минуты разлуки съ ней. Вынужденный ласкать жену, онъ закрывалъ глаза и его воображенію рисовался прелестный образъ венеціанки. Долго мучился страстно-влюбленный Франческо, наконецъ, не выдержалъ. Разъ ночью, вскочивъ съ супружескаго ложа, онъ приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и одинъ безъ провожатаго поскакалъ въ виллу, гдѣ жила Біанка. Не ожидая пріѣзда любовника въ такой поздній часъ, красавица, тѣмъ не менѣе, была внѣ себя отъ

счастья. Полуодѣтая, она выбѣжала на встрѣчу герцогу, бросилась къ нему на шею и стала нѣжно цѣловать.

— Я думала, что ты забылъ меня, милый, — шептала сквозь слезы Біанка.

Франческо старался осушить своими поцѣлуями слезы красавицы и умолялъ ее на колѣнахъ простить ему его невольную вину.

— Ты никогда не была такъ дорога моему сердцу, какъ въ эти страшные дни разлуки,—говорилъ Франческо, продолжая осыпать поцѣлуями лицо и руки Біанки.

— Но ты перемѣнился ко мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ у тебя родился сынъ.

— Подумала ли ты отъ кого этотъ сынъ? Отъ женщины глубоко мнѣ ненавистной. Ты, и только одна ты, должна быть матерью моихъ сыновей.

Съ этой ночи герцогъ уже постоянно совершалъ ночныя поѣздки на виллу, что не мало тревожило Біанку. Она весьма основательно говорила объ опасности, которой подвергался Франческо, пріѣзжая къ ней ночью по пустынной, проселочной дорогѣ, одинъ безъ свиты, даже безъ провожатаго. Рѣшено было, что она переѣдетъ во Флоренцію и будетъ вести жизнь совершенно уединенную, замкнутую. Вскорѣ планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Біанка вернулась въ городъ и помѣстилась въ частномъ домѣ, куда герцогъ сталъ ходить ночью переодѣтый и тщательно закутанный въ плащъ. Такая таинственность имѣла прелесть запретнаго плода, что еще болѣе распаляло страсть влюбленнаго герцога.

Нѣкоторое время герцогиня Іоанна была введена въ заблужденіе. Она успокоилась и была увѣрена, что ея герцогъ наконецъ къ ней вернулся. Но разъ одна изъ преданныхъ ей камеристокъ разсѣяла эти сладкія иллюзіи; упавъ передъ своей госпожей на колѣни, она сказала:

— Ваша свѣтлость, дозвольте сообщить мнѣ вамъ великую тайну.

— Великую тайну? Встань. Говори въ чемъ дѣло?

— Ваша свѣтлость, Біанка во Флоренціи.

— А.!!

— И великій герцогъ постоянно ее посѣщаетъ, — продолжала доносчица.

Слова эти поразили герцогиню Іоанну въ самое сердце точно острымъ ножомъ. Нѣсколько минутъ она не могла говорить.

Придя нѣсколько въ себя, несчастная женщина вскричала:

— Но ты лжешь... этого быть не можетъ!

— Я говорю истинную правду, ваша свѣтлость.

— Но мой Франческо такъ добръ и нѣженъ ко мнѣ, какъ никогда!

— Все это онъ дѣлаетъ для того, чтобы искуснѣе обмануть васъ.

— Какой вздоръ! Я его законная жена, подруга передъ Богомъ и людьми, наконецъ мать его сына. Онъ не можетъ мнѣ измѣнить. Это было бы черезчуръ низко съ его стороны!

— Тѣмъ не менѣе я говорю вамъ истинную правду. Въ справедливости моихъ словъ можете убѣдиться своими глазами.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! — вскричала въ отчаяніи герцогиня,—низкій человѣкъ! Охъ, эти италіанцы?

Переходя отъ злобы къ отчаянію, герцогиня, забывъ свое достоинство, рыдая, припала къ груди камеристки.

— Несчастная я, несчастный мой сынъ!—говорила она.

— Бѣдная моя синьора,—сказала камеристка, — вы достойны лучшей участи.

— Ты думаешь, что я своими глазами могу удостовѣриться въ истинѣ твоихъ словъ?—спрашивала герцогиня.

— Да ваша свѣтлость, — отвѣчала доносчица и, понизивъ голосъ, передала Іоаннѣ планъ, какъ проникнуть въ домъ Біанки и застать тамъ любовниковъ.

Въ тотъ же вечеръ герцогиня и ея камеристка, переодѣвшись, вышли изъ дворца. Плащи съ капишонами скрывали ихъ лица и фигуры. Тщательно закутавшись, онѣ черезъ садъ Боболи вышли на дорогу къ Порто Романо, гдѣ находилось тайное убѣжище Біанки: небольшой домъ, позади котораго былъ тѣнистый садъ.

При помощи садовника, подкупленнаго камеристкой, онѣ прошли въ садъ и оттуда въ комнаты перваго этажа. Садъ былъ полонъ цвѣтовъ, распространявшихъ пріятный ароматъ, и изъ полурастворенныхъ оконъ дома доносился страстный шопотъ и горячіе поцѣлуи. Іоанна ворвалась въ комнату, гдѣ сидѣли любовники и остановилась на порогѣ въ позѣ Немезиды-мстительницы.

— Вотъ какъ вы оправдываете мое довѣріе,—вскричала она, обращаясь къ мужу, — ваше поведеніе недостойно честнаго человѣка, придетъ время, когда Богъ васъ накажетъ!

Сказавъ это, герцогиня вышла. Ей стоило не человѣческихъ усилій, чтобы сдержать себя и сохранить чувство собственнаго достоинства и приличія. Эта непривычная для нея сдержанность потрясла организмъ несчастной оскорбленной женщины до основанія.

Возвратившись домой, она почувствовала слабость, лихорадочныйознобъ, слегла въ постель и уже болѣе не встала.

Чувствуя приближеніе къ смерти, она позвала къ себѣ мужа.

— Я прощаю вамъ все зло, которое вы мнѣ причинили,—сказала умирающая.—Я вѣрю, что вы не въ силахъ были побороть страсть, внушенную вамъ этой негодной женщиной. Богъ съ вами, я вамъ прощаю, но умоляю васъ образумтесь. Выслушайте совѣтъ умирающей. Разстаньтесь съ Біанкой, иначе она васъ погубитъ, отравитъ всю вашу жизнь, будетъ причиной преждевременной ва-

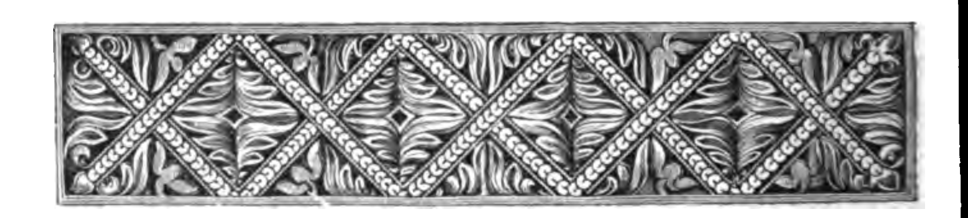
шей смерти. Я любила васъ, Франческо, всей душой любила, насколько способно было любить мое сердце. Къ сожалѣнію, любовь эта сдѣлала меня самой несчастной женщиной на свѣтѣ. Я умираю, мнѣ уже болѣе ничего не нужно, но я прошу васъ за этого мальчика, котораго вамъ оставляю. Оберегайте его и любите—пусть онъ не наслѣдуетъ участи несчастной своей матери.

Франческо поцѣловалъ жену и ребенка.

Вслѣдъ за этимъ герцогиня Іоанна скончалась.

На третій день было совершено торжественное погребеніе великой герцогини Іоанны. Франческо въ траурной одеждѣ шелъ за гробомъ по улицамъ Флоренціи. При проѣздѣ печальной процессіи мимо одного изъ домовъ города, окружавшіе герцога замѣтили, что онъ приподнялъ шляпу и почтительно раскланялся, они невольно обратили вниманіе на этотъ домъ и въ окнѣ его увидали стоявшую Біанку, торжественно улыбающуюся, глядя на похоронную процессію. Наглость фаворитки произвела на всѣхъ самое непріятное впечатлѣніе.

XXIII.

Дочь Санъ-Марко.

ПОСЛѢ СМЕРТИ великой княгини Іоанны, Біанка уже не сомнѣвалась въ достиженіи своей завѣтной цѣли. Прямо съ похоронъ Франческо посѣтилъ ее. По уходѣ герцога, венеціанка, веселая и улыбающаяся, сказала одному изъ синьоровъ, бывшихъ у нея въ это время:

— Дайте мнѣ вашу руку. Теперь я могу позаботиться о вашей карьерѣ, великій герцогъ обѣщалъ на мнѣ жениться и я увѣрена онъ сдержитъ свое слово.

Изабелла Орсини узнавъ объ этомъ хвастовствѣ Біанки, сочла лишнимъ говорить съ братомъ, зная его страсть къ фавориткѣ, но тотчасъ же написала брату кардиналу въ Римъ, прося его немедленно пріѣхать во Флоренцію. Кардиналъ понялъ всю важность просьбы сестры и не замедлилъ своимъ пріѣздомъ. Въ бесѣдѣ съ братомъ, не упоминая имени Біанки, онъ совѣтовалъ ему жениться, указавъ на нѣкоторыхъ принцессъ крови, между которыми онъ могъ бы выбрать себѣ супругу. Герцогъ Франческо, не открывая прямо своихъ намѣреній, отвѣчалъ, что онъ уже достаточно жертвовалъ собой для блага государства и семьи, что теперь ему хотѣлось бы попользоваться свободой.

Вообще, герцогъ Франческо отвѣчалъ брату уклончиво и медлилъ объявить о своемъ намѣреніи жениться на фавориткѣ. Повинуясь влеченію сердца, онъ готовъ былъ жениться на Біанкѣ вскорѣ по смерти жены, но разсудокъ ему говорилъ, что онъ этимъ возстановитъ противъ себя всѣ императорскіе дворы и своихъ подданныхъ. Венеціанка была предметомъ общей ненависти, какъ въ Тосканѣ, такъ и при заграничныхъ дворахъ. Ее обвиняли въ нес-

счастьи покойной герцогини Іоанны и даже утверждали, что она прибѣгла къ помощи яда, чтобы проложить себѣ дорогу къ трону. Герцогъ Франческо безпрестанно получалъ предостереженія оберегать себя отъ этой коварной, фальшивой женщины.

Передъ отъѣздомъ въ Римъ, кардиналъ Фердинандъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ великогерцогскимъ придворнымъ теологомъ Джіованни Конфетти, къ которому, какъ полагалъ Фердинандъ, герцогъ долженъ былъ адресоваться за совѣтомъ относительно женитьбы на Біанкѣ. Конфетти, чаявшій повышеній и милостей изъ Рима, само собой разумѣется, долженъ былъ стараться исполнить желаніе кардинала, отклонить герцога Франческо отъ его пагубнаго намѣренія жениться на фавориткѣ.

Кардиналъ Фердинандъ былъ правъ. Герцогъ Франческо, дѣйствительно, хотѣлъ посовѣтоваться съ монсиньоромъ Конфетти, имѣя въ виду употребить систему своего отца, когда покойный женился на Камиллѣ Мартелли, т. е., чтобы сама церковь указала ему необходимость прикрыть грѣховныя его отношенія къ Біанкѣ законнымъ бракомъ. Съ этой цѣлью герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Конфетти. Монсиньоръ поспѣшилъ явиться.

— Святой отецъ, — сказалъ Франческо, когда теологъ и онъ остались одни,—я позвалъ васъ, чтобы посовѣтоваться относительно очень важнаго вопроса. Для рѣшенія его потребуется вся ваша ученость, которой вы заслуженно славитесь. Дѣло идетъ о спокойствіи моей совѣсти и моемъ душевномъ мирѣ. Если вамъ удастся вернуть мнѣ то и другое, то моей благодарности не будетъ границъ.

— Говорите, ваша свѣтлость, я васъ слушаю.

— Вы знаете, монсиньоръ, что я клялся Біанкѣ Капелло, что женюсь на ней. Много важныхъ причинъ удерживаютъ меня теперь отъ этого брака. Могу ли я отказаться отъ моего клятвеннаго обѣщанія! Не будетъ ли это страшнымъ грѣхомъ съ моей стороны? Научите, монсиньоръ, какъ согласовать мнѣ мои свѣтскіе интересы съ долгомъ моей совѣсти?

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ теологъ, ожидавшій такой бесѣды съ герцогомъ, — я не могу отвѣчать вамъ опредѣленно на столь важные вопросы. Сначала благоволите сообщить мнѣ всѣ подробности этого дѣла. Мнѣ необходимо знать: обѣщали ли вы Біанкѣ жениться на ней еще при жизни вашей супруги и мужа Біанки Бонавентури—это первое и самое важное, затѣмъ, я прошу васъ также сказать мнѣ, не содѣйствовали ли вы смерти Бонавентури и въ какихъ отношеніяхъ были къ Біанкѣ Капелло. Если, ваша свѣтлость, вы сообщите мнѣ откровенно, какъ духовному лицу, всѣ эти обстоятельства, я съ моей стороны сочту священной обязанностью откровенно и прямо отвѣчать вамъ на заданные мнѣ вопросы.

Герцогъ Франческо, нѣсколько подумавши, отвѣчалъ:

— Жена моя и Бонавентури были живы, когда я обѣщалъ Біанкѣ жениться на ней, если мы оба овдовѣемъ. Послѣ этого вскорѣ Бонавентури былъ убитъ. Я не принималъ участія въ этомъ убійствѣ и не содѣйствовалъ ему, но зналъ о немъ и не мѣшалъ преступленію. Съ Біанкой Капелло я былъ въ интимныхъ отношеніяхъ до и послѣ смерти ея мужа, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Донъ Антоніо я усыновилъ, заблуждаясь, и только впослѣдствіи узналъ, что ребенокъ этотъ не сынъ мой.

Монсиньоръ Конфетти нѣкоторое время хранилъ молчаніе, какъ бы погруженный въ глубокую думу, затѣмъ многозначительно произнесъ:

— Ваша свѣтлость, мой духовный санъ обязываетъ меня, въ виду всего, что вы изволили мнѣ сообщить, объявить вамъ, что вы не только не обязаны выполнить данное вами синьорѣ обѣщаніе, сочетаться съ ней законнымъ бракомъ, но даже этимъ поступкомъ навлечете на себя тяжелый грѣхъ. Вы дали обѣщаніе Біанкѣ и имѣли съ ней любовную связь еще при жизни Бонавентури и вашей супруги. Хотя вы, какъ мнѣ сообщили и не принимали прямого участья въ убійствѣ мужа Біанки, тѣмъ не менѣе вы содѣйствовали этому убійству, не мѣшая злодѣямъ совершить преступленіе, зная о ихъ намѣреніи. Вотъ главныя причины, въ силу которыхъ, по догматамъ религіи, не можетъ состояться вашъ бракъ съ синьорой Біанкой Капелло. Скажу вамъ болѣе. На основаніи тѣхъ же догматовъ нашей церкви, если бы между вами и Біанкой былъ уже совершенъ бракъ, то его слѣдовало бы расторгнуть, такъ какъ подобный союзъ считается нашей святой церковью тяжкимъ грѣхомъ.

Герцогъ Франческо, слушая монсиньора, смутился; онъ ожидалъ совершенно противоположнаго. Послѣ краткаго молчанія, онъ сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Прошу васъ, монсиньоръ, серьезно обдумать это дѣло.

Сказавъ это, герцогъ всталъ, давая понять недогадливому совѣтнику, что аудіенція кончилась. Черезъ нѣсколько дней онъ снова послалъ за монсиньоромъ и спросилъ его хорошо ли онъ обдумалъ вопросы, данные на его обсужденіе.

И на этотъ разъ монсиньоръ Конфетти повторилъ свой прежній отвѣтъ, указавъ герцогу статьи канона, строго воспрещающія бракъ между вдовой и ея любовникомъ.

— О, сохрани меня Богъ,—вскричалъ герцогъ,—чтобы я совершилъ что̀-либо воспрещаемое церковью. Я отказываюсь отъ моего брака съ Біанкой Капелло и даже совершенно растаюсь съ ней. Сейчасъ пошлю ей сказать, что болѣе не намѣренъ поддерживать грѣховной связи.

Говоря все это монсиньору, герцогъ Франческо страшно хит-

рилъ. Въ душѣ онъ давно рѣшилъ обвѣнчаться съ Біанкой и всѣ эти препятствія только распаляли его страсть и поддерживали рѣшеніе. Ему хотѣлось лишь на время успокоить умы, увѣрить всѣхъ, что онъ совсѣмъ прекращаетъ связь съ Біанкой. Послѣдняя, въ свою очередь, играла ту же комедію. Она показывала, что очень грустна вслѣдствіе охлажденія къ ней герцога.

Спустя нѣкоторое время, Франческо опять пригласилъ къ себѣ придворнаго теолога.

— Монсиньоръ,—сказалъ онъ ему,—если я не могу жениться на этой несчастной женщинѣ, какъ ей обѣщалъ, то не могу ли я усыновить ея ребенка донъ-Антонія. Я бы желалъ хотя этимъ ее утѣшить?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ монсиньоръ.—Ваша свѣтлость не должны бы были это дѣлать и въ томъ случаѣ, еслибъ донъ-Антоніо былъ сыномъ Біанки, ибо законъ строго воспрещаетъ усыновлять плодъ преступной любовной связи, а въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе, такъ какъ донъ-Антоніо не вашъ сынъ. На какомъ же основаніи вы бы лишили правъ вашихъ законныхъ наслѣдниковъ. Поступая такимъ образомъ, вы бы совершили грѣхъ, который можно было бы искупить только публичнымъ покаяніемъ.

— Вы правы, святой отецъ,—отвѣчалъ герцогъ,—мнѣ не слѣдуетъ лишать законныхъ правъ моихъ наслѣдниковъ для чужого ребенка.

Подъ этой притворной покорностью Франческо скрывалъ волновавшее его душу негодованіе.

Чтобы вполнѣ увѣрить всѣхъ въ томъ, что онъ растается съ Біанкой, герцогъ вскорѣ предпринялъ путешествіе въ разныя области своихъ владѣній. Такомъ образомъ всѣ рѣшили, что между герцогомъ Франческо и Біанкой связь прервана окончательно.

Между тѣмъ, властелинъ Тосканы, объѣзжая горы Пистойи и островъ Эльбу, очень акуратно переписывался во время своего путешествія съ Біанкой. Въ его отсутствіе, хитрая венеціанка нашла монаха, который согласился обвѣнчать ее съ герцогомъ Франческо.

Герцогъ возвратился въ Флоренцію больной. Онъ слегъ въ постель и во все время своей болѣзни не хотѣлъ видѣть никого, кромѣ Біанки. Она окружила его самыми нѣжными заботами и, конечно, стала ему еще дороже.

Разъ утромъ, когда герцогъ уже сталъ поправляться, Біанка вошла къ нему въ комнату и спросила не хочетъ ли онъ кушать?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ выздоравливающій,—мнѣ ѣсть не хочется.

— Скушайте, другъ мой, вотъ хотя это яичко, я сама его для васъ приготовила, скушайте, это васъ подкрѣпитъ, — продолжала венеціанка, подавая герцогу на блюдцѣ яйцо.

Франческо взялъ яйцо, съѣлъ его и, нѣжно взглянувъ на Біанку, сказалъ:

— Благодарю васъ, моя дорогая, вы постоянно дарите меня вашимъ милымъ вниманіемъ. Я теперь чувствую себя довольно хорошо и могу расплатиться съ вами; вѣдь я давно у васъ въ долгу. Вотъ вамъ моя рука, отнынѣ вы моя законная жена.

Вскорѣ былъ призванъ монахъ, который и повѣнчалъ герцога Франческо съ Біанкой Капелло. Бракъ ихъ долженъ былъ оставаться для всѣхъ тайной, такъ какъ трауръ по великой герцогинѣ еще не кончился. Біанка, скрытно отъ всѣхъ, переѣхала во дворецъ, гдѣ и поселилась. Хотя все это дѣлалось чрезвычайно тайно, но до кардинала Фердинанда дошли слухи, что фаворитка брата обвѣнчалась съ нимъ и живетъ во дворцѣ. Кардиналъ немедленно пріѣхалъ изъ Рима въ Флоренцію, желая самъ убѣдиться въ истинѣ. При свиданіи съ братомъ Фердинандъ ничего не могъ добиться положительнаго. Герцогъ Франческо или хранилъ молчаніе, или искусно обходилъ щекотливый вопросъ. Между тѣмъ, Біанка была постоянно около герцога, слѣдила за каждымъ его желаніемъ и спѣшила исполнять его. Фердинандъ напрягалъ всѣ свои умственныя способности, чтобы вызвать брата на откровенность. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему это удалось. Франческо признался брату, что обвѣнчался съ Біанкой. Скрывъ страшный гнѣвъ, овладѣвшій имъ, кардиналъ поздравилъ герцога и выразилъ удовольствіе, что наконецъ совѣсть Франческо можетъ быть покойна.

Какъ не было прискорбно Фердинанду убѣдится въ совершившемся фактѣ, онъ долженъ былъ скрыть свои непріязненныя чувства, ибо поправить дѣло уже не было никакой возможности. Съ такими мыслями онъ уѣхалъ въ Римъ, утѣшая себя тѣмъ, что вдова Бонавентури не будетъ провозглашена великой герцогиней Тосканы и что братъ его Франческо послѣдуетъ примѣру покойнаго отца ихъ, герцога Козимо, женившагося на Камиллѣ Мартелли, не возвышая ее до власти и великогерцогскаго достоинства.

Надежды кардинала Фердинанда не сбылись, какъ мы вскорѣ узнаемъ.

Герцогъ Франческо вначалѣ дѣйствительно не обнародовалъ своего брака съ Біанкой Капелло; но все подготовилъ къ этому. Прежде всего онъ старался добиться расположенія къ нему испанскаго короля, безъ совѣта котораго владѣтель Тосканы не дѣлалъ шага. Когда ему удалось этого достигнуть и окончился трауръ, онъ тотчасъ же объявилъ о своей женитьбѣ. Затѣмъ, желая возвысить Біанку, конечно, въ глазахъ державныхъ особъ Европы, онъ намѣревался выхлопотать для нея у венеціанскаго сената титулъ Дочери Республики (Figlia dello respubblica).

Венеціанки пользовались этимъ почетнымъ титуломъ. Простая гражданка, удостоенная званія Дочери Республики, считалась выше всѣхъ итальянскихъ принцессъ крови и могла вступать въ бракъ съ владѣтельными принцами.

Дипломатическому резиденту великаго герцога тосканскаго при венеціанской республикѣ, синьору Альбіозо, было поручено склонить сенатъ республики и дворянство, чтобы они наградили Біанку Капелло титуломъ «Дочери Республики».

Когда частно отъ Альбіозо были получены благопріятныя свѣдѣнія, герцогъ Франческо офиціально отправилъ въ Венецію своего генерала Маріо Сфорца для сообщенія сенату о бракѣ его, герцога Франческо, съ Біанкой Капелло и полученія для нея желаемаго титула. Посолъ великаго герцога Тосканы былъ принятъ венеціанцами съ особенными почестями. Въ Кіодшѣ, Сфорца торжественно встрѣтилъ подестà. Пятьдесятъ сенаторовъ вышли къ нему навстрѣчу на островѣ Грацій (Ssola delle Grazie) и съ тріумфомъ провожали черезъ весь городъ.

Помѣщеніе Альбіозо было отведено въ палаццо Капелло, куда нѣсколько дней спустя явилась депутація сенаторовъ, приглашавшая его на ауденцію дожа. Послѣ нѣкоторыхъ церемоній, посолъ вручилъ одному изъ депутатовъ письмо герцога Франческо слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ всегда было извѣстно расположеніе, которымъ дарила меня и моихъ родителей ваша республика, мудро управляемая, и я, съ моей стороны, старался отъ всей души отвѣтствовать вашей свѣтлости, чтобы доказать, насколько мнѣ близки интересы благородной республики, которая всегда можетъ расчитывать на мое полное сочувствіе во всѣхъ дѣлахъ и быть увѣренной въ моей готовности служить ей при всякомъ удобномъ случаѣ. Мнѣ кажется, что кровная связь еще болѣе должна укрѣпить нашъ союзъ. Годъ тому назадъ, Богу угодно было отозвать къ себѣ великую герцогиню, мою незабвенную супругу, оставившую мнѣ только одного наслѣдника по мужской линіи; на немъ-то и сосредоточиваются всѣ мои надежды поддержанія рода. Чтобы упрочить еще болѣе права наслѣдства, я рѣшилъ вторично вступить въ бракъ.

«Хотя мнѣ и представлялся выборъ супруги въ великокняжескихъ семействахъ, но я предпочитаю заключить родственную связь съ благородной республикой, расположеніе которой я всегда достаточно цѣнилъ и увѣренъ, что мое рѣшеніе, какъ доказательство всегдашней моей преданности вашей свѣтлости (Serenita Vostra) будетъ благосклонно вами принято. Соотвѣтственно моимъ желаніямъ, я избралъ себѣ въ жены дочь благороднаго семейства Венеціи—Біанку Капелло. Я люблю ее какъ добродѣтельную мою супругу и достойную дочь великой республики. Въ силу этого моего союза, я прошу и меня считать преданнымъ слугой республики, къ которой мысленно я всегда былъ расположенъ и при первомъ удобномъ случаѣ, готовъ доказать мои чувства преданности на дѣлѣ.

«Обо всемъ этомъ я счелъ своимъ долгомъ заявить вамъ пись-

менно и устно чрезъ синьора Маріо Сфорца, одного изъ главн рыцарей при мнѣ состоящихъ, генерала моей пѣхоты. По эт поводу онъ спеціально командированъ къ вамъ. Я льщу себя деждой, что посланникъ мой съумѣетъ убѣдить васъ насколько душевно преданъ вашей свѣтлости. Цѣлуя ваши руки (et con ciarle le mani), я молю Бога даровать миръ вашей странѣ».

Отъ Біанки тоже было прислано письмо правительству ве ціанской республики слѣдующаго содержанія:

«Свѣтлѣйшій мой князь, высокопочитаемый повелитель!

«По милости Божіей и благосклонности великаго герцога, свѣтлость соблаговолилъ осчастливить меня, сочетавшись со мн законнымъ бракомъ, что извѣстно вашей свѣтлости изъ пись великаго герцога и отъ посланника. Я не столько радуюсь мое блестящему положенію, сколько тому, что соединилась брачны узами съ великимъ герцогомъ, столь искренно расположеннымъ нашей благородной республикѣ, какъ къ родной странѣ, на поль которой онъ не пожалѣетъ ни своихъ силъ ни даже собственн жизни. Великій герцогъ доказалъ свою преданность вашей свѣтлос тѣмъ, что отклонилъ предложенныя ему многими великими двора партіи и предпочелъ жениться на дочери республики, дабы этим новыми узами родства еще болѣе скрѣпить союзъ съ вами, пред ставивъ республикѣ располагать его услугами. Я вполнѣ увѣрен что при первомъ удобномъ случаѣ великій герцогъ оправдаетъ мо надежды, понимая, что я пламенно стремлюсь служить республик которой буду вѣчной рабой. Обязанная всѣмъ моему отечеству, не въ силахъ отплатить ему всѣ его благодѣянія,-но беру на се смѣлость увѣрить вашу свѣтлость, что сдѣлаю все зависящее от меня. Мои усилія не будутъ для меня тягостны, ибо я буду слу жить моей родинѣ и въ то же время великому герцогу, искренн преданному великой республикѣ. Въ надеждѣ, что преданность мо не будетъ отвергнута я молю всемогущаго Бога о дарованіи республикѣ славы и величія на вѣчныя времена».

Чрезъ нѣсколько дней, въ сенатѣ состоялось торжественное засѣданіе, въ которомъ Біанка Капелло была объявлена «истинной дочерью республики», имѣющей право пользоваться ея особымъ покровительствомъ. Въ декретѣ было сказано, что Біанка награждается этимъ высокимъ титуломъ въ виду ея особыхъ выдающихся добродѣтелей, благодаря которымъ она достигла самаго высокаго положенія, а также и ради того, чтобы отблагодарить любящаго ея супруга, великаго герцога, за оказанное имъ республикѣ уваженіе. Этотъ декретъ сената былъ принятъ дворянствомъ и горожанами Венеціи съ шумнымъ выраженіемъ радости. Колокола святаго Марка звонили, какъ въ дни самыхъ великихъ побѣдъ, съ крѣпостей и галеръ гремѣла пушечная пальба, а вечеромъ палаццо всѣхъ Капелло были роскошно иллюминованы. Отецъ и братъ но-

вой Дочери Республики были пожалованы рыцарями, удостоены золотой эпитрахили (stola d'oro) и оба получили титулы свѣтлѣйшихъ. Вся знать, предводители совѣта Десяти и сенаторы, отправились къ посланнику великаго герцога, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отпраздновать радостное событіе. Флорентійцы, проживавшіе въ Венеціи, посѣтили семейство Капелло, поздравляли всѣхъ и чествовали.

Наконецъ, посланникъ Сфорца, осыпанный почестями и подарками, отправился во Флоренцію. Дожъ послалъ великому герцогу письмо слѣдующаго содержанія:

«Изъ посланія вашего, а также и отъ генерала Сфорца, мы узнали, что вы избрали себѣ въ жены синьору Біанку Капелло изъ семейства патриція, которая благодаря своимъ добродѣтелямъ удостоилась этой великой чести. Такое очевидное доказательство вашего расположенія къ венеціанской республикѣ, несказанно насъ порадовало. Не довольствуясь чувствами, выраженными нами вашему посланнику и проявленія нашей радости въ торжественныхъ празднествахъ, мы хотимъ упрочить за союзомъ вашимъ съ гражданкой венеціанской республики права, переходящія и на потомство. Вслѣдствіе чего мы единогласно, а также и сенатъ, объявили и объявляемъ благороднѣйшую и знаменитѣйшую (nobilissima illustrissima) Біанку Капелло, великую герцогиню тосканскую (granduchessa di Toscana), Дочерью Республики; кромѣ того, желая отблагодарить ея благороднаго супруга, котораго мы любимъ, какъ родного сына, мы выражаемъ великой герцогинѣ наше удовольствіе въ виду ея новаго высокаго положенія и прилагаемъ здѣсь нашу герцогскую печать (nostro sigillo ducale)».

Такимъ образомъ правительство венеціанской республики признало Біанку Капелло великой герцогиней Тосканы. Быть можетъ, хитрые венеціанцы опасались, что герцогъ Франческо не найдетъ нужнымъ удостоить жену этимъ титуломъ; между тѣмъ, какъ они признали ее Дочерью Республики. Герцогъ Франческо этимъ маневромъ венеціанцевъ былъ поставленъ въ необходимость санкціонировать всѣ права великой герцогини тосканской за Біанкой, въ противномъ случаѣ онъ оскорбилъ бы венеціанскую республику, признавшую Біанку своей дочерью.

Но герцогъ Франческо былъ очень доволенъ этой дипломатической тонкостью венеціанцевъ и тотчасъ же отправилъ въ Венецію своего незаконнаго брата Джіованни де-Медичи, чтобы поблагодарить отъ его имени дожа и сенатъ. И этотъ посланный тосканскаго герцога, не смотря на то, что былъ совершеннымъ ребенкомъ, имѣя только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, былъ принятъ венеціанцами съ необыкновенной торжественностью и въ честь его устроивался рядъ празднествъ. На возвратномъ пути мальчикъ заболѣлъ оспой въ Падуѣ. Дворянство окружило его самыми нѣжными попеченіями и употребляло всѣ средства, чтобы

скорѣе его вылечить. Это послѣднее обстоятельство глубоко тронуло герцога Франческо и навсегда расположило его къ венеціанцамъ.

Итакъ, Біанка Капелло была сразу провозглашена дочерью венеціанской республики и великой герцогиней тосканской. Эти событія праздновались во Флоренціи съ большой торжественностью. Много венеціанскихъ дворянъ пріѣхало въ столицу Тосканы. Отецъ и другіе родственники Біанки Капелло участвовали въ торжествахъ, открывая шествіе, во главѣ котораго находился и патріархъ Аквилеи, вѣроятно забывшій анаѳемы, которымъ онъ предалъ любовницу Бонавентури. Съ патріархомъ были два сенатора, присланные отъ дворянства. Венеціанскіе послы были встрѣчены во Флоренціи главнымъ мажордомомъ великаго герцога, его братомъ Піетро де-Медичи, всѣми министрами, придворными и гвардіей. Послѣ чего ихъ проводили въ палаццо Питти, гдѣ и размѣстили. Въ это время во Флоренцію пріѣхало до восьмисотъ венеціанскихъ дворянъ и всѣхъ ихъ роскошно угощали на счетъ герцога Франческо.

Балы, турниры, бои быковъ, карусели, слѣдовали одинъ за другимъ. При этомъ герцогъ Франческо имѣлъ случай блеснуть своимъ искусствомъ верховой ѣзды. Затѣмъ послы передали Біанкѣ материнское благословеніе республики и поднесли ей роскошный подарокъ; потомъ сообщили герцогу о желаніи сената возложить на голову великой герцогини корону, какъ это было сдѣлано для королевы Венгріи, Кипро, и другихъ дочерей республики. Франческо охотно согласился и вскорѣ послѣдовало торжественное коронованіе и былъ повторенъ брачный обрядъ, на этотъ разъ уже публично со всѣми церемоніями, послѣ чего въ большомъ залѣ собрался совѣтъ сорока восьми и всѣ флорентійскія власти. Среди зала на тронѣ сидѣлъ великій герцогъ Тосканы Франческо. Когда всѣ размѣстились по мѣстамъ, венеціанскіе послы ввели великую герцогиню, въ королевскомъ одѣяніи, окруженную дворянами. По прочтеніи диплома, послы торжественно провозгласили Біанку истинной и законной дочерью республики венеціанской и надѣли на ея голову корону. Въ заключеніе дядя Біанки, Гримани, и патріархъ Аквилеи, произнесли рѣчи, въ которыхъ превозносили бракъ и изчисляли всѣ выгоды сопряженныя съ нимъ для Біанки, удостоенной титула дочери святаго Марка. Когда окончилась церемонія во дворцѣ, великую герцогиню повели въ соборъ. За ней слѣдовали ея супругъ, вся свита и толпа народа. Въ роскошно убранномъ соборѣ находились посланники италіанскихъ дворовъ, а также и посолъ императора. Отслушавъ обѣдню, подъ музыку, всѣ возвратились во дворецъ, гдѣ былъ устроенъ роскошный пиръ.

Венеціанскіе гости оставались еще нѣсколько дней во Флоренціи, участвуя въ постоянныхъ празднествахъ и осматривая пышные дворцы съ ихъ рѣдкостями, артистически собранными фами-

ліей де-Медичи. При отъѣздѣ каждый изъ гостей получилъ въ подарокъ отъ великаго герцога и великой герцогини по золотому ожерелью и другимъ драгоцѣнностямъ весьма большой стоимости. Особенно щедро одарили патріарха Аквилеи. Бартоломео Капелло получилъ пожизненную пенсію, братъ Біанки также, при чемъ послѣдній изъявилъ желаніе остаться во Флоренціи навсегда. Ему предоставлено было право распоряжаться пенсіей, которая должна была переходить на его наслѣдниковъ. Своей супругѣ герцогъ Франческо презентовалъ сто тысячъ дукатовъ, съ условіемъ, чтобы они были положены въ венеціанскій банкъ. Послѣдняя предосторожность была внушена хитрой Біанкой ея супругу. Вообще, всѣ родственники Біанки были весьма щедро награждены.

Когда подвели итоги всѣмъ издержкамъ на свадебное торжество, пиршества, подарки и проч., то оказалось, что истрачено триста тысячъ дукатовъ, сумма громадная для того времени.

«Столь оглушительный для страны» интересъ «вдохновилъ поэтовъ и они, какъ говоритъ Галуцци, воспѣвали веселье народа, блаженство супруговъ и добродѣтели Біанки».

Во все это время свадебныхъ торжествъ, кардиналъ де-Медичи нисколько не скрывалъ овладѣвшаго имъ негодованія. До этихъ поръ онъ надѣялся, что Біанка, хотя и соединенная съ герцогомъ Франческо узами брака, сохранитъ свое прежнеее общественное положеніе въ виду чего и мирился съ совершившимся фактомъ. Но теперь дѣло принимало совершенно иной оборотъ, кардиналъ сталъ опасаться за свои права по мужской линіи; единственнымъ наслѣдникомъ его брата былъ донъ Филиппо, сынъ великой герцогини Іоанны, но ребенокъ былъ очень слабаго здоровья и не могъ долго жить. Въ случаѣ же его смерти, на престолъ долженъ былъ взойти онъ, кардиналъ. Новый высокій титулъ Біанки, великой герцогини и законной супруги Франческо, служилъ ему серьезной помѣхой. Біанка могла быть не всегда безплодной и если она родитъ сына, онъ является прямымъ наслѣдникомъ престола, послѣ смерти донъ Филиппо. При томъ же кардиналу уже была извѣстна хитрость Біанки. Онъ зналъ, какъ она разъ обманула Франческо мнимыми родами; кто могъ поручиться, что лукавая авантюристка опять не продѣлаетъ того же самаго, но съ большей осторожностью, а слѣдовательно и бо́льшимъ успѣхомъ? Во всемъ этомъ венеціанцы могутъ помогать своей соотечественницѣ, возведенной ими на такую высокую степень. Эти мысли смущали кардинала Фердинанда и онъ не стѣсняясь высказывалъ свои опасенія. Хотя онъ и былъ приглашенъ на свадьбу, но подъ какимъ-то предлогомъ не поѣхалъ и остался въ Римѣ. Герцогъ Франческо изъявилъ желаніе въ письмѣ къ нему, чтобы кардиналъ по крайней мѣрѣ отправилъ въ Венецію къ дожу письмо и поблагодарилъ его за честь, оказанную республикой его свояченицѣ. Фердинандъ отвѣчалъ, что такъ какъ ве-

ликій герцогъ тосканскій уже принесъ свою благодарность вене ціанской республикѣ отъ имени всего дома Медичи, въ томъ числѣ подразумѣвался и онъ, кардиналъ, то всякаго рода отдѣльная благодарность кого-нибудь изъ членовъ семьи уже является излишнею.

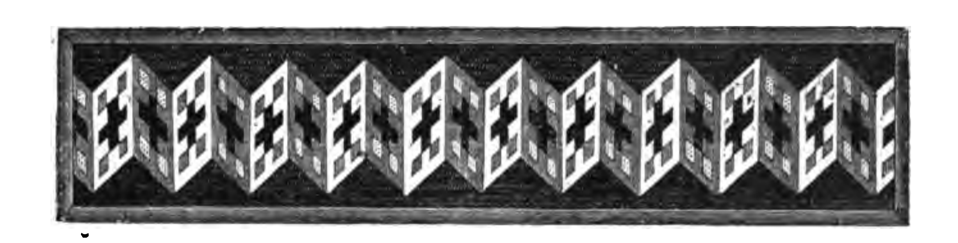
Кардиналъ Фердинандъ де-Медичи вообще отличался своимъ тактомъ и сдержанностью, но въ данномъ случаѣ онъ уже не старался замаскировать своего неудовольствія. Когда въ Римѣ къ нему явился венеціанскій посолъ съ поздравленіями по случаю награжденія Біанки почетнымъ титуломъ Дочери Республики, онъ холодно отвѣчалъ:

— Это вниманіе республики къ Біанкѣ Капелло нѣсколько смягчаетъ въ глазахъ моихъ поступокъ великаго герцога тосканскаго.

Затѣмъ желая избѣгнуть дальнѣйшихъ поздравленій, по поводу ненавистныхъ ему событій, кардиналъ покинулъ городъ и удалился въ одну изъ своихъ виллъ.

Венеціанское дворянство осталось крайне недовольно поведеніемъ кардинала Медичи, что и послужило причиной открытой размолвки между герцогомъ Франческо и кардиналомъ, его братомъ, въ виду чего послѣдній рѣшилъ никогда болѣе не ѣздить во Флоренцію.

XXIV.

Піетро де-Медичи.

ПОСЛѢ СМЕРТИ Торелло, въ душѣ Изабеллы произошла большая перемѣна. Именно въ это время, когда она оплакивала смерть дорогого ей юноши, она почувствовала признаки беременности. Это обстоятельство напугало герцогиню Браччіано и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовало. Она употребила всѣ старанія, дабы скрыть отъ окружающихъ свое положеніе. Потомъ, когда родился ребенокъ мужского пола, Изабелла поручила его попеченіямъ преданной ей кормилицы, помѣстивъ ее въ маленькомъ домикѣ въ глубинѣ сада на виллѣ. Убитая горемъ, герцогиня прервала всякія сношенія съ Троило Орсини и безъ чувства ненависти не могла видѣть виновника своего несчастья. Изабелла отказалась отъ общества, отъ свѣта, и посвятила себя религіи и попеченіемъ о бѣдныхъ.

Часто гуляя въ своемъ саду, она подходила къ изображенію Мадонны, опускалась на колѣни и горячо молилась, между тѣмъ, какъ ея маленькій мальчикъ, сидя въ густой травѣ, рвалъ цвѣты, которыя Изабелла заставляла его класть къ подножію Мадонны, въ надеждѣ, что пресвятая Дѣва приметъ приношенія изъ этихъ невинныхъ ручекъ. Когда герцогиня Браччіано была въ счастьи, она не вѣровала, но теперь, разбитая душой, искала утѣшенія въ молитвѣ и сдѣлалась религіозною, такъ же, какъ въ своей ранней молодости. Положеніе герцогини было въ высшей степени трагично: всѣми покинутая, безъ друзей и доброжелателей, она предчувствовала большое несчастье. Женщина, глубоко ненавидящая ее, достигла высокой степени могущества. Ея суровый мужъ, герцогъ Браччіано,

до сихъ поръ не знавшій о ея поведеніи, каждую минуту могъ все узнать и страшно отмстить ей за измѣну.

Изабеллѣ не на кого было надѣяться, ее никто не могъ поддержать. Ея братъ Франческо, всегда отличавшійся эгоизмомъ, былъ подъ вліяніемъ ея врага Біанки, теперь великой герцогини Тосканской. Тупой, развратный донъ-Піетро также не могъ для нея ничего сдѣлать; кардиналъ Фердинандъ былъ далеко, а любившій ее отецъ, ея истинный другъ, давно сошелъ въ могилу.

Изабелла предчувствовала свою гибель и отказалась отъ всѣхъ радостей жизни; между тѣмъ, она была еще молода и прелестна.

Но прежде чѣмъ умереть, ей хотѣлось обезпечить маленькаго сына, этого невиннаго младенца, на которомъ безжалостные люди захотятъ выместить грѣхъ его матери. Раздумывая, какъ бы устроить жизнь мальчика, она рѣшила отослать его во Францію и поручить попеченію своей родственницы, королевы Екатерины Медичи. Изабелла написала королевѣ письмо, въ которомъ умоляла ее сжалиться надъ ребенкомъ, взять его подъ свое высокое покровительство. Хотя герцогиня Браччіано и не указывала мотива, побуждавшаго ее принимать участіе въ ребенкѣ, но мотивъ этотъ былъ черезчуръ ясенъ и, надо полагать, хорошо понятъ умной французской королевой. Письмо было послано чрезъ странствующаго монаха. Въ то время духовныя лица были самыми надежными посредниками въ подобныхъ случаяхъ. Вскорѣ былъ присланъ и отвѣтъ Екатерины Медичи, также чрезъ монаха. Французская королева приняла весьма благосклонно просьбу дочери Козимо Медичи и изъявила желаніе помогать ей всегда, когда она найдетъ это для себя нужнымъ.

Поощренная такимъ любезнымъ отвѣтомъ, Изабелла Орсини въ другомъ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ Медичи уже не скрывала истины. Собравшись съ духомъ, она откровенно написала королевѣ, что ребенокъ за котораго она проситъ, есть плодъ ея преступной любви, что она, Изабелла, была оскорблена равнодушіемъ мужа, бросившаго ее, и вынуждена была искать утѣшенія въ незаконной любви, и, что послѣ смерти ея ребенокъ будетъ жертвой безпощаднаго гнѣва и мести герцога Браччіано, ея мужа.

Со страхомъ и трепетомъ несчастная мать ожидала отвѣта на свое второе письмо. Наконецъ, этотъ желанный отвѣтъ былъ полученъ. Изабелла съ восторгомъ прочла письмо, въ которомъ Екатерина Медичи просила прислать ребенка, обѣщая окружить его самымъ нѣжнымъ попеченіемъ и позаботиться о его будущности, такъ какъ она считаетъ своимъ священнымъ долгомъ дать убѣжище и призрѣть невиннаго младенца, въ жилахъ котораго течетъ благородная кровь Медичи.

Чувство матери во всѣ времена и вѣка отличалось высокимъ самоотверженіемъ. Одинокая, покинутая всѣми, Изабелла находила

единственное утѣшеніе въ своемъ маленькомъ сынѣ, но ради его счастья она должна была разстаться и съ этой послѣдней отрадой. Купивъ за большую сумму денегъ согласіе кормилицы и ея мужа покинуть Флоренцію, Изабелла послѣ горькихъ слезъ и безчисленныхъ поцѣлуевъ оторвала отъ своей груди маленькаго сына и отправила его въ Парижъ.

По прошествіи извѣстнаго времени, небо послало утѣшеніе тоскующей матери. Изабелла получила увѣдомленіе отъ королевы Екатерины Медичи, что мальчика привезли благополучно и что отнынѣ онъ уже поступаетъ въ ея распоряженіе и будетъ окруженъ всевозможными попеченіями. Это извѣстіе утѣшило Изабеллу. Мысль, что ея сынъ будетъ обезпеченъ отъ всѣхъ опасностей, врачевала рану, нанесенную ея сердцу разлукой съ существомъ, которое ей было дороже собственной жизни.

А жизнь Изабеллы Орсини была въ большой опасности. Ея страшный врагъ Біанка достигла высшей ступени всемогущества, сдѣлавшись изъ фаворитки законной женой великаго герцога Тосканскаго. Изабелла хорошо знала злобу и мстительность бывшей куртизанки, добившейся путемъ преступленій и интригъ титула великой герцогини, и трепетала, какъ за себя, такъ и за свою пріятельницу Элеонору, которую Біанка также ненавидѣла за то, что Элеонора, какъ и ея своячeница Изабелла, не переносила надменности венеціанки. Кромѣ того, герцогиня Браччіано и жена донъ-Піетро, Элеонора, старались помѣшать браку герцога съ Біанкой Капелло. Всего этого было черезчуръ достаточно для того, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ погубить ихъ обѣихъ. Біанка ждала этого случая и наконецъ дождалась.

Элеонора, такъ же, какъ ея своячeница Изабелла, измѣняла своему полуидіоту мужу, погрязшему въ гнусныхъ порокахъ. Понятіе о чести въ тѣ времена было болѣе, чѣмъ странно. Тогда извинялись тайное убійство, отравленіе, предательство, но не измѣна жены мужу. Здѣсь не допускалось никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Женщину, хотя бы и вынужденную почему-либо измѣнить мужу, ожидало одно наказаніе — смерть. И далеко не всегда измѣнницу казнилъ ея мужъ, часто роль палача принималъ на себя кто-нибудь изъ его родственниковъ, такъ какъ измѣна жены, по тогдашнимъ понятіямъ, безчестила не одного мужа, но и всю его родню.

Вообще, положеніе этихъ двухъ, намѣченныхъ Біанкой, жертвъ было одинаково. Разница между ними существовала лишь въ томъ, что Изабелла уже отказалась отъ преступныхъ наслажденій, между тѣмъ какъ Элеонора, болѣе молодая и безпечная отъ природы, не могла устоять противъ соблазна запретной любви. Раставшись съ кавалеромъ Костильоне, супруга донъ-Піетро увлеклась рыцаремъ Антоніемъ дель-Антинори, страстно влюбилась въ него и

вступила съ нимъ въ любовную связь. Въ самомъ началѣ романа съ Антинори случилось несчастье, разлучившее его съ Элеонорой.

Во время игры въ «Calcio» Антинори, по неосторожности, имѣлъ несчастье убить одного вельможу, своего противника по игрѣ, за что и былъ посаженъ въ тюрьму Стинке. Элеонора была въ полномъ отчаяніи и каждый день стала ѣздить близь тюрьмы, чтобы взглянуть хотя издали на своего милаго. Эти экскурсіи влюбленной Элеоноры прекратились лишь тогда, когда заключеннаго перевели въ тюрьму Порто-Феррайо.

Тогда любовники прибѣгли къ обыкновенному способу — перепискѣ. Путемъ разныхъ уловокъ и хитростей они обмѣнивались въ письмахъ увѣреніями въ нѣжной любви, мечтаніями о прелестяхъ будущихъ свиданій, клятвами въ вѣрности и т. д. Одно изъ такихъ писемъ было поручено для передачи кавалеромъ Антоніемъ родному брату, капитану Франческо Антинори, посѣтившему его въ заключеніи. Поручая брату письмо, Антоніо умолялъ не отдавать его никому кромѣ Элеоноры.

Пріѣхавъ во Флоренцію, капитанъ отправился къ палаццо Веккіо, гдѣ жилъ донъ Піетро съ своей женой; дождавшись, когда принцъ вышелъ изъ дома, онъ вошелъ во дворецъ, и, проникнувъ въ апартаменты Элеоноры, просилъ доложить о себѣ. Но слуги отвѣчали капитану, что этого сдѣлать невозможно, такъ какъ синьора только-что отправилась съ камеристками въ уборную и теперь занята прической. Капитанъ настаивалъ, говоря что имѣетъ весьма важное порученіе къ синьорѣ Элеонорѣ, но слуги наотрѣзъ отказали, объявивъ, что ихъ госпожа строго приказала не безпокоить ее никакими докладами.

Капитану ничего не оставалось дѣлать, какъ терпѣливо ждать окончанія туалета синьоры Элеоноры. Между тѣмъ время шло, а туалетъ молодой аристократки не кончался, да и конца ему не предвидѣлось. Капитанъ начиналъ терять терпѣніе. Прошелъ еще часъ, изъ уборной красавицы никто не показывался. По всей вѣроятности, въ это злосчастное утро архитектура прически не удавалась, что приводило въ отчаяніе, какъ синьору Элеонору, такъ и ея камеристокъ.

Тщетно прождавши нѣсколько часовъ, капитанъ, наконецъ, потерялъ терпѣнье; ему, человѣку энергичному и дѣятельному, наскучило сидѣть въ пріемной, онъ рѣшился вручить кому-нибудь письмо для передачи синьорѣ Элеонорѣ. Среди немногихъ посѣтителей въ пріемной былъ нѣкто мессиръ Джуліо Каччини, римскій музыкантъ, дававшій принцессѣ Элеонорѣ уроки пѣнія. Разговорившись съ Каччини, капитанъ замѣтилъ, что онъ очень преданъ своей ученицѣ, въ виду чего и рѣшилъ просить музыканта передать письмо синьорѣ Элеонорѣ непремѣнно въ ея собственныя руки. Каччини изъявилъ полное согласіе и увѣрялъ, что имъ-бу-

Герцогиня Изабелла передъ образомъ Мадонны.

Дозв. ценз. Спб., 13 Апрѣля 1890 г.

детъ исполнено въ точности порученіе капитана. Довѣрчивый солдатъ отдалъ письмо музыканту и вышелъ. Тогда хитрый Каччини открылъ письмо и прочелъ его. Смекнувъ въ чемъ дѣло, негодяй рѣшилъ передать письмо не принцессѣ Элеонорѣ, а герцогу Франческо, разсчитывая получить за это награду отъ послѣдняго.

Отправившись въ палаццо Питти, гдѣ жилъ герцогъ Франческо, музыкантъ просилъ дежурнаго адъютанта доложить его свѣтлости, что имѣетъ сообщить ему о весьма важномъ дѣлѣ. Адъютантъ исполнилъ его просьбу и, возвратившись изъ апартаментовъ герцога, пригласилъ его слѣдовать за нимъ. Герцогъ Франческо занимался въ своемъ кабинетѣ одинъ. При появленіи музыканта, онъ, откинувшись на спинку кресла, спросилъ, что ему нужно? Каччини низко поклонился герцогу и подалъ роковое посланіе.

Герцогъ Франческо прочелъ письмо, вполнѣ обнаружившее преступную связь его свояченицы, не подалъ вида гнѣва или смущенія, положилъ письмо въ карманъ и, обращаясь къ доносчику, сказалъ:

— Музыкантъ! я здѣсь вижу четырехъ виновныхъ: рыцаря Антинори, написавшаго письмо, капитана Антинори, принявшаго на себя обязанность передать его, Элеонору, къ которой письмо адресовано и тебя, прочитавшаго чужое письмо. Можешь идти и быть увѣреннымъ, что каждый изъ васъ получитъ то, чего онъ достоинъ.

Каччини, откланявшись, вышелъ.

Герцогъ Франческо отправился къ Біанкѣ и со смѣхомъ подалъ ей письмо. Злая интриганка съ особеннымъ удовольствіемъ прочла врученный ей документъ, ибо онъ былъ смертнымъ приговоромъ для одного изъ ея враговъ. Долго совѣщались супруги; затѣмъ герцогъ Франческо собственноручно написалъ письмо губернатору Порто-Феррайо и велѣлъ призвать къ себѣ палача.

Чрезъ нѣсколько дней рыцарь Антинори былъ привезенъ во Флоренцію и отданъ въ распоряженіе палача. Послѣдній черезъ два часа, данныхъ арестанту на покаяніе, задушилъ его. Та же участь ожидала и капитана, но его во время извѣстили о случившемся и онъ успѣлъ бѣжать за-границу.

— Добро пожаловать, донъ Піетро! какія новости намъ несете? — говорилъ герцогъ Франческо пришедшему навѣстить его брату, на другой день послѣ смерти рыцаря Антинори.

— Никакихъ у меня нѣтъ новостей, кромѣ той, что кошелекъ мой пустъ и если ваша свѣтлость не придетъ ко мнѣ на помощь, то я вынужденъ буду просить милостыню на большой дорогѣ.

— Какъ, опять денегъ?! Мѣсяцъ тому назадъ я вамъ далъ пять тысячъ дукатовъ. Для васъ, милый братецъ, не хватило бы и золотыхъ рудниковъ Перу.

— Я люблю развлеченія, это правда, но во всемъ остальномъ я не причиняю вамъ ни малѣйшаго неудовольствія.

— Вы думали только о весельѣ, а между тѣмъ вамъ слѣдовало бы позаботиться и о вашей чести.

— О моей чести?

— Да о вашей чести, поруганной и затоптанной въ грязь безстыдной женщиной.

— Моей женой?

— Именно. Вы до сихъ поръ терпѣли позорныя похожденія вашей жены и эта снисходительность походила на трусость.

— Что вы хотите? Все это въ порядкѣ вещей. Я развлекаюсь по своему, она также веселится, какъ хочетъ, ну мы и ладимъ, живемъ мирно.

— Да развѣ вы не понимаете, что тутъ замѣшана фамильная честь? Это не должно такъ продолжаться. Слѣдуетъ возстановить честь.

— Возстановить?

— Вы должны отмстить вашей женѣ за оскорбленіе.

— А мнѣ-то какое до этого дѣло? Я тутъ не вижу для себя оскорбленія.

— Вы обязаны этимъ интересоваться, если дорожите знатнымъ и честнымъ именемъ.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Развѣ вы не знаете, что подобныя обиды смываются только кровью?

— Значитъ, я долженъ убить мою жену?

— Это неизбѣжно.

— Бѣдная Элеонора! Она такая миленькая. Но вы имѣйте въ виду, что это поссоритъ меня съ ея семьей въ Толедо, съ ея дядей, ужаснымъ герцогомъ Альба.

— Не безпокойтесь, я обо всемъ этомъ уже подумалъ,—мрачно отвѣчалъ Франческо,—я самъ напишу королю Филиппу о причинѣ смерти Элеоноры, и, я надѣюсь, онъ одобритъ меня.

— Ну, какъ тамъ себѣ хотите, а я не могу рѣшиться; мнѣ ее жаль, бѣдняжку.

— Будьте мужчиной,—возразилъ достойный сынъ Козимо Медичи,—знайте, что я этого хочу; слѣдовательно, такъ оно и должно быть. Потомъ мы займемся вашими дѣлами. До завтра, донъ Піетро,—прибавилъ благодушно герцогъ,—да приметъ васъ Господь подъ свой божественный покровъ!

Когда донъ Піетро вышелъ, герцогъ Франческо началъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ, безпрестанно потирая свой лобъ правой рукой. Его свѣтлость, какъ видно, обдумывалъ что-то очень важное. Спустя нѣсколько минутъ, онъ остановился и рѣшительно сказалъ:

— Да, это также необходимо.

Присѣвъ къ письменному столу, онъ написалъ письмо въ Римъ, къ своему свояку, герцогу Паоло Джіордано Орсини, въ которомъ приглашалъ его немедленно пріѣхать тайно во Флоренцію и, прежде чѣмъ обнять свою обожаемую супругу, герцогиню Изабеллу, побывать у него, герцога Франческо, по важному дѣлу, не терпящему отлагательства.

Запечатавъ письмо, герцогъ Франческо велѣлъ позвать курьера, вручилъ ему письмо и приказалъ тотчасъ же отвести его по адресу въ Римъ и непремѣнно передать въ собственныя руки герцогу Браччіано.

Вслѣдъ за отправленіемъ курьера, въ комнату вошелъ пажъ герцога и доложилъ, что знатнѣйшій вельможа Троило Орсини проситъ аудіенціи у его свѣтлости.

Герцогъ Франческо велѣлъ просить его.

При появленіи Троило, герцогъ нахмурилъ брови и кошачьи глаза его метнули искры. Но это длилось лишь одно мгновеніе. Въ мигъ наружность его свѣтлости приняла самое благодушное выраженіе.

Троило Орсини уже не былъ тѣмъ красивымъ и изящнымъ кавалеромъ, какимъ мы его знали прежде, когда онъ только-что вошелъ во дворецъ Медичи. Теперь лицо его было покрыто мертвенной блѣдностью, глаза ввалились, потускнѣли и приняли матовый оттѣнокъ потухшаго угля.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ Троило, кланяясь герцогу,—уѣзжая изъ Флоренціи, я счелъ обязанностью засвидѣтельствовать вамъ почтеніе.

— Вы ѣдете, куда?

— Во Францію, ваша свѣтлость.

— Я бы просилъ васъ,—вскричалъ живо герцогъ,—исполнить мое порученіе. Мнѣ желательно сообщить нѣчто очень важное моей двоюродной сестрѣ, королевѣ Франціи. Вы поймете, что важныя порученія я могу передать только чрезъ вѣрнаго человѣка, а потому, если вы нѣсколько отсрочите вашъ отъѣздъ и исполните мою просьбу, вы меня крайне одолжите. Я не считаю никого, кромѣ васъ, болѣе достойнымъ взять на себя исполненіе этого важнаго порученія.

— Ваша свѣтлость дѣлаетъ мнѣ черезчуръ большую честь.

— О, вы такъ заботитесь о чести нашего дома!

— Я всегда готовъ служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу.

— Итакъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, останьтесь еще нѣсколько дней во Флоренціи, пока я соберу всѣ данныя для моего порученія.

— Слушаю, ваша свѣтлость. Я сочту за счастье для себя быть вамъ полезнымъ.

— Благодарю васъ, вы крайне обяжете меня, и я постараюсь достойно вознаградить васъ.

— Для меня черезчуръ достаточно благосклоннаго вниманія вашей свѣтлости.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими любезностями, Троило Орсини откланялся и вышелъ. Герцогъ Франческо посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ звѣрской ироніей и прошепталъ:

— Тебѣ, другъ мой, также воздастся по заслугамъ.

XXV.

Элеонора.

ПОСЛАНІЕ флорентійскаго герцога раздосадовало Паоло Джіордано Орсини, болѣе чѣмъ когда-нибудь поглощеннаго своей любовью къ Викторіи Аккорамбони Перетти. Почтеннѣйшій супругъ этой прелестной синьоры по прежнему пребывалъ въ счастливомъ невѣдѣніи и нисколько не мѣшалъ наслажденіямъ любовниковъ. Паоло Орсини вовсе не имѣлъ желанія разставаться съ своей обожаемой Викторіей и ѣхать во Флоренцію неизвѣстно для чего и зачѣмъ. Но находясь въ нѣкоторой зависимости отъ шурина, помогавшаго ему деньгами, Паоло дорожилъ расположеніемъ флорентійскаго герцога и не исполнить его желанія не входило въ его разсчеты. Въ виду такихъ соображеній Паоло Орсини, хотя и неохотно, но немедленно отправился во Флоренцію, всю дорогу раздумывая: чтò отъ него хочетъ Франческо де-Медичи?

Пріѣхавъ инкогнито во Флоренцію въ сопровожденіи только одного слуги, Орсини тотчасъ же отправился въ палаццо Питти и былъ принятъ герцогомъ Франческо глазъ на глазъ въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, герцогъ Франческо сказалъ:

— Вы понимаете, мой любезный другъ, что я бы ни въ какомъ случаѣ не потревожилъ васъ безъ особо важныхъ причинъ.

— Я жду, чтобы вы мнѣ сообщили ихъ,—отвѣчалъ Орсини.

— Выслушайте же меня хладнокровно, мой милый Джіордано, я объясню вамъ прямо въ чемъ дѣло. Мы мужчины не нуждаемся въ подготовленіи. Нашъ домъ и ваше имя опозорены, обезчещены.

— Что вы говорите?

— Да въ одинаковой степени: я, какъ братъ, а вы какъ мужъ.

— Неужели Изабелла?!—вскричалъ Паоло Джіордано.

— Вы угадали, она,—продолжалъ герцогъ,—ваша жена, а моя сестра, своимъ поведеніемъ опозорила честь нашего дома и имя своего мужа.

— Боже великій! а я-то ничего не подозрѣвалъ!

— Что прикажете дѣлать? Вы жили въ Римѣ, нисколько не заботясь о женѣ и не хотѣли сообразить, что она молода, прекрасна и впечатлительна... Сказать откровенно, отчасти вы сами виноваты въ ея паденіи. Но что же теперь объ этомъ говорить? Зло совершилось. Пятно позора сдѣлано, остается смыть его кровью.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы Изабелла...

— Увы, другъ мой, фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Останьтесь во Флоренціи на нѣсколько дней и вы сами во всемъ убѣдитесь.

— Кто же тотъ негодяй, который опозорилъ мою честь?

— Кто? А тотъ самый другъ и родственникъ, чьимъ заботамъ вы поручили вашу молодую жену—Троило Орсини.

— Негодяй! Онъ своей кровью заплатитъ мнѣ за это оскорбленіе!

— Пока успокойтесь, Джіордано. Я постараюсь дать вамъ факты, которые вполнѣ убѣдятъ васъ во всемъ. Но повторяю, вамъ необходимо остаться инкогнито на нѣсколько дней во Флоренціи. Надо, чтобы никому не было извѣстно ваше пребываніе здѣсь, менѣе всего, конечно, Изабеллѣ. Пока отдохните, а потомъ мы подумаемъ, что̀ намъ дѣлать.

Поручивъ Джіордано Орсини попеченіямъ мажоръ-дома, Франческо вышелъ.

Роковое извѣстіе глубоко поразило супруга герцогини Изабеллы. Первый разъ въ его грубую душу прокралось нѣчто въ родѣ раскаянія. Вспомнилъ онъ время своей женитьбы на прелестной и невинной Изабеллѣ. Вопросъ: почему онъ не цѣнилъ это сокровище, данное ему Богомъ, невольно возникъ въ головѣ обманутаго мужа. Ему стало досадно и обидно.

«Какъ такая красавица, изящная, талантливая, страстно обнимала другого, а не меня?»—говорилъ Браччіано, мѣряя изъ угла въ уголъ комнату. Странное противорѣчіе иногда представляетъ собой человѣкъ. Джіордано Орсини, влюбленному въ другую женщину, бросившему свою жену, вдругъ захотѣлось, чтобы она страстно обняла его; въ немъ пробудилось чувство злобы вмѣстѣ съ какимъ-то дикимъ, животнымъ сладострастіемъ. Сознаніе собственной вины нисколько не послужило къ оправданію Изабеллы. Грубый деспотъ не могъ перенести мысли, что стыдливая, застѣнчивая, его юная жена отдалась другому. «Значитъ было сильно ея увлеченіе, если она рѣшилась на такой шагъ!»—разсуждалъ обманутый супругъ. И лишь на одно мгновенье мелькнула въ его воспаленномъ мозгу

мысль, что этотъ роковой шагъ молодой жены былъ прямымъ слѣдствіемъ ея одиночества, т. е. его собственной вины. Такая мысль блеснула и исчезла безслѣдно. Животныя страсти затемняли разсудокъ, въ которомъ преобладала злоба и жажда мести измѣнницѣ. «Но правда ли все это?» — утѣшалъ себя Джіордано, — «безъ ясныхъ доказательствъ я не могу повѣрить измѣнѣ гордой, умной и честной Изабеллы. Но какъ же добиться истины?» Долго Орсини ходилъ изъ угла въ уголъ, не думая объ успокоеніи, создавая планы одинъ нелѣпѣе другого; онъ былъ черезчуръ взволнованъ для того, чтобы холодно обсудить свое положеніе и провѣрить, сообщенные ему, грустные факты. Наконецъ, онъ остановился на одной мысли и произнесъ вслухъ:

— Да, это самый вѣрный способъ узнать истину.

Пройдя еще нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ отворилъ дверь въ переднею, гдѣ спалъ его слуга, и началъ его будить.

— Джіованино! Джіованино!—кричалъ Орсини.

Слуга быстро вскочилъ съ постели и, съ испугомъ протирая глаза, не понималъ въ чемъ дѣло, что случилось?

— Господинъ герцогъ, что прикажите?—лепеталъ онъ съ просонья.

— Иди сюда, мнѣ надо съ тобой говорить.

Слуга наскоро одѣлся и тотчасъ же вошелъ въ комнату герцога.

Господинъ и слуга долго совѣщались шопотомъ, какъ бы боясь, что ихъ подслушають стѣны. Понять не было возможности о чемъ они говорили, слышались только какія-то отрывочныя фразы, восклицанія, таинственный шопотъ. Наконецъ Джіордано Орсини сказалъ:

— Хорошо, пусть будетъ такъ, до завтра; теперь можешь идти спать.

Когда слуга вышелъ изъ комнаты, герцогъ съ видомъ отчасти успокоеннаго человѣка сталъ раздѣваться, чтобы лечь въ постель. Но процедура эта совершалась весьма медленно, онъ былъ весь погруженъ въ думу и долго сидѣлъ неподвижно съ башмакомъ и чулкомъ въ рукѣ. Наконецъ онъ очнулся, раздѣлся совсѣмъ, и легъ въ постель; но заснуть не могъ.

Герцогъ пробовалъ молиться, безспокойно ворочался съ бока на бокъ, вдругъ порывисто вставалъ и долго, погруженный въ глубокую думу, сидѣлъ на кровати, рвалъ и съ яростью грызъ одѣяло. Такъ прошла вся ночь и дневной свѣтъ засталъ оскорбленнаго мужа въ бреду горячки.

Въ эту же ночь и супруга Орсини, молодая герцогиня Изабелла, не смыкала глазъ. Мрачныя предчувствія болѣе чѣмъ когда-нибудь овладѣли ея разбитой душой. Она искала утѣшенія въ молитвѣ и не находила его. Ея мысли путались, слова замирали на устахъ. Перебирая прошлое, Изабелла мысленно переносилась къ

эпохѣ своего дѣтства, когда невиннымъ ребенкомъ она рѣзвилась съ сестрами и рвала цвѣты на холмахъ Кореджи. Она вспомнила свою милую мать Элеонору, прекрасную, какъ Мадонна, любящую и всегда ласкавшую дѣтей, отца строгаго ко всѣмъ и только къ ней одной снисходительнаго; братьевъ, дышавшихъ весельемъ, молодостью и такъ много возлагавшихъ надежды на жизнь. Но вотъ мало-по-малу ряды братьевъ и сестеръ стали рѣдѣть. Марія и Лукреція умерли внезапно, какой-то непонятной таинственной смертью, Гарціа убилъ Джіованни, отецъ закололъ Гарціа. Мать, сраженная отчаяніемъ и горемъ, послѣдовала за сыновьями въ могилу. Холодный трепетъ пробѣжалъ по всему организму Изабеллы, она съ ужасомъ отгоняла отъ себя воспоминанія семейныхъ драмъ. Но противъ ея воли передъ ней рисовался холодный и надменный образъ ея мужа, герцога Браччіано, ревнивый взглядъ ненавистнаго Троило Орсини и бездыханный трупъ прелестнаго юноши, жизнью заплатившаго за кратковременное счастье быть ею любимымъ. Воспоминаніе о каждомъ изъ нихъ было живой раной для несчастной Изабеллы. Затѣмъ любящая мать мысленно перенеслась въ Парижъ къ малюткѣ сыну и обильныя слезы полились изъ ея глазъ. Вдали отъ родины ея ребенокъ долженъ былъ пользоваться попеченіями ненавистной всѣмъ королевы Екатерины Медичи, которую общая молва обвиняетъ въ кровопролитныхъ междоусобіяхъ и множествѣ преступленій. «Боже великій,—думала Изабелла,—почему мнѣ не суждено посвятить остатокъ моихъ печальныхъ дней этому невинному крошкѣ! Бѣдный ребенокъ, онъ долженъ пострадать за чужую вину. Быть можетъ, онъ въ эту минуту плачетъ, ищетъ материнской ласки; а современемъ строго осудитъ свою мать».

Такъ думала несчастная, разбитая горемъ, Изабелла и сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Вдругъ ночная тишина была нарушена сильными ударами въ ворота палаццо Орсини. Испуганная герцогиня позвала горничную и приказала, чтобы не отпирали воротъ безъ необходимыхъ предосторожностей. Но оказалось, что стучавшая была женщина, безъ провожатыхъ. Она желала видѣть герцогиню и говорить съ нею глазъ на глазъ. Изабелла приказала ее впустить. Въ поздней посѣтительницѣ герцогиня узнала камеристку своей невѣстки Элеоноры и пришла въ неописанный ужасъ; на вопросъ, что ее побудило явиться въ ночное время, горничная вмѣсто отвѣта хотѣла опуститься на колѣна и безъ чувствъ упала на полъ. Когда она опомнилась, Изабелла повторила вопросъ: что случилось?

— Моя госпожа... моя госпожа... умерла,—едва могла проговорить камеристка.

— Умерла? Элеонора умерла? Нѣтъ, ты ошибаешься, этого быть не можетъ! Я только вчера вечеромъ ее видѣла, когда она уѣзжала на свою виллу; она была совершенно здорова.

— Говорю вамъ, что она умерла, ее зарѣзали.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Аверкіева, Е. Клубника и земляника. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. Поэма. Переводъ А. Анненской подъ редакціей В. Лесевича. Съ его предисловіемъ и введеніемъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Архангельскій, А. С. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Вып. I—II. Казань. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.—Тоже вып. III. Казань 1890 г. Ц. 75 к.—Тоже вып. IV. Казань. 1890 г. Ц. 2 р.

Бакстъ, Н. По вопросу о переутомленіи учениковъ гимназіи. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Библіотека малютки: Альбомъ тѣневыхъ фигуръ. Ц. 10 к. — Двѣ елки. Ц. 20 к.—Первыя канарейки. Ц. 20 к.— Сонъ на яву. Ц. 20 к.—Дѣланіе цвѣтовъ. М. Ц. 30 к.

Бобровскій, П. І. Антоній Юрьевичъ Сосновскій. Настоятель св. Николаевской церкви въ Клещеляхъ (одинъ изъ тріумвировъ Брестскаго капитула). Историко-біографическій очеркъ. Вильна. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Богаевскій, В. Свойства несовершенныхъ газовъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 30 к.

— Теорія геодезической кривизны. Кіевъ. 1890 г. Ц. 30 к.

Боголюбовъ, М. Кефиръ. Изданіе 2-е. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Бокль, Г. Т. Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія. Изд. 2-е. М. Ц. 25 к.

Бретъ-Гартъ. Сафо у „Зеленыхъ ключей". М. 1890 г. Ц. 50 к.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Т. II. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Наши художники на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-ти-лѣтія. Т. II. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 17 р.

Веберъ, Н. К. Практическое руководство по лѣсопильному производству. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Везенковъ, В. С. Военная гимнастика. Руководство, составлено по инструкціи и программамъ, утвержд. г. мин. народ. просв. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 24-й. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Владиміровъ, П. В. Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Вопросы философіи и психологіи, подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Книга 3-я. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гнѣдичъ, П. П. Новые разсказы. 2 т. Спб. 1890 г. Ц. кажд. т. по 1 р.

Гольстенъ, В., д-ръ. Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры въ домахъ и семьяхъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Здекауера. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Григорова, Е. Магометъ. Для юношескаго возраста. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Грингмутъ, В. Нашъ классицизмъ. М. 1890 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889 г. Ц. 65 к.

Джаншіевъ, Гр. По поводу новой организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. М. 1890 г. Ц. 20 к.

— Перлъ Кавказа. (Боржомъ-Абасъ-Туманъ-Зекаръ). Впечатлѣнія и мысли

туриста. Изд. 3-е, значит. дополн. М. 1890 г. Ц. 75 к.

*) **Екатерина II, императрица.** Избранныя сочиненія. Книжка первая (Дешевая библіотека). Спб. Ц. на веленев. бум. 30 к.

Ермемскій, А. К. Самоучитель фотографіи на броможелатинныхъ пластинкахъ и хлоросеребряной бумагѣ. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Ивановъ, П. Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ. Съ предислов. проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ 1890 г. Ц. 40 к.

Иловайскій, Д. И. По поводу пересмотра гимназическихъ программъ. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Исаченко, В. Л. Гражданскій процессъ. Практическій комментарій на 2-ю книгу Устава Гражданскаго Судопроизводства. Т. I. Вып. I-й. Минскъ. 1890 г. Ц. 1 р. 70 к.

*) **Историческая портретная галлерея.** Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1800 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXV. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Ишимова, А. Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей, 3 части. Изданіе 6-е, исправл. Спб. 1890 г. Ц. за 3 ч. 3 р. 50 к.

*) **Кайгородовъ, Д.** „Изъ царства пернатыхъ". Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. I. Спб. Ц. вып. 75 к.

Кандинскій, В. Х. Къ вопросу о невмѣняемости. М. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Карское море и его торговое значеніе. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Касань, А. Руководство къ рисованію акварелью. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коншинъ, М. Н. Дополненіе 1-е ко 2-му изданію Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Корнигъ, Т. Г. Гигіена цѣломудрія. Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Крафтъ-Эбингъ, д-ръ. Учебникъ психіатріи. 2-е русское изданіе. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Кругловъ, А. На исторической рѣкѣ. (Путевые негативы). 1. Женскій Аѳонъ.— 2. Вечевой городъ. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Кугель, А. Безъ заглавія. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кунцевичъ, А. Учебникъ ариѳметики. Краткій систематическій курсъ. Новгородъ. 1890 г. Ц. 75 к.

— Руководство ариѳметики. Полный систематическій курсъ. Новгородъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Ламанскій, Владиміръ. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. (1812 — 1880). М. 1890 г. Ц. 60 к.

Латкинъ, Н. В. Красноярскій округъ Енисейской губ. Очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Лебеда, Л. Молодецъ-конь. Разсказъ-быль, съ рисунками Н. С. Самокиша. Издан. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 10 к.

Лурье, О. Д. Народныя читальни. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Майеръ, В. Задачи химіи нашего времени. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Мальцовъ, П. И. Справочная книга для инженеровъ, механиковъ и строителей. Издан. 2-е, переработ. Ч. II. Построеніе машинъ. М. 1890 г. Ц. 2 р. 25 к.

— Тоже ч. III. Паровые котлы. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—1862 годахъ. Т. I. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Межовъ, В. И. Русская историческая библіографія за 1865 — 1876 включительно. Т. VIII. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Михайловъ. М. Собраніе стихотвореній. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

М—ѣевъ, П. Золотой Банкъ и его судьба. Эпизодъ изъ исторіи нашего поземельнаго кредита. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Нивинъ, А. Картинки дѣтства. Поэма. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Никитинъ, И. С. Сочиненія (Школьное изданіе). Съ портретомъ, fac-simile и біографіей, подъ редакц. С. Миропольскаго. Изд. 2-е. М. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Обручевъ, В. А. Закаспійская низменность. Геологическій и орографическій очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Парляндъ, А. А. Храмы древней Греціи. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Пинегинъ, М. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города. Съ 8-ю видами города Казани. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Погодинъ, А. Какъ живется червоннорусcамъ (быль, разсказанная Цѣневичемъ). Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

*) **Полевой, Н. А.** Повѣсть о суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Изданіе 2-е („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

— Исторія князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго. Съ портретомъ и рисунками. Изданіе 3-е. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Поповъ, Павелъ. Іуда Искаріотъ. Поэма. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Птицынъ, Вл. Этнографическія свѣдѣнія о тибетской медицинѣ въ Забайкальѣ. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Родкевичъ, инж. Опредѣленіе отверстій искусствен. сооруженій, съ таблицами пропуска воды и скоростей по уклону. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 80 к.

Ростопчина, Е. П., графиня. Сочиненія. Съ портретомъ автора. Т. I. Стихи Т. II. Проза. Спб. 1890 г. Ц. за 2 тома 5 р.

Рыкачевъ, И. В. Курсъ начальной механики для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рычинъ, Ф. И. Путеводитель по московской святынѣ. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Самаринъ, Д. Поборникъ вселенской правды. Возраженіе В. С. Соловьеву на его отзывы о славянофилахъ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Самаринъ, Ю. Ѳ. Сочиненія. Т. VIII. Окраины Россіи. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Сапуновъ, А. Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе. Витебскъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Свѣдѣнія о вновь усовершенствованномъ элементѣ „Лекланше-Барбье". Спб. Ц. 10 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ и о таможенныхъ сборахъ за 1889 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣевичъ, В. И. Лекціи по исторіи русскаго права. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Симонъ, д-ръ. Міръ грёзъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Скрягинъ, С. А. Военно-морскія дѣйствія русскаго флота сто лѣтъ назадъ, въ 1790 г. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Смирновъ, С. В. Электро-гомеопатія графа Маттеи. Издан. 7-е, значительно дополн. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Столпянскій, Н. Опытъ руководства для занятій ручнымъ трудомъ въ общеобразовательныхъ училищахъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Столыпинъ, Д. Положеніе 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ. М. 1890 г. Ц. 30 к.

*) **Терпигоревъ, С. Н.** (Атава). Разсказы. I. Въ раю.—II. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Терскій, Н. С. Питейные сборы и акцизная система въ Россіи. Историческій очеркъ и настоящее положеніе. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Турыгина, Л. Мысли о музыкѣ писателей древнихъ и новыхъ. Съ двумя гравюрами. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ. Съ 129 рисунками въ текстѣ. Т. III. М. 1890 г. Ц. 2 р. 75 к.

Тюнинъ, Н. П. Письма по расколу (за 1886—1889 г.). Вып. 1-й. Уфа. 1889 г. 3 р.

Федоровъ, Е. С. Геологическія изслѣдованія въ сѣверномъ Уралѣ въ 1884—1886 гг. Съ геологическою картою, гравюр. и политипажами. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Фейнбергъ, И. А., д-ръ. Къ діагнозу и локализаціи разстройства звуковой и письменной рѣчи. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Форштетеръ, А. Л. Дунай, какъ международная рѣка. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Черняевъ, В. В. Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. Съ рисун. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Чупровъ, А. И. и М. І. Мусницкій. Упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ хлѣбнихъ грузовъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Шрамченко, А. П. Справочная книжка Московской губерніи (описаніе уѣздовъ). М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эберсъ, Г. Іисусъ (сынъ Навина). Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Съ гравюрами. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки, ихъ примѣненіе, устройство и ремонтъ. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Эльпе. Въ чемъ сила жизни? 2-е, значительно дополн., издан. „Популярныхъ очерковъ по естествознанію". Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

*) **Эльпе.** Обиходная рецептура. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эммингаузъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе этнограф. отд. Им. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр. № 1. Подъ редакц. Н. А. Янчука. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Янжулъ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. съ подпиской на 2-й вып. 4 р.

Ярошъ, К. Н. Императоръ Николай Павловичъ. Біографическій очеркъ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 65 к.

Яхонтовъ, Іоаннъ, протоіерей. Собраніе духовно-литературныхъ трудовъ. Т. II. Съ приложен. портрета и біографіи автора. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Н. А. Лейкина.** 2) Изабелла Орсини герцогиня Браччіано. Историческій романъ **И. Фіорентини.** Переводъ съ итальянскаго **Н. А. Попова.** Гл. XXII — XXV. (Продолженіе). Съ двумя иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13